207

Инв. 138615

СОВРЕМЕННИКЪ

1859

№ X ОКТЯБРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

(На Невскомъ, домъ Завѣтнова № 58)

Стр.

I. — ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРЪ БУБЕНЧИКОВЪ. Повѣсть. **М. А. ФИЛИППОВА.** 241

II. — ОПУСТѢВШІЙ ДОМЪ. Стихотв. **А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.** . 355

III. — ЛУННОЙ НОЧЬЮ. Стихотв. **А. Н ПЛЕЩЕЕВА.** . . . 356

IV. — «Моей молоденькой сосѣдкѣ» Стихотв. **Я. П. ПОЛОНСКАГО.** 357

V. — «По горамъ двѣ хмурыхъ тучи» Стихотв. **Я. П. ПОЛОНСКАГО.** 358

VI. — ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ИПОХОНДРИКА. **П. М. КОВАЛЕВСКАГО.** 359

VII. — ОЧЕРКИ НАРОДНАГО БЫТА. — IX Бобыль. X. Обѣдъ у прикащика. XI. Дорожныя сцены. **Н. В. УСПЕНСКАГО.** 377

VIII. — ЖЕНА АВСТРІЙЦА. Изъ Берше. **П. М. КОВАЛЕВСКАГО.** 395

IX. — ПОБѢДИТЕЛЬ. (Изъ Барбье.) **П. М. КОВАЛЕВСКАГО.** 399

X. — ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ВЪ ЕВРОПѢ. Статья четвертая. **В. П. БЕЗОБРАЗОВА.** 401

XI. — ПЕНСИЛЬВАНІЦЫ И КАРОЛИНІЦЫ. (Второй разсказъ изъ путевыхъ замѣтокъ губернскаго депутата). **А. СКАВРОНСКАГО.** 473

XII. — СУЕВѢРІЕ И ПРАВИЛА ЛОГИКИ. **Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.** 503

XIII. — УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ. *№* XI. — Матеріалы для рѣшенія крестьянскаго вопроса. **Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.** 1

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XIV. — ВОПРОСЪ О СВОБОДѢ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ФРАНЦІИ. 239

XV. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — РУССКАЯ САТИРА ВЪ ВѢКЪ ЕКАТЕРИНЫ. (Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка. Соч. А. Аѳанасьева) 267

XVI. — НОВЫЯ КНИГИ: Пермскій сборникъ. Повременное изданіе. Книжка I. (357). — Русскія пѣсни, сочиненіе Александра Мыльникова (372). — Уроки Естественной Исторіи для учащихся дѣвицъ и юношества, составленные Ходецкимъ. — Естественная исторія для женскихъ учебныхъ заведеній А. Горизонтова. 377

XVII. — ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ. **А. Н. ПЫПИНА.** 385

3654 ж.

ОБЪ ИЗДАНІИ
СОВРЕМЕННИКА
въ 1860 году.

Современникъ въ 1860 году будетъ издаваться въ томъ же объемѣ, въ тѣ же сроки и тѣми же лицами, при содѣйствіи постояннаго члена редакціи Н. Г. Чернышевскаго и участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которыхъ произведенія помѣщались въ немъ въ прежніе годы; по программѣ, расширившейся въ 1859 году—введеніемъ въ журналъ **ПОЛИТИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.**

Несмотря на мнѣніе, громко раздавшееся въ прошломъ году, что всякое сколько нибудь подробное объясненіе съ публикою въ объявленіи о подпискѣ на журналъ есть шарлатанство, мы

и на этотъ разъ намѣрены поговорить съ нашими читателями о томъ, что̀ дѣлали мы въ истекающемъ году, и о предположеніяхъ нашихъ на будущій годъ: мы привыкли къ этимъ бесѣдамъ, да, можетъ быть, пріучили къ нимъ и нашихъ читателей.

Успѣхъ Современника въ 1859 году, превзошедшій ожиданія редакціи, утвердилъ ея убѣжденіе въ своевременности, популярности и дѣйствительной пользѣ того направленія, которое всегда было ей дорого и которое въ послѣднее время, при расширеніи программы журнала, она могла выразить яснѣе, чѣмъ прежде. Мы дали своимъ читателямъ много доказательствъ того, что насъ воодушевляетъ вѣра въ истинное, самобытное развитіе русскаго народа, что намъ дорого основаніе прочнаго благоденствія народнаго на началахъ строгой справедливости, и что затѣмъ нашимъ насмѣшкамъ и преслѣдованіямъ подвергаются всѣ громкія фразы, бѣдныя внутреннимъ смысломъ, всякій дуализмъ воззрѣнія, легкомысленная непослѣдовательность принятымъ началамъ и всякое увлеченіе блестящими формами, безъ надлежащаго вниманія къ сущности самаго дѣла. Читающая публика, награждая «Современникъ» самымъ лестнымъ вниманіемъ и участіемъ, доказала тѣмъ, что она понимаетъ и цѣнитъ благонамѣренность нашихъ стремленій, и это даетъ намъ силу, не обращая вниманія на частные упре-

ки, продолжать наше дѣло въ томъ же духѣ, стараясь, по возможности, высказываться опредѣленнѣе и положительнѣе. Читатели наши хорошо знаютъ, что срочный журналъ — не книга, которая можетъ сколько угодно ожидать всѣхъ формальностей, нужныхъ для ея выхода. Журналъ часто долженъ измѣнять, сокращать и даже вовсе бросать статьи для того, чтобы успѣть во время явиться въ свѣтъ (да и при такомъ образѣ дѣйствія часто приходится опаздывать). Это имѣетъ большое вліяніе на манеру изложенія журнальныхъ статей, и потому неудивительно, если и наши слова нерѣдко перетолковывались не такъ, какъ слѣдовало. Но мы рѣшились лучше подвергнуться упрекамъ людей, не знакомыхъ съ дѣломъ, нежели отказаться отъ надежды — заявленіемъ своихъ истинныхъ убѣжденій заслужить сочувствіе тѣхъ, которые могутъ быть истинно-полезными дѣятелями для благоденствія нашего отечества. Такъ будемъ мы дѣйствовать и въ слѣдующемъ году.

Неперечисляя всего, что̀ имѣемъ мы въ виду для «Современника» 1860 года, назовемъ обширное сочиненіе **И. И. КОСТОМАРОВА**

ОЧЕРКЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ,

которымъ будутъ — можно сказать безъ преувеличенія — украшены первыя книжки «Современ-

ника» на 1860 годъ, на ряду съ комедіею г. **ОСТРОВСКАГО** «Сонъ на Волгѣ» и повѣстью **ЩЕДРИНА** (М. Г. Салтыкова). **И. С. ТУРГЕНЕВЪ** также обѣщалъ «Современнику» новое свое произведеніе. Повѣсть **А. ПОТѢХИНА**, повѣсть **Н. СТАНИЦКАГО**, повѣсть **ПАНАЕВА**, стихотворенія **АПУХТИНА**, **ПОЛОНСКАГО**, **НЕКРАСОВА**, стихотворенія и повѣсть **ПЛЕЩЕЕВА**, повѣсть **СЕЛИВАНОВА**, романъ и повѣсть **В. ЕЛАГИНА**, романъ **Н. МАКАРОВА** — вотъ еще матеріалы, имѣющіеся покуда въ редакціи для послѣднихъ книжекъ нынѣшняго и первыхъ слѣдующаго года. Вообще читателямъ извѣстно, что, несмотря на возрастающую конкурренцію другихъ журналовъ, «Современникъ» до сихъ поръ незатруднялся въ пріобрѣтеніи лучшихъ произведеній русскихъ писателей и, къ счастію, не имѣетъ причинъ затрудняться на будущее время.

Въ нынѣшнемъ году редакція сознаетъ за «Современникомъ» недостатокъ постоянной хроники общественной жизни русской и европейской. Но, занятая до сихъ поръ преимущественно заботою объ опредѣленіи и выясненіи своихъ общихъ воззрѣній (въ политическомъ и критическомъ отдѣлахъ журнала), она встрѣчала постоянныя затрудненія въ приложеніи ихъ къ обсужденію частныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ рус-

ской и иностранной общественной дѣятельности. Представлять же читателямъ простой перечень новостей, т. е. дѣлать сшивки и перепечатки изъ газетъ, «Современникъ» считалъ совершенно безполезнымъ и излишнимъ. Но, во всякомъ случаѣ, на будущее время этотъ отдѣлъ журнала обратитъ на себя особенную заботу редакціи, и мы надѣемся со всѣми важнѣйшими явленіями русской и европейской жизни постоянно знакомить читателей посредствомъ отдѣльныхъ статей.

Въ отдѣлѣ Критики и Библіографіи, не ограничиваясь разборами вновь выходящихъ русскихъ книгъ, мы будетъ помѣщать обозрѣнія любопытныхъ почему либо статей русскихъ журналовъ и статьи о замѣчательныхъ новыхъ произведеніяхъ иностранныхъ литературъ.

Статьи по крестьянскому вопросу, пріостановленныя нами въ послѣднее время вслѣдствіе недостатка дальнѣйшихъ данныхъ въ развитіи этого вопроса, будутъ продолжаться, по мѣрѣ открытія въ немъ новыхъ явленій, которыя будутъ предоставлены литературному обсужденію.

Такимъ образомъ, составъ «Современника» въ 1860 году будетъ слѣдующій:

I. Повѣсти, романы, драматическія пьесы, стихотворенія, статьи по части наукъ и искусствъ, русскихъ и иностранныхъ писателей.

II. Статьи по Крестьянскому вопросу.

III. Современное обозрѣніе, въ которое войдутъ:

1) Критика и Библіографія новыхъ книгъ и замѣчательныхъ журнальныхъ статей.

2) Политическое обозрѣніе, соединяющее въ себѣ: а) историко-политическіе очерки, объясняющіе настоящее положеніе европейскихъ государствъ; б) текущія политическія извѣстія.

3) Мелкія статьи, касающіяся современныхъ явленій русской жизни и науки (*).

4) Замѣтки о петербургской жизни.

5) Иностранныя извѣстія.

(*) Такъ какъ не всѣ явленія этого рода заслуживаютъ обсужденія серьёзнаго, а между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе по своей оригинальности, то редакція «Современника» предположила касаться такихъ явленій въ юмористической формѣ, отдѣляя иногда для этого въ своемъ журналѣ по нѣскольку страницъ, подъ названіемъ **СВИСТОКЪ**. Эти замѣтки время отъ времени будутъ продолжаться и въ слѣдующемъ году, несмотря на негодованіе пуристовъ, утверждающихъ, что насмѣшливый тонъ неприличенъ серьёзному журналу, и ставящихъ намъ въ примѣръ Revue des deux Mondes, въ которомъ нѣтъ ничего подобнаго. Единственная уступка, которую мы можемъ сдѣлать такимъ господамъ, состоитъ въ покорнѣйшей просьбѣ — не разрѣзывать страницъ «Свистка»!

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ конторѣ «Современника», на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова дворца, въ домѣ Завѣтнова, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ «Современника», на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годовое изданіе «Современника» въ С.-Петербургѣ безъ доставки: *пятнадцать руб. сер.*, съ пересылкою: *шестнадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.*

И. ПАНАЕВЪ.
Н. НЕКРАСОВЪ.

См. на оборотѣ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 24 сентября 1859 года.
Ценсоръ *С. Палаузовъ*.

ОТЪ РЕДАКЦІИ «СОВРЕМЕННИКА».

При 1 нумерѣ «Современника» на 1860 годъ разошлется гг. подписавшимся на этотъ журналъ безденежно, въ видѣ приложенія, особая книжка, подъ заглавіемъ:

ИСТОРИЧЕСКІЯ И СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

О ВСѢХЪ НЫНѢ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

Книжка эта будетъ объемомъ отъ 7 до 10 листовъ, формата «Современника». Въ ней, въ краткихъ историческихъ очеркахъ, будетъ объяснено, вслѣдствіе какихъ политическихъ событій и династическихъ перемѣнъ, образовались всѣ существующія нынѣ государства и республики въ ихъ настоящемъ составѣ. Кромѣ того, въ этой книжкѣ будутъ находиться статистическія и политико-экономическія свѣдѣнія о каждомъ государствѣ и о каждой республикѣ, какъ-то: о пространствѣ территорія, о числѣ жителей, о раздѣленіи ихъ по племенамъ и по вѣроисповѣданіямъ, о государственныхъ доходахъ и расходахъ, о сухопутныхъ и морскихъ силахъ и т. п.

При такомъ содержаніи упомянутой книжки, она можетъ употребляться съ пользою не только при чтеніи политическихъ статей и извѣстій, но и служить для разныхъ справокъ касательно исторіи и статистики, тѣмъ болѣе, что до настоящаго времени у насъ не имѣется еще книги такого рода.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 21 октября 1859 года.

Ценсоръ *Д. Мацкевичъ*.

ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРЪ БУБЕНЧИКОВЪ.

ГЛАВА I.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЪѢЗДЪ ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРА БУБЕНЧИКОВА ВЪ ГОРОДЪ ПРИМОРСКЪ.

Покойные піиты: Херасковъ, Петровъ и Сумароковъ (царство имъ небесно!...) иначе не начинали своихъ поэмъ, какъ возгласомъ: «пою!». Напримѣръ:

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Поправшу власть татаръ и иго дерзновенно....

Такое вступленіе очень мило! Чѣмъ оно хуже начала нашихъ повѣстей и романовъ, обыкновенно начинающихся описываньемъ какого нибудь будуара, гостиной, или какого нибудь городка, въ царствованіе царя Гороха? На мой взглядъ, — оно даже лучше! По крайней мѣрѣ, безъ всякихъ околичностей, прямо *поетъ* о дѣлѣ.... А то всѣ эти описанія павильоновъ, будуаровъ и гостиныхъ, въ которыхъ идеальныя красавицы съ неслыханными физическими и нравственными совершенствами фантазируютъ о томъ, какъ приставить рога своимъ мужьямъ.... правду-истину сказать, до тоски надоѣли! При всей своей поэтичности, они производятъ иной разъ въ душѣ такое непоэтическое настроеніе, что только вздохнешь да подумаешь: Боже

всемогущій! почему бы и нашимъ поэтамъ и сочинителямъ не начинать своихъ поэмъ такъ, какъ ихъ начинали Херасковъ, Петровъ, Сумароковъ и прочая честная компанія?...

И въ самомъ дѣлѣ, читатели, не лучше ли и намъ, гражданамъ XIX вѣка, какъ выражается одинъ мой знакомый, начать *пѣть* своихъ героевъ?

О! зачѣмъ я не родился поэтомъ! Я бы первый звучнымъ александрійскимъ стихомъ воспѣлъ моего Бубенчикова!... Попытаться развѣ?... Нѣтъ? не унижу искусства — и начну разсказъ мой, по мѣрѣ данныхъ мнѣ силъ, шероховатой и презрѣнной прозой; впрочемъ, безъ всякихъ поэтическихъ вступленій и описаній.

Вотъ извольте слушать.

Въ городѣ Приморскѣ грязь по колѣно, хотя на дворѣ стоитъ іюнь. Не вѣрите такому диву,—поѣзжайте и вы убѣдитесь, что этотъ городъ—чудо изъ чудесъ... подымется пыль—и море, разстилающееся у его подножья, становится сѣрымъ, и буквально—на морѣ пыль; или польетъ дождь—и вы тонете на его улицахъ въ лужахъ, въ особенности на базарныхъ площадяхъ. Въ этомъ-то миломъ и поэтическомъ городѣ, на одной изъ его неглавныхъ улицъ, стоитъ хорошенькій домикъ; близь него хлопочутъ квартальный надзиратель—худенькій, рыженькій, съ медалью за турецкую кампанію, и два полицейскихъ солдата: квартальный на всѣ лады и манеры бранитъ и грязь и городъ, солдаты лопатами прочищаютъ улицу.

— Отъ этой грязи просто хошь вонъ бѣги!... начинаетъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ товарищу.

— Чтобъ ей, проклятой, сквозь землю провалиться! отвѣчаетъ флегматически другой.

Въ это время на клячѣ, запряженной въ ветхую повозчёнку, ѣдетъ оборванный жидокъ.

— Куда лѣзешь, жидюга? для тебя что ли чистимъ улицу? кричитъ ему грозно солдатъ, начавшій разговоръ, — и энергически грозитъ ему лопатой.

Жидокъ останавливаетъ клячу и сквозь носъ говоритъ:

— Кудазе ѣхать? — сюдой шляхъ для всихъ.

— Развѣ не знаешь, жидюга, палицмѣстера ждемъ!—ему фатеру готовимъ.

— Палицмѣстера?... восклицаетъ вопросительно жидокъ, быстро поворачиваетъ въ-обратную и начинаетъ хлестать клячу

изо всѣхъ силъ; но кляча, какъ разумное животное, понимая, что если она на этотъ разъ побѣжитъ, то ея владѣлецъ и въ другой разъ пожелаетъ повторенія того же самого, въ дипломатической своей рѣшимости, упорно стала—и ни съ мѣста. Жидокъ встаетъ на ноги и начинаетъ ее хлестать на всѣ бока; квартальный бранится; полицейскіе солдаты шумятъ... Вдругъ, о ужасъ! коляска, запряженная шестерней, несется во всю прыть и форрейторъ почти наѣзжаетъ на бѣднаго еврея.

Изъ коляски выглядываетъ брюнетъ, въ военной фуражкѣ; квартальный бѣжитъ по грязи къ экипажу, берется подъ козырекъ и скороговоркой, картавя, говоритъ:

— Честь имѣю явиться вашему высокоблагородію: квартальный надзиратель 1-го квартала, 3-ей съѣзжей части, провинціальный секретарь Блюдолизъ. Все обстоитъ благополучно...

— Какъ все обстоитъ благополучно, когда въ грязи у васъ тонутъ люди? за городомъ вездѣ сухо, а здѣсь хоть въ лодкѣ катайся. Гдѣ моя квартира?

— Ваше высокоблагородіе, ужь двѣ недѣли, какъ мы ждемъ васъ.... Эй, вы! оттащите повозку этого жида.... дайте дорогу его высокоблагородію.

Солдаты суетятся близь повозки, отваживаютъ ее въ сторону; экипажъ новаго полиціймейстера торжественно въѣзжаетъ во дворъ его квартиры: тамъ, на порогѣ, его встрѣчаетъ старый полиціймейстеръ съ частнымъ приставомъ.

Первый изъ нихъ выше средняго роста, бѣлокурый мужчина, съ легкой просѣдью и лысиной; форменный сюртукъ на немъ поистасканный. Второй — толстый, съ распухшимъ краснымъ лицомъ и маленькими сѣрыми глазами.

Новый полиціймейстеръ выходитъ изъ коляски и протягиваетъ старому руку.

— Имѣю честь рекомендоваться штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи *** полка Бубенчиковъ.

— Имѣю честь рекомендоваться, прерываетъ его старый полиціймейстеръ: — вашъ предмѣстникъ, полковникъ Шлагенштокъ. Поздравляю васъ съ пріѣздомъ.... Слава Богу, что благополучно къ намъ прибыли.... Съ какимъ петерпѣніемъ я васъ ждалъ.... Рекомендую вамъ пристава 3-ей части Свинорылова.... Вы вѣрно устали съ дороги: я приготовилъ обѣдъ, самоваръ.... что̀ прикажете?...

— Я бы чаю напился.... съ дороги жажда.... Наши станціи никуда не годятся: если изъ города не возьмешь запасовъ провизіи, можно умереть съ голоду. Одинъ только несчастный самоваръ застаёшь и то страшно изъ него пить чай—можно отравиться: по нѣскольку лѣтъ онъ не лудится.

— Точно такъ-съ, отвѣчаетъ съ сладенькой улыбкой приставъ.

— Гмъ! произноситъ многозначительно Шлагенштокъ и выразительнымъ жестомъ приглашаетъ Бубенчикова въ столовую.

Здѣсь на кругломъ ясеновомъ столѣ шипитъ самоваръ; секретарь полиціи, высокій мужчина, въ синихъ очкахъ, суетится близь него, принявъ на себя обязанность хозяйки.

— Рекомендую вамъ секретаря полиціи г. Шпака. Онъ на сегоднишній день у васъ хозяйка, произноситъ съ нѣкоторою торжественностью Шлагенштокъ.

— Очень благодаренъ, отвѣчаетъ Бубенчиковъ.

А Свинорыловъ при этомъ улыбается такъ умильно и облизывается точно котъ, нахлебавшійся густыхъ сливокъ,—какъ будто его высокоблагородіе сказалъ удивительно умную вещь! Бубенчиковъ садится за столъ, беретъ съ видимою усталостью стаканъ и, прихлебнувъ изъ него, обращается къ Шлагенштоку.

— У васъ все готово къ сдачѣ должности?

— Все какъ съ иголочки: дѣла всѣ въ порядкѣ, вѣдомости готовы, все хозяйство въ порядкѣ.

— Такъ я могу сегодня или завтра вступить въ должность?

— Какъ угодно.

Бубенчиковъ, обращаясь къ секретарю:

— Потрудитесь написать предложеніе полиціи о вступленіи мною завтра же въ должность. А вы, полковникъ, завтра же сдадите мнѣ хозяйство; пожарная команда у васъ въ исправности?

— Какъ съ иголочки: лошади немного устарѣли; брантсъ-бои ветхи; но они отмѣнно хорошо дѣйствуютъ.

— Завтра посмотримъ.

Бубенчиковъ бросаетъ серьёзный взглядъ на Шлагенштока и пораженъ тѣмъ, что его предмѣстникъ насупился и кусаетъ кончики своихъ жесткихъ усовъ; отъ него переноситъ свой взоръ къ Свинорылову и Шпаку: первый снова сильно облизывается, а второй принялъ мрачное выраженіе и трагическую позу. «Что нибудь нечисто», подумалъ Бубенчиковъ:—«вѣроятно пожарная

команда въ сильномъ безпорядкѣ»; обращаясь къ Шлагенштоку, эту мысль онъ перефразировалъ слѣдующимъ образомъ:

— Здѣсь должна бы быть отличная пожарная команда: городъ имѣетъ столько средствъ, столько доходовъ...

— Текъ-съ, отвѣчаетъ Шлагенштокъ,—но ремонту мало отпускаютъ; поживете, увидите.

Скрипъ пера секретаря, пишущаго предложеніе полиціи, обращаетъ на себя вниманіе присутствующихъ; Бубенчиковъ подымается съ мѣста, подходитъ къ нему и говоритъ отрывисто:

— Пишите, что, по распоряженію высшаго начальства, я назначенъ сюда для исправленія полиціи; пишите бумагу погрознѣе.

— Слушаю-съ, отвѣчаетъ секретарь и подымаетъ на носу такъ высоко очки, что чрезъ нѣсколько минутъ вынужденъ ихъ опустить.

— Развѣ г. министръ мною недоволенъ? флегматически спрашиваетъ Шлагенштокъ.

— Не вами, а полиціею. Его высокопревосходительство, при моемъ отъѣздѣ, изволилъ благосклонно мнѣ сказать: «вы принимаете полицію, гдѣ нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка,—преобразуйте ее; приставовъ и квартальныхъ смѣните».

При этомъ онъ бросаетъ на Свинорылова грозный взглядъ, имѣющій слѣдующій смыслъ: ничтожный смертный, захочу—и уничтожу тебя. Свинорыловъ краснѣетъ, пыхтитъ, сморкается и кашляетъ.

Бубенчиковъ начинаетъ ходить быстро взадъ и впередъ по комнатѣ; Шлагенштокъ даетъ правой рукой разныя направленія своимъ усамъ: то закручиваетъ ихъ торчмя, то внизъ, то старается захватывать ихъ губами; а покраснѣвшая его лысина доказываетъ, что онъ взволнованъ. Секретарь пишетъ бумагу такъ шибко, какъ будто его кто нибудь гонитъ въ шею; скрипѣніе его пера съ каждой секундой усиливается все болѣе и болѣе; наконецъ, достигнувъ фортиссиме, скрипѣніе вдругъ замолкаетъ: перо съ быстротою молніи появляется за ухомъ секретаря, который подымается и читаетъ:

«Приказомъ отъ 1 мая сего года, за № 5,000,000, я назначенъ въ должность полиціймейстера въ Приморскъ; прибывъ сего числа къ мѣсту моего назначенія, я завтра вступаю въ отправленіе моей должности. Вслѣдствіе сего предлагаю оной полиціи: на завтрашнее число, къ 8 часамъ утра, сдѣлать завися-

щее распоряженіе, чтобы всѣ чины оной полиціи явились къ тому времени въ ея присутствіе. Къ сему присовокупляю, что завтра будутъ осмотрѣны мною всѣ дѣла и хозяйство полиціи, и буде я найду какой либо безпорядокъ, взыщу съ виновныхъ по всей строгости законовъ, ибо я присланъ сюда для исправленія полиціи».

Прочитавъ это краснорѣчивое посланіе, секретарь окидываетъ присутствующихъ торжествующимъ взоромъ.

— Хорошо, сказалъ Бубенчиковъ.—Перепишите на бѣло; я подпишу и вы отправите эту бумагу немедленно въ полицію.

Въ это время Шлагенштокъ подмигнулъ секретарю и частному приставу, чтобы они удалились.

Приставъ, вытянувъ свою толстую фигуру, обратился къ Бубенчикову:

— Никакихъ нѣтъ-съ приказаній?

— Никакихъ, отвѣчалъ тотъ сухо и поклонился ему.

Приставъ, раскланиваясь, лѣвой ногой шаркнулъ назадъ, а правую граціозно согнулъ: эту честь оказывалъ онъ только начальству, и чѣмъ выше было лицо, тѣмъ болѣе правая нога его принимала дугообразное положеніе и тѣмъ сильнѣе было шарканье лѣвой. Секретарь въ свою очередь взялъ фуражку и объявилъ, что онъ немедленно сбѣгаетъ домой и сію же *минуточку* перепишетъ бумагу на-бѣло. Они уже хотѣли выйти, но Бубенчиковъ возвратилъ пристава.

— Я хочу васъ просить, сказалъ онъ,—отыскать сейчасъ же господина Искрина; года два тому назадъ онъ выѣхалъ сюда изъ Петербурга и, кажется, занимается частными дѣлами.

— Я его отыщу сейчасъ же, отвѣчалъ приставъ и быстро ушелъ.

Когда Шлагенштокъ остался глазъ на глазъ съ Бубенчиковымъ, ему хотѣлось излить свое сердце предъ своимъ намѣстникомъ, т. е. сказать ему: дружище, не бери съ меня ни копѣйки; хотя пожарная команда у меня дрянь, зато денежки мои такія миленькія: такъ жаль съ ними разстаться! Подъ вліяніемъ этой трагической мысли, Шлагенштокъ произнесъ отрывисто «тексъ» и закрутилъ энергически усы; Бубенчиковъ остановился противъ него съ вопросительнымъ взглядомъ.

— Тексъ, повторилъ Шлагенштокъ:—вотъ вы къ намъ пріѣхали, по распоряженію высшаго начальства.... А полковникъ

Кулаковъ сильно надѣялся получить мое мѣсто; онъ даже нанялъ квартиру, обзавелся, перевезъ семейство. Тексъ, тексъ!

— Я не виноватъ: меня сюда назначили.... Я и незнакомъ съ господиномъ Кулаковымъ.

— Я и не обвиняю васъ.... Я только такъ говорю къ слову.... А съ губернаторомъ изволите быть знакомы?

— Нѣтъ.

— И рекомендательныхъ писемъ къ нему не имѣете?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ! воскликнулъ Шлагенштокъ и вскочилъ со стула съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто узналъ ужасную вѣсть.

— Кажется, сказалъ сухо Бубенчиковъ, назначеніе меня господиномъ министромъ въ настоящую должность — лучшая рекомендація для меня.

— Оно конечно.... я съ вами согласенъ.... но рекомендательныя письма въ этомъ случаѣ приличны.... оно знаете какъ-то трогательно: вотъ-дескать, я человѣчекъ не дерзалъ бы явиться къ вашему превосходительству, если бы не высокія особы, ваши друзья, приняли во мнѣ участіе.... Такое смиреніе очень, очень трогательно.

Шлагенштокъ гототъ былъ отъ умиленія прослезиться, но, встрѣтивъ презрительный взглядъ Бубенчикова, началъ сильно теребить свои усы.

Послѣ минутной паузы, онъ прервалъ молчаніе.

— Когда вы явитесь къ губернатору?

— Завтра утромъ, послѣ вступленія въ должность и осмотра полиціи.

— Не лучше ли вамъ прежде явиться по начальству, а потомъ заѣхать въ полицію?

— Къ чему? Своихъ обязанностей не люблю откладывать.

— Какъ угодно.

«Нѣтъ, подумалъ Шлагенштокъ, сегодня съ нимъ ничего не сдѣлаешь.... Утро вечера мудренѣй: я лучше завтра утромъ пошлю къ нему своего фактора (*).»

— Желаю вамъ заснуть хорошенько съ дороги, а завтра я буду имѣть честь васъ принять въ полиціи.

Шлагенштокъ раскланялся и ушелъ.

(*) Факторъ въ западныхъ губерніяхъ—въ Польшѣ и южной Россіи, то, что въ Великой Россіи — кулакъ.

ГЛАВА II.

БЕСѢДА ДВУХЪ ДРУЗЕЙ.

Когда Бубенчиковъ остался одинъ, ему сдѣлалось невыразимо пріятно.... наконецъ онъ, въ обѣтованномъ мѣстѣ, начальникомъ города. Мечты переносятъ его въ дѣтство, когда онъ жилъ въ этомъ самомъ городѣ.... Съ какимъ наслажденіемъ онъ бывало глядитъ на тогдашняго полиціймейстера, сидящаго верхомъ на дрожкахъ, которыя мчитъ пара вороныхъ коней, — а за ними, согнувшись къ лукѣ сѣдла, летитъ донской казакъ съ ногайкой въ рукѣ. Этотъ полиціймейстеръ — гроза и бичь всѣхъ бродягъ, воровъ и мошенниковъ; на всемъ скаку его орлиный взглядъ пронзаетъ проходящаго; онъ вдругъ останавливаетъ лошадей и встрѣтившаго его мужика отправляетъ съ ѣдущимъ за нимъ казакомъ въ полицію, гдѣ оказывается, что взятый подъ стражу мужикъ—или бродяга, или бѣглый солдатъ. Этотъ идеалъ полиціймейстера, который раздѣвался разъ въ недѣлю, когда мѣнялъ бѣлье, который не зналъ постели, — съ дѣтства преслѣдовалъ Бубенчикова, стоялъ постоянно предъ его глазами.... Съ Бубенчиковымъ въ Петербургѣ дѣлалась лихорадка, когда мимо него проскакивала пожарная команда. Какое-то трепетное чувство, въ родѣ ожиданія, овладѣвало имъ и невольный вздохъ вырывался изъ его сердца.... Наконецъ, въ этомъ же самомъ городѣ онъ сдѣланъ полиціймейстеромъ!...

— О! я надѣюсь, восклицаетъ онъ мысленно, что и я оставлю по себѣ такую же память.... дѣятельность, безкорыстіе, добросовѣстность, — вотъ мой девизъ.

Эти восторженныя его мысли были прерваны скрипомъ дверей; онъ оглянулся: предъ нимъ стоялъ высокій, полный мущина, съ чрезвычайно правильными чертами, одѣтый со вкусомъ; чорные глаза и свѣтлые волосы придавали какое-то оригинальное выраженіе его лицу.

— Искринъ!

— Бубенчиковъ!

И оба обнялись.

— Спасибо, сказалъ Искринъ:—что далъ мнѣ сейчасъ знать о своемъ пріѣздѣ. По газетамъ я узналъ о твоемъ назначеніи....

и признаться, мнѣ грустно сдѣлалось, когда я прочиталъ эту новость.... Но ты ужь здѣсь.... Слава Богу, что тебя вижу.

— Ты говоришь, тебѣ грустно сдѣлалось, когда ты узналъ о моемъ назначеніи? Мѣсто мое кажется порядочное.

— Какъ для кого, возразилъ Искринъ: — кто чего ищетъ; ты зачѣмъ пріѣхалъ сюда?

— Фронтовая служба мнѣ надоѣла и я рѣшился занять распорядительное и исполнительное мѣсто. Цѣль моя — служить и приносить пользу.

— Такъ я тебѣ совѣтую, мой другъ, не являясь даже къ начальству, вели закладывать свою коляску и возвращайся въ полкъ.

— Почему же такъ?

— Потому что ты, братецъ, по гражданской части ничего не смыслишь и пользы никакой не принесешь. Если же ты, скажи откровенно, пріѣхалъ сюда, чтобы составить себѣ состояніе, — это дѣло другое.... Казеннаго содержанія, то есть жалованья, столовыхъ и разъѣздныхъ у тебя будетъ 1,500 р.; чарочный откупъ будетъ платить тебѣ 3,000 р., продовольствіе и отопленіе полиціи дастъ тебѣ 1,000 р., — вотъ тебѣ постояннаго дохода 5,500 р. О другихъ не постоянныхъ доходахъ, которыхъ наберется столько же, а можетъ быть и болѣе, умалчиваю.

— Какіе же существуютъ здѣсь не постоянные доходы?

— Смѣни всѣхъ приставовъ, по одиночкѣ, а у тебя ихъ — 5 въ частяхъ, 3 въ присутствіи,—и тебѣ заплатятъ за каждое мѣсто отъ 300 до 1,000 рублей.... Кромѣ этого, ты можешь имѣть оброкъ съ трактировъ и чайныхъ заведеній, а ихъ въ городѣ до 200; считай по 10 р. съ каждаго, это составитъ — 2,000 р....

— Послушай....

— Нѣтъ, ты слушай дальше: здѣсь до 300 погребовъ....

— Послушай, Искринъ, не черезчуръ ли ты *залепортовался*, какъ говорятъ наши солдаты.

— Постой, дружище, я еще не кончилъ; оброкъ твой простирается еще на пожары и всѣ спорныя, контрактныя дѣла....

— Ты, Искринъ, наговорилъ мнѣ три короба разной всячины, — объясни хоть все послѣдовательно.

— Изволь, мой другъ, только у меня горло пересохло; хотя твой самоваръ давно потухъ, но въ немъ еще станетъ столько воды, чтобы сдѣлать себѣ грогъ.... Я здѣсь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ англійскими шкиперами.... Ну, вотъ видишь—мой

грогъ готовъ.... Прохладился! Теперь продолжаю, или можетъ быть — начать систематически?

— Хорошо, начинай.

— Первая оброчная статья.... Я умалчиваю объ откупѣ и продовольствіи полиціи, такъ какъ эти доходы такъ же вѣрны, какъ твое казенное жалованье.... Итакъ, первая оброчная твоя статья—доходъ съ раздачи мѣстъ.... придраться къ полицейскому чиновнику дѣло плевое, — не исполнилъ твоего предписанія и вонъ его съ мѣста....

— Положимъ, я могу такъ поступить съ частными приставами; члены же полиціи точно такіе же члены, какъ я.

— Но ты предсѣдатель, начальникъ, а придраться не трудно.... Здѣшняя полиція чистый омутъ: сегодня поступитъ къ ней бумага и безъ ея нумера самъ чортъ ее не отыщетъ; медленность, безпорядокъ на каждомъ шагу. Съумѣй только взяться за дѣло и ты увидишь — каждый приставъ полиціи будетъ въ твоихъ рукахъ.... Вторая оброчная статья — трактиры, чайныя заведенія и погреба; въ нихъ пьютъ вино и чай солдаты, бродяги, воры; они не закрываются въ праздничные дни, во время литургіи; стоятъ открытыми до 12 часовъ ночи; въ нихъ играютъ органы; происходятъ оргіи.... Попробуй все это воспретить и денежки, какъ манна, посыплются къ тебѣ со всѣхъ сторонъ....

— За спорныя контрактныя дѣла я понимаю почему существуютъ оброки; но почему ты отнесъ пожары къ оброкамъ?

— А вотъ почему: здѣсь почти всѣ дома застрахованы; послѣ пожара нужно составить актъ о томъ, что по неизвѣстной причинѣ пожаръ *учинился*.... понимаешь?

— Понимаю только то, что я этихъ оброчныхъ статей, какъ ты ихъ называешь, имѣть не буду. Злоупотребленія, противузаконности, взяточничество буду преслѣдовать всѣми силами; я не пощажу ни здоровья, ни дѣятельности....

— Заврался, заврался, братъ!... Ха! ха! ха! прибавь еще долгъ, совѣсть, честь!... Это очень трогательно и идетъ во время страстнаго изъясненія въ любви....

— Клянусь тебѣ этими эполетами, этой саблей, которую я заслужилъ въ Венгерскую кампанію!...

— Тише! тише! не горячись.... Ты откажешься отъ жалованья съ откупа? Прекрасно, благородно! Но дѣло въ томъ, что въ кабакахъ будутъ по прежнему производиться безчинія, будетъ продаваться таже самая гадкая, вонючая, жгучая водка, по преж-

нему они не будутъ закрываться раньше полуночи, будутъ торчать рядомъ съ церквами, и въ то время, какъ тамъ будетъ происходить божественная служба, въ кабакахъ будетъ пѣть пьяная сволочь гадкія пѣсни....

— О! я этого не допущу, — я ихъ запечатаю.

— Ты послѣ этого и одного дня не усидишь на мѣстѣ....

Бубенчиковъ грустно опустилъ голову и нахохлился.

— Ты, быть можетъ, энергически продолжалъ Искринъ, думаешь отказаться отъ дохода съ отопленія, освѣщенія и продовольствія полиціи? Это было бы честно и благородно, да дѣло въ томъ, что ты казнѣ не принесешь никакой существенной пользы. Всѣ эти предметы отдаются думою, съ торговъ, подрядчикамъ, а эти послѣдніе съ своей ужь стороны платятъ полицій-мейстерамъ дань. Значитъ — ты подрядчикамъ принесешь пользу, а не казнѣ. Относительно же погребовъ, трактировъ, чайныхъ и другихъ заведеній, необходимыхъ холостякамъ.... понимаешь.... ты пока можешь не безпокоиться! Они поручены вѣдѣнію одного чиновника, и нѣкоторые изъ нихъ состоятъ подъ непосредственнымъ его покровительствомъ....

— У тебя, Искринъ, презлой языкъ.

— Злой! возразилъ Искринъ и, съ азартомъ засучивъ рукава, ударилъ по столу:—познакомлю тебя съ господами, съ которыми я къ несчастію два года долженъ былъ жить, имѣть дѣла, вертѣться въ одномъ кругу.... Поживешь здѣсь — увидишь, насладишься лицезрѣніемъ разныхъ гадовъ, въ образѣ человѣка. Злой?... Слушай, начну съ главнаго *. Пустѣйшій человѣкъ!... всѣмъ ворочаетъ его жена, Ольга Ѳедоровна, старая беззубая кокетка, и ея любовникъ, косоглазое пугало, Мунштучковъ. Когда ни придешь, вѣчно торчитъ у окна и барабанитъ по стеклу...

— Что̀ это за личность?

— Бывшій сослуживецъ губернатора, теперь—обѣ руки его жены: чрезъ него все сдѣлаешь.... Но подлецъ первой руки.... ябедникъ, плутъ, словомъ, все—что̀ хочешь. Предсѣдатель коммерческаго суда....

— Что жь ты правителя канцеляріи губернатора пропустилъ?

— Онъ ничего не значитъ,—это пресмыкающееся.... Итакъ, предсѣдатель коммерческаго суда изъ грековъ,—хитрая штучка, увѣряющая всѣхъ въ своей добросовѣстности, но въ сущности отъявленный взяточникъ, христопродавецъ.... Прокуроръ никого

не принимаетъ, нигдѣ не бываетъ, кромѣ театра и бульвара: чтобы не говорили, что онъ беретъ; и дѣйствительно, онъ въ долгахъ.... Но дѣло въ томъ, что въ городѣ нѣтъ прокурора: онъ безгласенъ и нѣмъ, какъ рыба, и если ему удастся иногда показать жизнь, ему самому становится совѣстно....

Строительный комитетъ раздѣляется на двѣ категоріи: гласныхъ и безгласныхъ; къ первымъ относятся всѣ чиновники и члены отъ казны; ко вторымъ — члены отъ купечества. Первые мостятъ городъ, вмѣсто щебня, — глиной; деруть съ живаго и мертваго; вторые, какъ козлы, сидятъ въ присутствіи, сладенько улыбаются его превосходительству, господину губернатору, сидятъ на кончикахъ своихъ стульевъ и безъусловно подписываютъ журналы.... Посмотри на улицу: теперь іюнь на дворѣ, а грязь по колѣно.... Былъ случай, что наша главная улица была вымощена; на другой день пошелъ дождь и весь щебень разлѣзся и разплылся.... А сколько денегъ ежегодно жертвуется на эти мостовыя! Лѣтъ 20 тому назадъ, здѣсь хотѣли вымостить городъ мальтійскимъ камнемъ; суда, проходя чрезъ Мальту, могутъ его брать вмѣсто балласта и за безцѣнокъ онъ можетъ быть сюда доставленъ. Чтожь ты думаешь? Сдѣлали опытъ, — вымостили цѣлую улицу; она и была какъ паркетная; потомъ не ремонтировали ее 15 лѣтъ; разумѣется, плиты разшатались, начали трещать и ломать экипажи; поэтому рѣшили, что мальтійскій камень ни къ чорту не годится, т. е., другими словами, что съ него нѣтъ дохода.

— А дума что? Неужели она молчитъ?

— Ктожь тебѣ говоритъ?... Экой ты, чудакъ! вотъ нашелъ святыхъ!... Градской глава, почтенный иностранецъ, подписывающій очень красиво свою фамилію по французски или англійски, имѣющій великолѣпную дачу, пьющій за столомъ, вмѣсто воды, по двѣ бутылки чистаго хереса, — мститъ городъ экономическимъ образомъ, т. е., деньги кладетъ себѣ въ карманъ, а мы хоть головы ломай себѣ. Бываютъ случаи, что экипажъ осенью завязнетъ въ грязи, потомъ прихватитъ его морозомъ и онъ нѣсколько дней стоитъ посреди улицы.

— Но главныя улицы по крайней мѣрѣ вымощены?

— Да, въ особенности близъ полиціи.... тамъ въ прошлую осень образовался провалъ, — погребъ провалился. Нужно тебѣ сказать, здѣсь весь городъ стоитъ на минахъ и погребахъ; первое землетрясеніе и страшныя бѣдствія могутъ обрушиться на го-

родъ.... Но я отступилъ отъ моей темы.... Секретарь думы, очень умный человѣкъ, только промаха не дастъ: вымогать—не вымогаетъ, но рыбку въ мутной водѣ поймаетъ; живетъ скромно и солидно; отличный семьянинъ. Зато его правая рука, господинъ Взяточниковъ—антихристъ изъ антихристовъ.... Представь себѣ, рябая морда, съ подлѣйшимъ лисьимъ выраженіемъ, шмыгающая по канцеляріи Думы и вынюхивающая, гдѣ пахнетъ деньгами. Даетъ ли городъ балъ — онъ распорядитель; а тамъ смотри къ нему тащутъ на квартиру и стеариновыя свѣчи и конфекты и вино; раздаетъ ли городъ солдатамъ закуску, — къ нему тащатъ пироги, водку. Съ базара у него все даромъ: съ самой послѣдней торговки яйцами или молокомъ — онъ что нибудь да возьметъ. Явись только въ думу съ какимъ нибудь дѣломъ, онъ или сдеретъ съ тебя, или испортитъ дѣло. Всѣ оцѣнки по откупамъ у него въ рукахъ, словомъ — онъ въ своемъ дѣлѣ всемогущъ. Бухгалтеръ думы также замѣчательная личность.... Онъ изобрѣлъ способъ, считая деньги, пріобрѣтать ихъ, — наука до настоящаго времени никому неизвѣстная; въ теченіи 10-лѣтней своей службы, получая рублей 500 содержанія, онъ построилъ себѣ домъ въ 100 тысячъ рублей.

— Въ чемъ же заключаются доходы думскихъ чиновниковъ?

Искринъ всталъ съ своего мѣста и началъ считать по пальцамъ:

— *Primo* — подряды; *secundo* — оброчныя статьи....

— Какіе же подряды у нихъ въ рукахъ?

— Продовольствіе всѣхъ городскихъ командъ, отопленіе и освѣщеніе городскихъ зданій, которыхъ здѣсь безчисленное множество. Оброчныя же статьи заключаются въ лавкахъ на базарныхъ площадяхъ и участкахъ городской земли. Но главнѣйшій доходъ думы, или, лучше сказать, ея жатва — это три предмета: 1) оцѣнка домовъ на откупа; 2) народная перепись или ревизія; 3) рекрутскій наборъ.... Вотъ гдѣ есть разгуляться.... Дома оцѣняются въ три-четыре раза выше своей стоимости; при ревизіи записываются въ мѣщане тысячи бродягъ; а при рекрутскомъ наборѣ бѣдные и беззащитные отдуваются за зажиточныхъ мѣщанъ.

Искринъ замолкъ, подошелъ къ чайному столу, допилъ свой стаканъ грогу и задумался.... Бубенчиковъ сдѣлался грустенъ и серьёзенъ: онъ былъ похожъ въ это время на негоціанта, считаю-

щаго себя милліонеромъ, какъ вдругъ приходитъ его бухгалтеръ и начинаетъ сводить его приходъ и расходъ, — и выходитъ, что въ общемъ итогѣ у него нуль,—но какъ человѣкъ, рѣшившійся на все, онъ началъ грызть ногти и обратился къ Искрину:

— Чтожь ты не продолжаешь?

— Грустно, очень грустно, сказалъ задумчиво Искринъ, прохаживаясь быстрыми шагами по комнатѣ.—Да, продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ:—совѣстно зайти въ присутственное мѣсто, напримѣръ, въ нашъ уѣздный судъ.... Взбираешься по грязной, узенькой, въ аршинъ, лѣстничкѣ, въ темныя сѣни, вѣчно набитыя арестантами и солдатами; отсюда входишь въ небольшую душную комнату — гражданское отдѣленіе суда. За столомъ, по правую руку, сидитъ господинъ въ синихъ очкахъ, съ чрезвычайнымъ выраженіемъ лица,— это столоначальникъ; отъ него не добьешся ничего, какъ отъ камня воды; съ роднаго отца онъ бы содралъ шкуру, если бы она что нибудь стоила. Жалованья получаетъ онъ 15 р. въ треть, а жена щеголяетъ въ бархатной шубѣ.

Прямо противъ входа, за столомъ, сидитъ журналистъ, пожилой человѣкъ, сѣденькій брюнетъ, кланяющійся всѣмъ просителямъ и посѣтителямъ и просящій у нихъ на чай, при ихъ уходѣ; рядомъ съ нимъ сидитъ писецъ гражданскаго стола, съ краснымъ пятномъ на лицѣ, торгующійся съ просителями за составленіе доклада и не приступающій иначе къ занятіямъ, какъ прежде получивъ задатокъ.

Изъ этой комнаты входишь въ другую — крѣпостное отдѣленіе; здѣсь никто не вымогаетъ: просители сами даютъ сколько привыкли давать, смотря по своему состоянію и дѣлу. Отсюда вступаешь ты въ святилище суда — въ присутствіе. Судью никогда не застанешь; зато присутствіе освѣщается краснымъ носомъ старшаго засѣдателя: у этого человѣка ничего нѣтъ, кромѣ носа; поговори съ нимъ о дѣлѣ и онъ, поднявъ глаза къ небу, скажетъ:

— Боже мой! Боже мой! Мы многогрѣшны.... Сколько дѣлъ, сколько дѣлъ!... За арестантскія дѣла — правленіе прислало нарочнаго.... День и ночь работаемъ.... Ужь вы въ канцеляріи не хлопочите; пусть внесутъ докладъ, — что совѣсть мнѣ велитъ— все сдѣлаю....

Ты начинаешь имѣть *хожденіе* къ столоначальнику въ синихъ очкахъ; пока не сунешь ему красненькую, онъ и не повернетъ

къ тебѣ головы,—уткнетъ носъ въ бумагу и скрипитъ перомъ.... Ходишь день, ходишь другой; надоѣстъ тебѣ эта исторія и трахнешь своимъ карманомъ: тутъ лицо столоначальника разъясняется, при твоемъ входѣ въ канцелярію, онъ ужь протягиваетъ руку, но все таки кормитъ тебя завтраками. Наконецъ онъ подалъ въ присутствіе докладъ. Ты отправляешься туда въ полной увѣренности, что красноносый засѣдатель исполнитъ твою просьбу, и дѣйствительно—онъ клянется тебѣ всѣми святыми, что на его совѣсти лежитъ твое дѣло; но послѣ двухъ, а иногда и шестимѣсячнаго *хожденія* къ нему, ты обращаешься снова къ столоначальнику и спрашиваешь его совѣта.

— Подмажьте, говоритъ онъ: — и повезетъ повозка.

Отправляюсь вечеромъ, въ ужасное ненастье къ нему на квартиру; онъ живетъ въ собственномъ домѣ, у чорта на куличкахъ, въ глухомъ переулкѣ. Стучу цѣлый часъ въ калитку и ворота; наконецъ сиплый женскій голосъ спрашиваетъ:

— Какой тамъ чортъ стучитъ?

— Отворите. Господинъ засѣдатель дома?

— Дома.

Баба отворяетъ мнѣ калитку и впускаетъ меня въ грязный дворъ. Она вводитъ меня въ темныя сѣни; оттуда въ комнату, освѣщенную сальнымъ огаркомъ. Комната небольшая, убранная старою мебелью, покрытою облинялымъ и засаленымъ ситцемъ. Ничего въ комнатѣ нѣтъ; я, скуки ради, обращаюсь къ стѣнамъ, чтобы ихъ обозрѣть; они увѣшаны картинами суздальскаго издѣлія: надъ диваномъ, по лѣвую сторону, на конѣ, стоящемъ на заднихъ ногахъ, сидитъ какое–то пугало, въ красной чалмѣ, и въ зеленой римской тогѣ; сабля виситъ у этого героя до самой земли; а подпись гласитъ:

«Морѣйская гѣроинья Бубулина. Немецькыя офицѣри съ заграницы пышутъ пысьма, што сѣя женщина умомъ зѣло крѣпка, отличинной храбрости и таковаго же мужѣства».

По правую сторону виситъ нѣмецкая картина, изображающая будущую жизнь: на воздухѣ виситъ мостъ; умершіе, съ лѣвой стороны, взбираются по лѣстницѣ на мостъ; грѣшники, проваливаясь сквозь мостъ, захватываются чортомъ на крючкѣ и кидаются имъ въ костеръ; праведники же взбираются по лѣстницѣ, стоящей на мосту, прямо въ небо. Художникъ въ облакахъ представилъ рай — въ видѣ сада, гдѣ прохаживаются голые люди и между ними разныя животныя, обезьяны и свиньи.

Во время моего созерцанія, я услышалъ за собою глухой кашель; оглянувшись, я увидѣлъ предъ собою — засѣдателя; онъ былъ въ тепломъ халатѣ, въ мѣховыхъ сапогахъ и шея закутана въ полинялой шали.

— Какъ я радъ васъ видѣть! Вотъ нежданый гость!

Онъ обнялъ меня и поцаловалъ въ обѣ щеки.

— Извините, сказалъ я, съ сердечнымъ трепетомъ отъ его любезнаго пріема: — что безпокою васъ: я все хлопочу за мое нужное дѣло: пора бы его и покончить.

Да, да, пора, пора! Боже мой, Боже мой, прости мнѣ согрѣшенія.... Я сегодня цѣлый вечеръ думалъ о вашемъ дѣлѣ; сердечно хотѣлось бы его кончить.... Но знаете, казусное, запутанное, большая отвѣтственность.

— Помилуйте, что̀ можетъ быть яснѣе моего дѣла: отецъ мой умеръ, оставилъ мнѣ банковыя билеты; я единственный его наслѣдникъ; вызовъ наслѣдниковъ былъ сдѣланъ, сроки прошли.... Чего жь еще?

— Но видите ли, въ доказательство того, что вы сынъ вашего отца, вы представили метрическое свидѣтельство и указъ объ отставкѣ вашего батюшки; въ этихъ двухъ документахъ разнорѣчіе: въ метрикѣ значится онъ дворянниномъ Херсонской губерніи, а въ указѣ объ отставкѣ сказано просто «изъ дворянъ». Это важное обстоятельство, нужна справочка: мы напишемъ въ инспекторскій департаментъ и въ херсонское депутатское собраніе.... Маленько промедлится, да за то вѣрнѣе дѣло будетъ; о васъ же хлопочу.

— Спасибо за милость, отвѣчалъ я съ сжатымъ сердцемъ: — эта справка заволочитъ дѣло на два года, по крайней мѣрѣ.

— Боже мой! Боже мой! Чтожь мнѣ дѣлать? По закону, по совѣсти дѣйствую.... Мы многогрѣшны, многогрѣшны....

—Къ чему поведутъ эти справки? Откуда взялись бы ко мнѣ банковые билеты, если бы ихъ не оставилъ мнѣ отецъ? Метрика для васъ недостаточна, указъ — вздоръ, несмотря на то, что я въ немъ записанъ.

Я досталъ изъ кармана портфель, отсчиталъ двѣсти рублей серебромъ и положилъ ихъ на столъ.

—Что̀ вы! Что̀ вы! Бога не боитесь! Я не вымогаю.... Конечно я бѣдный человѣкъ.... Боже мой! Боже мой! Совѣсть моя чиста, — если беру, дѣло дѣлаю.... Отчего не взять.... Но я не вымогаю.... Я не подлецъ какой нибудь. Онъ отомкнулъ ящикъ,

быстро взялъ деньги, бережно ихъ пересчиталъ, одну надорванную ассигнацію осмотрѣлъ при свѣтѣ свѣчи, потомъ положилъ и замкнулъ ихъ въ ящикъ.

— Боже мой! Трудныя времена, люди начали страшно грѣшить, можно сказать: теперь царство діявола.

Онъ возвелъ очи свои горѣ. Мнѣ стало противно у него сидѣть; меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ; я всталъ съ мѣста, раскланялся съ нимъ, онъ проводилъ меня до самыхъ воротъ. Съ другаго же дня я снова началъ имѣть хожденіе въ судъ и дѣло кончилось тѣмъ, что чрезъ полгода мнѣ объявилъ столоначальникъ въ судѣ, что журналъ составленъ объ истребованіи справки изъ тѣхъ мѣстъ, откуда говорилъ засѣдатель. Въ отчаяньи я рѣшился написать въ докладной запискѣ сущность моего дѣла, отдать ее другому засѣдателю и просить его подать мнѣніе по моему дѣлу. Вздумалъ и сдѣлалъ; но представь себѣ мой ужасъ, когда онъ объявилъ мнѣ, что не можетъ ее прочесть, такъ какъ онъ забылъ дома свои очки; но тутъ же одинъ чиновникъ шепнулъ мнѣ на ухо:

— Вретъ, онъ просто не умѣетъ читать, грамоты не знаетъ.

Искринъ съ сердцемъ плюнулъ, схватилъ фуражку и обратился къ Бубенчикову.

— Вотъ тебѣ и засѣдатели.... До свиданья, другъ мой.

— Куда жь ты торопишься, поразскажи мнѣ еще что нибудь.

— Нѣтъ, братъ, довольно и такъ наболталъ. Поживешь, самъ на практикѣ все узнаешь.

Искринъ, пожавъ дружески руку своему пріятелю, обѣщался иногда къ нему заходить.

ГЛАВА III.

НОЧНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ БУБЕНЧИКОВА.

Когда Бубенчиковъ остался одинъ, ему, въ противуположность прежнему его состоянію, сдѣлалось грустно на сердцѣ.... И мнѣ, подумалъ онъ, придется жить и дѣйствовать между этими людьми; но тутъ мечты перенесли его въ Петербургъ, въ кругъ его знакомыхъ.... Много милыхъ лицъ промелькнуло въ его воображеніи, но одно остановилось передъ его глазами и ему каза-

лось, что оно грустно глядитъ на него.... Мечты его были прерваны приходомъ секретаря, который принесъ ему къ подписи предложеніе въ полицію о вступленіи его въ должность. Бубенчиковъ, прочитавъ бумагу, подписалъ ее; отдавая ее секретарю, онъ просилъ его сдѣлать конвертъ и отнести пакетъ въ полицію.

Когда секретарь ушелъ, Бубенчиковъ тяжело вздохнулъ и перекрестился: ему такъ тяжело сдѣлалось на сердцѣ, что онъ готовъ былъ его вернуть, отнять пакетъ, разорвать его и немедленно выѣхать изъ города, въ который онъ торопился — сломя голову. Онъ даже машинально выглянулъ изъ окна; но тутъ его развеселила слѣдующая картина: секретарь хотѣлъ по грязи перебраться чрезъ улицу и переставлялъ ноги по тропинкѣ; съ противуположной стороны въ это время переходила по этой же дорожкѣ пансіонерка; занятыя своими мыслями, оба они замѣтили другъ друга тогда только, когда стояли лицомъ къ лицу. Секретарь, какъ услужливый и вѣжливый кавалеръ, хотѣлъ уступить своей дамѣ и маневрировалъ, какъ бы благополучно отступить, не потерявъ колошъ; вдругъ, откуда ни возьмись, изъ-за угла выѣхала повозка ломоваго извощика и прямо поѣхала на нихъ; страшась быть обрызганною, пансіонерка быстро отступила, набравъ полные башмаки грязью; тутъ она сдѣлала прыжокъ и одна нога застряла у нея по колѣно въ глинистой лужѣ. Секретарь, озлобленный, остановился и сталъ кулакомъ грозить извощику; но тотъ, разлегшись на повозкѣ, прехладнокровно проѣхалъ подъ самымъ носомъ секретаря, обдавъ его съ ногъ до головы грязью.

Развеселившись этой сценой, Бубенчиковъ позвалъ слугу и велѣлъ подать себѣ пальто и статскую фуражку; преобразовавшись въ партикулярнаго человѣка, онъ пошелъ бродить по городу.

Настала ночь. Городъ былъ Бубенчикову хорошо знакомъ съ дѣтства; онъ пошелъ, какъ говорятъ, куда глаза глядятъ. Проходя мимо собора, онъ увидѣлъ, что онъ освѣщенъ извнѣ плошками и внутри безчисленнымъ множествомъ свѣчей. У церковнаго входа толпился народъ, но нѣсколько квартальныхъ надзирателей, частныхъ приставовъ, десятниковъ и, въ главѣ ихъ, полиціймейстеръ никого не впускали въ церковь.

— Что̀ тутъ такое? спросилъ Бубенчиковъ, одну старую дѣву, постоянную посѣтительницу всѣхъ вѣнчальныхъ обрядовъ.

— Свадьба, отвѣчала она, тяжело вздохнувъ.

— Чья же?

— А Богъ ихъ знаетъ.

— Отчего же народъ толпится такъ.... я думалъ, что какой нибудь знатный женится....

— Знатный!... сказала съ сердцемъ дѣва. Какой-то выгнанный изъ службы офицеръ, называетъ себя барономъ, женится на.... на....

Дѣва замолчала, сдѣлавъ какую-то гримасу, ради стыдливости.

— Кто же невѣста? упорно продолжалъ допрашивать Бубенчиковъ.

— Невѣста.... говорятъ.... любовница губернатора.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ подъѣхавшими экипажами; изъ нихъ выползли шафера, посаженая мать, дружки, невѣста и женихъ. Весь женскій полъ былъ страшно нарумяненъ и набѣленъ; невѣстѣ было лѣтъ за 30. Вслѣдъ за ними подкатила карета: полиціймейстеръ Шлагенштокъ чуть не отперъ дверцы экипажа—такъ ретиво онъ бросился къ нему; только, къ несчастію его, лакей предупредилъ его. Изъ кареты вышелъ осанистый господинъ. Слегка кивнулъ онъ полиціймейстеру головою и быстро вошелъ въ церковь. Бубенчиковъ воспользовался наплывомъ участниковъ этого замѣчательнаго праздника и, вмѣстѣ съ старою дѣвою, проскользнулъ сквозь фалангу полицейскихъ. Женихъ—брюнетъ, съ выпуклыми, выкатившимися на лобъ глазами, съ тупымъ, апатическимъ лицомъ, стоялъ рядомъ съ невѣстою. Обрядъ вѣнчанья начался. Губернаторъ любезно разговаривалъ съ генералъ-губернаторскимъ адъютантомъ; всѣ зрители говорили кто громко, кто шопотомъ; видно было, что большая часть изъ нихъ знала исторію жениха и невѣсты.

— Странно, подумалъ Бубенчиковъ, о чемъ люди хлопочутъ и что̀ ихъ интересуетъ... Губернаторская любовница! А Шлагенштокъ — эта породія полиціймейстера, готовъ согнать полицію, если бы его превосходительство вздумалъ выдать замужъ собаченку своей супруги или любовницы.

Съ досадою вышелъ Бубенчиковъ изъ церкви и пошелъ бродить по городу. Проходя мимо одного погреба, на которомъ была надпись: входъ въ погребальный залъ, rendez vous des amis, и услышавъ въ немъ шарманку, Бубенчиковъ остановился; дѣтскій женскій голосъ пѣлъ:

Звукъ унылый фортопьяна....

Разбитый голосъ дѣвочки, пѣвшей изо всей мочи, сжалъ сердце Бубенчикова; онъ опустился по лѣстницѣ въ погребъ и внизу очутился въ квадратной комнатѣ: на правую руку стоялъ простой, бѣлый столъ, и вокругъ него скамьи; на одной изъ нихъ, къ стѣнѣ, сидѣлъ сѣденькій мужчина, въ истасканномъ сюртукѣ; близъ него стоялъ недопитый стаканъ вина; на той же самой скамьѣ сидѣлъ шарманщикъ и усердно вертѣлъ ручкой своего инструмента. Этотъ бродячій музыкантъ былъ низенькій, съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица еврей; онъ держался въ наклонномъ положеніи, вслѣдствіе долголѣтняго ношенія на спинѣ шарманки. Противъ него сидѣла маленькая дѣвочка лѣтъ десяти, запачканная, нечесаная, въ платьѣ, сшитомъ изъ разноцвѣтныхъ кусковъ разной матеріи.

Бубенчиковъ, войдя въ погребъ, обратился къ стоявшему за стойкой погребщику и потребовалъ отъ него *стаканъ вина*. Погребщикъ былъ грекъ; правильныя черты загорѣлаго его лица, рѣзкія движенія обнаруживали въ немъ энергическую натуру; но онъ какъ-то безстрастно налилъ изъ бочки стаканъ вина, поставилъ его на столъ и, отойдя за стойку, погрузился въ самого себя. Бубенчиковъ сѣлъ противъ сѣденькаго господина.

Нѣсколько минутъ этотъ послѣдній на него глядѣлъ, осматривая его то съ ногъ до головы, то съ головы до ногъ; наконецъ, вынувъ изъ кармана табакерку и щелкнувъ по ней указательнымъ пальцемъ правой руки, онъ обратился къ Бубенчикову:

— Не изволите ли одолжиться табачкомъ-съ.

— Благодарствуемъ, не употребляемъ, отвѣчалъ Бубенчиковъ, стараясь поддѣлаться подъ его ладъ.

— Какъ заблагоугодность. Люблю очино это дьявольское зелье.... хе! хе! хе!

И сѣденькій господинъ съ такимъ наслажденіемъ втянулъ въ себя табакъ, какъ будто отроду не нюхалъ; потомъ онъ вынулъ изъ кармана какое-то тряпье, исправлявшее у него должность носоваго платка, разложилъ его на колѣняхъ, разгладилъ, положилъ на обѣ ладони, поднесъ его къ носу и, захвативъ его въ обѣ руки, съ присвистомъ высморкался. Окончивъ съ наслажденіемъ эту операцію, онъ бережно сложилъ платокъ, положилъ его въ карманъ и обратился къ Бубенчикову:

— А смѣю васъ спросить: вы первый разъ въ этомъ погребѣ? Смѣю вамъ доложить, здѣсь отмѣнное винцо-съ. Онъ щелкнулъ языкомъ, взялъ двумя пальцами правой руки стаканъ, сначала прикоснулся къ нему губами, чмокнулъ нѣсколько разъ, потомъ выпилъ его залпомъ, отплюнулся и вытеръ губы полою.

— Вы постоянный здѣшній посѣтитель? спросилъ его Бубенчиковъ.

— Эге! мы съ Барбой, онъ указалъ на погребщика, давнишніе друзья.

— Вы у кого нибудь служите вблизи?

— Нѣтъ-съ. Служилъ-съ когда-то; лѣтъ десять тому назадъ, сказалъ онъ со вздохомъ. — Теперь, занимаемся сочиненіемъ разныхъ прошеній, объявленій, жалобъ частныхъ и таковыхъ же апелляціонныхъ.

— Гдѣ же вы прежде служили?

— Отставили меня злодѣи, ябедники; безъ куска хлѣба остался.... Домишка былъ у меня, по казенному начету взятъ въ опеку.... была у меня и мебель и картины.... ахъ, какія картины были! Похороны кота, страженіе подъ Варной, Петръ I на бѣломъ морѣ.... что вспоминать! все проѣлъ.... Безъ службы — жизнь какая?

— За что же васъ отставили отъ службы?

— За что? ну, извѣстно за что: служилъ я, знаете, письмоводителемъ земскаго суда. Исправникъ, извѣстно, то и дѣло въ разъѣздахъ; члены то и дѣло въ уѣздѣ: то вводъ во владѣніе, то во временное отдѣленіе по какому нибудь уголовному дѣлу; а я сиди въ судѣ, да одувайся за всѣхъ — доклады составляй, резолюціи и отпуски пиши.... Одинъ не разорвешься, за всѣмъ не усмотришь; а тутъ, какъ на смѣхъ, всѣ столоначальники да писцы пьяницы преестественные.... да и кто изъ порядочныхъ пойдетъ въ судъ служить: штатные чиновники получаютъ рублей по 15 сер. жалованья въ годъ, а не штатные берутся туда какъ, *бенефиціи* ради.

— Что это такое бенефиціи?

— Бенефиціи? Это, знаете, была у насъ тогда въ судѣ поговорка, то есть, что съ кого можешь, то и сдери. Вотъ изволите видѣть, чиновники только и занимались этими бенефиціями, а дѣла не дѣлали; входящіе бумаги бывало записываются въ журналъ, спустя мѣсяцъ послѣ ихъ вступленія, а исходящія лежали по мѣсяцу въ регистратурѣ и не отправлялись по назначенію....

А тутъ налетѣлъ ревизоръ, да прямо и добрался до входящихъ и исходящихъ журналовъ. Изволите видѣть, это вѣчный ихъ конекъ... Иди въ судѣ все вверхъ дномъ, лишь бы касса была цѣла да журналы вѣрны. Разгорячился ревизоръ да на исправника напалъ ; тотъ руки по швамъ и молчитъ, какъ козелъ, только глаза вылупилъ, да усами помоваетъ, какъ моржъ. Ревизія шла съ одинадцати часовъ утра до пяти, — проголодался ревизоръ. Тутъ исправникъ говоритъ: извольте осчастливить, ко мнѣ хлѣба-соли откушать. Поѣхалъ къ нему ревизоръ, да тутъ жена исправника его околдовала: была она толстѣйщая баба, глаза черные, брови широкіе, волосы черные.... словомъ, сдобная баба.... Ревизоръ послѣ обѣда совсѣмъ переселился къ исправнику; а на завтра, какъ пріѣхалъ въ судъ, точно звѣрь какой на меня напустился: ты, говоритъ, разбойникъ, въ Сибирь пойдешь! ты, говоритъ, такой-сякой, изъ подъ суда не выйдешь,—довѣріе начальства во зло употребляешь. А я ему и говорю: ваше превосходительство, я исправенъ былъ, не отлучался изъ канцеляріи, даже переселился сюда,—все отпусками и докладами занимался.... А онъ какъ изволитъ крикнуть на меня: «врешь, мошенникъ!» да тутъ же сами, ей Богу не вру вамъ, сами изволили сѣсть да написать предложеніе суду: за разныя безчинія, безпорядки и противузаконія, письмоводителя суда, титулярнаго совѣтника Коробейника, отрѣшивъ отъ должности, предать суду....

Титулярный совѣтникъ Коробейникъ вынулъ платокъ, стеръ потъ съ лица, высморкался и, понюхавъ съ чувствомъ щепоть табаку, щелкнулъ сильно пальцами. Въ это время вошелъ въ погребъ высокій, плотный мужчина, прилично одѣтый; его манеры, походка и вся личность показывали, что онъ привыкъ обращаться въ порядочномъ обществѣ. Съ подозрительнымъ видомъ осмотрѣлъ онъ все общество погреба и подошелъ къ Коробейнику.

— Ну, старина, сказалъ онъ, протянувъ ему руку : — пиши прошеніе: говорятъ, новый полиціймейстеръ пріѣхалъ; авось онъ дастъ направленіе моему дѣлу.

— Новый! воскликнулъ съ негодованіемъ Коробейникъ. — Видали мы виды; съ горяча наберутъ, по новизнѣ, нѣсколько стопъ разныхъ докладныхъ записокъ и прошеній, потомъ пирожное въ нихъ и заворачиваютъ.

— Помилуй, старина, меня ограбила часть: описали и взяли въ секвестръ мое имущество за чужіе долги!

— Эка штука, я тебѣ почище этого разскажу: вчера обокрали одного господина среди бѣлаго дня; онъ прибѣжалъ ко мнѣ и я ему написалъ объявленіе въ часть; съ нимъ онъ туда и отправился сегодня; но представь себѣ его удивленіе, когда приставъ принялъ его — одѣтый въ украденномъ у него!

— Ха! ха! ха! славная штука.... Что жь этотъ господинъ сказалъ приставу?

— Ничего, не подалъ ему даже объявленія, а просто повернулъ налѣво кругомъ и бѣжалъ безъ оглядки.

— Что жь ты мнѣ совѣтуешь, старина?

— А вотъ что: вмѣсто того, чтобы бросить задарма пятнадцать копѣекъ на гербовую бумагу, вели-ка подать два стакана вина и выпьемъ за твое благоденствіе и мое здравіе.

Вошедшій мужчина вынулъ изъ кармана пятиалтынный и бросилъ его на стойку.

— Дайте ему два стакана вина, сказалъ онъ погребщику и вышелъ.

— Молодецъ, сказалъ Коробейникъ, когда тотъ вышелъ: — продувная бестія, далеко пойдетъ. Служилъ прежде мальчикомъ въ лавкѣ, потомъ сдѣлался прикащикомъ, а теперь самъ сталъ хозяиномъ. А бойкій какой! такъ и лѣзетъ, и къ губернатору и къ генералъ-губернатору.... вы, говоритъ, ваше превосходительство, того.... я знаете того.... я того шутить не люблю.... Министрамъ, въ Сенатъ, Царю нашему.... такой шутникъ, ей Богу... Ужь я ему не разъ говорю, смотри! на казенный счетъ пошлютъ путешествовать, примѣромъ сказать, въ Сибирь. А онъ, куда тебѣ, и слышать не хочетъ: пиши, говоритъ, порѣзче. Я, знаете, маленькій человѣкъ и пишу всегда такъ.

Коробейникъ всталъ съ мѣста, вынулъ тавлинку, понюхалъ медленно табаку и началъ протяжно :

— Ваше превосходительство! не дерзалъ бы припадать къ стопамъ высокой особы вашей и слезно умолять склонить благосклонно ваше высоконачальническое ухо къ выслушанію почтительнѣйшей сей моей просьбы, если бы не всѣмъ извѣстное великодушіе ваше къ внимательному воззрѣнію н просьбы и слезы угнетенныхъ , вдовъ и сиротъ....

А тамъ валяй существо дѣла, то есть, примѣромъ сказать, если бы вамъ съ позволенія вашего, сударь, морду побили, я бы написалъ такъ: проходя по такой-то улицѣ, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, на меня напалъ нѣкій господинъ, который побилъ

мнѣ морду; вслѣдствіе чего, представляя при семъ медицинское свидѣтельство о моемъ изувѣчьи, слезно молю—предписать кому слѣдуетъ произвести формальное слѣдствіе....

Во время этой импровизаціи Коробейника, шарманщикъ, наскучивъ попусту сидѣть, поднялся съ мѣста и заигралъ пѣсню; дѣвочка, его компаньонка, затянула:

Среди долины ровныя и т. д.

Бубенчиковъ въ свою очередь поднялся съ мѣста, бросилъ мелкую монету погребщику на стойку и вышелъ изъ погреба.

— Вотъ, подумалъ онъ, представитель нашего адвоката, адвокатское краснорѣчіе и начало процесса: большая часть жалобъ и прошеній получаютъ начало гдѣ нибудь въ погребѣ, и сколько бумаги потомъ исписывается присутственными мѣстами по этимъ дѣламъ. Съ такими мыслями Бубенчиковъ приблизился къ общественному городскому саду. Двѣ плошки горѣли у его входа; у воротъ, по обѣимъ его сторонамъ, сидѣли торговки и на лоткахъ и въ корзинахъ продавали фрукты и пряники. Полицейскій солдатъ близъ нихъ суетился; видно было, что сидѣлки — бабы — подставныя лица, и что онъ владѣтель этой торговли. При входѣ въ садъ на главной аллеѣ, Бубенчикова поразило одно обстоятельство: гулявшія тамъ женщины говорили и смѣялись громко, а мужчины что-то тихо имъ нашептывали. Пройдя главную аллею, Бубенчиковъ очутился близъ кафересторана; здѣсь общество было порядочнѣе: одни закусывали, другіе пили чай. Оркестріонъ гремѣлъ въ залѣ трактира. Бубенчиковъ усѣлся въ уединенномъ углу, откуда можно было наблюдать. Противъ него, шагахъ въ десяти, сидѣла бородка; по виду и физіономіи можно было узнать въ ней русскаго человѣка; съ наслажденіемъ распивала бородка чай: потъ катилъ съ чела купца крупными каплями. Въ разгарѣ распиванія чаю онъ и не замѣтилъ, какъ къ нему подсѣла низенькая, сѣденькая фигурка, въ фуражкѣ съ огромнымъ казырькомъ... Длинный носъ, темно-каріе глаза обнаруживали въ немъ жителя греческихъ острововъ; ухмыляясь, протянулъ онъ черезъ столъ свою жесткую, огрубѣлую отъ трудовъ, руку. Русская бородка чуть-чуть не поставилъ на нее чайникъ, но, увидѣвъ неожиданнаго посѣтителя, поднялъ глаза.

— Ахъ, Панаіоти, это вы? Милости просимъ чаю откушать. Все ли въ добромъ здравіи обстоите благополучно?

— Слава Богу, васими молитвами зивемъ.

— А что укціонъ?

Грекъ сдѣлалъ жестъ руками и такую гримасу, которая выражала презрѣніе.

– Укціонъ? Пфу!... Онъ плюнулъ. — Нитакой дѣла меня занимай.

— Чтожь, вамъ — рожна̀ въ бокъ, что ли? Знаете ли, вы купили 26 барокъ, которыя стоили Думѣ 96,000, за 600 рублей. Положимъ они старыя, да все же нѣкоторыя изъ нихъ годны въ дѣло.

Грекъ улыбнулся.

— У меня у кармани одина контракта на Думу: за десяти барка мы взяли тысяцу двѣсти карбованъ, сто̀би полозить ихъ изъ мори на суса. Э! сто ти знаесъ!

— То-то! самъ взялъ тысячу двѣстѣ рублевъ, чтобы вытащить на берегъ 10 барокъ, а всѣ 26 — купилъ за 600 рублей. Эхъ, братъ, Панаіоти, наши казенныя дѣла идутъ что-то плохо. Грѣхъ, злодѣямъ, обижать такъ казну. Вотъ примѣрича купчикъ Посохъ Иванъ, какъ я служилъ въ Сиротскомъ судѣ.... умора была.... Получаемъ его отчетъ, по опекѣ одного малолѣтняго. Въ отчетѣ значится:

1) За прокормленіе лошади, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ	387	руб.	сер.
2) За подковку лошади	250	»	»
3) На наемъ ей помѣщенія, за 4 мѣсяца . .	300	»	»
4) Наемъ кучера	100	»	»
5) За леченіе лошади	50	»	»
Итого. . .	1087	руб.	сер.

Ниже по этимъ отчетамъ видно, что эта же лошадь продана, по негодности, за 50 руб. сер. Вотъ, Панаіоти, какъ дѣлишки-то обдѣлываютъ!

— Бре! Бре!... произнесъ протяжно грекъ, цмокнувъ губами и плюнувъ. У насъ, братъ, на Турецина за такомъ вазна дѣла, дадотъ сто фаланги....

— А вотъ видишь, Панаіоти, у насъ и не такія дѣла съ рукъ сходятъ; примѣрича: глава градской и думскіе всѣ — мошенникъ на мошенникѣ; вѣдь мы съ тобою это хорошо знаемъ, да и всѣ знаютъ.... ну чтожь! сидятъ себѣ всѣ на своихъ мѣстахъ и издѣваются надъ всѣми.... Ты Панаіоти тонкостей не знаешь...

Примѣрича, снова голова, вишь большой хозяинъ, городской интересъ соблюдаетъ, хозяйственнымъ образомъ моститъ городъ и смотришь: сегодня навезутъ щебня на какую нибудь улицу, комитетъ освидѣтельствуетъ, а ночью глядишь — щебень перетаскали на другую улицу....

— Бре! Бре! воскликнулъ грекъ, цмокнувъ снова губами.

Бубенчиковъ въ это время почувствовалъ такой сильный приливъ крови къ горлу, что кашлянулъ; собесѣдники быстро посмотрѣли въ его сторону, значительно переглянулись и замолкли.

Довольно узнавши на первый разъ и усталый отъ дороги и разныхъ впечатлѣній, Бубенчиковъ отправился домой По дорогѣ онъ подходилъ ко всѣмъ полицейскимъ будкамъ, но всѣ часовые храпѣли во всю носовую завертку. Долго не могъ Бубенчиковъ заснуть, когда возвратился домой: всѣ лица, которыхъ онъ видѣлъ и о которыхъ слышалъ въ этотъ день, мелькали въ его воображеніи; около часу ворочался онъ съ боку на бокъ, лицо и голова его горѣли; наконецъ усталость превозмогла и онъ заснулъ.

ГЛАВА IV.

ПЕРВОЕ ИСКУШЕНІЕ БУБЕНЧИКОВА, И КАКЪ ИНОГДА ВАЖНЫЯ ОСОБЫ БЫВАЮТЪ НЕВѢЖЛИВЫ.

Было около 8 часовъ утра, а Бубенчиковъ все еще спалъ. Деньщикъ его Иванъ употреблялъ ужь съ полчаса всѣ возможныя будильныя средства: ничто не помогало. Бубенчиковъ только ворчалъ что-то невнятно. Наконецъ Иванъ рѣшился на обыкновенный свой маневръ: полѣзъ подъ кровать, легъ на четвереньки и спиной началъ то подымать, то опускать доски кровати, вмѣстѣ съ матрацомъ и бариномъ своимъ; отъ этой эволюціи Бубенчиковъ, какъ мячикъ, запрыгалъ по постели и, проснувшись, закричалъ:

— А! негодяй! ты опять не даешь мнѣ спать....

— Вставайте, ваше высокоблагородіе, пробасилъ Иванъ.

— Вотъ, я тебя!... Бубенчиковъ нагнулся и началъ искать сапоги; но Иванъ, которому было хорошо извѣстно, что такое орудіе было для него опасно, оставлялъ ихъ всегда въ передней.

— А! мошенникъ, завопилъ Бубенчиковъ: — ты снова мнѣ сапоговъ не далъ!

Онъ схватилъ подушку и бросилъ ее на Ивана, тотъ ее подхватилъ и положилъ подъ себя; Бубенчиковъ же растянулся снова во весь ростъ на постели и захрапѣлъ. Иванъ повторилъ свои эволюціи и баринъ его снова запрыгалъ по постели, какъ мячикъ.

— Что, пожаръ! завопилъ Бубенчиковъ и присѣлъ на постели.

Молчаніе. Онъ протяжно зѣвнулъ и крикнулъ:

— Иванъ!

Молчаніе.

— Иванъ!

— Чево изволите, ваше высокоблагородіе?

— А ты гдѣ, бестія?

— Подъ кроватью.

— Что ты тамъ, ракалья, дѣлаешь?

— Будилъ ваше высокоблагородіе.

— Чтожь ты не вылѣзешь оттуда?

— Бить будете.

— Не буду. Вылѣзай да давай одѣться.

— Побожитесь, что бить не будете.

— Говорятъ тебѣ: не буду.

Иванъ быстро вылѣзаетъ изъ подъ кровати, таща за собою подушку, и становится посреди комнаты, въ благородной дистанціи отъ постели.

— Что, поздно, Иванъ?

— Никакъ, ужь должно быть часъ десятый.

— Запоздалъ. Давай скорѣй одѣваться.

Бубенчиковъ быстро одѣлся, умылся и сѣлъ пить чай, Ивана же послалъ за извощикомъ. Не успѣлъ этотъ послѣдній выйти на улицу, какъ къ нему подошелъ средняго роста, сѣденькій еврей, въ мериносовомъ, національномъ своемъ костюмѣ, какого-то неопредѣленнаго цвѣта. Еврей поклонился низко Ивану и обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Чи мозно къ его высокоблагородію?—маю вазное дѣло.

— Что, лахманъ?...

— Его высокоблагородіе, господинъ полицмейстеръ чи почиваютъ, чи встали?

— Всталъ. А на что онъ тебѣ?

— Вазное дѣло маю.

— Иди вотъ сюда. Баринъ чай пьетъ.

Иванъ показалъ ему куда идти, а самъ побѣжалъ отыскивать дрожки.

Еврей тихо вошелъ въ переднюю и началъ громко сморкаться и кашлять.

— Кто тамъ? спросилъ Бубенчиковъ.

Тогда еврей поставилъ въ уголъ палку, надѣлъ на нее свою шапку, а ермолку спряталъ въ одинъ изъ своихъ кармановъ и, войдя въ комнату, остановился у дверей.

— Что тебѣ нужно? спросилъ Бубенчиковъ.

— Съ пріѣздомъ имѣю цесть проздравить.

— Спасибо, любезный. Что́ тебѣ нужно ?

— Я къ вамъ съ вазнымъ дѣломъ.

— Съ дѣломъ ?

Бубенчиковъ поднялся съ мѣста и подошелъ къ нему.

— Меня прислалъ къ вамъ бывсій полицмейстеръ.

— Тебя? ко мнѣ? Не ошибся ли ты, любезный?

— Къ вамъ, васе высокоблагородіе.... насцётъ позарной....

— Я тебя не понимаю, любезный; чего жь ты хочешь?

— Позарная, васе высокоблагородіе, добрая.... лосадки зиные, богацько гросивъ кустовали.... да и струменты хоросіе.

— Чего же ты хочешь ?

— Господинъ Слагенстокъ хоцетъ вамъ дать тысяцу карбованцевъ.... не бракуйте пазарной....

Тутъ Бубенчиковъ понялъ, въ чемъ дѣло: пожарная команда въ безпорядкѣ и его хотятъ задобрить взяткой. Кровь бросилась ему въ голову, онъ затопалъ ногами и съ бѣшенствомъ закричалъ:

— Вонъ, мерзавецъ, пока еще кости твои цѣлы.

Еврей быстро скользнулъ въ двери и исчезъ.

Бубенчиковъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, сжимая кулаки и ворча про себя:

— Подкупить меня хотѣла эта нѣмецкая лисица... Я ему задамъ — все забракую....

Съ сердцемъ присѣлъ онъ къ своему чаю, глотнулъ изъ стакана, но жидкость остановилась у него въ горлѣ....

— Двѣ тысяци карбованцевъ.... запищалъ за нимъ голосъ еврея, который просунулъ только голову въ полуоткрытыя двери.

Бубенчиковъ, взбѣшенный этой наглостью, выплеснулъ на

него стаканъ чаю. Голова еврея спряталась съ визгомъ за дверь и чрезъ минуту Бубенчиковъ увидѣлъ, какъ онъ улепетывалъ куда-то безъ оглядки, какъ будто черти за нимъ гонялись.

Нѣсколько минутъ Бубенчиковъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; кровь сильно прихлынула ему къ сердцу и онъ едва переводилъ дыханіе.

«И какъ, думалъ онъ, я встрѣчусь съ этимъ негодяемъ!... прислать ко мнѣ фактора.... это безчестно.... безсовѣстно....» Эти жолчныя его думы были прерваны Иваномъ; онъ привелъ ему извощика. Бубенчиковъ накинулъ на себя лѣтнюю шинель, сѣлъ на извощика и велѣлъ ему ѣхать къ губернатору.

Когда Бубенчиковъ очутился въ тѣсныхъ губернаторскихъ сѣняхъ, жандармъ снялъ съ него молча шинель и отперъ ему дверь; Бубенчиковъ вошелъ въ нее и очутился лицомъ къ лицу съ начальникомъ.

— Честь имѣю явиться вашему превосходительству: штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи *** полка Бубенчиковъ...

— А!... вы къ намъ... васъ прислали исправить насъ?... Не такъ ли? Молоды, сударь... очень молоды... Чей вы протеже?

— Я сюда пріѣхалъ не по протекціи, а по желанію господина министра...

— Ха! ха! ха! Повторите снова... это очень оригинально... Не правда ли, Архипъ Петровичъ?...

Онъ обратился къ господину, стоявшему у окна и барабанившему пальцами по стеклу; тотъ промычалъ: «гм!» Тутъ только Бубенчиковъ замѣтилъ его и узналъ въ немъ того господина, котораго Искринъ рекомендовалъ ему подъ названіемъ: обѣ руки Ольги Ѳедоровны.

— Я люблю такія басни, *любезнѣйшій*... продолжайте... продолжайте.

У Бубенчикова вся кровь бросилась въ голову; сердце его сильно сжалось, но онъ удержался и довольно холодно сказалъ:

— Прикажете вступить сегодня въ должность, ваше превосходительство?

— Когда угодно.... только у меня смотрите! начнете брать взятки да притѣснять народъ... я васъ подъ судъ отдамъ безъ сожалѣнія... Ступайте... вы мнѣ не нужны.

Бѣшенство снова закипѣло въ груди Бубенчикова, но онъ вторично удержался и, поклонившись сухо губернатору, вышелъ. Отсюда поѣхалъ онъ къ исправлявшему должность генералъ-гу-

бернатора. Въ его передней засталъ онъ унтеръ офицера ординарца; тотъ доложилъ о немъ.

— Проси, раздался рѣзкій голосъ изъ сосѣдней комнаты.

Ординарецъ, растворивъ дверь настежь, пригласилъ Бубенчикова войти въ кабинетъ генералъ-губернатора Иванова.

ГЛАВА V.

ИВАНОВЪ БЕСѢДУЕТЪ СЪ БУБЕНЧИКОВЫМЪ.

....Передъ олицетвореннымъ *благодушіемъ* начальника стоялъ теперь Бубенчиковъ.

— Честь имѣю явиться... началъ было Бубенчиковъ; но Ивановъ прервалъ его *весьма* милостивыми и благосклонными словами:

— Очень радъ васъ видѣть. Я получилъ отъ министра письмо: онъ *весьма* лестно объ васъ отзывается... онъ, кажется, рекомендовалъ васъ также и губернатору?

— Никакъ нѣтъ-съ. При прощальной моей аудіенціи, г. министръ, отдавая мнѣ письмо къ вамъ, о господинѣ губернаторѣ упомянулъ только вскользь, какъ о человѣкѣ, близкомъ къ графу...

— А!... да... Не намекалъ ли вамъ министръ насчетъ моего предложенія о здѣшнихъ злоупотребленіяхъ по мощенію улицъ? Это дѣло извѣстно въ министерствѣ подъ заглавіемъ «О противозаконныхъ дѣйствіяхъ такого-то строительнаго комитета и градской думы въ мощеніи улицъ въ городѣ Приморскѣ».

— Ничего не слышалъ... Г. министръ по этому предмету ничего не сообщалъ мнѣ.

— А! воскликнулъ вновь Ивановъ, надулъ губы и захватилъ въ зубы коротенькіе свои усы.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Итакъ, продолжалъ Ивановъ, какъ бы договаривая свою мысль: — васъ, вѣрно, губернаторъ дурно принялъ. Вы назначены вопреки его желанію: онъ представилъ на ваше мѣсто полковника Кулакова. Онъ будетъ къ вамъ придираться, будетъ преслѣдовать васъ; но вы не уступайте ему ни на шагъ: я — за васъ.

— Очень благодаренъ, ваше превосходительство!

— Но продолжалъ съ разстановкою Ивановъ:—объ одномъ прошу васъ. Вы, можетъ быть, слышали уже, каковъ онъ... вы въ городѣ узнаете много кое-какихъ проказъ... Какъ у полиціймейстера, у васъ будутъ средства и возможность собрать мнѣ нѣкоторые факты... Понимаете?

— Употреблю всѣ силы и старанія.

— Я иначе и не полагалъ. Министръ пишетъ объ васъ много лестнаго... Вы на меня полагайтесь, какъ на каменную гору: я въ обиду васъ не дамъ... будьте спокойны. Теперь можете отправиться въ полицію и вступить въ должность... Будьте осторожны: тамъ мошенникъ-на-мошенникѣ. До свиданія.

Ивановъ благосклонно кивнулъ Бубенчикову своею гладко остриженною, сѣдою головою и еще благосклоннѣе сдѣлалъ какую-то гримасу въ видѣ улыбки.

Съ восторгомъ вышелъ Бубенчиковъ отъ Иванова.

«Ну», думалъ онъ, «я собью спѣсь тому... онъ принялъ меня, какъ привыкли у насъ принимать юнкеровъ. Этотъ штафирка и забылъ, что я армейскій штабъ-офицеръ... Погоди, голубчикъ, поставлю я тебѣ скамеечку: достану я Иванову документы противъ тебя — пусть эти собаки грызутся.»

А того неопытный Бубенчиковъ не зналъ, что, по малороссійской пословицѣ, когда паны дерутся, то у мужиковъ зубы болятъ...

ГЛАВА VI.

ВСТУПЛЕНІЕ БУБЕНЧИКОВА ВЪ ДОЛЖНОСТЬ.

Отъ Иванова Бубенчиковъ отправился въ полицію. Здѣсь у подъѣзда встрѣтили его всѣ власти полицейскія, подъ предсѣдательствомъ его предшественника, Шлагенштока.

Бубенчиковъ вѣжливо раскланялся со всѣми подчиненными, при чемъ сказалъ маленькую рѣчь, въ которой высказалъ, что онъ пріѣхалъ честно служить и что будетъ преслѣдовать всякія противозаконности и злоупотребленія. Всѣ чины полиціи слушали его благоговѣйно и съ такимъ смиреніемъ и кротостію, что наблюдатель подумалъ бы, что это — сборище святыхъ, слушающихъ проповѣдь праведнаго пустынника. Окончивъ рѣчь, Бубенчиковъ направилъ шаги свои въ канцелярію полиціи. Въ

дежурной комнатѣ онъ увидѣлъ сѣденькаго чиновника въ зеленыхъ очкахъ и истасканномъ вицмундирѣ, сидящаго за кипою бумагъ.

— Это кто? спросилъ Бубенчиковъ.

— Журналистъ, отвѣчалъ Шлагенштокъ.

Бубенчиковъ подошелъ къ столу и заглянулъ въ книгу: было 20 іюня, а туда записывались бумаги отъ 5 іюня.

— Этò что? спросилъ Бубенчиковъ.

— Изволите видѣть, сказалъ Шлагенштокъ, медленно понюхавъ табаку: — журналистъ не успѣваетъ записывать ни въ исходящій, ни во входящій журналы всѣхъ бумагъ, при ихъ вступленіи: вотъ онъ и записываетъ въ книгу ежедневно столько бумагъ, сколько успѣетъ, и на записанныхъ въ книги бумагахъ и выставляется то число, въ которое они успѣли попасть въ книгу.

— Но это страшный безпорядокъ! воскликнулъ Бубенчиковъ. — Дѣла полиціи требуютъ поспѣшности, преслѣдованія преступленія по горячимъ слѣдамъ; а тутъ бумаги вступающія и исходящія лежатъ въ регистратурѣ двѣ недѣли.

— Текъ-съ! сказалъ Шлагенштокъ. — Но чтò прикажете дѣлать! Штаты сокращены: мало рабочихъ рукъ.

Бубенчиковъ былъ нѣсколько лѣтъ полковымъ адъютантомъ и зналъ отлично весь канцелярскій поря докъ; поэтому онъ и началъ съ регистратуръ разныхъ наименованій. Безпорядокъ канцеляріи полиціи былъ страшный: многіе столы вовсе не имѣли настольныхъ журналовъ, другіе имѣли — кто за два, кто за три года. Бубенчиковъ увидѣлъ, что самое учрежденіе этой тѣни порядка было не столько дѣломъ закона или правила, а прихотью разновременныхъ начальниковъ отдѣленія и столоначальниковъ. Обойдя всю канцелярію, дѣлая въ каждомъ столѣ замѣчанія, что порядокъ въ немъ заведенный незаконный, Бубенчиковъ отъ всѣхъ чиновниковъ слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: у насъ такъ принято.

— Какими же правилами вы руководствуетесь? воскликнулъ наконецъ выведенный изъ терпѣнія Бубенчиковъ.

— Общимъ уставомъ объ устройствѣ присутствій, отвѣчалъ помощникъ полиціймейстера.

— Но вѣдь должны же быть какія нибудь правила относительно правъ и обязанностей членовъ полиціи?

— Ничего нѣтъ. *Принято* у насъ, что полиціймейстеръ есть предсѣдатель, а мы — члены общаго присутствія полиціи... Мы немножко придерживаемся порядка с.-петербургскихъ управъ благочинія...

Бубенчиковъ пожалъ только плечами.

Осмотрѣвъ канцелярію полиціи, Бубенчиковъ объявилъ своему предшественнику, что послѣ обѣда онъ намѣренъ осмотрѣть пожарную команду, и поэтому отдалъ брантъ-майору приказъ собрать на площади тюремнаго замка всю эту команду съ брантсъ-боями. Сдѣлавъ эти распоряженія, онъ сухо поклонился всѣмъ чинамъ полиціи и уѣхалъ домой, съ твердымъ намѣреніемъ *преобразовать полицію и поставить ее на ногу.*

Но послушаемъ, какъ думала объ немъ полиція. По отъѣздѣ Бубенчикова, два столоначальника гражданскаго отдѣленія, вексельнаго стола — Проценщиковъ, и контрактоваго — Неустойкинъ, такъ разсуждали въ архивѣ, куря папироски:

Проценщиковъ. А вѣдь молодецъ нашъ полиціймейстеръ! саблю за храбрость имѣетъ... лично министру извѣстенъ... Важная, стало быть особа!... Да и ростъ-то какой! а усы-то, усы!...

Неустойкинъ. Побей Богъ мою душу! Чтобъ у меня покрышки не было, если ты что нибудь смыслишь въ дѣлахъ. На какой чортъ намъ его сабля, ростъ и усы!... Вотъ если бы у него была девятая клепка въ головѣ — дѣло другое.

Проценщиковъ. Оно такъ! Но ростъ важная вещь... А усы?... (Поетъ)

Усы гусара украшаютъ,
Усы гусару даютъ видъ,
Они сердца дѣвицъ плѣняютъ,
Усы для дѣвушки магнитъ...

(Покручиваетъ двѣ волосинки, носящія у него названіе усовъ.)

Неустойкинъ. Чтобъ у меня покрышки не было, если я не побью тебя когда нибудь, фанфаронъ, прощалыга ты этакой!... (Плюетъ и уходитъ.)

ГЛАВА VII.

СЕРМЯЖНОЕ РЫЦАРСТВО ВЫЗЫВАЕТЪ НА ПЛОЩАДЬ ПУБЛИКУ.

Послѣ обѣда, въ день вступленія въ должность Бубенчикова, по улицамъ Приморска была картина самая очаровательная для уличныхъ мальчишекъ: длинною вереницею тянулись другъ за дружкой брантсъ-бои, запряженные въ тройки и пары. Гордый видъ откормленныхъ на убой лошадей и блескъ ихъ глазъ, происходившій отъ данной имъ порціи водки; горѣвшія на солнцѣ мѣдныя каски пожарной команды, свѣтлосѣрые мундиры и веселый ея видъ, наконецъ величавая фигура толстаго брантъ-майора, желтые эполеты котораго горѣли еще жарче касокъ команды, — все это имѣло невыразимо прелестный видъ. Мальчики со всѣхъ частей города устремились за этой процессіей и запыхавшись слѣдили за нею по тротуарамъ съ любопытствомъ и завистью. Команда, размѣщавшаяся на брантсъ-бояхъ, окидывала эту толпу саркастическимъ взглядомъ, а иногда и комплиментами въ слѣдующемъ родѣ:

— Экъ ихъ бѣсенковъ нанесло! Шарлатаны этакіе!

Съ такою торжественностью команда собралась изъ разныхъ частей города въ сборное мѣсто, на площадь тюремнаго замка; по мѣрѣ ея приближенія туда, къ толпамъ мальчиковъ присоединялись и взрослые зѣваки, такъ что вся площадь вскорѣ покрылась народомъ. Каждый хотѣлъ занять мѣсто поближе къ командѣ и поэтому давка сдѣлалась порядочная.

— Эка-ты! не толкайся!... Вишь какъ руки-то распустилъ, говорила кухарка молодому парню-водовозу.

— А ты куда лѣзешь?... Тебѣ бы въ кухнѣ сидѣть да пироги печь...

— А тебѣ шарлатану какое дѣло... сидѣлъ бы да лапти плелъ... Мнѣ здѣсь дѣло... Мой баринъ фартальнымъ служитъ... Ужо погоди... будетъ пожаръ, скажу фартальному: онъ тебя шарлатана перваго на пожаръ за шиворотъ потащитъ.

— Ну, молчи баба, злющая ты этакая! Боюсь я твово фартальнаго! Велика птица!... Года два тому, возилъ, возилъ ему воду, а онъ хоть бы копѣечку далъ... Такой, Господи прости,

скаредный, шаромыжный... Ваше благородіе, говорю, удовольствуйте молъ жалованьемъ; наше дѣло крестьянское: оброкъ, почпортъ... деньги потребны... А онъ какъ взвизгнетъ на меня: безпашпортный, этакой-сякой, бродяга... подъ рѣшотку посажу. Вотъ каковъ твой фартальный!...

— Сволочь! проговорила въ отвѣтъ на его монологъ кухарка и начала всею силою работать руками, такъ что чрезъ нѣсколько минутъ была впереди всѣхъ.

Но вотъ пожарная команда начала пыхтѣть и сморкаться; брантъ-майоръ крикнулъ: «смирно!» толпы народа зашевелились и послышались голоса: «палицмѣстеръ ѣдетъ».

Подъѣхавъ къ командѣ, Бубенчиковъ поздоровался съ нею и началъ осматривать инструменты и лошадей. Ревизіи и пріемъ были самые строгіе: лошади были выпрягаемы и осматриваны сначала безъ упряжи, потомъ испытывались онѣ запряженныя въ инструментахъ.

Шлагенштокъ былъ какъ въ угарѣ. Всѣ пороки и недостатки не только каждой лошади, но и брантсъ-боевъ были отмѣчаемы Бубенчиковымъ на особомъ пути. Этотъ осмотръ продолжался нѣсколько часовъ. Публика, наскучивъ такимъ скучнымъ представленіемъ, начала рѣдѣть; на площади оставались только мальчишки и отчаянные зѣваки: усѣвшись по протяженію бульвара, надъ рвомъ, подъ тѣнью деревъ, они подвергали критикѣ каждую лошадь, каждаго полицейскаго чиновника и солдата.

— Вотъ эвто, примѣрича сказать, былъ палицмѣстеръ...

Съ такими словами обратился одинъ изъ зѣвакъ, толстый купецъ, высокаго роста, въ запыленной чуйкѣ, съ сѣрою бородою, къ другому купцу, съ рыжею козлиною бородкой.

— Василевскій-то? Неча сказать, голова былъ... я въ тѣ поры...

— Нѣтъ, ужь ты не говори: не то, что голова, а изверггъ былъ. Приступу никакого къ себѣ не давалъ: какъ бѣсъ какой взъѣстся... Дочка моя, Матренка, вотъ что̀ замужемъ теперича, была дѣвка задорная, вишь на фортоплясахъ играла да по басурмански балякала, — какъ говоритъ: «за мужика али за прикащика замужъ не пойду; мнѣ подай судьбу не эвтакую: хочу за офицера, чтобъ у него вексельбанты были...» Я ей и говорю: «дурище ты безмозглая, куда намъ! эвтакой за тебя не выйдетъ!» А она хнычетъ да заливается, будто за покойника... Я махнулъ

рукой да плюнулъ: пускай, думаю, сидитъ въ дѣвкахъ—не стерпится... ужь такая, вишь, бабья причуда... Думалъ я такъ, а вышло инако: принесла нелегкая ко мнѣ фартиранта, гусарскаго, аль кирасирскаго офицера... говорятъ, въ кавалеріи служилъ...

— То-ись не въ кавалеріи, а въ конницѣ, сказала, съ видомъ знатока, рыжая бородка.

— Да, вишь, въ конницѣ... Вотъ ужь эвто не знаю, пускалъ ли онъ Матренкѣ балясы, аль что̀ другое, но извелась дѣвка: подъ глазами точно радуга какая, а сама какъ щавель зеленая...

— Да ты бы ее, Пантелеичъ, до знахарки да ладаномъ обкурилъ аль волосками изъ хвоста чернаго кота. Сердечная, видно, исхудала.

— Куда-ты! Сама точно щепка, худая, худая; а животикъ-то... понимаешь?

— Вотъ эвто штука!... Срамница такая!

— Я и смекнулъ, кумъ, что эвто дѣло хошь плюнь. Надѣлъ я новую чуйку, навѣсилъ, знаешь, свою кавалерію, что̀ на анненской имѣю, да и пошелъ съ челобитной къ эвтому Василевскому... знамо дѣло, съ гостинцемъ сахарцу головъ съ шесть: да чаю московскаго—не то, что аглицкій—хунтовъ съ пять... Какъ завидѣлъ онъ мою бакалію, «эвто что̀? говоритъ. Ты, бородатая свинья, не знаешь что ли, что эвтого не люблю? Смотри впервой прощаю, а тамъ, пожалуй, и подъ судъ отдамъ. Посулы твоей мнѣ не надо. Ну, говори, чего хочешь?...» Я ему въ ноги. «Ваше высокоблагородіе, помилуйте, вѣчно Бога буду молить... такъ и сякъ, извелъ карасейръ дѣвку мою, сама какъ щепка, а животикъ того...» «Ну», «говоритъ его высокоблагородіе», дѣло-то дрянь; да ты самъ виноватъ: зачѣмъ на фортоплясахъ училъ, да по басурмански, да познакомилъ ее съ романами... «Никакъ нѣтъ-съ, говорю, карасейръ не Романомъ, а Степаномъ зовется...» «Ну, молъ, говоритъ, Романомъ аль Степаномъ, все едино. Колн бъ она не того, то и карасейръ былъ бы того...» Я было того. Но вѣдь онъ шутить-то не любилъ: какъ разъ попалъ бы на съѣзжую.

Купецъ задумался. Рыжая бородка сильно втянула въ себя носомъ воздухъ, плюнула, погладила бородку и оперла глубокомысленно объ ладонь правой руки голову.

Нѣсколько минутъ они молчали. Послѣдній перервалъ паузу.

— А что̀, Пантелеичъ, новый-то палицмѣстеръ не будетъ наѣзжать?

— Кто жь его знаетъ! чужая душа — потемки... Извѣстно дѣло, безъ гостинца и не суйся.

— Насъ раскольниками кличутъ. Пускай такъ. Церковь-то нашу, что̀ близъ кладбища, молитвеннымъ домомъ прозвали, будто школа жидовская. Пускай такъ! Мы, то-исть, единственно для проформы одной въ Успенскую церковь ходимъ, да ты и титоромъ туда выбранъ; а вѣдь служба-то шла у насъ въ молитвенномъ-то домѣ.

— Спасибо прежнему палицѣместеру. Тотъ нѣмецъ: по мнѣ хошь, говоритъ, сатанѣ молитесь; но эвто, говоритъ, по закону запрещено: такъ, говоритъ, давай по 25 рублевъ за каждую службу, а тамъ хошь двадцать разъ служи. Эвтакой, право! А таперешный изъ россѣйскихъ...

Рыжая бородка сильно обезпокоилась; она начинаетъ фыркать, будто носъ ея набитъ биткомъ пылью.

— Россѣйскій? произнесъ онъ плачевнымъ голосомъ и щупая свой носъ, какъ будто рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ необходимаго члена его лица.

— Видали мы виды, продолжаетъ его кумъ: — не съ эвтакими справлялись... Дашь ему сотеньку, «не хочу», говоритъ. Дашь двѣ сотеньки — «не хочу»... Тьфу пропасть! Высыпишь пятьсотъ, тысячу — все не хочу... Плюнешь да скажешь сосѣдямъ-собратамъ: не хочетъ, окаянный: говоритъ, самому дороже стоитъ. И двѣ, и три тысячи не жалѣютъ рябята... Православно!

— Ну, эвто иное дѣло. Таперь знамо...

— Обнакновенно! Хошь новый палицмѣстеръ россѣйскій, но сердце — не камень... Однако, мы тутъ закалякались. Глядько: уже смотръ кончился!... А, кумъ!

— Чаго?

— Кушать хочешь чаю?

— Могѣмъ.

— Идемъ въ трактеръ, что на Успенской... А вывѣска тамъ какая, точно въ матушкѣ Москвѣ: «Неаполитано-африкано, новотроицко-московской, новоткрытной трахтеръ»... Вѣришь ли, право-слово, два мѣсяца учился произнести, какъ онъ зовется... Видно, ученый сочинилъ... прафесоръ какой.

— Ой-ли?

ГЛАВА VIII.

САТАНА ИСКУСИТЕЛЬ ИЛИ ОТКУПНОЙ ФАКТОРЪ АБРАМКА РАБИНОВЪ, ОНЪ ЖЕ ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Измученный тревогами и впечатлѣніями, предвидя ссору съ своимъ предшественникомъ, разгорченный дурнымъ пріемомъ губернатора, Бубенчиковъ вечеромъ того же дня, какъ вступилъ въ должность полиціймейстера, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и пилъ чай.

«Ну», думалъ онъ, «на мнѣ осуществилась малороссійская пословица: «не мала баба хлопотъ, тай купала порося». Дернула меня нелегкая сюда пріѣхать! Служилъ бы себѣ смирновъ полку; днемъ ходилъ бы на ученье, а вечеромъ — ералашъ, театръ, балы... Всѣ товарищи и начальники меня любили; начальство вѣжливо, привѣтливо, товарищи радушны... Такъ нѣтъ! натура человѣка ужь такова!... Славно Лермантовъ выразилъ такое стремленіе наше чортъ знаетъ къ чему въ своемъ стихотвореніи «Парусъ»:

А онъ мятежный проситъ бури,
Какъ будто въ бурѣ есть покой!...

«Да я самъ искалъ бури...»

Онъ всталъ, въ задумчивости началъ ходить по комнатѣ и, тяжело вздыхая, шепталъ стихи Огарева:

Я его любила,
Я ему сказала...

«Нѣтъ! я не могъ на ней жениться... У меня нѣтъ никакого состоянія... Разводить нищихъ я не намѣренъ... Я посовѣтовалъ ей выйти замужъ за богатаго генерала. Она бы могла быть его дочерью!... Какъ она умоляла меня пощадить ее! Но я выше обстоятельствъ: я почти принудилъ ее согласиться на бракъ... Когда она вышла замужъ, я тогда увидѣлъ, какъ я ее люблю... Но было уже поздно, и я потерялъ ее невозвратно... Что жь оставалось мнѣ тогда дѣлать?

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ.
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой,
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?...

Нашъ герой (если только герои существуютъ въ настоящее время), изволите видѣть, не чуждъ немного романтизма: онъ любитъ декламировать стихи, подводя подъ ихъ мѣрку свои ощущенія и стремленія къ нѣмецкому *туда* (dahin); а изъ его нѣсколькихъ думъ вы можете заключить, что въ сущности онъ живетъ сердцемъ и что идеализмъ привитъ къ нему точно такъ, какъ прививаютъ человѣку оспу: болѣзнь есть, но она дѣйствуетъ въ организмѣ человѣка чисто отрицательно, предохраняя его отъ нашествія натуральной оспы. Я убѣжденъ, что за это тривіальное сравненіе поэты страшно на меня возстанутъ и не пустятъ меня на Парнасъ; но Богъ съ ними! мнѣ весело живется и на землѣ; я счастливъ и тѣмъ, что хотя (моды и важности ради) ношу очки, но на жизнь гляжу простыми глазами. Я не вижу въ кудряхъ — шелковаго каскада, у рыбокъ — лукаваго взгляда, а на темно-синемъ небѣ, безъ оптическихъ снарядовъ, звѣзды мнѣ не кажутся голубыми, а просто свѣтлыми, мерцающими огоньками... Впрочемъ, мы, обыкновенные смертные, безъ дара вдохновенія, безъ пророческаго огня въ сердцѣ, можемъ вовсе иначе глядѣть на свѣтъ Божій, чѣмъ люди съ *печатью высшаго стремленія на челѣ*. Итакъ, я съ своимъ прозаическимъ взглядомъ на жизнь видѣлъ въ Бубенчиковѣ добраго человѣка, немного избалованнаго дамами, хотѣвшаго разъиграть роль Печорина, но во время своего дебюта увидѣвшаго, что онъ сильно промахнулся ; но было ужь поздно. Его Соничка, тихое, доброе, умное и покорное его деспотизму и эгоизму дитя, вышла, по его требованію, замужъ за стараго генерала,—и всѣ радости для него погибли. Кажется, такой ударъ былъ достаточенъ для того, чтобы образумить Бубенчикова; такъ нѣтъ: онъ ужасно любилъ въ своихъ мечтахъ и думахъ видѣть себя Печоринымъ. Жаль, что покойникъ Гамлетъ не подслушалъ его мысли, онъ бы вѣрно сказалъ, что Бубенчиковъ такъ похожъ на Печорина, какъ онъ, Гамлетъ, на Геркулеса. Яснѣе всего это выразилось въ положеніи Бубенчикова на двухъ его аудіенціяхъ у сильныхъ міра сего. Дерзости перваго не отразилъ Бубенчиковъ ни единымъ словомъ, а нахальное желаніе втораго, чтобы онъ сдѣлался доносчикомъ, было имъ принято даже съ нѣкото-

рымъ энтузіазмомъ. Но не вините слишкомъ строго моего героя. Предупреждаю васъ снова, мой герой вовсе не идеалъ, и если онъ въ поэтическомъ озлобленіи на дерзости важнаго лица не вызвалъ его на дуэль или, по крайней мѣрѣ, не вышибъ у него послѣдняго старческаго зуба, то на это онъ имѣлъ такія же ясныя и законныя причины, какъ на то, чтобы принять съ энтузіазмомъ немного щекотливыя для поэтическаго сердца предложенія другаго важнаго лица. Мой герой, съ самаго ранняго возраста, поступилъ въ кадетскій корпусъ, прямо изъ-подъ фартуха своей мамаши, которая вскорѣ потомъ отдала Богу душу, оставивъ своему драгоцѣнному сыну въ наслѣдіе одно только материнское благословеніе и ни гроша за душой. Отецъ же Бубенчикова скончался за нѣсколько лѣтъ предъ поступленіемъ его въ корпусъ. Получивъ первоначальное воспитаніе отъ матери, женщины кроткаго нрава, религіозной и умной, Бубенчиковъ позаимствовалъ отъ нея покорность судьбѣ, разсудительность, мягкость и чисто женскую терпѣливость и кротость. Съ такимъ направленіемъ вступивъ въ военно-учебное заведеніе, Бубенчиковъ довольно долго подвергался большимъ непріятностямъ со стороны своихъ товарищей, которые въ разныя времена надавали ему слѣдующія имена: *плакса*, *Катенька*, *подлиза*. Первое изъ этихъ названій они основали на томъ, что Бубенчиковъ, при поступленіи своемъ въ корпусъ, въ отвѣтъ на ихъ *нахлобучки* и *тумаки*, бывало, сядетъ въ уголокъ и втихомолку поплачетъ. Второе названіе Бубенчиковъ получилъ за свѣжее, румяное какъ персикъ личико и особенно дѣвственную миловидность лица. Третье названіе товарищи дали ему за то, что онъ внимательно и старательно исполнялъ требованія учителей и начальства, за что̀ и былъ отличаемъ послѣдними. Эти три качества въ первые учебные годы были причиною того, что Бубенчикова не слишкомъ товарищи жаловали: при каждомъ удобномъ случаѣ, они ему, какъ говорится, подставляли ножку. Но когда Бубенчиковъ достигъ высшаго класса, глаза его товарищей раскрылись: они увидѣли въ немъ добраго, искренняго, добродушнаго сотрудника, который помогалъ всѣмъ и каждому съ любовью и терпѣніемъ; что его мнимое подлизыванье было не что иное, какъ добросовѣстное исполненіе имъ своихъ обязанностей и что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его наставники переходили границы вѣжливости, онъ первый возвышалъ голосъ за правду и истину. Но это возвышеніе

голоса обходилось ему очень дорого: два раза его за это порядочно отодрали розгами, при чемъ ему говорили:

— Старшаго слушать, не разсуждать; ваше дѣло—слушать, повиноваться и исполнять.

Сдѣлавшись чрезъ эти двѣ операціи идоломъ своихъ товарищей, которые глядѣли на него, какъ на героя и мученика, Бубенчиковъ много отъ этихъ операцій потерялъ въ нравственномъ отношеніи: мягкая его натура подчинилась розочному направленію, и онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что разсуждать о дѣйствіяхъ старшихъ — преступленіе, за которое должны слѣдовать розги. Но этого мало: за разсужденіе Бубенчиковъ чуть-чуть не попалъ въ гарнизонъ; къ счастью, его спасъ одинъ изъ высшихъ его начальниковъ, которому онъ понравился за то, что въ пѣсенникахъ всегда былъ отличнымъ запѣвалой и при этомъ выплясывалъ съ разными тѣлодвиженіями и жестами самымъ уморительнымъ образомъ. «Коли не плетью, такъ обухомъ», говоритъ пословица, такъ и Бубенчиковъ: коли не чрезъ умъ и познанія, такъ чрезъ пляску попалъ въ гвардію. Намъ-то до этого нѣтъ дѣла; но изъ пѣсни словъ не выкидываютъ. Мы должны слѣдовать исторической вѣрности: иначе, читатель имѣлъ бы полное право упрекнуть насъ въ пристрастіи, да и самъ Бубенчиковъ, какъ человѣкъ правдивый, прочтя настоящую мою хронику, озлился бы на меня еще хуже, нежели губернаторъ на него за занятіе имъ мѣста, которое было назначено его супругою господину Кулакову.... Но я удалился отъ предмета.... О чемъ бишь я хотѣлъ говорить? Странно! вѣдь я, когда началъ писать настоящую главу, имѣлъ намѣреніе познакомить моего читателя съ сатаною; а, между тѣмъ, герой мой сбилъ меня съ надлежащаго пути, *съ законнаго порядка*, какъ сказалъ бы навѣрно мой другъ, красноносый засѣдатель уѣзднаго суда. Но сами посудите, виноватъ ли я, что Бубенчиковъ размечтался о своей петербургской жизни. Надѣвъ эполеты и поступивъ въ гвардейскій полкъ, Бубенчиковъ на практикѣ убѣдился, что субалтерному офицеру нечего разсуждать: знай хорошо ружистику и шагистику да ротное и батальйонное ученье, являйся исправно въ манежъ, ходи аккуратно въ караулъ, не отлучайся съ гауптвахты, не выпускай арестантовъ домой, не пьянствуй и не играй съ ними въ азартныя игры, носи мундиръ и принадлежности его по формѣ, стриги низко волосы,—и будетъ тебѣ благо. Къ чему разсужденія?... Но Бубенчиковъ не отучился отъ своей дурной

привычки разсуждать. Однажды во фронтѣ его полковой командиръ подошелъ къ нему и отдалъ ему какое-то приказаніе. Бубенчиковъ, взявшись подъ козырекъ, чрезвычайно вѣжливо замѣтилъ ему, что по правиламъ слѣдуетъ сдѣлать вотъ такъ.

— Какъ вы смѣете меня учить, поручикъ? закричалъ гнѣвно полковой командиръ:—разсуждать вздумали.... Я вамъ дамъ такое разсужденіе, что вы своихъ не узнаете... Отдайте вашу саблю... ступайте на гауптвахту.

Двухнедѣльный арестъ на гауптвахтѣ окончательно убѣдилъ Бубенчикова, что голова дана ему только для того, чтобы носить остриженные по формѣ волосы и украшать ее каской съ султаномъ.

Выйдя съ гауптвахты, онъ переродился: разсуждать онъ пересталъ, и ему такъ легко сдѣлалось на сердцѣ, какъ будто съ него гора свалилась. Тутъ только онъ понялъ, почему всѣ его товарищи такъ беззаботны и веселы, почему они отличаются такъ рѣзко отъ ненавистныхъ имъ штафирокъ. Бубенчиковъ убѣдился тогда, что все суета суетъ и всяческая суета, и поэтому, закинувъ подъ постель всѣ ученые трактаты о тактикѣ, стратегіи, фортификаціи и другія тому подобныя глупости, которыя онъ до того времени изучалъ, и, предавъ ауто-да-фе всѣ обличительныя, противъ этой глупой его страсти, улики, т. е. всѣ свои замѣтки и выписки, мой герой принялся практиковаться въ высокихъ чувствахъ. На этомъ новомъ поприщѣ высокій станъ, красивое и выразительное лицо, огненные темно-каріе глаза, шелковистые темные волосы и усы дѣлали его истиннымъ героемъ, такъ что, подобно Цезарю, онъ могъ смѣло сказать: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Отъ послѣдней гризетки и камеліи самаго высокаго полета до величественной, добродѣтельной во всѣхъ отношеніяхъ барыни, — все заискивало его. Сначала Бубенчиковъ, по неопытности своей (вѣдь и Фридрихъ Великій обратился въ бѣгство въ первомъ своемъ сраженіи), довольствовался вещественными знаками невещественныхъ отношеній; потомъ, усовершенствовавшись, онъ началъ искать невещественные знаки вещественныхъ отношеній, т. е. посредствомъ связей составить себѣ карьеру. На этомъ поприщѣ онъ дебютировалъ очень успѣшно, пока не встрѣтился съ одною гувернанткою, Соничкою. Избалованному, какъ я выше сказалъ, дамами, Бубенчикову хотѣлось съ Соничкою разъиграть роль Печорина, на личность котораго онъ имѣлъ большую претензію; но Соничка

не была ни гризеткою, ни роскошною камеліею, ни породистою барыней, и поэтому онъ плохо разыгралъ роль свою... Когда Соничка вышла замужъ, ему Петербургъ опротивѣлъ, и онъ, чрезъ свои прошедшія вещественныя отношенія, попалъ въ Приморскъ начальникомъ полиціи, гдѣ я и имѣлъ честь рекомендовать его моимъ читателямъ.... Но довольно! Чувствую и знаю, что вы горите неимовѣрнымъ желаніемъ познакомиться съ сатаною. Но вы дѣлаете гримасу, вы не хотите признаться, что желаете, или, какъ поэты выражаются, жаждете познакомиться съ этимъ падшимъ ангеломъ... Полноте, не лукавьте.... Съ жадностью мы съ вами слушали въ дѣтствѣ отъ мамокъ и нянекъ похожденія его на землѣ и его продѣлки съ разными личностями; потомъ, въ возмужаломъ возрастѣ, мы съ наслажденіемъ читали съ вами: «Потерянный Рай», «Фауста», «Демона», «Хромоногаго Бѣса» и тьму записокъ, хроникъ, романовъ и повѣстей, излагавшихъ судьбу этого древняго героя... Но успокойтесь, любезный читатель: я не имѣю намѣренія познакомить васъ съ сатаною въ такомъ видѣ, какъ вы о немъ читали во всѣхъ указанныхъ мною сочиненіяхъ: мой бѣсъ не хромогъ; онъ не имѣетъ также такого величія и красоты, какъ соблазнительный демонъ; онъ вовсе не по бѣсовски уменъ, какъ Мефистофель; онъ также не въ состояніи писать записки на какомъ бы то ни было языкѣ, потому что ни одного достаточно не знаетъ и въ грамотѣ не крѣпокъ. За то у него съ Мефистофелемъ большое сходство: подобно этому бѣсу, онъ по части женскаго пола мастеръ улаживать дѣла своихъ патроновъ; усердіе его въ этомъ случаѣ превосходитъ мефистофелево: онъ даже жену свою жертвуетъ. Сходство его съ нашимъ простонароднымъ чортомъ то, что оба рогоносцы.

Еще съ хромоногимъ бѣсомъ мой сатана имѣетъ сходство и *сродство* (выражаюсь языкомъ химіи, потому что, по реторикѣ Кошанскаго, слогъ долженъ быть приличенъ случаю и мѣсту; а извѣстно, хромоногій бѣсъ былъ въ затворничествѣ у химика): это сходство состояло въ томъ, что первый сидѣлъ въ стклянкѣ полгода, пока случайно не былъ изъ нея освобожденъ; мой же бѣсъ всю жизнь свою просидѣлъ за стклянками чарочнаго откупа и такъ былъ къ нимъ приколдованъ, что, разбогатѣвъ посредствомъ профессіи друзей своихъ Мефистофеля и Асмодея, не переставалъ быть сткляночнымъ *повѣреннымъ*. Какое магическое слово «чарочный повѣренный»! Вы, любезный мой чи-

татель, если только принадлежите къ какимъ нибудь губернскимъ, или уѣзднымъ, или городскимъ властямъ, можетъ быть, и сами испытали его волшебное дѣйствіе, когда приходилъ къ концу какой нибудь мѣсяцъ....

— Вотъ, говорили вы своей супругѣ, раздѣваясь и ложась на брачное ложе (*):—завтра первое число и *повѣренный*, вѣрно, завезетъ мнѣ жалованье: онъ, бестія, всегда, аккуратенъ... Я тебѣ, мой пупырчикъ, закажу завтра шляпку изъ этихъ денегъ.

— О! откупъ исправенъ, возражаетъ супруга, отталкивая руку мужа. — А какую шляпку ты мнѣ купишь?

А инфузоріи губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ присутственныхъ мѣстъ, удостоиваемыя только полученіемъ отъ откупа, вмѣсто жалованья, къ новому году водки, начиная съ 5 до 1 штофа полугара, или пѣнной, или очищенной,—съ какимъ нетерпѣніемъ они въ декабрѣ мѣсяцѣ ждутъ твоего появленія, г. повѣренный, чтобы предъявить тебѣ списокъ всѣхъ смертныхъ, пользовавшихся щедротами откупа! А какой шумъ поднимаетъ какая нибудь канцелярская крыса, какъ напримѣръ архиваріусъ, когда въ числѣ счастливцевъ онъ обойденъ откупомъ!

— Я убѣжденъ, говоритъ онъ бѣлобрысому журналисту, съ азартомъ выбивая пыль изъ стараго дѣла:—это все штуки секретаря: о! онъ политиканъ, интриганъ.... знаемъ мы его... Но чтобъ мнѣ до завтрашняго дня не дожить, если я ему не отплачу. Придетъ онъ ко мнѣ за справочкой, чтобы подлизаться къ предсѣдателю: цѣлый годъ буду его водить.... вѣдь у меня-то описей дѣламъ нѣтъ: хорошо, что я умѣю отыскивать....

— Послушай, дружище, возражаетъ ему журналистъ:—какъ разъ выгонятъ тебя. Смотри не пузырься.

— Меня! возражаетъ горячо архиваріусъ: — еще не родился тотъ человѣкъ, который бы меня выгналъ въ отставку; захочу— самъ подамъ.... но вотъ я тебѣ докажу: пусть секретарь придетъ за справкой, цѣлый годъ будетъ ходить.

Въ это время вбѣгаетъ въ архивъ впопыхахъ секретарь.

— Господинъ архиваріусъ, отыщите сейчасъ же, безъ всякаго отлагательства, дѣло, начавшееся въ 1801 году и переданное въ архивъ за неполученіемъ, втеченіе 15 лѣтъ, отъ губерн-

(*) Чиновникъ говоритъ съ женою только за обѣдомъ и въ постели.

скаго правленія отзыва. Теперь поступило отъ сына истца прошеніе, и предсѣдатель требуетъ къ себѣ дѣло.

— Подъ какимъ же оно заглавіемъ?

— *О немедленномъ отысканіи пропавшей у колониста Гельмана коровы на ярмаркѣ въ городѣ Балтѣ.*

— Помилуйте, Леонардъ Павлычъ! пропищалъ архиваріусъ:— я думаю, косточки этой коровы давно погнили: вѣдь корова-то пропала 57 лѣтъ тому назадъ.

— Молчать! заревѣлъ секретарь, Леонардъ Павлычъ. — Не разсуждать! Когда господинъ предсѣдатель находитъ возможность отыскивать эту корову и хочетъ начать немедленно, не теряя минуты, дѣятельную переписку по этому дѣлу, то не вамъ, г. архиваріусъ, разсуждать о предметѣ, рѣшенномъ резолюціею его превосходительства.

Для вящшаго убѣжденія архиваріуса, Леонардъ Павлычъ ткнулъ ему подъ носъ резолюцію, на которую ссылался. Архиваріусъ бросился со всѣхъ ногъ отыскивать *не терпящее отлагательства* дѣло; секретарь ушелъ, а журналистъ, ударивъ по плечу горячившагося архиваріуса, сказалъ ему:

— Ты слышалъ разсказъ горячаго нѣмца?

— Нѣтъ, отвѣчалъ мрачно архиваріусъ, уткнувъ носъ въ какое-то дѣло.

— Коли не слышалъ, то я тебѣ передамъ его буквально. Нѣмецъ разсказывалъ мнѣ такъ:

— «О! я горейчій шеловѣкъ! Биль я на Вольфа ресторанъ, на Нефска проспектъ... Пришелъ и сказалъ: гарсонъ, подай мнѣ одинъ кафе. Гарсонъ подалъ. А я фсялъ газетъ и политикъ шитай. Тутъ пришелъ матросскій офицеръ и фипиль мой кафе... О! я горейчій шеловѣкъ!»

— Что жь вы ему сказали? спросилъ я его.

— Я? я ему сказалъ: какъ ты смѣешь! а онъ далъ мнѣ одинъ оплеухъ.... О!... я горейчій шеловѣкъ....

— Что жь вы ему сдѣлали?

— Я?... я фелѣлъ себѣ подать другой кафе.... онъ фипиль и другой.... я горейчій шеловѣкъ....

— О! я увѣренъ, вы въ этомъ случаѣ не смолчали....

— Гм!... смолчать!... я сказалъ ему: зашѣмъ пьешь мой кафе?... А онъ далъ мнѣ другой оплеухъ.... О! я горейчій шеловѣкъ — побѣжалъ на графъ Бенкендорфъ.

— Что жь тебѣ графъ сказалъ?

— Графъ сказалъ: фи, горейчій человѣкъ, когда матросскій офицеръ тастъ фамъ еще одинъ оплеухъ, придить и скажить мнѣ. Я ему скажу: такъ негодится тѣлать.

Съ этими словами журналистъ, презрительно улыбаясь, вышелъ; а архиваріусъ горячо началъ рыться въ дѣлахъ, для отысканія 57-лѣтняго дѣла—о немедленномъ отысканіи коровы колониста Гельмана, между тѣмъ, какъ мысли его были заняты откупнымъ повѣреннымъ. Бѣдные чиновники! какъ жалко ваше положеніе, когда какой нибудь откупной повѣренный можетъ бросить тѣнь на ваше сердце. Благо, если бы это былъ откупной адвокатъ, а то повѣренный!... Да знаете ли вы, что̀ такое повѣренный откупа? Это тотъ же факторъ, у него даже довѣренности нѣтъ отъ имени откупщика; титулуется же онъ повѣреннымъ, чтобы имѣть доступъ во всѣ присутственныя мѣста и ко всѣмъ властямъ. Въ большихъ городахъ прямыя, существенныя обязанности этихъ повѣренныхъ заключаются: въ разноскѣ всѣмъ чиновнымъ ежемѣсячнаго жалованья, въ подкупѣ властей, по процессамъ откупа, въ развозкѣ предъ новымъ годомъ чиновникамъ опредѣленнаго количества водки; а, между тѣмъ, несмотря на эту факторскую роль, какъ любезно встрѣчаетъ этого повѣреннаго весь чиновный миръ; даже гордый пріятель нашъ Леонардъ Павлычъ (*), забывая свое польское шляхетство, готовъ ему ручку поцаловать, лишь бы къ праздникамъ получить линній штофъ допелькюмеля. Такимъ-то повѣреннымъ или факторомъ былъ въ Приморскѣ Абрамка Рабиновъ, онъ же почетный гражданинъ.

Слышалъ я (нужно вамъ сказать, что я, какъ истинный порядочный человѣкъ, ничего ученаго не читаю, развѣ на сонъ грядущій прейс-курантъ книгопродавца Исакова; поэтому объ ученыхъ предметахъ сужу по наслышкѣ), что въ Евронѣ званіе почетнаго гражданина даннаго города не дается легко: тутъ нужны дѣйствительныя заслуги, истинная честность и талантъ, признанный цѣлою націею. У насъ же стòитъ вамъ состоять въ 1-й гильдіи 10, а во 2-й 12 лѣтъ и вы получаете дипломъ на это званіе (**). Согласенъ съ тѣмъ, что записанныя въ первыхъ двухъ гильдіяхъ лица приносятъ городу большую пользу, платя ему ежегодно: первые 800 руб. сер., вторые — 280 рублей; но эта польза никакъ не

(*) Леонардъ Павлычъ считаетъ себя потомкомъ Пяста.

(**) Я не говорю объ ученыхъ, которые по всей справедливости получаютъ почетное гражданство.

можетъ быть основаніемъ къ предоставленію такимъ лицамъ права на почетное званіе. Законъ, установивъ это правило, не имѣлъ вовсе въ виду одной только пользы: въ доказательство мы можемъ сказать, что если бы онъ имѣлъ только это одно своимъ началомъ, то дипломы на почетное гражданство прямо продавались бы, какъ это дѣлалось во Франціи, Австріи и даже Польшѣ. Смыслъ же нашего закона тотъ, что если кто пробылъ извѣстное число лѣтъ записаннымъ въ гильдію и велъ свои дѣла честно и благородно, то онъ достоинъ почетнаго названія гражданина.

Но какъ вы узнаете, что данное лицо вело себя честно и благородно? Гласности у насъ нѣтъ не только въ судахъ, но и въ газетахъ; остается только одно средство къ дознанію истины, а именно забрать справки, не состоитъ ли данное лицо подъ слѣдствіемъ и судомъ. Но это юридическое основаніе очень недостаточно: можно быть ловкимъ плутомъ, производить всѣ возможныя беззаконія и не состоять ни подъ слѣдствіемъ, ни подъ судомъ. Не лучше ли было бы въ этомъ случаѣ установить балло-тировку? большинство голосовъ купечества было бы здѣсь нѣкоторымъ образомъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія противъ лица, причисляющагося къ почетному гражданству.

Но его мрачность господинъ Абрамка Рабиновъ знать не хочетъ не только никакихъ общественныхъ мнѣній, но и общественной пользы; чтобъ достигнуть почетнаго гражданства, онъ не платилъ гильдейскихъ ни по 1-й, ни по 2-й гильдіи; притомъ, какъ еврею, эта плата ему ни къ чему не служила бы, такъ какъ дѣти Израиля искючаются изъ числа людей, могущихъ за деньги быть почетными гражданами. Поэтому его мрачность прибѣгъ къ уловкѣ, дѣлающей честь его уму: онъ сдѣлался факторомъ одного важнаго лица, о которомъ замѣтилъ одинъ нашъ остроумный аристократъ, что онъ держитъ на мизинцѣ *по пуду*. Абрамка овладѣлъ совершенно этимъ сильнымъ міра сего: всѣ блага сыпались на тѣхъ, кого Абрамка принималъ подъ свое покровительство. Самъ же Абрамка принялъ громкое оффиціальное названіе главнаго коммиссіонера *** пѣхотнаго корпуса; хотя на это названіе у него не было диплома, но всѣхъ встрѣчныхъ на улицѣ онъ останавливалъ и показывалъ свою подорожную, въ которой ясно значилось: «главному комиссіонеру ***, Абраму Израилевичу Рабинову, по весьма экстренной военной надобности, давать изъ *курьерскихъ* по три лошади, съ проводникомъ, подъ собственный экипажъ.» Имѣя въ рукахъ такой важный

документъ, Рабиновъ до того возгордился, что иначе не говорилъ:

— *Мы* съ Александромъ Ивановичемъ (такъ назывался важный человѣкъ) это дѣло уладили... Мы разбили венгерцевъ... мы побили турокъ, англичанъ, французовъ.

Говорятъ, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Такъ случилось и съ Абрамкой: чѣмъ больше онъ пріобрѣталъ довѣріе генерала, тѣмъ болѣе становился онъ дерзокъ, такъ что въ описываемое мною время онъ, вмѣсто *мы*, началъ употреблять мѣстоимѣніе *я*. Въ этомъ однажды я убѣдился въ судѣ. Я зашелъ туда по дѣлу и засталъ Рабинова въ страшныхъ хлопотахъ.

— Что̀ вы такъ хлопочете? спросилъ я.

— Пишу рядную запись.

— Развѣ вы выдаете замужъ дочь свою?

— Нѣтъ. Я выдаю замужъ дочь Александра Ивановича.

— Съ чѣмъ васъ и ее поздравляю, отвѣчалъ я.

— Покорно благодарю, отвѣчалъ онъ серьёзно, не понявъ моего сарказма.

Согласитесь, при такихъ подвигахъ, человѣкъ,разъѣзжавшій на курьерскихъ по весьма экстренной военной надобности, не могъ не сдѣлаться почетнымъ гражданиномъ; о потомкахъ же Суворова кто-то сказалъ, что потомки того, который въ церкви православной воспѣвается побѣдителемъ, не могутъ не быть русскими князьями. И Абрамка на этомъ основаніи попалъ за особенныя услуги въ почетное гражданство. Хроника города Приморска утверждаетъ, что Абрамка получилъ извѣстіе объ этомъ въ два часа ночью, когда уже спалъ: его разбудили и вручили ему бумагу. Рабиновъ выскочилъ изъ постели и, прочтя бумагу, на скорую руку одѣлся, выбѣжалъ на улицу и давай стучаться къ сосѣдямъ.

— Кто тамъ? раздавался говоръ бабы или мужика.

— Скажи господамъ, что я — почетный гражданинъ...

— «Убирайтесь къ чорту»... «Пьяница»... «Шарлатанъ!». Такіе отвѣты получалъ отъ всѣхъ этихъ безчувственныхъ тварей Абрашка.

Эта страница хроники немного преувеличена и, я, признаться, ей не вѣрю; знаю только то, что съ этого времени Абрамка иначе не выѣзжалъ, какъ съ ливрейнымъ лакеемъ. Но, несмотря на свое возвышеніе, Абрамка оставался вѣренъ своей натурѣ —

отъ откупныхъ стклянокъ онъ никакъ не отставалъ, былъ покорнымъ слугою и вѣчно неизмѣннымъ повѣреннымъ откупа. Такое пристрастіе Абрамки къ чарочному откупу удивляло меня, и я, однажды, встрѣтивъ его въ уѣздномъ судѣ, рѣшился его спросить:

— Скажите, г. Рабиновъ, что̀ за охота вамъ быть повѣреннымъ откупа?

— Видите ли, возразилъ онъ:—у каждаго человѣка есть своя заноза, своя страстишка: я къ откупу чувствую *природное* влеченіе... Говорятъ, маменька моя жила противъ виннаго откупа и, видно, когда меня *носила*, какъ нибудь засмотрѣлась на откупъ.

Но его семейная геральдика и метрика гласитъ, что маменька его имѣла маленькую страстишку къ одному цаловальнику и къ ерофеичу и эту страсть передала по родовому закону природы сыну своему Абрамкѣ.

Этотъ-то Абрамка, въ то время, какъ Бубеньчиковъ мечталъ о Соничкѣ, въ день вступленія своего въ должность полиціймейстера, прервалъ его думы своимъ появленіемъ у дверей его кабинета.

— Честь имѣю рекомендоваться: повѣренный здѣшняго откупа, почетный гражданинъ Рабиновъ.

— Очень пріятно, отвѣчалъ вѣжливо Бубенчиковъ.—Прошу сѣсть. Вы вѣрно ко мнѣ по какому нибудь дѣлу?

— Когда же откупу не имѣть дѣла до полиціймейстера и обратно: вѣдь рука руку моетъ. Отъ имени откупщика я пришелъ поговорить съ вами о томъ, въ какое время угодно вамъ получать откупное жалованье.

Сердце Бубенчикова сильно сжалось; но, собравшись съ духомъ, онъ сказалъ:

— Очень благодаренъ господину откупщику за его вниманіе... Развѣ здѣшній полиціймейстеръ на жалованьи у откупа?

— Какже. Онъ получаетъ 3,000 р. въ годъ... здѣсь всѣ получаютъ жалованье: правитель губернаторской канцеляріи — 1,500 р., помощникъ вашъ — 580 р., члены полиціи — по 400, пристава частей—300, окружные и смотрителя колоній по 500, секретарь полиціи—300.

— Очень благодаренъ вамъ за доставленіе мнѣ этихъ статистическихъ свѣдѣній. Передайте также мою благодарность

вашему откупщику; но скажите ему, какъ бывшему военному, слѣдовательно товарищу моему по оружію, что я отказываюсь отъ его жалованья и прошу его прекратить производство жалованья моимъ подчиненнымъ.

— Какъ можно! воскликнулъ Абрамка съ непритворнымъ удивленіемъ:—отъ такого куша, какъ я вамъ предлагаю, не отказываются.

— Имѣйте въ виду, что у каждаго свои убѣжденія и каждый живетъ своимъ умомъ.

— Я не могу допустить, чтобы вы, небогатый и незнатный человѣкъ, отказались отъ 3,000 р. сер., когда за такую же сумму одинъ большой человѣкъ, въ 1800 году. выхлопоталъ, чтобы его корпусъ былъ въ полномъ составѣ собранъ въ городъ Е... на смотръ, для того, чтобы поднять тамъ откупъ. Поймите: за 3,000 р. тащился 500 верстъ, въ лѣтній зной, цѣлый корпусъ; израсходовали казенныхъ сотни тысячъ для того, чтобы мой откупщикъ, Михаилъ Васильевичъ, не былъ въ убыткѣ на откупѣ. Да и сыну его, теперешнему откупщику, онъ навѣсилъ видимо-невидимо всѣхъ возможныхъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ. Вотъ что̀ значитъ 3,000! а вы еще отказываетесь. Помилуйте! мнѣ совѣстно передать даже вашъ отвѣтъ откупщику. Онъ не повѣритъ.

— Чтобы откупщикъ не имѣлъ и тѣни сомнѣнія въ моей рѣшимости, я напишу къ нему письмо.

Бубенчиковъ присѣлъ къ столу.

— Прошу васъ, не дѣлайте этого. Губернаторъ узнаетъ и будетъ вами очень не доволенъ...

— Я служу не губернатору, а царю и отечеству.

— Но позвольте, что̀ вы хотите этимъ выразить?

— То, милостивый государь, что я не позволю шинкамъ торчать у собора, рядомъ съ полиціею, на углу улицъ Преображенской и Почтовой. Не позволю, чтобы шинки, въ праздничные дни, отворялись до заутрени и чтобы тамъ продавалась водка, не имѣющая и 12°; не дозволю, чтобы солдаты пьянствовали въ кабакахъ, чтобы цаловальники грабили несчастный рабочій классъ, котораго положеніе и такъ неблистательно.

— Очень, очень жаль. А откупщикъ будетъ очень огорченъ этимъ...

— Душевно сожалѣю объ огорченіи вашего откупщика; но передайте ему мой отвѣтъ.

— Можетъ быть, для васъ мало трехъ тысячъ...

— Послушайте, милостивый государь, если бы мой предшественникъ не унизился до того, что былъ подлымъ откупнымъ орудіемъ, я бы за дерзкое оскорбленіе ваше вытолкалъ васъ въ шею... Какъ вы смѣете считать меня такимъ безчестнымъ человѣкомъ, что стану торговать совѣстью? Если вашъ откупщикъ не стыдится, то это нисколько не даетъ вамъ повода считать такими всѣхъ людей...

— Я ничего такого оскорбительнаго не сказалъ; я хлопочу о вашемъ интересѣ...

— Позвольте мнѣ самому хлопотать о своемъ интересѣ; вамъ же повторю: прекратите выдачу жалованья моимъ чиновникамъ, не развращайте, не растлѣвайте общества.. Если въ человѣкѣ есть искра совѣсти, не заглушайте ея своимъ золотомъ. Передайте это вашему откупщику, какъ мою убѣдительнѣйшую просьбу. Если же моя просьба не будетъ уважена, пеняйте тогда на самого себя.

— Послѣднее ваше слово?

— Послѣднее.

— До свиданія, сказалъ Абрамка, подымаясь съ мѣста. — А я было полагалъ, что мы будемъ друзьями.

— Лучше будемъ ни врагами, ни друзьями.

Сдѣлавъ кислую гримасу, Абрамка вышелъ не въ духѣ отъ новаго полиціймейстера.

ГЛАВА IX.

ГЕРОИЧЕСКАЯ РѢШИМОСТЬ БУБЕНЧИКОВА.

Когда Абрамка ушелъ, Бубенчикову такъ скверно сдѣлалось на сердцѣ, онъ такъ возненавидѣлъ міръ, людей и въ особенности свою должность, что готовъ былъ сейчасъ же сѣсть въ экипажъ и ускакать далеко, далеко Но куда уѣхать? Въ Петербургѣ его ожидало горе. «Въ другое какое мѣсто?» подумалъ Бубенчиковъ. «Но нужно отыскать новую должность, и будетъ ли она лучше настоящей? Вездѣ люди, вездѣ тѣ же страсти, та же пошлость, та же безнравственная язва обществъ, отъ которой мы страждемъ... И я... что̀ я такое? пѣтухъ, который пѣтушится предъ какимъ нибудь повѣреннымъ откупа, который

высказываетъ свои благородные порывы предъ шинкаремъ, факторомъ и которому можетъ зажать ротъ каждый превосходительный невѣжда!

«Отчего мы, герои, идущіе на пушку,—отчего мы такъ безсильны, такъ ничтожны при выраженіи нашихъ мнѣній, нашихъ сужденій?»

Мысли его были прерваны приходомъ Искрина.

— Что̀ это ты, Бубенчиковъ, нахохлился? видно, солоно хлебается на новой твоей должности.

— Твое выраженіе, что я нахохлился, очень кстати въ настоящую минуту. Я только что думалъ, что я и ты, и всѣ мы такъ называемые порядочные люди ни больше, ни меньше, какъ пѣтухи. Мы съ тобою очень краснорѣчиво въ своемъ кабинетѣ разглагольствуемъ о чести, громимъ лицемѣріе въ кругу своихъ товарищей, высказываемъ прочувствованныя общественныя идеи предъ какой нибудь человѣческой букашкой, а явись предъ нами мало-мальски значительное лицо, ты теряешься, робѣешь, говоришь капитальныя глупости, защищаешь противъ своихъ убѣжденій такія вещи, что намъ позавидовали бы герои фонъ-Визина, Грибоѣдова, Гоголя.

— Э-э! сказалъ Искринъ: — ты вѣрно получилъ нахлобучку отъ губернатора. Я этого ожидалъ: ты сюда назначенъ безъ его представленія.

— Да, другъ мой, нахлобучка была пренепріятная: онъ принялъ меня такъ, какъ не принимаютъ послѣдняго лакея, и я, представь себѣ, стоялъ, какъ болванъ, даже не разинулъ рта, чтобы ему дать хоть вѣжливый отпоръ. А всему виною проклятое наше воспитаніе: оно убиваетъ въ насъ все наше внутреннее достоинство, все, что̀ облагораживаетъ человѣка! Изъ насъ дѣлаютъ палку, болвана, на который можно надѣть и каску, и чепчикъ, и дурацкій колпакъ... Въ дѣтствѣ — наши наставники, а въ возмужалый возрастъ—наше начальство употребляютъ всѣ старанія, всѣ усилія, чтобы убить нашу самостоятельность, чтобы извратить нашу натуру, вселяютъ намъ притворство, лицемѣріе и зависть... Вся мерзость нашего растлѣнія видна изъ того, что мы удивляемся и считаемъ героизмомъ прямодушіе Якова Долгорукова, говорившаго правду царю своему. Можетъ ли быть что нибудь пошлѣе этого: говорить правду—у насъ подвигъ, достойный подвиговъ Александра Македонскаго, Юлія Цезаря и Аннибала.

— Послушай, Бубенчиковъ, съ такими идеями напрасно ты пріѣхалъ сюда. Я тебѣ разъ ужь сказалъ, лучше бы ты сдѣлалъ, еслибъ, не являясь къ начальнику, сѣлъ въ экипажъ и ѣхалъ въ полкъ.

— Вотъ въ томъ-то и сила, что мы всѣ похожи другъ на друга: мы мастера итти по ровной, гладкой дорогѣ, укатанной протекціею бабушекъ, тетушекъ или метрессъ... признаюсь въ этомъ откровенно... малѣйшая шероховатость нашего пути, кочки, бугорки, рытвины лишаютъ насъ энергіи, силъ и заглушаютъ наши способности...Одни изъ насъ дѣлаются — Гамлетами Щигровскаго уѣзда, другіе—Печориными, третьи — циниками, мизантропами... иные предаются игрѣ и пьянству. Знаешь, Искринъ, до сегодняшняго дня во мнѣ дремало все, кромѣ эгоизма; но я проснулся, оглянулся въ свое прошедшее, и мнѣ противно сдѣлалось за себя и за другихъ, кого я считалъ людьми порядочными... Я потерялъ подругу, потерялъ навѣки ангела, потому что во мнѣ недоставало столько мужества, терпѣнія, энергіи и силы воли жениться на бѣдной... Я заставилъ ее выйти замужъ за хвораго, больнаго старика и при этомъ утѣшалъ себя мыслью, что я исполнилъ свой долгъ! Великолѣпно я исполнилъ обязанности человѣка! живою зарылъ молодую, цвѣтущую женщину въ могилу, для спасенія себя отъ маленькихъ усилій трудиться для нея и семейства... Еще часъ предъ этимъ я оправдывалъ себя тѣмъ, что я бѣденъ и что грѣшно разводить нищихъ. Посмотри на мою безцвѣтность; а вѣдь такіе — мы всѣ, по большей части: наши страстишки мелочны, въ насъ нѣтъ ни характера, ни убѣжденій... О! я чувствую, что во мнѣ совершился переворотъ; а всему причиной откупной факторъ: онъ столько гадостей поразсказалъ мнѣ, что я невольно заглянулъ въ свою душу и увидѣлъ всю пошлость, все ничтожество моей собственной натуры.

— Счастливъ тотъ, возразилъ Искринъ: — кто, познакомившись съ гноемъ нашего общества, можетъ перемѣниться къ лучшему. Но много ли такихъ? Большая часть людей, мой другъ, въ этомъ случаѣ похожи на обезьяну дѣдушки Крылова: они, въ зеркалѣ увидѣвъ свою образину, толкаютъ подъ бокъ кума и говорятъ: «гляди, какая противная рожа! если бы мы были на нее похожи, мы бы удавились». Мы всѣ считаемъ себя болѣе или менѣе совершенными и, открывая спицу въ глазѣ нашего друга или брата, не видимъ бревна въ нашемъ собственномъ.

Это старыя истины, и ты не исправишь общества, мой другъ! Каждый правъ по своему: одинъ великъ на малыя дѣла, другой —на большія, и оба считаютъ себя равными. Если бы этого не было, или всѣ были бы совершенны, или у большей части людей была бы потеряна вѣра въ самого себя, одна изъ самыхъ сильныхъ двигательницъ ума и воли человѣка... Пусть же мы заблуждаемся насчетъ нашихъ совершенствъ: болѣе пользы принесемъ мы, нежели живя съ горькимъ сознаніемъ нашего ничтожества. Нужно побольше хладнокровія и больше практической философіи, мой другъ!

— Ты ошибаешься, Искринъ, если предполагаешь, что мое самосознаніе поведетъ меня къ бездѣйствію, ипохондріи. Напротивъ, сознавъ свое ничтожество, я хочу дѣятельности, хочу приносить пользу,—словомъ, я хочу быть человѣкомъ и добросовѣстнымъ гражданиномъ.

Искринъ улыбнулся.

— Ты, Бубенчиковъ, добрый и благородный человѣкъ; но ты фантазёръ, энтузіастъ... Ты думаешь, что, создавъ себѣ теорію, положимъ даже очень прекрасную, можно ее осуществить? Ты полагаешь, что нашъ дѣдушка Крыловъ даромъ ломалъ себѣ голову надъ басней «Щука, ракъ и лебедь»: щука тянетъ въ воду, ракъ пятится назадъ, а лебедь подымается къ небесамъ... Когда нѣтъ единства, когда есть разладица въ обществѣ, тогда можно ли чего нибудь достигнуть?... Смотри: въ губернаторѣ ты найдешь рака, а въ полиціи—щуку; послѣдняя, какъ щука, хищна и непремѣнно юркнетъ въ мутную воду, чтобы ловить рыбокъ, а губернаторъ будетъ пятиться, по старости, назадъ, а, между тѣмъ, клещами больно щипаться. Ты думаешь, что въ твоемъ положеніи, въ твоей должности достаточны честный трудъ, образованность и умъ?

— Такъ думаю я, да это и всеобщее мнѣніе.

— Мнѣніе, другъ мой, совершенно ошибочное: полиція есть не только мѣсто исполнительное, но и слѣдственное и, по дѣламъ безспорнымъ, судебное. Здѣсь нуженъ не только огромный запасъ теоретическихъ, но и практическихъ знаній гражданскаго и уголовнаго судопроизводства... Въ томъ-то и несчастіе наше, что въ нашемъ обществѣ вовсе другой взглядъ на полицію: умѣющій командовать ротой или эскадрономъ считается способнымъ быть начальникомъ полиціи.

— Хорошо, Искринъ, согласенъ съ тобою: мнѣ нужно многому поучиться. Даю тебѣ слово заняться серьёзно своимъ дѣломъ, изучу основательно гражданское и уголовное судопроизводство. Надѣюсь послѣ этого, что я тогда въ силахъ буду исполнить добросовѣстно свои обязанности.

Искринъ вздохнулъ.

— Едва ли, отвѣчалъ онъ. — Не думай, Бубенчиковъ, что я принадлежу къ *esprits contradictoires* и что я хочу разочаровать тебя. Вѣрь мнѣ, я говорю тебѣ сущую правду. Знай ты въ совершенствѣ все уголовное и гражданское судопроизводство, будь ты хоть о девяти пядей во лбу, ты ничего не сдѣлаешь. Причины тому слѣдующія: *во-первыхъ*, полиція обременена разными административными и судебными мѣстами такою громадною перепискою, что у тебя едва станетъ времени для подписи бумагъ, не только для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ; *во-вторыхъ*, слѣдствія уголовныя и гражданскія тысячами вступаютъ ежегодно въ полицію, такъ что ты едва ли будешь даже знать одни ихъ названія; притомъ всѣ эти дѣла всегда обращаются для производства по частямъ; *въ-третьихъ* — если бы ты обратилъ свое вниманіе на какое нибудь изъ нихъ и хотѣлъ дать ему законное направленіе, то тѣ лица, противъ которыхъ ты захочешь итти, вырвутъ изъ рукъ твоихъ дѣло; по ихъ ходатайству, оно перейдетъ или въ судъ, или къ губернаторскому чиновнику особыхъ порученій; *въ-четвертыхъ*, по вексельнымъ и контрактнымъ дѣламъ, если бы ты хотѣлъ правильно рѣшить дѣло, то не забудь, что у тебя, какъ у предсѣдателя, только два голоса, а у остальныхъ членовъ полиціи 3, значитъ, если они захотятъ, твой голосъ останется пустымъ звукомъ, называемымъ въ рѣшеніяхъ *мнѣніемъ*. Но допустимъ даже, что твои сочлены рѣшили бы дѣло согласно съ твоимъ мнѣніемъ: такъ ты думаешь, что ты уже принесъ пользу обществу? Вѣрь мнѣ, ни одно твое рѣшеніе не будетъ имѣть дѣйствительной силы: всѣ они перерѣшатся или магистратомъ, или уѣзднымъ судомъ. Вотъ почему я тебѣ и говорилъ, что только тогда можно достигнуть чего нибудь, когда въ дѣлахъ и отношеніяхъ правительственныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ существуетъ единство.

— Такъ, по твоему мнѣнію, Искринъ, администраторъ или чиновникъ, находя въ обществѣ разладицу и неурядицу, долженъ опустить руки, долженъ сдѣлаться лицемѣромъ и низ-

кимъ взяточникомъ, для того, чтобы походить на своихъ собратовъ и не быть исключеніемъ изъ общаго правила?

— Нѣтъ, Бубенчиковъ, я представилъ тебѣ картину твоей дѣятельности вовсе не для того, чтобы изъ тебя сдѣлать обыкновеннаго рутиннаго полиціймейстера; я только предупредилъ тебя, что ты долженъ имѣть въ виду страшную борьбу со всѣми начальствующими, судебными и подчиненными тебѣ властями. Будь честенъ и добросовѣстенъ,—это святой долгъ каждаго патріота; дѣйствуй по мѣрѣ силъ и способностей своихъ. Но, повторяю тебѣ снова, кто бы ни былъ на твоемъ мѣстѣ, если бы даже Ришльё или Кольберъ возстали изъ гроба и сѣли на твое мѣсто, едва ли они сдѣлали бы что нибудь путное... Чтобы у насъ дѣла шли какъ слѣдуетъ, нужно: 1) дать чиновникамъ образованіе и хорошее содержаніе; 2) сократить переписку всѣхъ присутственныхъ мѣстъ съ полиціями; 3) чтобы всѣ или, по крайней мѣрѣ, бо̀льшая часть чиновниковъ исполняли добросовѣстно свои обязанности; 4) чтобы полиціи были преобразованы по образцу французскихъ и англійскихъ полицій. Согласись, мой другъ, что все это зависитъ не отъ твоей добросовѣстности, не отъ твоихъ познаній.

— Что̀ жь мнѣ остается дѣлать? сказалъ, послѣ нѣкотораго молчанія, почти съ отчаяніемъ, Бубенчиковъ.

— Быть честнымъ, справедливымъ и при всякомъ случаѣ преслѣдовать зло, не обращая вниманія ни на какое лицо. Плетью обуха не перешибешь. Работай и дѣлай по мѣрѣ силъ и возможности, а все остальное предоставь времени и Богу. Заря наша занялась; подожди—взойдетъ и солнце... Однако, мой другъ, я и забылъ, что у меня билетъ на благородный спектакль любителей въ пользу однаго бѣдного семейства. Эти благородные спектакли уморительны: деньги идутъ на любовницъ самыхъ любителей. Да и способъ сбыта билетовъ самый оригинальный: большая часть изъ нихъ отдаются частнымъ приставамъ, которые въ видѣ контрибуціи разсылаютъ ихъ кому слѣдуетъ. Какъ это нравственно!... До свиданія, другъ мой. Заѣзжай иногда и ко мнѣ. Вотъ тебѣ мой адресъ....

Когда Бубенчиковъ остался одинъ, въ его ушахъ зловѣщно звучали слова Искрина:

«Если бы Ришльё или Кольберъ возстали изъ гроба и сѣли на твое мѣсто, едва ли и они сдѣлали бы что нибудь путное!»

Но, несмотря на то, походивъ нѣсколько минутъ въ размышленіи, Бубенчиковъ сѣлъ къ письменному столу и написалъ слѣдующія двѣ бумаги:

1.

КЪ ГУБЕРНАТОРУ.

Сего числа я имѣлъ честь, при вступленіи мною въ должность здѣшняго полиціймейстера, осмотрѣть канцелярію полиціи и нашелъ, что наибольшая часть дѣлъ полиціи не имѣютъ описей; по столамъ и отдѣленіямъ нѣтъ настольныхъ реестровъ. Поэтому неизвѣстно, находятся ли дѣла полиціи въ порядкѣ и существуютъ ли въ нихъ всѣ документы, по которымъ они производятся, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ чиновниковъ полиціи при своемъ увольненіи не сдаетъ, а при вступленіи не принимаетъ отъ своего предшественника дѣлъ. Въ силу этого и я, по вѣдомости, представленной мнѣ господиномъ Шлагенштокомъ, квитанціи о пріемѣ мною дѣлъ полиціи ему выдать не могу, впредь до назначенія вашимъ превосходительствомъ коммиссіи для обревизовки этихъ дѣлъ. Пожарная же команда находится въ совершенномъ безпорядкѣ, какъ подробно мною обозначено въ особо прилагаемой при семъ вѣдомости; поэтому она принята мною не можетъ быть, на законномъ основаніи. О чемъ имѣю честь донести вашему превосходительству, для зависящаго съ вашей стороны распоряженія по означеннымъ предметамъ.

2.

ВЪ ПОЛИЦІЮ.

До свѣдѣнія моего дошло, что здѣшній откупъ, вопреки существующимъ постановленіямъ, устроиваетъ шинки на церковныхъ площадяхъ, открываетъ ихъ за полночь, продаетъ въ нихъ низкодобротную, злокачественную водку по высокимъ цѣнамъ, допускаетъ нижнихъ воинскихъ чиновъ къ пьянству и безпутству въ кабакахъ, гдѣ постоянно господствуютъ развратъ и оргіи. Вслѣдствіе этого предлагаю полиціи, немедленно по полученіи настоящаго предписанія, распорядиться о прекращеніи

вышеизложенныхъ мною злоупотребленій, возлагая всю отвѣтственность на Части, съ тѣмъ, что если я замѣчу одинъ изъ этихъ безпорядковъ, то виновные будутъ предаваемы суду, по всей строгости законовъ.

Начертивъ эти двѣ бумаги, Бубенчиковъ переписалъ ихъ, запечаталъ и подумалъ.

«Перчатка брошена. Борьба начинается.»

Съ этими мыслями онъ раздѣлся, набожно перекрестился и бросился на постель.

ГЛАВА X.

ПОЖАРЪ.

На другой день, послѣ вступленія Бубенчикова въ должность полиціймейстера, онъ былъ разбуженъ въ два часа ночи своимъ Иваномъ.

— Что? пожаръ? крикнулъ онъ, по своему обыкновенію.

— Пожаръ, отвѣчалъ изъ-подъ кровати Иванъ.—Извольте, ваше высокоблагородіе, вставать. Во второй части горитъ.

Хотя пожаръ былъ верстахъ въ двухъ отъ квартиры Бубенчикова, но зарево было такъ сильно, что въ его комнату, сквозь не закрытыя ставнями окна, проходило столько свѣта, какъ будто горѣло въ сосѣдствѣ.

— Гдѣ пожаръ? повторилъ Бубенчиковъ.

— Говорятъ, во второй части.

Бубенчиковъ вскочилъ съ постели и въ нѣсколько минутъ одѣлся. Между тѣмъ, извощикъ Бубенчикова, у котораго лошади были наготовѣ, быстро запрегъ, съ помощью казака, дрожки и подалъ ихъ.

Въ четверть часа Бубенчиковъ успѣлъ одѣться и прикатить на пожаръ: горѣлъ питейный откупъ и его водочные склады.

Вслѣдъ за Бубенчиковымъ прискакала пожарная команда первыхъ двухъ частей, а за нею и остальная часть. Солдаты дѣйствовали молодецки: они не боялись ни пламени, ни разрушенія. Какъ духи, они появлялись у самаго пламени и направляли на него брантсъ-бои. Пожаръ былъ ужасный: бочки со спиртомъ и водкой, загораясь, лопались, взрывали крыши магазиновъ и подваловъ, и огненный потокъ наполнилъ весь дворъ откупа.

Бубенчиковъ потребовалъ цѣлую роту саперъ съ заступами и въ тѣхъ мѣстахъ двора, гдѣ это огненное озеро могло прорваться и потечь по улицамъ города, началъ рыть канавы и дѣлать насыпи. Бубенчиковъ своею распорядительностію спасъ городъ отъ угрожавшей ему опасности; но пламя было такъ сильно, что его жертвою сдѣлались всѣ магазины откупа и его флигеля. Поднявшійся сильный вѣтеръ грозилъ не только главному корпусу откупнаго зданія, но и всѣмъ домамъ, стоявшимъ съ нимъ на одной улицѣ. Но Бубенчиковъ дѣйствовалъ энергически и рѣшительно. Склады откупа были отданы въ жертву пожара, а отстаивались только тѣ дома, которые были въ сосѣдствѣ; вслѣдствіе этого, чтобы не дать распространиться пламени, Бубенчиковъ началъ ломать и разрушать флигель и службы, соединявшіе главный корпусъ со складами.

Въ это время къ нему подошелъ Абрамка.

— Господинъ полиціймейстеръ, сказалъ онъ: — вы все преслѣдуете откупъ.

Бубенчиковъ посмотрѣлъ на него презрительно и хотѣлъ отъ него отойти.

— Вотъ письмо къ вамъ откупщика, продолжалъ Абрамка.

— Чего хочетъ отъ меня вашъ хозяинъ? съ нетерпѣніемъ спросилъ Бубенчиковъ, не принимая пакета.

— Прочтите и узнаете.... Мнѣ только остается сказать вамъ отъ имени его, что всѣ склады и всѣ постройки откупа застрахованы... Напрасно вы рискуете жизнію своею и солдатъ... За усердіе васъ откупщикъ благодаритъ. ..

Съ этими словами Абрамка сунулъ Бубенчикову въ руку пакетъ и исчезъ въ толпѣ. Бубенчиковъ распечаталъ его — и пукъ ассигнацій очутился у него въ рукѣ. Отъ изумленія и бѣшенства Бубенчиковъ стоялъ нѣсколько минутъ въ оцѣпененіи; но, прійдя въ себя, онъ увидѣлъ, что неловко въ такомъ мѣстѣ, гдѣ глаза всей публики на него устремлены, стоять со сверткомъ ассигнацій въ рукѣ. Онъ быстро положилъ деньги въ карманъ и, подозвавъ частнаго пристава, велѣлъ поискать Абрамку въ толпѣ; но тотъ какъ будто канулъ въ воду.

«А!» думалъ Бубенчиковъ, «откупъ желаетъ, чтобы всѣ его постройки сгорѣли: видно, главный корпусъ оцѣненъ втридорога. Нѣтъ, извини, голубчикъ, хотя очень трудно, но я отстою главныя постройки.»

Мысли его были прерваны одною толстою дамою, съ растрепанной головой.

— Благодѣтель мой! кормилецъ родной! вопила она: — спаси, Христа ради спаси....

— Что̀ съ вами, сударыня? успокойтесь....

— Домишка одинъ у меня.... весь хлѣбъ мой.... я сирота безродная.... сгоритъ — по міру пойду....

— Гдѣ вашъ домъ?

— Въ другомъ кварталѣ стоитъ; а искры такъ и летаютъ.... вѣдь домъ не застрахованный.

— Сударыня, отвѣчалъ Бубенчиковъ:—искры разносятся теперь вѣтромъ гораздо дальше вашего дома.... я не имѣю столько людей, чтобы дѣйствовать вездѣ, куда только искры долетаютъ. Поставьте на крышу вашего дома одного человѣка съ ведромъ воды и ложитесь спокойно спать.

— Спать! А если пожаръ дойдетъ до меня?

— Я надѣюсь его не допустить.... Конечно, все отъ Бога.

— Спать, проворчала вновь дама и, отойдя въ толпу, заво-пила: — знаемъ мы эти штуки! Отъ страховой конторы взялъ взятку, такъ и согналъ на пожарище всю полицію, а мой домъ— хоть сгори....

— Въ этомъ нѣтъ-съ, судя по моей комплекціи, никаково сумленія, замѣтилъ многозначительно русскій купчикъ, почесывая себѣ носъ.

Въ это время пріѣхалъ губернаторъ. Увидѣвъ, что Бубенчиковъ отстаиваетъ главный корпусъ горѣвшихъ строеній, онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Что̀ вы возитесь, г. полиціймейстеръ, близъ этого дома? Развѣ вы не видите, что вокругъ него море огня? Едва ли вы въ силахъ бу̀дете спасти его; между тѣмъ, сосѣдніе дома въ опасности.

— Ваше превосходительство! отвѣчалъ Бубенчиковъ: — я принялъ всѣ мѣры, чтобы дома, болѣе другихъ подверженные опасности, отстаивались пожарной командой; для этой цѣли я командировалъ брантъ-майора съ однимъ брантсъ-боемъ и нѣсколькими солдатами.

— Слушайте, что̀ вамъ приказываютъ и исполняйте безъ всякихъ разсужденій, возразилъ губернаторъ.

— Я дѣйствую какъ мнѣ долгъ велитъ и по крайнему моему разумѣнію.... Впрочемъ, если вамъ благоугодно, чтобы я бро-

силъ строеніе, могущее быть спасеннымъ, и обратилъ всѣ свои силы и средства на мѣста безопасныя, то неблагоугодно ли будетъ вамъ дать мнѣ форменное предписаніе....

— Предупреждаю васъ, возразилъ со сдержаннымъ бѣшенствомъ губернаторъ:—если только одинъ домъ займется отъ этого пожара, я предамъ васъ суду, какъ дерзкаго ослушника и взбалмошнаго человѣка.

— Хладнокровіе и распорядительность—не взбалмошность: судъ разберетъ эти понятія. За пожаръ я отвѣчаю, а не вы.... О главнокомандующемъ судятъ не въ началѣ сраженія, а по его окончаніи; конецъ вѣнчаетъ дѣло....

Получивъ отпоръ, губернаторъ смягчился, но все-таки сказалъ строго и сурово:

— Дѣйствуйте какъ знаете; но вы мнѣ смотрите....

И съ этими словами, повернувшись спиною къ Бубенчикову, онъ быстро пошелъ къ своему экипажу и уѣхалъ домой.

Между тѣмъ, пожарная команда дѣйствовала энергически: послѣ нѣсколькихъ часовъ работы, она успѣла отдѣлить главный корпусъ откупнаго зданія отъ пожара и обратила всѣ свои средства къ уменьшенію пламени. Эти работы продолжались во всю ночь и до обѣда другаго дня. Пожаръ утихъ; только развалины магазиновъ курились. Бубенчиковъ торжествовалъ: онъ доказалъ губернатору, что дѣйствовалъ не какъ взбалмошный, а какъ опытный, дѣятельный и распорядительный полиціймейстеръ. Къ обѣду, передавъ начальство надъ пожарной командой своему помощнику, Бубенчиковъ отправился домой. Здѣсь на порогѣ его встрѣтилъ Иванъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица; усы его, какъ у моржа, подымались, по движенію его стиснутыхъ челюстей, то вверхъ, то внизъ. Бубенчиковъ зналъ хорошо своего Ивана и, взглянувъ на его лицо, тотчасъ узналъ, что онъ чѣмъ-то озабоченъ и недоволенъ.

— Иванъ! сказалъ онъ, сбрасывая съ себя сюртукъ и надѣвая халатъ: — ты что-то сердитъ....

— Сердитъ, ваше высокоблагородіе!

— На кого жь ты сердишься?

— На васъ, ваше высокоблагородіе!

— На меня? Ахъ ты, бездѣльникъ! Ну, говори, за что̀ я у тебя въ опалѣ?

— Немножко на васъ, а наибольше на себя. Такая оказія, что хошь плюнь.

— И на себя? Ахъ, ты шутникъ! Ну, говори же.

— И дернулъ же меня чортъ привезти васъ сюда, въ этотъ дрянной городъ.... тфу, Господи прости!...

— Вѣрно ты, бестія, забѣжалъ въ кабачокъ, да тебѣ тамъ морду набили?...

— Набили? Эвось! не родился еще тотъ человѣкъ, кто бы мнѣ морду набилъ.

— А предъ отъѣздомъ изъ Петербурга? а въ Курскѣ? Ты, какъ выпьешь, любишь рукамъ волю давать....

— Въ Питерѣ и въ Курскѣ — тамъ дѣло другое: я насуслился, какъ зюзя....

— Отчего жь ты такъ сердитъ на Приморскъ?

— Ужь что̀ ни говорите, ваше высокоблагородіе, а городъ, просто, съ позволенія вашего, дрянь... Ну, статочное ли дѣло! обѣгалъ всѣ рынки — нѣтъ ни ряпушки, ни корюшки, ни тетерекъ, ни рябчиковъ...

— Шутъ ты гороховый! ряпушка и корюшка ловятся только въ Невѣ, а рябчики и тетерки водятся только на сѣверѣ; за то ты найдешь здѣсь скумбріи и глосы, а изъ дичи — перепелки, куропатки, кулики, бекасы...

— Ну, этого не зналъ... Вы изволили мнѣ приказать сдѣлать уху, а на жаркое — дичь... Въ Питерѣ я дѣлалъ уху изъ корюшки или изъ ряпушки, а жаркое — тетерька или ряпчикъ... Не нашелъ у окаянныхъ... Вотъ, выше высокоблагородіе, мы и безъ обѣда.

— Какъ безъ обѣда! заревѣлъ Бубенчиковъ, проголодавшійся порядкомъ.

— То есть хлѣбецъ есть... да и самоваръ можно поставить.

— Поймн, разбойникъ, я со вчерашняго дня ничего не ѣлъ!

— Какъ не знать, ваше высокоблагородіе! да не моя вина и не ваша. Городъ окаянный: хошь тресни, ничего не достанешь... Вѣдь еще въ Питерѣ говорилъ...

Зная по опыту, что съ Иваномъ толковать-то нечего, что, пожалуй, въ концѣ преній окажется онъ во всемъ правымъ, а баринъ его — главнымъ виновникомъ несчастія, Бубенчиковъ, доставь изъ портъ-монне деньги, послалъ его въ трактиръ за обѣдомъ.

Хотя Бубенчиковъ титуловалъ своего Ивана не слишкомъ вѣжливыми словами, какъ, напримѣръ, бездѣльникъ, бестія, шутъ

гороховый, но за то, нужно отдать ему справедливость, онъ не любилъ употреблять крѣпкихъ словъ, которыми такъ обогатился нашъ языкъ во время монгольскаго ига и до которыхъ такіе охотники наши военные. О подобныхъ господахъ Бубенчиковъ отзывался всегда съ презрѣніемъ и даже разсказывалъ скандальный анекдотъ объ одномъ полковомъ командирѣ, который на жалобу одной дамы, что его офицеры употребляютъ при дамахъ неприличныя слова, далъ ей совѣтъ вывести ихъ изъ компанства за... что̀ попало.

Что̀ же касается до Ивана, то онъ о комплиментахъ Бубенчикова такъ разсуждалъ:

— Баринъ мой добрѣющій—хошь языкомъ любитъ помолоть, но рукамъ воли не даетъ; такого въ цѣлой гвардіи не сыщешь. Одна бѣда, что къ постели, какъ дрыхнетъ, не подступай: какъ собака злой.

Этотъ отзывъ Ивана хотя не вполнѣ опредѣлителенъ, но онъ самъ того не сознавалъ, что на барина онъ имѣлъ огромное вліяніе. Бубенчиковъ ничего не предпринималъ безъ предварительнаго совѣщанія съ Иваномъ: такъ, напримѣръ, когда ему захотѣлось разыграть въ Соничкой роль Печорина, онъ, придя домой, разлегся на диванѣ и, закуривъ папироску, обратился къ Ивану съ слѣдующими словами:

— Иванъ! ты, братъ, болванъ?

— Болванъ, ваше высокоблагородіе.

— Отчего ты не женишься?

— Куда намъ, бурлакамъ, этимъ забавляться! Ни за грошъ пропадешь. Жена, сказано, не то, что ранецъ аль ружье: ей въ походѣ и фатеру давай и подводу... А коли на зубастую попадешь, такъ той и платки шелковые покупай и сарафаны шей; а не сдѣлаешь, житья не будетъ: захнычетъ баба, ажно тошно станетъ... Теперь я самъ-другъ, куда хошь, туда ступай, съ сусѣдомъ, съ кумомъ въ кабакъ зайдешь; а коли женюсь, стой! шалишь! тутъ ужь непригоже забавляться. Ну, ее нелегкая возьми!

Иванъ энергически махнулъ рукой, плюнулъ и утеръ фартукомъ губы.

— Дуралей ты, безмозглый! отвѣчалъ ему Бубенчиковъ.—Тебѣ бы только по кабакамъ таскаться...

И съ этими словами началъ размышлять о героическомъ своемъ подвигѣ не жениться на Соничкѣ, потому что она, дескать, стѣснитъ его свободу, и т. д.

Но интереснѣе всего былъ разговоръ Бубенчикова съ Иваномъ предъ выѣздомъ ихъ изъ Петербурга. Бубенчикову обѣщаютъ мѣсто полиціймеcтера въ Приморскѣ; онъ возвращается домой въ нерѣшительности — принять или не принять этой должности. Иванъ копошится въ своей комнатѣ, приготовляя барину обѣдъ.

— Иванъ! зоветъ его Бубенчиковъ.

— Чаво изволите, ваше высокоблагородіе? отвѣчаетъ Иванъ и входитъ къ нему въ кабинетъ, съ кострюлей въ одной рукѣ и съ ложкой въ другой.

— Собирайся, Иванъ, въ дорогу.

— Коли ѣхать, такъ ѣхать.

— Меня хотятъ назначить полиціймейстеромъ въ Приморскъ.

— Полицмѣстеромъ?... Вотъ такъ хорошо!... Что̀ хорошо, то хорошо.

— Почему же хорошо?

— Полицмѣстеръ самъ себѣ господинъ... сказано командѣръ... Здѣсь что̀?... Гляди и ротный, и батальйонный, и полковой, и бригадный, и корпусный, кажиной на обахту посадитъ: вишь, командѣры... Да и что̀ день, то смотры, а тамъ гляди: у робятъ пугвицы нѣтъ, аль ранецъ не блеститъ, ступай на абахту.

— Ступай, Иванъ, говоритъ Бубенчиковъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Ивана; но этотъ послѣдній не уходитъ. — Что́ жь ты еще хочешь сказать? спрашиваетъ его Бубенчиковъ.

— Ваше высокоблагородіе, окажите божескую милость: коли будете полицмѣстеромъ, не берите горластаго кучера.

— Почему же не брать?

— Севодни, ваше высокоблагородіе, иду изъ лавки и несу вашей милости къ столу бутылку вина да и задумался; а тутъ какъ крикнетъ горластый кучеръ полицмѣстера, я съ перепугу и тряхъ бутылку о земь...

— Хорошо, Иванъ; только иди да поскорѣй подай обѣдать.

Изъ этихъ двухъ разговоровъ вы можете видѣть, что Иванъ не былъ въ черномъ тѣлѣ у своего барина, и хотя этотъ послѣдній, по общей барской мягкости языка, придавалъ своему слугѣ разные эпитеты, но въ сущности прибѣгалъ къ его авторитету въ крайнихъ и затруднительныхъ случаяхъ.

Этотъ-то достойный слуга, оставившій барина своего безъ обѣда, потому что въ Приморскѣ не было ни корюшки, ни рябпушки, ни рябчиковъ, ни тетерекъ, въ настоящую минуту возвратился изъ трактира съ обѣдомъ и, въ сердцахъ разставляя кушанье на столъ, ворчалъ:

— Окаянный городъ: усё бусурманы. Вѣдь и по ихнему говоришь, ничего не понимаютъ...

— Что ты тамъ ворчишь?

— Да вотъ, ваше высокоблагородіе, пришелъ въ трахтѣръ, а тамъ хозяинъ грекъ; а я къ нему: мусью, да почухонски и говорю: вотъ, молъ, баринъ мой безъ обѣда остался—давай супъ, жаркое, да пирожное... А онъ вытаращилъ свои буркулы и говоритъ: «не понимай!» Ужь такой, право, народъ! по своему не понимаетъ...

Эта выходка Ивана разсмѣшила Бубенчикова; но онъ ничего ему не сказалъ, зная по опыту, что его вѣрный слуга твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ и на всѣ разсужденія и доводы его Бубенчикова отвѣтитъ: слушаю-съ, ваше высокоблагородіе; а, между тѣмъ, про себя подумаетъ: толкуй себѣ что хочешь, а я лучше понимаю. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, Бубенчиковъ съ гомерическимъ аппетитомъ уложилъ въ свой чемоданъ, по выраженію одного моего пріятеля, весь трактирный обѣдъ и, развалившись на кушеткѣ, затягивался съ наслажденіемъ изъ длиннаго чубука.

ГЛАВА XI.

ДОНОСЪ.

Кейфъ Бубенчикова былъ прерванъ приходомъ одного грека, о которомъ доложилъ ему Иванъ. Бубенчиковъ велѣлъ его принять.

Когда грекъ вошелъ, Бубенчиковъ узналъ въ немъ того погребщика, котораго рекомендовалъ ему бывшій секретарь земскаго суда, титулярный совѣтникъ Коробейниковъ, подъ названіемъ Барбы; но этотъ послѣдній не узналъ въ полиціймейстерѣ бывшаго своего посѣтителя.

— Что скажете? спросилъ его полиціймейстеръ.

Грекъ оглянулся во всѣ стороны, какъ бы высматривая, нѣтъ ли кого изъ постороннихъ, потомъ, притворивъ за собою плотно дверь, подошелъ къ Бубенчикову съ таинственнымъ видомъ и спросилъ его:

— Вы слышали, что въ нынѣшнюю зиму обокрали брильянтщика тысячъ на десять и ограбили почту на большую сумму?

— Слышалъ. Что жь изъ этого?

— Я могу васъ навести на преступниковъ, но подъ условіемъ, чтобы меня не тягали по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ... Нужно вамъ сказать, что здѣшняя полиція дѣйствуетъ такъ, что нѣтъ никакой возможности имѣть съ нею дѣло.... Былъ случай: обокрали нашего богача М.... Посреди бѣлаго дня къ нему забрался воръ и съ накрытаго къ обѣду стола стащилъ у него все столовое серебро. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ полиція поймала одного мошенника, и въ числѣ воровскихъ вещей были найдены ложки, вилки и ножи съ вензелемъ М.... Полиціймейстеръ отправился къ нему съ этимъ серебромъ и спрашиваетъ его, узнаетъ ли онъ свои вещи.

— Я узнаю ихъ: это мои. Но прошу васъ, какъ особенной милости, не вмѣшивайте въ дѣло моего имени. Я знаю, вещей я никогда не получу; а, между тѣмъ, вы будете только безпокоить меня своими запросами и людей моихъ будете отрывать отъ ихъ занятій.

— Изъ этого вы можете судить, господинъ полиціймейстеръ, какъ пріятно имѣть дѣло съ полиціею сильному человѣку; а я, маленькій человѣкъ, занятъ своею торговлею...

— Даю вамъ слово, отвѣчалъ Бубенчиковъ: — употребить всѣ старанія не вводить вашего имени въ дѣло.

— Вашему слову я вѣрю, и если рѣшился явиться къ вамъ, то только потому, что вы здѣсь новый человѣкъ; съ здѣшними же старыми чиновниками нельзя имѣть никакого дѣла...

— Какже вы укажете мнѣ преступниковъ и какъ вы напали на ихъ слѣдъ?

— Мы, погребщики, поневолѣ знаемся со всякою сволочью: погребъ открытъ, и кто хочетъ, тотъ и входи въ него... Извѣстно, и бродяга, и воръ, и мошенникъ, — все туда лѣзетъ. Вотъ вчера я ужь хотѣлъ запирать погребъ, какъ появились у дверей два нѣмца-колониста: одинъ — Букой, другой — Гансомъ прозываются.

— Постой, Барба, закричалъ Бука: — не запирай: мы хотимъ съ Гансомъ у тебя кварту сантуринскаго выпить.

— Поздно, говорю я: — нельзя ли на завтра отложить?

— Нельзя, говоритъ Бука.—Сегодня—не завтра; пусти, а не то въ другой разъ не будемъ.

А эти колонисты — горчайшіе пьяницы, да и постоянно у меня пьютъ: нельзя, думаю, отказать. Вотъ и впустилъ ихъ, а самъ заперъ погребъ на всякій случай. Далъ я Букѣ и Гансу кварту сантуринскаго, да самъ прилегъ близъ бочки и думаю, пока они выпьютъ, засну. Только что прилегъ, сонъ меня одолѣлъ, и ничего больше не помню... А я, извините, имѣю привычку во снѣ драться: то черти, то разбойники снятся... Вотъ мнѣ и снится, что чортъ меня за горло давитъ; я и давай съ нимъ драться, да, видно, руками, со сна, какъ началъ колотить во всѣ стороны, и задѣлъ крантъ отъ бочки, а вино такъ и полилось мнѣ прямо въ лицо; я и проснулся. Гляжу: Бука и Гансъ сильно пьяны, обнялись и говорятъ межъ собой:

— Нѣтъ, Гансъ, ужь что̀ ни говори, а приставъ Пѣшковъ честный человѣкъ; взялъ съ меня тысячу рублей да нѣсколько брильянтовъ и выпустилъ изъ части. Вѣдь мы бы съ тобою пропали, какъ собаки.

— Да, возразилъ Гансъ: — тебѣ-то дешево обошлось, а мнѣ-то пришлось не такъ поплатиться: чрезъ нашего ремесленнаго маклера Мунштучкова... онъ, ты знаешь, знакомъ съ губернаторшей... Вотъ онъ и пришелъ ко мнѣ и говоритъ: «Гансъ, ты пропадешь, какъ каналья. Дай мнѣ пять тысячъ рублей, да брильянты для губернаторши, да тысячу рублей для полиціймейстера: я и тебя и Буку освобожу, да и полиція больше васъ трогать не будетъ; казну не грѣхъ обворовывать, да и брильянтщикъ богатъ — чортъ его не возьметъ, коли меньше у него 10 тысячами будетъ.» Вотъ оно какъ, Бука, не то, что тысячу рублей: вѣдь я далъ съ брильянтами тысячъ десять. А знаешь, намъ нужно достать наши деньги, что̀ закопаны близъ крѣпости, въ канавѣ: тамъ, я думаю, будетъ тысячъ шесть...

— А я все это какъ услышалъ, продолжалъ грекъ: — лежу, какъ мертвый и храплю, будто сплю...

— Послушай, Гансъ, говоритъ Бука: — а найдемъ ли мы то мѣсто, гдѣ закопали?

— Какъ не найти! противъ переулка, который идетъ между казармой и садомъ Спикара.

— Ну, Гансъ, такъ завтра ночью пойдемъ туда и выкопаемъ деньги...

Этими словами окончилъ грекъ свой доносъ.

— Послушайте, сказалъ ему Бубенчиковъ:—вы можете быть совершенно спокойны; идите домой. Я имени вашего не введу въ дѣло, а преступниковъ постараюсь арестовать.

Грекъ низко поклонился и вышелъ.

«Ну», думалъ Бубенчиковъ, «хорошія вещи здѣсь дѣлаются, и я попалъ въ этотъ омутъ!... Вотъ Ивановъ хотѣлъ, чтобы я сдѣлался доносчикомъ; но дѣло, кажется, идетъ само къ раскрытію истины...»

Эти мысли Бубенчикова были прерваны появленіемъ Ивана: онъ доложилъ барину, что пріѣхалъ его помощникъ. Бубенчиковъ радъ былъ пріѣзду послѣдняго: онъ желалъ съ нимъ поближе познакомиться.

Помощникъ его, Зосимъ Юрьевичъ Пуло, былъ средняго роста, съ черными волосами, смуглымъ лицомъ и плутовскими карими глазами; человѣкъ онъ былъ въ высшей степени способный, съ необыкновенной памятью и знаніемъ дѣла. Любо было посмотрѣть на него въ полиціи: каждому изъ посѣтителей умѣлъ онъ дать отвѣтъ—кому по-французски, дому по-итальянски, кому по-гречески. Несмотря на обширность и многолюдство города, онъ всѣхъ зналъ. Зосимъ Юрьевичъ былъ грекъ, и какъ большая часть торговавшаго въ этомъ городѣ сословія состояла изъ грековъ, то онъ и былъ въ большомъ почетѣ. Этотъ авторитетъ у его соотечественниковъ не мѣшалъ, однакожь, ходить темнымъ слухамъ, которые его обвиняли, во первыхъ, въ томъ, что онъ переходящія суммы, частныя и казенныя, держалъ у себя по нѣскольку мѣсяцевъ и отдавалъ ихъ на проценты, такъ какъ онъ въ полиціи исполнялъ обязанность казначея; во вторыхъ, что по контрактовымъ дѣламъ тотъ былъ правъ, кто больше давалъ; въ третьихъ, что гербовыя пошлины взыскивались съ частныхъ лицъ по нѣскольку разъ, такъ что, говорятъ, одинъ господинъ, явившись къ нему въ присутствіе, формально укорялъ его въ этомъ и даже грозился представить генералъ-губернатору выданныя ему двѣ квитанціи о томъ, что съ него два раза взыскивали одну и ту же сумму; но это дѣло заблагоразсудилъ Зосимъ Юрьевичъ затереть, поговоривъ съ сердитымъ господиномъ въ архивѣ полиціи глазъ-на-глазъ. Еще много другихъ разныхъ обвиненій было противъ Зосима Юрьевича; но это по большей

части клевета, потому что въ формулярномъ его спискѣ ясно значилось, что онъ подъ слѣдствіемъ и судомъ не состоялъ и къ производству въ слѣдующій чинъ аттестуется.

Въ это свидѣтельство формулярнаго списка не вѣрилъ только одинъ его соотечественникъ, г. Скумбрія. Этотъ господинъ разсказывалъ, что будто въ 1846 г. онъ купилъ отъ казны спирту 10 тысячъ ведеръ, въ полной надеждѣ взять откупъ Приморска; но другой откупщикъ, Ѳедотовъ, набилъ цѣну и Скумбрія оставилъ за нимъ этотъ городъ. Между тѣмъ, у Ѳедотова не было денегъ открыть откупъ, а Скумбрія не хотѣлъ ему въ кредитъ отдать заготовленный имъ спиртъ. Но тутъ Ѳедотову помогъ Зосимъ Юрьевичъ: онъ посовѣтовалъ ему послать къ Скумбріѣ двухъ факторовъ, въ извѣстный часъ и день, съ тѣмъ, чтобы они поторговали у него спиртъ и просили дозволенія посмотрѣть товаръ лицомъ. «Больше, присовокупилъ Засимъ Юрьевичъ, мнѣ ничего не нужно.» Фактора, въ назначенный день и часъ, явились къ Скумбріѣ, сошлись съ нимъ отъ имени откупа въ цѣнѣ и просили его показать имъ самый спиртъ.

— Я не могу, отвѣчалъ Скумбрія: — бочки запечатаны чарочнымъ откупомъ.

— Да вѣдь мы сами отъ чарочнаго откупа, отвѣчали тѣ: — вы смѣло можете распечатать одну бочку.

Скумбрія убѣдился этимъ доводомъ и, отправившись вмѣстѣ съ факторами въ магазинъ, гдѣ былъ сложенъ спиртъ, сорвалъ съ одной бочки печать и нацѣдилъ въ рюмку немного спирту; въ это самое время въ магазинъ явился чарочный ревизоръ, съ помощникомъ полиціймейстера и съ приставомъ корчемныхъ дѣлъ, и объявилъ, что г. Скумбрія торгуетъ водкой, вслѣдствіе чего магазинъ былъ запечатанъ и спиртъ конфискованъ въ пользу откупа, несмотря на всѣ протесты и вопли Скумбріи. Само собою разумѣется, что это дѣло пошло процеснымъ порядкомъ, и чрезъ 10 лѣтъ Правительствующій Сенатъ рѣшилъ, что полиція неправильно секвестровала весь спиртъ, а что она обязана была конфисковать только ту бочку, которая была распечатана, въ силу чего предписано одно изъ двухъ: или откупу заплатить Скумбрію за 10 тысячъ ведеръ спирта по той цѣнѣ, которая существовала во время конфискаціи, или возвратить ему спиртъ такого качества и доброты, какой былъ конфискованъ. Откупъ — такъ какъ откупщикъ въ Приморскѣ былъ прежній — согласился на послѣднее условіе, потому что спиртъ былъ въ это

время дешевъ; притомъ, онъ затѣвалъ съ Скумбрію сыграть штуку еще почище и повѣрнѣе первой. Сдавши Скумбрію около 10 тысячъ ведеръ спирта, откупъ ровно чрезъ недѣлю подкупилъ его магазинера съ тѣмъ, чтобы онъ 1) поставилъ нѣсколько штофовъ водки въ разныхъ мѣстахъ магазина, 2) просверлилъ во всѣхъ бочкахъ дыры и замазалъ ихъ смолою, 3) изъ нѣкоторыхъ бочекъ выпустилъ понемногу спирта.

Магазинеръ буквально исполнилъ приказъ откупа, и въ одно прекрасное утро явился въ магазинъ Скумбріи откупъ и конфисковалъ снова весь спиртъ. Скумбрія, говорятъ, протестовалъ снова; но, вѣрно, внуки его будутъ читать рѣшеніе по этому дѣлу. Руководителемъ откупа въ этихъ дѣлахъ былъ Зосимъ Юрьевичъ; а, между тѣмъ, если бы вы съ нимъ поговорили, вы бы подумали, что это одинъ изъ самыхъ нравственныхъ и честнѣйшихъ людей въ мірѣ: такъ мягокъ былъ его голосъ, такъ кротка улыбка, такъ сладко глядѣли на *просителя* его глазки, ну точь-въ-точь котъ, глядящій на своего друга мышонка. Съ такимъ же выраженіемъ глазъ и улыбки Зосимъ Юрьевичъ вошелъ теперь въ кабинетъ полиціймейстера.

— Вы съ пожара? Что̀, развалины перестали куриться? спросилъ его послѣдній.

— Все, слава Богу, окончилось; только, для безопасности, я оставилъ на пожарищѣ часовыхъ и одинъ брантсъ-бой. Я ужь успѣлъ и домой заѣхать, да и съ дѣльцемъ къ вамъ...

— Съ дѣломъ! Въ чемъ же ваше дѣло?

— Полиція составила опредѣленіе по одному уголовному дѣлу. Всѣ члены и я подписали; остается только вамъ подписать.

Зосимъ Юрьевичъ вынулъ изъ портфеля набѣло переписанную тетрадь и подалъ ее полиціймейстеру. Бубенчиковъ, хотя былъ неопытенъ въ дѣлопроизводствѣ, но былъ дипломатъ: онъ бѣгло осмотрѣлъ рукопись, присѣлъ къ столу и взялъ перо въ руки, будто въ намѣреніи подписать опредѣленіе. Глаза Зосима Юрьевича з апрыгали отъ удовольствія. Бубенчиковъ, замѣтивъ это, прехладнокровно началъ съ конца перелистывать тетрадь и, добравшись до начала, положилъ перо и началъ со вниманіемъ читать дѣло. Содержаніе его заключалось въ слѣдующемъ:

1 іюня 185.. года, биржевой маклеръ Віолинскій представилъ въ градскую полицію заемное письмо на 6 тыс. руб. сер. и объяснилъ, что въ маѣ мѣсяцѣ (котораго числа—не помнитъ) явились къ нему какихъ-то два господина и принесли при-

лагаемое заемное письмо, писанное отъ купца Великанова на имя купца Россола, въ займѣ первымъ у втораго 6 тыс. рублей сер., срокомъ на одинъ годъ, за указанные проценты. Вмѣсто купца Великанова, по его слѣпотѣ, расписался чиновникъ первой съѣзжей части Гаскетъ; а дѣйствительность рукоданной просьбы Великанова о подписи за него Гаскетомъ засвидѣтельствовала первая часть. Но, присовокупляетъ маклеръ, два неизвѣстныхъ мнѣ лица, оставивши мнѣ означенное заемное письмо (которое я въ тотъ же день внесъ въ маклерскія книги и засвидѣтельствовалъ), больше не являлись; вслѣдствіе чего, усомнившись въ дѣйствительности подписи и займа г. Великанова, равно въ засвидѣтельствованіи его подписи первою частью, имѣю честь при семь представить это заемное письмо, для зависящаго со стороны полиціи распоряженія къ производству по сему предмету формальнаго слѣдствія.

Въ тотъ же день потребованы въ полицію приставъ первой части и Гаскетъ.

Первый далъ отзывъ, что онъ никакого заемнаго письма въ глаза не видѣлъ и что подпись на немъ не его, а подложная.

Гаскетъ же отозвался:

Что въ двадцатыхъ числахъ мая пришелъ въ канцелярію части слѣпой мужчина, немолодой, котораго привели какія-то два человѣка. Они объявили ему Гаскету, что этотъ слѣпой — купецъ Великановъ и что онъ хочетъ занять у купца Россола 6 тысячъ руб. сер., а потому просятъ его, Гаскета, подписаться вмѣсто слѣпца и на самомъ актѣ изготовить засвидѣтельствованіе части; Гаскетъ все это сдѣлалъ и отдалъ документъ слѣпому просителю, который сказалъ, «что теперь пристава нѣтъ дома и что онъ послѣ обѣда заѣдетъ къ нему для подписи засвидѣтельствованія и приложенія печати».

На основаніи этихъ двухъ отзывовъ, полиція немедленно подвергла Гаскета тюремному заключенію и, продолжая далѣе слѣдствіе, отобрала отъ жены и сына маклера Віолинскаго слѣдующіе два отзыва: отъ первой, «что въ концѣ мая явились къ ея мужу два неизвѣстныхъ ей человѣка, которые принесли заемное письмо Великанова и просили внести его въ маклерскую книгу, поручая ея мужу изготовить это дѣло до другаго дня; а такъ какъ они не явились на другой день, то мужъ ея усомнился въ дѣйствительности подписи и представилъ въ полицію фальшивое заемное письмо». Сынъ же Віолинскаго показалъ, «что онъ не

видѣлъ тѣхъ лицъ, которыя принесли заемное письмо, потому что ходилъ въ коммерческій судъ за маклерскими книгами; но такъ какъ онѣ не были готовы, то онъ три дня за ними ходилъ туда и потому ничего не знаетъ».

По этимъ отзывамъ, полиція опредѣлила, что Гаскетъ—составитель фальшиваго заемнаго письма, вслѣдствіе чего — предать его уголовному суду.

Прочитавъ это дѣло, Бубенчиковъ поднялся съ мѣста и, пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, остановился противъ своего помощника и спросилъ его:

— И вы считаете это опредѣленіе совершенно правильнымъ и добросовѣстнымъ?

— Вся полиція единогласно рѣшила такъ дѣло. Гаскетъ пьяница, негодяй....

— Пусть будетъ онъ пьяница, негодяй; но я спрашиваю васъ, не касаясь личности Гаскета, правильно ли рѣшено дѣло?

— Совершенно правильно и добросовѣстно.

Бубенчиковъ вспыхнулъ.

— А я вамъ скажу, такъ рѣшать дѣла грѣшно предъ Богомъ и совѣстно предъ людьми: 1) по моему мнѣнію, первый виновникъ въ этомъ дѣлѣ купецъ Россола, въ пользу котораго писано заемное письмо, но онъ не только не арестованъ, но даже не спрошенъ; 2) не спрошенъ купецъ Великановъ; можетъ быть, онъ дѣйствительно просилъ Гаскета подписаться за него; 3) маклеръ Віолинскій не совсѣмъ чистъ въ этомъ дѣлѣ: во первыхъ, его показаніе, что онъ не помнитъ, котораго числа къ нему пришли тѣ лица, которыя принесли ему заемное письмо, слишкомъ неопредѣлительно и доказываетъ уклоненіе отъ истины; во вторыхъ, если онъ усомнился въ дѣйствительности подписи Великанова, то почему онъ не обратился къ нему съ вопросомъ по этому предмету, а также къ приставу первой части; въ третьихъ, онъ показываетъ, что не помнитъ, котораго числа ему принесено заемное письмо, а, между тѣмъ, присовокупляетъ, что онъ того же числа внесъ документъ въ маклерскую книгу; изъ засвидѣтельствованія же находящагося на немъ открывается, что это происходило за 10 дней до подачи маклеромъ объявленія въ полицію: почему же онъ молчалъ впродолженіе этого времени? Въ четвертыхъ, сынъ Віолинскаго показываетъ, что онъ ходилъ въ судъ за книгами и втеченіе трехъ дней не получалъ ихъ изъ суда: какимъ же образомъ его отецъ въ первый же день

могъ внести заемное письмо въ книгу? Эти противорѣчія ясно доказываютъ, что не совсѣмъ чистъ и биржевой маклеръ; къ тому же, для полноты дѣла, недостаетъ показанія чиновниковъ первой части о томъ, дѣйствительно ли приходилъ Великановъ въ полицію.... Я понимаю дѣла такъ, что Россола—главное лицо, имѣющее сообщниковъ, въ томъ числѣ и Віолинскаго, что, вѣроятно, первые съ послѣднимъ не сошлись и онъ сдѣлалъ доносъ; иначе онъ и сдѣлать не могъ, такъ какъ нужно было очистить свою маклерскую книгу.... Изъ всѣхъ менѣе всего виновенъ Гаскетъ: если бы этого не было, онъ бы запирался, а то онъ чистосердечно признается во всемъ. Впрочемъ, покажите подлинный подложный актъ.

Помощникъ его сдѣлалъ кислую гримасу и, отыскавъ въ своемъ портфелѣ заемное письмо, показалъ его Бубенчикову.

— Видите ли, я и правъ: подпись пристава сдѣлана твердымъ, превосходнымъ почеркомъ; между тѣмъ, подпись Великанова и засвидѣтельствованіе, сдѣланное рукою Гаскета, обнаруживаютъ дурной почеркъ. Да и то и другое писано различными чернилами: Гаскетъ писалъ водянистыми, а надпись пристава тушевая.

При этомъ анализѣ Бубенчиковымъ дѣла, его помощникъ кусалъ со злости губы: въ неопытномъ дѣлопроизводителѣ онъ не надѣялся найти столько юридическаго такта.

— Что же вы предполагаете по этому дѣлу? сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я думаю подать особое мнѣніе по этому дѣлу и буду просить дополненія и разъясненія всѣхъ его обстоятельствъ.... Однако, пора въ театръ... Прошу васъ взять нѣсколько казаковъ и пріѣхать часовъ въ десять въ театръ: мнѣ нужно устроить одно дѣло....

— А дѣло о Гаскетѣ оставить у васъ?

— То есть, вы хотите сказать о Россолѣ.... Оставьте у меня. По закону, я имѣю право держать у себя дѣло три дня....

Помощникъ его съѣлъ грибъ, раскланялся съ нимъ и вышелъ отъ него злѣйшимъ его врагомъ.

ГЛАВА XII.

БУБЕНЧИКОВЪ ЛОВИТЪ ВОРОВЪ.

Послѣ спектакля, Бубенчиковъ, верхомъ, вмѣстѣ съ помощникомъ своимъ и пятью казаками, поѣхалъ къ крѣпости. На вопросъ Зосима Юрьевича, куда и зачѣмъ они ѣдутъ, онъ отвѣчалъ уклончиво, что ему хотѣлось бы осмотрѣть крѣпостной ровъ, нѣтъ ли въ немъ подозрительныхъ лицъ. Ночь была темная, хотя небо было чисто и ясно; шагахъ въ десяти трудно было различать предметы. Когда они подъѣхали къ концу крѣпости, къ самымъ дачамъ, Бубенчиковъ велѣлъ всѣмъ спѣшиться и самъ, слѣзши съ коня, оставилъ всѣхъ лошадей при одномъ казакѣ, а съ остальными и съ своимъ помощникомъ опустился въ ровъ и тихо началъ пробираться къ тому мѣсту, гдѣ, по указанію грека, колонисты Бука и Гансъ должны были копать. Дойдя до предполагаемаго имъ мѣста, онъ шопотомъ приказалъ всѣмъ лечь на землю въ глубинѣ рва. Около часу они лежали не шевелясь; все было тихо, только прыжки жабъ нарушали иногда тишину. Казаки и помощникъ Бубенчикова, не зная и не понимая причины этой засады, въ душѣ проклинали своего начальника за это скучное препровожденіе времени. Но вотъ по бульвару раздались шаги, быстро приближающіеся къ нимъ, и слышны два голоса.

— Гансъ, я тебѣ говорю, мы здѣсь копали... я помню, противъ этого дерева... Зажигай свой фонарь и опустимся въ ровъ.

— А... можетъ быть, Бука!... Вотъ я и фонарь зажегъ. Ну, полѣзай въ ровъ... вотъ тебѣ заступъ... спустился?... бери фонарь поскорѣй: во рву его не видно будетъ...

— Я думаю, Гансъ, ассигнаціи не промокли въ послѣдній дождь: онѣ лежатъ въ почтовомъ чемоданѣ, а онъ изъ хорошей кожи.

— О, нѣтъ! Лишь бы намъ найти мѣсто... Видишь: тутъ мягка земля, значитъ, раскопанная... бери, Бука, заступъ... видишь, я правъ... а вотъ я тебѣ помогу... но прежде потуши фонарь... а то обходъ проѣдетъ и замѣтитъ... ну, вотъ и потушилъ... у! у!... тащи...

Но вдругъ Бука и Гансъ чувствуютъ, что сильныя руки схватили ихъ. Они хотятъ вырваться и бѣжать; но градъ ударовъ отъ нагаекъ заставляетъ ихъ смириться.

— Если кто нибудь изъ васъ осмѣлится шевельнуться, произноситъ чей-то твердый голосъ: — я его проколю саблей. Казаки! ведите ихъ въ крѣпостную гауптвахту, оставьте ихъ тамъ подъ карауломъ и возвращайтесь сюда съ лошадьми за чемоданомъ.

— Пустите, господинъ офицеръ! Какъ вы смѣете насъ арестовать? сказалъ Бука.

— Я полиціймейстеръ и беру тебя, вора и грабителя, подъ стражу.

При словѣ: «полиціймейстеръ», Бука присмирѣлъ и пошелъ съ казаками къ гауптвахтѣ, которая находилась шагахъ въ двухстахъ отъ этого мѣста. Минутъ черезъ двадцать казаки вернулись; чемоданъ былъ взваленъ на одну казачью лошадь, и Бубенчиковъ направилъ поѣздъ къ гауптвахтѣ, гдѣ находились арестанты. Здѣсь онъ взялъ себѣ въ помощь пѣхотный карауль и, вмѣстѣ съ арестантами, отправился въ полицію.

Зосимъ Юрьевичъ во всю дорогу былъ нѣмъ, какъ рыба: видно, что арестъ Бубенчиковымъ такихъ важныхъ преступниковъ, разграбителей почты, легъ тяжелымъ камнемъ на его сердце. Причинъ такой печали не беремся описывать; можетъ быть, Зосимъ Юрьевичъ страдалъ оттого, что ему не удалось самому, безъ всякой посторонней помощи, отыскать почтовый чемоданчикъ. . о! по мягкости своего сердца, по великодушнымъ порывамъ своей полицейской души, онъ бы, вѣрно, пріютилъ на своемъ чердакѣ этотъ чемоданъ; а денежки, находившіяся въ немъ, нашли бы самое выгодное и общеполезное мѣсто: онѣ попали бы въ коммерческія конторы, откуда, мѣняясь на пшеницу, сало и шерсть, приносили бы цѣлому краю несомнѣнную пользу... И все этотъ Бубенчиковъ, этотъ врагъ общественнаго благосостоянія, онъ имѣлъ у себя въ рукахъ всѣ эти суммы, которыя пойдутъ въ разные концы Россіи для разныхъ самыхъ безнравственныхъ цѣлей!

Тутъ чадолюбивая маменька посылаетъ сынку въ полкъ денегъ, которыхъ давно ждутъ или факторы-жидки за мертвый и живой товаръ, или кредиторъ-шуллеръ, ежедневно посѣщающій его и, вмѣсто спроса: «какъ ваше здоровье?» восклицающій: «повѣстку съ почты получили!»

Тутъ вы найдете письмо отъ какого нибудь артельнаго парня-поденщика, въ которомъ онъ пишетъ своей супругѣ: «любѣзная мая жена Аграфѣна Пантелѣмовна, отписываю сiѣ пысмо всовѣршенномъ здравiи, съ приложенiемъ однаво рубля, чаво и вамъ желаю и поклонъ вамъ посылаю. Дѣтѣй цалую и съ наступающимъ праздникомъ и съ прошедшимъ постомъ проздравляю. Мой низкiй поклонъ также тятенькѣ Касьну Онуфрiевичу и матушкѣ Исидорѣ Артемоновнѣ. Кланяюсь также сусѣдамъ Архипу Прохоровичу съ законной ѣво супругой. Скажи усѣмъ, што въ здравiи ихъ молитвами поживаемъ да денѣшки наживаемъ...»

Тутъ вы найдете посланiе строгаго родителя къ своему сыну, студенту, котораго онъ упрекаетъ за то, что много тратитъ и что въ старину 10 р. сер. составляли на ассигнацiи 35 р., были приличнымъ мѣсячнымъ содержанiемъ, что теперь нравы развращены и молокососы, вмѣсто того, чтобы сидѣть за книжкой, таскаются по баламъ и театрамъ. Предавая анаѳемѣ всѣ эти соблазны, нѣжный родитель обращаетъ вниманiе юноши на книгу подъ заглавiемъ: «О соблазнахъ и способахъ умерщвленiя плоти и страстей и достиженiя духовнаго совершенства». Къ этому роскошному блюду, въ видѣ приправы, родитель совѣтуетъ сыну дѣлать моцiонъ, вставать на разсвѣтѣ, такъ какъ утро вечера мудренѣе и утромъ мысли свѣжей и память яснѣй. Въ заключенiе прилагается 10 руб. сер., съ примѣчанiемъ, что больше ему не вышлютъ впредь до будущаго мѣсяца...

Тутъ, какъ благоухающая весенняя роза, ласкаетъ вашъ взоръ письмо невѣсты, въ которомъ, застѣнчиво извиняясь, она умоляетъ своего жениха занять у нея ея трудовую копѣйку, которую она накопила втеченiе года....

Рядомъ съ этимъ письмомъ лежитъ другое, въ которомъ одинъ господинъ посылаетъ своей возлюбленной камелiи тысячу рублей, вырученныхъ имъ отъ продажи женниныхъ наслѣдственныхъ брильянтовъ, послѣдняго ея достоянiя... Но всего не перечтешь тутъ: и горе, и радость, и нравственность, и развратъ... И все это Зосимъ Юрьевичъ могъ бы уничтожить, стереть съ лица земли; но Бубенчиковъ предупредилъ его. Поглядите, онъ сидитъ теперь въ присутствiи полицiи, на предсѣдательскомъ мѣстѣ; Бука и Гансъ стоятъ близъ него въ кандалахъ; Зосимъ Юрьевичъ, вмѣстѣ съ дежурнымъ квартальнымъ, вынимаетъ изъ чемодана пакеты и раскладываетъ ихъ по столу. Двѣ сальныя, на канце-

лярскомъ языкѣ называемыя, маканныя свѣчи горятъ на столѣ и, разливая блѣдный свѣтъ на окружающіе предметы, придаютъ этой картинѣ какое-то мрачное выраженіе. Лицо Бубенчикова горитъ какимъ-то лихорадочнымъ жаромъ; щеки его блѣдны, глаза блестятъ. Бука нахально глядитъ на представителей правосудія; а Гансъ хнычетъ и постоянно сморкается въ полу своего сюртука. Двое часовыхъ, охраняющихъ преступниковъ, мало интересуются этой сценой и дремлютъ, стоя. Немного въ сторонѣ, за особымъ столомъ, сидитъ дежурный полицейскій чиновникъ, съ перомъ въ рукѣ, ожидая начатія допроса; глаза его заспаны, и онъ часто позёвываетъ въ свою лѣвую руку.

Полиціймейстеръ обращается къ Букѣ.

— Ты теперь попался съ наличнымъ: запираться нечего; признавайся откровенно во всемъ, и, можетъ быть, тебѣ смягчатъ наказаніе.

— Чего тутъ скрывать и запираться, ваше высокоблагородіе: — попался, такъ попался.

— Говори же всю правду и не щади никого, открой всѣхъ своихъ сообщниковъ и товарищей.

— Всю правду скажу, ваше высокоблагородіе! Я и Гансъ, да еще два колониста давно думали, какъ бы разбогатѣть: думали, думали и рѣшили, что овладѣть почтой — не грѣхъ: казна богата и заплатитъ тѣмъ, которые посылаютъ деньги по почтѣ. Но какъ это сдѣлать? съ почтой иногда двѣ тройки, да на нихъ почтальйонъ, у котораго пистолеты да два ямщика. Вотъ я и сказалъ: нужно выбрать такую почту, когда будетъ одна тройка: съ двумя легче справиться, чѣмъ съ тремя; только, чуръ, никого не убивать. Черезъ нашу колонію проходитъ почтовая дорога, и въ колоніи находится почтовая станція. Я съ смотрителемъ станціи—пріятели: вотъ и узналъ отъ него, въ какіе дни проходитъ почта. Въ эти дни я и захаживалъ къ нему: сижу, разговариваю и жду почту. Такъ прошло полгода, и мы ничего не могли сдѣлать: то почта пройдетъ днемъ, то въ двѣ, три тройки. Случилось это въ прошлую осень. Грязь была ужасная, дождь лилъ нѣсколько дней, и смотритель сказывалъ мнѣ, что почта запоздала и что, вѣрно, она будетъ не раньше ночи. Вотъ я и зашелъ къ нему, сидимъ да разсказываемъ про то, про её. Я и говорю ему, не послать ли за водкой, выпить бы, а то такое ненастье, что морозъ по кожѣ подираетъ. Смотритель сейчасъ и послалъ за водкой. Мы съ нимъ, какъ пріятели, выпили ужь

полштофа, а тутъ слышимъ колокольчикъ.... У меня сердце замерло: ну, думаю, почта... Она и была... Входитъ почтальйонъ, маленькій, мизерный такой — не на что и плюнуть.

— Что, одна тройка? спрашиваетъ смотритель.

— Одна, отвѣчаетъ онъ.

— Вы озябли, говорю я: — хотите согрѣться?

Подношу ему стаканчикъ, да такой, что четверть штофа въ него вошло. Онъ туда-сюда, говоритъ: не годится, много будетъ, охмѣлею. Вздоръ, говорю я:—почтальйонъ долженъ пить; да вѣдь ваша братья всѣ пьяницы горьчайшіе—не стать намъ учить васъ—а отказомъ вашимъ вы только обиждаете насъ. Онъ и хвать весь стаканчикъ. Тутъ я и присталъ къ смотрителю: пей да пей; онъ съ дуру и выпей. Не выпей онъ, самъ бы, вѣрно, поѣхалъ провожать почту: темень была ужасная, а почтальйонъ и ямщики неблагонадежные. Но водка его отуманила, и онъ не въ силахъ былъ шевельнуть языкомъ. Тогда со станціи побѣжалъ я къ Гансу. Тамъ ужь были наши товарищи.... Мы взяли топоры, сѣли верхомъ и поскакали по почтовой дорогѣ. Верстъ пять отъѣхали, стали и ждемъ. Слышимъ колокольчикъ гудитъ.... все ближе.... ближе.... вотъ мы и стали поперекъ дороги и кричимъ: «стой!» Тройка остановилась. Почтальйонъ спрашиваетъ, что мы за люди и что намъ нужно.

— Слѣзай, кричу я ему: — и отдай намъ почту.

А онъ какъ закричитъ: «разбойники, грабители! поворачивай, ямщикъ, да скачи назадъ!» Ямщикъ и повернулъ назадъ лошадей да и погналъ ихъ; а мы въ догонку, да какъ нагнали ихъ, въ азартѣ перваго почтальйона зашибли, а потомъ и ямщика. Всѣ сумки мы сейчасъ же забрали съ собою по домамъ; потомъ вернулись, съ повозкой, да остальные чемоданы перетащили къ себѣ. На другой день вся колонія зашумѣла; сосѣдъ къ сосѣду бѣжитъ и шопотомъ говоритъ: вотъ бѣда приключилась—почту разграбили.... А мы ни гу-гу; охаемъ и стонемъ съ другими: что вотъ начальство слѣдствіе нарядитъ и будутъ насъ невинныхъ таскать; а сами мы поговорили межь собой, что нужно чемоданы въ городъ перевезти, что у насъ могутъ ихъ найти... Въ тотъ же вечеръ я и Гансъ повезли ихъ въ городъ, будто овесъ веземъ на продажу. Какъ пріѣхали въ городъ, мы на Молдаванкѣ наняли квартиру, стащили туда чемоданы ночью; но думаемъ себѣ, и здѣсь ихъ неловко держать: вотъ, по ночамъ, мы чемоданы и закопали въ разныхъ мѣстахъ, за городомъ...

Каждую ночь ходили туда, разбирали пакеты, деньги отбирали, а конверты закапывали. Такъ мы всѣ чемоданы и сумки перебрали, кромѣ того, что̀ теперь у васъ.

— Сколько денегъ у васъ было? спросилъ Бубенчиковъ.

— Тысячъ сто.

— Кто жь ваши сообщники?

— Кауфманъ и Ландесбомъ. Мы всѣ подѣлились поровну.

— Гдѣ деньги?

— Мои деньги дома, а прочихъ не знаю.

— На твою долю пришлось 25 тысячъ. Всѣ деньги цѣлы?

— Не всѣ: я много истратилъ.

— На что̀ ты ихъ истратилъ?

— Тысячу рублей взялъ у меня приставъ 1-й части, чтобы освободить меня.

— Ты покажешь ему это въ глаза?

— Какъ не показать! Вы у него можете найти и два брильянтовыя кольца одно съ голубою эмалью, другое съ черною. Кольца важныя, отъ брильянтщика Пигати.

— Откуда вы взяли эти кольца и за что̀ вы были арестованы.

— Я и Гансъ, какъ поразбогатѣли, то и думаемъ, какъ попадемся и начнемъ откупаться у полиціи и суда, то у самихъ ничего не остается: не изъ чего было и хлопотать. Подумали, подумали и рѣшились обокрасть брильянтщика Пигати. Чрезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ мы ограбили почту, мы, въ темную, ненастную ночь, часа въ два, взломали стѣнку въ лавкѣ брильянтщика и забрали у него всѣ брильянты, золото и серебро. На другой день вездѣ, въ цѣломъ городѣ, объ этомъ говорили; а мы съ Гансомъ смѣемся и попиваемъ сантуринское. Но не все же коту масляница; чрезъ недѣлю съ нами случилась бѣда. Дѣло было вотъ какъ. Чиновникъ съ колоніи производилъ слѣдствіе о разграбленіи почты — взялъ за бока смотрителя и спрашиваетъ его, не былъ ли почтальйонъ или онъ, смотритель, пьяны. Тотъ отпираться; а чиновникъ давай распрашивать ямщиковъ, а одинъ и разскажи, что вотъ Бука въ тотъ вечеръ потчивалъ водкой и смотрителя, и почтальйона. Чиновникъ послалъ за мной; а ему говорятъ: ужь нѣсколько недѣль съ Гансомъ уѣхалъ въ городъ продавать овесъ, да не возвращается. Это и навело на насъ сумленіе. Онъ пріѣхалъ въ городъ и чрезъ полицію началъ разыскивать насъ. Полиція нашла насъ: меня арестовала

1-я часть, а Ганса—квартальный, который отправилъ его въ полицію. Ганса обыскали и нашли у него брильянтовыя серги.... Дѣло было плохо... Мы ужь сидѣли цѣлую недѣлю; на восьмой день, вечеромъ, зоветъ меня къ себѣ приставъ Пѣшковъ. «Хочешь, говоритъ онъ, я тебя освобожу? Я знаю, ты мошенникъ и съ Гансомъ ограбили почту и Пигати. За тебя и Ганса хлопочутъ сильные люди. Вотъ и полиціймейстеръ пишетъ мнѣ записку.» Онъ началъ читать: «Прошу васъ освободить колониста Буку, арестованнаго по извѣстному вамъ дѣлу: это дѣло нужно затереть.» «Но, продолжалъ приставъ, они съ Ганса содрали, а я–то что̀: за козла у нихъ что ли?... Дай пять тысячъ— освобожду тебя.... «Нѣтъ у меня столько, закричалъ я, да въ ноги къ нему: не губите, говорю, дамъ 500 рублей.» Торговались, торговались и кончили — на тысячу рублей да на два кольца.... На честное слово онъ отпустилъ меня, чтобы я ему на другой день, утромъ, доставилъ обѣщанныя деньги и вещи. Когда я вышелъ изъ части, я взялъ дрожки и, какъ сумасшедшій, поѣхалъ домой. Тамъ я засталъ Ганса: онъ сидѣлъ и плакалъ. «Чего плачешь?» спросилъ я. «Плачу», отвѣчалъ онъ, «оттого, что меня ограбили: забрали у меня всѣ брильянты да еще пять тысячъ въ придачу.» «Кто жь у тебя взялъ?» Тутъ онъ разсказалъ какъ къ нему пришелъ Мунштучковъ — нашъ ремесленный маклеръ — какъ онъ ему грозился, какъ онъ съ нимъ торговался и взялъ деньги и вещи. На другой день онъ и я были освобождены.

Это показаніе Буки, отъ слова до слова, было передано дежурнымъ писцомъ, прочтено ему и имъ подписано.

Но, когда Бубенчиковъ началъ снимать показаніе съ Ганса, тотъ хныкалъ, и отъ него онъ не могъ добиться толку: Гансъ путался въ отвѣтахъ и противорѣчилъ себя на каждомъ шагу. Между тѣмъ, Зосимъ Юрьевичъ выложилъ на столъ всѣ почтовые пакеты. Бубенчиковъ пересчиталъ съ нимъ письма и велѣлъ ихъ положить въ кассовый ящикъ, для того, чтобы на другой день составить имъ подробную опись.

— Теперь, сказалъ онъ:—мы поѣдемъ къ приставу Пѣшкову и арестуемъ его.

— Какъ можно! воскликнулъ съ ужасомъ Зосимъ Юревичъ. — Вѣдь онъ приставъ.... не мѣщанинъ какой нибудь. Мы можемъ за это пострадать.

— Для меня сообщники воровъ и грабителей всѣ равны, дворяне ли они, или мѣщане: не мы ихъ арестуемъ, а законъ....

— Какъ хотите, я не могу на это согласиться. Здѣсь нужно разрѣшеніе высшаго начальства. Сдѣлать обыскъ у пристава — это нешуточное дѣло: если мы ничего не откроемъ, насъ предадутъ суду, отрѣшатъ отъ должности.

— Я буду слѣдователемъ, господинъ помощникъ мой, а вы будете только депутатомъ. Напишите предписаніе на ваше имя; я его подпишу.

— Но здѣсь нужны понятые.

— Въ полночь негдѣ достать понятыхъ. Полицейскіе служители и казаки будутъ нашими свидѣтелями.

Зосимъ Юрьевичъ хотѣлъ еще возражать; но, взглянувъ на Бубенчикова и встрѣтивъ его сердитый взглядъ, онъ закусилъ губы, взялъ листъ бумаги и написалъ себѣ предписаніе—о присутствованіи имъ въ качествѣ депутата со стороны полиціи, при арестѣ и обыскѣ пристава Пѣшкова.

Когда эта бумага была изготовлена и подписана Бубенчиковымъ, онъ запечаталъ кассовый ящикъ печатями — своею и его помощника, и отправился съ Зосимомъ Юрьевичемъ въ первую часть.

Когда они явились въ квартиру Пѣшкова, они застали его въ постели; онъ только что легъ спать. Увидѣвъ полиціймейстера и Зосима Юрьевича, Пѣшковъ выскочилъ изъ постели и надѣвъ халатъ, началъ извиняться въ томъ, что они его застали въ такомъ неглиже. Въ отвѣтъ на это, Бубенчиковъ сказалъ ему сурово: «Одѣньтесь: вы намъ нужны по очень важному дѣлу». Пѣшковъ хотѣлъ было выйти въ другую комнату, чтобы совершить свой туалетъ; но Бубенчиковъ просилъ его не безпокоиться.

Серьёзность и рѣзкость полиціймейстера бросала Пѣшкова то въ жаръ, то въ холодъ. Сознавая свою совѣсть не слишкомъ чистою, онъ предчувствовалъ что-то недоброе.

Когда онъ одѣлся, Бубенчиковъ сказалъ ему холодно:

— Вы арестованы.

— За что? воскликнулъ приставъ блѣднѣя.

— Въ полиціи я сообщу вамъ причины. Вамъ остается только отдать намъ ключи отъ вашего комода, письменнаго стола и шкафа. Мы должны забрать и запечатать ваши бумаги.

— Помилуйте, я не воръ.... Со мною нельзя поступать какъ съ мѣщаниномъ.... я дворянинъ и чиновникъ....

— Это судъ разберетъ.... Не угодно ли будетъ вамъ отдать мнѣ ключи?... Если вы будете упорствовать, мы взломаемъ и перепортимъ вашу мебель.

При этомъ рѣшительномъ отвѣтѣ Бубенчикова, Пѣшковъ отдалъ ему ключи. Тотъ замкнулъ всѣ ящики комода и письменнаго стола и запечаталъ ихъ; а портфёль, лежавшій на столѣ, онъ взялъ съ собою.

— Теперь, сказалъ онъ: — ѣдемъ въ полицію.

Во всю дорогу Пѣшковъ нахально утверждалъ, что на свѣтѣ истинные злодѣи торжествуютъ, а невинность страждетъ, что не онъ первый, не онъ и послѣдній, что слѣдствіе и судъ докажутъ и покажутъ его полицейскія добродѣтели, добросовѣстность, знаніе дѣла. Когда же они пріѣхали въ полицію и Бубенчиковъ, объявивъ Пѣшкову причину ареста, далъ ему очную ставку съ Букой, тотъ сильно растерялся, но упорно запирался и даже отвергалъ то, что Бука былъ подъ арестомъ.

— И какъ можно, воскликнулъ онъ: — унизить такъ чиновника — ставить его на одну доску съ разграбителемъ почты и давать ему съ такимъ мошенникомъ очную ставку!

Но тутъ онъ запнулся: Бубенчиковъ, перебирая бумаги его портфёля, нашелъ записку къ нему Шлагенштока, въ которой этотъ ясно писалъ, «чтобы Пѣшковъ освободилъ Буку»; тогда Пѣшковъ заблагоразсудилъ закричать, что ему дурно, и упалъ въ обморокъ. Запечатавъ его бумаги въ портфёлѣ, Бубенчиковъ приказалъ Зосиму Юрьевичу отвесть его въ городовую больницу, *въ видѣ арестанта*. Самъ же полиціймейстеръ, утомленный тревогами того дня, отправился на отдыхъ домой.

ГЛАВА XIII

НОВАЯ БЕСѢДА СЪ ИСКРИНЫМЪ.

Арестъ грабителей почты и брильянтщика Пигати, оговоръ Буки и арестъ пристава Пѣшкова надѣлали страшнаго шуму въ городѣ Приморскѣ; много было толковъ и прикрасъ по этому дѣлу, и о Бубенчиковѣ стали говорить какъ о сказочномъ героѣ. Жаль, что о немъ не дошла молва до Суздаля, а то вѣроятно

провинціальные трактиры и чайныя заведенія, также станціонные дома и купеческія гостиныя украсились бы замѣчательными художественными произведеніями, въ родѣ сожженія какимъ нибудь героемъ-прапорщикомъ одной пушкой всего англо-французскаго флота. Само собою разумѣется, что, вмѣсто англо-французскаго флота, Бубенчиковъ былъ бы изображенъ человѣкомъ, созидающимъ новую полицію и сажающимъ старую въ новую. Это было бы очень трогательно и назидательно, въ особенности для русскаго человѣка, съ удовольствіемъ слушающаго и похожденія Соловья-разбойника, и казнь Пугачева. Снова повторяю, очень жаль, что популярность Бубенчикова ограничилась однимъ Приморскомъ. Здѣсь и полиція, и бродяги, и мошенники на-время присмирѣли. Первая расторопно исполняла всѣ приказанія своего начальника, лѣзла изъ кожи, стояла предъ нимъ на вытяжкѣ; вторые попрятались по разнымъ каменоломнямъ, откуда изгонялись отважными набѣгами Бубенчикова. По этому обстоятельству господинъ, исправляющій должность генералъ-губернатора, благодушный Ивановъ, изволилъ ему даже замѣтить, что въ той области, гдѣ онъ состоитъ губернаторомъ, такое нашествіе бродягъ изъ Приморска, что полиція съ ума сходитъ. При этомъ онъ даже забылъ, что самъ состоялъ въ этой области владѣльцемъ одного уѣзднаго городка, населеніе котораго увеличилось этими бродягами....

Вообще жители этого города отдавали преимущество Иванову предъ кровопролитнымъ Румянцевымъ, покоящимся теперь въ Печерской Лаврѣ. Румянцевъ взялъ этотъ городъ послѣ рѣзни турокъ и татаръ, которые падали мертвые отъ одного дыханія этого героя; Ивановъ же взялъ этотъ самый городъ безъ рѣзни, а просто вмѣшавшись въ тяжбу двухъ помѣщиковъ, которые сражались на бумагѣ за право владѣнія этимъ городомъ и многими деревнями. Ивановъ принялъ сторону того, кто имѣлъ меньше правъ на эти владѣнія, подъ условіемъ получить *одинъ* городъ, уступая ему *многія* деревни. Тотъ согласился, и такимъ образомъ Ивановъ, безъ боя, овладѣлъ тѣмъ городомъ, за который было когда-то пролито столько басурманской крови. Итакъ, городъ этотъ быстро населился бродягами, чему споспѣшествовалъ много Бубенчиковъ, открывши тяжкое гоненіе на этихъ дикихъ звѣрей, постоянныхъ жертвъ полицейской кровожадности и сребролюбія. Вышло въ сущности, что Бубенчиковъ принесъ только пользу Иванову. Правда, полиція страшно суетилась при его по-

явленіи въ канцелярію, и дѣла, на которыя онъ обращалъ вниманіе, рѣшались тотчасъ же; но до преобразованія полиціи было далеко. Тотъ же застой въ дѣлахъ съ хроническими недугами, та же парализація его дѣйствій—то губернаторомъ, то судебными мѣстами, то же обремененіе полиціи разными административными присутственными мѣстами безчисленнымъ множествомъ порученій объ объявленіи рѣшеній на прошенія, въ родѣ слѣдующаго: «дозволить—пустить брандеръ, подъ названіемъ *бурлотъ*, на англо-французскій флотъ, который безъ людей, паровъ, вѣтра, парусовъ и веселъ сожжетъ всѣ непріятельскія суда....» А по уголовнымъ дѣламъ пристава и квартальные, обремененные тысячами слѣдственныхъ дѣлъ, производили ихъ нерадиво; свидѣтели, безъ дѣйствительной присяги, подписывали такъ называемое клятвенное обѣщаніе; при повальномъ обыскѣ о поведеніи даннаго лица или о какомъ нибудь событіи — сгонялся разный сборъ уличный. Все дѣлалось при Бубенчиковѣ, какъ и въ старину: тотъ же антагонизмъ правосудія. Онъ ясно это видѣлъ, чувствовалъ все безсиліе свое, при громадности переписки съ разными присутственными мѣстами; но какъ помочь горю? Однихъ паспортовъ, разныхъ отсрочекъ по нимъ, статейныхъ и другихъ списковъ, также резолюцій на докладныхъ регистрахъ ему доводилось иногда подписать по 200 и по 300 втеченіе дня. А между тѣмъ къ генералъ-губернатору и губернатору являйся каждое утро съ рапортомъ, что̀ отнимаетъ по крайней мѣрѣ два часа; уѣздное казначейство свидѣтельствуй ежемѣсячно; въ попечительствѣ о тюрьмахъ засѣдай; на всѣхъ выборахъ и гуляньяхъ присутствуй; въ театрѣ ежедневно бывай; туши пожары, которыхъ въ годъ можно насчитать до ста; арестантовъ ежедневно осматривай; просителей у себя дома и въ полиціи принимай. У Бубенчикова кружилась голова, и онъ ходилъ какъ угорѣлый. Вслѣдствіе этого, то только исполнялось какъ должно, на что̀ онъ обращалъ особенное вниманіе; страдали одни бродяги, воры же въ усъ не дули: онъ арестуетъ ихъ, а городовой стряпчій или судъ ихъ освободитъ: то мало уликъ, то полиція, арестуя вора съ поличнымъ, не имѣла въ это время понятыхъ, какъ свидѣтелей. А при этомъ блюстители правосудія забывали, что въ полночь, когда воры выходятъ на охоту, весь городъ спитъ и полиція не можетъ съ обходомъ таскать понятыхъ. Стучаться же при поимкѣ вора во всѣ окна въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ пойманъ, и будить всѣхъ жителей, не идетъ поли-

ціи, какъ блюстительницѣ общественнаго спокойствія. Несмотря, однакожь, на это, энергическія дѣйствія Бубенчикова такъ рѣзко бросались въ глаза, что воры присмирѣли на-время, въ особенности, когда были арестованы грабители почты и приставъ первой части и когда исправляющій должность генералъ-губернатора назначилъ надъ ними слѣдственную коммиссію. Впослѣдствіи же времени, увидѣвъ, что не всѣ воры одинаково преслѣдуются, разныя воровскія шайки снова подняли головы.

..... Въ то время, когда дѣла находились въ такомъ положеніи, на бульварѣ Приморска играла военная музыка и толпы гуляющихъ ходили взадъ и впередъ по ровнымъ его аллеямъ. Ночь была тиха и прекрасна; море чуть-чуть шевелилось въ берегахъ; луна показалась на морскомъ горизонтѣ, какъ красный фонарь, потомъ, поднявшись на значительную высоту, бросила сребристую полосу свѣта на зеркальную поверхность воды; блескъ и игра свѣта еще болѣе увеличились въ этой полосѣ отъ тихаго движенія поверхности моря. Отъ судовъ явились длинныя, причудливыя тѣни; огоньки, горѣвшіе на нихъ, мерцали въ отдаленности, какъ звѣздочки.

Въ воздухѣ было душно, и запахъ цвѣтшей оливки располагалъ къ какой-то нѣгѣ и дремотѣ; къ такому настроенію гулявшихъ много располагала и музыка, игравшая монотонно, а также и движущіяся взадъ и впередъ по аллеямъ толпы.

Усѣвшись на скамьѣ, въ концѣ бульвара, Бубенчиковъ безсознательно глядѣлъ на проходившія мимо его лица; мысли его были далеко. Какъ жаль, что онъ не былъ наблюдателемъ; чего бы онъ тутъ не увидѣлъ! Вотъ идетъ пятидесятилѣтняя княгиня, маленькаго роста, съ высокимъ своимъ любовникомъ, негоціантомъ, который, ради ея княжеской короны, бросаетъ сотни тысячъ. Вслѣдъ за ними, подъ руку, идутъ перезрѣлыя три дочери княгини и, подъ защитой той же короны, бросаютъ фланирующей молодёжи не совсѣмъ скромные взгляды.

Но кто это появился? Присматриваюсь: бывшая моя горничная, разряженная по послѣдней парижской модной картинкѣ, плавно и граціозно выступаетъ подъ руку съ какою-то салопницей; близъ нея увивается гусаръ и до слуха моего долетаютъ слова: «графиня, лучше и образованнѣе васъ я не встрѣчалъ женщины». Ихъ смѣняетъ новая пара: молодой человѣкъ съ бородой и дама лѣтъ пятидесяти у него подъ руку. Узнаю васъ! молодой человѣкъ: цвѣтъ Приморска — уменъ, образо-

ванъ, хорошъ и милліонеръ. Полюбился ему сатана, лучше ясна-го сокола; онъ даже просилъ руки у той барыни, у которой дѣти старше его 15 годами. Они прошли. Появилась новая пара: кавказскій артиллеристъ съ хорошенькой дамой; она виситъ у него на рукѣ и умильно глядитъ ему въ глаза. А! это наши — Ловласъ и герцогиня Шеврёзъ. Ловласъ — высокій, стройный мужчина, съ чрезвычайно пріятнымъ и красивымъ лицомъ; чер-кесскій костюмъ придаетъ его физіономіи оригинальность. Гер-цогиня — низенькаго роста, граціозное, милое созданіе, прене-брегающее своею репутаціею и именемъ. Сегодня она виситъ на рукѣ Ловласа, завтра вы увидите ее висящую на рукѣ ка-кого нибудь трехъ-аршиннаго генерала. Сзади ихъ идутъ подъ руку двѣ дамы, видимо ихъ преслѣдующія: одна изъ нихъ лѣтъ сорока, высокая полная женщина, одѣта въ бѣломъ платьи, съ открытой таліею и руками; другая одѣта бѣднѣе; первая—эман-сипированная русская помѣщица, вторая — эмансипированная ея компаньйонка. Счастливецъ этотъ Ловласъ! женщины бѣ-гаютъ за нимъ, грызутся, царапаютъ другъ другу глаза, а онъ кутитъ на ихъ общій счетъ, улучшаетъ жалкіе остатки своего родоваго наслѣдія и пользуется всѣми возможными физическими и нравственными благами. А куда ты дѣлъ благоуханную нашу южную розу, которая услаждала сердце добрыхъ жителей При-морска своимъ мелодическимъ контръ-альто? Исчезла она съ теа-тральной сцены: ты сорвалъ этотъ цвѣтокъ, выжалъ изъ него всѣ соки и потомъ, какъ безполезный, бросилъ, съ кучей ребя-тишекъ, гдѣ-то за границей. Счастливъ ты, Ловласъ, что нѣтъ ни гласности, ни публичнаго суда — грозныхъ бичей разврата и порока.

А ты, герцогиня ты, могла бы быть украшеніемъ общества и человѣчества. Красота, умъ, таланты — неужели могутъ гар-монировать съ развратомъ и цинизмомъ?

Прошли, слава Богу! *И се*, какъ восклицалъ безсмертный профессоръ элоквенціи Мерзляковъ, грядетъ мужъ, знамени-тый изслѣдованіемъ русской древности и доказавшій, какъ дваж-ды два четыре, что русскіе происходятъ отъ Ахиллеса. Ученый міръ, въ особенности славянофилы, восхищенные тѣмъ, что Го-меръ воспѣвалъ цивилизацію русскихъ, сдѣлали его шефомъ про-свѣщенія въ Приморскѣ. Тяжелыми шагами, надутый спѣсью учености, влача на плечахъ своихъ громоздкихъ 9 классныхъ гражданскихъ чиновъ, сей мужъ прошелъ мимо Бубенчикова.

Тутъ только послѣдній показалъ жизнь: онъ сдѣлалъ такое движеніе, какое обыкновенно дѣлаетъ пѣшеходъ, услышавъ за собою топотъ копытъ.

Послѣ этого движенія, Бубенчиковъ вновь впалъ въ задумчивость; въ воображеніи его мелькали туманно разныя лица.

«Чортъ знаетъ, что̀ дѣлать!» думалъ онъ «Здѣсь просто пропадешь. Скука смертельная: куда ни пойдешь — вездѣ холодная оффиціальность заставляетъ зѣвать. И понесла же меня не легкая принять на себя роль обличителя! Просто, хоть съ ума сойди: вездѣ мошенники, воры, бездѣйствіе закона и властей...»

Онъ преусердно зѣвнулъ, при чемъ меланхолически закрылъ глаза.

Но вотъ кто-то взялъ его за руку.

Бубенчиковъ открылъ глаза; предъ нимъ стоялъ Искринъ.

— Садись, сказалъ Бубенчиковъ, пожавъ его руку. — Радъ тебя видѣть. Гдѣ ты пропадалъ?

— Былъ занятъ, все дѣла и дѣла.

— Дѣла. Скучно, братъ, жить на свѣтѣ.

Бубенчиковъ усердно зѣвнулъ.

— Что̀, ужь усталъ? Вы храбры на словахъ, попробуйте на дѣлѣ, сказалъ безсмертный Пушкинъ. То-то, мы всѣ на словахъ страшные герои:

Ступитъ на горы — горы трещатъ,
Ляжетъ на воды — воды кипятъ,
Граду коснется — градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ бросаетъ...

Удаль чисто русская, напоминающая не Суворова, а Соловья-разбойника! Этими словами Державинъ выразилъ прекрасно нашу прыть. Ты, кажется, хотѣлъ изъ полиціи сдѣлать храмъ правосудія, кротости и тому подобное: «я не пожалѣю ни трудовъ, ни времени; я... я...» такъ кажется, ты говорилъ; а теперь ты позѣвываешь, подобно намъ, грѣшнымъ людямъ; скука, апатія овладѣваютъ? а?... Что̀ жь ты молчишь?... Нѣтъ, голубчикъ, коли корни гнилые, сколько ни очищай вѣтвей, дерева не оживишь...

Бубенчиковъ молча стучалъ своей саблей по носку сапога и грустно насупился.

— Слышалъ я, продолжалъ Искринъ: — что ты усерденъ и дѣятеленъ, не стыдишься учиться и въ каждую свободную ми-

нуту сидишь надъ уголовными и гражданскими законами. Слышалъ я, что у тебя отличный юридическій тактъ и что ты понимаешь дѣло. Меня это очень, очень радуетъ. Но почему ты разочаровался, опустилъ вдругъ руки, сдѣлался мраченъ, страждешь сплиномъ?

— Почему?... Гм!... Почему взоръ и вкусъ человѣка ласкаются какою нибудь неизвѣстною ему красивою ягодою? Съ наслажденіемъ онъ раскусываетъ ее; но при этомъ вкусъ его поражается горечью и онъ съ кислою гримасою ее выплевываетъ. Думалъ я честно, добросовѣстно исполнить свой долгъ; но труды мои приносятъ такую же пользу, какъ капля воды—морю. Ѣду я ночью и ловлю вора, вылѣзающаго изъ окна магазина съ разными украденными вещами — судъ освобождаетъ его, на томъ основаніи, что мало уликъ. Поймалъ я на заставѣ нѣмца съ уворованными волами, стряпчій освободилъ его—на основаніи его отзыва, что онъ этихъ воловъ нашелъ и хотѣлъ ихъ доставить въ пятую часть. Зачѣмъ, спрашиваю я, ему было доставлять воловъ за 15 верстъ, когда онъ могъ ихъ доставить въ ближайшую часть? Мнѣ возражаютъ на это, что такая пришла ему фантазія, и дѣло съ концомъ!... Является ко мнѣ одинъ, выгнанный изъ службы, чиновникъ, Дымаревъ, и объявляетъ мнѣ, что онъ можетъ открыть дѣлателей фальшивой монеты и на этотъ предметъ требуетъ 25 р. Я не жалѣю денегъ, даю ему—и что̀ же? Чрезъ недѣлю онъ доставляетъ мнѣ фальшивый полуимперіялъ и объявляетъ, что если я ему дамъ еще сто рублей, то онъ откроетъ преступниковъ. Я не соглашаюсь ему дать больше денегъ, такъ какъ на этотъ предметъ у меня нѣтъ казенныхъ суммъ, и онъ уходитъ. Я представляю губернатору монету и требую слѣдствія; губернаторъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, даетъ предписаніе своему чиновнику, произвести о монетѣ формальное слѣдствіе. При слѣдствіи, Дымаревъ подтверждаетъ мои слова, но присовокупляетъ, что полиціймейстеръ неисполненіемъ его требованія *споспѣшествовалъ* къ сокрытію преступниковъ. Слѣдствіе тутъ принимаетъ другой оборотъ: перестаютъ тѣснить Дымарева, оставляютъ его даже на свободѣ, а надо мною начинаютъ производить слѣдствіе—почему, дескать, сдѣлалъ упущеніе. Обворовали жандармскаго офицера и уворованный его синій сюртукъ былъ найденъ на базарѣ — что̀ жь ты думаешь? отъ него потребовали доказательства, что сюртукъ дѣйствительно его. У плацъ-адъютанта украли шкатулку съ бумагами и вещами, шка-

тулка съ бумагами была подброшена, а вещи украдены; полиція не хотѣла возвратить плацъ-адъютанту шкатулки, пока онъ не представилъ двухъ свидѣтелей, несмотря на то, что въ ней были найдены два его диплома на полученіе имъ чиновъ. Съ такими порядками просто съ ума сойдешь! Развѣ можетъ воля обнаруживать дѣятельность безъ головы, туловища, рукъ и ногъ? предлагаю тебѣ въ свою очередь вопросъ...

— Ты правъ. Намъ нужны коренныя преобразованія.

— Да еще какія! Нужны гласность, публичный судъ, судъ присяжныхъ; а тамъ требуй энергіи, дѣятельности, добросовѣстности. Нѣтъ, голубчикъ, тогда губернаторъ не поступилъ бы со мною, какъ это онъ сдѣлалъ съ пожарной командой, съ дѣлами полиціи и откупомъ.

— Я что-то слышалъ въ городѣ... Разскажи...

— Тебѣ извѣстно, что я не хотѣлъ принять ни дѣлъ полиціи, ни пожарной команды и по этому предмету вошелъ даже съ рапортомъ къ губернатору. На другой день вечеромъ я былъ въ театрѣ; онъ потребовалъ меня къ себѣ въ ложу и очень убѣдительно и краснорѣчиво упрашивалъ меня, чтобы я взялъ назадъ мой рапортъ; но я остался твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Что жь, ты думаешь, онъ сдѣлалъ? заднимъ числомъ вошелъ къ министру съ представленіемъ слѣдующаго содержанія: «что средства и объемъ пожарной команды въ Приморскѣ незначительны въ сравненіи съ количествомъ пожаровъ; поэтому инструменты недолго служатъ и приходятъ скоро въ совершенную негодность, несмотря на ревностное содѣйствіе бывшаго полиціймейстера Шлагенштока, употреблявшаго изъ своего жалованья значительныя суммы на ремонтъ. Вслѣдствіе этого онъ ходатайствуетъ у министра объ ассигновкѣ, изъ городовыхъ суммъ, капитала, для покупки новыхъ инструментовъ и лошадей, а старыхъ проситъ разрѣшить продать». Согласно этому представленію, я получилъ на свой рапортъ слѣдующій отвѣтъ, что плохое состояніе пожарной команды ему давно извѣстно и что онъ еще до полученія моего рапорта за №.... такимъ-то писалъ министру о томъ-то. Что же касается до безпорядковъ, найденныхъ мною въ полиціи, то слово «безпорядокъ» слишкомъ неопредѣленно; поэтому если я сомнѣваюсь въ исправности веденія дѣлъ, то онъ рекомендуетъ мнѣ обревизовать всѣ дѣла полиціи и скрѣпить ихъ по листамъ... Каковъ гусь! Предложилъ мнѣ выпить море однимъ глоткомъ?... Вотъ тебѣ

администрація, централизація власти въ лицѣ его превосходительства.... Вообще я ломалъ себѣ голову о томъ, куда дѣваются всѣ городскія суммы, которыхъ Приморскъ получаетъ свыше милліона рублей серебромъ? И почему въ городѣ нѣтъ никакихъ улучшеній? Чтожь ты думаешь? эти деньги поглощаются на содержаніе городскихъ присутственныхъ мѣстъ и учрежденій, которыя всѣ, начиная отъ губернатора, не стоятъ мѣдной полушки!.. Другой важный предметъ городскаго бюджета—это выдача войскамъ квартирныхъ денегъ, отопленія и освѣщенія. На какой чортъ городу столько дармоѣдовъ?—Для охраненія внутренняго порядка развѣ городъ не могъ устроить милицію? Это не стоило бы ему ни гроша. Если же необходимо содержаніе въ городѣ большаго количества войска, то развѣ городъ не можетъ выстроить для него единовременно казармы, съ квартирами для офицеровъ? — Если разсчитать сколько потрачивается въ годъ квартирныхъ денегъ, то изъ нихъ въ нѣсколько лѣтъ можно бы было построить полный комплектъ казармъ.

— Но на это нужна единовременно большая сумма, — возразилъ Искринъ.

Развѣ городъ не можетъ сдѣлать займа, положимъ, въ государственномъ банкѣ? А если онъ этого не захочетъ, пусть онъ выпуститъ на эту сумму облигаціи на 5% и вѣрь, мнѣ—онѣ пойдутъ на разхватъ, въ одинъ день. Эти 5% будутъ сотой долей того, что платитъ теперь городъ войскамъ. Я не говорю ужь о томъ, что всѣ городскія земли, лавки, и разные сборы,—коробочные и гильдейскіе, — должны бы были идти на общественныя учрежденія. Оставимъ ужь эти суммы въ сторонѣ. По крайней мѣрѣ, двухъ-процентный сборъ съ оцѣночной суммы домовъ, уплачиваемый домохозяевами, долженъ бы былъ цѣликомъ отойти на освѣщеніе города и мостовыя. У насъ, мой другъ, нѣтъ какъ слѣдуетъ муниципальнаго устройства; въ думу избираются люди безъ образованія, безъ яснаго сознанія общественныхъ интересовъ; городскія суммы получаютъ чортъ знаетъ какое направленіе, и распредѣленіе ихъ зависитъ не отъ дѣйствительныхъ нуждъ города, а отъ усмотрѣнія начальства. Такъ мы далеко не уйдемъ. Во время войны въ Приморскъ съѣхалось нѣсколько сотъ офицерскихъ семействъ, которымъ *начальство* разрѣшило получать квартирныя деньги изъ городскихъ суммъ. Кажется мнѣ, городъ нисколько не виноватъ, что имъ было угодно въ него съѣхать-

ся?.. Если бы, напримѣръ, они оставались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ засталъ ихъ походъ, они бы получили квартирныя деньги въ тѣхъ городахъ, гдѣ они прежде находились, а то квартирная повинность половины Россіи пала на одинъ городъ... Я много думалъ по этому предмету; до тѣхъ поръ не будетъ толку, пока распредѣленіе городскихъ суммъ не будетъ предоставлено городскому депутатскому собранію; пренія и отчетность объ этихъ суммахъ должны быть публичны и только одна ихъ ревизія должна подлежать отчетности Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Отчего колонисты свои общественныя суммы, по мірскимъ приговорамъ, имѣютъ нраво употреблять на общественныя нужды? почему городскія сословія лишены этого права? Развѣ всѣ сословія не одинаковы въ своихъ правахъ?... Почему такое преимущество однимъ предъ другими?... Да и при нынѣшнемъ порядкѣ можно ли ожидать раскрытія злоупотребленій по дѣламъ думы? Она ничего не дѣлаетъ сама собою: все разрѣшается или губернаторомъ или генералъ-губернаторомъ или министромъ, и, если сдѣланъ промахъ, — ктожь потащитъ этихъ лицъ къ суду и отвѣтственности? Кто приметъ на себя эту обязанность?... И болитъ ли сердце губернатора при израсходованіи сотенъ тысячъ изъ городскихъ суммъ? Онъ сегодня здѣсь, а завтра можетъ уѣхать къ чорту.... Вотъ ужь болѣе двадцати лѣтъ слышны вопли жителей Приморска на мостовыя, освѣщеніе и воду.... И чтоже? городъ мостятъ отвратительнымъ щебнемъ, на 50 или 60 верстномъ разстояніи назначено около 500 фонарей; а воду городъ *не имѣлъ средствъ* самъ провести и передалъ это дѣло частному лицу, которое теперь заработываетъ рубль-на-рубль, угощая городъ прескверною водою, отъ несошѣднярства трубъ.... просто противно говорить.

— Эге! любезный другъ, возразилъ Искринъ: — у тебя начинаетъ развиваться желчь! добрый знакъ, теперь есть надежда, что ты сдѣлаешься порядочнымъ человѣкомъ. Видно тебѣ хорошо допекли эти порядки.... Но ты заговорился о городскомъ хозяйствѣ и забылъ разсказать какъ кончилось дѣло твое съ откупомъ.

— Прескверная, братъ, исторія: нестоитъ и разсказывать... Мнѣ наклеили носъ и довольно съ тебя.

— Какъ же это было? я большой охотникъ слушать разсказы про откупныя продѣлки... Признаться, я къ откупнымъ лицамъ

имѣю даже маленькую симпатію, потому что считаю ихъ утонченнѣйшими плутами и грабителями.

— Коли есть охота, слушай. При вступленіи мною въ должность полиціймейстера, я объявивъ себя отъявленнымъ врагомъ откупа, т. е. отказался отъ откупнаго жалованья и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы нижніе чины не пьянствовали въ кабакахъ, чтобы шинки не торчали близъ церквей и не отворялись до литургіи....

— Итакъ, продолжавъ Бубенчиковъ: — сдѣлавъ распоряженіе относитечьно откупа, я твердо рѣшился наблюдать за тѣмъ, чтобы мое приказаніе было исполнено: я не люблю дѣйствовать полумѣрами. Каждую ночь я началъ объѣзжать городъ, и всѣ шинки, которые были открыты позже 9 часовъ, запечатывалъ; тоже самое я дѣлалъ и съ тѣми шинками, которые открывались до окончаніи литургіи... Боже мой! какъ взбѣленились... наряжена была слѣдственная коммисія о моихъ противузаконныхъ дѣйствіяхъ: откупщикъ доказывалъ, что я запечаталъ шинки неправильно, что они закрываются въ положенное время, и объявилъ на меня претензію тысячъ на сто. Но я такъ же не промахъ; каждый день я ловилъ въ шинкахъ солдатъ и собралъ столько фактовъ, что едва ли откупщикъ выиграетъ дѣло.— Такъ я сражался съ мѣсяцъ; но, признаюсь тебѣ откровенно, такая неровная борьба мнѣ надоѣла...

— Что? малѣйшее препятствіе и сейчасъ назадъ?!

— Вовсе не то; какую пользу я принесу моею борьбой? Что испишутъ нѣсколько тысячъ листовъ бумаги?... Нѣтъ, братъ, такой дѣятельности я не люблю; когда мои силы не могутъ приносить пользы, пусть лучше онѣ погибнутъ, завянутъ въ самомъ своемъ зародышѣ. Переливать изъ пустаго въ порожнее могутъ только ребятишки; теперь не тотъ вѣкъ, не тотъ духъ. Я жизни хочу и жажду, а не канцелярской мертвой буквы.... А тутъ вѣдь все основано на одной отпискѣ: отписали бумагу и воображаемъ себѣ, что мы служимъ отечеству. Мы бумажнымъ и чернильнымъ фабрикамъ служимъ, а не государству....

Въ это время прошелъ мимо ихъ *халатникъ*, т. е., подмастерье. Искринъ не обратилъ на него никакого вниманія; но Бубенчиковъ, по своему полицейскому настроенію, началъ слѣдить за нимъ глазами; подмастерье направился къ площадкѣ, гдѣ стояла вѣстовая пушка, онъ смотрѣлъ ее, при чемъ нѣсколько

разъ оглянулся, какъ будто боясь, чтобы кто нибудь не подмѣтилъ его осмотра.

— Послушай, Искринъ, сказалъ Бубенчиковъ: — ты видишь вонъ-того человѣка, который вертится близъ пушки?

— Вижу, чтожь такое?

— Онъ тебѣ не кажется подозрительнымъ?

— Нисколько; вышелъ человѣкъ, послѣ дневныхъ трудовъ, подышать воздухомъ и дѣло съ концомъ.

— Нѣтъ, другъ мой, подмастерье въ такую позднюю пору не выйдетъ гулять.

— Чтожь въ немъ подозрительнаго? Неужели ты полагаешь, что онъ въ карманъ запрячетъ пушку?

Искринъ расхохотался.

— То-то и бѣда въ васъ полицейскихъ, что вы на все глядите подозрительно, поэтому и впадаете въ крайности.

— Экой нравоучитель нашелся! Полно нотаціи читать. Пойдемъ-ка лучше поужинаемъ и выпьемъ бутылку шампанскаго.

— Люблю умныя рѣчи. Идемъ.

Пріятели поднялись съ мѣста и направили шаги свои къ аристократическому ресторану.

ГЛАВА XIV.

КАКЪ ИНОГДА МОЖНО БЕЗЪ БОЮ ОВЛАДѢТЬ ПУШКОЙ.

На другой день, Приморскъ былъ въ страшномъ недоумѣніи: вѣстовая пушка, даръ, принесенный городу графомъ Сорокинымъ, въ полдень не возвѣстила жителямъ выстрѣломъ, что хронометръ показываетъ 12 часовъ. Пошли по городу разные толки. Дипломаты стали увѣрять, что иностранныя державы, по трактату, обязали насъ не стрѣлять въ Приморскѣ, такъ какъ это намекаетъ на то, что и этотъ мирный городъ можетъ быть обращенъ въ крѣпость и угрожать независимости Турціи. Другіе утверждали, что будто жители бульвара подали формальное прошеніе объ уничтоженіи варварскаго обычая стрѣлять, изъясняя при этомъ слѣдующія причины: 1) что въ домахъ стекла лопаются и штукатурка портится; 2) что слабонервные и больные бѣгутъ съ бульвара; 3) что со многими дѣтьми дѣлают-

ся конвульсіи и т. п. Всѣхъ пунктовъ насчитывали до ста.... Въ обжорномъ же ряду на толкучемъ рынкѣ бабы разсказывали, что собственными глазами видѣли, какъ пушка по цѣлому городу прошла, никѣмъ нетащимая, и что на ней верхомъ сидѣла та бронзовая статуя, которая стоитъ на бульварѣ.

Бубенчиковъ сидѣлъ въ присутствіи полиціи, когда явились туда пристава всѣхъ частей и, разсказавъ ему всѣ городскіе толки о пушкѣ, присовокупили:

— Вѣрнѣе всего, что пушка украдена.

Первая мысль, явившаяся при этомъ въ головѣ Бубенчикова, была та, что недаромъ халатникъ, котораго онъ видѣлъ наканунѣ близъ пушки, такъ увивался вокругъ нея. Не будь этотъ Искринъ, подумалъ онъ, я бы поймалъ воровъ: пусть теперь смѣется надъ моею подозрительностью.

Эту мысль онъ никому не сообщилъ, и приказалъ приставамъ употребить всѣ силы къ розысканію преступниковъ. Я же, присовокупилъ онъ, хотя былъ сегодня у губернатора, но онъ не принялъ меня; теперь же нужно къ нему ѣхать; дѣло скандалезное, да и графъ будетъ недоволенъ.

Сказавъ это, Бубенчиковъ взялъ каску и поѣхалъ къ губернатору.

Губернаторъ не повернулъ къ нему даже головы. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Все благополучно въ городѣ? спросилъ сквозь зубы губернаторъ.

— Я пріѣхалъ доложить вашему превосходительству, что вѣстовая пушка исчезла съ бульвара.

— Вѣстовая пушка?...

— Точно такъ!

Губернаторъ вскочилъ со стула.

— Какъ вы смѣли явиться ко мнѣ съ докладомъ о такомъ скандальномъ событіи? Знаете ли вы, городъ получилъ этотъ подарокъ отъ графа?... Ваша полиція ни зачѣмъ не смотритъ.... Отчего близь пушки не было часоваго?

— Оттого, что двадцать лѣтъ до моего прибытія никто объ этомъ не подумалъ; притомъ назначеніе часовыхъ не зависитъ отъ меня.

— Вы еще смѣете оправдываться? Чтобы пушка была.... слышите ли? или вы будете подъ судомъ.

— Ваше превосходительство, возразилъ гордо Бубенчиковъ: — никто не страдаетъ за чужіе грѣхи. Посуду я докажу, что употреблялъ всѣ силы и старанія для поимки воровъ и мошенниковъ; но полиція освобождала ихъ на другой или третій день, по распоряженію разныхъ мѣстъ и лицъ. Ничего не будетъ удивительнаго, если начнутъ въ Приморскѣ обдирать людей посреди бѣлаго дня....

— Вы очень краснорѣчивы, г. Бубенчиковъ.... Что же говорятъ въ городѣ о пропажѣ пушки?

— Дипломаты увѣряютъ, что европейскія державы запретили намъ стрѣлять, такъ какъ это намекъ на то, что мы можемъ покуситься на цѣлость Оттоманской имперіи; и какъ изъ этого факта дипломаты приходятъ къ заключенію, что *будетъ переписка* между европейскими державами, поэтому пшеница успѣла ужь подняться на $1^1/_2$ рубля.

— Экой вздоръ!

— Я обязанъ доложить вашему превосходительству обо всемъ, что только говорятъ въ городѣ.... Еще толкуютъ, что будто жители бульвара требовали прекращенія нелѣпой пальбы, отъ которой нервы и здоровье жителей страдаетъ.

— Какъ вы смѣете говорить «нелѣпой пальбы», когда это учредилъ его сіятельство?

— Я передаю народные толки: изъ пѣсни словъ не выбрасываютъ.

— Вы любите разсуждать.... продолжайте....

— Еще бабы толкуютъ, что бронзовая статуя, стоящая на бульварѣ, верхомъ на пушкѣ разъѣзжала по городу.

— Что за вздоръ вы мнѣ мелете. Вы скажите мнѣ съ толкомъ, куда дѣлась пушка?

— Я за этимъ самъ пріѣхалъ къ вашему превосходительству.

— Такъ она рѣшительно пропала?

— Должно быть такъ, и я ужь сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ее отыскивали.

— Ступайте и смотрите, чтобъ мнѣ пушка была....

Бубенчиковъ раскланялся съ губернаторомъ и поѣхалъ обратно въ полицію; на полицейской улицѣ онъ увидѣлъ идущаго по тротуару того халатника, котораго онъ наканунѣ видѣлъ близъ пушки. Бубенчиковъ остановилъ свои дрожки и сдѣлалъ бывшему у него въ ординарцахъ и ѣхавшему за нимъ казаку знакъ

рукою. Казакъ пригнулся къ лукѣ сѣдла, пришпорилъ коня и подскакалъ къ нему.

— Ты видишь вонъ того человѣка, который идетъ по тротуару?

— Вижу, ваше высокоблагородіе.

— Доставь его сейчасъ въ полицію.

Казакъ помчался исполнить приказаніе полиціймейстера; а послѣдній поѣхалъ въ полицію.

Когда Бубенчиковъ вошелъ въ присутствіе въ полиціи, онъ увидѣлъ предъ Зосимомъ Юрьевичемъ монаха.

— Что это за человѣкъ? спросилъ онъ своего помощника.

— Это изволите видѣть, возразилъ съ сладкою улыбкой Зосимъ Юрьевичъ, монахъ, выдающій себя за монаха съ Аѳонской горы; родомъ онъ — болгаринъ, и такъ какъ жилъ нѣкоторое время въ Россіи, то довольно порядочно говоритъ по-русски.

— У него должны быть документы, возразилъ Бубенчиковъ.

— Онъ-то представилъ паспортъ турецкаго правительства; да дѣло въ томъ, что въ немъ, во-первыхъ, не значится онъ монахомъ съ Аѳонской горы; во-вторыхъ — у него нѣтъ разрѣшенія собирать пожертвованія въ пользу Аѳонскаго монастыря. Между тѣмъ онъ два года собираетъ здѣсь милостыню и успѣлъ ужь набрать, кромѣ дорогихъ вещей, тысячу полуимперьяловъ. Вотъ вещи и деньги.

Зосимъ Юрьевичъ указалъ на огромный кошелекъ, набитый полуимперьялами, и на множество драгоцѣнныхъ вещей.

Бубенчиковъ обратился къ монаху.

— Чѣмъ вы можете доказать, что вы дѣйствительно монахъ, и что сборы ваши законные?

— Ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ низко кланяясь монахъ: — извольте спросить здѣшнюю консисторію; она знаетъ для кого я собираю деньги....

— О! въ такомъ случаѣ мы можемъ сдѣлать слѣдующее: пусть сейчасъ изготовятъ бумагу въ консисторію; вещи же и деньги могутъ остаться въ кассѣ полиціи. Зосимъ Юрьевичъ, потрудитесь составить актъ, въ которомъ сдѣлайте опись вещамъ и деньгамъ. Вы же, св. отецъ, ужь извините, до полученія отвѣта консисторіи, останетесь у насъ въ полиціи.

Монахъ сдѣлалъ кислую мину и хотѣлъ что-то возразить; но въ это время казакъ, ординарецъ полиціймейстера, ввелъ подмастерье.

— Пойди-ка сюда, любезный, сказалъ ему Бубенчиковъ.

Подмастерье подошелъ къ нему и дерзко смотрѣлъ ему въ глаза.

— Ты кто такой?

— Здѣшній мѣщанинъ.

— Какъ твоя фамилія?

— Кочетовъ.

— Въ чемъ твое ремесло?

— Я и кузнецъ и мѣдныхъ дѣлъ мастеръ.

— У кого служишь?

— Ни у кого; я поденщикъ.

— Есть у тебя отецъ и мать?

— Какъ же; мать прачкой, отецъ кучеромъ, служатъ у купца Подсвѣчникова, на старомъ базарѣ.

— Гдѣ же ты теперь работаешь?

— Нигдѣ.

— Куда ты сегодня шелъ?

— Никуда.

— Какъ никуда? за такіе отвѣты, я велю тебя подъ рѣшетку посадить.

— Не за что, ваше высокоблагородіе.

— Не упорствуй въ отвѣтахъ, я тебя спрашиваю снова, куда ты ходилъ сегодня?

— Хозяинъ посылалъ.

— Кто-жь теперь твой хозяинъ?

— Лудильщикъ Степановъ.

— Давно ты у него?

— Три дня.

— Гдѣ жь его мастерская?

— На Молдаванкѣ, близъ Михайловской церкви.

Бубенчиковъ позвонилъ; вошелъ вѣстовой солдатъ.

— Отведи этого мѣщанина подъ рѣшетку, да пришли мнѣ дежурнаго квартальнаго.

Мѣщанина Кочетова вывели изъ присутствія. Въ это время Зосимъ Юрьевичъ составилъ актъ и написалъ бумагу въ консисторію; Бубенчиковъ прочелъ обѣ бумаги и подписалъ ихъ. Вошелъ дежурный квартальный.

Поѣзжайте въ 4 и 2 часть, и велите отъ моего имени арестовать мѣщанъ Кочетовыхъ, проживающихъ у купца Подсвѣчникова во 2 части, и лудильщика Степанова, живущаго на Мол-

даванкѣ. Пусть сдѣлаютъ у нихъ обыскъ, не отыщутся ли слѣды пушки. Отдавъ это приказаніе, Бубенчиковъ вышелъ изъ полиціи.

ГЛАВА XV.

БУБЕНЧИКОВЪ ПРОМАХНУЛСЯ.

Вечеромъ того же дня, Бубенчикову доложилъ его Иванъ, что приставъ 2 части пріѣхалъ. Полиціймейстеръ велѣлъ его принять.

— Что, арестовали отца и мать мѣщанина Кочетова?

— Арестовалъ. Я ихъ привезъ съ собою.... Они кажется не замѣшаны въ воровствѣ пушки; купецъ, у котораго они служатъ, отзывался объ нихъ съ похвалою.

— Велите ихъ ввести сюда.

Приставъ подошолъ къ дверямъ, отворилъ ихъ и крикнулъ: гей, вы! войдите.

Въ кабинетъ Бубенчикова вошолъ высокаго росту мужикъ, съ окладистой, съ просѣдью, бородою и бабенка лѣтъ за сорокъ. Отецъ Кочетова невольно вселялъ къ себѣ довѣріе: лицо его было кротко и пріятно, сѣрые глаза его были добры, а на губахъ играла улыбка добродушія. Жена его очень хорошо сохранилась и имѣла несомнѣнные признаки отцвѣтшей красоты. Оба вошли робко, но смотрѣли Бубенчикову смѣло въ глаза.

— Вы изъ какихъ? спросилъ Бубенчиковъ.

— Изъ тутошнихъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ Кочетовъ-старшій.

— Я знаю, что вы здѣшніе мѣщане; но ты родомъ изъ Россіи?

— Мы россійскіе, ваше высокоблагородіе, отвѣчала жена Кочетова.

— А давно прибыли сюда?

Кочетовъ съ женой значительно переглянулись.

— Мы, то-ись, какъ бы сказать.... Навѣрное не помню, возразилъ Кочетовъ.

— Не бойся, — говори откровенно; я догадываюсь, ты вѣрно изъ бѣглыхъ крестьянъ; это дѣло прошлое.... Не за этимъ я призвалъ тебя.

— Виноватъ, ваше благородіе....

— Что же побудило тебя бѣжать?

— Барыня наша была этакая злющая.... Да и барину бывало достается; изволите видѣть, баринъ нашъ былъ изъ духовнаго званія, да изъ бурсаковъ; учился онъ разнымъ наукамъ въ семинаріи. А у стараго нашего барина, — помяни его Господи въ своемъ царвствіи! добрый былъ баринъ, — имѣлись сынъ и дочь. Вотъ къ молодому барину и приставили бурсу, стало быть учить его грамотѣ и цыфири.... А онъ давай балясы отпускать барышнѣ, да въ одинъ вечеръ они и улизнули вдвоемъ и отписываютъ старому барину: «такъ не такъ, дескать, прости, да благослови, мы молъ обвѣнчались, въ законномъ бракѣ сожительствуемъ». А старый баринъ ни гу-гу: ни отвѣта, ни благословенія родительскаго не послалъ; только сталъ угрюмъ старикъ, точно изъ могилы возсталъ, ажно сердце болитъ, глядя на сердечнаго. На бѣду и барченокъ къ Спасу захворалъ, а къ Филиповкѣ Богу душу отдалъ. Ни слезки единой старый баринъ не проронилъ, а все вздыхаетъ, да вздыхаетъ. Послѣ погребенія, батюшка, отецъ Иванъ начали говорить старику барину: «такъ и такъ, Степанъ Трофимычь, не вѣкъ дочькѣ твоей быть въ опалѣ: мужъ-то ея честный, богобояненный; ужь ты прости ихъ, вѣдь она у тебя теперь единая». Подумалъ, подумалъ баринъ да и послалъ дочкѣ родительское благословеніе, да отписываетъ ей: пріѣзжай молъ, все твое будетъ, закрой отцу глаза, больно старъ сталъ, силенки околѣваютъ. Дочка его пріѣхала съ мужемъ и всѣмъ завладѣла, а старый баринъ кажинный день все хуже и хуже хвораетъ, да къ велико-дню Богу душу отдалъ. Ужь что мы опосля наплакались — не приведи Господи вторично такого испытанія! И отъ куда у барыни бралась злость! какъ разсердится, все что ни есть въ домѣ швыряетъ, ломаетъ.... Дѣвкамъ ротъ завяжетъ, да щиплетъ.... А жена моя Агафья въ горничныхъ у нея пребывала: всѣ волосы барыня у нея повырвала.... Сжалился надъ нами бурса, баринъ-то нашъ, и давай за насъ стоять; а она его и такимъ и сякимъ чортовымъ отродьемъ назвала, бурсой попрекала, да говоритъ: я тутъ барыня, коли еще разъ дерзость скажешь, я велю тебя на конюшнѣ.... Баринъ видитъ дѣло это дрянь; да въ ту же ночь зашелъ ко мнѣ въ конюшню. Васька, говоритъ баринъ, я тебя осчастливлю, бѣжи со

мною сегодня ночью. Могѣмъ, говорю я, да Агафьи жаль. Ну, говоритъ, и Агафью бери. Въ ту же ночьку мы дали тягу, да недѣли чрезъ двѣ пріѣхали сюда въ Приморскъ. Лѣтъ десять мы были при барынѣ.

— Гдѣ же теперь вашъ баринъ?

— Служилъ баринъ здѣсь въ секлетаряхъ — и мы были при немъ; въ послѣднюю ревизію записалъ онъ насъ въ здѣшніе мѣщане; да года два тому назадъ отдалъ Богу душу. Вѣчная ему память: добрѣйшій баринъ былъ.... Теперь, ваше высокоблагородіе, къ вашей милости мы представлены; говорятъ, что мы дескать пушку украли — гдѣ намъ эвтимъ дѣломъ забавляться; и съ молоду не крали, а на старостѣ не станемъ грѣха на душу класть....

— Но отчего ты сына распустилъ, возразилъ Бубенчиковъ. Видишь, онъ теперь въ подозрѣніи, таскается по городу.

— Ваше высокоблагородіе, перебила его жена Кочетова: — вотъ-те крестъ Христовъ, учили мы его уму-разуму, наказывали мы ему быть христіаниномъ, трудящимся; не охочь онъ да работы; посидитъ два-три дня у хозяина, а потомъ гляди цѣлый мѣсяцъ опосля по шинкамъ и кабакамъ шляется; съ разною сволочью и озорниками знается.

— Ужь сдѣлайте вашу божескую милость, ваше высокоблагородіе, сказалъ Кочетовъ старшій:—ослободите насъ отъ сумленія; сынка-то нашего хорошо посѣките, чтобы страму не дѣлалъ родителямъ, да чтобъ на старости не быть намъ въ отвѣтѣ за него. Говорилъ я не разъ женкѣ моей: одинъ битый стоитъ десять не битыхъ; а она толкуетъ: онъ еще малъ, выростетъ и остепенится. Таперь гляди и насъ тащутъ за него.

— Ступайте съ Богомъ, сказалъ Бубенчиковъ, я вижу вы не виноваты; а съ сыномъ вашимъ я расправлюсь.

Кочетовъ старшій съ женою поклонились ему низко и вышли.

—Ишь ты! ворчала старуха, толкая по дорогѣ подъ бокъ своего мужа,—оно, сказано, дитя любитъ и поболоваться и пображничать.... Одинъ битый стоитъ десяти не битыхъ—ишь ты какой!... Злющій ты этакой!

— Эхъ, жена, жена, погубила ты ни за что, ни про что сына....

Между тѣмъ, какъ такъ ворчали другъ на друга эти самородные представители двухъ русскихъ системъ воспитанія,—розочной и пряничной,—приставъ четвертой части привелъ къ Бубенчикову-арестованнаго имъ, хозяина Кочетова младшаго; у этого по обыску оказался кусокъ металла, очень похожаго на отпиленный конецъ пушки. Бубенчиковъ началъ допрашивать арестанта, но тотъ утверждалъ, что найденый у него кусокъ металла не что иное, какъ металлическая ступка, распиленная имъ года два тому назадъ; что эту ступку онъ купилъ отъ неизвѣстнаго имъ лица и что найденный у него полиціею кусокъ — остатокъ, который у него валялся между хламомъ.

Осмотрѣвъ найденный металлъ, Бубенчиковъ видѣлъ ясно, что это не мѣдь, а артиллерійская смѣсь; къ тому же толщина и объемъ окружности этого металла вовсе не соотвѣтствовали величинѣ той ступки, на которую ссылался арестантъ. Бубенчиковъ уличалъ и убѣждалъ его говорить правду. Но онъ имѣлъ дѣло съ старымъ воробьемъ; мастеровой упорно стоялъ на своемъ. Видя безъуспѣшность своего допроса, Бубенчиковъ велѣлъ арестанта отвести въ полицію и въ замѣнъ его доставить къ нему на квартиру Кочетова-младшаго.

Когда послѣдняго привели къ Бубенчикову, онъ дерзко спросилъ полиціймейстера:

— За что меня содержатъ въ полиціи, безъ всякой причины; я жаловаться буду.

Бубенчиковъ началъ его усовѣщивать, попрекать въ дурномъ поведеніи и убѣждать — открыть истинну.

— Ты молодъ, говорилъ онъ, тебѣ за раскаянье простятъ твое преступленіе; ты можешь еще быть порядочнымъ человѣкомъ.

На эти слова Кочетовъ отвѣчалъ дерзко и нагло. Бубенчиковъ разсердился и, вспомнивъ просьбу Кочетова-старшаго о наказаніи его сына, распорядился по военному: велѣлъ приставу четвертой части вывести его на дворъ и дать ему десять розокъ.

Приставъ съ видимою радостью исполнилъ приказаніе полиціймейстера и чрезъ нѣсколько минутъ дворъ Бубенчикова огласился ударами ногайки.

Послѣ этого наказанія, Бубенчиковъ отослалъ Кочетова въ полицію; а самъ одѣлся и пошелъ пройтись по городу.

Долго бродилъ онъ по городу безъ цѣли; тоска душила его и въ его ушахъ раздавались какъ-то зловѣще удары козачьей ногайки. Вспомнилъ онъ нѣжное, кроткое воспитаніе своей матери, несправедливое и жестокое наказаніе, которому онъ подвергся въ корпусѣ — и ему сдѣлалось совѣстно за опрометчивый свой поступокъ съ Кочетовымъ.

Кто знаетъ, думалъ онъ, можетъ быть дурное воспитаніе было причиною его испорченности; можетъ быть, (сли бы на него обращено было вниманіе, и изъ него вышелъ бы порядочный человѣкъ.

Эти мысли заставили его машинально направиться къ полиціи; подойдя къ ней, онъ увидѣлъ въ присутствіи свѣтъ.

Кто бы тамъ былъ, подумалъ онъ и зашелъ въ полицію. Когда онъ отворилъ дверь, ведущую въ присутствіе, съ изумленіемъ онъ остановился: надъ кассою стоялъ Зосимъ Юрьевичъ и перебиралъ въ ней деньги. Тихо притворилъ Бубенчиковъ дверь присутствія и быстро вышелъ изъ полиціи.

— Не крадетъ ли онъ ужь деньги? подумалъ Бубенчиковъ.— Что ему дѣлать въ кассѣ вечеромъ?

Съ этими мыслями онъ направилъ свои шаги къ Искрину.

Я убѣжденъ, что читатель давно желаетъ познакомиться поближе съ этою личностью.

Мать Искрина рано овдовѣла и осталась при небольшомъ состояніи и единственномъ сынѣ Петѣ. Получивъ отличное образованіе, она приготовила сына въ первые классы гимназіи, куда онъ и поступилъ на 12 году своей жизни. Тихо и мирно прошли годы его воспитанія въ гимназіи; но когда онъ окончилъ въ этомъ заведеніи курсъ ученія, онъ затѣялъ переѣхать въ петербургскій университетъ. Долго сѣтовала мать о предстоящей ей разлукѣ съ сыномъ; наконецъ рѣшила, что для его будущности ему нужно получить прочное и основательное образованіе. Петю снарядила она вскорѣ въ дорогу и обѣщалась ему высылать половину получаемыхъ ею съ маленькаго ея домика доходовъ, т. е. 300 руб. въ годъ. Небольшой же капиталъ, заключавшійся въ банковыхъ билетахъ, оставшихся послѣ ея мужа, она оставила неприкосновеннымъ въ банкѣ. Слезамъ и наставленіямъ не было конца. Но вотъ Петя вырвался изъ ея объятій, быстро сѣлъ въ экипажъ своего попутчика; лошади тронулись съ мѣста и помчали его туда, гдѣ ему рисовалась жизнь студенческая, со всѣми ея прелестями и соблазнами, какія только изображались когда

либо въ романахъ и повѣстяхъ. Университетъ и Петербургъ охладили, въ первый же годъ, Искрина; серьезное направленіе университета и трудолюбіе его товарищей показали ему, что наслажденіе студенческой жизни не заключается въ канканированіи съ гризетками à la chaumière; а въ основательномъ изученіи науки, которой онъ посвятилъ себя. Выбравъ наобумъ юридическій факультетъ, не понимая и не сознавая ни значенія, ни пользы права, онъ вскорѣ страстно предался изученію этого предмета, когда, въ первомъ курсѣ, энциклопедія законовѣденія начала вводить его въ храмъ этой науки. Онъ тогда понялъ, что его факультетъ объемлетъ жизнь русскаго народа, что въ немъ онъ знакомится со всѣмъ историческимъ и настоящимъ жизненнымъ отправленіемъ нашего общества. Сознавъ это, онъ предался всею душою юриспруденціи. Но еще болѣе побудилъ его къ дѣятельности Петербургъ; здѣсь онъ увидѣлъ, что каждый занятъ своимъ дѣломъ и трудится для пользы общей и своей; что слава, почесть и богатство не легко даются.

Золотыя, провинціальныя его мечты, о томъ, какъ онъ обратитъ на себя всеобщее вниманіе столицы, какъ въ него влюбится какая нибудь знатная дама, какъ онъ попадетъ въ придворные и сдѣлается русскимъ Ришелье или Мазарини — разлетѣлись въ прахъ; онъ увидѣлъ, что онъ ни больше ни меньше, какъ Петръ Искринъ, студентъ юридическаго отдѣленія, который получаетъ отъ матери 300 р. сер. содержанія, едва достающихъ ему на квартиру и столъ. Такое раззочарованіе имѣло на Искрина благодѣтельное вліяніе: онъ принялся усердно трудиться по своему факультету и жадно слѣдилъ за всѣми тогдашними политическими событіями. Какъ-то неловко примѣнялись въ это время въ Европѣ политико-экономическія и юридическія идеи ученыхъ и философовъ прошлаго и настоящаго вѣка, такъ что, съ окончаніемъ курса наукъ, Искринъ впалъ въ какую-то умственную апатію, пересталъ вѣрить въ науку, въ ея высокое значеніе и практическую пользу. Съ такимъ настроеніемъ прибылъ онъ въ Приморскъ, и здѣсь его вѣрованія получили окончательный ударъ. Опредѣлился онъ по просьбѣ матери въ канцелярію губернатора и увидѣлъ, что даромъ просидѣлъ четыре года въ университетѣ. У губернатора дѣла раздѣлялись на двѣ категоріи; однѣ были передаточныя, т. е. такія, которыя передавались имъ на исполненіе въ другія присутственныя мѣста; втораго рода дѣла отписывались по резолюціи губернатора. Слѣдователь-

но Искринъ сдѣлался чистою машиною; голова его ходила кругомъ и онъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ, что онъ глупѣетъ и глупѣетъ. Къ этому присоединились еще канцелярскія взятки, интриги, сплетни, кляузы и высокомѣріе тогдашняго правителя канцеляріи, который обращался съ чиновниками, какъ турецкій паша. Искрину служба при губернаторѣ сдѣлалась невыносимою и онъ перешелъ въ канцелярію одного изъ судовъ города Приморска. Здѣсь, думалъ онъ, по крайней мѣрѣ будетъ пища для ума: дѣла обсуживаются, примѣняются законы къ данным случаямъ, встрѣчаются казусы; словамъ—въ судахъ можно найти полную юридическую практику.

Но—увы!—еще горьче было его разочарованіе въ судѣ, еще мелочнѣе были тамъ интриги, еще ниже было вымогательство взятки, еще безцвѣтнѣе были дѣла; законы примѣнялись на выдержку и иногда въ гражданскомъ дѣлѣ ссылались на какую нибудь шести тыс. статью X тома, которой вовсе не существуетъ. А адвокаты, адвокаты! Безграмотный жидокъ по фамиліи Серебряковъ, который пишетъ обѣимъ сторонамъ—истцу и отвѣтчику, за что, какъ гласитъ преданіе, его даже посѣкли, по жалобѣ одного коммерческаго дома.... Ему подъ стать идетъ адвокатъ Собакинъ, который, вмѣсто исковыхъ прошеній пишетъ высокоторжественные оды, могущія поспорить съ одами Третьяковскаго и переводами Авчинникова, наслѣдника и преемника перваго. Противна сдѣлалась и административная и судебная служба Искрину, и, онъ подавъ въ отставку, началъ заниматься коммиссіонерствомъ и адвокатствомъ.

Добросовѣстность и пониманіе дѣла скорѣ пріобрѣли ему извѣстность и онъ получилъ возможность самостоятельно, безбѣдно существовать. Но въ его характерѣ и образѣ мыслей сдѣлалась большая перемѣна: его кротость, любовь къ человѣчеству, прежде выражавшіяся въ немъ тѣмъ, что онъ прощалъ людямъ ихъ слабости и недостатки, теперь измѣнилась въ желчность. Когда онъ брался за какое нибудь дѣло, онъ былъ похожъ на рыцаря, идущаго въ крестовой походъ. Всѣ исходившія отъ него бумаги—прошенія, жалобы и отзывы дышали озлобленіемъ; безпощадно хлесталъ онъ присутственныя мѣста, администраторовъ и общество. Весь чиновный міръ поднялся на дыбы: «что онъ за указчикъ намъ, кричали они, вотъ нашелся выскочка! На каждомъ шагу попрекаетъ насъ тѣмъ, что мы закона не смыслимъ, что мы не правосудны! Надо его проучить!» Однако,

несмотря на всѣ эти озлобленные, энергическіе возгласы, они стали побаиваться Искрина, и въ душѣ своей такъ разсуждали объ немъ: «чортъ его побери! ему нужно сдѣлать то, что̀ онъ проситъ; у него, пожалуй, рука не дрогнетъ написать на насъ доносъ»! А подъ словомъ «доносъ», они подразумѣвали, что онъ ихъ шашни выведетъ на чистую воду. Въ свою очередь Искринъ думалъ такъ: «нѣтъ, милостивые государи, не исполните моихъ законныхъ требованій, я выведу на чистую воду всѣ ваши противозаконія; называйте это кляузой, ябедой, доносомъ, чортъ съ вами! кумиться и крестить не стану съ вами, а съ мѣста спихну». Вслѣдствіе такихъ отношеній къ чиновному міру, Искринъ жилъ чрезвычайно уединенно; кромѣ Бубенчикова и кліентовъ своихъ онъ никого не принималъ и ни у кого не бывалъ. Вечера Искринъ проводилъ у себя дома, за книгами. Изученіе европейскихъ законодательствъ и литературы сдѣлалось главнымъ его предметомъ.

И теперь, когда Бубенчиковъ зашелъ къ Искрину, послѣдній сидѣлъ надъ провинціальными письмами Паскаля.

— Вотъ неожиданный гость, сказалъ Искринъ:—откуда тебя Богъ несетъ.

— Вышелъ пройтись и зашелъ къ тебѣ. Что̀ дѣлаешь?

— Читаю обличенія Паскалемъ іезуитовъ.... знаешь, мой другъ, я думаю, эти обличенія приходились бы во многихъ отношеніяхъ и на долю нынѣшняго вѣка.... Мы, теперешніе герои, похожи на лермонтовскаго гладіатора, махающаго мечемъ картоннымъ; но истинный человѣкъ говоритъ истину прямо, безъ обиняковъ, не боясь суда людскаго. Паскаля не пугали ни вопли противниковъ, ни осужденіе духовной и свѣтской власти, ни позорное сожженіе его книги палачемъ.... Сѣмена, посѣянныя Паскалемъ черезъ девять лѣтъ взошли: въ 1666 были осуждены тѣ правила, за обличія которыя былъ въ 1657 году осужденъ Паскаль. Правда беретъ свое; рано или поздно она приноситъ плоды.... Но я пустился въ философію; а ты, какъ кажется, ничего не слушалъ....

— Прегадкая исторія, сказалъ Бубенчиковъ:—слышалъ ты о покражѣ пушки? Все ты виноватъ; если бы ты не осмѣялъ мои подозрѣнія, этого бы не случилось....

— Развѣ халатникъ, котораго ты мнѣ показывалъ, замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ?

Бубенчиковъ разсказалъ ему все дѣло.

— Ну, братъ, началъ Искринъ, мы съ тобою еще очень, очень молоды, чтобы занять общественное мѣсто; мы еще до розокъ падки.

— Да намъ безъ нихъ нельзя обойтись.

— Обойтись не только возможно, но должно. Ты думаешь, мой другъ, розга исправляетъ простаго человѣка? Онъ только озлобляется противъ твоей власти и больше ничего.

— Сознаю свою ошибку! Всему виновато проклятое мое воспитаніе; развѣ меня не сѣкли до крови и за что?...

— Вотъ видишь, ты спрашиваешь, за что? А тѣ, которые тебя наказывали, по своимъ идеямъ, считали тебя, вѣроятно, достойнымъ наказанія. Развѣ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ не существовали субботки, т. е. обычай поголовно сѣчь всѣхъ бурсаковъ — и хорошихъ и дурныхъ. И на это имѣлись у тогдашнихъ мудрыхъ педагоговъ слѣдующія основанія: 1) хорошаго слѣдуетъ сѣчь, чтобы не сдѣлался дурнымъ и потому, что за одного битаго даютъ десять не битыхъ; 2) дурнаго слѣдуетъ сѣчь, чтобы онъ сдѣлался хорошимъ; 3) начальство могло упустить изъ виду какія нибудь дурныя дѣла воспитанниковъ; поэтому субботки исправляли упущенія начальства; 4) наконецъ въ воскресенье воспитанники, идя домой, могли напроказить или нашалить; въ силу чего начальство давало имъ задатки впередъ. Эти основанія, несмотря на свою нелѣпость, были когда-то базисомъ воспитанія. Въ настоящее же время нашли, что человѣкъ можетъ воспитываться и безъ розокъ. И почему у насъ введена розочная система наказанія для простолюдиновъ? Мнѣ кажется, денежныя штрафы и арестъ посущественнѣе этого.

— Знаешь, мнѣ сильно опротивѣла служба; но подать въ отставку я не могу; у меня нѣтъ состоянія, чтобы существовать; образованіе же мое, какъ военное, такъ неполно, что я гожусь только во фронтъ; верховую ѣзду, выправку, маршировку, я знаю, но больше ни *бильмеса*, какъ говорятъ татары. Поэтому мнѣ приходится снова перейти въ полкъ.

— Вотъ этого я теперь не совѣтую тебѣ сдѣлать.... Враги твои не дремлютъ и едва ли тебѣ сойдетъ съ рукъ наказаніе мальчика, хотя бы по просьбѣ его отца. Помнишь ты въ баснѣ Крылова — «моръ звѣрей»; — вола возвели на костеръ за то, что онъ въ голодъ стащилъ клокъ сѣна съ поповскаго воза?... Чтобы эта басня на тебѣ не осуществилась... Да и оста-

влять битву такъ сильно тобою начатую значитъ: сдѣлаться картоннымъ героемъ. Нѣтъ, Бубенчиковъ, ты славно началъ: продолжай свою борьбу, только пожалуйста безъ розогъ! Уважай въ другихъ личность, потому что она представительница твоей же собственой. Когда ты мнѣ разсказалъ исторію съ Кочетовымъ, ты потерялъ въ глазахъ моихъ по крайней мѣрѣ 10%; теперь я вижу: ты погорячился, еще не отставъ отъ прежней своей колеи.... Повторяю тебѣ снова—борись, иди впередъ, неоглядывайся назадъ, и будешь человѣкомъ....

Бубенчиковъ поднялся съ мѣста.

— Спасибо, Искринъ, за дружбу, сказалъ онъ: — прощай, не забывай меня.

Онъ пожалъ съ чувствомъ руку Искрина и вышелъ.

— Прекрасная, свѣтлая душа, подумалъ Искринъ: — жаль его! пропадетъ ни за что; чиновники заѣдятъ его. Получи онъ лучшее образованіе и воспитаніе, сколько бы пользы эта благородная душа принесла тебѣ, матушка Россія.

Искринъ глубоко вздохнулъ, закрылъ Паскаля, поднялся съ мѣста, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ; потомъ бросился на постель и, закинувъ подъ голову обѣ руки, онъ долго, долго лежалъ неподвижно.

ГЛАВА XVI.

БУБЕНЧИКОВЪ УБѢЖДАЕТСЯ, ЧТО ИЗЪ ОМУТА НЕ ЛЕГКО ВЫЛѢЗТЬ, РАЗЪ ПОПАВШИ ВЪ НЕГО.

Наказаніе Кочетова непрошло даромъ Бубенчикову. Обрадовавшись, что наконецъ нашелся случай къ нему придраться, придали этому дѣлу огромные размѣры, назначили слѣдствіе. Въ то время, когда противъ Бубенчикова готовилось это слѣдствіе, онъ, ничего не подозрѣвая, сидѣлъ въ присутствіи полиціи и просматривалъ поднесенные ему доклады.

Зосимъ Юрьевичъ сидитъ по правую его руку и часто бросаетъ на него косвенные взгляды; ясно, онъ готовится о чемъ-то доложить полиціймейстеру и по выраженію лица своего начальника ищетъ удобной минуты.

Около часу Зосимъ Юрьевичъ видѣлъ лицо Бубенчикова серьёзнымъ; но вотъ при чтеніи одной докладной записки онъ

улыбнулся; тутъ Зосимъ Юрьевичъ улучилъ счастливую минуту и обратился, чрезвычайно мягкимъ и нѣжнымъ голосомъ, къ своему начальнику.

— Помните ли того монаха, котораго арестовала полиція за собираніе имъ подаянія для Аѳонской горы?

— Помню, возразилъ Бубенчиковъ: — мы, кажется, писали о немъ въ консисторію.

— Сегодня полученъ оттуда отвѣтъ: консисторія увѣдомляетъ насъ, что арестованный монахъ дѣйствительно съ Аѳонской горы и собираетъ подаяніе для своего монастыря.

— О! въ такомъ случаѣ его слѣдуетъ освободить и возвратить ему деньги и вещи.

— Я объ этомъ же хотѣлъ вамъ доложить... онъ, бѣдный, совсѣмъ истомился... онъ такъ перепуганъ.

Зосимъ Юрьевичъ позвонилъ, и явившемуся на его зовъ дежурному солдату велѣлъ привести въ присутствіе монаха.

Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ робко въ присутствіе монахъ, подозрительно осмотрѣлъ всѣхъ присутствующихъ и, едва переводя дыханіе и низко кланяясь полиціймейстеру, остановился посреди комнаты.

— Вотъ о нихъ бумага, сказалъ Зосимъ Юрьевичъ, подавая полиціймейстеру форменную бумагу съ бланкомъ консисторіи.

Бубенчиковъ прочиталъ ее вслухъ и обратился къ своему помощнику съ слѣдующими словами:

— Потрудитесь возвратить вещи и деньги отцу-монаху; да пусть распишется на актѣ въ полученіи ихъ.

Зосимъ Юрьевичъ быстро изъ своего портфеля досталъ актъ и подалъ его, вмѣстѣ съ перомъ, монаху; тотъ торопливо подписалъ бумагу и отошелъ въ сторону. Тогда Зосимъ Юрьевичъ всталъ съ мѣста и, отворяя кассу, мигнулъ монаху; тотъ подошелъ къ нему.

Бубенчиковъ въ это время читалъ какую-то бумагу; но движеніе монаха къ кассѣ заставило его бросить туда взглядъ, и удивленнымъ его глазамъ представилась слѣдующая картина: Зосимъ Юрьевичъ вынималъ изъ кассы вещи, а монахъ за пазуху пряталъ совсѣмъ пустой кошелекъ, въ которомъ должно было быть 1,000 полуимперіаловъ. У Бубенчикова застыла кровь въ жилахъ; тутъ вспомнилъ онъ, какъ наканунѣ онъ засталъ Зосима Юрьевича надъ кассой; ему пришло въ голову, не укралъ ли его помощникъ этихъ денегъ. Когда монахъ, забравъ вещи,

хотѣлъ удалиться изъ присутствія, Бубенчиковъ не утерпѣлъ и обратился къ нему.

— Отецъ, сказалъ онъ: — напрасно вы не пересчитаете денегъ: деньги счетъ любятъ.

— Не извольте безпокоиться.... возразилъ монахъ, торопливо отперъ дверь и исчезъ изъ присутствія.

Тутъ что-то нечисто, подумалъ Бубенчиковъ, притянувъ къ себѣ лежавшій на столѣ отзывъ консисторіи; онъ теперь только замѣтилъ свой промахъ; вопросъ полиціи заключался въ томъ, дѣйствительно ли отецъ Агафангелъ собираетъ, съ разрѣшенія Сунода, подаяніе для своего монастыря; на это консисторія отвѣчала утвердительно. Но дѣло въ томъ, тожественъ ли арестованный монахъ съ Агафангеломъ, или нѣтъ?... Этотъ вопросъ такъ озадачилъ Бубенчикова, что онъ, не сказавъ своему помощнику ни слова, поѣхалъ въ консисторію. Когда онъ вошелъ въ ея присутствіе, секретарь канцеляріи спросилъ его: «Скажите, пожалуйста, на что вамъ понадобились свѣдѣнія насчетъ отца Агаѳангела?»

— Такъ, возразилъ Бубенчиковъ: — онъ производитъ здѣсь сборы, и полиція должна знать, законны ли они или нѣтъ.

— Да вотъ онъ только-что самъ былъ здѣсь; можетъ быть, вы даже съ нимъ встрѣтились на улицѣ: низенькій, совсѣмъ сѣдой, согбенный старикъ.

— А!... воскликнулъ Бубенчиковъ:—больше мнѣ ничего не нужно....

Сердито вышелъ онъ изъ консисторіи и поѣхалъ въ полицію; войдя въ присутствіе, онъ обратился къ своему помощнику и пригласилъ его на пару словъ въ архивъ.

Когда они вошли туда, Бубенчиковъ заперъ дверь на ключь и, пройдясь нѣсколько разъ по комнитѣ, остановился противъ Зосима Юрьевича, устремилъ на него пытливый взоръ и спросилъ:

— Долго ли вы намѣрены издѣваться надъ закономъ, совѣстью и людьми? Долго ли вы думаете потворствовать всѣмъ предосудительнымъ дѣламъ, освобождать преступниковъ, тѣснить невинныхъ?...

— Я васъ не понимаю, возразилъ нахально Зосимъ Юрьевичъ.

— Неправда! воскликнулъ горячо Бубенчиковъ: — вы меня хорошо понимаете.... Скиньте, пожалуйста, личину чистоты и

добросовѣстности. Всѣ ваши дѣла мнѣ извѣстны: вы отдаете на проценты всѣ переходящія суммы; вы ихъ задерживаете по два почти года; гербовыя пошлины взыскиваются по нѣскольку разъ....

— Это меня оклеветали мои враги; никто этого не докажетъ.

— То-то и ваше счастье, что вы такъ обдѣлываете ваши дѣлишки, что трудно противъ васъ дѣйствовать! я это хорошо понимаю; я бы давно предалъ васъ суду.

— Напрасно изволите на меня сердиться.... моя честность....

— Можетъ быть вы скажете, что и поступокъ вашъ съ сегодняшнимъ монахомъ также честенъ?...

— Разумѣется честенъ; мы не имѣли права задерживать его дольше.... да и безъ доклада вамъ я его не освобождалъ.... вы сами изволили приказать.... это дѣло ясное....

— Ясно мнѣ только то, что этотъ монахъ самозванецъ; я видѣлъ отца Агаѳангела: онъ вовсе не похожъ на этого монаха.... А вчерашняя исторія съ полуимперіалами?... Словомъ, съ подобнымъ человѣкомъ, какъ вы, я служить не могу....

— Какъ вамъ угодно.

— Подайте въ отставку.... Я вамъ приказываю.

— Я не вамъ служу....

— Чорту, хотѣли вы сказать.... Не подадите въ отставку, я васъ предамъ суду.

Бубенчиковъ вышелъ съ бѣшенствомъ изъ архива и уѣхалъ домой.

Прехладнокровно вышелъ въ свою очередь Зосимъ Юрьевичъ изъ архива и, встрѣтивъ архиваріуса, сказалъ ему:

— А нѣтъ ли у васъ, любезнѣйшій, табачку?...

Архиваріусъ досталъ изъ кармана роговую табакерку, щелкнулъ въ нее нѣсколько разъ двумя пальцами правой руки и поднесъ ее Зосиму Юрьевичу; тотъ захватилъ большую щепоть табаку, въ два пріема втянулъ ее въ ноздри и, щелкнувъ пальцами, сказалъ:

— Благодарствую, Прокопъ Аѳонасьевичъ....

При чемъ онъ чихнулъ. Архиваріусъ не преминулъ пожелать здравія, на что Зосимъ Юрьевичъ отвѣчалъ: «лучше пожелайте мнѣ новаго полиціймейстера». Съ этими словами онъ отправился въ присутствіе, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Между тѣмъ весь тотъ день Бубенчиковъ былъ сильно не въ духѣ; пріѣхавъ домой изъ полиціи, онъ приказалъ Ивану нико-

го не принимать. За обѣдомъ Иванъ было заговаривалъ съ своимъ бариномъ; но тотъ былъ глухъ, какъ тетерька, и нѣмъ, какъ рыба.

— Эвти жиды народъ бѣдовый, ваше высокоблагородіе; имъ говоришь толкомъ: полицмѣстеръ принимать не велѣлъ.... А онъ суетъ въ руку гривну.... Ужь такой право народъ! А плодющій, плодющій какой; у кажинаго, чай, десятка два ребятъ... Сказываютъ, они эвтакую штуку смастерили: значитъ, пришелъ обозъ молдованъ съ угольемъ; ну, извѣстно дѣло, распродали товаръ, да домой собираются, ходятъ по базару да платки и рожки покупаютъ.... Извольте, ваше высокоблагородіе, супъ кушать—простынетъ.... Вотъ, значитъ, въ дорогу собираются, стало быть у города дѣловъ больше нѣту.... До поросенка хрѣнъ, или горчицу прикажете?... Коли хрѣнъ, такъ хрѣнъ: матушка моя иначе не ѣла,—царство ей небесное.... Вотъ, ваше высокоблагородіе, жиды какъ запримѣтили, что мужики, стало-быть, въ дорогу собираются, да къ нимъ: дескать, добрые люди, зачѣмъ даромъ съ пустыми возами ворочаться вамъ домой? ужь по дорогѣ завезли бы въ Тирашполь тумбу, то есть каток, что улицу укатываютъ. Мужики того.... и жиды того... потолковали, почесали затылки и сошлись.... Ваше высокоблагородіе, свиная голова очень вкусна.... Жиды, значитъ, говорятъ: стало быть, коли кончено, магарыча нужно; а что тумба будетъ исправно доставлена, взяли съ мужиковъ 100 рублевъ... Выпили магарычъ, запрягли въ тумбу 18 паръ воловъ, наложили полныя шапки рожковъ, ѣдятъ и погоняютъ воловъ.... А на таможнѣ ихъ цапъ-царапъ: куда, молъ, тумбу везете? а мужики, значитъ, говорятъ въ Тирашполь.... а ихъ, сердечныхъ, назадъ погнали, въ части продержали.... Этакіе, право....

Несмотря на эту болтовню, Бубенчиковъ не прикоснулся къ поданному обѣду и, вставъ отъ стола, закурилъ сигару и легъ на кушетку.

До самаго вечера онъ такъ прохандрилъ; много думъ, много плановъ вертѣлось у него въ головѣ; но самый важный вопросъ, занимавшій его, былъ тотъ: перейти ли ему снова въ полкъ, гдѣ онъ прежде служилъ, или нѣтъ? къ вечеру онъ рѣшилъ продолжать начатую имъ борьбу и даже началъ насвистывать какую-то итальянскую арію, что означало хорошее расположеніе его духа. Вдругъ вошелъ къ нему въ кабинетъ Иванъ и подалъ ему письмо, принесенное почталіономъ съ почты.

Сердце Бубенчикова сильно забилось, руки его дрожали; почеркъ былъ ему знакомъ; письмо было отъ Сонички. Быстро разпечаталъ онъ письмо, оно было все въ желтыхъ пятнахъ — слѣды слезъ. Въ первый разъ въ жизни Бубенчиковъ пришелъ въ невыразимый восторгъ отъ женскаго письма; на нѣсколько минутъ припалъ онъ къ нему губами и цаловалъ его. Потомъ онъ бережно его разкрылъ, какъ святыню, и началъ читать:

«Драгоцѣнный другъ, чувствую и сознаю, что я нарушаю свой долгъ, долгъ жены — священнѣйшей обязанности женщины; повторяю снова: чувствую и сознаю это; но тѣмъ не менѣе сердце мое такъ полно горечью, въ глазахъ моихъ столько, столько слезъ, что я должна предъ тобою высказаться... Мнѣ тяжело, Сержъ, очень, очень тяжело; мысль о тебѣ преслѣдуетъ меня день и ночь: то ты мнѣ представляешься блѣднымъ, худымъ, больнымъ; то вижу я тебя въ объятіяхъ какой нибудь красавицы. О! эти мысли невыносимо тяжелы; я по цѣлымъ ночамъ не сплю и все плачу....Прости меня, за мое грустное письмо; ты не знаешь, какъ безгранично я тебѣ предалась, какъ безъусловно я люблю тебя.... Какъ ни тяжело было для меня мое замужество, но ты былъ близъ меня; чего мнѣ еще недоставало? я тебя видѣла, слышала твой мягкій голосъ, глядѣла въ твои умные, каріе глаза. А теперь? я одна, одна въ цѣломъ мірѣ; окружающія меня лица такъ холодны, такъ бездушны; мужъ постоянно болѣнъ и капризенъ.... Я не жалуюсь тебѣ, ты знаешь, какъ я терпѣлива, какъ я ухаживаю, какъ угождаю ему; но скажу тебѣ откровенно, я опасаюсь за его жизнь — едва ли онъ перенесетъ осень. Боже мой, какая скука, какая тоска! Когда я увижусь съ тобой? Быть можетъ никогда, быть можетъ.... Но что я дѣлаю, безумная? вмѣсто того, чтобы своимъ письмомъ развеселить тебя, я хнычу и плачу. Прости меня, мой ненаглядный; порадуй и ты меня вѣсточкой о себѣ; ты оживишь, воскресишь меня.

По гробъ вѣрная тебѣ Sophie.»

Прочитавъ это письмо, Бубенчиковъ съ полчаса сидѣлъ, задумавшись; но вотъ онъ всталъ, присѣлъ къ столу и написалъ слѣдующую бумагу, на имя губернатора.

«По домашнимъ обстоятельствамъ я вынужденнымъ нахожусь — перейти въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ, въ мѣсто моего прежняго служенія; вслѣдствіе сего честь имѣю по-

корнѣйше просить ваше превосходительство сдѣлать зависящее распоряженіе о моемъ переводѣ.»

Переписавъ набѣло эту бумагу, Бубенчиковъ съ какимъ-то радостнымъ чувствомъ одѣлся, положилъ свой рапортъ въ каску и отправился къ губернатору.

Войдя въ кабинетъ его превосходительства, Бубенчиковъ засталъ въ немъ только одного Мунштучкова.

— Генералъ дома? спросилъ его Бубенчиковъ.

— Дома. Сейчасъ выйдетъ.

Бубенчиковъ сѣлъ. Молчаніе.

— А не правда ли, сегодня хорошая погода? заговорилъ Мунштучковъ.

— Жарко и пыльно.

— Да, немножко жарко, но....

Эту милую бесѣду прервалъ губернаторъ; когда онъ вошелъ въ кабинетъ, Бубенчиковъ всталъ съ мѣста и, подойдя къ нему, подалъ ему свой рапортъ.

— Что это такое? спросилъ губернаторъ, нахмуривъ брови.

— Я прошу перевода въ прежній полкъ.

— Нельзя.

Губернаторъ возвратилъ Бубенчикову бумагу и повернулся къ нему спиною, въ намѣреніи выйти изъ кабинета; Бубенчиковъ вспыхнулъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, сказалъ онъ, возвысивъ голосъ: — словомъ я не могу ограничиться.... По закону я имѣю полное право располагать моею особою....

— Но.... состоящіе подъ слѣдствіемъ могутъ быть только удалены отъ занимаемыхъ ими должностей, въ особенности, если они во зло употребляютъ дарованную имъ власть.... сквозь зубы проговорилъ губернаторъ, силясь удержаться въ приличныхъ границахъ.

— Я не понимаю вашихъ словъ, возразилъ Бубенчиковъ.

— Они очень ясны: надъ вами я назначилъ произвести два слѣдствія: — о превышеніи вами своей власти, по аресту члена полиціи, и о пытаніи мѣщанина Кочетова при допросѣ....

У Бубенчикова опустились руки; въ первый разъ въ жизни онъ поблѣднѣлъ; молча, отвернулся онъ отъ губернатора, взялъ свою каску и быстро вышелъ изъ губернаторскаго кабинета.

Вслѣдъ за нимъ раздался хохотъ.

Спустя нѣсколько времяни, Бубенчиковъ сидѣлъ у себя на квартирѣ съ Искринымъ; бесѣда ихъ какъ-то не клеилась, какое-то тяжелое предчувствіе лежало у обоихъ на сердцѣ. Уныло шумѣлъ предъ ними самоваръ; свѣчи тускло горѣли; вѣтеръ завывалъ въ печкѣ; дождь стучалъ въ окна.

Вошелъ Иванъ и подалъ пакетъ Бубенчикову; машинально началъ онъ читать эту бумагу; но вдругъ поблѣднѣлъ, судорожно сжалъ ее въ рукѣ, скомкалъ и бросилъ на полъ.

— Что̀ съ тобою? спросилъ перепуганный Искринъ.

— Ничего, возразилъ Бубенчиковъ:—я только отрѣшенъ отъ должности....

— Отрѣшенъ....

Настало мертвое молчаніе. Стѣнные часы, какъ будто сочувствуя присутствующимъ, ускорили свой стукъ.... Но вотъ вновь вошелъ Иванъ и подалъ письмо.

Письмо это было отъ Сонички; она увѣдомляла о смерти своего мужа....

— Еще не все погибло! воскликнулъ Бубенчиковъ и протянулъ Искрину руку; тотъ пожалъ ее съ чувствомъ.

М. ФИЛИППОВЪ.

ОПУСТѢВШІЙ ДОМЪ.

Одинъ по улицамъ брожу я съ грустной думой...
На спящій городъ хоръ дрожащихъ звѣздъ глядитъ.
Вотъ предо мной дворецъ забытый и угрюмый,
Гдѣ жизнь провелъ въ пирахъ и нѣгѣ сибаритъ.

Когда-то музыка гремѣла въ пышныхъ залахъ,
Изъ оконъ лился свѣтъ отъ тысячи свѣчей,
И кубки старые усердно осушала
Шумящая толпа напудренныхъ гостей.

Теперь заброшены огромныя палаты;
Въ роскошныхъ комнатахъ и пусто и темно;
Давно лежитъ въ землѣ хозяинъ тороватый;
Въ чужихъ краяхъ живутъ наслѣдники давно.

Стоитъ уныло домъ; а на крылечныхъ плитахъ,
Подъ рубищемъ дрожа, бѣднякъ заснуть прилегъ
И думаетъ: когда бъ въ палатахъ позабытыхъ
Отъ стужи дали мнѣ хоть тѣсный уголокъ!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

ЛУННОЙ НОЧЬЮ.

И мнѣ когда-то было мило
Свѣтило блѣдное ночей:
Такъ много грёзъ оно будило
Въ душѣ неопытной моей!

Когда лучи его дрожали
На влагѣ дремлющей рѣки,
Душа рвалась къ неясной дали,
Полна невѣдомой тоски.

И было томное сіянье
Путеводителемъ моимъ,
Когда спѣшилъ я на свиданье,
Кипя восторгомъ молодымъ.

Прошли неясныя стремленья
И поэтическіе сны!
Теперь иныя впечатлѣнья
Во мнѣ луной порождены.

Досадно мнѣ, что такъ безстрастно,
Съ недосягаемыхъ высотъ,
Она глядитъ на міръ несчастный
Гдѣ зла и лжи повсюду гнётъ;

Гдѣ столько слабыхъ и гонимыхъ,
Изнемогающихъ отъ битвъ;
Гдѣ столько льется слёзъ незримыхъ
И скорбныхъ слышится молитвъ!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

* *
*

Моей молоденькой сосѣдкѣ
Ужь минуло шестнадцать лѣтъ;
У ней голубенькіе глазки,
И очень узенькій корсетъ.
Bonjour! я ей сказалъ однажды
И ей отвѣсилъ мой поклонъ:
Съ тѣхъ поръ, при каждой нашей встрѣчѣ,
Она краснѣетъ какъ піонъ,
Не говоритъ со мной, дичится,
Отъ маменьки не отстаетъ...
Мой Богъ! чего она боится?
Она не мышь, а я не котъ...
Ей-ей, не нахожу причины...
А, впрочемъ, господа,
Листы молоденькой осины
Дрожатъ безъ вѣтра иногда.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

* * *

По горамъ двѣ хмурыхъ тучи
Знойнымъ вечеромъ блуждали
И на грудь скалы горючей
Къ ночи медленно сползали.
Но сошлись — не уступили
Той скалы другъ другу даромъ
И пустыню огласили
Яркой молніи ударомъ.
Грянулъ громъ — по дебрямъ влажнымъ
Эхо рѣзко засмѣялось,
А скала такимъ протяжнымъ
Стономъ жалобно сказалась,
Такъ вздохнула, что не смѣли
Повторить удара тучи
И у ногъ скалы горючей
Улеглись и обомлѣли...

я. полонскій.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ИППОХОНДРИКА.

I.

ЛИСТКИ, ПОДОБРАННЫЕ НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ МЕЖДУ ВЮРЦБУРГОМЪ И ШВЕЙНФУРТОМЪ.

.... Путешествовать! Кто, видя въ зеркалѣ худое, желтое лицо свое, не повторялъ съ надеждою и вѣрой этого слова? Кому оно не представлялось на порогѣ пустыхъ комнатъ, въ дымѣ ладана, или на кладбищѣ? Человѣкъ бѣжитъ отъ прошлаго, бѣжитъ отъ горя, а, самъ того не замѣчая, только разноситъ за собою и прошлое и горе, какъ соръ.... Отъ этого уже на половинѣ жизни ему некуда дѣваться: гдѣ ни ступитъ, вѣчно попадетъ въ свои слѣды.... Въ какія бы мѣста онъ ни вернулся, уже не находитъ самыхъ мѣстъ, но только запекшіеся на нихъ слѣды своей жизни.... Берлинъ и Вѣна смотрятъ на него консиліумомъ и десятью глазами важныхъ консультантовъ, очень озабоченныхъ десяткомъ предстоящихъ консультацій.... Дорога до Италіи звучитъ смертельнымъ кашлемъ матери, стонами жены, друга. Это дорога могилъ, несбывшихся и несбыточныхъ надеждъ, путь, нѣкогда пестрѣвшій цвѣтами, теперь посыпанный зеленымъ хвоемъ.... Голубѣютъ ли равнины Адріатики между островами, онѣ — объятія, принявшія дорогую могилу въ плющахъ и молодыхъ побѣгахъ розъ, которые оплели ее своими

южными руками и закрыли надпись, высѣченную чужимъ рѣзцомъ.... Мелькнетъ ли городъ, — тамъ, на заворотѣ улицы, есть памятныя окна—комната, завѣшанная шторами, съ духомъ лекарствъ, съ рыданьями, сначала сдержанными черезъ силу, съ кроваткою въ углу и блѣдною повисшею ручонкою, холодною, какъ мраморъ.... и опять рыданьями, разразившимися крикомъ....

Еслибъ человѣкъ могъ удержаться на ногахъ отъ перваго напора жизни, онъ не несся бъ, перепуганный, на новыя мѣста.... Ты думаешь, тамъ только и бываетъ, что затишье? Бѣдный! первая гроза тебѣ покажетъ, что затишья нѣтъ нигдѣ, а всюду только грозы...

И отчего такъ много подмывающаго въ этомъ словѣ — путешествовать, что даже люди и не желтые, знакомые съ кладбищемъ по однимъ послѣднимъ актамъ оперъ, — люди, лелѣемые жизнью и другими *людьми*, которые для нихъ ходятъ, какъ въ балетѣ, на цыпочкахъ, — и тѣ лѣзутъ въ дилижансы, и въ вагоны, и на пароходы, — словомъ, путешествуютъ!... Вѣдь путешествовать (еслибъ они только знали)—это трусить, что *гаускнехтъ* не постучится въ двери въ половинѣ пятаго; видѣть ва зарѣ дымящій и отчаливающій пароходъ и одной ногою прыгать на доску, которую вытаскиваютъ изъ-подъ ногъ, и подавать рукой билетъ, который вырываютъ изъ руки.... Путешествовать—это ночевать въ пароходномъ буфетѣ, замѣняя скатертью простыни и столомъ кровать, съ приплатою за это extra (*); ѣсть тоненькія *шнытцель* на сметанѣ, вѣря, что онѣ котлеты; восхищаться Рейномъ... Путешествовать—значитъ уложить свою жизнь въ чемоданъ, а самому перебиваться кое-какъ по волѣ кондуктора, ѣсть апетитомъ *оберъ-кельнера* и чувствовать всѣми пятью чувствами *лондинера*....

— Послушайте, буфетчикъ: скатерть въ соусѣ, — какже я стану спать на ней? не безъ основанія замѣчаетъ путешественникъ господину почтенной наружности, въ курткѣ, заставившему платить extra....

— Бароны спали — были довольны! отвѣчаетъ, тоже съ основаніемъ, почтенная наружность въ курткѣ:—вы не баронъ, стало, будьте еще довольнѣе и спите!

Вамъ ѣсть не хочется; но это часъ *табль-дота*: вы не имѣете права не быть голодны! Въ вагонѣ, на колѣняхъ у васъ лежитъ чужое дитя, вздымается пучина женскихъ юбокъ; вы просите у кон-

(*) Единственная возможность спать иначе, какъ сидя, на дунайскихъ пароходахъ, между Вѣной и Линцомъ, и на многихъ другихъ.

дуктора мѣста: мѣста есть довольно, — дѣти менѣе трехъ лѣтъ и юбки — не считаются!

Съ тѣхъ поръ, какъ путешествіе стало возможно удобнымъ, удобно путешествовать стало невозможнымъ. Человѣкъ и его сонъ вездѣ принесены въ жертву почтѣ, которая не спитъ и потому охотно ѣздить ночью; время считается по недосугу путешествующихъ купеческихъ прикащиковъ и маклеровъ, которые въ двадцати-четырехъ часахъ сутокъ видятъ теченіе не солнца, но послѣдней цифры курса, и стремятся обратить ее, пока она не заслонилась новой.... Личность путешественника стерта омнибусомъ, и путешественникъ, состоящій въ четвертомъ классѣ, не безъ содраганія видитъ себя причисленнымъ къ классу сапожниковъ, если у него нѣтъ курьера съ приличнымъ прибавленьемъ чемодановъ!... Послѣднее особенно печально, и когда слышишь мнѣнія *кельнеровъ* о проѣзжающихъ, то не безъ нѣкотораго сердечнаго сжиманья замѣчаешь повсемѣстное предпочтенье чемодана орденской ленточкѣ! Разжившіеся лавочники и дровеники, мраморщики и портные, архитекторы, всѣ тѣ особы съ невообразимо-выбритыми подбородками и отличными клѣтчатыми штанами, съ женами и дочерьми въ воланахъ, на подобіе парусныхъ судовъ, люди съ выдающимся желудкомъ, который они предлагаютъ на показъ Европѣ, англичане вовсе клѣтчатые, — словомъ, всѣ эти господа съ курьеромъ въ бакенбардахъ и сундуками въ мѣдныхъ гвоздикахъ, счастливцы съ горничными и лакеями позади, извѣстные въ Италіи подъ именемъ famiglie di conseguenza, а въ Германіи — grosse Herrschaften, — рѣшительно и безнаказано усѣлись на голову особамъ четвертаго класса! Гаускнехты передъ ними остаются ohne Hut (безъ шапокъ): ни дождь, ни вѣтеръ не берутся во вниманье! Кельнеры почтительно склоняютъ къ ихъ приборамъ блюда, и желѣзное тѣло трактирщиковъ внезапно пріобрѣтаетъ гибкость вьюна, какъ только они проходятъ мимо.... А четвертому классу остаются однѣ прямыя спины, часто даже безъ сюртука, да колпаки на головахъ, сплетенные изъ какихъ-то сквернихъ кромокъ. Это положительно печально!... Но что̀ еще печальнѣе, такъ это то, что жить становится тѣсно, сидѣть узко, а лежать коротко, и дышать все труднѣе и труднѣе, съ тѣхъ поръ, какъ все сдѣлалось удобно. Европа,- вся разбитая на маленькіе участки, на владѣнія, отгородившія себя таможнями и крѣпостями, — владѣнія, разбитыя еще на собственности; собственность, искрошенная на кусочки, и все переплетенное, какъ сѣткою, стѣнами и заборами, заборчиками и стѣнками, рѣшотками, рѣшоточками, воротами и калитками; дороги, ограниченныя каменьями; тропинки, огороженныя

и перегороженныя; дворики, дома, надѣланные для какихъ-то лилипутовъ; кровати, на которыхъ едва возможно сидѣть, и диваны, на которыхъ сидѣть невозможно: все это наводитъ на раздумье, какое испытываетъ развѣ особа четвертаго класса, когда сундуки, убитые гвоздиками, станутъ ей поперекъ дороги....

Чѣмъ болѣе страна, по которой ѣдетъ путешественникъ, благоденствуетъ, тѣмъ болѣе путешественникъ въ ней бѣдствуетъ. Несчастная Италія, до того неблагоустроенная, что человѣка въ ней не запираютъ даже въ омнибусъ за то, что онъ затѣялъ путешествовать,—Италія, надменно позабытая Европой, какъ старая мать выскочившими въ люди сыновьями, Италія еще лаетъ покуда мѣсто по дорогамъ и воздухъ въ комнатахъ; ея кровати можно бы съ успѣхомъ заселять семействами нѣмецкихъ эмигрантовъ.... Отъ *табльдота*, этой крайности измельчившейся Европы, этого омнибуса желудка, и отъ парижскаго обѣда à la carte, гдѣ время до того по счету, что лакей обходится языкомъ телеграфической депеши: pommes-nature (*), biff aux pommes (**), demi-rouge (***), и проч., отъ казематовъ общинныхъ каретъ, отъ таксы *обязательной*, если желаешь дать на водку, уберегутъ долго бѣдную Италію поросшіе оливами и лавромъ, кипарисами и пинной скаты ея Аппенинъ. Какъ только пинна замѣнилась елкой, появляются удобства и становится тѣснѣе; и, по мѣрѣ того, какъ лавры начинаютъ попадаться только въ соусѣ, удобства съ тѣснотою попадаются повсюду: ужь въ Австріи удобнѣй, чѣмъ въ Пьемонтѣ, а въ Баваріи и Пруссіи, съ семьею малорослыхъ герцогствъ, и того удобнѣе; во Франціи становится уже совсѣмъ удобно, и наконецъ какая нибудь Бельгія обѣими руками схватываетъ за горло и душитъ удобствами: «а! попался! такъ на же, молъ, бери мои удобства! хочешь или не хочешь, бери — не мое дѣло!» Тутъ уже пользоваться удобствами—обязанность; не пользоваться ими—преступленіе; не ѣсть въ гостинницѣ, когда ѣсть не хочется, —бунтъ, и быть подвергнуту за то изгнанію на улицу—малѣйшее изъ бѣдствій! Человѣку дѣлается больно; кровь приливаетъ къ головѣ; онъ чувствуетъ, что вотъ еще немножко поудобнѣй, и духъ вонъ!

Я не сомнѣваюсь, что въ произведенной вновь губерніи Самарской путешествіе устроивается совсѣмъ на другихъ началахъ и никто не принуждаетъ туриста, ѣдущаго на перекладныхъ, съѣ-

---

(*) *Pommes de terre au naturel.*
(**) *Beefstek aux pommes de terre.*
(***) *Une demi-bouteille du vin rouge.*

дать всѣхъ куръ въ деревнѣ, покуда ему наконецъ дадутъ лошадей.

Бремя путешествія еще зависитъ много оттого, съ кѣмъ именно придется путешествовать. Такъ, съ нѣмцемъ бремя увеличивается: нѣмецъ обременителенъ, какъ тѣстяныя блюда его кухни. Нѣмецъ радъ всему и хочетъ, чтобъ и вы были рады; онъ сохраняетъ въ коленкоровомъ чехлѣ свой зонтикъ, вытираетъ сапоги отъ пыли; онъ изучаетъ цѣны кушаньевъ, и ужь смотря потому, какими ихъ находитъ, чувствуетъ или не чувствуетъ потребность пообѣдать; нѣмецъ видитъ малѣйшее движеніе сосѣда поглядѣть въ окно и очищаетъ мѣсто, да еще въ добавокъ подставляетъ зрительную трубу, въ которую тотъ очень ясно различаетъ его пальцы.... Нѣмецъ—идеалистъ: онъ по ночамъ глядитъ на небо изъ вагона и о клёцкахъ въ супѣ говоритъ съ волненіемъ; нѣмецъ, если онъ только не баронъ, всѣмъ расточаетъ нѣжность своего участія.... словомъ, нѣмецъ нестерпимъ.

Французъ — тотъ нестерпимъ по своему: онъ суетится, топчетъ ноги, извиняется, снова ихъ топчетъ и снова извиняется; онъ говоритъ даже въ то время, когда говорить нѣтъ никакой возможности: когда колеса оглушаютъ въ туннелѣ, когда звонитъ и свищетъ пароходъ; онъ говоритъ всегда, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ!

Англичанинъ лучше нѣмца и француза: онъ молчитъ даже тогда, когда не говорить, повидимому, невозможно: напримѣръ, когда онъ голоденъ и его спрашиваютъ, хочетъ ли онъ ѣсть. Онъ невнимателенъ; онъ топчетъ вамъ ноги и не извиняется; вы топчете его ноги и не думаете извиняться! Чѣмъ вы невѣжливѣй, тѣмъ лучше: онъ съ вами непремѣнно познакомится!

Итальянца-спутника вы не замѣчаете: свой человѣкъ! И итальянецъ васъ не замѣчаетъ: итальянцу всякій свой человѣкъ. Онъ сниметъ сюртукъ, если жарко, и даже объяснитъ сосѣдкѣ, что вспотѣлъ. А перекиньтесь съ нимъ десяткомъ словъ, и вы ужь десять лѣтъ знакомы. При разставаньи, онъ васъ треплетъ по плечу и называетъ caro mio! Вы съ нимъ столкнетесь черезъ годъ — онъ вамъ кидается на шею....

Русскій путешественникъ прежде всего тревожно озабоченъ тѣмъ, находится ли онъ въ обществѣ порядочныхъ людей, т. е. нѣтъ ли между спутниками его сапожника, человѣка безъ всякаго чина, жида или такого русскаго, укотораго нѣтъ дяди генерала.... Жидъ и сапожникъ, равно какъ русскій и человѣкъ безъ чина — ставятъ его

тотчасъ въ непріятную необходимость показать всѣми поступками непереступаемую разницу, лежащую между нимъ и обществомъ, въ которое его поставилъ случай. Онъ громко разговариваетъ съ кондукторомъ и на его отвѣты испускаетъ «*a!*»,—бросаетъ за окно, не докуривъ, сигару.... словомъ, ведетъ себя вполнѣ сообразно съ чиномъ. Если онъ военный, или хоть и въ отставкѣ, да былъ военнымъ, соотечественнику его не избѣжать допроса: кто онъ и гдѣ служитъ, и въ какомъ состоитъ классѣ? не дядюшка ль ему такой-то? при чемъ допрашивающій не забываетъ открыть тайны собственнаго званія, полка и продолжительности отпуска.... Путешественницы не благоволятъ только къ рыжей бородѣ и очень мѣтко отличаютъ черную, что, какъ извѣстно, составляетъ признакъ итальянца или француза. Но бородѣ внезапно суждено линять, какъ только обнаружится ея домашнее происхожденіе....

Различіе народностей еще не все различіе въ туристахъ: они подвержены и множеству другихъ различій, смотря потому, съ какою цѣлью отреклись отъ независимой или служебной жизни и отъ бумажныхъ денегъ своей родины. Завалы или ревматизмы рѣшаютъ всего чаще въ этихъ случаяхъ, и спутникъ, ѣдущій съ такою подорожною еще не худшій спутникъ: не трогайте его, и онъ доволенъ; не открывайте оконъ, и онъ счастливъ. Онъ не справляется о дядѣ, чинъ его не занимаетъ; словомъ,—онъ спутникъ, съ которымъ ѣхать можно. Но есть болѣзни, выталкивающія человѣка на большія дороги, бросающія его въ вагоны и изъ вагоновъ на пароходы, съ пароходовъ на снѣжныя вершины и съ снѣжныхъ вершинъ въ подземелья,—болѣзни, истощающія термами Каракаллы и нѣмецкими школами живописи отъ Альберта Дюрера до Овербека включительно: такія болѣзни порождаютъ путешественниковъ, одержимыхъ проказою все знать и обо всемъ слышать, со всѣми говорить и на каждой станціи высовываться по поясъ изъ окошка, подзывать къ себѣ смотрителя и кондуктора, машиниста, у котораго плачутъ глаза отъ дыму, работника, который наливаетъ масло въ оси,—всѣхъ кому не до него, и всѣхъ распрашивать о томъ, что до него не касается. Такіе путешественники—бичи вагона, испытаніе дилижанса и причина мозолей на пароходѣ. Если жь они къ тому еще французы,—доля испытанія увеличивается, и мозольному оператору остается уже лѣпить пластыри на всѣ пальцы безъ исключенія.

Таковъ путешественникъ, котораго можно назвать путешественникомъ *многострадальнымъ*.

Путешественникъ *разочарованный* представляетъ нѣкоторыя удобства; онъ служитъ противовѣсомъ *очарованному*, который тоже

случается и стòитъ многострадальнаго. Очарованный бываетъ нѣмецъ или барыня любой народности.

Но худшій спутникъ, безъ сомнѣнія,—путешествующая нѣмка, которая до пятидесятилѣтняго возраста видѣла вселенную въ Карлсруэ или Швейнфуртѣ, а въ жизни только средство колотить муку и яица для *мельшнейзе*. Въ подобной нѣмкѣ очарованный и многострадальный толкутся лбами, и бѣда капитану, мичману, матросамъ парохода, гдѣ она поѣдетъ! Нѣтъ бугорка на берегу, булыжника, свалившагося съ воза, въ которыхъ они не были бы призваны дать отчетъ; бѣда сосѣдямъ по вагону, а пуще того по дилижансу: ея корзинка съ *кухенами* и ридикуль со *штрикхеномъ* перебываютъ на всѣхъ колѣняхъ; ея дыханіе, даже не той свѣжести, какъ масло ея кухеновъ, ея испарина, естественная при волненіи,—все дастъ поочереди себя попробовать сосѣдямъ....

Есть нѣмки юныя — лиловыя, съ руками англійскихъ ростбифовъ, съ волосами свѣтло-желтыми и рѣсницами подъ цвѣтъ волосъ. Здоровья въ нихъ обыкновенно такъ же много, какъ мало бровей, и души ихъ раскрыты нараспашку всякой всячинѣ: мѣстамъ втораго класса, гдѣ онѣ сидятъ на кончикѣ дивана, и туннелю, гдѣ имъ бываетъ страшно, и разговору двухъ бѣлесоватыхъ нѣмцевъ, отъ котораго смѣшно неудержимо, а смѣяться—schande (стыдно)... Для подобныхъ нѣмокъ путешествіе (онѣ обыкновенно ѣдутъ изъ Бамберга въ Нюрнбергъ)—таинство, счастливая случайность жизни, закрѣпляемая воспоминаніемъ до гроба... Ихъ никакъ не надо смѣшивать съ пересушившими себя передъ плитой до состоянія нѣмецкаго жаркова нѣмками, въ фальшивыхъ локонахъ и съ острыми локтями...

Путешествовать, конечно, значитъ перебрасывать себя, съ большей или меньшей неосторожностью, изъ вагона на пароходъ и съ парохода въ омнибусъ, спать на столѣ въ буфетѣ, и такъ дальше; но въ благородномъ смыслѣ слова путешествовать — совсѣмъ не то. Иные думаютъ, что ѣхать по Германіи ужь значитъ путешествовать; быть въ Мюнхенѣ — касаться самаго апоѳеоза древней Греціи... Но это заблужденіе: ѣхать по Германіи значитъ просто — ѣхать по Германіи, а въ Мюнхенѣ чего нибудь касаться значитъ—кружки съ пивомъ.... ѢХать въ Германію съ иными цѣлями, чѣмъ ѣхать, если и позволяется, то развѣ на воды. Эго даже предписывается, и очень часто....

Воды изобрѣла Германія: я убѣжденъ, что безъ нея и въ голову никому не пришли бы воды. За то я также убѣжденъ, что воды мо-

гутъ дѣйствовать только въ Германіи (нѣмцы много способствуютъ тому, чтобъ воды слабили). Во Франціи, источники Виши, напримѣръ, запираютъ. И это оттого, что французы себя тоже запираютъ — утромъ для завтрака, который длится два часа, а послѣ для обѣда, продолжающагося вдвое; вечерніе концерты въ залѣ—тѣ же ванны (*)! Французъ въ водахъ видитъ возможность перенести Парижъ въ своемъ sac de nuit въ такое мѣсто, гдѣ надѣнетъ шляпу *панама* съ рубцомъ и бѣлые панталоны; нѣмецъ — средство прицѣпить всю нѣжность идиллической натуры къ Luft und Land, нагородить бесѣдокъ, гдѣ печетъ покрѣпче, и просидѣть въ нихъ съ трубкою и чашкой кофе, пока не посвѣжѣетъ; нѣмецъ видитъ въ водахъ дорожки, самымъ правильнѣйшимъ образомъ неправильно идущія къ развалинѣ, которую зоветъ *рушной*; видитъ вдоль дорожекъ яблони, доставляющія, вмѣсто плодовъ и тѣни, только выставку различныхъ объявленій (Warnung), гдѣ, какъ выражается одинъ мой знакомый, *темно объяснено* почтенной публикѣ высокое ея призваніе — не трогать яблоковъ (призваніе, легко достигаемое, потому что яблоковъ никогда не бываетъ)... Нѣмецъ въ словѣ *воды* слышитъ не бурчанье минеральныхъ газовъ въ животѣ, но мелодіи безсоннаго оркестра изъ Вюрцбурга или Гмунда, готовыя всегда съ пѣтушинымъ кукарику... Нѣмецъ въ водахъ видитъ Баденъ-Баденъ, который называетъ *Патенъ-Патеномъ* и съ именемъ котораго въ его душѣ соединилось все, что есть высокаго, *эхтъ-романтышь* и сверкающаго въ жизни, — Баденъ-Баденъ, куда онъ стремится, точно мусульманинъ въ Мекку, изъ Киссингена, Крейценаха и Штокаха, Эйзенаха — изъ всѣхъ *аховъ*,—Франціисъ и иного Бада. — изъ Митавы, Риги, Либавы и Виндавы (я не поручусь даже за отдаленный островъ Эзель), — Баденъ-Баденъ, который видѣть и умереть (vedi Baden-Baden e poi mori) и котораго я, къ удовольствію, не видѣлъ, потому что хочу жить, хотя поѣздъ, наполненный лютеранскими правовѣрными, сворачивалъ передъ моимъ носомъ прямо въ Мекку (чего я не говорю при нѣмцахъ), а я спокойно продолжалъ поганую дорогу на Мангеймъ!

Во Франціи нѣтъ Баденъ-Бадена (давно извѣстно, что во Франціи нѣтъ и поэзіи): l'on va à Vichy, puisqu'il faut aller quelque part, puisque tout le monde y va! Поѣздка на воды-во Франціи — обрядъ, въ которомъ сердце не принимаетъ участія; въ Германіи это догматъ вѣры. Воды во Франціи—въ мундирахъ, какъ солдаты; въ Германіи

(*) Въ Виши еженедѣльные концерты, а также и балы, даются въ заведеніи ваннъ, въ залѣ, гдѣ можно задушиться отъ жара и отъ минеральныхъ газовъ.

онѣ остались съ идилліей засученныхъ по локоть рукавовъ. Въ водахъ Германіи есть содержаніе — свой водный идеалъ; во Франціи въ водахъ, какъ и во всемъ, одна наружность, вывѣска, decorum... Франція устроитъ заведеніе для ваннъ: надъ крышей непремѣнно будетъ флагъ; у каждой двери надпись; каждый водоносъ въ мундирѣ, съ бляхой; кадки, вёдра — съ ярлыками; сторожа, прислужники — въ эмблемахъ, говорящихъ, что они лакеи; но комнатки для ваннъ величиной съ шкатулку, и ванны получать возможно только ночью (*), а помѣщаться въ нихъ и вовсе невозможно. Въ нѣмецкой ваннѣ можно жить (о, еслибъ строились дома, какъ ванны!) и ихъ всегда бываетъ вдоволь; но готовитъ ихъ нѣмка съ голыми руками. У нѣмцевъ Fremdenblatt (листокъ пріѣзжихъ) продается за мѣдную монету въ книжной лавкѣ, и въ лавкѣ, гдѣ колбасы, и въ аптекѣ. Французы для десятка напечатанныхъ именъ заводятъ вѣдомство: коробки съ кантикомъ, мальчишекъ съ кантикомъ и надписи на ящикахъ и на мальчишкахъ: «Liste des étrangers». Листокъ отъ этого обходится дороже сочиненій Шиллера (компактныхъ); за то онъ brevetée и на концѣ его подробно значится, что есть другой листокъ, поддѣльный, въ чемъ больной и приглашается принять живѣйшее участіе («ne pas confondre la liste brevetée avec une autre liste, qui n'est qu'une contrefaçon de celle-la»). Точно, на другомъ концѣ мелькаетъ новая эмблема списка пріѣзжихъ—мальчики уже другаго роста, съ кантиками уже не такими, но также съ надписями всюду.

— Это двѣ компаніи, qui se font concurance (которыя соперничаютъ)! замѣтилъ мнѣ одинъ больной, отпаивавшій у себя свиней въ Лиможѣ и выпивавшій самъ, — должно быть, въ видѣ опыта,— по полведра воды.

— Которая жь имѣетъ выгоды?

— Обѣ разоряются!

Вотъ, стоитъ хлопотать такъ безкорыстно!

Смотритель парка, то есть человѣкъ, котораго призваніе — сидѣть на лавкѣ и дремать, владѣетъ здѣсь такими исполинскими усами, на головѣ его такой ужасный киверъ, а при бедрѣ такой тесакъ, что пробираетъ дрожь, когда проходишь мимо! У нѣмцевъ это просто старый нѣмецъ въ курткѣ, успокоительно сосущій трубку. Французъ не вѣритъ вещи, если нѣтъ надъ нею ярлыка, смѣется, если человѣкъ безъ вывѣски.... Во Франціи и *сестеръ милосер-*

(*) Въ Виши всякій долженъ быть готовъ къ тому, что получитъ себѣ ванну, на нѣсколько недѣль, въ четвертомъ часу утра.

дія не пощадила мундиристика и прицѣпила имъ какіе-то отрѣзки коленкора за спиною, вмѣсто крыльевъ!...

Воды Германіи — открытыя объятія всего, что надо человѣку-нѣмцу лѣтомъ: въ ихъ садикахъ—по деревянному дивану на пришельца и по столу на нѣмку (нѣмка не съ умѣетъ вывязать чулка, если клубокъ не будетъ на столѣ: ей нуженъ столъ, чтобъ не спускались петли)! Во Франціи — четыре каменныя скамейки въ паркѣ и стулья за деньги, сдѣланные очень остроумно для того, чтобы на нихъ нельзя было усѣсться. Я видѣлъ ужасъ нѣмца, занесеннаго какимъ-то взмахомъ рока—*шиксаль*! — во Францію, когда онъ сѣлъ на стулъ и долженъ былъ за это поплатиться!

— Deux sous, monsieur, s'il vous plait! раздался около него фальцетный голосъ женщины, съ ридикюлемъ черезъ плечо.

Онъ осмотрѣлся, всталъ и только произнесъ: *те зу, шенефепа*! потомъ пустился быстро по аллеѣ. Женщина пустилась за нимъ.... Не знаю, поддался ли пенѣ безъ вины виновный нѣмецъ, или стульница оставила свой искъ, увидя, что «monsieur n'est qu'un simple drôl qui ne connait pas les usages» (*)!

Въ Германіи, по воскресеньямъ, самый воздухъ уступаетъ свое мѣсто людямъ, и чистыя его пространства наполняются угаромъ горькихъ трубокъ мужиковъ. Мужички уголяютъ жажду минеральными водами и заѣдаютъ хлѣбомъ. Во Франціи въ святилище источника проходятъ сквозь записку доктора, что значитъ 20 франковъ....

Нѣмецкіе Kurärzte (лекаря) ходятъ по аллеямъ даромъ и даромъ говорятъ больнымъ, какое именно число стакановъ слѣдуетъ вливать въ желудокъ, чтобъ его разстроить. Нѣмцу-доктору, если онъ приходитъ повѣрять желудочныя тайны на домъ, вы за два мѣсяца заплатите 100 франковъ, да еще оставите признательнаго человѣка; а французъ вамъ подаетъ une note, какъ прачка.

У нѣмцевъ чувствуется связь между водой и ими; мнѣ, по крайней мѣрѣ, длинногорлая бутылка минеральныхъ водъ всегда напоминаетъ нѣмца, длинногорлый нѣмецъ — минеральную бутылку....

Французъ, толкуя о водѣ, употребляетъ термины — *сюльфаты, су-нитраты*, которымъ выучился изъ афишъ; онъ къ ней относит-

---

(*) Не всякій повѣритъ, что собираемыми мѣдными *су* за стулья откупщики въ Парижѣ покрываютъ съ барышами 30 тысячъ франковъ, которыя платятъ городу за право держать стулья въ Тюильри, и 60 тысячъ за то же право въ Елисейскихъ поляхъ.

ся свысока. Нѣмецъ весь переходитъ въ воду; онъ растворяется въ водѣ, какъ сахаръ....

Главное, чтобъ всякой вещи было свое мѣсто: чтобъ Тинторета, напримѣръ, смотрѣть въ Венеціи, антики въ Ватиканѣ, во Франціи носить отлично скроенныя панталоны, а соленую брюкву ѣсть въ Вѣнѣ и минеральными водами пользоваться у нѣмцевъ.

Водъ болѣе всего надѣлано на Рейнѣ: Рейнъ—это млечный путь, который выведетъ больнаго на воды, какъ, говорятъ, выводитъ богомольцевъ въ Кіевъ...

Рейнъ долженъ былъ потечь въ Германіи, чтобъ обсадились его горки, чтобъ берегамъ придалась аккуратность, и самая свирѣпость замковъ рыцарей смягчилась виноградомъ, чтобъ вышелъ изъ него тотъ Рейнъ, который тщетно думалъ растрепать Гюго порывами своей фантазіи,—Рейнъ, красоты котораго доступны всякому, какъ цѣны блюдъ по утвержденной таксѣ. Рейнъ, разумѣется, хорошъ посвоему; онъ поражаетъ человѣка съ Черной рѣчки, поражаетъ человѣка и съ Москвы-рѣки. Торжественность его и *риттерлихкейтъ* вправѣ сбивать съ ногъ нѣмца изъ Карлсруэ! А такъ какъ нѣмцы, по словамъ моего пріятеля, родятся большей частію въ Карлсруэ, то имъ и позволительно валиться съ ногъ отъ Рейна.

— Нравится вамъ Рейнъ? испытывалъ я каждый разъ энтузіастовъ, бившихся по палубѣ съ разрѣзами и панорамами, продольными и поперечными сѣченіями Рейна.

— О, да! конечно! былъ всегда отвѣтъ.

— Что жь именно вамъ нравится?

— Какъ что? да все мнѣ нравится!

— И это тоже (пароходъ при этомъ шелъ обыкновенно мимо мѣста sehr berühmt — ужасно знаменитаго)!

— Ну, въ этомъ я не вижу ничего особеннаго!

— Помилуйте, оно-то и особенно! Вы загляните въ планъ.

Испытываемый устремлялся въ планъ и не безъ ужаса отыскивалъ, что мѣсто sehr berühmt!

Экзаменъ, продолжавшійся до Бонна, разрѣшался въ Кельнѣ покаяніемъ.... Иные прибавляли только: «а все же Рейнъ!» и съ этими нельзя было не согласиться.

Французы, падкіе на все готовое, конечно, если оно изготовлено французами (отчего и готовыхъ платьевъ въ Парижѣ пропасть), ужь при видѣ пароходнаго билета начинаютъ убѣждаться, que c'est beau, и отправляются по Рейну съ доводомъ, карманнымъ, но несо-

крушимымъ: c'est connu! У француза только то и есть, что признано (connu), и не будь признано, напримѣръ, что у него есть носъ, онъ былъ бы убѣжденъ, что онъ безъ носа.

....Я ничего не знаю успокоительнѣй для совѣсти, какъ путешествіе по Германіи. Неправда ль, непріятно видѣть, если то, что васъ везетъ,—торопится, потѣетъ, выбивается изъ силъ? Въ Германіи, что̀бъ ни везло, везетъ всегда какъ будто въ свое удовольствіе, и именно какъ будто въ свое, а не въ ваше. Поѣздъ по рельсамъ катится такъ, что вотъ немножко — и остановился! Смотришь — и остановился, точно! Дольше десяти минутъ паровой рысакъ бѣжать не долженъ: у него отдышка. За то совѣсти легко....

Лошадьми безъ пару можно повѣрять хронометръ: если прошла миля, значитъ пробилъ часъ... Это хронометры тоже, но въ хомутахъ. Подвинуть ихъ труднѣй, чѣмъ вызвать почтальона за *тринкгельдъ* перенести свой бичъ съ высотъ, гдѣ онъ паритъ обыкновенно, на ихъ спины.... Если жь это и случится, то лошадь, всегда мамонтова роста, почуявъ на спинѣ что-то незнакомое, теряется, неловко скачетъ въ стороны и крутитъ ноги, какъ на картинкахъ подъ Фридрихомъ Вторымъ. Миля оттого не сокращается, и тринкгельдъ пропадаетъ даромъ....

Пароходъ идетъ зѣвакой: смотритъ только, какъ бы подхватить кого. Поэтому, хватая поминутно, онъ упускаетъ главное—нейдетъ впередъ. На палубѣ тѣмъ временемъ подхваченные обзаводятся—кто мѣстомъ, кто знакомымъ, а кто и кофеемъ или стопою пива. Конторщики уже заговорили кабалистическими 42 и 309 (*), и производятъ ими потрясающее дѣйствіе другъ на друга... Австрійскіе офицеры, въ бѣлыхъ мундирахъ, изъ которыхъ неприлично выросли, стучатъ, безъ всякой видимой причины, палашами; а дѣтей такъ вотъ и тянетъ непреодолимой силою свалиться за бортъ; няньки приходятъ въ ужасъ отъ дѣтей, а маменьки отъ нянекъ; тѣ и другія недовольны. Нѣмки вяжутъ чулокъ, съ успѣхомъ доходя до пятки... Вдругъ между ними обнаруживается тревога: *Лохенъли-Зицъ* или только *Зицень-Лохъ* тотъ бугорокъ, мимо котораго поѣдутъ? Онѣ толкаются, хватаютъ *кельнера*, съ полсотнею тарелокъ на ладони, и требуютъ отчета. Кельнеръ, весь поглощенный тѣмъ, что у него пятьдесятъ тарелокъ на ладони, несетъ околесную. Нѣмки теряютъ изъ виду бугоръ, который такъ и остается Зицень-Лохомъ въ ихъ воспоминаніи....

(*) Цифры биржеваго курса.

А пароходъ зѣваетъ и все ловитъ! Die reisende Studenten (*), съ сумкой за спиной и толстыми слоями пыли на ногахъ, только-что сходившихъ въ Италію, причаливаютъ или сходятъ въ лодки; лѣзутъ англичане съ *пледами*, вытаскивая изъ кармановъ телескопы; показываются нѣмки, коротко знакомыя со всѣми Зицень-Лохами и оттого снѣдаемыя жаждой вылить на кого нибудь запасъ своихъ познаній; *сэры*, вынимающіе, вслѣдъ за телескопомъ, ткани, которыя мгновенно переходятъ въ тюфяки отъ собственнаго ихъ, сэрова, дыханья; *леди* безъ пылинки, такія, что при нихъ die reisende Studenten ужь не кажутся людьми, но просто *макъ-адамами!*

Скоро все на пароходѣ двинулось, кромѣ парохода: нѣмки, томимыя охотою излить познанія, соединились съ нѣмками, томимыми охотою познать; дѣтей успѣли разсадить и объясняютъ имъ, какъ возмутительно ихъ поведеніе: дѣти, видя себя опозоренными передъ обществомъ, стыдятся подымать глаза.... Ужь *леди* безъ пылинки улеглась на тюфякѣ, набитомъ сэровымъ дыханьемъ, и *рейзенде штудентъ* храпитъ, свалившись у паровика.... Конторщики забыли 42, подсѣли къ нѣмкамъ, у которыхъ спѣетъ пятка, и говорятъ имъ видимо не цифры: по крайней мѣрѣ, нѣмки давятся отъ смѣха и выворачиваютъ петли съ скрытымъ счастьемъ.... Конторская душа, разставшись съ цифрами, вдругъ натыкается плашмя на чувства и даже пробуетъ себя въ стихахъ, которые писала въ школѣ по-латыни. Стихи, на этотъ разъ не по-латыни, выходятъ не безъ поту, въ тропической температурѣ, гдѣ храпитъ студентъ. Романъ, завязанный нѣмецкой риѳмою, затягивается сильнѣй полфунтомъ вишенъ, высыпаемыхъ на платье, при чемъ оно не портится, потому что нѣмка успѣваетъ подложить платокъ....

Подумаешь: что за хорошая вещь жизнь! какъ весело любить! какое счастье сочинять стихи! какъ ярко смотритъ солнце съ неба! какъ пахнутъ липы съ береговъ! какіе омнибусы ждутъ у пристани! Нельзя не вѣрить въ безконечность духа! нельзя не ѣхать на воды! больнымъ остаться невозможно! Этотъ старикъ, налитый водою, выздоровѣетъ!... Вы развѣ не замѣтили — все розоваго цвѣта: *Зибенгебирге* и весь западъ, кёльнскій соборъ и даже мундиръ на австрійскомъ офицерѣ!...

(Тутъ отпечатокъ рельсовъ и недостаетъ листовъ.)

.... Жизнь не даетъ надеждъ — она ихъ отнимаетъ! На водахъ можно только простудиться.... Кому не позволяютъ средства испы-

(*) Странствующіе студенты.

тать, что такое итальянская зима, тотъ можетъ провести ее, съ умѣренной издержкою, въ іюнѣ и въ іюлѣ, въ Крейценахѣ, Ишлѣ и Гастейнѣ, Киссингенѣ, Франціынсъ-Шлангенъ-Карльсъ, Маріенъ и Висъ-баденѣ, вообще во всѣхъ мѣстахъ, куда съѣзжаются, чтобъ проводить съ большою пользой лѣто.... *Куръ-арцтовъ* держатъ при водахъ, чтобъ не давать больному выздоровѣть (оно разсчетливо: вернется въ другой разъ!); они составили свои понятія о человѣческомъ желудкѣ и наливаютъ его водой, какъ пожарную бочку. Человѣкъ пріѣдетъ нездоровымъ, а выѣдетъ больнымъ!

.... А небо — точно войлокъ, да еще съ дырою: все сыпится какая-то промочка! Куда ни глянешь, нѣмцы тянутся смотрѣть Umgegend (*).... Старикъ, налитый водяной, и тотъ сидитъ въ бесѣдкѣ, гдѣ печетъ, а самъ мечтаетъ объ Umgegend,—я это вижу по его глазамъ.... А ужь глаза не видятъ — только смотрятъ! Онъ восковой, и у него глаза, какъ фольга....

Ребенокъ больше чувствуетъ, что ужь недолго... Мы только думаемъ, что дѣти глупы... Рядомъ со старикомъ живетъ дитя... его прислали на воды... Оно сидитъ весь день подъ деревомъ и думаетъ... о чемъ? о чемъ-то будто близкомъ... тамъ, возьметъ цвѣтокъ и обрываетъ... Мать наклоняется, цалуетъ ручку, блѣдную, худую... дитя прильнетъ къ ея щекѣ и позабудется... Съ игрушками играетъ между тѣмъ котенокъ, подкрадывается, сочиняетъ западни и гнетъ дугою спину, ставитъ хвостъ, какъ свѣчку, и, фыркая, несется къ кошкѣ, которая свернулась на коврѣ... Дитя посмотритъ и не улыбнется, только вздохнетъ... или подниметъ розу и ощиплетъ... Когда приходитъ господинъ въ очкахъ (*куръ-арцтъ*, я это знаю) приставать къ ребенку, то ребенокъ плачетъ.

— Молока побольше! молока! говоритъ въ подобныхъ случаяхъ ученый и трогаетъ свои очки: — коровы наши знамениты: ихъ молоко, какъ пухъ! Свобода, воздухъ горъ, трава по предписанью, — словомъ, это молоко — лекарство! Купайте въ молокѣ, пойте молокомъ! du lait, madame, du lait.

Мать слушаетъ и видно, что жалѣетъ, зачѣмъ нельзя совсѣмъ переселиться въ молоко.

Однакожь, воздухъ горъ, свобода и коровы заставили меня подумать: отчего въ горахъ такъ пусто? и отчего какая-то нѣмая вся окрестность? чего недостаетъ ей?... Прислушиваешься: не брякнетъ колоколъ коровы, не затрещитъ сучокъ въ кустахъ и не просунется рогатая фигура, наивно удивленная, куда она попала. День удаляет-

(*) Окрестности.

ся какимъ-то сиротою: никто его не провожаетъ ревомъ; не замычитъ и не подыметъ пыли стадо... Точно не было на небѣ свѣта, точно ужь никому и не жаль, что ночь настала и надо подъ запоръ...

Вотъ женщина, въ запачканныхъ навозомъ башмакахъ, съ ведромъ, просовывается въ двери какого-то глухаго темнаго сарая... Пронзительно удушливая атмосфера вони бьетъ внаружу. Десятокъ узниковъ съ рогами, на цѣпяхъ, жуетъ у яслей, дышетъ тяжело и косо взглядываетъ на дверь... А за дверью стоитъ вечеръ съ запахомъ травы...

— Зачѣмъ же онѣ дома? спросилъ я женщину, которая впотьмахъ доила.

— Дома? а гдѣ жь имъ быть? Онѣ и то все дома!

— Какъ, и днемъ ?

— И днемъ, и вечеромъ, весь годъ! Травы у насъ довольно дома.

Послѣднія слова произносились гордо.

— Притомъ же, продолжала женщина: — наши коровы sind zu lustig—слишкомъ веселы: ихъ выпусти на волю—молока не будетъ!

«Какъ странно!» думалъ я: «надо имѣть иппохондрію, чтобъ было молоко.»

— И у всѣхъ коровы заперты ?

— У всѣхъ... у кого онѣ есть, прибавила глубокомысленная баба: — коровники здѣсь, слава Богу, имѣютъ, чѣмъ кормить скотину! Да притомъ, когда стоитъ, не съѣстъ такъ много.

Бѣдная скотина!

— Ну, да вѣдь и молоко-то будетъ густо?

— О, freilich густо! молоко густое. Только выпить, такъ на желудкѣ слышишь... густое молоко, тяжелое... ja, freilich!

Бѣдное дитя!

.... Сегодня все черно. Тучи спустилися такъ низко, будто хотятъ закрыть собою землю... Еловые лѣса стоятъ, какъ ночь... Потокъ, измученный дождями, скачетъ злобно. Сплавныя бревна мечутся по немъ, то ударяясь концомъ о камни, то несясь стоймя, поднятыя водоворотомъ.

На меня всегда наводитъ тягостное чувство картина пущеннаго на волѣ рѣчки лѣса. Давно ли онъ стоялъ такъ твердо мощными корнями, какъ крѣпкою ступенью, въ мшистой почвѣ, съ весною зеленѣлъ и золотился осенью, шумѣлъ, качался, не сдавался бурѣ?

«Распахнетъ она
Тучу черную,
Обоймetъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ,

«И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
Вороти назадъ!
Держи около!»

И вотъ несетъ тебя, по шальной прихоти своей, волна, кидаетъ тобой о берегъ, гдѣ ты хозяйничалъ, и тѣшится твоею немощью!...

Пришло ли кому въ голову, что въ этомъ сплавѣ лѣса — цѣлая поэма жизни? Дерево ль, корова, или человѣкъ,—развѣ не все равно? Все тѣ же атомы природы, брызги и песчинки цѣлаго, всеобщаго, все слившаго своею единицей — міра... Увезено ли изъ роднаго мѣста, или вырвано у корня, заперто въ сарай,—все одинаково отторгнуто отъ тѣла матери-природы, поругано въ ея святомъ чертогѣ.

Сначала бревна, спущенныя вмѣстѣ, мчатся дружно: ужь если горе несть, все легче вмѣстѣ... Вдругъ глыба: ухъ! и разлетѣлися по сторонамъ... Одно пошло впередъ, расщепленное, другими кинуло о берегъ, гдѣ имъ и завязнуть въ тинѣ; которыя схватилъ водоворотъ и крутитъ-крутитъ, такъ что и не узнать, куда потомъ метнетъ его. Немногія пошли впередъ, осиротѣлыя и не досчитываясь братьевъ.. Омутъ:всѣхъ нестало! Думаешь:хоть отдохнутъ на днѣ — не тутъ-то было: вышвырнетъ за полъ-версты, и изъ немногихъ поплыветъ ужь только двое... Вотъ одно попятилось—идетъ назадъ... авось, верхнетъ его къ родному корню. Прилегло бы да и сгнило. Нѣтъ, подняло и мчитъ по быстринѣ и обогнало остальныхъ... Впередъ! впередъ! нѣтъ мочи! хоть бы поскорѣй до берега—чужаго, все равно — до берега бы только!...

Вотъ лошадьми, гужомъ, противъ теченія вздымаютъ бичевою барку... Бревна толкаются въ ея бока и идутъ мимо... Можетъ быть, росли сосѣдями бревна и барка, и, можетъ, будущей весной и эти бревна ужь поѣдутъ баркой въ верховья, забирать своихъ убитыхъ братьевъ!...

За баркою идетъ процессія съ крестомъ — эмблемой вѣчнаго страданія. Хоронятъ старика, умершаго отъ водяной.. А вчера онъ собирался ѣхать in Umgegend!...

Изъ этой хижины чуть выходило солнце изъ-за горъ, шелъ на завалинку работникъ, изувѣченный машиной. Солнце уходило за горы — онъ тоже уходилъ... Сегодня онъ не вышелъ вовсе...

Подходитъ пароходъ... А черная, какъ катафалкъ, туча идетъ навстрѣчу... На палубѣ толпа... Есть тамъ и пара новобрачныхъ — это сейчасъ видно: ихъ губы только и умѣютъ улыбаться; глаза все видятъ ясное — они не видятъ тучи. Они украдкою отъ кельнера,

который подаетъ обѣдъ, жмутъ руки... Салфетка на полу — причина къ поцалую; чихнулъ сосѣдъ — ребяческій смѣхъ, безъ мѣры, безъ причины... Для чего причина, если въ сердцѣ столько счастья?.. Смѣйтесь! смѣйтесь громче! И вы на порогѣ: перешагнете, будетъ не до смѣха... Вонъ видите, тамъ женщина, прекрасная, какъ роза послѣ бури; рядомъ мужъ, избитый не годами — жизнью.... Ихъ губы позабыли улыбаться; руки ихъ слабы для пожатій, схоронивши счастье... Они еще недавно ѣхали — гораздо больше, чѣмъ вдвоемъ...

Тамъ молодая дѣвушка сидитъ и утираетъ слезы... Съ берега долго махала ей старушка влажнымъ носовымъ платкомъ... Можетъ, отпустила дочку къ чужимъ людямъ — искать иголкою и потомъ хлѣба. Обѣдъ себѣ спросила горемыка — чашку кофе, и расплатилась мѣдью... Мнѣ казалось, что слезы попадали даже въ кофе... А старушка? Что, готовитъ ли и ей, какъ прежде, чашку? Нѣтъ, только себѣ: ея осталася въ шкапу... Старушка, вѣрно, тоже приправляетъ завтракъ горемъ...

А вонъ другая женщина, вся въ кружевахъ; курьеръ въ прекрасныхъ бакенбардахъ окуталъ ей ноги шалью и повторилъ четыре раза excellence... Дѣти, здоровыя, какъ утро, ластятся и лѣзутъ цаловать ее въ лицо... А щеки и глаза ея потухли, и она куда-то ѣдетъ умирать отъ водъ!...

Вѣдь кажется, куда нелѣпо и для чего любить все то, что умираетъ, чахнетъ, покидаетъ, что вчера сулило жить и уже не вставало нынче! Привязаться къ человѣку! Да не лучше ли къ звѣздѣ, которая косою полосой стремится съ неба — заблестѣла, даже не успѣлъ сказать: постой!...

Я счастливѣй подъ клёномъ маленькаго сада: вѣтвистый здоровякъ меня переживетъ. Я прихожу поутру, убѣжденный, что найду его такимъ же, какъ вчера; а вечеромъ иду спокойно спать и знаю, что завтра меня встрѣтитъ тѣнь его, прохладная, безъ перемѣны... Внукъ мой прилетитъ сюда на аэростатѣ и отдохнетъ отъ поднебеснаго пути подъ той же тѣнью.

Мой хозяинъ — нѣмецъ, роетъ огородъ и думаетъ: «какъ разростется брюква!» А брюква выростетъ его вдовѣ!

Забавно! то, что человѣкъ дѣлаетъ, не умираетъ; а онъ и не докончитъ часто, какъ умретъ. Корреджіевою ночью я любуюсь, зная, что ея предназначенье — вѣчность! Подъ трещинами красокъ море свѣта не погаснетъ... И знаешь, что погаснутъ поколѣнья, какъ ужь гасли, а холстъ все будетъ также свѣтелъ...

..... Но — увы! — что̀ жь сдѣлали съ корреджіевою ночью?

— Сторожъ! sie! что̀ сдѣлалось съ картиной?

— Картина war restavriert: теперь узнать нельзя! самодовольно отвѣчаетъ нѣмецъ.

И точно, теперь узнать нельзя!...

А клёнъ? Я слышу звуки топоровъ... бѣгу: упрямый богатырь противится, сжалъ крѣпкіе бока и не сдается людямъ Но вотъ зеленая вершина дрогнула, и отскочили люди... ницъ на землю! Только поднялъ вѣтви кверху, точно руки, и молитъ о пощадѣ... Поздно! Изъ пня пошли обильныя и понапрасну пролитыя слезы!..

Ужь если нѣмецъ вздумалъ сѣять огородъ, — не жить тебѣ: ты заглушалъ бы брюкву!...

П. КОВАЛЕВСКІЙ.

Іюль 1858.
Ишль.

ОЧЕРКИ НАРОДНАГО БЫТА.

VIII. (*)

БОБЫЛЬ.

«Унасъ, на краю села, жилъ мужикъ Карней; онъ ни роду ни племени не имѣлъ; при немъ находился только его сынишко лѣтъ десяти. У Карнея былъ домъ, очень чуденъ! Ни тебѣ соломы на немъ, ни жерди. Одинъ уголъ въ срубѣ поднялся вверхъ, — Карней его взялъ да скрутилъ веревками. Зимою снѣгъ валилъ въ избу. Зимою Карней рѣдко жилъ дома, а спасался кое-у-кого у сосѣдей.

«Насчетъ благородства — Карней.... толковать нечего! умный!... и такъ старателенъ насчетъ ежели обмануть кого... Онъ никогда не работалъ, а сытъ былъ завсегда. Шапка на немъ, то есть, вышла изъ употребленія; но на обувь онъ обращалъ свое вниманіе, ходилъ больше въ сапогахъ.

«Хлѣбопашествомъ Карней не занимался сроду. Сперва онъ все коммерцію устраивалъ: табачную лавочку у себя открывалъ, ѣздилъ по деревнямъ съ мелкимъ товаромъ. Но какъ у него не было капиталу, такъ онъ бросилъ все, и вышелъ изъ него послѣдній человѣкъ.

(*) См. «Современникъ» 1859 г. № 4.

«Угодить начальству — это за наше почтеніе! Карней умѣлъ съ важными лицами поговорить и услужливостію своею всѣхъ превзошелъ: напримѣръ, наловитъ въ рѣкѣ раковъ лаптями и понесетъ къ становому. За то, случись гдѣ нибудь несчастіе, глядь, Карней съ становымъ катитъ на слѣдствіе; на козлахъ сидитъ. А то иному въ день ангела принесетъ зайца въ подарокъ, иному добудетъ живую драхву.

«Карней почти никогда не платилъ обществу податей. За это его часто сѣкли. Да онъ не боялся казни! Случалось такъ: сидитъ онъ въ своихъ сѣняхъ и разсказываетъ, какъ одинъ козакъ на Дону влюбился въ козачку. Народъ слушаетъ. Вдругъ прибѣгаютъ къ нему и говорятъ: «Эй! Карней, на сходку!» Идетъ. На сходкѣ спрашиваютъ:

«— Что жь деньги?

«— Повремените, братцы: отдамъ.

«Ну, сейчасъ наказывать за неплатежъ податей. Высѣкутъ— онъ подлернетъ штаны, прибѣжитъ опять въ свои сѣни и опять разсказываетъ: ну, вотъ, братцы мои, и влюбился козакъ въ козачку.... На Дону дѣло было....

«Разъ его чуть не засѣкли до смерти. Карней ужь тутъ не вытерпѣлъ, всталъ и началъ говорить міру:

«— Вы наказывайте, да не забывайтесь.... Въ одной деревнѣ одного мужика, не плошь меня—тоже Карнеемъ звали—совсѣмъ уходили. Вотъ тутъ и дивись!

«Ну, голова велѣлъ его освободить. «А то, говоритъ, взаправду мы его до смерти заколотимъ».

«Пропитывался Карней такимъ манеромъ: къ примѣру, услыхалъ онъ, что у попа пекутъ блины; какъ разъ добудетъ цѣпъ, прилетитъ на поповскій токъ и давай молотить съ работниками. Близъ обѣда приходитъ туда священникъ. Карней сброситъ съ себя шапку, вытянетъ руки и подходитъ подъ благословеніе.

«— Какъ дѣла? спроситъ священникъ.

«— Все благополучно, ваше высокоблагословеніе! Работники ваши усердно стараются. Давеча гляжу на нихъ и думаю: надо пособить. Ужь цѣпъ добылъ — взялъ.

«— Спасибо. Бросайте-ко цѣпы, идите ѣсть блины.

Карней опять пустится подъ благословеніе, а послѣ обѣда и исчезнетъ.

«Будь гдѣ ни-на-есть крестины, Карней первый тащитъ купель, носитъ воду, зажигаетъ свѣчи... однимъ словомъ, наба-

ловался — шабашъ! Ни одной вечеринки, ни одного сборища не обходилось безъ него. Онъ даже, вотъ ежели скотъ мретъ, съ бабами опахиваетъ землю.... поетъ съ ними.... И бабы ему ничего. А въ опахиваніи у насъ мужиковъ не должно быть.

«Только вѣжливостію своею Карней заставлялъ каждаго любить себя. Однова священникъ съ попадьей уѣхали въ гости за 50 верстъ и дома оставили груднаго ребенка. Карней этого ребенка качалъ въ люлькѣ и кашей кормилъ. Былъ замѣсто старухи.

«За такое благодѣяніе попъ сдѣлалъ его караульнымъ при церкви и положилъ ему церковное жалованье. Но Карнюха былъ не очень усерденъ къ службѣ: всякому разсказывалъ, что онъ ночи не спитъ напролетъ, а на самомъ дѣлѣ заляжетъ въ караулкѣ, проведетъ отъ колокола къ своей ногѣ веревку, лежитъ и благовѣститъ; а мы думаемъ, онъ караулитъ. И все говоритъ: «каждую ночь мертвецовъ вижу». Сидитъ, это на завалинкѣ у караулки, передъ нимъ стоитъ какая нибудь баба.

«— Здорово живешь, Карней Левонычъ!

«— Здравствуй!

«— Ничего ты нынѣ ночью не видалъ?

«— Нынѣ ночью страшно было! Въ глухую полночь столько мертвецовъ провалило, что я думалъ—настаетъ страшный судъ....

«— А невѣстка моя ходитъ?

«— Ходитъ.

«Однако скоро наскучило Карнею быть караульнымъ, и онъ опять пустился по крестинамъ, по вечеринкамъ разнымъ.

«А вотъ наступаетъ Святая Недѣля. Карней первый вызовется въ оброшники (оброшники носятъ образа), ударится съ попами по приходу. Чтобы не носить Божьей Матери или Николы (у насъ это самые большіе образа), Карней схватитъ фонарь и несетъ его впереди всѣхъ, а то кропило, которымъ людей кропятъ.

«На улицѣ примется съ дьячками пироги дѣлить.

— Ты что тамъ дѣлаешь? спроситъ его, въ ризахъ, священникъ.

— А вотъ хлѣбы дѣлю, ваше высокоблагословеніе! У Сидоровыхъ вашей матушкѣ пожертвовалась драчена, такъ я ихъ въ общество не кладу.

— Не клади!

«Карней тоже любилъ запѣвать духовныя пѣсни. Въ избѣ еще не совсѣмъ молебень кончился, а онъ ужь выноситъ свой фонарь и на всю глотку оретъ — мужики подтягиваютъ. Такимъ образомъ, всѣ шумятъ...

«Тоже, когда дома что нибудь работаетъ, безпремѣнно поетъ. Въ домѣ ни крохи нѣтъ, — такъ и быть! Стоитъ съ топоромъ въ сѣнцахъ, глядитъ вверхъ — бревно хочетъ стащить, а самъ тянетъ: «я-ако....»

«— Отчего ты, Карней, не работаешь? спросишь его.

Заголоситъ:

«— Братцы! повѣсьте меня, не могу я работать.... Я человѣкъ не такой....

«На Кирика и Улиты онъ померъ. Сыну своему отказалъ шапку съ кафтаномъ и наставленіе давалъ ему: дескать, подражай мнѣ во всемъ!

«Одинъ барскій лакей сочинилъ ему на могилу стишокъ:

«Здѣсь лежитъ Карней,
«Скончавшійся въ 7 дней.»

IX.

ОБѢДЪ У ПРИКАЩИКА.

По случаю имянинъ прикащика Ястребова, въ деревнѣ Чуркахъ съ ранняго утра происходили большія хлопоты. Староста повѣщалъ мужиковъ, чтобы они приходили поздравлять прикащика и запасались подарками. Земскій, правая рука Ястребова, слывшій за начитаннаго и высокоумнаго человѣка, ѣздилъ по сосѣднимъ деревнямъ съ приглашеніями на обѣдъ. Онъ распустилъ слухъ, что Ястребовъ, несмотря на зимнюю пору, намѣренъ поставить въ Чуркахъ фейерверкъ. Когда удивленный имянинникъ сталъ у него спрашивать, кто такой слухъ распространилъ, земскій клялся отцомъ и матерью, что не онъ. Тѣмъ не менѣе, отозванные на праздникъ прикащики мечтали объ ожидающихъ ихъ увеселеніяхъ въ Чуркахъ. Одни объясняли дома своимъ женамъ, что̀ такое буракъ, свѣчи римскія; другіе, не имѣющіе женъ, толковали работницамъ, что фейерверки бываютъ

только на коронованіяхъ царей и что поэтому какъ бы чуркинскій прикащикъ не попалъ въ острогъ за свои затѣи.

Первымъ въ Чурки пріѣхалъ сельскій церковный причетъ, приглашенный служить молебенъ. Его, по приказанію Ястребова, земскій помѣстилъ въ кухнѣ, гдѣ двѣ работницы вытаскивали изъ печи горшки, жареныхъ гусей, и отъ изнурительной хлопотни казались совершенно ополоумѣвшими. Земскій столько чувствовалъ въ себѣ внутренняго достоинства, что, не успѣвши поздороваться съ дьячками, замѣтилъ имъ ихъ неопрятность и велѣлъ подобрать на затылкѣ пучки. Тѣ посмотрѣли на него съ изумленіемъ.

По мѣрѣ съѣзда гостей, прикащицкая кухня наполнилась народомъ. Въ ней находились староста чуркинскій, кучера, какія-то старухи и мѣщане. Кучера вели между собою разговоры о своихъ прикащикахъ. Говорить громко они боялись, потому что въ кухнѣ часто появлялся хлопотливый земскій съ приказаніями паршавымъ мужикамъ, бѣгавшимъ съ посудой. Кучера и съ земскимъ кое-о-чемъ поговаривали, сохраняя къ нему должное уваженіе. Они его спрашивали о предметахъ возвышенныхъ. Земскій съ важностію объяснялъ имъ обращеніе земли около солнца или, напримѣръ, что̀ такое Англія. «Англія—говорилъ онъ—есть океанъ и вѣруетъ во многихъ боговъ». Снова прибѣжавши въ кухню, земскій продолжалъ: «самая непросвѣщенная имперія!» и снова уходилъ въ горницу, держа въ рукахъ вилку, крышку отъ самовара или что нибудь въ родѣ этого. Староста со вздохами разсматривалъ въ переднемъ углу образа и силился по складамъ прочитать нравоучительный анекдотъ, вставленный въ рамку. Анекдотъ былъ такой: «сія матерія взята изъ глубокой древности въ назиданіе старцамъ, вьюношамъ, рабомъ и господамъ: некоего лѣкаря спросили въ собраніи, не знаетъ ли онъ лѣкарства отъ грѣховъ? Лѣкарь отвѣчалъ: возьми-накопай кореньевъ послушанія, надери коры терпѣнія, нарви листьевъ душевной скорби. Все сіе изсуши постомъ воздержанія и изотри въ порошокъ колѣнопреклоненіемъ. Положи въ кострюлю добрыхъ дѣлъ, помѣшай весломъ покаянія, остуди и принимай по три ложки въ день страха Божія».

Дверь въ кухнѣ была растворена настежь. Въ нее взадъ и впередъ бѣгали мальчики, мужики съ тарелками и пирогами. Въ горницѣ шла закуска. Староста, бросивъ поучительный анекдотъ, стоялъ у притолоки и смотрѣлъ за порядкомъ, хотя и зем-

скій исполнялъ ту же должность въ строжайшей точности. Онъ земли подъ собою не видѣлъ: поминутно кричалъ, суетился и успѣлъ такъ поступить съ однимъ служителемъ, котораго заподозрилъ въ съѣденіи куска пирога, что приказалъ ему открыть ротъ. Не нашедши тамъ ничего, онъ съ удивленіемъ спросилъ служителя, отчего же у него отдулась щека. Служитель сказалъ, отчего отдулась. Земскій проникся сожалѣніемъ къ бѣдному мужику и приласкалъ его.

Кучеръ воронецкаго прикащика говорилъ въ кухнѣ старухѣ про свою прошлую, солдатскую жизнь, гдѣ бывалъ и чего напринимался.

— Были, бабушка, и въ градѣ Кіевѣ, повѣствовалъ онъ.— Окромѣ вѣдьмъ тамъ никто не живетъ. Въ каждомъ домѣ вѣдьма. Намъ Господь далъ одну поймать. Сизая такая. Послѣ она обратилась въ лошадь. Мы эту лошадь продали за пятнадцать рублей.

Старуха, вытаращивъ глаза, смотрѣла на разскащика.

Гости Ястребова находились въ продолговатой выбѣленной комнатѣ. Въ числѣ гостей, состоявшихъ изъ десятка прикащиковъ съ женами, былъ какой-то помѣщикъ, точно сейчасъ явившійся съ сѣновала; были и купчики, ведшіе себя скромно и вѣжливо.

Закуска была кончена. Хозяинъ, съ лысиной на головѣ, съ рыжими усами, бѣгалъ по комнатамъ, въ гнѣвѣ вырывалъ у мужиковъ подносы съ рюмками и подчивалъ самъ гостей. На диванѣ рядомъ сидѣли рыхлыя и громко икавшія прикащицы, которыя отъ нечего дѣлать щупали другъ у друга платья, спрашивая, почемъ ситецъ...

Въ толпѣ гостей, уже выпившихъ и стоявшихъ въ дверяхъ, слышался хохотъ. Тамъ что-то разсказывали.

Въ передней хозяинъ бранилъ служителей. Пьяный гость-прикащикъ слушалъ его и вдругъ, забывъ, что онъ въ гостяхъ, вскинулся себѣ на мужиковъ.

— Да вы что же разговаривать вздумали? закричалъ онъ. — Я васъ, какъ червей, раздавлю!

Передъ толстыми прикащицами стоялъ горбатый прикащикъ Коровкинъ.

— У насъ, въ Орловской губерніи, говорилъ Коровкинъ: — былъ басъ. (Истинная правда.) Знаете, на Вербное въ заутрени онъ такъ цапнулъ, что одна женщина ребенка уронила на полъ... Да

вы позвольте, вы не вѣрите? У насъ въ Орловской можетъ быть все...

— Нѣтъ-съ, ужь оставьте, пожалуйста, говорила съ пренебреженіемъ одна прикащица, Марья Сидоровна:—что̀, каковы у васъ нынѣ огурцы?

— Какъ-то плохи, Ирина Федосѣевна!

— Я вамъ докажу еще не то! кричалъ Коровкинъ, приставая къ прикащицамъ: — я въ Орловской собственными глазами видѣлъ дьявола... Отсохни языкъ! ночью ловилъ я перепеловъ... вдругъ молнія освѣтила; а онъ съ рожками сидитъ на лугу.

Сидѣвшій вмѣстѣ съ купцами непричесаный помѣщикъ затрогивалъ вѣру и Россію. Рѣчь его отличалась крайней безсмыслицей.

— Позвольте, Ѳедоръ Ѳедорычъ, перебилъ его купецъ: — я вамъ доложу про нашего мальчика:—мой братецъ родной...Онъ, къ примѣру, съ пяти лѣтъ охоту возымѣлъ къ божественной религіи, сгало быть пристрастіе къ ней имѣлъ вона какое! Мы первà дивовались на него, да на шестомъ годочку и тиснули его въ монастырь. Тепереча ему ровно восьмнадцать лѣтъ: дѣло выходитъ пустое. Врагъ рода человѣческаго соблазняетъ его бѣжать оттелева, изъ святыхъ-то мѣстъ. Мы же, Ѳедоръ Ѳедорычъ — какъ можно!—противимся и увѣщеваемъ братца: «молъ, ежели ты, братецъ, пяти лѣтъ отъ роду своего возжаждалъ благодати Господней, то ужь теперича тебѣ дебошничать не приходится.»

— Вѣрно, онъ у васъ глупъ, братъ-то? сказалъ помѣщикъ.

— Оченно, оченно недальній человѣкъ, тоскливо вымолвилъ купецъ.

Часа въ два начался обѣдъ. Гости сидѣли тихо, не шевелясь. У двери стоялъ староста. Хозяинъ, сверкая глазами, смотрѣлъ, какъ мужикъ несъ тарелку съ супомъ.

— Сюда, сюда! сердито вскрикнулъ онъ: — станови здѣсь! Господа, да что же вы ничего не пьете? Иванъ Петровичъ!...

— Я больше не могу.

— Да ну, чортъ возьми! Для кого же я все это приготовилъ! У лакея за столомъ—полакейски веди себя....

— Я слышалъ, вы, Иванъ Иванычъ, хорошо продали гречиху...

— Эй, Иванъ! сказалъ хозяинъ, не слушая гостя: — позови мнѣ Петьку! Да ну! живѣй!—Хозяинъ отъ нетерпѣнія повернулся на стулѣ.

Явился мальчикъ Петька.

— Поди сюда! ты что̀ же не погрѣлъ лафита?

— Я и то погрѣлъ, сквозь зубы отвѣтилъ посинѣвшій мальчикъ.

— Староста!

— Чего изволите? тихо сказалъ староста, выступая впередъ.

— На житный дворъ!... скорѣй! Да что̀ же вы непьете, гости? Не смотрите на меня.... Я всегда таковъ.—Стой! стой! закричалъ вдругъ хозяинъ, выскакивая изъ-за стола и подбѣгая къ мужику, который несъ тарелку къ столу.—Ты куда несешь? куда несешь?

— Вотъ имъ, сказалъ мужикъ.

— А ты не видишь, здѣсь помѣщикъ сидитъ?... Староста! приготовь тамъ....

— Готово, отвѣтилъ староста.

Хозяинъ вырвалъ у мужика тарелку и воскликнулъ:

— Пошелъ прочь... Ваньку позвать!

Явился малый лѣтъ семнадцати.

— Держи тарелку, сказалъ хозяинъ: — подавай, какъ подаешь? кому слѣдуетъ?

— Вотъ имъ, указалъ парень на помѣщика.

— Почему?

— Потому что они помѣщики.

— Ага! садясь на свое мѣсто проговорилъ Ястребовъ: — да пейте, братцы, что ли....

Гости, однако, не церемонясь, пили.

— Что̀ вы такъ горячитесь, Иванъ Иванычъ? спросилъ хозяина помѣщикъ.

— Такого Богъ создалъ,—жадно глотая куски, сказалъ хозяинъ. — Гм... съ этими скотами... скажи, Ванька, тамъ всѣмъ, что я у всѣхъ душу вымотаю! Я васъ дамъ! ну, что̀ жь стоишь? скорѣй зайцевъ неси!

Иванъ принесъ зайцевъ.

— Поди сюда! вставая и подходя къ малому, заговорилъ хозяинъ.—Ты что̀ принесъ?

— Зайцевъ, съ помутившимися глазами, вымолвилъ парень.

— Жареныхъ?

— Жареныхъ....

— Къ жареному что̀ надо?

Иванъ молчалъ.

— Что̀ надо?

Слезы показались на глазахъ у парня.

— Ты не помнишь салата? ты его не помнишь?... Староста!

— Чего изволите?

— Бери!... Еще кто тамъ есть?

— Симіонъ.

— Зови!

Явился запачканный и ощипанный мальчикъ.

— Что̀ къ жареному нужно? спросилъ хозяинъ, самъ держа зайцевъ.

— Солдатъ, выговорилъ мальчикъ.

— Ладно, неси солдата.

— Марья Семеновна! вполголоса говорилъ одинъ прикащикъ сидѣвшей противъ него прикащицѣ:—наливочки не угодно ли?

— Какая?

— Вишневка-съ... Извольте! Замѣчаете, Марья Семеновна, какъ у этихъ служителей проявляется духъ вольности?...

— Замѣчаю...

— Ступай за пирожнымъ! кричалъ хозяинъ.—Староста! скажи, чтобы тамъ меня подождали на житномъ... Ты что̀? куда суешься? куда становишь пирожное? Говори, можно одно блюдо на другое ставить? а?

— Нельзя....

— Староста!...

Хозяинъ самъ взялъ тарелку съ пирожнымъ, поставилъ ее на столъ и сказалъ:

— Прошу покорно.

Гости взялись за пирожное.

Послѣ обѣда прикащики въ безпорядкѣ бродили изъ комнаты въ комнату, хохотали и цаловали своихъ женъ. Хозяинъ нѣсколько разъ исчезалъ изъ горницы и нѣсколько разъ являлся съ краснымъ лицомъ, часто повторяя: «когда же это наконецъ Русь просвѣтится?»

Гости разъѣхались поздно. Одинъ прикащикъ, подъѣхавъ къ своему дому и видя невозможность быть вытащеннымъ изъ са-

ней, приказалъ запросто вывалить себя у крыльца. Многіе плутали въ поляхъ, видѣли разныя привидѣнія и нечаянно заѣзжали въ кабаки.

XI.

ДОРОЖНЫЯ СЦЕНЫ.

1.

(Среди постоялаго двора ямщикъ запрягаетъ лошадей въ четырехъмѣстный тарантасъ; подлѣ него стоятъ двѣ крестьянскія старухи и одна молодая, очень красивая баба въ синей поддевкѣ съ опушкою на рукавахъ и въ козловыхъ ботинкахъ. Высунувъ голову изъ тарантаса, смотритъ на молодую бабу купецъ. По двору идетъ офицеръ, съ узломъ въ рукахъ.)

Офицеръ. Что имъ нужно?

Ямщикъ. Да съѣхать до Москвы съ нами желаютъ: на передокъ просятся.

Офицеръ. Всѣ?

Ямщикъ. Нѣтъ, одна молодая баба.

Офицеръ *(подошедши къ бабѣ и посмотрѣвъ ей въ лицо)*. Посади, посади.

Старухи *(вмѣстѣ)*. Ахъ, спасибо вамъ, ваше благородіе!...

(Къ тарантасу идутъ гимназистъ большаго роста и молодой человѣкъ въ партикулярномъ платьи, готовящійся въ университетъ.)

Гимназистъ и готов. въ универс. Кого это посадить? старуху?

Ямщикъ *(натягивая супонь)*. Молодую, на передокъ.

(Молодая баба разсчитывается съ ямщикомъ. Путники садятся въ тарантасъ.)

Старухи *(прощаясь съ бабой)*. Прощай, моя ягодка, прощай, милое дѣтище, прощай, сокруха!...

Офицеръ *(изъ тарантаса)*. Зачѣмъ она ѣдетъ въ Москву?

1-я старуха. Мужа провѣдать: при смерти, батюшка....

Офицеръ *(надѣвая перчатку)*. Ты ему мать?

1-я старуха. Мать.

Офицеръ. А ты?

2-я СТАРУХА. А я мать этой бабочки, что̀ съ вами ѣдетъ. Не оставьте ея, ваше благородіе!

ОФИЦЕРЪ *(съѣзжая со двора)*. Хорошо, хорошо.

2-я СТАРУХА *(на бѣгу.)* А вотъ, ваше благородіе, она разъ тоже нанимала на передокъ, такъ одинъ баринъ, не плоше васъ, посадилъ ее рядомъ съ собою....

(Офицеръ смѣется и гладитъ свои усы. Молодая баба сидитъ на передкѣ, подвязывая подъ подбородокъ бѣлый платокъ. Тарантасъ ѣдетъ.)

КУЧЕРЪ. Эй, вы!...

2.

(Вечеретъ. На каменной дорогѣ въ полѣ стоитъ тотъ же тарантасъ. Кучеръ перелаживаетъ постромки.)

ОФИЦЕРЪ (*въ тарантасѣ*). Ее надо посадить съ нами.

КУПЕЦЪ. Почему жь не такъ? А то можетъ случиться несчастіе: какъ-разъ слетитъ съ передка-то... Отвѣтишь, пожалуй...

ГИМНАЗИСТЪ. Конечно, лучше посадить. Вѣдь мѣсто есть.

ОФИЦЕРЪ (*высовывая голову въ лѣвое окно*). Баба, а баба!

БАБА. Чего-съ?

ОФИЦЕРЪ. Садись къ намъ.

КУПЕЦЪ. Садись, тетенька, къ намъ...

КУЧЕРЪ (*осаживая назадъ пристяжную*). Ступай къ нимъ. Мнѣ отъ тебя править несподручно.

(Баба слѣзаетъ съ передка и садится въ тарантасъ рядомъ купцомъ.)

КУПЕЦЪ (*усмѣхаясь*). Тебя, матушка, Дарьей звать?

БАБА. А ты почемъ знаешь?

КУПЕЦЪ. Да я знаю. Мнѣ про тебя говорили.

БАБА. Кто жь это тебѣ сказывалъ?

КУПЕЦЪ. Да одинъ человѣкъ... (*Офицеру*) Ваше благородіе! Однова̀ я ѣхалъ; только, откуда ни возьмись, идетъ баба. Я ей сейчасъ говорю, не хуже теперяшняго: тетенька, садись со мной! Она прямо мнѣ: «я бы, голубчикъ, и сѣла, да... нельзя... (*Офицеръ смѣется.*) Значитъ, постигла мои намѣренія...

ОФИЦЕРЪ. Ямщикъ! сколько до станціи?

ЯМЩИКЪ (*влѣзая на козлы*). Двѣ версты.

ОФИЦЕРЪ. Дарья, гдѣ жь ты будешь ночевать? въ кухнѣ?

Баба. Нѣтъ-съ... надо вѣдь за ночлегъ деньги платить. Я лучше въ тарантасѣ лягу.

Офицеръ. Ну, хорошо. Кстати покараулишь наши вещи... (*Готовящемуся въ университетъ тихо*) А недурно за ней приволокнуться: бабенка чудная!..

Готов. въ унив. (*съ видомъ знатока*). Чудная!...

(*Тарантасъ ѣдетъ.*)

3.

(Вечеръ; темно. Постоялый дворъ, наполненный экипажами. Кое-гдѣ свѣтятся фонари. По угламъ кричатъ извощики: «Эй, Егоръ, куда хомутъ дѣвалъ? Митрій, поди сюда... подсобляй! ну!...» Офицеръ, купецъ, гимназистъ и готовящійся въ университетъ стоятъ въ кучѣ у тарантаса.)

Ямщикъ (*отпрягая лошадей*). Вотъ что̀, господа: вы нонѣ не мѣшкайте. Я стравлю мѣру овса, да и запрягать. Завтра надо пораньше въ Москву.

Офицеръ (*гимназисту*). Г. Орѣховъ! распорядитесь подите насчетъ чаю...

Гимназистъ. А вы куда отправляетесь?

Офицеръ. Я здѣсь останусь. Я скоро явлюсь. Мнѣ нужно сообразить кое-что...

Гимназистъ (*указывая на готовящагося въ университетъ*). Вонъ г. Орловъ лучше пойдетъ, распорядится... Мнѣ тоже надо кое-что сообразить...

Офицеръ. Но, господа, къ чему это?... Вы понимаете...

Гимназистъ (*отвертываясь*). Толкуйте!...

Офицеръ (*съ упрекомъ*). Я думаю!... Купецъ! а что̀ жь стоишь?... Ступай въ нумеръ.

Купецъ (*съ важностію*). Мы въ ресторацію пойдемъ. Тамъ покрайности вдоволь всего подадутъ.

Офицеръ. Ну, ступайте въ ресторацію!

(*Купецъ уходитъ. Офицеръ гимназисту и готовящемуся въ университетъ что-то шепчетъ. Молодые люди удаляются въ нумеръ. Офицеръ подступаетъ къ тарантасу и тихонько начинаетъ приподнимать каждую занавѣску.*)

Баба (*изъ тарантаса*). Кто это?

Офицеръ (*негромко*). Это я, Дарья... офицеръ!... Ты здѣсь?

Баба. Здѣсь!

Офицеръ (*запинаясь*). Я того... вещи пришелъ посмотрѣть... Какъ бы не пропали...

Баба. Цѣлы будутъ. Не бойтесь, ваше благородіе...

Офицеръ. Разумѣется... я такъ... (*Призадумывается у тарантаса. Мимо него проходятъ два кучера съ мѣшками.*)

Кучеръ (*офицеру*). Кто это?

Офицеръ (*сердито*). Тебѣ на что?

Кучеръ (*проходя*). Ишь какой благородный!...

(*Офицеръ снова приподнимаетъ занавѣску у тарантаса.*)

Офицеръ (*бабѣ*). Что-то, Дарья, до смерти голова болитъ и ѣсть ничего не хочется... Думалъ было этакъ въ тарантасѣ того.

Баба (*суетясь*). Извольте, извольте...

Офицеръ. Да, что жь ты, куда? Я тебѣ говорю, мѣста много въ тарантасѣ. Лежи, сдѣлай милость...

Баба (*гордо*). Какъ же можно!...

Офицеръ. Ну, ну, ужь сиди! я не пойду... Какая ты глупая!...

Баба. Нѣтъ, я не глупая, ваше благородіе... А то что одно: я опаску имѣю... Сами разсудите... А ежели вы что нибудь про меня имѣете въ своихъ мысляхъ, такъ я ужь лучше найму другаго ямщика...

Офицеръ. Да помилуй, съ чего ты взяла?... Конечно, твой мужъ уже при смерти... Тебѣ бы слѣдовало объ себѣ подумать... потому—ты простая крестьянская баба... Собственно говоря, твой мужъ умираетъ, и у тебя надеждъ никакихъ...

Баба. Ваше благородіе! неужто мнѣ радостно, что мой мужъ умираетъ? (*Будто плачетъ.*)

Офицеръ (*умиляясь*). Знаю, Дарья, знаю все... Ты только пойми меня... Не плачь!... Знаешь ли, каковъ я человѣкъ? Я страшно тебя люблю и уважаю, повѣрь!... (*Придвигается къ тарантасу.*)

Баба (*кричитъ*). Ваше благородіе! Ежели вы будете разговаривать со мною, я сейчасъ уйду...

(*Офицеръ входитъ въ нумеръ, во второй этажъ. Молодые люди сидятъ за самоваромъ.*)

Офицеръ (*сурово и бросая на диванъ фуражку*). Негодная!... (*Молодые люди пристально смотрятъ на него. Офицеръ ходитъ по комнатѣ, потомъ бросается на диванъ и сидитъ повѣся голову. На дворѣ у крыльца стоитъ толпа извощиковъ, въ темнотѣ.*)

1-й извощикъ. А ты скажи, для чего женщина создана изъ ребра нашего?

2-й извощикъ. Извѣстно, для домашняго обиходу.

1-й извощикъ. Ну, этого недовольно. Она еще для одного дѣла создана...

2-й извощикъ. Для какого же это дѣла? Уменъ ты, я вижу...

1-й извощикъ. Видите, братцы, эта загадка простая. Извѣстно, женщина создана для прихоти нашей... потому всѣ мы люди и всѣ человѣки. А насчетъ невоздержности нашей толковать нечего... Правда ли?

Всѣ (*серьезно*). Ну, это такъ.

1-й Извощикъ. Значитъ, она служитъ для нашей забавы...

Всѣ. Теперь-то понятно стало. А давича ты занесъ было!...

(*Со втораго этажа по лѣстницѣ спускается готовящійся въ университетъ. Онъ подходитъ къ тарантасу и, поднимаясь на цыпочки, шопотомъ кличетъ бабу.*)

Баба (*испуганно*). Кто это?

Готов. въ универ. Я... я... Что ты кричишь? Это я, что съ тобой ѣхалъ. Видишь, Дарья, нельзя ли мнѣ въ тарантасъ поселиться?...

Баба (*гнѣвно*). Затѣмъ-то вы меня усадили здѣсь!...

Готов. въ универ. Ты пойми, въ чемъ дѣло...

Баба (*открываетъ съ другаго боку занавѣску и намѣревается уходить*). Я сейчасъ найму другаго извощика!

Готов. въ универ. Зачѣмъ же ты открылась? Постой, я тебя закрою... Ты, вѣдь, тетушка, ей Богу, многаго не понимаешь...

Баба (*сбирая свои узлы*). Я вижу, съ вами пива не сваришь.

Готов. въ универ. Куда ты бѣжишь? Ужь лучше я уйду; ты не конфузь насъ....

Баба (*останавливаясь*). Ну, такъ что же вы?... (*Готов. въ универ. уходитъ, самъ ворчитъ:* дура! погоди же!... *Навстрѣчу идетъ гимназистъ.*)

Готов. въ универ. Куда?

Гимназистъ. Да вонъ туда...

Готов. въ универ. Къ тарантасу?

Гимназистъ. Ну, да...

Готов. въ универ. Не стòитъ, воротись...

Гимназистъ. А чтò?

Готов. въ универ. Да не стòитъ...

(*Оба идутъ въ нумеръ. Съ лѣстницы спускается офицеръ. На дворѣ онъ встрѣчаетъ своего ямщика.*)

Офицеръ (*ямщику*). Куда ходилъ?

Ямщикъ. За овсомъ, ваше благородіе! А вы чтò желаете?

Офицеръ. Да ничего...

Ямщикъ. Бабу ищете?

Офицеръ. Эту бабу, слышишь ты, посади на передокъ. Понимаешь? Она въ тарантасѣ не можетъ сидѣть...

Ямщикъ. Понимаю...

Офицеръ (*удаляясь*). Куда хочешь, на передокъ или на запятки...

Кучеръ. Понимаю... это все можно...

Офицеръ (*подходя къ тарантасу и поднявъ занавѣску*). Ты, Дарья, здѣсь?...

Баба. Чего? Кто это?

Офицеръ (*тихо*). Не пугайся! это я... офицеръ... Послушай...

Баба. Знаю, что офицеръ! Только я сейчасъ уйду... Чтò это такое будетъ?... Завтра, небось, Спасъ Преображенія... я не пила, не ѣла... Да чтò съ вами говорить!... (*Уходитъ изъ тарантаса.*)

Офицеръ. Дарья! я за чаемъ приходилъ...

(*Офицеръ, гимназистъ и готов. въ универ. сидятъ въ нумерѣ за столомъ. Передъ ними ихъ ямщикъ.*)

Офицеръ (*ямщику*). Поди — выпей за мое здоровье...

Ямщикъ. Чувствительно вами благодарны...

Офицеръ. А гдѣ Дарья?...

Ямщикъ. Въ кухнѣ-съ... Кто-то ихъ шибко оченно разобидѣлъ... Припечалимши сидитъ...

Офицеръ. А гдѣ купецъ?

Ямщикъ. Въ ресторацiи... Тоже не съ короткимъ пристаетъ ко мнѣ...

Офицеръ. Съ чѣмъ пристаетъ?

Ямщикъ. Да то-то говоритъ: пригласи Дарью ко мнѣ... Я говоритъ, ее уважаю...

Офицеръ. Ну, поди скажи ей, чтобы она шла въ тарантасъ. Скажи, мы спать ложимся...

Ямщикъ. Хорошо. (*Уходитъ.*)

(*На дворъ проходятъ, съ узелками, пропзжіе. Извощики тащатъ тарантасы и кричатъ: «Ну-ко, братъ, подсобляй... Стой, камень попалъ... Ну-ко, ну! подавай, съ Богомъ! Ладно... тпру-у... стой... закладывай.*)

Ямщикъ (*входитъ въ нумеръ и снимаетъ шляпу*). Въ тарантасѣ!...

(*Всѣ вскакиваютъ. Офицеръ стучитъ ногами по лѣстницѣ и говоритъ молодымъ людямъ позади себя: «господа!...» Молодые люди останавливаются на лѣстницѣ. Офицеръ—у тарантаса. Ямщикъ, растопыривъ руки, стоитъ подъ навѣсомъ и съ любопытствомъ глядитъ на офицера.*)

Офицеръ (*просовывая голову въ окно тарантаса*). Дарья!...

Баба (*кричитъ*). Да что̀ же это такое? Заступница моя усердная!... (*Выбгаетъ съ узелками изъ тарантаса.*)

Офицеръ (*отчаянно*). Тьфу ты пропасть!...

(*Офицеръ и молодые люди входятъ въ нумеръ.*)

Офицеръ. Кажется, господа, дождь начинаетъ итти. Вотъ когда ее напередокъ-то...

Готов. въ универ. А съ вашимъ характеромъ, сударь, вы никогда ни въ чемъ не успѣете... Что̀ вы дѣлаете, такъ это представить трудно...

Офицеръ. Ну, ужь, прошу безъ замѣчаній... Я вамъ не указываю, хотя вы именно и были причиною всѣхъ безпорядковъ...

(*Гимназистъ беретъ фуражку и медленно уходитъ изъ нумера.*)

Готов. въ универ. (*зѣвая*). Однако, спать пора.

(*Ложится на диванъ. Офицеръ, облокотившись на столъ, сердито смотритъ на свѣчу. На дворѣ у крыльца стоятъ извощики.*)

1-й извощикъ. Что̀ это, малый, кричали?

2-й извощикъ. Да видишь: взяли съ собою на дорогу бабу да и безобразничаютъ съ нею...

1-й извощикъ. Ну, не на меня они напали! Я бы имъ задалъ....

2-й извощикъ. Свиньи!

(*Изъ-подъ навѣса выступаетъ гимназистъ и подходитъ къ тарантасу.*)

Гимназистъ (*тихо*). Дарья!

Голосъ изъ тарант. Что̀ угодно?

Гимназистъ. Это вы?

Купецъ. Я-съ.

Гимназистъ. А гдѣ же Дарья?

Купецъ. Да, говорятъ, въ кухнѣ. Что̀ это вы такъ объ ней заботитесь?... А безъ пути вы, господа, съ ней поступали!... Развѣ такъ можно?

Гимназистъ. Какъ же съ ней поступать?

Купецъ. А вотъ какъ: благородно, не спѣша... А вы ее только пугали...

Гимназистъ. Да! разсказывай... (*Уходитъ. На дорогѣ встрѣчаетъ своего ямщика.*) Ямщикъ!

Ямщикъ (*выводя лошадей изъ-подъ навѣса*). Чего?

Гимназистъ. Скажи Дарьѣ, чтобы она опять шла въ тарантасъ.

Ямщикъ. Хорошо; только лошадей напою....

Гимназистъ. Да нельзя ли тарантасъ-то пододвинуть подъ сарай... Кажется, заря занимается... Что-то свѣтло...

Ямщикъ. Ладно. Нѣтъ, до зари далеко!

(*На дворъ является офицеръ и подходитъ къ тарантасу.*)

Офицеръ. Дарья здѣсь?

Купецъ. Нѣту, ваше благородіе... въ кухнѣ. Вамъ оченно она нужна?

Офицеръ. Нѣтъ; такъ себѣ...

Купецъ. Вамъ, ваше благородіе, къ примѣру сноровку имѣть нужно насчетъ бабы... право слово... Эта баба — что̀ и говорить! — отмѣнная! Да только за ней надобенъ уходъ... особенный присмотръ... А, значитъ, какъ вы, поступать—это все равно ее безъ вниманія оставить... Какъ же можно! Теперича по всему двору то-и-дѣло раздается: Дарья!... Дарья!... Ну, этакъ нельзя...

Ямщикъ (*подходя къ тарантасу*). Эй, купецъ, вылѣзь!.. Дарья идетъ!...

(*Купецъ выскакиваетъ изъ тарантаса. Офицеръ прячется. По двору идетъ печальная Дарья. За ней издали слѣдуютъ гимназистъ и готовящійся въ университетъ.*)

Ямщикъ (*бабѣ*). Не тронетъ никто... всѣ спать легли... я тебѣ говорю...

(*Подъ навѣсомъ раздается смѣхъ. Снова слышится голосъ: Дарья! и пр. Баба опять издаетъ крикъ и бѣжитъ по двору. На крыльцѣ ямщики.*)

1-й извощикъ. Кто это такъ кричитъ?

2-й извощикъ. Да все баба... Кому жь больше?

1-й извощикъ. Что̀ за оказія такая, все кричитъ!...

2-й извощикъ. А надо бы ихъ поколотить хорошенько!... Ишь навялились!...

(*Изъ кухни выходитъ хозяинъ, въ красной рубахѣ, почесывая животъ.*)

Хозяинъ. Эй, ребята, будетъ вамъ шумѣть. Запирайте ворота да приберите тутъ бабу, что̀ кричитъ... Ей отдыху не даютъ...

1-й извощикъ. Приберемъ... (*Товарищу*) А баба, слышь, чудесная.

2-й извощикъ. Баба, малый, страсть!...

(*По двору раздаются голоса: «Кто это идетъ? — Ямщикъ.— Дарьи тутъ нѣтъ?—Какая тебѣ Дарья! — Дарья! ты здѣсь?...» и пр. Въ нумеръ офицеръ и молодые люди, приготовившіеся спать.*)

Офицеръ (*бросаясь на диванъ, раздѣтый*). Усталъ!...

Н. УСПЕНСКІЙ.

ЖЕНА АВСТРІЙЦА.

ИЗЪ БЕРШЕ (*).

I.

Она одинока въ веселомъ собраньи
И взора не смѣетъ поднять на подругъ,
Отъ страха, что встрѣтитъ одно порицанье,
Насмѣшки и строгіе взоры вокругъ.
А тѣ же какъ прежде затѣи и пляски,
Но руку никто не протянетъ ужь ей, —
И льстивыя рѣчи исполнены ласки, —
Лишь нѣтъ для нея этихъ льстивыхъ рѣчей.

II.

Ребенокъ цвѣтущій, что̀ розанъ весенній,
Къ отверженной всѣми одинъ прибѣжалъ
И, къ матери бѣдной вскочивъ на колѣни,
Съ рѣсницы слезу поцалуями снялъ.
Безмолвно проходятъ предъ милымъ дитятей,
Его не похвалитъ внимательный свѣтъ:

(*) *Берше* — современный миланскій поэтъ.

Ни дѣтскихъ забавъ, ни раскрытыхъ объятій
Ему, какъ привѣта для матери, нѣтъ.

III.

Но если сторонній вдругъ спроситъ неловко:
«Кто эта, прильнувшая нѣжной щекой
«Къ курчавой и русой ребячьей головкѣ,
«Съ такою покорной и тихой тоской?»
Сто устъ ему разомъ отвѣтятъ, блѣднѣя —
Сто устъ—и ихъ рѣчь будетъ злобы полна:
«Жена она общаго всѣмъ намъ злодѣя —
«Жена человѣка чужаго она!»

IV.

Въ театрѣ, на пирѣ, предъ Богомъ во храмѣ,
Предъ Богомъ, прощенье дарующимъ всѣмъ, —
Въ толпѣ, сторожимой шпіоновъ ушами, —
Вопль кары народной не сдержанъ ничѣмъ!
И встрѣчены всюду однимъ восклицаньемъ
Ея ненавистныя взору черты:
«Проклятье тебѣ! итальянскимъ лобзаньемъ
«Солдата-австрійца счастливила ты!»

V.

Она одинока. Но дней сиротливыхъ
Біеніемъ сердца часы сочтены,
И полно оно ожиданій счастливыхъ:
Вотъ мужъ изъ далекой придетъ стороны...
Неправда! Разбитое сердце не знаетъ
Давно отлетѣвшаго вздоха любви:
Иная забота его занимаетъ,
Иное тревожное чувство въ крови.

VI.

«За что̀ Ты мнѣ, Боже, послалъ наказанье
(Твердитъ она въ мракѣ безсонныхъ ночей),
«Когда допустилъ за чужое лобзанье
«Меня позабыть объ отчизнѣ моей?
«Не я ли была ея дочерью милой?
«Моя ли не въ радостяхъ юность цвѣла?
«И что жь? этой родинѣ я измѣнила,
«Предъ нею и братьями я солгала;

VII.

«Отъ общихъ страданій и мукъ отказалась,
«Отвергла ихъ стоны, какъ будто чужихъ,
«Тиранамъ Италіи я улыбалась,
«Я гостьей сидѣла на пирѣ у нихъ.
«Презрѣнная! ты изъ стыда и позора
«Сама одѣянье соткала себѣ:
«Останься жь въ немъ вѣчнымъ предметомъ укора —
«Не снять его плачемъ безплоднымъ тебѣ.

VIII.

«Любви непреступной святая награда —
«Невинный младенецъ, на стыдъ осужденъ,
«Отверженъ и проклятъ, какъ блудное чадо,
«Чужой тому краю, въ которомъ рожденъ.
«Теперь онъ на груди у матери прячетъ
«Обиду, которой не въ силахъ понять;
«А позже узнаетъ онъ, что̀ она значитъ —
«И можетъ быть самъ оскорбитъ свою мать...

IX.

«И если случится, что узелъ неволи
«Отыщутъ изнывшіе люди въ цѣпяхъ,

«И въ сердцѣ у трусовъ, для доблестной доли,
«Воскреснетъ сознаніе силы въ рукахъ, —
«Къ какому народу пристану, съ судьбою
«Кого я сердечный союзъ заключу,
«О комъ къ небесамъ обращуся съ мольбою,
«Чье знамя побѣднымъ узрѣть захочу?

X.

«Сестра и гражданка, и мать и супруга,
«Иду я особо колючей тропой;
«Я въ тернье вошла изъ цвѣтущаго круга
«И съ болью ступаю дрожащей стопой...
«Презрѣнная! ты изъ стыда и позора
«Сама одѣянье соткала себѣ:
«Останься жь въ немъ вѣчнымъ предметомъ укора—
«Не снять его плачемъ безплоднымъ тебѣ...»

П. КОВАЛЕВСКІЙ.

МОЛИТВА О ВИНОГРАДѢ.

Призри съ небесе и виждь,
и посѣти виноградъ сей.
Псал. LXXIX.

Призри, Господь, виноградникъ забытый!
Жжетъ его солнце палящимъ лучемъ;
Здѣсь онъ заглохъ отъ травы ядовитой,
Тамъ обнаженъ и затоптанъ кругомъ.

Самъ отъ Египта Ты лозу святую
Взялъ и на этой землѣ посадилъ;
Злую, кремнистую, почву сухую
Самъ раскопалъ и водой напоилъ.

Взялъ и стѣной обложилъ Ты зубчатой
Нѣжную лозу отъ всякаго зла.
Стала лоза виноградникъ богатый,
Запахъ густаго вина издала.

Чудо-садовника къ ней Ты приставилъ,
Жизненной силой его вдохновилъ...
Боже! зачѣмъ же до срока оставилъ
Ты виноградъ, иль зачѣмъ насадилъ?

Буйволъ свирѣпый бодаетъ рогами,
Дикій кабанъ его роетъ клыкомъ,

И неуклюжими ходитъ ногами
Глупый верблюдъ въ виноградѣ Твоемъ.

Вѣетъ отъ сѣвера холодъ суровый,
Жабы гнѣздятся у сочныхъ корней,
Смрадныя козлища ближней дубровы
Гложутъ одежду нарядныхъ вѣтвей.

О, посѣти виноградникъ забытый,
Дай благотворныхъ дождей благодать!
Боже! ужели верблюжьи копыты
Въ землю должны виноградъ твой втоптать?...

Е. ЗАРИНЪ.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ

И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ВЪ ЕВРОПѢ.

V (*).

ЗЕМСКІЕ БАНКИ.

Общій характеръ земскихъ банковъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и ихъ отличіе отъ землевладѣльческихъ кредитныхъ институтовъ. — Баварскій гипотечный и учетный банкъ; его устройство и операціи; статистическія данныя изъ его 23-лѣтней дѣятельности и ея результаты. — Разборъ этихъ результатовъ и выводъ нѣкоторыхъ общихъ положеній относительно земскихъ банковъ. — Историческій очеркъ развитія поземельнаго кредита во Франціи; состояніе ея гипотечныхъ долговъ и способы ихъ заключенія. — Возникновеніе и устройство *crédit foncier de France*. — Результаты дѣятельности этого учрежденія; общія замѣчанія относительно земскихъ банковъ. — Земскіе банки: въ Бельгіи, Дармштадтѣ и Насаусскомъ герцогствѣ.

Въ предъидущихъ статьяхъ (гл. II, III и IV) мы разсматривали учрежденія поземельнаго кредита, устроенныя преимущественно въ интересахъ землевладѣльцевъ, или заемщиковъ, съ *исключительною* цѣлью открытія и облегченія послѣднимъ кредита, на возможно болѣе выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Теперь мы переходимъ къ учрежденіямъ, преслѣдующимъ въ операціяхъ по поземельному кредиту преимущественно промышленныя вы-

(*) См. «Современникъ» 1859 г., № 8.

годы или прибыли капиталистовъ-заимодателей (или вкладчиковъ). Этой послѣдней группѣ учрежденій по преимуществу присвоивается названіе гипотечныхъ или земскихъ *банковъ*, ибо, во первыхъ, они бываютъ основаны, какъ всякіе другіе банки, капиталистами (или казною, играющею здѣсь ту же роль капиталиста), торгующими *предложеніемъ* кредита, въ то время, какъ учрежденія первой группы заключаютъ въ себѣ ассоціацію землевладѣльцевъ (или основаны казною, которая является здѣсь высшею представительницею или попечительницею землевладѣльческихъ интересовъ), соединившихся только для замѣны личной гарантіи каждаго заемщика совокупною гарантіею всѣхъ заемщиковъ. Во вторыхъ, форма операцій второй группы сходна съ операціями всякихъ банковъ, и собственно къ гипотечнымъ дѣламъ присоединяются здѣсь многія другія банковыя операціи, въ то время, какъ первая группа ограничивается (почти повсемѣстно) выдачею закладныхъ листовъ, гарантированныхъ не однимъ лицомъ и имѣніемъ, а цѣлою ассоціаціею лицъ и имѣній. Намъ нѣтъ надобности говорить, что сдѣланное нами и принятое всѣми спеціалистами по гипотечному кредиту раздѣленіе имѣетъ болѣе значенія въ практическомъ отношеніи и что, въ строгомъ смыслѣ науки, и та и другая группа относятся къ общей системѣ *банковъ, какъ промышленныхъ предпріятій, торгующихъ кредитовъ*. Но въ практикѣ это различеніе имѣетъ весьма существенное значеніе, ибо проявляется совершенно различнымъ характеромъ практической дѣятельности. Намъ нѣтъ надобности также говорить, что это различеніе не имѣетъ такого практическаго смысла, какъ будто первая группа, преслѣдуя исключительно выгоды землевладѣльцевъ или заемщиковъ, была противна выгодамъ капиталистовъ или кредиторовъ, и вторая, преслѣдуя выгоды капиталистовъ, противна выгодамъ землевладѣльцевъ. Такого рода воззрѣнія, конечно, нельзя ожидать отъ экономистовъ. И та и другая категорія гипотечныхъ учрежденій можетъ быть, въ высшей степени, выгодна для всѣхъ многоразличныхъ интересовъ странъ и ея народонаселенія и одинаково для всѣхъ ихъ пагубна, при невѣрно придуманныхъ условіяхъ организаціи или недобросовѣстности исполненія. Но землевладѣльческія ассоціаціи дѣйствуютъ по *исключительному* побужденію личнаго интереса заемщика, разумное удовлетвореніе которому можетъ быть сопряжено съ выгодами капиталиста; земскій банкъ дѣйствуетъ по побужденію личнаго интереса капиталиста, разумное

удовлетвореніе которому можетъ быть выгодно для заемщика. Та и другая форма кредитной организаціи заключаетъ въ себѣ столкновеніе двухъ сторонъ, двухъ интересовъ, которые на денежномъ рынкѣ приходятъ, въ закладномъ актѣ, къ сдѣлкѣ болѣе или менѣе выгодной для каждаго изъ нихъ; землевладѣльческая ассоціація есть представительница интереса заемщика передъ денежнымъ рынкомъ, на которомъ находится и ищетъ помѣщенія для своего капитала капиталистъ; земскій банкъ есть представитель капиталиста передъ денежнымъ рынкомъ, на который выходецъ землевладѣлецъ, для отысканія для себя кредита.

Описаніе устройства и дѣятельности нѣкоторыхъ земскихъ банковъ всего лучше можетъ ознакомить съ основаніями ихъ организаціи. Главное мѣсто занимаютъ здѣсь баварская и французская система. Первая имѣетъ за собою многолѣтнюю опытность и совершенно упрочившуюся славу; вторая есть до сихъ поръ еще опытъ, и даже не совсѣмъ удавшійся.

Въ Баваріи (*) преобладаетъ (сравнительно, впрочемъ, только съ другими частями Германіи) крупная поземельная собственность; измельченіе началось только въ весьма недавнее время. Недостатокъ кредита въ сельскомъ хозяйствѣ чувствовался здѣсь съ давнихъ поръ; имѣнія были отягощены долгами на весьма невыгодныхъ условіяхъ. Баварскому правительству были представляемы въ 20-хъ годахъ различные проэкты кредитныхъ учрежденій; въ 1834 г. оно утвердило уставъ *баварскаго ипотечнаго и учетнаго банка* (Bayerische Hypoteken-u. Wechsel-Bank zu München), сдѣлавшагося самымъ замѣчательнымъ земскимъ банкомъ нашего времени.

Баварскій банкъ есть собственность частной компаніи на акціяхъ. Первоначальный складочный капиталъ былъ 10 милліоновъ гульденовъ (**). Компанія получила при своемъ учрежденіи

(*) Для системы поземельнаго кредита въ Баваріи служили намъ источниками: *O. Hübner—Die Banken, p. 72; Hocker. Die Banken. Köln. 1859. Royer—Des institutions de crédit foncier, etc.* (Въ обоихъ этихъ изданіяхъ помѣщенъ полный уставъ мюнхенскаго гипотечнаго банка); *Josseau, des institutions, etc. Rau—Die ländliche Urproduction, etc. p. 61; Weber—ueber das baierische Credit u. Schuldenwesen, etc. Sulzbach. 1819. C. F. Aretin—Ausführliche Darstellung der baierischen Credit-Vereins-Anstalt u. ihrer Bedingnisse, etc. München, 1823.*

(**) Баварскій (или рейнскій) гульденъ, или флоринъ = 53 к. с.

право увеличить свой капиталъ въ акціяхъ до 20 милліоновъ гульденовъ. Но и безъ этого капитала ей дозволено было выдавать ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ на сумму до 12 милліоновъ гульденовъ. Право учрежденія банка даровано было компаніи на 99 лѣтъ. Капиталы разныхъ правительственныхъ и присутственныхъ мѣстъ должны быть отдаваемы на храненіе въ банкъ и его конторы, а банкъ обязался уплачивать по этимъ вкладамъ проценты. Банкъ получилъ отъ правительства привиллегію на исключительное передъ всякими кредитными учрежденіями въ Баваріи *право выпускать циркуляціонные банковые билеты* (Banknoten) au porteur (то есть безъименные); цифра выпуска не должна превышать $^4/_{10}$ основнаго капитала; въ самомъ крайнемъ случаѣ она можетъ доходить до 8 милліоновъ гульденовъ. На $^3/_4$ суммы выпущенныхъ билетовъ банкъ долженъ всегда непремѣнно имѣть вдвое большую цифру выданныхъ имъ гипотечныхъ ссудъ, а остальная $^1/_4$ должна быть обезпечена рубль за рубль наличностью кассы въ звонкой монетѣ. Кромѣ этихъ обязательныхъ обезпеченій билетовъ, изъ предѣловъ которыхъ банкъ никакъ не можетъ выходить, правленіе должно, по уставу, пещись, чтобы на $^3/_4$ обращающихся билетовъ, не обезпеченныхъ металлическимъ фондомъ, находилась всегда въ кассѣ соотвѣтствующая сумма разныхъ кредитныхъ цѣнностей съ легкою реализаціей, то есть легко обращаемыхъ въ чистыя деньги, какъ, напримѣръ, государственные фонды. Билеты банка принимаются при всѣхъ платежахъ въ казну по нарицательной, то есть, вынускной, а не курсовой ихъ цѣнѣ. Эта послѣдняя привиллегія чрезвычайно важна; въ сущности она составляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ гарантію, ручательство правительства въ кредитѣ банка (*). Банкъ не обязанъ принимать къ исполненію никакихъ частныхъ и казенныхъ претензій на своихъ владчиковъ или вообще лицъ, которыхъ деньги или какія бы то ни было цѣнности находятся въ его распоряженіи; точно также до него вовсе не касаются никакія запрещенія или секвестръ, налагаемые на выпущенные имъ билеты вслѣдствіе исковъ на владѣльцевъ билетовъ. Въ то же время банкъ имѣетъ право непосредственно, безъ всякаго особеннаго разрѣшенія,

(*) Вѣроятно, основываясь на этомъ постановленіи, г. Жоссо называетъ курсъ билетовъ Баварскаго банка узаконеннымъ, или насильственнымъ *(cours forcé)*, съ чѣмъ можно согласиться.

обращать взысканіе всякихъ суммъ, должныхъ ему его вкладчиками, на находящіеся въ банкѣ вклады ихъ. Во всѣхъ дѣлахъ банка не допускается никакого различія между казною и частными лицами: первая подлежитъ тѣмъ же правиламъ отвѣтственности передъ банкомъ, какъ всякое частное лицо. Таковы привиллегіи, дарованныя баварскому банку его уставомъ.

Переходимъ къ операціямъ, составляющимъ предметъ дѣятельности Баварскаго банка и предоставленныхъ ему уставомъ компаніи. Существенную часть его операцій составляютъ ссуды подъ залогъ недвижимой собственности. Въ гипотечныхъ помѣщеніяхъ затрачивается большая часть его основнаго, или складочнаго компанейскаго капитала. Правленіе банка обязано стараться, чтобъ до $^3/_5$ основнаго капитала находилось постоянно въ гипотечныхъ ссудахъ; остальная только часть капитала предназначается для другихъ операцій банка. Спекуляція вообще воспрещена банку. Онъ не можетъ принимать вкладовъ иностранныхъ облигацій.

Гипотечныя ссуды банкъ выдаетъ подъ залогъ всякой приносящей доходъ недвижимой собственности, находящейся въ предѣлахъ Баварскаго королевства (въ томъ числѣ и подъ залогъ домовъ, но исключая загородныхъ замковъ и другихъ подобныхъ строеній, не годящихся для отдачи въ наемъ). Каждая ссуда не можетъ превосходить половины цѣны залога, не можетъ быть менѣе 500 гульденовъ (значитъ, только имѣніе въ 1,000 гульд., или около 500 р., можетъ быть заложено) и можетъ быть выдана только подъ первую гипотеку (*). Подданные королевства Баварскаго могутъ закладывать въ банкъ свои имѣнія, находящіяся и въ другихъ государствахъ Германскаго Союза, если законы тѣхъ государствъ достаточно обезпечиваютъ сохранность залоговъ и быстроту взысканія долговъ. Подданные всѣхъ государствъ Германскаго Союза могутъ также получать ссуды подъ имущества, находящіяся въ этихъ государствахъ, но лишь въ томъ случаѣ, если $^3/_5$ основнаго капитала банка уже роздано баварскимъ подданнымъ и подъ имѣнія въ Баваріи.

(*) Первою гипотекою называется право взысканія долга съ залога преимущественно передъ всѣми прочими лежащими на немъ долгами. Долги по второй, третьей и т. д. гипотекѣ взыскиваются въ порядкѣ постепенности послѣ взысканія съ имѣнія долга первой гипотеки. Этотъ порядокъ взысканія записывается въ гипотечную книгу каждаго имѣнія.

Каждый желающій получить ссуду подъ свое имѣніе обязанъ представить самъ, вмѣстѣ съ другими документами, оцѣнку имѣнія, произведенную, на основаніи существующихъ для того правилъ, и закладной актъ на имѣніе, заключенный въ подлежащемъ присутственномъ мѣстѣ. Заемщикъ письменно обязуется признавать за основанія своихъ отношеній къ банку только правила, заключающіяся въ уставѣ банка, и предоставляетъ, безъ всякаго съ своей стороны прекословія, въ случаѣ всякой неисправности, черезъ 14 дней послѣ назначенныхъ для него сроковъ платежей въ банкъ, обратить взысканіе, установленнымъ порядкомъ, на заложенное имѣніе. Банкъ имѣетъ право обратить взысканіе слѣдующихъ ему денегъ, по своему собственному усмотрѣнію, на каждую часть заложеннаго имущества, не стѣсняясь въ этомъ отношеніи никакимъ порядкомъ постепенности, установленнымъ вообще для гипотечныхъ долговъ, и неисправный должникъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ оспоривать избраннаго банкомъ способа взысканія. Въ случаѣ неудовольствія, онъ можетъ дѣлать возраженія только лицамъ, производящимъ взысканіе, на самомъ мѣстѣ взысканія, не имѣя никакого права его пріостановить. Заемщикъ отказывается прибѣгать къ какимъ бы то ни было облегченіямъ и льготамъ, даруемымъ закономъ и правительствомъ частнымъ должникамъ. Далѣе банкъ выговариваетъ себѣ право требовать, при всякомъ поврежденіи заложеннаго имущества, возврата всего ссуженаго капитала, въ шести-мѣсячный срокъ. Наконецъ, если бы заемщикъ банка встрѣтилъ надобность, послѣ полученія ссуды изъ банка, въ новомъ займѣ подъ то же имущество отъ постороннихъ лицъ, то онъ обязывается сперва, для обезпеченія исправности своей передъ банкомъ, записать десятую часть банковаго долга, еще разъ въ гипотечную книгу, въ разрядѣ долговъ второй гипотеки (то есть, имѣющей преимущество взысканія, послѣ первой, передъ всякими другими долгами). Всѣ изложенныя обязательства со стороны заемщика записываются въ гипотечную книгу. Нельзя не сказать, что такія условія ссудъ изъ Баварскаго банка до крайности суровы и едва ли необходимы во всемъ своемъ объемѣ для состоятельности его операцій. Многія правила (въ особенности послѣднее) можно даже назвать, согласно съ мнѣніемъ г. Гюбнера (*), весьма странными. Какая, напримѣръ, надобность

(*) *Die Banken*, p. 2[illegible].

для банка записывать (въ случаѣ новыхъ частныхъ долговъ заемщика) еще разъ десятую часть его долга во вторую гипотеку, когда весь его долгъ уже записанъ въ первую гипотеку и пользуется преимуществомъ взысканія передъ какими бы то ни было долгами, которые уже не могутъ быть записаны въ первый разрядъ? Такая предосторожность нѣсколько похожа на уловку ростовщика. Мы не смѣемъ легкомысленно осуждать пріемовъ учрежденія, пользующагося столь многолѣтнимъ авторитетомъ, какъ Баварскій банкъ, но намъ кажется достаточнымъ обезпеченіемъ гипотечныхъ ссудъ: правильная оцѣнка имѣнія, запись въ первый разрядъ гипотечныхъ долговъ, незамедлительный административный порядокъ взысканія, по требованію банка, и право на принятіе нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности, какъ, напримѣръ, секвестръ имѣнія, въ случаѣ важнаго въ немъ разстройства. Многихъ правилъ Баварскаго банка мы не встрѣчаемъ рѣшительно ни въ одномъ подобномъ учрежденіи.

Для погашенія гипотечныхъ долговъ устроена въ Баварскомъ банкѣ строгая система ежегодныхъ процентныхъ взносовъ (annuités) со стороны заемщиковъ въ счетъ занятыхъ капиталовъ. Ежегодное погашеніе капитальнаго долга обязательно для всѣхъ заемщиковъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они могутъ во всякое время вносить, и сверхъ слѣдующихъ съ нихъ платежей, деньги (не менѣе всякій разъ цифры ежегоднаго процентнаго платежа) въ уплату своихъ долговъ или даже возвратить весь капиталъ. При всякомъ добровольномъ взносѣ въ счетъ уплаты капитала дѣлается пропорціональная сбавка ежегодныхъ процентовъ. На обязательное погашеніе вносится обыкновенно $1^0/_0$ и никакъ не менѣе $^1/_2{}^0/_0$; заемщики могутъ постоянно погашать и въ размѣрѣ высшемъ, нежели $1^0/_0$, заявивъ о своемъ желаніи при заключеніи займа.

Ежегодные платежи вносятся въ банкъ по полугодно. Такимъ образомъ, по исчисленіямъ, принятымъ въ банкѣ, каждый долгъ погашается сполна:

При ежегодномъ взносѣ			$4^1/_2{}^0/_0$	въ $61^1/_2$	лѣтъ.
—	—	—	$5^0/_0$	— 43	—
—	—	—	$5^1/_2{}^0/_0$	— $34^1/_2$	—
—	—	—	$6^0/_0$	— 29	—

Въ этихъ процентныхъ взносахъ заключаются собственно процентъ (ростъ) и погашеніе. Расходы на управленіе исчисля-

ются только при $61^1/_2$ и 43-хлѣтнихъ погашеніяхъ; при болѣе краткосрочныхъ погашеніяхъ, они вовсе не взыскиваются и потому не входятъ въ $5^1/_2{}^0/_0$ и $6^0/_0$.

Пропорціонально погашенной (ежегодными взносами или добровольными уплатами) части капитальнаго долга, заемщикъ можетъ всегда получать вновь въ ссуду всю списанную съ него сумму долга. Это облегченіо чрезвычайно важно. Въ видѣ исключеній, при особенно благопріятныхъ условіяхъ состоятельности заложеннаго имущества, допускаются банкомъ ссуды на вѣчныя времена (т. е. *непрерывные долги*), съ уплатою $5^0/_0$, безъ всякаго погашенія капитала. Въ такомъ случаѣ заключается съ банкомъ особое условіе, остающееся неизмѣнно на имѣніи, при всѣхъ его будущихъ владѣльцахъ. Впрочемъ, такіе непрерывные долги могутъ быть погашены единовременнымъ возвратомъ всего капитала.

Кромѣ ссудъ подъ недвижимыя имущества, Баварскій банкъ производитъ и другія операціи:

1) Банкъ дисконтируетъ: а) всякія баварскія государственныя кредитныя бумаги, по которымъ полученіе обратно капитала или размѣнъ на звонкую монету не превосходитъ шести-мѣсячнаго срока со дня учета; б) коммерческіе векселя: срокъ уплаты по векселямъ не долженъ превосходить 3 и 2 мѣсяца со дня учета. Векселя съ одною подписью (т. е. дисконтируемые самимъ лицомъ, ихъ выдавшимъ или подписавшимъ, и равняющіеся обыкновеннымъ денежнымъ росписямъ) принимаются къ учету съ закладомъ товаровъ, драгоцѣнныхъ вещей изъ камней, золота и серебра, и государственныхъ кредитныхъ бумагъ, обращающихся на биржахъ въ Мюнхенѣ и Нюрнбергѣ.

2) Банкъ выдаетъ ссуды подъ залогъ баварскихъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ и своихъ собственныхъ акцій, золота и серебра, не болѣе, какъ на 90-дневный срокъ.

3) Банкъ держитъ открытые счеты (compte courant, giro geschäft) для мѣстныхъ купеческихъ домовъ и своихъ акціонеровъ.

4) Принимаетъ въ депозитъ всякія бумаги, документы, деньги и драгоцѣнныя вещи, со взиманіемъ съ депонентовъ извѣстнаго процента за храненіе.

5) Застрахованіе жизни и пожизненныхъ доходовъ, на основаніяхъ, утвержденныхъ правительствомъ, и застрахованіе отъ огня.

Управленіе дѣлами банка, какъ частной компаніи, пользующейся исключительными привиллегіями отъ правительства, принадлежитъ компаніи, но съ участіемъ и подъ наблюденіемъ правительства. Въ главѣ банка стоятъ: *дирекція* и *правленіе*. Представительницею всей совокупности акціонеровъ и ихъ интересовъ передъ дирекціей и правленіемъ служитъ особый постоянный комитетъ. Правительство назначаетъ особаго чиновника, для постояннаго наблюденія за операціями банка. 60 самыхъ значительныхъ акціонеровъ образуютъ собою постоянный банковый комитетъ, который избираетъ изъ своей среды членовъ дирекціи. Директоры выходятъ по очереди и замѣняются новыми членами комитета. Дирекція ежегодно назначаетъ изъ среды двухъ завѣдывающихъ дѣлами или главныхъ директоровъ банка.

Отъ дирекціи зависитъ общее направленіе всѣхъ операцій банка и руководство дла каждой отрасли его дѣятельности; она установляетъ всѣ общія правила дѣйствій банка, обязанности должностныхъ и провинціальныхъ конторъ банка, ежегодно ревизуетъ кассы, опредѣляетъ взносы складочнаго капитала по акціямъ, размѣръ дивиденда по акціямъ (сверхъ обязательныхъ $3^0/_0$, ежегодно выдаваемыхъ акціонерамъ), процентъ учета, ссудъ и проч., назначаетъ должностныхъ лицъ и экспертовъ. Всѣ члены дирекціи исправляютъ свою должность безвозмездно. Правленіе банка состоитъ изъ главнаго директора и старшихъ чиновниковъ всѣхъ отдѣльныхъ отраслей дѣятельности банка. Вся исполнительная часть лежитъ на правленіи. Всѣ члены правленія, такъ же, какъ и прочія должностныя лица, получаютъ жалованье. Оно два раза въ годъ сводитъ счеты и представляетъ ихъ дирекціи и банковому комитету. Потому два раза въ годъ выводятся балансъ банка и чистая прибыль. Изъ чистой прибыли выдается обязательный процентъ $(3^0/_0)$ акціонерамъ, затѣмъ $^1/_4$ чистой прибыли отдѣляется въ запасный капиталъ и наконецъ остатокъ разверстывается въ пользу акціонеровъ. Когда запасный капиталъ составляетъ $7^1/_2{}^0/_0$ на весь основный капиталъ, то вся чистая прибыль раздается акціонерамъ. При дирек-

шіп находится особый юрисконкультъ для судебныхъ вопросовъ (*).

Изъ изложеннаго порядка управленія Баварскаго банка видно, что оно находится исключительно въ рукахъ крупныхъ акціонеровъ, и потому большая часть акціонеровъ навсегда отстранена отъ всякаго не только участія въ управленіи, но даже контроля надъ дѣйствіями дирекціи. Еслибъ акціонерный комитетъ избирался, по крайней мѣрѣ, общимъ собраніемъ акціонеровъ, то составъ его могъ бы постоянно возобновляться, но, заключая въ себѣ лишь 60 самыхъ значительныхъ акціонеровъ, онъ, безъ сомненія, съ весьма ничтожными исключеніями, всегда состоитъ изъ однѣхъ и тѣхъ же лицъ и представляетъ собою интересъ однѣхъ и тѣхъ же личностей.

Изъ сдѣланнаго очерка организаціи и дѣятельности Баварскаго банка можно уже вывести заключенія о его особенностяхъ, совершенно отличающихъ подобныя гипотечныя учрежденія отъ земледѣльческихъ кредитныхъ институтовъ. Послѣдніе собираютъ нужные имъ для ссудъ капиталы постепеннымъ выпускомъ закладныхъ листовъ, которыхъ владѣльцы и суть вкладчики кредитнаго учрежденія; въ Баварскомъ банкѣ, лица, желающія затратить свои капиталы въ ссуды подъ гипотеку, соединились вмѣстѣ и разъ навсегда собрали капиталъ (въ акціяхъ) для выдачи изъ него ссудъ. Въ первомъ случаѣ движеніе дѣлъ имѣетъ точкою своего отправленія надобность заемщиковъ, владѣльцевъ закладываемыхъ имѣній; во второмъ случаѣ движеніе начинается съ самихъ вкладчиковъ, кредиторовъ. Потому можно болѣе или менѣе сказать, что въ первомъ случаѣ даетъ направленіе, *тонъ* операціямъ потребность земли въ кредитѣ, во второмъ — потребность капиталовъ въ помѣщеніи. Если свободныхъ капиталовъ, расположенныхъ къ долгосрочнымъ затратамъ, много въ странѣ, или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ въ нихъ положительнаго недостатка, или если общественныя и политическія условія мѣстности и времени благопріятны для долгосрочныхъ затратъ, то въ первомъ случаѣ потребность земли въ кредитѣ находитъ удовлетвореніе, соразмѣрное своему развитію, не побуждаемое никакими влеченіями внѣшними, чуждыми для хо-

(*) Система управленія банка и составъ и обязанности его органовъ изложены нами такъ, какъ они были вновь преобразованы въ 1850 г.

зяйства въ кругу недвижимыхъ имуществъ; во второмъ случаѣ, безъ всякой надобности, гипотечный кредитъ развивается подъ вліяніемъ интересовъ акціонеровъ, чуждыхъ хозяйству и могущихъ дать ненормальное, искусственное направленіе или хозяйству, или землевладѣльцамъ. Но если въ свободныхъ капиталахъ, расположенныхъ къ гипотечнымъ растратамъ, чувствуется недостатокъ, то для поземельнаго кредита весьма выгодно, что уже разъ навсегда собранъ фондъ, который именно предназначенъ для этой цѣли и изъ котораго онъ можетъ постоянно почерпать нужные ему способы, на условіяхъ болѣе или менѣе нормальныхъ. Этими общими замѣчаніями относительно сравненія обоего рода земскихъ кредитныхъ учрежденій мы пока ограничимся.

Фондъ для гипотечныхъ ссудъ Баварскаго банка, независимо отъ складочнчго капитала, имѣетъ еще въ своемъ распоряженіи: депозиты и посторонніе вклады, преміи страхователей и, самое главное, *циркуляціонные билеты*, которыхъ банкъ можетъ выпустить до 8 милл. гульденовъ. Возможность выпуска собственныхъ, безпроцентныхъ билетовъ подъ залогъ имѣній, вмѣсто займа или процентныхъ вкладовъ (закладныхъ листовъ), даетъ особенный просторъ дѣйствіямъ банка и очевидно сопряжена съ чрезвычайными прибылями для банка. Пока мы только обращаемъ вниманіе на это обстоятельство, чтобы позже возвратиться къ вопросу о циркулярныхъ банковыхъ билетахъ въ связи съ гипотечными операціями.

Намъ остается представить нѣкоторыя данныя изъ 23-лѣтней дѣятельности Баварскаго банка со времени его учрежденія и разсмотрѣть значеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ результатовъ этой дѣятельности. Обороты его по гипотечнымъ ссудамъ, которыя насъ собственно интересуютъ, явствуютъ изъ слѣдующей таблицы (*).

(*) Таблица эта извлечена нами изъ гюбнеровскаго статистическаго ежегодника за 1856 г. (драгоцѣннаго изданія для финансовыхъ и экономическихъ справокъ, преимущественно по Германіи): *Jahrbuch für Volkswirthschaft u. Statistik von O. Hübner, Lpz. 1857* (позднѣйшаго выпуска этого изданія еще нѣтъ въ продажѣ). Всѣ денежныя суммы показаны въ этой таблицѣ, какъ и въ послѣдующихъ исчисленіяхъ нашихъ по Баварскому банку, въ гульденахъ.

ДВИЖЕНІЕ

КАПИТАЛОВЪ БАВАРСКАГО ГИПОТЕЧНАГО И УЧЕТНАГО БАНКА ВЪ ГИПОТЕЧНЫХЪ ССУДАХЪ СЪ 1835 ПО 1856 ГОДЪ.

Годъ.	Состояло ссудъ.			Возвращено полною уплатою капитала.		Списано со счетовъ взносами впередъ.		Погашено процентными взносами.	Всего (всѣми способами) погашено.
	Число заемщиковъ.	Капиталъ.	Средняя цифра капитала на каждую ссуду.	Число заемщиковъ.	Капиталъ.	Число заемщиковъ.	Капиталъ.		
1836	803	2,252,650	2,805	18	43,700	2	6,000	2,213	51,913
1837	1,384	3,664,036	2,647	29	43,407	32	41,400	18,857	103,664
1838	1,800	4,839,291	2,688	43	85,225	32	21,251	31,337	137,814
1839	2,104	5,776,627	2,745	60	104,695	34	34,097	39,525	178,318
1840	2,379	7,296,293	3,066	83	156,497	64	91,974	51,123	299,026
1841	2,642	8,937,113	3,382	108	407,264	75	71,019	71,872	571,112
1842	2,935	9,794,501	3,337	133	256,022	79	144,357	99,117	426,159
1843	3,130	10,934,280	3,493	196	436,749	94	91,093	114,060	695,168
1844	3,419	11,755,392	3,438	167	303,103	95	89,943	123,413	517,069
1845	3,786	12,504,587	3,302	171	298,288	105	89,943	144,026	532,258
1846	4,220	13,441,320	3,185	177	249,482	132	155,277	154,385	559,145
1847	4,796	14,878,724	3,102	168	266,107	135	174,063	184,509	624,680
1848	4,917	14,628,843	2,975	95	137,975	125	123,554	181,564	443,093
1849	5,122	14,519,681	2,834	128	238,023	116	118,616	210,442	567,082
1850	5,604	15,063,837	2,688	194	302,010	164	171,387	228,765	702,163
1851	6,309	16,225,882	2,571	264	513,090	206	192,389	242,658	948,638
1852	7,189	17,461,730	2,428	342	800,157	212	215,750	254,494	1,270,402
1853	7,947	18,010,970	2,266	323	566,997	256	211,262	261,732	1,039,991
1854	8,302	17,703,728	2,132	221	529,635	273	164,777	286,396	980,809
1855	8,465	17,092,916	2,019	361	470,988	279	169,321	293,439	933,799
Итого				3,381	6, 209,425		2,379,444	2,993,935	11,582,804

Вникнемъ въ ряды цифръ этой таблицы и постараемся извлечь изъ нея нѣкоторые выводы относительно движенія гипотечныхъ операцій Баварскаго банка. Такіе выводы, относясь къ учрежденію, дѣйствующему, втеченіе 23 лѣтъ (1835 — 1859), въ предѣлахъ весьма значительныхъ и пользующемуся большимъ авторитетомъ (*), имѣютъ интересъ болѣе, чѣмъ мѣстный, и могутъ быть поучительны для соображеній нашихъ вообще въ дѣлѣ поземельнаго кредита.

Въ цифрахъ, означающихъ число должниковъ банка по гипотечнымъ ссудамъ за каждый годъ (столбецъ II), мы замѣчаемъ постоянное возрастаніе отъ одного года къ другому. Это увеличеніе числа заемщиковъ банка нисколько не ослабѣваетъ съ развитіемъ банка, какъ мы, напротивъ того, видѣли въ нѣкоторыхъ *землевладѣльческихъ* кредитныхъ компаніяхъ. Послѣднія учреждались вслѣдствіе настоятельной потребности членовъ въ займахъ, тотчасъ по своемъ возникновеніи удовлетворяли этой потребности, и затѣмъ новыя ссуды возрастали въ постепенно меньшихъ размѣрахъ. Здѣсь же самыя большія цифры новыхъ заемщиковъ принадлежатъ позднѣйшимъ годамъ дѣятельности банка, и именно 1851 и 1852. Если эти два года ознаменовались особенно значительнымъ количествомъ новыхъ ссудъ, вслѣдствіе (можетъ быть) необходимости поправленія дѣлъ послѣ революціоннаго періода, оставившаго разрушительные слѣды на всѣхъ хозяйствахъ, то, во всякомъ случаѣ, въ общемъ направленіи ежегодно заключавшихся новыхъ займовъ не замѣтно болѣе усиленной дѣятельности въ первыхъ годахъ (исключая самаго перваго года, который нѣсколько превосходитъ послѣдующіе), чѣмъ въ позднѣйшихъ (исключая самаго революціоннаго періода), а скорѣе напротивъ (**). Изъ послѣдняго извѣстнаго намъ отчета банка 1856 г. мы знаемъ только, что въ этомъ году оказалось особенное уменьшеніе новыхъ ссудъ; но одинъ этотъ годъ безъ связи съ послѣдующими еще не позволяетъ намъ дѣлать никакихъ заключеній. Впрочемъ, мы ниже будемъ говорить о послѣднемъ отчетѣ банка.

(*) Акціи и билеты Баварскаго банка пользуются большимъ кредитомъ и продаются постоянно съ премією.

(**) Все это видно изъ цифръ ежегоднаго заключенія новыхъ займовъ, которыхъ мы не помѣстили въ таблицѣ, чтобы не обременять ея излишними массами цифръ.

Возрастаніе ссудъ весьма естественно: банкъ, съ развитіемъ своихъ операцій, постепенно развивалъ свою потребность въ ссудахъ, вслѣдствіе возрастанія своихъ свободныхъ капиталовъ денежныхъ и кредитныхъ. Въ землевладѣльческихъ институтахъ должна настать извѣстная пора насыщенія; ибо члены ихъ, удовлетворивъ своимъ надобностямъ, должны стремиться скорѣе стѣснить границы своихъ операцій, чѣмъ ихъ расширять, въ чѣмъ они не могутъ видѣть особенныхъ для себя выгодъ. Съ развитіемъ ссудъ земскаго банка возрастаютъ его дивиденды, а съ развитіемъ ссудъ землевладельческой компаніи возрастаетъ только ея отвѣтственность.

Въ цифрахъ состоявшихъ ежегодно въ гипотечныхъ ссудахъ капиталовъ (столбецъ III) мы, разумѣется, должны встрѣтить, въ общихъ чертахъ то же самое направленіе, какъ и въ числахъ заемщиковъ. Капиталъ, затраченный банкомъ въ гипотечныя ссуды, постоянно возросталъ, болѣе или менѣе пропорціонально возрастанію числа новыхъ заемщиковъ (погашеніе старыхъ долговъ, хотя правильно возраставшее, какъ увидимъ ниже, не могло еще существенно уменьшить цифры занятыхъ капиталовъ). Только въ послѣднихъ двухъ годахъ, 1854 и 1855, мы замѣчаемъ довольно значительное (около 300,000 гульд. въ 1854 и 700,000 въ 1855) уменьшеніе капитала въ ссудахъ. Объясненіе этому должны мы искать въ особенно значительныхъ возвратахъ капиталовъ должниками банка въ двухъ предъидущихъ годахъ (1852 и 1853) и въ ослабленіи въ 1854 и 1855 заключенія новыхъ займовъ, послѣ чрезвычайнаго, исключительнаго возрастанія ихъ въ 1852 и 1853 годахъ (см. выше).

Любопытна для насъ средняя цифра капитала, приходившаяся на каждаго заемщика въ каждомъ году (столбецъ IV). Въ этомъ отношеніи замѣтны два періода. Сперва эта цифра постоянно и правильно возрастаетъ до 1843 года (въ этомъ году приходилось 3,400 гульденовъ на каждаго заемщика), съ 1844 года она начинаетъ постоянно упадать и въ 1835 году дѣлается гораздо ниже, чѣмъ въ 1836 году (въ 1836 году — 2,805 гульденовъ, въ 1855 году — 2,019) (*). Чрезвычайно замѣчательно, что въ этомъ общемъ направленіи въ оба періода

(*) Въ ссудахъ, вновь выданныхъ въ 1856 г. (какъ видно изъ послѣдняго отчета банка), средняя цифра упадаетъ даже до 764 г. на каждаго заемщика.

нѣтъ рѣшительно даже ни одного исключительнаго года. Это обстоятельство позволяетъ намъ смотрѣть на такое направленіе цифръ, какъ на явленіе не случайное, и потому весьма благодѣтельное, ибо оно должно доказывать постепенное пріобщеніе къ поземельному кредиту, втеченіе послѣднихъ 14 лѣтъ (съ 1841 по 1855) (*), большаго и большаго числа мелкихъ землевладѣльцевъ или возрастаніе мелкихъ займовъ насчетъ крупныхъ, которые воспользовались новою кредитною системою только въ первые года ея дѣйствій. Это заключеніе могло бы быть подорвано лишь тѣмъ предположеніемъ, что въ основаніи мелкихъ займовъ, которые могли, конечно, быть заключаемы и крупными землевладѣльцами, лежитъ не хозяйственный разсчетъ, а *спекуляція*, употреблявшая занятыя деньги не на имѣнія, а на промышленные и коммерческіе или даже биржевые обороты. На это, конечно, мы не найдемъ объясненія въ статистическихъ таблицахъ и отчетахъ банка, которымъ должны быть довольно благодарны уже и за весьма подробное оглашеніе однѣхъ цифръ, чѣмъ щеголяютъ далеко еще немногія учрежденія. Къ сожалѣнію, подозрѣніе въ спекулятивномъ употребленіи ипотечныхъ ссудъ привязывается, въ нашихъ глазахъ, всегда болѣе къ ссудамъ, исшедшимъ изъ банковъ, чѣмъ изъ акціонерныхъ землевладѣльческихъ компаній, строго наблюдающихъ за своими членами и имѣющихъ на то всѣ средства. Но объ этомъ мы еще будемъ говорить ниже, а теперь обратимъ еще наше вниманіе на характеръ и составъ ссудъ и заемщиковъ по Баварскому банку.

Мы можемъ представить слѣдующій обзоръ (**) всѣхъ состоявшихъ въ декабрѣ 1855 г. ссудъ:

Отъ	50	до	500	гульд.	1,891	ссуды.
—	501	—	1,000	—	2,891	—
—	1,001	—	1,500	—	1,047	—
—	1,500	—	2,000	—	685	—
—	2,001	—	2,500	—	281	—
—	2,501	—	3,000	—	356	—
—	3,001	—	3,500	—	117	—

(*) Изъ свѣдѣній о заключавшихся каждый годъ новыхъ займахъ видно, что пониженіе средней цифры ссудъ именно началось съ 1841 г.

(**) Эти цыфры почерпнуты нами также изъ ежегодника Гюбнера, 1857 г. (стр. 189).

Отъ	3,501	до	4,000	гульд.	194	ссуды.	
—	4,001	—	4,500	—	47	—	
—	4,501	—	5,000	—	127	—	
—	5,001	—	5,500	—	18	—	
—	5,501	—	6,000	—	93	—	
—	6,001	—	6,500	—	11	—	
—	6,501	—	7,000	—	46	—	
—	7,001	—	7,500	—	7	—	
—	7,501	—	8,000	—	68	—	
—	8,001	—	8,500	—	10	—	
—	8,501	—	9,000	—	24	—	
—	9,001	—	9,500	—	2	—	
—	9,501	—	10,000	—	56	—	
—	10,001	—	11,000	—	9	—	
—	11,001	—	12,300	—	30	—	
—	12,001	—	13,000	—	12	—	
—	13,001	—	14,000	—	14	—	
—	14,001	—	15,000	—	14	—	
—	15,001	—	20,000	—	33	—	
—	20,001	—	25,000	—	20	—	
—	25,001	—	36,000	—	12	—	
—	30,001	—	40,000	—	9	—	
—	40,001	—	50,000	—	7	—	
—	50,001	и	болѣе	—	20	—	

И въ этомъ окончательномъ результатѣ состава ссудъ мы находимъ рѣшительное преобладаніе мелкихъ капиталовъ (отъ 50 до 3,000 гульд.) надъ крупными (болѣе 3,000). Самое большое количество ссудъ приходится на капиталы отъ 50 до 1,000 гульд. Этотъ результатъ не могъ быть иной вслѣдствіе постояннаго возрастанія мелкихъ ссудъ втеченіе послѣднихъ 14 лѣтъ.

Взглянемъ на характеръ самихъ заемщиковъ, какъ онъ представляется въ концѣ 1855 г., за все время дѣйствій банка, съ его учрежденія (*):

(*) Тамъ же, стр. 189.

Кто получилъ ссуду.	Число ссудъ.	Сколько всего капитала.
1) Общины	101	498,730 гул.
2) Монастыри и благотворительныя духовныя учрежденія (Stiftungen) .	19	511,?00 —
3) Церкви (Pfarreien)	57	116,305 —
4) Корпораціи	13	78,700 —
5) Дворяне и вообще помѣщики . .	185	5,951,380 —
6) Подъ наемные дома въ большихъ городахъ	363	1,643,850 —
7) Подъ фабричныя заведенія . . .	37	884,500 —
8) Разные промышленные люди и ремесленники	2,643	6,608,150 —
9) Собственно крестьяне-землепашцы	8,073	11,449,055 —
Итого было занято съ 1836 по 1855 годъ		27,741,970 гул.

Въ этомъ раздробленіи заемщиковъ по ихъ званію и состоянію (хотя такія категоріи различаются въ настоящее время весьма приблизительно), самое значительное количество ссудъ, и по числу заемщиковъ, и по объему капиталовъ, принадлежитъ двумъ послѣднимъ категоріямъ промышленныхъ людей и крестьянъ. Масса крестьянъ и своею численностью и размѣромъ занятыхъ капиталовъ далеко оставляетъ за собою (болѣе 11 милл. гульд. на 27 милл. всей массы ссудъ со времени учрежденія банка) каждую изъ прочихъ категорій заемщиковъ. Предполагая, что въ средѣ крестьянства наименѣе развитъ духъ спекуляціи и быстрыхъ оборотовъ, чуждыхъ самому хозяйству (по крайней мѣрѣ, это предположеніе можетъ быть довольно основательно для Баваріи, хотя въ прочихъ частяхъ Германіи — средней и прирейнской—духъ спекуляціи проникъ даже въ крестьянство), мы можемъ считать весьма значительную часть капиталовъ Баварскаго банка затраченными въ землю и сельское хозяйство и непричастными спекуляціи.

Теперь обратимся къ движенію цифръ по погашенію ссудъ Баварскаго банка. Погашеніе процентными взносами (annuités) (столбецъ IX) шло безостановочно, какъ и слѣдовало ожидать при устроенной системѣ обязательнаго погашенія и строгихъ мѣръ взысканія. Только 1848 г. выдвигается уменьшеніемъ уплаченнаго капитала. Потрясенія этого года, безъ сомнѣнія, не могли

обойтись безъ недоимокъ. Полезно сравнить ежегодное процентное погашеніе съ ежегодно заключавшимися новыми займами; въ строгомъ смыслѣ, при совершенно нормальныхъ обстоятельствахъ гипотечнаго банка и въ періодъ его совершенной зрѣлости капиталъ, ежегодно вновь отходящій въ ссуду, долженъ быть болѣе или менѣе равенъ капиталу, ежегодно погашаемому. Этого мы рѣшительно не встрѣчаемъ въ Баварскомъ банкѣ, имѣющемъ въ своихъ билетахъ огромный фондъ для новыхъ ссудъ и потому не нуждающемся для выдачи ихъ уплаты старыхъ. Всего погашено съ 1836 по 1856 г. процентными взносами 2,993,935 гульд.

Любопытны по Баварскому банку цифры, показывающія добровольный возвратъ занятыхъ капиталовъ, въ одинъ разъ (столбецъ II). Этотъ способъ погашенія совершенно преобладаетъ здѣсь, по крайней мѣрѣ въ конечныхъ статистическихъ результатахъ, надъ процентнымъ погашеніемъ. Всего возвращено капиталовъ съ 1836 по 1856 г. болѣе 6 милл. гульд., что̀ составляетъ на всю массу ссудъ втеченіе этого періода (27 милл. 700,000 ч.) около $22^0/_0$, т. е. болѣе одной пятой доли всего занятаго въ Баварскомъ банкѣ капитала было возвращено разомъ и не воспользовалось облегченіями процентнаго постепеннаго погашенія, столь необходимаго для поземельнаго кредита и хозяйства въ недвижимыхъ имуществахъ, преимущественно сельскихъ и земледѣльческихъ. Такое явленіе должно особенно поражать насъ, послѣ землевладѣльческихъ кредитныхъ институтовъ, гдѣ процентное погашеніе играетъ главную роль, а возвращеніе ссудъ разомъ есть обстоятельство большею частію случайное и ничтожное въ ихъ операціяхъ. Зная, въ какой степени важно (*) прогрессивное процентное погашеніе, не только для сельскаго хозяйства, но и для благоустройства всякой недвижимой собственности, и зная, до какой степени реализація или освобожденіе капитала для нея трудно, мы поневолѣ склонны думать, что возвратъ ссудъ въ Баварскомъ банкѣ, въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, предполагающій краткосрочные займы, былъ сопряженъ съ быстрыми оборотами занятыхъ капиталовъ въ рукахъ землевадѣльцевъ, а не въ кругу собственно ихъ хозяйства, въ

(*) См. I главу — объ основныхъ началахъ поземельнаго кредита, стр. 383 и слѣд.

недвижимыхъ имуществахъ. Въ категоріяхъ заемщиковъ (см. выше) мы находимъ помѣщиковъ, домовладѣльцевъ и промышленниковъ, занявшихъ всего до 14 милл. гульд., и полагаемъ, что большая часть возвратовъ капитала происходила въ кругу этихъ лицъ. Домовладѣлецъ, помѣщикъ и вообще владѣлецъ недвижимой собственности можетъ занять въ банкѣ капиталъ подъ залогъ своей собственности и производительно употреблять его, не на одну затрату въ землю или въ основной фондъ своего хозяйства, но также и не на чистую спекуляцію, а на *оборотную часть* своего хозяйства. Съ этою цѣлью онъ можетъ завести для себя въ банкѣ, съ помощью занятаго капитала, *открытые счеты* и постоянно съ развитіемъ своихъ оборотовъ брать изъ банка и возвращать въ него деньги. Такая система кредита, хотя и поземельнаго, по характеру гарантіи, но движимаго, по своему назначенію, развита во многихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Шотландіи и во Франціи, гдѣ занимаются ею провинціальные нотаріусы и банкиры (*). Эта система предполагаетъ значительную потребность въ хозяйствѣ оборотнаго капитала, который въ земледѣліи положительно ростетъ съ успѣхами агрономіи и общаго духа промышленности въ странѣ. Можетъ быть, такова причина огромныхъ цифръ возвратовъ ссудъ по Баварскому банку. Въ окончательномъ результатѣ возвратъ разомъ вдвое превышаетъ здѣсь процентное погашеніе. Возвраты почти постоянно возрастали втеченіе 20 лѣтъ, если взять общее ихъ движеніе, въ которомъ, однако, есть колебанія; но самая бо̀льшая цифра принадлежитъ 1852 г. (около 800,000 гульд. и 342 лица), году, который по своей близости къ революціонной эпохѣ, казалось бы, не долженъ былъ представлять обстоятельствъ, благопріятныхъ для серьёзныхъ хозяйственныхъ реализацій. Это опять наводитъ мысль на употребленіе ссудъ чисто на биржевую спекуляцію.

Въ отдѣлѣ погашенія намъ остается еще упомянуть о добровольныхъ взносахъ впередъ или возвратѣ разныхъ долей капитала (столбецъ VIII). Здѣсь цифры также постоянно возрастаютъ, кромѣ значительнаго перерыва въ 1844 и 1845 годахъ и менѣе значительнаго въ 1844 и 1849 г. И здѣсь самыми обильными годами

(*) См. для Франціи *Courcelle Seneuil. Traité des opérations de Banque. Paris. 1857. Ch. VI, p. 243.*

являются 1852 и 1853, которые какъ-то во всемъ рядѣ годовъ отличаются исключительною высотою цифръ по всемъ предметамъ. Въ числѣ лицъ, вносившихъ впередъ капитальныя доли, замѣчается болѣе правильное возрастаніе. Можетъ быть, именно эта категорія погашенія всего болѣе представляетъ собою движеніе по открытымъ счетамъ землевладѣльцевъ, потому что открытые счеты въ Баварскомъ банкѣ допущены для недвижимой собственности, вслѣдствіе неограниченно дозволеннаго въ немъ списыванія съ капитальнаго долга всякихъ суммъ и полученія вновь въ заемъ погашенныхъ долей.

Если мы наконецъ взглянемъ на общіе результаты погашенія всѣми тремя способами (столбецъ X), то оно весьма удовлетворительно возрастало, кромѣ 1845 и революціонной эпохи, послѣ которыхъ, однако, цифры не только возвратились къ прежнимъ уровнямъ, но далеко ихъ превысили. Если мы сравнимъ общее ежегодное погашеніе капитала съ ежегоднымъ открытіемъ новыхъ ссудъ, то хотя и не замѣтимъ совершеннаго соотвѣтствія въ этихъ цифрахъ, какое желали бы видѣть, но за большею частью годовъ (1842, 1844, 1848, 1854), въ которыхъ замѣтно ослабленіе погашенія, слѣдуютъ года и съ относительно слабыми цифрами новыхъ ссудъ, какъ и слѣдуетъ быть для прочности гипотечныхъ операцій. Всего погашено втеченіе 20 лѣтъ 11,582,000 гульд., что̀ составляетъ на капиталъ всѣхъ ссудъ за этотъ періодъ болѣе 44%, значитъ около половины.

Не излишне обратить вниманіе на составъ погашенія процентными взносами (annuités) и на разныя категоріи ихъ. Вотъ цифры (*), выражающія число заемщиковъ по каждой категоріи процентныхъ взносовъ:

Размѣръ процентовъ (тутъ же ростъ и погашеніе).	Число заемщиковъ.
$4^1/_2$ %	6
5%	11,272
$5^1/_2$ %	6
6%	121
$6^1/_2$	4

(*) См. *Jahrbuch von Hübner, p. 190.*

Размѣръ процентовъ (тутъ же ростъ и погашеніе).	Число заемщиковъ.
7%	15
7½%	4
8%	16
8½%	2
9%	1
10%	33
11%	1
12%	1
14%	1
15%	2

Изъ этого перечня видно, что вся масса заемщиковъ уплачиваетъ 5% (то есть 1% погашенія), вѣроятно, какъ самый удобный размѣръ, предпочитая его 4½% (minimum по уставу банка, то есть ½% погашенія), которые погашаютъ капиталъ только въ 61 г., а 5% въ 43. Весьма важно знать, именно какой масштабъ погашенія наиболѣе соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ страны и привычкамъ народонаселенія.

За всѣми новыми займами и погашеніями, капиталъ, остававшійся въ долгу Баварскому банку подъ гипотекою, составлялъ къ 1856 году 16,159,166 гульд. (*), или на все народонаселеніе Баваріи (4½ милл.) около 3½ гульденовъ, или 1 р. 75 к. на душу, и на все территоріальное пространство Баваріи около 11,477 гульд. (или 5½ тыс. руб.) на одну географическую квадратную милю.

Разсмотрѣвъ въ подробности гипотечныя операціи Баварскаго банка независимо отъ прочихъ отраслей его дѣятельности, взглянемъ теперь на нихъ въ связи съ общими оборотами капиталовъ банка, съ ходомъ другихъ его операцій и съ развитіемъ его способовъ, зависящихъ отъ этихъ операцій. Съ этою цѣлью мы соединяемъ въ нижеслѣдующей таблицѣ, подлѣ гипотечныхъ ссудъ, движеніе капиталовъ по важнѣйшимъ (выпуску билетовъ и дисконту) операціямъ, занимающимъ банкъ (**):

(*) По балансу банка къ 1858 г. (только что нами полученному), эта цифра также составляетъ около 16 милл. гульд.

(**) Цифры въ этой таблицы взяты нами изъ *Banken u. Jahrbuch* Гюбнера.

Годы.	Новыя ссуды.	Всего состояло капитала въ ссудахъ.	Складочный капиталъ по акціямъ.	Ежегодно выпущенные билеты (*).	Ежегодный дисконтъ разныхъ бумахъ.
1836	2,252,650	2,252,650	3,733,333	100,000	7,207,872
1837	1,463,300	3,664,036	5,686,033	700,000	9,004,697
1838	1,278,920	4,839,291	6,250,000	1,400,000	8,487,409
1839	1,075,150	5,776,627	7,000,000	2,700,000	6,717,323
1840	1,697,985	7,296,293	7,513,900	3,200,000	10,009,024
1841	1,939,846	8,937,113	8,027,800	3,500,000	9,155,336
1842	1,428,500	9,794,501	10,000,000	4,000,000	7,401,147
1843	1,565,939	10,934,280	10,000,000	4,000,000	7,999,991
1844	1,516,280	11,755,392	10,000,000	4,000,000	8,944,951
1845	1,266,805	12,504,587	10,000,000	4,000,000	8,597,371
1846	1,468,991	13,441,320	10,416,666	4,400,000	8,573,394
1847	1,996,549	14,878,724	11,000,000	4,800,000	8,242,685
1848	374,800	14,628,843	12,000,000	4,800,000	3,848,502(**)
1849	333,931	14,519,681	12,333,333	5,200,000	3,520,468
1850	1,111,238	15,063,837	13,500,000	6,300,000	4,857,750
1851	1,864,208	16,225,882	15,000,000	6,375,000	5,001,696
1852	2,184,486	17,461,730	20,000,000	8,000,000	7,629,623
1853	1,819,642	18,010,970	20,000,000	8,000,000	— —
1854	732,750	17,703,728	20,000,000	8,000,000	10,324,431
1855	369,997	17,092,916	20,000,000	8,000,000	14,579,122
1856	1,137,409	16,159,166	20,000,000	8,000,000	10,696,953

Основный капиталъ банка (столбецъ 10) достигъ своихъ крайнихъ предѣловъ, назначенныхъ ему по уставу, 20 м. г. Выпускъ билетовъ также достигъ своего maximum, опредѣленнаго въ законѣ. Въ движеніи по дисконту мы замѣчаемъ колебанія, которыя до 1848 г. вращаются, однако, около одной цифры 7 милл.; дисконтъ быстро упадаетъ въ революціонный періодъ, вѣроятно, вслѣдствіе предосторожностей, принятыхъ банкомъ, и еще быстрѣе подымается съ возстановленіемъ дѣлъ въ Европѣ, послѣ революціоннаго застоя промышленности. Но мы не имѣемъ надобности вдаваться въ разборъ дѣйствій банка по разнымъ отрослямъ кредита и только принимаемъ ихъ въ сооб-

---

(*) Здѣсь показана только разность между выпущенными билетами, предъявленными къ размѣну, то есть билеты, оставшіеся въ обращеніи къ слѣдующему году.

(**) Въ 1848 г. сдѣлано на огромную сумму отсрочекъ по прежнимъ учетамъ, но стѣсненъ кредитъ по новымъ дисконтамъ.

раженіе, на сколько они касаются нашего предмета—гипотечнаго кредита. Посмотримъ на движеніе гипотечныхъ ссудъ (столбецъ II) въ связи съ основнымъ капиталомъ, выпускомъ билетовъ и дисконтомъ. Замѣтимъ сперва, что капиталъ, затраченный въ гипотечныхъ ссудахъ, не только давно достигъ узаконенныхъ $^3/_5$ основнаго капитала, какъ сказано въ уставѣ, но далеко превышаетъ эту пропорцію. Послѣ шести лѣтъ своего существованія, 1840, почти весь основной капиталъ компаніи былъ затраченъ въ гипотечныя ссуды, и съ 1846 г. капиталъ въ гипотечныхъ ссудахъ постоянно превышаетъ основный капиталъ до 1852 г. (исключая 1842 г., когда послѣдній былъ увеличенъ выпускомъ новыхъ акцій). Изъ этого можно заключить, что гипотечныя помѣщенія были существеннымъ предметомъ дѣятельности Баварскаго банка и не служили въ глазахъ компаніи лишь для благовиднаго прикрытія другихъ, болѣе спекулятивныхъ помѣщеній капитала и оборотовъ. Впрочемъ, банкъ и не могъ имѣть такихъ побужденій дѣйствовать иначе, потому что его прибыли отъ гипотечныхъ операцій далеко превышаютъ прибыли отъ всѣхъ другихъ дѣлъ. Въ 1852 г. основный капиталъ доведенъ былъ, выпускомъ новыхъ акцій, до своего maximum—20,000,000 гульд., вѣроятно, въ виду усилившихся послѣ революціоннаго періода требованій на ссуды, которыя, дѣйствительно, и возростали до 1854 г. Но съ 1852 г. капиталъ, затраченный въ гипотечныя ссуды, уже постоянно менѣе основнаго капитала, на 2, 3 и наконецъ въ 1856 г. на 4 милл. гульд., и мы уже не понимаемъ именно съ 1852 г. усилившагося выпуска циркуляціонныхъ билетовъ (до 8 милл.), если они должны служить воспособленіемъ для гипотечныхъ ссудъ, главнаго и самаго выгоднаго назначенія Баварскаго банка.

По крайнему нашему разумѣнію, во всякомъ правильно организованномъ гипотечномъ банкѣ, *имѣющемъ складочный акціонерный капиталъ, достаточно покрывающій размѣры вѣроятнаго требованія на ссуды*, циркуляціонные билеты должны служить лишь для усиленія способовъ банка къ выдачѣ новыхъ ссудъ, при внезапномъ (или, по крайней мѣрѣ, непропорціональномъ погашеніи старыхъ долговъ) усиленіи требованія на ссуды и при недостаткѣ къ тому наличныхъ капиталовъ въ кассѣ банка; по мѣрѣ развитія погашенія, и билеты должны возвращаться въ банкъ. Выпускъ билетовъ можетъ быть и самостоятельнымъ источникомъ ссудъ, если съ самаго основанія складочный капиталъ

банка для того недостаточенъ. Учетъ векселей и прочихъ *кратко-срочныхъ* коммерческихъ и кредитныхъ бумагъ долженъ слу-жить гипотечному банку для временнаго помѣщенія капиталовъ, остающихся праздными, вслѣдствіе временнаго ослабленія тре-бованія на ссуды, т. е. долженъ служить именно цѣли, противо-положной выпуску билетовъ. Такъ понимаемъ мы назначеніе цир-куляціонныхъ билетовъ и учета для гипотечнаго банка, если его вниманіе сосредоточено преимущественно на ссуды подъ гипо-теку. Сравнивая движеніе цифръ ежегоднаго выпуска билетовъ по Баварскому банку съ ежегоднымъ заключеніемъ новыхъ ги-потечныхъ займовъ, мы, дѣйствительно, находимъ, что въ нѣко-торые года усиленіе выпуска билетовъ какъ бы сопровождаетъ усиленіе требованій на ссуды (1840, 1841, 1846, 1847, 1851, 1852 г.); но за то въ остальныхъ годахъ количество обращаю-щихся билетовъ нисколько не уменьшается, при болѣе слабыхъ требованіяхъ на ссуды, и даже иногда усиливается при умень-шеніи послѣднихъ (1842 г.) Если же разсматривать циркуляці-онные билеты Баварскаго банка не какъ временной и преходя-щій способъ подкрѣпленія кассъ для удовлетворенія чрезвычай-наго прилива требованій на гипотечныя ссуды, а какъ *посто-яный фондъ для ссудъ* подлѣ основнаго капитала, то мы припом-нимъ, въ какой пропорціи находился этотъ капиталъ къ капита-лу, затраченному въ ссудахъ, чтобы отдать себѣ отчетъ, удовле-творяютъ ли билеты такому назначенію. Съ 1836 по 1839 г. включительно основной капиталъ постоянно превосходитъ раз-мѣры капитала, затраченнаго въ ссудахъ, на $1^1/_2$ и на 2 милл. г. Въ 1840 г. свободный излишекъ основнаго капитала составлялъ только 200,000 г.; въ 1841 г. основнаго капитала уже недо-стаетъ для ссудъ почти на 1 милл. г.; съ 1842 г. онъ былъ уве-личенъ до 10 милл., и съ 1843 до 1852 г., несмотря на постоян-ное возростаніе, его опять недостаетъ для покрытія капитала, затраченнаго въ ссудахъ, на 2, на 3 и даже до 4 милл. г. Итакъ, съ 1841 г. до 1852 билеты банка (хотя и выпущенные въ раз-мѣрахъ, превышавшихъ на 1 милл. и болѣе дефицитъ основнаго капитала въ покрытіи всѣхъ гипотечныхъ ссудъ) выполняютъ эту роль служить постояннымъ, дополнительнымъ къ основному капиталу фондомъ для гипотечныхъ ссудъ. Такая роль цирку-ляціонныхъ билетовъ (разумѣется, коль скоро въ этомъ орудіи мѣны есть потребность въ странѣ, они не обременяютъ собою обращенія, и постоянная разность между билетами выпускаемы-

ми и предъявляемыми къ размѣну въ кассѣ указываетъ, что масса, остающаяся въ обращеніи отъ одного года къ другому, не превышаетъ потребности въ билетахъ въ публикѣ) весьма выгодна для банка, потому что всѣ проценты, выручаемые по ссудамъ, сдѣланнымъ билетами, являются чистою прибылью подлѣ процентовъ на основной капиталъ. Но съ 1852 г. произведенъ былъ Баварскимъ банкомъ новый выкупъ акцій, и основной капиталъ былъ доведенъ до 20 милл. г. Съ этихъ поръ до 1856 г. включительно онъ уже далеко превосходитъ капиталъ, затраченный въ гипотечныхъ ссудахъ, и билеты, какъ въ первые годы существованія банка, уже представляются совершенно излишними, какъ фондъ для ссудъ. Съ 1852 по 1856 г. основной капиталъ и билеты составляютъ вмѣстѣ 28 милл. г., а капиталъ въ ссудахъ отъ 16 до 18 милл., излишекъ почти на 10 милл. При такомъ отношеніи основнаго капитала къ ссудамъ, т. е. при болѣе, чѣмъ достаточныхъ размѣрахъ перваго для послѣднихъ, билеты могли бы служить, какъ мы говорили, только временнымъ подкрѣпленіемъ кассъ для чрезвычайныхъ требованій на ссуды; но и для этой надобности достаточно свободнаго излишка основнаго капитала, тѣмъ болѣе, что, послѣ исключительнаго усиленія въ 1852 и 1853, новыя ссуды начали значительно ослабѣвать.

Билеты Баварскаго банка имѣютъ, кромѣ гипотечныхъ ссудъ еще другое назначеніе—учетъ векселей и кредитныхъ бумагъ, который мы оставляли въ сторонѣ, занимаясь исключительно поземельнымъ кредитомъ. Учетныя операціи столько же составляютъ принадлежность Баварскаго банка, какъ и гипотечныя. Если мы разсматриваемъ всѣ его предпріятія, какъ бы подчиненныя гипотечнымъ, то это только потому, что насъ болѣе интересуетъ собственно выясненіе нѣкоторыхъ сторонъ и комбинацій поземельнаго кредита, нежели положеніе дѣлъ самаго Баварскаго банка, мотивы дѣйствій котораго притомъ намъ мало могутъ быть извѣстны. Съ 1840 г. по 1852 возрастаніе билетовъ, кажется, не обусловливается движеніемъ учета, который въ этомъ періодѣ то колеблется около одной и той же цифры, то быстро упадаетъ (въ 1848 г.); въ этомъ періодѣ, какъ мы сказали, билеты дополняютъ основной капиталъ для гипотечныхъ ссудъ. Но съ 1854 г. (*) учетъ быстро возрастаетъ (съ 7 до 10 милл.), а гипотечныя ссуды, несмотря на увеличеніе съ 1852 г. основнаго ка-

(*) За 1853 г. мы не имѣемъ цыфры учета.

питала, уменьшаются, такъ что 10 милл. излишка основнаго капитала и билетовъ противъ ссудъ едва покрываютъ учетъ трехъ послѣднихъ лѣтъ. Здѣсь, кажется, и объясненіе возрастанія билетовъ, уже непричастныхъ поземельному кредиту.

До 1851 г. включительно, какъ мы увидимъ, прибыли отъ учетныхъ операцій Баварскаго банка были ничтожны въ сравненіи съ прибылями отъ гипотечныхъ ссудъ, и мы не знаемъ, въ какой степени можетъ быть оправдано развитіе перваго насчетъ послѣднихъ. Конечно, учетъ векселей, съ оживленіемъ коммерческихъ дѣлъ, значительно поднялся въ послѣднее время, а поземельный кредитъ имѣетъ вездѣ извѣстныя границы, достигнувъ которыхъ онъ долженъ остановиться. Съ точки зрѣнія собственно поземельнаго кредита намъ представлялось бы болѣе выгоднымъ для Баварскаго банка уменьшить свой основной капиталъ, который понапрасну обременяетъ банкъ, когда въ билетахъ онъ имѣетъ болѣе дешевый фондъ для гипотечныхъ ссудъ. Но здѣсь уже является вопросъ о законномъ и обязательномъ по уставу отношеніи основнаго капитала къ билетамъ ($^4/_{10}$), изъ котораго Баварскій банкъ не можетъ выходить. Не въ этомъ ли заключается *стѣсненіе средствъ*, на которое жалуется банкъ въ своемъ послѣднемъ отчетѣ (*) 1856 г. и которое, по его словамъ, объясняетъ нѣкоторое ослабленіе его операцій въ послѣднее время? Это ослабленіе замѣтно только (и то положительно лишь въ 1856) по выдачѣ новыхъ гипотечныхъ ссудъ; во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ банка мы находимъ скорѣе противное, а мы видѣли, что основной капиталъ далеко превышаетъ затраты банка на гипотечныя ссуды. Итакъ, положительнаго недостатка въ средствахъ нѣтъ; но, можетъ статься, было бы весьма выгодно замѣнить значительную часть основнаго капитала, затраченнаго въ ссудахъ, *билетами*, если потребность обращенія ихъ это дозволяетъ. Здѣсь мы соприкасаемся съ вопросомъ объ отношеніи циркуляціонныхъ билетовъ къ основному банковому капиталу, не входящемъ въ кругъ нашихъ настоящихъ изслѣдованій.

Мы постоянно упускали изъ виду способы, которые почерпаетъ Баварскій банкъ изъ другихъ отраслей своей дѣятельности, напримѣръ депозиты и вклады. Но здѣсь, сколько видно изъ таблицъ банка, активъ болѣе или менѣе уравновѣшивается съ пас-

---

(*) *Hübner Jahrbuch, p. 191—193.*

сивомъ (*), ссуды подъ кредитныя бумаги—съ депозитами, такъ что разсчитывать на свободные излишки капиталовъ по этимъ статьямъ, кажется, нельзя.

Нѣсколько ниже мы приводимъ таблицу свѣдѣній о *чистой прибыли* (**), извлеченной Баварскимъ банкомъ изъ разныхъ отраслей его операцій. Обозрѣвая эту таблицу, мы видимъ, что до 1851 года включительно прибыли отъ гипотечныхъ операцій составляли главную часть доходовъ банка, и всѣ остальныя прибыли подлѣ нихъ почти ничтожны. За гипотечными прибылями слѣдуютъ: учетъ, ссуды подъ движимыя цѣнности и застрахованія. Первый упалъ въ революціонный періодъ, вторыя въ то же время возросли до огромной цифры въ 1851 году (вѣроятно, вслѣдствіе воздержности банка отъ учета и требованія болѣе существенныхъ гарантій открываемаго кредита), а послѣднія значительно развились. Въ послѣдніе годы всѣ эти три вѣтви дохода должны были главнымъ образомъ увеличить дивиденды акціонеровъ, чему не могли содѣйствовать гипотечныя ссуды, какъ мы знаемъ, ослабѣвшія. До 1852 г. гипотечный кредитъ былъ главною затратою капиталовъ банка и главнымъ источникомъ его чистыхъ доходовъ; потому дивидендъ акціонеровъ и долженъ былъ преимущественно заключаться въ процентахъ, уплачиваемыхъ заемщиками-землевладѣльцами. Послѣдніе платятъ $4^0/_0$ (безъ погашенія). Размѣръ дивидендовъ и подтверждаетъ это. Съ 1836 до 1840 года мы видимъ дивиденды: $3^0/_0$, $3^7/_{10}$, $3^8/_{10}$, $4^1/_{10}$; въ этомъ періодѣ основной капиталъ превышаетъ капиталъ затраченный въ гипотечныхъ ссудахъ, потому и дивидендъ не можетъ превышать $4^0/_0$, а долженъ быть нѣсколько ниже. Въ 1840 г. возросли значительно ссуды и съ нимъ дивидендъ. Съ 1840 по 1851 г включительно капиталъ въ ссудахъ значительно превышаетъ основной капиталъ, и съ нимъ возвысились дивиденды, хотя учетные прибыли мало поднялись и потомъ упали. Въ 1851 г. къ прибылямъ отъ гипотеки прибавилась чрезвычайная прибыль отъ ссудъ подъ движимыя цѣнности.

(*) *Активъ* все то, что постороннія лица должны банку, напримѣръ векселя въ его кассѣ, ссуды подъ залогъ бумагъ и проч.; *пассивъ* — все то, что въ долгу на банкѣ, напримѣръ депозиты, циркуляціонные билеты и проч.

(**) Свѣдѣнія эти взяты нами изъ *Banken*, Гюбнера. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ столь подробныхъ свѣдѣній позже 1851 г.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА.

ПРИБЫЛЕЙ БАВАРСКАГО ГИПОТЕЧНАГО И УЧЕТНАГО БАНКА ПО РАЗНЫМЪ ЕГО ОПЕРАЦІЯМЪ.

Статьи доходовъ.	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851
Доходъ (*).																
Остатокъ отъ предидущаго года. . .	—	—	—	—	—	2,113	4,166	2,982	5,290	1,078	630	596	2,333	1,291	1,159	1,006
По гипотечнымъ ссудамъ.	—	119,640	171,873	212,126	254,014	315,567	361,929	424,039	445,068	473,822	508,630	558,920	588,355	576,795	578,573	609,009
По учетнымъ операціямъ.	98,690	99,275	88,336	91,972	108,145	114,154	120,114	126,127	138,488	139,082	137,484	144,748	97,134	72,726	75,413	52,803
По разнымъ ссудамъ подъ кредитныя бумаги. . . .	6,001	17,960	36,470	49,495	43,163	37,582	48,141	44,469	35,146	36,939	36,812	41,184	49,007	80,225	148,644	266 461
По переводамъ капиталовъ, открытымъ счетамъ и депозитамъ. . . .	136	138	506	477	570	734	939	1,262	906	1,066	1,109	1,275	1,160	1.008	1,481	1,367
По застрахованію.	—	—	—	5,000	34,822	24,178	30,058	54,262	44,108	41,568	22,964	48,860	37,298	36,379	59,873	62,787
Чистая прибыль въ счетъ запаснаго капитала.	—	—	—	833	1,911	3,525	5,483	6,908	5,912	7,560	21,951	14,866	18.165	19,590	45,066	51,537
Всего дохода . . .	147,457	237,013	297,195	359,903	442,626	497,853	579,84	660,050	674,019	701,137	729,586	820,449	793,452	788,015	909,209	1,044,97
За всѣми расходами банка оставалось чистой прибыли	104,244	186,516	254,804	312,861	391,271	421,630	498,14	572,887	569,790	580,415	597,096	680,166	662,666	670,278	809,766	935,790
Изъ чистой прибыли выдано акціонерамъ въ дивидендъ (въ томъ числѣ обязательные 3%)	3%	$3^{7}/_{10}\%$	$3^{8}/_{10}\%$	$4^{1}/_{10}\%$	$4^{6}/_{10}\%$	$4^{7}/_{10}\%$	$4^{5}/_{10}\%$	$5^{5}/_{10}\%$	$5^{1}/_{10}\%$	$5^{2}/_{10}\%$	$5^{1}/_{10}\%$	$5^{1}/_{10}\%$	5%	$4^{9}/_{10}\%$	$5^{4}/_{10}$	$5^{6}/_{10}$

(*) Подъ доходомъ здѣсь разумѣется чистая прибыль, а не валовый приходъ, по каждой отрасли операцій.

Сравнимъ теперь, для подтвержденія нашей мысли, колебанія дивиденда съ колебаніями излишка капитала въ гипотечныхъ ссудахъ передъ основнымъ капиталомъ (излишка, покрываемаго билетами и обусловливающаго, какъ мы говорили, главнымъ образомъ выгоды земскаго банка).

Годъ.	Дивидендъ.	Разница между гипотечнымъ капиталомъ и основнымъ.
1841	$4^{7}/_{10}\,\%$	+909,313
1842	$4^{5}/_{10}\,\%$	— 65,720
1843	$5^{1}/_{10}\,\%$	+934,280
1844	$5^{1}/_{10}\,\%$	+1,755,392
1845	$5^{2}/_{10}\,\%$	+2,504,587
1846	$5^{1}/_{10}\,\%$	+9,024,654
1847	$5^{1}/_{10}\,\%$	+3,878,724
1848	5 %	+2,628,843
1849	$4^{9}/_{10}\,\%$	+1,156,328
1850	$5^{4}/_{10}\,\%$	+1,563,837
1851	$5^{6}/_{10}\,\%$	+1,225,882
1852	5 %	—2,538,270

Разумѣется, эти колебанія того и другаго рода цифръ не могутъ математически совпадать между собою; но важно то, что въ общемъ своемъ направленіи они подтверждаютъ высказанный нами взглядъ. Мы не можемъ отрицать зависимости доходовъ банка и отъ прибылей въ иныхъ оборотахъ, кромѣ гипотечнаго кредита. Но по 1853 г. они преимущественно заключались въ этомъ послѣднемъ, а въ немъ обусловливались преимущественно излишкомъ капитала, затраченнаго въ ссудахъ, передъ основнымъ капиталомъ, иначе были обратно пропорціональны величинѣ основнаго капитала и прямо пропорціональны величинѣ гипотечнаго капитала. Наконецъ, основываясь преимущественно на прибыляхъ по гипотечнымъ ссудамъ, дивиденды акціонеровъ на столько могли превышать 4%, уплачиваемые заемщиками, на сколько гипотечный капиталъ превышалъ основной, если не было особенно великихъ прибылей по другимъ операціямъ, кромѣ поземельнаго кредита. Излишекъ гипотечнаго капитала передъ основнымъ потому особенно важенъ для банка, что онъ можетъ покрываться безпроцентнымъ фондомъ — циркуляціонными билетами.

Такова сущность нашихъ мыслей. Въ нихъ можно убѣдиться, вникнувъ во всѣ представленныя нами цифры и таблицы. Для примѣра мы между прочимъ укажемъ только на дивиденды 1842 и 1852 годовъ. Незначительный (исключительный въ этомъ десятилѣтіи) излишекъ основнаго капитала въ 1842 г. тотчасъ обнаружился уменьшеніемъ дивиденда; значительный излишекъ 1852, которымъ начинается новый періодъ (непрерывающагося излишка) сопровождается паденіемъ дивиденда на $^{6}/_{10}{}^{0}/_{0}$, *несмотря на то, что этотъ годъ былъ самый обильный за все время существованія банка гипотечными ссудами.*

Въ 1854, 1855 и 1856 годахъ были самые высокіе дивиденды по Баварскому банку: $6^{1}/_{2}{}^{0}/_{0}$, $6^{4}/_{5}$, $7^{1}/_{5}$ (*). Въ этомъ періодѣ основной капиталъ постоянно преобладаетъ надъ капиталомъ, затраченнымъ въ гипотечныхъ ссудахъ, но поземельный кредитъ вообще уже отступаетъ въ этомъ періодѣ на задній планъ, и чрезвычайно усиливается учетъ и другія банковыя операціи, которыя только и могли дать такіе дивиденды, совершенно недоступные для поземельнаго кредита.

Замѣтимъ, оканчивая изложеніе положенія дѣлъ Баварскаго банка, что его запасный капиталъ постоянно возрасталъ и въ 1851 г. уже достигъ весьма почтенной цифры 1,025,899 гульденовъ.

Изъ того, что̀ нами сказано относительно выгодъ, которыя могутъ быть извлечены банкомъ изъ излишка требованій на гипотечныя ссуды передъ его основнымъ капиталомъ, и изъ удовлетворенія этимъ требованіямъ циркуляціонными банковыми билетами, можетъ быть выведено заключеніе, что мы выставляемъ желательнымъ образованіе ссуднаго фонда земскихъ банковъ изъ банковыхъ билетовъ. Мы бы никакъ не хотѣли, чтобы изъ нашихъ словъ было выводимо такое заключеніе, потому что мы далеко не приверженцы организаціи поземельнаго кредита на основѣ банковыхъ циркуляціонныхъ билетовъ. Потому и спѣшимъ оговориться. Поземельный кредитъ и гипотечныя ссуды, по самой сущности своей, какъ мы не разъ говорили и какъ очевидно для всякаго, необходимо требуютъ *долгосрочности*. Циркуляціонные банковые билеты, выпускаемые банкомъ по мѣрѣ ежедневной, ежечасной потребности денежнаго рынка въ

(*) *Hübner. Jahrbuch. 1857. P. 186.* Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробныхъ отчетовъ прибылей по разнымъ статьямъ за эти годы.

бумажныхъ знакахъ, какъ орудіи мѣны, и ежедневно и ежеминутно предъявляемые въ его кассу къ обмѣну на звонкую монету, по мѣрѣ потребности рынка въ звонкой монетѣ, по самой природѣ своей составляютъ принадлежность краткосрочнаго коммерческаго кредита: учета коммерческихъ бумагъ и открытыхъ счетовъ. Соединеніе банковыхъ билетовъ, размѣниваемыхъ въ кассѣ по предъявленію, съ поземельнымъ кредитомъ составляетъ вообще трудную и весьма сложную задачу государственнаго хозяйства, тѣмъ болѣе, когда въ поземельномъ кредитѣ данной страны преобладаетъ потребность въ постоянномъ капиталѣ, а не оборотномъ, въ затратахъ на землю и недвижимое имущество, а не на коммерческую и движимую часть хозяйства. Эта задача до сихъ поръ не разрѣшена, ни въ теоріи, ни въ практикѣ. Закладные листы земскихъ кредитныхъ обществъ съ возвратомъ по нимъ капиталовъ изъ банка по предъявленію (какъ мы видѣли въ остзейскихъ губерніяхъ и нѣкоторыхъ странахъ Германіи) значительно приближаются къ размѣннымъ банковымъ билетамъ; но, во первыхъ, такіе закладные листы все-таки не банковые билеты, во многихъ отношеніяхъ, и, во вторыхъ, и размѣнные закладные листы не принялись и въ главнѣйшихъ германскихъ учрежденіяхъ поземельнаго кредита консолидированы, то есть обращены въ листы безъ размѣна, по предъявленію. Между тѣмъ, коль скоро въ ипотечномъ банкѣ уже допущена комбинація ссуднаго фонда изъ складочнаго капитала и билетовъ, то очевидно, что чѣмъ большая часть перваго будетъ покрыта билетами, тѣмъ выгоднѣе для банка. Это только мы и хотѣли сказать. Кромѣ того, билеты Баварскаго банка, какъ *привиллегированнаго*, то есть исключительно во всемъ государствѣ имѣющаго право выпускать банкноты, поставлены въ особенныя условія; въ излишкѣ его билетовъ, ежегодно остающемся въ обращеніи, можно видѣть извѣстное количество билетовъ, удовлетворяющее болѣе или менѣе постоянной и неизмѣнной потребности народа въ бумажныхъ орудіяхъ мѣны,—потребности, на удовлетвореніе которой Баварскій банкъ имѣетъ монополію (*). Потому выпускъ извѣстнаго количества билетовъ обезпеченъ для Баварскаго банка отъ всякихъ случайностей рыночнаго обращенія.

(*) Публика гораздо менѣе обезпечена противъ банка привиллегированнаго и монопольнаго, нежели совершенно свободнаго. Здѣсь не мѣсто развивать эту мысль, съ которою, впрочемъ, въ настоящее время согласна большая часть экономистовъ.

Въ послѣднее время сдѣланы въ Баварскомъ банкѣ многія важныя преобразованія, которыя предполагались въ отчетѣ банка за 1856 г. и на которыя необходимо указать, хотя послѣдствія ихъ для дѣлъ компаніи еще не могли обнаружиться. Потому, въ заключеніе нашихъ сужденій (*) объ истекшей дѣятельности Баварскаго банка, мы считаемъ полезнымъ представить собственные его взгляды на свои дѣйствія, какъ они выказались въ отчетѣ за 1856 г., послѣднемъ намъ извѣстномъ во всѣмъ объемѣ.

Отчетъ подтверждаетъ замѣченное нами постепенное увеличеніе числа мелкихъ заемщиковъ и по справедливости выставляетъ это явленіе, какъ весьма благодѣтельное съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, говоря, что компанія содѣйствовала развитію кредита въ этомъ направленіи, несмотря на то, что крупныя ссуды и обширныя гипотеки ближе ея промышленнымъ интересамъ. Отчетъ указываетъ на развитіе добровольныхъ возвратовъ выданныхъ въ ссуду капиталовъ за разъ или по частямъ. Это право на уплату долга во всякое время составляетъ чрезвычайно важную льготу для заемщиковъ; они никогда не могли бы ее имѣть въ частныхъ кредитныхъ сдѣлкахъ. Отчетъ подтверждаетъ особенное пристрастіе публики къ 5% взлогамъ, (то есть 1% погашенія). До сихъ поръ произволу заемщика предоставлялось выбрать для себя тотъ или другой размѣръ ежегоднаго погашенія, начиная съ $1^1/_2$% ($4^1/_2$% съ ростомъ) до 6% (10% съ ростомъ); теперь банкъ оставилъ эту льготу только для мелкихъ заемщиковъ, до 1,000 гульд.; ссуды свыше 1,000 гульд. выдаются не иначе, какъ *съ условіемъ ежегоднаго взноса болѣе 5% или 1% на погашеніе и также съ правомъ со стороны банка требовать возврата капитала, по извѣщеніи о томъ заемщика за 6 мѣсяцевъ и съ правомъ заемщика возвращать весь капиталъ также по извѣщеніи за 6 мѣсяцевъ.*

(*) Исключительная цѣль сдѣланнаго нами разбора операцій и положенія дѣлъ Баварскаго банка за истекшее время была выяснить, какъ для самихъ себя, такъ и для читателей, нѣкоторыя общія условія и черты земскихъ банковъ, а никакъ не критика организаціи и дѣятельности Баварскаго банка. На право такой критики, при тѣхъ матеріалахъ, какіе намъ доступны, и при томъ запасѣ свѣдѣній въ дѣлѣ кредита, какія намъ лично принадлежатъ, мы не имѣемъ никакого притязанія. Потому, оставаясь вѣрными общимъ началамъ поземельнаго кредита, мы могли въ нашей оцѣнкѣ впасть въ ошибочныя сужденія собственно относительно коммерческихъ побужденій самаго Баварскаго банка.

Это важное измѣненіе въ системѣ банка не мотивируется въ его отчетѣ; но, сколько можно понять, оно основано на чрезвычайномъ приливѣ требованій на ссуды. Банкъ *не могъ* удовлетворять всѣмъ этимъ требованіямъ или же *не хотѣлъ* вслѣдствіе большей прибыльности другихъ операцій (по учету, ссудъ подъ движимыя цѣнности и проч.), которыя особеннымъ образомъ оживились въ послѣднее время. Наконецъ, въ весьма недавнее время Баварскій банкъ *вовсе закрылъ систему погашенія ежегодными процентными взносами* (*). О послѣдствіяхъ этой важной мѣры мы ничего не знаемъ. Очевидно только для насъ, что обороты Баварскаго банка, въ послѣднее время, направлены преимущественно къ инымъ промышленнымъ и коммерческимъ интересамъ, нежели поземельный кредитъ, который прежде совершенно преобладалъ въ его операціяхъ. Вмѣстѣ съ упомянутыми преобразованіями, сдѣлано въ Баварскомъ банкѣ, съ разрѣшенія правительства, расширеніе коммерческаго кредита, допущены къ учету коммерческія и кредитныя бумаги въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Соединеніе обоего рода кредитовъ, гипотечнаго и коммерческаго, и дружное совокупное развитіе того и другаго въ одномъ учрежденіи, вѣроятно, сдѣлалось затрудненіемъ. тѣмъ болѣе замѣтнымъ посреди всеобщаго коммерческаго и промышленнаго оживленія Германіи въ послѣднее время.

Въ группѣ гипотечныхъ учрежденій, основанныхъ на началѣ товарищества капиталистовъ или заимодателей, намъ остается послѣ Баварскаго банка подробно разсмотрѣть устройство поземельнаго кредита во Франціи (**). Судьбы его въ высшей степени любопытны и поучительны не только для уясненія живыми фактами практическаго опыта многихъ спеціальныхъ вопросовъ поземельнаго кредита, но и какъ отрывокъ изъ современной исторіи Франціи, въ которомъ отражаются важнѣйшіе условія и элементы политической и общественной жизни французскаго народа, въ своихъ дивныхъ и прихотливыхъ сочетаніяхъ и про-

---

(*) *Hübner. Jahrbuch, p. 195.*

(**) Относительно поземельнаго кредита во Франціи см.: *Wolowsky. Crédit foncier. (Coquelin et Guillaumin. Dictionnaire de l'Economie politique).* Его же. *De l'organisation du crédit foncier Paris. 1848. Dr. I. Levita. Die Bodenkredit-anstalt in Frankreich, deren Entwickelung u gegenwärtige Gestaltung (kritische Zeitschrit für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes; Heidelberg, 1833) Его же, Beiträge zur französischen Hypothecarreform* (тамъ же, *1856). I. E. Horn. Das Creditwesen in Frankreich, nationalökonomische*

тивоположностяхъ. Предѣлы нашего труда не позволяютъ намъ войти во всѣ подробности обстоятельствъ, сопровождавшихъ развитіе поземельнаго кредита во Франціи, какъ бы они ни были интересны; но мы постараемся сдѣлать очеркъ главнѣйшихъ его фазъ.

Франція, какъ извѣстно, не можетъ затѣять у себя никакого дѣла безъ того, чтобы съ шумомъ не возвѣстить всей вселенной о своемъ намѣреніи: своимъ поземельнымъ кредитомъ Франція также надѣлала много шума и забила тревогу во всѣхъ концахъ міра. Великія намѣренія mobiliser le sol (любимое выраженіе того времени) и великодушныя обѣщанія разомъ освободить французскую землю отъ тяжести вѣковыхъ долговъ, далеко не осуществились въ организаціи crédit foncier, какая у насъ теперь передъ глазами. Но не будемъ слишкомъ легкомысленно говорить о французскомъ шумѣ: и здѣсь, если французская земля ни на шагъ не двинулась съ своего мѣста, повелѣніемъ дирекціи crédit foncier, если ненавистные ростовщики, по прежнему, гложутъ ея благодатныя поля, если возвышенныя мечты агитаторовъ поземельнаго кредита подпали общей участи всѣхъ пріятій нашего времени—волненіямъ парижской биржи и спекуляціи ея владыкъ, гвардейскихъ тѣлохранителей общественнаго порядка Франціи, то шумъ, возвѣстившій міру муки рожденія crédit foncier, пролилъ чрезвычайно много свѣта на всѣ вопросы поземельнаго кредита и дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ возбудилъ благодѣтельную дѣятельность въ умахъ.

Съ исторіей поземельнаго кредита во Франціи связано имя нашего единоплеменника, извѣстнаго современнаго экономиста г. Воловскаго, энергическимъ усиліямъ котораго она обязана своими лучшими страницами и самыми общеполезными начинаніями. Въ то время, когда еще, подъ печальными воспоминаніями о системѣ Лоу и революціонныхъ ассигнаціяхъ, публика и даже

Skizze. Lpz. 1857. E. Bères. Manuel de l'emprunteur et du prêteur aux caisses du crédit foncier. Paris. 1853. H. Rau. Die ländliche Urproduction u. der Real-credit Wien 1857. O Hübner. Die Banken. Lpz. 1854, pp. 108 и 204. — Courtois. Des operations de Bourse, Paris, 1856, p. 215. Courcelle-Seneuil. Traite theorique et pratique des operations de Banque. Paris. 1857. Livre III. Ch. VI. Bailleux de Marizy. Le crédit foncier, ses transformations, et ses progres en France (Revue des deux mondes, 1858, T. XVII). Ch. Barre. Du Crédit et des banques hypothécaires. 1849. Le Hir. Crédit foncier. 1852. В. Безобразова. Поземельный кредитъ въ Польшѣ и во Франціи. (Журн. М. Г. И. 1856 г. и «Сельское Благоустройство», 1858 г. № 1) *Comptes rendus de l'administration générale du crédit foncier en France 1854—1858.*

*

многіе лучшіе умы смотрѣли во Францію на организацію поземельнаго кредита, какъ на бредъ утопистовъ или новый замыселъ противъ чужихъ кармановъ, г. Воловскій не переставалъ говорить объ этой организаціи, какъ о единственномъ способѣ улучшенія стѣсненныхъ кредитныхъ обстоятельствъ французскаго земледѣлія, и, знакомый съ устройствомъ поземельнаго кредита въ своемъ отечествѣ, царствѣ Польскомъ, и Восточной Германіи, онъ указывалъ на нихъ какъ на дѣйствительность, давшую прекрасные, далеко не мечтательные результаты (*).

Иго ипотечныхъ долговъ, тяготѣвшее надъ земледѣльцами и сельскими хозяевами, было во Франціи предметомъ постоянныхъ жалобъ и самыхъ злополучныхъ пророчествъ. Нельзя сказать, чтобы въ этихъ вопляхъ не было значительной доли истины, но нельзя также сказать, чтобы въ нихъ не было блистательнаго преувеличенія, всегда являющагося неизбѣжнымъ спутникомъ страданій французскаго общества и въ его собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ постороннихъ свидѣтелей. Если взять цифру всѣхъ ипотечныхъ долговъ, лежавшихъ на французской поземельной собственности, отъ 11 до $12^1/_2$ милліардовъ франковъ (**) и постоянное ихъ возрастаніе (до 500 милліоновъ годъ), то, дѣйствительно, тяжесть ихъ казалась необъятною и будущность сельскаго хозяйства самою роковою.

(*) См. докладъ г. Воловскаго Академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ въ 1839 г. и издававшійся имъ журналъ: *Revue de législation et de jurisprudence*.

(**) По оффиціальнымъ документамъ, исчислялось въ 1832 году ипотечныхъ долговъ (заключенныхъ формальнымъ порядкомъ, со внесеніемъ въ ипотечныя книги) 11, 233, 265, 773 франк., а въ 1840 г. уже 12, 554, 098, 600. Возрастаніе долговъ по ипотечнымъ книгамъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

1840	519,278,160	фр.	новыхъ	займовъ.
1841	419,575,820	—	—	—
1842	509,555,000	—	—	—
1843	564,255,000	—	—	—
1844	572,276,700	—	—	—
1845	584,553,000	—	—	—
1846	600,671,700	—	—	—
1847	630,545,840	—	—	—
1848	550,053,300	—	—	—
	5,022,764,620			

Среднимъ числомъ въ годъ 557,973,847

(*Diction. de l'Econ. polit. T.* 1, 557. Статья г. Воловскаго.)

Но эти цифры были, подъ вліяніемъ паническаго страха окончательнаго банкрутства поземельной собственности, значительно раздуты. Болѣе хладнокровное размышленіе и добросовѣстныя изслѣдованія показали, что весь гипотечный долгъ долженъ быть, по крайней мѣрѣ, уменьшенъ на одну треть (1) и что, по приблизительной вѣроятности, онъ можетъ быть оцѣненъ въ 8 милліардовъ (2), и даже менѣе. Принимая на основаніи этихъ данныхъ среднюю цифру всего гипотечнаго долга и затѣмъ пропорцію его къ вѣроятной средней цѣнности всей поземельной собственности во Франціи, первый составлялъ приблизительно только одную седьмую послѣдней, и, принимая самыя неблагопріятныя и преувеличенныя исчисленія, мы все-таки получимъ пропорцію 1: 5 (3). Такая пропорція долга къ цѣнности собственности еще далеко не есть ея конечное раззореніе; въ самой же Франціи движимыя имущества, при новыхъ формахъ и отважныхъ предпріятіяхъ коммерческаго и промышленнаго кредита, были въ зависимости отъ кредита въ несравненно болѣе обширныхъ размѣрахъ. Въ то же время, при всѣхъ условіяхъ самой мелочной осторожности земскихъ кредитныхъ учрежденій въ Германіи, всякое недвижимое имущество могло быть заложено на половину своей цѣнности, и во многихъ мѣстностяхъ вся совокупность имѣній достигла уже этой пропорціи долга. На основаніи такихъ соображеній, люди, спеціально занимавшіеся вопросомъ (какъ, напримѣръ, г. Воловскій) (4), справедливо утверждали, что вся совокупность поземельной собственности во Франціи *менѣе обременена долгами*, чѣмъ въ остальной Европѣ. Постоянно высокія продажныя цѣны на землю и имѣнія во Франціи подтверждали этотъ взглядъ. Кромѣ того, поземельная собственность и земледѣлецъ во Франціи были совершенно свободны отъ инаго бремени, тяготѣвшаго повсемѣстно надъ сельскимъ хозяйствомъ въ Германіи, *феодальныхъ повинностей*. Это бремя, отъ котораго Франція съумѣла освободиться гораздо ранѣе, путемъ некредитныхъ сдѣлокъ, было для многихъ странъ Германіи необходимостью болѣе настоятельною всякихъ гипотечныхъ дол-

---

(1) Вычтя многія суммы, внесенныя въ гипотечныя книги вдвое, для одной формы и проч. (мнѣніе г. Воловскаго).

(2) Мнѣніе г. Шегаре, докладчика законодательнаго собранія въ 1858 г.

(3) *Revue des deux mondes. T. XVII, p. 598. Diction. de l'Econ. pol. T. I. p. 550.*

(4) *Diction. de l'Econ. pol. T. I, p. 550.*

говъ къ основанію кредитныхъ учрежденій; оно стоило всякихъ пожертвованій правительства и не могло ожидать рѣшенія исключительно отъ успѣховъ частныхъ промышленныхъ предпріятій. Всѣ долги французской поземельной собственности были добровольные, и тяжесть ихъ возрастала отъ недостатка земледѣльческой энергіи и медленности агрономическихъ успѣховъ.

Это — свѣтлая сторона гипотечнаго долга, обременявшаго французскія недвижимыя имущества. Но онъ имѣетъ и другую сторону, которая, безъ преувеличенія, дѣйствительно, неутѣшительна и заставляла съ особенною живостью чувствовать тягость кредитныхъ обстоятельствъ.

Не столько *капитальныя цифры* гипотечныхъ долговъ были обременительны для французскихъ собственниковъ, сколько *условія*, на которыхъ они заключались, и *обязательства*, которыя на себя принимали заемщики въ отношеніи къ кредиторамъ. Выше выставляемая нами весьма успокоительная пропорція между цифрою всего гипотечнаго долга и цѣнностью всѣхъ недвижимыхъ имуществъ во Франціи совершенно измѣняетъ свой характеръ, если сравнить ежегодные доходы ихъ и проценты, уплачиваемые заимодавцамъ. Здѣсь уже оказывается пропорція далеко неблагопріятная: по среднимъ исчисленіямъ, ежегодныя обязательства, по крайней мѣрѣ, до 500 или 600 милліоновъ франковъ, а весь поземельный доходъ не превышаетъ двухъ милліардовъ (т. е. пропорція 1 : 4); четвертая или даже третья часть всѣхъ доходовъ идетъ на уплату долговыхъ обязательствъ, безъ малѣйшаго даже погашенія самаго долговаго фонда. Между тѣмъ, гипотечные долги постоянно возрастаютъ, съ нимъ и ежегодные проценты; а поземельный доходъ, при медленности успѣховъ сельскаго хозяйства во Франціи, не быстро увеличиваются.

Такая несоразмѣрность гипотечныхъ обязательствъ къ доходамъ землевладѣльцевъ происходитъ преимущественно отъ чрезвычайной высоты роста по гипотечнымъ долгамъ во Франціи. По свѣдѣніямъ, собраннымъ для парламентскихъ преній, въ 1851 г. опредѣляли цифру процентовъ, ежегодно выплачиваемыхъ гипотечными должниками, въ средней сложности, на всемъ пространствѣ Франціи, отъ 9 до 10% на занятый капиталъ. Какъ ни чрезмѣрно высока такая средняя цифра гипотечнаго процента, даже въ сравненіи съ странами съ высокимъ ходячимъ процентомъ на капиталъ, но она была послѣдствіемъ

весьма умѣренныхъ выводовъ изъ точныхъ, повсемѣстныхъ изслѣдованій. Изъ 65 департаментскихъ совѣтовъ, спрошенныхъ правительствомъ въ 1845 г. о состояніи гипотечныхъ долговъ, 57 совѣтовъ отвѣчали, что землевладѣльцы всегда платятъ по своимъ долгамъ болѣе 5%, 17 выставили для процентовъ и другихъ расходовъ 6% и 7%, 12 совѣтовъ — 7, 8, 9 и 10%; наконецъ нѣкоторые доходили до 12, 15, 20 и даже 22%, особенно въ случаѣ краткосрочныхъ и мелкихъ займовъ. Вообще опредѣляли средній процентъ, *при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ* заключенія гипотечнаго займа, въ 6 и 7%, а съ необходимыми расходами по закладнымъ въ 8 — 10%. Въ этомъ отношеніи Парижъ и нѣкоторые большіе города представляютъ большую разницу съ остальною Франціею и сельскими имуществами; парижскіе домовладѣльцы, при благопріятныхъ условіяхъ ихъ состоятельности, могли занимать подъ залогъ домовъ по 5%. Но уже подъ самымъ Парижемъ ростъ доходилъ до 9% (*). Потому, если исключить городскія имущества, особенно состоятельныхъ землевладѣльцевъ и особенно выгодные для поземельной собственности случаи займовъ, средняя цифра процента въ 9 и 10% будетъ довольно вѣрна для большей массы должниковъ. Наконецъ, исключивъ всѣ крайности, какъ благопріятныя, такъ и неблагопріятныя, все-таки можно было, съ полною вѣроятностію, притти къ убѣжденію, что средній, нормальный процентъ по займамъ подъ залогъ недвижимой собственности во Франціи 7% (**). Нельзя сказать, чтобы такіе результаты, при самой умѣренной ихъ оцѣнкѣ, не были печальны въ странѣ, богатой капиталами, огромными пространствами самой плодоносной почвы, съ колоссальнымъ развитіемъ промышленности и съ образцовымъ образомъ устроенною магистратурою и судопроизводствомъ. Достаточно вспомнить для уясненія себѣ невыгодности такихъ результатовъ, что почти во всей сосѣдней Германіи средній процентъ по частнымъ гипотечнымъ займамъ не превышалъ 5%. и правительства и частныя лица напрягали усилія, чтобы съ помощью гипотечныхъ учрежденій понизить и этотъ размѣръ процентовъ.

Высота роста и другихъ расходовъ при заключеніи займовъ подъ недвижимую собственность во Франціи объясняется пре-

---

(*) *Diction. de l'Econ. polit. T. I, p. 556.*

(**) Тамъ же, p. 557.

имущественно характеромъ, который приняли тамъ съ давнихъ временъ такія кредитныя сдѣлки. Всѣ онѣ заключаются черезъ посредство мѣстныхъ нотаріусовъ, маклеровъ и разнымъ сводчиковъ, которые берутъ на себя всѣ хлопоты по договору объ условіяхъ займа и по исполненію всѣхъ законныхъ формальностей (весьма запутанныхъ и мало обезпечивающихъ права собственности и кредиторовъ) и затѣмъ по взысканію процентовъ и долговой суммы (*). За эти услуги они берутъ большое вознагражденіе и стараются извлечь возможно болѣе для себя выгодъ съ обѣихъ сторонъ. Весьма естественно, что вся тяжесть такихъ условій обрушивается преимущестенно на заемщиковъ. Издавна образовался этимъ путемъ, во Франціи, осо-

(*) Займы подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ заключаются обыкновенно во Франціи слѣдующимъ, обычаемъ вкоренившимся, порядкомъ. Желающій занять выдаетъ своему коммиссіонеру закладной актъ на свое имѣніе, въ той суммѣ, какая ему нужна, и, кромѣ того, подписываетъ на имя коммиссіонера, на всю эту сумму, еще нѣсколько заемныхъ писемъ (каждое въ 1,000 фран.). Эти письма или векселя обыкновенно пишутся безъ означенія срока уплаты долга, такъ что могутъ быть во всякое время поданы ко взысканію. Они выдаются также безъ означенія имени кредитора, такъ, чтобы можно было вписать всякое имя. Коммиссіонеръ снабжаетъ ихъ своимъ поручительствомъ, или же они выдаются на имя комиссіонера, который дѣлаетъ, для облегченія ихъ обращенія, бланковую надпись. Коммиссіонеръ вручаетъ эти заемныя письма другой сторонѣ — кредитору, или вообще продаетъ ихъ капиталистамъ, какихъ отыщетъ, и условливается съ ними о срокѣ взысканія долга или о пересрочкѣ, лежащихъ на его отвѣтственности. Кредиторъ и должникъ остаются большею частію другъ другу неизвѣстными и совершенно чуждыми. Агентъ получаетъ проценты и всѣ расплаты отъ должника и разсчитывается съ кредиторомъ; онъ даже, въ случаѣ несогласія послѣдняго на отсрочки, уплачиваетъ ему весь капиталъ и уже самъ расправляется съ должникомъ или отыскиваетъ для него другаго заимодавца, или же наконецъ остается самъ его кредиторомъ. Коммиссіонеры обыкновенно обнадеживаютъ заемщиковъ насчетъ отсрочекъ, и послѣдніе, не задумываясь о срокѣ расплаты, подписываютъ обязательства на всякую сумму. Весьма часто долги дѣйствительно отсрочиваются безконечное число разъ и обращаются какъ бы въ непрерывныя ренты. Землевладѣлецъ дѣлается вѣчнымъ неоплатнымъ должникомъ сводчиковъ, которые сосутъ изъ него все, что могутъ. Кромѣ операцій, прикрытыхъ формою законности, разумѣется, совершается множество мошеническихъ продѣлокъ, изъ которыхъ землевладѣльцамъ трудно выкутаться, такъ какъ агенты, знатоки, посвященные во всѣ таинства крючкотворства, всегда одержатъ верхъ. Внезапная подача ко взысканію, со стороны людей, совершенно неизвѣстныхъ землевладѣльцу, арестъ всего его имущества безпрестанно поражаютъ сельскихъ хозяевъ, въ особенности мелкихъ. Агенты дѣлаются также иногда жертвами капиталистовъ, которые въ общей сложности одни спокойно пожинаютъ лавры. При этой системѣ сдѣлокъ, заемщики выигрываютъ одно — полную *тайну* заключеннаго займа. Это обстоятельство и служитъ для нихъ постояннымъ соблазномъ. См. *O. Hübner. Die Banken, p. 108. Courcelle Seneuil. Traite des opérations de Banque, p. 111.*

бенный классъ людей, живущихъ и обогащающихся единственно на счетъ стѣсненныхъ обстоятельствъ землевладѣльцевъ, особенно сельскихъ и мелкихъ. Этотъ классъ сдѣлался мало по малу средоточіемъ всѣхъ сдѣлокъ по закладнымъ, и никакой случай займа не могъ миновать ихъ рукъ. Промыселъ этихъ людей основанъ на возможно большемъ возростаніи гипотечныхъ займовъ, которые, подъ ихъ вліяніемъ, умножались и учащались (посредствомъ краткосрочныхъ условій и пересрочекъ) до неимовѣрности. Много французскаго воображенія, краснорѣчія и остроумія изощрено на описаніе продѣлокъ и хищничества этихъ людей, въ особенности посреди сельскаго и крестьянскаго народонаселенія. Такъ одинъ французскій священникъ, разсказывая ужасы закладныхъ для бѣдныхъ поселянъ-собственниковъ, говоритъ: «все искусство этихъ мелкихъ ростовщиковъ состоитъ въ практическомъ разрѣшеніи слѣдующей задачи: *ссужая поселянину 900 франковъ, найти средство отнять у него 9,000 фр. и остаться честнымъ человѣкомъ, въ глазахъ французскаго гражданскаго кодекса*». (*)

Мы указывали на $7^0/_0$, какъ на среднюю цифру ежегоднаго роста по всѣмъ гипотечнымъ долгамъ Франціи, какъ на результатъ самыхъ добросовѣстныхъ и умѣренныхъ исчисленій; между тѣмъ, доходъ собственниковъ земли во Франціи никогда не превышаетъ $3^1/_2{}^0/_0$ на покупную цѣну земли, и даже въ средней сложности не болѣе $2^1/_2{}^0/_0$ и $3^0/_0$. Поэтому бремя гипотечныхъ долговъ во Франціи представлялось еще болѣе тягостнымъ, когда выводили изъ этихъ цифръ то необходимое заключеніе, что постоянныя обязательства собственниковъ земли въ отношеніи къ ихъ кредиторамъ, въ нормальномъ порядкѣ вещей, вдвое и даже болѣе превышали ихъ доходы, безъ малѣйшаго даже погашенія самаго капитала долга. Такое экономическое положеніе поистинѣ должно было казаться чудовищнымъ. Чтобы понять причины этого положенія и уяснить кажущееся противорѣчіе его съ тою пропорціею ежегодныхъ процентовъ по гипотекамъ къ среднимъ ежегоднымъ поземельнымъ доходамъ Франціи (1:4), которую мы выставили выше, необходимо вникнуть въ различіе между *поземельнымъ доходомъ* и *доходомъ собственника земли* (или тѣмъ, что̀ называется *рентою*), который составляетъ только часть перваго. Въ общей совокупности чистаго поземель-

(*) *E. Bères. Manuel de l'emprunteur et du prêteur etc. 49.*

наго дохода заключается: вознагражденіе за трудъ, дѣятельность и риски сельскаго хозяина, земледѣльца или вообще земледѣльческаго предпринимателя — cultivateur, самъ ли онъ собственникъ земли, или снимаетъ ее отъ собственника), то, что̀ называется его промышленною прибылью, проценты на капиталы, затраченные въ землю и хозяйство, и наконецъ плата за пользованіе землею, за право собственности, или рента въ пользу собственника. Поземельный доходъ можетъ составлять 10% на цѣну имѣнія, а доходъ собственника, или рента, которую онъ получаетъ безъ малѣйшаго участія своимъ трудомъ, безъ всякихъ хлопотъ, можетъ быть только 2, 3% и 3½%. Между тѣмъ — и въ этомъ состоитъ одно изъ главныхъ условій тяжкихъ кредитныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась поземельная собственность во Франціи — *большая часть ипотечныхъ долговъ заключалась для покупки земли*, и не столько для болѣе выгодной и тщательной ея обработки, сколько для пріобрѣтенія права собственности на землю, этого высочайшаго гражданскаго блага въ глазахъ каждаго члена французскаго общества. Такое направленіе составляетъ съ давнихъ временъ одну изъ чертъ французской національности; оно сопряжено со многими слишкомъ важными политическими и соціальными послѣдствіями въ жизни французскаго народа, и мы отмѣчаемъ здѣсь только его экономическіе результаты, или, лучше, одно изъ экономическихъ затрудненій, къ которому привело это движеніе (*). При постоянномъ стремленіи пріобрѣсть во что̀ бы

(*) Выписываемъ мнѣніе по этому предмету знаменитаго французскаго ученаго по вопросамъ земледѣлія г. Буссенго; по нѣкоторымъ мыслямъ, оно можетъ также служить и дальнѣйшему нашему развитію теоріи поземельнаго кредита. «Вообще, когда говорятъ о доходахъ земледѣлія, сказалъ г. Буссенго (во время административныхъ изысканій французскаго правительства относительно ипотечнаго кредита), смѣшиваютъ двѣ вещи, которыя необходимо различать: *доходъ отъ поземельной собственности* и *промышленную прибыль сельскаго хозяина*. Я думаю, что человѣкъ, занимающій по 6 и 8 процентовъ, чтобы купить землю, которая принесетъ ему не болѣе 2½ процентовъ дохода, дѣлаетъ весьма плохую спекуляцію. *Я даже вижу въ этого рода операціяхъ главную причину гибельнаго положенія, въ которомъ находится большее число сельскихъ жителей.* Но этого бы не было, если бы сельскій хозяинъ занималъ единственно для того, чтобы пріумножить свои способы воздѣлыванія почвы, улучшить свое хозяйство; въ этомъ случаѣ онъ могъ бы съ выгодою занимать по такимъ же процентамъ, какъ и для всякой другой промышленности. Безпрестанно повторяютъ: земледѣліе не можетъ процвѣтать, когда оно получаетъ кредитъ по 6 и 8%, въ то время, какъ доходъ земли рѣдко достигаетъ 3%. Но здѣсь именно надо дѣлать то различіе между доходами, о которомъ мы говорили. Во-первыхъ, капиталъ, за-

то ни стало поземельную собственность, или увеличить уже пріобрѣтенную, при вѣчной заботѣ *округлять свои владѣнія — s'arrondir*, вошедшей въ плоть и кровь народа, при весьма значительномъ равнодушіи къ самому пользованію землею, къ системѣ ея обработки, при постоянномъ народномъ предпочтеніи къ извлеченію возможно бо̀льшихъ гражданскихъ выгодъ изъ права поземельной собственности, передъ извлеченіемъ возможно бо̀льшихъ промышленныхъ выгодъ изъ пользованія землею или ея

траченный на покупку самой земли, разумѣется, приноситъ небольшой доходъ; умѣренность этого дохода оправдывается вѣрностью помѣщенія. Потомъ капиталъ, затраченный на обработку, на хозяйство, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Эта часть должна по необходимости приносить почти столько же прибыли, какъ и капиталы во всякой другой промышленности: иначе, не было бы никакого побужденія заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Эта часть затратъ обыкновенно ничтожна въ сравненіи съ покупнымъ фондомъ, и потому, по большей части, землевладѣльцы, сами хозяйничающіе на своей землѣ, купленной дорого, извлекаютъ изъ нея доходъ, весьма мало превышающій тотъ, который бы они имѣли, отдавая землю въ аренду. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы оборотный земледѣльческій капиталъ *не могъ бы* приносить большихъ выгодъ. Предположимъ, что земля въ 500,000 фр. требуетъ для своей обработки капиталъ въ 50,000 фр. Отдавая ее въ аренду, можно получать ежегоднаго дохода 15,000 фр.; занимаясь сами обработкою, мы бы могли получать 19,000 фр. Въ первомъ случаѣ процентъ на покупной капиталъ будетъ $3^0/_0$, во второмъ случаѣ — $3^4/_{10}{}^0/_0$. Разница небольшая, но все-таки капиталъ собственно хозяина (оборотный) даетъ $8^0/_0$. Итакъ, земледѣльческая спекуляція, пользующаяся кредитомъ не для пріобрѣтенія поземельной собственности, а для воздѣлыванія земли, можетъ, по нашему мнѣнію, занимать, и дѣйствительно занимаетъ, на тѣхъ же условіяхъ, какъ и всякая другая промышленность. И если можно устроить финансовую систему, которая бы дала поземельной собственности средства получать капиталы дешево на долгіе сроки, тогда земледѣльческія прибыли стали бы возрастать, а съ ними и общіе успѣхи сельскаго хозяйства.» *(Diction. de l'Econ. polit. T. 1, p. 551 и 552.)* Къ этимъ словамъ несомнѣнной истины мы съ своей стороны позволимъ себѣ присовокупить, что здѣсь не упомянута еще третья категорія (кромѣ самаго земельнаго или покупнаго фонда и оборотнаго) капиталовъ: это—расходы на разнаго рода улучшенія почвы *(meliorationen, améliorations du sol)*, какъ, напримѣръ, осушеніе, дренажъ, ирригація, проведеніе дорогъ и проч. Эти расходы (физіократы присвоивали имъ особое названіе *avances foncières)* занимаютъ весьма важное мѣсто въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ. По своей значительности и медленности оборота затраченнаго на нихъ капитала, онѣ болѣе относятся къ обязанностямъ собственника земли, нежели фермера или земледѣльца, и въ странахъ, гдѣ земледѣліе процвѣтаетъ, какъ въ Англіи, производятся большею частію самими собственниками, съ возвышеніемъ за то арендной платы. Этого рода затраты приносятъ проценты (постоянно возрастающіе) меньшіе, чѣмъ собственно оборотный капиталъ, но большіе, чѣмъ покупной фондъ. Для такихъ именно затратъ особенно полезенъ правильный, долгосрочный, поземельный кредитъ, съ постепеннымъ погашеніемъ капитала.

воздѣлыванія, весьма естественно, что поземельная собственность во Франціи должна была войти въ неоплатные долги, безпрестанно дробясь и переходя изъ рукъ въ руки.

Въ тѣсной связи съ этимъ направленіемъ поземельнаго кредита во Франціи на пріобрѣтеніе собственности находится, какъ извѣстно, крайнее измельченіе и затѣмъ чрезвычайное дробленіе кредита и постоянное преобладаніе въ массѣ ипотечныхъ должниковъ Франціи *мелкихъ заемщиковъ*. Такимъ образомъ, исчисляли, что ежегодно заключается во Франціи до 250,000 (единицъ) ипотечныхъ займовъ въ 300 фр. и въ нѣсколько большихъ суммахъ (*). Между тѣмъ, расходы и проценты по ипотечнымъ долгамъ и вообще тяжесть ихъ для должниковъ, въ страшной прогрессіи, возрастаютъ отъ крупныхъ заемщиковъ къ мелкимъ (**); вмѣстѣ съ тѣмъ сроки займовъ

(*) Таково было мнѣніе извѣстнаго финансиста Одифре въ 1838 г. *(Courcelle-Seneuil. Traite, p. 243.)* Г. Воловскій представляетъ, по достовѣрнымъ даннымъ, слѣдующій составъ ипотечныхъ долговъ за 1841 г. *(Diction. d'leur. palit, T. 1, p. 557).*

	Размѣръ каждаго займа.	Число займовъ.	Капиталъ.
Въ 400 фр. и ниже . .		155,220	36,640,948 фр.
Отъ 400 до 1,000 . .		89,803	62,421,267 —
Свыше 1,000		84,553	302,513,625 —
Всего . .		329,576	401,575,840 фр.

При негласности, сопровождающей мелкіе займы, естественно, что оффиціальныя данныя *ниже* дѣйствительности.

(**) Г. Курсель-Сенель, опытный практическій знатокъ въ дѣлѣ кредита, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о расходахъ при заключеніи ипотечныхъ займовъ во Франціи, независимо отъ условленныхъ процентовъ въ пользу кредитора:

Расходы по закладной въ 300 фр.	Ф.	С.
Выписка изъ ипотечной книги	2	00
Переписка копіи	3	00
Крѣпостныя пошлины *(curegistrement)*	3	50
Гербовая бумага, экспедиція и копія	1	60
Гонораріи за экспедицію	4	00
Ипотечныя пошлины и печать	1	45
Плата хранителю ипотеки	1	25
Redaction des borderaux	2	50
(Закладной актъ.)		
Копія съ квитанціи	3	00
Пошлины	1	65
Гербовая бумага, экспедиція и проч. по снятію запрещенія	2	85
Гонораріи	4	—
Плата хранителю	1	—
Всего . .	31	60

обыкновенно тѣмъ короче, чѣмъ меньше долговая сумма и чѣмъ бѣднѣе заемщикъ. А постоянныя пересрочки долговъ возобновляютъ каждый разъ всѣ расходы.

Такое положеніе огромной массы народонаселенія не могло не озабочивать съ давнихъ поръ французскаго правительства. Какъ ощущеніе всякаго недуга страны, по неизбѣжному закону развитія французскаго общества, сосредоточивается въ Парижѣ и ищетъ для себя врачеванія въ правительственныхъ центрахъ, а не въ свободной предпріимчивости частныхъ лицъ, такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Парижъ и его административные дѣятели тревожились печальными обстоятельствами сельскихъ хозяевъ, и безъ того содѣйствія сверху, съ которымъ испоконъ вѣка сроднилось все общество, вѣроятно, никакая серьёзная организація поземельнаго кредита въ кругу самихъ заинтересованныхъ лицъ не состоялась бы. Къ тому же, здѣсь вопросъ касался одного изъ чувствительнѣйшихъ элементовъ французскаго общества—собственниковъ земли, возростаніе которыхъ составляло, въ глазахъ всѣхъ правительствъ Франціи, безъ различія происхожденія и званія, и всѣхъ политическихъ людей, почти безъ различія партій, составляло лучшую *гордость, доблесть и честь исторіи*. Если всякій вопросъ французской жизни, начиная отъ музыкальнаго діапазона (не такъ давно возрожденнаго изъ анархіи къ привиллегированному порядку) (*) до престолонаслѣдія, выростаетъ въ формы вопроса государственнаго и правительственнаго, то интересы поземельной собственности и сельскаго народонаселенія, признаваемые за лучшую опору и за хранительницу порядка, поочередно каждою партіею во Франціи, имѣли по преимуществу право на попеченія правительства. Наконецъ присоединимъ ко всѣмъ этимъ причинамъ шумнаго движенія, окружавшаго вопросъ о поземельномъ кредитѣ въ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ Франціи и особенной популярности этого вопроса, интересы самаго земледѣлія. Успѣхи

Такимъ образомъ, при займѣ въ 300 фр. на годъ, расходы составляютъ 10% сверхъ роста въ пользу кредитора; при займѣ на два года расходы немного болѣе 5%. Нужно замѣтить, что здѣсь не исчислены никакія чрезвычайныя издержки въ пользу нотаріуса или сводчика. А тутъ является цѣлая система разныхъ вознагражденій и строгая постепенность установившихся категорій, такъ, напримѣръ, *la bienvenue, la fausse alerte,* и проч. (См. *Bérès. manuel, etc. p. 48* и слѣд.)

(*) Для всей Франціи былъ *предписанъ* одинъ и тотъ же *діапазонъ* (консерваторіи).

сельскаго хозяйства, въ особенности вблизи отъ блистательныхъ агрономическихъ начинаній двухъ сосѣднихъ странъ—Бельгіи и Великобританіи, этой старинной и коварной соперницы, также были всегда особенно любовнымъ предметомъ заботъ во Франціи, и со стороны мыслящихъ людей, и со стороны правительства. Начиная съ знаменитаго изрѣченія Сюлли: la bourage et pâturage sont les deux mamelles de l'état, Франція до новѣйшаго времени не теряла своихъ притязаній быть pays agricole. Правда, трудно отыскать государство, которое не мнило бы быть *земледѣльческимъ*: это какой-то почетный титулъ, котораго почему-то добиваются всѣ страны. И Англія провозглашаетъ себя государствомъ земледѣльческимъ, и Германія, и Россія. Это выраженіе: *государство земледѣльческое*, принадлежитъ къ разряду тѣхъ счастливыхъ созвучій словъ, посредствомъ которыхъ говорящій всегда убѣжденъ произнести великую истину и обнаружить глубокомысленность своихъ взглядовъ. Впрочемъ, съ величайшею готовностію, уступая всякому безвредное наслажденіе созвучіями почетныхъ титуловъ, мы не будемъ ставить никому въ упрекъ и притязаній на титулъ земледѣльческаго государства. Излишняя заботливость о сельскомъ хозяйствѣ не можетъ послужить въ ущербъ другимъ цивилизующимъ отраслямъ народной дѣятельности; скорѣе, напротивъ. Замѣтимъ, притомъ, что огромная пропорція сельскаго народонаселенія во Франціи (20 милл. крестьянъ на 35 милл. всѣхъ жителей) можетъ для нея оправдывать званіе земледѣльческой страны. Впрочемъ, такое количественное отношеніе еще не есть доказательство развитія земледѣльческихъ интересовъ, скорѣе напротивъ.

Мы указали на главныя черты затрудненій въ кредитныхъ обстоятельствахъ французской поземельной собственности, теперь переходимъ къ очерку мѣръ, которымъ онѣ послужили поводомъ и которыя привели къ нынѣшней организаціи поземельнаго кредита во Франціи.

Уже іюльское правительство было сильно озабочено устройствомъ поземельнаго кредита, который оставался въ рукахъ нотаріусовъ и сводчиковъ и не имѣлъ, несмотря на свое огромное развитіе, ни одного средоточія или публичнаго учрежденія (*). По мнѣнію спеціалистовъ, задача преимущественно сосредоточи-

(*) Мы не говоримъ о *caisse hupothecaire*, основанной въ Парижѣ на акціяхъ въ 1824 г., съ 50 милл. капитала. Ея операціи были весьма неудачны, и она не долго существовала. (См. *Hübner. Die Banken. p. 204.*)

валась на открытіи поземельнаго кредита съ *постепеннымъ погашеніемъ* долговаго капитала, чего именно недоставало французской поземельной собственности, въ особенности страдавшей отъ безпрестанныхъ востребованій уплатъ долга со стороны кредиторовъ и, такимъ образомъ, постоянно находившейся подъ дамокловымъ мечемъ взысканій и экзекуцій (*). Затѣмъ врачеваніе гипотечнаго кредита должно было заключаться какъ въ *превращеніи* уже накопившагося долга (отъ 8 до 1,000 м.) въ долгосрочный, постепенно погашаемый долгъ,—однимъ словомъ, въ замѣнѣ условій существующихъ обязательствъ болѣе выгодными для заемщиковъ, такъ и въ доставленіи землевладѣльцамъ способовъ, въ видахъ улучшенія экономическихъ обстоятельствъ земледѣлія, къ заключенію новыхъ необходимыхъ займовъ (ежегодно простиравшихся до 500 милл. ф.). Кромѣ собственно финансовой стороны поземельнаго кредита, юридическая представляла огромныя трудности, вслѣдствіе чрезвычайной недостаточности французскихъ гипотекарныхъ законовъ. Эти законы, входившіе въ составъ Code Napoléon, весьма мало поддавались экономическимъ требованіямъ новѣйшаго времени и поземельнаго кредита. Переходъ недвижимыхъ имуществъ отъ одного лица къ другому сопряженъ по этимъ законамъ съ величайшими формальностями и запутанностью, не ограждающею ни собственника, ни его кредитора. Но мы не будемъ входить здѣсь въ разъясненіе этихъ вопросовъ, чрезвычайно сложныхъ, породившихъ цѣлую особую литературу во Франціи, въ которой участвовали первые авторитеты права и законодательства, и не прямо относящихся до нашего предмета (**). Впослѣдствіи мы еще будемъ имѣть случай говорить о юридической сторонѣ поземельнаго кредита или собственно о закладномъ правѣ. Здѣсь замѣтимъ, что всякое измѣненіе, хотя бы самое ничтожное, въ Code Napoléon стоитъ неимовѣрныхъ усилій во Франціи. Всѣ политическія партіи Франціи, какъ бы далеко ни заходили ихъ стремленія и надежды, чрезвычайно консервативны въ отношеніи къ кодексу; въ немъ видятъ

(*) См. Статью г. Воловскаго *Crédit foncier*, въ *Dictionnaire de l'Econom. Polit.*

(**) См. межд у прочимъ *Troplong—commentaires des hypotheques; Durendy—revue historique du droit francais*; названныя выше статьи *г. Левита*, занимающаго весьма почетное мѣсто въ исторіи французскаго поземельнаго кредита, и *В. Безобразова* — о поземельномъ кредитѣ въ Польшѣ и во Франціи, гдѣ сдѣланы были указанія на сущность вопроса.

всѣ лучшее и драгоцѣннѣйшее наслѣдіе, завѣщанное великою эпохою, и во многихъ отношеніяхъ не ошибаются. Передъ Code Napoléon останавливаются самыя смѣлыя преобразовательныя попытки французовъ. Іюльское правительство много хлопотало около гипотечнаго закона и, считая его исходнымъ пунктомъ всякаго устройства поземельнаго кредита, составило уже проэкты измѣненій, которые были подвергнуты тщательнымъ обсужденіямъ парламента. Впослѣдствіи затрудненія гипотечнаго закона были разрѣшены, съ меньшими церемоніями, Людовикомъ-Наполеономъ, отчасти исправившимъ запутанность Code Napoléon. Вообще іюльское правительство, хотя медленно подвигаясь въ дѣлѣ поземельнаго кредита, какъ и во многихъ другихъ преобразованіяхъ, собрало чрезвычайно богатые и драгоцѣнные матеріалы, подготовившіе почву для всей позднѣйшей дѣятельности. Лучшіе авторитеты и hommes spécieux Парижа были призваны къ разрѣшенію вопроса. Развитіе его начинается въ 1839 г. съ доклада г. Воловскаго Академіи Наукъ. Затѣмъ были отправлены правительствомъ для изученія устройства поземельнаго кредита въ Европѣ, и въ особенности въ Германіи, въ 1844 г. г. Ройе и въ 1848 г. г. Жоссо. Плодомъ этихъ ученыхъ экспедицій были извѣстныя сочиненія (*), занимающія до сихъ поръ первое мѣсто въ литературѣ поземельнаго кредита. Если бы всѣ попытки Франціи къ организаціи земскихъ банковъ остались тщетными, то этими трудами она оказала уже огромную услугу всѣмъ людямъ, занимающимся поземельнымъ кредитомъ, и всѣмъ странамъ, стремящимся къ водворенію его у себя.

Въ 1848 г. неожиданно пала, какъ извѣстно, *мѣщанская* монархія, посреди чрезвычайной дѣятельности мысли, слова, промышленности и администраціи, подготовившей всѣ послѣдующія движенія. Вопросъ объ организаціи поземельнаго кредита тотчасъ возродился въ національномъ собраніи, на развалинахъ матеріаловъ и изслѣдованій, собранныхъ предъидущимъ правительствомъ. Національное собраніе принялось за него съ особенною энергіею: докладъ коммиссіи общественнаго призрѣнія (de l'assistance publique) г. Шегаре, въ 1851 г., составляетъ одинъ изъ замѣчательныхъ документовъ для поземельнаго кредита; вслѣдъ за нимъ министеръ земледѣлія и торговли г. Дю-

(*) Много разъ упоминавшіяся нами еще въ первыхъ главахъ сочиненія гг. Ройе и Жоссо.

ма представилъ проэктъ закона для земскихъ банковъ, и въ средѣ національнаго собранія начинается рядъ любопытнѣйшихъ преній, въ которыхъ принимали участіе приверженцы различныхъ способовъ практическаго разрѣшенія и которые освѣтили собою не только многія практическія стороны дѣла, но и существеннѣйшіе общіе вопросы организаціи поземельнаго кредита. Да извинятъ намъ наше пристрастіе къ парламентскимъ преніямъ; но мы по необходимости всегда обращаемся къ нимъ, когда ищемъ свѣта и истины по правительственнымъ вопросамъ. Потому вкратцѣ изложимъ сущность преній по поводу поземельнаго кредита въ національномъ собраніи въ 1851 г.

Г. Воловскій, мнѣніе котораго, какъ главнаго двигателя вопроса, было полновѣсно, склонялся въ пользу учрежденія кредитныхъ компаній, на подобіе описанныхъ нами германскихъ и польскаго учрежденій *первой группы*, т. е. съ цѣлью обезпечить кредитъ заемщикамъ выпускомъ гарантированныхъ компаніями облигацій. Съ умѣренностью держась между крайними мнѣніями по вопросу о степени участія въ этомъ дѣлѣ казны и о централизаціи поземельнаго кредита, онъ полагалъ предоставить правительству лишь учрежденіе компаній и высшее наблюденіе за ними и вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ мысль о гарантіи казны во взысканіи процентныхъ платежей съ должниковъ, чрезъ ея агентовъ, вмѣстѣ съ податями (*). Другой представитель, г. Лойе, желалъ, чтобы компаніи выпускали облигаціи сами въ обращеніе и обязались выдавать ссуды чистыми деньгами,—однимъ словомъ, въ родѣ учрежденій второй группы или акціонерныхъ земскихъ банковъ. Наконецъ г. Мартенъ (Du Loiret) предлагалъ чистые банки, дѣйствующіе выпускомъ циркуляціонныхъ билетовъ, съ размѣномъ въ кассѣ по востребованію. Эти мнѣнія представляютъ какъ бы постепенность оттѣнковъ отъ землевладѣльческихъ компаній, только гарантирующихъ кредитъ своимъ членамъ, до банковъ, создающихъ самый кредитъ своими собственными кредитными обязательствами. Второе мнѣніе преимущественно отразилось въ учрежденіи crédit foncier, какъ онъ явился впослѣдствіи на самомъ дѣлѣ. Парламентскія мнѣнія республиканской Франціи продолжались, какъ извѣстно, недолго; праздными, ничего не разрѣшающимъ спорамъ положенъ былъ конецъ, и вопросъ о гипотечномъ кредитѣ былъ разрѣшенъ

(*) *Diciton. de l'Econ. polit., p. 334.*

практически, вмѣстѣ со многими другими, тою же смѣлою рукою, которая со 2 декабря 1851 г. если не покончила, то разсѣкла всѣ недоумѣнія. Теперь посмотримъ на *это практическое* разрѣшеніе вопроса.

Декретъ президента республики 28 февраля 1852 года есть первый законодательный актъ, положившій основаніе организаціи поземельнаго кредита во Франціи и, несмотря на нѣкоторыя позднѣйшія въ немъ преобразованія, сохранившійся въ своихъ главныхъ началахъ до сихъ поръ. Изложимъ важнѣйшія постановленія этого декрета.

1) Съ утвержденія правительства (разрѣшенія президента, по разсмотрѣніи государственнымъ совѣтомъ), дозволяется учрежденіе во Франціи *компаній заемщиковъ*, землевладѣльцевъ или *заимодавцевъ*, капиталистовъ (т. е. обѣ формы земскихъ кредитныхъ учрежденій были одинаково дозволены закономъ), съ цѣлью доставленія владѣльцамъ недвижимой собственности ссудъ подъ залогъ ихъ имуществъ, съ разсрочкою погашенія капитала, процентными взносами, на долгіе сроки. Такія компаніи подчиняются всѣмъ постановленіямъ настоящаго декрета и пользуются даруемыми имъ привиллегіями (§§ 1 и 2).

2) Каждая компанія дѣйствуетъ въ границахъ того пространства государства, какое опредѣлено будетъ для нея при ея утвержденіи правительствомъ (§ 3).

3) Компаніи могутъ выпускать въ обращеніе *облигаціи* или *закладные листы* (lettres de gage), именные или на предъявителя (§§ 4 и 13).

4) Компаніи могутъ выдавать ссуды только подъ первую гипотеку (т. е. съ правомъ преимущественнаго взысканія ихъ долговъ съ имѣнія, исключающимъ всякія другія претензіи на должника). Потому имѣніе уже заложенное должно быть, для полученія новой ссуды отъ компаніи, сперва выкуплено изъ запрещенія самою компаніею или заемщикомъ (§ 6).

5) Для облегченія первоначальныхъ дѣйствій компаній, *правительство* и *департаменты пріобрѣтутъ для себя нѣкоторое количество ихъ закладныхъ листовъ*. Въ этомъ заключалось обѣщанное содѣйствіе казны, предназначившей для этого особые вспомогательные капиталы (§ 5).

6) Каждая ссуда компаній ни въ какомъ случаѣ не можетъ превышать половины цѣны закладываемаго имущества. Наи-

меньшій размѣръ ссудъ будетъ опредѣленъ уставомъ каждой компаніи (§ 7).

7) Всѣ ссуды погашаются заемщиками ежегодными процентными взносами (annuités). *Каждый заемщикъ имѣетъ право во всякое время очистить часть своего капитальнаго долга или весь сполна.* Это важное облегченіе для заемщиковъ сдѣлано обязательнымъ для французскихъ компаній поземельнаго кредита (§ 10).

8) Въ каждомъ ежегодномъ процентномъ взносѣ заемщика заключаются непремѣнно: 1) условленные проценты, которые *никогда не могутъ превосходить* $5^0/_0$; 2) погашеніе капитала, которое *никогда не можетъ быть выше* $2^0/_0$ *и ниже* $1^0/_0$; 3) расходы на управленіе и пошлины, какіе опредѣлены будутъ въ уставѣ (§ 11). Французское правительство признало нужнымъ установить всѣ эти границы процентовъ и платежей обязательными, хотя такія постановленія, при движеніи капиталовъ въ обществѣ, сопряжены съ большими затрудненіями.

9) Сумма всѣхъ выпущенныхъ каждою компаніею облигацій не можетъ превосходить суммы всѣхъ выданныхъ ссудъ, или капитала, въ которомъ заложены всѣ имѣнія (§ 14).

10) Облигаціи или закладные листы не могутъ быть выпускаемы въ суммѣ ниже 100 франковъ (§ 15).

11) По облигаціямъ выплачиваются компаніями проценты. Ежегодно они выкунаются компаніями изъ обращенія, въ размѣрѣ накопляющагося погасительнаго капитала (§ 16).

12) Никакое лицо, присутственное или судебное мѣсто не могутъ освободить должника компаніи отъ его платежей въ компанію или пріостановить по какой либо претензіи эти платежи. По недоимкамъ взыскиваются съ должниковъ проценты (§§ 26, 27 и 28).

13) Въ случаѣ просрочки заемщиками ихъ платежей въ компанію, она можетъ, черезъ посредство предсѣдателя гражданскаго суда первой инстанціи, черезъ 15 дней послѣ повѣщенія недоимщика, наложить секвестръ и вступить во владѣніе заложеннымъ имѣніемъ, съ отнесеніемъ всѣхъ своихъ убытковъ на счетъ недоимщика. Во все время своего владѣнія, компанія распоряжается всѣми доходами съ имѣнія и, по очищеніи всѣхъ казенныхъ взысканій, покрываетъ свои недоимки (§§ 29, 30 и 31).

*

14) Въ случаѣ недоимки или разстройства имѣнія (détérioration), компанія можетъ также произвести взысканіе продажею имѣнія. Процедура продажи облегчена и всѣ сроки сокращены (Chap. 11. §§ 29—42).

Всѣ судебныя и административныя облегченія для производства взысканій съ заложенныхъ имѣній были весьма важны, потому что, при запутанности формальностей, самовластіи мѣстныхъ властей и крючкотворствѣ судебныхъ мѣстъ, потворствующихъ неисправности должниковъ, не можетъ быть прочна никакая организація поземельнаго кредита (*).

15) Компаніи поземельнаго кредита поставляются подъ наблюденіе министровъ внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и торговли и финансовъ (§ 43).

16) Компаніямъ воспрещается производить всякія другія банковыя операціи, кромѣ здѣсь означенныхъ (§ 44).

17) Онѣ должны передавать на храненіе въ казну всѣ свои свободные капиталы (§ 45).

18) Капиталы опекъ, общинъ и вообще публичныхъ учрежденій могутъ быть употребляемы на пріобрѣтеніе земскихъ облигацій (§ 46).

19) Въ уставѣ каждой компаніи должны быть опредѣлены: способъ оцѣнки закладываемыхъ имуществъ, какого рода недвижимыя имущества исключаются изъ права на ссуды, maximum и minimum каждой ссуды, тарифы для процентныхъ взносовъ, условія взносовъ въ зачетъ будущихъ платежей, сроки уплатъ процентовъ по ссудамъ и облигаціямъ, система выпуска

(*) Мы имѣемъ въ виду весьма близкій намъ случай, но М—ой губ., Б—у уѣзду, гдѣ втеченіе 8 лѣтъ, со дня подачи ко взысканію по закладной на недвижимое имѣніе, до сихъ поръ имѣніе не продано съ публичнаго торга. Дѣло это не заключаетъ въ себѣ никакого спора ни со стороны должника, втеченіе 8 лѣтъ не платящаго ни процентовъ, ни капитала, ни со стороны третьихъ лицъ. Кредиторъ имѣлъ постоянное и неусыпное *хожденіе по дѣлу*, но не рѣшаясь на тѣ плутни и подкупы, къ которымъ прибѣгаетъ постоянно его должникъ, не можетъ до сихъ поръ получить удовлетворенія, несмотря на многократныя описи имѣнія, постановленія присутственныхъ мѣстъ о его продажѣ, даже назначенія къ продажѣ. На всѣ самыя законныя требованія кредитора, *предержащія* лица отвѣтствуютъ только ухмыленіемъ и подписываньемъ бумагъ, которыя, по ихъ собственному убѣжденію, совершенно безвредны для должника. Въ случаѣ надобности, мы можемъ представить документы этого любопытнаго дѣла, простирающагося, однако, на 15 тысячъ. Здѣсь можно изучить на практикѣ организацію кредита. Смѣемъ думать, что при такихъ условіяхъ взысканія долговъ всякія попытки организаціи земскихъ банковъ были бы тщетны.

и выкупа облигацій, съ преміями и безъ премій, источники для составленія резервнаго капитала, правила для ликвидаціи дѣлъ компаній, порядокъ назначенія директоровъ и должностныхъ лицъ и ихъ залоги (§ 48).

18) Особый регламентъ опредѣлитъ границы и способы наблюденія со стороны правительства за веденіемъ дѣлъ и отчетностью компаній, гласность дѣйствій и отчетовъ компаній, для нихъ обязательную, тарифъ вознагражденія со стороны компаній разнымъ казеннымъ чиновникамъ, призываемымъ компаніями къ содѣйствію въ ихъ дѣлахъ (§ 49).

Таковъ былъ въ главныхъ своихъ распоряженіяхъ декретъ 28 февраля 1852 г. Онъ любопытенъ, какъ продуктъ самыхъ тщательныхъ изысканій въ области поземельнаго кредита, какъ послѣдствіе глубокаго изученія и практики и теоріи вопроса, со стороны первыхъ авторитетовъ и науки и административнаго дѣла, наконецъ, какъ обращикъ административныхъ воззрѣній на организацію поземельнаго кредита со стороны самыхъ современныхъ и могущественныхъ государственныхъ дѣятелей. Нельзя сказать, чтобы содержаніе этого законодательнаго акта вовсе не соотвѣтствовало всѣмъ справедливымъ отъ него ожиданіямъ и долголѣтнимъ стремленіямъ французскаго общества къ устройству поземельнаго кредита. Границы правительственнаго надзора и вмѣшательства поставлены были весьма умѣренно. Въ основаніе компаній не было положено никакого начала централизаціи — камня преткновенія для всѣхъ законодательныхъ актовъ Франціи. Можно было бы пока поставить въ упрекъ только опредѣленіе maximum процентовъ, какъ предмета, не подлежащаго законодательству, вслѣдствіе крайней измѣнчивости ходячаго процента въ публичномъ обращеніи. Правительство вскорѣ само почувствовало неудобства этого постановленія и хотя не вовсе его отмѣнило, но сказало, въ особомъ декретѣ 28 марта 1858 года, что въ уставѣ каждой компаніи будутъ особо опредѣлены размѣры и сроки погашенія. Вообще же нормы, поставленныя закономъ, были довольно широки, болѣе даже широки, чѣмъ можно было ожидать отъ законодательныхъ актовъ Франціи. Подъ эти нормы подходило разнообразіе весьма многихъ формъ банковъ.

Въ регламентѣ, обѣщанномъ декретомъ 28 февраля и изданномъ 18 октября 1852 г., опредѣлены были способы наблюденія правительства за дѣйствіями компаній поземельнаго кредита.

Особые коммиссары, по назначенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и торговли и финансовъ, должны были производить постоянный контроль надъ управленіемъ и счетоводствомъ компаній. Эти коммиссары (по одному при каждой компаніи) должны наблюдать за точностью исполненія уставовъ и законовъ. Имъ открытъ доступъ ко всѣмъ дѣламъ и документамъ компаній, также и къ повѣркѣ во всякое время, по ихъ усмотрѣнію, кассы и капиталовъ. Они могутъ присутствовать при всѣхъ общихъ собраніяхъ членовъ, дѣлать свои замѣчанія и требовать включенія ихъ въ протоколы. Они доносятъ черезъ каждые три мѣсяца министру о послѣдствіяхъ своихъ занятій. Компаніи обязываются имѣть всѣ тѣ книги и вѣдомости, какихъ отъ нихъ потребуетъ правительство или высшее управленіе, учрежденное для нихъ въ министерствахъ. Компаніи обязаны вносить въ особую книгу всѣ распоряженія и предписанія управленія и предъявлять ихъ всѣмъ своимъ акціонерамъ и другимъ заинтересованнымъ лицамъ. Компаніи подлежатъ ревизіи со стороны инспекторовъ министерста финансовъ. Особая коммиссія по назначенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ (подъ предсѣдательствомъ перваго) учреждается для разсмотрѣнія всѣхъ вопросовъ о поземельномъ кредитѣ; членами не могутъ быть ни коммиссары, ни должностныя лица компаній. Въ этой коммиссіи сосредоточиваются всѣ дѣла по наблюденію за компаніями. Если компанія нарушитъ свой уставъ или дѣйствующія узаконенія, то министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ немедленно испросить декретъ о закрытіи компаніи и *въ то же время до воспослѣдованія декрета пріостановитъ дѣйствія компаніи.* Нельзя сказать, чтобы послѣднее постановленіе не было въ высшей степени стѣснительно: почему бы не ограничиться преданіемъ суду и отвѣтственности по закону директоровъ компаніи, какъ слѣдовало бы быть во всякомъ благоустроенномъ государствѣ? Одно такое распоряженіе административной власти могло бы достаточно охранить интересы акціонеровъ и публики и въ то же время охранить компаніи отъ произвола и прихотей адмрнистративныхъ лицъ. Всѣ заинтересованныя лица тотчасъ, при преданіи суду директоровъ, сдѣлались бы внимательнѣе къ ихъ дѣйствіямъ и осторожнѣе въ своемъ довѣріи, а директоры, убѣжденные въ своей правотѣ и весьма часто, въ самомъ дѣлѣ, понапрасну заподозрѣнные со стороны агентовъ правительства, могли бы продолжать свою дѣятельность, если она не была бы пріостановле-

на самими акціонерами, которые все-таки лучшіе судьи въ этомъ дѣлѣ. Далѣе ликвидація дѣлъ компаній, всякій разъ должна быть разрѣшена министромъ внутреннихъ дѣлъ, который можетъ ускорить ликвидацію. Компаніи должны представлять черезъ каждые шесть мѣсяцевъ отчетъ о положеніи своихъ дѣлъ министрамъ, префектамъ, коммерческимъ и земледѣльческимъ палатамъ и въ мѣстные гражданскіе суды. Всѣ расходы по наблюденію за компаніями производятся казною, *съ содѣйствіемъ самихъ компаній*. Въ этомъ регламентѣ отразились вся мелочность французской администраціи и ея страсть къ бумажной дѣятельности. Какъ бы ни былъ развитъ бюрократизмъ въ Германіи, но мы даже тамъ не встрѣтили такихъ придирчивыхъ постановленій относительно казеннаго надзора за земскими кредитными обществами.

Но въ такомъ дѣлѣ исполненіе законодательной мысли важнѣе самаго закона, а исполненіе зависитъ уже отъ самихъ частныхъ лицъ, отъ энергіи самаго общества и отъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ постоянно держитъ себя административная власть къ частнымъ интересамъ. Какъ мы увидимъ, французскій поземельный кредитъ не остановился въ тѣхъ умѣренныхъ границахъ отношеній къ правительству и централизаціи, которыя были первоначально положены.

Вслѣдъ за декретомъ 28 февраля образовалась въ Парижѣ компанія капиталистовъ (то есть заимодателей) съ 25 милл. фр. основнаго капитала (50,000 акцій); декретомъ 28 марта 1852 г. этой компаніи была предоставлена исключительная привиллегія операцій поземельнаго кредита въ семи департаментахъ, подвѣдомыхъ парижскому аппеляціонному суду. Въ главѣ этого предпріятія сталъ г. Воловскій; въ числѣ учредителей было много замѣчательныхъ личностей, по своему административному общественному положенію, литературной извѣстности или финансовой карьерѣ: такъ, гг. Друенъ де-Луи, Л. Фоше, Е. Перейеръ, Гаспаренъ, А. Фульдъ, Пасси и друг. Срокъ привиллегіи былъ назначенъ 20 лѣтъ. Основной капиталъ компаніи долженъ былъ составляться постепеннымъ выпускомъ акцій и оплачиваніемъ ихъ по частямъ. На каждые 5 милл. основнаго капитала могло быть выпущено компаніею до 100 милл. земскихъ облигацій (obligations foncières). 30 іюля 1852 г. былъ утвержденъ правительствомъ уставъ парижской компаніи, получившей названіе *парижскаго земскаго банка* (*Banque foncière de Paris*).

Уставъ заключалъ въ сущности своей изложенныя выше основанія декрета 28 февраля. Мы только укажемъ на тѣ правила, которыя не заключались въ декретѣ. Компанія обязалась выдавать ссуды чистыми деньгами; облигаціи должны были служить ей для пріобрѣтенія денегъ отъ капиталистовъ, которымъ она выдаетъ облигаціи. Складочный капиталъ служитъ обезпеченіемъ кредита компаніи и преимущественно ея облигацій. Не могутъ быть выдаваемы ссуды подъ залогъ театровъ, рудниковъ и каменоломенъ, подъ части имѣній, находящихся въ нераздѣльномъ владѣніи нѣсколькихъ лицъ, недвижимыя имущества, не находящіяся въ полной собственности заемщиковъ. Всѣ имущества получаютъ ссуды на половину ихъ цѣны, но лѣса и виноградники только на одну треть. Ни въ какомъ случаѣ процентные взносы заемщика не могутъ превосходить всей цифры доходовъ съ имѣнія. Maximum ссудъ одному лицу—1 милл. фр., minimum — 300 фр. Проценты по ссудамъ опредѣляются правленіемъ; но они не могутъ быть болѣе 5%. Кромѣ того, заемщикъ вноситъ проценты на погашеніе капитальнаго долга, разсрочиваемаго отъ 20 до 50 лѣтъ. Размѣръ ежегоднаго погашенія соотвѣтствуетъ этимъ срокамъ. Наконецъ заемщикъ вноситъ ежегодно на расходы по управленію никакъ не болѣе 60 сантим. на 100 фр., то есть $^{6}/_{10}\%$. Облигаціи выпускаются достоинствомъ отъ 1,000 до 100 фр. По нимъ уплачиваются компаніею проценты, въ размѣрахъ, опредѣленнымъ правленіемъ компанію, при каждомъ выпускѣ. Облигаціи выпускаются серіями; каждая серія имѣетъ свой общій процентъ. Облигаціи не размѣниваются по предъявленіи, но выкупаются изъ обращенія тиражемъ. Каждая серія имѣетъ свой погасительный фондъ. Съ выкупомъ соединены преміи или выигрыши разныхъ суммъ въ пользу ихъ владѣльцевъ. Тиражъ бываетъ ежегодно. Доходы компаніи, то есть взносы, поступающіе отъ заемщиковъ, употребляются по-слѣ покрытія расходовъ управленія, прежде всего на уплату процентовъ по земскимъ облигаціямъ, на уплату капитала по вышедшимъ по тиражу облигаціямъ и на премію и выигрыши для послѣднихъ. Затѣмъ остатокъ составляетъ чистую прибыль компаніи. Изъ нея идетъ сумма на выдачу обязательнаго дивиденда по 25 фр. на акцію (5%), потомъ до 20% съ остальной суммы идетъ въ резервный капиталъ и на добавочное содержаніе директора и вице-директоровъ. Наконецъ, послѣдній остатокъ распредѣляется, въ качествѣ добавочнаго дивиденда, между

всѣми акціонерами. Когда резервный капиталъ составитъ $^1/_5$ основнаго, то онъ болѣе не накопляется, и опредѣленныя на его составленіе доли доходовъ идутъ въ пользу заемщиковъ и на погашеніе. Въ случаѣ недостаточности доходовъ на выдачу 25 ф. дивиденда акціонерамъ, недостатокъ покрывается на счетъ резервнаго капитала. Управленіе дѣлами компаніи сосредоточено въ совѣтѣ (conseil d'administration), и вся исполнительная власть— въ директорѣ, по назначенію совѣта. Совѣтъ состоитъ изъ двадцати акціонеровъ, избранныхъ въ общемъ собраніи и не получающихъ вознагражденія. Всѣ безъ изъятія операціи и дѣла компаніи зависятъ отъ рѣшенія совѣта и лежатъ на его отвѣтственности. Директоръ долженъ быть владѣлецъ 100 акцій и вмѣстѣ съ своими помощниками вице-директорами получаетъ жалованье, по назначенію совѣта. При учрежденіи компаніи, былъ назначенъ директоромъ г. Воловскій. Общее собраніе избираетъ изъ своей среды трехъ цензоровъ, обязанныхъ наблюдать за дѣйствіями совѣта. Ежегодно представляется общему собранію отчетъ, и оно разсматриваетъ и повѣряетъ всѣ операціи компаніи. Всѣ внутреннія несогласія членовъ компаніи разбираются судебнымъ порядкомъ. Всякій искъ противъ совѣта и директоровъ можетъ быть учиненъ не иначе, какъ по рѣшенію общаго собранія.

Вскорѣ по учрежденіи парижской компаніи, возникли совершенно подобныя компаніи поземельнаго кредита въ провинціяхъ: въ Ліонѣ, Тулузѣ, Марсели, Неверѣ, Орлеанѣ, Поатье, Лиможѣ, Руанѣ, Бордо и другихъ городахъ. Правительство, согласно своей первоначальной мысли (декретъ 28 февраля) и возрѣніемъ, преобладавшимъ въ Парижѣ, при обсужденіи вопроса относительно пользы децентрализаціи или локализаціи поземельнаго кредита, то есть возможно большемъ развитіи многихъ самостоятельныхъ гипотечныхъ учрежденій въ разныхъ центрахъ Франціи, сперва поощряло движеніе, обнаружившееся въ провинціяхъ, и, казалось, стояло далеко отъ идеи централизаціи поземельнаго кредита. Но недолго сохранилось это направленіе, столь чуждое всѣмъ преданіямъ французской почвы. Вскорѣ произошелъ тотъ привычный для Франціи оборотъ дѣлъ, который неудержимо влечетъ всѣ ея учрежденія къ монополіи и централизаціи и который повелъ поземельный кредитъ по той же знакомой стезѣ. Это составляетъ послѣднюю фазу

исторіи crédit foncier, столь сложную своими перепетіями и вмѣстѣ съ тѣмъ столь типически французскую.

Вскорѣ послѣ утвержденія устава парижской компаніи начинается рядъ правительственнымъ мѣръ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою, уже въ 1852 г., къ превращенію этой компаніи въ исключительное, привиллегированное гипотечное учрежденіе для всей Франціи. Мотивами необходимости этого превращенія выставлялись: быстрый приливъ капиталовъ къ парижской компаніи (подъ вліяніемъ биржевой спекуляціи и многихъ вліятельныхъ биржевыхъ лицъ, принадлежавшихъ къ компаніи, ея акціи вскорѣ послѣ выпуска поднялись съ 500 фр. до 1,200), медленность въ развитіи операцій учредившихся провинціяльныхъ компаній, возможность при болѣе обширныхъ размѣрахъ операцій и капиталовъ понизить процентъ по ссудамъ, въ облегченіе поземельной собственности. Какія бы ни были въ этомъ событіи руководящія побужденія: шумъ ли биржевыхъ премій вокругъ учредителей парижской компаніи и соблазны болѣе широкихъ пространствъ для дѣятельности и для оборотовъ, дѣйствительно ли филантропическія стремленія нѣкоторыхъ участниковъ, или же просто общественно физіологическія инстинкты общества къ великому единству (la grande unité),—вѣроятно, все вмѣстѣ, только декретомъ 10 декабря 1852 г. кругъ дѣйствій парижской компаніи, получившей вмѣстѣ съ тѣмъ названіе *поземельнаго кредита Франціи* (Crédit foncier de France), былъ распространенъ на всѣ тѣ департаменты, въ которыхъ еще не учредилось компаній, съ правомъ присоединить (de s'incorporer) къ себѣ всѣ уже учредившіяся компаніи, въ видѣ своихъ конторъ (succursales), подъ управленіемъ своихъ директоровъ. Слитіе произошло всецѣло, и Crédit foncier de France пользуется монополіею гипотечныхъ операцій на всемъ пространствѣ Франціи. Парижъ долженъ былъ сдѣлаться исключительнымъ *раздавателемъ благодѣяній поземельнаго кредита для всей Франціи* (l'unique dispensateur des bienfaits du Crédit foncier, какъ весьма характеристично сказано въ министерскомъ докладѣ императору, испрашивавшемъ слитіе въ 1852 г.) Результатъ этой мѣры, по словамъ правительственныхъ лицъ, долженъ было заключаться въ полномъ *освобожденіи Франціи отъ вѣковаго рабства гипотечнаго долга* (*).

(*) *Ainsi donc on peut prévoir le jour ou le sol sera affranchi de la dette hypothécaire, dont l'ont obérée les siècles* — такъ говорилось въ томъ же докладѣ.

Дальше мы увидимъ, сбылись ли эти пророчества и каковы благодѣянія французскаго поземельнаго кредита.

Складочный капиталъ парижской компаніи былъ расширенъ въ 1852 г. съ 20 милліоновъ фр. до 60 милліоновъ, изъ которыхъ половина должна быть тотчасъ собрана. Она получала отъ правительства 10 милліоновъ вспоможенія, предполагавшихся первоначально къ раздачѣ всѣмъ мѣстнымъ компаніямъ поземельнаго кредита. Срокъ привиллегіи былъ опредѣленъ съ 1852 г. на 99 лѣтъ. Компанія *обязалась выдать въ ссуды французскимъ землевладѣльцамъ до 200 милліоновъ фр., по 5% въ годъ (въ томъ числѣ интересы, погашеніе и расходы управленія), съ погашеніемъ каждой ссуды въ 50 лѣтъ.* Эти 200 милліоновъ (собранные съ помощью акцій, облигацій и казеннаго вспоможенія) должны были распредѣлиться по всѣмъ департаментамъ пропорціонально ихъ гипотечнымъ долгамъ. Въ то же время компанія обязывалась принять всѣ мѣры и принести всѣ жертвы, чтобы выдавать ссуды всегда (и болѣе, чѣмъ на 200 милліоновъ) на тѣхъ же условіяхъ.

Послѣдній и окончательный фактъ превращенія французской компаніи въ привиллегированное монопольное учрежденіе и потомъ изъ частнаго въ правительственное (въ силу общаго закона развитія центральныхъ привиллегированныхъ учрежденій) былъ замѣнъ (въ 1854 г.) директора и вице-деректоровъ, избираемыхъ компаніею, директоромъ и вице-директоромъ по назначенію отъ правительства и съ содержаніемъ на счетъ компаніи (въ 40,000 и 20,000 фр.) Къ великой чести г. Воловскаго должно отнести, что съ изданіемъ этого декрета онъ удалился отъ дѣлъ компаніи, въ которой состоялъ директоромъ. Отчетъ министра финансовъ г. Бино, въ 1854 г., объясняющій это преобразованіе, говоритъ, что «оно должно обезпечить поземельному кредиту ту организацію, которую императоръ Наполеонъ I далъ французскому банку, ту во всѣхъ отношеніяхъ прекрасную организацію, которая втеченіе 50 лѣтъ дала столь великіе результаты» (*).

(*) Замѣчательный образчикъ этихъ великихъ *idées napoléoniennes* по части кредита можно видѣть въ рѣчахъ Наполеона I въ государственномъ совѣтѣ, въ 1806 г., при сужденіяхъ объ устройствѣ французскаго банка. Въ этихъ рѣчахъ между прочимъ сказано: *je veux que la Banque soit assez dans la main du gouvernement et n'y soit pas trop... quant à la nomination du gouverneur je ne veux point présenter des candidats au comité des actionnaires; ce serait restreindre la liber-*

Сдѣлавъ очеркъ развитія организаціи французскаго поземельнаго кредита, посмотримъ теперь на его операціи и въ какой мѣрѣ осуществились въ нихъ великія надежды и обѣщанія.

Замѣтимъ, что съ возникновеніемъ новой организаціи поземельнаго кредита во Франціи круто пріостановилось движеніе его по прежнимъ путямъ сдѣлокъ чрезъ частныхъ агентовъ: заемщики, въ виду блестящихъ обѣщаній, приливали съ своими требованіями къ новому учрежденію; нотаріусы и агенты, весьма плохо расположенные къ предпріятію, угрожавшему совершенно парализировать ихъ промыселъ, старались ему противодѣйствовать, но никакъ не облегченіемъ условій по своимъ собственнымъ гипотечнымъ ссудамъ, а скорѣе, напротивъ, стѣсненіемъ кредита. Прежнія гипотечныя сдѣлки, съ которыми всѣ свыклись, стали производиться еще туже. Это налагало еще болѣе отвѣтственности на новое учрежденіе.

Чтобы выдать ссуды до 200,000 фр., нужно было, разумѣется, ихъ имѣть. Выпускъ 50,000 акцій (со взносомъ 250 фр.) доставилъ 12,500,000 фр.; затѣмъ выпущены были 200,000 облигацій, по 1,000 фр. каждая, съ уплатою по нимъ 3%, и выкупомъ, по 1,200 фр., по тиражу, въ которомъ каждый выходящій нумеръ облигаціи могъ, сверхъ того, дать выигрышъ, въ 1853 и 1854 гг., отъ 1,200,000 до 800,000 фр. Всѣ эти рессурсы, какъ видно, еще далеки были отъ 200 милліоновъ. Характеръ биржевой спекуляціи, привязавшійся къ учрежденію съ самаго его начала и столь противный операціямъ поземельнаго кредита, и лотерейные соблазны послужили только къ необдуманному биржевому ажіотажу, который въ первое время набилъ курсъ земскихъ облигацій и акцій до огромныхъ премій. Но уже съ января 1853 г. обстоятельства измѣнились: ходячій процентъ на капиталы на парижской биржѣ возрасталъ подъ вліяніемъ войны, неурожаевъ и требованія на капиталы по разнымъ другимъ громаднымъ предпріятіямъ. Поземельный кредитъ тщетно пытался привлечь капиталистовъ къ своимъ бума-

---

té de mon choix et me mettre dans une position avilissante vis à vis de ce comité... Je pourrais tout au plus consentir à ce que le comité désignât un gouverneur et soumit ce choix à mon approbation; mais je dois être le maître dans tout ce dont je me mêle et surtout dans ce qui regarde la Banque qui est bien plus à l'empereur qu'aux actionnaires... Il faut mettre dans l'administration de cet établissement une classe d'hommes étrangère à la Banque. Il y a des cas où soixante mille francs seront trop peu pour le gouverneur: c'est par l'argent qu'il faut tenir les hommes à argent.

гамъ; но онъ никогда не могъ, по самой сущности своего предпріятія, сохранить для него блистательное мѣсто на биржѣ (тѣмъ болѣе парижской), подлѣ цѣнностей промышленныхъ предпріятій всякаго рода, представлявшихъ болѣе счастливыхъ комбинацій для спекуляціи. Капиталы стали чрезвычайно медленно приливать къ поземельному кредиту.

Потому уже въ 1853 г. оказалось необходимымъ взять назадъ обѣщанія 1852 г. на счетъ ссуды 200 милліоновъ по 5% (интересовъ и погашенія). Компаніи дозволено было возвысить процентные взносы заемщиковъ до $5^{44}/_{100}\%$, потомъ до $5^{65}/_{100}\%$ и даже до $5^{95}/_{100}\%$, всякій разъ, когда государственные трехпроцентные фонды падаютъ въ курсъ до 86 фр. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство уменьшило обѣщанное вспоможеніе съ 10 милліонами до 9,700,000, которые обязалось выдать лишь, если ссуды компаніи достигнутъ до 1 января 1857 г. 200,000. Наконецъ въ 1854 г. былъ вовсе уничтоженъ обязательный maximum для процентовъ по ссудамъ и компаніи дано право назначать процентъ, по своему произволу, даже выше 5,95. Это было дѣломъ совершенной экономической необходимости.

Таково оказалось на дѣлѣ то пониженіе процентовъ по ссудамъ, для облегченія доли заемщиковъ, которое выставлялось какъ одна изъ главнѣйшихъ цѣлій централизаціи поземельнаго кредита въ одной компаніи.

Вмѣсто облигацій въ 1,000 фр. съ 3%, компанія, съ 1854 г., стала выпускать: 1) облигаціи отъ 500 фр. до 100 фр. съ 3%, ежегодныхъ интересовъ, 20% преміи при выкупѣ и выигрышами по тиражу; 2) облигаціи четырехпроцентныя, безъ премій, но съ выигрышами (lots) и 3) облигаціи пятипроцентныя безъ премій и безъ выигрышей. Эти постепенныя уступки въ пользу капиталистовъ или вкладчиковъ поземельнаго кредита, разумѣется, должны были обрушиться на заемщиковъ и болѣе и болѣе отдалить отъ нихъ надежду на 200 милліоновъ ссудъ по 5% съ погашеніемъ капитала въ 50 лѣтъ. Въ 1854 г., для облегченія своихъ оборотовъ и болѣе быстраго высвобожденія своихъ капиталовъ, компанія получила дозволеніе выдавать краткосрочныя ссуды.

Постепенное возвышеніе процентовъ и прибылей въ пользу владѣльцевъ облигацій вынуждало къ постепенному возвышенію процентовъ съ заемщиковъ. Для компаніи дѣлалось все болѣе тягостнымъ обязательство, принятое ею на себя—самой продавать

свои облигаціи и выдавать ссуды *чистыми деньгами*, и не только по умѣренному проценту, но *по какому бы то ни было заранѣе опредѣленному проценту*. Это обстоятельство вынудило сдѣлать рѣшительное и радикальное измѣненіе въ ея операціяхъ въ отношеніи къ заемщикамъ: въ 1857 г. она стала *выдавать ссуды облигаціями*, а не чистыми деньгами, предоставляя заемщикамъ самимъ продавать ихъ по курсу. Такимъ образомъ, послѣдніе хотя и получали ссуды по тому же проценту, но теряли на каждую облигацію, на сколько она стояла по курсу ниже своей номинальной цѣны. Этимъ самымъ поземельный кредитъ Франціи поставилъ себя въ нормальныя обстоятельства между своими вкладчиками и заемщиками; онъ сдѣлался только посредникомъ между ними, но условія ссудъ оттого не улучшились, ибо заемщики должны были принимать облигаціи, постоянно стоявшія ниже номинальной цѣны. Для поддержанія курса облигацій, компанія устроила у себя *открытые счеты*, для владѣльцевъ облигацій, подъ залогъ послѣднихъ,—другими словами, стала выдавать ссуды подъ залогъ облигацій; то же самое право даровано было земскимъ облигаціямъ и во Французскомъ банкѣ.

Замѣтимъ, въ видѣ нѣкотораго оправданія crédit foncier въ отношеніи къ заемщикамъ, что онъ встрѣтилъ большія затрудненія въ разрѣшеніи всѣхъ требовавшихся ссудъ, вслѣдствіе недостаточности актовъ владѣнія, происходившей отъ несовершенства французскихъ законовъ о переходѣ недвижимой собственности. Эти затрудненія были отчасти устранены закономъ 26 марта 1855 г., *loi sur la transcription de la propriété immobiliere*.

Теперь сообщимъ важнѣйшія цифры оборотовъ французскаго поземельнаго кредита.

Къ 31 декабря 1852 года (перваго года существованія компаніи) выданныя ссуды не достигали даже одного милліона франк.; въ то же время, надо замѣтить, неверская и марсельская компаніи выдали вмѣстѣ до 4 милл. Къ 1854 г. ссуды поземельнаго кредита Франціи простирались до 27 милл.; но въ этой цифрѣ ссуды подъ недвижимыя имущества въ Парижѣ далеко преоблидали надъ провинціальными и крупные капиталы надъ мелкими. Несмотря на постоянное возвышеніе процента и разныя обѣщанія прибылей по облигаціямъ въ 1853 и 1854 гг., какъ мы уже знаемъ, капиталъ, собранный съ помощью облигацій, въ 1854, едва достигалъ 22 милл. Къ 31 декабря 1854 г., послѣ

всѣхъ указанныхъ нами усилій и преобразованій, къ пріобрѣтенію капиталовъ и увеличенію ссудъ, послѣднія уже достигали 54 милл. Эти 54 милл. рапредѣлялись между 826 заемщиками, въ числѣ которыхъ только 216 принадлежали къ категоріи среднихъ и мелкихъ (отъ 10,000 до 300 ф. каждый). На эти 54 милл. ссудъ приходилось облигацій въ обращеніи: 25 милл. по $3^0/_0$ и 22 милл. по $4^0/_0$, $4^1/_2{}^0/_0$ и $5^0/_0$.

Въ 1857 г. суды возрастаютъ съ 54 милл. до 57, изъ которыхъ $6^1/_2$ милл. были уже погашены выкупомъ облигацій. Въ 1855 и 1856 гг. возрастаніе ссудъ шло медленнѣе, чѣмъ въ предъидущихъ годахъ. Но пропорція облигацій, находившихся въ обращеніи (до 68 милл.), т. е. капитала, состоявшаго въ долгу на компаніи, къ ссудамъ, т. е. капиталу, состоявшему въ долгу въ пользу компаніи, была для нея выгоднѣе, хотя обидно было, что изъ 200 милл. облигацій, предполагавшихся къ выпуску, только 69 милл. могли быть выпущены или реализованы.

Въ 1858 г. (въ апрѣлѣ), послѣ важной мѣры, принятой компаніею относительно выдачи облигацій въ руки самихъ заемщиковъ (вмѣсто продажи облигацій и выдачи заемщикамъ чистыми деньгами) всѣ выданныя по это время ссуды доходятъ уже до 83 милл. Оказалось, что этотъ способъ ссудъ значительно ускорилъ ихъ движеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на низкій курсъ облигацій, условія ссудъ сдѣлались все-таки выгоднѣе для заемщиковъ, чѣмъ прежде; ибо теперь они получали облигацію въ 500 фр., продавали ее за 430, значитъ получали ссуду по $6^{71}/_{100}{}^0/_0$ (тутъ и интересъ и погашеніе); между тѣмъ, въ прежнее время они хотя получали всю сумму ссуды сполна, но платили процентъ выше. Компанія, съ содѣйствіемъ казны, старалась поддержать курсъ облигацій и, помогая заемщикамъ, помѣщать ихъ чрезъ мѣстныхъ чиновниковъ министерства финансовъ, дѣйствительно успѣла поставить ихъ довольно хорошо въ обращеніи въ провинціяхъ (*).

Въ 1854 г. поземельный кредитъ Франціи сталъ выдавать краткосрочныя гипотечныя ссуды, безъ погашенія процентными взносами. Эти операціи были придуманы въ пользу парижскихъ землевладѣльцевъ, возводящихъ новыя зданія, стало быть, согласно *высшимъ* предначертаніямъ, вознамѣрившимся перестроить

(*) Изъ послѣдняго отчета компаніи, за 1858 г. (только что нами полученнаго), видно, что вся цифра ссудъ доходила къ 1859 г. до 103 милл. фр.

Парижъ. Краткосрочныя ссуды должны были также дать заемщикамъ время выждать болѣе блогопріятныхъ условій поземельнаго кредита, вѣроятнаго пониженія процента на капиталы, чтобъ впослѣдствіи превратить краткосрочные долги въ долгосрочные съ погашеніемъ, по болѣе выгодному проценту. Мѣра эта, какъ вообще говорятъ, имѣла хорошіе результаты. Кромѣ украшенія Парижа, чему она немало способствовала, въ настоящее время замѣчается возростаніе ссудъ, и даже особенно провинціальныхъ и сельскихъ.

До сихъ поръ мы занимались операціями поземельнаго кредита Франціи въ интересахъ его заемщиковъ и вкладчиковъ; но каковы были выгоды его самаго или его акціонеровъ? Эти выгоды, согласно самому учрежденію поземельнаго кредита, заключаются, во первыхъ, въ прибавочномъ процентѣ съ заемщиковъ на расходы управленія (по уставу по $^{60}/_{100}$ %). Этотъ источникъ дохода весьма значителенъ: приблизительно, по весьма умѣреннымъ исчисленіямъ (*), онъ одинъ составляетъ до 5% на складочный капиталъ. Кромѣ того, компанія пользуется даровымъ капиталомъ правительства, который постепенно (до 10 милл.) выдается ей въ видѣ вспоможенія (**). Затѣмъ складочный капиталъ можетъ быть самъ употребляемъ въ ссуды, и тогда всѣ проценты по нимъ идутъ въ пользу акціонеровъ. Наконецъ всѣ колебанія между процентомъ по облигаціямъ и по ссудамъ, когда они происходятъ въ ущербъ заемщикамъ, идутъ въ пользу компаніи. Дѣйствительно, дивиденды акціонеровъ были весьма удовлетворительны; до 1857 они составляли 7%, а потомъ 8%. Потому и акціи поземельнаго кредита стояли весьма хорошо въ курсѣ: почти постепенно выше пари. Какъ видно, это самая благопріятная сторона поземельнаго кредита Франціи.

Въ самое послѣднее время, французское правительство избрало посредство поземельнаго кредита для производства землевладѣльцамъ ссудъ на устройство дренажа, до 100,000,000 ф., на 25 лѣтъ, съ условіемъ 45% за коммиссію въ пользу компаніи поземельнаго кредита. Такимъ образомъ, эта благодѣтельная операція обѣщаетъ компаніи около 450,000 ф. чистой ежегод-

---

(*) *Revue des deux mondes, octobre 1858, p. 615.* Изъ этой весьма обстоятельной статьи г. де-Маризи мы преимущественно почерпали данныя о ходѣ предпріятія за послѣднее время.

(**) Хотя компанія далеко не выполнила условія для его полученія (200 милл. ссудъ).

ной прибыли втеченіе 25 лѣтъ, безъ малѣйшаго съ ея стороны риска. Не обсуждая самой сущности этой операціи, впрочемъ, едва только начатой, нельзя не удивляться, какъ всѣ благотворительныя мѣропріятія французскаго правительства всегда умѣютъ оставлять за собою слѣдъ весьма сушественныхъ прибылей въ карманахъ парижскихъ капиталистовъ и коммиссіонеровъ. Недешево, стало быть, обходится народу благотворительная правительственная дѣятельность въ пользу народныхъ массъ.

Окончательный результатъ, который мы можемъ вывести изъ не многолѣсныхъ операцій поземельнаго кредита Франціи это около 100 мил. ссудъ землевладѣльцамъ, приблизительно по 6—7%, съ погашеніемъ, и удовлетворительное состояніе собственныхъ финансовыхъ дѣлъ. Конечно, это еще не обѣщанные 200 милл. по 5%, это еще не освобожденіе французской почвы отъ гипотечнаго долга, который простирается отъ 8 до 10 милліардовъ, но это все-таки что нибудь сдѣланное и исполненное.

Общественное мнѣніе во Франціи считаетъ *поземельный кредитъ* предпріятіемъ, совершенно неудавшимся, и оно, дѣйствительно, таково, если мы будемъ за основаніе оцѣнки его принимать всю совокупность интересовъ земледѣлія и поземельной собственности во Франціи, которымъ онъ, въ мысляхъ его первоначальныхъ двигателей и въ ожиданіяхъ общественнаго мнѣнія, призванъ былъ удовлетворить. Crédit Foncier de France, конечно, мало содѣйствовалъ къ облегченію милліардовъ гипотечнаго долга, тяготѣющаго на французской поземельной собственности. Характеромъ своего развитія онъ вовсе не соотвѣтствуетъ характеру развитія французской поземельиой собственности. Въ поземельномъ кредитѣ Франціи преобладаютъ крупныя ссуды, а во французскомъ земледѣліи—дробная собственность и потребность въ самыхъ мелкихъ ссудахъ. Организація поземельнаго кредита Франціи вовсе даже не допускаетъ ссудъ ниже 300 фр., тогда какъ французскіе собственники, можетъ быть, именно по преимуществу нуждаются въ такихъ ссудахъ. Но, при существующихъ политическихъ и общественныхъ условіяхъ страны, поземельный кредитъ Франіи, можетъ быть, достигъ всѣхъ возможно практическихъ результататовъ; успѣхи духа товарищества между самими собственниками и системъ земледѣлія, приспособленныхъ къ дробности земельныхъ участковъ и къ ихъ ассоссіаціи, могутъ, впослѣдствіи, если и не быстрыми шагами, дать поземельно-

му кредиту развитіе, соотвѣтствующее внутреннимъ потребностямъ французскаго сельскаго народонаселенія.

Съ точки зрѣнія общихъ началъ организаціи гипотечнаго кредита, выставляются и заслуживаютъ вниманія въ системѣ поземельнаго кредита Франціи главнѣйше: во первыхъ, его крайняя централизація и правительственный характеръ; во вторыхъ, система его земскихъ облигацій, имѣющая нѣкоторыя особенности, и, въ третьихъ, положенная въ его основаніи колмінація прибылей капиталистовъ-акціонеровъ и интересовъ землевладѣльцевъ-заемщиковъ.

По первому вопросу мы приведемъ слова одного изъ весьма добросовѣстныхъ современныхъ экономистовъ, г. Горна, изучавшаго кредитныя и финансовыя обстоятельства Франціи на мѣстѣ (вообще весьма строгаго въ своихъ сужденіяхъ о Crédit Foncier). «Какъ главная выгода произведенной централизаціи поземельнаго кредита Франціи, говоритъ онъ (*), выставляется (съ особенною настойчивостью въ отчетѣ за 1854) то, что департаментскія учрежденія были слишкомъ подвержены мѣстнымъ вліяніямъ, и потому они могли, *чрезъ крайнюю строгость въ своихъ требованіяхъ насчетъ условій обезпеченія ссудъ*, нанести вредъ самимъ себѣ и всей системѣ поземельнаго кредита. Парижское центральное учрежденіе чуждо такимъ вліяніямъ и разрѣшаетъ удовлетвореніе просьбамъ о ссудахъ и опредѣляетъ размѣръ ихъ, основываясь на *достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ*, доставляемыхъ казенными сборщиками податей, относительно цѣнности имѣнія и вѣрности залога. Намъ же кажется, что именно въ дѣлѣ поземельнаго кредита такое абсолютное равенство имѣетъ чрезвычайно важныя неудобства. Гипотекарное учрежденіе содѣйствуетъ выдачею ссудъ затратамъ капитала: на улучшеніе почвы, увеличеніе скота, дренажъ, на пріобрѣтеніе машинъ проч. Но въ разныхъ департаментахъ, при различныхъ мѣстныхъ и другихъ отношеніяхъ двухъ имѣній, которыя, однако, имѣютъ одну и ту же оффиціальную цѣнность (сборщики податей принимаютъ въ соображеніе при оцѣнкѣ преимущественно податныя единицы), напримѣръ, 50,000 фр., легко можетъ быть, что владѣлецъ одного имѣнія хорошо употребитъ всю сумму ссуды и не только будетъ аккуратно выплачивать проценты, но и самъ пріобрѣтетъ для себя прибыль, въ то время, какъ владѣлецъ

(*) *Horn, Das Creditwesen in Frankreich, p. 95.*

другаго имѣнія не съумѣетъ и одной трети ссуды употребить производительно и его исправность будетъ весьма сомнительна. Не только хозяйство, но и личность должника должна быть принимаема въ соображеніе. Конечно, въ ссудѣ на 50 лѣтъ она не составляетъ главнаго основанія, ибо имѣніе можетъ нѣсколько разъ перейти изъ одного владѣнія въ другое. Но вѣдь существенное обстоятельство для кредита заключается въ томъ, какое сдѣлано изъ денегъ употребленіе въ самый моментъ полученія займа. Хорошій, бережливый хозяинъ часто такъ ихъ употребитъ, что для всѣхъ послѣдующихъ владѣльцевъ будетъ легко выполнять обязательства, возникшія для имѣнія изъ ссуды. Департаментскія учрежденія принимали бы въ уваженіе всѣ эти мѣстныя и личныя обстоятельства; центральное—не можетъ и не должно. Можетъ быть, именно въ такомъ случаѣ, гдѣ только большіе размѣры ссуды, свыше $^1/_2$ цѣнности имѣнія (нынѣшней границы) выгодны для заемщика, оно будетъ скупиться кредитомъ, тогда какъ въ другомъ случаѣ даже и въ этой границѣ дозволенная ей ссуда сопряжена бываетъ съ большимъ рискомъ. Кромѣ того, поселянинъ во Франціи, болѣе, нежели, гдѣ нибудь, привязанъ къ рутинѣ, съ недовѣріемъ смотритъ на всякое нововведеніе и самую благодѣтельную реформу заставляетъ себѣ навязывать, вмѣсто того, чтобы добровольно ее принимать. Crédit Foncier есть громадное нововведеніе, которое еще въ будущемъ должно пріобрѣсти себѣ довѣріе и популярность; оно дѣйствуетъ въ Парижѣ въ то время, какъ, стѣсненный тяжкими обстоятельствами, поселянинъ имѣетъ передъ своими дверьми своихъ старинныхъ друзей, *сводчиковъ*. Они довольствуются гипотекою втораго разряда, и даже весьма сомнительнаго, а Crédit Foncier требуетъ первой гипотеки и совершенно ясныхъ документовъ на права владѣніе. Департаментскіе банки, которые бы стояли и дѣйствовали посреди сельскаго народонаселенія своихъ провинцій, или даже частные агенты Crédit Foncier (вмѣсто казенныхъ, какихъ онъ исключительно теперь употребляетъ) легко побороли бы всѣ выставленныя выше неудобства. Мы даже думаемъ, что коронные чиновники, сборщики податей, вовсе не годятся для этого дѣла. Послѣдніе будутъ заниматься имъ съ тою обычною небрежностью, которыя чиновники обыкновенно вносятъ во все то, что̀ прямо не входитъ въ кругъ ихъ служебныхъ обязанностей, и съ тѣми бюрократи-

ческими послѣдствіями, которыя, къ несчастію, слишкомъ извѣданы.»

Съ своей стороны, мы не можемъ отказать въ полномъ нашемъ сочувствіи этимъ словамъ, на которыя желали бы обратить вниманіе при всѣхъ современныхъ начинаніяхъ относительно поземельнаго кредита. Наше общество, кажется, не имѣетъ причинъ не соглашаться съ такими взглядами на централизацію и реглеменированіе публичныхъ учрежденій.

Менѣе рѣшительный приговоръ можемъ мы высказать относительно двухъ другихъ выставленныхъ нами вопросовъ: о системѣ французскихъ земскихъ облигацій и комбинаціи прибылей акціонеровъ Crédit Foncier съ интересами заемщиковъ.

Французскія земскія облигаціи составляютъ нѣчто среднее между закладными лицами Pfandbrief, lettres de gages (какъ они и называются часто во Франціи) землевладѣльческихъ кредитныхъ обществъ и банковыми билетами. Сходство съ первыми заключается, во первыхъ, въ томъ, что онѣ не подлежатъ размѣну въ кассѣ учрежденія (*), выпускаются на сроки гипотечныхъ ссудъ и выкупаются постепенно изъ обращенія, по мѣрѣ погашенія гипотечныхъ долговъ. Во вторыхъ, сумма выпуска облигацій Crédit Foncier должна быть всегда равна суммѣ гипотечныхъ ссудъ. Въ третьихъ, онѣ выпускаются только для гипотечныхъ операцій, только чтобъ служить орудіемъ ссуды подъ залогъ имѣнія, и нынѣ даже выдаются въ руки заемщика, какъ большая часть закладныхъ листовъ. Въ четвертыхъ, французскія облигаціи выпускаются на крупныя суммы и не могутъ быть ниже 100 фр., стало быть онѣ предназначены преимущественно для помѣщенія капиталовъ, какъ закладные листы, а не для того, чтобы служить орудіемъ обращенія—деньгами, какъ циркуляціонные банковые билеты. Наконецъ, въ пятыхъ, что̀ ихъ въ томъ же смыслѣ всего болѣе различаетъ отъ банкнотовъ и приближаетъ къ закладнымъ листамъ, это то, что онѣ приносятъ проценты своимъ владѣльцамъ, и именно проценты, соразмѣряющіеся съ процентами, выплачиваемыми по гипотечнымъ ссудамъ.

Но французскія земскія облигаціи имѣютъ также сходство съ банковыми билетами и совершенно различаются отъ заклад-

---

(*) Каковы, по самой своей сущности, закладные листы, хотя въ нѣкоторыхъ странахъ и допущены были исключенія.

ныхъ листовъ, именно въ отношеніи къ гарантіи своего кредита, или, лучше, формы этой гарантіи.

Кредитъ закладныхъ листовъ, то есть исправность связанныхъ съ ними обязательствъ въ пользу владѣльцевъ ихъ: уплата процентовъ и постепенное погашеніе выкупомъ, обезпечивается круговою отвѣтственностью заемщиковъ, или, лучше, заложенныхъ имѣній; кредитъ французскихъ земскихъ облигацій, подобно банковымъ билетамъ обезпечивается только кредитомъ, состоятельностью банка (компаніи Crédit foncier) и между прочимъ его складочнымъ капиталомъ, который по уставу и называется fond de garantie и долженъ всегда составлять 5% на всю сумму выпущенныхъ облигацій.

Между тѣмъ, въ сущности состоятельность земскихъ облигацій, то есть исправность обязательствъ по нимъ компаніи, зависитъ, точно такъ же, какъ и закладныхъ листовъ, отъ исправности заемщиковъ и потому остественнѣе было бы дать имъ, и по самой формѣ, какъ въ землевладѣльческихъ компаніяхъ, ту же гарантію. Это было бы ближе къ истинѣ. Если то или другое отношеніе основнаго капитала къ суммѣ облигацій должно служить обезпеченіемъ послѣднихъ, то есть на случай недостаточности доходовъ банка для уплаты процентовъ, выигрышей и проч. и обѣщаннаго выкупа облигацій, или, другими словами, на случай неисправности заемщиковъ и накопленія ими недоимокъ, если основной капиталъ долженъ выполнять такое назначеніе, то, чтобы оно было не химерою, слѣдовало бы, кажется, имѣть постоянно, на все количество этого капитала, въ наличности, въ кассѣ банка, или чистыя деньги, звонкую монету, или кредитныя бумаги съ самою легкою реализаціей. Это послѣднее обстоятельство (*) требовало бы отъ аціонеровъ рѣшимости имѣть постоянно весьма большой праздный капиталъ, а такой рѣшимости всего менѣе можно ожидать отъ банкировъ и биржевыхъ капиталистовъ; если же она бы, дѣйствительно, осуществилась, то капиталисты, по необходимости, должны были бы заставить заемщиковъ дорого заплатить за такое непроизводительное употребленіе ихъ капиталовъ. Не выгоднѣе ли для заемщиковъ принять на себя самихъ гарантію кредита? Далѣе положимъ, что

(*) Изъ балансовъ *Crédit Foncier de France* видно, что онъ не держится этого правила. Такъ на складочный капиталъ въ 13 милл. было у него въ 1855 г. только около $^1/_2$ милл. звонкой монеты.

такіе капиталы въ кассѣ банка вовсе не нужны, какъ оно и въ самомъ дѣлѣ, то къ чему же служитъ основной капиталъ, къ чему посредство акціонеровъ для землевладѣльцевъ, когда они могли бы получать тѣ же самыя ссуды по тѣмъ же облигаціямъ?

Вся разница процентовъ между облигаціями и ссудами идетъ въ пользу акціонеровъ Crédit Foncier, въ вознагражденіе за услуги, оказываемыя ими заемщикамъ, въ доставленіи имъ обезпеченія по облигаціямъ. Если бы они взяли на себя это обезпеченіе, которое, при круговой отвѣтственности, не можетъ имъ дорого обойтись, то разница процентовъ шла бы не въ руки капиталистовъ, а на усиленіе погасительнаго фонда, или же, проще, соразмѣрно этой разницѣ могли бы быть облегчены и условія ссудъ.

Эти замѣчанія наши мы никакъ не выдаемъ за непогрѣшительныя, но полагали полезнымъ сдѣлать ихъ потому, что они относятся не только къ Crédit Foncier de France, но и вообще къ организаціи земскихъ банковъ.

Мы со всею, можетъ быть, даже излишнею, подробностью описали устройство поземельнаго кредита въ Баваріи и Франціи, чтобы показать характеръ гипотечныхъ учрежденій, дѣйствующихъ на основаніи товарищества капиталистовъ. Бавaрія и Франція занимаютъ главное мѣсто въ этой группѣ; остальныя подобныя учрежденія немногочисленны и неважны: большая часть гипотечныхъ учрежденій, по крайней мѣрѣ, наиболѣе замѣчательныхъ въ Европѣ, относятся къ группѣ землевладѣльческихъ товариществъ.

Въ Бельгіи кредитныя обстоятельства поземельной собственности были довольно сходны съ французскими, хотя и не столь тяжки. Два гипотечныя учрежденія: *caisse des propriétaires* и *caisse hypothécaire*, основанныя въ 1835 г., на акціяхъ, т. е. какъ товарищества капиталистовъ, или гипотечныхъ заимодателей, не удовлетворяли потребности, ибо процентъ по ихъ ссудамъ былъ весьма высокъ. Около 1850 года бельгійское правительство было сильно озабочено устройствомъ прочнаго поземельнаго кредита и пришло къ убѣжденію, что нужды поземельной собственности всего лучше могутъ быть удовлетворены гипотечнымъ учрежденіемъ на началахъ землевладѣльческаго товарищества, съ значительнымъ, однако, участіемъ въ управленіи его дѣлами со стороны правительства. Образцомъ принято было при этомъ галиційское гипотечное учрежденіе. На этихъ основаніяхъ со-

ставленъ былъ проэктъ закона; но о послѣдствіяхъ его мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній (*).

Упомянемъ о другихъ важнѣйшихъ земскихъ банкахъ въ Европѣ.

Нассаускій банкъ (*Nassauische Landesbank*) (**). Этотъ банкъ преобразованъ былъ въ 1849 г. изъ прежней *кредитной кассы* (*Landescredit Casse*), существовавшей съ 1840 г. Кредитная касса была учрежденіемъ правительственнымъ, а не частнымъ. Она занималась выдачею ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній отдѣльнымъ лицамъ и общинамъ, выкупомъ крестьянскихъ повинностей, текущими счетами по коммерческимъ дѣламъ и пріемомъ вкладовъ на храненіе. Способы, которыми располагала касса, заключались: въ выпускѣ банковыхъ билетовъ (или бумажныхъ денегъ, ибо билеты имѣли узаконенный курсъ), въ займахъ у банкировъ, съ выдачею имъ облигацій, и въ срочныхъ займахъ у разныхъ лицъ и вспоможеніяхъ изъ кассъ казенныхъ учрежденій. Какъ правительственное учрежденіе, касса должна была преимущественно содѣйствовать финансовымъ операціямъ правительства и его разнымъ предпріятіямъ. Долгосрочныя ссуды производились съ постепеннымъ погашеніемъ процентными взносами. Въ выкупныхъ операціяхъ она требовала предварительнаго соглашенія между крестьянами и помѣщиками и потомъ, удовлетворивъ послѣднихъ, становилась на мѣсто ихъ и погашала, въ опредѣленные сроки, капитализированныя повинности разложеніемъ платежей на крестьянъ.

Въ 1849 г. нассауская касса была преобразована въ настоящій національный банкъ, обнимающій собою всѣ отрасли коммерческаго кредита. Въ то же время онъ поступилъ въ распоряженіе капиталистовъ, которые сдѣлались его акціонерами и завѣдуютъ его управленіемъ, подъ надзоромъ правительства. Операціи по гипотечнымъ ссудамъ, однако, продолжаются. Съ 1849 года выкупъ повинностей сдѣланъ былъ обязательнымъ, и банкъ получилъ разрѣшеніе выпускать для того четырехпроцентные облигаціи, съ постепеннымъ погашеніемъ капитала. Въ то же время банкъ производитъ операцію сходную на учетъ выкупныхъ облигацій, по желанію ихъ владѣльцевъ. Онъ выдаетъ на нихъ чистыя деньги чрезъ три мѣсяца по предъявленіи, но лишь

(*) *Josseau, des institutions, etc. Ch. XY.*

(**) Тамъ же, *ch. XIII. Hübner. Die Banken. P. 463.*

когда наличные его капиталы ему это позволяютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ банкъ получилъ право на выпускъ до 1 милл. гульд. билетовъ, съ узаконеннымъ курсомъ.

Въ 1849 г. нассаускій банкъ имѣлъ капитала въ ссудахъ:

1) На выкупъ повинностей	6,378,746	гульд.
2) Подъ залогъ имѣній	842,047	—
3) На общинахъ	186,047	—
4) Въ разсроченныхъ недоимкахъ .	306,007	—
Всего около 5 милл. р. сер.		

Судя по отчету 1849 г., всѣ другія операціи банка были маловажны: такъ, по учету только 188,000 гульд.

Въ то же время было выпущено банкомъ:

1) Билетовъ	2,748,200	гульд.
2) Выкупныхъ облигацій	4,231,063	—

Въ послѣднее время Нассаусскій банкъ гораздо болѣе сталъ расширять свои коммерческія операціи и ссуды правительству. Гипотечный кредитъ нѣсколько отступаетъ на второй планъ; но, несмотря на то, Нассаусскій банкъ уже оказалъ ему большія услуги.

Въ Гессенъ-Дармштатскомъ великомъ герцогствѣ есть земскій банкъ—Renten-Anstalt—*рентовое учрежденіе*; но его операціи не обширны, ибо процентъ по ссудамъ довольно высокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ компанія предпочитаетъ пускать свои капиталы въ оборотъ по другимъ предпріятіямъ.

Въ настоящей главѣ мы разсказали устройство главнѣйшихъ гипотечныхъ учрежденій, основанныхъ на товариществѣ капиталистовъ. Этимъ мы окончили очеркъ обѣихъ формъ чистыхъ гипотечныхъ учрежденій.

Многіе банки производятъ гипотечныя операціи при весьма разнообразныхъ формахъ своего устройства, но какъ побочную отрасль. Чисто гипотечныя учрежденія представляются болѣе или менѣе въ тѣхъ нормахъ, которыя нами описаны. Въ будущей главѣ мы постараемся сдѣлать нѣкоторые общіе выводы относительно организаціи поземельнаго кредита и сообщить важнѣйшіе результаты объ относительныхъ достоинствахъ той или другой организаціи и нѣкоторыя предположенія къ устройству поземельнаго кредита, возникнувшія въ самое послѣднее время.

В. БЕЗОБРАЗОВЪ.

ПЕНСИЛЬВАНЦЫ И КАРОЛИНЦЫ.

(ВТОРОЙ РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ГУБЕРНСКАГО ДЕПУТАТА).

Не даромъ зовутъ наши новороссійскія степи и нашу Украйну краемъ крайностей. Здѣсь съ одной стороны какъ будто одолѣваютъ преданія старосвѣтскія, преданія русско-польскія, представители которыхъ, въ незлобіи души и тучности тѣла, желаютъ сохраненія всего, что было прежде, или, какъ говорятъ здѣсь, сохраненія «дѣдовщины» и «батьковщины». Съ другой, здѣсь ясно забираютъ силу молодые побѣги явленій новыхъ, наплывныхъ, колоніальныхъ, для которыхъ еще столько хранятъ простора наши пустынныя, воспріимчивыя и привольныя степи. Чуждыя всякаго консерватизма, онѣ отъ созданія міра свободно пропустили черезъ себя тучи всякихъ бродячихъ переходныхъ племенъ и всякихъ понятій и вѣрованій, оставляющихъ послѣ себя либо благодатныя сѣмена, либо темные и непонятные слѣды, въ родѣ здѣшнихъ таинственныхъ истукановъ, нашихъ смиренныхъ «каменныхъ бабъ». По всѣмъ новымъ вопросамъ тутъ рѣшительно тѣ же Соединенные Штаты Сѣверной Америки, съ которою наша молодая Украинская Новороссія имѣетъ вообще столько родственнаго. Недаромъ и для слова колонія здѣсь давно есть свое слово: «заимка». Такъ и по крестьянскому дѣлу здѣсь явились свои пенсильванцы и свои каролинцы, свои сѣверные штаты, поклонники эманципаціи, и свои южные, противники и закоренѣлые враги ея.

Сравненіе съ Соединенными Штатами Америки озадачитъ читателя.

Но право такъ. Наша русская, степная, украинская колонія имѣетъ много общаго съ родиной и любимымъ дѣтищемъ Франклина. Здѣсь кроются дѣльные уроки и для самой метрополіи. Та же благодатная дѣвственная почва и пока та же испорченность большинства первыхъ ея колонизаторовъ. Позднѣйшіе пришлецы, поселенцы новые, идущіе и бѣгущіе сюда безъ обветшалыхъ хартій и привиллегій на готовый, вѣками заготовленный трудъ, безъ старыхъ претензій и предразсудковъ, съ однимъ путеводителемъ — силою рукъ и жаждою честныхъ работъ, и съ живыми, бойкими и смѣлыми, денежными капиталами, захватываютъ здѣсь теперь послѣднія, еще не занятыя мѣста. Та же здѣсь, какъ и въ Америкѣ, смѣсь сословій и народовъ и та же поэтому горячая мѣстная борьба умирающаго съ начинающимъ жить. Только нѣтъ тутъ еще, какъ въ странѣ Бостона и Филадельфіи, ни каналовъ, ни очищенныхъ и оживленныхъ рѣкъ съ громадными пароходами; нѣтъ пятисотъ-тысячныхъ населеній въ здѣшнихъ смиренныхъ, еще первобытныхъ козацкихъ городкахъ, восемьдесятъ лѣтъ назадъ бывшихъ маленькими и глухими запорожскими «заимками». Лѣпятся еще эти «заимки» и до сихъ поръ у тощихъ рѣчонокъ, на пустынныхъ равнинахъ, въ пологихъ и тихихъ степныхъ котловинахъ, не увѣнчанные пока ни исполинскими трубами паровыхъ фабрикъ, ни складочными магазинами всесвѣтной торговли. Рѣки плывутъ себѣ тихо, омывая малолюдныя поля, бревенчатые и бѣдные хутора и жалко вспаханныя нивы и прыгая, какъ во времена былыя, какъ, вѣроятно, было и при Адамѣ, черезъ каменныя гряды непобѣжденныхъ пороговъ. Молчатъ наши степи. Ихъ зеленыя равнины не оглашаются еще звуками желѣзныхъ чудовищъ, въ иныхъ странахъ давно раскидывающихъ свои дымовыя полосы по вѣтру. По прежнему, здѣсь съ весны бродятъ по пустыннымъ пыльнымъ «шляхамъ» тяжелые чумаки, лѣниво погоняющіе своихъ лѣниво шагающихъ воловъ. Осенняя и весенняя грязь у насъ еще по прежнему, историческая грязь. Многаго еще, многаго здѣсь нѣтъ. За то уже появляются у насъ новые небывалые люди—«степные янки». Это сыновья бѣдныхъ помѣщиковъ, новыхъ купцовъ и чиновниковъ, кончившіе курсъ въ университетахъ и не служащіе. Бойкіе и ловкіе практики, они ищутъ работъ другихъ, горячихъ и болѣе подвижныхъ. Рыская съ мелкими, сколоченными капиталами, они съ виду мало разнятся отъ тѣхъ же нашихъ купеческихъ подрядчиковъ и прикащиковъ приморскихъ хлѣбныхъ конторъ, отъ бродячихъ кулаковъ, странствующихъ маклеровъ и прочей перелетной торгующей птицы, съ давнихъ поръ, еще отъ генуэзцевъ, населяющихъ шумными кочевьями наши степныя и по

бережныя мѣста и отважно свивающихъ нынѣ гнѣзда свои тамъ, гдѣ водились еще недавно однѣ степныя цапли да пеликаны. Странствуя въ мѣщанской дубленкѣ и сапогахъ выше колѣнъ, эти небывалые господа, степные янки, являются сюда въ видѣ коммиссіонеровъ, агентовъ и директоровъ разныхъ новыхъ обществъ. И смотришь—то тамъ подъ ихъ началомъ склеилась контора, то здѣсь уладилось и пошло вѣрное и бойковое торговое дѣло, созидаются фабричные дома, огромныя паровыя мельницы. Это квартиргеры нашихъ будущихъ Франклиновъ. Какъ на диковинку, еще засматриваются здѣсь на ихъ добрыя, здоровыя и какія-то сіяющія лица. Это же по преимуществу и наши пенсильванцы. Но есть у насъ, повторяю, и свои каролинцы. Эти большею частію сродни римскимъ гусямъ. На первомъ словѣ у нихъ старина и былыя патріархальныя преданія. Таинственные и мрачные патріоты, господа каролинцы большею частію опираются на примѣры старобытной, старосвѣтской Малороссіи. Это наши южные козакофилы, хотя въ старомъ козачествѣ было болѣе свободы, чѣмъ въ ихъ требованіяхъ. Ихъ внѣшнее знамя — поклоненіе салу и варениками. Ихъ идеалъ — возвращеніе родныхъ степей къ временамъ Хмѣльницкаго. Небольшой кругъ нашихъ любимыхъ народныхъ писателей съ ними ничего не имѣетъ общаго. Они плачутъ надъ виршами Сковороды, считая этого мистика за поэта, плачутъ надъ слабѣйшими изъ повѣстей Квитки и не признаютъ Гоголя. А наши дни, наши вѣрованія, по ихъ мнѣнію, прямо ведутъ страну къ участи Содома и Гоморра. Словомъ, здѣсь, какъ вездѣ: умъ работаетъ, безуміе ему несетъ преграды...

Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ были собраны и внесены въ губернскіе комитеты. Комитеты открыли и закрыли свои шумныя, горячія и небывалыя засѣданія. Много высказалось дѣльныхъ мыслей, много выдвинулось живыхъ людей. Пенсильванцы и каролинцы, аболиціонисты и анти-аболиціонисты сошлись на послѣдней исторической раздѣлкѣ, вступили въ борьбу, спорили, писали, составляли сходки, ополченія. Губернскій застой оживился и передалъ движеніе уѣздомъ. Уѣзды раздѣлились на свои враждебные станы, зашумѣли, а кое-гдѣ шумятъ и до сихъ поръ. Изъ городовъ волненіе перешло въ хутора и деревушки. Въ городахъ оно давало волны большія, морскія, если не волны самого океана; здѣсь оно отозвалось мелкою зыбью рѣчонокъ. Оживились такіе дома, гдѣ уже все, казалось, давно умерло, отпѣто и погребено. Тутъ также открылись ставни, крыльца усыпались песочкомъ, въ комнатахъ явились гости и всѣ спорщики. Явились сюда и невиданныя здѣсь вовсе газеты. Точь-въ-точь, какъ во времена отечественной войны, когда ожидали

антихриста! Старые забытые очки вынуты изъ ящика; пожелтѣлыя стекла въ нихъ протерты; заржавленные ободки вычищены. Читаются правительственные циркуляры, списки выборовъ, программы; читаются печатныя журнальныя статьи. Тамъ съѣздъ, тутъ съѣздъ... На съѣзды къ холостымъ депутатамъ даже являются непрошенными шестидесятилѣтнія барыни-хуторянки, съ молодыми внучками. И имъ подавай циркуляры и списки; и имъ объясняй программы и печатныя статьи. Враги барынь находятъ даже, что эти нежданные наѣзды съ ихъ стороны—не болѣе, какъ ловкое видоизмѣненіе прежнихъ способовъ выставить напоказъ своихъ засидѣвшихся невѣстъ: то возили на балы, а теперь на гражданскія сходки; та же мода... Подмѣшалась тутъ, разумѣется, и всегдашняя уѣздная и губернская грязь. Она смѣло лишетъ къ колесамъ нашей торжественной колесницы. Бездарные уѣздные остряки прежде потѣшались уличными сплетнями, описывая въ тупоумныхъ пасквиляхъ какіе нибудь смиренные балы или семейные вечера, куда они сами же первые подобострастно вторгались. Теперь эти уѣздные памфлетисты перенесли свои стрѣлы на степенныхъ депутатовъ по крестьянскому дѣлу. Къ чести пенсильванцевъ надо сказать, что они, какъ партія пока торжествующая, не прибѣгаютъ къ этимъ пасквилямъ. За то каролинцы носятъ усердно въ своихъ сановныхъ и горделивыхъ карманахъ замасленные списки сатиръ на своихъ ненавистныхъ собратій, и сами на старости лѣтъ становятся памфлетистами, какъ школьные мальчишки. Составляются враждебныя эманципаторамъ сходки, адресы; пишутся угрожающія подметныя письма...

А время идетъ своимъ путемъ, и пенсильванцы все-таки празднуютъ пока побѣды, задаютъ пиры, произносятъ рѣчи. Избиратели видятъ, кто торжествуетъ, и заранѣе со вздохомъ спѣшатъ кроить на новый ладъ свой бытъ, свои вѣрованія и свои привычки. Много драмъ разыгрывается въ маленькихъ хуторкахъ, много надеждъ разбивается подъ соломенными и камышевыми кровлями, много позднихъ и не спасающихъ уже слезъ проливается изъ старыхъ глазъ. Нашихъ Кавуровъ зовутъ предателями, нашихъ Меттерниховъ превозносятъ послѣдними и безплодными овціями. Старики взываютъ, что дожили до временъ, когда прійдется имъ повѣсить на древахъ свои лютни и «сѣдѣти и плакати на рѣкахъ вавилонскихъ». Молодые ждутъ-не-дождутся увидѣть зарю жизни новой. Въ печальныхъ попыхахъ только тѣ, кто, какъ дѣвы библейскія, въ ожиданіи прихода жениха, найдены врасплохъ съ угасшими свѣтильниками.

А солнце свѣтитъ по былому, по старому: такъ же взойдетъ, поглядитъ во всѣ яркіе глаза, повеселитъ степь и пажити, сады и покосы и закатится. Дни идутъ; жатва спѣетъ; серпъ и коса машутъ и блестятъ на солнышкѣ. День прошелъ; зной смѣненъ прохладой душистаго, степнаго вечера. Новыя села тѣснятся между хатами старыхъ: это — хлѣбныя и сѣнныя клади новаго сбора, загромождающія собою токи и дворы. Пыль клубится. По дорогѣ съ поля ползутъ громадные золотые жуки, скрипя и звеня по пригорку: это ѣдутъ возы, нагруженные червонно-золотыми копнами пшеницы. На возахъ ѣдутъ хуторянки. Черные бойкіе глаза смотрятъ оттуда. Длинныя, въ ладонь шириной, горделивыя косы качаются надъ стопами. Вечеръ тихъ. Только черные глаза посматриваютъ на одинокій степной проселокъ. Съ нимъ сливается за пригоркомъ битая столбовая дорога. По ней летятъ почты и курьеры. И вьется дорога столбовая далеко, далеко, туда, гдѣ лежитъ милый и пока молчаливый сѣверъ....

Былъ полдень. Мѣсто — подъ Сагайдачнымъ Лугомъ, гдѣ сходятся дороги изъ Макарославскаго уѣзда въ Южнобайрацкій.

Мы ѣхали опять съ Говорковымъ, и въ той же нетечанкѣ, въ которой представились впервые читателю, по пути въ Сорокопановку. Теперь мы пробирались на Желтыя-Воды, на отдыхъ послѣ трудовъ комитетскихъ.

Товарищъ мой и бывшій секретарь, въ той же гороховой шинелкѣ и смятомъ картузѣ, обдаваемый клубами бѣлой, густой пыли, умирая отъ зноя и духоты, по прежнему не унывалъ и ободрялъ меня разсказами.

Слышали вы, Александръ Сергѣичъ, у Ницнемацкихъ опять съѣздъ?

— Нѣтъ, не слышалъ.

— Эти господа такъ и летятъ въ колоновожатые, такъ и хотятъ попасть въ кругъ передовыхъ, передъ нашими смиренными Павленками, Дубленками, Макаренками и Назаренками!

Клубъ новой убійственной пыли обдалъ опять нетечанку и скрылъ на мгновеніе Говоркова. Но опять высунулись оттуда его голова и рука. Онъ силился дохнуть чистымъ воздухомъ и кашлялъ.

— А слышали вы, что не только господинъ Штонда, добрѣйшій, впрочемъ, старикашка, едва умѣющій подписать свое имя, сочинилъ цѣлый проэктъ эманципаціи, даже барыня Забайрачная уневѣстилась пишущей братіи! Вообразите, эта барыня, кромѣ шутокъ, сочинила и написала собственноручно, говорятъ даже на картузной какой-то бумагѣ, полный проэктъ эманципаціи для края, возитъ его въ каретѣ шестерикомъ, устроиваетъ литературные вечера, тычетъ

его каждому, ѣздила съ нимъ къ губернатору и чуть не разбранила губернскаго предводителя на улицѣ за то, что тотъ отъ нея бѣгалъ, какъ отъ чумы, и семь разъ ей не сказался дома. То-то бойкая дама!

— Вы сегодня, Абрамъ Ильичъ, очень злы: осыпаете насмѣшками даже полезныхъ людей.

— Со смѣху люди бываютъ! заключилъ Говорковъ и закашлялся. Пыль рѣшительно залѣпила ему все горло. — Впрочемъ, нынче уже всѣ тычутся въ передовые; да поздно! И рада бъ теперь наша мама за пана, да панъ не беретъ!.., Охъ, проклятая пыль!...

И онъ опять закашлялся и скрылся въ пыли.

Скоро мы спустились въ долину. Дорога пошла зеленымъ сыроватымъ лугомъ, безъ пыли и духоты. Впереди рисовались вербы и поселокъ. Это была недавняя еще слобода бывшихъ южныхъ военныхъ поселеній.

Сбитыя и полуразрушенныя кирпичныя пирамидки вели къ слободѣ, по бокамъ всей дороги. Онѣ имѣли прежде назначеніе скрашивать и указывать дорогу и бѣлились поэтому, чистились и поправлялись ежегодно міромъ. Теперь ихъ тайкомъ поселяне развозили на поправку печей. Издали еще, при въѣздѣ въ околицу, мы увидѣли полосатые столбы и шлагбаумъ съ цѣпью сельской, нынѣ упраздненной также, гауптвахты. Намъ, при въѣздѣ въ слободу, никто уже не опустилъ роковой перекладины. Заржавленная, забытая цѣпь ея уныло висѣла. На тяжеломъ концѣ праздно-взброшеннаго шлагбаума сидѣла стая воронъ. А на площадкѣ тутъ же лѣпившейся маленькой гауптвахты бѣгала и шумно суетилась безпечная толпа ребятишекъ, весело крича и со смѣхомъ сѣдлая другъ друга. Улицы, по случаю полевыхъ работъ, были совершенно пусты.

— Вотъ, замѣтилъ Абрамъ Ильичъ: — тутъ недалеко живетъ отставной капитанъ, имѣетъ свой собственный благопріобрѣтенный на безпорочной службѣ хуторокъ и десять тысячъ капиталу въ сундукѣ. Онъ былъ здѣсь военнымъ волостнымъ, и я его коротко зналъ, даже чай у него пивалъ. Вообразите, онъ всегда говорилъ вмѣсто гауптвахты — абафта, вмѣсто слишкомъ — слышкомъ, вмѣсто комитета — комикетъ, а отлично зналъ службу, то есть порядокъ здѣсь содержалъ до того, что подметалъ улицы два раза въ недѣлю и даже бабъ училъ фронту при встрѣчѣ съ собой....

— Абрамъ Ильичь, пощадите! Лучше взгляните, какова слободка: заглядѣнье!

— Да-съ, свободное нынѣ, государственное село!

И, вздохнувши, онъ повелъ кругомъ тусклыми, желтоватыми глазами. Кучеръ тоже, какъ бы угадавши нами мысли и давая лошадямъ посмотрѣть на село, ѣхалъ шагомъ.

Мы оба переглянулись: такъ очевидно измѣнился образъ слободы, которую мы оба знали. Видно урожай особенно великъ былъ въ эти два года. Село ломилось отъ хлѣба и сѣнныхъ стоговъ. Я особенно всегда любилъ эту слободку, сорокъ лѣтъ назадъ вольную и обращенную потомъ въ военное поселепіе. Лучшихъ временъ ея я не помню. Сорокъ лѣтъ прошло, и она опять принимала прежній, не натянутый, не щегольски-выровненный и нѣмецки-вылизанный видъ, а видъ простой, домашне-пестрый, даже нѣсколько безпорядочный, за то своеобразный и привольный. Поселяне радовались, что они опять — хуторяне. Прежде всѣ хозяева до-единаго чумаковали, то есть ходили въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбою. Теперь, скинувши синіе кафтаны съ красными воротниками и уланскія форменныя фуражки, хозяева-землепашцы опять начинали составлять чумацкія «валки». На эту слободку нельзя было не заглядѣться. Переставши быть Ново-новосамарскимъ и ставши опять былою, тихою Цвѣтовѣнькой, она особенно привлекала взоры, какъ всѣ здѣшнія государственныя села, своимъ хлопотливымъ, добродушнымъ домоводствомъ и свойственнымъ хуторянамъ довольствомъ малымъ. При взглядѣ на ея бѣлыя хатки, гнѣздившіяся въ разсыпку, по пригоркамъ ея извилистыхъ, между ярами и буграми, улицъ, казалось, что эти хатки строили бобры, а ласточки ихъ обмазывали. Хатка на хаткѣ и садъ переплетается садомъ. А внизу — пруды, одинъ вытекаетъ изъ другаго; въ нихъ много рыбы. Вербами обсажены берега. Улицы вьются между садами. И все зелень, да бѣленькія хатки, да гладенькія, соломенныя крыши. Четыре церкви, усердно содержимыя обществомъ. Вмѣсто казеннаго волостнаго, выборный изъ села голова, въ простой долгополой свитѣ, по мѣстному степному обычаю — безъ бороды.

— Хорошо село! проговорилъ даже нашъ кучеръ, ткнувши въ воздухъ кнутомъ съ козелъ нетечанки.

— Какъ бы однако сюда опять не затесался, съ властію хотя бы и гражданской, волюстной, въ родѣ того, что вмѣсто гауптвахта говоритъ «абафта!» заключилъ мой сопутникъ, какъ видно, не очень довѣрявшій продолжительному довольству тихой Цвѣтовéньки.

— Трогай! сказалъ онъ кучеру, и мы выѣхали опять въ поле.

Лошади пробѣжали еще часа два или три. До подорожной корчмы, гдѣ мы разсчитывали кормить, оставалось не болѣе пяти верстъ. Надо было только переѣхать новую долину и рѣчку. Кучеръ сталъ уже спускаться въ долину. Намъ дремалось. Вдругъ онъ вскочилъ, замахалъ кнутомъ и давай кричать по своему: «О-о! ге-е-й, а ну, бисовы сыны, паняйте съ мосту!» Нетечанка стала.

— Что ты?

— Да гляньте, вонъ...

И онъ указалъ кнутомъ. Съ пригорка видны были внизу рѣка и узенькая жалкая плотинка. Два громадные обоза передними возами съѣхались—одинъ съ той стороны рѣки, а другой съ этой, съѣхались на самой плотинкѣ, сцѣпились колесами и не могли податься ни впередъ, ни назадъ. Кучка озадаченнаго народа копошилась близь сцѣпившихся колесъ. Другіе сидѣли молча или тутъ же стояли, ковыряя въ носахъ. Кучеръ съ бранью всталъ и пошелъ къ плотинкѣ, помахивая кнутомъ.

— Что мы будемъ дѣлать? сказалъ я въ досадѣ: — солнце заходитъ, а обозы столкнулись такіе, что, какъ говорится, когда задъ ихъ спать собирается и кашу варитъ, то перёдъ уже Богу молится и отправляется въ походъ.

— Извѣстное дѣло, будемъ ждать! началъ Говорковъ: — теперь ихъ самъ чортъ не разведетъ! Я уже знаю, какъ это дѣлается! Должно быть, вожаки ѣхали себѣ да ѣхали, то есть шли себѣ, помахивая кнутами. Каждому и захотѣлось понюхать у встрѣчнаго табаку. Вотъ, забывая о томъ, что сзади двигалась громада другихъ возовъ, они и съѣхались на мостку. «Здравствуйте!» — «Здравствуйте!» — «А-ке, лишень, дядьку, кабаки!» Тотъ и наставилъ тавлинку. Нюхаютъ и нюхаютъ, и другіе слазятъ съ возовъ и тоже нюхаютъ. А возы себѣ сходятся и сходятся. Ну, колеса затрещатъ, они и ахнутъ...

Кучеръ нашъ воротился разобиженный.

— Ну, что?

— Обломались съ фурами соли какъ разъ на мосту...

— А что! Я же вамъ говорилъ! съ радостью крикнулъ Говорковъ: — теперь тутъ ужь просидишь до вечера.

— Когда бъ до вечера! замѣтилъ кучеръ: — возовъ и до утра не разведешь; съ плотины некуда податься — надо разгружать фуры...

Мы слѣзли съ нетечанки, легли на травѣ и закурили сигары. Долго еще возились чумаки у возовъ. Долго еще неслись оттуда брань и споры. За нами раздался звонокъ и стукъ колесъ. Черезъ минуту съ горы показался экипажъ четверкой въ пыли. Не зная, подобно намъ, что было внизу, онъ стремглавъ, звеня бубенчиками и колокольчикомъ, понесся туда. Крики нашего кучера остановили его. Двѣ бѣлыя холстинковыя фуражки высунулись изъ оконъ крытой коляски. — «А? что?» спрашивали въ сумеркахъ фуражки. Мы разсказали, въ чемъ дѣло. — «Ну, Павладій, бери вправо по берегу!» стоически заключили фуражки, знавшіе видно, лучше насъ, нужныя сноровки при подобныхъ встрѣчахъ. Мы спросили: «А развѣ направо проѣдешь?» — «Проѣдете: тутъ есть другой мостокъ — вонъ и дорожка туда идетъ. А тамъ сейчасъ Улановка Дѣдятовска-

го. Мы туда ѣдемъ. Всего семь верстъ осталось...» — «Дѣдятовскаго? Романа Романыча?» спросили мы съ Говорковымъ въ одинъ голосъ.—«Да-съ. Тамъ именины и съѣздъ.» Коляска быстро свернула вправо и полетѣла лугомъ надъ рѣкой, подхваченная сытою и рослою четверкой.

Мы взглянули другъ на друга. Дѣдятовскаго знали мы оба и любили, несмотря на его скупость и причуды. Это былъ помѣщикъ другаго съ нами уѣзда и каролинецъ. Какъ честные пенсильванцы, мы бы не поѣхали въ такое время гражданскихъ схватокъ къ каролинцу и плантатору, слѣдовательно къ нашему врагу. Это бы у насъ назвали лазарничествомъ и неимѣніемъ такта. Но то былъ владѣлецъ другаго уѣзда, и притомъ истинно-невинный и простой человѣкъ. Разность въ убѣжденіяхъ насъ съ нимъ не поссорила и теперь.

— Признаюсь, хотѣлось бы посмотрѣть на съѣздъ тамошнихъ, сказалъ Говорковъ: — да Романъ Романычъ кстати и именинникъ! Поѣдемъ къ нему. Сколько времени уже мы не были у него! Да тамъ же всегда и безъ церемоній. А гостей своихъ, особенно, напримѣръ, изъ офицеровъ, онъ даже иногда и по фамиліи не знаетъ!

И мы завернули вслѣдъ за коляской. Нетечанкѣ, впрочемъ, было не подъ силу гнаться за нею. Мы скоро отстали.

— Догоняй богатаго, что̀ вѣтра въ полѣ! заключилъ Абрамъ Ильичъ, печально свистнувши вслѣдъ за круглымъ гоготаніемъ ея лежачихъ рессоръ, исчезавшихъ вдали, по тропинкѣ, между темными уже камышами.

Мы также въѣхали въ камыши.

— Да еще какъ! продолжалъ нашъ кучеръ, все еще въ отвѣтъ своимъ недавнимъ перебранкамъ съ чумаками, на плотинѣ: — я пришелъ, спорю; а они мнѣ: «да вы, *бываетъ*, не изъ жидовъ, что добрыхъ людей въ такомъ дѣлѣ попрекаете?» А! мы, съ панами, жиды!! —И его огорченію не было предѣловъ. — А я имъ! продолжалъ возница: «ахъ, вы душегубы! Чтобъ вамъ сто-надцать лихорадокъ, да сто болячекъ, да всѣ прыщи и свищи! Такъ вы пановъ жидами звать?...» одного даже за чубъ взялъ, да бросилъ послѣ: ну, его....

Дорога свернула влѣво. Лошади свободно простучали по какому-то мостку. Черезъ полчаса мы впотьмахъ въѣхали въ село.

— Это Улановка?

— Нѣтъ, еще не Улановка, а Гусаровка: Улановка черезъ двѣ версты! отозвался чей-то голосъ изъ темноты.

Названія селъ произошли отъ предковъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, бывшихъ друзей. Одинъ служилъ въ уланахъ, другой въ гусарахъ. Это они и оставили по себѣ на память.

Какъ въ Гусаровкѣ, такъ и въ Улановкѣ, при нашемъ проѣздѣ, съ завàленокъ хатъ вскакивали и шмыгали за ворота какія-то пàры.

— Это все влюбленные! шепталъ опять Абрамъ Ильичъ.—Матери и отца нѣтъ дома—парубокъ и садится, обнявшись съ дивчиною. Сидятъ себѣ въ парочкѣ «дружкуются», «женихаются». А въ концѣ села, у какого нибудь свата, уже окна свѣтятся. Тамъ идетъ гульня. Старые условливаются о сватовствѣ дѣтей. И сидятъ эти влюбленные всю ночь, пока, по здѣшнему повѣрью, заря скажетъ мѣсяцу: «мѣсяченьку, мой братику! освитимо звиря въ полѣ, щуку-рыбу въ морѣ, чумака въ дорози!» Только блескъ мѣсяца да стукъ панскихъ колесъ и разгонятъ этихъ счастливыхъ до новой встрѣчи. И чего только они не перетолкуютъ: про свое хозяйство, про работы, кто изъ нихъ что въ тотъ день работалъ, и что ему сказано, и какъ они устроятъ свое теплое житье-бытье послѣ свадьбы! А у насъ? баринъ стоитъ на колѣняхъ передъ барышней и говоритъ: «я-съ васъ люблю-съ!» Тьфу! Ажно противно! Я никогда такъ не говорилъ!

Мы въѣхали въ ворота и подъ крыльцо освѣщеннаго дома. Множество экипажей стояло въ полусвѣтѣ у конюшни.

— Панъ по мечу и кудели! шепталъ Говорковъ, вылѣзая изъ нетечанки: — панъ отъ двадцати колѣнъ панскихъ, этотъ нашъ пріятель Дѣдятовскій! Въ гербѣ у него, говорятъ, сущая шляхетская диковина: пулъ-пса и пулъ-кòзы, да, какъ говорятъ еще въ Польшѣ, «чарна вешка по бембешку гòпке бíе!»

Кто-то распахнулъ на крыльцо двери, и насъ разомъ обдало свѣтомъ.

— А! Скавронскій! Говорковъ! какая радость!

И Романъ Романычъ уже душилъ насъ въ своихъ объятіяхъ.

— Вотъ, кричалъ анъ, таща насъ на крыльцо:—что значитъ мѣстоположеніе! Живу на самомъ пупѣ земли, на бугрѣ: ко мнѣ и слетаются всѣ братья! Пожалуйте!

Но, сказавши это, онъ тутъ же засуетился и исчезъ. Мы прòшли въ боковую особую комнату, наскоро переодѣлись и пошли въ залу.

Не успѣли мы туда войти, какъ Дѣдятовскій уже стоялъ въ толпѣ другихъ, окружавшихъ какого-то разскащика.

Романъ Романычъ былъ по старому въ ермолкѣ, для прикрытія своей полнѣйшей плѣши, въ сѣренькомъ сюртучкѣ и съ огромнымъ клѣтчатымъ платкомъ въ рукахъ, по случаю нюханія табаку. Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ и очень маленькій ростъ, Романъ Романычъ сохранялъ еще много бойкости и подвижности нрава. Страсти въ немъ еще кипѣли. Тѣло было уже плоховато, какъ отзывался порою онъ самъ. Голосокъ былъ у него тоненькій и часто зали-

вался веселымъ смѣхомъ. Выйдя рано въ отставку и женившись на милѣйшей и красивѣйшей женщинѣ, онъ скоро вдался въ хозяйство, но остался въ немъ, какъ и въ своихъ убѣжденіяхъ, охранителемъ стараго. Сорокъ лѣтъ онъ прохозяйничалъ, но не улучшилъ имѣнія ни на волосъ, и въ концѣ могъ сдать его въ томъ видѣ, какъ принялъ. Получая порядочный, но ровный всегда доходъ, онъ и его не проживалъ. Гдѣ-то, въ сундукахъ ли, или на сторонѣ, составился у него значительный капиталъ. Но, смотря уже въ гробъ, одолѣваемый болѣзнями, предтечами послѣдней расплаты, онъ не могъ сказать: я привольно пожилъ на свѣтѣ! Теперь уже и хотѣть-то онъ ничего не могъ. Его деньги были — орѣхи подъ старость беззубой бѣлкѣ. Скопидомство перешло въ скупость. Сперва свои сборы онъ берегъ изъ разсчета не заявить ихъ молодой женѣ и молодымъ друзьямъ, потомъ сталъ таить, какъ мрачный и негодный скряга. И говорятъ. боясь сдѣлать о нихъ даже завѣщаніе, чтобы не узнали про нихъ и не промотали ихъ дѣти, онъ могъ вовсе погубить этотъ капиталъ», Любя искусства отъ природы, онъ и теперь еще игралъ часто на скрипкѣ и на фортепьяно. Но, отставши отъ литературы за хозяйствомъ, т. е. за самою дурною стороною хозяйства — за сидѣньемъ надъ душою работника, съ утра до вечера — онъ уже не понималъ современныхъ явленій мысли и прикрывалъ себя довольно пошлою и жалкою отговоркою. — «Вы читаете что нибудь теперь, Романъ Романычъ?» спрашивали его!—«Э! не читаю ничего, кромѣ бебулы, (оберточной бумаги), отвѣчалъ онъ,—съ тѣхъ поръ, какъ карбонары стали писать тамъ всякое эдакое!» Не имѣя на головѣ ни единаго волоска, Романъ Романычъ всегда носилъ длинные сѣдые усы.

— А! шепнулъ мнѣ Говорковъ, когда мы вошли и стали незамѣченные въ толпѣ другихъ: посмотрите,—Романъ Романычъ и бороду запустилъ, а ругаетъ радикаловъ!

Въ самомъ дѣлѣ, у него изъ-подъ жабо торчала пресмѣшная, бѣлая, какъ кружевной воротникъ, борода. Онъ ее поминутно гладилъ. Послѣ мы узнали, что эту бороду онъ запустилъ потому, что одинъ его знакомый, старикъ и его другъ, тоже запустилъ ни съ того, ни съ сего бороду.

— Онъ умный человѣкъ и даромъ ничего уже не сдѣлаетъ! говорилъ Романъ Романычъ:—отпущу и я бороду, а при встрѣчѣ его спрошу, зачѣмъ это; коли нужно,—оставлю, а нѣтъ,—то сбрею!

— Ха ха ха! раздалось вдругъ среди залы изъ круга слушателей.

Мы съ шапками подошли ближе.

— А я ему говорю! продолжалъ разскащикъ: — что же, что вы въ комитетѣ были?...

— Ха, ха, ха! Ха, ха, ха! откликались ему слушатели.

— Ну, что же онъ? что же онъ? заговорилъ было кто-то изъ толпы слушателей.

Разскащикъ, говорившій, какъ говорили на сходкахъ въ былыя времена гетманы, т. е. по мѣстному выраженію, всѣхъ озираючи и ни на кого особенно не глядя, бросилъ презрительный взоръ на вопросившаго, сердито сбилъ пальцемъ пепелъ съ папироски, помолчалъ, вздохнулъ и началъ снова:

— Ну, я и пошелъ его валять, и пошелъ! Да мы, говорю, васъ, щелкоперовъ, на выборахъ прокатимъ! Да мы теперь и губернскаго предводителя на вороныхъ провеземъ! Да мы васъ опубликуемъ! Что вы? А?! а?! Насъ продавать?...

Слушатели и самъ Романъ Романычъ раболѣпно молчали, внимая этимъ перунамъ.

— Кто это? шепнулъ я на ухо молодому бѣлокурому господину, стоявшему впереди меня, именно одному изъ двухъ, встрѣченныхъ нами у плотины въ бѣлыхъ фуражкахъ.

— Пивантьевъ....

— Чего же онъ такъ сердится?

— А видите ли, онъ теперь чернитъ дѣйствія нашего уѣзднаго депутата по комитету: этотъ депутатъ ему бѣльмо въ глазу. На выборахъ того единогласно выбрали, а Пивантьева забалотировали....

Новый хохотъ покрылъ опять какую-то выходку ликующаго Пивантьева. Онъ самодовольно отошелъ къ сторонѣ и направился въ гостиную къ дамамъ. Слушатели тоже разошлись, кто въ кабинетъ, гдѣ играли въ карты, а кто въ садъ, гдѣ гуляли дѣвицы,

— Это, однакожь, пріятно! прибавилъ бѣлокурый незнакомецъ:— у толпы есть въ спокойныя минуты свой инстинктъ самосохраненія. Теперь она этому господину дѣйствительно аплодируетъ, а тогда его не выбрала. Говорятъ, Пивантьевъ прежде служилъ по строительной коммиссіи и былъ нечистъ на руку...

— Пойдемте къ дамамъ, шепнулъ Говорковъ.

Сѣвши къ сторонѣ, въ гостиной, мы окинули глазами присутствующихъ. «Слава Богу, ни одной знакомой!»

— Правда ли, Марѳа Петровна, говорила, при нашемъ входѣ, одна помѣщица въ зеленыхъ лентахъ другой, бывшей въ коричневыхъ, набирая себѣ на блюдце варенья: — что наши избавители-то, наши депутаты, уже отдали даромъ волю и нашимъ дворовымъ, что уже наши дѣвки намъ ни шить, ни прясть, ни вязать, ни служить безъ денегъ не будутъ?

— Правда, матушка, правда, отвѣчала дама въ коричневыхъ лентахъ.

— Такъ позвольте же васъ спросить, неожиданно крикнула та же дама въ зеленыхъ лентахъ: — какъ же я буду жить, когда у меня девятеро дочекъ, а имѣнія, кромѣ долговъ отца моего Филаши, ничего нѣтъ?

— Плохо, плохо! пищала низенькая, въ розовыхъ лентахъ сосѣдка говорившей. — Много мнѣ разсказывали, много, и проэкты уже печатные читали, и про какія-то урочныя работы, и про общины толковали. Ни клочка не поняла и не припомню изъ всего, — хоть Богъ меня убей, ни клочка, клянусь моею душою! Такъ написано!...

— Да еще то диво, что не чувствуютъ стыда! прибавила первая дама, въ зеленыхъ лентахъ: — даже выѣзжаютъ уже въ свѣтъ, къ избирателямъ въ мирные дома входятъ!

— Это на нашъ счетъ! шепнулъ мнѣ Говорковъ: — стыдитесь!

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Слуги разносили конфекты и арбузы.

— А будетъ ли выкупъ, или примется въ центральномъ правительствѣ обязательный трудъ? спросила протяжно молодая дама, недурная собой и не скидавшая перчатокъ.

Ей не отвѣтили.

— Я полагаю, что выкупъ, потому что это разомъ разрѣшитъ нашъ міровой вопросъ, нѣсколько учено прибавила милая дама, бойко разрѣзывая маленькими ручками арбузъ, но не безъ волненія видя, что ея собесѣдницы ей не отвѣчаютъ, несмотря на ея перчатки и миловидность.

На какой-то новый вопросъ она опять не дождалась отвѣта. Только вилка судорожно звякнула въ рукѣ дамы съ зелеными лентами, усердно уплетавшей арбузъ.

— Милая пенсильванка! замѣтилъ Говорковъ: — пойду къ тебѣ на помощь! — и подсѣлъ къ ней.

Не рекомендованные, по случаю близкаго конца праздничнаго дня, какъ и двое-трое другихъ, подъѣхавшихъ еще послѣ насъ, мы свободно располагались, гдѣ хотѣли. Оставя Говоркова съ «милой пенсильванкой», я пошелъ въ кабинетъ.

Тучи дыма висѣли надъ игравшими въ карты. Съ дивана, сквозь тотъ же дымъ, торчали ноги и головы бесѣдовавшихъ. Какъ новый человѣкъ въ краѣ, и здѣсь я былъ незамѣченъ.

— Да, продолжалъ разговоръ, съ дивана, молодой человѣкъ, съ длинными черными волосами и недурной собой: — ужь и выдумали же штуку—уступить, продать имъ земли!... Да я-то этого не хочу! Я-то, слышите ли, не хочу! Земля моя—и баста! Или уже, если про-

давать, такъ по вольной цѣнѣ! Я меньше двухсотъ цѣлковыхъ за десятину не возьму!...

— Семь въ червяхъ! Вистъ! Пасъ! отдавалось на это со столовъ играющихъ въ карты.

У окна въ креслахъ сидѣлъ высокій, рябой, мѣдноцвѣтный, какъ житель Отаити, господинъ, въ рыжевато-буромъ парикѣ, толстый и сырой, лѣтъ восьмидесяти, держа и ворочая въ рукахъ изломанную, замасленную, пуховую, городскую шляпу и поминутно обливаясь потомъ. На него рѣшительно никто не обращалъ вниманія. Внукъ хозяина, девятилѣтній разбойникъ, сзади то посыпалъ ему сахару на парикъ, чтобъ липли на него мухи, то просто его щипалъ и толкалъ. Не принадлежа къ кругу помѣщиковъ, этотъ господинъ, впрочемъ, держалъ себя гордо и, утирая потъ съ лица, презрительно улыбался на иные разговоры. Кто-то съ дивана сказалъ, что теперь ходитъ вообще множество всякихъ темныхъ слуховъ.

— Да, повторилъ рябой старикъ и всталъ, порывисто двигаясь въ короткихъ брюкахъ и во фракѣ съ протертыми локтями, какъ у Робера Макера: — въ наше время этого не было. Тогда уважали законность! да, законность! Вотъ и у меня, въ мои дни, когда я былъ губернаторомъ — вѣдь я былъ губернаторомъ! — никто у меня не уходилъ безъ аттенціи—ни-ни! Suum cuique! Всякому была дана помощь! А теперь?! Насъ презираютъ, на носъ намъ сажаютъ мальчишекъ....

И онъ обвелъ кабинетъ желтыми, воспаленными глазами, теребя въ одной рукѣ шляпу, а въ другой клѣтчатый, бумажный, продырявленный платокъ.

— Да, теперь, добавилъ онъ шопотомъ и озираясь:—насъ всѣхъ дурачатъ... Да! пришли послѣднія времена !

Въ эту минуту въ кабинетъ вошелъ тотъ же бѣлокурый знакомецъ нашъ, съ бѣлой фуражкой, и съ нимъ Говорковъ.

— Что, Андрей Петровичъ, что ты тутъ, ваше превосходительство, наговорилъ опять и навралъ? спросилъ насмѣшливо бѣлокурый.

Старикъ ошалѣлъ, завертѣлся, кашлянулъ и сѣлъ со словами, что онъ многое слышалъ въ городѣ.

— Въ городѣ? Да ты, ваше превосходительство, въ городѣ уже пять лѣтъ не былъ! Лучше попроси у меня цѣлковый на выпивку, а не ври! Иначе, исправнику пожалуюсь!

Исправника старикъ, какъ видно, очень боялся, потому что замолчалъ окончательно.

Сидѣвшіе у стола стали опять играть. На выходку бѣлокураго никто не обратилъ вниманія. Старикъ былъ очевидно въ черномъ тѣлѣ у общества.

— Кто это? спросилъ я Говоркова, указывая на бѣлокураго.

— Трубачеевъ, старшій братъ... ихъ два брата, здѣшніе богачи. Этотъ отказался отъ выборовъ два раза. У обоихъ пять тысячъ десятинъ земли. Ведутъ хозяйство по новому способу и сущіе янки. Не служатъ, путешествуютъ, хозяйничаютъ и живутъ въ свою волю. Я съ этимъ сошелся. Благороднѣйшій пенсильванецъ! Дамочка, къ которой я подсѣлъ, ихъ сестра, жена одного содержателя пансіона, тоже умнаго человѣка. А главное—оба смѣлы, самостоятельны и съ языками, какъ бритва...

Говорковъ меня сейчасъ познакомилъ съ Трубачеевымъ.

— Очень пріятно: много слышалъ! сказалъ онъ развязно и собираясь опять съ натискомъ на стараго вѣстовщика.

— Кто это? спросили мы съ Говорковымъ у Трубачеева про послѣдняго.

— О! это личность удивительная! началъ вполголоса веселый и развязный Трубачеевъ: — это Андрей Петровичъ Кузничевскій. Онъ, дѣйствительно, былъ лѣтъ двадцать или тридцать назадъ гдѣ-то вице-губернаторомъ, жилъ въ богатѣйшемъ домѣ, задавалъ пиры, развратничалъ и любилъ хапанцы, но слегка, потому что было и свое имѣніе. Тогда же онъ ограбилъ одного родственника, честнѣйшаго малаго, кажется Твердова, отнялъ у него послѣдній хуторокъ. Теперь колесо повернулось: Твердовъ нажилъ новый хуторъ; Кузничевскій прожился въ пухъ, отставленъ отъ службы и живетъ у него же на хлѣбахъ, въ какой-то лачужкѣ, вымаливая у своего роднаго по четвертаку на утѣху въ кабакѣ да воруя у него серебряныя ложки! Клянусь честью, это не сказка! Да погодите, я его еще спрошу, какъ онъ возилъ съ собою въ Петербургъ одну одиннадцатилѣтнюю дѣвочку изъ собственныхъ крѣпостныхъ...

Но Трубачеевъ замолчалъ.

Въ это время въ кабинетъ впопыхахъ вошелъ хозяинъ дома, нашъ почтенный Романъ Романовичъ. За нимъ шла толпа, и впереди всѣхъ опять Пивантьевъ.

— Господа, позвольте! Слушайте, слушайте! заговорилъ вполголоса старикъ Дѣдятовскій, самъ внѣ себя отъ восторга, ломая руки и подобострастно глядя на Пивантьева:—вотъ Макаръ Макарычъ насъ опять подарить хочетъ разсказами! Что за штиль, что за слова! Чисто жемчугъ! Вотъ кто наши защитники, вотъ кого мы должны въ золотыя рамки вставить!...

— И повѣсить... на стѣнѣ! добавилъ Трубачеевъ вполголоса.

— Разскажите! разскажите! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Всѣ сѣли. Пивантьевъ, не поднимая глазъ попрежнему, гетманомъ стоя среди комнаты, началъ:

— Это пустое, господа, это случай; но о немъ нельзя умолчать въ наши звѣрскіе, пагубные дни.

Онъ оглянулся. У дверей, качаясь отъ дремоты, стоялъ ребенокъ-казачокъ.

— Вышлите его вонъ! шопотомъ сказалъ Пивантьевъ.—Пошелъ вонъ! Чего ты, ракалія, стоишь тутъ? все подслушиваешь!

Мальчикъ, качаясь, вышелъ.

— Да-съ, въ нашемъ уѣздѣ былъ недавно такой случай! говорилъ, озираясь, Пивантьевъ. — Вы, конечно, Зеленчука помѣщика знаете? Хорошо. Всѣ мы его знаемъ. Вотъ онъ прожилъ до этой эманципаціи, или, какъ тамъ ее зовутъ наши филантропы, до ампутаціи, что ли, пятьдесятъ лѣтъ безвыѣздно на своемъ хуторѣ. И какое же несчастье постигло его въ жизни! Его дочка влюбилась въ повара, случилось даже такое дѣло, что она пошла за него замужъ— за лакея-то, холопа! — убѣжала и обвѣнчалась. Теперь гдѣ-то— увы! — живетъ наемницей, гувернанткой. Тамъ же и мужъ ея нанимается. А? Ну, вѣдь подло поступила? Такъ ли? хотя и славная барынька сама по себѣ вообще? Отецъ отъ нея, разумѣется, отрекся. Правда, что и самъ онъ проживалъ въ утѣшеніи, то есть держалъ своихъ шашмурокъ...

Слушатели молча и почтительно внимали разскащику. Трубачеевъ презрительно усмѣхнулся.

— Такъ что же вы тутъ находите особенно печальнаго? спросилъ онъ, съ сдержанной злостью.

Страшный ропотъ раздался въ кабинетѣ. Добрый, но трусливый отъ природы, Дѣдятовскій чуть не плакалъ, смотря на Трубачеева. Сперва онъ дергалъ его за фалды, чтобъ тотъ не заходилъ слишкомъ далеко, а потомъ началъ ругать его.

— Это удивительно, до чего доходятъ нынѣ молодые люди! пищалъ Романъ Романычъ: — какая смѣлость, какое даже нахальство, какая самонадѣянность! Молокососы!

— Романъ Романычъ, Романъ Романычъ! говорилъ медленно и со вздохомъ Трубачеевъ, дрожащими руками оправляя себѣ галстухъ:—это правда, вы меня на рукахъ носили, почти няньчили; вы были дружны съ моимъ отцомъ; я моложе васъ. Да за что же оскорблять меня? И вамъ ли опять жаловаться на своихъ вассаловъ? Тоже сорокъ лѣтъ съ ними живете? А обидѣлъ васъ хоть одиный?

Въ дверь вошелъ лакей и нагнулся на ухо къ Дѣдятовскому. Тотъ сталъ какъ обваренный; дыханіе замерло и ротъ раскрылся. Онъ шагнулъ къ дверямъ.

— Что вы? спросили его.

— Э! это пустое! пришелъ атаманъ-староста: чего-то мужики мои пришли тамъ!

И онъ торопливо вышелъ.

Трубачеевъ шепнулъ намъ:

— Вотъ трусъ! Нарочно обѣгу кругомъ дома и посмотрю, въ чемъ дѣло. Я уже знаю его...

Какъ школьникъ, вышелъ Трубачеевъ въ сосѣднюю прохожую комнату, раскрылъ окно, осмотрѣлся кругомъ и выпрыгнулъ въ садъ, а тамъ завернулъ за уголъ дома, къ крыльцу, куда собрались мужики Дѣдятовскаго.

— Мнѣ не нравится эта безобрядность, безцеремонность Романа Романыча, началъ вслухъ покровительственно Пивантьевъ, едва тотъ ушелъ. Скверно то, что всегда здѣсь какой-то сумбуръ! Назоветъ кучу гостей, всякаго сброда! Всѣ тычутся по угламъ; нѣтъ того, чтобы усѣсться побесѣдовать съ умными людьми! Пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ, какъ изъ трактира. А тотъ еще благодаритъ за посѣщеніе!

— Семь въ пикахъ! Вистъ! Пасъ! опять раздалось съ карточныхъ столовъ.

— Макаръ Макарычъ, васъ зовутъ дѣвицы! послышался голосъ пзъ дверей.

Пивантьевъ вскочилъ и ушелъ въ садъ. У окна, сквозь табачный дымъ, мелькнула бѣлая фуражка Трубачеева.

— Господа, пожалуйте сюда! — Мы съ Говорковымъ подошли.— Вообразите, началъ онъ шопотомъ:—это просто невѣроятное событіе. Я подкрался къ окну кабинета. Смотрю, нашъ-то почтеннѣйшій Романъ Романычъ прибѣгаетъ туда, впотьмахъ зажегъ спичку, возился тамъ что-то долго и затѣмъ тихо шагнулъ въ лакейскую. Я припалъ со двора къ окну лакейской. Онъ что-то шепчетъ казачкамъ, разстанавливаетъ ихъ, отвернулся опять, тайкомъ перекрестился и ступилъ въ сѣни. Тутъ уже я его дожидалъ впотьмахъ, у крыльца, у водосточной трубы. Онъ вышелъ, еле дышетъ, спрашиваетъ у мужиковъ: «Что вамъ надо?» Тѣ подходятъ ближе;онъ къ сѣнямъ.... Да уже кто-то побойчѣе вышелъ изъ толпы, поклонился и говоритъ: «Мы, пане, цѣлый день возили хлѣбъ, а теперь воротились съ поля и пришли васъ поздравить съ именинами!» И кланяются. Онъ даже икнулъ отъ неожиданности, тоже поклонился, велѣлъ атаману имъ

дать по рюмкѣ водки, еще что-то сказалъ и ушелъ. Ужь девять мѣсяцевъ онъ лично не является на полевыя работы.

Мы не вѣрили словамъ Трубачеева.

— Клянусь вамъ, господа, добавилъ онъ:—все это правда.—Вотъ до какой дикой пугливости доходитъ ихъ нечистая фантазія! Да вотъ онъ и самъ! Подожду я тутъ у окна въ саду.

Вошелъ медленно Романъ Романычъ, даже съ улыбкой, утерся платочкомъ, смиренно сѣлъ, сложилъ на колѣняхъ маленькія ручки и безпечно вздохнулъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но дыханіе его еще было неровно и самъ онъ былъ изжелта-зеленоватый. Ермолка была на затылкѣ.

— Что, Романъ Романычъ, гдѣ вашъ сынъ теперь? Мы такъ давно его не видали! спросили мы съ Говорковымъ, въ ободреніе его.

— Сынъ мой, сынъ? Да!... Я было васъ не разслушалъ!... Ходятъ всякіе слухи, какъ вообще теперь. Да Богъ его знаетъ, гдѣ онъ! Все проситъ у меня, однако, денегъ. Я же говорю: отчего не служишь? А онъ говоритъ: давайте денегъ! А гдѣ я возьму денегъ! Доходовъ нѣтъ уже тридцать лѣтъ, и я боленъ! За тяжестью, впрочемъ, сынъ мой уже не можетъ въ кавалеріи служить; а въ пѣхотѣ я не хочу. Очень оплылъ! А вонъ его сынъ, мой внучекъ, бѣгаетъ, все Кузничевскому сахару на парикъ подсыпаетъ! Видите! Вотъ геній! Кольми паче еще няньку ругаетъ такъ, что просто молодецъ!...

Романъ Романычъ отиралъ съ лица обильный потъ.

— Нѣтъ, вы позвольте, вы позвольте, отозвался съ дивана голосъ того самаго молодаго, съ длинными черными волосами, человѣка, который цѣнилъ у себя землю по двѣсти рублей серебромъ десятину: — вы мнѣ скажите, можетъ ли быть въ наше время новое переселеніе народовъ? Возможны ли движенія рабочихъ съ сѣвера на югъ? Я думаю, что нѣтъ! Я, слава Богу, таки-учился: знаю экономистовъ тамъ западныхъ. Именно нѣтъ. Этимъ насъ манятъ, но не надуютъ... сказка! Это все наши петербургскіе бароны фантазируютъ! Глупо! свинство! Лучше бы подумали объ усиленіи всей нашей полиціи! Литераторы тоже трезвонятъ о филантропіи, о любви къ ближнему! Подлецы! чистые подлецы! Это все выскочить хотятъ на нашъ же счетъ: извѣстное дѣло, имъ рисковать нечѣмъ!... На колъ бы ихъ посадить—пусть любуются видами!—четвертовать! Нѣтъ, господа, дайте мнѣ хоть на пять лѣтъ еще прежняго неизмѣннаго крѣпостнаго права, и я ворочу въ доходахъ тройную цѣнность имѣнія; а тамъ хоть трава не расти....

— Кто это? спросилъ я опять Трубачеева.

— Это другъ Пивантьева, довольно богатый и не совсѣмъ глупый человѣкъ, Торбанинъ, если даже хотите, нѣсколько и нашъ братъ, степной «янки», отличный хозяинъ, но закоренѣлый эгоистъ въ душѣ.

— И вѣдь что тутъ грустно, продолжалъ Трубачеевъ, облокотясь изъ сада въ окно: — будь онъ фронтовикъ; а то вѣдь изъ нашихъ университетскихъ и даже товарищъ мнѣ по факультету! Учился-то онъ плохо и товарищъ намъ былъ такъ себѣ, не изъ лучшихъ. Но все же таки натерся около науки и хоть по наслышкѣ зналъ имена Бэкона, Смита, Маколэя и хоть, положимъ, нашего Грановскаго. А теперь каковъ? Порочитъ каждый шагъ нашихъ комитетовъ, ругаетъ всякую прогрессивную мысль — и это двадцати-семилѣтній студентъ, выпущенный шесть лѣтъ назадъ! Посмотрите, съ какимъ благоговѣніемъ слушаетъ его Дѣдятовскій!... Пойдемте, господа, въ садъ: здѣсь свѣжѣе....

При нашемъ выходѣ изъ кабинета, Торбанинъ, кусая до крови ногти, вдругъ взмахнулъ длинными волосами и, скрыпя зубами и показывая кулакомъ въ воздухъ, сказалъ:

— Развѣ не будетъ выборовъ? Внесу предложеніе, чтобы отъ губерніи, за подписью всѣхъ, просить стѣсненія журналистики! Это ни на что не похоже! это безчестно! Выставлять своего же собрата дворянина! У насъ завелись уже предатели, слуги пресловутой гласности— я ихъ знаю! Трезвонятъ, грабятъ насъ! На колъ ихъ! Въ Австріи Радецкій ихъ розгами сѣкъ.

Мы вышли въ садъ. Тамъ было, дѣйствительно, свѣжѣе. Часа полтора мы ходили съ Трубачеевымъ, слушая его разсказы о хозяйствѣ.

— Мы съ братомъ Петромъ, говорилъ онъ: — получили имѣніе раззоренное, хотя и порядочное. Не было сѣна — мы наняли въ долгъ луга; стали дешевы овцы—мы въ долгъ купили ихъ у тѣхъ, у кого они падали отъ голоду; продали отцовскіе экипажи, мебель и всякій хламъ, устроили салотопню и въ одинъ годъ выплатили съ сала и за наемъ луговъ и за овецъ, а салотопни продали черезъ годъ и выплатили главный долгъ на имѣніи. Мы завели машинное хозяйство. Я самъ пробылъ два года въ Ливерпулѣ, работая на фабрикѣ хозяйственныхъ машинъ, и вывезъ оттуда паровой локомобиль. Черезъ годъ мнѣ половины крестьянъ нашихъ не надо уже. А братъ ѣдетъ весной въ Америку.

У освѣщенной бесѣдки мы увидѣли Пивантьева. Онъ стоялъ опять, окруженный дѣвицами, и съ полнымъ свойствомъ мѣднаго лба занималъ снова всѣхъ разсказами. Увы! онъ помѣшался на роли говоруна единственно только потому, что какая-то старуха-аристократка, бывшая когда-то большая практикантка насчетъ мо-

лодыхъ людей, проѣздомъ черезъ Южнобайрацкъ, сказала ему гдѣ-то, за обѣдомъ: «Да вы, мсьё, краснобай! владѣете слогомъ!»

— Я прошу васъ, дѣвицы, разрѣшить мнѣ одинъ вопросъ, говорилъ Пивантьевъ, развязно качаясь и охорашиваясь: — гнусно или не гнусно брать жалованье на службѣ по выборамъ, положимъ хоть въ качествѣ депутата крестьянскаго комитета?

Тѣ, разумѣется, молчали, робко прижимаясь другъ къ другу и пугливо слѣдя за его туманными намеками на гражданскіе дрязги.

— Ну, такъ я же вамъ скажу, что нашимъ депутататъ положено что-то... по триста цѣлковыхъ въ мѣсяцъ! Недурно за такую цѣну продавать филантропію...

— Ну, погоди же ты! прошепталъ съ холодной злобой Трубачеевъ: — я же тебя оборву! Вотъ скотина! Извините, господа, за такія крупныя выраженія! Вы себѣ представить не можете, до чего я ненавижу этого господина! Охуждаетъ депутатовъ, бросившихъ изъ-за насъ имѣнія свои и дѣла, за жалованье! Вы лучше то скажите, что жалованье-то назначено, да вотъ уже годъ прошелъ и комитеты закрыты, а у насъ никто еще, и первый онъ самъ, ни копѣйки не вносилъ!

Мы переглянулись съ Говорковымъ. Это была дѣйствительная правда.

Мы ушли въ темныя аллеи. Еще проговорили съ полчаса. Трубачеевъ распрашивалъ о нашемъ южнобайрацкомъ уѣздѣ, — посѣвахъ, сборѣ хлѣба, строилъ предположенія объ устройствѣ громаднаго общества для торговли хлѣбомъ, распрашивалъ о нашемъ губернскомъ положеніи о крестьянахъ, и вообще смотрѣлъ съ большимъ сочувствіемъ на все сдѣланное депутатами. Говорковъ, хотя и не бывшій въ составѣ комитета, въ качествѣ моего друга и письмоводителя, просто ликовалъ. — «Экъ, душа-то, душа-то!» шепталъ онъ, толкая меня.

Передъ освѣщенной ротондой, въ одномъ мѣстѣ сада, гдѣ играла музыка, ходилъ, съ понуренной головой, сѣдой, съ длинными бѣлыми волосами на головѣ и въ длинно-поломъ сѣромъ сюртукѣ, старикъ помѣщикъ.

— Это печальный примѣръ, это профессоръ университета сосѣдней губерніи и нашъ помѣщикъ! началъ Трубачеевъ, указывая на старика: онъ попалъ въ сосѣдній съ вами комитетъ о крестьянахъ. Я былъ когда-то его ученикомъ, любилъ его всею душою, вѣровалъ въ него, какъ жиды въ Мессію, и ожидалъ отъ него всегда многаго и многаго! Его чтенія въ классахъ распаляли насъ страстною любовью къ людямъ! Онъ былъ у насъ гуманистъ въ полномъ смыслѣ слова, поклонникъ Гегеля, Гейне и пр. Открылся комитетъ. Онъ

и тамъ сталъ изъ первыхъ, въ ряду либераловъ; даже тайкомъ его называли краснымъ, чѣмъ онъ втихомолку и гордился. Такъ дѣла шли мѣсяца два! И что же, — какъ-то на носъ предсѣдателя комитета сѣла муха, въ то самое время, какъ этотъ почтенный либералъ читалъ свою длинную рѣчь, по какому-то вопросу; тотъ громко чихнулъ; члены тоже чуть не дремали. Этотъ обидѣлся, перешелъ на сторону оппозиціи и запутался такъ, что подъ конецъ даже трудно было понять, чего онъ хотѣлъ. Онъ рѣшилъ тѣмъ, что кинулся въ объятія отсталыхъ, плантаторовъ, — но и тѣ его, говорятъ, не приняли.... Жаль мнѣ его; истинно добрый человѣкъ, только очень мягкій. Мы какъ-то съ пріятелями недавно поминали его: «покойся сномъ праведника, чистая карьера былаго гегелиста; ты сталъ помѣщикомъ и все позабылъ! говорили мы, распѣвая надъ жжонкой студенческія пѣсни.

— Пожалуйте ужинать! сказалъ слуга, добѣжавшій къ намъ на прямикъ, черезъ вишенникъ и поляны сада.

Въ ярко освѣщенной залѣ, мы уже всѣхъ застали въ сборахъ усаживанія за столъ и выбрали себѣ три мѣста рядомъ.

Стулья прогремѣли, слуги вошли съ дымящимися тарелками. Все шло чинно; дѣти гостей сидѣли за особымъ столомъ: самъ хозяинъ сидѣлъ на одномъ концѣ стола, жена его на другомъ. Пивантьевъ среди дѣвицъ, безпрестанно услуживая имъ. Попавши такъ нежданно къ Дѣдятовскому, вообще любившему въ свои семейные праздники, какъ вѣрно выразился Пивантьевъ принимать всякій сбродъ, лишь бы было побольше гостей, — мы опять принялись распрашивать Трубачеева о разныхъ незнакомыхъ лицахъ. Рѣчь началъ Романъ Романычъ:

— А слышали вы, господа, у насъ на тотъ годъ предрекаютъ саранчу и голодъ.

Пошли толки о саранчѣ.

— Что саранча! Говорятъ, залоговъ уже имѣній больше не будетъ! произнесъ кто-то.

Священникъ, едва дышавшій отъ толстоты, протянулъ руку за квасомъ и спросилъ, покашливая посвоему.

— Говорятъ въ нашемъ губернскомъ комитетѣ вышелъ раздоръ, братъ возсталъ на брата и сынъ на отца, какъ говорится въ писаніи о послѣднихъ временахъ.

— Страмъ, чистый страмъ! подхватилъ Романъ Романовичъ: чуть не шли на ножи! Я тамъ не былъ, а слышалъ, что были случаи, какъ въ уѣздной школѣ! Даже по звонку садились, по звонку говорили и молчали, какъ въ классахъ еще въ мои времена!

— Это и въ англійскомъ парламентѣ заведено, Романъ Романычъ! перебилъ Трубачесвъ.

— Въ англійскомъ! Да хоть бы и въ китайскомъ! Что англичане? Соловецкій монастырь разграбили, заставили потопить наши корабли въ Севастополѣ, а теперь новые намъ за деньги сами строятъ! Вотъ австрійцы — это народъ! И покорны и незатѣйливы.

Незнакомый сосѣдъ мой съ лѣвой стороны, горбатый, подслѣповатый, немного выпившій и навеселѣ, толкнулъ меня подъ бокъ, указывая на высокаго, блѣднаго, черноволосаго лакея, стоявшаго съ тарелкою за чьимъ-то стуломъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ я.

— Посмотрите сюда: это мой слуга, — началъ горбатый сосѣдъ, сопя и ковыряя перышкомъ въ зубахъ: — слуга мой! Только хитрое животное.... у! чистая бестія! Посмотрите на его глаза! Я его женю на дѣвкѣ одного сосѣда.... да, женю! — Я его отдавалъ въ художники, въ академію, въ Петербургъ — и вышелъ, ничего, съ дипломами и всякими штуками!... Славно малюетъ-съ. Даже тамъ въ какую-то барышню было, говорятъ, влюбился! Ну, да ничего — теперь за мной ходитъ и объ искусствахъ говоритъ: хоть нескучно! Хитрая бестія!... Павелъ!

Сосѣдъ мой кивнулъ головою: черноволосый слуга подошелъ къ нему и нагнулся.

— Кто былъ первый художникомъ въ Россіи? спросилъ горбатый сосѣдъ вполголоса.

— Карлъ Павловичъ Брюловъ, творецъ картины «Послѣдній день Помпеи», тихо и какъ-то ласково-грустно отвѣтилъ лакей, подъ шумъ общихъ разговоровъ.

— А что такое искусство? продолжалъ глумиться веселый мой сосѣдъ.

— Свободное творчество! отвѣчалъ лакей.

— А что лучше — хорошій ли обѣдъ, или картина? говорилъ насмѣшливый баринъ, хихикая себѣ подъ носъ и ковыряя въ зубахъ.

Лакею-художнику готовились новыя шутки и веселости, какъ въ другомъ концѣ стола раздался нежданно шумъ, скоро перешедшій въ крупную перепалку. Спорили Пивантьевъ и какой-то студентъ.

— Нѣтъ, этого быть не можетъ, рѣзко повторилъ студентъ: — ваши слова отзываются личностями! А кто злится, тотъ неправъ!

— Личностями? подхватилъ Пивантьевъ:—ха, ха, ха! Прошу вашего вниманія, господа! Юноши зовутъ насъ отсталыми; враги на возрастѣ зовутъ насъ плантаторами! Гдѣ же тутъ молчать? Въ качествѣ

плантатора, имѣю честь передать вамъ, что нашъ губернскій предводитель немного того.... свихнулся!

Головы и глаза общества устремились къ споривщимъ. Дѣдятовскій сталъ даже торопиться уничтоженіемъ тарелки какого-то любимаго соуса.

—Какъ это, какъ это? разскажите! подватилъ Романъ Романычъ, утирая губы: — ахъ, не могу молчать! Вотъ настоящій плавный штиль! вотъ истинное краснорѣчіе! вотъ наши защитники! Разскажите!

— Дѣло было вотъ какъ, началъ, важничая и дерзко поглядывая на всѣхъ, Пивантьевъ:—я не служу въ комитетѣ—не имѣю этой высокой чести, — да, не имѣю, — но знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что, метя на губернаторское мѣсто, или, по крайней мѣрѣ, на камергерство, нашъ здѣшній великій сановникъ затѣялъ составить себѣ сильное большинство по одному дѣлу... кажется, по вопросу о даровой — слышите ли? о даровой! — отдачѣ усадебъ! Сталъ вывѣдывать передъ балотировкой—оказывается, что голоса раздѣлились такъ, что не только не выходило сильнаго большинства его мнѣнію, но даже и съ его голосомъ на сторонѣ его было однимъ шаромъ меньше....

— Правда это? шепнулъ мнѣ Трубачеевъ, схвативши меня за руку и едва подавляя въ себѣ волненіе: — вы были сами въ комитетѣ! Правда это?

— Клянусь Богомъ, ничего подобнаго не было у насъ: дружное большинство встрѣтило и до конца провожало всякое дѣйствіе нашего предводителя, какъ предсѣдателя!

— Благодарю васъ. Хорошо. Будемъ слушать!

И Трубачеевъ впился глазами въ Пивантьева, изрѣзывая мелкими кусочками хлѣбную корку.

— Да-съ, плохо приходилось нашему офиціалу! продолжалъ Пивантьевъ: — генералъ рѣшительно терялся. Вдругъ въ умѣ его мелькнула счастливая мысль. Вспомнилъ онъ, печально вглядываясь въ списокъ членовъ, объ одномъ господинѣ, съ широчайшими бакенбардами и либерализмомъ и страстью къ англоманіи, бывшемъ на сторонѣ его враговъ, сообразилъ, что англоманъ и отставной гусаръ сильно нуждается пока въ субсидіяхъ по поводу одной городской интрижки, а впослѣдствіи въ тепломъ мѣстечкѣ, позвалъ его, подъ общій шумъ и споры, къ своему креслу и шепнулъ ему на ухо: «выходите въ залъ». Тамъ въ руки почтеннаго члена дано три радужныхъ, а въ будущемъ обѣщано представленіе къ мѣсту, и дѣло слажено.... Пошло на голосъ, и мнѣніе его превосходительства, по

поводу даровой отдачи усадебъ, восторжествовало.... И вотъ, господа, пути, по которымъ разыгрываются судьбы и будущность нашего сословія!...

Сказавши это, Пивантьевъ спокойно принялся за недоѣденный кусокъ.

Тарелка звякнула въ рукахъ Трубачеева.

— Вы лжете! сказалъ онъ гладко и какъ-то особенно кругло и внятно, смотря съ улыбкой на Пивантьева, — а самъ былъ бѣлѣе полотна: — вы лжете, какъ пятилѣтній мальчикъ! И это не дѣлаетъ вамъ чести!

Многія вилки остановились на воздухѣ; многіе рты, не проглотя вкуснаго цыпленка съ грибами, остались незакрытыми.

— Что-о-о? спросилъ также съ улыбкою, озадаченной Пивантьевъ, еще блуждая глазами и сперва не разобравши, кто его такъ оборвалъ.

— Вы лжете! опять звонко и кругло сказалъ Трубачеевъ: — это клевета на нашъ комитетъ и на его членовъ!

Слуги стали убирать тарелки и разносить жаркое.

— Нашъ пенсильванецъ, однако, тоже горячится! шепнулъ мнѣ Говорковъ.

— Вотъ мило! Это еще у насъ, господа, и не слыхано! возразилъ Пивантьевъ, стараясь улыбнуться какъ можно беззаботнѣе, поперхнувшись и озираясь во всѣ стороны: — за столомъ, при дамахъ, говорить такія дерзости!

Глаза общества однако мигомъ устремились въ тарелки. Блѣдныя и встревоженныя дамы стали торопливо перешептываться, косясь то на Дѣдятовскаго, то на его жену. Но хозяева тоже молчали. Романъ Романычъ было обозвался, тоже улыбнувшись и поперхнувшись, словами: «да, правда! это немножко того, рѣзко, сказать безъ причины: вы лжете», но тутъ утеръ губы салфеткой и, присмирѣвши, сталъ медленно жевать крылышко цыпленка.

— Вы клеветникъ, господинъ Пивантьевъ! продолжалъ тѣмъ же веселымъ голосомъ Трубачеевъ:—и мнѣ пріятно будетъ это доказать публично. Лучше заранѣе извинитесь сейчасъ же, за столомъ, сію минуту, передъ обществомъ и передо мною.

— Какъ? Мнѣ?? Передъ вами???.. Ха-ха-ха!

Трубачеевъ положилъ руки на столъ. Красивые перстни сверкнули на его кривыхъ, блѣдныхъ пальцахъ.

— Если вы будьте паясничать и хохотать, я васъ прогоню изъза стола почтеннѣйшаго Романа Романыча! началъ опять Труба-

чеевъ, закрывая глаза отъ дрожи и злости, прохватывавшей его до костей.

— Меня? О, нѣтъ, нѣтъ! крикнулъ, красный уже, какъ ракъ, Пивантьевъ. — Я, господа, на васъ ссылаюсь, на васъ! Если бы не дамы, я проучилъ бы.... всякаго! Господинъ Трубачеевъ богачъ, а я бѣднякъ! Имъ можно имѣть такую смѣлость! Я обиженъ, господа, обиженъ и буду требовать общественнаго суда, суда всѣхъ дворянъ, всего сословія, у губернскаго стола.... Я обиженъ.... Клянусь, я говорилъ правду, я желалъ обществу пользы. Все, что я ни говорилъ, сущая правда! Я докажу.... здѣсь свидѣтелей нѣтъ, но я найду.... у меня будутъ свидѣтели моихъ словъ! Если этого не доказать по бумагамъ, то это тоже потому, что и въ самихъ нашихъ комитетахъ завелись у нихъ свои канцелярскія тайны и интриги секретарей....

Прошло нѣсколько секундъ мучительной паузы. Всѣ сердца бились напряженно; всѣ глаза стремились, по обычаю въ такихъ случаяхъ, подъ столъ.

— Что же, господа, будемъ вставать! сказалъ было Романъ Романычъ, пуская извѣстную уловку старины, любившей заминать всякія дѣла, не допуская ихъ до крутыхъ раздѣлокъ.

— Нѣтъ, господа, позвольте, подождите! перебилъ его Трубачеевъ: — здѣсь обижены мы всѣ и потому запросто, не вставая, кончимте дѣло. Противъ господина Пивантьева улика! Между нами теперь сидитъ одинъ изъ господъ депутатовъ комитета — г. Скавронскій!

Онъ обратился ко мнѣ, и взгляды всѣхъ остальныхъ послѣдовали за его движеніемъ. Даже неповинный ни въ чемъ Романъ Романычъ, и тотъ поспѣшилъ загладить свой промахъ и спросить меня: такъ вы тоже депутатъ? А я этого и не зналъ.

— Позвольте васъ спросить, Александръ Сергѣичъ, какъ посторонняго свидѣтеля этой выходки, сказалъ мнѣ Трубачеевъ: — было что нибудь въ нашемъ комитетѣ подобное тому, что такъ громко и свободно постарался передать о немъ г. Пивантьевъ?

Мертвая тишина осѣнила все общество. Даже слуги остановились у дверей. Слышно было черезъ стулъ, какъ билось сердце у Говоркова и какъ тупоумно и обливаясь потомъ сопѣли отставной вице-губернаторъ и владѣлецъ слуги-художника.

— Я скажу одно, отвѣтилъ я: — подкупалъ ли нашъ губернскій предводитель кого нибудь изъ моихъ сочленовъ, я не знаю; но по дѣлу объ усадьбахъ да и вообще во всѣхъ спорныхъ балотиров-

кахъ онъ въ этомъ не нуждался. Вездѣ мнѣнія круга, къ которому я самъ принадлежу и гдѣ онъ имѣлъ честь руководить, выражались всегда огромнымъ большинствомъ тридцати голосовъ — противъ десятерыхъ. Раздѣленія голосовъ поровну быть не могло; партія десятерыхъ у насъ до конца не завоевала себѣ ни одного голоса.

За моимъ отвѣтомъ раздался такой шумъ за столомъ, что ничего нельзя было разобрать. Всѣ спорили и кричали. А у Романа Романыча мелькали одни усы да борода; словъ его не было слышно. Трубачеевъ сидѣлъ съ достоинствомъ и, блѣднѣе противъ прежняго, молча выжидалъ конца споровъ. Пивантьевъ кричалъ во все горло.

— Да, можетъ быть... но... все-таки, говорятъ, что было такъ! кричалъ, покрывая всѣ голоса, Пивантьевъ.

— Покоритесь, сосѣдъ! раздался голосъ съ другаго конца стола: — покоритесь, вы неправы, далеко хватили! И я въ этомъ случаѣ противъ васъ.

— Это говорилъ, преклонивши сѣдую голову, тотъ самый отставной профессоръ, бывшій депутатомъ комитета сосѣдней губерніи, о бѣдственномъ паденіи котораго намъ передалъ въ саду Трубачеевъ.

Пивантьевъ глянулъ на него и на всѣхъ, какъ волкъ на послѣдней угонкѣ, огрызающійся на близкія уже морды плотоядныхъ борзыхъ.

— Но какъ же, однако, это? Я не могу. Нѣтъ! нѣтъ, я не могу поддаться на это доказательство, сказалъ онъ, едва уже владѣя собою.

Но въ то же время окно сзади Пивантьева зазвенѣло и стекла разлетѣлись вдребезги. Мимо уха его, задѣвши за курчавый локонъ, просвистѣла фаянсовая тарелка, пущенная въ голову злополучнаго болтуна Трубачеевымъ. Общество вскочило. Скандалъ вышелъ полный и небывалый.

— Что вы надѣлали? Боже, Боже! Осрамить мой домъ! вопилъ Дѣдятовскій, подбѣгая, когда всѣ встали и слуги стали поспѣшно уносить со стола посуду, то къ пылавшему местью и злобой Трубачееву, то къ ахавшимъ и пищавшимъ дамамъ.

— Нѣтъ, пересолилъ и нашъ пенсильванецъ! сказалъ мнѣ Говорковъ, съ сожалѣніемъ глядя на общій шумъ.

— Оррёръ, оррёръ, вскричали нѣкоторыя изъ дѣвицъ.

— Такъ подлецовъ и учатъ! говорилъ студентъ, ставши спиной къ кому-то изъ подошедшихъ къ нему съ увѣщаніями.

Мигомъ все общество стало разъѣзжаться.

Но шумъ не прекращался въ кабинетѣ, куда друзья Пивантьева собрались толпой, съ угрозами отмстить Трубачееву. Трубачеевъ нежданно смѣло вошелъ туда, съ хлыстомъ и папироской, и объявилъ, что вызываетъ каждаго, кто еще пикнетъ о комитетѣ. Пивантьевъ, ероша воловы, стоялъ у окна.

— А васъ, сказалъ Трубачеевъ Пивантьеву: — я прошу ожидать отъ меня, гдѣ бы мы ни встрѣтились, всего, что только можно сдѣлать пятью пальцами! Теперь, не сходя съ мѣста, прошу васъ объявить сейчасъ же при всѣхъ, что вы за столомъ сказали ложь, и съ умысломъ....

Пивантьевъ оглянулся за спину, на окно, потомъ на общество и сказалъ, запинаясь:

— Да, извините, я за столомъ немного ошибся....

Студентъ, дама-аболиціонистка, еще два три гостя и сѣдовласый профессоръ-помѣщикъ, очевидно искавшій въ полномъ осужденіи своего сосѣда Пивантьева чистосердечнаго искупленія своей недавней депутатской карьеры, — стояли на крыльцѣ, вдали отъ озлобленныхъ, разъѣзжавшихся пріятелей Пивантьева.

— Ай да Трубачеевъ! говорила громко и съ увлеченіемъ молодежь изъ гостей, впотемкахъ усаживаясь во дворѣ въ экипажи: — вотъ такъ проучилъ! Да еще назвалъ подлецомъ и чуть не выкинулъ въ окно! Заставилъ сознаться—и тотъ сознался! Дуэлистъ! Въ университетѣ онъ побилъ одного квартальнаго.

Къ стоявшимъ на крыльцѣ подошелъ, сверхъ всякаго чаянія, самъ Пивантьевъ, уже закутанный въ шинель. Онъ всхлипывалъ и билъ себя въ грудь. — Меня назвали подлецомъ! меня! пустили въ меня тарелкой! говорилъ онъ.—Богъ ему судья!... О, до чего я дожилъ, до чего.... Нельзя было уже и пошутить! Я желалъ сословію добра! Ахъ! грустно и горько у насъ служить обществу!

Онъ опять ударилъ себя въ грудь, сѣлъ въ какую-то бричонку и уѣхалъ. А вдали, уже за деревней, опять гремѣли бубны и колокольчикъ на дышлѣ бойкой четверки, уносившей въ бѣлыхъ фуражкахъ нашихъ дорожнихъ знакомцевъ, братьевъ Трубачеевыхъ. Уѣхали и дама, и студентъ, и профессоръ, и отставной вице-губернаторъ въ парикѣ, присыпанномъ сахаромъ. Послѣдній, говорятъ, подъ шумокъ, за ужиномъ, рѣшительно напился пьянъ, и его замертво уложили въ чью-то чужую телегу. Сюда онъ пришелъ за семь верстъ пѣшкомъ, во фракѣ и въ шляпѣ, безъ шинели.

Уѣхали и пенсильванцы, и каролинцы.

Остались дома одни хозяева, да мы съ Говорковымъ, нуждавшіеся въ отдыхѣ и кормѣ лошадей. Ночь прекратила всѣ гражданскія смуты. Оба лагеря погрузились въ тишину, на всемъ протяженіи губерніи, до новой схватки поутру.

Романъ Романычъ, нашъ былой короткій пріятель, простился съ нами сухо. Добрая жена его тоже глядѣла на насъ съ какимъ-то сожалѣніемъ, провожая насъ на покой.

Намъ отвели комнату во флигелѣ. Говорковъ, по обычаю, пріобрѣтенному еще въ какой-то ротѣ въ Сибири, прочитавши громко и съ поклонами при мнѣ всѣ молитвы, легъ и заснулъ, какъ убитый. Мнѣ не спалось. Промаявшись на постели, я всталъ и посмотрѣлъ на часы, наведя ихъ на мѣсяцъ: было два часа ночи. Я вышелъ на крыльцо, вырубилъ огня и закурилъ сигару.

Дворъ, домъ и садъ спали въ тишинѣ.

Посидѣвши нѣсколько времени, я уже хотѣлъ итти во флигель на кровать, какъ изъ-за угла кухни, отъ села, раздались мѣрные шаги и какое-то мурлыканье грубымъ голосомъ, точно кто едва двигался и бормоталъ или пѣлъ самъ съ собою. «Конкуррентусъ, винентусъ, бабентусъ....» отдавалось въ тишинѣ.

Я вышелъ за кухню. На полномъ сіяніи мѣсяца, двигался ко двору по полянѣ, съ палкой и въ какомъ-то бѣломъ балахонѣ, не то въ халатѣ, не то въ длинномъ сюртукѣ, видъ человѣка, старика и, очевидно, слѣпаго. Точно, это былъ слѣпой старикъ. Ощупывая палкой знакомую дорогу и напѣвая про себя непонятное: «конкуррентусъ, винентусъ, бабентусъ....» онъ поровнялся со мной, остановился и вдругъ скинулъ шапку.

— Здравія желаю! сказалъ онъ, шамкая губами и въ носъ.

Это меня сперва удивило. Но потомъ я понялъ, въ чемъ дѣло.

Запахъ сигары далъ ему средство угадать мое присутствіе.

— Кто ты такой? спросилъ я старика.

— Крѣпостной рабъ его благородія Романа Романыча!... Рабъ и усердный холопъ, Елизаръ Приходько, отставной музыкантъ, капельмейстеръ, сочинитель нотъ и пѣвчій—отъ малыхъ лѣтъ имѣлъ необычайный голосъ!... А вы кто?

Я назвалъ себя и объяснилъ свое депутатство. Онъ гордо выпрямился, отставилъ ногу и, помахивая шапкой, съ презрѣніемъ отвернулся.

— Эго все пустяки, дрянь, ваша милость!

— Какъ пустяки, отчего?

И я сталъ объяснять ему, что вотъ «пришла пора» и что теперь господа и правительство даютъ и вскорѣ объявятъ крестьянамъ свободу.

— Господа съ жиру бѣсятся! возразилъ слѣпой, презрительно коверкая лицо, шамкая губами и говоря въ носъ: — сами не знаютъ, что дѣлаютъ! Я съ малыхъ лѣтъ пѣвчимъ былъ еще у отца моего настоящаго пана; даже окастратили меня тогда для голоса... Хоть послѣ бабы-то и проходу мнѣ не давали смѣхомъ своимъ, да за то дискантище у меня бѣдовый былъ! А теперь? Вотъ сегодня я пьянъ; ну, пьянъ и пьянъ, даже въ канавѣ проспалъ цѣлый день... Ну, панъ-то мой, панчишка, значитъ, Романъ Романычъ наидобрѣющій, только глянулъ на меня, да и полно; а прежде дали бы дёрку, посватали бы съ березой липовой, на пять недѣль.... Дрянь нынче господа стали! Все чепуха! не слѣдуетъ намъ вольностей давать! Вонъ, за рѣкою, въ вольной слободѣ, солдаты стоятъ! Они лучше знаютъ всякія дѣла....

Я не оспоривалъ отставнаго музыканта, сказавши только, что пожалуй ему-то вольность уже и не нужна, да молодые-то за нее «поблагодарятъ. Онъ усмѣхнулся и помолчалъ. Выраженіе безбородаго, блѣднаго и морщиноватаго лица его изъ насмѣшливаго перешло въ грустно-задумчивое, ноющее.

— Эхъ, панычъ вы мой, паныченько! сказалъ онъ, качая сѣдой, плотно-остриженной головой:—гдѣ она, вольность-то у насъ на свѣтѣ? Птицы ее, что ли, имѣютъ? или мухи крылатыя? или звѣрь полевой? Не ма ея, не ма, и бѣсъ ее знаетъ, гдѣ она! Не ма! И пусть на нее молодые не таращатся. Не-ма ея, не-ма, паныченько! И не ищите!

Надѣлъ картузъ, какъ-то всхлипывая вздохнулъ, хлопнулъ по картузу ладонью и пошелъ далѣе, черезъ дворъ, къ какой-то канурѣ, коверкая опять на латинскій ладъ безсмысленныя слова: «конкурентусъ, винентусъ, бабентусъ....» Я ему крикнулъ вслѣдъ: «Елизаръ, погоди, я объясню тебѣ кое-что... ты не понимаешь!» Но старикъ не воротился.

На дворѣ свѣжѣло. «Стожаръ», или «волосожаръ», по мѣстному названію—голубоватая кучка звѣздъ на сѣверной сторонѣ неба, отливалась розово-золотистымъ огонькомъ и спускалась къ землѣ. Это опущеніе здѣсь считается за близость утра. Большая медвѣдица, по здѣшнему—возъ, также склоняла уже къ землѣ и свое дышло, и свои оси, и бока своей воздушной колесницы....

Со стороны вольной слободы, гдѣ стояли, по словамъ стараго музыканта, солдаты, послышался въ тишинѣ медленный крикъ. Замол-

чалъ онъ и отдался опять. Я сталъ вслушиваться. Кто-то изъ гущины вербъ, ограждавшихъ огороды—должно быть, солдатъ—кричалъ навеселѣ, и должно быть товарищу, на всѣ лады: «Ивановъ, Ивановъ! А чи не хочешь ты Гапки (Гапка — Агафья)?» И этотъ окликъ повторялся нѣсколько разъ, разносясь по тихимъ полянамъ и по рѣкѣ, уже подернутой туманомъ близкаго разсвѣта.

А. СКАВРОНСКІЙ.

Августъ.
1859 г.

СУЕВѢРІЕ И ПРАВИЛА ЛОГИКИ.

ПОЗВОЛИТЕЛЬНА ЛИ ПО ПРАВИЛАМЪ ЛОГИКИ ГИПОТЕЗА О ВРЕДНОМЪ ВЛІЯНІИ ОБЩИННАГО ВЛАДѢНІЯ НА ЗЕМЛЕДѢЛІЕ. — ЧТО ТАКОЕ НАЗЫВАЕТСЯ АЗІАТСТВОМЪ И ВЪ ЧЕМЪ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЯ ПРЕПЯТСТВІЯ УСПѢХАМЪ НАШЕГО ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

Намъ, людямъ просвѣщеннымъ, чрезвычайно смѣшны кажутся деревенскіе простяки, вѣрящіе въ знахарство и заговоры. Пропадетъ у бабы холстъ, который разостлала она бѣлить за огородомъ,— баба отправляется къ знахарю, главѣ всѣхъ окрестныхъ мошенниковъ, и знахарь объявляетъ ей, что холстъ найдется въ такомъ-то овинѣ или хлѣвѣ. Долго бьетъ мужика неотвязная лихорадка: призываютъ знахарку,—она поитъ его виномъ, къ которому примѣшанъ мышьякъ, сопровождая леченіе причитываніемъ разныхъ заговоровъ, и лихорадка проходитъ, если больной не умретъ отъ мышьяка. И баба, нашедшая свой холстъ, и мужикъ, выздоровѣвшій отъ лихорадки, остаются въ твердомъ убѣжденіи, что дѣйствіе произведено причитываніями и таинственными жестами, съ которыми знахарь гадалъ о потерянной вещи и знахарка давала лекарство. Какое нелѣпое, тупоумное суевѣріе! Но если, вмѣсто того, чтобы смѣяться надъ нимъ, мы захотимъ разобрать, отчего произошло дикое заблужденіе, мы найдемъ, что сущность его состоитъ въ предположеніи, будто бы результатъ произведенъ фактомъ, только случайно совпадающимъ съ другими фактами, обратить вниманіе на которые не хотятъ суевѣрные простяки, и которые сами по себѣ уже очень достаточны для объясненія дѣла. Знахарь имѣетъ сношенія съ вора-

ми — это извѣстно всѣмъ въ селѣ; не было ли бы довольно этого, чтобы понять, какъ можетъ онъ указать мѣсто украденной вещи, подѣлившись оброкомъ отъ простодушной крестьянки съ своими агентами – ворами? Мышьякъ лекарство слишкомъ вредное, но радикальное лекарство отъ лихорадки: не было ли бы довольно этого, чтобы объяснить излеченіе мужика? Но деревенскіе невѣжды, пренебрегая причинами положительными, непремѣнно хотятъ строить гипотезы о мнимомъ вліяніи такихъ фактовъ, которые ровно ничѣмъ не участвовали въ совершеніи дѣла.

Если мы не захотимъ забывать найденной нами существенной черты суевѣрія, то безъ всякаго затрудненія мы найдемъ слово, которымъ надобно характеризовать мнѣніе отсталыхъ экономистовъ о томъ, будто бы плохое состояніе нашего земледѣлія имѣетъ какую нибудь связь съ общиннымъ владѣніемъ. Это мнѣніе, точно такъ же, какъ вѣра въ силу таинственныхъ жестовъ знахарства, основывается исключительно на томъ, что отсталые экономисты непремѣнно хотятъ придумать гипотезу для объясненія факта, слишкомъ достаточно объясняемаго дѣйствіемъ причинъ очевидныхъ и несомнѣнныхъ. Въ одной статьѣ мы говорили о возраженіяхъ противъ общиннаго владѣнія, проистекающихъ отъ незнакомства съ философіею, въ другой — о возраженіяхъ, проистекающихъ изъ незнакомства съ характеромъ дѣльнаго законодательства, изъ неумѣнья отличить его отъ безтолковой регламентаціи; теперь мы будемъ говорить о предразсудкѣ, возникающемъ изъ незнакомства съ основными правилами логики.

Когда мы хотимъ изслѣдовать, можетъ ли какое нибудь обстоятельство считаться причиною извѣстнаго факта, логика предписываетъ намъ, во первыхъ, разсмотрѣть, нужна ли гипотеза о какой бы то ни было лишней причинѣ, или тотъ фактъ, происхожденіе котораго мы хотимъ узнать, совершенно достаточно объясняется дѣйствіемъ причинъ уже извѣстныхъ. Если окажется, что этихъ несомнѣнныхъ причинъ уже совершенно достаточно и что нѣтъ надобности придумывать новую причину, логика велитъ намъ испытать, нѣтъ ли положительныхъ указаній, что фактъ, происхожденіе котораго мы объясняемъ, возникаетъ исключительно отъ этихъ причинъ, совершенно независимо отъ обстоятельства, которому наше суевѣріе приписывало вліяніе на него. Для этого логика велитъ внимательнѣе обозрѣть природу и исторію, чтобы видѣть, не повторяется ли этотъ фактъ въ полной своей силѣ и тамъ, гдѣ не существуетъ обстоятельства, которое суевѣрнымъ образомъ ставится въ связь съ нимъ. Для человѣка разсудительнаго бываетъ обыкновенно довольно первой половины изслѣдованія; но тотъ, кто ослѣпленъ суевѣрі-

емъ, принужденъ бываетъ сознаться въ своемъ заблужденіи только по приложеніи къ спорному вопросу и втораго способа, — способа отрицательной повѣрки. Положимъ, напримѣръ, что я вздумалъ бы утверждать, будто поднятіе ртути въ барометрической трубкѣ зависитъ отъ свойствъ стеклянной массы, составляющей стѣнки этой трубки. Какъ узнать, основательно ли мое мнѣніе? Каждому извѣстно, что ртуть поднимается въ трубкѣ давленіемъ атмосферы, и логика велитъ прежде всего изслѣдовать, достаточно ли вліянія одной этой причины для поднятія ртути на ту высоту, какой она достигаетъ въ барометрѣ. Если окажется, что достаточно одного давленія атмосферы для произведенія этого факта, разсудительные люди уже увидятъ неосновательность моего мнѣнія о связи этого явленія съ качествами стекла; но я въ упорствѣ своего ослѣпленія все еще могу твердить: «такъ, ртуть поднимается давленіемъ атмосферы; но почему знать, не поднимается ли она отчасти также и какимъ нибудь свойствомъ стекла?» Чтобы отнять у меня возможность такого пустословія, надобно сдѣлать барометръ изъ желѣза, кости или какого нибудь другаго матеріала: когда въ роговой или глиняной трубкѣ ртуть будетъ подниматься точно такъ же, какъ въ стеклянной, нелѣпость моей гипотезы обнаружится такимъ осязательнымъ способомъ, что, не отказавшись отъ нея, я представлюсь уже просто или человѣкомъ недобросовѣстнымъ, или тупоумнымъ суевѣромъ. Упрямство отсталыхъ экономистовъ таково, что необходимо довести изслѣдованіе о предполагаемой связи между низкимъ состояніемъ земледѣлія и общиннымъ владѣніемъ до этого послѣдняго результата. Для нихъ мало будетъ простаго указанія на то, что предположеніе объ этой связи гипотеза совершенно лишняя, потому что и безъ нея фактъ слишкомъ достаточно объясняется такими причинами, вліяніе которыхъ на состояніе земледѣлія несомнѣнно.

Развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи слабо. Но могло ли оно достичь высокой степени, какова бы ни была у насъ система владѣнія землею? Существовало ли у насъ до сихъ поръ хотя одно изъ тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ усиленное развитіе земледѣлія? Не очевидно ли, напротивъ, что всѣ данныя, которыми обусловливается положеніе сельскаго хозяйства, находились у насъ до сихъ поръ на ступени, чрезвычайно неблагопріятной его успѣхамъ? Пересмотримъ поочередно главнѣйшія изъ этихъ данныхъ, чтобы видѣть, какого развитія могло достигать у насъ сельское хозяйство при какомъ бы то ни было способѣ владѣнія землею.

Статистика говоритъ, что степень успѣховъ сельскаго хозяйства вездѣ соотвѣтствуетъ густотѣ населенія. Лучше всего въ Европѣ земля обработывается въ Англіи, въ Рейнской Германіи и въ Лом-

бардіи: эти страны имѣтъ отъ 5 до 6,000 населенія на квадратную милю. Во Франціи, гдѣ населеніе простирается до 4,000 человѣкъ на квадратную милю, земля обработывается далеко не съ такой заботливостью. Въ восточныхъ частяхъ Австрійской имперіи, гдѣ населеніе еще рѣже, обработка земли еще хуже. Въ собственной Венгріи, гдѣ на квадратную милю считается 2,500 населенія, сельское хозяйство до сихъ поръ остается подъ господствомъ методовъ обработки совершенно первобытныхъ. Еще меньше усовершенствованій имѣетъ сельское хозяйство въ Трансильваніи, гдѣ приходится на квадратную милю по 2,000 человѣкъ. Венгрія и Трансильванія до такой степени отстали въ методахъ сельскаго хозяйства отъ прочихъ земель Западной Европы, что статистика, говоря о земледѣліи въ Западной Европѣ, никакъ не думаетъ и вспоминать о восточныхъ областяхъ Австріи, какъ о странахъ сколько нибудь похожихъ въ этомъ отношеніи на земли болѣе населенныя, которыя служатъ исключительнымъ мѣстомъ усовершенствованій въ земледѣліи. У насъ нѣтъ ни одной губерніи, которая густотою своего населенія равнялась бы хотя Венгріи, и, за исключеніемъ одной Московской, нѣтъ ни одной губерніи, которая превосходила бы въ этомъ отношеніи Трансильванію. Если мы возьмемъ даже только однѣ такъ называемыя земледѣльческія нашн губерніи, то есть западную часть центральной Россіи, Малороссію и землю черноземной полосы, все-таки, въ общей сложности, мы не получимъ болѣе 1,200 человѣкъ на квадратную милю въ этомъ пространствѣ, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточено наше земледѣліе (*). Скажите же, какихъ усовершенствованныхъ методовъ, при какомъ бы то ни было способѣ населенія, можно ожидать въ сельскомъ хозяйствѣ такой страны, которая имѣетъ населенія въ два раза меньше, чѣмъ Венгрія и Трансильванія, гдѣ, по многоземелію, нѣтъ надобности въ усовершенствованныхъ методахъ? Если Франція, имѣющая около 4,000 жителей на квадратную милю, до сихъ поръ держится трехпольнаго хозяйства, если она до сихъ поръ остается почти совершенно чужда усовершенствованнымъ способамъ производства, то не безумно ли приписывать мистическому вліянію общиннаго владѣнія то обстоятельство, что мы, подобно французамъ, держимся трехпольной системы и по-

(*) Мы отбрасываемъ губерніи Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Астраханскую и другія, въ которыхъ населеніе несравненно меньше. Читатель знаетъ, что если считать эти громадныя пустыни, то средняя густота населенія въ Европейской Россіи едва достигаетъ 650 человѣкъ на квадратную милю. Но мы беремъ только ту половину Европейской Россіи, въ которой населеніе по нашей русской нормѣ считается уже довольно густымъ и которая преимущественно имѣется въ виду, когда рѣчь идетъ о земледѣліи.

добно французамъ плохо удобряемъ свою землю? Кто, сравнивши густоту населенности въ Европейской Россіи и въ Западной Европѣ, будетъ нуждаться еще въ гипотезѣ о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія, тотъ, по нашему мнѣнію, долженъ, въ случаѣ болѣзни, лечиться не у докторовъ, а у знахарей: дѣйствіе медицинскихъ средствъ ему должно казаться тоже недостаточнымъ, и онъ долженъ искать помощи себѣ въ какомъ нибудь заговорѣ колдуна.

Зависимость усовершенствованныхъ способовъ обработки земли отъ густоты населенія яснѣе всего выказываютъ Соединенные Штаты. Они въ высокой степени обладаютъ всѣми другими условіями, вызывающими усовершенствованное сельское хозяйство: и громаднымъ развитіемъ городовъ, и превосходными путями сообщенія, и страшнымъ богатствомъ капиталовъ, — всѣми этими условіями, которыхъ лишена Россія; они отличаются отъ Англіи только тѣмъ, что густота населенія въ нихъ невелика, и отъ разницы въ этомъ одномъ обстоятельствѣ происходитъ то, что сѣвероамериканецъ пренебрегаетъ усовершенствованными методами сельскаго хозяйства. Спросите его, почему онъ не употребляетъ на улучшеніе акра земли въ какомъ нибудь Огайо по 100 доллеровъ, между тѣмъ, какъ англичанинъ тратитъ на улучшеніе своей земли гораздо больше, — онъ или захохочетъ, считая васъ помѣшаннымъ, или разсердится, думая, что вы принимаете его за дурачка, надъ которымъ можно потѣшаться. Но если вы объясните ему, что вы спрашиваете серьёзно и докажете, что вы человѣкъ не глупый, а только черезчуръ начитавшійся отсталыхъ экономистовъ, то онъ растолкуетъ вамъ, въ чемъ дѣло. Онъ скажетъ: если я буду обрабатывать свою землю по англійской усовершенствованной методѣ, я не обработаю и третьей части того количества, какое находится у меня теперь подъ посѣвомъ. Земля у насъ такъ дешева, что тратить много денегъ на ея улучшеніе еще невыгодно.

Отсталые экономисты вообще такъ сообразительны, что, пожалуй, тотчасъ же придумаютъ новую гипотезу, все во вредъ тому же непостижимому для нихъ общинному владѣнію. Надобно поскорѣе сдѣлать оговорку, чтобы предупредить ихъ остроумную догадку. Хорошо, скажутъ они, затрачивать много денегъ на улучшеніе земли у насъ нельзя потому, что земля слишкомъ дешева и населеніе не имѣетъ такой густоты, какъ въ Англіи. Но причиною малой населенности и дешевизны нашихъ земель не должно ли считаться общинное владѣніе? Мы не сами выдумали это остроумное соображеніе, послѣ котораго остается только предположить, что нерасчищенность фарватера нашихъ рѣкъ происходитъ также

отъ общиннаго владѣнія. Отсталые, экономисты дѣйствительно говорили, что развитіе населенія у насъ задерживается общиннымъ владѣніемъ; но это показываетъ только, что они не читали даже извлеченія изъ русской исторіи Карамзина, которое приложено къ нѣмецкой грамматикѣ г. Таппе, для упражненія въ переводахъ. Иначе они знали бы, что до половины XVII вѣка вся Европейская Россія была театромъ такихъ событій, при которыхъ можно дивиться развѣ тому, что уцѣлѣли въ ней хотя тѣ малочисленные жители, которыхъ имѣла она при Петрѣ. Татарскіе набѣги, нашествія поляковъ, многочисленныя шайки разбойниковъ, походившія своею громадностью на цѣлыя арміи, — все это постоянно долгла разворяло русскія области. Онѣ опустошались также страшною неурядицею управленія. Мы знаемъ, что вольные люди записывались за помѣщиковъ, лишь бы найти себѣ какую нибудь защиту, потому что законъ былъ совершенно безсиленъ оградить ихъ, — это фактъ, говорящій о такомъ положеніи вещей, соотвѣтствіе которому въ исторіи Западной Европы представляютъ лишь тѣ мрачныя времена среднихъ вѣковъ, когда аллодіальные владѣльцы принимали на себя феодальную зависимость. Удивительно ли, что, при такомъ положеніи дѣлъ, народонаселеніе оставалось чрезвычайно малочисленнымъ? Только съ XVIII вѣка внѣшніе раззорители были обузданы и внутренняя администрація стала нѣсколько улучшаться; съ тѣхъ поръ, втеченіе 160 лѣтъ, она постоянно улучшалась, но, по нынѣшнему ея состоянію, можно судить о томъ, какова была она лѣтъ 70 тому назадъ. Если теперь производятся вещи, тысячной доли которыхъ не могъ описать Щедринъ, то разсказы нашихъ отцовъ и дѣдовъ свидѣтельствуютъ, что въ ихъ времена господствовалъ произволъ невѣроятный даже для насъ. Не будетъ ли явнымъ безразсудствомъ отыскивать какихъ нибудь другихъ причинъ къ объясненію того факта, что Россія заселена еще очень слабо? Мы удивляемся не тому, что теперь наше населеніе еще слишкомъ мало; напротивъ, скорѣе требовало бы объясненія то обстоятельство, какимъ образомъ могло оно увеличиться хотя до настоящей цифры при извѣстной намъ судьбѣ русскаго народа въ этотъ періодъ. Сравнивая цифру населенія собственно русскихъ областей въ наше время съ населеніемъ ихъ за полтораста лѣтъ, мы должны приписать натурѣ русскаго человѣка чрезвычайную переносливость — черта, которая обнаруживается также всею нашею исторіею и всѣми особенностями нашего быта.

Мы сказали только объ одной причинѣ неразвитости нашего сельскаго хозяйства, и эта одна причина — малая населенность даже самыхъ населенныхъ нашихъ земель — уже могла бы служить

очень удовлетворительнымъ объясненіемъ тому, что наше земледѣліе еще не вышло изъ-подъ господства первобытныхъ методовъ обработки; но сколько есть еще другихъ несомнѣнныхъ причинъ, дѣйствующихъ въ томъ же направленіи. Замѣчено, напримѣръ, что развитіе сельскаго хозяйства идетъ въ уровень съ развитіемъ городовъ. Дѣло очень понятное: методы производства улучшаются тогда, когда нужно усиленное производство; усиленіе производства возможно только тогда, когда есть сбытъ для продуктовъ. Въ большой странѣ города собственнаго государства должны служить важнѣйшимъ мѣстомъ сбыта сельскихъ продуктовъ. Потому, чѣмъ значительнѣе пропорція городскаго населенія въ общемъ числѣ жителей страны, тѣмъ высшаго развитія достигаетъ въ ней и земледѣліе. Противники общиннаго владѣнія восхищаются англійскимъ сельскимъ хозяйствомъ; но вѣдь въ Англіи болѣе двухъ третей населенія живетъ въ городахъ. Одинъ Лондонъ, съ принадлежащими къ нему мѣстечками, представляетъ массу покупщиковъ хлѣба едва ли не бо́льшую, чѣмъ всѣ города Русской имперіи отъ Петербурга до Якутска (*).

Въ Англіи болѣе двухъ третей населенія сосредоточено въ городахъ. Въ Пруссіи городскіе жители все еще составляютъ около третьей части всего населенія; даже въ Австріи въ городахъ живетъ восьмая часть населенія. У насъ оно составляетъ едва двѣнадцатую часть. Итакъ, не сравнивая Россіи съ Англіей, ни даже съ Франціей и Пруссіей, довольно будетъ замѣтить, что по пропорціи между городскимъ и сельскимъ населеніемъ русское земледѣліе находится въ положеніи, въ полтора раза неблагопріятнѣйшемъ, чѣмъ земледѣліе Австріи, самой отсталой западной державы по методамъ сельскаго хозяйства.

Отсталые экономисты могутъ въ чемъ угодно обвинять общинное владѣніе. Можетъ быть, оно причиною того, что климатъ нашъ суровъ, что часты у насъ засухи; но едва ли даже они дойдутъ до мысли приписывать ему неразвитость нашихъ городовъ. А, между тѣмъ, странно сказать, какъ ни малы наши города, они почти не

(*) Въ Лондонѣ съ окрестными мѣстечками считается до 3 милліоновъ жителей, а во всѣхъ городахъ Русской имперіи до 5 съ половиною милліоновъ. Но почти во всѣхъ нашихъ уѣздныхъ и даже во многихъ губернскихъ городахъ большинство населенія занимается хлѣбопашествомъ. Эти люди горожане только по имени, а въ самомъ дѣлѣ они такіе же поселяне, какъ и деревенскіе мужики, несмотря на свой титулъ мѣщанъ. Нѣтъ надобности говорить, что въ Лондонѣ, напротивъ того, каждый житель не производитъ, а только потребляетъ хлѣбъ.

увеличиваются, какъ будто бы нѣтъ у насъ и потребности въ нихъ. Одесса, Харьковъ, еще два, три города — и конченъ списокъ всѣхъ центровъ, развивающихся замѣтнымъ образомъ. Даже столицы наши увеличиваются далеко не такъ быстро, какъ большіе города Западной Европы. Въ Москвѣ, напримѣръ, съ незапамятныхъ временъ, чуть ли еще не при Иванѣ III Васильевичѣ, а навѣрно при Елисаветѣ Петровнѣ, считали болѣе 300,000 жителей. По прошлогоднему календарю считалось въ ней 354,927 жителей. Надобно будетъ справиться въ календарѣ за нынѣшній годъ, не вознаградился ли въ послѣдніе десять мѣсяцевъ застой цѣлаго столѣтія. Шутки въ сторону. Какихъ успѣховъ можно ожидать при какомъ бы то ни было способѣ землевладѣнія отъ сельскаго хозяйства такой страны, гдѣ послѣ двухъ столичныхъ губерній и Херсонской губерніи съ ея полуиностранною Одессою первое мѣсто, по пропорціи между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, занимаютъ провинціи, недавно завоеванныя отъ Турціи, какъ будто бы самыя передовыя въ экономическомъ развитіи (*).

Наши города оставались до сихъ поръ какими-то пародіями на города. Но если они представляли для сбыта сельскихъ произведеній рынокъ столь ничтожный, что не могли поднять земледѣлія, за то есть у насъ другой источникъ сбыта — заграничная торговля. Мы кричимъ очень много объ отправляемомъ нами за границу хлѣбѣ. Но въ цѣлыя десять лѣтъ, съ 1844 до 1853 включительно, мы вывезли изъ всѣхъ нашихъ гаваней, всѣхъ сортовъ хлѣба вмѣстѣ, всего 57 милліоновъ четвертей, по 5,700,000 четвертей въ годъ, то есть, считая по полуторы четверти на продовольствіе одного потребителя, весь нашъ заграничный отпускъ равнялся присутствію четырехъ милліоновъ потребителей. Изъ этого слѣдуетъ, что если мы соединимъ размѣръ внутренняго рынка (городскіе потребители) съ продажею на заграничные рынки, мы получимъ, что все поощ-

---

(*) Для курьеза — именно для курьеза, потому что цифры эти восхитительны — выписываемъ верхнюю часть таблицы городскаго населенія изъ Тенгоборскаго.

На 1,000 человѣкъ населенія считается городскихъ жителей:

Губерніи:

1. С.-Петербургская.	317
2. Московская.	258
3. Херсонская (Одесса)	237
4. Таврическая (турецкая цивилизація)	172
5. Бессарабія (турецкая цивилизація).	163
6. Астраханская (калмыцкая цивилизація)	140
7. Курляндія (нѣмцы)	121
8. Харьковская (слава Богу, вотъ и мы наконецъ) . . .	114

реніе нашего земледѣлія къ усиленному производству равнялось потребности 8 милліоновъ потребителей (*). Итакъ, оба рынка, внѣшній и внутренній, едва могутъ производить у насъ на земледѣліе столько возбуждающаго вліянія, сколько производится въ Австріи однимъ внутреннимъ рынкомъ.

Отсталые экономисты могутъ приписать все это общинному владѣнію; но дѣло извѣстное, что слабое развитіе нашихъ городовъ имѣетъ своею причиною неразвитость нашей промышленности и торговли, а отпускъ хлѣба за границу стѣсняется отсутствіемъ сносныхъ путей сообщенія. Надобно ли говорить, что обѣ причины, кромѣ косвеннаго вреда, приносимаго ими земледѣлію черезъ ограниченіе заграничнаго сбыта и городскаго потребленія, страшно вредятъ сельскому хозяйству и прямымъ образомъ? Надобно ли говорить, что, каково бы ни было число жителей въ городахъ, земледѣліе не можетъ дѣлать успѣховъ въ странѣ, гдѣ слаба промышленность и торговля? Надобно ли говорить, что всякое производство, а въ особенности земледѣльческое производство. нуждается для своего развитія въ удобныхъ путяхъ сообщенія? Кому не извѣстно, что Псковская губернія можетъ умереть съ голоду прежде, чѣмъ получитъ хотя четверть хлѣба изъ Малороссіи, которая въ то же время будетъ страдать отъ невозможности сбыть куда бы то ни было свой хлѣбъ? Или надобно говорить о томъ, что наша торговля находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи, а пути сообщенія до послѣдняго времени находились еще въ худшемъ?

Есть еще одно важное коммерческое обстоятельство, спеціальнымъ образомъ тяготѣющее надъ нашимъ земледѣліемъ. Изъ всѣхъ отраслей производства, въ сельскомъ хозяйствѣ всего ощутительнѣе важность оборотнаго капитала. Фабрика или заводъ обыкновенно или создается или покупается тѣмъ самымъ человѣкомъ, который бываетъ хозяиномъ производства. При покупкѣ или устройствѣ своего заведенія, онъ обыкновенно разсчитываетъ, чтобы нужное количество капитала оставалось у него для оборота. Не то въ сельскомъ хозяйствѣ. Земля чаще всего достается по наслѣдству, и владѣлецъ, не получивъ вмѣстѣ съ нею оборотнаго капитала, обыкновенно и не понимаетъ нужды въ немъ. Земля у него есть, работа даромъ и справляется крѣпостными людьми: о чемъ же еще думать владѣльцу? Если у него есть деньги, онъ пускаетъ ихъ въ другія

(*) Мы полагаемъ, изъ 5 съ половиною милліоновъ городскаго населенія, до 40,000,000 человѣкъ покупающихъ хлѣбъ,—цифра слишкомъ высокая,—и къ нимъ прибавляемъ 4,000,000 потребителей, которыхъ мы продовольствуемъ за границей.

предпріятія, или, чаще всего, проживаетъ, а земледѣльческое производство совершается у него рѣшительно безъ всякихъ затратъ оборотнаго капитала. Между тѣмъ, извѣстно, что успѣхи земледѣлія находятся въ прямой зависимости отъ величины затратъ на оборотный капиталъ. Какихъ успѣховъ можно ожидать тамъ, гдѣ нѣтъ понятія о надобности въ оборотномъ капиталѣ?

Это положеніе приводитъ насъ къ одному изъ основныхъ источниковъ нашей отсталости во всѣхъ отношеніяхъ — къ крѣпостному праву. Кореннымъ образомъ крѣпостное право принадлежитъ сферѣ сельскаго хозяйства, и само собою разумѣется, что если оно обезсиливало всю нашу жизнь, то съ особенною силою должны были отражаться его результаты на земледѣліи, которое полнѣе всего подчинялось его силѣ. Неумѣстно было бы здѣсь распространяться объ этомъ предметѣ, — о немъ довольно наговорено въ послѣднее время безчисленными писателями, которые вдругъ обнаружили благороднѣйшее негодованіе противъ бѣдствія, имѣвшаго привиллегію столь долго не вызывать никакихъ порицаній. Мы сами грѣшили этими внезапными вспышками благородства

Въ тѣ дни, когда намъ было ново
Значенье правды и добра,

и теперь не можемъ не краснѣя вспоминать о тогдашнихъ нашихъ подвигахъ. Итакъ, довольно будетъ сказать, что цѣна хлѣба зависѣла отъ той части его, которая производилась крѣпостнымъ трудомъ, то есть не имѣла ровно никакой цѣны въ глазахъ владѣльца, и что крѣпостное право, передѣлавши въ своемъ духѣ всѣ наши обычаи, конечно, не могло содѣйствовать ни развитію духа предпріимчивости, ни поддержанію трудолюбія въ нашемъ племени. Если бы не было никакихъ другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, одного крѣпостнаго права было бы достаточно, чтобы объяснить жалкое положеніе нашего земледѣлія.

Крѣпостное право было однимъ изъ учрежденій, ослаблявшихъ народную энергію. Но не одному ему надобно приписывать страшный упадокъ ея. Крѣпостное право было только однимъ изъ множества элементовъ, имѣющихъ такое же вліяніе на силу націи. Мы не хотимъ теперь перечислять всѣхъ этихъ вредныхъ учрежденій: для нашей цѣли довольно будетъ обратить вниманіе только на результатъ ихъ. Русскій народъ жилъ, или, лучше сказать, прозябалъ или дремалъ въ тяжелой летаргіи, немногимъ отличающейся отъ расположенія духа, владычествующаго надъ азіатца-

ми. Энергія труда подавлена въ насъ вмѣстѣ со всякою другою энергіею. Историческія обстоятельства развили въ насъ добродѣтели чисто пассивныя, какъ, напримѣръ, долготерпѣніе, переносливость къ лишеніямъ и всякимъ невзгодамъ. Въ сантиментальномъ отношеніи эти качества могутъ быть очень хороши, и нѣтъ сомнѣнія, что они очень удобны для людей, пользующихся ими къ своей выгодѣ; но для развитія экономической дѣятельности пассивныя добродѣтели никуда не годятся.

Мы сказали, что не хотимъ перечислять причинъ, подавляющихъ энергію труда въ русскомъ народѣ. Это перечисленіе было бы слишкомъ огорчительно для нашего съ вами патріотизма, читатель (мы надѣемся, что вы такой же яростный патріотъ, какъ и мы; что вы, подобно намъ, восхищаетесь нашимъ общественнымъ устройствомъ во всѣхъ его потребностяхъ, начиная съ петербургскихъ и кончая сельскою администраціею). Но мы должны обратить вниманіе на одну сторону народной жизни, которая, сама обусловливаясь благосостояніемъ и свободою народа, служитъ кореннымъ источникомъ всѣхъ успѣховъ его экономической дѣятельности. Каждое человѣческое дѣло успѣшно идетъ только тогда, когда руководится умомъ и знаніемъ; а умъ развивается образованіемъ, и знанія даются тоже образованіемъ; потому только просвѣщенный народъ можетъ работать успѣшно. Въ какомъ же положеніи наше образованіе? Въ цѣлой Западной Европѣ, имѣющей около 200 милліоновъ жителей, не найдется столько безграмотныхъ людей, какъ въ одной нашей родинѣ; въ какой нибудь Бельгіи, или хотя бы даже Баваріи, при всей отсталости Баваріи отъ другихъ земель Западной Европы, на 5 милліоновъ населенія считается столько же учащихся въ школахъ, сколько въ цѣлой Россіи, и число всѣхъ грамотныхъ людей въ Россіи таково, что едва ли бы достало его на одну провинцію въ Прусскомъ королевствѣ (*). О томъ, на сколько распространено у насъ высшее образованіе, нечего и говорить: объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ цифры изданій Гоголя, Пушкина,

(*) По самымъ щедрымъ разсчетамъ предполагается, что, изъ 65 или 70 милліоновъ жителей Русской имперіи, людей, умѣющихъ читать, набирается до 5 милліоновъ. Но эта цифра, по всей вѣроятности, слишкомъ высока. Большинство грамотныхъ людей сосредоточено въ городахъ; въ селахъ едва ли наберется половина того, сколько находится въ городахъ. Но и въ городахъ гораздо больше половины жителей еще не знаютъ грамотѣ. Судя по этому, едва ли мы ошибемся, положивъ число грамотныхъ людей въ Россіи не превышающимъ 4 милліоновъ.

Тургенева и число экземпляровъ, въ какомъ издаются наши газеты и журналы (*).

Какъ изъ неуспѣшности русскаго человѣка въ матеріальной работѣ проницательные люди вывели, что онъ отъ природы расположенъ къ лѣности, такъ изъ слабаго развитія нашей образованности они заключаютъ, что русское племя мало имѣетъ охоты къ просвѣщенію. Обѣ эти клеветы одинаково тупоумны и нелѣпы. Стремленіе въ народѣ чрезвычайно сильно; но обстоятельства слишкомъ не благопріятствуютъ его осуществленію.

Мы перечислили много причинъ, имѣющихъ гибельное вліяніе на наше земледѣліе: отсутствіе умственнаго развитія въ народѣ, упадокъ его энергіи, крѣпостное состояніе, недостатокъ оборотнаго капитала, неразвитость торговли и промышленности, плохое состояніе путей сообщенія, слабое развитіе городовъ, незначительная степень населенности,—все это такія причины, изъ которыхъ каждая сама по себѣ и безъ содѣйствія другихъ бываетъ въ состояніи задержать сельское хозяйство на низкой степени развитія. Изъ европейскихъ народовъ нѣтъ ни одного, у котораго хотя одинъ изъ этихъ фактовъ, враждебныхъ успѣхамъ земледѣлія, имѣлъ бы такой обширный размѣръ, какъ у насъ, и нѣтъ въ Европѣ ни одного народа, у котораго бы соединялись всѣ эти факты, соединенные у насъ. Что жь удивительнаго, если земледѣліе у насъ находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ у западныхъ народовъ? Когда есть такъ много и столь сильныхъ несомнѣнныхъ причинъ, производящихъ данное положеніе, позволяютъ ли правила логики придумывать еще гипотетическія и мистическія причины? При видѣ фактовъ, нами перечисленныхъ, говорить, что наше земледѣліе задерживается общиннымъ владѣніемъ, значитъ подражать той дамѣ, которая зимою поѣхала на балъ, накинувъ на голыя плечи только легкую мантилью, а

(*) Всѣ наши ежедневныя газеты, вмѣстѣ взятыя, расходятся въ числѣ 30 или много 35 тысячъ экземпляровъ; всѣ большіе журналы, вмѣстѣ взятые, далеко не достигаютъ этой цифры. Предположимъ для каждаго экземпляра даже по 10 человѣкъ читателей, мы увидимъ, что все наше образованное общество едва ли простирается до полумилліона человѣкъ. Во Франціи, гдѣ чтеніе распространено меньше, нежели въ Германіи и Англіи, однѣ только парижскія ежедневныя газеты печатаются въ числѣ болѣе 200,000 экземпляровъ (провинціальныхъ газетъ мы не считаемъ) Итакъ, во Франціи приходится одинъ экземпляръ газеты на 180 человѣкъ, а въ Россіи одинъ экземпляръ на 2,200 человѣкъ. Но всего прелестнѣе цифры изданій нашихъ классическихъ писателей. Кто изъ людей сколько нибудь образованныхъ не читалъ Гоголя? Число всѣхъ экземпляровъ всѣхъ изданій Гоголя не простирается и до 10 тысячъ.

потомъ, выдержавъ горячку, приписывала свою болѣзнь тому обстоятельству, что забыла взять съ собою вѣйеръ. Мы не знаемъ, имѣетъ ли вѣйеръ свойство предохранять отъ простуды; но можно думать, что еслибъ онъ и былъ у ней въ рукахъ, онъ не замѣнилъ бы для нея шубы и теплыхъ ботинокъ. Можно полагать, что, каковъ бы ни былъ способъ землевладѣнія въ странѣ, гдѣ населеніе мало, города не развиты, путей сообщенія нѣтъ, торговли и промышленности почти нѣтъ, оборотнаго капитала въ земледѣліи нѣтъ, гдѣ не развита въ народѣ энергія и нѣтъ простора умственной дѣятельности, — можно думать, что, каковъ бы ни былъ способъ владѣнія землею въ такой странѣ, земледѣліе не могло бы достичь въ ней никакихъ успѣховъ.

Говорить о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія на земледѣліе въ Россіи значитъ приписывать цвѣту волосъ или величинѣ усовъ неподвижность человѣка, у котораго поражены параличемъ руки и ноги. Насъ такъ восхищаетъ гипотеза о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія, что мы предложимъ рядъ вопросовъ, которые всѣ могутъ быть разрѣшены посредствомъ вреднаго вліянія общиннаго владѣнія съ такимъ же успѣхомъ, какъ и вопросъ о слабомъ развитіи нашего замледѣлія.

Почему наши города такъ плохо развивались до сихъ поръ? Общинное владѣніе мѣшало ихъ развитію, препятствуя купцамъ развивать свои дѣла покупкою земель у поселянъ. Почему неизмѣримые лѣса нашихъ сѣверныхъ губерній гніютъ на корню, между тѣмъ, какъ средняя и южная Россія нуждается въ лѣсѣ? Общинное землевладѣніе останавливаетъ потокъ колонизаціи, который безъ него устремился бы въ благодатную Олонецкую губернію и пустилъ бы въ торговлю ея лѣса. Почему ярославскіе мужики имѣютъ рыжія бороды? Причиною тому должно считаться общинное владѣніе, препятствующее ярославцамъ походить на французовъ, имѣющихъ бороды темнаго цвѣта. Почему русскіе экономисты отсталой школы не въ состояніи понимать самыхъ простыхъ и ясныхъ фактовъ? Причиною тому должно считаться общинное владѣніе, задерживающее успѣхи русскихъ людей какъ въ отношеніи матеріальномъ, такъ и въ отношеніи умственномъ.

Задерживая умственное развитіе русскихъ экономистовъ отсталой школы, общинное землевладѣніе препятствуетъ имъ удовлетворяться предъидущими доказательствами, совершенно достаточными для обыкновеннаго здраваго смысла. Потому мы считаемъ недостаточнымъ для нихъ предшествующее положительное указаніе на фак-

ты, которые свидѣтельствуютъ, что нѣтъ надобности въ гипотезѣ о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія для объясненія неразвитости нашего земледѣлія: надобно прибѣгнуть также къ отрицательному методу повѣрки гипотезъ, чтобы показать еще очевиднѣйшимъ образомъ неумѣстность ихъ предположенія.

На земномъ шарѣ находится очень много странъ, въ которыхъ состояніе земледѣлія не лучше, или немногимъ лучше, или даже гораздо хуже, чѣмъ въ Россіи, но которыя имѣютъ способъ землевладѣнія, могущій, по мнѣнію отсталыхъ экономистовъ, поднять наше сельское хозяйство, будто бы убиваемое общиннымъ землевладѣніемъ. Мы сдѣлаемъ обзоръ этихъ странъ, чтобы видѣть, въ состояніи ли господство частной поземельной собственности помочь у насъ тому дѣлу, плохое положеніе котораго занимаетъ насъ. Въ Испаніи положеніе сельскаго хозяйства едва ли лучше, чѣмъ у насъ; многія изъ условій, не благопріятствующихъ нашему земледѣлію, существуютъ и тамъ, хотя далеко не въ такой степени. Населеніе въ полтора раза гуще нашихъ земледѣльческихъ губерній, пропорція городскаго населенія гораздо значительнѣе, Средиземное море и Атлантическій океанъ представляютъ удобный путь сбыта для продуктовъ цѣлой половины страны; но все-таки сходство съ нашимъ положеніемъ довольно велико: населеніе, хотя и больше нашего, все-таки не довольно густо, развитіе городовъ все-таки неудовлетворительно, пути сообщенія плохи, оборотныхъ капиталовъ въ земледѣліи нѣтъ, торговля и промышленность очень слабы и общественныя учрежденія подавили прежнее просвѣщеніе и прежнюю энергію испанскаго племени. Сходства по этимъ основнымъ условіямъ достаточно для того, чтобы земледѣліе производилось чрезвычайно небрежно, хотя испанцы не имѣютъ и понятія объ общинномъ владѣніи. Дайте имъ общинное владѣніе или уничтожьте его у насъ, положеніе сельскаго хозяйства ни у насъ, ни у нихъ не измѣнится, если перечисленныя нами условія останутся въ прежнемъ видѣ. Точно таково же положеніе вещей въ Неаполѣ и въ Папской области, хотя и они не знаютъ общиннаго владѣнія.

Но если мы хотимъ видѣть въ Европѣ страну, гдѣ обстановка земледѣльческаго производства представляетъ наибольшее сходство съ нашей, мы должны взглянуть на Турцію. Не надобно и говорить, что и въ ней успѣхи земледѣлія задерживаются общиннымъ владѣніемъ.

Слово Турція пробуждаетъ въ насъ новую мысль, которая, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не приходила намъ въ голову: иначе, были

бы излишни всѣ наши прежнія разсужденія. Европейская Турція до сихъ поръ остается въ сущности азіатскимъ государствомъ, хотя и лежитъ въ Европѣ, неправда ли? Итакъ, найденъ нами ключъ къ объясненію всего, о чемъ толковали мы съ подробностями, которыя теперь оказываются совершенно ненужны. Азіатская обстановка жизни, азіатское устройство общества, азіатскій порядокъ дѣлъ, — этими словами сказано все, и нечего прибавлять къ нимъ. Можетъ ли земледѣліе получить европейскій характеръ при азіатскомъ порядкѣ дѣлъ? Въ самомъ дѣлѣ, Азія (*) представляетъ обширнѣйшій прототипъ того земледѣльческаго положенія, о которомъ мы говоримъ, со всѣми причинами, производящими его, т. е. мѣшающими ему замѣниться чѣмъ нибудь лучшимъ; а, между тѣмъ, Азія точно такъ же не знаетъ общиннаго владѣнія землею, какъ и Западная Европа. Анатолія, Сирія, Месопотамія, Персія, Кабулъ, Бухара, Хива, Коканъ, — всѣ эти страны точно такъ же имѣютъ личную поземельную собственность, какъ и Англія, Бельгія, Рейнская Германія. Изъ этого, кажется, можно заключить, что личная поземельная собственность вовсе не служитъ ручательствомъ за высокое развитіе земледѣлія, что порядокъ землевладѣнія, будучи необыкновенно важенъ по своему вліянію на распредѣленіе имущества между разными сословіями, не имѣетъ ровно никакого вліянія на развитіе технической стороны сельскаго хозяйства. Въ чьи руки идетъ сборъ хлѣба, доставляемый десятиною земли,—вотъ это рѣшается способомъ землевладѣнія. Но какъ обработывается эта десятина и какъ великъ сборъ хлѣба, ею даваемый, это зависитъ отъ совершенно другихъ условій, важнѣйшія изъ которыхъ мы перечислили. Теперь мы знаемъ также, какъ надобно называть совокупность тѣхъ условій,

---

(*) Подъ «Азіею» мы разумѣемъ здѣсь не всю ту часть свѣта, которая извѣстна подъ этимъ именемъ въ географіи, а только тѣ земли въ этой части свѣта, которыя издавна знакомы нашему народу и по которымъ составилъ онъ себѣ понятіе объ азіатствѣ. Это—страны, лежащія на западъ отъ Китая и на сѣверъ отъ Индіи, собственно только мусульманская часть Азіи. Столь ученое примѣчаніе мы сочли необходимымъ сдѣлать, имѣя въ виду обыкновенную сообразительность отсталыхъ экономистовъ; иначе они тотчасъ возразили бы: «не явное ли невѣжество говорить о томъ, что земля въ Азіи воздѣлывается дурно, когда извѣстно, что въ Китаѣ она обработывается самымъ тщательнымъ образомъ?» Сдѣлавъ такое возраженіе, они остались бы очень довольны собою. Къ сожалѣнію, наша статья имѣетъ въ виду не Китай, гдѣ, по крайней мѣрѣ, прочность обычая служитъ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за слабость закона, а только страны, имѣющія порядокъ дѣлъ, подобный турецкому, персидскому, хивинскому и коканскому.

при которыхъ обработка земли бываетъ плоха и сборъ хлѣба малъ: совокупность этихъ условій, враждебныхъ развитію сельскаго хозяйства, называется просто — азіатствомъ.

Мы чувствуемъ, что наши слова объ азіатствѣ рѣшительно неудовлетворительны. Но что же дѣлать! нашъ языкъ не выработался на столько, чтобы можно было удовлетворительно выражать имъ серьёзныя понятія. Недаромъ всѣ ученые жалуются на бѣдность нашей терминологіи. Если бы мы писали по французски или по нѣмецки, мы, вѣроятно, писали бы лучше. Но, не удостоившись отъ судьбы получить такое счастіе, мы должны писать на языкѣ, который, по какому-то загадочному случаю, устроенъ такъ, что никакъ не съумѣешь излагать на немъ своихъ мыслей связно и ясно. Нашъ языкъ, орудіе слишкомъ непокорное мысли и истинѣ, безпрестанно увлекаетъ писателя въ такія уклоненія отъ его идеи, которыя могутъ быть непріятны не только читателю, но и самому автору, но которыя долженъ извинять великодушный читатель. Удержаться на прямой дорогѣ развитія идеи нѣтъ возможности, когда пишешь по русски, и писателю остается только, когда онъ замѣтитъ, что уклонился отъ своей идеи слишкомъ далеко, дѣлать крутые повороты, чтобы взяться опять за дѣло, ускользнувшее изъ-подъ его пера по сбивчивости нашего языка. Мы такъ и сдѣлаемъ. Забывая нашъ неудовлетворительный эпизодъ объ азіатствѣ, мы беремся опять за логику и смотримъ, что велитъ она дѣлать при разсужденіи о неосновательныхъ гипотезахъ, каково разбираемое нами предположеніе отсталыхъ экономистовъ о вредномъ вліяніи, будто бы оказываемомъ на земледѣліе нашею системою общиннаго владѣнія.

Логика говоритъ, что не довольно опровергнуть ошибочное мнѣніе, а надобно также показать, какимъ образомъ могло оно произойти, потому что иначе ошибка оставалась бы дѣломъ произвольнымъ, не имѣющимъ достаточныхъ причинъ, то есть загадочнымъ. Чтобы исполнить это послѣднее требованіе логики, намъ нужно только разсмотрѣть посылку, изъ которой отсталые экономисты выводятъ свое ошибочное мнѣніе. «Наше земледѣліе, говорятъ они, задерживается въ своемъ развитіи тѣмъ, что поземельная собственность не имѣетъ у васъ достаточной безопасности.» Мысль совершенно справедливая, и ошибка заключается только въ томъ, что причиною небезопасности поземельной собственности принимается отсталыми экономистами общинное владѣніе. Въ статьѣ «Законодательство и регламентація» мы подробно доказывали, что общинное владѣніе землею изъ всѣхъ формъ поземельной собственности форма самая прочная, безопасная, самая свободная отъ всякихъ придирокъ и юридическихъ

столкновеній. Но мы оканчивали нашу статью согласіемъ въ томъ, что общинное владѣніе, при всемъ своемъ юридическомъ превосходствѣ, далеко не оказываетъ у насъ всѣхъ полезныхъ дѣйствій, какихъ слѣдуетъ ожидать отъ его существеннаго характера. Мы обѣщались въ нынѣшней статьѣ разобрать причины такого несоотвѣтствія между сущностью принципа и его результатами. Къ тому же самому дѣлу приводитъ насъ и надобность показать причину, вовлекающую отсталыхъ экономистовъ въ ихъ фальшивую гипотезу.

Отыскать причину ихъ ошибки очень легко. Они сравниваютъ поземельное владѣніе у насъ и въ Западной Европѣ; они замѣчаютъ, что въ Западной Европѣ поземельная собственность безопасна, у насъ не имѣетъ безопасности; они видятъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что на Западѣ существуетъ одна форма поземельнаго владѣнія, у насъ — другая. И вотъ они дѣлаютъ изъ этихъ фактовъ слѣдующее заключеніе: «въ Западной Европѣ поземельная собственность безопасна, а форму ея тамъ составляетъ присвоеніе собственности частному лицу; итакъ, присвоеніе поземельной собственности частному лицу даетъ ей безопасность. У насъ, напротивъ того, поземельная собственность лишена безопасности и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣетъ форму общиннаго владѣнія. Итакъ, форма общиннаго владѣнія служитъ причиною небезопасности поземельной собственности».

Это форма умозаключенія очень обыкновенная у людей, не привыкшихъ къ логическимъ пріемамъ: видя два факта извѣстнаго рода соединенными въ одномъ мѣстѣ и два факта драгаго рода соединенными въ другомъ мѣстѣ, неопытные въ логикѣ умы тотчасъ же заключаютъ, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, что въ каждой парѣ фактовъ существуетъ между двумя явленіями причинная связь. Если бы этотъ родъ умозаключеній былъ пригоденъ для ученыхъ изысканій, наука уже давно постигла бы всѣ тайны природы и общественной исторіи. Но, къ сожалѣнію, логика заклеймила такой легкій способъ отысканія истины знаменитою фразою cum hoc, ergo propter hoc и объявила, что подобныя умозаключенія рѣшительно никуда не годятся. Если бы отсталые экономисты были знакомы съ логикою, они знали бы, что всѣ нелѣпости суевѣрія были основаны на этой самой формѣ умозаключенія, и знали бы, какое множество примѣровъ приводится этому въ логикѣ.

Напримѣръ, на чемъ были основаны ауспиціи древнихъ римлянъ? Однажды передъ битвою они слышали ворону, каркающую съ правой стороны, и проиграли битву; въ другой разъ слышали во-

рону, каркающую съ лѣвой стороны, и выиграли битву. Дѣло ясное: cum hoc, ergo propter hoc — совпадаетъ, слѣдовательно имѣетъ причинную связь. Итакъ, карканье вороны съ правой стороны приноситъ войску гибель, карканье съ лѣвой — даетъ ему побѣду.

Всѣ суевѣрія основаны на этой формѣ умозаключенія. Доказывать его нелѣпость было бы скучно; довольно будетъ сказать, что суевѣрную привычку дѣлать заключенія по формѣ, нами указанной, логика велитъ замѣнять строгимъ изслѣдованіемъ положительныхъ причинъ, прибавляя, что очень часто могутъ совпадать между собою факты, тенденціи которыхъ противоположны, и что въ такомъ случаѣ результаты слабѣйшаго факта подавляются противоположными ему результатами сильнѣйшаго факта.

Положительно извѣстно, напримѣръ, что просвѣщеніе облагораживаетъ человѣка, а благородство противоположно, напримѣръ, хоть взяточничеству. Между тѣмъ, сколько мы видимъ у насъ взяточниковъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. По способу умозаключенія, котораго держатся отсталые экономисты, выводъ изъ этого совпаденія фактовъ таковъ: человѣкъ, кончившій курсъ въ одномъ изъ высшихъ заведеній, беретъ взятки — итакъ, ученье дѣлаетъ человѣка взяточникомъ. Логика велитъ судить объ этомъ иначе. Она говоритъ: если даже люди образованные становятся взяточниками, несмотря на противорѣчіе между образованностью и взяточничествомъ, то надобно полагать, что въ обстановкѣ, среди которой живутъ эти люди, есть обстоятельства, столь могущественно влекущія къ взяточничеству, что противоложное направленіе, внушаемое образованностью, можетъ изнемогать подъ силою этихъ обстоятельствъ.

Другой примѣръ. Свѣтское воспитаніе, хорошо оно или дурно въ другихъ отношеніяхъ, но имѣетъ ту несомнѣнную хорошую тенденцію, что дѣлаетъ человѣка деликатнымъ въ обращеніи, отучаетъ его отъ низкихъ, грязныхъ манеръ. Но сколько у насъ есть людей, получившихъ свѣтское воспитаніе, которые чрезвычайно грубы въ обращеніи съ своими подчиненными, которые невѣжливо обращаются съ мелкими чиновниками, если бываютъ въ гражданской службѣ, которые ругаютъ солдатъ, если бываютъ офицерами. По умозаключенію отсталыхъ экономистовъ, опять выходилъ бы такой силлогизмъ: люди, получившіе свѣтское воспитаніе, унижаются до пошлыхъ грубостей—итакъ, свѣтское воспитаніе отнимаетъ у человѣка вѣжливость. Логика опять говоритъ напротивъ: если даже люди, получившіе свѣтское воспитаніе, бываютъ невѣжливы,

грубы, пошлы въ обращеніи съ другими, то надобно думать, что въ обстановкѣ, среди которой живутъ эти люди, есть обстоятельства, столь сильно располагающія къ нахальному попиранію всякой слабой личности, что даже вѣжливость, даваемая свѣтскимъ воспитаніемъ, подавляется этими обстоятельствами.

Въ подобныхъ случаяхъ логика велитъ, вмѣсто того, чтобы останавливаться на тупоумномъ предположеніи «совпадаетъ, слѣдовательно имѣетъ причинную связь», пристальнѣе всматриваться въ обстоятельства, среди которыхъ происходитъ явленіе, чтобы отъискать истинныя причины ого. Такъ поступимъ и мы. Отъискать истинныя причины небезопасности нашей поземельной собственности очень нетрудно. Можно даже сказать, что онѣ извѣстны каждому, кромѣ отсталыхъ экономистовъ,

Собственность принадлежитъ къ числу общественныхъ учрежденій. Чѣмъ же ограждается безопасность общественныхъ учрежденій?—Законами.—Прекрасно. Какими способами проявляется въ обществѣ дѣйствіе законовъ? Опять каждому извѣстно, что, для приведенія законовъ въ дѣйствіе, общество имѣетъ два органа: администрацію и судебную власть. Итакъ, если мы разсуждаемъ о безопасности какого нибудь общественнаго учрежденія въ извѣстномъ обществѣ, то не долженъ ли намъ прежде всего приходить въ голову вопросъ о томъ, каково состояніе администраціи и судебной власти въ этомъ обществѣ?

Мы не имѣемъ намѣренія подробно отвѣчать здѣсь на такой вопросъ. Сколько бы ни наговорили мы о качествахъ нашей администраціи и судебной власти, мы не сказали бы ничего такого, что̀ не было бы не хуже насъ извѣстно каждому изъ нашихъ читателей. Доказывать истину было бы тутъ не для кого и спорить не съ кѣмъ. Мы полагаемъ, что даже отсталые экономисты, такъ мало понима̀ющіе нашу жизнь, понимаютъ, каково положеніе администраціи и судебной власти у насъ.

Мы нашли коренную причину не только явленія, объясненіемъ котораго спеціально занимаемся въ этой статьѣ, но и всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые представлялись намъ ближайшими причинами его. Не только слабость успѣховъ нашего земледѣлія, но и медленность въ развитіи нашего населенія вообще, нашего городскаго населенія въ частности, неудовлетворительное состояніе нашихъ путей сообщенія, торговли, промышленности, недостатокъ оборотнаго капитала въ земледѣліи,—все это, и не только это, но также и крѣпостное право, и упадокъ народной энергіи, и умственная наша не-

развитость,—всѣ эти факты, подобно всѣмъ другимъ плохимъ фактамъ нашего быта, коренную, сильнѣйшую причину свою имѣютъ въ состояніи нашей администраціи и судебной власти.

Даже другая сильнѣйшая причина нашей бѣдности — крѣпостное право произошло нѣкогда отъ дурнаго управленія и поддерживалось имъ. О происхожденіи крѣпостнаго права мы замѣтимъ только, что это учрежденіе развилось отъ безсилія нашей старинной администраціи охранить прежнія свободныя отношенія поселянъ, жившихъ въ извѣстной дачѣ, къ владѣльцу дачи, и удержать постепенное расширеніе произвольной власти, захватываемой владѣльцемъ надъ населявшими его землю людьми; замѣтимъ еще, что возможность учредить крѣпостное состояніе происходила только оттого, что вольные люди, слишкомъ плохо защищаемые управленіемъ, терпѣли слишкомъ много притѣсненій, такъ что переставали дорожить своею свободою и не видѣли слишкомъ большой потери для себя отъ записки въ принадлежность сильному человѣку. Излагать подробнѣе этотъ предметъ, относящійся къ старинѣ, было бы неумѣстно въ статьѣ, говорящей о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ. Мы хотѣли сказать, что если крѣпостное право держалось до сихъ поръ, то оно было обязано такою продолжительностью своего существованія только дурному управленію. Дѣйствительно, каковы бы ни были законы, опредѣлявшіе права помѣщиковъ надъ крѣпостными людьми, но еслибъ даже эти законы соблюдались, то, во-первыхъ, всѣ помѣщики давно бы перестали находить выгоду въ крѣпостномъ правѣ, во-вторыхъ почти во всѣхъ помѣстьяхъ крѣпостное право было бы прекращено частными судебными рѣшеніями по процессамъ о злоупотребленіи власти.

Метода леченія знахарей и знахарокъ представляетъ драгоцѣнную параллель съ тою системою, по которой отсталые экономисты думаютъ поправить непріятное для нихъ явленіе экономическаго быта,—напримѣръ, помочь жалкому положенію нашего земледѣлія. Появился какой нибудь вередъ на ногѣ: знахарь, не задумываясь, прикладываетъ къ нему какую нибудь лепешку и ожидаетъ, что болѣзнь уступитъ этому мѣстному медикаменту. О томъ, отчего произошелъ вередъ, онъ не думаетъ. Онъ не думаетъ видѣть въ немъ только симптомъ общаго худосочія, только ничтожное обнаруженіе болѣзни, нѣдрящейся въ цѣломъ организмѣ, проистекающей отъ испорченности основнаго процесса организма, отъ испорченности крови, отъ разстройства питанія. Наука, напротивъ, говоритъ, что какое нибудь, повидимому, мѣстное пораженіе очень часто не можетъ быть исцѣлено никакими припарками и прижиганіями соб-

ственно больнаго мѣста, что для исцѣленія болѣзни, обнаруживающейся этимъ мѣстнымъ симптомомъ, больной долженъ измѣнить весь образъ жизни, чтобы исправился разстроившійся основной процессъ организма.

Потому-то и отвратительно намъ слышать разсужденія отсталыхъ экономистовъ о томъ, какъ дурное состояніе нашего земледѣлія можетъ быть исправлено приложеніемъ мѣстной припарки — уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія и введеніемъ на его мѣсто частной поземельной собственности. Не потому отвратительно слышать намъ эти тупоумныя, суевѣрныя разсужденія, что мы приверженцы общиннаго землевладѣнія: нѣтъ, все равно, мы негодовали бы на нихъ и тогда, когда бы думали, что частная поземельная собственность лучше общиннаго владѣнія. Каково бы ни было полезное или вредное вліяніе извѣстной системы землевладѣнія на успѣхи сельскаго хозяйства, все-таки это вліяніе совершенно ничтожно по сравненію съ неизмѣримымъ могуществомъ тѣхъ условій нашей общественной жизни, въ которыхъ нашли мы истинныя причины жалкаго положенія нашего земледѣлія. Больной чувствуетъ лихорадочный ознобъ оттого, что гнилой климатъ и изнурительный образъ жизни развиваютъ въ немъ чахотку; а вы, милостивые государи, совѣтуете ему лечиться порошкомъ изъ раковыхъ жерновокъ. Я не знаю, дѣйствительно ли помогаютъ раковыя жерновки отъ лихорадки. Медицина говоритъ, будто бы это средство совершенно вздорное. Но все равно. Пусть оно будетъ и превосходнымъ средствомъ отъ лихорадки, оно все-таки никуда не годится въ нашемъ случаѣ. Болѣзнь не та, какъ вы думаете, милостивые государи. Она произошла не отъ легкой простуды, которую вы хотите лечить вашими милыми раковыми жерновками, и какія лекарства ни употребляйте противъ озноба, который одинъ замѣтенъ вамъ изъ всѣхъ симптомовъ страшной болѣзни, вы не уничтожите не только общей болѣзни организма, но даже и этого частнаго ея проявленія. Вы только губите больнаго, заставляя его терять время на пустяки, когда каждый день увеличиваетъ опасность его положенія. Всмотритесь получше въ состояніе организма, и вы найдете, что лихорадочный ознобъ производится причинами, противъ которыхъ необходимо употребить средства, совершенно различныя отъ рекомендуемыхъ вами суевѣрныхъ пустяковъ. Вся обстановка жизни больнаго должна измѣниться для того, чтобы прекратилось гніеніе основнаго органа его тѣла. А когда его легкія будутъ здоровы, самъ собою, безъ всякихъ раковыхъ жерновокъ, исчезнетъ и мнимый лихорадочный ознобъ. Позаботьтесь о томъ, чтобы мы получили

хорошую администрацію и справедливый судъ, тогда вы увидите, что не нужно будетъ нашему земледѣлію прибѣгать къ вашимъ раковымъ жерновкамъ — къ раздѣленію общинныхъ земель на потомственные участки,—тогда вы увидите, что общинное владѣніе не будетъ мѣшать успѣхамъ сельскаго хозяйства, потому что тогда будетъ исчезать наша бѣдность и явятся тѣ условія, которыхъ теперь нѣтъ и безъ которыхъ ни при какой системѣ землевладѣнія сельское хозяйство не можетъ притти въ удовлетворительное состояніе.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ XI.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РѢШЕНІЯ

КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА.

Очеркъ исторіи крестьянскаго вопроса въ прошедшемъ году. — Національное чувство, явившееся основаніемъ для рѣшенія этого дѣла. — Пересмотръ главныхъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу.

Почти всегда въ исторіи бывало, что дѣло при своемъ осуществленіи обнаруживало такія стороны, которыхъ не замѣчалось въ немъ прежде, когда только начинали браться за его осуществленіе. Иногда возникаютъ затрудненія, которыхъ не предусматривали; иногда открывается, что вопросъ въ дѣйствительности гораздо шире, нежели какъ представлялся въ теоріи; иногда оказывается, что люди, которыхъ онъ касается, думаютъ о своихъ правахъ и потребностяхъ не совсѣмъ такъ, какъ предполагалось теоріею. Результатомъ, во всякомъ случаѣ, бываетъ то, что дѣло исполняется не совершенно по тому плану, по какому предполагалось исполнить его.

Когда у насъ думали, какъ приступить къ освобожденію крестьянъ, большинству разсуждавшихъ представлялось, что главная сторона дѣла состоитъ именно въ освобожденіи личности. Правда, многіе и тогда уже предвидѣли, что очень большую важность имѣетъ также вопросъ о землѣ. Но почти никто не предугадывалъ, какой рѣшительный оборотъ всему дѣлу дастъ на практикѣ связь личности съ землею.

До послѣдней минуты предполагалось, что помѣщики наши въ своей массѣ представляютъ сословіе, мало развитое, мало способное къ обсужденію государственныхъ вопросовъ. Когда созывались губенскіе комитеты, почти всѣ мы, и въ томъ числѣ сами помѣщики, полагали, что совѣщанія комитетовъ будутъ имѣть ребяческій характеръ.

Появились Высочайшіе рескрипты. Давно уже носился въ массахъ глухой говоръ о приближеніи такого рѣшенія. Тревожное ожиданіе было возбуждено до чрезвычайной степени. Наконецъ, дѣло началось. Оно заняло націю въ такой степени, что все остальное перестало обращать на себя вниманіе. Какже держатъ себя мужики, волненія между которыми опасались? Они держатъ себя такъ спокойно, какъ никогда еще не держали. Вотъ уже два года ждутъ они такъ терпѣливо, такъ благоразумно, что дай Богъ самымъ образованнымъ людямъ съ самыми мягкими нравами выказать столько разсудительности и терпѣливости. Число безпокойствъ и преступленій, возникающихъ изъ крѣпостнаго права, въ послѣдніе два года было несравненно меньше, нежели въ предшествовавшіе годы.

Собрались губернскіе комитеты, въ которыхъ всѣ ожидали увидѣть неспособность, невѣжество, безтолковость. Но безтолковости нигдѣ нѣтъ и слѣда; совѣщанія ведутся правильно, основательно. Въ провинціальныхъ захолустьяхъ нашлось множество людей чрезвычайно образованныхъ, привыкшихъ думать, хорошо приготовленныхъ къ обсужденію задачъ, имъ предложенныхъ. Въ каждомъ комитетѣ явилось нѣсколько человѣкъ чрезвычайно замѣчательныхъ по уму и таланту.

Благодаря губернскимъ комитетамъ, крестьянское дѣло получило направленіе гораздо лучшее, нежели какого можно было ожидать прежде, чѣмъ обнаружилось ихъ вліяніе.

Вопросъ о личности былъ отдѣленъ отъ вопроса о землѣ. Землю должна была замѣнить усадьба. Даже и это опредѣленіе возбудило сильный ропотъ, такъ что подвергалось ослабленію. Начались софистическія истолкованія, по которымъ было открыто, что усадьба — только строеніе безъ земли, къ нему принадлежащей. Ободренные этимъ успѣхомъ, софисты пошли далѣе и начали перетолковывать правила о выкупѣ усадебъ даже въ этомъ урѣзанномъ видѣ. Было открыто, что подъ выкупомъ понимается не необходимость выкупа, а только разрѣшеніе согласиться на него. Для этого согласія были придуманы условія, при которыхъ согласіе оказывалось невозможнымъ въ большей части случаевъ. Отдѣленная отъ земли личность отдѣлилась даже и отъ усадьбы. Все это говорилось подъ предлогомъ выгоды помѣщиковъ.

Когда нашлись граждане, забывшіе о личномъ спокойствіи для охраненія государственнаго спокойствія, когда они сказали, что дѣло получаетъ неправильное истолкованіе, они подвергались преслѣдованію, будто противники намѣреній правительства. Просвѣщенными людьми овладѣло уныніе.

Но вотъ собрались комитеты. Они составились изъ людей, живших ъ по деревнямъ, знавшихъ русскій народъ не по наслышкѣ, знавшихъ національныя чувства. Они нашли, что отдѣлить личность отъ земли — дѣло невозможное; они показали своимъ свидѣтельствомъ, что производить такое раздѣленіе подъ предлогомъ сохраненія выгоды помѣщиковъ значитъ жестоко обманываться. Они поняли и доказали, что подобная попытка была бы гибельна для помѣщиковъ. Они, выборные отъ сословія помѣщиковъ, объявили, что помѣщики не хотятъ отдѣленія личности отъ земли и не могутъ хотѣть этого, потому что, иначе, вредя народу, они сами подвергались бы опасности.

Такимъ образомъ, вліяніе губернскихъ комитетовъ на ходъ крестьянскаго вопроса оказалось очень полезнымъ. Но, отдавъ имъ должную справедливость, нельзя намъ скрывать отъ себя и того, что комитеты не сдѣлали и не могли сдѣлать всего, что нужно для успѣшнаго рѣшенія этой задачи. Одною изъ причинъ такой недостаточности надобно считать обстоятельства, при которыхъ были созваны комитеты. Вопросъ тогда представлялся еще очень смутно и, по своимъ программамъ, губернскіе комитеты не могли разсматривать нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сторонъ его въ той широтѣ, какая должна принадлежать имъ. Еще важнѣе было вліяніе самаго состава комитетовъ: они были представителями исключительно только одной стороны, интересовъ которыхъ касается крестьянскій вопросъ. Было бы напрасно доказывать, что для удовлетворительнаго рѣшенія надобно ближе узнать мысли и интересы другой стороны, именно самихъ поселянъ. Польза, принесенная дѣлу приглашеніемъ помѣщиковъ къ участію въ веденіи вопроса, должна служить доказательствомъ того, что было бы очень полезно выслушать и мнѣнія поселянъ, которыхъ предполагается освободить отъ крѣпостной зависимости. Въ статьяхъ, рядъ которыхъ мы теперь начинаемъ, мы хотимъ самымъ умѣреннымъ и спокойнымъ образомъ обозначить, какое рѣшеніе вопроса могло бы, хотя до нѣкоторой степени, соотвѣтствовать идеямъ, съ незапамятныхъ временъ существующимъ въ поселянахъ.

Отлагая до слѣдующаго раза вопросы объ административномъ устройствѣ и о государственныхъ повинностяхъ, мы теперь будемъ говорить только о той части экономической стороны дѣла, которая

касается отношеній освобождаемыхъ крестьянъ къ частнымъ владѣльцамъ. Въ этой части дѣла важнѣйшими задачами должны считаться слѣдующія:

1) Неразрывная связь усадьбы съ землею и съ личностью, слава Богу, уже рѣшена. Но очень многіе говорятъ, что, при раздѣленіи крестьянской земли отъ господской, нынѣшнее положеніе крестьянскихъ усадебъ въ большей части случаевъ окажется неудобнымъ для помѣщиковъ. Что жь тутъ дѣлать? Очень многіе говорятъ: надобно перенести крестьянскія усадьбы на новыя мѣста.

2) Неотъемлемая принадлежность земли къ личности, слава Богу, рѣшена. Но каковъ долженъ быть надѣлъ, это еще не рѣшено.

3) Что помѣщики должны получить вознагражденіе, этого никто изъ образованныхъ людей не отвергаетъ. Но на какомъ основаніи долженъ производиться разсчетъ вознагражденія?

4) Долженъ ли выкупъ земли быть совершенъ немедленно и быть объявленъ обязательнымъ или можетъ быть отложенъ до будущаго времени и предоставленъ добровольному соглашенію?

5) Какимъ способомъ можетъ быть производима уплата вознагражденія — исключительно деньгами или также и обязательнымъ трудомъ?

1) Можно ли поставить принудительнымъ правиломъ перенесеніе усадебъ?

Извѣстна чрезвычайная привязанность крестьянъ къ мѣстамъ своихъ жилищъ. Сами помѣщики знаютъ, что принуждать крестьянъ къ переселенію значило было итти противъ ихъ чувствъ. По закону, принужденное переселеніе составляетъ одинъ изъ видовъ наказанія за уголовныя преступленія: возможно ли подвергать такой судьбѣ милліоны людей по произволу? Переселеніе само по себѣ, хотя бы и добровольное, соединено съ разрушеніемъ всего хозяйственнаго обзаведенія переселяющихся. Нѣтъ такихъ пособій, которыя были бы достаточны для покрытія убытковъ переселенія, когда оно должно совершаться огромными массами. Ни у помѣщиковъ, ни у правительства недостанетъ средствъ въ вознагражденіе крестьянъ за потерю времени и имущества при переселеніи. Притомъ, для многихъ эгоистовъ принужденное переселеніе послужило бы поводомъ къ пріобрѣтенію притѣснительныхъ выгодъ. Переселяющимся крестьянамъ были бы отведены поселенія въ мѣстахъ неудобныхъ, на участкахъ самыхъ дурныхъ; вмѣсто удобренной земли, занимаемой усадьбами, крестьяне получили бы песокъ, солончакъ, болота. Мы

уже слышали предположенія о постройкѣ деревень на такихъ мѣстахъ, гдѣ даже нѣтъ текучей воды. Два переселенія равняются пожару, по народной поговоркѣ. Принужденное переселеніе было бы раззореніемъ для крестьянъ, было бы нарушеніемъ гражданскаго права, возмутило бы самыя завѣтныя привязанности человѣка: привязанность къ родовому жилищу и къ мѣсту, гдѣ схоронены отцы.

Каковы были бы слѣдствія такого факта? Раззореніе крестьянъ отняло бы у нихъ возможность исправно выплачивать выкупъ. Неся громадные убытки крестьянамъ, истративъ огромныя суммы на вспоможенія имъ (впрочемъ, далеко недостаточныя для покрытія ихъ убытковъ), помѣщики сами отняли бы у себя возможность получить вознагражденіе. Пробудивъ противъ себя вражду въ окружающей ихъ массѣ, помѣщики надолго подорвали бы возможность мирныхъ отношеній своихъ къ поселянамъ. Надобно ли говорить о степени пріятности и безопасности, и даже выгодности житейскихъ дѣлъ человѣка, который одинъ остался бы среди сотенъ и тысячъ недовольныхъ имъ людей?

Принужденное перенесеніе усадебъ было бы очень плохимъ разсчетомъ со стороны помѣщиковъ.

Говорятъ о неудобствахъ черезполосности, о неудобствахъ имѣть свой домъ среди чужихъ участковъ. Но если терпѣли черезполосицу втеченіе сотенъ лѣтъ, можно потерпѣть ее два–три года, пока она, сама собою, вслѣдствіе частныхъ добровольныхъ соглашеній, уничтожится тамъ, гдѣ будетъ представлять дѣйствительное неудобство.

Говорятъ: «до сихъ поръ можно было терпѣть черезполосицу потому, что помѣщикъ имѣлъ власть надъ крестьянами и ихъ недоброжелательство обуздывалось страхомъ; а когда власть прекратится и недоброжелательство останется, неудобства чрезполосицы будутъ невыносимы». Но отъ образа дѣйствій самихъ помѣщиковъ будетъ зависѣть, останется ли недоброжелательство къ нимъ у поселянъ, или оно увеличится, или, напротивъ, исчезнетъ, замѣнившись признательностью и преданностью. Привязанность людей бѣдныхъ и угнетенныхъ пріобрѣтается легко. Будьте только справедливы къ нимъ, хотя даже не совсѣмъ справедливы, а лишь нѣсколько справедливы, и они станутъ обожать васъ. Не дѣлайте имъ напрасныхъ убытковъ и обремененій безъ всякой выгоды для самихъ васъ, и ихъ любовь станетъ ограждать васъ отъ всякихъ непріятностей; вы будете не только спокойны, но и сильны, какъ никогда еще не были. Обуздывать страхомъ — неудачное средство. И не думайте, чтобы опасности, среди которыхъ жили помѣщики, зависѣли только отъ безпорядковъ нашего административнаго и полицейскаго устройства: когда масса не расположена къ извѣстному человѣку, никакая поли–

ція не оградитъ его отъ множества непріятностей. Примѣромъ того пусть послужитъ Ирландія. На Британскихъ островахъ полиція и судъ лучше, нежели гдѣ нибудь; но безопасны ли ирландскіе землевладѣльцы?

И не только безопасность, но и денежныя выгоды основаны на доброжелательствѣ массы. Превосходныя ирландскія земли не даютъ и третьей части дохода, не стоятъ и третьей части тѣхъ денегъ, какъ англійскія земли далеко худшаго качества. Главная причина тутъ опять нерасположеніе массы населенія къ землевладѣльцамъ. Пусть не ищетъ расположенія поселянъ, пусть пробуждаетъ въ нихъ вражду къ себѣ тотъ, кто ничего не понимаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Разсудительный сельскій хозяинъ знаетъ, что любовь поселянъ — лучшее ручательство за успѣхи его хозяйства.

Но какже избѣжать невыгодъ черезполосицы, если не переносить усадебъ поселянамъ? О, Боже мой! пусть только освобожденіе произойдетъ на основаніяхъ льготныхъ для поселявъ, и вы увидите, что они будутъ вѣрнѣйшими хранителями вашихъ интересовъ, и сосѣдство ихъ усадебъ, котораго вы такъ боитесь, послужитъ для васъ источникомъ чрезвычайныхъ удобствъ и выгодъ. Отъ сохраненія усадебъ на нынѣшнихъ мѣстахъ почти нигдѣ не произойдетъ никакихъ неудобствъ, если отношенія будутъ хороши; а если отношенія будутъ дурны, ваше хозяйство все-таки будетъ терпѣть множество невыгодъ, хотя бы на двадцать верстъ отъ вашего дома не было ни одного крестьянскаго жилища. Неудобство черезполосицы окажется только въ очень немногихъ селеніяхъ, гдѣ нынѣшняя прирѣзка земли къ крестьянскимъ усадьбамъ произведена была помѣщиками безъ знанія мѣстныхъ удобствъ. Эти немногія исключенія не стоятъ того, чтобы ставить изъ-за нихъ общее правило для государства. Да и для нихъ не будетъ нужно никакихъ принудительныхъ мѣръ: если нынѣшнее расположеніе усадебъ представитъ гдѣ нибудь дѣйствительныя неудобства, черезъ годъ, черезъ два эти неудобства отстранятся сами собой, посредствомъ добровольныхъ сдѣлокъ, до которыхъ никому не будетъ дѣла, кромѣ жителей самаго села.

Если крестьянское дѣло покончится хорошо, всѣ толки о неудобствахъ нынѣшняго расположенія усадебъ окажутся пустыми, вздорными опасеніями и сосѣдство деревни съ господскимъ домомъ будетъ выгодно помѣщику. Но было бы великимъ бѣдствіемъ, если бы крестьянское дѣло не кончилось хорошо, то есть если бы оно кончилось поселеніемъ неудовольствія въ поселянахъ. А неудовольствіе въ поселянахъ было бы непремѣннымъ слѣдствіемъ раззорительныхъ условій освобожденія. Принужденное перенесеніе крестьянскихъ усадебъ было бы страшнымъ источникомъ раззоренія. Разсчет-

ливый человѣкъ долженъ отвергнуть всякую мысль о принужденіи въ этомъ случаѣ: опасенія, приводящія къ этой мысли, пусты; но ея исполненіе вело бы къ послѣдствіямъ очень дурнымъ. Изъ нихъ мы указали только одно: разстройство крестьянскихъ хозяйствъ отняло бы у крестьянъ возможность исправно выплачивать выкупъ. Нѣтъ нужды подробно говорить о другихъ, еще гораздо худшихъ.

2) *Опредѣленіе надѣла землею.*

Мы слышимъ много разныхъ предложеній о томъ, сколько дать земли крестьянамъ. Многіе говорятъ, что каждой мѣстности надобно дать на душу, или на тягло, извѣстную пропорцію земли, которая почти всѣми такими проектами опредѣляется въ объемѣ гораздо меньшемъ нынѣшняго надѣла. Полагаютъ, напримѣръ, дать, считая вмѣстѣ съ усадьбою, всего 1 или $1^1/_2$ десятины на душу, или 3—4 десятины на тягло. Зачѣмъ же такое уменьшеніе размѣра до величины, явно недостаточной къ пропитанію крестьянъ? У нѣкоторыхъ есть желаніе присвоить себѣ часть крестьянской земли. Но число такихъ своекорыстныхъ людей, надобно сказать къ чести помѣщиковъ, очень невелико. Обыкновенно предполагаютъ уменьшить крестьянскій надѣлъ для того, чтобы у крестьянина была необходимость наниматься для обработки господскихъ полей. «Нашъ крестьянинъ лѣнивъ и безпеченъ. Если вы ему дадите столько земли, чтобы она кормила его и давала уплату податей, онъ, обработавъ ее, все остальное время пролежитъ на боку и ни за какія деньги не пойдетъ на работу. Мы не найдемъ работниковъ для своихъ полей, которыя запустѣютъ. Потому-то и нельзя оставить крестьянамъ столько земли, сколько теперь есть у нихъ.»

Не обманываютъ ли насъ глаза и уши? Дѣйствительно ли мы читали и слышали подобныя мысли? О комъ это говорится, что онъ лѣнивъ? О какомъ нибудь итальянцѣ или арабѣ? Нѣтъ, о русскомъ мужикѣ. Почему жь бы не говорить также, что у русскаго мужика бѣлыя руки съ изящно обточенными ногтями, что онъ любитъ играть въ преферансъ, что онъ обыкновенно обѣдаетъ на фарфоровомъ сервизѣ? Почему бы также не говорить, что онъ исповѣдуетъ магометанскую вѣру или читаетъ книги на англійскомъ языкѣ? Вѣдь это было бы менѣе нелѣпо, нежели говорить о его лѣности. Нѣтъ въ Европѣ народа болѣе усерднаго къ работѣ, потому что нѣтъ народа, который жилъ бы въ климатѣ болѣе суровомъ, требующемъ больше труда для огражденія существованія. Развѣ только въ сѣверныхъ частяхъ Швеціи зимы такъ суровы, какъ у насъ, даже дале-

ко на югъ отъ Москвы. Если бы русскій мужикъ работалъ не усерднѣе француза или нѣмца, вся Россія замерзла бы, умерла бы съ голода. Кому изъ европейскихъ поселянъ нужно денегъ больше, нежели русскому мужику? Кому изъ европейскихъ поселянъ нуженъ тулупъ? Наша суровая природа не потворствуетъ лѣни.

Наши учрежденія таковы, что вольному мужику нужно работать безъ отдыха круглый годъ, чтобы хоть какъ нибудь свести концы съ концами. У кого на рукахъ болѣе многочисленная семья? У какого народа изъ каждыхъ двухъ братьевъ одинъ кормитъ двѣ семьи, потому что другой взятъ рекрутчиной? Грѣхъ намъ и стыдно говорить о недостаткѣ охоты къ работѣ у русскаго мужика. Мы, просвѣщенные люди, точно, руководимся пословицей: «дѣло не волкъ— въ лѣсъ не убѣжитъ»; мы, точно, просиживаемъ изо дня въ день, чуть не съ обѣда, чуть не до утра, за картами. Правда, гдѣ же и понять такимъ людямъ, какъ мы, русскаго мужика? Мы напрасно сказали, что грѣхъ и стыдно намъ считать его лѣнивымъ: въ нелѣпой сказкѣ объ его лѣни выразилось только то, что мы понимаемъ качества другихъ классовъ сообразно нашей собственной натурѣ. Другаго объясненія нѣтъ нашей клеветѣ.

Но если наши привычки лѣнивы и испорчены, то должна же оставаться въ насъ, по крайней мѣрѣ, хоть капля здраваго смысла. И должны же мы, хоть по себѣ судя, знать, что отъ денегъ никто не отказывается. Что̀ за нелѣпость воображать, будто не будетъ работниковъ сколько угодно на всякое честное дѣло, за которое предлагаютъ деньги? Гоголевская Коробочка, вѣроятно, предположила бы, что если ея Фетинья отойдетъ на волю, то не найдется для нея наемной прислужницы. Какъ бы умны и образованы ни казались люди, опасающіеся, что мужикъ не пойдетъ работать, если ему земли дать сколько слѣдуетъ, эти люди не лучше Коробочки.

Нынѣшній надѣлъ крестьянъ таковъ, что они кончаютъ обработку своихъ полей не больше, какъ въ три дня, а часто и меньше, потому что во многихъ помѣстьяхъ не оставляютъ имъ и трехъ законныхъ дней. Что̀ же они станутъ дѣлать въ остальные три дня? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, лежатъ на печи? Полноте! вѣдь вы не дѣти и говорите не съ дѣтьми.

Уменьшать нынѣшній крестьянскій надѣлъ для того, чтобы не остаться помѣщику безъ работниковъ, нѣтъ никакой надобности. Ни въ одномъ изъ тѣхъ селеній, гдѣ нынѣ есть господская запашка, не останется она безъ работниковъ, хотя бы не только оставить нынѣшній надѣлъ, но и увеличить его. «Былъ бы хлѣбъ, зубы будутъ». Была бы надобность въ работникахъ, найдется ихъ вдоволь, найдется ихъ гораздо больше, нежели нужно. Кромѣ надобности въ

работникахъ, другихъ причинъ для уменьшенія крестьянскаго надѣла никто не отваживался и выставлять. Уменьшать нынѣшній надѣлъ крестьянъ нѣтъ нужды; посмотримъ, есть ли возможность уменьшить его.

Если я не смотрю на послѣдствія, я могу сдѣлать все, что̀ захочу. Я могу взять ножъ и зарѣзать кого мнѣ угодно; я могу взять дубину и прибить кого мнѣ угодно. Но что̀ хорошаго будетъ изъ этого для меня? Мнѣ самому прійдется очень плохо. Потому, когда говорятъ, что мнѣ нельзя дѣлать того или другаго, это значитъ только, что если я хочу сберечь свою шкуру, то я не сдѣлаю того или другаго.

Почему комитеты признали невозможнымъ освобожденіе безъ земли? Потому что національное чувство было бы возмущено такимъ освобожденіемъ, потому что оно непреклонно хочетъ сохраненія земли за крестьяниномъ. Какую же землю хочетъ сохранить оно за крестьяниномъ? Ту, которой онъ теперь владѣетъ,—ту самую землю, въ томъ самомъ объемѣ, тѣ самые участки. Національное чувство не принимаетъ тутъ никакихъ тонкостей и подраздѣленій, никакихъ обрѣзываній и переносовъ. Одно изъ двухъ: если можно итти противъ него, такъ нечего было и церемониться; зачѣмъ было говорить, что освобожденіе безъ земли невозможно? А если раздражать національное чувство нельзя, то нельзя и уменьшать нынѣшняго надѣла, нельзя и переносить крестьянскихъ участковъ принудительнымъ образомъ съ одного мѣста на другое: эти уменьшенія и перемѣны были бы точно такъ же противны національному чувству, какъ и освобожденіе безъ земли. Не стоитъ дѣлать дѣла на половину; не стоитъ пожимать человѣку руку правой рукой и въ то же время давать ему толчки лѣвой: вѣдь все равно, вы раздражите его, такъ ужь лучше или бейте его обѣими руками безъ всякихъ дипломатичностей, или сохраните съ нимъ доброе согласіе. Если освобождать крестьянъ съ землею, то сохраняйте нынѣшній надѣлъ; иначе, не достигнете своей цѣли, не удовлетворите національному чувству.

«Но, при сохраненіи нынѣшняго надѣла, могутъ встрѣчаться неудобства отъ черезполосицы». Подобное возраженіе мы уже видѣли при вопросѣ о перенесеніи усадебъ. Но тутъ черезполосица, сколько нибудь неудобная, встрѣчается еще гораздо рѣже, нежели въ расположеніи усадебъ. Будемъ же смотрѣть на это дѣло сообразно дѣлу объ усадьбахъ. Если освобожденіе крестьянъ совершится способомъ сколько нибудь удовлетворительнымъ для національнаго чувства, признательность поселянъ къ помѣщикамъ будетъ безгранична. Тотъ не знаетъ человѣческаго сердца, кто не увѣренъ, что поселяне ста-

нутъ охранять тогда помѣщика и его имущество, какъ вѣрнѣйшія дѣти. Тогда, если гдѣ и останется черезполосица, она будетъ скорѣе выгодна, нежели убыточна помѣщику. Крестьянскій участокъ, входящій клиномъ въ господское поле, будетъ только привлекать поселянина къ болѣе сподручной обработкѣ этого поля за сходнѣйшую цѣну. А если гдѣ будетъ дѣйствительное неудобство, оно будетъ одинаково для обѣихъ сторонъ; крестьяне сами безъ всякаго принужденія убѣдятся въ немъ такъ же легко, какъ и помѣщикъ. Русскій мужикъ человѣкъ не глупый и не безразсчетный. Онъ самъ предложитъ вамъ обмѣнъ участка, когда потребуетъ обмѣна его удобство. А дѣло тутъ такого рода, что неудобство для помѣщика бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть неудобство и для мужика. Итакъ, эти случаи вовсе не нуждаются въ принудительныхъ правилахъ: всѣ они очень легко отстранятся добровольнымъ соглашеніемъ послѣ освобожденія. Надобно заботиться только о томъ, чтобы освобожденіе сдѣлалось безъ проволочекъ и удовлетворило національному чувству.

Если смотрѣть на дѣло съ этой стороны, которая одна практична, то надобно не пожалѣть части лѣса, потребной для снабженія крестьянъ всѣмъ нужнымъ. Вѣдь до сихъ поръ, если былъ у помѣщика лѣсъ, крестьяне пользовались имъ, и лишить ихъ этой выгоды значило бы въ сущности обрѣзать настоящій размѣръ ихъ пользованія угодьями. На самомъ дѣлѣ потери помѣщику не будетъ тутъ никакой: вѣдь до сихъ поръ не въ его пользу, а въ пользу крестьянъ росла и стояла та часть лѣса, которая шла на удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ. Сказать, что я не буду пользоваться тѣмъ, чѣмъ до сихъ поръ пользовались другіе, а не я, — тутъ нѣтъ никакого уменьшенія моему прежнему пользованью.

Какъ надобно рѣшить дѣло о той части лѣса, которою пользовались крестьяне, такъ надобно рѣшить его и о другихъ угодьяхъ, которыми они пользовались, во всѣхъ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ кромѣ пахотной земли, луговъ и лѣса, есть другія угодья. Въ серьёзныхъ дѣлахъ не слѣдуетъ играть словами; не слѣдуетъ толковать ихъ въ иномъ смыслѣ, кромѣ дѣйствительнаго. Что̀ такое въ сущности разумѣлось до сихъ поръ подъ надѣломъ крестьянъ? Разумѣлась вся та сумма угодій, которыми они пользовались. Смыслъ дѣла лежитъ въ размѣрѣ пользованія, а не въ томъ, какъ называются извѣстныя угодья — государственными, господскими или крестьянскими. Пользовался угодьемъ тотъ, кто имъ пользовался, Такъ и должно остаться относительно лѣсовъ, рыбныхъ ловлей и т. п.; иначе, сумма пользованія уменьшилась бы, то есть уменьшился бы надѣлъ.

Если вести освобожденіе крестьянъ съ цѣлью удовлетворить національное чувство, надобно вести его такъ, чтобы національное чувство дѣйствительно было удовлетворено. Въ большей части помѣстьевъ крестьяне не жалуются на нынѣшній надѣлъ, и потому-то надобно принимать его общею нормою. Но былъ бы нарушенъ смыслъ дѣла, то есть удовлетвореніе національному чувству, если бы надѣлъ не былъ приведенъ къ соотвѣтствію съ нимъ въ тѣхъ помѣстьяхъ, гдѣ нынѣшній надѣлъ служилъ причиною справедливыхъ жалобъ по своей недостаточности. Впрочемъ, повторяемъ, что это частный случай, и нетрудно рѣшить его въ справедливомъ смыслѣ, если все дѣло вообще будетъ ведено съ желаніемъ достичь справедливости.

Въ частномъ случаѣ, о которомъ мы упомянули, особеннаго вниманія заслуживаютъ луга. Надѣлъ ими крестьянъ чаще бывалъ неудовлетворителенъ, нежели надѣлъ другими угодьями. И тутъ справедливость со стороны помѣщиковъ должна обратиться въ ихъ собственную пользу. Благосостояніе поселянъ—необходимое условіе для того, чтобы цѣны хлѣба установились выгодныя для помѣщиковъ. Достаточное снабженіе лугами — самая важная вещь для лучшаго устройства крестьянскихъ хозяйствъ. Уступая десятину луга крестьянину, помѣщикъ избавляетъ его отъ необходимости спускать на полтину цѣну четверти хлѣба; а съ цѣною крестьянскаго хлѣба понижается или повышается и цѣна господскаго. Выгода отъ лишней полтины за четверть далеко перевыситъ для помѣщика цѣну льготы, которую онъ оказалъ поселянину въ надѣлѣ землею.

Въ самомъ дѣлѣ, если смотрѣть на размѣръ крестьянскаго надѣла со стороны выгодъ помѣщика, выводъ окажется точно такой же, какъ и тогда, какъ если смотрѣть на это дѣло со стороны требованій національнаго чувства. Если только помѣщики захотятъ сообразить истины, доказанныя политической экономіей, они сами не захотятъ уменьшать крестьянскаго надѣла. Дѣло рѣшенное, что въ Россіи невозможно уничтожить крестьянскія земледѣльческія хозяйства, невозможно сдѣлать такъ, чтобы простолюдины не были сами производителями хлѣба на своихъ участкахъ, а были только наемными батраками, какъ въ Англіи. А если уже крестьянинъ необходимо остается производителемъ хлѣба, то выгода другихъ производителей, т. е. помѣщиковъ, требуетъ, чтобы ему не было необходимости сбивать цѣну на хлѣбъ вообще. А если крестьянинъ будетъ въ нуждѣ, онъ станетъ продавать свой хлѣбъ въ убытокъ себѣ, стало быть подрывать цѣну и на помѣщичій хлѣбъ. Только обезпечивъ крестьянина, помѣщики обезпечатъ и свое хозяйство. Разсчитывать иначе было бы очень недальновиднымъ разсчетомъ.

3. Основанія и размѣръ вознагражденія.

Крѣпостное право такъ противно здравому экономическому разсчету, что приводитъ къ цифрамъ, рѣшительно не согласнымъ одна съ другою. Возьмемъ одинъ примѣръ. Намъ говорятъ, что въ губерніяхъ, гдѣ средняя пропорція земли у помѣщиковъ 11 десятинъ на душу, земля продается по 40 руб. за десятину. Попробуйте же спросить, за сколько можно купить помѣстье въ этихъ сторонахъ. Вамъ отвѣчаютъ: по 250, много по 300 руб. за душу. Скажите же, что̀ это за нелѣпость? При 100 душахъ находится 1,100 десятинъ земли, каждая десятина стоитъ 40 руб., стало быть, вся земля стоитъ 44,000 руб.: за сколько же можно купить это помѣстье? Его можно купить за 25.000 руб., и дороже 30,000 никто не дастъ. Какъ объяснить такую несообразность? А вотъ какъ. Вся ли дача находится въ пользованіи у помѣщика? Нѣтъ, далеко не вся: десятинъ 400, или даже 500 отданы въ пользованіе крестьянамъ, и съ этихъ десятинъ помѣщикъ не получаетъ ни одного зерна хлѣба. Если онъ захочетъ отнять у крестьянъ ту или другую десятину, она будетъ имѣть цѣну для него; но пока она у крестьянъ, онъ не владѣетъ ею, не получаетъ съ нея дохода. Стало быть, при продажѣ цѣлаго помѣстья, сколько десятинъ идутъ въ цѣну? Идутъ въ цѣну только тѣ десятины, которыя остаются въ пользованіи помѣщика, а крестьянскій надѣлъ въ цѣну помѣстья вовсе и нейдетъ; эта часть земли, отданная крестьянамъ, какъ будто лежитъ подъ секвестромъ, она безполезна для самого помѣщика. Разумѣется, мы говоримъ о тѣхъ помѣстьяхъ, которыя на барщинѣ: вся ихъ цѣнность ограничивается цѣною земли, остающейся въ пользованіи помѣщика, да степенью пользы, какую онъ получаетъ отъ обязательнаго труда. Теперь, слава Богу, помѣщики поняли, что обязательный трудъ приносилъ имъ не пользу, а чистый убытокъ: если, напримѣръ, при немъ оборотнаго капитала на десятину господскаго поля нужно было имѣть 3 руб., за то и дохода съ десятины получалъ помѣщикъ только 12 руб., т. е. чистой выгоды оставалось ему только 9 р.; а если бы земля обработывалась вольнымъ трудомъ, тогда, съ прибавкою 4 р. расхода на наемъ работниковъ, обработка десятины обходилась бы въ 7 р., за то десятина давала бы дохода, по крайней мѣрѣ, 20 р., т. е. чистой выгоды оставалось бы 13 р. Такимъ образомъ, обязательный трудъ, производя сбереженіе въ 4 руб. на расходѣ, производитъ 8 р. уменьшенія въ доходѣ, т. е. въ концѣ концовъ даетъ чистаго убытка помѣщику 4 р. Этотъ убытокъ производится небрежностью обработки, безрасчет-

ностью въ употребленіи труда и во всемъ хозяйствѣ и, наконецъ, низкостью цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, — все это необходимыя принадлежности обязательнаго труда. Слава Богу, помѣщики поняли это, и, кромѣ немногихъ, слишкомъ недальновидныхъ людей, всѣ находятъ прямую выгоду себѣ въ отмѣнѣ крѣпостнаго права на личность безъ всякаго вознагражденія. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, выгоднѣйшая разсчетливость совпадаетъ со справедливостью и благородствомъ. Итакъ, право на личность въ барщинныхъ имѣніяхъ, по согласію самихъ помѣщиковъ, рѣшено отмѣнить безъ всякаго вознагражденія. Въ чемъ же остается вся цѣнность имѣнія? Она остается въ той части земли, которая до сихъ поръ находилась въ пользованіи помѣщика. Увеличивается или уменьшается эта цѣнность черезъ отмѣну другаго элемента, которымъ уменьшался чистый доходъ? Конечно, увеличивается: теперь помѣщикъ будетъ получать съ каждой десятины своихъ полей на цѣлую треть или даже на половину больше того, что получалъ прежде. Ясно, что и продажная цѣнность этой земли увеличится соразмѣрно тому. Возвратимся къ прежнему примѣру. Цѣнность помѣстья, имѣвшаго 1,100 дес., была 25,000 руб., а каждая дес. стоила 40 руб. Это значитъ, что у помѣщика было въ пользованіи 625 дес. и только онѣ однѣ составляли цѣну; а остальныя 475 дес., отданныя во владѣніе крестьянамъ, ничего не прибавляли къ цѣнности другой половины (*). Но цѣна части, остававшейся у помѣщиковъ и составлявшей всю стоимость помѣстья, была сообразна доходу, получавшемуся при обработкѣ крѣпостнымъ трудомъ. Положимъ, что главный доходъ состоялъ въ земледѣліи и что господской запашки въ трехъ поляхъ было 220 дес. (около двухъ дес. въ полѣ на тягло). Съ этихъ 220 дес., по 9 руб. чистаго дохода отъ дес., получалось 1,980 руб. Это значитъ, что продажная цѣна помѣстья (25,000 руб.) опредѣлялась капитализаціею дохода въ 8 проц. Съ отмѣною обязательнаго труда десятина запашки будетъ давать 13 руб. Это значитъ, что отъ земледѣлія въ прежнемъ размѣрѣ получится дохода 2,860 руб.; капитилизаціи въ 8 проц. это составило бы цѣнность помѣстья въ 35,650 руб. Такимъ образомъ, хотя число десятинъ въ помѣстьѣ номинально уменьшилось черезъ освобожденіе крестьянъ, но часть помѣстья, оставшаяся у помѣщика, получаетъ гораздо большую цѣнность, нежели по какой можно было продать все помѣстье до освобожденія крестьянъ.

(*) Точно также и усадьбы въ барщинныхъ имѣніяхъ не даютъ помѣщику ни гроша дохода, слѣдовательно ни на одинъ рубль не входятъ въ цѣнность помѣстья. Уже по одному этому не слѣдуетъ класть за нихъ выкупа, не говоря о томъ, что онѣ построены вообще самими крестьянами.

Если брать предметъ только съ этой стороны, то очевидно, что въ земледѣльческихъ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ, помѣщики прямо выигрывали бы, отказываясь безъ всякаго вознагражденія и отъ крѣпостнаго труда и отъ всей части помѣстья, употреблявшейся исключительно на пропитаніе этого обязательнаго труда, т, е. освобождая крестьянъ съ нынѣшнимъ надѣломъ безъ всякаго вознагражденія; слѣдовательно, они, по справедливости, могли бы требовать съ крестьянъ вознагражденія только тогда, когда бы при освобожденіи надѣлъ увеличивался противъ размѣра, въ которомъ нынѣ крестьяне пользовались пахотною землею, лѣсомъ и другими угодьями. За эти прибавки, составляющія вычетъ изъ продажной цѣны помѣстья, конечно, слѣдовало бы брать настоящую продажную цѣну. Дай Богъ, чтобы такихъ прибавокъ было больше. Но мы говоримъ не о нихъ—онѣ все-таки будутъ только исключеніемъ изъ общаго правила—мы говоримъ о выкупѣ при освобожденіи съ настоящимъ надѣломъ, который не входитъ въ продажную цѣну: съ его отпаденіемъ цѣнность имѣнья не уменьшается, а развѣ увеличивается. Погрязнувъ въ крѣпостномъ правѣ, мы всосали такъ много фальшивыхъ понятій; мало и плохо учившись, мы остались такъ чужды самымъ простымъ экономическимъ истинамъ, что взглядъ,здѣсь изложенный,можетъ показаться новъ или сомнителенъ для нѣкоторыхъ. «Какже можно, чтобы помѣстье, имѣвшее 1,100 дес., не потеряло ни копѣйки изъ своей продажной цѣны, когда межа его уменьшается на столько, что остается въ немъ всего только 625 дес.?» А вотъ какъ это бываетъ. Если бы, напримѣръ, остальныя 475 дес. были заняты трясинным болотомъ, то цѣнность помѣстья не уменьшилась бы, а, напротивъ, увеличилась, если бы вся эта трясина провалилась сквозь землю: тогда она, по крайней мѣрѣ, не заражала бы своими тлетворными міазмами остальной моей земли, въ ней не пропадалъ бы мой скотъ. Крѣпостное право—это гнусная, тлетворная трясина, которая не только совершенно отняла изъ цѣнности имѣнья всю землю, отданную подъ прокормленіе крѣпостнаго населенія, но и значительно понизила цѣнность остальной земли, которая взята въ личное пользованіе помѣщикомъ.

Или вотъ еще что: умные люди говорятъ, что владѣніе Ломбардскимъ королевствомъ не усиливало, а ослабляло Австрію. А вѣдь въ Ломбардскомъ королевствѣ нѣсколько милліоновъ десятинъ превосходнѣйшей земли и нѣсколько милліоновъ жителей;между тѣмъ, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что Австрія, отказавшись отъ Ломбардіи, стала богаче и сильнѣе. Ясно ли, что не всякое расширеніе межи выгодно, не всякое умяньшеніе пространства, называющагося моимъ, будетъ убыточно для меня? Какая мнѣ польза назы-

ваться господиномъ того участка, съ котораго я не получаю ни зерна?

Если смотрѣть только на эту сторону дѣла, нѣтъ надобности для помѣщика земледѣльческаго имѣнія ни въ какомъ выкупѣ за нынѣшній крестьянскій надѣлъ.

Но есть другая сторона въ этомъ дѣлѣ. Мы говорили, что чистый доходъ помѣщику отъ земледѣлія увеличится съ отмѣною крѣпостнаго труда; но долженъ увеличиться и размѣръ оборотнаго капитала, нужнаго на обработку каждой десятины. При крѣпостномъ трудѣ, для этого довольно было капитала въ 3 р., заключавшагося главнымъ образомъ въ цѣнности посѣва; теперь понадобится еще 4 р. на плату рабочимъ. Если спросить у любаго экономиста: кто обязанъ доставить оборотный капиталъ на улучшеніе предпріятія, когда это предпріятіе приноситъ выгоду исключительно мнѣ и находится въ полномъ моемъ хозяйствѣ? — отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію: достать оборотный капиталъ — личное дѣло хозяина; никто другой не обязанъ доставлять ему капитала, отъ котораго выгоду получитъ онъ одинъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что помѣщикъ легко можетъ получить взаймы незначительныя деньги, какія понадобятся на наемную работу, если не имѣетъ ихъ въ наличности. Такимъ образомъ, заботу о полученіи 880 рублей, которые потребуются для обработки наймомъ 220 десятинъ въ помѣстьѣ, служащемъ для насъ примѣромъ, слѣдуетъ оставить на самомъ помѣщикѣ; смѣшно было бы сказать, что владѣльцу 625 десятинъ, имѣющихъ цѣну по 40 рублей, трудно достать взаймы какіе нибудь 900 рублей. Но мнѣніе очень многихъ добросовѣстныхъ помѣщиковъ расходится съ кореннымъ понятіемъ науки: они думаютъ, что именно выкупъ долженъ доставить имъ деньги на обзаведеніе новымъ хозяйствомъ. Въ этомъ случаѣ, пожалуй, можно сдѣлать уступку предубѣжденію, потому что, какъ ни ясно свидѣтельствуетъ противъ него наука, ея доводы не перешли еще въ непреодолимое національное чувство и оно не возмутится отступленіемъ отъ точной справедливости, если государство согласится, что выкупъ долженъ доставить деньги, нужныя помѣщикамъ на введеніе наемной платы за обработку господскихъ полей. Можно полагать, что надобность эта простирается отъ 5 до 6 рублей на каждую десятину яроваго и озимаго полей господской запашки, то есть отъ 3 р. 50 коп. до 4 р. на каждую десятину въ трехъ поляхъ.

Есть еще другое обстоятельство, гораздо болѣе значительное въ денежномъ отношеніи. Помѣстья, болѣе, чѣмъ на половину, обременены долгами, между которыми важнѣйшую часть составляетъ долгъ въ кредитныя учрежденія. Есть мнѣніе, что въ вознагражденіе за

уступку крестьянамъ нынѣшняго надѣла помѣщики должны быть вознаграждены перенесеніемъ части опекунскаго долга на освобождаемыхъ крестьянъ. Многіе разсчетливые помѣщики полагаютъ сами, что этого вознагражденія будетъ очень достаточно и никакого другаго не нужно требовать помѣщикамъ. Но наука опять говоритъ, что долгъ по справедливости остается на томъ лицѣ, которое воспользовалось для своей выгоды или своего удовольствія деньгами, полученными въ долгъ. Если мы разсмотримъ употребленіе ссудъ, полученныхъ помѣщиками изъ кредитныхъ учрежденій, мы найдемъ, что бо́льшая часть, двѣ — трети или больше изъ этихъ денегъ пошли на удовлетвореніе личнаго расхода самихъ помѣщиковъ, желавшихъ вести образъ жизни, для котораго недоставало ихъ дохода; затѣмъ значительная часть была употреблена на покупку новыхъ помѣстій илина основаніе промышленныхъ заведеній, то есть опять-таки въ личную выгоду помѣщиковъ. Исключивъ эти двѣ статьи изъ суммы долга, мы увидимъ, что едва ли одна пятнадцатая, или, много, много одна двѣнадцатая часть его была обращена на пособіе крестьянамъ. По точному требованію науки, только эта часть долга, которою воспользовались крестьяне, должна быть перенесена на нихъ.

Но, говорятъ, если почти весь долгъ останется на той части помѣстья, которая собственно принадлежитъ помѣщику, а не крестьянамъ, эта господская половина не будетъ служить для кредитныхъ учрежденій достаточнымъ обезпеченіемъ по долговому взысканію. Такое мнѣніе неосновательно въ отношеніи къ земледѣльческимъ помѣстьямъ, состоящимъ на барщинѣ. Мы видѣли, что вся ихъ цѣнность зависѣла исключительно отъ одной той части земли, которая оставалась въ пользованіи помѣщика, а земля, бывшая въ крестьянскомъ надѣлѣ, нимало не увеличивала собою цѣнности помѣстья; слѣдовательно, если бы даже цѣна земли не поднялась по освобожденіи крестьянъ, часть помѣстья, остающаяся за владѣльцемъ, при сохраненіи нынѣшняго надѣла, представляла бы залогъ столь же достаточный, какъ прежде все помѣстье. Слѣдовательно, для обезпеченія уплаты кредитнымъ учрежденіямъ вовсе нѣтъ нужды переносить долгъ на крестьянъ.

Представляется еще другое основаніе для такого переноса. Говорятъ, что при заведеніи новаго хозяйства, съ наемною работою, доходы помѣщиковъ на годъ или на два могутъ подвергнуться затрудненіямъ отъ переходнаго состоянія и что поэтому было бы тяжело для помѣщиковъ взносить уплату въ кредитныя учрежденія въ это время хлопотливыхъ передѣлокъ по хозяйству. Безпристрастный человѣкъ едва ли признаетъ много основательности въ этомъ сооб-

раженіи. Въ большей части земледѣльческихъ губерній доходы помѣщика не только на два года, но и на одинъ день не подвергнутся никакому разстройству или замедленію отъ передѣлки хозяйства; напротивъ, съ перваго же года дадутъ противъ прежняго излишекъ, если освобожденіе совершится хорошо. Впрочемъ, если бы и принять это соображеніе въ полной его силѣ, оно вело бы вовсе не къ тому заключенію, какое дѣлаютъ изъ него произвольнымъ образомъ. Въ чемъ сущность соображенія? На два года доходы помѣщиковъ подвергаются нѣкоторому замедленію отъ передѣлки хозяйства; въ эти годы будетъ затруднительно дѣлать взносъ по долгамъ въ кредитныя учрежденія. Теперь спрашивается: какая же льгота была бы совершенно достаточною для устраненія этой трудности во всемъ ея предполагаемомъ размѣрѣ? О чемъ говоритъ само возраженіе? О трудности уплаты за два года. Итакъ, если дастся помѣщикамъ два года полной льготы въ уплатѣ, вся трудность уже устранена, вся жалоба уже удовлетворена въ полномъ своемъ размѣрѣ. Какъ дать эту двухлѣтнюю льготу, зависитъ уже отъ состоянія кредитныхъ учрежденій. Если они могутъ выдержать отсрочку платежей на два года, не о чемъ и говорить. Если же не могутъ, то, пожалуй, можно наложить за эти два года взносъ кредитнымъ учрежденіямъ на крестьянъ, хотя мы не видимъ, почему бы именно крестьяне должны были удовлетворять надобность кредитныхъ учрежденій по уплатѣ такого займа, которымъ воспользовались не они. Наложить нихъ эту тяжесть мы соглашаемся только потому, что она, по незначительности своего размѣра, вѣроятно, не возбудила бы споровъ.

Сведемъ же теперь весь итогъ выкупа по тому помѣстью, которое служитъ для насъ примѣромъ. Замѣтимъ при этомъ, что средняя величина опекунскаго долга составляетъ около 60 руб. на душу.

Пособія помѣщику на заведеніе хлѣбопашества съ наемной платой по 4 рубля на десятину господскихъ пахатныхъ полей, всего 220 десятинъ	880 руб,
Одна двѣнадцатая часть займа помѣщика изъ кредитныхъ учрежденій, употребленная въ пользу крестьянъ, т. е. изъ 60 рублей съ души 5 рублей, а со 100 душъ.	500 —
Въ пособіе помѣщику два годичные взноса въ кредитныя учрежденія, по 6% съ остальныхъ 55 рублей долга, съ души по 3 рубля 30 коп., за два года 6 руб. 60 коп., а со 100 душъ	660 —
Итого	2,040 руб.

Вотъ весь итогъ выкупа, какой, по нашему счету, приходилось бы взять отчасти казнѣ (660 рублей) съ крестьянъ вмѣсто помѣщика, отчасти помѣщику (1,380 рублей) съ крестьянъ деревни, имѣющей 100 душъ и состоящей на барщинѣ.

До сихъ поръ мы говорили объ имѣньяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Теперь посмотримъ на оброчныя имѣнія. Въ нихъ доходъ получается помѣщикомъ не отъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства, а отъ прямой уплаты денегъ крестьянами; слѣдовательно, и продажная цѣнность помѣстья возникаетъ изъ капитализаціи денежныхъ уплатъ, производимыхъ крестьянами, а не изъ земледѣльческаго дохода. Иначе сказать, основаніемъ для опредѣленія выкупа долженъ служить оброкъ. Итакъ, мы должны разсмотрѣть юридическую сущность оброка. По закону, оброкъ есть плата, взимаемая помѣщикомъ съ крестьянъ за увольненіе ихъ отъ обязательнаго воздѣлыванія господскихъ людей, по три дня въ недѣлю; иначе сказать, сущность оброчнаго положенія состоитъ въ томъ, что помѣщикъ передаетъ крестьянамъ ту часть земли, какая могла бы остаться въ собственномъ его пользованіи, за надѣломъ крестьянъ землею по нормѣ барщинныхъ помѣстій, и беретъ съ нихъ сумму чистаго дохода, приносимаго этою собственно господскою частью земли. Спрашивается теперь: чѣмъ должна опредѣляться величина законнаго оброка? Величиною земледѣльческой прибыли съ такого числа десятинъ, какое могли бы крестьяне обработать на господскихъ поляхъ. Какова же величина этого дохода? Крестьяне при барщинѣ должны бы работать на себя такіе же три дня, какъ и на барина; слѣдовательно, величина дохода съ господскихъ полей никакъ не могла бы превышать половины того, что они получаютъ отъ земледѣльческихъ работъ, пользуясь всею землею и всѣми днями. Итакъ, если при освобожденіи вся земля, находящаяся въ дачѣ оброчнаго помѣстья, остается, по нынѣшнему, за крестьянами, то выкупъ этого помѣстья долженъ опредѣляться по слѣдующей нормѣ:

Во-первыхъ, надобно опредѣлить, сколько земли могло бы оставаться для господской запашки, за достаточнымъ надѣломъ земли крестьянамъ. Для этого надобно изъ всего пространства полей вычесть пространство, которое можетъ быть обработано въ 3 дня, составляющіе собственность крестьянъ. Остатокъ покажетъ, какой размѣръ могла бы имѣть въ томъ селѣ господская запашка. Положимъ, напримѣръ, что тягло обработываетъ во всѣ 6 дней по 4 десятины въ полѣ, то есть, что въ 3 дня, составляющіе собственность крестьянина, тягло могло бы обработать 2 десятины: ясно, что остальныя двѣ десятины могли бы составлять господскую запаш-

ку. Мы взяли такой примѣръ, когда земли у деревни вдоволь и крестьяне обработываютъ ея столько, на сколько у нихъ силъ хватитъ. Въ такомъ случаѣ господская запашка могла бы имѣть размѣръ запашки, производимой въ 3 дня, т. е. могла бы составлять ровно половину всего количества земли, обработываемой въ 6 дней. Если же земли недостаточно, то, за вычетомъ пространства, которое должны бы обработывать крестьяне на себя въ три дня, остатокъ будетъ, конечно, менѣе половины. Напримѣръ, если вся запашка цѣлыхъ 6 дней составляетъ только $3^1/_2$ десятины на тягло, то, за вычетомъ 2 десятинъ, приходящихся на 3 крестьянскіе дня, остается только $1^1/_2$ десятины.

Опредѣливъ такимъ образомъ пространство возможной господской запашки, надобно опредѣлить чистый доходъ съ нея. Для этого надобно изъ валоваго дохода вычесть всѣ расходы на обработку, т. е. цѣнность посѣва, цѣнность удобренія, ремонтъ земледѣльческихъ орудій и наемную плату работникамъ. За этими вычетами изъ валоваго дохода останется, какъ мы сказали, чистый доходъ, какой могло бы доставлять, по закону, это имѣніе своему помѣщику. Капитализируя эту законную величину по проценту, принимаемому въ данной мѣстности за процентъ средняго дохода съ помѣстій, мы получимъ законную цѣнность оброчнаго имѣнія.

Для ясности произведемъ такое дѣйствіе надъ селомъ, которое принималось у насъ состоящимъ на барщинѣ. Положимъ теперь, что оно состоитъ на оброкѣ, и сдѣлаемъ оцѣнку выкупа.

При оброчномъ положеніи, вся земля отдана крестьянамъ и всѣ шесть дней они работаютъ на себя. Въ три дня они успѣвали обработать въ трехъ поляхъ 220 десятинъ, слѣдовательно въ шесть дней обработаютъ 440 десятинъ. Чистый доходъ съ каждой десятины при нынѣшнемъ положеніи 9 рублей; итого крестьяне получаютъ отъ земледѣлія чистаго дохода 3,960 рублей. Господская запашка тутъ имѣетъ такой же размѣръ, какъ крестьянская, то есть изъ всего дохода половина составляетъ оброкъ. Итакъ, законная величина оброка 1,980 руб. Капитализируя эту цѣнность по 8 проц., мы получаемъ 24,750 руб., какъ законную величину выкупа; а капитализируя по $7^1/_2$ проц., получаемъ 26,400 р. Продажная цѣнность всего помѣстья была около 25,000 руб. Итакъ, цифра вознагражденія, принятая нами, какъ нельзя точнѣе соотвѣтствуетъ продажной цѣнности имѣнія. Такъ и слѣдуетъ быть, когда все имѣніе остается въ рукахъ у крестьянъ. Изъ этого соотвѣтствія мы видимъ, что способъ для опредѣленія законной величины оброка принятъ нами совершенно правильный.

Но мы предположили состоящимъ на оброкѣ имѣніе съ 11 десятинами хлѣбородной земли на душу. Такихъ оброчныхъ имѣній едва ли найдется въ цѣлой Россіи десятка полтора. Извѣстно, что, за исключеніями, чрезвычайно немногочисленными, имѣніе переводится съ барщины на оброкъ только тогда, когда земли слишкомъ мало или когда она неудобна для хлѣбопашества. Подъ тотъ или другой изъ этихъ случаевъ подходятъ 99 изъ 100 оброчныхъ имѣній. Въ нихъ цифры законнаго выкупа совершенно не таковы, какъ въ приведенномъ нами исключительномъ случаѣ оброчнаго имѣнія съ достаточнымъ количествомъ хлѣбородной земли. Если, напримѣръ, земля хлѣбородна, но количество ея мало, напримѣръ, всего 5 десятинъ на душу, какой выводъ получится тогда? За вычетомъ усадебъ, луговъ и такъ далѣе, остается пахатныхъ полей всего только 250 десятинъ или даже меньше. Изъ этой земли для надѣла крестьянамъ, считая менѣе $1^1/_2$ десятины въ полѣ на тягло — надѣлъ не совсѣмъ удовлетворительный, —и, считая въ 100 душахъ 40 тяголъ, понадобилось бы 180 десятинъ. Значитъ, для господскихъ полей оставалось бы едва ли 70 десятинъ. Съ нихъ, по 9 руб., чистаго дохода было 630 руб. Капитализируя эту цѣнность по 8 проц., мы получили бы всю величину выкупа только въ 7,875 руб. Спросимъ теперь: много ли найдется оброчныхъ имѣній, которыя имѣли бы $2^1/_2$ десятины запашки хлѣбородной земли на душу, то есть болѣе 6 десятинъ на тягло? А если запашка меньше, то и мѣста для господскихъ полей останется меньше, а слѣдовательно меньше останется земли, съ которой бы могъ считаться законный оброкъ.

Это еще хорошій случай, когда есть хоть сколько нибудь хлѣбородной земли: тутъ для законнаго оброка можетъ оказаться нуль, по крайней мѣрѣ не получается отрицательныхъ цифръ. Напротивъ, если земля въ помѣстьи такова, что обработка ея не даетъ чистаго дохода, или даже доходомъ не окупаются издержки производства, то получаются отрицательныя цифры. Напримѣръ, если цѣнность производства 15 руб. на десятину, а весь валовой доходъ 13 руб., то съ каждой десятины получается 2 руб. убытка, и если бы помѣщикъ нашего примѣрнаго села въ 100 душъ вздумалъ на такой землѣ получать доходъ отъ земледѣлія, то есть держать крестьянъ на барщинѣ, то съ его полей не осталось бы ему ни зерна хлѣба на продажу, за прокормленіемъ крестьянъ, и, сверхъ того, онъ долженъ былъ бы давать изъ своего кармана еще 880 руб. на прокормленіе крестьянъ, потому что со всѣхъ 440 десятинъ господскихъ и крестьянскихъ полей получалось бы валоваго дохода только 5,740 руб. (по 13 руб.); а на прокормленіе крестьянъ было бы нужно 6,600 руб. (эта сумма, разложенная на десятины, даетъ 15 руб. на десятину из-

держекъ производства). Какова цѣнность имѣнія, законный оброкъ съ котораго равняется ежегодному убытку въ 880 руб.? Считая по 8 проц., мы увдиимъ, что этотъ ежегодный убытокъ равняется одновременной уплатѣ 11,000 руб. Иначе сказать, помѣщику было бы выгодно не только задаромъ отказаться отъ такого помѣстья, но и заплатить изъ своего кармана довольно значительную сумму, лишь бы отвязаться отъ него.

Не каждый изъ насъ привыкъ переводить математическія уравненія на языкъ житейскаго разговора; но кто привыкъ, тотъ знаетъ, какой смыслъ имѣютъ отрицательныя цифры, оказывающіяся для выкупа въ большей части оброчныхъ имѣній. Что такое означаетъ отрицательный выкупъ, то есть платежъ отъ помѣщика крестьянамъ? Мы скажемъ, что онъ означаетъ, и замѣтимъ, что смыслъ нашихъ словъ очень важенъ, потому что они очень серьёзны:

Крѣпостное право состоитъ въ присвоеніи владѣльцу земли власти принуждать поселенныхъ на этой землѣ крестьянъ къ земледѣльческой работѣ въ личную его пользу. Замѣтимъ слова: «къ земледѣльческой работѣ». Да, только къ ней, ни къ какой другой. Даже по судебной и полицейской практикѣ изъ крѣпостнаго права вытекаетъ только земледѣльческая работа, — никакая другая. Доказать это легко. Предположимъ, что портной или сапожникъ изъ крѣпостныхъ людей, жившій въ городѣ и платившій оброкъ, является въ деревню и говоритъ помѣщику: «Я не хочу заниматься своимъ ремесломъ и платить оброкъ.» Можетъ ли помѣщикъ сказать, что этотъ крестьянинъ не исполнитъ своихъ крѣпостныхъ обязанностей, если будетъ исправно ходить на барщину? Спросите исправника, становаго, уѣзднаго судью: всѣ скажутъ, что если крестьянинъ готовъ итти на барщину, онъ исполняетъ свою обязанность, и помѣщикъ не можетъ жаловаться на него за то, что онъ только земледѣлецъ, а не ремесленникъ. Слѣдовательно, если оброкъ получается съ какого нибудь другаго занятія, кромѣ земледѣлія, онъ является только произвольною замѣною земледѣльческой барщины, которая одна установлена закономъ какъ принадлежность крѣпостнаго права. Что же теперь? Если есть помѣстья, въ которыхъ, или по малоземелью, или по безплодію почвы, веденіе земледѣльческаго хозяйства на основаніи крѣпостнаго права или не можетъ давать порядочнаго дохода помѣщику, или даже не можетъ прокармливать крестьянъ и, слѣдовательно, обращается въ убытокъ помѣщику, — если есть такія помѣстья, что изъ того слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что законное крѣпостное право, то есть обработка земли обязательнымъ трудомъ, не примѣняется къ такимъ помѣстьямъ: они не имѣютъ

экономической возможности существовать при немъ; они выходятъ за границы, которыми законъ опредѣляетъ крѣпостное право. Какъ бы ни думалъ кто изъ насъ о крѣпостномъ правѣ, но въ этихъ помѣстьяхъ происходитъ нѣчто противное даже крѣпостному праву. А кромѣ крѣпостнаго права нашъ законъ не признаетъ другихъ основаній для права на личность. Итакъ, если есть въ какихъ нибудь оброчныхъ помѣстьяхъ такой оброкъ, который выше дохода, доставляемаго въ тѣхъ помѣстьяхъ земледѣліемъ, этотъ оброкъ есть нарушеніе крѣпостнаго права, и весь излишекъ оброка надъ земледѣльческимъ доходомъ не имѣетъ юридическаго основанія и существуетъ только какъ злоупотребленіе. Только земледѣльческій трудъ подлежитъ крѣпостному праву, въ законномъ смыслѣ слова; только на цѣнности, доставляемыя земледѣльческимъ трудомъ, простирается крѣпостное право. За этимъ предѣломъ денежные сборы лишены юридическаго основанія.

Изъ этого мы видимъ, какъ незначительны должны оказаться законныя цифры выкупа въ оброчныхъ имѣніяхъ. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земледѣльческимъ трудомъ едва могли бы кормиться сами поселяне, крѣпостное право въ законномъ размѣрѣ своемъ не давало бы почти никакого дохода, слѣдовательно и цѣнность помѣстій, при законномъ пользованіи ими, представлялась бы ничтожнѣйшею цифрой,

Мы ошиблись, во многихъ оброчныхъ помѣстьяхъ цифры были бы значительны, очень значительны, но имѣли бы отрицательный знакъ, что мы уже видѣли.

Впрочемъ, мы до сихъ поръ еще не объяснили именно того, что взялись объяснить — не объяснили смысла отрицательныхъ величинъ въ переводѣ ихъ съ ариѳметическаго языка на разговорный. Вотъ каковъ этотъ смыслъ. Человѣкъ, принимающій дѣло убыточное въ своей законной формѣ, или неразсчетливъ (и за неразсчетливость свою долженъ нести убытки), или намѣренъ вести дѣло какимъ нибудь другимъ путемъ, мимо законнаго (слѣдовательно, долженъ подвергнуться отвѣтственности по закону.)

Дѣло въ томъ, что, дѣйствительно, оброкъ почти всегда есть превышеніе крѣпостнаго права: онъ есть пользованіе правомъ надъ личностью при такихъ обстоятельствахъ, которыя противорѣчатъ основному характеру крѣпостнаго права.

Какія юридическія послѣдствія возникаютъ изъ такого отношенія, мы не хотимъ разбирать здѣсь; но читатель вообще замѣтитъ, что дѣло идетъ о цѣнностяхъ, которыхъ не знаетъ и не признаетъ законъ. Если мы не ошибаемся, пользованіе цѣнностями, не имѣю-

щими заковнаго существованія, не можетъ ожидать для себя благопріятныхъ результатовъ, въ случаѣ разсмотрѣнія по закону.

Повторимъ кратко результаты этого изслѣдованія.

Въ имѣньяхъ, состоящихъ на барщинѣ, цѣнность помѣстья опредѣлялась исключительно тою частью помѣстья, которая оставалась въ личномъ пользованіи помѣщика. Земля, бывшая въ крестьянскомъ надѣлѣ, нимало не увеличивала продажной цѣнности имѣній; слѣдовательно, съ отдѣленіемъ крестьянской части отъ помѣстья, цѣнность помѣстья не уменьшается.

Отъ вознагражденія за право на личность помѣщики сами отказались и поступили справедливо, потому что въ барщинныхъ имѣніяхъ это право было для нихъ источникомъ не выгодъ, а убытковъ.

Въ оброчныхъ помѣстьяхъ почти весь оброкъ или даже и весь оброкъ вытекалъ изъ нарушенія законныхъ основаній крѣпостнаго права.

Зачѣмъ мы дѣлали этотъ выводъ? Неужели затѣмъ, чтобы отказывать помѣщикамъ въ вознагражденіи? Вовсе нѣтъ. Мы хотѣли только показать, что юридическихъ основаній для вознагражденія нѣтъ и что если идетъ о немъ рѣчь, то должна итти на основаніи государственной пользы и житейской справедливости.

Государственная польза требуетъ, чтобы ни одно сословіе не терпѣло напрасныхъ убытковъ.

Справедливость требуетъ, чтобы выкупъ не превышалъ мѣры дѣйствительной надобности въ немъ для помѣщиковъ.

На этомъ основаніи размѣръ выкупа можетъ быть опредѣленъ такой, что національное чувство останется довольно.

Если въ барщинныхъ имѣніяхъ, имѣющихъ довольно земли, размѣръ выкупа опредѣлится такой, чтобы, за вычетомъ долговъ въ кредитныя учрежденія, приходилось помѣщику получить сумму, достаточную для устройства земледѣльческаго хозяйства съ наемною платою, помѣщики не останутся въ убыткѣ; напротивъ, они очень много выиграютъ, потому что освободятся отъ долговъ, которыми угнетены, сохранятъ всю часть помѣстья, отъ которой зависѣла его цѣнность, и устроятъ хозяйства болѣе выгоднымъ образомъ.

Они будутъ получать доходовъ больше прежняго. Они избавятся отъ обременительныхъ уплатъ въ кредитныя учрежденія. Поэтому продажная цѣнность ихъ помѣстій значительно увеличится, хотя число десятинъ будетъ считаться менѣе, нежели было.

Въ такихъ помѣстьяхъ каждый рубль выкупа есть чистый выигрышъ для помѣщика.

Средній долгъ въ кредитныя учрежденія составляетъ отъ 55 до 60 рублей на душу.

На устройство хозяйства съ наемными работниками нужно наличныхъ денегъ не болѣе 4 рублей на десятину господской запашки, то есть, считая среднимъ числомъ, 33 тягла въ 100 душахъ и $1^3/_4$ десятины въ полѣ господской запашки на тягло, всего около 175 десятинъ господской запашки на 100 душъ, нужно не болѣе 700 рублей для передѣлки земледѣльческаго хозяйства въ помѣстьѣ, имѣвшемъ 100 душъ.

Такимъ образомъ, выкупъ отъ 62 до 67 руб. былъ бы совершенно достаточенъ для того, чтобы помѣщики заложенныхъ имѣній не потерпѣли никакого разстройства въ своемъ хозяйствѣ; а чистымъ выигрышемъ было бы для нихъ освобожденіе отъ долга въ кредитныя учрежденія, или, въ имѣньяхъ чистыхъ отъ этого долга, полученіе суммы, равной среднему размѣру долга заложенныхъ помѣстій

Въ оброчныхъ помѣстьяхъ справедливость требовала бы принять основаніемъ оцѣнки для вознагражденія такую величину оброка, которая считается въ тѣхъ мѣстахъ необременительною для крестьянъ. Во многихъ губерніяхъ эта цифра не выше 15 рублей, въ нѣкоторыхъ еще ниже; въ немногихъ она доходитъ до 25 рублей. Среднюю величину для цѣлой имперіи можно положить около 20 рублей. Считая 33 тягла на 100 душъ и капитализируя по $7^1/_2\%$, это составитъ около 89 рублей за душу.

Само собою разумѣется, что если эти 89 рублей употребить на дѣланіе обѣдовъ, баловъ, покупку каретъ и браслетъ, этихъ денегъ окажется мало для жизни. Точно также не для всѣхъ достаточенъ будетъ доходъ, если положить деньги въ кредитныя учрежденія, лечь на диванъ и курить трубку съ длиннымъ чубукомъ, получая по 5% на свой капиталъ. Но въ нашъ вѣкъ никакого капитала не будетъ достаточно для человѣка, желающаго жить сложа руки. А кто захочетъ пустить свой капиталъ въ оборотъ, тотъ легко получитъ съ него 8% и больше. Значитъ, изъ помѣщиковъ, владѣвшихъ оброчными, не останется въ убыткѣ никто, если самъ не захочетъ оставаться въ убыткѣ.

Мы не выставляемъ своихъ цифръ за непремѣнныя и окончательныя; мы просимъ только подумать, что, при этихъ или близкихъ къ нимъ цифрахъ выкупа, помѣщики оброчныхъ имѣній не останутся въ убыткѣ, а помѣщики тѣхъ имѣній, гдѣ существовала господская запашка, будутъ имѣть уже очень значительную выгоду.

Разумѣется, мы говоримъ о тѣхъ помѣщикахъ, которые не злоупотребляли своею властью, не раззоряли крестьянъ противозакон-

нымъ увеличеніемъ барщины или такими оброками, отъ которыхъ возмущались сосѣдніе честные помѣщики. Мы говоримъ о помѣщикахъ честныхъ, совѣстливыхъ, которые честнымъ и разсудительнымъ способомъ дѣйствія въ губернскихъ комитетахъ уже оказали и себѣ, и крестьянамъ, и государству великую услугу, доказавъ, что освобожденіе крестьянъ безъ земли невозможно.

Просимъ ихъ подумать о величинѣ выкупа такъ же разсудительно, какъ подумали они объ освобожденіи съ землею или безъ земли. Просимъ ихъ подумать о томъ, есть ли для нихъ надобность въ такихъ страшныхъ выкупахъ, какіе опредѣляются нѣкоторыми софистами, разсчитывающими на остзейскій манеръ? Есть ли честному помѣщику земледѣльческаго имѣнія надобность, оставляя у себя всю ту землю, которая составляла цѣну помѣстья, требовать съ крестьянъ выкупа, который чуть ли не превышаетъ всей цѣны помѣстья? Просимъ ихъ подумать о томъ, останутся ли они въ убыткѣ, освободившись отъ долговъ въ кредитныя учрежденія и получивъ, сверхъ того, деньги, какія нужны для заведенія хлѣбопашества съ вольнонаемнымъ трудомъ? Просимъ ихъ также подумать о томъ, что, при той величинѣ выкупа, которую сами они, по совѣсти, вѣроятно, признаютъ за безубыточную для себя, при этой величинѣ выкупа отъ 70 до 90 рублей за душу, очень легко произвесть выкупъ на такихъ основаніяхъ, которыми національное чувство останется довольно. Просимъ ихъ также подумать о томъ, признается ли національнымъ чувствомъ хотя какой нибудь выкупъ? Русскій народъ состоитъ не изъ экономистовъ, онъ не читалъ Адама Смита. Но пусть честные люди прислушаются къ голосу народа, и они узнаютъ, что̀ нація думаетъ о выкупѣ. Хотите ли знать, что̀ думаетъ нація? Нація споритъ о томъ, что̀ должно быть съ господскими полями и лугами: останутся ли они за помѣщикомъ, или также отойдутъ къ крестьянамъ? И, замѣтьте, о выкупѣ не бываетъ въ этихъ спорахъ и помина. Просимъ прислушаться къ голосу націи и провѣрить, правду ли мы говоримъ. При такомъ расположеніи національнаго чувства, что̀ остается дѣлать людямъ, которые желали бы, чтобы помѣщики получили выкупъ не на бумагѣ только, а на самомъ дѣлѣ? Остается думать о томъ, такова ли удовлетворительная для помѣщиковъ величина выкупа, чтобы этотъ выкупъ былъ заплаченъ незамѣтно для крестьянъ, иначе сказать, такую ли величину имѣетъ этотъ выкупъ, чтобы онъ могъ быть уплаченъ податью въ 3 рубля, то есть тѣми рублями, которые составляютъ разницу между нынѣшнею казенною податью крѣпостныхъ крестьянъ и тою, которою они по освобожденіи были бы обложены наравнѣ съ государственными крестьянами. Намъ кажется, что выкупъ такой величины безубыто-

ченъ для помѣщиковъ оброчныхъ имѣній и составляетъ огромный выигрышъ для помѣщиковъ имѣній съ господскою запашкою. Просимъ подумать о такой величинѣ выкупа, потому что только она можетъ быть примирена съ національнымъ чувствомъ. Мы говоримъ о національномъ чувствѣ: почему не сказать и о наукѣ? Почему не замѣтить, что она съ своей стороны говоритъ то же самое, что̀ говоритъ національное чувство, хотя оно и не знаетъ о ней. Нашъ взглядъ на юридическую величину выкупа не согласенъ съ предубѣжденіями, которыя всосаны многими изъ насъ отъ крѣпостнаго права, или, лучше сказать, отъ его злоупотребленій (потому что законное крѣпостное право, то право, которое можетъ требовать себѣ вознагражденія по Своду Законовъ, приводитъ къ такимъ же соображеніямъ, какія изложены у насъ); но спросите у любаго экономиста, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, какого угодно: каждый скажетъ о размѣрѣ юридическаго вознагражденія то же самое, что должны были сказать мы для ослабленія фальшивыхъ и непрактичныхъ претензій, предъявляемыхъ нѣкоторыми. Сводъ Законовъ, національное чувство, политическая экономія, — все приводитъ къ тому, что *требовать* выкупа едва ли выгодно и даже едва ли можно; но можно *получить* выкупъ въ такомъ размѣрѣ, который допускается состояніемъ государственныхъ финансовъ и національнымъ чувствомъ. Этотъ размѣръ мы старались опредѣлить. При выкупѣ отъ 70 до 90 рублей съ души, національное чувство не будетъ возмущено; государство не потерпитъ разстройства; одна треть помѣщиковъ (помѣщики оброчныхъ имѣній) останутся не въ убыткѣ; двѣ другія трети помѣщиковъ (помѣщики имѣній съ господскою запашкою) будутъ имѣть огромный выигрышъ.

А если требовать выкупа въ 150 рублей, народъ изнеможетъ подъ такою тяжестью, и что̀ тогда будетъ? Чего ждетъ теперь крестьянинъ? Онъ ждетъ воли. Чего ждетъ онъ отъ воли? Облегченія своей судьбѣ. Какое же почувствуетъ онъ облегченіе и пойметъ ли онъ волю, если его заставятъ платить оброкъ не меньше, или даже больше нынѣшняго, или заставятъ, по прежнему, ходить на барщину? Какъ пойметъ онъ такое освобожденіе? Онъ не пойметъ его, онъ почтетъ себя обманутымъ, — и что̀ тогда будетъ?

4) Долженъ ли выкупъ земля быть произведенъ немедленно и обязательнымъ образомъ?

Человѣкъ, привыкшій разсуждать о житейскихъ дѣлахъ практическимъ образомъ, никакъ не можетъ самъ собою дойти до того, что-

бы даже вообразить возможность этого вопроса. Его уму представляются только два способа освобожденія: или крестьяне освобождаются безъ земли, и въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности въ самомъ терминѣ «выкупъ» — если крестьяне, освобождаемые безъ земли, впослѣдствіи пріобрѣтутъ ее, это будетъ обыкновенною покупкою, не имѣющею никакой связи съ дѣломъ освобожденія, покупкою въ томъ самомъ смыслѣ, какъ нынѣ какой нибудь мѣщанинъ или купецъ покупаетъ домъ или садъ у другаго; если же крестьяне освобождаются съ землею, этимъ самымъ уже говорится, что выкупъ соединенъ съ актомъ освобожденія, и какъ освобожденіе производится общею, обязательною мѣрою, то и переходъ земли долженъ быть одновременен съ самымъ освобожденіемъ и имѣть характеръ обязательности. Таково понятіе людей практическихъ. Только идеализмъ, чуждый реальнаго взгляда на житейскія дѣла и лишенный возможности практическаго осуществленія, можетъ обольщать среднимъ рѣшеніемъ, которое, говоря, что крестьяне освобождаются съ землею, прибавляетъ: «но выкупъ ея предоставляется добровольному соглашенію и можетъ быть отсроченъ». Дѣйствительно, эта прибавка въ сущности значитъ, что крестьяне освобождаются безъ земли.

Добровольное соглашеніе только тогда можетъ быть добровольнымъ, когда обѣ стороны находятся въ полной независимости одна отъ другой. Положеніе крестьянъ, хотя бы и освобожденныхъ, не таково относительно помѣщика. Во первыхъ, крестьянъ въ уѣздѣ десятки тысячъ, а помѣщиковъ — только десятки или сотни; притомъ, даже и эти немногочисленные продавцы привыкли уже сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ двумя или тремя богатѣйшими изъ своихъ сотоварищей: каждому извѣстно, что въ цѣломъ уѣздѣ, а иногда и въ нѣсколькихъ уѣздахъ, общество дворянъ слѣдуетъ обыкновенно руководству одной, двухъ, много трехъ фамилій. Крестьянамъ, по ихъ многочисленности и разрозненности, нѣтъ возможности дѣйствовать такимъ же способомъ. Слѣдовательно, при такъ называемыхъ добровольныхъ сдѣлкахъ по выкупу земли, одна сторона пользовалась бы преимуществомъ монополіи, то есть вмѣсто свободной сдѣлки было бы совершенное диктованіе условій выкупа одною стороною. Само собою разумѣется, что условія диктовались бы самыя невыгодныя для желающихъ купить, и земля осталась бы въ рукахъ помѣщиковъ.

Говорятъ, что можно постановить какія нибудь правила, которыми предотвращалось бы произвольное диктованіе выкупной цѣны, напримѣръ: опредѣлить высшую норму выкупа, взносъ котораго

передавалъ бы землю крестьянамъ и безъ согласія помѣщика. Но постановить высшую норму значитъ опредѣлить цѣну очень высокую, по которой могли бы безъ убытка быть выкуплены лишь немногіе участки земли, самые дорогіе въ данной мѣстности. Дѣйствительная цѣна всѣхъ остальныхъ участковъ была бы по необходимости гораздо ниже этой нормы, и они остались бы не выкуплены. Притомъ, какъ бы точны ни были правила, которыми опредѣлялись бы условія взноса денегъ по нормальной цѣнѣ, все-таки невозможно будетъ въ этихъ правилахъ предусмотрѣть всѣхъ мелочей и подробностей практическаго ихъ примѣненія, и всегда могутъ быть найдены предлоги и отговорки для уклоненія отъ нихъ, если осуществленіе выкупа будетъ поставлено частнымъ дѣломъ между отдѣльнымъ помѣщикомъ и крестьянами каждаго села. Напримѣръ, если деньги должны будутъ вноситься прямо въ руки помѣщика, онъ просто можетъ отказываться брать ихъ, когда несогласенъ на выкупъ, и, вмѣсто выкупа, возникнетъ просто тяжебное дѣло о томъ, дѣйствительно ли помѣщику предлагался такой выкупъ, отъ котораго не долженъ былъ онъ отказываться; само собою разумѣется, что эта тяжба можетъ длиться до безконечности, по обыкновенному порядку нашихъ процессовъ. Если положено будетъ взносить выкупъ въ руки извѣстнаго чиновника, онъ можетъ также отказываться принять его: кому не извѣстно, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ казначействахъ иногда не соглашаются принимать у поселянъ денегъ, приносимыхъ ими даже въ уплату государственныхъ податей, за своевременнымъ взиманіемъ которыхъ такъ бдительно слѣдитъ правительство? Гораздо легче отказаться чиновнику отъ пріема денегъ, предназначенныхъ для передачи частному лицу, когда само это лицо проситъ его не принимать денегъ. Посредствомъ подобныхъ проволочекъ, выкупъ можетъ быть оттягиваемъ очень долго, въ случаѣ несогласія на него помѣщика, а выигрышъ времени рѣшитъ весь ходъ дѣла. Имѣя время, можно и обрѣзать крестьянскіе участки и перенести ихъ съ одного мѣста дачи на другое. Что тогда будутъ дѣлать крестьяне? Жаловаться, начинать процессы? Но сколько лѣтъ будутъ тянуться и сколькихъ денегъ стоить крестьянамъ процессы, и какъ будутъ рѣшаться, если когда нибудь подойдутъ къ рѣшенію?

Кто знаетъ состояніе нашей администраціи и нашего судопроизводства, тотъ очень хорошо понимаетъ, что у насъ рѣшительно непрактичны такія идеальныя гипотезы, какъ предположеніе добровольныхъ соглашеній о выкупѣ земли между помѣщиками и освобождаемыми ихъ крестьянами. Такія гипотезы требуютъ отъ судопроизводства и администраціи такого совершенства, какого мы еще

не находимъ вокругъ себя. Опредѣлять, что выкупъ земли предоставляется добровольнымъ сдѣлкамъ, значило бы у насъ опредѣлять, что крестьяне въ результатѣ увидятъ себя освобожденными безъ земли.

Само собою разумѣется, что предположеніе предоставить выкупъ земли добровольнымъ сдѣлкамъ могло возникнуть только вслѣдствіе сомнѣній о возможности безотлагательно произвести его обязательнымъ образомъ. Но если величина выкупа будетъ принята справедливая, то произвести его обязательнымъ образомъ будетъ очень легко. Мы подробно доказывали это въ статьѣ «Труденъ ли выкупъ земли», гдѣ предлагали къ осуществленію его множество разныхъ способовъ, изъ которыхъ каждый былъ бы легокъ. Государство можетъ принять или не принять на себя производство этой операціи; она можетъ быть произведена съ помощью или безъ помощи внѣшняго займа и кредитныхъ билетовъ, — словомъ сказать, каковы бы ни были положеніе государственныхъ финансовъ и финансовые планы правительства, все-таки легко найти способъ обязательнаго выкупа, соотвѣтствующій характеру этихъ условій, легкій и быстрый.

5) *Можно ли поставить обязательный трудъ принудительнымъ способомъ уплаты выкупа?*

На этотъ вопросъ отвѣтъ легко найти въ самомъ имени того дѣла, часть котораго составляетъ вопросъ о выкупѣ. Крестьяне освобождаются отъ крѣпостной зависимости: въ чемъ же состояла крѣпостная зависимость? Основною и единственною законною чертою ея былъ обязательный трудъ. Итакъ, сохранить обязательный трудъ значило бы въ сущности сохранить крѣпостное право. Народъ не могъ бы понять этого иначе и былъ бы правъ. Нѣтъ надобности говорить, какія послѣдствія были бы произведены, если бы народъ остался при убѣжденіи, что крѣпостное право уцѣлѣло.

При несообразности своей съ ожиданіями народа, сохраненіе обязательнаго труда было бы противно и требованіямъ науки. Экономическая сторона, конечно, самая важная въ крѣпостномъ вопросѣ. Въ чемъ же состоитъ сущность крѣпостнаго права по объясненію политической экономіи? Точно такъ же, какъ и по мнѣнію народа, въ обязательномъ трудѣ. Если политическая экономія при-

знаетъ крѣпостное право гибельнымъ для націи, убыточнымъ для самихъ владѣльцевъ, она поставляетъ источникомъ всѣхъ его такихъ дѣйствій обязательный трудъ. Пока онъ не прекратится, политическая экономія не будетъ признавать прекратившимся и крѣпостнаго права.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, № 10.

Цѣны означены на серебро.

ДЛЯ СКРИПКИ.

БЕРІО. Новѣйшая школа для скрипки. Съ многими упражненіями и пьесами для одной и двухъ скрипокъ. На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (4 р.)

БЕРНАРДЪ. Сто русскихъ народныхъ пѣсенъ, аранжированныхъ для одной скрипки. Новое изданіе (2 р.)

КИНДИНГЕРЪ. СОБРАНІЕ ФАНТАЗІЙ на любимые русскіе романсы и пѣсни для одной скрипки. 2 тетради, каждая (1 р.)

— МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА, 12 новыхъ фантазій на русскія народныя пѣсни для одной скрипки. 3 тетради, каждая (1 р.)

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЕЧЕРА. Собраніе новѣйшихъ и любимѣйшихъ танцевъ Страуса, Гунгля, Фауста, Бернарда и др. тетрадь 6 и 7, каждая (75 к.)

— Прежде вышедшія 5 тетрадей продаются также, каждая по (75 к.)

GOUNOD. Méditation sur le 1-r prelude de J. S. Bach composée pour piano et violon (ou violoncelle) avec accompagnement d'orgue ou d'un 2-d violoncelle ad libitum (1 p.)

HAUPT. Suite d'airs russes nationaux variés pour le violon avec piano: № 1. **Не бѣлы снѣги** (1 р.) № 2. **Не одна во полѣ дороженька** (1 р.) № 3. **Лучина лучинушка** (1 р.)

HAUSER. Chanson d'amour et chauson de berceau. Deux chants sans paroles avec piano (85 к.) Trois morceaux de salon: barcarolle, impromptu, la capricieuse, avec piano (1 p.) Trois mélodies de Bellini avec piano № 1 и 3, (каждый 60 к.) Trois mélodies de Fr. Schubert transcrites avec piano № 1 и 3 (каждый 40 к.) Trois mélodies de l'opéra Martha de Flotow transcrites avec piano № 1 и 3, (каждый 40 к.)

HELMESBERGER. La mélancolie avec piano (85 к.)

КАЖИНСКІЙ. Думка. Малороссійская пѣсня для скрипки (или віолончели) съ аккомп. фортепіано (75 к.)

КИНДИНГЕРЪ. СОБРАНІЕ ФАНТАЗІЙ для скрипки съ аккомп. фортепіано на любимые русскіе романсы и пѣсни. 6 тетрадей (каждая 1 р. 15 к.)

— МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА. 12 новыхъ фантазій на русскія народныя пѣсни для скрипки съ аккомп. фортепіано. Тетрадь I. Лучинушка и Во полѣ береза стояла (1 р.) Тетрадь II. Ужь какъ

палъ туманъ и Выйду ль я на рѣченку (1 р.) Тетрадь III. Взвейся выше понесися и Не будите меня молоду (1 р.) Тетрадь IV. Ахъ не одна во полѣ дороженька и Братцы дружно веселую (1 р.) Тетрадь V. Соловей и Во саду ли въ огородѣ (1 р.) Тетрадь VI. Не бѣлы снѣги и Камаринская (1 р.) Тетрадь VII. Среди долины ровной и Внизъ по камушкамъ (1 р.) Тетрадь VIII. Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ и Какъ за рѣченькой слободушка стоитъ (1 р.) Тетрадь IX. Молодка молодая и Хожу я по улицѣ (1 р.) Тетрадь X. Ивушка и Вдоль по улицѣ (1 р.) Тетрадь XI. Вспомни мой любезный и Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту (1 р.) Тетрадь XII. Не ходи Грицю и Гей у поли вишня (1 р.) Всѣ 12 тетрадей вмѣстѣ (10 р.).

— Six morceaux caracteristiques avec piano № 1 и 6, каждый (1 р.).

MAURER. Romance de l'opéra Guido et Ginevra transcrite avec piano (1 р. 50 к.).

MINKUS. Romances sans paroles avec piano. op. 10 № 1. Chant d'été (85 к.) № 2. Schlummerlied (60 к.).

REBER. Berceuxe pour violon (ou violoncelle) avec piano (60 к.).

STEINER. Styrienne avec piano (60 к.)

STERN. Il lamento. Romance avec piano (60 к.).

Въ этомъ же магазинѣ находится *полный выборъ сочиненій всѣхъ композиторовъ для скрипки*, какъ новѣйшихъ, такъ и прежнихъ.

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ *двадцать пять процентовъ уступки*, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того, ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го октября 10-я тетрадь музыкальнаго журнала «*Нувеллистъ*», содержащая въ себѣ между прочими: *Rubinstein, Barcorolle.* — *Bernard*, Скажите ей. — *Romance composée par la Princesse Kotschoubey transcrite.*—*Jungmann, Prière du soir.*—*Strauss, Wiener Kinder Walzer.* — *Gung'l, Namenlose Polka* — *Дерфельдтъ*, новый романсъ. — *Wolff. Oberon grand fantaisie à quatre mains.* — Отлично литографированный *портретъ Рубинштейна* и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к. с.)

Желающіе подписаться на «Нувеллистъ» на 1859 годъ получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія сначала нынѣшняго года.

Здѣсь же получены вновь свѣжія итальянскія струны лучшаго достоинства, также скрипки и смычки различныхъ цѣнъ, конифоли, подставки, колки и вообще всѣ предметы, необходимые для скрипки.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С.-Петербургъ. Октября 20-го дня. Ценсоръ *Д. Мацкевичъ.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВОПРОСЪ О СВОБОДѢ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ФРАНЦІИ.

Часто говорятъ, что мы мало знакомы съ бытомъ и учрежденіями Западной Европы. Но, что̀ еще хуже, надобно прибавить, что и тѣ немногія понятія, какія мы имѣемъ объ этихъ предметахъ, чаще всего бываютъ фальшивы. Обыкновенно мы и хвалимъ учрежденія Западной Европы неудачно и осуждаемъ ихъ несправедливо. Объ ошибочности похвалъ случалось намъ говорить очень часто, а теперь мы хотимъ обратить вниманіе на неосновательность порицаній. Примѣры ея встрѣчаются на каждомъ шагу. Начнемъ мы, напримѣръ, порицать французскую централизацію, и, чуть дѣло дойдетъ до задора, готовы мы бываемъ на основаніи одного этого факта объявить, что французы ни къ чему порядочному непригодны. Но, какова бы ни была чрезмѣрность французской централизаціи, все-таки она ничего не значитъ по сравненію съ тѣмъ, какъ живемъ мы сами. У французовъ, напримѣръ, нѣтъ и понятія о томъ, что если въ какомъ нибудь Кальвадосскомъ департаментѣ подрались двѣ государственныя крестьянки (употребляемъ этотъ терминъ, какъ болѣе привычный намъ для обозначенія того, что обѣ эти женщины были свободнаго состоянія, а не крѣпостныя), то дѣло объ ихъ дракѣ, не стоющее выѣденнаго яйца, можетъ дойти до высшихъ инстанцій парижскаго правительства и раза три возвращаться къ мѣстному начальству для дополненія справками, чтобы каждый разъ являться опять въ Парижъ въ новомъ и толстѣйшемъ видѣ. Французы также не имѣютъ понятія о томъ, что если какой нибудь дижонскій мѣщанинъ или разночинецъ вздумаетъ перемѣнить двѣ доски въ кровлѣ своего домика, протекающей отъ дождя, то предварительно долж-

но ему испросить на это разрѣшеніе отъ дижонской строительной коммиссіи, и дѣло пойдетъ на разсмотрѣніе самого префекта. Мало ли о чемъ не имѣютъ понятія французы! Если не ошибаемся, они не имѣютъ понятія даже о строительныхъ коммиссіяхъ, и мы употребили этотъ терминъ только для удобопонятности.

Изъ всѣхъ странъ Западной Европы особенно много самыхъ горькихъ изобличеній перепадаетъ отъ насъ на долю Австріи и Франціи. Мы справедливо и очень сильно соблазняемся необыкновенной стѣсненностью австрійской жизни, и деспотизмъ, подъ которымъ изнемогаютъ благодатныя страны дунайскаго царства, возбуждаетъ въ насъ сильнѣйшее негодованіе; мы даже краснѣемъ отъ мысли, что столь унизительныя для человѣка учрежденія безславятъ собою ту часть свѣта, въ которой живутъ такіе просвѣщенные народы. Впрочемъ, для Австріи все-таки еще извинительно терпѣть такую участь, какой она подвержена: по нашему мнѣнію, это государство никогда не знало болѣе легкихъ временъ. Но вотъ, посмотрите на французовъ. У нихъ, не говоря ужь о временахъ слишкомъ дальнихъ, на нашей памяти былъ Людовикъ-Филиппъ съ палатою пэровъ и съ палатою депутатовъ; о самомъ Людовикѣ-Филиппѣ слышали мы въ тѣ времена очень мало (только потомъ догадались мы, что втихомолку распоряжался онъ во Франціи всѣмъ, какъ хотѣлъ); палата пэровъ тоже вела жизнь не шумную; но за то палата депутатовъ! вотъ въ ней какіе были ораторы и какимъ вольнымъ языкомъ обо всемъ разсуждали! Всходитъ, бывало, на кафедру Гизо и говоритъ: «Могущество Франціи основано на ея свободѣ, и правительство ничего не дѣлаетъ иначе, какъ по свободному согласію свободныхъ представителей страны». Каково! вѣдь первый министръ, а въ двухъ фразахъ три раза произнесъ слово свобода. Палата восхищается, и мы тоже. Только что сходитъ онъ съ кафедры, карабкается на нее маленькій Тьеръ и даетъ окрикъ на Гизо своимъ пискливымъ голосомъ: «Что̀ ты тамъ толкуешь о свободѣ? Ты вотъ бери примѣръ съ меня: вотъ я такъ ужь можно сказать другъ свободы; а ты мало ее любишь!» Вся палата апплодируетъ, и вся Европа восхищается горячностью любви Тьера къ свободѣ. Но Гизо не дался въ несправедливую обиду: онъ уже опять на кафедрѣ и говоритъ: «Тьеръ утверждаетъ, что я мало люблю свободу. Нѣтъ, я очень ее люблю; я долженъ сказать, что жить безъ нея не могу». Палата апплодируетъ больше прежняго, и Европа дивится великости любви Гизо къ свободѣ. Вотъ какія были времена, а теперь что̀?

Мы вспомнили все это по случаю недавнихъ статей во французскихъ газетахъ, жалующихся на свое нынѣшнее угнетеніе, вспоми-

нающихъ о блаженныхъ временахъ своей свободы и требующихъ ея возстановленія. Читая эти статьи, мы подумали, что счастливы были бы, напримѣръ, австрійскіе журналисты, если бы подвергались точно такому же угнетенію, какъ французскіе.

Читателю извѣстно, что, вмѣстѣ со многими другими конституціонными правами общественнаго мнѣнія, послѣ 2 декабря 1851 года была уничтожена во Франціи также и существовавшая въ ней свобода журналистики. Шума по этому поводу было очень много, и ни-

же мы увидимъ, кто собственно былъ виноватъ въ этой потерѣ: дѣйствительно ли вина падаетъ главнымъ образомъ на тогдашняго президента республика, нынѣшняго императора Наполеона III, или, скорѣе, на людей, хвалящихся тою любовью къ свободѣ, которую будто бы выказывали, когда были правителями государства при Людовикѣ-Филиппѣ; а теперь прежде всего, чтобы понять жалобы и требованія, надобно взглянуть на законы, которымъ подчинено печатное выраженіе мнѣній во Франціи.

У насъ многіе полагаютъ, что во Франціи теперь, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ свободы печатнаго слова. Какъ сказать объ этомъ? Оно, если хотите, ея дѣйствительно нѣтъ во Франціи по сравненію съ свободою печатнаго слова въ Англіи, въ Швейцаріи, въ Бельгіи, въ Соединенныхъ Штатахъ. Но если сравнить Францію даже съ Пруссіей, то окажется, что во Франціи печатное слово едва ли не свободнѣе. Во первыхъ, всѣ стѣсненія, какія только есть во Франціи, относятся единственно къ газетамъ, да и то не ко всѣмъ, а лишь исключительно къ политическимъ. Для книгъ рѣшительно никакихъ стѣсненій не существуетъ. Мы видывали людей, разумѣется, русскихъ, которые до того высоко образованы и, можно сказать, учены, что для всѣхъ своихъ знакомыхъ кажутся оракулами, и которые, между тѣмъ, очень пріятно удивлены были появленіемъ книги Токвиля о французской революціи, книги, которая, подъ предлогомъ исторіи, содержитъ памфлетъ противъ нынѣшней правительственной системы во Франціи. Если бы они лучше знали нынѣшніе французскіе законы о книгопечатаніи или, по крайней мѣрѣ, помнили бы, какія книги безпрепятственно издавались въ Парижѣ постоянно съ самаго учрежденія самодержавной власти Наполеона, они сами посмѣялись бы своему восхищенію по случаю напечатанія въ Парижѣ книги Токвиля. Правительство Наполеона III, какъ ни сурово смотритъ оно на политическую литературу, никогда не считало удобнымъ присвоивать себѣ власть просматривать книги до ихъ напечатанія. Въ формѣ книги французскіе писатели всегда могли издавать все, что̀ хотѣли, да и не могли встрѣчать въ этомъ затрудненія, потому что, какъ мы сказали, правительство никогда не брало на себя права оста-

навливать печатаніе какой бы то ни было книги. Дѣйствительно, Прудонъ издавалъ свои новыя сочиненія въ Парижѣ такъ же безпрепятственно, какъ издавалъ бы ихъ въ Брюсселѣ или Лондонѣ, хотя основная мысль его постоянно одна и та же—мысль, что всякое правительство, въ какой бы то формѣ ни было, противно общественному благу, и хотя эта мысль, по его обычаю, выражается у него всегда самымъ рѣзкимъ, эффектнымъ, часто циническимъ образомъ, съ постоянными обращеніями къ Наполеону III въ томъ духѣ, что способъ его дѣйствій подрываетъ во французской націи всякое довѣріе къ правительству. Постоянно также печатались въ Парижѣ новые томы «Исторіи французской революціи» Луи Блана, хотя Луи Бланъ изгнанникъ, осужденный на вѣчное заключеніе въ крѣпости, и хотя вся его исторія написана въ доказательство того, что единственная правительственная форма, пригодная для Франціи, есть республиканская, а всѣ другія правительства могутъ держаться во Франціи только насиліемъ, обманомъ, развращеніемъ народа и инквизиціонными средствами. Эти книги печатались въ Парижѣ, и подобныя имъ продолжаютъ печататься такъ же свободно, какъ будто какіе нибудь учебники ариѳметики или алгебры. Мы упомянули только о двухъ писателяхъ, которые особенно извѣстны своимъ крайнимъ республиканскимъ образомъ мыслей и непримиримымъ ожесточеніемъ противъ Наполеона III и которые могли бы казаться опаснѣе всѣхъ другихъ по своему вліянію на публику. Но просмотрите списки книгъ, издаваемыхъ въ Парижѣ: вы увидите между ними десятки и сотни республиканскихъ сочиненій. Точно также вы увидите и множество сочиненій, написанныхъ въ пользу Бурбоновъ или въ пользу Орлеанскаго дома. Правительство Наполеона III никогда не рѣшалось и не могло стѣснять той части литературы, которая имѣетъ форму книгъ.

Всѣ жалобы на стѣсненіе свободы печатнаго слова во Франціи относятся исключительно къ политическимъ газетамъ и къ той части журналовъ, которые посвящены политикѣ. Но и тутъ напрасно было бы думать, что правительство Наполеона III присвоило себѣ какія нибудь прямыя средства помѣшать напечатанію какой бы то ни было статьи, въ какомъ бы то ни было духѣ. Оно узнаетъ о содержаніи нумера газеты только уже по его напечатаніи. Итакъ, кто отваживается на рискъ, можетъ и въ газетѣ напечатать, что̀ ему угодно. Въ чемъ же состоитъ стѣсненіе? Статьи, содержаніе которыхъ было бы по французскимъ законамъ преступно, подвергались бы судебному преслѣдованію, которое и начинается и производится людьми, независимыми по своему положенію отъ администраціи. Но не это называется во Франціи стѣсненіемъ; напротивъ, газеты только то-

го и требуютъ, чтобы ихъ преслѣдовали судебнымъ порядкомъ, опредѣливъ какія угодно строгія правила о томъ, что̀ должно считаться преступнымъ въ печати. Стѣснены газеты совершенно другимъ средствомъ, которое предоставило себѣ правительство знаменитымъ декретомъ 17 февраля 1852 года. Этотъ законъ даетъ министру внутреннихъ дѣлъ власть дѣлать газетамъ замѣчанія или выговоры (avertissements), и прибавляетъ, что изданіе газеты, получившей два выговора, можетъ быть пріостановлено на два мѣсяца министромъ; по прошествіи этого срока, газета продолжаетъ выходить, но если еще разъ подвергнетъ себя замѣчанію, то можетъ быть запрещена. Нѣтъ надобности говорить, что замѣчанія дѣлаются публично, печатаются въ получающей ихъ газетѣ и во всѣхъ другихъ газетахъ.

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію то, что подобный способъ наносить матеріальный вредъ газетамъ черезъ временную остановку или запрещеніе ихъ рѣшеніемъ одной административной власти, безъ правильнаго суда съ свободною и полною защитою, долженъ очень значительно стѣснять свободу политическихъ преній въ газетахъ, и мы нимало не думаемъ находить удовлетворительнымъ положеніе, въ которое поставлены французскія газеты введеніемъ системы замѣчаній. Но все-таки было бы ошибочно мѣрить какимъ нибудь австрійскимъ или неаполитанскимъ масштабомъ просторъ критики, остающейся у французскихъ газетъ и при этой системѣ. Обратимъ вниманіе хотя на то обстоятельство, что замѣчанія дѣлаются публично, съ указаніемъ мѣстъ, вызвавшихъ замѣчаніе. Всякое замѣчаніе, перепечатываясь во всѣхъ газетахъ, становится предметомъ разсужденій цѣлой публики, возбуждаетъ сильные толки; поэтому было бы неосновательно сказать, что административная власть можетъ дѣйствовать тутъ безотчетно: напротивъ, она должна дѣйствовать очень осмотрительно, чтобы не навлечь на себя насмѣшекъ или раздраженія публики неосновательностью или мелочностью повода къ данному ею замѣчанію; мало того: она не можетъ быть щедра на раздачу замѣчаній, потому что иначе шумъ, возбужденный однимъ замѣчаніемъ, превратился бы въ сильный ропотъ, оживляясь новыми столкновеніями: необходимо бываетъ ждать, пока затихнутъ толки по одному поводу, чтобы сдѣлать новое замѣчаніе,—и, дѣйствительно, самые суровые къ политическимъ преніямъ министры, каковъ былъ Эспинасъ, прибѣгали къ замѣчаніямъ очень рѣдко.

Но еще важнѣйшимъ обезпеченіемъ для очень широкаго простора газетной критики служитъ самая цѣль, для которой введены замѣчанія. У насъ многіе, мѣряя, какъ мы выразились, французскія отношенія на масштабъ вовсе не французскій, воображаютъ, будто бы

правительство Наполеона III стѣсняетъ газеты для того, чтобы избавить свои распоряженія отъ печатной критики. Вовсе нѣтъ: какъ бы ни судилъ кто о принципахъ этого правительства, но нельзя отказать ему въ сообразительности и просвѣщенности. Потому оно, при всемъ своемъ полновластіи, никогда не забывало, что предоставленіе его дѣйствій свободному разбору публики приноситъ пользу ему самому. Оно знаетъ, что самый сильный источникъ могущества есть популярность, а популярность предполагаетъ живое участіе общества въ государственныхъ дѣлахъ, а безъ свободы судить о нихъ угасаетъ всякая охота интересоваться ими. Итакъ, предоставлять свои дѣйствія критикѣ оно считаетъ необходимымъ для собственнаго могущества. Этого мало: оно, какъ правительство просвѣщенное, понимаетъ, что ошибки приносятъ больше всего вреда тому, кто ихъ дѣлаетъ, и что исправленіемъ своихъ ошибокъ можетъ оно возстановлять свои выгоды, потерпѣвшія отъ ошибокъ; потому оно никогда не теряло,—не скажемъ просто: готовности... нѣтъ, надобно сказать сильнѣе: никогда не теряло искренняго желанія слышать какъ можно больше разсужденій о своихъ дѣйствіяхъ, видѣть всѣ свои ошибки обнаруживаемыми. Это въ немъ нельзя назвать терпимостью: это—внушеніе собственнаго его интереса. Итакъ, вовсе не желаніе прикрыть свои дѣйствія отъ критики заставляетъ правительство Наполеона III держаться нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ относительно газетъ: оно никогда не имѣло этого недальновиднаго желанія. Причина стѣснительныхъ мѣръ совершенно иная, не существующая нигдѣ, исключая одной Франціи: кромѣ царствующей бонапартовской династіи, Франція имѣетъ двѣ династіи претендентовъ: бурбонскую и орлеанскую. Мы знаемъ, что всѣ другія европейскія державы избавлены отъ этого страннаго и жалкаго положенія. Въ добавокъ, Франція, также только одна изъ всѣхъ европейскихъ монархій, имѣетъ сильную партію республиканцевъ. Наши слова, что ни одинъ престолъ въ Европѣ не имѣетъ такого отношенія къ идеѣ республики, какъ французскій престолъ, нуждаются въ объясненіи. У насъ привыкли думать, что республиканцы существуютъ не въ одной Франціи, а также напримѣръ и въ Германіи, въ Австріи, въ Италіи. Да, дѣйствительно, есть въ этихъ странахъ люди, горячо говорящіе въ пользу республиканской формы; но съ ними такое практичное и сообразительное правительство, какъ правительство Наполеона III, поладило бы легко, потому что существенную идею всѣхъ этихъ республиканцевъ составляютъ стремленія, весьма и весьма совмѣстныя съ монархическою формою, и за идею республики берутся они только изъ-за того. что находятъ невозможнымъ ожидать осуществленія этихъ стремленій отъ своихъ государей. На-

примѣръ, въ Германіи жизненный вопросъ—національное единство, и если бы, напримѣръ, нѣмецкіе республиканцы увидѣли, что прусское правительство энергически стремится къ исполненію общаго желанія, они стали бы самыми горячими приверженцами этого монархическаго правительства. Еслибъ королемъ прусскимъ былъ теперь Фридрихъ Великій, не существовало бы ни одного республиканца въ Германіи: онъ съумѣлъ бы воспользоваться стремленіемъ, которое теперь только съ отчаянія приходитъ къ республиканству, но при такомъ правителѣ, какъ Фридрихъ II, привело бы только къ расширенію владѣній прусскаго короля на всю Германію. Маццини вообще причисляется къ самымъ непреклоннымъ республиканцамъ, какіе только существуютъ въ Европѣ; онъ оракулъ многочисленныхъ республиканцевъ Италіи. Что же сдѣлалъ онъ теперь, когда явилась надежда, что король сардинскій станетъ предводителемъ итальянской націи въ осуществленіи ея независимости и единства? Онъ объявилъ, что всѣми силами своими будетъ поддерживать сардинскаго короля, и разослалъ къ итальянскимъ республиканцамъ, циркуляръ, предписывающій имъ дѣлать то же самое. Это показываетъ, что для него и для нихъ республиканская форма также служитъ только средствомъ къ учрежденію національной независимости и единства при нерасположеніи монархическихъ правительствъ Италіи серьёзно стремиться къ этому, и, какъ только одно изъ этихъ правительствъ выказало такое стремленіе, они обнаружили полную готовность отбросить мысль о республикѣ и быть самыми жаркими приверженцами монархическаго правительства. Таковы республиканцы и во всей остальной Западной Европѣ, кромѣ Франціи: у нихъ сущность желаній состоитъ не въ учрежденіи республиканской формы, а въ осуществленіи національныхъ потребностей, которыя сами по себѣ не только совмѣстны съ монархическою формою, но которыя даже придали бы небывалое съ той поры могущество монархическому правительству, взявшемуся за ихъ исполненіе. Эти люди хотятъ республиканской формы только изъ отчаянія, только потому, что монархическія правительства не хотятъ взяться за исполненіе національныхъ потребностей. Если бы, сказали мы, Франція имѣла только такихъ республиканцевъ, правительство Наполеона III умѣло бы поладить съ ними, сдѣлать ихъ самыми равностными своими приверженцами, потому что оно готово удовлетворять всѣмъ національнымъ стремленіямъ, совмѣстнымъ съ монархическою формою. Но, говорили мы, изъ всѣхъ европейскихъ монархій въ одной Франціи есть республиканцы иного рода,—люди, которые хотятъ прежде всего не какихъ нибудь частныхъ преобразованій, а именно учрежденія республиканской формы; въ одной Франціи есть люди,

которые дѣйствительно и въ сущности республиканцы. Вотъ поэтому-то правительство Наполеона III принуждено бороться противъ нихъ, они и оно непримиримы по принципу.

Итакъ, мы находимъ во Франціи три партіи: бурбонскую, орлеанскую и республиканскую, которыя непріязненны не какимъ нибудь дѣйствіямъ Наполеона III, а самому существованію его правительства, которыя хотятъ исключительно низверженія имперіи. Только необходимость мѣшать этому ихъ стремленію заставляетъ правительство Наполеона III имѣть контроль надъ политическими газетами. Тѣ газеты, которыя не хотятъ именно низверженія нынѣшней династіи, имѣютъ полную свободу; администрація стѣсняетъ только тѣ газеты, которыя служатъ представительницами партій, непримиримо стремящихся къ низверженію династіи. Но и тутъ мы ошиблись бы, если бы стали судить о размѣрѣ стѣсненія по не-французскимъ понятіямъ. Правительство есть фактъ, а не теорія; его дѣятельность состоитъ въ практическихъ распоряженіяхъ, а не въ метафизическихъ размышленіяхъ. Правительство Наполеона III очень хорошо понимаетъ это и потому въ самомъ контролѣ своемъ надъ газетами обращаетъ вниманіе только на практику, а не на теорію. Всѣмъ извѣстно, и ему лучше всѣхъ, что такая-то газета защищаетъ дѣло Бурбоновъ, другая — дѣло орлеанской династіи, третья — дѣло республики. Каждая изъ нихъ открыто называетъ себя принадлежащею къ той партіи, которой держится: Siècle, напримѣръ, нимало не скрываетъ своихъ республиканскихъ убѣжденій. Правительству до этого дѣла нѣтъ: оно не считаетъ нужнымъ заниматься теоретическими предпочтеніями и отвлеченными разсужденіями; оно не хочетъ только того, чтобы прямымъ образомъ приглашали публику отвергать его власть. Такимъ образомъ, положеніе журналистики во Франціи имѣетъ слѣдующія главныя черты.

Газеты, подобно книгамъ, издаются безъ всякой зависимости отъ правительства: онѣ могутъ печатать все, что̀ хотятъ. Но книги подлежатъ только судебному преслѣдованію въ случаѣ своей преступности, въ отношеніи ихъ существуетъ полная свобода слова; газеты, напротивъ, подлежатъ еще административному стѣсненію посредствомъ замѣчаній и слѣдующихъ за замѣчаніями временныхъ остановокъ и запрещеній изданія. Но система замѣчаній имѣетъ своею цѣлью не стѣснять газеты въ разборѣ правительственныхъ дѣйствій, а только ограждать существованіе царствующей династіи отъ прямаго возбужденія публики къ ея низверженію. Итакъ, системѣ замѣчаній подлежатъ только спеціально политическія газеты; тѣ изъ нихъ, которыя признаютъ царствующую династію, никог-

да не могутъ бояться замѣчаній, что̀ бы ни говорили о правительственныхъ дѣйствіяхъ, какъ бы сильно ни указывали на ихъ ошибочность. Въ этихъ границахъ пользуются свободою критики и тѣ газеты, которыя не признаютъ нынѣшней династіи: онѣ могутъ сколько имъ угодно разбирать дѣйствія правительства и подвергаются опасности получить замѣчаніе лишь тогда, когда, не довольствуясь теоретическимъ защищеніемъ своихъ принциповъ, враждебныхъ нынѣшнему правительству, хотятъ возбуждать публику къ низверженію нынѣшней династіи. Да и въ такихъ случаяхъ замѣчанія даются очень рѣдко, только въ крайности, когда полемика противъ династіи заходитъ уже слишкомъ далеко. Однакожь, мы постоянно слышимъ жалобы французскихъ газетъ на стѣснительность такого положенія, а въ послѣднее время эти жалобы усиливались до того, что недѣли двѣ или три составляли главный предметъ газетной полемики. Правда, французы могутъ находить, что у нихъ теперь журналистика стѣснена гораздо больше, нежели какъ привыкли они при Луи-Филиппѣ; но даже изъ тѣхъ наполненныхъ жалобами статей, которыя мы приведемъ, читатель увидитъ, какъ великъ просторъ критики, остающейся у французскихъ газетъ.

Надобно разсказать, какимъ образомъ началась усиленная полемика французскихъ газетъ противъ стѣснительнаго положенія, въ которое поставлены онѣ системою замѣчаній. Въ одномъ изъ нашихъ политическихъ обозрѣній было замѣчено, что неудовольствіе, возбужденное во Франціи условіями виллафранкскаго мира, заставило правительство сдѣлать разныя уступки общественному мнѣнію, для смягченія порицаній за одно дѣло вызовомъ похвалъ за другія распоряженія. Самою важною изъ этихъ уступокъ было обнародованіе амнистіи. Она простиралась не только на людей, но и на изданія. Кромѣ того, что дано было позволеніе возвратиться во Францію всѣмъ политическимъ изгнанникамъ, объявлено было, что уничтожается дѣйствіе всѣхъ замѣчаній и судебныхъ штрафовъ, которые лежали на газетахъ. Это облегченіе вмѣстѣ съ общимъ понятіемъ о необходимости уступокъ произвело слухи, что правительство готовитъ измѣненіе законовъ о тисненіи для освобожденія журналистики отъ прежнихъ стѣсненій. Около того времени, когда усилились слухи объ отмѣненіи декрета 17 февраля 1852 года, происходило открытіе департаментскихъ совѣтовъ. Президентами департаментскихъ совѣтовъ назначаются почетнѣйшія лица государства, которыя пользуются этимъ случаемъ для произнесенія политическихъ рѣчей, излагающихъ положеніе государства и намѣренія правительства. Графъ Морни, предсѣдатель одного изъ совѣтовъ, произнесъ рѣчь, въ которой нашлись два мѣста, подтверждав-

шія слухъ объ освобожденіи журналистики. Графъ Морни доказывалъ, что англичане напрасно подозрѣваютъ французское правительство въ непріязненныхъ планахъ противъ Англіи, основываясь на враждебномъ тонѣ газетъ, служащихъ полуоффиціальными органами французскаго правительства. О томъ, что газеты, нападающія на Англію, состоятъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ правительству, графъ Морни, конечно, не захотѣлъ говорить; но за то доказывалъ, что французскія газеты могутъ писать что имъ угодно, потому что цензуры во Франціи нѣтъ, и заключалъ, что правительство не должно быть подвергаемо отвѣтственности за мнѣнія журналистовъ, которые пользуются полною свободою. Зная положеніе французской журналистики, читатель видитъ, что графъ Морни утрировалъ ея независимость. Но само собою выводилось изъ его словъ, что правительство находитъ выгоду быть освобожденнымъ отъ отвѣтственности за мнѣнія газетъ и, стало быть, не безусловно отвергаетъ мысль возвратить имъ часть отнятой независимости. Кромѣ того, графъ Морни употребилъ въ своей рѣчи общую фразу, которую истолковали въ смыслѣ расширенія свободы вообще: онъ сказалъ, что амнистія служитъ вступленіемъ въ новую эпоху.

Утвержденные этою рѣчью въ довѣріи къ слухамъ объ отмѣненіи стѣснительной системы замѣчаній, всѣ больше или меньше либеральныя французскія газеты занялись этимъ вопросомъ и начали помѣщать статьи, доказывавшія вредъ, приносимый стѣснительною системою. Начиная съ 10 сентября новаго стиля, явился цѣлый потокъ статей подобнаго содержанія. Изъ нихъ мы выбираемъ ту, которая была помѣщена въ Journal des Débats 14 сентября и носила подпись Камюса, секретаря редакціи, въ знакъ того, что всѣ редакторы выражаютъ въ ней свое общее мнѣніе. Она интересна не столько сама по себѣ, сколько потому, что послужила предлогомъ для болѣе мужественнаго развитія той же основной идеи въ Presse. Вотъ статья Journal des Débats:

«Говорятъ, и даже позволяютъ говорить, что въ намѣренія императора входитъ въ скоромъ времени освободить журналистику отъ стѣсненій, вынужденныхъ обстоятельствами, къ счастію, временными. Нѣкоторые скромно радуются этому, другіе до чрезвычайности тревожатся. Что касается насъ, мы, конечно, были бы рады принять снова обычаи свободы журналистики, если эта свобода должна быть намъ возвращена, и мы поспѣшимъ успокоить насчетъ насъ тѣхъ, которые боятся, что возстановленіе свободы журналистики поведетъ ко всевозможнымъ безпорядкамъ. Мы не злоупотребимъ правомъ, которое будетъ намъ возвращено. Мы не злоупотребляли имъ, когда оно было безспорнымъ правомъ, торжественно при-

знаннымъ всѣми государственными властями, подчиненнымъ только контролю законовъ и надзору судебной власти. Точно также мы не злоупотребимъ имъ, когда оно будетъ намъ возвращено, потому что мы не забудемъ, что можемъ опять потерять его; что общія учрежденія страны созданы не въ видахъ защиты свободы печати; что общественное мнѣніе довольно равнодушно въ этомъ дѣлѣ; что администрація, привыкшая къ комфорту общаго молчанія, не будетъ съ удовольствіемъ смотрѣть на тѣ противорѣчія, какія можетъ встрѣтить; что защитника мы будемъ имѣть только въ одномъ императорѣ, который, не побоявшись амнистіи и давъ ее наперекоръ многимъ, конечно, не побоится свободы печати. Но этотъ всемогущій защитникъ не можетъ быть всегда внимателенъ, всегда хорошо ознакомленъ съ дѣломъ. Итакъ, мы знаемъ, что если намъ будутъ возстановлены права, то мы будемъ вновь подвержены и опасностямъ. Однакожь, мы не колеблемся. Опасность рѣчи мы предпочитаемъ болѣзни молчанія.

«Болѣзнь молчанія... мы расположены думать, что если есть побужденіе, могущее склонить императора къ возстановленію свободы печати, это побужденіе должно состоять въ томъ, что онъ видитъ и понимаетъ, какъ распространилась въ нашей странѣ эта болѣзнь. Для главы великаго государства должно быть самымъ тяжелымъ чувствомъ видѣть, что общество, имъ управляемое, впадаетъ въ летаргію, находить себя, такъ сказать, окруженнымъ пустотою, находить себя одного дѣйствующимъ, себя одного мыслящимъ, себя одного говорящимъ въ толпѣ, отвыкшей отъ заботы думать и дѣйствовать. Я не то хочу сказать, чтобы французское общество дошло до такого состоянія, — далеко нѣтъ: нашъ общественный организмъ во многихъ отношеніяхъ полонъ жизни и силы. Что̀ можетъ быть сильнѣе, могущественнѣе и энергичнѣе нашего военнаго общества? что̀ можетъ имѣть болѣе здороваго демократизма? Еслибъ во Франціи, по дѣйствію какой нибудь пневматической машины, жизнь постепенно удалилась почти изъ всѣхъ частей общественнаго организма, эта жизнь, вся вполнѣ, сохранилась бы въ арміи. Армія такъ популярна у насъ потому, что мы чувствуемъ это. Мы восхищаемся тѣмъ, что̀ живетъ, что̀ дѣйствуетъ, что̀ обнаруживаетъ во внѣ живую силу Франціи.

«Я не стану также обвинять въ летаргіи наше промышленное и торговое общество: оно дѣятельно, трудолюбиво, предпріимчиво, и хотя рѣзкіе переходы отъ мира къ войнѣ нарушаютъ иногда его равновѣсіе, но жизненность французской промышленности изумительна. Чего же вамъ нужно еще, если ваши солдаты храбры и ваши работники дѣятельны и развиты? — скажутъ намъ приверженцы без-

условнаго спокойствія. Эти честные квіетисты забываютъ, что не мы возвратимъ свободу печати. Императоръ, верховный наблюдатель, дѣлая медицинскій осмотръ общественнаго организма, находитъ, что есть у насъ такая часть нравственной и политической жизни, которая страдаетъ; находитъ, что эта болѣзнь, принимающая форму паралича, принуждаетъ его возвратить дѣятельность великому ослабѣвающему тѣлу, держать его въ постоянномъ моціонѣ, не давать ему дремать. Скажемъ болѣе: бываютъ минуты, когда это великое дѣло не слѣдуетъ удовлетворительно тому направленію, какое получаетъ, утомляетъ своимъ безсиліемъ руку, имъ движущую.

«Мы знаемъ, какъ затруднительно приводить на это примѣры; но мы приведемъ ихъ, дѣлая опытъ обѣщанной намъ свободы съ готовностью остановиться, если опытъ окажется неудачнымъ.

«Въ январѣ 1859 императоръ рѣшился на войну. Франція не была къ ней приготовлена. Не было публичныхъ и свободныхъ споровъ, которые показали бы Франціи, что есть итальянскій вопросъ, что этотъ вопросъ достигъ кризиса, что нужна развязка, или посредствомъ европейскаго конгресса, или посредствомъ итальянской войны. Императоръ могъ чувствовать тогда, какъ слаба поддержка общественнаго мнѣнія; онъ могъ жаловаться на его апатію. Только революціонный духъ, думавшій найти себѣ просторъ въ Италіи, попытался нѣсколько гальванизировать общественное мнѣніе. Тогда къ апатіи общественнаго мнѣнія присоединился страхъ, и война стала еще менѣе популярна въ значительной части французскаго общества.

«Мы слышали тогда, какъ нынѣшніе консерваторы доходили въ своемъ гнѣвѣ до сожалѣнія, что уничтожилось парламентское правленіе, какъ они говорили, что двадцать бурныхъ преній произвели бы менѣе потрясенія и пробудили бы менѣе безпокойствъ, чѣмъ одно слово, произнесенное въ Тюильри 1 января 1859. Разрушительность этому слову придавало то, что оно раздалось среди общаго молчанія. Еслибъ оно было началомъ или продолженіемъ совѣщанія, оно все-таки сохранило бы свою важность, оно все-таки было бы рѣшеніемъ, какъ и должно быть, но оно не было бы неожиданнымъ и потрясающимъ ударомъ.

«Мы можемъ сказать о мирѣ то же самое, что̀ сказали о войнѣ: онъ также былъ неожиданностью. Онъ явился среди множества воинственныхъ и довольно декламаторскихъ статей, а что̀ еще важнѣе— эти статьи не встрѣтили сопротивленія, опроверженія и повѣрки ни отъ какого спора въ пользу шансовъ, благопріятныхъ для мира; потому виллафранкскій трактатъ былъ истинно театральнымъ эффектомъ,—эффектомъ, къ которому не былъ приготовленъ даже никто

изъ дѣйствующихъ лицъ. Что̀ касается до насъ, никогда мы не видѣли театральнаго эффекта болѣе удачнаго и умѣстнаго. Правда и то, что мы смотрѣли на него преимущественно съ французской точки зрѣнія. Мы имѣли на это право. Мы видѣли, что въ два мѣсяца войны Франція пріобрѣла перевѣсъ, который признавался и упрочивался миромъ и который отъ продолженія войны подвергался бы риску, не вознаграждаемому надеждою на какія нибудь новыя выгоды для Франціи. Итакъ, мы очень горячо одобряли миръ и защищали бы его гораздо жарче и тверже, если бы было свободное преніе или въ газетахъ, или на трибунѣ. Но недовольные миромъ не были тогда въ состояніи свободно выразить своего неудовольствія, какъ не могли за полгода передъ тѣмъ выражать своего неудовольствія недовольные войною; потому намъ казалось, что молчаніе, будучи необходимостью для порицающихъ, составляетъ обязанность приличія для одобряющихъ. Притомъ, мы думали, что въ рѣчахъ президентовъ великихъ государственныхъ учрежденій миръ будетъ не только одобренъ, но и объясненъ. Объясненіе исчезло подъ ободреніемъ. Уже самъ императоръ, восполняя общее молчаніе, объяснилъ виллафранкскій миръ съ величайшею прямотою и величайшею твердостью, сказавъ то, что̀ хотѣли бы высказать недовольные миромъ, давъ на эти возраженія отвѣтъ, очень справедливый, по нашему мнѣнію, одинъ принявъ на себя роль всѣхъ въ столь важномъ преніи, высказавшись за всѣхъ, даже за тѣхъ, которые думаютъ неодинаково съ нимъ.

«Не въ первый разъ императоръ показывалъ эту смѣлую инициативу. Мы помнимъ, что, когда родился наслѣдный принцъ, онъ самъ съ большимъ тактомъ высказалъ то, что̀ всѣ думаютъ, и никто не говорилъ объ этомъ четвертомъ наслѣдникѣ престола, родившемся въ Тюильри, объ этомъ наслѣдникѣ престола, о которомъ неизвѣстно, тамъ ли онъ умретъ, гдѣ родился.

«Эти порывы къ свободѣ мысли дѣлаютъ честь государю; ему прилично не обольщаться словами, съ которыми являются къ нему, и искать за стѣнами дворца общественную, народную мысль, чтобы отвѣчать ей, просвѣщать ее, умѣрять ее и направлять ее. Но этотъ даръ говорить одному недостаточенъ для государя во Франціи. Его мысль должна встрѣчать отголоски, которые не были бы льстивыми; а для этого нужно, чтобы она могла встрѣчать и противорѣчія. Эти условія необходимы для того, чтобы составлялось общественное мнѣніе и чтобы страна принимала участіе въ событіяхъ своей исторіи. Безъ того страна впадаетъ въ дремоту и разслабленіе. Благодаря превосходной военной организаціи, она можетъ быть способна на великое и удачное усиліе; но самъ государь чувствуетъ, что это усиліе не могло бы

быть продолжительнымъ, а въ особенности, что оно нуждается въ поддержкѣ успѣхомъ, что ему трудно было бы перенести испытаніе неудачи. Государи думаютъ справедливо, когда полагаютъ, что всеобщая апатія — дурной пьедесталъ для нихъ: ихъ величіе основывается на величіи и силѣ ихъ опоръ; а хороши только тѣ опоры, которыя не подгибаются, а выпрямляются отъ ударовъ.

«Мы привели два примѣра невыгоды молчанія и для войны, и для мира. Мы показали, какъ самъ императоръ могъ почувствовать эти невыгоды, и какъ онъ помогъ имъ. Мы приведемъ третій примѣръ. Онъ будетъ взятъ изъ сферы менѣе высокой; онъ показываетъ, какъ болѣзнь молчанія тревожитъ также нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ сановниковъ и администраторовъ имперіи.

«Теперь собраны департаментскіе совѣты, и одинъ изъ бывшихъ депутатовъ, графъ д'Оссонвиль, написалъ для нихъ письмо, которое они прочтутъ съ пользой для себя. Г. д'Оссонвиль убѣждаетъ департаментскіе совѣты высказывать ихъ политическія мнѣнія. Намъ не удивительно слышать такой совѣтъ отъ г. д'Оссонвиля, принадлежащаго такой школѣ и такой эпохѣ, которая любила пренія. Но рѣчи, произнесенныя гг. де-Морни и де-ла-Героньеромъ при открытіи пюй-де-домскаго и верхне-вьенскаго департаментскихъ совѣтовъ, показываютъ намъ, какъ просвѣщенные сановники и администраторы имперіи, подобно императору, желаютъ, чтобы обычай преній нѣсколько возвратился въ умы. Эти обѣ рѣчи чисто политическаго содержанія, которое натурально вызывало къ пренію. Если онѣ не вызвали его, это потому, что нынѣ въ выборныхъ корпораціяхъ трудно встрѣчать людей, способныхъ противорѣчить. Мы даже убѣждены, что префектамъ нужны будутъ нѣкоторыя усилія въ смыслѣ противномъ ихъ прежнимъ усиліямъ, чтобы имѣть въ департаментскихъ совѣтахъ людей, которые противорѣчили бы.

«Если бы мы имѣли честь быть членомъ пюй-де-домскаго или верхне-вьенскаго департаментскихъ совѣтовъ, мы отвѣчали бы на одобрительный вызовъ къ пренію, сдѣланный гг. де Морни и де-ла-Героньеромъ. Дѣйствительно, много можно сказать объ этихъ рѣчахъ, напримѣръ о высказанномъ г. де-Морни мнѣніи, что наша журналистика въ настоящее время не подлежитъ никакимъ мѣрамъ предупрежденія, какъ будто бы не должно было назвать самою строгою системою предупредительныхъ мѣръ такую систему, которая принуждаетъ писателя избѣгать возможности не понравиться администраціи подъ страхомъ замѣчаній, временной остановки и даже совершеннаго прекращенія газеты, въ которую онъ пишетъ. Но мы не имѣемъ притязанія вести пренія вмѣсто членовъ департаментскихъ

совѣтовъ. Мы хотимъ только показать, что люди, наиболѣе посвященные въ мысли императора, дѣлаютъ похвальныя усилія для оживленія духа преній и для противодѣйствія болѣзни молчанія. Возстановленіе свободы печати есть одно изъ лекарствъ, которыя можно испытать противъ этой болѣзни. Мы ожидаемъ этого опыта и обѣщаемъ наше смиренное содѣйствіе тому, чтобы онъ былъ успѣшенъ.

«Мы не хотимъ кончить этой статьи, не сдѣлавъ замѣчанія, которое, быть можетъ, сдѣлали бы многіе изъ нашихъ читателей и которое лучше сдѣлать намъ самимъ. Въ нынѣшнихъ размышленіяхъ мы часто говорили объ императорѣ—это противно нашимъ прежнимъ привычкамъ. Въ прежнія времена мы всегда говорили только о министрахъ, потому что министры въ прежнія времена были отвѣтственны; теперь они отвѣтственны только передъ императоромъ, то есть отвѣтственность лежитъ теперь на одномъ императорѣ. Итакъ, преніе должно относиться къ нему. Намъ эта новая метода не представляется непріятной; она—мы твердо убѣждены—не уменьшаетъ нашей свободы, — быть можетъ, даже увеличиваетъ ее, а естественная почтительность, ею возлагаемая на пренія, есть такая обязанность, которую мы принимаемъ съ полною охотою и искренностью.»

Въ сущности статья довольно ѣдка, но, по обыкновенію Journal des Débats, написана съ дипломатической тактикой, сущность которой состоитъ въ льстивомъ противоположеніи либеральныхъ тенденцій императора съ реакціонными мнѣніями его совѣтниковъ. Еслибъ не они, не эти обскуранты, окружающіе императора Наполеона, Франція, по словамъ Journal des Débats, давно пользовалась бы гораздо большею степенью свободы, чѣмъ теперь, потому что только реакціонныя мнѣнія окружающихъ людей мѣшаютъ императору вполнѣ предаться своей любви къ либеральнымъ учрежденіямъ. Journal des Débats очень хорошо знаетъ, что взводитъ на императора ложь, утверждая, будто бы онъ такъ подчиняется мнѣнію своихъ совѣтниковъ и будто бы не его желанія управляютъ Франціею. Но Journal des Débats и вмѣстѣ съ нимъ многіе другіе либералы полагаютъ, что подобное искаженіе фактовъ можетъ быть полезно: они воображаютъ, будто могутъ обмануть Наполеона III своими похвалами его либерализму, какъ будто бы онъ не знаетъ своего образа мыслей и не находитъ, что желанія Journal des Débats несовмѣстны съ его политическою системою. Дальнѣйшій ходъ дѣла послужитъ новымъ подтвержденіемъ той очевидной истинѣ, что ребяческіе обманы совершенно безполезны: какъ ни сладко говорилъ Journal des Débats о либерализмѣ Наполеона III, онъ все-таки не успѣлъ обольстить императора.

Кромѣ этой тонкой, но совершенно ребяческой тактики — заставить человѣка сдѣлать то, чего онъ не хочетъ, приписывая ему образъ мыслей, котораго онъ не имѣетъ,—кромѣ этой уловки мелкаго либерализма, мы должны обратить вниманіе и на проглядывающее въ статьѣ самохвальство прежними временами, когда партія Journal des Débats управляла государствомъ. Послушать этого самохвальства — а его наслушались и ему повѣрили очень многіе—такъ подумаешь, что при Луи-Филиппѣ Франція, въ самомъ дѣлѣ, пользовалась конституціоннымъ правленіемъ. Кто вѣритъ этому, тотъ никакъ не понимаетъ возможности перехода отъ Луи-Филиппа къ Наполеону III, и такому человѣку остается только толковать о глубокомъ паденіи Франціи, что̀ и дѣлаютъ чрезвычайно многіе. На самомъ дѣлѣ перемѣна въ дѣйствительномъ порядкѣ дѣлъ вовсе не такъ огромна. При Луи-Филиппѣ конституція оставалась одною формою, а въ сущности господствовало «личное управленіе». Формою безъ сущности могутъ дорожить только техники-спеціалисты, а толпа не придаетъ ей особенной важности, и потому-то послѣ Луи-Филиппа возможенъ былъ Наполеонъ III: для этого стоило только отбросить форму. Что̀ и говорить, личное управленіе дѣйствуетъ теперь сильнѣе, нежели въ орлеанскій періодъ; но разница въ степени фактической зависимости дѣйствій правительства отъ общественнаго мнѣнія тогда и теперь далеко не такъ огромна, какъ думаютъ поверхностные люди, ослѣпляющіеся формою. Мы здѣсь укажемъ только на одну отрасль конституціонной жизни, составляющую прямой предметъ этой статьи—на свободу политическихъ газетъ. Напрасно хвалятся бывшіе правители орлеанскаго періода и Journal des Débats, ихъ органъ, будто бы они покровительствовали полной свободѣ политической журналистики. На бумагѣ свобода существовала тогда, но и теперь на бумагѣ она существуетъ; а на самомъ дѣлѣ орлеанское правительство придумало всѣ, возможныя тогда, средства для ея стѣсненія. Основаніе новыхъ газетъ было очень затруднено требованіемъ огромнаго денежнаго залога въ обезпеченіе уплаты штрафовъ, которымъ могла подвергнуться газета; враждебныя правительству газеты систематически убивались наложеніемъ множества огромныхъ штрафовъ. Такая свобода политическихъ преній, какая пріобрѣтена англійскими газетами, не принадлежала французской журналистикѣ и при Луи-Филиппѣ. Важнѣйшій изъ сентябрьскихъ законовъ, знаменитыхъ въ лѣтописяхъ реакціи и изданныхъ съ одобренія нынѣшнихъ защитниковъ свободы, былъ направленъ противъ свободы газетъ. Кромѣ законовъ и штрафовъ, правительство постоянно старалось убить оппозиціонныя газеты полицейскими мѣрами. Такимъ образомъ,

Наполеонъ III собственно не внесъ новаго принципа въ отношенія французскаго правительства къ политическимъ газетамъ: и при Луи-Филиппѣ, какъ при немъ, правительство дѣлало все, что̀ могло, для стѣсненія свободы враждебной ему журналистики. Вся разница въ томъ, что реакція послѣ 1848 года получила гораздо больше силы, нежели сколько имѣла послѣ 1830; только потому и стѣсненіе журналистики стало значительнѣе. Чтобы держать себя подобнымъ образомъ, у правительствъ орлеанскаго періода недоставало не охоты, а только силы. Они не дали французскому обществу привыкнуть къ полной свободѣ журналистики; а если уже существовало правило стѣснять, по возможности, газеты, то̀ натурально, что, при усиленіи реакціи, легко было ей больше прежняго стѣснить ихъ. Теперь Journal des Débats жалуется; но его собственная партія виновна въ томъ, что французы остались способны жить безъ полной свободы печатнаго слова. Нѣсколько больше стѣсненія, нѣсколько меньше стѣсненія—это уже просто зависитъ отъ обстоятельствъ, когда не было допущено укорениться въ умахъ понятію о совершенной несовмѣстности стѣсненія съ принципомъ участія общества въ правительственныхъ дѣлахъ. Не Наполеонъ III, а люди, выставляющіе нынѣ себя либералами, должны считаться истинными виновниками того положенія, въ которое нынѣ поставлены французскія газеты. Даже и теперь, когда они открыто составляютъ непримиримую оппозицію, стало быть должны доводить до крайнихъ предѣловъ всю ту либеральность понятій, въ которой способны, даже и теперь они не умѣютъ говорить о свободѣ печатнаго слова языкомъ, соотвѣтствующимъ защищаемому ими требованію. Этотъ недостатокъ былъ хорошо раскрытъ въ статьѣ Presse (15 сентября), которая воспользовалась статьею «Journal des Débats», чтобы развить требованіе въ болѣе мужественной формѣ:

«Г. де-Морни (говорила Presse), въ своей рѣчи при открытіи пюй-де-домскаго департаментскаго совѣта, объявилъ, что амнистія составляетъ «вступленіе къ новой системѣ, въ которую мы теперь входимъ.» Но такъ какъ онъ не почелъ нужнымъ объясниться точнѣе, то явился вопросъ, въ чемъ же состоитъ эта система, предназначенная довершить «дѣло успокоенія и примиренія». Journal des Débats, повидимому справлявшійся объ этомъ, извѣщаетъ насъ, что правительство, пораженное вредомъ, какой наноситъ общественному духу «болѣзнь молчанія», хочетъ попытаться излечить эту болѣзнь, возвращеніемъ свободы печати. Онъ ожидаетъ, по его словамъ, этого опыта, обѣщаетъ свое «смиренное содѣйствіе тому, чтобы онъ былъ успѣшенъ» и обязывается не злоупотреблять правомъ, которое будетъ ему возвращено.

«Это обѣщаніе мы считаемъ излишнимъ, чтобы не употребить болѣе сильнаго слова, и, быть можетъ, читатель найдетъ, что говорить о свободѣ подобнымъ образомъ значитъ говорить о ней очень дурно. Journal des Débats имѣетъ свои причины быть скромнымъ: онъ не забываетъ, что «общія учрежденія страны созданы не въ «видахъ защиты свободы печати; что общественное мнѣніе доволь- «но равнодушно къ этому дѣлу; что администрація, привыкшая къ «комфорту всеобщаго молчанія, не будетъ съ удовольствіемъ смо- «трѣть на тѣ противорѣчія, какія можетъ встрѣтить; что защит- «ника мы будемъ имѣть только въ одномъ императорѣ». Все это столь же странно, какъ и невѣрно.

«Во первыхъ, очень странно утверждать, что глава государства единственный либеральный человѣкъ въ цѣломъ правительствѣ и что теперь исключительно къ нему одному должно «относиться пре- ніе». Journal des Débats признается, что это противно его прежнимъ привычкамъ; но, прибавляетъ онъ, «теперь одинъ имераторъ отвѣт- ственное лицо.» Объ этомъ было бы можно сказать много, очень много; но все равно: согласимся, что, будучи одинъ отвѣтственнымъ лицомъ, какъ единственный властитель, онъ захочетъ отдать всѣ свои дѣйствія на разборъ газетамъ. Прочнѣе ли оградится чрезъ это свобода? Journal des Débats признается, что этотъ всемогущій за- щитникъ «не можетъ быть всегда внимателенъ, всегда хорошо озна- комленъ съ дѣломъ.» Итакъ, единственнымъ результатомъ было бы, что смѣлыя слова, внушаемыя этимъ покровительствомъ, правда, все- могущимъ, но невѣрнымъ, невнимательнымъ или нехорошо ознаком- леннымъ или ознакомленнымъ съ дѣломъ въ превратномъ видѣ, отдали бы газеты на произволъ администраціи, которая будетъ къ нимъ тогда еще строже и не проститъ имъ того, что онѣ нарушила «комфортъ всеобщаго молчанія.» Мы не понимаемъ, чѣмъ утѣши- тельна такая перспектива для Journal des Débats.

«Благорасположеніе, поддержавшее журналистику нынѣ, можетъ покинуть ее завтра, — и въ чемъ тогда найдетъ она безопасность се- бѣ? А что такое свобода безъ безопасности, составляющей сознаніе свободы? Кромѣ законовъ, которые гарантировали бы намъ свободу пользоваться нашими правами, ни въ чемъ другомъ нельзя найти никакой безопасности. Впрочемъ, намъ надобно только указать ны- нѣшнему Journal des Débats на вчерашній Journal des Débats, указать г. Камюсу, секретарю редакціи, на г. Прево - Парадоля, который опредѣлительно и справедливо говоритъ: «Свобода печати не можетъ «опираться на терпимость администраціи. Она существуетъ только «подъ условіемъ, чтобы она была ясно опредѣлена репрессивными «законами, которые обозначали бы точно указанныя преступленія и

«паказанія за нихъ и не оставляли бы никакого мѣста произволу. «Всякое другое положеніе для журналистики непрочно, и просторъ, «которымъ она повременамъ можетъ пользоваться при отсутствіи «этихъ существенныхъ гарантій, никакъ не заслуживаетъ названія «свободы.

«Вотъ истинные принципы, вотъ языкъ истины, опыта, здраваго смысла и благородства! Свобода печати остается пустымъ словомъ, пока не составляетъ части свободной конституціи. Мы не будемъ распространяться объ этомъ предметѣ, который заслуживаетъ отдѣльнаго изслѣдованія.

«Но мы не хотимъ также оставить безъ протестаціи того, что Journal des Débats говоритъ о мнимомъ равнодушіи общественнаго мнѣнія къ свободѣ печати. Этого равнодушія, слава Богу, нѣтъ. Волнуемое или экзальтируемое съ 1848 года революціями и быстрыми перемѣнами власти, общественное мнѣніе могло имѣть временные пароксизмы утомленія и неудовольствія; но никогда оно не бывало равнодушно къ общественнымъ дѣламъ. Мысль націи никогда не отвращалась отъ принциповъ нравственности и здравой политики и, слѣдовательно, свободы.

«Доказательства этой утѣшительной истины особенно теперь поражаютъ всѣ внимательные умы. Не подлежитъ спору то, что всѣ политическія, экономическія или философскія истины, произносимыя людьми, заслуживающими уваженіе, падаютъ на почву, готовую принять и оплодотворить ихъ. Народная мысль открыта всякому полезному наставленію; она стремится къ талантамъ, способнымъ управлять ею, и въ этомъ стремленіи очищается и укрѣпляется. Изучая это стремленіе и руководя имъ, газеты должны стараться воспитать общественный духъ, составляющій силу, величіе и достоинство свободныхъ народовъ.

«Утверждать, подобно Journal des Débats, что Франція равнодушна къ свободѣ, значитъ говорить, что у ней недостаетъ существеннаго элемента, великаго двигателя національной жизни; значитъ оправдывать тѣхъ, которые, утверждая, что свободою печати интересуются только журналисты, устраиваютъ стѣснительными мѣрами «комфортъ всеобщаго молчанія». Прискорбно видѣть, что уважаемые писатели, друзья всякой свободы, доставляютъ такимъ образомъ предлогъ для претензій и дурныхъ наклонностей произвольной власти.

«Если правительство расположено, какъ утверждаютъ г. де-Морни и Journal des Débats, возвратить свободу газетамъ, причинами его рѣшенія должно служить, во первыхъ, то, что общественное мнѣніе неравнодушно къ этой свободѣ; во вторыхъ, то, что власть для

собственной твердости должна быть постоянно оживляема національнымъ голосомъ, который передается ей газетами. Безъ этого голоса все повергается въ молчаніе, и, когда онъ заглушенъ, государственныя власти становятся отдѣленными отъ націи, безжизненными, безсильными, безславными. Шестьдесятъ лѣтъ бурь, поочередно ломавшихъ всѣ наши старыя и новыя учрежденія, достаточно показываютъ, что безъ свободы общественное зданіе опирается на основахъ слишкомъ непрочныхъ.

«Англичане приписываютъ свободѣ печати всѣ хорошіе результаты своей конституціи. Они считаютъ ее столь же полезною для власти, какъ и для оппозиціи. Она умѣряетъ, направляетъ и исправляетъ ходъ ихъ правительства, и они скорѣе повѣрятъ тому, что островъ ихъ погибнетъ, чѣмъ возможности лишиться этой свободы. Мы еще не дошли до такого убѣжденія, далеко не дошли, — но дойдемъ.»

Полемика подобнаго рода продолжалась нѣсколько дней съ большимъ одушевленіемъ. Наконецъ правительство увидѣло надобность положить конецъ ошибочнымъ надеждамъ, которыя иначе, укоренившись въ умахъ, поставили бы его въ затруднительное положеніе. 18 сентября «Монитёръ» напечаталъ слѣдующее извѣщеніе:

«Многія газеты объявляли о скоромъ обнародованіи декрета, измѣняющаго законодательство 1852 года о политической журналистикѣ.

«Это извѣстіе совершенно неосновательно.

«Политическая журналистика во Франціи имѣетъ свободу подвергать разбору всѣ дѣйствія правительства и объяснять ихъ общественному мнѣнію. Нѣкоторыя газеты, сдѣлавшись, незамѣтно для самихъ себя, органами враждебныхъ партій, требуютъ бо̀льшей свободы, которая имѣла бы цѣлью только облегчить имъ нападенія на конституцію и основные законы общественнаго порядка. Императорское правительство не отступитъ отъ системы, которая, оставляя достаточный просторъ духу критики, пренія и разбора, предотвращаетъ гибельныя послѣдствія лжи, клеветы и ошибки.»

Это извѣщеніе произвело неблагопріятное впечатлѣніе на публику, и газеты подвергли его строгому разбору. Для примѣра мы приведемъ статью, которую въ тотъ же самый день напечатала Presse:

«Монитёръ произнесъ рѣшеніе. Новаго декрета о журналистикѣ не будетъ; въ законодательствѣ 1852 года не будетъ сдѣлано никакихъ перемѣнъ. Газеты имѣютъ достаточно свободы для того, чтобы подвергать критикѣ дѣйствія правительства и объяснять ихъ общественному мнѣнію; тѣ, которыя требуютъ бо̀льшей свободы, служатъ, сами того не зная, органами враждебныхъ партій, хотя-

щихъ низвергнуть конституцію и основные законы общественнаго порядка. Вотъ что «Монитёръ» объявляетъ газетамъ. Мы не хотимъ спрашивать, не придаетъ ли слишкомъ много важности и журналистикѣ и враждебнымъ партіямъ предположеніе, что журналистика можетъ вооружить враждебныя партіи силою, способною стремиться къ такимъ результатамъ.

«Если бы мы говорили отъ имени правительства, мы не захотѣли бы посредствомъ такихъ словъ представлять его существованіе зависящимъ отъ нѣсколькихъ перьевъ. Но говорить отъ имени правительства не наша обязанность, и «Монитёръ» лучшій судья того, что онъ говоритъ и хочетъ говорить. Но такъ какъ за нами признаютъ свободу обсуждать дѣйствія правительства и такъ какъ нынѣшнее объявленіе «Монитёра» неоспоримо есть правительственное дѣйствіе, то мы замѣтимъ, что никто не просилъ правительство открывать просторъ «для лжи, для клеветы и ошибки». Ложь и клевета составляютъ проступки, подлежащіе суду трибуналовъ, и даже ошибка, сдѣланная непреднамѣренно, есть проступокъ, не ускользнувшій отъ вниманія законодателя. Мы, кажется, прочли рѣшительно все написанное объ этомъ предметѣ въ недолгій періодъ надежды, прекращаемой нынѣ объявленіемъ «Монитёра»; но изъ тѣхъ желаній, которыя мы находимъ въ газетахъ, не было ни одного несовмѣстнаго съ конституціею и основными законами общественнаго порядка.

«Была ли бы опасность для конституціи, была ли бы опасность для общественнаго порядка, если бы газетамъ возвращена была общая свобода, принадлежащая труду и промышленности, черезъ уничтоженіе предварительнаго разрѣшенія, если бы чрезъ уничтоженіе замѣчаній онѣ возвращены были въ обыкновенное вѣдомство юридической подсудности? Мы не думаемъ этого и, пользуясь свободою, оставшеюся намъ по «Монитёру», говоримъ, что не думаемъ этого. Нетрудно было бы доказать наше мнѣніе, но безполезно ратовать аргументами противъ факта, а фактъ здѣсь то, что «Монитёръ» не раздѣляетъ нашего мнѣнія. Этимъ рѣшается вопросъ. Положеніе дѣлъ остается прежнее, и газеты должны ладить съ нимъ, какъ знаютъ. Стѣсненіе падаетъ на нихъ, но отвѣтственность и — не побоимся сказать — важнѣйшая часть вреда упадетъ на другихъ.»

Правительству показалось нужнымъ нѣсколько смягчить впечатлѣніе, произведенное безусловнымъ характеромъ объявленія «Монитёра» о томъ, что правила, которыми стѣснены газеты, не подлежатъ никакимъ измѣненіямъ. На другой день явился въ «Монитёрѣ» циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ префектамъ, дополнявшій объявленіе «Монитёра» разъясненіями, которыя могли бы нѣ-

сколько уменьшить неудовольствіе. Циркуляръ начинался тѣмъ, что изъ амнистіи, освободившей газеты отъ наказаній, полученныхъ ими по закону 17 февраля 1852, напрасно выводили заключеніе, будто бы самый этотъ законъ отмѣняется,—напротивъ, амнистія была только милостью, а прежній законъ сохраняетъ свою силу. «Декретъ 17 февраля 1852 г. (продолжалъ циркуляръ) не былъ, какъ утверждали, къ сожалѣнію, слишкомъ многіе, мѣрою временною, порожденною общественнымъ кризисомъ и непригодною для обыкновенныхъ временъ. Безъ сомнѣнія, какъ всѣ политическіе законы, онъ можетъ подлежать улучшеніямъ, польза которыхъ была бы доказана опытомъ; но принципы, на которыхъ основанъ этотъ законъ, тѣсно связаны съ возстановленіемъ правительственной силы во Франціи и съ учрежденіемъ единства власти на основаніи всеобщаго вотированія.

«Императорское правительство не опасается добросовѣстнаго разбора своихъ дѣйствій: оно такъ сильно, что не боится никакихъ нападеній (и т. д., въ этомъ родѣ). Но если неоспоримая его сила даетъ ему возможность безвредно переносить даже злоупотребленія свободы, то соображенія, не зависящія отъ боязни и основанныя исключительно на общественномъ благѣ, налагаютъ на него обязанность не отказываться отъ законныхъ средствъ защиты, составляющихъ гарантію, а не стѣсненіе для общества при правительствѣ, которое служитъ полнѣйшимъ выраженіемъ національной воли.

«Право излагать и обнародовать свои мнѣнія, принадлежащее каждому французу, есть пріобрѣтеніе 1789 года и не можетъ быть отнимаемо отъ націи, столь просвѣщенной, какъ французская. Но это право не должно быть смѣшиваемо съ свободою періодическихъ изданій.

«Газеты суть организованныя въ государствѣ коллективныя силы и при всѣхъ правительствахъ подлежали особеннымъ правиламъ (*). Итакъ, государство имѣетъ права и обязанности предосторожности и надзора, исключительно относящіяся къ газетамъ, и когда оно оставляетъ за собою власть прямо наказывать ихъ проступки административнымъ путемъ, оно не стѣсняетъ свободы мысли, оно только пользуется способомъ охраненія общественныхъ интересовъ. Пользованіе этимъ способомъ охраненія, безспорно ему принадлежащимъ, должно совершаться въ духѣ великой справедливости. умѣренности и твердости.

«Прибавлю, что умѣренность особенно необходима въ административномъ судѣ относительно газетъ. Я самымъ сильнѣйшимъ об-

(*) Вотъ, мы видимъ, что само нынѣшнее правительство приводитъ оправданіемъ для нынѣшняго положенія политической журналистики тѣ отношенія, въ которыхъ старались держать ее прежнія французскія правительства.

разомъ обращаю ваше вниманіе на это. Правительство имѣетъ рѣшимость и обязанность не давать принципу своей власти ослабѣвать; но именно по этому самому оно должно вводить въ свободу прения только тѣ ограниченія, которыя предписываются уваженіемъ къ конституціи, къ законности императорской династіи, интересами порядка, общественной нравственности и религіи.

«Такимъ образомъ, правительство, далекое отъ мысли требовать раболѣпнаго одобренія своихъ дѣйствій, всегда будетъ допускать серьёзное противорѣчіе. Оно не будетъ смѣшивать права контроля съ систематическою оппозиціею и разсчитаннымъ зложелательствомъ. Правительство самымъ сильнымъ образомъ желаетъ того, чтобы его власть была просвѣщаема преніемъ; но оно никогда не потерпитъ, чтобы общество было тревожимо преступными возбужденіями или враждебными страстями.

«Содѣйствуя мнѣ, г. префектъ, вы будете равно удаляться и отъ слабости, допускающей злоупотребленія свободы, и отъ излишества, стѣсняющаго свободу.»

Циркуляръ, какъ видимъ, очень щедръ на увѣренія, которыми могла бы смягчаться существенная мысль его о томъ, что административная опека надъ газетами должна продолжаться. Онъ содержитъ очень много либеральныхъ фразъ и даже даетъ косвенное обѣщаніе, что правила, которымъ нынѣ подлежитъ журналистика, будутъ раньше или позже измѣнены. Около того же времени, правительство вздумало прибѣгнуть къ новому способу останавливать газетную оппозицію, и первый примѣръ этого новаго средства опеки показало на двухъ газетахъ, которыя нарочно были выбраны изъ числа незначительныхъ. Вмѣсто «замѣчаній» (avertissements), которыя посылались для напечатанія въ виновную газету, подвергавшуюся опасности временной остановки изданія послѣ двухъ такихъ замѣчаній, были только напечатаны въ «Монитёрѣ» «сообщенныя объясненія» (communiqués), выражающія порицаніе, но не имѣющія никакихъ юридическихъ послѣдствій. Это было косвеннымъ указаніемъ, что если правительство и не хочетъ формальнымъ образомъ отмѣнить систему замѣчаній, то вообще на практикѣ расположено слѣдовать болѣе умѣренной системѣ относительно журналистики. Газеты, поддерживающія нынѣшнее правительство, конечно, распространились въ похвалахъ умѣренности его и «либеральнымъ тенденціямъ» циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ. Но другія газеты не измѣнили своего мнѣнія. Полемика противъ декрета 17 февраля 1852 года естественно стала ослабѣвать, когда журналистика увидѣла изъ объясненія «Монитёра» 18 сентября, что критика этого декрета не достигнетъ успѣха, не поведетъ къ его

отмѣнѣ. Но все-таки, постепенно ослабѣвая, полемика эта продолжалась еще довольно долго. Нѣкоторыя изъ статей, особенно въ «Presse», отличались прежнею рѣзкостью. Въ примѣръ приводимъ статью изъ «Presse» 23 сентября:

«Два «сообщенныя замѣчанія», напечатанныя нынѣ «Монитёромъ» (говоритъ Presse), вновь обращаютъ наше вниманіе на циркуляръ, посланный къ префектамъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Нѣкоторыя газеты, не замѣчая существеннаго его характера, подвергаютъ разбору разныя его подробности. Такъ, Patrie, нынѣ во второй разъ радующаяся «либеральнымъ тенденціямъ» этого циркуляра, жалѣетъ, что оставили въ прежней силѣ правила относительно замѣчаній, даваемыхъ газетамъ, и къ довершенію своего довольства требуетъ, чтобы эти административныя замѣчанія были сравнены съ судебными приговорами, то есть, чтобы они теряли свою силу черезъ два года, чтобы замѣчаніе не было нескончаемымъ наказаніемъ. Сохраняя питаемое нами достодолжное уваженіе къ Patrie, мы осмѣлимся сказать, что она занимается мухами, не замѣчая слона. Министръ внутреннихъ дѣлъ понялъ смыслъ вопроса гораздо лучше, и надобно возстановить вопросъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представилъ его съ откровенностью, за которую мы ему безконечно благодарны.

«Нѣкоторыя рѣчи, произнесенныя при открытіи департаментскихъ совѣтовъ, подали надежду на перемѣну въ нынѣшнихъ законахъ о журналистикѣ, и г. де-Морни формально сказалъ: «Амнистія служитъ вступленіемъ къ системѣ, въ которую мы входимъ». Объявленіе г. министра внутреннихъ дѣлъ прекращаетъ эти химерическія предположенія. «Амнистія была просто свидѣтельствомъ доброжелательства къ французской журналистикѣ»; но она нимало не измѣнила декрета 17 февраля 1852. Этотъ декретъ не есть временная мѣра, «какъ утверждали, къ сожалѣнію, многіе»: это, по выраженію, которое повторяетъ нынѣ «Монитеръ», печатая фразу курсивомъ, — это *органическій законъ*, принципы котораго «тѣсно связаны съ характеромъ императорской власти».

«Вотъ вещи, которыя намъ важно было знать. Мы были убѣждены въ нихъ; но другіе, въ особенности Constitutionnel, имѣли по этому вопросу сомнѣнія, которыя быстро разсѣяны словами министра. Хотя и обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, они поспѣшили объявить, что они совершенно свободны, и доказали это, принявъ чрезвычайную отвагу безусловно хвалить объявленіе «Монитёра» и циркуляръ министра.

«Эта гибкая логика, которая умѣетъ проповѣдывать всякую господствующую систему и вѣчно держаться принциповъ, которые

угодно выражать правительству, не составляетъ рѣдкости, и если мы теперь обратили на нее вниманіе, такъ это потому, что она безполезна. «Правительство, говоритъ циркуляръ, будучи далеко отъ мысли требовать раболѣпнаго одобренія своихъ дѣйствій, всегда будетъ терпѣть серьёзныя противорѣчія. Оно само желаетъ получать отъ преній полезныя указанія для своей власти.» Если дѣло только за нами, оно при всякомъ случаѣ будетъ получать эти указанія, и, чтобы начать нынѣ же, мы перечитываемъ циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ, и такъ какъ г. министръ въ двухъ нынѣшнихъ сообщенныхъ объясненіяхъ снова говоритъ намъ, что мы имѣемъ «право, подвергать критикѣ правительственныя дѣйствія» и что мы можемъ пользоваться этимъ правомъ «безъ всякой опасности»,—такъ какъ онъ говоритъ это, то мы ему скажемъ, что его циркуляръ не вездѣ достаточно ясенъ.

«Правительство обѣщаетъ «не стѣснять обсужденія ничѣмъ, кро-«мѣ ограниченій, налагаемыхъ уваженіемъ къ конституціи, закон-«ностью императорской династіи, интересами порядка, обществен-«ной нравственности и религіи.» Это выраженія очень неопредѣленныя и вовсе не успокоительныя. Не могутъ ли сказать, напримѣръ, что мы нападаемъ на конституцію, если, поддавшись фантазіи разсмотрѣть ее, мы замѣтили бы въ ней недостатки и предложили бы нѣкоторыя измѣненія? Могли ли бы мы, не нарушая уваженія «къ законности императорской династіи», разсуждать общимъ образомъ о политическихъ принципахъ? Наши отвлеченныя размышленія, могущія приводитъ къ примѣненіямъ, не были ли бы сочтены за нападенія? Если бы намъ случилось похвалить у другаго народа политическую систему, различную отъ той, подъ которой мы живемъ, не были ли бы мы обвинены въ косвенномъ возбужденіи презрѣнія къ конституціи? Историческіе вопросы, такъ или иначе, почти всегда касаются прошедшихъ и нынѣшнихъ учрежденій, и потому не могутъ ли намъ быть воспрещены историческія воспоминанія, которыя покажутся опасными по сближенію? Не надобно ли будетъ оставлять во тмѣ прошедшее, изъ страха, чтобы оно не бросило свѣта на настоящее? Можемъ ли мы безнаказанно вспоминать о бѣдствіяхъ нашихъ отцовъ и о тѣхъ, которыя перенесли мы сами? Вотъ наши недоумѣнія. Мы просимъ г. министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшить ихъ.

«Неопредѣленность становится ужасна, когда циркуляръ говоритъ объ общественной нравственности и религіи. Оскорбленіе благопристойности — вещь понятная; но что такое оскорбленіе общественной нравственности и религіи, — этого нельзя понять, или это можно понимать тысячью разныхъ способовъ, что̀ одно и то же. Го-

ворить, что какая нибудь религія ложна, конечно, значитъ нападать на нее самымъ сильнымъ образомъ; а, между тѣмъ, въ странахъ. имѣющихъ свободу исповѣданій, каждому принадлежитъ право доказывать, что его религія одна только истинная и что, слѣдовательно, всѣ остальныя ложны. Что̀ касается до общественной нравственности, то г. министръ внутреннихъ дѣлъ, конечно, намѣренъ понимать подъ нею только принципы, общіе всѣмъ религіямъ, и въ такомъ случаѣ мы просимъ его замѣтить, что онъ обращаетъ столы своего министерства въ мѣста метафизическихъ состязаній.

«Циркуляръ утверждаетъ, что «газеты суть коллективныя силы, организованныя въ государствѣ», и что онѣ «должны подлежать особеннымъ правиламъ». Вотъ, по нашему мнѣнію, заблужденіе, хроническое заблужденіе, внушавшее столько ошибочныхъ мѣръ французскимъ правительствамъ. Газеты только средство обнаруживать врожденную способность; это—машины, и, подобно всѣмъ другимъ машинамъ, должны быть свободны въ своемъ правильномъ дѣйствованіи и подлежать суду только тогда, когда ими совершается преступленіе. По этому опредѣленію, которое мы считаемъ и справедливымъ и благотворнымъ, нѣтъ надобности создавать для газетъ особенные проступки и преступленія—онѣ должны подлежать общимъ законамъ; въ этомъ и состоитъ единственное ихъ требованіе, которое столь рѣдко было исполняемо. Законъ, общій для всѣхъ, говоритъ, что человѣкъ, злоупотребившій орудіемъ для совершенія преступленія, долженъ быть наказанъ; но справедливость требуетъ, чтобы наказывался только тотъ, кто дѣйствовалъ съ полнымъ сознаніемъ преступности своего дѣла, т. е. совершилъ преступленіе предусмотрѣнное, опредѣленное закономъ, внесенное въ законъ. Мы очень твердо знаемъ теперь, что декретъ 17 февраля 1852 г. есть законъ, и, притомъ, органическій законъ; но опредѣлены ли въ немъ ясно всѣ проступки, за которые газеты могутъ подвергаться замѣчаніямъ, временной остановкѣ изданія и запрещенію? Безспорно, не опредѣлены,—и вотъ почему мы считаемъ снисходительность правительства единственнымъ обезпеченіемъ, какое въ сущности имѣемъ.

«Важность, придаваемая правительствомъ стѣснительнымъ мѣрамъ—великое самообольщеніе. Правительство думаетъ находить въ стѣсненіи источникъ силы, — оно обманывается. Единственный источникъ силы для правительства — признательность, внушаемая его благодѣяніями, уваженіе, внушаемое его справедливостью. Уклоняться отъ испытанія посредствомъ безусловно свободной критики, когда имѣешь сознаніе быть властью благотворною и необходимою, значитъ унижать и ослаблять себя.

«Сдѣлаемъ еще только одно замѣчаніе. Правительство обѣщаетъ обнаруживать въ наказаніяхъ «духъ великой справедливости, умѣренности и твердости». Мы хотимъ вѣрить, что его намѣреніе таково; но отъ этого мы не подвигаемся ни на одинъ шагъ впередъ, пока мы не имѣемъ яснаго опредѣленія различныхъ проступковъ, которые можемъ мы совершать. Стѣсненіе остается въ умѣ писателя, если даже не находится въ намѣреніяхъ правительства. Иго тогда тяжеле, чѣмъ хотятъ налагающіе его. Чувство безопасности не внушается по произволу, и пока журналы не будутъ имѣть другихъ гарантій, кромѣ снисходительности правительства, къ нимъ можно примѣнять фразу великаго оратора: «Посмотрите, каковы они стали, благодаря снисходительности.»

«Къ счастію, жизненность ихъ очень велика. Всѣ французскія правительства ихъ преслѣдовали, нѣкоторыя пытались убить ихъ, и извѣстно, каковъ былъ результатъ этой безсильной попытки, напримѣръ, для реставраціи. Съ 1789 года не разъ шпага владычествовала надъ перомъ, своимъ вѣчнымъ соперникомъ; но перо, презирая бури, всегда могло сказать шпагѣ, какъ тростникъ говорилъ дубу: «я гнусь, но не сломлюсь». Если мы не безусловно свободны, то мы независимы, и этого довольно,—по крайней мѣрѣ, для читателя; а что̀ касается до журналистовъ, мы имъ напомнимъ для ихъ ободренія слова, которыми 63 года назадъ Портали заключилъ свою прекрасную рѣчь о свободѣ печати:

«Пусть не унываютъ просвѣщенные и благородные писатели. «Мы имъ скажемъ: идите впередъ, вы, могущіе разлить потоки свѣ- «та на всѣ важные вопросы, обсуждаемые въ совѣтахъ націи; иди- «те впередъ, вы, имѣющіе мужество провозглашать истину и бо- «роться съ несправедливостями и злоупотребленіями власти; идите «впередъ, вы, по своей проницательности и патріотизму заслужи- «вающіе быть участниками въ дѣлѣ законодательства, хотя бы ваше «положеніе и не позволяло вамъ быть членами законодательной вла- «сти,—вы, достойные подготовлять наши труды и раздѣлять славу «за нихъ,—вы, ежедневно посѣвающіе въ обществѣ благія мысли «просвѣщенія и планы, достойные отечества и лучшихъ вѣковъ. Вы «занимаете самую независимую изъ общественныхъ должностей!»

Интересъ, съ какимъ обществомъ слѣдило за преніями о законахъ, которымъ теперь подчинена французская журналистика, конечно, уменьшался съ каждымъ днемъ, когда открылось, что эти пренія не поведутъ ни къ какому непосредственному практическому результату, и, такимъ образомъ, правительство увидѣло наконецъ возможность выступить энергичнѣе прежняго для прекращенія по-

лемики, ему непріятной. Въ «Монитёрѣ» 27 сентября явилось слѣдующее объявленіе:

«Подъ предлогомъ доказать, что журналистика не свободна, многія газеты производили на декретъ 17 февраля 1852 года нападенія, выходящія изъ крайнихъ предѣловъ права разбора.

«Уваженіе къ закону нераздѣльно съ пользованіемъ законною свободою.

«Противъ писателей, забывающихъ это уваженіе, правительство могло бы воспользоваться властью, ему принадлежащею. Оно не хочетъ дѣлать этого послѣ недавней, добровольно принятой имъ мѣры, освободившей періодическія изданія отъ замѣчаній, которымъ они подверглись.

«Правительство, оставаясь вѣрно своимъ принципамъ умѣренности, не можетъ также не исполнять лежащей на немъ обязанности охранять уваженіе къ закону.

«Итакъ, оно добросовѣстно предупреждаетъ газеты, что оно рѣшилось не допускать болѣе полемическихъ излишествъ, которыя должны считаться интригою партій.»

Но и это объявленіе не произвело всего дѣйствія, какого ожидало отъ него правительство. Тѣ изъ газетъ, которыя особенно сильно полемизировали противъ декрета 17 февраля, помѣстили на другой день статьи, говорившія, что онѣ не хотятъ принимать такого истолкованія ихъ прежнихъ статей и должны еще разъ повторить, что остаются при своемъ мнѣніи. Siècle, напримѣръ, объявилъ, что объявленіе «Монитера» не относится къ нему, потому что онъ никогда не допускалъ «излишествъ» въ своей полемикѣ, и потому онъ считаетъ себя сохраняющимъ право продолжать свои требованія объ измѣненіи законовъ, опредѣляющихъ положеніе журналистики. Presse объявила, что объясненіе «Монитёра» не измѣняетъ положенія дѣлъ, потому что все-таки должны сохранять силу прежнія увѣренія правительства о томъ, что журналистика имѣетъ право подвергать контролю правительственные акты.

Полемика продолжалась еще нѣсколько времени, и даже осторожный «Journal des Débats» отважился вновь помѣстить двѣ или три статьи, по прежнему доказывавшія неудобство нынѣшнихъ законовъ о журналистикѣ. Но, давно потерявъ свой практическій интересъ, полемика постепенно и незамѣтно наконецъ прекратилась.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РУССКАЯ САТИРА ВЪ ВѢКЪ ЕКАТЕРИНЫ.

(**Русскіе сатирическіе журналы** 1769—1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка. Соч. *А. Аѳанасьева*. Москва. 1859 г.)

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

КРЫЛОВЪ.

Искусство говорить слова для словъ всегда возбуждало великое восхищеніе въ людяхъ, которымъ нечего дѣлать. Но такое восхищеніе не всегда можетъ быть оправдано. Конечно, и звукъ, какъ все на свѣтѣ, имѣетъ право на «самостоятельное существованіе» и, доходя до высокой степени прелести и силы, можетъ восхищать самъ собою, независимо отъ того, что̀ имъ выражается. Такъ насъ можетъ плѣнять соловьиное пѣнье, смысла котораго мы не понимаемъ, итальянская опера, которую обыкновенно понимаемъ еще меньше, и т. п. Но въ большинствѣ случаевъ звукъ занимаетъ насъ только какъ знакъ, какъ выраженіе идеи. Восхищаться въ оффиціальномъ отчетѣ — его слогомъ, или въ профессорской лекціи — ея звучностью,

означаетъ крайнюю односторонность и ограниченность, близкую къ идіотству. Вотъ почему, какъ только литература перестаетъ быть праздною забавою, вопросы о красотахъ слога, о трудныхъ риѳмахъ, о звукоподражательныхъ фразахъ и т. п. — становятся на второй планъ: общее вниманіе привлекается содержаніемъ того, что пишется, а не внѣшнею формою. Такимъ образомъ красивенькія описанія, звучные диѳирамбы и всякаго рода общія мѣста исчезаютъ предъ произведеніями, въ которыхъ развивается общественное содержаніе. Является потребность въ изображеніи нравовъ; а такъ какъ нравы, отъ начала человѣческихъ обществъ до нашихъ временъ, были всегда очень плохи, то изображеніе ихъ всегда переходитъ въ сатиру. Такимъ образомъ, сатира, говоря слогомъ московскихъ публицистовъ, «служитъ доказательствомъ зрѣлости общественной среды и залогомъ грядущаго совершенствованія государства». Немудрено поэтому, что и у насъ сатира привлекаетъ къ себѣ особенную благосклонность образованной публики и приводитъ въ восторгъ лучшихъ нашихъ историковъ литературы, т. е. тѣхъ, которые уже переступили степень развитія, дозволяющую инымъ восхищаться слогомъ оффиціальныхъ отчетовъ.

Относительно значенія и достоинства сатиры вообще мы совершенно соглашаемся съ почтенными историками литературы нашей. Но мы позволимъ себѣ указать на одну особенность нашей родной сатиры, до сихъ поръ почти не удостоенную вниманія ученыхъ изслѣдователей. Особенность эта состоитъ въ томъ, что литература наша началась сатирою, продолжалась сатирою и до сихъ поръ стоитъ на сатирѣ — и между тѣмъ все-таки не сдѣлалась еще существеннымъ элементомъ народной жизни, не составляетъ серьёзной необходимости для общества, а продолжаетъ быть для публики чѣмъ-то постороннимъ, роскошью, забавою, а никакъ не дѣломъ. Это значитъ, по нашему мнѣнію, то, что и сатира у насъ вовсе не есть «слѣдствіе зрѣлости общественной среды», а объясняется совершенно другими причинами. Причины эти нетрудно понять: сатира явилась у насъ, какъ привозный плодъ, а вовсе не какъ продуктъ, выработанный самой народной жизнью. Кантемиръ, обличая приверженцевъ старины и вздорныхъ поклонниковъ новизны, сказалъ не думу русскаго народа, а идеи иностраннаго князя, пораженнаго тѣмъ, что русскіе не такъ принимаютъ европейское образованіе, какъ бы слѣдовало по плану преобразователя Россіи. Ставши подъ покровомъ оффиціальныхъ распоряженій, онъ смѣло каралъ то, что и такъ отодвигалось на задній планъ разнообразными реформами, уже приказанными и произведенными; но онъ не касался того, что было дѣйствительно дурно—не для успѣха

государственной реформы, а для удобствъ жизни самого народа. Въ то время, какъ вводилась рекрутская повинность, Кантемиръ изощрялся надъ неслужащими; когда учреждалась табель о рангахъ, онъ поражалъ боярскую спесь и мѣстничество; когда народъ отъ притѣсненій и непонятныхъ ему новостей всякаго рода бѣжалъ въ расколъ, онъ смѣялся надъ мертвой обрядностью раскольниковъ; когда народъ нуждался въ грамотѣ, а у насъ учреждалась академія наукъ, онъ обличалъ тѣхъ, которые говорили, что можно жить, не зная ни латыни, ни Эвклида, ни алгебры.... Съ Кантемира такъ это и пошло на цѣлое столѣтіе: никогда почти не добирались сатирики до главнаго, существеннаго зла, не разражались грознымъ обличеніемъ противъ того, отъ чего происходятъ и развиваются общіе народные недостатки и бѣдствія. Характеръ обличеній былъ частный, мелкій, поверхностный. И вышло то, что сатира наша, хотя, повидимому, и говорила о дѣлѣ, но въ сущности постоянно оставалась пустымъ звукомъ....

Любопытно прослѣдить, какъ это случилось, и мы не отказываемся, по мѣрѣ возможности, когда нибудь серьёзно заняться этимъ вопросомъ. Но теперь выскажемъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній, нужныхъ для настоящаго предмета нашей статьи.

Когда человѣкъ говоритъ о дѣлѣ, то прямая цѣль его словъ та, чтобы дѣло было сдѣлано; когда сатирикъ возстаетъ противъ недостатковъ, то у него непремѣнно есть стремленіе исправить недостатки. Но, чтобы подобная цѣль могла достигаться, нужно говорить дѣльно и договаривать до конца; иначе никакого толку не выйдетъ. Если меня, напримѣръ, порицаютъ за то, что я живу въ дурной квартирѣ и ѣмъ плохую пищу, между тѣмъ, какъ у меня нѣтъ денегъ для лучшей квартиры и пищи, то очевидно, что всѣ порицанія не принесутъ мнѣ ровно никакой пользы. Человѣкъ истинно желающій, чтобы я исправился отъ дурной привычки скудно ѣсть и жить въ бѣдности, непремѣнно обратитъ свои обличенія не на квартиру и столъ мой, а — или на то, зачѣмъ я самъ ничего не дѣлаю для своего обезпеченія, или на то, зачѣмъ другіе не вознаграждаютъ моего труда, какъ слѣдуетъ. То же самое и въ нравственной жизни общества. Бо́льшая часть общественныхъ явленій не можетъ быть измѣнена просто волею частныхъ лицъ: нужно измѣнить обстановку, дать другія начала для общей дѣятельности, и тогда уже обличать тѣхъ, которые не съумѣютъ воспользоваться выгодами новаго устройства. Наши сатирики отчасти не хотѣли понять этого, а отчасти и понимали, да не могли выразить. Они нападали на необразованность, взяточничество, ханжество, отсутствіе законности, спесь и жестокость въ обращеніи съ низшими,

подлость предъ высшими и проч. Но весьма рѣдко въ подобныхъ обличеніяхъ проглядывала мысль, что всѣ эти частныя явленія суть не что иное, какъ неизбѣжныя слѣдствія ненормальности всего общественнаго устройства. Большею частію нападали на взяточника такъ, какъ будто бы все зло взяточничества зависѣло единственно отъ личной наклонности такихъ-то къ обдиранію просителей. Никогда въ сатирахъ нашихъ вопросъ о взяткахъ не переходилъ въ разсмотрѣніе общаго вреда бюрократіи и тѣхъ обстоятельствъ, которыми сама бюрократія порождена и развита. То же было и во всѣхъ другихъ вопросахъ. Значительная часть сатириковъ нашихъ уподоблялась человѣку, обличающему бѣдняка за то, что тотъ не живетъ въ роскоши, и добросовѣстно убѣжденному, что отъ этихъ обличеній жизнь бѣдняка пойдетъ лучше. Нѣкоторые же изъ обличителей задавались такою мыслію: «мы, дескать, будемъ обличать и осмѣивать бѣдняка за его скудость; когда это дойдетъ до хозяина, отъ-кототораго онъ получаетъ жалованье, такъ хозяинъ-то усовѣстится да и сдѣлаетъ ему прибавку.» Разсужденіе это, замѣчательное по своей наивности, очевидно руководило весьма многими изъ нашихъ сатириковъ, отъ Сумарокова до нашихъ дней, и вслѣдствіе того, обличенія бѣдняка въ скудости обыкновенно заканчивались увѣщаніемъ исправиться, оставаясь на службѣ у того же хозяина... Въ одной изъ нашихъ прежнихъ статей мы уже говорили о подобныхъ сатирикахъ, называя ихъ Маниловыми, и здѣсь не можемъ не повторить, что именно этотъ маниловскій характеръ и лишалъ постоянно нашу сатиру реальнаго значенія. Жевали-жевали, мяли-мяли у насъ въ литературѣ разные общественные вопросы, и подъ конецъ дошли—до чего же?—до эстетическаго открытія, что и сатира можетъ быть такимъ же словомъ для слова, какъ и звучное стихотвореніе Фета или Хомякова... Оказалось, что не однѣ розы и грёзы, не одну географію славянскихъ рѣкъ, но и общественныя язвы можно воспѣвать только для процесса воспѣванія. Сатира явилась только другимъ видомъ, или, если хотите, другою степенью старинныхъ эклогъ, рондо и мадригаловъ... Здѣсь былъ, конечно, уже не звукъ для звука, но и не звукъ для дѣла; это было—обличеніе для обличенія, споръ для спора, остроуміе для остроумія. До настоящаго дѣла было отсюда чрезвычайно далеко, не только въ выраженіи, но часто и въ мысли сатириковъ. Они твердили: не нужно прислуживаться къ начальству, не нужно брать взятокъ, не нужно эксплуатировать другихъ, и пр. Но какъ же быть, когда безъ прислуживанья и безъ взятокъ большинство чиновниковъ не можетъ выбиться изъ ничтожества, не можетъ содержать семьи, прилично одѣться, и т. д? Какъ быть, ежели, при современныхъ об-

щественныхъ отношеніяхъ, обыкновеиный человѣкъ, не эксплуатирующій другаго, долженъ почти умирать съ голода? При этихъ вопросахъ, не только обличаемые, но и сами обличители становились втупикъ и начинали бить воздухъ отвлеченностями о томъ, что во всякомъ случаѣ надо, однако, быть честнымъ. Но такъ какъ этотъ аргументъ былъ уже слишкомъ слабъ даже предъ судомъ ихъ собственной совѣсти, въ родѣ докторскаго увѣренія больному, что слѣдуетъ беречь здоровье, то они обыкновенно пускались въ очарованія и надежды. «Конечно, разсуждали они, худосочіе и ревматизмъ нельзя уничтожить медикаментами; надо перемѣнить образъ жизни и всю внѣшнюю обстановку. Но въ настоящее время, когда все идетъ впередъ, не нужно особенныхъ усилій для того, чтобы сдѣлать такую радикальную перемѣну: она совершается сама собою. По сложности ученыхъ наблюденій за послѣднія 50 лѣтъ, оказывается, что климатъ вообще смягчается въ сѣверныхъ странахъ, море осѣдаетъ, гастрономія дѣлаетъ новые успѣхи, многія изнурительныя для здоровья работы исполняются новоизобрѣтенными машинами, и пр., и пр... Нѣтъ сомнѣнія, что все это должно быть весьма утѣшительно для больнаго бѣдняка, ибо подаетъ ему надежду, что медленный, но вѣрный прогрессъ скоро коснется и его положенія и уничтожитъ причины его болѣзни...» Такія и подобныя разсужденія всегда составляли одну изъ необходимыхъ частей нашей сатиры; причины ихъ заключались въ неумѣньи или нерѣшимости указать дѣйствительныя средства поправить дѣло; слѣдствіемъ же ихъ была та двойственность, та безпрерывная цѣпь разочарованій и новыхъ надеждъ, та умилительная смѣсь негодованія и восторга, которыя доставили нашимъ сатирикакъ такъ много обломовской миловидности и такъ мало дѣйствительной силы...

Винить ли ихъ за то, что они не умѣли вылѣчить больнаго? Требовать ли отъ нихъ, чтобы они приняли на себя громадный трудъ измѣнить всю обстановку, благопріятствующую болѣзни? Нѣтъ, это было бы несправедливо и нелѣпо. Но можно спросить ихъ о другомъ: зачѣмъ они придаютъ своимъ утѣшительнымъ фразамъ значеніе, котораго тѣ не имѣютъ? Зачѣмъ они, повторяя много лѣтъ однѣ и тѣ же фразы, наконецъ до того сами увлекаются ими, что говорятъ ихъ даже не въ смыслѣ простаго утѣшенія, а прописываютъ въ видѣ дѣйствительнаго лѣкарства? Наконецъ, зачѣмъ они такъ мало имѣютъ послѣдовательности, такъ поверхностно смотрятъ на жизнь, что полагаютъ, будто новѣйшими успѣхами гастрономіи воспользуется желудокъ больнаго бѣдняка, или что поднятіе балтійскаго берега можетъ на нынѣшнюю осень предохранить отъ наводненія жителей Галерной Гавани?..

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили о современной нашей сатирѣ и выражали прискорбіе о ея мелочности и поверхностности. Мы высказали убѣжденіе, что отъ такой сатиры не выйдетъ истинной пользы для общества. Нѣкоторые приняли наши слова за убѣжденіе, что обличать вовсе не нужно и что сатира только портитъ эстетическій вкусъ публики. Но мы вовсе не то имѣли въ виду: мы хотѣли сказать, что наша сатира *не то* и *не такъ* обличаетъ... Плодить далѣе разсужденія объ этой матеріи мы считаемъ крайне неудобнымъ, потому что — извѣстное дѣло — о настоящемъ времени всегда трудно произносить откровенное и рѣшительное сужденіе, а у насъ въ настоящее время, когда поднято столько вопросовъ и сдѣлано столько начинаній, подобное сужденіе положительно невозможно. Но если аналогія можетъ къ чему нибудь повести, то намъ представляется въ книгѣ г. Аѳанасьева превосходный случай прослѣдить одинъ «эпизодъ изъ исторіи русской литературы», въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ аналогическій настоящему времени. Этотъ эпизодъ представляетъ намъ сатира екатерининскаго періода. Книга г. Аѳанасьева, разсматривающая сатирическіе журналы того времени, даетъ намъ очень много данныхъ относительно того, что̀ тогда дѣлала сатира. Къ сожалѣнію, нашъ авторъ не обратилъ вниманія на то, какіе результаты въ самой жизни произошли отъ столь ярыхъ обличеній. Но мы постараемся сдѣлать за него нѣсколько указаній изъ источниковъ, всѣмъ постоянно доступныхъ: изъ учебника г. Устрялова, изъ «Полнаго Собранія Законовъ» и изъ нѣсколькихъ журнальныхъ статей, напечатанныхъ въ послѣднее время.

Вѣкъ Екатерины долгое время являлся намъ въ какомъ-то волшебномъ сіяніи, златымъ вѣкомъ процвѣтанія Россіи по всѣмъ частямъ. До недавняго времени наше вниманіе привлекалось только свѣтлою стороною послѣдней половины прошлаго вѣка. Созваніе депутатовъ со всей Россіи, Наказъ, учрежденіе о губерніяхъ, громы суворовскихъ и румянцовскихъ побѣдъ, пріобрѣтеніе Крыма и Польши, развитіе народнаго просвѣщенія, процвѣтаніе наукъ и художествъ, оды Державина, поэмы Хераскова, комедіи Фонъ-Визина и самой Екатерины, — все это преисполняло благоговѣніемъ даже самую нечувствительную душу! Но въ настоящее время, когда Россія вступаетъ въ новый періодъ существованія, — и для екатерининской эпохи наступила уже исторія. Теперь уже нужны не дивирамбы, не безотчетныя хвалы, а безпристрастное и спокойное разсмотрѣніе фактовъ того времени, во всей ихъ полнотѣ. Скрывать или искажать историческіе факты, бывшіе за сто или за 80 лѣтъ назадъ, было бы крайне невѣжественнымъ и зловреднымъ, почти іезуитскимъ поступкомъ. Вотъ почему теперь безпрепятственно по-

является въ печати множество матеріаловъ для екатерининской исторіи, которые до сихъ поръ не могли появиться въ свѣтъ. Въ «Русской Бесѣдѣ» напечатаны записки Державина, въ «Отеч. Запискахъ», въ «Библіограф. Запискахъ» и въ «Москов. Вѣдомостяхъ» недавно помѣщены были извлеченія изъ сочиненій князя Щербатова, въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи» и въ «Пермскомъ Сборникѣ»—допросы Пугачову и многіе документы, относящіеся къ исторіи пугачовскаго бунта; въ «Чтеніяхъ» есть, кромѣ того, много записокъ и актовъ, весьма рѣзко характеризующихъ тогдашнее состояніе народа и государства; мѣсяцъ тому назадъ г. Иловайскій, въ статьѣ своей о княгинѣ Дашковой весьма обстоятельно изложилъ даже всѣ подробности переворота, возведшаго Екатерину на престолъ; наконецъ сама книга г. Аѳанасьева содержитъ въ себѣ множество любопытныхъ выписокъ изъ сатирическихъ журналовъ — о ханжествѣ, дворянской спеси, жестокостяхъ и невѣжествѣ помѣщиковъ, и т. п. Опираясь на эти примѣры, и мы рѣшаемся раскрыть, насколько возможно по скудости источниковъ и другимъ обстоятельствамъ, истинное отношеніе сатиры екатерининскаго періода къ самой дѣйствительности того времени и показать, каковы были результаты тогдашнихъ литературныхъ толковъ для послѣдующей жизни народа и государства.

Ежели разсматривать сатиру екатерининскаго времени, какъ нѣчто самобытное и серьёзное, и не обращать вниманія на факты, противорѣчащіе такому взгляду, то нельзя не удивляться ея силѣ и смѣлости, нельзя не придти въ восхищеніе и не подумать, что такая сатира должна была произвести благотворнѣйшіе результаты для всей Россіи. До такихъ именно убѣжденій и дошелъ г. Аѳанасьевъ, какъ видно изъ первыхъ словъ его книги.

«Блистательное царствованіе императрицы Екатерины II, столько замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, извѣстно и своимъ благотворнымъ вліяніемъ на развитіе отечественной литературы и журналистики *Успѣхи общественной жизни отразились и на серьезномъ содержаніи многихъ литературныхъ произведеній и на благородномъ ихъ направленіи.* Защита просвѣщенія, борьба съ невѣжествомъ и предразсудками, открытая и мѣткая насмѣшка надъ нравственными общественными недугами и глубокое чувство истиннаго потріотизма—вотъ тѣ существенныя стремленія, которымъ служило перо лучшихъ сочинителей того времени.»

Далѣе г. Аѳанасьевъ говоритъ, что «сатира, состоя въ тѣсной связи съ тѣми преобразованіями, какія задумывала и совершала ве-

ликая Екатерина, *бросала на воспріимчивую почву русской народности живительное сѣмя*» (стр. 2). Какова была жатва, объ этомъ г. Аѳанасьевъ не считаетъ нужнымъ распространяться; но по его словамъ надо полагать, что, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, и жатва должна быть очень хороша. Сѣмя живительное и почва воспріимчивая: чего же вамъ больше? Развѣ постороннія вліянія могли мѣшать, градомъ побивало растительность, саранча налетала? Да и того не могло быть: вѣдь сатира «состояла въ тѣсной связи съ преобразованіями великой Екатерины!» Очевидно по всѣмъ признакамъ: екатерининская сатира должна была принести прекраснѣйшіе плоды.

И дѣйствительно, сами сатирики того времени были убѣждены въ громадности своего вліяніе на исправленіе общественныхъ недостатковъ. Сознавая свою связь съ правительственными преобразованіями, они не отдѣляли своего дѣла отъ дѣла Екатерины и твердо уповали на скорое водвореніе въ Россіи златаго вѣка, вслѣдствіе совокупныхъ усилій правительства и литературы. Безъ этой приправы не обходилось у нихъ ни одно обличеніе! Особенно восхищало ихъ то, что при Екатеринѣ уже не водили къ пыткѣ и не ссылали въ Сибирь за каждое нескромное слово. «Читая твой листокъ — писалъ кто-то къ «Живописцу» — я плакалъ отъ радости, что нашелся человѣкъ, который противъ господствующаго ложнаго мнѣнія осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ. Великій Боже! услыши моленіе восьмидесятилѣтняго старика, къ счастію нашему продли дни премудрыя государыни!... Куда бы ты попалъ, бѣдняжка, еслибъ эту пѣсню запѣлъ въ то время, когда я былъ помоложе» (Живоп. Ч. 1, стр. 52). Это было напечатано въ «Живописцѣ» въ 1772 г., т. е. черезъ десять лѣтъ по вступленіи Екатерины на престолъ. Извѣстно, что «Живописецъ» посвященъ «сочинителю комедіи «О, время!» т. е. самой Екатеринѣ, и въ посвященіи этомъ прямо и положительно объясняется, что сатира принимаетъ смѣлость обличать пороки именно вслѣдствіе поощренія государыни, какъ правительственнаго, такъ и литературнаго. Новиковъ, прикидываясь, что не знаетъ, *кто* сочинилъ «О, время!», говоритъ здѣсь о Екатеринѣ и какъ объ авторѣ, и какъ о правительницѣ, и одну восхваляетъ предъ другимъ. Между прочимъ, онъ говоритъ, автору комедіи:

«*Вы первый* съ такимъ искусствомъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностью и удовольствіемъ; *вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе*.... Продолжайте, государь мой, прославлять себя вашими сочиненіями.... Взгляните безпристрастнымъ окомъ на *пороки наши, закоренѣлые, ху-*

дые обычаи, злоупотребленія и на всѣ развратные наши поступки; вы найдете *толпы* людей, достойныхъ вашего осмѣянія; и вы увидите, какое еще *пространное поле* къ прославленію вашему осталось.»

Слова эти можно замѣтить, какъ свидѣтельство писателя, что въ 1772 г., неемотря на возгласы одописцевъ объ Астреѣ и золотомъ вѣкѣ, господствовало еще въ Россіи полное развращеніе, и сатира, упражнявшаяся надъ нимъ уже три года (считая съ 1769, когда начались сатирическіе журналы), по прежнему имѣла для себя еще «пространное поле». Впрочемъ весь «Живописецъ» свидѣтельствуетъ объ этомъ еще лучше, и потому-то особенно любопытна та легкость, съ которою и онъ, вмѣстѣ съ другими, поетъ хвалы «златому вѣку», наставшему тогда въ Россіи. Видно, что для «златаго вѣка» сатирики считали нужнымъ только дозволеніе говорить о порокахъ... На это преимущественно и сводитъ Новиковъ свое увѣщаніе автору комедіи «О время» насчетъ продолженія его писаній. Сказавъ объ обиліи нашихъ пороковъ и злоупотребленій, онъ продолжаетъ:

«Вы первый достоинъ показать, что *дарованная вольность умамъ россійскимъ употребляется въ пользу отечества.* Но, государь мой, почто укрываете вы свое имя, имя всеобщія достойное похвалы? Я никакія не нахожу къ тому причины. Неужели, оскорбя столь жестоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ злословія? Нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ имѣть мѣста въ благородномъ сердцѣ. *И можетъ ли такая ваша смьлость опасаться угнетенія въ то время, когда,* къ *счастію Россіи и ко благоденствію человъческаго рода, владычествуетъ наша премудрая Екатерина? Ея удовольствіе, оказанное во представленіи вашея комедіи, удостовѣряетъ о покровительствѣ ея такимъ, какъ вы, писателямъ.* Чего жь осталось вамъ страшиться?» (Жив. Ч. I, стр. IV.)

Изъ этого, не совсѣмъ ловкаго по нынѣшнимъ понятіямъ, указанія на удовольствіе Екатерины, выраженное ею при представленіи ея же пьесы, видно, какъ мало тогдашняя сатира имѣла собственной иниціативы и какъ она нуждалась въ меценатствѣ и поощреніи сверху. Поощреніе это дѣйствительно даваемо было Екатериною, разумѣется въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она считала нужнымъ и сообразнымъ съ своимъ видами, — и благодарные сатирики не могли безъ умиленія отзываться о милостяхъ премудрой монархини. Они безпрестанно хвалились ея покровительствомъ и чрезъ то зажимали ротъ обскурантамъ, которымъ не нравилась свобода слова. «Живописецъ» изображаетъ глупаго и жестокаго помѣщика, который пишетъ къ сыну своему Θалалею: «Что за Живописецъ» такой у

васъ проявился? Какой нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы.... О, коли бы онъ здѣсь былъ! То-то бы потѣшилъ свой животъ: всѣ бы кости у него сдѣлалъ—какъ въ мѣшкѣ! Что и говорить: дали волю!.. Тутъ небось не видятъ, и знатные господа молчатъ! «(Живоп. I, стр. 109). Въ «Трутнѣ» упоминается *суевѣръ*, называющій златой вѣкъ, въ коемъ *позволено всѣмъ мыслить*, желѣзнымъ вѣкомъ» (Тр. стр. 280). Сама Екатерина придавала очень большую цѣну тому, что свобода слова не стѣсняется ею. Въ «Быляхъ и Небылицахъ», напечатанныхъ въ 1783 г. (черезъ десять лѣтъ послѣ «Живописца»), она упоминаетъ выходку *дѣдушки* противъ «разговоровъ, касающихся поправленія того-сего». «Въ прежнее время, по словамъ дѣдушки», разговоры сіи вели вполголоса или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно громогласіе между нами рѣдко слышно было; бесѣды же получали оттого нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ: ибо разговоры, смѣхъ, горе и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется.» «Для изъясненія сего дѣдушка говоритъ, что *будто мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тягостію тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались*» (Соч. Екатер., ч. III, стр. 30). Въ «Собесѣдникѣ», издававшемся кн. Дашковою, подъ руководствомъ самой Екатерины, также находится одно письмо, въ которомъ говорится: «держитесь принятаго вами единожды навсегда правила: не воспрещать честнымъ людямъ свободно изъясняться. Вамъ нѣтъ причины страшиться гоненій за истину подъ державою монархини,

Qui pense en grand homme et qui permet, qu'on pense.

Въ то же время Державинъ прославлялъ свободу слова, данную Екатериной, въ обращеніи къ Фелицѣ (Соч. Держ. стр. 368):

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ и въявь, и подъ рукой,
И знать, и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить.

Къ этому же великодушному «позволенію знать и мыслить» возвращается Державинъ и позже, въ «Изображеніи Фелицы» (1789 г.), влагая ей въ уста слѣдующія слова къ народу (Держ., стр. 415):

«*Я вамъ даю свободу мыслить,*
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить,

И въ ноги мнѣ челомъ не бить;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы
И въ нихъ ошибки замѣчать.

Туже самую мысль, и около того же времени, еще сильнѣе выражалъ Фонъ-Визинъ. Въ 1788 г. онъ задумалъ было издавать сатирическій журналъ: «Другъ честныхъ людей или Стародумъ» Для этого изданія написалъ онъ нѣсколько мелкихъ статеекъ, и между прочимъ письмо къ Стародуму съ просьбою у него статей въ журналъ. «Не страшусь я строгости цензуры, пишетъ онъ, — ибо вы, конечно, не напишете ничего такого, что̀ бы напечатать было невозможно. Вѣкъ Екатерины вторыя ознаменованъ дарованіемъ россіянамъ свободы мыслить и изъясняться. Недоросль мой, между прочимъ, служитъ тому доказательствомъ, ибо назадъ тому лѣтъ за тридцать ваша собственная роль могла ли бы быть представлена и напечатана? Правда, что есть и нынѣ особы, стремящіяся угнетать дарованія и препятствующія выходить всему тому, что невѣжество и порокъ ихъ обличаетъ; *но таковое* немощной злобы усиліе, кромѣ смѣха, ничего другаго нынѣ произвести не можетъ». Въ отвѣтъ на это Стародумъ съ своей стороны тоже восхваляетъ «вѣкъ, въ которомъ честный человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно.» Между прочимъ, онъ пишетъ (Соч. Фонъ-Визина, стр. 545—46):

«Я самъ жилъ большею частію тогда, когда каждый, слушавъ двоихъ такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ, бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобъ не сдѣлали его свидѣтелемъ вольныхъ разсужденій о дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобъ мой сей разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно; ибо погибель сочинителя была бы наградою за сочиненіе. Екатерина расторгла сіи узы. Она, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателя оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. И такъ, россійскіе писатели! какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ! Если какая робкая душа, обитающая въ тѣлѣ знатнаго вельможи, устремится на васъ отъ страха, чтобъ не терпѣть униженія отъ вашихъ обличеній, если какой-нибудь безсовѣстный лихоимецъ дерзнетъ, подкапываясь подъ законы, простирать хищную руку на грабежъ отечества и своихъ согражданъ: то перо ваше можетъ ясно обличать ихъ предъ тропомъ, предъ отечествомъ, предъ свѣтомъ. *Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій*

глась свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества.»

Нельзя не замѣтить, что Стародумъ нѣсколько далеко хватилъ въ своемъ самодовольствѣ; но это даетъ намъ мѣру той благородной довѣрчивости и наивности, съ которою тогдашніе сатирики смотрѣли на свое дѣло. Такимъ образомъ, во все время царствованія Екатерины русская литература постоянно повторяла ту мысль, что писателямъ дана полная свобода откровенно высказывать все, что угодно. И не только при жизни, но даже и по-смерти Екатерины, въ одѣ на кончину ея (Память 6 ноября 1796 г.), сочиненной Капнистомъ (Соч. Капн., стр. 309), мы находимъ упоминаніе о томъ, что при ней

Мы крылья мыслей расширяли,
Дерзая правду ей вѣщать!

Мысль эта сдѣлалась постояннымъ и непреложнымъ мнѣніемъ, много разъ высказывалась и впослѣдствіи, долго спустя послѣ смерти Екатерины, и перешла въ исторію. Такъ, напримѣръ, Карамзинъ, въ своей запискѣ «О старой и новой Россіи», указавши на свободу печати при Екатеринѣ, приводитъ даже и объясненіе этого явленія, въ такомъ видѣ: «Увѣренная въ своемъ величіи, твердая, непреклонная въ намѣреніяхъ, объявленныхъ ею, будучи единственною душою всѣхъ государственныхъ движеній въ Россіи, не выпуская власти изъ собственныхъ рукъ, безъ казни, безъ пытокъ вліявъ въ сердца министровъ, полководцевъ, всѣхъ государственныхъ чиновниковъ живѣйшій страхъ сдѣлаться ей неугоднымъ и пламенное усердіе заслуживать ея милость, *Екатерина могла презирать легкомысленное злословіе и позволяла искренности говорить правду. Сей образъ мыслей, доказанный дѣлами 34-лѣтняго владычества, отличаетъ ея царствованіе отъ всѣхъ прежнихъ въ новой россійской исторіи. Слѣдствіемъ были: спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній, разума»* (Карамз., изд. Эйнерл., III, XLVII.)

Впрочемъ едва ли справедливо было бы думать, на основаніи возгласовъ тогдашнихъ литераторовъ, будто при Екатеринѣ можно было безнаказанно говорить и писать все, что̀ бы ни пришло на умъ. Напротивъ, императрица очень зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы въ обществѣ и въ народѣ не разсѣявались понятія и слухи, несообразные съ ея намѣреніями относительно устройства и управленія государствомъ. При самомъ восшествіи ея на престолъ начали ходить въ народѣ различные слухи, которые были ей непріятны.

Вслѣдствіе того, въ 1763 г., іюля 4, изданъ былъ указъ «о воздержаніи каждому себя отъ непристойныхъ званію его толкованій и разсужденій (Полн. Собр. Зак. № 12,003). Въ этомъ указѣ говорится, между прочимъ: «Со дня самаго вступленія нашего на всероссійскій престолъ, мы, Богу содѣйствующему, въ сердцѣ нашемъ никогда о пользѣ и добрѣ нашихъ подданныхъ пещись, яко мать о дѣтяхъ своихъ, не оставимъ, въ чемъ да управитъ и укрѣпитъ насъ Его жь рука святая. Вслѣдствіе чего равное жь желаніе и воля наша есть, чтобъ всѣ и каждый изъ нашихъ вѣрноподданныхъ единственно прилежалъ своему званію и должности, удаляясь отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но противу всякаго чаянія, къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются *такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои не о добрѣ общемъ и спокойствіи помышляютъ, но какъ сами заражены страшными разсужденіями о дѣлахъ совсѣмъ до нихъ не принадлежащихъ, не имѣя о томъ прямаго свѣдѣнія, такъ стараются заражать и другихъ слабоумныхъ*, и даже до того попускаютъ свои слабости въ безразсудномъ стремленіи, что *касаются дерзостно своими истолкованіями не только гражданскимъ правамъ и правительству и нашимъ издаваемымъ уставамъ, но и самимъ божественнымъ узаконеніямъ*, не воображая знатно себѣ ни мало, какимъ таковыя непристойныя умствованія подвержены предосужденіямъ и опасностямъ». Затѣмъ говорится, что «хотя таковые умствователи праведно заслуживаютъ достойную себѣ казнь, *яко спокойствію нашему и всеобщему вредные*»; но на первый разъ монархиня обращается къ нимъ лишь съ «материнскимъ увѣщаніемъ», надѣясь, что они сами постараются заслужить «благословеніе Божіе и монаршую милость, довѣренность и благоволеніе»; въ противномъ же случаѣ обѣщаетъ поступить съ ними «по всей строгости законовъ». Подобныя объявленія съ угрозами издавались не разъ и въ послѣдующіе годы. Источники чрезвычайны скудны насчетъ того, въ какой мѣрѣ исполнялись эти угрозы и много ли было людей, дѣйствительно захваченныхъ въ «вольныхъ рѣчахъ». Но нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи нашей литературы и законодательства показываютъ, что указы Екатерины не оставались пустыми словами и этимъ очень рѣзко отличались отъ сатирическихъ возгласовъ тогдашнихъ восторженныхъ обличителей. Въ мартѣ 1764 г. сожженъ на площади съ барабаннымъ боемъ «пасквиль, выданный подъ именемъ Высочайшаго указа и начинающійся словами: «время уже настало, что лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако весьма наше дворянство пренебрегаетъ, и пр... (П. С. З. № 12,089). Въ январѣ 1765 г. (П. С. З. № 12,313) повелѣно было со-

жечь на площади, чрезъ палача, непристойныя сочиненія, названныя въ указѣ «пасквилями», но не обозначенныя никакими подробностями относительно ихъ содержанія. Въ маѣ 1767 г. наказанъ плетьми въ Ярославлѣ и сосланъ въ Нерчинскъ дворовый человѣкъ Андрей Крыловъ за то, что держалъ у себя тотъ самый пасквиль, о которомъ былъ указъ въ мартѣ 1764 г. (П. С. З. № 12,890). Неизвѣстно, на какихъ именно условіяхъ дозволенъ былъ вообще выходъ книгъ въ Россіи до 1770 г. Но въ этомъ году дано разрѣшеніе иностранцу Гартунгу на учрежденіе первой въ Россіи вольной типографіи для печатанія книгъ на иностранныхъ языкахъ, и въ указѣ, данномъ по этому случаю, есть пунктъ, запрещающій ему выпускать изъ типографіи какія бы то ни было книги «безъ объявленія для свидѣтельства въ Академію Наукъ и безъ вѣдома полиціи». Русскія же книги ему не дозволено печатать, «дабы прочимъ, казеннымъ типографіямъ въ доходахъ ихъ подрыву не было» (П. С. З. № 13,572). Изъ этого видно, что размѣры тогдашней книжной дѣятельности были весьма ничтожны, но что и тѣ не были оставлены безъ строгаго правительственнаго контроля. Въ 1776 г. дано дозволеніе завести типографію и для русскихъ книгъ иностранцамъ Вейбрехту и Шнору; а въ 1780 г. тотъ же Шноръ получилъ разрѣшеніе завести типографію въ Твери. Въ январѣ 1783 г. дозволено наконецъ заводить вольныя типографіи кому угодно, *не спрашивая ни у кого дозволенія*, только съ тѣмъ, чтобы всѣ печатаемыя книги были свидѣтельствуемы Управою Благочинія (П. С. З. № 15,633). Это дозволеніе также было прославлено въ свое время русскою литературою, и сама императрица придавала ему большое значеніе. Въ «Собесѣдникѣ», издававшемся ею въ 1783—84 г., напечатаны были извѣстные «Вопросы» Фонъ-Визина, между которыми былъ слѣдующій: «отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?» Екатерина отвѣчала съ величественнымъ лаконизмомъ: «*оттого, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было*». Этотъ отвѣтъ привелъ въ восторгъ и умиленіе Фонъ-Визина: сатирикъ увидѣлъ здѣсь косвенное дозволеніе частнымъ лицамъ печатать судебныя дѣла и рѣшенія. Въ особомъ письмѣ, напечатанномъ въ томъ же «Собесѣдникѣ» (ч. V, стр. 145), онъ краснорѣчиво излагаетъ пользу судебной гласности. «Отвѣтъ вашъ, пишетъ онъ, подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно, съ душевною благодарностью, десницу правосуднѣйшія и премудрыя монархини. Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ то же время и тѣмъ самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству. Она и въ семъ случаѣ слѣдуетъ своему

всегдашнему обычаю; ибо разсѣчь однимъ разомъ камень претыканія и вдругъ источить изъ него два цѣлебные потока есть образъ чудодѣйствія, Екатеринѣ II весьма обычайный. Способомъ печатанія тяжебъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судебнымъ можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная похвала праведнымъ судіямъ, возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ», и пр.

Однако же судебные процессы не печатались у насъ при Екатеринѣ, — неизвѣстно по какимъ причинамъ. Была одна попытка въ 1791 г. Нѣкто Василій Новиковъ сталъ тогда издавать «Театръ Судовѣдѣнія или чтеніе для судей», въ которомъ печаталъ замѣчательныя судебныя дѣла иностранныя и нѣсколько русскихъ, обыкновенно такихъ, въ которыхъ, по его выраженію, «нельзя было *не восплескать* мудрости судей». Но очевидно, что это было совсѣмъ не то, о чемъ говорилъ Фонъ-Визинъ, и оттого неудивительно, что изданіе В. Новикова не пошло и прекратилось по выпускѣ шести книжекъ. Для насъ въ этомъ изданіи замѣчательно то, что и въ 1791 г. говорились о гласности тѣ же самыя фразы, какія, какъ мы видѣли, были въ ходу въ 1769 г. Вотъ, напримѣръ, тирада изъ IV части. «Подъ покровомъ владычествующія на сѣверѣ Минервы, всѣ части человѣческихъ познаній достигаютъ своего совершенства. Ободренныя музы, будучи доступны къ ея престолу, вѣнцаютъ ей о всемъ устнами самыя истины. Отверзаются врата ѳемидина храма, вступаютъ въ него минервины други; корыстолюбивый и незнающій судья трепещетъ, а достойный готовится къ новому торжеству своихъ подвиговъ». (Театръ Судов., ч. IV, стр. 4.)

Во всѣхъ подобныхъ возгласахъ было очень много реторическаго самодовольства. Писатели того времени, не обращая вниманія на публику, для которой они писали, не думая о тѣхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ дѣйствительный успѣхъ добрыхъ идей, придавали себѣ и своимъ словамъ гораздо болѣе значенія, нежели слѣдовало. Когда имъ дозволяли сказать что нибудь рѣзкое, они были убѣждены, что это означаетъ желаніе осуществить на дѣлѣ эти рѣзкія слова. Но, разумѣется, гораздо основательнѣе было бы судить объ этомъ иначе, и мы не можемъ не привести здѣсь сужденія типографщика Селивановскаго, которое находится въ его запискахъ, помѣщенныхъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» прошлаго года (№17, стр. 518). «Цензуры въ то время (около 1790 г.) не было — пишетъ онъ; — книги разсматривались при управѣ или оберъ-полиц-

мейстеромъ,—то есть предъявлялись, но не читались. *Въ ту пору книга была нѣчто пустое, неважное, и еще не думали, что она можетъ быть вредна*». Глубокую справедливость этого замѣчанія подтверждаютъ факты, послѣдовавшіе за 1783 годомъ. Немедленно послѣ дозволенія, даннаго въ этомъ году на открытіе вольныхъ типографій, ихъ развелось очень много, и книжная дѣятельность чрезвычайно усилилась. Новиковъ, еще въ 1779 году взявшій на откупъ московскую университетскую типографію и очень усердно печатавшій въ ней книги, теперь еще болѣе расширилъ свою дѣятельность заведеніемъ собственной типографіи и «компаніи типографической». Тутъ уже стали обращать серьезное вниманіе на литературу и нѣсколько опасаться *свободоязычія*, котораго Екатерина, какъ видно по всему, очень не любила. На вопросъ Фонъ-Визина: «имѣя монархиню честнаго человѣка, что̀ бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ — удостоиваться ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ? отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, *а нынче имѣютъ, и весьма большіе*?»—Екатерина отвѣчала: «сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ». (Соч. Ек. III, 31.) Подобное этому свободоязычіе увидѣла она и въ изданіяхъ Новикова, и какъ скоро замѣтила, что оно можетъ повѣсти къ какимъ нибудь послѣдствіямъ «для спокойствія ея и всеобщаго вреднымъ», то и рѣшилось прекратить его. Уже въ 1784 г., за напечатаніе неблагопріятной для іезуитовъ исторіи ихъ ордена въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 69 — 71), она выразила свой гнѣвъ на Новикова и велѣла отобрать эти листы «Вѣдомостей,» объяснивъ причину своего гнѣва слѣдующимъ образомъ: «ибо давъ покровительство наше сему ордену, *не можемъ дозволить, чтобъ отъ кого либо малѣйшее предосуженіе ономy учинено было*» (См. Москв. 1843 г. № I, стр. 241.) Въ 1785 г. наряжено было слѣдствіе надъ Новиковымъ, въ 1786 г. повелѣно было запретить въ продажѣ нѣкоторыя книги, у него напечатанныя и «наполненныя странными мудрствованіями» (П. С. З, № 16,362). Еще болѣе гнѣвъ императрицы на литературу возбужденъ былъ извѣстнымъ «Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву», Радищева. Сент. 4, 1790 г. данъ былъ указъ о ссылкѣ его на десять лѣтъ въ Сибирь, «за изданіе книги, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимся къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми изображеніями противъ сана

и власти царской» (П. С. З. № 16,901). Въ 1791 г., вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ расположеній, должна была закрыться типографическая компанія. Въ 1792 г. Новиковъ посаженъ въ Шлиссельбургъ, а нѣкоторые изъ его друзей сосланы на житье въ деревни. Наконецъ въ 1796 г., сентября 16, послѣдовалъ именной указъ Сенату «объ ограниченіи свободы книгопечатанія и ввоза иностранныхъ книгъ, объ учрежденіи на сей конецъ цензуръ и объ упраздненіи частныхъ типографій». (П. С. З. № 17,508.) Въ указѣ этомъ говорится, что, «въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ, признано за нужное: 1) учредить цензуру въ столицахъ и пограничныхъ приморскихъ городахъ, изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ составляемую; 2) частными людьми заведенныя типографіи, въ разсужденіи злоупотребленій, отъ того происходящихъ, упразднить, тѣмъ болѣе, что для печатанія *полезныхъ и нужныхъ* книгъ имѣется достаточное количество таковыхъ типографій, при разныхъ училищахъ устроенныхъ». Эта мѣра уже слишкомъ рѣшительна; но Екатерина не опасалась на ней настаивать, и за нѣсколько дней до своей смерти, октября 22, подтвердила повелѣніе объ уничтоженіи вольныхъ типографій (П. С. З. № 17,523). Постановленія о цензурѣ были развиты и организованы въ царствованіе Павла.

Въ сущности, конечно, и эти мѣры Екатерины, при всей ихъ крайности, не достигли цѣли, какъ сознавалось потомъ само наше законодательство. Запрещеніе печатать книги въ вольныхъ типографіяхъ было вызвано подозрѣніями, не имѣвшими прочнаго основанія, какъ доказали послѣдствія. Подозрѣнія эти получили свою силу преимущественно вслѣдствіе опасеній Екатерины, чтобы въ Россіи не отозвалось то волненіе умовъ, которое въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія совершалось во Франціи. Но состояніе тогдашняго русскаго общества вовсе не было таково, чтобы въ немъ могло развиться что нибудь серьёзно опасное для существующаго порядка. Книга Радищева составляла едва ли не единственное исключеніе въ ряду литературныхъ явленій того времени; и именно потому, что она стояла совершенно одиноко, противъ нея и можно было употребить столь сильныя мѣры. Впрочемъ, если бы этихъ мѣръ и не было, все-таки «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» осталось бы явленіемъ исключительнымъ, и за авторомъ его послѣдовали бы до конечныхъ его результатовъ развѣ весьма немногіе. Стало быть, съ этой точки зрѣнія, излишнія строгости противъ тогдашняго книгопечатанія были совершенно ненужны: Екатерина ни въ какомъ случаѣ не могла страшиться неблагосклонныхъ отзы-

вовъ и «противныхъ ея и всеобщему спокойствію» выходокъ со стороны литературы, которая всегда такъ усердно и громко прославляла ее и всегда была готова безпрекословно слѣдовать по указанному отъ нея направленію. Если же предположить другую цѣль строгостей Екатерины, т. е. ту, чтобы вообще менѣе писали и разсуждали, то въ этомъ отношеніи ея мѣры вовсе не достигли цѣли. Русское общество даже и въ то время такъ уже привыкло «читать книгу», что невозможно было вовсе лишить его «книги», выгнать «книгу» изъ государства.... Что бы тамъ ни печаталось, что бы ни говорилось, до этого обществу дѣла еще не было; но «книга» была ему нужна. Вслѣдствіе того, въ самомъ указѣ объ упраздненіи всѣхъ вольныхъ типографій упомянуто объ оставленіи «достаточнаго количества типографій при училищахъ, для напечатанія нужныхъ и полезныхъ книгъ, и кромѣ того дано дозволеніе «быть типографіямъ въ губерніяхъ при намѣстническихъ правленіяхъ, для облегченія тамошнихъ канцелярій». По свидѣтельству Сопикова (Рус. Библ. I, стр. 40), всѣ упраздненныя типографіи немедленно и разошлись по губерніямъ. Кромѣ того, найденъ былъ, разумѣется, и другой способъ распространенія въ публикѣ сочиненій, которыя почему нибудь имѣли для нея интересъ... Вслѣдствіе всего этого императоръ Александръ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, указомъ 9 февраля 1802 г., снова далъ дозволеніе привозить изъ-за границы всѣ иностранныя книги и заводить повсемѣстно вольныя типографіи. Въ указѣ этомъ находится прямое и откровенное указаніе на причины, вызвавшія распоряженіе императора. Упомянувъ сначала о запрещеніи 1796 г., указъ продолжаетъ: «но какъ съ одной стороны внѣшнія обстоятельства, къ мѣрѣ сей правительство побудившія, прешли и нынѣ уже не существуютъ, а съ другой — *пятилѣтній опытъ доказалъ, что средство сіе было и весьма недостаточно къ достиженію предполагаемой имъ цѣли*, то по уваженіямъ симъ и признали мы справедливымъ, освободивъ сію часть отъ препонъ, по времени содѣлавшихся излишними и безполезными, возвратить ее въ прежнее положеніе....» Далѣе, послѣ разрѣшенія вновь заводить вольныя типографіи и печатать въ нихъ всякія книги съ освидѣтельствованіемъ Управы Благочинія, въ указѣ повелѣвается — «цензуры всякаго рода, въ городахъ и при портахъ учрежденныя, *яко уже ненужныя*, упразднить». (П. С. З. № 20,139). Вскорѣ послѣ того, въ 1804 г., изданъ первый цензурный уставъ, усовершенствованный потомъ въ 1828 г.

Такимъ образомъ, обращаясь снова къ литературѣ, и преимущественно сатирѣ, екатерининскаго времени, мы должны сказать, что сатирики были не совсѣмъ правы, воображая, будто имъ такъ ужь и

позволятъ печатать все, что̀ бы ни пришло въ голову. Но за это, разумѣется, нельзя строго судить ихъ: во первыхъ, послѣ Бирона, послѣ ужаснаго «слова и дѣла», та льгота, какая была дана при Екатеринѣ, должна была показаться верхомъ всякой свободы; во вторыхъ, литература наша въ то время была еще такъ нова, такъ несовершеннолѣтня, что не могла не увлекаться и не обольщаться, когда ей давали позволеніе поиграть и порѣзвиться, и очень легко могла вѣрить въ міровое значеніе своихъ забавъ. Притомъ же, большая часть тогдашнихъ литераторовъ даже и не видѣла грани, которая отдѣляла позволенное имъ, игрушечное, отъ непозволеннаго, серьёзнаго. И почти ни у кого не являлось охоты переступить эту грань, потому что вся литература тогда была дѣломъ не общественнымъ, а занятіемъ кружка, очень незначительнаго....

При такомъ положеніи дѣлъ, можетъ быть странно только одно: какимъ же образомъ сатирики въ теченіе десятковъ лѣтъ могли оставаться въ столь забавной иллюзіи, воображая, что отъ ихъ словъ можетъ произойти «поправленіе нравовъ» въ цѣлой Россіи? Но и это объясняется довольно удовлетворительно двумя обстоятельствами: во первыхъ, тѣмъ, что сатира не отдѣляла своего дѣла и своихъ стремленій отъ идей и распоряженій правительства, подававшихъ тогда, особенно сначала, весьма большія надежды; во вторыхъ, тѣмъ, что, разъ ставши подъ покровительство «Премудрыя Минервы», сатирики того времени могли уже позволять себѣ въ самомъ дѣлѣ значительную свободу въ своихъ обличеніяхъ частныхъ недостатковъ и злоупотребленій. Оба эти обстоятельства требуютъ нѣсколько подробнѣйшаго разсмотрѣнія.

Восшествіе на престолъ императрицы Екатерины, какъ можно видѣть даже изъ учебника Устрялова (ч. II, стр. 163—167), совершилось столь счастливо потому всего болѣе, что предшественникъ ея навлекъ на себя своими распоряженіями всеобщее негодованіе. До сихъ поръ не были у насъ изображены всѣ обстоятельства ея вступленія на царство; но недавно г. Иловайскій, по давно извѣстнымъ источникамъ иностраннымъ, напечаталъ и на русскомъ языкѣ почти всѣ подробности этого дѣла (см. От. Зап. 1859 г. № IX), и слѣдовательно о нихъ можно говорить положительнѣе. Впрочемъ намъ даже нѣтъ надобности говорить отъ своего лица: стоитъ только привести двѣ выдержки изъ манифеста, изданнаго Екатериною тотчасъ по вступленіи на престолъ, и намъ будетъ совершенно ясно, въ какомъ положеніи становилась она съ самаго начала предъ лицомъ своихъ подданныхъ. Въ началѣ манифеста она указываетъ на общее неудовольствіе русскихъ противъ Петра и затѣмъ продол-

жаетъ описывать его поступки слѣдующимъ образомъ (Указы Екат. II, съ 1762 по 1763 г., стр. 18):

«Между тѣмъ, когда все отечество къ мятежу неминуемому уже противу его наклонялося, онъ паче и паче старался умножать оскорбленіе развращеніемъ всего того, что великій въ свѣтѣ монархъ и отецъ своего отечества, блаженныя и вѣчно незабвенныя памяти государь императоръ Петръ Великій, нашъ вселюбезнѣйшій дѣдъ, въ Россіи установилъ, и къ чему онъ достигъ неусыпнымъ трудомъ тридцатилѣтняго своего царствованія,—а именно: законы въ государствѣ всѣ пренебрегъ, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ и вовсе о нихъ слышать не хотѣлъ, доходы государственные расточать началъ не полезными, но вредными государству издержками, изъ войны кровопролитной начиналъ другую, безвременную и государству Россійскому крайне безполезную, возненавидѣлъ полки гвардіи, освященнымъ его предкамъ вѣрно всегда служившіе, превращать ихъ началъ въ обряды неудобь носимые, которые не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ, и усердно за вѣру и отечество служащихъ и кровь свою проливающихъ. Армію всю раздробилъ такими новыми законами, что будто бы не единаго государя войско то было, но чтобъ каждый въ полѣ удобнѣе своего поборника губилъ, давъ полкамъ иностранные, а иногда и развращенные виды, а не тѣ, которые въ ней единообразіемъ составляютъ единодушіе. Неутомимые и безразсудные его труды въ таковыхъ вредныхъ государству учрежденіяхъ столь чувствительно напослѣдокъ стали отвращать вѣрность россійскую отъ подданства къ нему, что ни единаго въ народѣ уже не оставалося, кто бы въ голосъ съ отвагою и безъ трепета не злословилъ его, и кто бы не готовъ былъ на пролитіе крови его. Но заповѣдь Божія, которая въ сердцахъ нашихъ вѣрноподданныхъ обитаетъ къ почитанію власти предержащей, до сего предпріятія еще не допускала, а вмѣсто того всѣ уповали, что Божія рука сама коснется и низвергнетъ утѣсненіе и отягощеніе народное его собственнымъ паденіемъ.»

Разсказавши затѣмъ всю исторію переворота и приведши вполнѣ письмо Петра, въ которомъ онъ отрекается отъ престола, Екатерина переходитъ къ объясненіямъ относительно ея собственныхъ намѣреній и понятій о власти, ею принятой. Вотъ заключеніе манифеста (Указы, стр. 22—23):

«Таковымъ, Богу благодареніе, дѣйствіемъ престолъ самодержавный нашего любезнаго отечества приняли мы на себя безъ всякаго кровопролитія, но Богъ единъ и любезное наше отечество чрезъ избранныхъ своихъ намъ помогали. Въ заключеніе же сего неисповѣдимаго промысла Божія, мы всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ обнадеживаемъ всемилостивѣйше, что просить Бога не оставимъ денно и ночно, да

поможетъ намъ поднять скипетръ *въ соблюденіе нашего православнаго закона, въ укрѣпленіе и защищеніе любезнаго отечества, въ сохраненіе правосудія, въ искорененіе зла и всякихъ неправдъ и утѣсненій, и да укрѣпитъ насъ на вся благая.* А какъ наше искреннее и нелицемѣрное желаніе есть прямымъ дѣломъ доказать, сколь мы хотимъ быть достойны любви нашего народа, для кот раго признаваемъ себя быть возведенными на престолъ: то такимъ же образомъ здѣсь *наиторжественнѣйше обѣщаемъ нашимъ императорскимъ словомъ, узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка, и тѣмъ уповаемъ предохранить цѣлость имперіи и нашей самодержавной власти, бывшимъ несчастіемъ нѣсколько испроверженную, а прямыхъ вѣрноусердствующихъ своему отечеству сыновъ вывести изъ унынія и оскорбленія.* Напротиву того не сумнѣваемся, что всѣ наши вѣрноподданные клятву свою предъ Богомъ не преступятъ въ собственную свою пользу и благочестіе, почему и мы пребудемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ непремѣнны Нашею Высочайшею императорскою милостію. Данъ въ Санктпетербургѣ іюля 6 дня, 1762 года.»

Понятно значеніе подобнаго манифеста: взявъ въ свои руки власть отъ человѣка, которымъ были недовольны. Екатерина, очень естественно, старается показать всѣмъ, что въ ея рукахъ эта власть не будетъ уже источникомъ недовольства. Вслѣдствіе этого она «наиторжественнѣйше обѣщаетъ» сдѣлать такія постановленія, которыя «сохранятъ добрый во всемъ порядокъ и предохранятъ цѣлость имперіи и самодержавной власти». Послѣднее указаніе очень важно: оно доказываетъ, что обѣщанія императрицы не были фразою, довольно обыкновенною въ подобныхъ случаяхъ, а вызваны были дѣйствительною необходимостью. Она чувствовала, что ей нужно добрымъ управленіемъ сохранить и упрочить свою власть, и поспѣшила всенародно высказать свое убѣжденіе. Такихъ данныхъ уже совершенно достаточно было образованнымъ людямъ того времени — и особенно писателямъ, людямъ скромнымъ и негосударственнымъ — для того, чтобы предаться отраднымъ ожиданіямъ и даже представить себѣ уже осуществленною мечту далекаго будущаго о златомъ вѣкѣ. И нельзя сказать, чтобъ ихъ мечты не имѣли основанія: въ первые годы царствованія Екатерины каждый сколько нибудь важный указъ ея начинался заявленіемъ материнской ея заботливости о благѣ народномъ, и во многихъ указахъ, дѣйствительно, дѣлались льготы и улучшенія, какія были нужны по тогдашнему времени. Одно уничтоженіе тайной канцеляріи было уже такою мѣрою, которая способна была внушить всякому наилучшее располо-

женіе къ правительству и полное довѣріе къ его гуманности. Извѣстно, какое страшное орудіе составляла тайная канцелярія, вмѣстѣ съ «словомъ и дѣломъ», въ рукахъ клевретовъ Бирона; извѣстно также, что не одинъ Бирон̀ъ пользовался этимъ ужаснымъ средствомъ держать всѣхъ въ безмолвномъ страхѣ и повиновеніи. Со временъ Петра I, тайныя канцеляріи, подъ разными названіями, постоянно, въ теченіе полвѣка, были страшилищемъ народа. Петръ III, вскорѣ по вступленіи на престолъ, указомъ 21-го февраля 1762 г., уничтожилъ ее (П. С. З. № 11,445); но Екатерина новымъ указомъ, 19 октября того же года (П. С. З. № 11,687), еще разъ ее уничтожила и вторично запретила ненавистное «слово и дѣло», повторивши слово въ слово весь указъ о томъ Петра III. Въ указѣ этомъ, по обычаю того времени, излагаются и побудительныя причины принятаго рѣшенія. Начало указа таково:

«Всѣмъ извѣстно, что ко учрежденію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, канцелярій, сколько разныхъ имянъ имъ ни было, побудили вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, вѣчной славы достойныя памяти, монарха великодушнаго и человѣколюбиваго, тогдашнихъ временъ обстоятельства, и неисправленные еще въ народѣ нравы. Съ того времени отъ часу меньше становилось надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ. Но какъ тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ: то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ, или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, ими же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ, или непріятелей. Мы послѣдуя нашему человѣколюбію и милосердію, и прилагая крайнее стараніе, не токмо неповинныхъ людей отъ напрасныхъ арестовъ, а иногда и самыхъ истязаній защитить, но паче и самымъ злонравнымъ пресѣчь пути къ произведенію въ дѣйство ихъ ненависти, мщенія и клеветы, а подавать способы къ ихъ исправленію, — повелѣваемъ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи не быть, и оную со всѣмъ уничтожить; а дѣла, буде иногда такія случатся, кои до сей канцеляріи принадлежали бъ, смотря по важности, разсматриваны и рѣшены будутъ въ Сенатѣ. Но дабы сія наша милость для всѣхъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ, совершеное дѣйство имѣла, а напротиву того не показалась бы безстрашно составлять, хотя и тщетные и всегда на собственную погибель злодѣевъ обращающіеся, умыслы противу нашего императорскаго здравія, персоны и чести нашего величества, то есть перваго указомъ 1730 года, апрѣля 14 дня, описаннаго пункта, или же завести бунтъ, или сдѣлать измѣну противъ насъ и государства, то есть втораго, тѣмъ же указомъ истолкованнаго пункта: то восхотѣли мы чрезъ сіе точняе объявить наши соизволеніи; и потому:

1) Вышепомянутая тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда; а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ Сенатъ; но за печатью къ вѣчному забвенію въ архиву положатся.

2) Ненавистное израженіе, а именно: «слово и дѣло», не долженствуетъ значитъ отнынѣ ничего; и мы запрещаемъ не употреблять онаго никому. А есть ли кто отнынѣ оное употребитъ въ пьянствѣ, или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники.

3) Напротиву того, буде кто имѣетъ дѣйствительно и по самой правдѣ донести о умыслѣ по первому или второму пункту, такой долженъ тотчасъ въ ближайшее судебное мѣсто, или къ ближайшему жь воинскому командиру немедленно явиться и доносъ свой на письмѣ подать; а только въ случаѣ, если кто не умѣетъ грамотѣ, тотъ можетъ доносить словесно, однакожъ не инако, какъ тѣмъ же порядкомъ, то есть, пришедъ въ ближайшее судебное мѣсто, или къ воинскому командиру со всякимъ благочиніемъ.

Далѣе говорится подробно о томъ, какъ поступать съ доносчиками, чтобы дознаться, справедливъ ли доносъ. Доносчика велѣно брать подъ караулъ, распрашивать,—впрочемъ безъ пытки,—изслѣдовать его прежнюю жизнь и поведеніе, дѣлать строгую повѣрку его словъ, не принимать доносовъ отъ преступниковъ предъ казнью, за ложный доносъ наказывать, и проч.... Словомъ, мѣры для отвращенія клеветъ и ложныхъ доносовъ приняты самыя благоразумныя. Въ заключеніе говорится: «Объявляемъ притомъ точно нашимъ императорскимъ словомъ, что за справедливый доносъ всегда учинено будетъ, смотря по важности дѣла, достойное награжденіе, а напротиву того — виновные, также смотря по дѣлу, или нарочно учреждаемою на то время коммиссіею, или же какимъ учрежденнымъ уже судебнымъ мѣстомъ по сущей правдѣ и справедливости, судимы будутъ....»

Читая этотъ указъ въ 1762 г., современники, разумѣется, не могли предвидѣть, что черезъ нѣсколько лѣтъ явится на поприщѣ полицейскахъ изслѣдованій знаменитый Шишковскій и что послѣдующія обстоятельства заставятъ саму же Екатерину возстановить, къ концу своего царствованія, уничтоженную ею тайную канцелярію, — подъ именемъ тайной экспедиціи. Да если бъ это и могли предвидѣть, то все-таки не могли не радоваться при данномъ облегченіи, хотя бы и на краткое время.

Но не одно уничтоженіе тайной канцеляріи привлекло къ Екатеринѣ сердца ея подданныхъ въ самомъ началѣ ея царствованія. Она и вообще каждымъ своимъ распоряженіемъ напоминала, что она, по ея выраженію въ «Секретнѣйшемъ Наставленіи» кн. Вяземскому, при опредѣленіи его генералъ-прокуроромъ (см. Чт. Моск. Общ. Ист. 1858 г. кн. I, Смѣсь, стр. 101), «иныхъ видовъ не имѣла, какъ найвящее благополучіе и славу отечества; инаго не желала, какъ благоденствія

своихъ подданныхъ, какого бы званія они ни были». Въ указѣ «о выходѣ бѣглымъ изъ-за границы», данномъ 19 іюля 1762 г., то есть черезъ три недѣли по вступленіи Екатерины на престолъ, она говоритъ: «Положили мы главнымъ намѣреніемъ нашимъ, чтобъ всегдашнее стараніе имѣть о цѣлости нашея имперіи и о благоденствіи вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, *чему мы и дѣйствительные опыты въ краткое время государствованія нашего показали, и впредь еще больше, да и съ великимъ удовольствіемъ, о томъ попеченіе прилагать не останемъ*» (П. С. З. № 11,618). И дѣйствительно, — немедленно по вступленіи на престолъ, Екатерина отмѣнила разныя обременительныя положенія, утвержденныя Петромъ III относительно гвардейскихъ полковъ, увеличила жалованье и пайки солдатамъ нѣкоторыхъ полковъ, велѣла понизить повсюду цѣну соли, объявила амнистію всѣмъ бѣглымъ, скрывавшимся въ Польшѣ и Литвѣ, установила апелляціонные сроки для тяжебныхъ дѣлъ, издала подробный указъ «о коммерціи, торгахъ и откупахъ», въ отмѣну указа Петра III отъ 28 марта, въ которомъ оказались «многія неудобства, клонящіяся ко вреду и тягости общенародной» (П. С. З. № 11,630); повелѣла, «вмѣсто бывшихъ сыщиковъ, сдѣлать въ губерніяхъ и провинціяхъ *благопристойнѣйшее* учрежденіе, какъ бы воровъ и разбойниковъ искоренять» (П. С. З. № 11,634); весьма рѣзко и энергически возстала противъ лихоимства.... Словомъ, почти съ каждымъ днемъ являлись новые знаки ея заботливости о благосостояніи государства, и при этомъ нужно еще замѣтить, что Екатерина нисколько не старалась замаскировывать печальное положеніе, въ которомъ она застала государство, принимая власть въ свои руки. Напротивъ, она сама старалась выставлять сколько можно рѣзче существовавшее до нея зло, чтобы тѣмъ болѣе заставить цѣнить тѣ мѣры, какія принимались ею для уничтоженія этого зла. Вотъ, напримѣръ, манифестъ «о лихоимствѣ», данный 18 іюля 1762 г., спустя 20 дней послѣ воцаренія Екатерины. Сила и откровенность его должны поразить удивленіемъ даже и современнаго читателя, для котораго тогдашнее положеніе дѣлъ есть уже преданіе чуть не миѳологическое.

«Божіимъ содѣйствіемъ престолъ нашъ утвердивши, вступили мы дѣломъ самымъ въ правленіе всего государства, тѣмъ усерднѣе, чѣмъ больше народное обремененіе и государственныя нужды того отъ насъ востребовали.

Мы уже манифестомъ нашимъ отъ 6 сего мѣсяца, объявили всенародно и торжественно, что наше главное попеченіе будетъ, изыскивать всѣ средства къ утвержденію правосудія въ народѣ, которое есть первое отъ Бога намъ преданное святымъ Его писаніемъ повелѣніе,

дабы милость и судъ мы оказывали всѣмъ нашимъ подданнымъ и сами себя непостыдно оправдать могли предъ Богомъ, въ хожденіи по заповѣди Его. Сіе есть путь нашъ непорочный, которымъ мы изыскивая блаженство нашего народа, ищемъ достигнуть будущаго вѣчнаго за то воздаянія. Почему за долгъ себѣ вмѣняемъ непреложный и непремѣнный — объявить въ народъ съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца нашего, что мы уже отъ давняго времяни слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, *до какого степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возросло, такъ что едва есть ли малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе (судъ) безъ зараженія сей язвы отправлялося.* Ищетъ ли кто мѣста, платитъ; защищается ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами. Напротиву того: многіе сулящіе освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ; вмѣняя себѣ ввѣренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дому своего, а не за службу приносимую Богу, намъ и отечеству, и мздопріимствомъ богомерскимъ, претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ. Мы бы неправосудны были предъ Богомъ, ежели бы мы о всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ того же мнѣнія были: но добросовѣстные и честные люди, которыми государство наше наполнено, не измѣнятъ лица своего, слыша и читая сіе наше съ материнскимъ соболѣзнованіемъ негодованіе, а причастники сего зла всеконечно должны угрызеніе своей совѣсти почувствовать, *тѣмъ паче, когда они воззрятъ только на наше дѣйствіе, въ которомъ намъ Богъ предводительствовалъ, и на наше праведное передъ Богомъ намѣреніе, съ какимъ мы воцарилися. Не снисканіе высокаго имени обладательницы россійской, не пріобрѣтеніе сокровищъ, которыми паче всѣхъ царей земныхъ намъ можно обогатиться, не властолюбіе и не иная какая корысть, но истинная любовь къ отечеству и всего народа, какъ мы видѣли, желаніе, насъ понудили принять сіе бремя правительства.* Почему мы не токмо все, что имѣемъ или имѣть можемъ, но и самую нашу жизнь на отечество любезное опредѣлили, не полагая ничего себѣ въ собственное, ниже служа себѣ самимъ, но всѣ труды и попеченіе подъемлемъ для славы и обогащенія народа нашего. Въ такомъ богоугодномъ намѣреніи для отечества нашего, *сколь трудно бы было намъ царствовать, ежели бы правосудіе на судахъ не содѣйствовало нашему желанію, и сколь при томъ огорчительно, когда мзда и корысть, сими обладаютъ въ сердцахъ таковыхъ злонравныхъ,* которые забывъ многіе предковъ нашихъ, блаженной и вѣчнодостойной памяти государей, а особливо дѣда нашего вселюбезнѣйшаго, государя императора Петра Великаго, строжайшіе о лихоимствѣ указы, судей недостойно, а лихоимцовъ праведно имя носятъ, и свою алчбу къ имѣнію, служа не Богу, но единственно чреву своему, насыщаютъ мздопріимствомъ,

льстя себя надеждою, что все, что они дѣлаютъ по лакомству, прикрыто будто добрымъ и искуснымъ канцелярскимъ или приказнымъ порядкомъ; а Сердцевѣдца Бога не памятуютъ Судью Всевышняго, который всѣ злыя ихъ помышленія и совѣты открываетъ путями неизвѣстными, и насъ самихъ, яко законоположительницу, наконецъ побудитъ на гнѣвъ и отмщеніе. Таковымъ примѣрамъ, которые вкоренилися отъ единаго безстрашія въ важнѣйшихъ мѣстахъ, послѣдуютъ наипаче во отдаленныхъ находящіеся *и самые малые судьи, управители и разные къ досмотрамъ приставленные командиры, и берутъ съ бѣдныхъ самыхъ людей, не токмо за дѣла безвинныя, дѣлая привязки по силѣ будто указовъ, въ самомъ же дѣлѣ въ зло только ими истолкованныхъ, и раззоряя ихъ за то домы и имѣнія,* — но и за такія, которыя не инако, какъ нашего благоволенія и милости Высочайшей достойны, такъ что *сердце наше содрогнулося, когда мы услышали отъ* нашего лейбкирасирскаго вице-полковника *князя Михайла Дашкова, что въ проѣздѣ его нынѣ изъ Москвы въ Санктпетербургъ, нѣкто Новгородской губернской канцеляріи регистраторъ Яковъ Ремберъ, приводя нынѣ къ присягѣ намъ въ вѣрности бѣдныхъ людей, бралъ и за то съ каждаго себѣ деньги, кто присягалъ;* котораго Рембера мы и повелѣли сослать на вѣчное житье въ Сибирь на работу, по единому только еще нашему матернему милосердію; потому что онъ за такое ужасное, хотя малокорыстное преступленіе, праведно лишенъ быть долженъ живота.

Сильное однакожь наше на Бога упованіе и природное наше великодушіе не лишаетъ насъ еще надежды, чтобъ всѣ тѣ, которые почувствуютъ отъ сего милосердаго къ нимъ напоминанія нѣкоторое въ совѣсти своей обличеніе, не помыслили, сколь великое зло есть въ государственныхъ дѣлахъ мздопріимство, а на судѣ, гдѣ правда божественная поборствовать должна, скверное лакомство и лихоимство; и потому, видя нашу умѣренность матернюю ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, не отчаяваемся, чтобъ каждой вразумя себѣ наше сіе милостивое упоминаніе, не отринулъ отъ себя прежнихъ поступокъ, ежели онъ ими зараженъ былъ. Но когда и послѣ сего, что при вступленіи нашемъ на престолъ, въ совершенномъ еще незлобіи сердца нашего, всѣмъ здѣсь лихоимцамъ и мздопріемникамъ мы восхотѣли сдѣлать увѣщаніе милосердое, не подѣйствуетъ оное въ сердцахъ ихъ окаменѣлыхъ и зараженныхъ сею пагубною страстію; *то вѣдали бы они же, что мы установленнымъ противу сего зла законамъ сами за правило себѣ примемъ и впредь твердо содержать будемъ — повиноваться, не давъ уже болѣе милосердію нашему мѣста. Почему и никто обвиненный въ лихоимствѣ (ежели только жалоба до насъ дойдетъ праведная) яко прогнѣвающій Бога, не избѣжитъ и нашего гнѣва, такъ какъ мы милость и судъ въ пути непорочномъ царствованія нашего Богу и народу обѣщали.* Данъ въ Санктпетербургѣ, іюля 18 дня 1762 года.»

Трудно вообразить себѣ что нибудь болѣе рѣшительное, самоувѣренное и откровенное, чѣмъ этотъ манифестъ. Здѣсь не только

прямо указывается зло, не только дѣлаются обѣщанія въ общихъ словахъ, но даже называется по имени преступникъ, сообщается во всеобщее свѣдѣніе сдѣланное ему наказаніе и прямо объявляется, что манифестъ этотъ изданъ именно для предупрежденія другихъ отъ подобныхъ поступковъ, за которыми послѣдуетъ строгое наказаніе. Но не ограничиваясь и этимъ, императрица выказываетъ еще болѣе искренности и откровенности, говоря, что самый способъ ея восшествія на престолъ заставляетъ ее какъ какъ можно болѣе стараться о томъ, чтобы не возбуждать противъ себя неудовольствія, и что этого она не можетъ иначе достигнуть, какъ позаботясь о водвореніи въ государствѣ правосудія. Изъявленія своихъ намѣреній, сдѣланныя подобнымъ образомъ, съ представленіемъ такихъ причинъ, необходимо должны были увлечь самыхъ упорныхъ скептиковъ, если бы таковые нашлись. И это тѣмъ болѣе, что подобныя расположенія высказывались Екатериною не въ однихъ торжественныхъ манифестахъ и указахъ, но даже въ секретныхъ ея приказаніяхъ ближайшимъ къ ней лицамъ. Въ примѣръ этого можно указать на «Секретнѣйшее Наставленіе» кн. Вяземскому, данное ему при опредѣленіи его въ генералъ-прокуроры и недавно напечатанное въ «Чтеніяхъ». Наставленіе это показываетъ между прочимъ и то, какъ зорко смотрѣла Екатерина на многіе насущные вопросы и какъ хорошо понимала она всю совокупность государственнаго управленія. Князь Веземскій опредѣленъ генералъ-прокуроромъ въ 1764 году, слѣдовательно документъ этотъ относится къ самому началу царствованія Екатерины. Приведемъ изъ него нѣкоторые пункты. (Чт. М. О. И. 1858 г. Кн. I, стр. 101—104.)

«4-е. Всѣ мѣста, и самый Сенатъ, вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ не прилѣжаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ—почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ Сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ Сенатъ представить, до чего, однако же, я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что имъ радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ, они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовся позабыли, которымъ повелѣвается: противъ сенатскихъ указовъ, естьли оные не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напослѣдокъ и къ намъ. *Рабольпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется; одна форма лишь канцелярская исполняется, и обдумать еще и нынѣ*

прямо не смьютъ, хотя въ томъ часто интересъ государственный страждетъ. Сенатъ же, вышедъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія инымъ чинамъ прежніе примѣры прелестны; однако жь, покамѣсть я живу, то останется какъ долгъ велитъ. Россійская Имперія есть столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей; ибо всѣ прочія медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ; а другіе всѣ, по слову евангельскому, наемники суть.

«5–е. Весьма, по обширности имперіи, *великая нужда состоитъ въ умноженіи циркуляціи денегъ;* а у насъ, по счетамъ монетнаго департамента, не болѣе 80,000,000 рублей серебромъ въ народѣ, которую сумму, расположа по числу людей, придетъ но 4 рубля на человѣка, естьли еще не менѣе. *Разные были проекты, изъ которыхъ, наконецъ, вышла мѣдная монета, на которую много очень жалобъ;* однако жь, пока не будетъ знатнаго умноженія серебра въ государствѣ, сей вредъ сносить должно, а паче въ ономъ стараться надлежитъ, какъ уже начато, чтобъ не было разнаго вѣсу монеты, содержащей одинакую цѣну, такъ какъ и разныхъ цѣнъ одного вѣсу и металла, *да чтобъ серебро всевозможнымъ способомъ вовлечь въ государство такъ, какъ хлѣбнымъ торгомъ, какъ о томъ и коммиссіи о коммерціи уже приказано.*

«6–е. О выписаніи серебра инаго сказать не могу, какъ только, что сія матерія весьма деликатна и многихъ о семъ непріятно слышать; однако жь вамъ надлежитъ и въ сіе дѣло вникнуть. Все сіе пишу, дабы васъ ввести въ наисекретнѣйшія матеріи, дабы вы въ семъ, при вступленіи въ дѣла, не новы были, и могли сами разбирать, которыя дѣйствительно полезны, или только оными быть кажутся.

«7–е. Труднѣе вамъ всего будетъ править канцеляріею сенатской, и не быть подчиненными обману ту. Сію мелкость яснѣе вамъ чрезъ примѣръ представлю. Французской кардиналъ де Ришелье, сей премудрый министръ, говаривалъ, что ему менѣе труда править государствомъ и Европу вводить въ свои виды, нежели править королевскою антикамарою, понеже всѣ праздноживущіе придворные ему противны были и препятствовали его большимъ видамъ своими низкими интригами. Одинъ для васъ только способъ остается, котораго Ришелье не имѣлъ: перемѣнить всѣхъ сомнительныхъ и подозрительныхъ безъ пощады.

«8–е. *Законы наши требуютъ поправленія:* 1–е) чтобъ все ввести въ одну систему, которой и держаться надлежитъ; 2–е) чтобъ отрѣшить тѣ, которые оной прекословятъ; 3–е) чтобъ раздѣлить времянные и на персонъ данные — отъ вѣчныхъ и непремѣнныхъ. О семъ уже было помышляемо, но короткость времени меня къ произведенію сего въ дѣйство еще не допустила.

«9-е. *Великое отягощеніе для народа есть соль и вино*, на такомъ основаніи, какъ оныя находятся. Въ корчемствѣ столько винныхъ есть, что и наказывать ихъ почти невозможно, понеже цѣлыя провинціи себя оному подвергли; а что пресѣчь нельзя, не худо бъ къ тому *изыскивать способы къ поправленію и облегченію народному*.

«10-е. Малая Россіи, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бъ было; однако жь *и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи, есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію — глупость*. Сіи провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ они перестали глядѣть, какъ волки къ лѣсу.»

Нѣтъ сомнѣнія, что наставленій подобнаго рода, какъ письменныхъ, такъ еще болѣе изустныхъ, — не мало составлено было Екатериною въ первые годы ея царствованія. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что онѣ производили хотя нѣкоторое дѣйствіе и на тѣхъ, которые были исполнителями ея воли. Все должно было проснуться отъ давней дремоты; апатическій застой невѣжественнаго общества долженъ былъ уступить мѣсто смѣлому и быстрому стремленію впередъ, къ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ во всѣхъ частяхъ народнаго быта и государственнаго управленія. Мы видѣли, что Екатериною было поднято чрезвычайно много существеннѣйшихъ вопросовъ государственной жизни, что она не оставила безъ вниманія ни финансы, ни торговлю и промышленность, ни положеніе войска, ни судопроизводство, ни законодательство. Въ особенности относительно законодательства она дала такіе задатки своего мудраго попеченія о благѣ народа, что возбудила изумленіе цѣлой Европы. Извѣстенъ фактъ созванія ею коммиссіи для составленія новаго уложенія. Въ Январѣ 1767 г. объявлено было, чтобы въ теченіе полугода собрались въ Петербургъ депутаты изъ всѣхъ провинцій Россіи, отъ всѣхъ племенъ и сословій, не исключая и крестьянъ. Въ іюлѣ дѣйствительно собрались депутаты, коммиссія была открыта и получила себѣ въ руководство знаменитый «Наказъ», (П. С. З. № 12,945 и 12,949). Коммиссія составилась изъ 645 депутатовъ; на нее отпущено было 200,000 рублей; въ декабрѣ 1768 г. она пріостановлена, ничего не сдѣлавши. Срокъ окончанія ея занятій нѣсколько разъ былъ отсрочиваемъ: сначала до 1 мая 1772 г., потомъ до 1 августа, потомъ до ноября, затѣмъ до 1 февраля 1773 г. Наконецъ, оказавшись совершенно неспособною къ законодательству, коммиссія для составленія проэкта новаго уложенія осталась только по имени; въ 1796 г. она была переименована Павломъ I

въ коммиссію составленія законовъ, въ 1804 г. снова преобразована, и т. д. Но, несмотря на нѣкоторую безплодность созванія государственныхъ сословій въ 1767 г., оно произвело въ то время необыкновенный восторгъ не только въ рускихъ, но и за границей. «Наказъ» обошелъ всю Европу, какъ блистательное свидѣтельство высокихъ качествъ ума и сердца императрицы русской. Созваніе (по выраженію объяснителя къ сочиненіямъ Державина) «депутатовъ изъ всѣхъ народовъ, составляющихъ Россійскую имперію, отъ дальнѣйшихъ краевъ Сибири, камчадаловъ, тунгусовъ, отъ каждой области по два человѣка, даже якутовъ, и пр.», — оставило памятникъ по себѣ и въ слѣдующихъ стихахъ пѣвца Екатерины (Держ. I, стр. 144):

Ее изобрази мнѣ ты,
Чтобъ, сшедъ съ престола, подавала
Скрижалей заповѣдь святыхъ,
Чтобы вселенна признавала
Гласъ Божій, гласъ природы въ нихъ;
Чтобъ дики люди, отдаленны,
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатыхъ перьемъ испещренны,
Одѣты листьемъ и корой,
Сошедшися къ ея престолу
И кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
По желтосмуглымъ лицамъ долу
Струили токи слезъ изъ глазъ....»

Но особенно рельефно выразился всеобщій энтузіазмъ того времени къ великому начинанію — въ рѣчи, которая произнесена была представителемъ всѣхъ депутатовъ, 27 сентября 1767 г., при поднесеніи императрицѣ титула «Премудрой, Великой, Матери отечества». Мы приведемъ изъ этой рѣчи, помѣщенной въ «Полномъ Собраніи Законовъ» (№ 12,978), двѣ тирады: одна изображаетъ мрачное положеніе Россіи предъ вступленіемъ на престолъ Екатерины, другая — благоденствіе отечества подъ ея правленіемъ.

«Плачевное отечества нашего состояніе до преславнаго и навѣки достопамятнаго возшествія Богомъ избранныя и вѣнчанныя Всеавгустѣйшія нашея Самодержицы на всероссійскій императорскій престолъ, не токмо всѣмъ россіянамъ, но и цѣлому свѣту извѣстно. Когда мысленно воззримъ на минувшее, духъ въ насъ еще трепещетъ, и паденіе имперіи живо представляется воображенію. Видѣли мы *вѣру поруганную, законы приведенные въ замышательство, правосудіе, изнемогшее съ паденіемъ законовъ, съ правосудіемъ истребленную совѣсть и добронравіе. Государственные доходы исшощались, потеряна была довольность и угнетена торговля: грабительство, лакомство, корыстолюбіе и прочіе пороки,*

покровительствомъ многихъ лицъ ободренные, возрастали съ гибелью народа и усугубляли бѣдствія отечества нашего, и наконецъ вездѣ неустройства торжествовали, гдѣ слѣдовало царствовать порядку...

Премѣна дивная вдругъ послѣдовала! Радость прогнала тьму печалей!... Со дня возшествія Ея Императорскаго Величества на престолъ, всѣ дни ея можно исчислить благодѣяніями; *вреды и неустройства исправлены и прекращены; православная вѣра наша торжествуетъ* и зритъ монархиню, дающую примѣръ подданнымъ во благочестіи; *правосудіе царствуетъ купно съ Ея Величествомъ на престолѣ*; человѣколюбіе обитаетъ въ ея душѣ и безъ послабленія смягчаетъ строгость законовъ. *Пороки исчезаютъ и корень ихъ прескается;* но съ кротостью исправляются нравы, просвѣщаются умы, и добродѣтели подъ священною сѣнію престола процвѣтаютъ; нужнѣйшія роду человѣческому искусства — земледѣліе и домоводство — монаршимъ взоромъ ободряются, торговля возрастаетъ и съ нею изобиліе рукодѣлій умножается; *вездѣ введены полезныя учрежденія, и словомъ — во всѣхъ частяхъ государственныхъ, во всѣхъ дѣлахъ разумъ и добродѣтели нашея великія государыни сіяютъ и не обрѣтаютъ ничего выше силъ своихъ.* Но печась о настоящемъ, премудрая наша самодержица печется и *изливаетъ благодѣянія на времена и будущія»* и пр...

Эту рѣчь можно назвать первообразомъ той сатиры, которая получила такое развитіе въ журналахъ 1769—1774 гг. и разсмотрѣнію которой посвящена книга г. Аѳанасьева. Въ рѣчи депутатовъ мы видимъ двѣ половины, противоположныя одна другой: въ первой излагается ужасное положеніе Россіи до Екатерины, разстроенное до послѣдней степени и грозившее паденіемъ имперіи; во второй прославляются неимовѣрные успѣхи, совершенные Россіею въ пятилѣтній періодъ отъ 1762 до 1767 года. Тѣ же двѣ стороны находимъ мы и въ сатирическихъ произведеніяхъ екатерининскаго времени: всѣ они съ необычайною рѣзкостью возстаютъ противъ общественныхъ пороковъ, но во всѣхъ выражается довольно ясно та мысль, что эти пороки и недостатки суть исключительно слѣдствія стараго неустройства, остатки прежняго времени, и что теперь уже настала пора для ихъ искорененія, явились новыя условія жизни, вовсе имъ неблагопріятныя. Эта мысль, положенная въ основаніе всякаго обличенія, всякой сатиры, служитъ даже объясненіемъ рѣзкости тогдашнихъ журналовъ, удивительной и для настоящаго времени, когда наша гласность сдѣлала такіе огромные успѣхи! Сатирики 1770-хъ годовъ, проникнутые вѣрою въ близкое усовершенствованіе Россіи, вслѣдствіе принятыхъ императрицею мѣръ, считали священнымъ долгомъ содѣйствовать путемъ литературнымъ всѣмъ ея начинаніямъ. И чѣмъ болѣе проникались они благоговѣйнымъ восторгомъ къ дѣйствіямъ Екатерины, тѣмъ смѣлѣе и безпощаднѣе становилось

ихъ обличительное слово противъ старыхъ злоупотребленій, — потому что все доброе и полезное они соединяли съ волею императрицы, а все злое и недостойное разумѣли какъ противоборство ея намѣреніямъ и желаніямъ. Такимъ образомъ, сатира на все современное общество являлось въ произведеніяхъ благородныхъ сатириковъ не чѣмъ инымъ, какъ особымъ способомъ, прославленія премудрой монархини. Указывая недостатки управленія и карая вопіющія злоупотребленія во всѣхъ родахъ, сатирики отнюдь не думали дѣлать укоры самому правительству; напротивъ, они говорили: «вотъ какъ презрѣнны и низки нѣкоторые люди, не понимающіе благотворныхъ видовъ монархини и не желающіе имъ содѣйствовать». И, отправляясь отъ этой мысли, сатирики уже не церемонились съ «безумными и порочными», въ которыхъ видѣли противниковъ обожаемой монархини. Иногда обличенія тогдашнихъ журналовъ заключали въ себѣ и прискорбную мысль о томъ, что такъ трудно прогрессивному правительству бороться съ невѣжествомъ и недобросовѣстностью отсталыхъ людей; но и это бывало очень рѣдко. Чаще же всего горькія истины обличенія скрашивались отраднымъ убѣжденіемъ, что все-таки дѣло прогресса идетъ впередъ и что скоро правда и свѣтъ одержатъ рѣшительную побѣду надъ ложью и мракомъ. Издатель «Вечеровъ» въ самомъ началѣ своего журнала говоритъ о томъ, что «ябеды узловатѣе становятся, а крючки больше растутъ, подъячіе богатѣютъ», и пр. Но вслѣдъ затѣмъ онъ прибавляетъ: «*однако вскорѣ возсіяетъ истина, исчезнутъ совсѣмъ приказныя сплетни, воспоютъ музы, прославятъ царствующую на землѣ Астрею*, прославятъ такими стихами, которые ея достойны, а недостойные умолкнутъ» (Веч. Ч. I, стр. 5). Такія надежды — и не при началѣ только сатирическихъ изданій, а во все продолженіе царствованія Екатерины — выражались нерѣдко даже въ видѣ положительной увѣренности, хотя, обращаясь къ дѣйствительности, самъ авторъ тутъ же находилъ вещи, совершенно нейдущія къ златому вѣку. Такъ, напримѣръ, Василій Новиковъ, въ посвященіи своего «Театра Судовѣдѣнія», 1791 г., говоритъ: «во дни благословеннаго державствованія, *въ странѣ, гдѣ царствуетъ правосудіе и торжествуетъ невинность, гдѣ изгоняется порокъ и водворяется добродѣтель, гдѣ низится невѣжество и возвышается просвѣщеніе*, въ сіи дни блаженства я, рожденный и воспитанный, пріемлю смѣлость», и пр... А черезъ нѣсколько страницъ, въ заключеніе своего предисловія, онъ же пишетъ: «*великимъ бы почелъ я торжествомъ* для моихъ трудовъ, если бы чтеніе сей книги заступило мѣсто карточной игры и другихъ пустыхъ времяпровожденій, столь мало приличныхъ важности судейскаго званія» (Т. Суд. Ч. I, стр. 6). Сличенія подобныхъ мѣстъ мо-

гутъ наводить на мысль, что восторги тогдашнихъ писателей были не болѣе, какъ реторическою фразою, которая ставилась, можетъ быть, съ умысломъ, чтобы подъ ея защитою смѣлѣе поражать пороки. Но такое заключеніе будетъ несправедливо: характеръ всей сатиры екатерининскаго времени отличается самымъ искреннимъ уваженіемъ къ существующимъ постановленіямъ и преслѣдованіемъ исключительно однихъ только злоупотребленій. Доказательствомъ этого служитъ и манера обличеній, и даже внѣшняя исторія сатиры. Замѣчательно, что прекращеніе сатирическихъ журналовъ совпадаетъ съ концомъ первой турецкой войны и усмиреніемъ пугачовскаго бунта. Въ первые годы царствованія Екатерины было чрезвычайно много матеріаловъ для сатиры, потому что много было людей, осмѣливавшихся возставать противъ правленія Екатерины. Въ 1762 г. разносились по Россіи ложные слухи о ея намѣреніяхъ, издавались фальшивые манифесты, волновались крестьяне разныхъ мѣстностей, какъ видно изъ указовъ по этимъ предметамъ, даннымъ чуть не въ первые дни царствованія Екатерины. Въ 1763 г. составленъ былъ цѣлый заговоръ Хрущовыми и Гурьевыми; въ 1764 г. произошла попытка Мировича. Съ этихъ поръ, въ теченіе десяти лѣтъ постоянно каждый годъ выходило по нѣскольку указовъ — то о публичномъ сожженіи пасквилей и о наказаніи тѣхъ, у кого они окажутся, то о предостереженіи отъ продерзкихъ рѣчей, то объ усмиреніи крестьянъ, увлекшихся ложными слухами. Въ 1771 году было серьёзное волненіе по поводу моровой язвы; наконецъ въ 1773 г. разразился пугачовскій бунтъ.... Все это очень безпокоило тогдашнее правительство, и Екатерина прилагала всѣ старанія, чтобы своими распоряженіями привлечь къ себѣ сколько можно болѣе приверженцевъ и предупредить могшее возродиться недовольство. Однимъ изъ орудій ея въ этомъ дѣлѣ была литература. Конечно, въ тогдашнемъ обществѣ литература почти ничего не значила; но къ ней обратились, вѣроятно, отчасти вообще по естественной людямъ наклонности къ благопріятной для нихъ гласности, а всего болѣе — по соображенію того, какое значеніе имѣла литература, и особенно сатира, во французскомъ обществѣ. Видя, какъ французъ боится насмѣшки, зная, какое страшное вліяніе имѣлъ Вольтеръ, надѣялись, вѣроятно, что и въ Россіи сатира можетъ занять довольно почетное мѣсто въ ряду другихъ средствъ, служащихъ къ уничтоженію противниковъ благихъ мѣръ Екатерины. Этимъ отчасти можетъ быть объяснено даже то усердіе, какое сама она прилагала къ сочиненію комедій и сатирическихъ бездѣлицъ, подъ названіемъ «Былей и Небылицъ». Но въ видахъ Екатерины вовсе не было того, чтобы дать литературѣ неограниченное право разсуждать о по-

литическихъ предметахъ и смѣяться подъ всѣмъ, что̀ не будетъ нравиться писателямъ. Она очень не любила, когда подъ видомъ гласности въ литературу прокрадывались какія нибудь «продерзкія рѣчи». Вотъ почему, когда внутреннее спокойствіе было совершенно возстановлено, а конецъ первой турецкой войны возвеличилъ имя Екатерины и въ Европѣ, когда остатки стараго недовольства и недовѣрія къ ней стали ей уже нестрашны, она охладѣла къ сатирѣ, какъ къ вещи уже ненужной и могущей быть только вредною для ея спокойствія. Съ 1773 года она перестала писать комедіи и возвратилась къ этому занятію только уже черезъ десять лѣтъ, когда, вмѣстѣ съ княгиней Дашковой, вздумала подвинуть впередъ русскую науку заведеніемъ «Россійской Академіи». Въ 1774 г. прекращаются и сатирическіе журналы. Разумѣется, сатира, разъ явившись, все-таки не могла уже совершенно пропасть; сатирическій элементъ никогда не исчезалъ въ нашей литературѣ, съ самаго начала ея; но съ этихъ поръ нѣтъ уже у насъ того внѣшняго признака, по которому можно слѣдить дѣйствія сатиры шагъ за шагомъ и судить о ея распространеніи въ обществѣ и о степени успѣха, — нѣтъ болѣе періодическихъ изданій, отличающихся сатирическимъ характеромъ. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, по которымъ бы можно было утверждать, что сатирическія изданія вообще послѣ 1774 г. подвергались какимъ нибудь офиціальнымъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ. Но самый ихъ характеръ объясняетъ для насъ до нѣкоторой степени ихъ паденіе. Они были живы, блестящи, эффектны, интересны, даже дерзки до тѣхъ поръ, пока имѣли дѣло съ остатками отжившаго порядка, противъ котораго шла сама Екатерина. Надъ этими остатками и потѣшались они в. теченіе пяти лѣтъ. Но мало по малу люди стараго времени замѣнились людьми свѣжими, противники новаго направленія удалены, въ силу вошли его приверженцы, приняты мѣры, какихъ прежде не было, сдѣланы преобразованія въ старинномъ порядкѣ. Если теперь и были въ администраціи и въ обществѣ недостатки, то недостатки эти уже нельзя было сваливать на старое время: нужно было говорить прямо противъ существующаго порядка. А этого-то и не могла тогдашняя сатира: до этого не доросла она, не доросло и само общество, въ которомъ приходилось ей дѣйствовать. Ясно, что кругъ ея дѣйствій долженъ былъ очень съузиться: она могла, напримѣръ, возставать противъ ужасовъ пытки, когда сама императрица неоднократно высказывала отвращеніе отъ этой ненавистной судебной мѣры (см., напр., два указа 15 янв. 1763 г.); но когда потомъ обстоятельства привели къ возстановленію тайной экспедиціи и когда явился страшный Шишковскій, тогда, разумѣется, кричать противъ пытки стало не очень повадно. Сатирики не

хотѣли подвергаться опасности и молчали. Подобнаго рода обстоятельства парализировали смѣлость и откровенность сатиры и въ отношеніи къ другимъ предметамъ. Такимъ образомъ, значеніе сатирическихъ изданій потерялось въ публикѣ: сатиры на дурныхъ стихотворцевъ, на подражателей французамъ, на скупцовъ и мотовъ, на хвастуновъ и рогатыхъ мужей, и т. п., — конечно, оставались въ полномъ распоряженіи литературы; но эти предметы не могли уже такъ занять публику, какъ обличенія дурныхъ судей, помѣщиковъ, поповъ, вельможной спеси и невѣжества, пытокъ, ханжества и т. п. За то, вмѣсто новыхъ журналовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ и перепечатывались тѣ изъ старыхъ, въ которыхъ съ особенной рѣзкостью затрогивались эти предметы. Особенный успѣхъ имѣли «Живописецъ», «Трутень» и «Вечера». «Живописецъ» имѣлъ шесть изданій, послѣднее — въ 1829 г.!

Мы сказали, что, кромѣ внѣшней исторіи екатерининской сатиры, самая манера ея можетъ служить доказательствомъ того, что тогдашніе сатирики не любили добираться до корня зла и могли поражать пороки только подъ покровомъ «премудрой Минервы, позволявшей имъ знать и мыслить». Манера эта состояла главнымъ образомъ въ употребленіи *заднихъ чиселъ*. Существующее зло обличалось обыкновенно, какъ исключительное явленіе, составляющее странную аномалію съ существующимъ порядкомъ. Трудно объяснить положительно, отчего это происходитъ. Иногда такая манера бываетъ неискренна, и тогда немудрено бываетъ понять ее; но у тогдашнихъ сатириковъ замѣчается при этомъ какое-то трогательное простодушіе. Они, кажется, до того увлекались созерцаніемъ будущихъ благополучій, что наконецъ воображали ихъ уже наступившими, и, принимая слова за дѣла, считали всѣ гадости дѣйствительнаго міра лишь дряхлыми остатками прежняго, отживающими послѣдніе дни. Такъ, описывается ли у нихъ судья-взяточникъ, — онъ уже непремѣнно отставленъ и бранится за это; говорится ли о своевольномъ помѣщикѣ, — онъ непремѣнно представляется сожалѣющимъ о томъ, что теперь уже нѣтъ прежняго простора для его произвола; осмѣиваются ли подлость и ласкательство, — тутъ же неизбѣжно прибавляется замѣчаніе, что теперь ужь этими качествами нельзя выйти въ люди, какъ прежде. Въ «Вечерахъ», напримѣръ, одинъ господинъ разсуждаетъ: «я свое благополучіе считаю въ томъ, когда меня большіе бояре ласкаютъ. Правду сказать, я до сего счастія съ великимъ трудомъ достигаю, *особливо въ нынѣшнее время*: какъ я ни хвалю ихъ въ глаза, какъ я ни стараюсь услуживать имъ, но все не клеится». Къ этому услужливому господину пристаетъ судья, отставленный за взятки, и ведетъ такую рѣчь: «правду ты говоришь, что нынѣ

услуги не награждаются: тому примѣромъ я служить всѣмъ могу. Я знаю всѣ указы наизустъ, умѣю ихъ толковать по своему желанію; но, *несмотря на сіе, меня отставили*... Вѣдь кажется, все равно государству, что у меня деньги въ карманѣ, что у того, съ кого взялъ; *но въ нынѣшнее время объ ономъ не разсуждаютъ*». (Веч. II, 173.) Въ «Вечерахъ» же изображается господинъ *Оттяговъ*, который «всѣхъ меньше дѣло смыслилъ, всѣхъ чаще на поклоны ѣздилъ *и за сіи великія достоинства получилъ чистую отставку*. (Веч. I, 57.) Въ «Живописцѣ» напечатанъ цѣлый рядъ писемъ къ Ѳалалею отъ уѣздныхъ дворянъ—его отца, матери и дяди. Весь смыслъ этихъ писемъ заключается въ томъ, что нынѣшнее время не такъ благопріятно для своевольства, жестокостей, обмановъ и пр., какъ прежнее блаженное время. Это похоронный плачъ о погибшей дворянской волѣ, это вопль проклятія просвѣщенію и правдѣ, торжественно и незыблемо воцарившимся въ области тьмы и застоя. Въ книгѣ г. Аѳанасьева приведено, въ разныхъ мѣстахъ, много выписокъ изъ этихъ писемъ, а на стр. 139 — 145 три письма помѣщены вполнѣ. Письма эти очень замѣчательны по мастерству своего лукаваго юмора, и мы также рѣшаемся привести отрывокъ одного изъ нихъ, хотя онъ и довольно длиненъ.

«Сыну нашему Ѳалалею Трифоновичу, отъ отца твоего Трифона Панкратьевича, и отъ матери твоей Акулины Сидоровны, и отъ сестры твоей Варюшки, низкой поклонъ и великое челобитье.

«Пиши къ намъ про свое здоровье: таки такъ ли ты поживаешь, ходишь ли въ церковь, молишься ли Богу, и не потерялъ ли ты святцевъ, которыми я тебя благословилъ. Береги ихъ; вить это не шутка: меня ими благословилъ покойникъ дѣдушка, а его отецъ духовный, Ильинскій батька. Онъ былъ боленъ черною немочью и по обѣщанію ѣздилъ въ Кіевъ: его Богъ помиловалъ и кіевскіе чудотворцы помогли; и онъ оттуда привезъ этотъ канонникъ и благословилъ дѣдушку, а онъ его возомъ муки, двумя тушами свиными, да стягомъ говяжьимъ. Не тѣмъ-то покойникъ свѣтъ будь помянутъ! онъ ничего своего даромъ не далъ: дѣдушкины-то, свѣтъ, грѣшки дорогоньки становились. Кабы онъ покойникъ поменьше съ попами водился, такъ бы и намъ побольше оставилъ. Домъ его былъ, какъ полная чаша, да и тутъ процѣдили. Вить и нашъ батько Иванъ, кабы да я не таковъ былъ, такъ онъ бы готовъ хоть кожу содрать: то-то поповскіе завидливые глаза, прости Господи мое согрѣшеніе! А ты, Ѳалалеюшка, съ попами знайся, да берегись; ихъ молитва до Бога доходна, да убыточна... Какъ отпоетъ молебенъ, такъ можно ему поднести чарку вина, да дать ему шесть денегъ, такъ онъ и доволенъ. Чегожь ему больше: прости Господи, вить не рожна? *Да полно нынѣче и винцо-та въ сапогахъ ходитъ. Экое времечко; вотъ до чего дожили*,—и своего вина нельзя привезть въ городъ:

пей де вино государево съ кружала, да дѣлай прибыль откупщикамъ. Вотъ какое разсужденіе! *А говорятъ, что все хорошо дѣлаютъ;* поэтому скоро и изъ своей муки нельзя будетъ испечь пирога. *Да што ужъ и говорить, житье-то наше дворянское нынѣче стало очень худенько.* Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: да чортъ ли это слыхалъ, прости Господи, какая вольность? *Дали вольность, а ничего не можно своею волею сдѣлать; нельзя у сосѣда и земли отнять: въ старину-то побольше было намъ вольности.* Бывало, отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ, да проси, такъ ещо десять полей потеряетъ; а вина бывало кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его голову· то-то была воля-то! *Нынѣче и денегъ отдавать въ проценты нельзя:* больше шести рублей брать не велятъ, а бывало такъ бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. *Нѣтъ ста, кто што ни говори, а старая воля лучше новой. Нынѣче только и воли, што можно выйти изъ службы, да поѣхать за море; а не слыхать, што тамъ дѣлать?* Хлѣбъ-атъ мы и русской ѣдимъ, да таковожъ живемъ. *А изъ службы тогда хоть и не вольно было выйти, такъ были на это лѣкари:* отнесешь ему барашка въ бумажкѣ, да судьѣ другова, такъ и отставятъ за болѣзнями. *Да ужь бывало, какъ пріѣдешь въ деревню-то, такъ это наверстаешь:* былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ сосѣди и не куркай. *То-то было житье!* Ты, Θалалеюшка, не запомнишь этого.

«Сестра твоя Варя посажена за грамоту, батько Иванъ самъ ей началъ азбуку въ ее именины; ей минуло пятнадцать лѣтъ: пора, другъ мой, и объ этомъ подумать; вишь ужь скоро и женихи станутъ свататься; а безъ грамоты замужъ ее выдать не годится: и указа самой прочесть нельзя.

«Отпиши, Θалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ, что великія затѣи, колокольню строятъ, и хотятъ сдѣлать выше Ивана Великаго: статошное ли это дѣло? То дѣлалось по благословенію патріаршему, а имъ какъ это сдѣлать? *Вѣра-то тогда была покрѣпче;* во всемъ другъ мой надѣялись на Бога, *а нынѣче она пошатнулась,* по постамъ ѣдятъ мясо и хотятъ сами все сдѣлать, а все это проклятая некрещь дѣлаетъ: отъ нѣмцевъ житья нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть въ адѣ. Пожалуйста, Θалалеюшка, не погуби себя, не заводи съ ними знакомства: провались они проклятые! *Нынѣче и за море ѣздить не запрещаютъ,* а въ *Кормчей книгѣ* положено за это проклятіе. *Нынѣче все ничего; и коляски пошли съ дышлами, а и за это также положено проклятіе; нельзя только взятки брать, да проценты выше указныхъ: это имъ пуще пересола; а объ этомъ въ Кормчей книгѣ ничего и не написано.* На моей душѣ проклятія не будетъ; я и по сю пору ѣзжу въ зеленой своей коляскѣ съ оглоблями. *Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки;* процентовъ большихъ не бери, такъ отчего же и разбогатѣть: вить не всякому Богъ дастъ кладъ: а съ мужиковъ ты хоть кожу сдери, такъ не много прибыли. Я кажется, таки и такъ не плошаю, да што ты изволишь сдѣлать? Пять дней ходятъ они на

мою работу, да много ли въ пять дней сдѣлаютъ?... Годъ отъ году все больше нищаютъ мужики. Господь на насъ прогнѣвался: право, Θалалеюшка, и ума не приложу, что съ ними дѣлать.

На первый взглядъ письмо это можетъ показаться чрезвычайно рѣзкимъ, даже и для нынѣшняго читателя. Но если всмотримся въ него повнимательнѣе, то найдемъ, что оно составляетъ не что иное, какъ прославленіе правительственныхъ мѣръ Екатерины. Приведши его, г. Аѳанасьевъ справедливо замѣчаетъ, что «въ подобныхъ жалобахъ лучшая похвала екатерининскому вѣку» (стр. 112). Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое представляетъ собою обличаемый Трифонъ Панкратьевичъ! Вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ неблагонамѣренный либералъ, безпокойный человѣкъ, осмѣливающійся порицать, во имя невѣжества и своеволія, благодѣтельныя мѣры императрицы... Какая же надобность щадить такого человѣка? Какъ же не вылить на него всей жолчи благороднаго негодованія, накипѣвшаго въ груди у сатирика? Какъ не осмѣять, не опозорить его нелѣпыя понятія и о значеніи священнаго сана, и о крестьянахъ? Нападенія на *такихъ* людей, недовольныхъ просвѣщенными дѣйствіями правительства съ *такой* точки, не могло служить ни къ чему иному, какъ только къ большему проявленію заботливости Екатерины о благѣ своихъ подданныхъ. Сатира говорила обществу пріятно и ясно: «смотрите, вотъ каковы тѣ, которые выказываютъ недовольство современными правительственными реформами; неужели кто нибудь захочетъ присоединиться къ фалангѣ *такихъ* людей? Само собою разумѣется, что когда сатира имѣетъ такой смыслъ, то чѣмъ она рѣзче, тѣмъ выгоднѣе для правительства.

Между тѣмъ, самая рѣзкость словъ давала сатирикамъ поводъ думать, что слова эти имѣютъ большое значеніе и на дѣлѣ. И вотъ второе обстоятельство, которымъ поддерживалось въ тогдашнихъ сатирикахъ самодовольство, сильно мѣшавшее имъ вникнуть въ свое положеніе, понять свои отношенія къ обществу, среди котораго они говорили, и приняться серьезно отыскивать коренныя причины зла. Поставивъ себя на условную точку зрѣнія, о которой мы говорили выше, они, уже не стѣсняясь, выговаривали все, что было у нихъ на душѣ по поводу ежедневныхъ мелкихъ злоупотребленій, и часто до того доходили, что пугали своихъ собратьевъ и наконецъ даже самихъ себя. «Трутень», напримѣръ, въ преслѣдованіи взяточничества зашелъ такъ далеко, что «Всякая Всячина», издававшаяся статс-секретаремъ Козицкимъ, и сама иногда слегка затрогивавшая судей, сочла нужнымъ напечатать противъ него такую отповѣдь, въ видѣ письма какого-то Правдомыслова.

«Случалося мнѣ слышать отъ одной части моихъ согражданъ изреченіе такое: правосудія нѣтъ. Сіе родило во мнѣ любопытство узнать, отъ чего бы такой вредъ къ намъ вкрался и справедливы ли жалобы о неправосудіи? *наипаче тогда, когда всякій согражданинъ признаться долженъ, что, можетъ быть, никогда и нигдѣ, какое бы то ни было правленіе, не имѣло болѣе попеченія о своихъ подданыхъ, какъ нынѣ царствующая надъ нами монархиня имѣетъ о насъ*, въ чемъ ей, сколько намъ извѣстно, и изъ самыхъ опытовъ доказывается, стараются подражать и главныя правительства вообще. *Мы всѣ сомнѣваться не можемъ, что ей, великой государынѣ, пріятно правосудіе, что она сама справедлива, и что желаетъ въ самомъ дѣлѣ видѣти справедливость и правосудіе въ дѣйствіи во всей ея обширной области.* О томъ многіе изданные манифесты свидѣтельствуютъ, а наипаче Наказъ коммиссіи уложенія, гдѣ упомянуто въ 520 отдѣленіи, что никакой народъ не можетъ процвѣтать, если не есть справедливъ. Гдѣ же теперь болячка, на которую жалуются, то есть, что правосудія нѣтъ? Станемъ искать. 1) Въ законахъ ли? 2) Въ судьяхъ ли? 3) Въ насъ ли самихъ?

«Законы у насъ запутаны; о томъ сумнѣнія нѣтъ. Сію неудобность мы имѣемъ вообще съ Европою: *но предъ ней имѣемъ мы выгоду ту, что* Ея Величествомъ *созвана вся нація для составленія новаго проекта узаконеній; слѣдовательно питаемся надеждою о поправленіи тогда, когда Европа вся не видитъ конца конфузіи. А между тѣмъ*, пока новые поспѣютъ, *будемъ жить, какъ отцы наши жили*, съ тѣмъ барышемъ противу нихъ, что мы *ощущаемъ болѣе отъ вышней власти человѣколюбіе*, нежели они. Но я скажу и то, что справедливостью распутывать можно и весьма запутанные, да и самые противорѣчущіе законы. *И такъ неправосудіе не въ самихъ законахъ.*

«Судіи у насъ, какъ и вездѣ, всякіе; у насъ ихъ опредѣляютъ обыкновенно изъ военнослужащихъ или изъ приказныхъ людей безъ великаго знанія. Во многихъ европейскихъ земляхъ, а наипаче во Франціи, покупаютъ за деньги судейскія мѣста другъ у друга, какъ товаръ. Итакъ, у кого есть деньги, тотъ судья, хотя бы онъ никакого званія не имѣлъ. Почему въ семъ случаѣ наши обычаи не много разнствуютъ отъ обычаевъ другихъ народовъ нашего шара. Но врождена ли справедливость во всѣхъ судьяхъ такъ, чтобъ могла наградить недостатокъ знаній,—того никакъ утвердить не можно. Слѣдовательно, жалоба на неправосудіе отчасти падаетъ на судей и на нравы.»

Говоря о нравахъ, Правдомысловъ обвиняетъ общество въ страсти къ тяжбамъ и утверждаетъ, что половина жалобъ на судей несправедлива и происходитъ оттого, что неправая сторона, будучи обвинена, всегда остается недовольною и старается очернить правосудіе. А чтобы правая сторона была осуждена, это, по мнѣнію Правдомыслова, можетъ быть нечасто. «Чтобъ подобныхъ дѣлъ много могло проходить сквозь строгое разсматриваніе *трехъ апелляцій*,

разсуждаетъ онъ, и въ присутствіи тяжущихся, тому вѣрить не можно; ибо немного такихъ людей, которые бы захотѣли лихо творити въ лицѣ почти цѣлаго свѣта, и оставить на бумагѣ писанныя свидѣтельства своего плутовства, *за которое подобные имъ получили возмездіе по достоинству своему.*» Говоря объ апелляціяхъ, о присутствіи тяжущихся, о достойномъ возмездіи за неправосудіе, «Всячина» очевидно разумѣетъ новыя распоряженія Екатерины, направленныя къ возстановленію правосудія. Здѣсь сатира, можно сказать, даетъ сама себѣ тонкій намекъ, что продолженіе нападокъ на судей можетъ наконецъ принять видъ неблагонамѣренности и непокорства. Продолжая свои разсужденія и замѣчая самъ, что, «однако, приведенное доказательство слабо», Правдомысловъ выражаетъ наконецъ, безъ обиняковъ, слѣдующую мысль:» но долгъ нашъ, какъ христіанъ и какъ сограждан, *велитъ имѣти повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ, и не поносить ихъ такими поступками и несправедливыми жалобами, коихъ право я еще не видалъ, чтобъ съ умысла случались.*» Въ заключеніе письма Правдомысловъ ругаетъ «*дурныхъ шмелей*» (Трутень?), которые «прожужжали ему уши своими разговорами о *мнимомъ* неправосудіи судебныхъ мѣстъ» (Всяч., стр. 277—280).

Письмо Правдомыслова есть какая-то монитёрская статья, отчасти противная даже направленію самой «Всячины», слабѣйшей и осторожнѣйшей въ обличеніяхъ, чѣмъ всѣ другіе журналы, ей современные. Но, тѣмъ не менѣе, основной ея мотивъ, т. е. что «у насъ теперь все-таки лучше, чѣмъ когда нибудь и гдѣ нибудь», и что «нужно имѣть повѣренность и почтеніе къ установленнымъ правительствамъ», мотивъ этотъ вовсе не чуждъ былъ екатерининской сатирѣ. Относительно почтенія «Адская Почта» объяснялась, что «*знатныхъ и въ правленіи великія мѣста имѣющихъ людей она никогда въ лицо не трогала своими критическими замѣчаніями.*» При этомъ она, впрочемъ, съ большимъ достоинствомъ замѣтила, что «дѣлала сіе не для ласкательства, но для того, чтобы, переправляя такіе столбы, на которыхъ огромное опирается зданіе, цѣлому строенію не причинить вреда» (Ад. Почта, стр. 78). Въ этомъ же смыслѣ, вѣроятно, и Новиковъ говоритъ самому себѣ въ предисловіи къ «Живописцу»: «никогда не разлучайся съ тою прекрасною женщиною, съ которою иногда тебя видалъ; ты легко отгадать можешь, что она называется *Осторожность*» (Жив. I, 10). Этой осторожностью, чтобы не повредить зданію существующаго порядка, постоянно руководились сатирики временъ Екатерины и слѣдовательно они вполнѣ убѣждены были, что зданіе само по себѣ совершенно хорошо, но что его нужно только очистить нѣсколько отъ накопленнаго въ немъ

сора. А для того, чтобы вымести этотъ соръ, они чувствовали въ себѣ достаточно силъ и не щадили себя для того, чтобы сдѣлать чище и удобнѣе жилище россійской Минервы. «По указанію Екатерины Великой, говоритъ г. Аѳанасьевъ, періодическія изданія выступили съ своимъ обличительнымъ словомъ, и въ этомъ общемъ увлеченіи сатирическимъ направленіемъ нельзя не признать высокой нравственной стороны современной эпохи. *Старинныя суевѣрія, предразсудки и ложь отжили свой вѣкъ; въ ихъ дикомъ вопль противъ сатиры и правительственныхъ мѣръ слышится уже близкое торжество всеобновляющей правды*» (стр. 111). Точно такъ думали о себѣ и своемъ значеніи и сами сатирики 1770-хъ годовъ. «Парнасскій Щепетильникъ» совершенно соглашается съ мнѣніемъ г. Аѳанасьева, говоря: «я съ восхищеніемъ вижу въ нѣкоторыхъ головахъ цѣлительное дѣйствіе; ибо многіе, присматриваясь пристально къ описаннымъ весьма худыми красками лицамъ и находя въ нихъ не знаю какое-то съ собою подобіе, *совершенно бросили юродствовать* и принялись за разумъ» (Парн. Щеп., стр. 29). Правда, слѣдуетъ замѣтить, что слова «Щепетильника» относятся не ко всѣмъ вообще обличаемымъ, а только къ дурнымъ стихотворцамъ, слѣдовательно воззрѣніе г. Аѳанасьева гораздо шире; но въ пользу «Щепетильника» можно привести то обстоятельство, что онъ на 90 лѣтъ опередилъ нашего ученаго. Впрочемъ нѣкоторыми изданіями воззрѣніе г. Аѳанасьева на жизненное значеніе сатиры было уже принято и въ то время. Такъ, «Полезное съ Пріятнымъ» пишетъ въ своемъ объявленіи: «Видя, съ какою жадностью пріемлетъ общество издаваемыя еженедѣльныя сочиненія, для увеселенія онаго, не можно не возчувствовать истинной радости. Съ какимъ бы намѣреніемъ кто ни желалъ имѣть оныя, однако то неоспоримо, что тамъ найдетъ и такое, которое *напослѣдокъ и прочное сердце устыдить и къ нѣкоторому исправленію побудить можетъ;* а сіе самое и есть предметомъ трудящихся въ таковыхъ изданіяхъ» (Аѳ., стр. 19). А «Всячина» выражается еще рѣшительнѣе: «мы не сомнѣваемся, говоритъ она, *о скоромъ исправленіи нравовъ* и ожидаемъ *немедленно искорененія всѣхъ пороковъ*, ибо уже начали твердить наизустъ «Всякую Всячину» (Всяк. Вс., стр. 123). Къ сожалѣнію, въ этой замѣткѣ слышна иронія; а то мы сказали бы, что «Всячина» уже чувствовала «торжество всеобновляющей правды», о которомъ такъ лестно отзывается г. Аѳанасьевъ...

Признаемся, мы не удивляемся самоувѣренности сатириковъ и еще менѣе дивимся отзывамъ о нихъ г. Аѳанасьева. Дѣйствительно, если бы дѣло было только въ томъ, чтобы уничтожить злоупотребленія, опозорить людей, препятствующихъ правильному ходу обще-

ственной машины въ томъ видѣ, какъ она есть, то отъ сатиры ничего и требовать нельзя было бы болѣе того, что̀ она давала при Новиковѣ. И ежели она, въ самомъ дѣлѣ, не имѣла практическаго успѣха, то не отъ слабости нападеній на тѣ или другіе пороки: нѣтъ, на что она нападала, тому доставалось отъ нея очень сильно. Но слабая ея сторона заключалась въ томъ, что она не хотѣла видѣть коренной дрянности того механизма, который старалась исправить. Этой стороны не замѣчаетъ г. Аѳанасьевъ, и потому сужденія его о великой важности сатиры 1770-хъ годовъ отзываются весьма естественнымъ преувеличеніемъ. Но если мы нѣсколько поднимемъ уровень нравственныхъ требованій, то увидимъ, что и новиковская сатира была еще очень слаба и занималась менѣе важными предметами, оставляя въ сторонѣ главные и существенные. Чтобы не пускаться въ далекія разсужденія, возьмемъ примѣръ. Въ журналахъ Новикова было много обличеній противъ жестокихъ помѣщиковъ. Это было очень хорошо и сообразно съ намѣреніями государыни, находившей, что злоупотребленія помѣщичьей власти составляютъ страшное зло и служатъ поводомъ ко многимъ безпокойствамъ въ государствѣ. Но весьма немногія изъ тогдашнихъ сатиръ брали зло въ самой его сущности; немногіе руководились въ своихъ обличеніяхъ радикальнымъ отвращеніемъ къ крѣпостному праву, въ какой бы кроткой формѣ оно ни проявлялось. А еще это одинъ изъ наиболѣе простыхъ и ясныхъ вопросовъ, и новиковская сатира его поставила много лучше другихъ. Въ отношеніи къ другимъ условіямъ, составляющимъ основу общественнаго быта, сатирики еще легче скользили по поверхности.... Принявши аксіому, что

Законы святы,
Да исполнители — лихіе супостаты,

они всѣ темныя явленія русской жизни считали противозаконнымъ исключеніемъ и очень часто ссылались, для подкрѣпленія своихъ обличеній, на вновь изданные указы. Такимъ образомъ они сами ставили свою дѣятельность въ зависимость отъ существовавшей тогда администраціи, и слѣдовательно всѣ основные недостатки въ организаціи русскаго общества, незамѣченные, а иногда даже и освященные закономъ, избѣгали и пера сатириковъ... Этимъ-то и объясняется то, на первой взглядъ очень странное, явленіе, что сатира тогдашняго времени, при своей рѣзкости, благородствѣ и постоянномъ соотвѣтствіи съ правительственными мѣрами, ничего, однако же, не исправила и не передѣлала. Человѣка, который свалился съ ногъ отъ тяжелой болѣзни, она хотѣла заставить ходить, расправляя его ноги разными

спеціями.... Разумѣется, старанія ея должны были остаться безуспѣшными.

Чтобы видѣть, до какой степени безполезны въ практическомъ отношеніи всѣ нападки на частныя проявленія зла, безъ уничтоженія самаго корня его, мы можемъ представить теперь нѣсколько примѣровъ того, какъ поставленъ былъ сатирою екатерининскаго времени вопросъ объ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ....

Въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ письма Трифона Панкратьича къ сыну его Ѳалалею мы уже видѣли, что жестокимъ помѣщикомъ является въ сатирѣ человѣкъ стараго времени, съ отсталыми понятіями, жалующійся на то, что невѣжество и грубость уже отжили свой вѣкъ въ царствованіе Екатерины. Такой же точно господинъ является въ «Трутнѣ» (1769 года, стр. 202—208, 233—240), въ «отпискахъ» крестьянъ своему барину и въ копіи съ его господскаго «указа». Эти документы такъ хорошо написаны, что иногда думается: не подлинные ли это? Вотъ выдержи изъ крестьянской отписки:

«Государю Григорью Сидоровичу.

«Бьютъ челомъ *** отчины твоей староста Андрюшка со всѣмъ міромъ.

«Указъ твой господской мы получили и денегъ оброчныхъ съ крестьянъ на нынѣшнюю треть собрали; съ сельскихъ ста душъ—123 рубли, 20 алтынъ; съ деревенскихъ 50-ти душъ—61 рубль. 17 алтынъ; а въ недоимкѣ за нынѣшнюю треть осталось на сельскихъ 26 рублевъ, 4 гривны, на деревенскихъ 13 рублевъ 49 копѣекъ, да послано къ тебѣ, государь, прошлой трети недоборныхъ денегъ съ сельскихъ и деревенскихъ 43 рубли, 20 копѣекъ; а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негдѣ, нынѣшнимъ годомъ хлѣбъ не родился, насилу могли сѣмена въ гумна собрать. Да Богъ посѣтилъ насъ скотскимъ падежемъ, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, такъ и ту кормить нечѣмъ, сѣна были худыя, да и соломы мало, и *крестьяне твои, государь, многіе пошли по міру*. Съ Ѳилаткою, государь, какъ поволишь? Денегъ не платитъ, говоритъ, что взять негдѣ: онъ самъ все лѣто прохворалъ, а сынъ большой померъ, остались маленькіе робятишки; и онъ нынѣшнимъ лѣтомъ хлѣба не сѣялъ, некому было землю пахать, во всемъ дворѣ одна была сноха, а старуха его и съ печи не сходитъ. *Подушныя деньги за него заплатилъ міръ, видя его скудость;* а за твою, государь, недоимку, по указу твоему продано его двѣ клѣти за три рубли за десять алтынъ, корова за полтора рубли, а лошади у него всѣ пали, другая коровенка оставлена для робятишекъ, кормить ихъ нечѣмъ... Міромъ сказали: буде ты его въ томъ не простишь, то они за ту корову деньги отдадутъ, *а робятишекъ поморить, и его въ конецъ разорить не хотятъ*. При семъ послана къ милости твоей Ѳилаткина челобитная; какъ съ нимъ самъ поволишь, то и дѣлай, а онъ уже не плательщикъ, покуда не подростутъ робятишки: безъ скотины, да безъ

дѣтей нашъ братъ твоему здоровью не слуга. Міромъ, государь, тебѣ бьютъ челомъ о завладѣнной у насъ *Нахрапцовымъ* землѣ; прикажи ходить за дѣломъ: онъ насъ здѣсь разоряетъ, и землю отрѣзалъ по самыя наши гумна, некуда и курицы выпустить; а на дѣло по указу твоему собрано тридцать рублей, и къ тебѣ посланы безъ доимки; за неплательщиковъ положили тяглые, только прикажи, государь, добиться по дѣлу. *Нахрапцовъ* на насъ въ городѣ подалъ явочную челобитную, будто мы у него гусями хлѣбъ потравили, и по тому его челобитью была за мною изъ города посылка. Меня въ отчинѣ тогда не было, посыльные забрали въ городъ шесть человѣкъ крестьянъ, въ самую работную пору; и я, государь, въ городъ ѣздилъ, просилъ секретаря и воеводу, и крестьянъ вашихъ выпустили, только по тому дѣлу стало міру денегъ шесть рублевъ, возъ хлѣба, да пять возовъ сѣна. *Нахрапцовъ* попался намъ на дорогѣ и грозился насъ опять засадить въ тюрьму: секретарь ему родня, и онъ насъ очень обижаетъ. *Отпиши, государь, къ прокурору: онъ бояринъ доброй, ничего не беретъ, когда къ нему на поклонъ придешь*, и онъ твою милость знаетъ; авось либо онъ за насъ вступится и секретаря уйметъ; а воевода никакихъ дѣлъ не дѣлаетъ, ѣздитъ съ собаками, а дѣла всѣ знаетъ секретарь. Вступись, государь, за насъ, своихъ сиротъ; коли ты за насъ не вступишься, такъ насъ совсѣмъ разорятъ, и *Нахрапцовъ* всѣхъ насъ пуститъ въ міръ. Да еще твоему здоровью всѣмъ міромъ бьютъ челомъ о сбавкѣ оброчныхъ денегъ: намъ уже стало не въ моготу; *послѣ переписи у насъ въ селѣ и въ деревнѣ померло больше тридцати душъ, а мы оброкъ платимъ все тотъ же;* покуда смогли, такъ мы таки твоей милости тянулись, а нынче стало уже не въ мочь. Буде не помилуешь, государь, то *мы всѣ въ конецъ разоримся: неплатильщики все прибавляются, и я по указу твоему сборъ дѣлалъ всякое воскресенье... только имъ взять негдѣ, — какъ ты съ ними ни поволишь.* Еще твоей милости доношу: ягоды и грибы нынѣшнимъ лѣтомъ не родились, бабы просятъ, чтобы изволилъ ты взять деньгами, по чему укажешь за фунтъ, да еще просятъ, чтобы за пряжу и за холстину изволилъ ты взять деньгами. *Лѣсу твоего господскова продано крестьянамъ* на дрова на семь рублевъ съ полтиною; да на двѣ избы, по десяти рублевъ за избу. И деньги, государь, всѣ съ Антошкою посланы. При семъ еще послано штрафныхъ денегъ—съ Ипатки за то, что онъ въ челобитьѣ своемъ тебя, государь, оболгалъ и на племянника сказалъ, будто онъ его не слушался, и затѣмъ съ нимъ разошолся, взято по указу твоему тридцать рублей; съ Антошки *за то, что онъ тебя въ челобитной назвалъ отцомъ, а не господиномъ, взято пять рублей...* Онъ сказалъ: *я де это сказалъ съ глупости, и на предки онъ тебя, государя, отцомъ называть не будетъ.* Дьячку при всемъ мірѣ приказъ твой объявленъ, чтобы онъ впредь такъ не писалъ. Остаемся рабы твои, староста Андрюшка со всемъ міромъ, земно кланяемся.»

За этою отпискою помѣщена «копія съ помѣщичьяго указа» человѣку Семену Григорьеву, котораго посылаетъ Григорій Сидоро-

вичъ въ деревню для распоряженій. Вотъ выдержки изъ его указа, напечатаннаго въ «Трутнѣ»:

Копія съ помѣщичьяго указа.

«Человѣку нашему Семену Григорьеву.

«Ѣхать тебѣ въ *** наши деревни и по пріѣздѣ исправить слѣдующее:

«1) Проѣздъ отсюда до деревень нашихъ и оттуда обратно имѣть на счетъ старосты Андрея Лазарева.

«2) Пріѣхавъ туда, *старосту* (*наказать*) за то, что онъ за крестьянами имѣлъ худое смотрѣніе и запускалъ оброкъ въ недоимку; и послѣ *изъ старостъ его смѣнить;* а *сверхъ того взыскать съ него штрафу сто рублей.*

«3) Сыскать въ самую истинную правду, какъ староста, и за какія взятки оболгалъ насъ ложнымъ своимъ докладомъ? За то *прежде всего его* (*наказать*), а потомъ начинать слѣдствіемъ порученное тебѣ дѣло.

«4) Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коемъ староста учинилъ ложный доносъ, обоихъ ихъ *домы опечатать и опредѣлить караулъ; а ихъ самихъ отдать подъ караулъ въ другой домъ.*

«5) Еслижь въ чемъ либо будутъ они чинить запирательство, то объяви имъ, что они будутъ *отданы въ городъ для наказанія по указамъ.*

«6) *И какъ нѣтъ сумнѣнія, что староста доносъ учинилъ ложный*, то за оное перевесть его къ намъ на житье въ село ***; буде же онъ за дальнымъ разстояніемъ перевозиться и разорять себя не похочетъ, то *взыскать съ него за оное еще пятьдесятъ рублей.*

7) Сколько пожитковъ всякаго званія осталося послѣ крестьянина Анисима Иванона и получено крестьяниномъ Панфиломъ Даниловымъ, то все съ него Данилова *взыскать и взять въ господскій дворъ*, учиня всему тому опись.

«8) Крестьянъ въ раздѣлѣ земли по просьбѣ ихъ поровнять, *по твоему благоразсужденію:* но притомъ однакожь объявить имъ, что *сбавки съ нихъ оброку не будетъ*, и чтобы они, не дѣлая никакихъ отговорокъ, оный платили бездоимочно...

«9) Объявить всѣмъ крестьянамъ, что къ будущему размежеванію земель потребно взять выпись; и для того на оное *собрать тебѣ со крестьянъ, сколько потребно будетъ*, на взятье выписи.

«10) Въ начавшійся рекрутскій наборъ съ нашихъ деревень рекрута не ставить: ибо здѣсь за нихъ поставленъ въ рекруты Гришка Ѳедоровъ, за чиненныя имъ неоднократно пьянствы и воровства вмѣсто наказанія, *а со крестьянъ за поставку того рекрута собрать*, по два рубли съ души.

«11) За ложное показаніе Панфила Данилова и утайку свойства другихъ, *взять съ него, вмѣняя въ штрафъ, сто рублей;* а его перевесть къ намъ въ село *** на житье; а когда онъ просить будетъ, чтобы полученныя имъ неправильно пожитки оставить у него, и его оставить на прежнемъ жилищѣ, то за оное *взыскать съ него, опричь штрафныхъ, двѣсти рублей.*

«12) По просьбѣ крестьянъ, у Θилатки корову оставить, *а взыскать за нее деньги съ нихъ;* а чтобы они и впредь такимъ лѣнивцамъ потачки не дѣлали, то *купить Θилаткѣ лошадь на мірскія деньги;* а Θилаткѣ объявить, чтобы онъ, впредь пустыми своими челобитными не утруждалъ, и платилъ бы оброкъ безъ всякихъ отговорокъ бездоимочно.

«13) Старосту выбрать міромъ, и подтвердить ему, чтобы онъ о сборѣ оброчныхъ денегъ имѣлъ неусыпное попеченіе... Буде же какія впредь явятся недоимки, то оное *взыскано будетъ все со старосты.*

«14) За грибы, ягоды и проч. взять съ крестьянъ деньгами.

«15) Выбрать шесть человѣкъ изъ молодыхъ крестьянъ, и привесть съ собою, для обученія разнымъ мастерствамъ.

«16) По исправленіи всего вышеписаннаго, ѣхать тебѣ обратно; а старостѣ накрѣпко приказать неусыпное имѣть попеченіе о сборѣ оброчныхъ денегъ.»

«Трутень» ничего не прибавляетъ отъ себя къ этому указу; но смыслъ его ясенъ самъ по себѣ....

Въ этомъ же родѣ были въ «Трутнѣ» рецепты: *Злораду* и *Безразсуду*, въ обличеніе ихъ безчеловѣчнаго обхожденія со слугами и крестьянами.

Но гораздо далѣе всѣхъ обличителей того времени ушелъ г. И. Т., котораго «Отрывокъ изъ путешествія» напечатанъ въ «Живописцѣ» (стр. 179 — 193). Въ его описаніяхъ слышится уже ясная мысль о томъ, что вообще крѣпостное право служитъ источникомъ золъ въ народѣ.

Какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ сатирическихъ журналовъ (см. напр. Живоп. I, стр. 71, Трут. 1769 г. стр. 142), литературѣ много вредило въ то врэмя противодѣйствіе невѣжественныхъ и сильныхъ обскурантовъ, такъ что писатели только и могли защищаться отъ нихъ дозволеніемъ и милостію монархини. Но Екатеринѣ, несмотря на обнаруженную ею любовь къ литературѣ, иное могло быть представлено въ превратномъ видѣ; инымъ авторамъ могли быть въ ея глазахъ приписаны неблагорамѣренныя тенденціи, и тогда уже нельзя было разсчитывать на ея защиту. Для примѣра можно указать на два извѣстные анекдота о Державинѣ: одинъ о «Фелицѣ», другой о переложеніи псалма 81. Фелица, этотъ «хитросложенный пукъ хвалы»,— какъ выразилась однажды сама Екатерина по поводу другаго произведенія, — сдѣлалась извѣстною императрицѣ случайно, и Державинъ пришелъ въ ужасное безпокойство, потому что въ этой «одѣ» были намеки на Потемкина, Алексѣя Орлова, Нарышкина и другихъ важныхъ лицъ. Но само собою разумѣется, что Екатерина не могла разгнѣваться на пьесу, которая начиналась обращеніемъ къ ней: «Богоподобная Царевна!» и оканчивалась строфою:

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь, и пр.

Притомъ же, стихотвореніе это представлено ей было княгинею Дашковою... И вотъ Державину, несмотря на его «смѣлые» намеки на важныхъ лицъ, прислали золотую табакерку съ 500 червонныхъ и удостоили большихъ милостей. Но черезъ 12 лѣтъ вздумалъ онъ поднести императрицѣ тетрадь своихъ сочиненій. Въ числѣ ихъ находилось переложеніе 81-го псалма (*). Послѣ этого нѣсколько разъ бывши при дворѣ, Державинъ примѣчалъ въ императрицѣ къ себѣ холодность, а окружающіе его бѣгали, какъ бы боясь съ нимъ даже встрѣтиться, не токмо говорить.» Державинъ не могъ понять, что̀ это значитъ, но вскорѣ узналъ, что переложеніе 81-го псалма принято за «якобинскіе стихи» и что уже велѣно секретно допросить поэта черезъ Шишковскаго, «для чего онъ и съ какимъ намѣреніемъ пишетъ такіе стихи». Въ это время Державину было уже слишкомъ 50 лѣтъ, онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и

(*) Вотъ эти стихи:

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколѣ, рекъ, доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть охранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны,
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
Вашъ долгъ—спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.»
— Не внемлютъ! Видятъ и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса;
Цари! Я мнилъ, — вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я подобно, страстны
И такъ же смертны, какъ и я.
И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ;
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!
Воскресни, Боже, Боже правыхъ,
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли!...

сенаторомъ; слѣдовательно, трудно было подозрѣвать его въ санкюлотствѣ. И дѣйствительно,—узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ чистосердечно объяснилъ, что заподозрѣнные стихи суть не что иное, какъ псаломъ царя Давида, что псаломъ этотъ переложенъ имъ въ простотѣ души и, наконецъ, что переложеніе сдѣлано еще въ 1787 году, тогда же напечатано было въ «Зеркалѣ Свѣта» (журналъ, издававшійся Туманскимъ) и до сихъ поръ не только не произвело вредныхъ для государства послѣдствій, но даже не было замѣчено самими блюстителями благочинія. Послѣ этого объясненія и ходатайства Зубова, къ которому обратился Державинъ, невинность поэта была признана, и императрица возвратила ему свое благоволеніе. (Записки Державина, въ Рус. Бес. 1859 г., т. IV, стр. 380—382.)

Случаи съ Державинымъ очень характерны. Они показываютъ, какъ безсознательно многое говорилось и какъ легко принималось, пока какая нибудь случайность не привлекала на статью или книгу чьего нибудь неблагонамѣреннаго вниманія. «Отрывокъ изъ путешествія», о которомъ мы упомянули выше, можетъ служить новымъ доказательствомъ этого. Онъ, какъ видно, очень понравился публикѣ: въ «Живописцѣ» онъ перепечатывался нѣсколько разъ, и даже въ послѣдніе годы царствованія Екатерины (пятое изданіе—1793 г.), когда она уже не позволяла писать такъ рѣзко, когда Радищевъ за подобную книгу поплатился ссылкою въ Сибирь, когда даже Державина подозрѣвали въ якобинствѣ. Мало того: отрывокъ этотъ былъ перепечатанъ въ 1806 г. въ «Московскомъ Собесѣдникѣ» (Ч. II, стр. 163). И, однакожь, дѣло было такъ щекотливо, что Новиковъ, напечатавъ сначала обѣщаніе *продолжать* эти отрывки, не могъ сдержать слова, да и первый-то отрывокъ могъ помѣстить не иначе, какъ съ такимъ послѣсловіемъ: «сіе сатирическое сочиненіе, подъ названіемъ Путешествія въ **, получилъ я отъ г. И. съ прошеніемъ, чтобы оно помѣщено было въ моихъ листахъ. Если бы это было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были французскимъ народомъ, то *не осмѣлился бы я читателя моего попотчивать съ этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно* и для нѣжнаго вкуса благородныхъ невѣждъ горьковато. *Но нынѣ премудрость, сѣдящая на престолѣ, истину покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ.* Итакъ, я надѣюсь, что сіе сочиненьице заслужитъ вниманіе людей, истину любящихъ.» (Жив., ч. II, стр. 194.) Но и эта приписка плохо помогла: стали обвинять автора и издателя въ неблагонамѣренности, замѣтивъ, можетъ быть, что въ «Отрывкѣ» бросается сильное сомнѣніе на законность самаго принципа крѣпостныхъ отношеній. Вслѣдствіе такихъ толковъ, издатель счелъ необходимымъ помѣстить, подъ названіемъ «Англинской Про-

гулки», защиту «Отрывка», увѣряющую, что авторъ вовсе не имѣлъ въ виду оскорбить «цѣлый дворянскій корпусъ», что онъ болѣе ни о чемъ не говоритъ, какъ только о злоупотребленіяхъ, которыхъ, конечно, сами дворяне не одобряютъ, и пр....

Послѣ сдѣланныхъ нами выписокъ (а мы привели еще не самыя сильныя мѣста), для нѣкоторыхъ можетъ показаться страннымъ, что мы говоримъ о слабости сатиры, которая, какъ видно изъ этихъ выписокъ, была такъ рѣзка и безпощадна. Особенно наше сужденіе можетъ показаться несправедливымъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу, который такъ безбоязненно и серьёзно поставленъ на видъ тогдашнею сатирою. Въ другихъ вопросахъ самостоятельное значеніе сатиры уменьшается тѣмъ, что она шла обыкновенно вслѣдъ за административными распоряженіями и карала зло, уже официально пораженное. Но здѣсь совсѣмъ другое. Дѣло эманципаціи только еще теперь осуществляется. Но и въ настоящее время, когда вопросъ этотъ уже близится къ своему разрѣшенію, недостатки прошлаго положенія дѣлъ не представлены литературою въ столь рѣзкихъ и живыхъ картинахъ, какъ были они представлены въ сатирѣ Новикова, въ то время, когда эти недостатки были еще во всей силѣ и распространены были повсюду въ Россіи. Извѣстно, что при Екатеринѣ у насъ не только не хотѣли отказываться отъ принципа крѣпостнаго права, но еще распространяли его значеніе. Въ 1762 г., въ первые дни по вступленіи на престолъ, Екатерина раздала много крестьянъ разнымъ лицамъ, содѣйствовавшимъ ея воцаренію, и издала указъ, чтобы помѣщичьи крестьяне, подъ страхомъ строгаго наказанія, не слушали злонамѣренныхъ разглашеній о томъ, будто ихъ велѣно отъ помѣщиковъ отписывать на казну. Затѣмъ подобные указы повторялись каждый годъ по нѣскольку разъ. Раздача крестьянъ была при Екатеринѣ самою обыкновенною наградою дворянамъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ положительныхъ свѣдѣній о количествѣ розданныхъ тогда крестьянъ; но стоитъ только заглянуть въ какіе нибудь современные мемуары, чтобы тотчасъ же напасть на исчисленіе сотенъ и тысячъ пожалованныхъ крестьянъ. Раскройте, напримѣръ, Грибовскаго, и у него вы найдете мимоходомъ сдѣланныя замѣчанія, что Остерману было пожаловано 6,000 душъ (Гриб. Записки, стр. 65), Трощинскому 1,700, В. С. Попову — 1,500 въ Малороссіи да 1,000 въ польскихъ губерніяхъ (стр. 81), иностранцу Алтести — 6,000 душъ польскихъ (стр. 78), графу Маркову—4,000 душъ (стр. 75), графу Безбородко—16,000 (стр. 70), Н. И. Салтыкову — 6000 (стр. 61).... Державинъ въ своихъ запискахъ жалуется, что ему въ день торжества мира съ турками, въ 1793 г., ничего не пожаловали, между тѣмъ какъ онъ

«въ сей день провозглашалъ съ трона публично награжденія отличившимся въ сію войну чиновникамъ нѣсколькими тысячами душъ» (Рус. Бес. IV, стр. 349). Въ 1783 году закрѣплены крестьяне въ Малороссіи. Все это должно было бы заставить сатириковъ молчать о вопросѣ помѣщичьемъ; но несмотря на то, они говорили рѣзко, смѣло....

Все это очень хорошо, отвѣтимъ мы; но не хорошо, когда дѣлу придаютъ такое значеніе, какого оно не имѣло: это имѣетъ ту дурную сторону, что очень стѣсняетъ наши требованія и заставляетъ довольствоваться исполненіемъ, которое вовсе неудовлетворительно. Поэтому мы считаемъ необходимымъ замѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, сатира новиковская нападала, какъ мы видѣли, не на принципъ, не на основу зла, а только на *злоупотребленія* того, что̀ въ нашихъ понятіяхъ есть уже само по себѣ *зло*. Во-вторыхъ, даже и рѣзкость нападокъ на самыя злоупотребленія была большею частію слѣдствіемъ недоразумѣнія и наивности, въ родѣ державинскаго переложенія псалма. Конечно, Екатерина указами запрещала вѣрить слухамъ объ освобожденіи; но уже это самое доказываетъ, что были объ этомъ слухи, и довольно распространенные. И, говорятъ, дѣйствительно, мысль объ освобожденіи была и у Екатерины въ первое время ея царствованія. Есть извѣстіе, что былъ даже предложенъ вопросъ объ этомъ которой-то академіи, и академики сочинили даже разсужденіе, котораго содержаніе понятно изъ эпиграфа: in favorem libertatis omnia jura clamant; sed est modus in rebus (*). Хорошему всегда вѣришь охотнѣе, а писатели екатерининскаго времени такъ увлечены были мечтою о златомъ вѣкѣ, такъ довѣряли мудрости россійской Минервы, такъ привыкли ждать всего прекраснаго отъ царствующей надъ ними Астреи, что готовы были не только повѣрить первому слуху объ освобожденіи ею крестьянъ, но даже и сочинить на этотъ слухъ восторженную оду. Нѣкоторые намеки, ложно растолкованные, въ первыхъ манифестахъ Екатерины, подали имъ надежду, а отобраніе въ пользу казны имѣній монастырскихъ и церковныхъ убѣдило ихъ въ легкости исполненія ожидаемаго. И затѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, ничто уже не могло разубѣдить ихъ. Не только Новиковъ въ 1769 и 1772 г., но даже писатели послѣ 1783 г., то есть послѣ закрѣпленія малороссійскихъ крестьянъ, поддавались первой вѣсти о свободѣ и приходили въ неописанный восторгъ. До какой степени легко возбуждался этотъ восторгъ и какіе удивительные размѣры и формы придавалъ онъ самымъ обыкновеннымъ и невозможнымъ вещамъ, можно видѣть изъ

(*) Въ пользу свободы вопіютъ всѣ права; но всему есть мѣра.

слѣдующаго примѣра. Указомъ 15 февраля 1786 года, Екатерина повелѣла не подписываться на прошеніяхъ къ ней *рабомъ*, но *вѣрноподданымъ*. Понятно, что это было дѣло простой формальности и не давало русскому народу никакихъ особенныхъ правъ. Но что же дѣлаетъ литература? Одинъ изъ замѣчательныхъ ея дѣятелей, и притомъ сатирикъ, приходитъ въ восторгъ неслыханный и пишетъ «Оду на истребленіе въ Россіи званія раба», въ которой придаетъ измѣненію формальности въ подписи вотъ какое значеніе (Соч. Капниста, стр. 294):

Теперь, — о радость несказанна!
О день — свѣтляе всѣхъ побѣдъ!
Царица, небомъ низпосланна,
Неволи тяжки узы рветъ.
Россія! ты свободна нынѣ!
Ликуй! во вѣкъ въ Екатеринѣ
Ты благость Бога зрѣть должна:
Она тебѣ вновь жизнь даруетъ
И счастье съ вольностью связуетъ
На всѣ грядущи времена...

Обиліе рѣкой польется
И ризу позлатитъ полей;
Гласъ громкихъ пѣсней разнесется,
Гдѣ раздавался звукъ цѣпей.
Дѣвицъ и юношъ хороводы
Выводятъ ужь во слѣдъ свободы
Забавы въ рощи за собой;
И старость, игомъ лѣтъ согбенна,
Предъ гробомъ зрится восхищенна,
Съ свободой встрѣтя вѣкъ златой!

И все это оттого, что измѣнена форма подписи на прошеніяхъ! Вотъ и судите по этому, до какой степени простиралась наивность нашихъ сатириковъ прошлаго столѣтія! Вѣдь этотъ же самый Капнистъ, въ другомъ настроеніи духа, готовъ былъ бы написать и сатиру на тѣхъ, которые вздумали бы увѣрять, что указъ 15 февраля 1786 г. вовсе не даетъ освобожденія.

И любопытно то, что никакой опытъ не научаетъ русскаго поэта. Всѣ иллюзіи Капниста, разумѣется, разлетѣлись прахомъ. По случаю открывшихся въ 1787 г. войнъ, съ Турціею и Польшею, раздача вотчинъ усилилась; еще большіе размѣры приняла она при Павлѣ I, который, въ первые же дни по вступленіи на престолъ, роздалъ, какъ замѣчено въ объясненіяхъ къ сочиненіямъ Державина (Т. I, стр. 527), до 300,000 душъ крестьянъ. Можно бы ожидать,

что послѣдующія событія будутъ уже приниматься осмотрительнѣе, что духъ надежды нѣсколько упадетъ. Но вотъ насталъ 1801 годъ, вступилъ на престолъ Императоръ Александръ I, и оживились замолкшія-было надежды. Въ 1803 г., 20 февраля, изданъ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Какъ извѣстно, указъ этотъ имѣлъ самое ограниченное примѣненіе; но въ воображеніи нѣкоторыхъ піитъ размѣры его вышли громаднѣйшіе. «Свобода и блаженство всей Россійской имперіи» — вотъ что̀ увидѣли въ этомъ частномъ распоряженіи,—ни болѣе, ни менѣе. По этому случаю М. В. Храповицкій, не только стихотворецъ, но даже отчасти государственный человѣкъ, сочинилъ тоже *оду*, гдѣ сначала описывается, какъ ужасно было положеніе раба, который

Едва вздохнуть на небо знаетъ,
Питать надежды не дерзаетъ,
Чтобъ могъ *престать* онъ быть рабомъ;

а затѣмъ поэтъ восклицаетъ въ лирическомъ порывѣ: «*престалъ!*» и изображаетъ благодѣтельныя слѣдствія, уже происшедшія отъ этого:

Теперь лишь жить онъ начинаетъ!
Исчезъ бича всегдашній страхъ!...
Какъ немощію удрученный,
Весны дыханьемъ облегченный,
Усмѣшку кажетъ на устахъ;
Усмѣшкою такъ растворилось
Угрюмо ратая чело,
Такъ радостію оживилось
Въ немъ сердце. — Миновалось зло,
Которо тяжкою судьбою
Вѣками видѣлъ надъ главою:
Свободный хлѣбопашецъ онъ,
Свободенъ въ ремеслѣ полезномъ,
И сынъ въ отечествѣ любезномъ:
Его подъ кровь пріялъ законъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи ода принимаетъ даже обличительный характеръ:

Пусть индѣ, обольстясь, мечтаютъ,
Что вольность обрѣли себѣ,
Ахъ, сердцемъ сжатымъ оправдаютъ,
Что строгой преданы судьбѣ.
У насъ, подъ сѣнью мирна трона,
Благотвореніемъ закона

Свобода корень пуститъ свой —
Ни въ буряхъ, ни въ порывахъ злѣйшихъ,
Но солнца при лучахъ теплѣйшихъ,
И кротко, тихо, какъ весной.»

На этотъ разъ, впрочемъ, поэтъ надѣялся не напрасно: за пятьдесятъ-пять лѣтъ онъ предсказалъ мирное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, которое осуществляется въ настоящее время, когда во всѣхъ частяхъ народной жизни приводятся въ исполненіе благія надежды столькихъ поколѣній!

Но возвратимся къ Екатерининской сатирѣ. Мы видѣли, что даже въ вопросѣ объ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ сатира думала идти за Великою Монархинею, которая совсѣмъ и не намѣрена была подымать этого вопроса. Тѣмъ болѣе привязывали тогдашніе сатирики всѣ свои дѣйствія къ правительственнымъ мѣрамъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Слѣдствіемъ такой несамостоятельности сатиры и было то, что она проглядѣла многія явленія, которыя по своему вредному вліянію весьма важны въ русской жизни. Дѣло въ томъ, что не все дурное можетъ быть открыто и указано закономъ. Законъ караетъ преступленіе и проступокъ, но не дурной характеръ, не внутреннее развращеніе человѣка: это-то зло, недоступное для кары закона, и должно быть уловлено и опозорено сатирою. Кромѣ того, есть цѣлыя отношенія общественныя, правильно организованныя и даже признанныя положительнымъ закономъ, но тѣмъ не менѣе противныя естественному праву: примѣръ — крѣпостныя отношенія. Сатира должна преслѣдовать всѣ подобныя явленія въ самомъ ихъ корнѣ, въ принципѣ. Наконецъ, сами законы никогда не бываютъ совершенны: въ данное время они имѣютъ извѣстный условный смыслъ, но съ теченіемъ времени, по требованію обстоятельствъ, они должны измѣняться; сатира, обличая порокъ, должна смотрѣть не на то, какой статьѣ закона онъ противорѣчитъ, а на то, до какой степени противоположенъ онъ тому нравственному идеалу, который сложился въ душѣ сатирика. Вотъ почему мы находимъ, что сатира екатерининскаго времени, при всей своей рѣзкости не могла удовлетворить высокому назначенію истинной сатиры именно потому, что она слишкомъ тѣсно связала себя съ существовавшимъ тогда законодательствомъ. Конечно, она не могла поступать иначе: мы это очень хорошо понимаемъ, помня исторію Новикова и др., и вовсе не думаемъ обвинять тогдашнихъ писателей за недостатокъ самостоятельности. Но вѣдь надо же объяснить общественный фактъ, представляющійся намъ въ исторіи нашей литературы; надо же наконецъ бросить хоть догадку, хоть намекъ на то, отчего наша литера-

тура сто лѣтъ обличаетъ недуги общества — и все-таки недуги не уменьшаются. По нашему мнѣнію, причина этого заключается (по крайней мѣрѣ, заключалась во время Екатерины) въ постоянной зависимости сатиры отъ случайностей положительнаго законодательства, и эту мысль мы стараемся доказать въ нашей статьѣ, безъ всякихъ упрековъ и обвиненій кого бы то ни было. Возьмемъ нѣкоторыя частности.

Сатира во время Екатерины преслѣдовала между прочимъ ростовщиковъ. Въ большей части указаній на нихъ главный пунктъ обвиненія состоитъ въ томъ, что они берутъ очень большіе проценты. Рядомъ съ тѣмъ представляются отсталые и гнусные люди, которые жалуются на то, что уже нельзя брать болѣе указныхъ процентовъ. Все это есть очевидное слѣдствіе указа 3 апрѣля 1764 г., которымъ запрещено брать болѣе шести процентовъ. Но что же было слѣдствіемъ и закона, и обличеній? Только новыя прижимки ростовщиковъ заемщикамъ. Во времена Екатерины были, конечно, между писателями люди, которые способны были разсудить о ростѣ такъ какъ, напримѣръ, разсуждаетъ неизвѣстный авторъ старинной записки объ указныхъ процентахъ, недавно напечатанной (Чтен. Моск. Общ. Ист. 1858 г. кн, II, стр. 175—177). Вотъ нѣкоторыя изъ его соображеній.

«Законъ сей (объ указныхъ процентахъ), повидимому весьма благонамѣренный, достигнулъ ли и удобенъ ли достигнуть своей цѣли?

«Всеобщій опытъ убѣдительно доказываетъ совершенно тому противное, по крайней мѣрѣ въ Россійской имперіи; ибо едва ли есть кто изъ заимодавцевъ частнымъ людямъ, который отдавалъ свои деньги въ займы за указные проценты, и слѣдственно едва ли кто изъ заимщиковъ пользуется благопріятствомъ помянутаго закона, исключая мѣстъ казенныхъ, да и изъ нихъ опекунскіе совѣты берутъ по 7 и по 9 на сто; въ рукахъ же частныхъ кредиторовъ возвышаются они до десяти, двадцати и болѣе, смотря по обстоятельствамъ и лицамъ. *Сіе происходитъ уже издавна и существуетъ наиболѣе во времена настоящія*, когда промышленность наша начинаетъ нѣсколько распространяться, а съ нею вмѣстѣ и потребность капиталовъ умножается.

«Восходя къ источнику неумѣренности процентовъ, нельзя скрыть, что *самъ законъ весьма важное занимаетъ тутъ мѣсто*, по слѣдующимъ причинамъ:

«Произвольно назначеніе малыхъ процентовъ и большаго наказанія за неисполненіе повелѣннаго отвлекаетъ изъ общественной ссуды великіе частныхъ людей капиталы; ибо всѣ тѣ, которые, чтя святость закона, не смѣютъ преступать онаго и брать проценты свыше установленныхъ, принуждены деньги свои, вмѣсто заимообразной раздачи, обращать на другія какія либо заведенія и промыслы, приносящіе имъ болѣе при-

были, нежели указные проценты. Изъ чего слѣдуетъ, что остаются для удовлетворенія нуждающихся заимщиковъ тѣ единственно капиталисты, кои, презирая стыдъ и страхъ наказанія, осмѣливаются отъ исполненія закона уклоняться, и для которыхъ другаго правила уже быть не можетъ, какъ чтобы съ заимщиковъ брать процентовъ сколько можно болѣе, дабы вознаградить свою отважность и опасность. Такъ точно въ азіатскихъ земляхъ, гдѣ ростъ или лихва запрещены вовсе по закону Алкорана, берутся проценты весьма великіе, ради трудности избѣгнуть закона, сіе не дозволяющаго, и за сомнительную выручку обратно своихъ денегъ.

«Такимъ образомъ законъ остается неисполненъ къ ущербу своего достоинства; существованіе онаго производитъ дѣйствія, намѣренію его совершенно противныя, а кредитъ общественный ощущаетъ чрезъ то немалое стѣсненіе.

«Хотя же, въ другихъ европейскихъ государствахъ установлены, подобно какъ и у насъ, указные проценты, но и тамъ законъ сей остается безъ исполненія, ежели мѣра процентовъ назначена ниже пріобрѣтаемой на капиталы прибыли чрезъ торговлю и промыслы. А къ избѣжанію силы онаго вездѣ есть средства, коихъ правительство отвратить не въ состояніи.

«Изъ чего видно, что количество процентовъ не подчиняется другимъ уставамъ, кромѣ изобилія или недостатка въ ссудныхъ капиталахъ, и что гдѣ можно получать много прибыли отъ обращенія денегъ въ торговлю или промыслы, тамъ обыкновенно и за ссуду даютъ болѣе процентовъ; а сіе послѣднее въ мѣстахъ, капиталами недостаточныхъ, бываетъ необходимо.

«По всему сказанному лучше, кажется, такой законъ, который, вмѣсто пользы, явный вредъ причиняетъ, вовсе отмѣнить, нежели сохранять его по одному виду благонамѣренности, не имѣя средства преподать ему къ желаемому дѣйствію надлежащую силу.»

Вмѣсто подобныхъ соображеній, сатира прошлаго столѣтія руководилась благоговѣніемъ къ закону о процентахъ и была убѣждена, что онъ, вспомоществуемый ея усиліями, можетъ уничтожить лихву и разгромить ростовщиковъ. Оттого всѣ ея «сатирическія вѣдомости» о вексельномъ курсѣ у Кащея, объ условіяхъ займа у Жидомора и т. п. оказывались просто переливаньемъ изъ пустаго въ порожнее.

Возьмемъ другой примѣръ. Въ новиковскихъ журналахъ нѣсколько разъ попадаются жалобы невѣжественныхъ и дикихъ людей на то, что нѣтъ болѣе свободнаго винокуренія, а надо брать вино изъ «государева кружала», чтобы откупщику прибытокъ дѣлать. Видно, что сатирики, вѣрные своему характеру слѣдовать за правительственными реформами, не только не возставали противъ откуповъ, но скорѣе одобряли ихъ и готовы были смѣяться надъ тѣми,

кто ими тяготился. Иначе имъ, конечно, и нельзя было по ихъ положенію. Откупа только-что введены были во всей Россіи съ 1767 года. Въ предварительномъ указѣ о нихъ, отъ 1 августа 1765 г., они признаны самымъ лучшимъ способомъ сбиранія дохода для казны, и вслѣдствіе того откупщикамъ предоставляются многія права и преимущества, для привлеченія ихъ къ этому дѣлу. Во первыхъ, имъ предоставляется полная свобода «столько кабаковъ имѣть и въ такихъ мѣстахъ, сколько и гдѣ сами похотятъ». Потомъ облагораживается самое званіе кабака: «такъ какъ отъ происшедшихъ злоупотребленій названіе кабака сдѣлалось весьма подло и безчестно, то называть ихъ впредь питейными домами и поставить на нихъ гербы, яко на домахъ, подъ Нашимъ защищеніемъ находящихся.» Сами откупщики и повѣренные ихъ получаютъ особенныя отличія: «такъ какъ питейная продажа есть коронная регалія,—сказано въ указѣ,—то обнадеживаются откупщики монаршимъ покровительствомъ, и служба ихъ признается казенною, а они именуются коронными повѣренными служителями и носятъ шпаги.» Кромѣ того, въ этомъ же указѣ утверждается неподсудность ихъ, за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, никому, кромѣ губернатора или камеръ-коллегіи (П. С. З. № 12,444). Все это дѣлалось для того, чтобы посредствомъ откупъ увеличить доходъ казны, и дѣйствительно — онъ увеличился страшно: по свидѣтельству Щербатова, винные сборы въ Москвѣ и С. Петербургѣ простирались при Елизаветѣ до 700,000, а въ 1785 г. доходили уже до 10 милліоновъ!... (Моск. Вѣд. 1859 г., № 142.) Но съ кого же выбиралась вся эта сумма?... Намъ нѣтъ надобности говорить о несовершенствахъ откупной системы, всѣми признанной теперь разорительною для народа и безполезною для государства. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ фактѣ только потому, что замѣтили въ сатирикахъ прошлаго вѣка наклонность подсмѣиваться, во имя административныхъ распоряженій, надъ сознаніемъ простыхъ людей, съ самаго начала враждебно взглянувшихъ на откупа.

Но намъ могутъ сказать, что сатира должна поражать зло уже развившееся, господствующее, обнаружившее свое вліяніе, а не то, которое находится еще въ зародышѣ. Сатира должна дѣйствовать въ настоящемъ, и нельзя отъ нея требовать предвѣдѣнія будущаго... Правда; но въ томъ-то и бѣда, что наша сатира, «отъ Нестора до нашихъ дней», постоянно была въ положеніи, которое заставляло ее обращать свои обличенія вовсе не на сильное и настоящее, а на слабое и прошедшее. Откупной системы никто не обличалъ не потому, чтобы при ея началѣ никто не могъ понять могущаго произойти отъ нея вреда, а просто потому, что она получила тогда законную силу и вслѣдствіе того сдѣлалась уже недоступною для сатиры, во

всѣхъ своихъ обличеніяхъ опиравшейся на постановленія закона. Для полнѣйшаго убѣжденія въ справедливости этой мысли, стоитъ вспомнить, что на откупа никто у насъ не вооружался до тѣхъ поръ, пока не было рѣшено паденіе нынѣшней откупной системы.

И не въ отношеніи къ однимъ откупамъ сатира прошлаго вѣка выказала слѣпое послѣдованіе буквѣ закона. Возьмемъ другое явленіе — напримѣръ, рекрутчину. Въ сатирическихъ журналахъ есть довольно много замѣтокъ, обличающихъ плутни, бывавшія при крутскихъ наборахъ, въ противность законамъ. Замѣтки эти были иногда очень практичны и полезны и указывали на возникшія злоупотребленія очень прямо. Напримѣръ, въ «Трутнѣ» 1769 г. (стр. 199) помѣщено такое письмо:

«Господинъ издатель! При нынѣшнемъ рекрутскомъ наборѣ, по причинѣ запрещенія чинить продажу крестьянъ въ рекруты, и съ земли до окончанія набора, показалося новоизобрѣтенное плутовство. Помѣщики, забывшіе честь и совѣсть, съ помощію ябеды выдумали слѣдующее: продавецъ, согласясь съ покупщикомъ, велитъ ему на себя бить челомъ въ завладѣніи дачъ; а сей, имѣвъ нѣсколько хожденія по тому дѣлу, наконецъ подастъ, обще съ истцомъ, мировую челобитную, уступая въ искъ того человѣка, котораго онъ продалъ въ рекруты.»

Извѣстіе очень полезное, и нѣтъ сомнѣнія, что такія вещи дѣйствительно дѣлались. Но въ нихъ ли было главное зло въ этомъ случаѣ, и можно ли было ихъ уничтожить, безъ измѣненія причинъ, которыя ихъ производили? А отчего происходили подобныя злоупотребленія? Во первыхъ, опять-таки отъ крѣпостнаго права; во вторыхъ, отъ чрезвычайнаго излишества наборовъ, произведенныхъ въ царствованіе Екатерины. Извѣстно, что рекрутскіе наборы, иногда по два въ годъ, по одному человѣку съ 300 и съ 200 душъ, страшно обременяли Россію во все время ея царствованія. Въ прошломъ году напечатана у насъ записка кн. М. М. Щербатова о первой турецкой войнѣ (1768—1774 г.), найденная въ его бумагахъ г. Заблоцкимъ (Библ. Зап. 1858 г. № 13, стр. 408—410). Цифры и указанія Щербатова наводятъ на мысли очень невеселыя. По его вычисленію, въ 50 лѣтъ съ 1718 г. въ великой Россіи «взято 1,132,000 рекрутъ, то есть 6-й человѣкъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ, а конечно не меньше третьяго изъ работниковъ». Въ первые годы царствованія Екатерины до турецкой войны, въ семь наборовъ собрано 327,044 человѣка, кромѣ церковныхъ причетниковъ. И этого количества было еще недостаточно. «Колико наборы ни разорительны государству — пишетъ Щербатовъ — ибо, считая со всего числа душъ уже почти 23-й человѣкъ въ рекруты взятъ, а съ числа

работниковъ смѣло положить можно 11-й или 10-й; а со всѣмъ тѣмъ армія не удовольствована, ибо предводители оныхъ безпрестанно жалуются на малое число людей оныя.» Изыскивая причины этого, Щербатовъ находитъ, что все объясняется,—исключая военной необходимости, — небрежностью и дурными распоряженіями при производствѣ наборовъ. Во первыхъ, тогда было въ обычаѣ, что помѣщики многихъ крестьянъ ссылали въ Сибирь на поселеніе, съ зачетомъ ихъ въ рекруты. Это было до того распространено, что наборъ 1767 года, по свидѣтельству Щербатова, «только и служилъ для разсчета съ тѣми, которые въ зачетъ людей отдали, да и то большую часть на поселеніе въ Сибирь.» Во вторыхъ, наборы производились неправильно, внезапно, форсированно, отчего «взятые вдругъ рекруты принуждены были не токмо въ дальній путь идти, но и перемѣнить воздухъ, такъ что, пришедъ въ неукомплектованные полки, гдѣ, по нуждѣ людей, имъ выгодъ и отдыху дать не можно было, токмо число мертвыхъ пріумножили, и армія попрежнему въ некомплектѣ осталась.» Соображая все это, Щербатовъ приходитъ къ заключенію, что, вмѣсто двухъ наборовъ, спѣшно произвенныхъ въ 1765 г. по одному съ трехсотъ, лучше ужь было бы сдѣлать своевременно одинъ наборъ по одному со ста душъ: и армія бы укомплектовалась, да и народу было бы легче... Всѣ эти соображенія относятся какъ разъ къ тому времени, когда особенно процвѣтала наша сатира. Но она далека была отъ мысли взглянуть на войну съ той точки, — чего она стоитъ народу; сатирическіе журналы въ это самое время печатали высокопарныя привѣтствія по случаю побѣдъ. Такъ, напримѣръ, «Всякая Всячина» начинаетъ свой «Барышекъ» 1770 года поздравленіемъ по случаю успѣховъ россійскаго оружія и говоритъ такъ: «Да восплещутъ убо руками всѣ языцы, да возрадуются народы и племена, тяжкимъ игомъ чрезъ многія лѣта угнетенныя, да взыграетъ море, острова и земля, видя приближающееся свое отъ горькія работы спасеніе и избавленіе, коего единственною виновницею премудрую Екатерину и разумно ею устроенный совѣтъ не только настоящій провозгласитъ вѣкъ, но и грядущія еще громчае прославятъ времена» (Всяк., Всяч. стр. 412). Что̀ могло быть виною подобныхъ гимновъ, какъ не постоянная связь сатиры съ офиціальнымъ ходомъ русской жизни? И что̀ же мудренаго при этомъ, что воззванія сатиры противъ частныхъ злоупотребленій при наборахъ мало имѣли успѣха? Одно общее злоупотребленіе неминуемо вызываетъ другія, мелкія; а изъ записки Щербатова мы ясно видимъ, что въ самомъ основаніи производства наборовъ въ то время было большое злоупотребленіе. Его записка относится къ началу семидесятыхъ годовъ; но то же, ко-

нечно, продолжалось и въ послѣдующія 25 лѣтъ. Въ 1796 г., незадолго до смерти Екатерины, назначенъ былъ рекрутскій наборъ; но Павелъ I, вступивъ на престолъ, нашелъ возможнымъ и нужнымъ отмѣнить его, и тотчасъ же отмѣнилъ.

«Но вѣдь литература не можетъ имѣть претензіи на прямое административное значеніе: довольно съ нея и того, если она старалась вообще внушать гуманныя идеи и благородныя чувствованія. А это она дѣлала въ вѣкъ Екатерины постоянно и очень усердно. Гдѣ ни раскройте сатирическіе журналы, вездѣ вамъ попадется то насмѣшка надъ глупою спесью, то обличеніе безчеловѣчныхъ поступковъ, то злая выходка противъ эгоистическихъ разсчетовъ, то внушеніе правилъ человѣколюбія, снисходительности къ низшимъ, правдивости передъ высшими, честности, любви къ отечеству, и пр. Въ этомъ-то постоянствѣ добрыхъ стремленій, насколько было возможно ихъ обнаруживать по обстоятельствамъ времени, въ этой-то неуклонной послѣдовательности направленія, враждебнаго всему злому и безчестному, и состоитъ высокое нравственное достоинство сатиры екатерининскаго періода. Пусть она не отличалась всеобъемлемостью, пусть она даже впадала въ ошибки и шла иногда вслѣдъ за такими явленіями русской жизни, которымъ бы должна была идти навстрѣчу. Но за это нельзя обвинять ее, нельзя надъ нею трунить: это будетъ нимало не остроумно, и даже недобросовѣстно. Нужно, напротивъ, поблагодарить ее за то, что она честно дѣлала свое дѣло и проложила дорогу намъ, людямъ позднѣйшаго времени, для продолженія борьбы съ порокомъ уже въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ.»

Такъ непремѣнно возразятъ намъ почтеннѣйшіе историки литературы и другіе дѣятели русской науки, о которыхъ говорили мы въ началѣ нашей статьи. У нихъ вѣчно на языкѣ «уваженіе къ честнымъ дѣятелямъ мысли», «благодарность къ глашатаямъ правды и добра», и т. п. Смѣемъ увѣрить почтенныхъ историковъ литературы, трудолюбивыхъ библіографовъ и московскихъ публицистовъ, что мы ничуть не менѣе ихъ одушевлены уваженіемъ и любовью къ такимъ людямъ, какъ, напримѣръ, Новиковъ. Но неужели въ русскомъ обществѣ даже, до сихъ поръ, степень нравственнаго достоинства благородныхъ общественныхъ дѣятелей можетъ быть разсматриваема нераздѣльно со степенью ихъ успѣха? И неужели мы, говоря, что всѣ старанія ихъ были безуспѣшны, чрезъ то самое бросаемъ тѣнь на ихъ благородство? Наконецъ, неужели мы обижаемъ кого нибудь, стараясь указать причины этой безуспѣшности, такъ часто не зависѣвшія отъ воли самихъ дѣятелей? Мы вѣдь не упрекаемъ нашихъ сатириковъ въ подлости и ласкательствѣ, за то, что они писали иногда пышные дѳи-

рамбы златому вѣку; мы не подозрѣваемъ ихъ въ боярской спеси за то, что они мало обращали вниманія на состояніе простаго народа въ ихъ время. Подобныхъ подозрѣній мы не только не высказываемъ, мы вовсе не имѣемъ ихъ. Но надо же (повторимъ здѣсь еще разъ) выяснить истинное значеніе факта, о которомъ такъ много и такъ восторженно кричатъ сами наши историки литературы. Если наша точка зрѣнія и различается нѣсколько отъ воззрѣній библіографическихъ, такъ это давно бы пора ужь понять и не коверкать нашихъ словъ. Положимъ, что мы разсуждаемъ съ вами, напримѣръ, при началѣ итальянской войны. Вы приходите въ неописанный восторгъ отъ статей, въ которыхъ доказывается, что наконецъ пришла пора свободы Италіи, что австрійское иго нестерпимо, и т. п.;—а мы спокойно замѣчаемъ вамъ, что вѣдь это, однако, ничего не значитъ, что надежды восхваляемыхъ вами статей неосновательны, что союзомъ съ Франціей Италія теперь не пріобрѣтетъ себѣ истинной свободы. И вдругъ вы бросаетесь на насъ съ обвиненіемъ въ томъ, что мы не сочувствуемъ дѣлу Италіи, и стараетесь насъ поразить, указывая литературныя достоинства статей, которыя привели васъ въ восторгъ. «Посмотрите, какъ это сильно сказано, какъ это логически выведено, какъ остроумно задѣта здѣсь австрійская система, какъ горячо выразилось тутъ сочувствіе къ итальянской народности», и пр. «Все это прекрасно, отвѣчаемъ мы: статьи написаны превосходнымъ слогомъ и дѣлаютъ честь благородству чувствованій ихъ авторовъ; но насъ интересуетъ не слогъ и не благородство писателей, а практическое значеніе ихъ идей. И съ этой стороны мы находимъ ихъ статьи, къ крайнему своему прискорбію, не только не важными, но и вполнѣ незначительными...» Затѣмъ мы сдѣлаемъ, пожалуй, даже объясненіе причинъ, по которымъ такъ думаемъ, въ родѣ того, какое сдѣлано въ майскомъ и августовскомъ политическомъ обозрѣніи «Современника». Но вы все-таки будете толковать о нашемъ неуваженіи къ Кавуру и итальянскимъ патріотамъ: проницательно ли и добросовѣстно ли будетъ это съ вашей стороны?

Итакъ, не заподозривая и не унижая благородныхъ стремленій нашихъ сатириковъ, мы однако рѣшаемся утверждать, что ихъ обличенія были безуспѣшны въ вѣкъ Екатерины. Причиною же безуспѣшности мы признаемъ главнымъ образомъ наивность сатириковъ, воображавшихъ, что прогрессъ Россіи зависитъ отъ личной честности какого нибудь секретаря, отъ благосклоннаго обращенія помѣщика съ крестьянами, отъ точнаго исполненія указовъ о винокуреніи и о шести процентахъ, и т. д. Они не хотѣли видѣть связи всѣхъ частныхъ беззаконій съ общимъ механизмомъ тогдашней организаціи государства, и отъ ничтожнѣйшихъ улучшеній ожи-

дали громадныхъ слѣдствій, какъ, напр., уничтоженія взяточничества отъ учрежденія прокуроровъ, и т. п. И за то какихъ результатовъ добились они, не говоря о сферѣ административной и т. д., даже въ той области, которая была ихъ спеціальностью, — въ дѣлѣ улучшенія общественной нравственности? Сдѣлаемъ коротенькій очеркъ того положенія, въ какое пришли нравы послѣ всѣхъ этихъ обличеній.

Главные предметы обличенія сатиры екатерининскаго времени были: во первыхъ недостатокъ воспитанія, невѣжество и грубость нравовъ; во вторыхъ ложное образованіе, т. е. французскія моды, роскошь, вѣтренность и т. п.; въ третьихъ приказное крючкотворство и взяточничество. По этимъ тремъ предметамъ г. Аѳанасьевъ даже раздѣляетъ разсмотрѣніе сатиры того времени по тремъ особымъ главамъ. Посмотримъ же, что̀ ею сдѣлано.

Какимъ образомъ сатиритическіе журналы осмѣивали невѣжество, грубость и дурное воспитаніе, это мы отчасти уже видѣли изъ предъидущихъ выписокъ. Прибавимъ, что сатирики очень вѣрно понимали круговую поруку дурнаго воспитанія и грубости помѣщичьяго быта того времени. Худо воспитанные люди, изображаемые въ сатирическихъ журналахъ, — преимущественно «господчики», какъ тогда выражались. Такъ одинъ изъ подобныхъ господчиковъ, уже исправившійся, разсказываетъ о своемъ воспитаніи: «отецъ мой дворянинъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ деревнѣ, былъ человѣкъ простаго нрава и сообразовался во всемъ древнимъ обычаямъ; а жена его, моя мать, была сложенія тому совсѣмъ противнаго, отчего нерѣдко происходили между ними несогласія, и всегда другъ друга не только всякими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались... Я, будучи въ домѣ ихъ воспитыванъ и имѣя въ глазахъ таковые поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возъимѣлъ къ онымъ склонность и положилъ за правило себѣ во всемъ онымъ послѣдовать. Намѣреніе мое было гораздо удачно; ибо я въ скорое время къ удивленію всѣхъ домашнихъ уже совершенно выражалъ всѣ бранныя слова, которыя, бывало, отъ родителей своихъ слышу; а что до тиранства принадлежало, то уже въ томъ и родителей своихъ превосходилъ, хотя и они въ семъ искусствѣ гораздо не плохи были» (Жив. II, 160). Далѣе сообщается еще любопытная черта того времени: «матушка моя, пришедши изъ конюшни, въ которой по обыкновенію ежедневно дѣлала расправу... читаетъ, бывало, французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола порусски ясно пересказываетъ»... Слѣдствіемъ этого было то, что тринадцати лѣтъ мальчикъ уже былъ совершенно развращенъ и,

«влюбившись въ комнатную дома нашего дѣвку, сдѣлался въ короткое время невольникомъ рабы своея», а потомъ, спознавшись съ сыномъ сосѣдняго помѣщика, воспитаннымъ такъ же хорошо, принялся за игру, пьянство и пр. Другой господчикъ пишетъ во «Всякой Всячинѣ»: «провождая дни свои въ деревнѣ, былъ я воспитанъ бабушкою, которая любила меня чрезвычайно. Первыя мои лѣта упражнялся я, проигрывая съ крестьянскими ребятами цѣлые дни на гумнѣ; часто случалося, что бивалъ ихъ до крови, и когда приходили они къ учителю (который былъ старый дьячокъ нашего прихода), то онъ отгонялъ ихъ. Бабушка моя подъ жесточайшимъ гнѣвомъ запретила ему ниже словомъ не огорчать меня». Четыре года учась у этого учителя, мальчикъ до 13 лѣтъ едва выучился разбирать букварь. Тутъ отецъ хотѣлъ ему выписать француза; но бабушка воспротивилась, и «такъ прошелъ еще годъ, которое время проводилъ я — рѣзвяся съ дѣвками и играя со слугами въ карты» (Вс. Всяч. стр. 242). Въ письмѣ къ Ѳалалею отецъ его также вспоминаетъ, какъ онъ, маленькій, вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ и пр. такъ, что родители, бывало, животики надорвутъ со смѣха (Жив. I, 94). Въ «Трутнѣ» разсказывается о дворянинѣ, который «ѣздилъ въ Москву, чтобы сыскать учителя пятнадцатилѣтнему своему сыну, но, не нашедъ искуснаго, возвратился и поручилъ его воспитаніе дьячку своего прихода, *человѣку весьма доброму*» (Трут. стр. 125). Подобными замѣтками исполнены всѣ сатирическіе журналы 1770-хъ годовъ; но большая часть изъ нихъ обращена назадъ, на времена прошедшія. А во время самаго разгара дѣйствій сатиры все было уже такъ хорошо, что сами худовоспитанные вразумлялись и очень искренно сожалѣли о небрежности своего воспитанія. Только люди стараго времени продолжали держаться своихъ понятій и сердились на новое направленіе молодежи, какъ, напр., въ письмѣ дяди къ племяннику, помѣщенномъ въ «Трутнѣ» (стр. 113—120). Ты подавалъ большія надежды отцу—пишетъ дядя—потому что до двадцати лѣтъ жилъ дома и не читалъ книгъ, совращающихъ съ пути истины, а занимался часовникомъ и житіями святыхъ. «Куда это все дѣвалося? Сказывали мнѣ, будто ты по постамъ ѣшь мясо, и оставя священныя книги, принялся за свѣтскія. Чему ты научишься изъ тѣхъ книгъ? Вѣрѣ ли несомнѣнной, любви ли къ Богу и ближнимъ, надеждѣ ли быти въ райскихъ селеніяхъ, въ нихъ же водворяются праведники? Нѣтъ, отъ тѣхъ книгъ погибнешь ты невозвратно. Я самъ-грѣшникъ, вѣдаю, что беззаконія моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступникъ законовъ, что окрадывалъ государя, разорялъ ближняго, утѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на мздѣ, и короче сказать—грѣ-

шилъ, и по слабости человѣческой еще и нынѣ грѣшу; но не погасилъ любви къ Богу, исповѣдаю бо Его предъ всѣми творцомъ всея вселенныя», и пр.... Затѣмъ дядя перечисляетъ свои бдѣнія, посты и молитвы и опять переходитъ къ брани на ученье, изъ котораго происходитъ только гордость.... И все это, по очевидному смыслу сатиры, клонится къ тому, что старое невѣжество отживаетъ и на мѣсто его водворяется свѣтъ знанія.... Это еще положительнѣе выражается въ «Живописцѣ». Тамъ одна барышня говоритъ: «здѣсь всс свѣту подражать не умѣютъ; а все то испортили училища да ученые люди: куда ни посмотришь, вездѣ ученый человѣкъ лишь сумасбродитъ и чепуху городитъ» (Жив. I, 63). Не упоминаемъ восторженныхъ изъявленій радости о водвореніи гуманныхъ понятій волею россійской Минервы: мы много ихъ привели уже выше.

И что же? Какой успѣхъ имѣла въ этомъ дѣлѣ сатира, которая готова была вѣрить, что она добиваетъ уже остатки прежняго невѣжества? Дѣйствительно, обличаемыя ею явленія были у насъ въ силѣ еще задолго прежде. Изъ записокъ Болотова (1753 — 54 г.), изъ воспоминаній Данилова, родившагося въ 1722 г., мы видимъ, что тоже было и за 20 — 30 лѣтъ ранѣе. Еще раньше было, разумѣется, еще хуже. Но лучше ли было и послѣ? Вспомнимъ разсказы нашихъ современниковъ о томъ, какъ шло ихъ воспитаніе, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Вспомните «Семейную Хронику» и «Дѣтскіе годы», С. Т. Аксакова, прочтите «Годы въ Школѣ» г. Бицына (Рус. Бес. 1859 г. №№ 1—4), «Незатѣйливое воспитаніе», изъ записокъ А. Щ., въ «Атенеѣ» (1858 г., №№ 43—45), и пр.: не та ли же самая исторія повторялась у насъ въ частномъ воспитаніи, вплоть до француза по крайней мѣрѣ?

А общественное воспитаніе, т. е. то собственно, что мы называемъ образованіемъ? Оно тоже было не въ блестящемъ положеніи въ то время, когда сатирическіе журналы выступили на свое поприще. Приведемъ одну выдержку изъ «Живописца» о томъ, какъ все общество враждебно расположено было къ образованію.

«Что въ наукахъ, говоритъ Наркисъ: астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ? Нѣтъ, на что мнѣ она? Математика прибавитъ ли моихъ доходовъ? Нѣтъ: чортъ ли въ ней! Физика изобрѣтетъ ли новыя таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію? Нѣтъ; куда она годится!» и пр. Этотъ *Наркисъ* «танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ какъ ангелъ, красавицы почитаютъ его Адонидомъ», словомъ, это — свѣтскій человѣкъ. Совсѣмъ другое говоритъ худовоспитанникъ, офицеръ-бурбонъ. «Науки сдѣлаютъ ли меня смѣлѣе — разсуждаетъ онъ — прибавятъ ли мнѣ храбрости, сдѣлаютъ ли исправнѣйшимъ въ моей должности?

Нѣтъ, такъ онѣ для меня и не годятся. Вся моя наука состоитъ въ томъ, чтобы умѣть кричать: «пали! коли! руби!» и быть строгу до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ.» Однако времена перемѣнились, и *худовоспитанникъ* не можетъ получить высшаго чина, потому что ни о чемъ не умѣетъ разсудить; обиженный, онъ выходитъ въ отставку и «ѣдетъ въ другую непріятельскую землю, а именно во свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь со крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати. Тамъ не имѣлъ онъ никакія жалости; нѣтъ у него и здѣсь никому и никакой пощады, и если бы можно было ему съ крестьянами своими поступать въ силу Военнаго Устава, то не отказался бы онъ ихъ аркибузировать». *Кривосудъ* имѣетъ тоже сильные резоны противъ наукъ. Онъ спрашиваетъ: «по наукамъ ли чины раздаются? Я ничему не учился, однакожь я судья. Моя наука теперь въ томъ состоитъ, чтобы знать наизустъ всѣ указы и въ случаѣ нужды умѣть ихъ употреблять въ свою пользу. Науками ли получаются деньги? Науками ли наживаются деревни? Науками ли пріобрѣтаютъ себѣ покровителей? Науками ли доставляютъ себѣ въ старости спокойную жизнь? Науками ли дѣлаютъ дѣтей своихъ счастливыми? Нѣтъ! Такъ къ чему же онѣ годятся? Будь ученый человѣкъ, хоть семи пядей во лбу, да попадись къ намъ въ приказъ, то переучимъ его на свой салтыкъ, буде не захочетъ ходить по міру». Въ этомъ же родѣ разсуждаетъ и *Молокососъ*, которому даютъ чины по милости дядюшки, деньги присылаетъ батюшка, и котораго начальники не только любятъ, но еще стараются угождать ему, дѣлая тѣмъ услугу знатнымъ его родственникамъ, и пр. *Щеголиха* говоритъ: «какъ глупы тѣ люди, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ! Ужасть, какъ смѣшны ученые мужчины! А наши сестры, ученыя, — о, онѣ-то совершенныя дуры! Въ словѣ *умѣть нравиться* всѣ наши заключаются науки», и пр. *Волокита* разсуждаетъ такъ: «какая польза мнѣ въ наукахъ? Науками ли приходятъ въ любовь у прекраснаго пола? Науками ли имъ нравятся? Науками ли упорныя побѣждаются сердца? Науками ли украшаютъ лобъ (мужа?)? Науками ли торжествуютъ надъ солюбовниками? Нѣтъ, такъ онѣ для меня и не годятся» (Живоп. I, стр. 11 — 30).

Почти то же самое, и даже въ подобной же діалогической формѣ, говорилъ за сорокъ лѣтъ ранѣе Кантемиръ въ сатирѣ «на хулящихъ ученіе». И — скажемъ по совѣсти — хоть одно изъ всѣхъ приведенныхъ нами разсужденій «Живописца,» потеряло ли свою свѣжесть и справедливость даже *въ настоящее время, когда*, и проч.?. Не повторяетъ ли до сихъ поръ какой нибудь Вышневскій мыслей Кривосуда, Вихоревъ — Волокиты, и т. п.? Что же это значитъ?

Конечно то, что общество наше очень далеко ушло въ послѣднія 90 лѣтъ на поприщѣ образованія?! Въ самомъ дѣлѣ, — оглянитесь вокругъ себя: чего долженъ ожидать и чему подвергается въ нашемъ обществѣ человѣкъ, посвятившій себя занятіямъ наукою, даже, если онъ не школьный педантъ? «Дойти до степеней извѣстныхъ» ему не удастся, если онъ честенъ и гордъ; такъ называемая ученая каррьера у насъ вовсе не пользуется почетомъ и представляетъ какую-то пародію на каррьеру. Состояніе до сихъ поръ наукою у насъ не пріобрѣтается; развѣ какой нибудь спекуляторъ сочинитъ плохой учебникъ да напечатаетъ его двадцать изданій для заведеній, въ которыхъ начальствуетъ онъ самъ или его сваты и пріятели... Въ обществѣ нашемъ человѣку серьезно образованному нечего дѣлать: если онъ не сядетъ за карты, то непремѣнно нагонитъ тоску на всѣхъ присутствующихъ. О женщинахъ нечего и говорить: онѣ еще долго не перестанутъ быть танцующими и говорящими куклами; сердце ихъ еще долго будетъ сладостно замирать при видѣ усовъ и эполетъ; для того, чтобъ привлечь ихъ расположеніе, долго еще надо будетъ «умѣть одѣваться и чесать волосы по модѣ, говорить всякія трогающія бездѣлки, воздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть совсѣмъ развязану» (Живоп, I, 26)... Гдѣ же нашъ прогрессъ, гдѣ результаты сатирическихъ обличеній?

«Гдѣ жь плоды той работы полезной?»

Надо впрочемъ замѣтить, что вопросъ объ образованіи поставленъ очень уже широко въ приведенныхъ нами разсужденіяхъ. Здѣсь ужь вина равнодушія къ наукамъ падаетъ не на личныя качества отдѣльныхъ особъ, а на устройство и направленіе цѣлаго общества. Дѣйствительно, глупо и непрактично въ этомъ обществѣ заботиться объ украшеніи ума науками, и всѣ тупоумныя выходки Кривосудовъ, Худовоспитанниковъ и другихъ имѣютъ въ сущности глубокосправедливое основаніе. Еслибъ сатира наша съумѣла утвердиться на этомъ основаніи, она бы дошла до многаго. Въ самомъ дѣлѣ, припомните всѣ выходки, сгруппированныя «Живописцемъ», и задайте вопросъ: что же нужно, чтобы въ этомъ обществѣ могла водвориться разумность, могло распространиться истинное образованіе? Отвѣтъ будетъ простой: нужно измѣненіе общественныхъ отношеній. Надо, чтобы никакія преимущества связей и протекціи не имѣли вліянія на опредѣленіе судьбы человѣка: тогда и *Молокососъ* будетъ учиться, чтобы съумѣть чего нибудь достигнуть. Нужно, чтобы въ судахъ не могло быть произвола, чтобы законы строго и равно охраняли права каждаго: тогда и *Кривосудъ* пойметъ необходимость

науки. Нужно, чтобы всякій изъ людей служащихъ имѣлъ свою долю участія въ общественныхъ интересахъ: тогда и въ бесѣдахъ нашихъ необходимо появится дѣльный разговоръ, и какой нибудь *Наркисъ* принужденъ будетъ отказаться отъ своихъ трогающихъ бездѣлокъ для разговора болѣе дѣльнаго; а при этомъ онъ необходимо долженъ будетъ почувствовать цѣну образованія... Наконецъ,—самое главное,—нужно, чтобы значеніе человѣка въ обществѣ опредѣлялось его личными достоинствами и чтобы матеріальныя блага пріобрѣтались каждымъ въ строгой соразмѣрности съ количествомъ и достоинствомъ его труда: тогда всякій будетъ учиться уже и затѣмъ, чтобъ дѣлать какъ можно лучше свое дѣло, и невозможны будутъ тунеядцы, подобные *Худовоспитаннику*... Тогда даже и *Волокиты* (самый безнадежный народъ, больше все изъ военныхъ!) захотятъ чему нибудь выучиться, потому что иначе имъ не на что будетъ не только одѣться со вкусомъ, но даже и убрать свои волосы... Да и *Щеголихи* тогда перемѣнятъ свои воззрѣнія, если только сами онѣ уцѣлѣютъ при такомъ измѣненіи общественныхъ отношеній... А пока продолжается то положеніе дѣлъ, какое изображала сама же сатира екатерининскаго періода, до тѣхъ поръ должно продолжаться «темное царство,» которое недавно обозрѣвали мы въ сочиненіяхъ Островскаго. Просимъ читателя припомнить или просмотрѣть то, что̀ мы говорили тогда о возможности и значеніи образованія въ «темномъ царствѣ», подъ вліяніемъ самодурныхъ отношеній.

Къ сожалѣнію, екатерининская сатира не удержалась на точкѣ зрѣнія общественности и не развила тѣхъ идей, которыхъ зародышъ заключался въ приведенномъ нами изъ «Живописца» очеркѣ русскихъ возрѣній на образованность. Кажется, сатирики и сами, впрочемъ, не совсѣмъ ясно сознавали возможное значеніе этого очерка. Изъ другихъ статей сатирическихъ журналовъ видно, что они полагали всю надежду на книги и училища. Что̀ касается до книгъ, то мы уже говорили выше, много ли значенія могли имѣть онѣ и какія затрудненія встрѣтились имъ тотчасъ же, какъ только стало похоже на то, что онѣ пріобрѣтаютъ самостоятельное значеніе. Скажемъ теперь нѣсколько словъ и объ училищахъ.

О заведеніи училищъ заботилась Екатерина съ самаго начала своего царствованія. Преимущественно обращено было ея вниманіе на заведеніе «воспитательныхъ училищъ», которыхъ цѣль была, по выраженію Бецкаго, произвести въ Россіи «новую породу людей» (докладъ Бецкаго 12-го марта 1764 года). Въ этихъ видахъ основаны были женскія воспитательныя учи-

лища, гдѣ и положено начало тому закрытому, казенному воспитанію, противъ котораго такъ сильно возстаетъ современная педагогика, за то, что оно отчуждаетъ дѣтей отъ семьи. На тѣхъ же началахъ основано было нѣсколько кадетскихъ корпусовъ. Собственно же къ устройству училищъ, не имѣющихъ воспитательнаго значенія, Екатерина приступила только уже во вторую половину своего царствованія, да и то потому, что на устройство воспитательныхъ заведеній во всѣхъ городахъ, по первоначальному плану, недостало денегъ. Въ 1775 г., при учрежденіи губерній, вмѣнено было въ обязанность приказамъ общественнаго призрѣнія — стараться о заведеніи училищъ; но это ни къ чему не повело: приказы не открыли почти ни одного училища, отзываясь тоже неимѣніемъ средствъ. По мѣстамъ и пробовали открывать формальнымъ образомъ; но ни учителей, ни книгъ неоткуда было взять, и ученики не являлись. Это все было около того времени, когда литература пѣла уже разлитіе лучей просвѣщенія по всѣмъ закоулкамъ русскаго царства. Наконецъ въ 1782 г. составлена коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ. Въ коммиссіи этой, вмѣстѣ съ Бецкимъ и Завадовскимъ, участвовалъ извѣстный педагогъ Янковичъ ди Мириево. Въ обзорѣ дѣятельности этого человѣка, изданномъ въ прошломъ году г. Вороновымъ, находятся любопытныя свѣдѣнія о первоначальномъ заведеніи училищъ при Екатеринѣ. Нужно сказать, что 1782—84 годы были временемъ особенно-литературнаго и ученаго настроенія императрицы. Тутъ она основала Россійскую академію, дозволила заведеніе вольныхъ типографій, составила планъ сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ и нарѣчій, издавала съ Дашковою «Собесѣдникъ». Тутъ же шло и дѣло объ училищахъ. Предварительныя работы коммиссіи были представлены черезъ три года, и 5 авг. 1786 г. изданъ указъ объ открытіи народныхъ училищъ во всѣхъ городахъ россійской имперіи. Въ то же время приказано было коммиссіи составить планъ для учрежденія гимназій и четырехъ университетовъ— сначала въ Екатеринославлѣ, а потомъ во Псковѣ, Пензѣ и Черниговѣ, съ тѣмъ притомъ, чтобы профессора были русскіе. Коммиссія пришла въ затрудненіе и обратилась въ академію наукъ и въ Московскій университетъ съ просьбою, не могутъ ли они удѣлить нѣсколько профессоровъ для новыхъ университетовъ. Тѣ отвѣчали, что у нихъ у самихъ мало. Вслѣдствіе того коммиссія донесла въ 1787 г., что необходимо вызвать ученыхъ иностранцевъ, да и то на четыре университета вдругъ набрать трудно, и потому не достаточно ли покамѣстъ учредить хоть одинъ. При этомъ представлялся и планъ новаго университета. Это было въ 1788 г. Но тутъ политическія забо-

ты помѣшали, и до смерти Екатерины не было учреждено ни одного университета.

Гимназіи тоже были открыты уже въ царствованіе Александра.

Немногимъ лучше устроилось дѣло и собственно народныхъ училищъ. Въ то время, какъ изданъ былъ указъ объ ихъ открытіи, государственные финансы были уже крайне истощены, и потому вся хозяйственная часть предположенныхъ училищъ отнесена была не на государственное казначейство, а на счетъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Но и въ приказахъ денегъ было очень мало, и потому многія изъ предполагавшихся училищъ вовсе не открыты, а другія и открывались, да потомъ сами не рады были. Администрація ихъ была самая сложная,—они зависѣли и отъ своего директора или смотрителя, и отъ предсѣдателя и чиновниковъ приказа, и отъ губернатора, и отъ коммиссіи училищъ. Средства были очень скудныя, помѣщеніе плохое, жалованье учителямъ ничтожное, содержаніе казеннымъ ученикамъ выдавалось неисправно, учебныхъ пособій почти никакихъ не давали. Естественно, что ни у кого не являлось охоты ни учиться, ни быть учителемъ, тѣмъ болѣе, что ученье не вознаграждалось никакими преимуществами, а учителя даже чиновъ не получали, а должны были непремѣнно прослужить въ своей должности—преподаватели въ высшихъ классахъ не менѣе 23, а въ низшихъ, не менѣе 36 лѣтъ, для того, чтобы получить чинъ коллежскаго ассессора и выдти въ отставку безъ всякой пенсіи. Вообще ученье было въ загонѣ, и имъ вовсе не дорожили даже и по внѣшности. Дворяне обыкновенно записывались прямо въ полкъ, послѣ такого воспитанія, какое описывалось въ «Живописцѣ» и въ «Трутнѣ», и когда при императорѣ Александрѣ послѣдовалъ указъ о производствѣ въ офицеры только грамотныхъ, то оказалось чрезвычайно много не знавшихъ грамотѣ унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ. Таковы были результаты стараній о заведеніи народныхъ училищъ, — стараній, на которыя тогдашняя литература возлагала такія надежды и по поводу которыхъ воспѣвала златой вѣкъ и царство знаній въ Россіи.

Но откуда же эта скудость денежныхъ средствъ, помѣшавшая осуществленію просвѣщенныхъ намѣреній Екатерины? Мы знаемъ, что она начала свое царствованіе повелѣніемъ бить мѣдную монету по 16 рублей изъ пуда, вмѣсто 32, какъ было прежде, начертаніемъ новыхъ правилъ для нашей заграничной торговли, «къ облегченію тягости народной», пониженіемъ цѣны на соль, и пр. Значитъ, большой скудости при началѣ не было. А въ теченіе своего царствованія она ввела новый порядокъ сбора податей, повелѣла генералъ-прокурору составлять ежегодные бюджеты, которыхъ прежде не было, во-

обще, по учебнику Устрялова, «чрезвычайно увеличила государственные доходы, безъ отягощенія подданныхъ»: при началѣ ея царствованія наши доходы составляли 20 мильоновъ, а при концѣ доходили до 50, (см. Устр. II, 259). Какая же могла быть скудость, судя по этимъ свѣдѣніямъ, занесеннымъ въ учебникъ?... Правда, судя по этому мѣсту учебника, нельзя предполагать оскудѣнія финансовъ; но это потому, что здѣсь излагаются, между прочими дѣяніями Екатерины, и благотворныя мѣры ея для улучшенія финансовой части. Указаній же на разстройство финансовъ при Екатеринѣ нужно искать въ другомъ мѣстѣ, — тамъ, гдѣ излагаются г. Устряловымъ благотворныя мѣры императора Павла для улучшенія финансовой части. Тамъ дѣйствительно и находимъ (стр. 275 — 76):

«Государственные финансы въ послѣдніе годы царствованія Екатерины находились не въ цвѣтущемъ состояніи: обременительныя войны съ Турціею, Швеціею, Польшею, Персіею, истощили казну; доходы не покрывали расходовъ; внѣшній долгъ, незначительный до начала второй турецкой войны, отъ новыхъ займовъ увеличился до 46 милліоновъ рублей сер., долгъ внутренній, составившійся отъ выпуска ассигнацій, простирался до 157 милліоновъ; заграничные переводы были невыгодны; денежный курсъ съ каждымъ годомъ быстро понижался; ассигнаціонный рубль со времени второй турецкой войны постепенно упадалъ и въ 1796 г. стоилъ только 68 к. на серебро; всеобщее потрясеніе европейской торговли французскою революціею разстроило и наши коммерческіе обороты; банкротства увеличились; общественный кредитъ колебался.»

Такъ вотъ къ чему привело непомѣрное увеличеніе доходовъ. Однако же, все-таки отчего это? Конечно, войны были, да вѣдь войны всѣ оканчивались счастливо; мы пріобрѣли въ царствованіе Екатерины 32,000 квадратныхъ миль земли и на 12 мильоновъ увеличили народонаселеніе. Кромѣ того, были экстраординарные источники доходовъ. Напримѣръ, монастырскіе крестьяне, въ числѣ 900,000, были взяты въ казну и обложены довольно высокою по тогдашнему времени податью (указ. 26 февр. 1764 г.); раскольниковъ, которыхъ Петръ III велѣлъ было освободить отъ всякихъ розысковъ (февр. 1762 г.), велѣно было указомъ 3 марта 1764 г. при новой ревизіи всѣхъ переписать аккуратно и обложить двойнымъ подушнымъ окладомъ. Но дѣло въ томъ, что подобныхъ доходовъ было все-таки мало для покрытія необычайныхъ расходовъ, которые нужны были въ то время. Причиною этихъ расходовъ была всеобщая роскошь, распространившаяся въ то время, и противъ нея-то, между прочимъ, возставали тогдашніе сатирики съ особенною силою, хотя, разумѣется, опять не проводили уровня своей сатиры надъ всѣмъ обществомъ, а выбирали,

что помельче. «Трутень» изображаетъ мота, который «то въ день съѣдаетъ, что бы въ годъ ему съѣсть надлежало, держитъ шесть каретъ и шесть цуговъ лошадей, опричь верховыхъ и санныхъ, и сноситъ въ годъ до двадцати паръ платья» (Тр. стр. 219). «Смѣсь» обличаетъ такихъ, которые на одинъ столъ издерживали въ годъ до 14,000 рублей. «Живописецъ» обличаетъ модныхъ дамъ, которыя прогуливались по гостиному двору и обнаруживали «превеликое желаніе покупать, или лучше сказать—брать всякіе нужные и ненужные товары» (Жив. II, 133). Въ «Трутнѣ» осмѣивался помѣщикъ, который содержалъ «великое число псовой охоты, и ѣздилъ на ярмарки верстъ за 200 весьма великолѣпно, а именно: самъ въ четверомѣстномъ дѣдовскомъ берлинѣ въ 10 лошадей, и еще 12 колясокъ, запряженныхъ 6 и 4 лошадьми, исключая повозокъ и фуръ съ палатками, поваренною посудою и всякимъ его господскимъ стяжаніемъ»... Объ этомъ дворянинѣ, однакожь, замѣчается, что онъ проживаетъ не больше ежегоднаго своего дохода, а получаетъ онъ шесть тысячъ рублей (Трут. 125). Изъ этого оттчасти уже видно, что сатира того времени признавала главнымъ источникомъ роскоши—не дѣдовское житье со всей его сытностью и раздольемъ, а нѣчто другое. Это другое заключалось именно въ подражаніи французамъ. Большая часть нашихъ злобныхъ сатиръ на французовъ произошла не столько изъ «любви къ отечеству и народной гордости», сколько съ досады на то, что они насъ разоряютъ. Нападали на французскихъ парикмахеровъ за то, что они съ иныхъ «господчиковъ» получаютъ по 30 руб. въ мѣсяцъ, а съ другихъ берутъ 200 р. въ годъ, платье, столъ и экипажъ (Ад. Почт. стр. 14). Обличали французскихъ портныхъ, которые «продаютъ искусство свое весьма дорого»; (И То и Се, нед. 24), самозванныхъ учителей. которые ни за что, ни про что получали большія деньги, обыкновенно рублей 500 со столомъ, прислугою и экипажемъ (Веч. I, 12, Кошел. 140). Особенное зло причиняло это помѣщикамъ, которыхъ французскіе гувернеры безъ церемоніи надували и обворовывали. «Этотъ манеръ завелся и у деревенскихъ бояръ, пишетъ Стародуровъ, въ «Полезномъ съ Пріятнымъ» (стр. 24), — такъ что за инымъ не болѣе 300 душъ, а у него живетъ иноземецъ и деретъ съ него очень, очень порядочныя денежки.» Сатириковъ нашихъ очень возмущали также постыдныя спекуляціи, на которыя пускались учителя французы. Напримѣръ, въ «Кошелькѣ» осмѣивается французскій гувернеръ, самъ себя произведшій въ Шевалье де-Мансонжъ: этотъ плутъ, поступивши къ одному помѣщику, «въ свободное время занимался передѣлкою простаго табаку въ *розовый* и продавалъ его по 5 и по 10 руб. за фунтъ.» Но особенно было ужасно то, что они научали мо-

товству юношество, которое попадало въ ихъ руки. Ученье француза-гувернера обыкновенно оканчивается въ нашихъ сатирическихъ разсказахъ тѣмъ, что воспитанникъ выучивается играть на бильярдѣ, въ банкъ и въ *квинтичъ*, и проматываетъ все отцовское состояніе. Не менѣе азартныхъ игръ, разоряли тогда дворянъ «французскія моды.» Не говоря уже о томъ, что парижскіе парикмахеры и портные брали очень дорого, и что балы обходились въ большія суммы, жизнь по модѣ вредна была еще тѣмъ, что разстроивала домашнее хозяйство. Модница уже не можетъ сидѣть дома и смотрѣть за хозяйствомъ. Въ «Трутнѣ» (1770, стр. 43) помѣщено письмо одной барыни, которая, сдѣлавшись модницей, при помощи французской мадамы, съ отвращеніемъ вспоминаетъ о томъ, что она прежде «только и знала, когда и какъ хлѣбъ сѣютъ, капусту садятъ, и проч., и не умѣла ни танцовать, ни одѣваться». Если модной женѣ мужъ «осмѣлится напомнить о домашней экономіи, о которой модная женщина считаетъ за подлость имѣть понятіе, тутъ онъ пропалъ!» (Веч. I, 188). Замѣчательно, что въ сатирическихъ нападкахъ на французовъ экономическая и внѣшняя сторона играетъ очень видную роль, а собственно идеи французовъ не подвергались осмѣянію до самаго того времени, какъ политическое движеніе во Франціи заставило признать ихъ опасными. Въ 1770-хъ годахъ, напротивъ, господствовало даже, и въ обществѣ, и въ самой литературѣ, полнѣйшее уваженіе и къ господину Волтеру, и къ женевскому философу Жанъ-Жаку-Руссо, и къ ученому Дидероту, и проч. Эти насъ не разоряли, да притомъ же ихъ уважала сама императрица въ это время.

Но и экономическую сторону вопроса сатирики разсматривали въ очень малыхъ размѣрахъ. Конечно, въ обличеніяхъ мотовъ средняго состоянія могли скрываться намеки и на то, что дѣлалось первокласными и знатными богачами. Но это предположеніе, если оно и справедливо, не свидѣтельствуетъ въ пользу *силы* тогдашней сатиры. Притомъ же наши сатирики и вообще литераторы умѣли нерѣдко и мѣнять точку зрѣнія на предметъ, какъ скоро дѣло превосходило тѣ размѣры, которые были имъ по плечу. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ описаніяхъ пировъ знатныхъ вельможъ и въ разсказахъ о жизни ихъ — расточительность принимала названіе *щедрости*, а роскошь называлась *великолѣпіемъ*. Для примѣра можно указать изъ знаменитыхъ — на Фонъ-Визина, писавшаго біографію Н. И. Панина, на Державина, который воспѣвалъ пиры Потемкина, забывая остроумные намеки, которые самъ же дѣлалъ на него въ «Фелицѣ», и пр. Между тѣмъ въ этой-то, воспѣваемой ими, *щедрости* и *великолѣпіи* и заключалась причина финансоваго разстрой-

ства Россіи. Тутъ даже и французскіе парикмахеры и гувернеры были виноваты очень мало. И безъ нихъ, были другія побужденія и другіе способы мотать неслыханныя суммы. Сама Екатерина отличалась умѣренностью и простотою, какъ свидѣтельствуютъ современныя ей записки и литературныя обращенія къ ней. Вспомнимъ стихи Державина:

Мурзамъ твоимъ не подражая,
По часту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ, и пр.

Но примѣру, воспѣтому Державинымъ, не подражали приближенные императрицы. О роскоши, какую они себѣ позволяли, остались свѣдѣнія изумительныя, предъ которыми должно поблѣднѣть и исчезнуть все, что изображала сатира екатерининскаго вѣка. «Трутень» обличалъ, напримѣръ, господчиковъ, у которыхъ на столъ выходило 14 тысячъ въ годъ. А въ запискахъ Грибовскаго иаходимъ, что у Пл. Ал. Зубова, графа Н. И. Панина и у графини Броницкой столъ на каждый день стоилъ около 400 рублей, исключая винъ и прочихъ напитковъ, которыхъ тоже выходило каждый день рублей на 200! (Гриб. стр. 60). Онъ же разсказываетъ удивительныя вещи о пирахъ Л. А. Нарышкина, о выѣздахъ Остермана въ его золоченой каретѣ, о праздникахъ Безбородка. Безбородко былъ весь засыпанъ золотомъ и брильянтами въ своемъ домѣ. Танцовщицѣ Давіи онъ давалъ 2,000 р. золотомъ въ мѣсяцъ, а когда она уѣзжала въ Италію, подарилъ ей деньгами и брильянтами на 500,000 р. Потомъ онъ содержалъ Сандунову, а когда она вышла замужъ, то взялъ на ея мѣсто танцовщицу Ленушку; отъ этой имѣлъ онъ дочь, которую потомъ выдалъ замужъ, давши ей въ приданое домъ въ 300,000 р., и имѣнье съ 80,000 р. доходу (Гриб. стр. 72). Откуда брались столь огромныя суммы? Конечно, отъ щедротъ Екатерины: хотя извѣстно, что Безбородко и безъ того былъ очень богатъ, но его собственныхъ средствъ не хватило бы на такую пышность. Въ примѣръ того, какіе размѣры должны были имѣть эти щедроты, можно указать на Н. И. Салтыкова, о которомъ свѣдѣнія находимъ тоже у Грибовскаго. По словамъ его, Салтыковъ имѣлъ всего 6,000 душъ крестьянъ, а проживалъ ежегодно по 200,000 р., да еще въ теченіе 10 лѣтъ умѣлъ сдѣлать такую экономію изъ своихъ доходовъ, что прикупилъ потомъ еще 10,000 душъ (Гриб. стр. 61). Была, впрочемъ, у вельможъ тогдашнихъ, кромѣ щедротъ императрицы, и другая возможность получать большія деньги. Такъ въ запискахъ Державина (Рус. Бес. 1859 г. т. IV, стр. 333 — 337), находимъ изложеніе дѣ-

ла извѣстнаго банкира Сутерланда, «бывшаго со всѣми вельможами въ великой связи, потому что онъ имъ ссужалъ казенныя деньги, которыя принималъ изъ государственнаго казначейства для перевода въ чужіе краи, по случавшимся тамъ министерскимъ надобностямъ». Такихъ суммъ набралось до 2,000,000, переведенныхъ въ Англію. Но вдругъ министръ донесъ оттуда, что денегъ тамъ нѣтъ. Навели слѣдствіе; открылось, по книгамъ Сутерланда, что деньги еще не переведены; потребовали, чтобъ онъ перевелъ ихъ немедленно, а въ это время у него не случилось денегъ, и онъ объявилъ себя банкротомъ. По дальнѣйшимъ розысканіямъ открылось, что всѣ деньги «забраны — Потемкинымъ, Безбородкою, Остерманомъ, Вяземскимъ, Морковымъ и даже Великимъ Княземъ». Одинъ Потемкинъ взялъ 800,000 р. Это было уже послѣ смерти его, и Екатерина, на докладъ Державина, «извинивъ, что князь многія надобности имѣлъ по службѣ и нерѣдко издерживалъ свои деньги, приказала принять на счетъ свой государственному казначейству» (стр. 337). Потемкинъ, дѣйствительно, не только самъ тратилъ большія суммы, но и другимъ разрѣшалъ подобныя траты. У Державина же находимъ мы разсказъ о купцѣ Логиновѣ, котораго Потемкинъ не только допустилъ къ откупамъ безъ залоговъ, но еще кредитовалъ 400,000 рублей, изъ коммиссаріатскихъ суммъ. Между тѣмъ Логиновъ этотъ, нажившись отъ откупа, не только не внесъ долга, но не платилъ рѣшительно ничего и даже самъ *скрылся*, то есть постоянно показывался въ неизвѣстной отлучкѣ, «и хотя всѣмъ былъ видѣнъ проживающимъ въ Петербургѣ, однако не сысканъ и не представленъ въ Москву *около 20 лѣтъ*» (стр. 330). Въ запискахъ же Державина есть любопытный разсказъ о расхищеніи 600,000 р. изъ государственнаго заемнаго банка, въ чемъ главными виновниками оказались — главный директоръ банка Завадовскій съ кассиромъ Кельбергомъ и вторымъ директоромъ Зайцовымъ. Они «вошли между собою въ толь короткую связь, что брали казенныя деньги на покупку брильянтовъ, дабы, продавъ ихъ императрицѣ, съ барышемъ взнести въ казну забранныя ими суммы и сверхъ того имѣть себѣ какой либо прибытокъ (Рус. Бес. IV, стр. 377).

Подобные разсказы объясняютъ очень удовлетворительно (по крайней мѣрѣ гораздо удовлетворительнѣе сатирическихъ нападокъ на французскія моды), отъ чего произошло подъ конецъ царствованія Екатерины такое разстройство финансовъ. Ясно, что приближенные Екатерины, не довольствуясь ея милостями, прибѣгали еще и къ непозволеннымъ ею средствамъ обогащенія. Она часто вовсе и не знала, что̀ дѣлаютъ эти вельможи; но это довѣріе къ нимъ все-таки

обращалось потомъ ей въ упрекъ. Даже Державинъ, восторженный пѣвецъ ея, сказавшій о ней:

Какъ солнце, какъ луну поставлю,
На память будущимъ вѣкамъ,
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ, —

и онъ, въ заключеніе своихъ воспоминаній о ней, говоритъ слѣдующее:

«Коротко сказать, — сія мудрая и сильная государыня, ежели въ сужденіи строгаго потомства не удержитъ по вѣчность имя великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своимъ окружающимъ, а паче своимъ любимцамъ, какъ бы боясь раздражить ихъ; и потому добродѣтель не могла, такъ сказать, сквозь сей закоулокъ пробиться и вознестись до надлежащаго величія. Но если разсуждать, что она была человѣкъ, что первый шагъ ея возшествія на престолъ былъ не непороченъ, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ея страстей, противъ которыхъ явно возставать, можетъ быть, и опасалась, ибо они ее поддерживали. Когда же привыкла къ изгибамъ по своимъ прихотямъ съ любимцами, а особливо въ послѣдніе годы съ княземъ Потемкинымъ упоена была славою своихъ побѣдъ, то уже ни о чемъ другомъ и не думала, какъ только о покореніи скиптру своему новыхъ царствъ». (Рус. Бес. 1859 г. Кн. IV, стр. 387).

Совершенно согласно съ Державинымъ, но гораздо обстоятельнѣе и солиднѣе, отзывается объ истощеніи Россіи къ концу царствованія Екатерины графъ А. Р. Воронцовъ, бывшій при императорѣ Александрѣ государственнымъ канцлеромъ. Недавно, въ первой книжкѣ «Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей», напечатаны чрезвычайно любопытныя его «Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи.» Примѣчанія эти написаны были въ 1801 году и представлены императору Александру. Начинаются они съ того, что «благополучное состояніе, которымъ всѣ россіяне нынѣ пользуются, не оставляетъ ничего болѣе желать, какъ только непоколебимости онаго» (Чт. М.О. И. 1859 г. Кн. I, См. стр. 91). Но затѣмъ онъ излагаетъ свои мысли о внутреннемъ состояніи Россіи и между прочимъ замѣчаетъ: «можно сказать, къ сожалѣнію, что Россія никогда прямо устроена была, хотя еще съ царствованія Петра Великаго о семъ весьма помышляемо было». Очертивши вкратцѣ дѣйствія преемниковъ Петра и дойдя до времени Екатерины, Воронцовъ говоритъ:

«О революціи, коею возведена была императрица Екатерина вторая на престолъ россійскій, нѣтъ нужды распространяться, понеже всѣ сіи обстоятельства еще въ свѣжей памяти; но того умолчать нельзя, что самый сей образъ вступленія на престолъ заключалъ въ себѣ многія неудобности, кои имѣли вліяніе и на все ея царствованіе. Оно было, конечно, съ большимъ блескомъ, особливо по внѣшнимъ дѣламъ, большія пріобрѣтенія сдѣланы, служащія и къ безопасности Россіи, и къ лучшему составленію всей массы; но нельзя не признать, чтобъ сердце Россіи почти ежегодными рекрутскими наборами не было истощено; къ тому прибавились налоги, прежде еще зрѣлости своей, чтобъ Россія могла оныя безъ изнуренія выносить».... (Чт. М. О. И. 1859 г. Кн. I, Смѣсь, стр. 95).

Далѣе (на стр. 96) Воронцовъ говоритъ, что къ концу царствованія Екатерины «роскошь, послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденія участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ довели до того, что люди едва ли уже не желали въ 1796 г. скорой перемѣны, которая, по естественной кончинѣ сей государыни, и воспослѣдовала». Въ особенности Воронцовъ обвиняетъ Потемкина. Говоря о военной части, онъ замѣчаетъ, что «воинскія учрежденія, сдѣланныя коммиссіею, на то опредѣленною при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II, имѣли много основательнаго и полезнаго, да и на правилахъ хозяйства основаны были»; затѣмъ продолжаетъ: «страшныя злоупотребленія и расточенія, вкравшіяся по сей части, и кои начало свое взяли и далѣе простирались отъ 1775 года, отнюдь не отъ самыхъ учрежденій произошли, а отъ необузданности временщиковъ». Далѣе Воронцовъ замѣчаетъ, что злоупотребленія эти «сдѣлались общими и не по одной военной, но по всѣмъ частямъ государства распространялись» (стр. 99), и при этомъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе, очень характеристическое.

«Прямою эпохою водворенія сихъ злоупотребленій почитать должно самовластіе и властолюбіе покойнаго князя Потемкина; *а на него глядя и видя, что не только нѣтъ взысканія и отчета на обогащеніе людей, но и къ почестямъ и къ вознагражденіямъ было лучшею дорогою, рѣдкій по части ему ввѣренной не находилъ для себя выгоднымъ по тѣмъ же слѣдамъ идти;* ибо не всякій имѣетъ въ себѣ столько твердости души, чтобъ худымъ примѣрамъ не послѣдовать, *особливо когда они многія пріятности въ жизни доставляютъ*» (стр. 100).

Эта замѣтка чрезвычайно важна въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ существенную сторону вреда, который производится для государства расточительностью временщиковъ. Они сами, положимъ, и не много растратятъ; но важно уже то, что они истратили хоть

одинъ лишній рубль, принадлежащій не имъ, а государству. Какъ скоро это сдѣлано хоть однимъ человѣкомъ, каковы бы ни были его заслуги, чинъ и положеніе, — зараза неминуемо распространяется дальше. Какъ скоро разъ произошло нарушеніе законности, — нѣтъ причины не произойти ему и въ другой разъ. Общественное благо вообще и общественная или государственная казна въ частности — можетъ быть съ усердіемъ охраняема каждымъ членомъ общества только до тѣхъ поръ, пока онъ знаетъ, что это благо, эти права, это имущество — неприкосновенны для насилія, недоступны для произвола; тутъ есть часть каждаго, и на желаніи полнаго обезпеченія этой части со стороны общества основывается и стремленіе каждаго поддерживать общее благо. Но какая же мнѣ охота заботиться объ общемъ благѣ, когда я вижу, что мое собственное достояніе не обезпечено, мои права не ограждены? И вотъ отсюда-то происходитъ эгоистическій образъ дѣйствій, который выражается съ одной стороны—во взяточничествѣ, казнокрадствѣ, обманѣ и барышничествѣ всякаго рода, а съ другой—въ совершенной безпечности и небрежности въ исполненіи своихъ обязанностей.

О томъ, до какой степени доходило у насъ въ девяностыхъ годахъ общее разстройство управленія по всѣмъ частямъ, всего лучше разсказываетъ князь Щербатовъ въ своемъ «Разсужденіи о нынѣшнемъ въ 1787 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи», въ «Размышленіи о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и офицеры,» и въ сочиненіи «О состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, въ началѣ 1788 г., при началѣ турецкой войны». Эти сочиненія вполнѣ не напечатаны; но въ Московскихъ Вѣдомостяхъ нынѣшняго года, въ іюнѣ и іюлѣ (№№ 142, 143, 154, 172, 177) помѣщены были довольно обстоятельныя извлеченія изъ нихъ, сдѣланныя г. М. Щепкинымъ. Мы воспользуемся нѣкоторыми изъ напечатанныхъ тамъ свѣдѣній и приведемъ нѣкоторыя сужденія Щербатова, вполнѣ потверждающія то, что мы до сихъ поръ говорили о причинахъ тогдашняго финансоваго разстройства.

Изыскивая эти причины, Щербатовъ говоритъ, между прочимъ: «у насъ войны съ 1774 г. не было, а и война была самая успѣшная, области наши не разорены, доходы государственные разработаніемъ рудниковъ, умноженіемъ винной продажи, пріобщеніемъ къ коронным доходамъ монастырскихъ деревень и положеніемъ на нихъ по три рубли съ души, умноженіемъ торговли, положеніемъ въ окладъ денежный Малороссіи и Лифляндіи, населеніемъ Новой Россіи, пріобрѣтеніемъ Бѣлоруссіи, учиненіемъ новой ревизіи и прочими способами знатно умножились. А *однако отъ безденежья и отъ недостат-*

ка кредита Россійскій народъ болѣе страждетъ, нежели другія страны и посль всенародныхъ несчастій страдали. Отчего же сіе происходитъ?» Это объясняется во-первыхъ, по выраженію Щербатова, *сластолюбіемъ*, вслѣдствіе котораго произошелъ упадокъ земледѣлія и бѣдность народа, и потомъ—ошибочными банковыми операціями.

Перечисляя огромныя затраты денегъ, произведенныя правительствомъ съ самаго вступленія на престолъ Екатерины, Щербатовъ указываетъ на большія суммы, перешедшія въ Пруссію и Польшу, когда тамъ были наши войска, и затраченныя въ Польшѣ для возведенія на престолъ Станислава Понятовскаго, противъ воли поляковъ и литовцевъ. Къ этимъ издержкамъ присоединилась и придворная роскошь, которая, несмотря на старанія Екатерины соблюдать умѣренность, увиличилась при дворѣ ея, сравнительно съ дворомъ Елизаветы Петровны. Большія выдачи денегъ придворнымъ съ самаго начала затрудняли государственное казначейство; но отказывать было невозможно. «Извѣстно, говоритъ Щербатовъ, что возшествіе на престолъ императрицы Екатерины послѣдовало по возмущенію; учинившихъ сіе возмущеніе надлежало наградить; даны имъ были единымъ деревни, другимъ деньги, а всѣмъ чины придворные» (Моск. Вѣд. № 154). Деньги эти, разумѣется, проѣдались и проматывались на разныя блестящія, но безполезныя затѣи, большею частію заграничныя. А относительно земель вотъ что говоритъ Щербатовъ: «розданы онѣ вельможамъ, которые, бывъ обогащены и безъ того милостями государя, малое прилежаніе о населеніи и обработываніи ихъ прилагаютъ. А и проданныя суть по большей части людямъ богатымъ, захватившимъ многія тысячи десятинъ и употребляющимъ ихъ для скотоводства, и не помышляя довольно ихъ населить и запахать. И тако впадаетъ въ правило народа хлѣбоводителя, которому не въ примѣръ болѣе земли надобно, чѣмъ хлѣбопашцу» (Моск. Вѣд. № 142). Вслѣдствіе токого положенія дѣлъ, неудобство котораго увеличивалось ненормальными отношеніями крестьянъ къ помѣщикамъ, — сельское хозяйство шло плохо. А между тѣмъ постоянно былъ большой отпускъ хлѣба за границу. Да еще это бы ничего само по себѣ; но бѣда была въ способѣ, которымъ эта операція производилась. Дѣло въ томъ, что плодородныя губерніи были отдалены отъ мѣстъ заграничнаго отпуска хлѣба, а пути сообщенія были въ самомъ жалкомъ состояніи. На улучшеніе дорогъ издавна былъ установленъ особый сборъ и деньги постоянно собирались, но дѣвались неизвѣстно-куда, а дороги не поправлялись вовсе; мосты были такъ худы, что по многимъ совершенно не было проѣзда. Когда же въ 1781 г. послѣдовалъ указъ объ ис-

правленіи дорогъ и мостовъ, оказалось, что собранныя на этотъ предметъ деньги такъ ничтожны, что съ ними ни за что и приняться нельзя (Моск. Вѣд. № 172). Поэтому земледѣльцы не могли прямо участвовать въ заграничной операціи, и вся она попала въ руки посредниковъ-торговцевъ, которые одни обогащались, давая впередъ задатки крестьянамъ и скупая у нихъ по сравнительно-низкимъ цѣнамъ весь хлѣбный товаръ. Къ этому надо еще присоединить и то, что количество вывозимаго хлѣба вовсе не соображалось съ потребностями самого народа въ Россіи. Въ примѣръ безразсудства, господствовавшаго въ этомъ дѣлѣ, Щербатовъ приводитъ слѣдующій фактъ. «По именному указу, губернатору Архангельскаго порта Головцыну дозволено было выпускать до 200,000 четвертей хлѣба, но съ тѣмъ, чтобы онъ вошелъ предварительно въ сношеніе съ Казанскимъ губернаторомъ, и если только тотъ увѣдомитъ его, что въ его губерніи есть излишній хлѣбъ. Но этотъ указъ вовсе не исполнялся. Въ самый 1774 годъ, когда послѣ разоренія Казанской губерніи Пугачовымъ, народъ съ голоду умиралъ и поля были не засѣяны, выпущено было изъ сѣвернаго порта не только 200,000 четвертей, но и гораздо болѣе» (Моск. Вѣд. № 143).

Въ числѣ причинъ, парализировавшихъ успѣхи земледѣлія и вслѣдствіе того самое благосостояніе народа, Щербатовъ приводитъ нововведенные тогда откупа и также новое положеніе объ экономическихъ крестьянахъ, отобранныхъ отъ монастырей. Откупа увеличили сидку и гонку вина, на которое употреблялось тогда до 600,000 четвертей, и Щербатовъ предлагаетъ даже въ своемъ разсужденіи— уменьшить эту пропорцію на половину, разсчитывая, что оставшимся отъ того количествомъ хлѣба можетъ питаться до полумильона народа въ теченіе 10 мѣсяцевъ. Относительно бывшихъ монастырскихъ крестьянъ Щербатовъ сообщаетъ слѣдующее. Когда ихъ приписали къ Коллегіи Экономіи, то оброкъ, положенный на нихъ,—по 3 рубля на душу,—былъ сравнительно очень высокъ, и вслѣдствіе того многіе крестьяне покинули поля и обратились къ другимъ, болѣе прибыльнымъ занятіямъ, такъ что большая часть земель вокругъ монастырей запустѣла. Между тѣмъ мѣстное начальство постоянно увѣряло правительство, что хозяйство въ этихъ вотчинахъ находится въ наилучшемъ положеніи. Черезъ 4 года, въ 1767 году, возникли какія-то темныя подозрѣнія, и Коллегіи Экономіи велѣно было собрать точныя вѣдомости, сколько въ предъидущіе годы посѣяно было хлѣба на бывшихъ монастырскихъ земляхъ. Отовсюду были донесенія самыя благопріятныя: оказалось, что въ послѣдніе годы посѣвъ даже увеличился противъ прежняго, благодаря стараніямъ новаго управленія. Для повѣрки этихъ свѣдѣній отправленъ

былъ Г. Н. Тепловъ и, разумѣется, нашелъ, что въ донесеніяхъ была самая наглая ложь. Результаты своей поѣздки представилъ онъ Коллегіи Экономіи и самой Екатеринѣ. Но дѣло оставлено безъ всякихъ послѣдствій, и «не только не было обращено никакого вниманія на земледѣліе, но и самые казначеи за ложныя свои донесенія не были подвергнуты никакому наказанію». «А слѣдствіе сему, прибавляетъ Щербатовъ,—и вышло такое, какого надлежало ожидать: ибо въ 1760 году рожь въ Московской губерніи въ Гжатской пристани была по 86 коп. четверть, въ 1763 г. поднялась до 95 коп., а потомъ, часъ отъ часу подымаясь цѣною, уже въ 1773 г. вошла въ 2 р. 19 к., а нынѣ уже и до семи рублевъ дошла, безъ надежды, чтобы и могла унизиться. Равно сему и во всѣхъ другихъ городахъ, какъ можно сіе усмотрѣть изъ вѣдомостей провіантской канцеляріи. По всѣмъ симъ вышеозначеннымъ обстоятельствамъ удивитетьно ли, что цѣна хлѣба часъ отъ часу возвышалась, и при бывшихъ худыхъ урожаяхъ въ двухъ прошедшихъ 1785 и 1786 годахъ не токмо до чрезвычайности дошла, но даже и сыскать хлѣба на пропитаніе людей негдѣ, и люди ѣдятъ листъ, сѣно и мохъ, и съ голоду помираютъ, а вызябшій весь ржаной хлѣбъ, въ нынѣшнюю съ 1786 на 1787 зиму, въ плодоноснѣйшихъ губерніяхъ не оставляетъ и надежды, чѣмъ бы обсѣменить къ будущему году землю, и вящимъ голодомъ народъ угрожаетъ» (Моск. Вѣд., № 143).

Не надо впрочемъ думать, чтобы бѣдствіе было повсемѣстное: въ южныхъ краяхъ его не было, и въ это самое время, къ которому относятся слова Щербатова, зимою и весною 1787 г., Екатерина совершила знаменитое свое путешетствіе въ Тавриду, своимъ великолѣпіемъ изумившее иностранныхъ пословъ, сопровождавшихъ императрицу. Въ этомъ путешествіи Георгій Конисскій сказалъ ей знаменитую свою рѣчь: «оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается; наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ.» Въ этомъ путешествіи приняла она поклоненіе императора Іосифа, которому внушала величайшее благоговѣніе къ себѣ своею мудростью и великолѣпіемъ. Объ этомъ путешествіи съ умиленіемъ разсказываетъ восторженный историкъ Екатерины. «Ея появленія, говоритъ онъ,—походили на радостныя, посмѣнныя торжества: толпы народа окружали карету, воины въ строю встрѣчали, дворяне, прочія сословія наперерывъ учреждали угощенія; вездѣ арки, лавровые вѣнки, обелиски, освѣщенія; вездѣ пиршества, прославленія, милости, удовольствія... Принцъ Де-Линь пишетъ отсюда такъ: каждый день знаменовался раздачею брильянтовъ, балами, фейерверками и иллюминаціями верстъ на десять въ окружности. Сначала появились лѣса на горахъ въ огнѣ: потомъ

мелкіе кустарники свѣтились, по приближеніи же нашемъ все пылало!« (См. Черты Екат. Вел., собр. Пав. Сумароковымъ, стр. 203, 221). Полгода продолжалось это путешествіе; только въ іюнѣ возвратилась императрица въ Москву.

Но здѣсь ожидало ее другое зрѣлище, которое, впрочемъ, постарались удалить отъ ея взоровъ. Вслѣдствіе голода, московскія улицы наполнились толпами нищихъ, больныхъ, голодныхъ, оборванныхъ. Мѣстное начальство, боясь навлечь на себя гнѣвъ императрицы, позаботилось предъ ея пріѣздомъ выслать ихъ всѣхъ изъ города, «дабы не обезпокоить ее видѣніемъ такого числа нищихъ» (Моск. Вѣд. № 172). Противъ этого распоряженія сильно возстаетъ Щербатовъ въ своемъ сочиненіи, и немудрено: онъ вообще въ разсужденіяхъ о народѣ выказываетъ много гуманности, и притомъ онъ близко видѣлъ всѣ дѣйствія голода. Вотъ, напримѣръ, какъ изображаетъ онъ бѣдствія голода 1787 года, во вступленіи къ сочиненію «О состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба.» Вступленіе это приведено г. Щепкинымъ въ № 154 Моск. Вѣдомостей.

«Московская, Калужская, Тульская, Рязанская, Бѣлогородская, Тамбовская губерніи и вся Малороссія претерпѣваютъ непомѣрный голодъ, ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду, но и сего уже недостаетъ, ибо къ несчастью и лебеда не родилась и оной четверть *по четыре рубля* покупаютъ. Когда мнѣ изъ Алексинской моей деревни привезли хлѣбъ, испеченный изъ толченаго сѣна, два изъ мякины и три изъ лебеды, онъ въ ужасъ меня привелъ, ибо едва на четверть тутъ четвертка овсяной муки положена. Но какъ я нѣкоторымъ и сей показалъ, мнѣ сказали, что еще сей хорошъ, а есть гораздо хуже. А однако никакого распоряженія дальше, то есть до исхода февраля мѣсяца не сдѣлано о прокормленіи бѣднаго народа, — для прокормленія того народа, который сочиняетъ силу имперіи, котораго въ самое сіе время родственники и свойственники идутъ сражаться со врагами, которые въ степяхъ, въ холодѣ, въ нуждѣ и въ сырыхъ землянкахъ безъ ропота умираютъ, который даетъ доходы не токмо на нужды государственныя, но и на самый роскошъ. Ниже для всего сего, а паче ради человѣколюбія, ниже малое количество курки вина уменьшено, и не токмо чтобы убавить какихъ съ нихъ податей, но и самые способы отнимаютъ, чтобы работою своею, пріобрѣтши себѣ деньги, хотя нѣсколько жизнь свою продлить... Отдаленный стонъ народный не бываетъ внушаемъ среди роскошей столичныхъ городовъ; но здѣсь и сей отговорки быть не можетъ. Толпы нищихъ наполняютъ перекрестки, жалобнымъ своимъ воплемъ останавливаютъ проѣзжающія кареты, содрогшіе отъ голода младенцы, среди холода и вьюги, единое чувствіе глада имѣютъ, безвинныя руки протягаютъ, исчисляютъ число времени ихъ пощенія и милостыни просятъ, которой еще и не получаютъ довольно; ибо частные люди всѣхъ прокормить не могутъ и *случайная милостыня не иное что*

можетъ произвести, какъ умножить число нищихъ, а правительство глухо, и слѣпо, и нечувствительно на сіе является. То если глаголовъ моихъ повѣритъ потомство, что скажетъ оно о нашемъ вѣкѣ?»

Видно, что Щербатовъ былъ очень сильно взволнованъ зрѣлищемъ народнаго бѣдствія и въ своей горячности забылъ о томъ, что въ это время, какъ справедливо замѣчаетъ г. Щепкинъ, «правительство императрицы Екатерины, жадно слѣдя за побѣдоноснымъ шагомъ арміи, не имѣло времени вглядываться въ народныя нужды, прислушиваться къ воплю оголодавшей толпы, и тѣмъ менѣе заботиться о врачеваніи язвъ, нанесенныхъ голодомъ народному организму» (М. В. № 154).

Однакоже народное бѣдствіе должно было неминуемо отразиться и на теченіи правительственныхъ дѣлъ. Финансовый кризисъ, издавна подготовленный указанными выше обстоятельствами, теперь подошелъ очень близко. Народъ, находясь въ такомъ положеніи, не могъ, разумѣется, сполна отбывать всѣхъ своихъ податей и повинностей; а другой важный источникъ доходовъ — промышленность и заграничная торговля—въ то время еще былъ слишкомъ незначителенъ, да и тутъ не обходилось безъ большихъ злоупотребленій. Державинъ разсказываетъ, что въ 1794, по балансу, представленному отъ Коммерцъ-Коллегіи, вывозъ значился болѣе ввоза на 31 мильонъ, а курсъ былъ не выше 22 штиверовъ или 44 копѣекъ. Когда Державинъ изслѣдовалъ это странное явленіе, оказалось, «что при упадкѣ курса превосходный балансъ ничто иное есть, какъ плутовство иностранныхъ купцовъ съ сообществомъ нашихъ таможенныхъ служителей, и бываетъ именно оттого: выпускные наши товары объявляются настоящею цѣною, и узаконенныя пошлины въ казну съ той цѣны берутся, а иностранные объявляются ниже 10 процентами, слѣдовательно болѣе десяти частей уменьшаютъ балансъ въ товарахъ и болѣе 10 процентовъ крадутъ пошлинъ» (Р. Б. IV, стр. 336).

Ясно, что при такомъ порядкѣ разстройство дѣлъ было неизбѣжно. Но зло еще увеличивалось тѣмъ, что никто ничего не зналъ и знать не хотѣлъ о томъ, что дѣлалось. «Россія, говоритъ по этому поводу Щербатовъ, не яко другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить свои операціи передъ народомъ; но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что я говорю о народѣ? Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны, а знаетъ токмо ихъ тотъ, кому они препоручены. А посему правительство такой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ, самыя операціи его зависятъ отъ хотѣнія того; народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и въ неудовольствіи, иногда и пона-

прасну; желающіе научиться — способа не имѣютъ; размышленія остановлены, ошибки или злоупотребленія неисправляемы остаются, и ошибку ошибкою, и зло зломъ, яко бы для поправленія, умножаютъ» (М. В. № 154). Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства наконецъ до того запутались, что сама Екатерина не хотѣла ихъ выслушивать спокойно. Державинъ разсказываетъ, что послѣ открытой имъ штуки съ торговымъ балансомъ «вмѣсто оказательства какого либо ему благоволенія, хладнокровно о томъ замолчали. Послѣ вышла еще непріятность. Сказываютъ, что будто таковая правда была императрицѣ непріятною, что въ ея правленіи и при ея учрежденіи могла она случиться, или, лучше сказать, обнаружиться.» (Р. Б. IV, стр. 336). Впрочемъ само правительство, учреждая Ревизіонъ-Коллегію, сознавалось, что «доселѣ счету никогда не бывало: а отъ того происходитъ, что и по сіе время нѣтъ совершенно извѣстія о приходѣ и расходѣ, и остаткахъ».

Для поправленія финансовыхъ затрудненій, въ 1768 г. учрежденъ Екатериною ассигнаціонный банкъ. Но, по словамъ Щербатова, «коренные пороки, случаи, незнаніе, желаніе выслужиться и неразсмотрѣніе, которые повсегда Россійскую Имперію отягощаютъ, и на сіе благое учрежденіе ядъ свой разлили». Именно, Щербатовъ находитъ, что во-первыхъ директору банка предоставлена слишкомъ большая власть, «каковая есть непристойна во всякомъ благоучрежденномъ правленіи»; оттого всегда и возможны были случаи въ родѣ того, который Державинъ разсказываетъ о Завадовскомъ и Кельбергѣ. «Во-вторыхъ, говоритъ Щербатовъ, не посмотря на карту, ниже вошедъ въ обстоятельство тихости обращенія монеты въ Россійской имперіи, по причинѣ ея пространства и малой внутренней торговли, положили сумму въ банкъ едва половину въ сравненіи съ суммой надѣланныхъ ассигнацій, хотя чрезъ сіе выслужиться, что яко бы умножена монета» (М. В., № 154). Но *половина* была еще совершенно достаточна. Въ первые годы по выпускѣ ассигнацій, бумажный рубль ходилъ 98 и 99 копѣекъ, а съ 1774 г., когда изданъ былъ указъ, чтобы не обращалось въ имперіи болѣе 20 мильоновъ бумажныхъ денегъ, держался даже al pari съ серебрянымъ рублемъ. Но когда въ 1786 г. выпущено было еще на 100 мильоновъ ассигнацій, съ учрежденіемъ государственнаго заемнаго банка, бумажный рубль въ первый же годъ упалъ до 92 копѣекъ и затѣмъ быстро понижался. Вмѣстѣ съ тѣмъ падалъ и нашъ заграничный курсъ. Въ 1789 г. бумажный рубль ходилъ еще по 90 копѣекъ, а во внѣшней торговлѣ, по свидѣтельству Щербатова, нашъ рубль серебряный стоилъ уже 36 штиверовъ, т. е. 72 копѣйки, «а прибавя къ тому еще 10 копѣекъ промѣну, учинитъ, что рубль-10 копѣекъ стоитъ 36

штиверовъ», т. е. что на заграничныхъ товарахъ мы постоянно теряли 38%. А между тѣмъ выпускъ ассигнацій продолжался; въ послѣднія шесть лѣтъ царствованія Екатерины выпущено ихъ еще на 57 мильоновъ, и вслѣдствіе того бумажный рубль, стоившій въ 1790 году—89 коп., въ 1792 г. стоилъ уже 79, въ 1794—71, а въ 1795—68, между тѣмъ какъ серебряный рубль поднялся во внутреннемъ обращеніи до 146 коп. Въ 1788 г. уже почувствовался недостатокъ даже въ мѣдной монетѣ, «вдругъ начали деньги оскудѣвать въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, пошли мѣнять, тамъ учинили затрудненія, яко бы не довольно было счетчиковъ; не получившіе пошли безъ мѣдныхъ денегъ, другимъ разсказали, и кредитъ банка государственнаго и монарша слова (Екатерина дала «торжественное монаршее слово, что каждая ассигнація должна почитаться за наличныя деньги и вѣрно будетъ плачена») пропалъ». Затрудненія при размѣнѣ ассигнацій достигли до того, что банкъ прекратилъ уплаты и, «прибѣгнувъ даже къ самымъ насильственнымъ мѣрамъ, заперъ ворота и поставилъ къ нимъ караулъ, чтобы никого на дворъ не пускать». Вслѣдствіе этого размѣнъ денегъ стоилъ огромныхъ процентовъ: въ нѣкоторыхъ городахъ доходилъ до 15, даже до 20 копѣекъ на рубль. «То довольно видно каждому, заключаетъ Щербатовъ, коль есть сіе чувствительное разореніе всему народу, когда принуждены двадцатую, десятую или и больше частей за промѣнъ такихъ денегъ терять, которыя монаршимъ словомъ утверждены быть равныя мѣдной монетѣ, которыя знаки, яко векселя отъ правительства ходятъ, и которые торжественнымъ монаршимъ словомъ предъ народомъ утверждены» (М. В. № 154).

Императоръ Павелъ, вступивши на престолъ, старался исправить дѣло изданіемъ строгаго банкротскаго устава и возвышеніемъ всѣхъ налоговъ, какъ-то: подушныхъ, гильдейскихъ повинностей, гербовыхъ пошлинъ, и пр. (см. Устрялова Учебникъ).

Таковы были результататы того направленія русской жизни, которое обличала сатира семидесятыхъ годовъ подъ именемъ мотовства, роскоши и пристрастія къ французскимъ модамъ. Вѣроятно, въ частной жизни многихъ лицъ, ея обличенія имѣли успѣхъ, потому что когда бѣдствія голода и всеобщей дороговизны стали чувствительны и среднему классу, когда рубль сталъ ходить 68 копѣекъ, то, конечно, многіе стали поневолѣ умѣреннѣе въ своихъ издержкахъ. Но въ общемъ ходѣ дѣлъ, въ развитіи богатства страны и общественнаго кредита—что произвели всѣ эти выходки противъ частной расточительности и противъ ростовщиковъ, берущихъ неуказные проценты?

Говорить ли намъ еще объ одной сторонѣ екатерининской сатиры—о борьбѣ ея со взяточничествомъ и крючкотворствомъ? Это былъ конекъ ея, тутъ она показывала себя смѣлѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, и оказывалась рѣшительно достойною послѣдовательницею манифеста Екатерины о лихоимствѣ, который мы приводили выше. Но мы боимся распространяться объ этомъ предметѣ: онъ такъ уже надоѣлъ всѣмъ читателямъ со времени «Губернскихъ Очерковъ». Желающіе насладиться чтеніемъ выходокъ нашихъ сатириковъ противъ взятокъ—не только мелкихъ чиновниковъ, но и воеводъ, могутъ обратиться къ книжкѣ г. Аѳанасьева, который посвятилъ спеціальному восхищенію этимъ предметомъ цѣлыхъ 27 страницъ (220 — 246). Мы же замѣтимъ здѣсь только о томъ, что и въ вопросѣ бюрократическомъ сатира не нападала на общее устройство администраціи, хотя она дѣйствовала уже наканунѣ новаго «учрежденія о губерніяхъ», которымъ откровенно и рѣшительно признана была совершенная негодность прежняго воеводскаго управленія (1775 г. ноября 1). Сатира была въ восторгѣ отъ учрежденія прокуроровъ и надѣялась отъ нихъ великаго блага для земли русской, да и вообще находила, что «теперь ужь десятой доли нѣтъ, противъ прежняго, выгодъ для подъячихъ, хотя еще можно и теперь нажить на службѣ деревеньку (Трут. 1769 г. стр. 12). Можно вообразить, въ какой восторгъ пришла бы сатира, если бы ея процвѣтаніе продолжалось до «учрежденія о губерніяхъ!» Вѣроятно, счастливѣе русской администраціи она бы ужь ничего не нашла въ цѣломъ мірѣ, и конечно стала бы еще яростнѣй обличать тѣхъ, кто приличился бы въ какихъ нибудь грѣшкахъ даже и послѣ этого учрежденія. Но вотъ сужденіе о немъ гр. А. Р. Воронцова, о которомъ мы уже говорили выше (Чт. М. О. И. 1859 г. кн. I, стр. 95 — 96).

«Въ царствованіе императрицы Екатерины второй, начавшаяся уже еще при Елисаветѣ первой роскошь и всѣ слѣдствія оной, далѣе и далѣе простираясь, возрастала; узаконенія Петра перваго болѣе и болѣе въ ослабленіе приходили, такъ что въ средѣ своего царствованія, послѣ разныхъ неудачныхъ опытовъ (какъ то: собраніе депутатовъ для сочиненія новыхъ узаконеній), вмѣсто того, чтобъ поправить то, что изъ узаконеній Петра Великаго въ ослабленіе пришло, рѣшилась она внутреннему управленію дать нѣкоторымъ образомъ новую форму, издавъ учрежденіе для управленія губерній. Нельзя не признать, чтобъ оно не шло (хотя нѣсколько и излишнихъ судовъ надѣлано было) на внутреннія россійскія губерніи, гдѣ многаго не доставало; но едва ли была нужда распространять оное на присоединенныя и завоеванныя нами провинціи, кои имѣли у себя болѣе устройства, нежели внутри Россіи, или на Азіатскія, коимъ, по пространству земель ихъ и по образу жизни и нравовъ тамошнихъ жителей, таковое управленіе несвойствен-

но и неудобно. Но сіе учрежденіе о губерніяхъ, хотя и не безъ пользы было, стало уже весьма ослабѣвать въ послѣдніе годы самой учредительницы онаго. Непомѣрная роскошь, послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденія участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ, довели до того, что и самое учрежденіе о губерніяхъ считалось почти въ тягость, да и люди едва ль уже не желали въ 1796 году скорой перемѣны, которая, по естественной кончинѣ сей государыни, и воспослѣдовала.»

Вообще, несмотря на усилія сатиры, даже спеціальный ея вопросъ о чиновничьихъ злоупотребленіяхъ какъ-то плохо подвигался къ разрѣшенію. Безсиліе свое въ этомъ дѣлѣ сознавала впрочемъ и сама сатира. Въ «Живописцѣ» помѣщено письмо къ нему отъ нѣкотораго помѣщика, бывшаго чиновника, Ермолая, изъ сельца Краденова. Въ письмѣ этомъ взяточникъ издѣвается надъ безсиліемъ сатириковъ, и дѣлаетъ замѣтки очень основательныя. Безъ сомнѣнія, письмо это писано въ редакціи журнала, и въ немъ выразилась, вмѣстѣ съ долею нѣкотораго самодовольства, и досада писателя на свое положеніе въ дѣлѣ обличеній. Вотъ какъ разсуждаетъ отрѣшенный отъ дѣлъ (нельзя же иначе!) взяточникъ (Жив. I, стр. 106).

«Ты, забывъ законы духовные, воинскіе и гражданскіе, осмѣлился назвать меня яко бы воромъ. Чѣмъ ты это докажешь? Я хотя и отрѣшенъ отъ дѣлъ, однакожь не за воровство, а за взятки; а взятки не что иное какъ акциденція. Воръ тотъ, который грабитъ на проѣзжей дорогѣ, а я бралъ взятки у себя въ домѣ, а дѣла вершилъ въ судебномъ мѣстѣ: кто себѣ добра не захочетъ? А къ тому же я никого до смерти не убилъ: правда, согрѣшилъ передъ Государемъ: многихъ пустилъ по міру; да это дѣло постороннее, и тебѣ до него нужды нѣтъ. Какъ передъ Богомъ не согрѣшить? Какъ Царя не обмануть, какъ у него не украсть? Грѣшно украсть изъ кармана у своего брата, а это дѣло особое: у кого же и украсть какъ не у Царя; благодаря Бога, домъ у него какъ полная чаша, то хотя и украдешь, такъ не убудетъ. Глупый человѣкъ! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищеніемъ казеннаго интереса. А похищеніе и воровство не одно: первое—не что иное, какъ только утайка; а другое—преступленіе противъ законовъ, и достойно кнута и висѣлицы. Правда, бывали и такіе примѣры, что и за утайку сѣкали кнутомъ: блаженной памяти при ****** это случалось; *но нынѣ, благодаря Бога, люди стали разсудительнѣе, и за рѣченную утайку кнутомъ сѣкутъ только тѣхъ, которые малое число утаятъ; да это и дѣльно: не заводи дѣла изъ бездѣлицы. Видишь ли ты, глупый человѣкъ, что ты умничаешь по пустому. Кто тебя послушается?* Я помню, какъ одинъ господинъ въ бытность мою у него, разсуждалъ о тебѣ такъ: онъ де дѣлаетъ безчестье всѣмъ дворянамъ, пиша эдакія письма; что де подумаютъ иностранные объ насъ, когда увидятъ, что у насъ есть дураки, плуты... Понимаешь ли ты, что

и вѣрить этому не хотятъ, что есть безсовѣстные судьи, безчеловѣчные помѣщики, безразсудные отцы, безчестные сосѣди и грабители управители. *Что жь ты изъ пустова въ порожнее пересыпаешь? Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную жены моей собачьку, которая брешетъ на всѣхъ, и никого не кусаетъ; а это называется брехать на вѣтеръ. По нашему, коли брехнуть, такъ ужь и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другія собаки, а постельнымъ хотя и дана воля брехать на всѣхъ, только никто ихъ не боится. Такъ-то и ты пишешь все пустое: кто тебя послушается, или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законовъ, опредѣляющихъ казнь за преступленіе?»*

Разсужденія отрѣшеннаго взяточника имѣютъ значительную долю справедливости. Для подтвержденія этого, вспомнимъ, какъ въ теченіе двухъ столѣтій у насъ преслѣдовалось зло взятокъ, какъ противъ нихъ возставали люди государственные въ докладныхъ запискахъ и проэктахъ, какъ онѣ запрещались указами, какъ ихъ обличала литература. Ради курьоза приведемъ, пожалуй, рядъ свидѣтельствъ о взяткахъ, изъ разныхъ періодовъ русской литературы и общественнаго развитія.

1666 годъ. Кошихинъ, стр. 93. «А кто будетъ судья возьметъ посулъ и дѣло учнетъ писать по посуломъ и про то сыщется, и о такихъ судьяхъ о наказаніи подлинно писано въ уложенной книгѣ. Однако жъ хотя на такое дѣло положено наказаніе, и чинятъ о тѣхъ посулахъ крестное цалованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду, по царскому указу и по уложенію: ни во что ихъ вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣсницѣ чрезъ жену, или дочерь, или чрезъ сына и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ. Однако чрезъ такую ихъ прелесть приводитъ душа ихъ, злоиманіемъ, въ пучину огня негасимаго, и не токмо вреждаютъ своими душами, но и царскою, взявъ посулы облыгаютъ другихъ людей злыми словами, и не стыдятся того дѣлати потому: кто можетъ всегда приходити къ царю и видѣти часто отъ простыхъ людей? но и сами они судіи видаютъ времянемъ, и рѣдко когда прилучатъ говорити съ нимъ о дѣлѣхъ.»

1729 годъ. Кантемиръ, сатира 1. (стр. 11, изд. 1762 г.)

Хочешь ли судьею стать, — вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Если жь кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы,—

Плюнь ему въ рожу, скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну.

1762 годъ. Манифестъ императрицы Екатерины о лихоимствѣ (см. выше, стр. 290).

1769 годъ, «*Трутень*», стр. 14. «У насъ въ приказныхъ дѣлахъ какія науки? Кто правъ, такъ и безъ наукъ правъ, лишь бы только была у него догадка, какъ приняться за дѣло; а судейская наука вся въ томъ и состоитъ, чтобы умѣть искусненько пригибать указы по своему желанію,—въ чемъ и секретари намъ много помогаютъ».

«*Всякая Всячина*, стр. 308. «Колико трудно найти средство къ поправленію сихъ людей! Вспомните всеобщій крикъ о взяткахъ, когда подъячіе не получали жалованья, но велѣно имъ было кормиться съ дѣлъ; и не въ нашемъ ли вѣкѣ сіе все было? Нынѣ же имъ дано жалованье,—и жалоба происходитъ, что лѣнятся для того, что кормъ имѣютъ.... Иный скажетъ: зачѣмъ лихоимцу давать? Отвѣчаю: безъ того дѣла продолжаютъ и пакостятъ, а чрезъ волокиту и неправое рѣшеніе челобитчики въ конецъ разоряются, — да не только спорными дѣлами, но и неспорными, и подлежащими межеванію».

1796 годъ, Капнистъ. Посвященіе «Ябеды».

Монархъ! Пріявъ вѣнецъ, ты правду на престолѣ
Съ собою воцарилъ....
Я кистью Таліи порокъ изобразилъ;
Мздоимства, ябеды, всю гнусность обнажилъ,
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта.
Не мстительна отъ нихъ страшуся я навѣта: —
Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ;
Но бывъ по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ твоимъ,
Сей слабый трудъ тебѣ я посвятить дерзаю,
Да именемъ твоимъ успѣхъ его вѣнчаю.

1801 годъ. Указъ императора Александра I, правительствующему сенату, отъ 18 ноября (П. С. З. № 20,516). «Изъ доходящихъ къ намъ безпрестанно слуховъ, съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ заключаемъ, что пагубное лихоимство или взятки въ имперіи нашей не только существуютъ, но и распространяются между тѣми самыми, которые бы гнушаться ими и всемѣрно пресѣкать ихъ должны. Правительствующій сенатъ вѣдаетъ, какіе можетъ зло сіе производить безпорядки во всѣхъ частяхъ правленія», и проч....

1821 годъ. Адмиралъ Мордвиновъ, въ «Мнѣніи о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1821 годъ» (Чт. М. О. И. 1859 г. Кн. I, стр. 3). «Жалуются на повсемѣстное въ судахъ лихоимство;

но можно ли почитать его (страннымъ?) тамъ, гдѣ существуетъ житейскій недостатокъ, и можетъ ли преступленіе быть въ томъ, что естественнымъ правомъ оправдано быть должно и чего гражданскіе законы воспретить не въ состояніи? Ибо и служителямъ правосудія, равно какъ всякому другому человѣку, пристанище, пища и одежда необходимо потребны, а получаемые ими отъ казны оклады жалованья недостаточны къ доставленію оныхъ; слѣдственно, что̀ невозможно, того и ожидать не должно. Доколѣ правосудіе въ Россіи не будетъ достаточно вознаграждено удовлетвореніемъ всѣхъ необходимыхъ нуждъ исполнителей онаго, то правда не возсядетъ на судѣ; ибо правду не можно водворить тамъ, гдѣ скудость обитаетъ. Она несовмѣстна съ нищетою, коея первое дѣйствіе—охлажденіе сердца и ослабленіе умственныхъ способностей.»

Продолжать ли дальше? Да чего продолжать? Стоитъ только сказать: въ 1835 г. явился «Ревизоръ», въ 1856—«Губернскіе Очерки» съ безчисленною свитою....

Вотъ результаты вѣковыхъ усилій сатиры по вопросу о взяткахъ!...

Представимъ теперь, въ заключеніе нашей статьи, общій итогъ всего, что дѣлала сатира въ вѣкъ Екатерины, и какъ ея дѣло отразилось въ жизни русскаго общества.

Она кричала о свободѣ слова и мысли, по поводу уничтоженія тайной канцеляріи въ 1762 г. и затѣмъ открытія вольныхъ типографій въ 1782 г. Къ концу царствованія Екатерины тайная канцелярія возстановлена подъ именемъ «тайной экспедиціи»; въ 1796 г. вольныя типографіи уничтожены.

Она сказала свое слово противъ пытокъ и вообще старалась о распространеніи гуманныхъ идей и о смягченіи нравовъ. При восшествіи на престолъ императора Александра — не только существовала еще пытка, формально уничтоженная потомъ его указомъ отъ 27 сент. 1801 г. (П. С. З. № 20,022), но по городамъ, при публичныхъ мѣстахъ, стояли висѣлицы, «вновь поставленныя въ 1799—1800 годахъ, для прибитія къ нимъ именъ разныхъ чиновниковъ»; висѣлицы эти уничтожены также въ 1801 году, по указу 8 апрѣля (П. С. З. № 19,824.)

Сатира обличала дурныхъ помѣщиковъ и старалась защищать человѣческія права крестьянъ. Съ 1762 г. идетъ рядъ указовъ о повиновеніи крестьянъ помѣщикамъ. Въ 1783 году утверждается крѣпостное право въ Малороссіи. До воцаренія императора Александра сотни тысячъ крестьянъ раздаются во владѣніе частныхъ лицъ. Въ 1857 году поднимается вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.

Сатира въ семидесятыхъ годахъ нападала на суевѣріе, невѣжество и дурное воспитаніе, на гувернеровъ-французовъ, на отсутствіе истинныхъ началъ образованія. Въ 1784 г., по освидѣтельствованію частныхъ пансіоновъ въ Петербургѣ, оказалось, что во всѣхъ ихъ 72 учителя, изъ которыхъ только 20 русскихъ, и изъ всего числа половина — учители танцевъ и рисованія (Янк. ди Миріево, Воронова). Послѣ 1786 года не открывались, несмотря на указъ, народныя училища, потому что негдѣ было взять учителей и средствъ для учебныхъ пособій и содержанія училища. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія нашлось много дворянъ-кандидатовъ въ офицеры, не умѣющихъ грамотѣ.... Противъ слѣпаго поклоненія французамъ ратовалъ еще Грибоѣдовъ, уже гораздо послѣ того, какъ мы брали Парижъ.

Сатира писала обличенія противъ роскоши и мотовства. Въ 1768 г. учрежденъ ассигнаціонный банкъ, въ 1786 г. выпущено вдругъ на 100 мильоновъ ассигнацій. Потемкинъ и другіе вельможи забирали изъ казны деньги цѣлыми мильонами, и сотнями тысячъ бросали на танцовщицъ и на брильянты. Во внѣшней торговлѣ, и безъ того слабой, господствовали безпорядки; звонкая монета исчезла. Бумажный рубль стоилъ 68 копѣекъ, заграничный курсъ дошелъ до 44.

Сатирическіе журналы иногда поражали тѣхъ, кто не заботился объ общемъ благѣ, кто разоряетъ народъ. Въ это самое время вводились откупа, народъ истощался рекрутскими наборами, бросалъ свои земли, не въ состояніи будучи платить за нихъ слишкомъ высокія подати, страдалъ отъ неурожая и дороговизны, бродилъ безъ работы, помиралъ съ голоду цѣлыми тысячами.

Сатира очень зло возставала противъ лихоимства и неправосудія. Въ концѣ прошлаго столѣтія пороки эти, если не усилились, то стояли на той же степени процвѣтанія, какъ и предъ началомъ царствованія Екатерины....

Пусть историки литературы восхищаются бойкостью, остроумі-емъ и благородствомъ сатирическихъ журналовъ и вообще сатиры Екатерининскаго времени; но пусть же не оставляютъ они безъ вниманія и жизненныхъ явленій, указанныхъ нами. Пусть они скажутъ намъ, отчего этотъ разладъ, отчего у насъ это безсиліе, эта безплодность литературы? Неужели они не найдутъ другаго, болѣе обстоятельнаго и практическаго объясненія, кромѣ пошлой сентенціи, приводимой г. Аѳанасьевымъ, — что «предразсудки живучи?»

Нѣтъ, лучше, кажется, для объясненія этой печальной безплодности, припомнить письмо къ «Живописцу,» приведенное нами нѣсколько выше.... Или, еще лучше — обратить вниманіе на слова

указа императора Александра объ уничтоженіи тайной экспедиціи, объясняющія вредъ личнаго произвола и необходимость гласности и законности, общей для всѣхъ. Мы упраздняемъ тайную экспедицію, говоритъ указъ, потому, что «хотя она дѣйствовала со всевозможнымъ умѣреніемъ, и правилася личною мудростью и собственнымъ государыни всѣхъ дѣлъ разсмотрѣніемъ, но впослѣдствіи времени *открылося, что личныя правила, по самому существу своему перемѣнѣ подлежащія, не могли положить надежнаго оплота злоупотребленіямъ*, и потребна была сила закона, чтобы присвоить положеніямъ симъ надлежащую непоколебимость,» и притомъ вообще въ «благоустроенномъ государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказываемы *общею силою закона*» (П. С. З. № 19,813).

Ссылкою на эти слова мы и заключимъ нашую статью, пожалѣвши еще разъ, что сатира Екатерининскаго вѣка не находила возможности развивать свои обличенія прямо изъ этихъ простыхъ положеній — о вредѣ личнаго произвола и о необходимости для блага общества «общей силы закона,» которою бы всякій равно могъ пользоваться.

НОВЫЯ КНИГИ.

Пермскій сборникъ. Современное изданіе. Книжка I. Москва. 1859.

Вся литературная дѣятельность сосредоточивается у насъ почти исключительно въ двухъ столицахъ, и мы смотримъ на это, какъ на вещь совершенно нормальную, полагая, что этому такъ и быть должно, что это все въ порядкѣ вещей. Между тѣмъ ничего не можетъ быть страннѣе такого явленія, особенно если мы припомнимъ отвсюду подымающіеся клики о томъ, какъ въ настоящее время во всѣхъ концахъ Россіи пробудилась любовь къ просвѣщенію и началась усиленная дѣятельность мысли... Что въ столицахъ литература должна развиваться сильнѣе, нежели во второстепенныхъ городахъ, — это совершенно естественно. Во всей Западной Европѣ мы видимъ то же самое явленіе. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ, лишенныхъ всякой централизаціи, журнальная и вообще книжная дѣятельность развивается преимущественно въ большихъ городахъ, важныхъ въ административномъ или промышленномъ отношеніи. Но все-таки,—не говоря о Штатахъ, гдѣ въ каждомъ городишкѣ есть журналъ,—въ Англіи, напримѣръ, изъ всего количества журналовъ и газетъ, въ Лондонѣ издается едва четвертая часть, во Франціи каждый департаментъ имѣетъ свою газету, и пр. А у насъ,—исключите Петербургъ и Москву,—что̀ остается! «Одесскій Вѣстникъ» съ «Южнымъ Сборникомъ», да «Ученыя Записки Казанскаго Университета» съ «Православнымъ Собесѣдникомъ», — вотъ вамъ и все. А затѣмъ

пойдутъ уже сухія губернскія вѣдомости, — до того сухія, что иногда въ нихъ цѣлый годъ ничего не помѣщается, кромѣ перепечатки объявленій вновь выходящихъ книжекъ петербургскихъ и московскихъ журналовъ. Подумаешь, право, что въ Россіи вездѣ, кромѣ столицъ, люди спятъ-себѣ и рта открыть не умѣютъ, двухъ мыслей не свяжутъ, особенно на бумагѣ. А между тѣмъ это вовсе неправда: въ провинціяхъ-то и живутъ люди разсуждающіе, серьёзно интересующіеся наукой и литературой, съ любовью слѣдящіе за современнымъ направленіемъ мысли. Въ провинціи-то обыкновенно и развиваются дѣльные, крѣпкіе люди, оттуда-то и наѣзжаютъ они въ столицы, «съ жаждой знаній и труда», съ свѣжими силами и съ любовью къ дѣлу. Отчего же они не работаютъ въ провинціяхъ? Отчего, если дѣльный человѣкъ заведется гдѣ нибудь въ Пензѣ, въ Устьсысольскѣ или въ Стерлитамакѣ, онъ непремѣнно тянется въ Петербургъ, или ужь по крайней мѣрѣ въ Москву?

Кто бывалъ въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, для того вѣроятно нетруденъ будетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Ясное дѣло, отчего мужикъ свой хлѣбъ на базаръ везетъ, часто за нѣсколько десятковъ верстъ: въ своей деревнѣ у него сбыту нѣтъ. То же самое и съ литературной дѣятельностью. Люди въ провинціяхъ учатся, занимаются, работаютъ; но результатъ ихъ работы не можетъ проявиться внѣ столицъ. Наши провинціи, не говоря объ административномъ и другихъ житейскихъ отношеніяхъ, даже и въ интересахъ умственныхъ вовсе не живутъ своей отдѣльною, самостоятельною жизнью: къ нимъ приходитъ изъ Петербурга свѣтъ, либо изъ Москвы. Сюда все централизовано: здѣсь и академіи наукъ и художествъ, здѣсь и университеты, и публичная библіотека, и ученыя общества, и редакціи всѣхъ журналовъ и газетъ, и свѣжія иностранныя новости. Провинція отсюда получаетъ просвѣщеніе, сюда обращаетъ она свое любопытство; отсюда узнаетъ она даже о самой себѣ. Положимъ, напримѣръ, что вы живете гдѣ нибудь въ Макарьевѣ. Въ вашемъ уѣздѣ случилось въ іюнѣ нынѣшняго года замѣчательное происшествіе: объявился уродъ. Но вы ничего этого не знаете, потому что слава объ этомъ явленіи ограничилась довольно тѣснымъ пространствомъ и до васъ не достигла. Но вотъ проходитъ іюль, августъ, сентябрь; въ октябрѣ вы получаете восьмую книжку «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» и читаете,—подъ рубрикою: «Уродливыя рожденія», на стр. 48,—что Нижегородской губерніи, Макарьевскаго уѣзда, въ деревнѣ Кременкахъ, солдатка Палагея Иванова, 13 іюня, принесла къ становому четырехмѣсячнаго, незаконно прижитаго ею урода; становой донесъ объ этомъ, куда слѣдуетъ, дѣло пошло по начальству и, благодаря благодѣтельной

гласности, отпечатано въ петербургскомъ журналѣ. Если бы существовалъ до сихъ поръ «Русскій Дневникъ», то и онъ не безъ удовольствія перепечаталъ бы это извѣстіе, и такимъ образомъ изъ Петербурга,—а ужь никакъ не изъ Макарьева, — разошлось бы на всю Россію свѣдѣніе объ уродливомъ рожденіи. Такъ и во всемъ. О дѣйствіяхъ собственныхъ вашихъ губернскихъ комитетовъ, — т. е. объ ихъ открытіи, обѣдахъ, рѣчахъ, и т. п.,—откуда вы получали свѣдѣнія? Конечно, болѣе всего изъ «Московскихъ Вѣдомостей»... Знаменитая полемика 18 калужскихъ дворянъ, по поводу женской гимназіи въ Калугѣ, гдѣ производилась? Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Сѣверной Пчелѣ»! А гдѣ печатались интересныя свѣдѣнія о таганрогской мостовой, о николаевскомъ и таурогенскомъ благородныхъ собраніяхъ, о нравахъ новгородскаго общества, и пр. и пр.? Все въ столичныхъ газетахъ. Почему? Потому, во первыхъ, что напечатанное въ «Калужскихъ» или «Новгородскихъ Вѣдомостяхъ» не пойдетъ далѣе Калуги или Новгорода, а изъ Петербурга или Москвы свѣдѣніе разойдется по всей необъятной Россіи; потому, во вторыхъ, что многія вещи, какъ будто ужь по самой натурѣ своей, должны непремѣнно сначала побывать въ Петербургѣ, а ужь потомъ огласиться во всеобщее свѣдѣніе. Но самое главное—въ третьихъ... Это «въ третьихъ» довольно трудно объяснить въ короткихъ словахъ, и потому мы нѣсколько распространимся.

Видите ли, въ чемъ дѣло. Большая часть свѣдѣній, которыя должны бы появляться не въ столицахъ, а прямо въ провинціяхъ, касается мѣстныхъ интересовъ края. Но въ мѣстныхъ интересахъ непремѣнно замѣшаны какія нибудь личности; личности эти въ томъ краю всѣмъ извѣстны.... Вы можете ихъ не называть; но ужь по одному тому, что статья, разсказывающая объ извѣстномъ происшествіи, явилась въ газетѣ такого-то города, тотчасъ всѣ тамъ догадаются, о чемъ идетъ рѣчь, и даже доберутся, кто писалъ статью, подъ какими бы псевдонимами и анонимами вы ни укрывались... Вѣдь г. Н. О. напечаталъ, какъ его за статейку о нравахъ мѣстнаго общества, призывали и распекали по начальству! Вѣдь г. Б—инъ публиковалъ о томъ, какъ онъ, противъ всѣхъ правъ, былъ исключенъ изъ членовъ губернскаго клуба за то, что былъ пріятелемъ съ г. В. Е—нымъ, написавшимъ повѣсть, непонравившуюся мѣстнымъ аристократамъ. Попробуйте же возиться съ такими людьми и печатать у нихъ что нибудь подъ носомъ! Какъ ни бейтесь, ничего вы съ ними не подѣлаете. А вѣдь къ числу такихъ людей нерѣдко могутъ принадлежать и тѣ, отъ кого зависитъ напечатаніе статьи въ губернской газетѣ, или хотя бы и отдѣльно, но въ мѣстной типографіи. Конечно, можно получить разрѣшеніе изъ Пе-

тербурга, пославши туда рукопись; но въ такомъ случаѣ гораздо короче — прямо въ Петербургѣ же ее и напечатать. Тамъ никто мѣстными дрязгами оскорбляться не станетъ, а иной и хотѣлъ бы оскорбиться, да не знаетъ, чѣмъ и какъ, потому что дѣло и лица ему неизвѣстны; слѣдовательно, статейка можетъ появиться довольно безопасно. А иногда еще бываетъ и такъ: послѣ напечатанія статейки въ столичной газетѣ или журналѣ, вдругъ какой нибудь господинъ (иногда вовсе и не тотъ, кого нужно) выскочитъ да и вскинется: «это вы на меня написали; какъ же вы это осмѣлились? Я на васъ, милостивый государь, жаловаться буду.» Да, не ограничившись словами, въ азартѣ напишетъ это, да подъ этакой-то грамоткой и собственную фамилію, чинъ и мѣсто жительства подмахнетъ.... Ну, разумѣется, дѣло-то и объяснится. И ужь тутъ автору ничего; потому — общественное мнѣніе всегда за него бываетъ очень сильно въ этихъ случаяхъ. Развѣ изъ службы иной разъ вытѣснятъ, ежели онъ служащій; такъ и то ничего: можетъ въ столицу переѣхать или въ другую губернію, и тамъ еще лучше мѣсто получитъ, ибо ужь по всей Россіи дѣлается извѣстно, что онъ «пострадалъ по службѣ за правду».

Такимъ образомъ, главная выгода печатанія въ Петербургѣ или Москвѣ состоитъ въ относительно-большемъ просторѣ для провинціальнаго автора. Столица проводитъ надъ провинціею свой уровень, подъ который не подходятъ развѣ какихъ нибудь пять-шесть лицъ, по своему положенію ужь очень извѣстныхъ... Да столицѣ иначе и невозможно: ей безъ провинцій нечего было бы и дѣлать, безъ нихъ она бы не могла почувствовать даже и запаха благодѣтельной гласности. Какъ безъ подвоза хлѣба изъ провинцій Петербургъ умеръ бы съ голоду, такъ безъ подвоза матеріаловъ изъ губерній литература зачахла бы. Сообразите только, что, несмотря на внѣшній лоскъ цивилизаціи, щепетильность немалая существуетъ и въ столичномъ обществѣ; слѣдовательно, въ отношеніи къ своимъ собственнымъ обитателямъ Петербургъ стоитъ здѣсь почти въ такомъ же отношеніи, какъ любой уѣздный городъ — къ своимъ. А отсюда уже совершенно ясно, что столичной литературѣ необходима провинція. Въ самомъ дѣлѣ, припомните содержаніе большей части нашихъ повѣстей, романовъ, очерковъ, комедій, даже стихотвореній въ новѣйшемъ вкусѣ: все провинція!... «Ревизоръ» и «Мертвыя Души» происходятъ гдѣ-то въ отдаленнѣйшихъ концахъ Россіи.... Изъ губернскихъ очерковъ, провинціальныхъ воспоминаній, уѣздныхъ сценъ и т. п. можно бы теперь ужь сочинить новую россійскую географію, и изъ всѣхъ этихъ Крутогорсковъ, Бѣловодсковъ, Краснорѣцковъ и пр. составилось бы, пожалуй, болѣе

городовъ, чѣмъ сколько ихъ есть во всей Россійской имперіи. А столица еще не тронута: о ней только въ корреспонденціи Nord'a пишутъ иногда, да и то большею частію невпопадъ.

Не знаемъ, достаточно ли ясно изложили мы наше «въ третьихъ». Но если вышла неясность, то въ этомъ надо винить какой-то особенный случай: когда мы писали, это у насъ было очень ясно; а послѣ того, какъ написали — какъ-то ужь не такъ ясно сдѣлалось...

Однако же дѣло все-таки въ томъ, что отсутствіе книжной дѣятельности въ провинціяхъ сильно свидѣтельствуетъ противъ возгласовъ о разлитіи потока просвѣщенія по всѣмъ краямъ нашего великаго отечества. Образованному и дѣятельному человѣку у насъ нечего дѣлать въ провинціи, ежели онъ не служитъ тамъ гдѣ нибудь. Примется онъ писать, издавать что нибудь, имѣющее мѣстный интересъ? У него не будетъ достаточнаго количества читателей: извѣстно, что даже наиболѣе распространенные изъ журналовъ, имѣющихъ обще-россійскій интересъ, получаются въ нѣкоторыхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ по 20 — 30 экземпляровъ на цѣлую губернію. Куда же тутъ предпринимать изданіе съ мѣстнымъ интересомъ! Школу можетъ завести человѣкъ? Во-первыхъ, съ этимъ нужно выдержать очень много предварительной возни, а потомъ—это значитъ жертвовать свой капиталъ и трудъ на пользу общую, не надѣясь вознагражденія. А еще не у всякаго и есть нужный для этого капиталъ.... Публичныя лекціи, что ли, можетъ еще затѣять человѣкъ въ провинціи? Или акціонерное общество составить? Или общественныя дѣла повернуть на другую дорогу? Объ этомъ смѣшно и думать. А между тѣмъ дѣятельности хочется, праздность и пустота жизни томитъ и тревожитъ, по крайней мѣрѣ смолоду ... Вотъ человѣкъ и тянется въ Петербургъ или въ Москву. Онъ же знаетъ, что и тамъ не будетъ лишнимъ, и тамъ людей мало, такъ что онъ еще будетъ замѣченъ, выйдетъ пожалуй впередъ. Если онъ прочиталъ двѣ книжки по-латыни или по-славянски, то онъ уже не безъ нѣкотораго основанія думаетъ быть профессоромъ въ университетѣ; если онъ читалъ усердно хоть «Экономическій Указатель» г. Вернадскаго, онъ уже метитъ попасть въ какую нибудь спеціальную комиссію по финансовой части; ежели изучилъ статьи «Русскаго Вѣстника» объ адвокатурѣ и гласности судопроизводства, то считаетъ себя вправѣ занять довольно значительный постъ въ государствѣ, то есть въ столицѣ... И нельзя считать его претензій очень нелѣпыми: онѣ имѣютъ свою долю оправданія въ томъ, что вѣдь бываютъ люди, которые и того не знаютъ, что̀ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Экономическомъ Указателѣ» пишется, и между тѣмъ занимаютъ видныя и вліятельныя должности. Повсюду недостатокъ людей, и

этотъ недостатокъ, разумѣется, какъ и все прочее, централизуется въ столицахъ. Оттого естественно все сюда и должно тянуться; оттого провинція долго еще будетъ пробавляться въ умственномъ, какъ и въ административномъ отношеніи, тѣмъ, что̀ присылается изъ столицъ, хотя это присылаемое выработывается собственно въ провинціяхъ же.

«Пермскій Сборникъ», по поводу котораго мы распространились о провинціальной литературной дѣятельности, можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ того, какъ много можетъ у насъ въ провинціи оказаться дѣльныхъ и образованныхъ людей, если только представится имъ случай и удобство обнаружить свою дѣятельность. Въ первой книжкѣ «Пермскаго Сборника» 16 статей, большею частію историческаго и этнографическаго содержанія. Изъ нихъ двѣ статьи принадлежатъ лицамъ столичнымъ и извѣстнымъ въ нашей литературѣ: одна—«Замѣтка о пермскихъ древностяхъ» — г. Ешевскому, другая — «Воспоминаніе о докторѣ Гралѣ» — г-ну Киттары. Остальныя 14 статей написаны девятью мѣстными авторами, совершенно неизвѣстными въ нашей литературѣ. Между тѣмъ, въ большей части этихъ статей выказывается такое обиліе знаній, серьёзность взгляда и мастерство изложенія, какія не всегда встрѣчаются въ столичныхъ журналахъ. Самое предисловіе, объясняющее взглядъ издателя на свое предпріятіе, рѣзко отличается благородствомъ своего тона отъ кудреватыхъ и лихихъ предисловій какого нибудь «Утра» или «Весны» Вотъ что̀ говоритъ въ предисловіи издатель «Пермскаго Сборника»:

«Задумавши изданіе Пермскаго Сборника, мы имѣли въ виду сообщать матеріалы, наблюденія и факты, касающіеся различныхъ сторонъ Пермскаго края, которые могли бы принести пользу любознательнымъ людямъ при его изученіи.

«Въ какой мѣрѣ мы можемъ выполнить нашу задачу, публика увидитъ изъ предлагаемой вниманію ея первой книжки «Сборника».

«Можетъ быть, нѣкоторые читатели будутъ недовольны, встрѣтивши въ ней много сырыхъ матеріаловъ. На это скажемъ слѣдующее: мы не отказываемся помѣщать въ «Сборникѣ» обработанныя статьи; но не всегда можемъ ихъ дать; притомъ онѣ, будучи роскошью нашего провинціальнаго изданія, не составляютъ прямой его цѣли.

«Во всякомъ случаѣ изъявляемъ надежду услышать искреннія замѣчанія о недостаткахъ первой книжки и обѣщаемъ по возможности устранить ихъ въ слѣдующихъ.»

И болѣе ничего: ни о знаменахъ, ни о партіяхъ, ни о собственномъ благородствѣ, ни даже о недобросовѣстности журналистовъ!

Правда, что «Пермскій Сборникъ», какъ изданіе очень дѣльное, вовсе и не нуждался въ подобныхъ выходкахъ...

Программа «Пермскаго Сборника» такова, что онъ могъ бы сдѣлаться журналомъ, если бы обстоятельства (состоящія, между прочимъ, въ его успѣхѣ между читателями) благопріятствовали этому. Въ немъ четыре отдѣла: 1) *историческій*, въ которомъ предположено помѣщать статьи о различныхъ національностяхъ, вошедшихъ въ составъ пермскаго населенія, объ отдѣльныхъ событіяхъ, отозвавшихся чѣмъ либо на состояніи края, объ исторіи отдѣльныхъ мѣстностей края, біографіи замѣчательныхъ личностей, историческіе очерки мѣстной администраціи и общественныхъ учрежденій, археологическія замѣтки о тамошнихъ памятникахъ древности; 2) *этнографическій* — описаніе образа жизни народа, обычаевъ, повѣрій, сборники пѣсенъ, сказокъ и пр.; 3) *статистическій* — описанія разныхъ мѣстностей, водъ и лѣсовъ, статьи о естественныхъ произведеніяхъ края, о состояніи сельскаго хозяйства въ Пермской губерніи, о торговлѣ и промышленности, и пр. 4) *Смѣсь и приложенія* — путевыя замѣтки, характеристики разныхъ сторонъ жизни края, хроника мѣстныхъ современныхъ событій, историческіе акты разнаго рода, библіографія сочиненій о Пермской губерніи, объявленія. Въ заключеніе программы прибавлено, что «желающимъ помѣщать свои статьи въ «Пермскомъ Сборникѣ» редакція его предлагаетъ приличное вознагражденіе». Это ужь значитъ, что «Сборникъ» составился не по случайному вдохновенію дилетантовъ, а задуманъ серьёзно.

И при всемъ томъ нельзя поручиться за большой успѣхъ «Сборника» собственно въ Пермской губерніи. Но въ немъ есть нѣсколько статей, имѣющихъ интересъ не только для пермяка, но для всякаго образованнаго читателя, и это можетъ помочь его успѣху. Таковы двѣ статьи, относящіяся ко времени пугачовскаго бунта: одна—«О мѣрахъ предосторожности, какія принимаемы были пермскими заводами во время пугачовскаго бунта», г. Планера; другая—«Пугачовскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ и его окрестностяхъ». Послѣдняя статья дополняетъ многими любопытными документами статью г. Плотникова о томъ же предметѣ (Далматовскій монастырь въ пугачовщину), помѣщенную въ «Чтеніяхъ» Московскаго Общества Исторіи.» Вообще, обѣ статьи «Пермскаго Сборника» имѣютъ важное значеніе для каждаго, кто интересуется новою русскою исторіею, потому что онѣ составлены по матеріаламъ, доселѣ никому не бывшимъ извѣстными и сохранившимся въ туземныхъ архивахъ. Редакція обѣщаетъ еще нѣсколько статей и матеріаловъ объ этомъ загадочномъ для ученыхъ событіи русской исторіи, и нельзя

не пожелать, чтобъ это обѣщаніе было поскорѣе выполнено. Чтобы показать, какъ редакція «Сборника» смотритъ на исторію пугачовщины, приведемъ замѣтку отъ редкціи, помѣщенную предъ статьею г. Планера (стр. 46).

«Пугачовскій бунтъ не былъ явленіемъ одной только мѣстности — Яика; напротивъ, онъ охватилъ весь востокъ европейской Россіи: повсюду поднялся народъ противъ тогдашней власти, и между прочимъ это волненіе обнаруживалось болѣе или менѣе въ каждой мѣстности и Пермскаго края. Было бы, конечно, односторонне и крайне поверхностно объяснять причину этого явленія тѣмъ, что вотъ-де нѣкто злодѣй Емелька Пугачевъ назвалъ себя императоромъ Петромъ III, а простой народъ вдался въ обманъ и возсталъ противъ законной власти; утверждать такъ, значило бы отрицать всякій человѣческій смыслъ у волновавшагося милліоннаго народонаселенія. Между тѣмъ при обнародованномъ запасѣ матеріаловъ объ этомъ предметѣ трудно еще дать положительной отвѣтъ на то, изъ какихъ дурныхъ соковъ народнаго быта скопился этотъ недугъ, какъ видно зачавшійся въ общественномъ тѣлѣ задолго до 1773 года, выступавшій наружу и прежде этого времени, да и послѣ, только съ перемѣною своего названія и въ неодинаковыхъ размѣрахъ. Наука вполнѣ объяснитъ это явленіе конечно только тогда, когда въ обладаніи ея будутъ находиться всѣ примыкавшія къ нему частныя событія. Редакція Пермскаго Сборника располагаетъ достаточнымъ количествомъ статей, относящихся по своему содержанію — какъ къ времени пугачовскаго бунта, такъ и къ происходившимъ въ другія времена волненіямъ въ народонаселеніи той или другой мѣстности въ Пермскомъ краѣ. Эти статьи составлены на основаніи данныхъ, большею частію доселѣ неизданныхъ, и если иногда въ нихъ проскользнетъ недостатокъ современности взгляда на событія и искусства группировки ихъ, то, безъ сомнѣнія, статьи эти имѣютъ, по крайней мѣрѣ, всю цѣну матеріала для спеціалистовъ-историковъ.»

Кромѣ этихъ двухъ статей, общій интересъ имѣетъ также статья г. Крупенина: «Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи пермскаго края». Очеркъ этотъ, впрочемъ, слишкомъ ужь кратокъ и, несмотря на множество ученыхъ примѣчаній, даетъ довольно мало: укажемъ только на то, что развитіе просвѣщенія въ пермскомъ краѣ съ начала прошлаго столѣтія — изложено на трехъ страницахъ!

Въ статьѣ г. Крупенина замѣтили мы еще до нѣкоторой степени мѣстно—патріотическое направленіе, впадающее въ идиллію. По его словамъ, во всемъ краѣ господствуетъ благосостояніе и довольство, все населеніе смышленое, переимчивое, готовое сочувствовать всякой реформѣ къ лучшему, нравственность прекрасная.... Мы не смѣемъ ничего говорить противъ этого; но—воля ваша — такое повальное восхваленіе цѣлаго края всегда бываетъ подозрительно:

или это общее мѣсто, или прямо—ошибочный взглядъ. Отчасти тоже настроеніе нашли мы въ статьѣ г. Теплоухова: «Краткое описаніе лѣсохозяйства въ пермскомъ майоратѣ графовъ Строгановыхъ», и особенно въ «Очеркѣ югозападной половины Шадринскаго уѣзда», священника Тихона Успенскаго. Статья г. Теплоухова впрочемъ содержитъ въ себѣ очень много любопытныхъ данныхъ и основательныхъ замѣчаній о крестьянскомъ населеніи въ тѣхъ мѣстахъ и о способахъ предотвращенія лѣсныхъ преступленій. Онъ разсказываетъ между прочимъ, что въ имѣніи графовъ Строгановыхъ введена теперь система легкихъ оштрафованій. Открытые лѣснымъ смотрителемъ виновные записываются въ судную тетрадь, съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ обстоятельствъ проступка и свойствъ преступника. Судъ назначается въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія дѣлъ; онъ состоитъ изъ окружнаго лѣсничаго и сельскаго прикащика. Лѣсные смотрители и сторожевые должны на этомъ судѣ уличить виновнаго, и тогда назначается ему штрафъ: лѣсничій, какъ техникъ, опредѣляетъ важность проступка, а прикащикъ принимаетъ въ соображеніе личность подсудимаго. Затѣмъ въ нѣсколькихъ словахъ весь судъ и рѣшеніе записывается въ судную тетрадь. Штрафы вообще бываютъ легкіе, но крестьяне, по свидѣтельству г. Теплоухова, боятся не столько самыхъ наказаній, сколько записыванья въ книгу, которую они называютъ *черною*. Разсказавъ все это, г. Теплоуховъ дѣлаетъ еще слѣдующія замѣчанія (стр. 63—64).

«Простота судопроизводства и легкость штрафованія не ожесточаютъ и не разоряютъ крестьянъ, облегчаютъ стражу въ исполненіи ея обязанностей а, главное—предохраняютъ стражу отъ взяточничества, крестьянъ отъ лукавста. Исполненіе штрафовъ лежитъ на обязанности мѣстнаго начальства. Штрафныя деньги хранятся особо отъ мѣстныхъ доходовъ и употребляются на награды лѣсной стражѣ; присужденные къ работѣ употребляются при устройствѣ лѣсовъ.

«Нелишне здѣсь замѣтить, что опытъ привелъ къ такой формѣ судопроизводства, существующей только съ 1846 года. Основаніемъ же прежняго судопроизводства было ложное убѣжденіе, что строгія взысканія могутъ застращать крестьянъ и предотвращать проступки. Но многочисленность и запутанность постановленій, которыхъ крестьяне даже не понимали, а еще менѣе помнили, недобросовѣстность лѣсной стражи и слабость мѣстныхъ начальствъ по исполненію штрафовъ, имѣли послѣдствіями: 1) неудовольствіе крестьянъ на тяжесть шрафовъ, отъ уплаты которыхъ они впрочемъ всегда имѣли возможность уклоняться. 2) Безчисленное дѣлопроизводство по апелляціямъ крестьянъ, сопряженное съ разными проволочками. 3) Медленность въ исполненіи приговоровъ, по причинѣ трудности самаго исполненія. 4) Подкупъ лѣсной стражи, ибо виновному легче было дать небольшую взятку сторожевому, чѣмъ заплатить въ

десять разъ большій штрафъ по приговору суда. Такимъ образомъ бѣднякъ, которому нечего было заплатить стражѣ, подвергался суду, а богатый откупался. Я еще засталъ въ Инвенскомъ округѣ одного лѣснаго смотрителя, который постоянно пьянствовалъ и ѣздилъ въ лѣсъ, какъ будто за добычей. Поднявшись на ближайшую гору, онъ смотрѣлъ, нѣтъ ли гдѣ-нибудь въ лѣсу дыму, отъ жженія костровъ на подсѣкахъ; ѣхалъ по направленію дыма, находилъ виновныхъ и, угрожая имъ штрафомъ въ 20—30 рубл., бралъ съ нихъ откупнаго, сколько нужно было ему на вино.... Крестьянинъ, если съ нимъ поступаютъ не жестоко и справедливо, добръ, послушенъ; въ судѣ не лжетъ, по природной простотѣ; отъ умѣреннаго штрафованія не уклоняется; исполняетъ всѣ полезныя для лѣсовъ постановленія, когда къ нимъ привыкнетъ и ознакомится съ ними. Если у насъ существуетъ понынѣ много проступковъ, то это происходитъ отъ недостатка лѣсовъ, несовершенства лѣсной стражи, которая, спуская вины однимъ, вводитъ тѣмъ въ соблазнъ другихъ, наконецъ отъ новизны самыхъ запрещеній, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается.»

Кромѣ указанныхъ статей, особенно любопытною показалась намъ статья г. Ѳирсова: «Открытіе народныхъ училищъ въ Пермской губерніи». По литературному своему достоинству это едва ли не лучшая статья Сборника. Назвавши г. Ѳирсова, мы вспомнили, что уже встрѣчались съ этимъ именемъ въ литературѣ. Въ концѣ прошлаго года г. Ѳирсовъ помѣстилъ въ «Русскомъ Педагог. Вѣстникѣ» статью о воспитаніи дѣвицъ въ Пермской губерніи. Мы не знаемъ этой статьи, потому что Педагогическій Вѣстникъ, какъ извѣстно, составляетъ большую библіографическую рѣдкость (и охота г. Ѳирсову помѣщать свои статьи въ подобныхъ изданіяхъ!). Но въ 68 № «Русскаго Дневника» была разсказана по этому поводу очень любопытная исторія, къ которой мы и отсылаемъ любознательныхъ читателей, замѣтивъ только, что она, по нашему мнѣнію, нисколько не компрометируетъ г. Ѳирсова...

Что касается до статьи г. Ѳирсова въ «Сборникѣ», — она замѣчательна по тому живому, реальному воззрѣнію, съ которымъ авторъ приступаетъ къ своему предмету. Подобное воззрѣніе еще ново въ нашей наукѣ, оно должно еще завоевать себѣ мѣсто на этой аренѣ, по которой ползаютъ дряхлые ученые. У насъ до сихъ поръ господствуетъ формальность воззрѣній, не проникающая въ жизнь, довольствующаяся книгами, да и въ книгахъ отрицающая все, что отзывается чистой реальностью. Для нашихъ ученыхъ, — если изданъ законъ, такъ это значитъ, что онъ ужь и вошелъ въ жизнь народа; коли кто получилъ публичную овацію,—значитъ что онъ популярность имѣетъ; коли въ школахъ преподаются такіе-то предметы, значитъ, что образованіе процвѣ-

тается и т. д. А что было на дѣлѣ, какъ принимался народомъ извѣстный законъ, какія обстоятельства вынудили овацію, чему ученики выучились, на это ученые господствующей у насъ школы и не думаютъ обращать вниманіе. «Какъ можно больше формъ и словъ, какъ можно меньше дѣла!» вотъ ихъ тайный девизъ, обыкновенно прикрытый громкими фразами.... Но теперь съ каждымъ годомъ онъ становится яснѣе для массы простыхъ, неученыхъ людей; съ каждымъ годомъ смѣшнѣе становятся ученые карлики, роющіеся въ пыли и составляющіе понятіе о жизни и людяхъ по плевкамъ, оставшимся на пескѣ, черезъ который проходили толпы. Еще мало людей живаго воззрѣнія въ нашей наукѣ; но уже довольно того, что они есть. Какъ скоро они начинаютъ появляться, старые формалисты отжили!...

Къ числу людей живыхъ принадлежитъ несомнѣнно г. Ѳирсовъ. Въ его статьѣ разсматривается открытіе народныхъ училищъ въ Перми, въ 1786 г. Кажется ясно, о чемъ тутъ слѣдуетъ толковать? Училище открыто, — это фактъ; теперь надо объяснить этотъ фактъ, т. е. показать: когда, при комъ открыто оно, какія лица въ немъ были начальниками и учителями, какой былъ уставъ его, какія науки преподавались, по какимъ методамъ, и т. д. Но г. Ѳирсовъ задалъ себѣ другіе вопросы; онъ повернулъ дѣло вотъ какъ: открыто училище, — какіе же отношенія установились между нимъ и народонаселеніемъ? что оно хотѣло и что успѣло сдѣлать для народа? Вопросы эти несравненно труднѣе и глубже, и для ихъ разрѣшенія нужна не одна копотливость и терпѣніе,—нуженъ и здравый смыслъ, и сочувствіе къ благу народному. Мы не станемъ разсказывать все содержаніе статьи г. Ѳирсова: его изслѣдованія приводятъ къ убѣжденію, что пермское училище, открытое въ 1786 г., представляло собою одинъ изъ печальныхъ обращиковъ того, что вообще дѣлалось тогда въ Россіи съ училищами, вслѣдъ за формальнымъ ихъ открытіемъ. Но мы не можемъ не привести нѣкоторыхъ мѣстъ изъ статьи г. Ѳирсова, дающихъ понятіе о его взглядѣ и изложеніи.

Разсказавъ подробно актъ открытія училища, г. Ѳирсовъ приводитъ между прочимъ рѣчь учителя Назаретскаго по этому случаю, утверждающую, что древняя Греція уже ничто предъ тогдашнею Россіею, что «уже вводится всемѣстное просвѣщеніе, яко надежнѣйшая подпора, утверждающая благосостояніе народа,» что теперь «и погруженный въ мрачномъ невѣжествѣ Вогуличъ воспріиметъ участіе въ славѣ просвѣщенныхъ сыновъ россійскихъ», и пр. Приведя эту рѣчь, г. Ѳирсовъ говоритъ: (стр. 148).

«Прошло съ тѣхъ поръ 70 лѣтъ, а между тѣмъ Вогуличъ, и съ нимъ его братія — татары, вотяки и другіе — еще не принимали участія въ

славѣ просвѣщенныхъ сыновъ россійскихъ, оставаясь попрежнему въ невѣжествѣ; да и масса русскихъ въ Пермскомъ краю, да и во всей Россіи, успѣла ли въ эти 70 лѣтъ стать лучше своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, сбросила ли съ себя ярмо суевѣрій, предразсудковъ, неурядицы? привила ли къ себѣ начала истиннаго порядка, любви къ ближнему, сознанія своего человѣческаго достоинства,—эти истинные плоды образованія народнаго, для произращенія которыхъ и учреждаются училища? Гдѣ жь это народное образованіе, котораго ждали отъ народныхъ школъ Назаретскій и другіе мыслящіе люди стараго времени и которому бы уступила образованность древняго грека? Гдѣ же это внѣшнее благосостояніе и нравственное богатство, которыя должны были, по ихъ словамъ, войти въ жизнь народа, вмѣстѣ съ образованіемъ, долженствовавшимъ распространиться посредствомъ училищъ? А вѣдь училища, въ теченіе этихъ 70-ти лѣтъ, въ своемъ складѣ улучшались, умножались, преобразовывались, и между тѣмъ современный намъ русскій человѣкъ, отвѣчая на эти вопросы, все-таки придетъ къ убѣжденію, что еще далеко не выросли мы до той мѣрки, чтобы имѣть право сказать: мы образованный народъ.»

Для объясненія этого явленія, дѣйствительно очень страннаго, г. Өирсовъ обращается къ вопросу о значеніи вообще школы въ жизни народа, и указываетъ два требованія, необходимыя для того, чтобы школа имѣла благотворное вліяніе. Первое требованіе относится къ самой цѣли образованія, предположеннаго школою, второе къ внѣшнимъ условіямъ ея существованія. Мы приведемъ вполнѣ разсужденіе автора объ этомъ предметѣ (стр. 149—151).

«Школа есть одинъ изъ главнѣйшихъ проводниковъ образованія въ народъ; въ этомъ, кажется, сомнѣваться никто не станетъ. Но дѣло въ томъ, что подъ образованіемъ, которое хотятъ провести чрезъ учебныя заведенія въ народъ, нерѣдко самые учредители школъ разумѣютъ совсѣмъ не то, что составляетъ истинное образованіе, разумѣютъ часто подъ словами «образовать умъ и сердце» — не свободное развитіе духа человѣка, а извѣстнаго рода цѣли, болѣе или менѣе одностороннія, не рѣдко эгоистическія; понятно, что такіе учреждатели школъ всегда хлопочутъ, подъ видомъ образованія, только о томъ, чтобы училища, ими учрежденныя, поставляли людей именно такъ образованныхъ, какъ они понимаютъ это слово, и для достиженія этой цѣли предписываютъ безчисленное множество правилъ, долженствующихъ опредѣлить каждый шагъ воспитанника, каждое дѣйствіе школы. Немудрено, что училище, которое обязано образовывать питомцевъ по извѣстной мѣркѣ, не пойдетъ далеко, будетъ не привлекать къ себѣ, а отталкивать отъ себя большинство, массу; потому что инстинкты массы никогда нельзя обмануть, какимъ бы громкимъ титуломъ ни прикрывалась цѣль заведенія. Такъ схоластическія школы въ среднихъ вѣкахъ, іэзуитскія школы въ новыхъ—никогда не пользовались довѣріемъ, уваженіемъ со

стороны массы народной; потому что тѣ и другія, подъ вывѣскою образованія, преслѣдовали узкія цѣли, удовлетворяющія людямъ извѣстнаго направленія, но не удовлетворяющія всѣмъ сторонамъ человѣческаго духа.

«Съ другой стороны,—положимъ, что учредитель школы понимаетъ образованіе, какъ слѣдуетъ, хочетъ посредствомъ школы развить свободно-разумнаго человѣка, безъ задней мысли о своихъ личныхъ интересахъ; но этимъ еще не будетъ все сдѣлано, чтобы имѣть право требовать отъ школы поставки истинно-образованныхъ людей, благотворнаго ея вліянія на страну, среди которой она основана. Школа прежде всего существуетъ не среди ангеловъ и не для ангеловъ, а среди людей и для людей, у которыхъ есть свои понятія, привычки, вѣрованія, потребности, отношенія, условливающіяся мѣстомъ, временемъ и другими обстоятельствами и обнаруживающіяся всегда въ извѣстныхъ формахъ. Выступая съ своими началами, школа должна заявить ихъ тоже въ видимыхъ формахъ, сообразныхъ самымъ этимъ началамъ, и должна имѣть подъ рукою достаточно матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ для ихъ осуществленія; стало быть школѣ должна быть дана такая организація, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала цѣли свободноразумнаго развитія, ни одною своею частію не противорѣча ей; т. е. лица, которымъ ввѣряется школа, должны быть поставлены внѣ всякой зависимости отъ разныхъ общественныхъ отношеній, въ своихъ взаимныхъ дѣйствіяхъ быть чужды характера полицейства, должны проникнуться однимъ духомъ, имѣть въ виду одно только свободное развитіе питомцевъ; для этого имъ должны быть даны достаточныя матеріальныя средства и способные понимать истинное образованіе и въ духѣ его дѣйствовать—педагоги или учители. Если же школа дурно управляется, если правящіе ею, забывая объ ея цѣли, въ своихъ дѣйствіяхъ руководятся правилами, принесенными Богъ вѣсть откуда, — правилами можетъ быть пригодными для казармъ, но совершенно противными этой цѣли; если школа въ своемъ содержаніи пробавляется кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ; если учителей набираетъ она, не разбирая, можетъ ли каждый изъ нихъ быть воспитателемъ, можетъ ли привить сѣмена истиннаго образованія къ питомцамъ, а такъ, для комплекта, то не пойдетъ далеко школа, не принесетъ долго плодовъ истиннаго образованія странѣ, въ которой и для которой существуетъ, хотя бы цѣль, указанная ей, именно заключалась въ истинномъ образованіи.

«И основа школы можетъ быть надлежащая, и управленіе ею можетъ быть цѣлесообразно, и средства ея матеріальныя могутъ быть вполнѣ достаточны, и учителя ея могутъ имѣть нужный педагогическій тактъ, и все же, при этихъ благопріятныхъ условіяхъ, школа не вдругъ произраститъ плоды, если только общественный и семейный складъ народонаселенія, среди котораго она основана, діаметрально противоположенъ ея началамъ, если интересы его и потребности—другія, чѣмъ потребности школы. Осуществите идеалъ школы среди народа, который задавленъ деспотизмомъ, у котораго одна забота, какъ

сохранить жизнь свою, не умереть съ голода, — и не скоро вліяніе ея отразится на жизнь этого народа.»

О ходѣ образованія въ Россіи г. Өирсовъ говоритъ также съ большимъ сочувствіемъ къ дѣлу образованія въ его высшемъ, благороднѣйшемъ значеніи. Мы надѣемся, что доставимъ удовольствіе нашимъ читателямъ, если приведемъ еще страницу, представляющую сжатый, но полный силы и правды очеркъ развитія русскаго общества и народа (стр. 180).

«Развитіе русскаго народа шло такъ болѣзненно, долго, что свѣтъ истиннаго образованія, долженствовавшій внести силу въ его больной остовъ, не вдругъ могъ подѣйствовать на него благодѣтельно, не вдругъ могъ сдружиться съ нимъ. Сначала вѣковая борьба государственныхъ стремленій съ родовыми преданіями, съ требованіями князей, крестьянъ, при постоянномъ давленіи отовсюду извнѣ, потомъ кровавая побѣда государства надъ противо-государственными элементами, долговременное, въ теченіе цѣлаго XVII столѣтія, броженіе этихъ элементовъ, наконецъ эпоха Петра Великаго — привели народъ русской къ тому состоянію, въ которомъ несравненно меньшая часть его рѣзко отдѣлилась отъ массы: съ одной стороны помѣщикъ, чиновникъ и частію священникъ, съ другой — податной и крѣпостной; первый владѣетъ, управляетъ, судитъ, научаетъ; другой торгуетъ, пашетъ землю и, трудясь до нравственной и физической истомы, вмѣстѣ съ тѣмъ кормитъ перваго, даетъ ему средства къ роскоши, защищаетъ его отъ внѣшнихъ враговъ... Таковы были отношенія между двумя неровными частями русскаго народа въ половинѣ XVIII вѣка, и въ это время, когда все громче и громче говорилось и въ Европѣ, а вслѣдъ затѣмъ и у насъ въ Россіи, о правахъ человѣческихъ, о необходимости образованія, — въ это время болѣе, чѣмъ когда либо, раздавали крестьянъ во владѣніе другимъ, въ это время крѣпче затянулъ чиновникъ тотъ узелъ, который связывалъ его съ подчиненнымъ. Какими восхитительными красками ни восписуй отношеніе между помѣщикомъ и крестьяниномъ, между чиновникомъ, смотрящимъ на свое мѣсто, какъ на вотчину, какъ на кормленіе, какъ сладко ни называй его чѣмъ-то родственнымъ, патріархальнымъ, — на дѣлѣ эту патріархальность нескоро найдешь; по крайней мѣрѣ въ XVIII вѣкѣ ея не существовало; напротивъ, обѣ половины враждебно смотрѣли другъ на друга. Немудрено при этомъ *quasi* патріархальномъ складѣ нашего быта, когда одна часть находилась въ крѣпости у другой, — немудрено, что голоса, возвышавшіеся въ пользу истиннаго образованія, въ пользу признанія правъ человѣческихъ, въ пользу свободнаго развитія человѣка, въ пользу необходимости трудиться на благо общее, оставались, и прежде половины XVIII вѣка и послѣ долго, голосами вопіющими въ пустынѣ и не были слышны ни тою, ни другою частію: одна часть не хотѣла слышать этихъ воззваній потому, что въ такомъ случаѣ ей нужно бы было разстаться съ опекою надъ другою, а другая....

другая пожалуй бы и рада слышать ихъ, да что толку въ этомъ для нея?.. Эти воззванія къ ней походили на приглашеніе къ связанному по рукамъ и ногамъ и лежащему пластомъ въ грязи, выраженное хоть въ такихъ словахъ: пойдемъ, любезный другъ, гулять! — Немудрено, что народныя училища, на которыя возложенъ былъ трудъ распространить въ Россіи образованіе, шли чрезвычайно туго, и нѣтъ ничего удивительнаго, если пермскія народныя училища раздѣляли участь съ своими собратіями; ибо тотъ общественный складъ, о которомъ мы говорили, лежалъ со всѣми своими темными сторонами и на почвѣ пермской.»

Затѣмъ, говоря о пермскомъ народѣ, г. Өирсовъ замѣчаетъ, что здѣсь условія были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще неблагопріятнѣе: отдаленность края отъ высшей власти способствовала увеличенію произвола чиновниковъ и ихъ безнаказанности, вся страна сдѣлалась жертвою немногихъ тунеядцевъ, самъ народъ въ теченіе многихъ годовъ не только не смягчилъ нравовъ своихъ, но закалился въ грубости, тѣмъ болѣе, что населеніе было составлено изъ различныхъ элементовъ, враждебныхъ другъ другу. «Одно было у нихъ общее, говоритъ авторъ: — это недовѣріе ко всему, что носило мундиръ». Переходя отсюда къ пермскимъ училищамъ, г. Өирсовъ заключаетъ: (стр. 183).

«При такихъ условіяхъ, масса народная не могла сочувствовать образованію, даже если хотѣла принять его, по одному только тому, что оно предлагалось болярами. Ее можно было только силою заставить отдавать дѣтей въ училища, — и силою, приказомъ это и сдѣлано; потому что хотя и старались тогда увѣрять, что городскія общества добровольно изъявили желаніе завести у себя училища народныя, но это было говорено для красоты слога; на самомъ же дѣлѣ, малыя народныя училища открыты по приказанію генералъ-губернатора Волкова, что подтверждаетъ очень наивно рапортъ къ нему чердынскаго городскаго головы. Да притомъ массѣ народной, при ея забитости, духовномъ разстлѣніи, недоступны были тѣ начала, съ которыми выступали народныя училища; она, если и понимала нужду въ образованіи, то подъ образованіемъ она разумѣла простую грамотность, умѣнье читать и писать въ той степени, чтобы хотя поспорить съ подъячими. Такимъ образомъ легко объяснить, почему нѣкоторые простолюдины въ Пермскомъ краю не хотѣли отдавать дѣтей въ малыя народныя училища, тогда какъ охотно посылали ихъ на выучку къ какимъ нибудь книжникамъ, за дешевую цѣну сообщавшимъ книжную мудрость.»

Нельзя не пожелать, чтобы г. Өирсовъ изложилъ, какъ обѣщаетъ, дальнѣйшую исторію пермскихъ училищъ, и вообще — чтобы онъ писалъ сколько возможно больше и чаще. Въ такихъ именно статьяхъ, въ такихъ взглядахъ нуждается наша литература.

Есть еще въ Пермскомъ Сборникѣ довольно значительный сборникъ пѣсенъ, сказокъ и загадокъ, собранныхъ въ Чердынскомъ уѣздѣ, и описаніе свадебныхъ обрядовъ города Чердыни, составленное г. Предтеченскимъ. Составитель описанія обрядовъ доказываетъ, что въ пермскомъ населеніи сохранилась еще память о древнихъ свадьбахъ *уводомъ и покупкою*, о которыхъ говорится въ лѣтописи. Самые обряды, впрочемъ, не представляютъ ничего особенно оригинальнаго и любопытнаго; въ числѣ сказокъ есть любопытныя, какъ напр. 8 сказка: о крестьянинѣ и незнакомомъ человѣкѣ.

Въ смѣси довольно любопытны воспоминанія о Ѳеоновѣ, учителѣ пермской гимназіи тридцатыхъ годовъ, мѣстномъ сатирикѣ и пасквилянтѣ. Редакція обѣщаетъ полную біографію Ѳеонова, и потому мы теперь не станемъ о немъ распространяться. Скажемъ только, что, по словамъ замѣтки, помѣщенной въ сборникѣ, Ѳеоновъ «подвергся жесточайшимъ преслѣдованіямъ, вполнѣ достигшимъ цѣли,» за стихотвореніе «Къ лицемѣру,» напечатанное въ 1825 г. въ Вѣстникѣ Европы. Въ стихотвореніи изображается лицемѣръ, святоша, и больше ничего,—но тогдашній губернаторъ Тюфяевъ принялъ его на свой счетъ!..

Любопытно также въ приложеніяхъ письмо Никиты Демидова заводскимъ прикащикамъ, писанное въ 1788 г. Оно любопытно по манерѣ выраженія: черезъ каждыя двѣ строчки бранное слово, а иногда и такая тирада: «проснись, отчаянный, двуголовый архибестія, торгашъ и промышленникъ озерный и явный клятвопреступникъ и ослушникъ! Ребра въ тебѣ, ей-же-ей, божусь, не оставлю за такіе паршивые малые выходы!» и пр. (стр. 57)...

Заключимъ нашу реценцію опасеніемъ, что «Пермскій Сборникъ» многихъ оттолкнетъ отъ себя своею высокою цѣною. Въ немъ около 30 печатныхъ листовъ, а цѣна его 3 рубля. Очевидно, поэтому, что на большой успѣхъ книги сами издатели мало разсчитывали; но во всякомъ случаѣ жаль будетъ, если такое изданіе не пойдетъ.

Русскія пѣсни, сочиненія *Александра Мыльникова*, купеческаго сына города Ржева, Тверской губерніи. Спб. 1859.

Года три тому назадъ читали мы гдѣ-то отзывъ о г. Мыльниковѣ, какъ о самоучкѣ-поэтѣ, въ родѣ Кольцова, подающемъ большія надежды. Поэтому, когда вышли «русскія пѣсни» г. Мыльникова, мы поинтересовались прочесть ихъ и нашли, что онъ дѣйствительно въ родѣ Кольцова, но надеждъ никакихъ подавать не можетъ. На немъ можно только изучать, какимъ образомъ таже самая мысль, тоже самое

чувство, выраженное почти тѣми же словами, получаетъ оттѣнокъ пошлости, когда выражается не вслѣдствіе внутренней потребности человѣка, а съ чужаго голоса. Людей, поющихъ съ чужаго голоса, у насъ безчисленное множество, и многіе изъ нихъ пользуются даже уваженіемъ въ обществѣ за свои сладкія и умныя рѣчи. Иныхъ эти люди обманываютъ тѣмъ, что какъ-то умѣютъ чужую, вовсе ими не переваренную мысль обточить въ такія фразы, что она принимаетъ видъ довольно оригинальный,—иногда и безобразный, но все-таки какъ будто свой. Но не всѣ обманываются. Много находится и такихъ людей, которые очень хорошо знаютъ, откуда и какъ зашли въ голову говоруновъ нѣкоторыя идейки и фразы, но несмотря на то ихъ похваливаютъ на томъ основаніи, будто бы подобныя фразы все-таки означаютъ въ говорящемъ ихъ извѣстную степень образованности и сочувствія къ добру и истинѣ. Не знаемъ—можетъ быть это и правда: въ чужой душѣ хозяйничать очень трудно,—гораздо труднѣе, нежели въ чужомъ карманѣ. Но для насъ несомнѣнно только одно: что кто желаетъ и умѣетъ дѣлать настоящее дѣло, тотъ вообще избѣгаетъ пустыхъ фразъ. Это не значитъ, чтобы дѣльный человѣкъ долженъ былъ непремѣнно молчать и сидѣть бирюкомъ весь вѣкъ. Нѣтъ, онъ тоже можетъ быть краснорѣчивъ, можетъ увлекаться и увлекать своей рѣчью, но только въ такомъ случаѣ, когда въ самомъ дѣлѣ вся душа его полна извѣстнымъ чувствомъ или идеей. Онъ можетъ говорить самыя нѣжныя рѣчи, но только тогда, когда дѣйствительно влюбленъ; можетъ произносить и угрозы, но это значитъ, что онъ ихъ готовъ уже исполнить.... И такого человѣка вы всегда отличите потому, что у него таже самая фраза, которая опошлѣла для васъ въ рѣчахъ другихъ,—выходитъ какъ-то совершенно просто и естественно: вы чувствуете, что тутъ ничего другаго сказать нельзя было, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуете, что слово выкатилось не одной своей оболочкой, а со всей тяжестью своего внутренняго смысла. Такіе люди и такія рѣчи впрочемъ нечасто попадаются въ нашей общественной дѣятельности; съ ними скорѣе можно встрѣтиться въ жизнеописаніяхъ Плутарха, да и тамъ ихъ мало. Но все-таки есть извѣстная грань, переходя за которую человѣкъ оказывается болѣе близкимъ—или къ человѣку истинно-дѣльному, или къ фразеру; все-таки съ иными вы можете долго говорить, напримѣръ о Франціи и Англіи, просто по *гиду*, а съ другими такой разговоръ недостаточенъ: нужно прочитать хоть путевыя письма Н. И. Греча.

Въ поэтическихъ натурахъ, отличающихся обыковенно силою воображенія (или творчества, какъ въ старину говорилось), есть особенная способность реализировать идею и чувство не прямо самымъ дѣломъ, а поэтическимъ изображеніемъ. Поэтъ до того про-

никается своимъ чувствомъ, что весь въ него уходитъ и выражаетъ его съ чрезвычайной рельефностью и силою; онъ до того можетъ увлечься своей идеей, что начинаетъ видѣть ея осуществленіе и рисуетъ образы, въ какихъ она должна проявиться. И вотъ основаніе, почему эстетическая критика утверждаетъ, что человѣкъ съ поэтическимъ талантомъ не долженъ и не можетъ пускаться въ холодную дидактику, а непремѣнно долженъ представить свою идею въ живыхъ образахъ. Дѣйствительно, — только тогда и можетъ поэтъ истинно проникнуться идеей, когда она для него уже не отвлеченіе, а стоитъ на степени дѣйствительности, воплощается въ живые образы. И вотъ почему такъ плохи бываютъ всѣ перефразировки великихъ поэтовъ, являющіяся подъ учтивымъ названіемъ подражаній. Человѣкъ, читая поэта, понялъ его мысль, выразумѣлъ его чувство и началъ выражать ихъ посвоему: вотъ и явилось подражаніе. Но это подражаніе — фраза моднаго господина, не болѣе; въ немъ схваченъ только формальный, логическій смыслъ;—оттого оно вяло и пошло. Чтобы произвести въ самомъ дѣлѣ что нибудь близкое къ взятой пьесѣ поэта, надо самому дойти до такого же настроенія, въ какомъ онъ писалъ ее. Но человѣкъ съ талантомъ, если дойдетъ до того настроенія, что молчать не можетъ, то заговоритъ самъ, посвоему; если же не съумѣетъ придать своему чувству собственный, отдѣльный характеръ, то прочтетъ пожалуй ту пьесу, которая подходитъ къ его положенію, да на томъ и покончитъ. Рѣдко можетъ случиться, что его собственный мотивъ безсознательно сойдется съ мотивомъ другаго и напомнитъ вамъ что-то уже знакомое; но и тутъ вы легко замѣтите искренность чувства, полное усвоеніе и переработку мысли и вслѣдствіе того найдете новые оттѣнки и не откажете въ самостоятельномъ значеніи тому, что на первый разъ показалось вамъ простымъ подражаніемъ.

Многіе поэты, такъ же какъ и многіе свѣтскіе люди, умѣютъ скрывать свою несамобытность ловкими оборотами рѣчи и иногда тѣмъ, что заимствуются разомъ у десяти поэтовъ. Такихъ поэтовъ много видали мы въ нашей литературѣ; но не таковъ г. Мыльниковъ, по поводу котораго мы сдѣлали всѣ эти замѣчанія: онъ не умѣетъ прикрыть своихъ подражаній, и всякій, кто прочтетъ его, легко назоветъ даже имеино ту пьесу Кольцова, изъ которой взято то или другое стихотвореніе г. Мыльникова. Его пѣсни до противности близки по внѣшности къ пѣснямъ Кольцова; одного только въ нихъ и нѣтъ: этой внутренней истины, о которой мы сейчасъ говорили. И остается только внѣшнее содержаніе, отзывающееся совершенно голою фразой. Вспомните, напримѣръ, одно не изъ лучшихъ еще стихотвореній Кольцова: «Не скажу никому.»

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полямъ и лугамъ
Не сбираю цвѣтовъ.
Та весна далеко,
Тѣ завяли цвѣты,
Изъ которыхъ я съ нимъ
Завивала вѣнки!
И тѣхъ нѣтъ ужь и дней,
Что летѣли стрѣлой,
Что любовью насъ жгли,
Что палили огнемъ!
Все прошло ужь давно...
Не воротишь назадъ!
Для чего жь безъ него
Цвѣты стану я рвать?
Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла...

Теперь посмотрите, что изъ этого глубоко-прочувствованнаго стихотворенія сдѣлалъ г. Мыльниковъ

Во широкой степи
На раздольныхъ поляхъ,
Много дивныхъ цвѣтовъ
Расцвѣтаетъ весной.
Но они не плѣнятъ
Меня чудной красой;
Ихъ не буду я рвать
И не стану сбирать:
Мнѣ вѣнка для дружка
Ужь изъ нихъ не свивать.
Тѣ и дни протекли,
Какъ искала я ихъ,
И то время давно
Огнемъ будто сожгло.
Вы цвѣтите жь, цвѣты,
Во широкой степи.
У меня жь въ дни весны
Сердце вянетъ въ груди.

Насъ поразила въ этой передѣлкѣ чрезвычайная обстоятельность, съ которою разсказываетъ г. Мыльниковъ. У Кольцова предполагается уже извѣстнымъ, гдѣ и какъ ростутъ цвѣты; онъ весь преданъ

изображенію чувства, занимающаго дѣвушку; у него видимъ только ея грусть, ея воспоминанія. Г. Мыльниковъ, напротивъ, считаетъ нужнымъ закруглить изображеніе чувства статистическою замѣткою: «въ степи цвѣтетъ много цвѣтовъ; они очень хороши, но мнѣ не нравятся; а почему не нравятся, тому слѣдуютъ пункты.» Точь въ точь господинъ, который, проникшись сожалѣніемъ къ бѣднымъ мужикамъ, начинаетъ въ какой нибудь гостиной важно и подробно излагать физіократическую систему!..

Подобнымъ образомъ передѣлано г. Мыльниковымъ много другихъ стихотвореній Кольцова. Иногда онъ беретъ изъ Кольцова всего нѣсколько стиховъ и изъ нихъ строитъ стихотвореніе. Напримѣръ вспомните «Совѣтъ старика». Тамъ есть стихи:

Поспѣшайте жь, юноши,
Наслаждаться жизнію,
Отпируйте въ радости
Праздникъ вашей юности!
Много ль разъ роскошная
Въ годъ весна является? и пр.

Изъ этихъ стиховъ г. Мыльниковъ составилъ стихотвореніе, которое мы приведемъ, соединивши два стиха въ одинъ, такъ какъ г. Мыльниковъ, неизвѣстно почему, постоянно разбиваетъ одинъ стихъ на два. У него, напримѣръ, «выходила милая, распѣвала пѣсенки» —четыре стиха, «выйду замужъ я млада» — два стиха, и пр.

Други юныхъ лѣтъ! Спѣшите
Жизни праздникъ пировать!
Знайте, знайте, — дни златые
Легче птички улетятъ.
Не глядите, что природа
Обновляетъ все весной;
Юность быстро пронесется,
И не будетъ вновь другой.
Такъ пируйте, друзья, младость,
Отпируйте счастье дней!
Отпируйте, проводите
Юность, юность веселѣй!...

Опять таже прелестная обстоятельность и то же полное отсутствіе искренняго, живаго увлеченія. У Кольцова старикъ говоритъ юношамъ, чтобы наслаждались жизнью; у г. Мыльникова сами юноши приглашаютъ себя къ наслажденію. Старикъ, сравнивая возрасты жизни съ годовыми перемѣнами, остается вѣренъ поэтическому воззрѣнію, говоря:

Не одно ль мгновеніе
И веснѣ, и юности?

Юноши г. Мыльникова, напротивъ, сочиняютъ хрію и дѣлаютъ «уступительное сравненіе отъ противнаго». У нихъ поэтическій образъ принимаетъ слѣдующій видъ: «хотя юность и сравниваютъ съ весною, но на это не нужно смотрѣть, ибо весна каждый годъ является вновь, юности же въ другой разъ не бываетъ». Какая же ужь это поэзія?

Немудрено, что при такомъ отсутствіи всякаго поэтическаго чутья, г. Мыльниковъ доходитъ до сочиненія барабанныхъ стиховъ, долженствующихъ, по его мнѣнію, имѣть патріотическій смыслъ:

Русски хра́брые солдаты,
Въ бой идите, какъ на пиръ, и пр. .

Этихъ храбрыхъ солдатъ онъ утѣшаетъ, между прочимъ, такими резонами:

Смерть удѣлъ есть неизбѣжный,
Всѣмъ намъ должно умирать;
Но въ бою кто жизнь окончитъ,
Съ тѣмъ и Божья благодать...
Кому въ битвѣ Господь судитъ
Свою голову сложить,
То извѣстно вамъ да будетъ: —
Церковь памятью почтитъ, и пр.

Прочитавши нѣсколько русскихъ пѣсенъ г. Мыльникова, такъ и думаешь, что ему именно слѣдуетъ сдѣлаться подражателемъ г. Бенедиктова, Татаринова, и т. п., и воспѣвать войну, пожары, всеобщій прогрессъ,—вообще предметы, требующіе фразистаго слога. О Кольцовѣ этого никогда не подумаешь, даже читая самое слабое изъ его произведеній. И вотъ разница между талантомъ и бездарностью!...

Уроки Естественной Исторіи для учащихся дѣвицъ и юношества, составленные *Ходецкимъ*, профессоромъ университета св. Владиміра. Кіевъ. 1859.

Естественная исторія для женскихъ учебныхъ заведеній *А. Горизонтова*. Спб. 1859 г. Изд. Торговаго дома *Струговщикова, Пахитонова, Водова, и К°*.

Не въ одной поэзіи, есть и въ наукѣ свои господа Мыльниковы, только за нихъ страшнѣе приняться: авторитетъ имѣютъ большой,

или по крайней мѣрѣ—очень ученый видъ. Вотъ, напримѣръ, г. Ходецкій: на оберткѣ его «Уроковъ» значится, что онъ профессоръ, а въ предисловіи онъ самъ говоритъ, что издаетъ свою книгу вслѣдствіе *крайняго недостатка* русскихъ руководствъ по естественнымъ наукамъ. Значитъ, его трудъ есть нѣчто самостоятельное, слѣдствіе его многолѣтнихъ занятій, резултатъ спеціальныхъ знаній, пріобрѣтенныхъ имъ въ теченіе долгой ученой каррьеры (ибо г. Ходецкій ужь лѣтъ 20 по крайней мѣрѣ значится профессоромъ). Мы были увѣрены, что руководство г. Ходецкаго представитъ что нибудь въ родѣ учебника г. Шульгина (конечно, вы не подумаете, что г. Ив. Шульгина!), особенно когда увидѣли изъ предисловія, что г. Ходецкій съ тѣмъ и издалъ свою книгу, чтобы восполнить недостатокъ руководствъ по естественнымъ наукамъ. Въ такихъ предположеніяхъ принялись мы читать вышедшую теперь первую часть уроковъ г. Ходецкаго—уроки о животныхъ, т. е. говоря по-просту—зоологію. И вдругъ — представьте себѣ наше изумленіе!—насъ поражаютъ въ книгѣ г. Ходецкаго знакомыя опредѣленія, знакомые обороты, знакомыя фразы, — точь-въ-точъ, какъ при чтеніи стиховъ г. Мыльникова! Мы не занимались спеціально естественными науками, и потому намъ нетрудно было припомнить, въ какой именно книжкѣ встрѣчали уже мы всѣ эти фразы, — это въ зоологіи, 12 лѣтъ тому назадъ изданной г. Далемъ. Для полнѣйшаго удостовѣренія мы справились: оказалось, что г. Ходецкій перефразировалъ зоологію Даля,—можетъ быть съ меньшимъ искусствомъ, но ужь никакъ не съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ г. Мыльниковъ Кольцова. Представимъ для сравненія нѣсколько выписокъ. Откроемъ что нибудь изъ г. Даля. Вотъ стр. 155. На ней описаніе льва.

Сначала у г. Даля описывается наружность льва, опредѣляется его величина, и пр. Всего этого нѣтъ у г. Ходецкаго. Затѣмъ у г. Даля говорится:

«Ростъ его, ловкость и гибкость, чрезвычайная сила, *особенно въ переднихъ лапахъ*, смѣлый взглядъ, величественная и гордая осанка и страхъ, который онъ наводитъ на всѣхъ животныхъ глухимъ и дикимъ рыканіемъ своимъ, все это присвоило ему названіе царя звѣрей. Хотя вообще разсказы о великодушныхъ поступкахъ этого звѣря преувеличены, но справедливо, что если онъ не голоденъ, то не нападаетъ на животныхъ, нерѣдко щадитъ безсильныхъ, а человѣка безъ нужды не трогаетъ; за то, выходя на добычу, левъ не знаетъ страха, и нѣтъ животнаго, съ которымъ бы онъ отказался помѣряться силами; *онъ не только одолѣваетъ кабановъ и буйволовъ, но смѣло нападаетъ даже на слоновъ и носороговъ и нерѣдко ихъ побѣждаетъ*. Днемъ онъ обыкновенно отдыхаетъ въ дремучихъ лѣсахъ, или другаго рода пристанищахъ, а по но-

чамъ бродитъ и подстерегаетъ изъ засады свою добычу, на которую бросается прыжкомъ, *хватаетъ ее за загривокъ или шею, валитъ на земь и задираетъ зубами и когтями...* Настоящее отечество этого звѣря—Африка; гораздо рѣже попадается онъ въ южной Азіи... Шкура льва употребляется только, какъ рѣдкость, на полсти и подстилку, *а у дикихъ народовъ и на другія подѣлки. Охотники убиваютъ льва изъ ружей, подстерегая его на какомъ нибудь опасномъ ему пути или на привадѣ; туземцы же иногда преслѣдуютъ его на лошадяхъ, окружаютъ и убиваютъ;* но эта охота очень опасна.»

У г. Даля есть еще нѣкоторыя подробности о львѣ; но мы ихъ не приводимъ, такъ какъ г. Ходецкій не удостоилъ ихъ заимствовать. Да и въ томъ, что мы выписали, подчеркнутыя мѣста опущены г. Ходецкимъ, какъ ненужныя, хотя они большею частію очень характерны. Вотъ въ какомъ видѣ является левъ у г. Ходецкаго, на стр. 87.

«*Левъ*—самое величественное животное между млекопитающими. Его крупный ростъ, чрезвычайная сила, ловкость, наружный видъ, безстрашіе, съ которымъ онъ нападаетъ на свою добычу, самый ревъ его, наводящій страхъ и заставляющій трепетать и умолкать всѣхъ другихъ весьма сильныхъ животныхъ, — все это издавна пріобрѣло ему названіе царя звѣрей. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему приписываютъ великодушіе, что хотя преувеличено, но, по крайней мѣрѣ, онъ не нападаетъ на другихъ животныхъ, не будучи голоденъ. Левъ живетъ преимущественно въ пустыняхъ Африки, изрѣдка въ южной Азіи. Днемъ онъ отдыхаетъ въ какихъ нибудь неприступныхъ мѣстахъ, а ночью выходитъ на добычу и бросается на нее, подобно всѣмъ животнымъ кошачьяго рода, ловкимъ прыжкомъ. Пищею ему служатъ самыя крупныя животныя, но встрѣчи съ человѣкомъ онъ избѣгаетъ. Охота за львомъ считается необыкновенно смѣлою и отчаянною, хотя находятся смѣльчаки, на нее рѣшающіеся. Кожа льва употребляется, какъ рѣдкость, на полсти.»

Какъ видите, г. Ходецкій не только заимствовалъ, но и плохо заимствовалъ описаніе г. Даля. Онъ выпустилъ необходимое опредѣленіе наружности животнаго и оставилъ только грозную осанку, большой ростъ, и пр., что̀ безъ предварительныхъ свѣдѣній и обратилось въ общее мѣсто. Затѣмъ онъ выпустилъ нѣсколько характерныхъ подробностей и полезныхъ указаній, представленныхъ въ книгѣ г. Даля, напримѣръ, о времени жизни льва, о львахъ въ римскомъ циркѣ, о силѣ, находящейся въ переднихъ лапахъ и въ хвостѣ льва, и пр. Все это, должно быть, потому, что г. Ходецкій, по словамъ его предисловія, хотѣлъ въ своей зоологіи «показать тѣсную связь между наружною формою и внутреннимъ устройствомъ органическихъ существъ».

Раскроемъ еще какое нибудь мѣсто — у г. Ходецкаго. Вотъ стр. 112: описаніе *дикой свиньи*.

«*Дикая свинья, дикій кабанъ* или *вепрь* считается прародителемъ домашней свиньи. Живетъ въ глухихъ лѣсахъ и камышахъ многихъ странъ, между прочимъ въ западной Россіи. Питается плодами, кореньями и травами. Отъ домашней свиньи отличается болѣе крупнымъ ростомъ, большими клыками и постояннымъ чернымъ цвѣтомъ шерсти. Очень дикъ и свирѣпъ. Составляетъ предметъ довольно опасной охоты для мяса, изъ котораго могутъ быть приготовляемы вкусныя блюда.»

Теперь посмотримъ, какъ она изображается въ зоологіи Даля (см. стр. 178).

«*Дикая свинья* (вепрь, кабанъ, дикій боровъ), признаваемая за родоначальника нашей дворовой свиньи, извѣстна свирѣпымъ нравомъ своимъ и страшнымъ оружіемъ — клыкомъ, или вѣрнѣе *копаломъ*. Кабанъ бываетъ длиною до 5 футовъ, а вѣсомъ 12 пудовъ: масть щетинистой шерсти его чернобурая. Онъ водится, мѣстами, въ лѣсахъ и камышахъ, въ средней Европѣ, у насъ же въ западныхъ губерніяхъ, на Кавказѣ и изрѣдка около Каспійскаго моря, а затѣмъ также кой-гдѣ въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Онъ живетъ до 30 лѣтъ, мясо его вкусно, но охота за нимъ опасна, если стрѣлки, на коихъ его выгоняютъ, не стоятъ на подмосткахъ или толстыхъ пняхъ.»

Въ передѣлкѣ этого описанія г. Ходецкій старался, кажется, удовлетворить *шестой* изъ цѣлей, указанныхъ имъ для своей книги въ предисловіи: «обратить вниманіе учащихся на прекрасное въ природѣ»; ибо здѣсь онъ изъ «родоначальника свиньи» сдѣлалъ «прародителя», и прибавилъ «охоту, опасную для мяса».

Пойдемъ ужь кстати далѣе за Ходецкимъ и приведемъ описаніе и домашней свиньи, тѣмъ болѣе, что почтенный профессоръ въ предисловіи увѣряетъ, что онъ «въ 4-хъ старался выставить преимущественно то, что наиболѣе полезно въ хозяйственномъ быту человѣка».

Прочтите же на 113 страницѣ:

«*Домашняя свинья* происходитъ отъ дикой, отличаясь отъ нея только меньшимъ ростомъ, меньшими клыками, не столь свирѣпымъ нравомъ и разнообразіемъ цвѣта шерсти. Составляетъ очень полезное животное въ хозяйствѣ, особенно въ томъ отношеніи, что можетъ быть продовольствуема самымъ дешевымъ, для другихъ животныхъ мало годнымъ кормомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ скоро растетъ, даетъ много мяса и жира, также щетину, употребляемую для щетокъ, кистей и т. п. Будучи прожорлива, она ѣстъ почти все, не отказываясь даже отъ мяса, и потому скоро откармливается. При такихъ выгодахъ, она разводится почти у всѣхъ народовъ, за исключеніемъ евреевъ и магометанъ, чуж-

дающихся мяса ея по религіозному закону. Къ сожалѣнію только, свинья очень нечистоплотна и любитъ, подобно многимъ другимъ толстокожимъ животнымъ, прохлаждаться въ грязи; любитъ также рыть землю для отыскиванія корней; но чѣмъ чище она содержится и чѣмъ лучшій получаетъ кормъ, тѣмъ и продукты ея бываютъ лучше.

Такъ какъ домашняя свинья распространена человѣкомъ почти по всѣмъ странамъ свѣта, то въ видѣ ея образовалось много породъ, которыя въ хозяйственномъ отношеніи отличаются другъ отъ друга преимущественно по крупности роста. Изъ крупнорослыхъ породъ наиболѣе цѣнятся *англійская* и *ютландская*, а изъ малорослыхъ *китайская.*»

Теперь сравните описаніе изъ книги г. Даля (стр. 179).

«*Свинья домашняя или дворовая* (Рис. 18 ф. 103) рѣдко достигаетъ той величины, какъ дикая; копала у нея гораздо меньше, масть шерсти черная, желтобурая, пѣгая и пр. Какъ изъ всякой домашней скотины, такъ и изъ свиньи, по различію пищи, климата и другихъ обстоятельствъ, образовалось нѣсколько породъ; есть, напр. *большая англійская* и *ютландская* породы, коихъ свиньи въ откормкѣ достигаютъ такой огромности, что въ свиньѣ бываетъ до 15 пудовъ вѣсу; *китайская* порода, не крупная, на низенькихъ ножкахъ; порода съ *сережками*, порода *турецкая*, съ нѣсколько курчавою шерстью и пр. Свинья питается зерномъ, плодами, овощами, травами, кореньями, насѣкомыми, но ѣстъ все, даже всѣ нечистоты и самую падаль. Свинья прожорлива, почему и удобно откармливать ее на сало; она неопрятна, любитъ грязь и лужи, но мясо ея бываетъ гораздо вкуснѣе, когда ее содержатъ чисто въ опрятной свинарнѣ, и кормятъ одною хлѣбною пищей. Чутье свиньи довольно тонко, такъ что она издалека отыскиваетъ по чутью пищу, даже подъ землей, которую проворно взрываетъ носомъ или рыломъ. Поэтому свинью употребляютъ для отысканія трюфелей (родъ подземныхъ грибовъ), до которыхъ и люди не менѣе ея лакомы. Свинина и свиное сало, окорока, свиныя колбасы и пр. составляютъ общеупотребительную пищу многихъ народовъ, кромѣ мусульманъ и евреевъ, которые свинины не ѣдятъ; свиная щетина идетъ на щетки и кисти, а также у сапожниковъ для присучиванія къ дратвѣ, и потому составляетъ не совсѣмъ маловажный предметъ торговли.»

Въ такомъ видѣ вся книжка г. Ходецкаго перефразирована изъ зоологіи Даля. Спрашивается: зачѣмъ же онъ убивался надъ этимъ, и на какомъ основаніи жалуется онъ въ предисловіи на то, что у насъ нѣтъ учебниковъ по естественной исторіи? Правда, онъ прибавляетъ, что существующіе учебники годятся собственно для мужскихъ училищъ, а для женскихъ неудобны «отчасти по своему объему, излишней сложности системы, употребленію латинскихъ терминовъ, *отчасти по другимъ причинамъ, легко понятнымъ для каждаго догадливаго читателя*». Но книга г. Даля не очень многимъ пре-

восходитъ объемъ «Уроковъ» г. Ходецкаго, особенно если исключить изъ нея всѣ примѣчанія, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ; система вся цѣликомъ взята г. Ходецкимъ изъ Даля; латинскіе термины... но ихъ-то, какъ на грѣхъ, и *нѣтъ вовсе* въ зоологіи Даля... Остаются, стало быть, *другія причины*.... Ихъ угадать дѣйствительно нетрудно: это опасеніе, чтобы не встрѣтить лишняго слова въ анатомическомъ обозрѣніи частей человѣческаго тѣла, въ показаніи способовъ размноженія разныхъ животныхъ и пр. Но во-первыхъ,— и въ книгѣ г. Даля нѣтъ ничего *лишняго* по этой части; во-вторыхъ, неизвѣстно еще, точно ли слѣдуетъ одобрять ту скрытность, которую считаетъ столь необходимою почтенный профессоръ. По нашему мнѣнію, одна изъ главныхъ цѣлей преподаванія естественной исторіи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и должна состоять въ томъ, чтобы дѣвицы познакомились со всѣми естественными отправленіями животнаго организма изъ серьёзнаго, научнаго изложенія, а не изъ сальныхъ разсказовъ дворовыхъ дѣвокъ и не изъ сладострастныхъ намековъ разныхъ распутныхъ кузеновъ.... Пора бы ужь убѣдиться, что въ этомъ случаѣ формальная скромность въ училищѣ можетъ привести дѣвушку только къ лицемѣрству, да еще дастъ ей поводъ получить совершенно превратное, преувеличенное и до нельзя украшенное понятіе о томъ, что̀ именно хотятъ скрыть отъ нея.

Вообще въ книгѣ г. Ходецкаго мы не нашли ничего, что̀ бы могло оправдать ея появленіе, и особенно съ такимъ предисловіемъ. О примѣненіи къ понятіямъ ученицъ, объ особенныхъ требованіяхъ женскаго образованія онъ и не думалъ. Если ужь надо сочинять руководство особое непремѣнно для дѣвушекъ, то слѣдовало бы изложить явленія живой природы въ болѣе стройномъ порядкѣ, разсказать физіологическія условія жизни подробно и живо, представить бытъ и нравы животныхъ, обстоятельно описать тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ особый интересъ по чему нибудь, и никакъ не хлопотать о какихъ нибудь перечисленіяхъ. Зачѣмъ, напримѣръ, — не только въ женскомъ, но въ какомъ бы то ни было учебникѣ, такой перечень: «*курганчики, кубарчики, ребрушки, башенки, ушки, ныряльщики, богрянки, шишаки, трубороги, ужовки, оливы, конусы, овулы, и пр.*» Что же, ученицы должны все это вызубрить?... А по нашему, если ужь эти всѣ курганчики, кубарчики и пр. такъ замѣчательны, что ихъ не знать нельзя, такъ можно ихъ описать подробнѣе; а если не стоитъ описывать, то ужь и имена перечислять не стоитъ.... Развѣ, можетъ быть, это необходимо было г. Ходецкому для того, чтобы, по его словамъ, «подѣйствовать благотворно на нравственное

чувство учащихся, высшее развитіе котораго составляетъ главнѣйшую цѣль всякаго образованія»?...

Руководство г. Горизонтова выступаетъ съ тѣми же претензіями, какъ и курсъ г. Ходецкаго. Въ предисловіи его авторъ говоритъ—не вполнѣ грамотно, но съ скромнымъ сознаніемъ своего достоинства: «*сознавая* вполнѣ, что изданіемъ своей естественной исторіи я не устранилъ вышепомянутаго недостатка (хорошихъ руководствъ) въ нашей учебной литературѣ, *но тѣмъ не менѣе льщу* себя надеждою, что за неимѣніемъ другаго руководства, обнимающаго всѣ части естественной исторіи, мой трудъ принесетъ хотя небольшую пользу для учащихся дѣвицъ и въ домашнемъ воспитаніи». Безграмотность этой тирады впрочемъ — случайная; и произошла она, вѣроятно, отъ смущенія, въ которомъ находился авторъ, приступая къ восхваленію самаго себя. Вообще же руководство г. Горизонтова написано грамотно, и въ сравненіи съ «Уроками» г. Ходецкаго, — его можно превознести. Уже одно то много значитъ, что оно гораздо короче. У г. Ходецкаго 300 страницъ заняты одной зоологіей, а у г. Горизонтова на 392 стр. помѣщена зоологія, ботаника и минералогія, да еще, въ добавокъ, свѣдѣнія изъ физики и изъ физической и математической географіи. Кромѣ того, въ текстѣ 278 рисунковъ, сдѣланныхъ большею частію недурно, исключая рисунковъ птицъ и млекопитающихъ, изъ которыхъ многіе изъ рукъ вонъ плохи.

Напримѣръ, на стр. 34 изображена обезьяна, изъ семейства игрунковыхъ, большаго роста, судя по дереву, на которомъ она сидитъ (хотя въ текстѣ и говорится, что она величиной всего съ бѣлку), съ пышной куафюрой и съ огромнѣйшимъ пушистымъ хвостомъ; хвостъ даже чуть ли не больше и не толще ея самой. На стр. 137 нарисованъ воробей, который, можетъ быть, недуренъ бы оказался въ какой нибудь каррикатурѣ Степанова, но въ учебникѣ вовсе неумѣстенъ, равно какъ и голубь на стр. 147: такіе голуби могутъ существовать развѣ только въ голубятняхъ г. Сорокина!

Текстъ руководства г. Горизонтова составляетъ тоже сшивки изъ разныхъ прежнихъ книжекъ. Зоологіей и ботаникой Даля г. Горизонтовъ тоже сильно попользовался, а между тѣмъ, зоологію его даже не упомянулъ въ числѣ своихъ пособій, перечисленныхъ имъ въ предисловіи. Это ужь не совсѣмъ хорошо, потому что г. Горизонтовъ—лицо неизвѣстное, не профессоръ, слѣдовательно ничѣмъ не обезпеченъ отъ нападеній критики. Нехорошо еще то, что онъ, не справившись, беретъ изъ Даля такія свѣдѣнія, которыя теперь ужь никуда не годятся. Напримѣръ, отдѣлъ о человѣкѣ почти весь списанъ изъ Даля слово въ слово, (съ пропусками, разумѣется), и между прочимъ взято оттуда свѣдѣніе о количествѣ людей на зем-

номъ шарѣ. По этому свѣдѣнію выходитъ, что на земномъ шарѣ 757 мильоновъ жителей (140 въ Европѣ, 450 въ Азіи, 120 въ Африкѣ, 45 въ Америкѣ, 2 въ Австраліи): между тѣмъ не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году печатаны были даже въ русскихъ газетахъ результаты новѣйшихъ изслѣдованій Дитерици, по которымъ оказывается всѣхъ земныхъ жителей 1,288 мильоновъ (272 въ Европѣ, 755 въ Азіи, 200 въ Африкѣ, 59 въ Америкѣ, 2 въ Австраліи). Допущеніе въ учебникъ подобной ошибки доказываетъ, что г. Горизонтовъ не *извлекалъ*, а просто *бралъ*, т. е. переписывалъ свое руководство то изъ той, то изъ другой книжки. Но вѣдь на подобную работу достаточно грамотнаго писаря или такого профессора, какимъ явился въ своихъ урокахъ г. Ходецкій!

Замѣтимъ еще одинъ курьёзный промахъ г. Горизонтова, въ которомъ впрочемъ ужь не Даль, кажется, виноватъ. На стр. 259, говоря о вербѣ, г. Горизонтовъ прибавляетъ: «это та самая верба, о которой царь-псалмопѣвецъ упоминаетъ въ своей пѣснѣ: «на рѣкахъ вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ, на вербіихъ обѣсихомъ органы наша.» Надо быть слишкомъ увлечену собственнымъ краснорѣчіемъ, чтобы забыть, что царь-псалмопѣвецъ, т. е. царь Давидъ не былъ въ плѣну вавилонскомъ (потому собственно, что жилъ за 400 лѣтъ до него) и что пѣснь: «на рѣкахъ вавилонскихъ»—приписывается пророку Іереміи.

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, надо имѣть въ виду то, въ какомъ положеніи находится у насъ наука и ученость. Нашимъ учебнымъ заведеніямъ еще могутъ угрожать такія книги какъ «Уроки» г. Ходецкаго; намъ еще могутъ выдавать плохую, безталанную перефразировку всѣмъ извѣстнаго руководства за самостоятельный профессорскій трудъ... При такомъ положеніи дѣлъ можно и книгѣ г. Горизонтова обрадоваться, хотя она по своей сущности и не стоитъ того.

ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

Я нетерпѣливо желалъ видѣть снова Флоренцію, знакомую уже мнѣ по прошлогоднему путешествію, но видѣть ее въ новой фазѣ ея политической жизни, въ томъ колоритѣ общественной свободы, которая еще такъ недавно казалась вѣчнымъ сизифовымъ камнемъ итальянскихъ либераловъ. Только что вступивши на итальянскую почву, мнѣ удалось видѣть одну изъ сценъ, какихъ теперь такъ много разъигрывается въ новой Италіи. Я пріѣхалъ въ Туринъ въ то самое утро, когда тамъ ожидали моденскую и пармскую депутацію: она должна была представить королю рѣшеніе своихъ собраній присоединиться къ Піемонту. Изъ журналовъ вы уже знаете о результатахъ депутаціи. На желѣзной дорогѣ она была торжественно встрѣчена національной гвардіей; у отеля, гдѣ остановились депутаты, на пьяцца Кастелло, собралась огромная толпа народа; крики viva и аплодисменты вызвали депутатовъ къ народу, и одинъ изъ нихъ говорилъ рѣчь, которая безпрестанно прерывалась громкими выраженіями народнаго энтузіазма. Затѣмъ мимо депутатовъ проходили церемоніальнымъ маршемъ сардинскіе *легіоны* и отдавали имъ военныя почести; музыка и восклицанія долго раздавались на площади. Въ другой разъ я видѣлъ ту же толпу на пьяцца Кариньяно, гдѣ только что поставлена (очень хорошая) статуя Винченцо Джоберти, одному изъ самыхъ пылкихъ и даровитыхъ партизановъ итальянскаго вопроса и знаменитому автору книги «о первенствѣ Италіи». Депутаты должны были оставить Туринъ. Толпа снова на-

полнила площадь, опять крики народа и рѣчи депутатовъ, но рѣчи на этотъ разъ болѣе энергическія и вызывающія: въ нихъ говорилось о Романьѣ, объ освобожденіи Венеціи.... Въ Тосканѣ экзальтація, произведенная послѣдними событіями, еще продолжается: въ Ливорно и въ маленькихъ Пизѣ и Луккѣ, гдѣ я останавливался на пути, замѣтно было гораздо болѣе оживленія, чѣмъ мнѣ случалось видѣть прежде въ Тосканѣ; утренніе и вечерніе посѣтители кафе сидѣли за газетами, въ разговорахъ слышались имена Гарибальди, короля Эммануила, Романьи; почти всѣ дома украшены были надписями: viva Vittorio Emmanuele, nostro re, или: viva il nostro buon re и т. п. Въ Луккѣ я попалъ на праздникъ. Было воскресенье: весь городъ собрался въ аренѣ, гдѣ происходили скачка и фейерверкъ, и на послѣднемъ всего болѣе доставлялъ публикѣ удовольствія ярко горѣвшій сардинскій щитъ. Когда я пріѣхалъ во Флоренцію, она поразила меня своимъ оживленнымъ видомъ: кто бывалъ въ Италіи, тотъ знаетъ шумную толпу, которая отвсюду собирается по вечерамъ на улицахъ, наполняетъ кафе и лавочки, располагается группами на площадяхъ и перекресткахъ. Мнѣ казалось, однако, и справедливо, что эта толпа стала еще шумнѣе и веселѣе прежняго: въ ней безпрестанно появлялись военныя фигуры,—не то воинство, которое прежде тяжелымъ камнемъ давило Флоренцію и готово было бомбардировать эту лучшую красоту Тосканы, а популярная армія волонтеровъ и воиновъ, дѣлавшихъ ломбардскую кампанію. Наружность тосканскаго войска, которое я видѣлъ во Флоренціи, не поражаетъ, впрочемъ, особенно марціальнымъ видомъ, который, напримѣръ, такъ сильно бросается въ глаза во французской арміи. Говорятъ, что и генералъ Фанти не совсѣмъ доволенъ внѣшностью войска; за то, по крайней мѣрѣ, патріотизмъ его не подлежитъ теперь сомнѣнію, а привычка дастъ ему необходимыя воинственныя свойства. Тосканцы издавна были по преимуществу мирнымъ народомъ. Отношенія военныхъ съ народомъ самыя любезныя, какъ вездѣ, гдѣ войско не служитъ угнетающему правительству. Городъ мало по малу измѣняетъ свою наружность: гербы тосканскихъ герцоговъ исчезли съ публичныхъ зданій тотчасъ же послѣ мирной революціи; при мнѣ уже, нѣсколько дней тому назадъ, они замѣнены были сардинскимъ. При громѣ пушекъ и страшныхъ ударахъ грома, потому что въ это самое время разразилась сильная буря, маститый Palazzo Vecchio украшенъ былъ бѣлымъ крестомъ савойскаго дома: знамена трехъ сардинскихъ цвѣтовъ каждый политически важный день появляются на улицахъ, драпируютъ балконы и окна, какъ недавно при водруженіи сардинскаго герба. Нѣкоторые

журналы, напримѣръ, Nazione, также выставили въ заглавіи символомъ единства сардинскій крестъ. Уничтожается все, что̀ напоминало объ отрѣшенной династіи. Отправившись недавно въ народный театръ Политеама, я затѣтилъ, что прежняя via Tedesca (нѣмецкая улица) называется уже via Nazionale, площадь Маріи-Антоніи переименована въ piazza della Independenza, театръ Леопольда называется національнымъ. На домахъ тѣ же патріотическія надписи, которыя я видѣлъ вездѣ въ Пизѣ и Луккѣ; иногда нетвердая рука какого нибудь новичка-либерала пишетъ мѣломъ на стѣнѣ morte a Leopoldo или что нибудь подобное. Тосканское правительство, уже принявшее въ заглавіе своихъ декретовъ формулу Regnando Vittorio Emmanuele, re eletto (въ правленіе В.-Эммануила, избраннаго короля), издало въ послѣднее время очень много постановленій, цѣль которыхъ — искоренять слѣды стараго режима и мало по малу превращать въ дѣйствительный фактъ то единство, о которомъ говорила вся Центральная Италія: оно изгоняетъ изъ употребленія старую и чеканитъ новую монету, вмѣсто паоло вводитъ лиры, въ родѣ сардинскихъ франковъ; до изготовленія новой монеты съ сардинскими аттрибутами, въ обращеніи появились уже флорины съ тосканскимъ львомъ; также измѣнены и почтовые билетики для аффранширования писемъ. Гораздо важнѣе послѣднія мѣры правительства: оно установляетъ взаимное дѣйствіе трибуналовъ въ Тосканѣ и въ герцогствахъ, признаетъ (какъ уже сдѣлала прежде Модена) въ Тосканѣ силу дипломовъ и достоинствъ, данныхъ другими университетами Сѣверной Италіи, приготовляетъ уничтоженіе таможенъ между Тосканой, Сардиніей и герцогствами; однимъ словомъ, правительство Тосканы, въ согласіи съ Моденскимъ и Романскимъ, понемногу старается пріучить Европу къ мысли, что между этими странами господствуетъ уже солидарность, которую нельзя будетъ уничтожить. Сардинское правительство гораздо медленнѣе, по крайней мѣрѣ, осторожнѣе въ этомъ случаѣ, хотя, впрочемъ, и съ своей стороны сдѣлало нѣсколько шаговъ къ этому единству. Мнѣ, какъ путешественнику, пріятно было встрѣтить одно изъ послѣднихъ постановленій правительства, касающееся паспортовъ: надобно было самому испытать всѣ непріятности безпрестаннаго визированія, оплачиванія и представленія паспортовъ, такъ вообще надоѣдающихъ путешественнику въ Италіи, чтобы оцѣнить хорошо эту благую мѣру. Правительство объявило, что какъ правительство національное, оно не имѣетъ нужды подозрительно смотрѣть на каждое лицо, появляющееся въ Тосканѣ, и уничтожаетъ всѣ прежнія постановленія о паспортахъ: тѣ, которыхъ достаточно для Сардиніи, достаточны будутъ

и для Тосканы; иностранцы освобождаются отъ того сбора, который дѣлался прежде за пребываніе во Флоренціи.

Я, впрочемъ, не буду пересказывать вамъ всѣхъ дѣйствій тосканскаго правительства; существенное изъ нихъ постоянно появляется въ иностранныхъ газетахъ, и вы узнаете о нихъ ранѣе, чѣмъ дойдетъ до васъ мое запоздалое письмо. Я ограничусь замѣтками о будничныхъ дѣлахъ и толкахъ Флоренціи за то время, которое я провелъ въ ней. Нынѣшнее положеніе общества и жизни во Флоренціи съ особенной справедливостью можетъ назваться переходнымъ, то есть неопредѣленнымъ и не установившимся: общество отказалось отъ стараго порядка, но новаго прочнаго порядка еще нѣтъ, и оно остается въ ожидающемъ состояніи, пока событія направятъ его въ другую сторону. Вы знаете изъ газетъ, какія разнообразныя предположенія дѣлаются насчетъ Тосканы, сколько разныхъ новыхъ владыкъ выдумываютъ для нея ея благодѣтели, какія хитрыя комбинаціи предлагаются для поправленія испорченнаго дѣла. Сами тосканцы остаются до сихъ поръ равнодушны къ этимъ толкамъ; у нихъ нѣтъ партизановъ принца Наполеона, какъ нѣтъ партизановъ Леопольда; ихъ лучшіе органы съ похвальной твердостью стоятъ на одномъ—на соединеніи съ Піемонтомъ. Когда еще не было рѣшено это дѣло, ихъ наиболѣе умные публицисты, въ журналахъ и брошюрахъ, старались убѣдить народъ въ пользѣ такого рѣшенія и разсѣять всѣ сомнѣнія противъ него — и легкомысленныя сожалѣнія о томъ, что Флоренція не будетъ имѣть двора, и опасенія, что соединеніе съ Піемонтомъ увеличитъ потребность государства въ деньгахъ и введетъ вредную централизацію, и боязнь за произведенія искусства, которыя могутъ быть вывезены изъ Флоренціи, и даже за мягкія и цивилизованныя черты тосканскаго характера, который можетъ огрубѣть отъ общенія съ суровыми піемонтцами, какъ Аѳины отъ общенія съ Македоніей. Именно въ этомъ смыслѣ писалъ для народа извѣстный Гверрацци, одинъ изъ дѣятелей прежней революціи. Нынѣшнее положеніе дѣлъ показываетъ тосканцамъ, какъ выгодно было бы единство, но какъ въ то же время трудно достигнуть его. Правительства Центральной Италіи настаиваютъ на увеличеніи войска. Фарини, Чипріани, Фанти и Гарибальди дѣйствуютъ очень энергически съ этой цѣлью, и нѣсколько десятковъ тысячъ у нихъ уже готовы къ дѣлу. Отъ этихъ людей начинаетъ выходить теперь иниціатива въ дѣлѣ единства Италіи. Фарини первый въ Моденѣ издалъ нѣсколько важныхъ декретовъ, примѣръ которыхъ благопріятно дѣйствовалъ на тосканское правительство, нѣсколько менѣе рѣшительное. Недавно, новая мѣра, не правитель-

ственная, принята была Гарибальди. Знаменитый генералъ предлагаетъ итальянцамъ пріобрѣсти милліонъ ружей посредствомъ подписки, которую открываетъ онъ самъ, жертвуя пять тысячъ франковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что имя Гарибальди дастъ хорошій успѣхъ дѣлу, фактически полезному въ нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствахъ. Тоскана въ военномъ отношеніи осталась нѣсколько позади другихъ членовъ военной лиги, войско ея сравнительно меньше: Флорентинскіе журналы жалуются на это, но, вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ упрекать Виктора-Эммануила, что онъ такъ долго оставляетъ ихъ безъ всякой поддержки.

Между тѣмъ, они, дѣйствительно, нуждаются въ этой поддержкѣ. Отказываясь на бумагѣ отъ вооруженнаго вмѣшательства, Австрія однако не мѣшаетъ своимъ солдатамъ толпами переходить въ папскую службу, и, такимъ образомъ, безопасность Романьи, а за ней и герцогствъ, не совсѣмъ обезпечена. Можно восхвалять сколько угодно единодушіе итальянцевъ въ ихъ общемъ влеченіи къ Піемонту, въ которомъ, дѣйствительно, много участвуетъ благородное стремленіе къ національному единству, такой давнишней цѣли итальянскаго либеральнаго движенія; но нельзя не признать, что во всемъ этомъ немалую роль играетъ и сознаніе недостаточности своихъ силъ. Оно противъ воли часто обнаруживалось въ послѣднее время. Вы знаете объ англо-итальянскомъ обществѣ въ Лондонѣ, подъ предсѣдательствомъ Шефтсбёри, для собиранія пособій для итальянцевъ. «Times» строго и справедливо осудилъ это предпріятіе, приличное людямъ, не имѣющимъ пристанища, забитымъ и угнетеннымъ, но вовсе не приличное націи, которая благородно возстаетъ за свободу и должна купить ее кровью и своими средствами, а не подаяніями. Многіе прямодушные итальянцы согласились въ справедливости упрека. Что же, какъ не слабость заставляла прибѣгать къ подобнымъ средствамъ? Благополучная перемѣна обстоятельствъ, совершившаяся немного времени тому назадъ, не можетъ, къ сожалѣнію, вдругъ вырвать всѣхъ слѣдовъ того отупляющаго вліянія, которое производили на національность — въ иныхъ мѣстахъ еще и производятъ—чужія или анти-народныя правительства. Оппозиція была, конечно, и выражалась, но выражалась частными и минутными взрывами, за которыми все опять приходило въ прежній порядокъ. Тоскана въ этомъ случаѣ имѣла общую судьбу со всей Италіей, за исключеніемъ Піемонта. Гнетъ полиціи, привычка къ перенесенію несправедливости, оскорбленіе національнаго чувства дѣйствуютъ почти всегда положительно вредно на моральную сторону и отдѣльныхъ лицъ и народовъ, а Италія, къ сожалѣнію, дол-

го страдала отъ всѣхъ этихъ дѣйствій. По крайней мѣрѣ, они имѣютъ слѣдствіемъ неувѣренность въ себѣ и желаніе опереться на чужую помощь: этой черты, кажется, нельзя не замѣтить въ народномъ движеніи центральной Италіи, хотя до нѣкоторой степени ее и можно оправдать столькими дамокловыми мечами, которые висятъ надъ ея головой, начиная съ Австріи и кончая Неаполемъ. Потому для нея въ высшей степени дороги тѣ энергическія личности, на которыя она можетъ возложить свои надежды, и онѣ получаютъ необыкновенную силу надъ массами. Итальянцы довѣрчиво склоняются предъ авторитетомъ, необходимость котораго они чувствуютъ. Это объясняетъ, кажется, необходимое увлеченіе, которое внушаетъ имъ Викторъ-Эммануилъ, il re galantuomo (эпитетъ, чрезвычайно не лестный для другихъ королей). Авторъ одной политической статьи выражалъ недавно почти тоже самое слѣдующими словами: «Личность всегда играла у итальянскихъ народовъ роль слишкомъ важную и вредную для либеральныхъ учрежденій. Итальянцы часто занимаются политикой, какъ французы каламбуромъ, чтобъ faire de l'esprit. Рабство было длинной школой для сектъ и заговоровъ: нельзя требовать, чтобы массы въ одинъ день пріобрѣтали силу и благоразуміе, которыя заставляютъ безъ жалобъ переносить обязанности налагаемыя независимостью и свободой.» То есть, другими словами, въ рѣшительную минуту, массѣ недостаетъ самостоятельности и энергіи; она отказывается отъ своей воли, и тогда успѣхъ зависитъ отъ характера авторитета, на который она полагается. Въ послѣднее время всѣ журнальныя корреспонденціи изъ Романьи наполнены разсказами о восторженныхъ встрѣчахъ, которыя дѣлаются Гарибальди. Путешествіе его по городамъ Романьи есть непрерывающійся тріумфъ: безчисленныя толпы выходятъ ему навстрѣчу, народъ самъ везетъ его экипажъ, дѣвушки подносятъ ему букеты, слова его принимаются съ энтузіазмомъ и рѣчи его приводятъ новыя сотни молодыхъ людей въ ряды волонтеровъ. Еще немного, и Гарибальди сдѣлается миѳическимъ героемъ; онъ и будетъ имъ, навѣрно, впослѣдствіи. Конечно, немного народовъ, столько воспріимчивыхъ, какъ итальянцы, и немного людей, столько заслужившихъ свою популярность, какъ Гарибальди; но въ этомъ обоготвореніи итальянскаго героя намъ представляется и другая сторона медали, — тайное опасеніе передъ неизвѣстнымъ будущимъ, которое рѣшитъ для итальянцевъ вопросъ жизни.

Times упрекалъ также итальянцевъ-эмигрантовъ за ихъ равнодушіе къ современному движенію, за ихъ упрямое бездѣйствіе въ эмиграціи, когда они имѣютъ уже свободную родину. Но трудно думать,

чтобы Маццини, Саффи, Стерибни и другіе нашли себѣ дѣятельность въ нынѣшней Тосканѣ или Романьѣ, подъ эгидой Виктора-Эммануила. Ихъ направленіе — крайнее, а нынѣшнее движеніе по преимуществу умѣренное. Гарибальди удивилъ многихъ своимъ появленіемъ среди сардинской и французской армій. Для насъ этотъ фактъ есть доказательство большаго политическаго смысла и глубокой преданности народному дѣлу, способной пожертвовать личнымъ предубѣжденіемъ въ пользу этого дѣла. Недавно также маццинистъ Маріо съ его извѣстной подругой миссъ Уайтъ объявили, что «сохраняя свои республиканскія убѣжденія, они вполнѣ признаютъ національную политику, представляемую Викторомъ-Эммануиломъ, и принимаютъ ее какъ единственный *символъ* итальянскаго освобожденія». Уступка любопытная, но все-таки частная. Новая, современная Италія не есть la giovine Italia Маццини, въ свое время возбуждавшая патріотическій пылъ молодежи. Между ними есть нѣкоторое родство: исходнымъ пунктомъ своей республиканской теоріи Маццини ставилъ *народъ* и его отвлеченную верховную власть надъ своими судьбами, и новая Италія громко провозлашаетъ тотъ же принципъ, опредѣляя политическое положеніе народа по его желаніямъ, по общей подачѣ голосовъ. Но этимъ и ограничивается сходство: «юная Италія» приготовлена была нестерпимымъ и всеобщимъ гнетомъ двадцатыхъ годовъ и отличается исключительно республиканскимъ характеромъ; крайній абсолютизмъ одной стороны вызвалъ крайнюю республику съ другой. Маццинистскія движенія удавались ненадолго; это была реакція не довольно созрѣвшая внутри и, кромѣ того, постоянно встрѣчавшая сильный отпоръ въ европейской политикѣ. Въ противоположность маццинизму, новая Италія требуетъ только конституціонныхъ вольностей и выше безусловной свободы ставитъ національное единство. Маццини хотѣлъ того и другаго вдругъ; но теперь, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что итальянская республика невозможна въ настоящее время. Онъ дѣйствовалъ въ особенности на молодежь, которая скорѣе увлекается поэтической доктриной; теперь, въ безпрестанныхъ выборахъ, является на сцену гораздо болѣе значительная масса населенія, какъ политическая сила — благоразумный классъ пропрьетеровъ, людей осторожныхъ вообще, наконецъ аристократія, наклонная къ извѣстному консерватизму, который не такъ легко вяжется съ республикой.

Именно теперь попадается мнѣ нумеръ журнала (il Secolo, 8 окт.), гдѣ приводится отрывокъ изъ письма, которое недавно написалъ Маццини къ королю сардинскому. Было время, когда онъ обращал-

ся также къ Карлу-Альберту, къ ПіюIX; но его надежды жестоко были обмануты, и теперь онъ съ сочувствіемъ обращается къ Виктору-Эммануилу. Онъ не могъ остаться чуждымъ успѣхамъ итальянскаго единства; онъ желаетъ довести ихъ до конца, потому пишетъ къ сардинскому королю, какъ итальянецъ, которому отечество дороже личныхъ убѣжденій; но, при всемъ этомъ, онъ остается здѣсь же неисправимымъ энтузіастомъ. Я позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ этого письма, очень длиннаго, какъ всѣ письма Маццини, но пронкнутаго глубокимъ патріотизмомъ и иногда весьма поэтическаго.

....«Вы сильны теперь, государь — говоритъ Маццини послѣ первыхъ строкъ — всѣмъ непобѣдимымъ могуществомъ двадцати-шести милліоновъ народа, согласнаго въ одномъ желаніи; вы сильнѣе, чѣмъ кто нибудь изъ другихъ государей Европы, потому что никто изъ нихъ не владѣетъ теперь такой любовью собственнаго народа, какую вы могли бы возбудить однимъ словомъ: единство.... Италія ищетъ единства. Она хочетъ составить націю единую и свободную. Богъ опредѣлилъ это единство, заключивши насъ между вѣчными Альпами и вѣчнымъ моремъ. Исторія написала единство на стѣнахъ Рима, и идея единства выходила изъ него съ такимъ могуществомъ, что, переступая предѣлы отечества, она два раза соединяла Европу. Во имя единства полстолѣтія умираютъ съ улыбкой на лицѣ наши лучшіе люди, на висѣлицахъ и съ оружіемъ въ рукахъ, отъ Мессины до Венеціи, отъ Мантуи до Сапри. Во имя единства, мы, лишенные средствъ и вліянія, преслѣдуемые и сто разъ пораженные, освящали и поддерживали такое, все возрастающее, волненіе въ Италіи, что сдѣлали изъ итальянскаго вопроса вопросъ европейскій и доставили вамъ и вашимъ ту почву, которая приноситъ теперь вамъ плодъ славы и могущества.

«Единство есть желаніе и стремленіе всей Италіи. Одно отечество, одно національное знамя, одни трактаты, мѣсто между народами Европы, Римъ какъ метрополія — вотъ символъ каждаго итальянца.

«Хотите имѣть Италію, государь? имѣть ее блестящую энтузіазмомъ, довѣріемъ и подвигами? имѣть ее такою могущественной, что всякая дипломація остановится передъ ней со страхомъ, всякое враждебное намѣреніе исчезнетъ? Рѣшайтесь.

«Осторожность есть добродѣтель временъ и положеній нормальныхъ. Смѣлость есть геній сильныхъ въ трудныхъ обстоятельствахъ. Народы слѣдуютъ за ней, потому что видятъ въ ней указаніе того,

кто не покидалъ ея въ опасности. Довѣріе рождаетъ довѣріе. Времена созрѣли для предпріятія, въ силѣ *инициативы* заключается тайна побѣды.

«Италія знаетъ васъ какъ героя въ битвѣ, знаетъ, что для чести вы готовы пожертвовать вашей жизнью. Въ тотъ день, когда вы будете готовы, для національнаго единства, пожертвовать вашей короной, вы пріобрѣтете корону Италіи.»

Однимъ словомъ, Маццини все-таки совѣтуетъ открыть революціонную войну; король сдѣлается диктаторомъ огромнаго революціоннаго движенія, которое должно обнять всю Италію безъ исключенія, и тогда цѣль будетъ достигнута: какъ король или президентъ, побѣдитель будетъ главой одной Италіи, одной цѣлой національности.

Въ этой строгой вѣрности однажды принятому принципу есть свое великое достоинство; можно только жалѣть, что принципъ всегда былъ непрактиченъ. Теперь въ особенности положеніе Италіи не допускаетъ его приложенія, и воззваніе Маццини едва ли найдетъ много приверженцевъ. Итальянцы стали осторожны; у народа недостало революціонной смѣлости, или просто онъ счелъ ее неблагоразумною и вредною.

Обстоятельства нынѣшней войны сложились такъ, что для большинства стало ясно, на что нужно было рѣшиться. Возвращеніе герцоговъ, сражавшихся противъ своихъ подданныхъ при Сольферино, было слишкомъ нелѣпо, а между тѣмъ, нужна была опора противъ Австріи и противъ нихъ, и отсюда объясняется отсутствіе партій и единодушное рѣшеніе присоединиться къ Піемонту. Это единодушіе продолжается и до сихъ поръ: тосканскіе журналы, и даже вообще журналы средней и сѣверной Италіи, остаются еще подъ вліяніемъ свѣжихъ фактовъ, и, читая флорентинскій Risorgimento, туринскій Opinione или Lombardia, вы не найдете между ними никакой разницы въ направленіи. Это очень естественно, когда опасность еще грозитъ и начатое дѣло не кончено. Оттѣнки явятся впослѣдствіи, когда общенаціональный вопросъ уступитъ мѣсто болѣе частнымъ интересамъ. Въ общемъ вопросѣ существуетъ только одно разногласіе, и разногласіе очень вопіющее, между либеральной прессой и клерикальными журналами. Мы еще возвратимся къ нему.

Политическая свобода подѣйствовала, разумѣется, самымъ благопріятнымъ образомъ на политическую литературу. Брошюры, листки, адресы, письма, гимны, пѣсни, появившіяся съ начала войны и

особенно съ 27 апрѣля, надобно считать цѣлыми сотнями. До сихъ поръ по каждому замѣчательному случаю появляются все новые листки; портреты Виктора-Эммануила наводняютъ весь городъ; проходитъ слухъ, что Евгеній Савойскій будетъ назначенъ регентомъ въ герцогствахъ—появляются его портреты; празднуется память Манина—является нѣсколько стихотвореній о Манинѣ. Какъ примѣръ, мы приводимъ для любознательнаго читателя сонетъ по случаю водруженія сардинскаго знамени во Флоренціи. Несравненныя качества языка, мнѣ кажется, спасаютъ даже эти стихотворенія, которыя иначе были бы наконецъ несносны (*). Въ via Calzajoli, одной изъ самыхъ многолюдныхъ улицъ Флоренціи, около Palazzo Vecchio, у лавочекъ, гдѣ продаются журналы, всегда собирается густая толпа народа, читаетъ новости, новыя постановленія и новые сонеты, объясняетъ каррикатуры. Флоренція теперь постоянно напоминаетъ мнѣ Парижъ тѣхъ дней, когда получались извѣстія о Маджентѣ, Монтебелло, Сольферино; нѣтъ только оглушающаго крика разносщиковъ газетъ: grandes nouvelles d'Italie и проч. Люди извѣстные и неизвѣстные, признанные и непризнанные, поэты и политики бросились выражать свои надежды и предположенія, какъ только печать могла предложить имъ свои услуги. Все это наполнено однимъ чувствомъ и одной мыслью — о единствѣ, независимости, свободѣ; ненависть къ нѣмцамъ и ихъ лотарингскому представителю въ Тосканѣ высказывается въ весьма единодушныхъ филиппикахъ. Журналы остались, конечно, хладнокровнѣе; но и они столь же горячо и исключительно преданы національному единству. Журнальная дѣя-

---

(*) Вотъ этотъ сонетъ, одинъ изъ множества другихъ подобныхъ; читатель можетъ, впрочемъ, видѣть, что сонетъ не совсѣмъ лишенъ поэзіи.

Striscia per l'aere il lampo, ovunque il vento
Imperversa furioso; orrendo e tristo
Il fulmine percorre il firmamento
Al tuonar spesso e a fitta pioggia misto. (Мы замѣтили, что въ это время была сильная буря.)
In tanto spaventovole momento
Sul Sion raggiante di chiaror fu visto
Dettar leggi ai mortali e il giuramento
Il Dio del Mondo, il Genitor di Christo.
Simile al di che al misero mortale
La via additava del celeste impero
Il Supremo Fattore e scampo al male,
Fù o Fiorenza per te quel di che altero
Il popol Sazio d'un servir fatale
Davati un Re che non è Re straniero.

тельность теперь сильно развилась во Флоренціи: il Monitore toscano, L'Independenza, la Nazione, il Risorgimento — главные флорентинскіе журналы. Послѣ оффиціальнаго «Монитёра» важнѣйшій изъ нихъ «Risorgimento» («Воскресеніе»), который издается въ форматѣ большихъ французскихъ газетъ и богаче всѣхъ другихъ по содержанію; его корреспонденціи со всѣхъ концовъ Италіи всегда очень дѣльны и любопытны. Съ 1 октября началъ выходить новый журналъ, «il Secolo». Я приведу нѣсколько словъ изъ его программы, чтобы дать вообще понятіе о программѣ всѣхъ флорентинскихъ журналовъ въ настоящую минуту.

«Органъ общественныхъ желаній и вѣчнаго разума народовъ, нашъ журналъ, говоритъ «il Secolo», будетъ твердой подпорой ихъ. Защитникъ единства и независимости нашей Италіи, онъ будетъ главнымъ образомъ помогать и подвигать впередъ великое дѣло итальянскаго искупленія, въ томъ видѣ, какъ оно спокойно и правильно идетъ теперь. Будучи убѣждены, что именно этимъ способомъ оно вѣрнѣе можетъ быть приведено къ доброму концу, мы замѣтимъ также здѣсь, что принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые вѣрятъ, что наше отечество призвано къ высокому предназначенію, тѣмъ болѣе высокому, чѣмъ бѣдственнѣе была его участь, но что поэтому Италія должна со всѣмъ благоразуміемъ и со всѣми усиліями приготовиться къ нему; мы думаемъ, что никогда итальянцамъ не нужно бо̀льшей осторожности и вмѣстѣ большей энергіи, что никогда, такъ близкіе къ цѣли, они не встрѣчались съ бо̀льшими опасностями, которыя тѣмъ страшнѣе, что могутъ явиться не отъ чужеземцевъ, а изъ среды насъ самихъ.

«Только единство и согласіе въ цѣли и средствахъ могутъ дать народу силу и сдѣлать его своимъ господиномъ; потому мы будемъ проводить и поддерживать ихъ со всѣмъ стараніемъ и безъ всякихъ исключеній. И, чтобы это дѣло было прочно и твердо, мы желаемъ побѣды и успѣха той здравой свободѣ, которая служитъ первымъ, даже единственнымъ условіемъ счастія народовъ.»

Маленькіе журналы продолжаютъ вести партизанскую войну съ старыми преданіями. Во Флоренціи издаются теперь три каррикатурные журнала: «il Momo», «la Lerte» и «l'Arlecchino». Послѣдній даетъ иногда забавныя каррикатуры и лучше другихъ листковъ. Недавно нарисовалъ онъ галлерею, составленную изъ бюстовъ, въ австрійскихъ мундирахъ, но безъ головъ; галлерею смотритъ форестьера съ чичероном̀ъ, и между ними идетъ слѣдующій разговоръ:

— Sono mummie d'Egitto codeste non è vero?

— Che! Son busti di rimembranze atifiche.

— Come? se non hanno testa?

— So assai io gli ho sempre visti che non l'hanno mai acreta. (**)

Впрочемъ самый смѣлый и наиболѣе остроумный изъ этихъ листковъ есть туринскій il Fischietto («Свистокъ»), котораго «мѣсячныя обозрѣнія» бываютъ дѣйствительно забавны. Отъ него постоянно жестоко достается его личнымъ врагамъ, клерикальнымъ журналамъ. Онъ рисуетъ Австрію въ видѣ женщины, балансирующей на носу стулъ (Венеція), на которомъ очень неловко чувствуетъ себя австрійскій солдатъ; онъ рисуетъ Кавура, дожидающагося «на водахъ» окончанія дипломатическихъ переговоровъ и обросшаго грибами отъ долгаго ожиданія; представляетъ новый крестовый походъ (предполагаемый противъ Болоньи), воины котораго составлены изъ особъ, совершенно похожихъ на дона-Базиліо; изображаетъ даму, усердно играющую на органѣ (Монитёръ), съ надписью: ohe, l'amie! I timpani delle orecchie d'Europa sono ormai disorganizzati dalle stuomature del tuo organo и т. п. Свистокъ очень ловко осмѣиваетъ теперь разныя козни и происки клерикальный партіи по поводу событій въ Романьѣ, ея толки о царствѣ небесномъ и объ адѣ, которыми она старается соблазнить и запутать своихъ кліентовъ, ея дружбу съ старыми барынями, которыхъ она заставляетъ подписывать политическіе адресы, и т. п.

Какъ только наступила свободная печать, журналы наполняются множествомъ чрезвычайно любопытныхъ документовъ изъ временъ стараго режима. Исторія пріобрѣтаетъ въ нихъ много интересныхъ подробностей объ управленіи, давившемъ Италію со времени вѣнскаго конгресса. Первый примѣръ данъ былъ Моденомъ и Пармой. Въ моденской газетѣ начали появляться разныя тайныя распоряженія и корреспонденція герцоговъ Франческо IV и V, которыя были бы невѣроятны по своей нелѣпости, если бы читатель не имѣлъ передъ глазами самыхъ документовъ. Франческо изо всѣхъ силъ заботился о поддержаніи своего строгаго самодержавія; онъ давалъ точныя инструкціи о томъ, какъ слѣдуетъ поступать съ «подозрительными», и даже самъ собственноручно написалъ наставленіе о томъ, какъ должно содержать ихъ въ тюрьмѣ: онъ съ большимъ удовольствіемъ пересчитываетъ и указываетъ тюремныя наказанія для

(**) То есть въ переводѣ:

— Что это?—египетскія муміи, неправда ли?

— Какое! это бюсты старой памяти.

— Да у нихъ нѣтъ головъ.

— Я очень знаю: я всегда видѣлъ, что у нихъ головъ никогда не было.

тѣхъ, кто будетъ обнаруживать нераскаяніе и упорство. Для итальянскихъ читателей эффектъ документовъ увеличивается безпрестанными ошибками въ языкѣ. Не менѣе любопытна переписка съ министрами и вѣнскимъ дворомъ: въ ней постоянно виденъ не итальянскій государь, а просто австрійскій эрцгерцогъ, исполняющій всѣ желанія вѣнской политики. Недавно напечатанъ былъ также манифестъ Франческо IV къ его подданнымъ по случаю землетрясенія, бывшаго въ Моденѣ въ 1832 года. Онъ пользуется этимъ случаемъ для отеческаго нравоученія своимъ amati sudditi и объясняетъ имъ, что землетрясеніе, какъ всѣмъ извѣстно, есть бичъ, посылаемый небомъ для наказанія нечестія, гордости и того духа неповиновенія, который, какъ дѣло демона, распространяется теперь по всему міру и подъ видомъ сладости отравляетъ и губитъ душу: отсюда выводится надлежащее нравоученіе для его подданныхъ. Этихъ немногихъ документовъ (а ихъ очень много) уже достаточно, чтобы объяснить всю тяжесть существованія, на которое обречена была несчастная сѣверная Италія подъ господствомъ грубой силы, іезуитизма и невѣжества. Пармскій журналъ также вынужденъ былъ оправдать нынѣшнее положеніе вещей актами стараго правительства. Уже прежніе циркуляры Кавура и пармскаго собранія, сколько противъ нихъ ни спорили орлеанистскіе журналы въ Парижѣ, ярко доказали если не явную злонамѣренность правительства въ отношеніи къ народу, какъ это было въ Моденѣ и Тосканѣ, по крайней мѣрѣ, анти-національность его, теперь столько же несносную для итальянцевъ. Здѣсь недавно обнародована была переписка пармскаго правительства уже во время приготовленій и начала войны: переписка очень краснорѣчиво говоритъ противъ Бурбоновъ.

Литература собственно остается, конечно, въ прежнемъ положеніи; оживленіе ея ограничивается пока множествомъ стихотвореній, пѣсенъ и сонетовъ на разные случаи. Публика довольствуется старыми любимцами: Джусти, Никколини, Алеарди. Они получили особенный интересъ въ настоящее время, какъ проповѣдники итальянской національности. Тѣ изъ поэтовъ-патріотовъ, которые дожили до исполненія своихъ мечтаній, вызываютъ теперь восторженное участіе соотечественниковъ: Алеарди получаетъ торжественные адресы, кремонская муниципія подноситъ ему право гражданства. Теперь приготовляется къ изданію переписка Джусти, печатаются неизданные сонеты Никколини и т. д. Замѣчательныя литературныя явленія послѣдняго времени исключительно посвящены современной исторіи и политикѣ. Теренціо Маміани издалъ книгу «Di un nuovo diritto Europeo, гдѣ разбираетъ всѣ вопросы, которые въ настоя-

щую минуту такъ различно толкуются европейской дипломаціей въ приложеніи къ итальянскимъ дѣламъ: о національности, о правахъ государей, о конгрессахъ и трактатахъ, правѣ вмѣшательства, отношеніяхъ церкви и государства и въ заключеніе «о лучшемъ человѣческомъ обществѣ и о принципѣ народности». Брофферіо продолжаетъ издавать J miei tempi. Гверрацци излаетъ брошюры по поводу современныхъ событій; его Ricordi al popolo Toscano заключаютъ много благоразумныхъ совѣтовъ тосканскому народу. Любопытна также брошюра о Леопольдѣ Второмъ. Томмасео дѣятельно пишетъ въ разныхъ журналахъ, раздѣляя общее направленіе нынѣшнихъ публицистовъ. Галеотти издалъ любопытную книжку въ оправданіе тосканскаго національнаго собранія отъ ретроградовъ, которые подвергали сомнѣнію правильность его состава. Дженнарелли занимается римскимъ вопросомъ и старается объяснить публикѣ настоящій смыслъ этого запутаннаго дѣла; онъ приготовляетъ теперь двѣ интересныя вещи: J lutti dello stato Romamo del 1849 al 1859 и Sulle scomuniche e sul governo temporale del papa. Наконецъ извѣстный публицистъ Цоби издаетъ подробную исторію послѣдняго времени подъ заглавіемъ Cronaca degli avvenimenti d'Italia, nel 1859. Эта книга начала недавно выходить выпусками, снабжена всѣми важными оффиціальными актами и составитъ обширную документальную исторію итальянскаго вопроса.

Надобно думать, что съ тѣмъ важнымъ шагомъ, который теперь въ первый разъ дѣлаетъ вопросъ объ итальянской національности, когда она получаетъ господство надъ умами, какъ положительный фактъ, роль литературы должна будетъ измѣниться, и она воспользуется должными результатами. До сихъ поръ даже внѣшнее положеніе лучшихъ людей въ литературномъ мірѣ было весьма неутѣшительно: что могло являться въ Римѣ, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ «Священной Коллегіей» и съ «Индексомъ», или въ Неаполѣ, гдѣ не только писатели или публицисты, но даже пѣвицы считаются *опасными для спокойствія государства* (*), и гдѣ писатели періодически подвергаются поголовному преслѣдованію, какъ люди подозрительные. Цензура строга невообразимо. Не всѣ бывали такъ счастливы, какъ Манцони или Чезаре Канту, которыхъ имена стояли слишкомъ высоко и которыхъ не рѣшилась тронуть австрійская полиція. Неудивительно, что въ послѣдніе годы даже даровитѣйшіе люди нача-

---

(*) Буквально такое рѣшеніе было недавно принято въ Неаполѣ противъ одной пѣвицы, которая должна была пѣть въ «Пророкѣ», т. е. «Осадѣ Гента».

ли дезертировать въ иностранныя литературы. Феррари написалъ свою итальянскую исторію по французски; Руфини пишетъ по англійски и, сколько я знаю, до сихъ поръ не переведенъ на итальянскій. Руфини, кажется, мало извѣстенъ и у насъ. Онъ выступилъ очень недавно на литературное поприще, какъ авторъ романа, который онъ написалъ по англійски, подъ заглавіемъ «Лоренцо Бенони, записки итальянскаго заговорщика». Романъ имѣлъ успѣхъ въ англійской литературѣ, а потомъ и во французской: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вышелъ второй переводъ «Лоренцо Бенони». Въ прошломъ году вышелъ новый романъ его «Докторъ Антоніо». Оба взяты изъ итальянской жизни, оба разсказываютъ существованіе итальянскаго заговорщика, — существованіе, наполненное благородными и напрасными стремленіями, горячей любовью къ народу и свободѣ, наконецъ безплодной борьбой. Первый и замѣчательнѣйшій романъ Руфини относится къ двадцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія, второй — къ неаполитанской революціи 48 года. Дѣйствіе «Лоренцо Бенони» въ Генуѣ, въ старомъ Піемонтѣ двадцатыхъ годовъ, походившемъ тогда на всѣ другія итальянскія государства, съ правительствомъ въ родѣ нынѣшняго неаполитанскаго или венеціанскаго. Авторъ представляетъ очень живо печальную картину господства іезуитовъ и жандармовъ, нетерпѣливую покорность общества и угнетеніе народа. Онъ начинаетъ съ разсказа о своемъ воспитаніи, объ іезуитской коллегіи и университетѣ, разсказываетъ о своемъ неудачномъ политическомъ дебютѣ, о заговорахъ и карбонаріяхъ, знакомитъ читателя съ любопытной личностью своего друга Фантазіо, подъ именемъ котораго изображенъ, съ любовью и, кажется, вѣрно, Маццини. Вся книга имѣетъ видъ правдивой автобіографіи, и это еще болѣе увеличиваетъ интересъ романа, который становится для читателя живой исторіей. Автора обвиняютъ нѣкоторые критики въ сантиментальности и излишней драмѣ; но для насъ этотъ недостатокъ совершенно выкупается достоинствами разсказа. Да развѣ и нѣтъ элементовъ для раздирающей драмы въ этой жизни, состоящей изъ угнетенія, заговоровъ, казней, изгнанничества? Это не исключительное событіе, не анекдотъ, а исторія, къ сожалѣнію, очень общая. Прочитайте другіе, чисто историческіе мемуары разныхъ политическихъ людей Италіи, біографію Гарибальди, записки другаго итальянскаго генерала, издавшаго недавно свою интересную Одиссею: развѣ это не драма? Для множества итальянцевъ эмиграція и изгнанничество давно стала какъ будто нормальнымъ состояніемъ. Они эмигрируютъ въ Европу, какъ бѣдняки изъ Ирландіи и Германіи эмигрируютъ въ Америку. Эмиграція стала наконецъ пред-

метомъ исторіи. Вышло недавно начало изданія, посвященнаго «исторіи итальянской эмиграціи съ древнихъ временъ».

Журналы производятъ вообще благопріятное дѣйствіе на расположеніе умовъ. Осторожность заставляетъ ихъ быть очень внимательными къ себѣ и другимъ журналамъ, и они удерживаютъ всякое увлеченіе или ошибку, которыя могли бы произвести дурное впечатлѣніе. Такъ они возстали недавно противъ Opinione, который напечаталъ весьма рѣзкую корреспонденцію изъ Болоньи, направленную противъ Чиприани и, кажется, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ пристрастную. Что касается до ретроградовъ, они, конечно, не исчезли и даже продолжаютъ дѣйствовать; но обличеніе правительства и журналовъ останавливаютъ ихъ рѣшительно. Недавно правительство само предупреждало тосканцевъ о разныхъ злонамѣренныхъ слухахъ и толкахъ въ пользу стараго порядка и поручало ихъ благоразумію уничтожать запоздалыя попытки. Ретрограды только доставляютъ отъ времени до времени злостныя кореспонденціи въ Allgemeine Zeitung, которая имъ радуется, но, конечно, не надолго. Самый любопытный документъ о дѣйствіяхъ этой партіи есть, безъ сомнѣнія, рапортъ флорентинскаго префекта министру внутреннихъ дѣлъ о пребываніи во Флоренціи графа Понятовскаго.

Его интриги въ пользу низложенной династіи, такъ долго составлявшія загадку для журналовъ, явились, дѣйствительно, въ смѣшномъ колоритѣ, когда переданы были подробности о визитахъ, которые ему дѣлались, о собраніи подписей, которыми можно было воспользоваться для демонстраціи. Въ дѣлѣ замѣшаны люди, можетъ быть, почтенные, но, во всякомъ случаѣ, не имѣющіе политической важности: цирульники, камердинеры и т. п.; собранныя имена по большей части были столь же значительны или даже выдуманы. Однимъ словомъ, демонстрація окончательно неудалась. Теперь если между флорентинцами и остались люди, желающіе возстановленія династіи, они ограничиваются ближайшими слугами и приверженцами стараго правительства, для которыхъ оно было выгодно въ матеріальномъ отношеніи.

Существенный раздоръ, котораго разнообразные факты обнаруживаются во всей свободной Италіи, происходитъ отъ оппозиціи духовенства. Вражда либераловъ — т. е. въ настоящее время цѣлой массы общества, съ клерикальной партіей (partito pretino), разумѣется, гораздо старѣе теперешняго вопроса. Начало вражды теряется почти «во мракѣ древности», и интересы обѣихъ сторонъ такъ противоположны, что онѣ встрѣчаются враждебно въ каждомъ важномъ предметѣ общественной жизни и цивилизаціи. Клерикальные италь-

янскіе журналы (L'Armonia, Campanile, Cattolico, савойскій Bon sens и др.) совершенные двойники парижскихъ Univers, Ami de la religion, Gazette de France и не уступаютъ имъ ни въ фанатизмѣ, ни въ другихъ ультрамонтанскихъ качествахъ. Главный изъ нихъ, L'Armonia, издается въ Туринѣ дономъ Марготти, авторомъ курьёзной книги Le vittoiee della Chiesa (исторія правленія Пія IX) и давнишней басней итальянскихъ журналовъ. Донъ Марготти—ревностный защитникъ папскихъ интересовъ и интересовъ римской церкви, понимаемыхъ по своему, и можетъ быть названъ мученикомъ своего дѣла: въ неклерикальномъ вообще Туринѣ его «Гармонія» представляетъ весьма дикій контрастъ съ либеральной прессой и побивается ею на каждомъ шагу, на каждомъ словѣ. Книга Марготти о побѣдахъ церкви есть замѣчательное въ своемъ родѣ произведеніе. Заглавіе книги показываетъ точку зрѣнія, съ которой авторъ объясняетъ политическія и общественныя событія. Авторъ, конечно, всѣми средствами превозноситъ нетолько церковную сторону дѣйствій римскаго престола, но и его государственное управленіе: по его словамъ, оно не только не имѣетъ тѣхъ недостатковъ, въ которыхъ упрекаютъ его злонамѣренные люди, подкапывающіе его кредитъ, но даже могло бы служить образцомъ для европейскихъ государствъ. Именно такими же словами говорилъ недавно одинъ изъ французскихъ епископовъ, поднявшихся теперь на защиту мірской власти римскаго престола. Но Марготти несравненно любопытнѣе ихъ, тѣмъ, что проводитъ свой взглядъ на цѣлый большой томъ, по всѣмъ вѣтвямъ папскаго управленія и доказываетъ все то, чего никакъ нельзя доказать; благосостояніе страны, довольство жителей, участіе мірянъ въ управленіи, отсутствіе разбоевъ и т. д. Онъ доходитъ наконецъ до того, что, унижая постоянно протестантскія государства въ сравненіи съ Римомъ, приводитъ сравнительную таблицу издержекъ двора въ Англіи и въ Римѣ, чтобы поразить читателя скромностью послѣдняго. Цифры, дѣйствительно, очень далеки одна отъ другой; но, не говоря о другихъ разницахъ между двумя государствами, очень забавно упускаетъ изъ виду донъ Марготти, что англійская королева дама семейная, а папа, сколько извѣстно, холостякъ. Изъ этого примѣра можно видѣть, какъ разсуждаютъ эти господа; а они составляютъ обширную партію: она распространена здѣсь столько же, какъ во Франціи, если не больше, и въ случаѣ надобности можетъ доставить кому нужно цѣлую толпу слѣпыхъ фанатиковъ.

Понятно, въ какое бѣшенство приведены были ультрамонтаны послѣдними событіями: паденіемъ тосканской и моденской династій, дорогихъ имъ въ качествѣ австрійскихъ, и особенно отдѣленіемъ

Болоньи. Судьба несчастной Перуджіи показала достаточно, на что способна христіанская любовь римскаго правительства. Той же участи подверглась бы и Болонья, если бы только достало силы. Giornale di Roma давно игнорировалъ присоединеніе Романьи къ Пьемонту, хотя правительство уже собрало войско противъ Римини; теперь папа въ рѣчи къ собранію кардиналовъ уже призвалъ на Романью тяжкія церковныя наказанія. Ультрамонтановъ много во Франціи, въ Бельгіи, но они нигдѣ не приносятъ столько вреда, какъ въ Италіи: столкновенія ихъ съ массой народа происходятъ безпрестанно, и, становясь всегда на сторону анти-національную, они могутъ вызвать весьма печальные результаты. Вы знаете о сентябрьскомъ волненіи въ Бергамо: подобные, хотя менѣе рѣзкіе, факты, повторяются безпрестанно. Каждый разъ, когда народъ хочетъ религіознымъ торжествомъ выразить свое сочувствіе къ политическимъ событіямъ, епископъ противится, открывается скандалъ, и безпорядокъ дошелъ бы до крайнихъ предѣловъ, если бы между итальянскимъ духовенствомъ не было достаточно развитыхъ людей, которые принимаютъ сторону народа и удовлетворяютъ его желаніямъ. Напримѣръ, недавно въ Реджіо муниципія пригласила горожанъ къ Te Deum въ каѳедралѣ, по случаю отвѣта короля моденской депутаціи; но черезъ полчаса она пригласила ихъ въ Санъ-Просперо, потому что епископъ и каноники не хотѣли согласиться на Te Deum по такому случаю. Въ городѣ тотчасъ же появились объявленія : mai più a messa in duomo — никогда больше не ходить къ мессѣ въ соборъ, и прокламаціи, сдѣланныя самими горожанами. Образчикъ ихъ приведенъ былъ въ здѣшнихъ газетахъ :

«Принимая во вниманіе, что епископъ не хочетъ, чтобы въ соборѣ молились за отечество, а только за Франческо V и за Австрію,

«Поставляется:

«Будетъ объявленъ врагомъ отечества тотъ, кто войдетъ въ каѳедралъ», и онъ,—дѣйствительно, остался пустъ: вся толпа была въ Санъ-Просперо. Недавно также во всѣхъ значительныхъ городахъ сѣверной Италіи происходили торжественныя мессы въ память Даніэля Манина, знаменитаго диктатора Венеціи. Мессы были въ городахъ, принадлежащихъ Австріи, въ самой Венеціи; но въ одномъ изъ свободныхъ городовъ епископъ отказывался отъ церемоніи, отговариваясь незнаніемъ о смерти Манина! Въ Неаполѣ, этой классической странѣ чудесъ въ наше невѣрующее время, духовные партизаны свѣтскаго папы увѣряютъ народъ, что въ Болоньи совершаются чудеса, что нѣсколько демагоговъ пали мертвыми, приблизившись къ алтарю Мадонны, что самъ Гарибальди пораженъ былъ апо-

плексіей, преступивши не помню какое правило церкви. Толпа, чрезвычайно неразвитая въ Неаполѣ, пожалуй, вѣритъ всѣмъ подобнымъ выдумкамъ, какъ вѣритъ въ кровь св. Януарія.

Самымъ важнымъ поводомъ къ борьбѣ, уже начавшейся теперь, было, конечно, дѣло Романьи. Въ Римѣ еще надѣются, что провинціи вернутся къ прежнему повиновенію; на дѣлѣ это возвращеніе къ старому возможно только при вооруженной силѣ. Въ итальянскомъ духовенствѣ, какъ во французскомъ, уже много людей, совершенно отдѣляющихъ вопросъ католицизма отъ вопроса о свѣтскомъ государствѣ папы: между такими людьми былъ во Франціи Равиньянъ, котораго не могли бы заподозрить самые ярые ультрамонтаны. Знаменитая идея о переводѣ папы въ Іерусалимъ нашла горячаго проповѣдника также въ аббатѣ. Общество, конечно, еще болѣе свободно отъ предразсудка, который покидаютъ даже ревностные духовные. Въ Романьѣ, наиболѣе развитой части Папскихъ Владѣній, мысль о секуляризаціи очень стара, и теперь журналистика употребляетъ всѣ усилія, чтобы разрушить фантомъ, отъ котораго дипломатія, къ сожалѣнію, далеко не такъ свободна, какъ всѣ порядочные люди. Что сказала бы Франція — говорятъ публицисты Болоньи, обращаясь къ своимъ католическимъ братьямъ, — если бы правительство ея предложило возвратить папѣ Авиньйонъ? Между тѣмъ, ничего не можетъ быть справедливѣе, если только допускать церковно-политическія права папы. Авиньйонъ принадлежалъ Риму до самаго 1792 г., когда декретъ Національнаго собранія присоединилъ его къ французской территоріи. Франція оперлась бы, конечно, на принципы 1789 г. и договоры 1815; но отговорка была бы болѣе политическая, чѣмъ приличная вѣрующему католику; что сказали бы французы, если бы прелаты взялись за должность префектовъ, кардиналы получили гражданскую власть, начали собирать у себя общество, посѣщали спектакли и въ заключеніе обирали народъ? Они, конечно, вспомнили бы о конкордатѣ. Французы, дѣйствительно, не всегда представляютъ себѣ достаточно ясно всѣ подобныя неудобства папскаго управленія, и, напримѣръ, даже порядочные журналы, какъ «Débats», разрѣшаютъ иногда это дѣло гораздо умѣреннѣе, чѣмъ требуетъ его сущность. Полуоффиціальная брошюра: «Napoléon III et l'Italie», знакомая очень хорошо съ обстоятельствами, предлагала три средства для устраненія всѣхъ затрудненій, не лишая папу свѣтской власти: первое «помирить правленіе церкви съ законнымъ и правильнымъ политическимъ управленіемъ въ Папскихъ Владѣніяхъ», — другими словами, папа долженъ бы дать конкордатъ, который бы ограничивалъ власть его какъ папы; второе — «сдѣлать

папу независимымъ отъ вопросовъ національности, войны, вооруженія, защиты внутренней и внѣшней», — но это опять значитъ лишить папу его вліянія, за которое онъ стоитъ такъ упорно; третье — «устроить туземную армію и замѣнить французское войско покровительствомъ серьёзной и дѣйствительной итальянской силы», — но католики думаютъ, что для папы унизительно такое покровительство ; да и изъ кого набрать въ туземную армію для покровительства папѣ — изъ римлянъ, противъ которыхъ собственно и держится французское войско? До сихъ поръ папу поддерживали только австрійцы, французы и швейцарцы.

Когда Викторъ-Эммануилъ, принявъ романскую депутацію и отдавши все должное уваженіе папѣ, какъ государь католическій, взялъ на себя дѣла Романьи, какъ государь итальянскій, ультрамонтанскіе журналы сильно взволновались, говорили о нарушеніи божественнаго права, о расхищеніи достоянія св. Петра. Либеральные журналы справедливо замѣчали на это, что царство Іисуса Христа было, по Его собственнымъ словамъ, «не отъ міра сего», а достояніе св. Петра заключалось въ одномъ хитонѣ и парѣ сандалій. Въ образчикъ языка либеральныхъ журналовъ, раздраженныхъ ханжествомъ клерикальной партіи, приводимъ возраженіе, сдѣланное ей въ Risorgimento: оно любопытно, какъ голосъ общаго мнѣнія.

«Нетрудно угадать—говоритъ онъ—какое будетъ поведеніе римскаго двора. Онъ будетъ взывать о святотатствѣ, такъ, чтобы его воззванія раздались во всѣхъ концахъ земли.

«Люди и государство составляютъ наслѣдственную *собственность*, составляютъ *имѣнье*. вещь, принадлежащую клиру, нѣчто низшее, чѣмъ онъ. Кто касается ихъ—отлученъ отъ церкви; потому предаются проклятію тѣ, кто сдалъ въ архивъ гербы св. отца, кто объявилъ, что не желаетъ болѣе папскаго правительства, кто провозгласилъ себя свободнымъ, кто, готовый защищать свое дѣло оружіемъ, избралъ себѣ другаго короля, и наконецъ самый этотъ король, который принялъ поступокъ народовъ какъ законный, право, ему переданное, какъ неоспоримое и святое.

«Римскій дворъ можетъ, однако, взывать изъ своихъ консисторій, можетъ пускать въ ходъ всѣ усилія, чтобы возстановить свои невѣроятныя и безумныя теоріи: мы не вѣримъ, и міръ не вѣритъ больше въ отлученія, которыя посылаются столько же по человѣческимъ причинамъ, сколько по божественнымъ, столько же для увеличенія своей казны, сколько для славы евангелія, столько же, чтобы удержать на головѣ царскій вѣнецъ, сколько для болѣе

славнаго, даннаго Христомъ своимъ послѣдователямъ, вѣнца смиренія и любви. Міръ не обманываетъ себя больше, и изъ евангелія нельзя сдѣлать перепечатки, говорящей то, чего оно не говоритъ.

«Пусть скажетъ намъ римскій дворъ: когда въ 1797 году Наполеонъ I завоевалъ эти самыя провинціи, которыя теперь освободились, объявилъ ли Пій VI его и французскую армію отлученными отъ церкви? Нѣтъ. Ссылался ли тотъ же Пій VI на двадцать-второе засѣданіе Тридентскаго собора, которое теперь съ тріумфомъ носитъ римскій дворъ? Никто не думалъ о такомъ безсмысленномъ поступкѣ. Отказался ли Пій VI отъ права на эти провинціи? Да. Могъ ли бы онъ такъ сдѣлать, если бы они были неотчуждаемымъ достояніемъ церкви? Нѣтъ. Участвовала ли въ этомъ актѣ Священная Коллегія? Да. Еще: не подтвердилъ ли Пій VII дѣла Пія VI? Да. Не уступилъ ли Наполеону (который, по нынѣшнимъ теоріямъ, былъ бы больше, нежели отлученъ) права назначать епископовъ и архіепископовъ въ этихъ самыхъ провинціяхъ? Да, и это было въ 1803 году. Не отправился ли въ 1804 г. изъ Рима Пій VII, чтобы помазать на царство этого отлученнаго? Да. Кардиналъ Каррара, *какъ легатъ папы Пія* VII, не короновалъ ли въ Миланѣ этого самого Наполеона, какъ короля этихъ романскихъ провинцій, которыя онъ завоевалъ и занялъ? Да. И послѣ всѣхъ этихъ фактовъ, принадлежащихъ исторіи, намъ говорятъ, что государства и народы составляютъ неотчуждаемое достояніе церкви, что ipso facto отлучаются отъ церкви тѣ, кто вступается въ ея права, кто признаетъ въ себѣ право разума, врожденное народамъ, что отлучается и сардинскій король, принявшій ex jure добровольное подданство, имѣющее самое законное происхожденіе.

«Кардиналъ Антонелли могъ бы сберечь свое ученіе для Китая и для Индіи: на насъ оно уже не дѣйствуетъ, и средніе вѣка для насъ уже стали древностью.»

Очевидно, что люди, говорящіе такъ твердо, останутся неисправимы и средніе вѣка должны будутъ уступить. Какъ совершится эта побѣда новаго времени, какъ установится въ Италіи этотъ новый протестантизмъ своего рода, мы, конечно, скоро увидимъ.

Политика наконецъ проникла и въ театръ. Флорентинская сцена въ нынѣшнюю осень не представляетъ вообще ничего интереснаго: опера слаба, комедія и драма берутся большею частію изъ французскаго репертуара, изрѣдка обращаясь къ Гольдони; только народный театръ съ его Стентерелло хорошъ, какъ онъ бываетъ обыкновенно. Несмотря на то, благодаря политическимъ событіямъ, мнѣ случилось быть свидѣтелемъ весьма интереснаго спектакля. Это

была смѣлая политическая пьеса, какія рѣдко удается видѣть на самыхъ свободныхъ сценахъ. Въ мартѣ нынѣшняго года я видѣлъ подобный спектакль въ Берлинѣ, въ заведеніи Кроля, во время карнавала. Тогда еще ждали войны; нѣмецкая ревность къ Франціи была крайне возбуждена, и нѣмцы разъиграли комедію подъ заглавіемъ: «Anton! steck' den Degen ein!» гдѣ императоръ французовъ, исполненный въ высшей степени похоже желчнымъ комикомъ Гельмердингомъ, дѣйствовалъ какъ главное лицо фарса, съ другимъ императоромъ, Сулукомъ, и въ самой вульгарной обстановкѣ. Флорентинская пьеса была проникнута комизмомъ менѣе желчнымъ, но все-таки достаточно сильнымъ и наркотическимъ. Въ среду 28 сентября, театръ Кокомеро объявилъ новую пьесу: La guerra e la pace, *туринца* Федериго Гарелли (по привычкѣ къ старому раздѣленію, они всѣ еще означаютъ мѣстное происхожденіе авторовъ). Въ обыкновенномъ комическомъ сюжетѣ пьеса передаетъ всю исторію итальянскаго вопроса. Дѣйствующимъ лицамъ даны очень прозрачныя имена, подъ которыми зритель узнаетъ безъ труда, на кого указываетъ авторъ. Онъ вывелъ, такимъ образомъ, на сцену Піемонтъ, Францію, Англію, Австрію, Ломбардію, Римъ, Неаполь, Россію, Пруссію, Романью и Герцогства. Сюжетъ состоитъ въ слѣдующемъ. Молодая сирота Челестина Ломбарди страдаетъ подъ несносной опекой старой госпожи Скардассы — scardassare значитъ чесать шерсть, или, переносно, обирать — которая своимъ злобнымъ видомъ, своими цвѣтами, чернымъ на платьѣ и желтымъ на чепцѣ, тотчасъ дала понять публикѣ, кого она изображаетъ. Сирота не выдержала наконецъ мелкихъ преслѣдованій и обидъ и, узнавши о пріѣздѣ друга ея семейства кавальере Витторіо Леали, открыто отказывается отъ повиновенія своей опекуншѣ. Кавальере Витторіо явился въ сардинскомъ мундирѣ съ историческими длинными усами и столь же длинной испаньйолкой. Публика приняла съ восторженными рукоплесканіями этотъ симпатичный для нея портретъ. Кавальере передаетъ дѣвушкѣ трехцвѣтный букетъ, выражаетъ ей свое горячее сочувствіе и обѣщаетъ сдѣлать все для ея защиты — новыя рукоплесканія. Мадамъ Скардасса, пораженная отпоромъ своей воспитанницы, приглашаетъ на совѣтъ своихъ старыхъ друзей: синьйора Торменту, очень вѣрно изобразившаго неаполитанскаго короля Фердинанда, и профессора дона Лакриму, появленіе котораго на спенѣ встрѣчено было взрывомъ всеобщей веселости (*). Профес-

(*) Для объясненія его прозвища приводимъ извѣстіе объ этой личности въ одной изъ послѣднихъ римскихъ корреспонденцій: *egli è un santo uomo che non sa più che piangere, pregare ed invitare quelli che lo circondano alla rassegnazione.* Онъ, впрочемъ, извѣстенъ мягкостью и слабостью сердца.

соръ очевидно принадлежитъ къ клиру, какъ показываютъ его костюмъ и титулъ *дона*, прибавляемый обыкновенно къ именамъ духовныхъ лицъ; онъ имѣетъ видъ благодушія и кротости, подъ которыми видна, впрочемъ, хитрость и вмѣстѣ трусость. Актеръ, игравшій дона Лакриму, великолѣпно передавалъ эту клерикальную личность; вся внѣшность была очень удачно скопирована съ извѣстнаго подлинника, манеры котораго актеръ зналъ, кажется, хорошо. Товарищъ и другъ его большею частью бросаетъ только свирѣпые взгляды и односложныя восклицанія и, повидимому, неспособенъ ни къ долгой рѣчи, ни къ долгому размышленію. Когда ихъ пріятельница передала имъ свои опасенія, синьйоръ Тормента предлагаетъ ей для укрощенія воспитанницы своей способъ дѣйствій: «у меня въ домѣ всегда смирно; чуть кто подниметъ голосъ, я сажаю его въ отдѣльную комнату на хлѣбъ и на воду, и все проходитъ». Опекунша съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что въ ея случаѣ нельзя такъ дѣйствовать, что ея воспитанница дѣвушка взрослая. «Что̀ вы скажете объ этомъ, донъ Лакрима?» — Надобно сообразить, bisogna concepire, отвѣчаетъ святой отецъ, и публика предается неудержимому смѣху, который возбуждаетъ въ ней двоякій смыслъ послѣдняго слова, напоминающаго о недавно изобрѣтенномъ догматѣ Иммакулаты. Такимъ образомъ завязывается дѣйствіе. Послѣ разныхъ мѣръ съ той и другой стороны рѣшено было собрать совѣтъ, на который пригласили адвоката Москоне—похожаго на одного извѣстнаго дипломата—съ его секретаремъ Прусси. Происходитъ забавное засѣданіе, послѣ котораго адвокатъ объявилъ, къ удовольствію публики, что мадамъ Скардасса должна уступить. На совѣтѣ, кромѣ ея друзей, были также и друзья ея воспитанницы, кавальере Витторіо, полковникъ Луиджи и сэръ Джонъ. Синьойръ Тормента выражается односложными восклицаніями. Донъ Лакрима дѣлаетъ разныя методичныя предложенія для примиренія враговъ; но его постоянно обрываютъ, и онъ труситъ. Безпрестанные политическіе намеки дѣлаютъ эту сцену очень забавной. Донъ-Лакрима замѣчаетъ, напримѣръ, что Челестинѣ неприлично носить трехцвѣтный букетъ, который похожъ на символъ революціи; но ему напоминаютъ, что было время, когда онъ самъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, надѣвалъ эти цвѣты, и что потому они вовсе некстати вооружаются противъ нихъ. Опекунша, однако, не послушалась рѣшенія совѣта, и тогда обѣ стороны начинаютъ открытыя враждебныя дѣйствія. Опекунша заперла свою воспитанницу на ключъ; донъ Лакрима съѣздилъ къ настоятельницѣ монастыря и приготовилъ для непослушной келью. Но они ошиблись въ разсчетѣ: Витторіо, съ помощью Луиджи, похищаетъ Челестину, кавальере

вступаетъ съ ней въ законный бракъ, и Скардасса уничтожена. Донъ Лакрима восклицаетъ въ святомъ ужасѣ: Scommunicati, Scommunicati! Его, впрочемъ, никто не слушаетъ, и онъ совершенно сконфуженъ: «мнѣ остается только отправиться въ Іерусалимъ—говоритъ онъ—тамъ я осную свое царство!» Публика покрываетъ смѣхомъ его слова — и конецъ пьесы.

Пьеса была разъиграна отлично; актеры прекрасно воспользовались и патетическими и комическими мотивами пьесы, и она имѣла рѣшительный успѣхъ. На другой день, въ четвергъ, объявлено было второе представленіе; но середи дня афиши были сняты и представленіе запрещено. Правительство нашло пьесу несовременной и не хотѣло раздражать ею тѣхъ, которые и безъ того преслѣдуютъ своихъ враговъ отлученіями. Дѣйствительно, какъ послѣ оказалось, представленія этой пьесы въ другихъ городахъ уже обратили на себя вниманіе римскаго двора, и папа, въ своей рѣчи 26 сентября, говорилъ уже: negli spettacoli di teatro si offende l'onesta publica de costumi, il pudore e la virtù, e le persone consacrate a Dio sono esposte al disprezze e alla derisione universale. Запрещеніе ея было мѣрой осторожности, за которую нельзя упрекать тосканское правительсто.

Въ другой разъ я отправился въ народный театръ. Мнѣ хотѣлось видѣть маленькую патріотическую демонстрацію: афиша обѣщала послѣ пьесы l'inno sulla caduta della casa di Lorena iu Firenze. Флорентинскій народный театръ «Политеама» даетъ спектакли по воскресеньямъ, подъ открытымъ небомъ, послѣ четырехъ часовъ. Какъ обыкновенная народная комедія въ Италіи, эта имѣла также свой извѣстный типъ: въ Римѣ онъ называется Кассандрино, въ Неаполѣ Пульчинелла; во Флоренціи эту роль занимаетъ Стентерелло, глуповатый полу-слуга, полу-паясъ, добродушный, но вмѣстѣ хитрый. Онъ необходимое лицо въ каждой пьесѣ, которой онъ главнымъ образомъ придаетъ интересъ своими выходками, остротами, иногда очень мѣткими. Впрочемъ, теперь онъ уже не ограничивается своимъ обыкновеннымъ амплуа и принимаетъ на себя другія главныя роли пьесы. Народная комедія составляетъ въ Италіи любопытный и все еще живой остатокъ старины. Я видѣлъ въ Туринѣ другаго Стентерелло, пріѣзжаго изъ Флоренціи, и мнѣ было интересно сравнить двухъ разныхъ исполнителей типа. Ихъ костюмъ, пріемы, комизмъ были одинаково соблюдены обоими: такъ сильно преданіе утвердилось въ народной комедіи. Флорентинскій Стентерелло, какъ обыкновенно такіе актеры, былъ любимцемъ своей публики.... Пьеса кончилась. Черезъ нѣсколько минутъ является Стентерелло и начинаетъ, какъ всегда, объявлять о спектаклѣ буду-

щаго воскренья; но публика не слушала, начала хлопать и кричать, Стентерелло переминался, говорилъ снова, но публика опять прерывала его криками. Я ничего не понималъ. Наконецъ я понялъ, чего требовала публика: Стентерелло началъ на своемъ гортанномъ флорентинскомъ нарѣчіи пѣть стихи, неозначенные на афишѣ и, можетъ быть, принадлежащіе его собственному остроумію, — и они вполнѣ удовлетворили слушателей; въ пѣснѣ говорилось о due porcelli, l'uno fiorentino, l'altro Modanese. Потомъ былъ рецитированъ и другой гимнъ, уже означенный на афишѣ и также вызвавшій громкія рукоплесканія.

Запрещеніе пьесы въ театрѣ Кокомеро вызвало на слѣдующее воскресенье маленькую демонстрацію: когда нельзя было ясно говорить на сценѣ о политикѣ, театры достигали этого другимъ способомъ. Одинъ обѣщалъ пьесу подъ заглавіемъ: Il cittadino di Gand, ovvero la conduista (**большими буквами**) dell' Independenza Nazionale— «Гентскій гражданинъ или завоеваніе національной независимости», и кромѣ того приготовлялъ «Вильгельма Телля»; другой объявлялъ la rappresentazione straordinaria, il dramma spettacoloso, которая называлась La caduta del duca Glocester , (**большими буквами**) tiranno regnante, ovvero l'ascensione al trono di Edouardo quinto—«паденіе герцога Глостера, царствующаго тиранна, или восшествіе на престолъ Эдуарда-Пятаго» — афиша прибавляла подробную программу спектакля, въ заключеніе которой опять большими буквами напечатано было la giustizia di Dio. Очень понятно было, къ кому относились эти типографскіе намеки: въ концѣ обѣщались гимны на паденіе Австро-лотаринскаго дома....

Когда я кончаю это письмо, газеты приносятъ новыя распоряженія и декреты правительства, клонящіеся къ единству: съ 11 октября внутреннія таможни между Сардиніей, герцогствами и Романьей уже не существуютъ. Риказоли, говорятъ, послѣ переговоровъ съ Чипріани и Фарини, и его министерство обнаруживаютъ сильную дѣятельность, и соединеніе Италіи становится уже ощутительнымъ фактомъ. Если не поднимется реакція и нынѣшнее движеніе пойдетъ твердо впередъ, то можно сказать, что мы присутствуемъ при одномъ изъ важнѣйшихъ моментовъ всей итальянской исторіи, который долженъ закончить старый періодъ и начать болѣе обѣщающій новый.

Что дѣлается въ остальной Италіи въ это время? Она до сихъ поръ исключена изъ центральнаго движенія; но въ Венеціи, гдѣ Австрія возстановляетъ прежній несносный режимъ, жители протестуютъ всѣми возможными для нихъ демонстраціями въ предѣлахъ

закона и эмигрируютъ въ Ломбардію, какъ въ началѣ войны эмигрировали изъ Ломбардіи въ Сардинію; въ Римѣ населеніе въ постоянномъ неудовольствіи и держится въ покоѣ только французскими штыками; въ провинціяхъ грабежъ делегатовъ и возстанія, какъ въ Абруццахъ. Въ Неаполѣ въ полномъ ходу укротительная система короля Фердинанда: но Сицилія готова къ возстанію. Кровавыя сцены уже происходили, въ самомъ Неаполѣ сильное броженіе, которое правительство видитъ, но которое не можетъ остановить. Идея о національности и свободѣ распространилась по цѣлой Италіи.

Все это ждетъ только свой очереди.

А. ПЫПИНЪ.

12 октября н. ст. 1859.

ПОЛИТИКА.

ПАРМСКАЯ СЦЕНА 5-ГО ОКТЯБРЯ. — БЕЗДѢЙСТВІЕ САРДИНІИ. — ВОЗНИКНОВЕНІЕ НѢКОТОРОЙ ЭНЕРГІИ ВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВАХЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИТАЛІИ. — ПРИБЛИЖЕНІЕ ВООРУЖЕННОЙ РЕАКЦІИ. — ОЧЕРКЪ ПОЛОЖЕНІЯ ДѢЛЪ ВО ФРАНЦІИ, АНГЛІИ, ГЕРМАНІИ, АВСТРІИ. — ЗАГОВОРЪ ВЪ ТУРЦІИ.

Временныя правительства центральной Италіи имѣли передъ собою двѣ дороги: они могли стремиться къ достиженію своей цѣли, къ соединенію съ Піэмонтомъ, опираясь на энтузіазмъ народа, отважно возбуждая патріотизмъ въ массахъ и быстро набирая какъ можно больше войска, для того, чтобы собственною силою защищать желанія центральной Италіи противъ австрійцевъ, противъ папы и другихъ враговъ, которые вздумали бы вооруженною рукою помѣшать осуществленію національнаго стремленія. Но мы видѣли, что подобная отважность и самоувѣренность не соотвѣтствовала духу и положенію людей, руководящихъ дѣлами центральной Италіи. Гораздо безопаснѣйшимъ казался для нихъ другой способъ дѣйствованія: они хотѣли показать европейскимъ правительствамъ, что не имѣютъ ничего общаго съ какими нибудь бурными демагогами, и что національное движеніе сохраняетъ подъ ихъ руководствомъ характеръ безукоризненной законности; они надѣялись доказать, что дѣло центральной Италіи не заключаетъ въ себѣ никакихъ революціонныхъ тенденцій, такъ что самыя консервативныя правительства могутъ оставаться имъ довольны и своею дипломатическою помощью защищать его отъ австрійцевъ. Само собою разумѣется, что такая политика заключала въ себѣ два очевидныя заблужденія. Правители

центральной Италіи совершенно напрасно воображали, что какими бы то ни было усиліями могутъ придать себѣ законный характеръ въ глазахъ правительствъ континентальной Европы. Какъ бы консервативно ни держали себя тосканскій диктаторъ Риказоли и романьольскій диктаторъ Чипріани, все-таки и происхожденіе и стремленіе ихъ власти придавало ей неизгладимую печать революціонности. Временныя правительства центральной Италіи были основаны возмущеніемъ противъ легитимной власти и стремятся они къ тому, чтобы предотвратить возстановленіе законныхъ владѣтелей, чтобы замѣнить государей, имѣющихъ право владычествовать надъ своими землями по легитимному принцину, такимъ государемъ, какого само населеніе центральной Италіи вздумало выбрать себѣ безъ всякаго уваженія къ династическому принцину и правамъ освященнымъ трактатами. Благопріятствовать этимъ правительствамъ, по самому ихъ происхожденію, могли только державы, признающія верховную власть народа, но никакъ не могли правительства, основанныя на легитимности. Еще ошибочнѣе была ихъ надежда до такой степени предотвратить всякія народныя волненія, чтобы не дать своимъ противникамъ никакого предлога обвинить національное движеніе центральной Италіи въ связи съ демагогическими тенденціями. Одно изъ главныхъ различій легитимнаго правительства, освященнаго древностью, отъ правительства, вчера возникшаго изъ политическаго кризиса, заключается въ томъ, что народъ, недавно учредившій правительство по своему выбору, никакъ не можетъ имѣть той привычки всѣ свои чувства подчинять его рѣшенію, какая господствуетъ въ народѣ подъ властью стариннаго и легитимнаго правительства. Потому, какъ бы ни старалось новое, возникшее изъ политическаго переворота правительство предотвратить шумныя уличныя сцены, столь противныя натуральному чувству легитимныхъ правительствъ, оно не можетъ совершенно устранить подобныхъ событій: такъ или иначе, но все-таки произойдетъ что нибудь несообразное съ обычными требованіями системы безмятежнаго спокойствія, потому что населеніе уже имѣетъ мысль дѣйствовать самостоятельно и считать себя высшей правительственной властью. Изъ этого надобно выводить, что если временныя правительства центральной Италіи хотѣли удержать общественную жизнь и событія своихъ областей въ томъ спокойствіи, безъ котораго не могли эти правительства называть себя чистыми отъ революціонныхъ безпорядковъ, то имъ оставалось только стараться о возстановленіи законныхъ правительствъ и спѣшить какъ можно скорѣе передать свою власть—въ Романьи папскому правительству, въ Тосканѣ, Пармѣ и Моденѣ представителямъ законныхъ династій. Только быстрѣйшее возста-

новленіе прежнихъ правительствъ могло предупредить революціонныя сцены, и только отреченіе отъ своей власти въ пользу законныхъ династій могло отчасти загладить въ глазахъ легитимности преступность революціоннаго происхожденія нынѣшнихъ временныхъ правительствъ центральной Италіи. Но, по обыкновенному самообольщенію либераловъ, люди, управляющіе нынѣ дѣлами этихъ областей, никакъ не понимаютъ, что они не могутъ не казаться преступными революціонерами въ глазахъ легитимности, и что не въ силахъ они предотвратить революціонныхъ сценъ. Почти не натуральнымъ явленіемъ надобно было назвать то, что около пяти мѣсяцевъ центральная Италія провела подъ властью временныхъ правительствъ безъ такихъ сценъ. Это объясняется только тѣмъ, что до половины іюля военное одушевленіе отнимало у народа охоту ко вспышкамъ со всякою другою мыслью; а по заключеніи мира, почти до половины сентября, населеніе центральныхъ итальянскихъ областей думало, что ихъ присоединеніе къ Піэмонту дѣло уже рѣшенное, исполненіе котораго не требуетъ никакихъ усилій, не подлежитъ никакимъ опасеніямъ, что сардинскій король не колеблется принять ихъ въ составъ своего государства, а Франція благопріятствуетъ такой развязкѣ. Когда съ половины сентября сталъ разъясняться для массы фактъ, съ самаго начала бывшій очевиднымъ для лучшихъ публицистовъ западной Европы,— когда населеніе центральной Италіи увидѣло, что само должно энергически хлопотать объ исполненіи своего желанія, которое подвержено великимъ опасностямъ, что не только Франція, но даже и Сардинія не намѣрены жертвовать своими дипломатическими отношеніями для избавленія центральной Италіи отъ необходимости защищать свое дѣло своими собственными силами, — словомъ сказать, какъ только пробудились въ массахъ усыпленныя на время мысли, заботы и опасенія, свойственныя періодамъ политическихъ кризисовъ, съ каждымъ днемъ надобно стало ожидать, что произойдетъ въ томъ или другомъ городѣ какая нибудь изъ уличныхъ сценъ, неразлучныхъ съ революціоннымъ состояніемъ. Надобно приписать мягкости итальянскаго характера то, что почти цѣлый мѣсяцъ, до 5 октября, замедлилось появленіе первой изъ этихъ неизбѣжныхъ вспышекъ. Либеральныя газеты наполнены очень возвышенными разсужденіями о томъ, что убійство графа Анвити въ Пармѣ не должно быть поставляемо въ вину, ни временнымъ правительствамъ центральной Италіи, ни національному движенію, которымъ взялись руководить эти правительства. Съ тѣмъ вмѣстѣ онѣ расточаютъ цѣлые потоки еще болѣе краснорѣчивыхъ фразъ о преступности и гнусности этой самоуправной казни. Намъ кажется,

что либеральныя газеты совершенно ошибаются. Само собою разумѣется, что ни Фарини, пармскій диктаторъ, ни одинъ изъ чиновниковъ пармскаго управленія не имѣлъ намѣренія убивать Анвити; но что жь изъ этого слѣдуетъ? Изъ тѣхъ людей, которые поразили Анвити своими кинжалами, навѣрное также ни одинъ, за полчаса до убійства, не поколебался бы сказать, что убивать какого бы то ни было преступника самоуправнымъ образомъ вовсе не слѣдуетъ, а надобно предать его правильному суду. На другой день послѣ этого событія почти каждый изъ участвовавшихъ въ убійствѣ также навѣрное готовъ былъ бы согласиться, что этотъ поступокъ былъ великимъ неблагоразуміемъ, тѣмъ болѣе излишнимъ, что Анвити не избѣжалъ бы наказанія и по приговору правильнаго суда, имѣя противъ себя улики въ дѣйствіяхъ, наказываемыхъ уголовными законами. Убійство было слѣдствіемъ мгновеннаго увлеченія, которому въ совершившихъ его вовсе не предшествовала преднамѣренность и за которымъ навѣрное послѣдовало въ нихъ сожалѣніе о вредномъ для итальянскаго дѣла поступкѣ. Въ чемъ же состоятъ существенныя черты поведенія этихъ людей? Они увлеклись порывомъ чувства. Но если этотъ порывъ ставится теперь въ характеристику имъ и если они называются людьми запятнавшими себя преступленіемъ, то какимъ же образомъ не будетъ характеристика эта относиться и къ движенію, неминуемо соединенному съ порывами, подобными самоуправной казни графа Анвити? Если этотъ фактъ служитъ пятномъ для людей, къ жизни которыхъ принадлежитъ, то мы не видимъ, какимъ образомъ можетъ быть очищено отъ него и то движеніе, къ которому онъ принадлежитъ. Идемъ далѣе. Могутъ ли быть освобождены отъ отвѣтственности за него и люди, руководящіе итальянскимъ движеніемъ? Передъ уголовнымъ судомъ, конечно—да; но передъ исторіею и инстинктивнымъ здравымъ смысломъ массы—нѣтъ. Кто берется за дѣло, тотъ долженъ знать, къ чему поведетъ оно; и если не хочетъ онъ неизбѣжныхъ его принадлежностей, онъ не долженъ хотѣть и самаго дѣла. Политическіе перевороты никогда не совершались безъ фактовъ самоуправства, нарушавшаго формы той юридической справедливости, какая соблюдается въ спокойныя времена. Перевороты волнуютъ народное чувство, взволнованное чувство забываетъ о формахъ. Кто не знаетъ этого, тотъ не понимаетъ характера силъ, которыми движется исторія, не знаетъ человѣческаго сердца. Человѣкъ, который принимаетъ участіе въ политическомъ переворотѣ, воображая, что не будутъ при немъ много разъ нарушаться юридическіе принципы спокойныхъ временъ, долженъ быть названъ идеалистомъ. Для руководителей нынѣшняго движенія центральной Италіи только и суще-

ствуетъ это одно извиненіе въ избавленіе имъ отъ прямой отвѣтственности за смерть Анвити. Они могутъ сказать, что не предполагали неизбѣжности такихъ эпизодовъ въ дѣлѣ, за которое брались. Мы совершенно вѣримъ искренности этого извиненія, но, снимая съ нихъ прямую юридическую отвѣтственность, оно налагаетъ на нихъ тѣмъ болѣе тяжелую вину передъ исторіей. Человѣкъ бываетъ виновенъ передъ исторіею, когда берется за дѣло, характера котораго не понимаетъ. Онъ виновенъ потому, что своими ошибками приноситъ слишкомъ много вреда и дѣлу и всѣмъ, кого оно касается. Мы теперь говоримъ вообще о всѣхъ руководителяхъ движенія въ центральной Италіи. Что касается въ частности Фарини, пармскаго диктатора, то мы увидимъ, что онъ передъ исторіею виновенъ меньше всѣхъ другихъ правителей центральной Италіи. Если движеніе было ведено не такъ, какъ слѣдовало идти ему, то не отъ Фарини, по крайней мѣрѣ, происходилъ этотъ вредъ; напротивъ онъ дѣлалъ все что могъ для избѣжанія ошибокъ и своимъ вліяніемъ успѣвалъ исправлять нѣкоторыя изъ нихъ. Осудить его можно развѣ за то, что онъ согласился стать въ положеніе, связывающее его зависимостью отъ людей, системы которыхъ онъ не можетъ одобрять. Но и за это порицать его трудно: диктаторъ самой маленькой части союза, онъ не могъ принять болѣе рѣшительнаго тона, не могъ требовать, чтобы Тоскана и Романья поставили свою политику въ зависимость отъ политики Пармы и Модены; стало быть довольно и того, что онъ успѣлъ убѣдить ихъ сдѣлать хоть что нибудь.

Къ чему говорили мы все это? Къ тому ли, чтобы осуждать итальянское движеніе, или къ тому, чтобы защищать пармскую сцену 5 октября? Ни то, ни другое. Читатель давно долженъ былъ замѣтить, что мы вообще стараемся не брать на себя претензіи хвалить и порицать, а стараемся только разсказывать факты и объяснять связь между ними: читатель не ребенокъ, онъ можетъ самъ видѣть, что̀ хорошо, и что̀ дурно, какое дѣло заслуживаетъ сочувствія, какое заслуживаетъ вражды. По всей вѣроятности, читатель и безъ нашихъ разсужденій знаетъ, что убійство не есть дѣло особенно хорошее. Очень можетъ быть, что онъ также самъ понимаетъ, хорошо или дурно дѣлаетъ нація, стремясь избавиться отъ иноземнаго ига. Стало быть, можно намъ положиться на его собственное чувство въ выборѣ между итальянцами и австрійцами; мы почли бы обидою для читателя внушать ему, какъ ребенку, что дурное—дурно, а хорошее—хорошо. Мы имѣемъ въ виду совершенно иной вопросъ, и постараемся изложить его какъ можно яснѣе.

Зло и добро такъ тѣсно смѣшаны въ мірѣ, что нѣтъ добраго дѣла, въ которомъ не было бы сторонъ дурныхъ, нѣтъ дурнаго дѣла,

въ которомъ не было бы сторонъ хорошихъ. Возьмемъ въ примѣръ хотя итальянское національное движеніе. Положимъ, что оно представляется вамъ дѣломъ дурнымъ, — но нельзя вамъ не признаться, что одна сторона его, стремленіе націи къ сверженію иноземнаго ига, хороша. Положимъ, что оно представляется вамъ дѣломъ хорошимъ, — но нельзя вамъ не признаться, что принадлежащій къ нему эпизодъ убійства Анвити—дуренъ. Таже исторія во всемъ и всегда. Что жь тутъ остается дѣлать? Надобно взвѣсить добро и зло, и если вамъ кажется, что въ сущности дѣло хорошо, не смущайтесь тѣмъ, что есть въ немъ стороны дурныя; если кажется, что въ сущности дѣло дурно, не обольщайтесь тѣмъ, что въ немъ есть стороны хорошія. Колебаться изъ-за этихъ разногласій между разными сторонами нечего. Да, или нѣтъ, какъ вамъ угодно, но во всякомъ случаѣ будьте тверды. Надобно быть человѣкомъ, а не флюгеромъ. Это важная вещь, это быть можетъ важнѣйшая вещь въ исторіи. Ничѣмъ такъ не задерживаются успѣхи ея, какъ жалкою наклонностью большинства людей говорить нынѣ—да, завтра—нѣтъ, поддаваясь только минутнымъ впечатлѣніямъ быстро смѣняющихся фазисовъ дѣла.

Но само собою разумѣется, что для этого надобно не скрывать отъ себя ни одной изъ сторонъ, неизбѣжно принадлежащихъ дѣлу. Надобно знать, къ чему по необходимости ведетъ оно, какія явленія неизбѣжно вызоветъ. Надобно быть готову къ нимъ, иначе прійдется играть недостойную человѣка роль флюгера. Положимъ, напримѣръ, что вы жили въ 1848 году въ Германіи, и что вамъ надоѣли безплодныя смуты, и вы желали возстановленія порядка, — вы должны были знать, что возстановленіе порядка повлечетъ за собою продолжительное господство реакціи съ политическими преслѣдованіями. Вы должны были быть готовы безъ ропота, безъ разочарованія, видѣть ихъ, если хотѣли возстановленія порядка. Но чаще всего мы видимъ, что нынѣ кричатъ: «возстановляется порядокъ, ахъ, какъ мы рады!» а завтра кричатъ: «владычествуетъ реакція, ахъ, какъ насъ это огорчаетъ!» Это ребячество. Если вы чувствуете, что будете недовольны владычествомъ реакціи, не восхищайтесь возстановленіемъ порядка; а если чувствуете невыносимыми для васъ политическія смуты, въ такомъ случаѣ не жалуйтесь и не играйте роли либераловъ, когда прійдетъ реакція. Всѣ эти разсужденія сводятся, какъ видимъ, къ извѣстному выраженію Чичикова: «полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ».

Большинство, увлекающееся минутными впечатлѣніями, обнаруживаетъ этою непослѣдовательностью вредное вліяніе на ходъ дѣла обыкновенно уже тогда, когда дѣло очень сильно развилось: едва

начинаетъ оно приносить свои плоды, какъ расположеніе къ нему въ массѣ исчезаетъ; оно лишается поддержки общественнаго мнѣнія, переходящаго на противоположную сторону, потому что въ числѣ плодовъ какого бы то ни было дѣла всегда бываетъ довольно много горькихъ на вкусъ для того самаго большинства, которому нравились цвѣтки. Оттого самыя успѣшныя дѣла въ исторіи остаются недоконченными. Возьмемъ ли мы исторію реакцій или исторію революціонныхъ движеній, мы одинаково увидимъ, что даже самыя сильныя изъ нихъ рѣдко достигали своей цѣли. Французская революція, напримѣръ, не успѣла совершенно искоренить во Франціи стараго порядка вещей: онъ воскресъ при Наполеонѣ и оказался очень сильнымъ при реставраціи; съ другой стороны и реакція, начавшаяся еще до Наполеона и почти безпрерывно господствовавшая во Франціи до сихъ поръ, не успѣла искоренить ни революціонной тенденціи, ни даже законовъ ею произведенныхъ въ краткій періодъ шести лѣтъ отъ 1789 до 1795: каждый разъ, какъ только начинала она дѣйствовать успѣшно, большинство легкомысленно переходило на сторону революціи, которую также легкомысленно покидало, едва революція появлялась на горизонтѣ. Мы опять не говоримъ, какое изъ двухъ стремленій надобно считать справеливымъ и полезнымъ: стремленіе ли устроить порядокъ дѣлъ, сообразный съ новыми потребностями общества, или стремленіе возстановить старину; мы говоримъ только, что какое изъ этихъ стремленій ни назовете вы хорошимъ, все-таки неумѣнье большинства понять неразлучность нѣкоторыхъ тяжелыхъ испытаній или оскорбительныхъ для чувства явленій съ исполненіемъ предпочитаемаго вами дѣла, на сторонѣ котораго и большинство становилось по нѣскольку разъ, было причиною того, что дѣло это оставалось недоконченнымъ и, слѣдовательно, все равно, реакціонеръ вы или прогрессистъ, вы должны быть недовольны этимъ легкомысліемъ большинства. Потому-то мы говоримъ: если человѣкъ имѣетъ потребность распространять свои убѣжденія между другими людьми, то еще важнѣе работа вообще внушать людямъ, что они должны быть тверды въ своихъ убѣжденіяхъ,—пусть имѣютъ какія хотятъ убѣжденія. О томъ, что истина привлечетъ на свою сторону большинство, безпокоиться нечего: это неизбѣжно. Но должно позаботиться о томъ, чтобы люди приготовились, понявъ истину, не отступиться отъ нея легкомысленно изъ-за мелкихъ непріятностей, отъ которыхъ не свободно никакое дѣло.

Но если большинство бываетъ виновно въ томъ, что историческія дѣла бросаются обыкновенно, не будучи додѣланы какъ слѣдуетъ, то предводители большинства еще чаще бываютъ винов-

ны въ томъ, что дѣло подавляется въ самомъ своемъ зародышѣ гораздо прежде, чѣмъ большинство успѣло бы охладѣть къ нему. Великіе люди едва ли не потому только и бываютъ великими людьми, что спѣшатъ ковать желѣзо, пока оно горячо; умѣютъ не терять дней, пока обстоятельства благопріятствуютъ дѣлу. Но извѣстно, что не можетъ ковать желѣза тотъ, кто боится потревожить сонныхъ людей стукомъ. Только энергія можетъ вести къ успѣху, хотя бы къ половинному, если полнаго успѣха почти никогда не даетъ исторія; а энергія состоитъ въ томъ, чтобы, не колеблясь, принимать такія мѣры, какія нужны для успѣха. И Суворовъ, и Наполеонъ, да и всѣ великіе полководцы, начиная съ Александра Македонскаго, о которомъ такъ пылко говорилъ уѣздный учитель у Гоголя, извѣстны тѣмъ, что не жалѣли жертвъ для одержанія побѣды: ихъ сраженія были вообще страшно кровопролитны. Мы не хотимъ рѣшать, хорошая ли вещь военныя побѣды; но рѣшайтесь, прежде чѣмъ начнете войну, не жалѣть людей; а если хотите жалѣть ихъ, то не слѣдуетъ вамъ и начинать войны. Что о войнѣ, тоже самое надобно сказать и о всѣхъ историческихъ дѣлахъ: если вы боитесь или отвращаетесь тѣхъ мѣръ, которыхъ потребуетъ дѣло, то и не принимайтесь за него и не берите на себя отвѣтственности руководить имъ, потому что вы только испортите дѣло. Нѣтъ ничего хуже, какъ если человѣкъ, принимающій на себя руководство дѣломъ, поддается самообольщенію относительно средствъ требуемыхъ этимъ дѣломъ и явленій, какія могутъ вызываться этими средствами. Хуже этого развѣ только то, когда онъ не понимаетъ даже и качествъ дѣла, за которое берется. Просимъ читателя помнить, что мы не говоримъ о томъ, хорошо или худо какое дѣло, а только о томъ, какъ должны дѣйствовать люди, считающіе его хорошимъ. Напримѣръ, Наполеонъ I поставилъ себѣ задачею подавить революцію во Франціи. Хороша или дурна была его цѣль, мы не знаемъ; но онъ считалъ ее хорошею, и нельзя не признаться, что онъ дѣйствовалъ, какъ слѣдовало ему дѣйствовать по натурѣ дѣла, за которое онъ взялся. Въ парламентскихъ формахъ крылся тогда революціонный духъ, — онъ уничтожилъ эти формы; революціонеры вздумали противиться ему, — онъ казнилъ или сослалъ въ ссылку революціонеровъ; правильный судъ находилъ, что для ихъ истребленія нѣтъ юридическихъ основаній, — онъ отстранилъ правильный судъ и замѣнилъ его во всѣхъ нужныхъ для дѣла случаяхъ военно-судными коммиссіями; во время мира разные либералы, революціонеры и роялисты мѣшали ему, раздѣляли съ нимъ вниманіе націи, пріобрѣтали вліяніе надъ общественнымъ мнѣ-

ніемъ, — онъ рѣшилъ, что Франція не должна имѣть мира, и велъ непрерывныя войны.

Какъ не рѣшаемъ мы, хорошо или дурно было дѣло, которое велъ Наполеонъ, а говоримъ только, что онъ умѣлъ вести его сообразно его сущности, точно также мы не говоримъ, хорошо или дурно дѣло, которое взялись вести правители центральной Италіи, а говоримъ только, что они не умѣютъ вести его, какъ слѣдуетъ, потому что не понимаютъ его сущности и боятся тѣхъ мѣръ, которыхъ оно требуетъ. Ихъ дѣло революціонное, а они воображаютъ придать ему характеръ законности; принципъ, осуществленія котораго они хотятъ — принципъ верховной власти народа—смертельно враждебенъ принципу легитимности, а они хотятъ пріобрѣсти помощь континентальной дипломаціи, которая держится договорнаго права и династическаго принципа; наконецъ, ихъ цѣль есть цѣль народныхъ стремленій, стало быть должна достигаться энтузіазмомъ массы, а они хотятъ, чтобы масса не волновалась. Быть можетъ средства, требуемыя этимъ дѣломъ, дурны, этого мы не знаемъ; но если они дурны, въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы и приниматься за дѣло. Кто не хочетъ средствъ, тотъ долженъ отвергать и дѣло, которое не можетъ обойтись безъ этихъ средствъ. Кто не хочетъ волновать народъ, кому отвратительны сцены, неразрывно связанныя съ возбужденіемъ народныхъ страстей, тотъ не долженъ и брать на себя веденіе дѣла, поддержкою котораго можетъ служить только одушевленіе массы.

Свойство фальшивыхъ положеній таково, что они вовсе не избавляютъ отъ тѣхъ бѣдъ, для избѣжанія которыхъ человѣкъ мѣняетъ открытое, прямое положеніе на фальшивое. Правители центральной Италіи не хотѣли свое революціонное дѣло вести революціоннымъ путемъ для того, чтобы избѣжать революціонныхъ сценъ. Смерть Анвити показала, что этихъ сценъ итальянское движеніе все-таки не избѣгаетъ. Но пора намъ, бросивъ разсужденія, перейдти къ изложенію этого факта. Подробнѣйшій и, кажется, самый точный разсказъ о немъ написанъ итальянскимъ корреспондентомъ Times'a. Кромѣ его письма мы переведемъ еще письмо корреспондента Daily News, чтобы читатель могъ, сличивъ ихъ, видѣть достовѣрность тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ, по нашему мнѣнію, зависитъ характеръ сцены, возбудившей такое сильное негодованіе во всѣхъ газетахъ.

Вотъ письмо корреспондента Times'a.

«Парма, 9 октября.

«Я пріѣхалъ въ Парму вчера вечеромъ и нашелъ городъ еще погруженнымъ въ глубочайшее отчаяніе отъ одного изъ тѣхъ дикихъ

дѣлъ народнаго мщенія, которыя предусматривались и предсказывались проницательными людьми, но отъ которыхъ по чрезвычайному счастію былъ до сихъ поръ избавленъ этотъ городъ, избавлена и вся центральная Италія.

«Передаю вамъ подробности вполнѣ, потому что руководящіе люди въ Италіи вообще полагаютъ, будто дѣйствуютъ сообразно съ благомъ своей страны, стараясь показаться иностраннымъ державамъ лучшими, нежели каковы они на самомъ дѣлѣ; а я твердо убѣжденъ, что никогда никакое дѣло не выигрываетъ отъ скрыванія истины. Многіе факты основаны тутъ на однихъ народныхъ слухахъ; но я былъ чрезвычайно заботливъ и строгъ въ своихъ розысканіяхъ, потому надѣюсь, что я не прибавляю и не убавляю, а разсказываю этотъ случай, просто, какъ онъ произошелъ.

«Луиджи Анвити былъ родомъ изъ Піаченцы и принадлежалъ къ фамиліи, имѣвшей нѣкоторыя претензіи на знатность и носившей графскій титулъ. Онъ и его братъ, уже умершій, много лѣтъ жили въ Пармѣ какъ scroceli и balossi по ремеслу, т. е. какъ плуты и воры, мошенники и надуватели. Луиджи, бывшій младшимъ братомъ, вступилъ въ военную службу и въ 1848 году былъ капитаномъ; тогда, по его извѣстной дурной репутаціи, ему не позволили вступить ни въ число волонтеровъ, ни въ отрядъ регулярныхъ войскъ, посылавшихся Пармою для участія въ національной войнѣ. При востановленіи герцога Карла III, этотъ безумный правитель, выбиравшій самыхъ худшихъ людей, какихъ только можно было найдти, для орґанизованія своей нелѣпо большой арміи, быстро возвысилъ Анвити до чина полковника. Анвити, исполненный злѳжелательства къ либеральной партіи, которая справедливо отвергла его, сталъ однимъ изъ главныхъ орудій сумасшедшихъ и жестокихъ подвиговъ герцога, особенно въ исполненіи тѣлесныхъ наказаній за политическія преступленія, составлявшихъ источникъ самаго сильнаго неудовольствія пармезанцевъ противъ герцога и стоившихъ наконецъ герцогу жизни, которой онъ лишился 25 марта 1854. При регентствѣ герцогини Луизы, Анвити прославился участіемъ во всѣхъ жестокихъ мѣрахъ, принятыхъ противъ предполагаемаго убійцы герцога и былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ той систематической рѣзни 22 іюля 1854, которую никогда не могли простить пармезанскіе простолюдины. 13 апрѣля 1855 г. Анвити, предметъ всеобщихъ проклятій, подвергся выстрѣлу изъ пистолета у дверей своего дома, когда возвращался домой въ сумерки. Пуля не попала въ него, онъ остался невредимъ и общая молва была, что это мнимое покушеніе на его жизнь было его собственнымъ дѣломъ, придуманнымъ для произведенія новыхъ свирѣпостей. Дѣйствительно, онъ обвинилъ въ поку-

шеніи на убійство отставнаго рядоваго солдата Карини, предалъ его военному суду, судилъ, приговорилъ къ смерти и разстрѣлялъ, хотя говорятъ, что несчастный положительнѣйшимъ образомъ доказалъ, что во время выстрѣла находился совершенно въ другомъ мѣстѣ. Кромѣ того, Анвити арестовалъ бѣднаго цирульника Маріо Феррари единственно за то, что онъ свидѣтельствовалъ въ пользу Карини, и цирульникъ былъ найденъ повѣшеннымъ въ своей тюрьмѣ; тѣло его висѣло, говорятъ, въ такомъ положеніи, которое никакъ не допускало мысли, что онъ удавился самъ.

«Ненависть всего населенія къ Анвити стала такъ сильна, что даже правительство почло нужнымъ удалить его изъ Пармы и послать его сначала въ Понтремоли, потомъ въ Піаченцу, гдѣ его карьера была также ознаменована гнусными свирѣпостями. При паденіи правительства герцогини въ маѣ нынѣшняго года, Анвити исчезъ и съ тѣхъ поръ не было о немъ слышно.

«Я считалъ нужнымъ предварительно сообщить эти факты, чтобы читатель могъ имѣть ясныя понятія о характерѣ этого человѣка и о свойствахъ правительства, при которомъ такія чудовища пользовались властью.

«Въ пятницу, 5 числа, Анвити, переодѣтый поселяниномъ, ѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Болоньи въ Піаченцу. У него былъ паспортъ отъ папскаго правительства, и невозможно сомнѣваться въ томъ, что онъ ѣхалъ по какимъ нибудь тайнымъ сношеніямъ между папскими войсками и войсками герцоговъ моденскаго и пармскаго, собравшимися теперь въ Мантуѣ. Паспорта отъ нынѣшнихъ правительствъ у него не было, за то была медаль, служившая, какъ предполагаютъ, довѣрительнымъ знакомъ для него въ разныхъ лагеряхъ и доказательствомъ, что онъ дѣйствительно тотъ, кого ждали. Прибавляютъ—но я не удостовѣрился въ этомъ положительнымъ образомъ—что въ его сакѣ было 15,000 франковъ банковыми билетами. Подлѣ моста черезъ Энцу, въ пяти миляхъ отъ Пармы, Анвити былъ узнанъ пармезанскимъ волонтеромъ, по ремеслу сѣдельникомъ, Камоцци, который, говорятъ, получалъ отъ него обиды и однажды былъ арестованъ просто по той причинѣ, что не нравился полковнику. Этотъ человѣкъ подошелъ къ нему и назвалъ его по имени, но, получивъ рѣзкій и надменный отвѣтъ, замолчалъ, и молчалъ, пока поѣздъ прибылъ на Пармскую станцію, въ 5 часовъ вечера. Тутъ онъ сказалъ объ Анвити нѣсколькимъ своимъ пріятелямъ волонтерамъ. Они его арестовали и отвели въ казарму жандармовъ (карабинеровъ) близъ porta San Barnaba, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ городскихъ воротъ и станціи. Едва только помѣстили они Анвити въ караульной комнатѣ, какъ простонародье, между которымъ слухъ

объ его арестѣ распространился съ быстротою молніи, собралось передъ главною дверью казармы, требуя смерти ненавистнаго эксъ-полковника. Въ центральной Италіи, какъ я вамъ говорилъ, почти нѣтъ вооруженныхъ силъ, и въ казармахъ было всего только 6 или 7 карабинеровъ. Они поспѣшно затворили, заперли и загородили задвижкою главную дверь, а изъ оконъ старались успокоить толпу, убѣждая, что преступникъ не ускользнетъ изъ ихъ рукъ и что судить его надобно законнымъ порядкомъ. Толпа отвѣчала, что въ послѣднie три мѣсяца она часто отдавала подобныхъ преступниковъ въ руки законныхъ властей и что они всѣ были выпускаемы на свободу; но что теперь она захватила злѣйшаго атамана всей шайки и не хочетъ, чтобы опять его скрыли отъ справедливаго мщенія. Пока предводители вели эти переговоры, толпа раздраженныхъ простолюдиновъ, и въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ изъ самаго низкаго разряда черни, нашла входъ въ казарму черезъ маленькую боковую дверь, которая по неосторожности была оставлена незапертой. Она ворвалась въ караульную комнату и нашла тамъ Анвити, который малодушно залѣзъ подъ одну изъ лавокъ, служащихъ постелями для жандармовъ, отправляющихъ караулъ. Его вытащили оттуда, не обращая вниманія на его крики и мольбы; вывели его изъ казармы, и тутъ, на улицѣ, началось демонское мученіе, которое продолжалось и надъ его трупомъ. Его протащили по всей улицѣ San Barnaba, потомъ черезъ Дворцовую площадь (Piazza del Corte), мимо герцогскаго дворца, гдѣ стоялъ караулъ изъ нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ, потомъ черезъ Quattro mal cantoni и Bassa dei Magnani, черезъ Piazza grande (главную площадь), гдѣ стоялъ другой караулъ національной гвардіи, и остановились только у швейцарской кофейной въ улицѣ San Michele, по которой въ это время гуляло, по обыкновенію, множество порядочно одѣтыхъ людей. Тутъ, велѣвъ подать лимонада своей почти безжизненной жертвѣ и насытивъ свою ненависть самымъ жестокимъ образомъ, они наконецъ повалили Анвити на одну изъ мраморныхъ ступеней и отрубили голову ему саблею. Тѣло, какъ мнѣ говорили, еще затрепетало подъ этимъ ударомъ. Прибавляютъ, и, кажется, справедливо, что одинъ изъ каннибаловъ отрубилъ пальцы рукъ у трупа и сосалъ кровь, которая потекла изъ перерѣзанныхъ жилъ; что нѣсколько уличныхъ мальчишекъ плясали надъ обезглавленнымъ трупомъ. Толпа вышла изъ кофейной и ходила почти по всѣмъ улицамъ и частямъ города. Нѣкоторые несли голову, воткнутую на саблю, другіе тащили трупъ по пыли; наконецъ воротились на главную площадь послѣ этой безумной оргіи, продолжавшейся два часа, и, остановившись передъ Colonna della Piazza—колонною безъ капители, служащею и памятникомъ и

центральнымъ столбомъ, отъ котораго считаются мили, положили голову на вершину колонны и, заставивъ оркестръ слѣпыхъ скрипачей играть, начали плясать карманьйолу вокругъ ужаснаго трофея.

«Было 9 часовъ. Толпа, насытившаяся кровавою сценою, утомленная крикомъ и бѣшенствомъ, начала расходиться, хотя поклялась, что голова останется выставлена на колоннѣ три дня. Нѣсколько ротъ піэмонтскихъ солдатъ, еще стоявшихъ въ городѣ, отважились войти въ толпу и разогнали ее. Голова и страшно искаженный трупъ были отнесены въ городской госпиталь и оттуда тайкомъ перенесены для христіанскаго погребенія. При осмотрѣ изувѣченнаго тѣла нашлось на одномъ туловищѣ 23 раны отъ острыхъ орудій и одна рана пулею.

«Событіе, разсказанное мною со всею возможною для меня точностью и обстоятельностью, конечно ужасно; но точно того же можно бы ожидать отъ дурныхъ классовъ черни въ какомъ угодно городѣ какой угодно другой страны. Гораздо печальнѣе этого неистовства кажется мнѣ то, какъ держали себя хорошіе классы жителей и правительство до кроваваго дѣла и послѣ него. Я слышалъ только объ одномъ хорошо одѣтомъ человѣкѣ, который пытался вступиться за Анвити у швейцарской кофейной и убѣждалъ толпу, что теперь, когда Анвити уже мертвъ, они должны по крайней мѣрѣ не подвергать трупа напрасному поруганію. Но онъ долженъ былъ замолчать, потому что грозили «расправиться» съ нимъ такимъ же образомъ. Въ убѣжденіяхъ и робкихъ упрекахъ недостатка не было, но я не слышалъ, чтобы карабинеры въ казармахъ, или караулы національныхъ гвардейцевъ на двухъ площадяхъ, или какой нибудь солдатъ или гражданинъ нанесъ или получилъ ударъ, защищая,—не говорю злодѣя,—но законъ. Толпа цѣлыхъ три часа владычествовала въ городѣ; она могла бы господствовать и три дня, еслибъ захотѣла, потому что, какъ я говорилъ, въ послѣдніе мѣсяцы вооруженной политической силы почти не было и нѣтъ въ центральной Италіи.»

Вотъ разсказъ корреспондента Daily News:

«*Парма, 6 октября.*

«Полковникъ графъ Анвити имѣлъ 48 лѣтъ отъ роду, происходилъ изъ Піаченцы и былъ потомкомъ древней фамиліи. Въ очень молодыхъ лѣтахъ онъ вступилъ въ армію Маріи-Луизы и скоро сталъ извѣстенъ пармскому народу своею ненавистью къ либеральной партіи въ герцогствѣ. При возстановленіи Карла III полковникъ Анвити сталъ близкимъ другомъ его и исполнителемъ тѣхъ дѣлъ, которыя были причиною смерти молодаго герцога. Жестокость полковника была такъ велика, жертвы его звѣрства были такъ много

числены, что при смерти герцога онъ былъ уже предметомъ всеобщихъ проклятій. Почти каждый день наказывались палками люди по его распоряженію; старики посылались въ тюрьму безъ суда и слѣдствія единственно подъ тѣмъ предлогомъ, что они либералы. Не разъ онъ выбѣгалъ, какъ бѣшеный, изъ кофейной и тащилъ какого нибудь горожанина въ цирульню, чтобы тамъ обрить ему бороду, потому что борода, по его мнѣнію, была признакомъ революціонныхъ замысловъ. Его неистовства были такъ многочисленны, что въ 1855 году былъ сдѣланъ по немъ выстрѣлъ изъ пистолета, когда онъ переходилъ черезъ улицу Santa Lucia. Предполагаемые виновники этого покушенія были осуждены и одинъ изъ нихъ, Андреа Карини, былъ разстрѣлянъ, несмотря на ходатайство о помилованіи, представленное герцогинѣ предсѣдателемъ военной коммиссіи, которая судила его. Я имѣлъ случай разсматривать документы этого постыднаго процесса и вынесъ изъ разбора ихъ убѣжденіе, что не было и тѣни юридическаго доказательства въ оправданіе казни Карини. Изъ предполагаемыхъ соучастниковъ этого несчастнаго человѣка одинъ, Франческо Паниццa, былъ осужденъ на заключеніе въ тюрьму на всю жизнь, а другой, Изола Джузеппе, на двадцать лѣтъ такого же наказанія. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ противъ цирульной, которую содержалъ нѣкто Маріо Феррари. При самомъ началѣ слѣдствія, показаніе этого человѣка служило доказательствомъ невинности Карини и другихъ обвиненныхъ съ нимъ; потому несчастный Феррари былъ брошенъ въ тюрьму и черезъ два дня нашли его повѣшеннымъ на рѣшоткѣ тюремнаго окна. Общее мнѣніе говорило, что полковникъ Анвити тайно велѣлъ задушить цирульника, чтобы сбыть съ рукъ единственнаго свидѣтеля, который могъ спасти предполагаемаго преступника. Карини былъ отцомъ многочисленнаго семейства и имѣлъ двухъ братьевъ, которые по ремеслу своему мясники. Я не безъ намѣренія дѣлаю это замѣчаніе, потому что, по слухамъ, родственники Карини играли главную роль въ кровавой сценѣ вчерашняго дня. По отъѣздѣ герцогини, пармское правительство получило юридическое доказательство невинности Карини, потому что человѣкъ, который выстрѣлилъ въ полковника, сознался въ винѣ.

«При самомъ началѣ національнаго движенія, Анвити бѣжалъ въ Церковную область. Но вотъ у него родилось намѣреніе возвратиться въ свой родной городъ, чтобы составить заговоръ противъ новаго правительства. Вчера онъ выѣхалъ изъ Болоньи съ поѣздомъ желѣзной дороги, отправляющимся въ часъ по полудни. Онъ одѣлся въ платье фермера. Поѣздка шла удачно до той самой минуты, какъ поѣздъ прибылъ къ рѣчкѣ Энцѣ, передъ которой вагоны

теперь принуждены останавливаться, потому что мостъ сломанъ; пассажировъ перевозятъ на другой берегъ въ омнибусахъ. Какъ только полковникъ Анвити сѣлъ въ одинъ изъ этихъ омнибусовъ, онъ, хотя и былъ переодѣтъ, былъ узнанъ человѣкомъ, котораго прежде наказалъ палками. Потому, когда поѣздъ пришелъ на парм-скую станцію, несчастному полковнику не дали продолжать его пути въ Піаченцу. Человѣкъ, узнавшій его, вытащилъ его изъ кареты и повелъ въ городъ среди проклятій толпы. Ярость народа была такъ велика, что нѣсколько національныхъ гвардейцевъ, случайно быв-шихъ на станціи, только съ величайшимъ трудомъ могли удержать это раздраженіе. Когда толпа дошла до городскихъ воротъ, съ нею встрѣтился полковникъ Дода, который, узнавши въ чемъ дѣло, поѣхалъ подлѣ арестованнаго, чтобы защищать его. По близости попалась карабинерская казарма, у которой стояли часовые; Анвити былъ переданъ подъ стражу имъ и толпа разошлась. Но извѣстіе о томъ, что схваченъ Анвити, дошло до дома, въ которомъ жена, братья и дѣти Карини еще скорбѣли о казни своего невиннаго родственника. Имя графа быстро пробудило чувство мщенія, и въ нѣсколько ми-нутъ собралась у карабинерской казармы толпа, жаждавшая крови. При первомъ приливѣ народной волны, карабинеры (ихъ было всего шесть человѣкъ) заперли дверь казармы, но дверь была выломлена толпою, которая ворвалась въ домъ и стала обыскивать комнаты. «Онъ не уйдетъ отъ насъ», — слышалось со всѣхъ сторонъ: «Пра-вительство теперь не обманетъ народъ; ему не удастся спасти Ан-вити, какъ спасло оно другихъ злодѣевъ» (Надобно сказать, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ два агента герцогскаго правительства были счаст-ливо спасены отъ народнаго гнѣва). Обыскали первый, второй, тре-тій этажъ казармы, обыскали чердакъ—Анвити нигдѣ не было. Раз-драженная толпа обращала уже свою ярость противъ карабинеровъ, когда страшный крикъ послышался изъ подвальнаго этажа. Одинъ изъ искавшихъ нашелъ несчастнаго плѣнника и Анвити погибъ. Тѣло его потащили по улицѣ Св. Барнабы; голова трупа была от-рѣзана и положена на верхъ мраморнаго памятника, поставленнаго Бурбонами въ память Іосифа I. Вся эта сцена продолжалась не болѣе четверти часа, не болѣе того времени, сколько нужно было для при-сылки вооруженной силы. Барабаны національной гвардіи собрали во-оружившихся гражданъ, регулярныя войска поспѣшили присоеди-ниться къ нимъ, и въ половинѣ седьмаго толпа была разсѣяна, отрѣ-занная голова снята съ памятника и трупъ жертвы отнесенъ въ домъ, гдѣ ставятся покойники передъ похоронами. Пармское правительство сдѣлало все, что зависѣло отъ человѣческой предусмотрительности, для предотвращенія этого великаго преступленія, но оно соверши-

лось такъ быстро, что нельзя было предотвратить его. Прибывъ сюда вечеромъ, я нашелъ Парму въ ужасѣ отъ воспоминанія о кровавой сценѣ, осквернившей ея улицы. Было уже сдѣлано много арестовъ, но говорятъ, что истинные виновники преступленія уже скрылись изъ города.»

Вотъ еще небольшой отрывокъ изъ письма, напечатаннаго въ Siècle:

«Полковникъ Анвити, хотя и носилъ графскій титулъ, былъ человѣкъ безъ всякаго образованія. Будучи главнокомандующимъ маленькой пармской арміи и генералъ-директоромъ полиціи, онъ имѣлъ безграничную власть, которою пользовался для совершенія всевозможныхъ жестокостей. Онъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы присутствовать при наказаніяхъ и оскорблять свои жертвы въ ту минуту, когда палачъ билъ ихъ. По очень сильнымъ уликамъ его обвиняютъ въ томъ, что онъ повѣсилъ въ тюрьмѣ нѣсколькихъ человѣкъ безъ всякаго суда надъ ними».

Вотъ еще нѣсколько строкъ изъ Opinione.

«Анвити на Пармской станціи былъ узнанъ человѣкомъ, который, какъ говорятъ, былъ подвергнутъ имъ тѣлесному наказанію; присутствуя при наказаніи, полковникъ ругался надъ нимъ во все продолженіе наказанія».—«Кофейная, въ которую народъ притащилъ полумертваго Анвити изъ казармы, была та самая, гдѣ въ прежнія времена любилъ онъ сидѣть, хвалясь тѣлесными наказаніями и другими жестокостями, которыя дѣлалъ.»—«При возстановленіи порядка, нѣсколько человѣкъ изъ толпы было ранено. Тотъ, который держалъ отрѣзанную голову, не отдавалъ ея, пока самъ получилъ семь ранъ. Его ярость объясняется тѣмъ, что онъ подвергался тѣлесному наказанію въ присутствіи Анвити, который всегда присутствовалъ при тѣлесныхъ наказаніяхъ и при каждомъ ударѣ ругался надъ своими жертвами, приговаривая: вотъ тебѣ за viva l'Italia! вотъ тебѣ за слова: прочь австрійцевъ! и т. д.»

Не останавливаясь на нравственныхъ качествахъ Анвити, мы соберемъ изъ этихъ разсказовъ только тѣ черты, которыя прямо относятся къ сценѣ 5 октября. Но прежде всего сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній.

Тѣлесное наказаніе въ Италіи имѣетъ значеніе, какого не имѣетъ даже во Франціи. Итальянецъ даже самаго низкаго званія чувствуетъ обидность удара точно также, какъ въ другихъ странахъ человѣкъ свѣтскаго общества. Онъ считаетъ, что ударъ на всю жизнь обезчестилъ его, и что эта обида можетъ быть омыта только кровью оскорбителя, какъ у насъ ударъ по щекѣ. Надобно также вспомнить, что прежняя безпредѣльная увѣренность жителей Пармы,

Модены и проч. въ легкости присоединенія къ Піэмонту въ послѣднее время смѣнилась столь же безпокойными опасеніями: они видятъ опасности со всѣхъ сторонъ, повсюду подозрѣваютъ злоумышленія и заговоры. Вспомнимъ также вспыльчивость итальянскаго характера и то, что носить при себѣ кинжалъ между итальянцами не такая рѣдкость, какъ у другихъ европейцевъ.

На Пармской станціи Анвити попалъ въ толпу людей, родственниковъ, которыхъ онъ безъ суда казнилъ, и которыхъ самихъ онъ подвергалъ тѣлесному наказанію, ругаясь при томъ надъ ними. Дѣйствительно, узнанъ былъ онъ однимъ изъ такихъ людей; главную роль въ толпѣ, поражавшей его кинжалами, играли братья Карини, мясники, ремесло которыхъ не располагаетъ къ кротости, братъ которыхъ былъ казненъ Анвити, и одинъ изъ которыхъ также подвергался отъ него тѣлесному наказанію; его голова была тоже въ рукахъ человѣка, котораго подвергалъ онъ тѣлесному наказанію. Главнымъ мѣстомъ дѣйствія была кофейная, извѣстная тѣмъ, что онъ хвалился въ ней тѣлесными наказаніями, которыя производилъ. Толпа думала, что онъ пріѣхалъ въ Парму устраивать заговоръ для возстановленія правительства, при которомъ пользовался безотчетною властью. Толпа думала, что если она выпуститъ его изъ рукъ, передавъ на судъ правительства, правительство тайно освободитъ его, какъ освобождало другихъ подобныхъ ему агентовъ прежняго правительства. Кинжалы были подъ руками, — все, что происходило далѣе, было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ опьяненія, въ которое впадаетъ каждое многочисленное общество, разъ увлекшись страстью.

Но само собою разумѣется, что пармское правительство должно было смотрѣть на самоуправную казнь Анвити, какъ на преступленіе. Немедленно приняты были мѣры для отъисканія участниковъ этой сцены. Корреспондентъ Daily News, пріѣхавшій въ Парму на другой день послѣ нея, нашелъ уже многихъ людей арестованными. Однакоже Фарини, который къ несчастію былъ 5 октября въ Моденѣ и присутствіе котораго, вѣроятно, значительно смягчило бы кровавую сцену, возвратившись въ Парму, нашелъ нужнымъ придать еще болѣе строгости преслѣдованію, отрѣшилъ отъ должности многихъ чиновниковъ, чтобы замѣстить ихъ болѣе энергическими, и издалъ прокламацію, написанную съ пламеннымъ гнѣвомъ. Онъ говорилъ жителямъ Пармы: «Вашъ городъ осквернень ужаснымъ преступленіемъ. Наша добрая слава поражена, свобода профанирована, Италія оскорблена» и т. д. Мы не увѣрены въ томъ, что Фарини говорилъ это по собственному убѣжденію, а не для того только, чтобы удовлетворить консервативныя силы на континентѣ Европы. По всей вѣроятности, ему казалось, что смерть Анвити — просто не-

счастный случай, слишкомъ достаточно объясняемый прежними отношеніями убитаго къ людямъ, бросившимся на него, и что всѣ послѣдующія подробности бѣшенства, выразившагося на его трупѣ, какъ ни возмутительны сами по себѣ, происходили не отъ преднамѣренной свирѣпости, а только отъ натуральнаго опьяненія разгорѣвшейся страсти, въ которой, конечно, раскаявались черезъ нѣсколько часовъ люди, поддавшіеся внезапному порыву ея. Мы полагаемъ, что говоря о характерѣ этого случая иначе, онъ только уступалъ необходимости отнять у враговъ Италіи предлогъ къ обвиненію временныхъ итальянскихъ правительствъ въ покровительствѣ революціоннымъ сценамъ или безсиліи наказывать ихъ. Впрочемъ, очень можетъ быть, что мы и ошибаемся. Смерть Анвити могла дѣйствительно поразить Фарини, подобно другимъ либераламъ воображавшаго, что политическіе перевороты могутъ совершаться безъ всякихъ случаевъ нарушенія уличной тишины; продолжительное поруганіе толпы надъ тѣломъ убитаго могло возмутить пармскаго диктатора, по обыкновенію либераловъ идеалистически державшаго въ головѣ двѣ равно мечтательныя мысли, противорѣчащія одна другой: народъ — свирѣпый звѣрь, котораго нельзя выпускать изъ клѣтки; народъ — способенъ къ невозмутимой кротости и неотступному соблюденію всѣхъ прекрасныхъ формъ. Люди, подобные правителямъ центральной Италіи, никакъ не могутъ дойти до понятія, что народъ — просто собраніе такихъ же людей, какъ и всякіе другіе люди, то есть людей способныхъ, подъ вліяніемъ страсти, увлекаться до крайности и въ хорошую и въ дурную сторону, людей, въ жизни которыхъ неизбѣжны и натуральны случаи поочередныхъ увлеченій въ обѣ эти крайности. Никакъ это не понимая, они сами безпрестанно приходятъ въ экстазъ, — то въ экстазъ восторга, когда народъ сдѣлаетъ что нибудь энергическое въ хорошемъ смыслѣ, — таково было состояніе духа правителей центральной Италіи до 5 октября, чрезвычайно удивлявшихся патріотизму народа, — то въ экстазъ негодованія, если народъ увлечется какимъ нибудь неблаговиднымъ порывомъ, какъ 5 октября въ Пармѣ: они не умѣли предвидѣть ни того, ни другаго, не предполагали въ народѣ той смѣси хорошаго съ дурнымъ, изъ которой составляется жизнь каждаго человѣка. Подумавъ хорошенько, мы убѣждаемся, что Фарини не могъ взглянуть на дѣло хладнокровно: онъ былъ изумленъ, пораженъ, потому дѣйствительно долженъ былъ вознегодовать.

Впрочемъ, все равно, показываетъ ли Фарини только видъ, что не понимаетъ сущности дѣла, или въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ негодованіе и ужасъ. Какъ напрасны оказались мечтательныя усилія временныхъ правительствъ центральной Италіи предотвратить появле-

ніе всякихъ революціонныхъ сценъ въ революціонномъ дѣлѣ, точно также напрасны останутся и всѣ ихъ усилія освободиться отъ упрека со стороны консерваторовъ за смерть Анвити. Что бы ни говорилъ и ни дѣлалъ Фарини, консерваторы все-таки будутъ утверждать, что нынѣшнее пармское правительство потворствовало страстямъ, убившимъ Анвити; что по крайней мѣрѣ его существованіе благопріятствовало развитію этихъ страстей; что революціонное движеніе неизбѣжно ведетъ къ подобнымъ происшествіямъ. Что бы ни дѣлали временныя правительства центральной Италіи, они останутся революціонными и анархичными въ глазахъ консерваторовъ. Сказать ли правду? — въ сущности мнѣніе консерваторовъ будетъ основательно.

Мы останавливались такъ долго на пармской сценѣ 5 октября только потому, что она уже служитъ для враговъ итальянскаго единства поводомъ, сильнѣе прежняго выставлять революціонный характеръ этого движенія и несовмѣстность его съ консервативными принципами, которымъ слѣдуютъ континентальныя правительства Западной Европы. Толпа такъ называемыхъ порядочныхъ людей, голосъ которой составляетъ общественное мнѣніе, и которая всегда слѣдуетъ минутнымъ впечатлѣніямъ и поверхностнымъ выводамъ, неминуемо поддастся вліянію этого факта и другихъ ему подобныхъ революціонныхъ сценъ, которыя не замедлятъ послѣдовать за нимъ, какъ только центральныя области Италіи увидятъ себя въ дѣйствительной опасности отъ заговоровъ и вмѣшательствъ для возстановленія прежняго порядка вещей. Прежде толпа вслѣдъ за либералами твердила объ удивительныхъ качествахъ итальянскаго движенія, столь умѣреннаго и не имѣющаго будто бы никакихъ наклонностей къ отвратительному революціонерству. Скоро она будетъ повторять вслѣдъ за консерваторами, что итальянское дѣло запятнано кровью Анвити и другими революціонными сценами, которыхъ надобно ждать, лишь только вопросъ пріймetъ серьёзный оборотъ. Впрочемъ, и сами либералы, какъ мы говорили, съ негодованіемъ разсуждаютъ о гнусности убійства, совершеннаго кровожадными извергами въ Пармѣ. Намъ кажется, что безъ такого отношенія къ общественному мнѣнію весь этотъ случай былъ бы совершенно ничтоженъ. Перестанемъ же наконецъ заниматься имъ.

И теперь, при разсужденіяхъ о немъ, а еще больше въ прежнихъ нашихъ обзорахъ, мы очень много говорили о томъ, что правительства центральной Италіи не понимаютъ своего положенія и не умѣютъ дѣйствовать сообразно съ своими цѣлями. Дѣйствительно, нѣсколько мѣсяцевъ потеряли они совершенно понапрасну. Читатель помнитъ, что мы не говоримъ о томъ, хороша или дурна цѣль, къ которой они хотятъ привести Италію. Мы не хотимъ ни доказывать

справедливости ихъ дѣла, подобно либераламъ, ни говорить о его святотатственности, подобно консерваторамъ. Съ одной стороны мы видимъ, и каждый читатель видитъ самъ, династическія права, освященныя трактатами и всѣми правительственными преданіями континентальной Европы. Съ другой стороны находится, какъ тоже знаетъ каждый читатель, стремленіе итальянскаго народа къ единству для достиженія независимости отъ иностранцевъ. На которой сторонѣ должно быть сочувствіе читателя, онъ самъ долженъ знать и безъ насъ. Мы говоримъ только о томъ, что каково бы ни было дѣло центральной Италіи, хорошо или дурно, временныя правительства не умѣли вести его тѣмъ способомъ, какого оно требовало. Но должно сказать въ ихъ извиненіе, что тому же самому упреку подлежитъ и сардинское правительство, которое, будучи болѣе твердымъ и сильнымъ, должно было бы выказывать больше энергіи и ободрять своихъ слабыхъ союзниковъ. Когда Кавуръ управлялъ Сардиніею и былъ предметомъ всеобщихъ похвалъ, мы не раздѣляли господствовавшаго мнѣнія о мудрости его политики. Мы говорили еще до начала войны, что онъ запутываетъ Сардинію въ такія отношенія, при которыхъ она утратитъ свою самостоятельность, и что, несмотря на всю свою дипломатическую тонкость, сардинскій министръ вовлечетъ въ обманъ, подвергнетъ горькому разочарованію и себя и сардинскій народъ. Теперь, когда графъ Кавуръ, видя себя обманутымъ, видя Піэмонтъ попавшимъ подъ зависимость отъ Франціи, удалился отъ дѣлъ, приходится жалѣть о томъ, что не онъ управляетъ дѣлами государства, которое введено въ такое затрудненіе его же собственною непроницательностью. Положеніе дѣлъ въ Сардиніи таково, что власть перешла къ людямъ, въ сравненіи съ которыми графъ Кавуръ заслуживалъ бы полнаго сочувствія. Онъ хотя что нибудь дѣлалъ бы; у него по крайней мѣрѣ есть энергія и смѣлость. Нынѣшній первый министръ, генералъ де ла-Мармора, бывшій при Кавурѣ военнымъ министромъ, оказывается человѣкомъ лишеннымъ и этихъ качествъ, которыя теперь были бы нужнѣе всего. Центральная Италія требуетъ помощи и руководства отъ Піэмонта, а Піэмонтъ обнаруживаетъ полнѣйшее безсиліе и самую жалкую робость. Мы любимъ пользоваться чужими свидѣтельствами при изложеніи фактовъ, изъ которыхъ дѣлаемъ выводы; потому просто переведемъ два письма итальянскаго корреспондента Times'a, написанныя изъ Турина.

«*Туринъ, 28 сентября.*

«Піэмонтъ смѣло выступилъ бойцомъ за единство и независимость Италіи; два раза въ десять лѣтъ онъ рисковалъ самымъ суще-

ствованіемъ своимъ для осуществленія этой цѣли. Честолюбіе или патріотизмъ былъ причиною такой политики, все равно, результатъ ея былъ ясенъ. Маленькое королевство стало во главѣ итальянскаго движенія, и всѣ земли, гдѣ говорятъ на итальянскомъ языкѣ, признавали Сардинію своею предводительницею въ національномъ дѣлѣ. Къ изумленію скептическихъ дипломатовъ, казался исчезнувшимъ духъ узкаго провинціализма, на которомъ было построено столько гипотезъ. Ни одна область не хотѣла отстать отъ другихъ, и каждая изъ освобождавшихся отъ угнетенія итальянскихъ земель, какъ только становилась госпожею своей судьбы, спѣшила соединить свою участь съ участью земли и династіи, которыя отважились сдѣлать первый и опаснѣйшій шагъ.

«Почетнымъ положеніемъ для маленькаго государства была такая диктатура, такое супрематство. Но это супрематство имѣло свои опасности. Еслибъ императорская программа даже вполнѣ осуществилась, еслибъ Италія освободилась отъ Альпъ до Адріатики и царственный благодѣтель, съ безпримѣрнымъ безкорыстіемъ, удалился съ своими легіонами за Альпы, все-таки было бы Геркулесовскимъ подвигомъ соединить и организовать земли, до сихъ поръ бывшія разрозненными, сохранить на будущее время итальянскою силою то, что было пріобрѣтено силою иноземцевъ. Еще гораздо труднѣе, но за то и еще гораздо славнѣе сдѣлалась эта задача послѣ Виллафранкскаго мира. Онъ далъ итальянцамъ только возможность испытать шансы войны, если они дѣйствительно имѣли рѣшимость на попытку своими силами сдѣлать то, чего неразсудительно ждали отъ другихъ. Ихъ руки были развязаны, и самъ императоръ, во второй своей миланской прокламаціи, сказалъ имъ, что остальное должны они сдѣлать сами.

«Два мѣсяца прошло съ той поры, — два мѣсяца драгоцѣннаго времени, и какъ же воспользовались этими двумя мѣсяцами? Цюрихская конференція влачила въ это время свое безполезное существованіе, какъ будто вызывая Италію дѣйствовать и приготовиться къ дѣлу. Теперь была для Піэмонта минута показать себя предводителемъ итальянцевъ; національная партія обращала свои взоры на Туринъ.

«А Туринъ спитъ, или какъ будто находится въ сомнамбулизмѣ; онъ неподвиженъ или повинуется жестамъ великаго магнетизера. Какъ будто всякая дѣятельность и рѣшимость покинула правительство вмѣстѣ съ Кавуромъ. Прочтите отвѣты, данные депутаціямъ Тосканы, герцогствъ и Романьи, и вы угадаете все по этимъ отвѣтамъ. Во всемъ таже апатія и нерѣшимость, таже робость и малодушіе. Разумѣется, каждому понятна щекотливость положенія, въ

какое Сардинія поставила себя относительно своего могущественнаго союзника, которому она столь многимъ обязана, котораго не можетъ она раздражать безъ величайшей опасности для себя. Но именно въ подобныхъ положеніяхъ, смѣлость неизмѣнно бываетъ лучшею политикою; она укрѣпляетъ довѣріе друзей и внушаетъ страхъ врагамъ, а противоположная система ободряетъ враговъ и отнимаетъ мужество у друзей. Но смѣлость этого рода требуетъ рѣшимости поддерживать дѣлами и жертвами то, что сказано словами. При энтузіазмѣ, какой показало населеніе Верхней Италіи, Сардинія могла бы въ эти два мѣсяца составить армію, по крайней мѣрѣ, въ 150,000 человѣкъ. Она тутъ не встрѣтила бы недостатка ни въ деньгахъ, ни въ людяхъ; и если бы теперь она объявила, что согласна на присоединеніе государствъ центральной Италіи, чѣмъ она рисковала бы? Даже и такой могущественный человѣкъ, какъ императоръ Наполеонъ, не отважился бы на столько презрѣть общественное мнѣніе Европы, чтобы обратить свои легіоны противъ своей союзницы. Все, что могло бы случиться,—развѣ только то, что онъ отозвалъ бы ихъ, и оставилъ бы на волю судьбы итальянцевъ, которые теперь плотнѣе соединены и сильнѣе, чѣмъ когда нибудь.

«Но положимъ, что Сардинія и центральная Италія не имѣютъ достаточной самоувѣренности, чтобы быть отважными въ своей политикѣ; самое простое благоразуміе должно было бы совѣтовать имъ не щадить никакихъ усилій для развитія своихъ военныхъ силъ, чтобы имѣть въ будущемъ возможность воспользоваться первымъ представляющимся благопріятнымъ случаемъ, и непостижимая апатія въ этомъ отношеніи болѣе всего подняла во всей центральной Италіи ропотъ противъ нынѣшняго сардинскаго министерства и особенно противъ главы его, генерала де-ла-Марморы. Неудовольствіе владычествуетъ во всѣхъ и въ каждомъ; каждый, съ кѣмъ бы вы ни заговорили, жалуется, и газеты повторяютъ жалобу.

«Съ тѣмъ здравымъ смысломъ, который руководитъ въ критическія времена мыслями массы, какъ инстинктъ руководитъ животную натуру, всѣ вопросы внутренней политики здѣсь отброшены; никто не думаетъ о палатахъ и парламентскихъ преніяхъ, никто не заботится о медленности, какая видна въ окончательной организаціи Ломбардіи; каждый чувствуетъ, что есть нѣчто болѣе важное для общей цѣли, для единства и независимости Италіи, что важнѣйшее дѣло — организація военныхъ силъ. Даже не принимая присоединенія земель центральной Италіи, Сардинія должна была употребить всѣ усилія для ихъ военнаго устройства; этого ожидали всѣ. Вашъ тосканскій корреспондентъ разсказалъ вамъ, каковы успѣхи этого дѣла, и мнѣ нечего прибавить къ его словамъ, кромѣ того,

что я долженъ передать вамъ всеобщее впечатлѣніе, приписывающее истинную причину жалкаго положенія военныхъ силъ центральной Италіи, апатіи, чтобы не сказать нерасположенію, піэмонтскаго правительства. Всѣ земли на югъ отъ По ждали отъ сардинскаго правительства руководства въ этомъ дѣлѣ; руководить ими было бы не только легко, это было бы обязанностью Піэмонта, по всеобщему убѣжденію. Само правительство почти признало это, пославъ въ центральную Италію генерала Фанти. Но если бы кто сталъ приводить политическія соображенія и опасенія по дѣлу военной организаціи земель центральной Италіи, то, конечно, уже нѣтъ никакихъ извиненій относительно Ломбардіи. Три мѣсяца прошло съ той поры, какъ Ломбардія освободилась отъ Тичино до Минчіо, и ни одинъ солдатъ не прибавленъ къ національнымъ силамъ. Единственная вещь, которую сдѣлали, состояла въ томъ, что пять полковъ ломбардскихъ волонтеровъ, которыхъ набралъ Гарибальди, уменьшили въ два полка и послали двухъ піэмонтскихъ офицеровъ командовать ими. Даже тѣ 10,500 ломбардскихъ солдатъ, которыхъ возвратила Австрія, были разосланы по домамъ (*). Не дѣлая никакого прибавленія къ войску изъ новой провинціи, министерство значительно уменьшило даже существовавшую сардинскую армію, отпустивъ резервы, созванные во время войны; такъ что теперь, по присоединеніи Ломбардіи и при готовности герцогствъ, Тосканы и Романьи, помогать общему дѣлу, Сардинія едва ли можетъ выставить въ поле двѣ трети того числа войскъ, какое имѣла при началѣ послѣдней войны. А между тѣмъ, замѣтьте, Австрія имѣетъ 250,000 войска въ Венеціанской области, и столь многіе вопросы еще не разрѣшены. Какимъ образомъ это произошло, объяснить не трудно. Короля никто не осуждаетъ; онъ популяренъ по прежнему, если не больше прежняго, и между прежними и между новыми своими подданными; но очень многіе имѣли случай изучить странныя понятія перваго министра, которыми объясняется все. Представьте себѣ Дармштадскаго или Гессенъ-Кассельскаго министра, сдѣлавшагося первымъ министромъ достигшей единства Германіи: по всей вѣроятности онъ захочетъ всю Германію обратить въ Дармштатъ или Гессенъ-Кассель.

«Еще во время войны храбрый генералъ и его партія, которая, впрочемъ, очень малочисленна даже въ арміи, дѣлали всевозможныя затрудненія устройству національныхъ силъ. «Будьте піэмонтцами, или намъ васъ не нужно»,—таковъ былъ ихъ девизъ, и, благодаря

(*) Австрія возвратила въ Ломбардію тѣхъ солдатъ своей арміи, которые были родомъ изъ этой области.

этому девизу военнаго министра, Гарибальди вступилъ въ Ломбардію съ солдатами, у которыхъ не было ни обуви, ни платья. Къ счастію, ломбардскіе города думали иначе и снабдили храбрый отрядъ всѣмъ нужнымъ. Пока былъ министромъ Кавуръ, онъ всячески старался противодѣйствовать этой узкой и нелѣпой политикѣ, но не могъ совершенно преодолѣвать ее, и потому вмѣсто 20 или 30,000 человѣкъ у Гарибальди, даже въ лучшія времена, не было больше 5,000. Теперь Кавуръ живетъ въ деревнѣ, а де-ла-Мармора первый министръ. Боязнь, чтобы піэмонтская армія не обратилась въ національную армію, заставила потерять два съ половиною мѣсяца, заставила уничтожить легіонъ Гарибальди, заставила отстранить самаго Гарибальди, призываемаго общественнымъ мнѣніемъ Италіи организовать войска центральной Италіи; эта же боязнь замедляетъ военную организацію Ломбардіи. Дѣло дошло до того, что королю представлена изъ Милана просьба, требующая поспѣшить устройствомъ ломбардскихъ военныхъ силъ.»

«Туринъ, 30 сентября.

«Если бы мѣстныя политическія новости должны были составлять предметъ моихъ писемъ, я могъ бы посылать вамъ бѣлые листы, потому что такого продукта, какъ мѣстныя политическія новости, здѣсь въ настоящее время не находится. По дѣлу о рѣшеніи итальянскаго вопроса можно сообщить много извѣстій изъ Парижа или Вѣны, можно довольно много извѣстій сообщить изъ Тосканы и всякой другой средней и южной Итальянской области, не исключая даже маленькихъ герцогствъ Пармскаго и Моденскаго; но ровно нечего сообщить объ этомъ изъ столицы народа, который выступилъ передовымъ бойцомъ итальянской независимотти. Это можетъ казаться страннымъ, но это такъ. Въ самую критическую эпоху борьбы, Піэмонтъ совершенно исчезъ, или, лучше сказать, принудилъ себя исчезнуть со сцены. Всѣ играютъ роль въ этомъ дѣлѣ: императоръ Наполеонъ, отъ котораго ждутъ рѣшенія; императоръ австрійскій, дѣлающій предложеніе за предложеніемъ; нейтральныя державы, предлагающія совѣты; папское правительство, приготовляющееся занять Романью при первомъ удобномъ случаѣ; даже маленькія герцогства, отважившіяся выразить желанье и, по мѣрѣ своихъ силъ, дѣлающія все для его исполненія. Одинъ Піэмонтъ, боецъ итальянской независимости, не только не принялъ твердаго и достойнаго положенія, но даже не осмѣливается сдѣлать и того, чего не поколебались сдѣлать маленькія герцогства, — не осмѣливается выразить ни мнѣнія, ни желанія; онъ только осмѣливается предоставлять все рѣшенію другихъ. Золотое яблоко, пред-

метъ его давнихъ желаній, само дается ему въ руки, а онъ надѣется своимъ смиреніемъ и умѣренностью тронуть сердца императоровъ. Иначе нельзя объяснить этой непростительной апатіи, этой робости, этого совершеннаго подчиненія чужому рѣшенію.

«Все это было бы чрезвычайно похвально, еслибы Сардинія хотѣла получить не первенство въ Италіи, а Монтіоновскую премію въ Парижѣ. Но, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, каково должно быть впечатлѣніе, производимое такою политикою на умы остальныхъ итальянцевъ, привыкшихъ надѣяться на Сардинію? Это значитъ покидать ихъ въ кризисѣ, который былъ вызванъ въ значительной степени самою Сардиніею. Это значитъ ронять Сардинію во мнѣніи итальянцевъ и ободрять всѣ силы, враждебныя итальянской національной идеѣ. Надобно помнить, что единодушіе, съ которымъ верхняя и средняя Италія захотѣла примкнуть къ Сардиніи, происходило не отъ страстной любви къ самой Сардиніи или къ ея учрежденіямъ, не отъ восторженнаго желанія сдѣлаться непремѣнно піэмонтцами; оно основывалось на мысли, что Піэмонтъ будетъ служить центромъ, вокругъ котораго могъ бы соединиться народъ, говорящій итальянскимъ языкомъ и имѣющій итальянскія тенденціи. Постояннымъ аргументомъ людей, противившихся соединенію Италіи, было то, что Піэмонтъ едва можетъ считаться итальянскимъ государствомъ и во многихъ отношеніяхъ отсталъ отъ другихъ итальянскихъ земель, и что потому присоединеніе къ Сардиніи было бы для Италіи скорѣе потерею, чѣмъ выигрышемъ. Да и народы сѣверной Италіи не имѣли иллюзій относительно Піэмонта. Но стремленіе къ національному единству было такъ горячо, что для него все другое забывалось. Теперь найдутся люди, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ напомнятъ итальянцамъ, что такое Піэмонтъ.

«Чувство массъ всегда наклонно переходить отъ одной крайности къ другой и переходъ совершается у него быстро. Отреченіе отъ мѣстныхъ и провинціальныхъ преданій, стремленіе къ соединенію со всѣми возможными пожертвованіями было такъ внезапно и пылко, что необходимо должна послѣдовать за нимъ реакція, если оно не будетъ поддержано до самой поры своего осуществленія. Сардинія, становясь во главѣ движенія, принимала на себя обязанность поддерживать его. Пока продолжалась война, это было легко; каждая побѣда надъ австрійцами служила новымъ ободреніемъ желаній остальной Италіи, каждый дюймъ итальянской земли, отнимаемой у австрійцевъ, служилъ для Сардиніи новымъ правомъ на супрематство. Пока слышался громъ пушекъ, онъ заглушалъ всѣ другіе звуки. Всѣ мелкіе сардинскіе недостатки искупались имъ. Задача единства исполнялась, какъ всѣ думали, самымъ дѣйствительнымъ спо-

собомъ. Французскія и сардинскія войска освобождали Италію, потому могла быть терпима отсрочка въ составленіи національной арміи. Необходимость политической и административной организаціи не чувствовалась, пока дѣйствовали другіе и Италія не призывалась сама исполнять свое дѣло.

«Теперь все это перемѣнилось. Итальянскіе патріоты призваны исполнить обѣщаніе, которое произносили такъ часто: l'Italia farà da se,—«Италія устроится безъ чужой помощи». Убѣжденіе въ этомъ быстро распространяется, и таковъ страхъ видѣть всѣ надежды разрушившимися въ послѣднюю минуту, что господствуетъ почти всеобщее расположеніе слѣдовать за кѣмъ бы то ни было, лишь бы онъ взялъ на себя иниціативу. Италія ищетъ предводителя; въ комъ нашла бы она его, не было бы и сомнѣнія, еслибы піэмонтское правительство, принявшее власть послѣ Виллафранкскаго трактата, исполнило свою обязанность.

«Несчастьемъ не для одного Піэмонта, но и для всей Италіи было то, что Кавуръ удалился въ эту, самую критическую минуту; потому что съ нимъ въ эту минуту потеряла силу партія, понимавшая, что Піэмонтъ, для исполненія своего предназначенія въ Италіи, долженъ расширить свои владѣнія, чтобы они вмѣстили новый элементъ, — понимавшая, что Піэмонтъ долженъ сдѣлаться предводителемъ Италіи. Нынѣшнее министерство, или, лучше сказать, глава его, вмѣсто того, чтобы расширить піэмонтскія учрежденія, хотѣло бы втѣснить всю Италію въ Піэмонтъ. Нынѣшній первый министръ служитъ представителемъ узкаго піэмонтскаго провинціализма. Въ правительствѣ есть люди, видящіе безразсудство такого стремленія, — напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ (Ратацци); но сила перваго министра такова, что его взглядъ пересиливаетъ идеи всѣхъ его товарищей. Онъ остался непоколебимъ послѣ Виллафранкскаго трактата и не устрашился трудностей. Это вмѣняется ему въ большую заслугу, и, конечно, заслуживало бы большаго уваженія, если бъ, оставшись въ министерствѣ, онъ продолжалъ идти прежней дорогой; но этого не слѣдовало бы и ожидать: это значило бы требовать, чтобы обыкновенный человѣкъ совершалъ геркулесовскіе подвиги.

«Результатъ этого — жаркіе споры, не подвигающіе дѣла впередъ. Никогда не было столь благопріятнаго случая доказать свѣту, что Піэмонтъ понимаетъ свое назначеніе быть предводителемъ и организаторомъ итальянскаго движенія. Ломбардія была окончательно присоединена и никакія политическія соображенія не мѣшали заняться ея политическимъ и военнымъ устройствомъ. Но вотъ прошло уже три мѣсяца, и Ломбардія все еще остается въ томъ не-

устроенномъ положеніи, какъ была при началѣ движенія. Ни одинъ ломбардскій полкъ не прибавился къ національному войску, кромѣ легіоновъ Гарибальди; а по внутренней организаціи только и было сдѣлано, что попытка ввести сардинскую систему налоговъ, сардинскіе уголовные законы и сардинскую систему первоначальнаго обученія; но эту попытку надобно было бросить, потому что она не нашла сочувствія въ Ломбардіи. Натуральнымъ образомъ, нужны были итальянскія, а не піэмонтскія учрежденія. Новыя обстоятельства требовали новыхъ учрежденій, новыхъ законовъ на болѣе широкомъ основаніи. Кажется, даже правительство чувствовало эту потребность, потому что министръ внутреннихъ дѣлъ формально выразилъ ее при вступленіи въ должность и учредилъ комитеты для составленія новыхъ законовъ. Но до сихъ поръ нѣтъ никакого слѣда дѣятельности этихъ комитетовъ, и все остается въ прежнемъ видѣ.

«Къ счастію, не весь Піэмонтъ раздѣляетъ мнѣнія или апатію правительства, и если вверху летаргія, то внизу есть жизнь, и жизнь здоровая. Кажется, какъ будто дѣятельность, прежде исключительно принадлежавшая правительству, перешла къ журналистикѣ. Въ Туринѣ явилось множество дешевыхъ газетъ: онѣ продаются въ большомъ количествѣ, находятся въ рукахъ каждаго; это показываетъ, что начинаетъ пробуждаться интересъ къ свободному обсужденію дѣлъ. Не только число газетъ возросло, но и характеръ ихъ чрезвычайно улучшился. Каждый, кто помнитъ высокопарную декламацію и нелѣпую полемику, составлявшую характеръ сардинской журналистики до войны и во время войны, замѣчаетъ чрезвычайную перемѣну. Это несомнѣнно служитъ началомъ здороваго выраженія общественнаго мнѣнія, котораго до сихъ поръ почти не было въ Сардиніи. Нынѣ въ газетахъ господствуетъ серьёзность, показывающая, что въ Піэмонтѣ есть люди, понимающіе важность настоящей минуты. Тонъ газетъ сталъ гораздо спокойнѣе прежняго; въ нихъ стало меньше цвѣтистой фразеологіи, политическія идеи стали формироваться.

«Замѣтимъ же, что всѣ газеты, почти безъ всякихъ исключеній, стали въ оппозицію правительству и требуютъ, чтобы оно пробудилось отъ своей летаргіи. Но еще отраднѣе этой оппозиціи то, что многіе изъ нихъ поняли, что̀ такое нужно для прекращенія летаргіи правительства, поняли, что для этого нужно созвать парламентъ. Такъ напримѣръ, въ нынѣшнемъ нумерѣ своемъ Diritto, газета, стоящая въ главѣ этого движенія, оканчивая прекрасную статью о внутренней реформѣ, спрашиваетъ, имѣетъ ли министерство власть составлять новые законы безъ согласія парламента, потому что эта исключительная власть была дана ему только на время войны. Статья

могла бы идти дальше и сказать, что нынѣшнее министерство не получило права существовать, потому что власть его не была утверждена палатами, которыя еще не собирались со времени войны.»

Нельзя не согласиться съ авторомъ этихъ писемъ, что сардинское правительство рѣшительно не исполняло до сихъ поръ своей обязанности въ дѣлѣ итальянскаго единства. Правда, велики затрудненія и страшны опасности, отнимавшія у него прежнюю смѣлость и рѣшимость. Послѣдняя война поставила Піэмонтъ въ великую нравственную зависимость отъ Франціи. Мало того, 50,000 французскаго войска остаются въ Ломбардіи, чтобы обезпечивать со стороны сардинскаго правительства исполненіе обязанностей повиновенія, возлагаемыхъ на него, по мнѣнію императора французовъ, благодарностью за помощь въ войнѣ. Австрія обнаруживаетъ замыслъ возобновить войну, какъ только убѣдится, что Франція не станетъ вновь защищать Италію. Но какъ ни велики опасности, все-таки слѣдовало дѣлать по крайней мѣрѣ то, въ чемъ не было риска. И еслибъ это было сдѣлано, теперь Сардинія могла бы уже не бояться никакого риска за себя и за остальную Италію. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ помѣшать Сардиніи усиливать свою собственную армію, кто могъ помѣшать ей помогать своими совѣтами временнымъ правительствамъ центральной Италіи, руководить ихъ дѣйствіями и послѣ каждой новой мѣры, принятой ими въ пользу единства, принимать соотвѣтственную мѣру въ собственныхъ владѣніяхъ? Сардинія могла бы говорить, что вынуждена къ такой политикѣ общественнымъ мнѣніемъ, слѣдуетъ ей только изъ опасенія пробудить революціонные безпорядки своимъ бездѣйствіемъ. Если бы она поступала хотя такимъ образомъ, она имѣла бы теперь 150,000 собственнаго войска и 100,000 войска въ центральной Италіи. Съ такими силами она не нуждалась бы ни въ чьей защитѣ отъ австрійцевъ. Что же касается до французскихъ войскъ, остающихся въ Ломбардіи, событія давно доказали, что императоръ французовъ колеблется употреблять ихъ даже противъ революціонныхъ правительствъ средней Италіи, не имѣющихъ арміи; тѣмъ менѣе могъ онъ до сихъ поръ употребить ихъ противъ законнаго правительства союзной съ нимъ державы. Но напрасны были всѣ внушенія разсчета, всѣ требованія сардинскаго народа, всѣ просьбы и усилія остальныхъ итальянцевъ: сардинское правительство руководилось исключительно угодливостью передъ Франціей и, оставляя само себя беззащитнымъ противъ австрійцевъ, оставляло безпомощной центральную Италію.

Такая жалкая политика Піэмонта въ значительной степени извиняетъ медлительность и слабость, которую обнаруживаютъ правительства центральной Италіи до послѣдняго времени, хотя все-таки

нельзя не сказать, что они измѣняютъ обязанности, лежащей на правительствахъ въ критическія времена, оставаясь позади народныхъ требованій, вмѣсто того, чтобы руководить ими и идти впереди народа. Они допустили ослабнуть народному довѣрію къ нимъ и этимъ объясняется пармская сцена 5 октября: толпа прямо говорила, что хочетъ расправиться сама съ графомъ Анвити потому, что не надѣется на правительство. Въ послѣднее время правительства центральной Италіи начали, кажется, понимать свою ошибку; по крайней мѣрѣ стали они съ половины сентября повиноваться общему голосу, требовавшему отъ нихъ большей рѣшительности. Мы знаемъ, что въ послѣднія недѣли диктаторы герцогствъ, Тосканы и Романьи, декретировали много мѣръ, клонящихся къ установленію фактическаго единства между ихъ областями и Піэмонтомъ: они постановили, что официальныя дѣйствія сардинскихъ властей должны быть признаваемы и въ центральной Италіи, напримѣръ полиція Тосканы или Романьи обязана исполнять рѣшенія сардинскихъ судовъ, если лица или имущества, которыхъ касается рѣшеніе, находятся въ этихъ земляхъ; они постановили также, что ученыя степени, даваемыя сардинскими университетами, признаются и въ центральной Италіи; они ввели сардинскій уголовный кодексъ, провозгласили, что центральная Италія принимаетъ сардинскую конституцію; они рѣшили, что должно быть установлено единство мѣръ и вѣса между Сардиніей и центральной Италіей и введена сардинская монетная система; объявили, что въ ихъ земляхъ не нужны особенные паспорты или визы для путешественниковъ, имѣющихъ паспортъ или визу отъ Сардиніи и уничтожили таможни между Сардиніею и центральной Италіей; наконецъ, для всѣхъ официальныхъ актовъ они приняли формулу, показывающую расширеніе власти сардинскаго правительства на центральную Италію: «Въ царствованіе Виктора Эммануила, избраннаго короля»; приняли сардинскій гербъ и флагъ. Постыдно сказать, что во всѣхъ этихъ мѣрахъ они не получали ободренія со стороны сардинскаго правительства, — мало того, сардинское правительство до сихъ поръ не выразило даже, согласно ли оно на эти мѣры хотя тогда, когда онѣ уже исполнены. Изъ правителей центральной Италіи пармскій и моденскій диктаторъ Фарини, съ самаго начала дѣйствовавшій рѣшительнѣе тосканскаго своего товарища Риказоли и романьольскаго Чипріани, раньше ихъ понялъ и необходимость въ этихъ мѣрахъ для осуществленія народныхъ требованій. Его вліянію и примѣру надобно главнымъ образомъ приписать то, что два другіе диктатора начали хотя отчасти исполнять свою обязанность. Въ послѣднія недѣли гораздо дѣятельнѣе прежняго занялись правительства центральной Италіи и устройствомъ воен-

ныхъ силъ. Говорятъ, что Фанти, назначенный наконецъ главнокомандующимъ центральной итальянской арміи, надѣется скоро имѣть 60,000 войска, вмѣсто прежнихъ 20,000. Кажется, что дано нѣсколько больше свободы энергическому Гарибальди, которому прежде самымъ тѣснымъ образомъ связаны были руки.

Все это прекрасно, хотя слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ теперь, тосканскому и романскому правительствамъ рѣшительнѣе отбросить апатію и медлительность, остатки которой все еще слишкомъ замѣтны въ ихъ дѣйствіяхъ, какъ будто бы только противъ воли вынуждаемыхъ у нихъ только требованіями народа и вліяніемъ Фарини. Но мы боимся, не окажется ли въ результатѣ, что не вознаградима потеря долгихъ мѣсяцевъ, пропавшихъ въ бездѣйствіи,—не окажется ли при наступленіи рѣшительной минуты, что прежняя апатія правительствъ центральной Италіи и продолжающееся малодушіе сардинскаго правительства безвозвратно повредили дѣлу итальянскаго единства. Мы боимся, не застанутъ ли центральную Ита́лію все еще не приготовившуюся къ оборонѣ тѣ попытки къ возстановленію прежняго порядка вещей, слухи о которыхъ усиливаются съ каждою недѣлею, и когда настанутъ дни борьбы, не пропуститъ ли сардинское правительство, по своему малодушію, тѣхъ минутъ, въ которыя помощь его могла бы спасти центральную Италію (*).

Давно извѣстно, что въ Мантуѣ собираются такъ называемыя войска герцога моденскаго и великаго герцога тосканскаго, т. е. наряжаются въ моденскіе и тосканскіе мундиры австрійскіе солдаты. Масса прежнихъ тосканскихъ и моденскихъ войскъ осталась на родинѣ, чтобы служить національному дѣлу, но было въ той и другой землѣ по нѣскольку сотъ человѣкъ претор[illegible]анцевъ, которые удалились въ австрійскій лагерь съ своими государями. Тотчасъ же по заключеніи Виллафранкскаго мира эти немногіе дезертиры были обращены въ кадры для принятія въ свои ряды гораздо многочисленнѣйшихъ товарищей изъ австрійской арміи. Благодаря этой простой системѣ переодѣванія, отряды, называющіеся теперь арміями герцога моденскаго и великаго герцога тосканскаго, стали довольно многочисленны и теперь достовѣрно во-первыхъ то, что они предназначаются къ вторженію въ Модену и Тоскану, а во-вторыхъ, что въ

(*) Письмо изъ Флоренціи, напечатанное въ этой книжкѣ, изображаетъ вещи въ свѣтѣ, гораздо болѣе отрадномъ, нежели въ какомъ представляются онѣ намъ. Мы понимаемъ, что трудно очевидцу воскресенія народа не очароваться, не забыть на минуту о грозѣ, собирающейся надъ свѣтлымъ праздникомъ. А если не имѣть въ виду опасностей, то, разумѣется, легко осудить тѣхъ людей, которыхъ порицаетъ нашъ корреспондентъ. Мы боимся того, что когда увидятъ нужду обратиться къ этимъ людямъ, будетъ уже поздно.

связи съ этимъ вторженіемъ приготовляется нападеніе на непокорныя земли съ противоположной стороны: папскія войска давно уже стоятъ на границахъ Романьи. Если бы подъ командою Кальберматтена, начальника такъ называемой папской арміи, находились только прежніе солдаты Пія IX, они не представляли бы большой опасности для Романьи. Но и тутъ производится тотъ же фокусъ, какъ съ мнимыми корпусами герцоговъ моденскаго и тосканскаго. Каждый день присылаются въ лагерь Кальберматтена партіи переодѣтыхъ австрійскихъ солдатъ подъ именемъ рекрутовъ, навербованныхъ въ Церковной области. Мѣсяца два тому назадъ, количество кальберматтеновыхъ войскъ не увеличивалось отъ этихъ присылокъ, потому что настоящіе урожденцы Церковной области уходили изъ арміи цѣлыми толпами, не желая сражаться противъ соотечественниковъ, дѣлу которыхъ сочувствуютъ. Но, разумѣется, когда всѣ они ушли, а австрійцы все продолжаютъ приходить, то сила арміи возрастаетъ. Она значительно увеличилась также черезъ поступленіе нѣсколькихъ тысячъ швейцарцевъ, ушедшихъ или удаленныхъ изъ Неаполя. Читатель знаетъ, что старинные договоры швейцарскихъ правительствъ о службѣ швейцарцевъ иностраннымъ державамъ или такъ называемыя капитуляціи, не возобновляются съ той поры, какъ демократическая партія въ Швейцаріи окончательно взяла верхъ надъ патриціями, продававшими своихъ соотечественниковъ реакціоннымъ правительствамъ Италіи, нуждающимся въ иностранныхъ войскахъ для поддержанія своей непопулярной политики. Лѣтомъ нынѣшняго года кончался срокъ швейцарскимъ капитуляціямъ въ Неаполѣ. Неаполитанское правительство объявило, что оно оставитъ швейцарскіе полки на своей службѣ, но что они должны называться уже не швейцарскими, а неаполитанскими, и вмѣсто своихъ кантональныхъ знаменъ имѣть неаполитанскія. Это показалось обидно швейцарскимъ солдатамъ, которые, разумѣется, презирали неаполитанское войско; а еще важнѣе то, что съ переименованіемъ въ неаполитанскихъ солдатъ, они опасались потерять высокое жалованье, которое получали до той поры, и быть сравнены въ денежномъ отношеніи съ неаполитанскими, получающими денегъ меньше ихъ. Въ одномъ изъ ихъ полковъ вспыхнулъ мятежъ, солдаты безпорядочною толпою бросились на дворцовую площадь, объявляя, что требуютъ возвращенія своихъ знаменъ или отставки. Въ сущности, они были правы, и если въ опрометчивости нарушили дисциплину или даже совершили преступленіе, убивъ и переранивъ нѣсколькихъ офицеровъ, останавливавшихъ движеніе, слѣдовало разобрать дѣло судебнымъ порядкомъ и наказать виновныхъ, не подвергая всѣхъ безъ разбора убійству. Но въ Неаполѣ господствуютъ иныя понятія и правила:

по толпѣ солдатъ, собравшихся на площади и ограничивавшихся просьбами, пустили картечь, потомъ ударили на нихъ въ штыки. Послѣ того, разумѣется, нельзя было терпѣть въ Неаполѣ и другихъ швейцарскихъ полковъ, раздраженныхъ предательскимъ истребленіемъ своихъ товарищей. Швейцарцы получили отставку, то есть дано было имъ всѣмъ то самое, чего нѣкоторые просили до рѣзни; для чего же было стрѣлять картечью и колоть штыками? — спроситъ читатель. Подобные вопросы неумѣстны относительно Неаполя. Тамъ все дѣлается не потому, чтобы могло быть нужно или полезно, а просто потому, что такъ вздумалось поступить. Но мы ведемъ рѣчь объ источникахъ усиленія папской арміи, а не о принципахъ, по которымъ ведутся дѣла въ Неаполѣ. Большая часть швейцарцевъ, удаленныхъ изъ Неаполя, поступила въ папскую армію, стоящую на границахъ Романьи. Благодаря этому и переодѣтымъ австрійцамъ, армія получила солдатъ, пригодныхъ не для одного грабежа, какъ прежде, но и для грабежа и для сраженій. Съ недѣли на недѣлю ждутъ столкновеній между нею и корпусомъ инсургентовъ, давно стоящимъ противъ нея подъ командою Гарибальди. Нѣсколько разъ уже разносились слухи о схваткахъ, впрочемъ, еще преждевременные; но Гарибальди на дняхъ отдалъ по своему корпусу приказъ, говорящій о близости рѣшительныхъ дѣйствій. Понятно, почему папскія войска медлятъ нападеніемъ: кардиналы со дня на день ждутъ, что императоръ французовъ формально выразитъ намѣреніе вступиться за нихъ, или позволитъ австрійцамъ прислать для усмиренія Романьи корпусъ уже безъ переодѣванья. Кромѣ австрійцевъ, есть у папы другіе помощники. Давно уже извѣстно, что король Неаполитанскій готовъ послать свои войска для усмиренія Романьи; они уже придвинуты къ папскимъ границамъ, и свиданіе короля съ папою въ Кастель-Гандольфо положительно имѣетъ цѣлью переговоры объ этомъ пособіи. Не одно только сходство принциповъ между папскимъ и неаполитанскимъ управленіемъ, не одна только преданность неаполитанскаго правительства интересамъ папы возбуждаетъ въ королѣ усердіе помочь усмиренію Романьи: есть у него и прямая собственная надобность постараться объ этомъ дѣлѣ. Неаполь наполненъ слухами, будто бы Гарибальди хочетъ вступить въ Неаполитанскія владѣнія, чтобы его корпусъ послужилъ точкою опоры для возстанія, на которое готовы жители всѣхъ неаполитанскихъ провинцій, отъ одного конца королевства до другаго. При всей неправдоподобности такого движенія, неаполитанское правительство серьёзно боится его, слишкомъ хорошо зная, какъ легко оно могло бы воспламенить все населеніе королевства. Говоря о вступленіи на престолъ новаго короля, мы замѣчали, что пока можно еще и не

сообщать никакихъ подробностей объ этой перемѣнѣ, потому что она не произвела ровно никакой перемѣны въ системѣ неаполитанскаго управленія. Дѣйствительно, до сихъ поръ все остается въ въ этомъ королевствѣ по прежнему, стало быть не уменьшилось, а напротивъ увеличилось общее недовольство, господствовавшее въ Неаполѣ при Фердинандѣ II, усилившись и ожесточившись отъ разочарованія въ надеждѣ на реформы, которыхъ ожидали отъ новаго короля.

Такимъ образомъ, съ одной стороны собираются при первомъ разрѣшеніи отъ Наполеона вторгнуться въ центральную Италію австрійцы въ мундирахъ солдатъ герцога Моденскаго и великаго герцога Тосканскаго, съ другой стороны собираются вторгнуться въ мундирахъ папскихъ солдатъ тѣже австрійцы, съ примѣсью дѣйствительныхъ папскихъ солдатъ. Въ случаѣ надобности, они будутъ подкрѣплены войсками короля неаполитанскаго. Могутъ получить они подкрѣпленіе и отъ Испаніи, — давно уже ходятъ слухи, что Испанія претендуетъ на право вступиться за герцога пармскаго, принца испанской династіи, предлагаетъ свои услуги и папѣ, по своему усердію къ католичеству, а больше для того, чтобы этою услугою превратить въ милость досаду кардиналовъ, которые сердятся на Испанію съ той поры, какъ во время послѣдней революціи конфискованы тамъ огромныя владѣнія монастырей. Испанія готовитъ теперь очень большое войско,—отъ 30 до 50 тысячъ,—для экспедиціи противъ нѣкоторыхъ мароккскихъ разбойничьихъ племенъ, безпокоящихъ ея владѣнія на африканскомъ берегу. Мароккскіе разбойники, конечно, достойны наказанія; но почему же, если будетъ разрѣшеніе отъ Франціи и просьба отъ папы, не обратить хотя часть этихъ силъ и на усмирсніе инсургентовъ Романьи, которые хуже всякихъ разбойниковъ въ глазахъ каждаго порядочнаго консерватора? Вотъ, мы уже насчитали довольно силъ для нападенія на инсургентовъ; но австрійцы со дня на день ждутъ, что Франція позволитъ имъ войти въ непокорныя области въ собственныхъ мундирахъ,—а у нихъ войска въ собственныхъ мундирахъ въ Венеціи сосредоточено, говорятъ, до 250,000 человѣкъ. Притомъ, почему знать?—могутъ и французы, оставленные въ Ломбардіи, пособить дѣлу укрощенія гнусныхъ убійцъ Анвити и еще болѣе гнусныхъ для консерватора либераловъ, непокорство которыхъ довело дѣла до того, что Анвити, вмѣсто того, чтобы вѣшать другихъ, самъ подвергся смерти.

Мы все говоримъ о фактахъ, о солдатахъ, а до сихъ поръ еще не упомянули о томъ, въ какомъ положеніи находится итальянскій вопросъ по дипломатическимъ переговорамъ, извѣстія о которыхъ занимаютъ

всего больше мѣста въ газетахъ. Читатели знаютъ, какъ мало значенія мы придаемъ этой сторонѣ дѣла. Осмѣлимся даже признаться, что съ тѣхъ поръ, какъ мы пишемъ эти обзоры, мы не прочли до конца ни одной изъ тысячъ напечатанныхъ по итальянскому и другимъ дѣламъ депешъ, которыя для многихъ кажутся столь важными, а иногда даже и очень интересными Послѣ такого признанія, мы уже очень смѣло можемъ прибавить, что ходъ цюрихскихъ конференцій, опечаливавшихъ своею ничтожностью даже терпѣливѣйшихъ любителей этого рода совѣщаній, очень мало интересовалъ насъ. Кажется, конференціи покончились,—мы не поручимся впрочемъ, вѣрно ли мы запомнили извѣстіе, слишкомъ бѣгло прочитанное нами,—быть можетъ, оно говорило только, что цюрихскія конференціи скоро кончатся, — а быть можетъ, говорилось въ немъ и совершенно противное, именно, что конференціи еще не скоро кончатся. Читатель, надѣемся, проститъ нашу невнимательность и забывчивость. А впрочемъ, нѣтъ, мы не ошиблись: должно полагать, что цюрихскія конференціи кончились, потому что подписанъ въ Цюрихѣ трактатъ, подтверждающій всѣ условія Виллафранкскаго мира, — но, впрочемъ, подтверждающій ихъ по какой-то странности очень недостаточно, такъ что для достаточнаго подтвержденія нужно созвать европейскій конгрессъ. Опять измѣнила дряхлая память: трактатъ не подписанъ еще, а только подписывается. Но, впрочемъ, бѣда не велика, подписанъ ли онъ, или еще только подписывается, это не составляетъ большой разницы. Во всякомъ случаѣ, консерваторы и мы вмѣстѣ съ консерваторами, которыхъ обыкновенно защищаемъ противъ либеральнаго легкомыслія, были очень утѣшены извѣстіемъ, — какого, впрочемъ, всегда и ожидали,—что подписываемый или подписанный въ Цюрихѣ трактатъ дѣйствительно подтверждаетъ всѣ Виллафранкскія условія. За то опечалены мы были подтвержденіемъ также постояннаго нашего ожиданія, что хотя трактатъ и подписанъ, и Виллафранкскія условія подтверждены, но конференціи съ трактатомъ своимъ немогли рѣшить ни одного изъ вопросовъ, опредѣляемыхъ этими условіями, кромѣ только одной передачи Ломбардіи, то есть уже совершившагося факта, о которомъ не было никакихъ споровъ, слѣдовательно не нужно было и никакихъ переговоровъ. Что же касается остальныхъ вопросовъ, особенно возстановленія низвергнутыхъ правительствъ центральной Италіи, то эти вопросы передаются на рѣшеніе конгресса, потому что не рѣшены, хотя въ тоже время и рѣшены, и напримѣръ положено, что низвергнутыя правительства должны быть возстановлены.

Какъ постичь всю эту тонкость и рѣшенную нерѣшенность или нерѣшенную рѣшенность, мы, къ сожалѣнію, рѣшительно не рѣ-

шаемся и отгадывать. Но если забыть о ней, какъ будто бы и не было нами прочитано ни одного извѣстія о цюрихскихъ конференціяхъ, и просто, безъ помощи всякихъ дипломатическихъ сообщеній и объясненій, сообразить, чѣмъ должны были кончиться цюрихскія конференціи по извѣстному всѣмъ положенію фактовъ, тогда можно будетъ понять, въ чемъ должно состоять дѣло. Франція покровительствуетъ Австріи; потому Австрія несговорчива и подняла такія страшныя притязанія, что Сардинія не могла ни въ чемъ, кромѣ того, что согласна принять Ломбардію, которую давно приняла. Затѣмъ, Франція и Австрія подтвердили, что остаются при Виллафранкскихъ условіяхъ, то есть Франція обязывается по мѣрѣ возможности поддерживать на европейскомъ конгрессѣ австрійскія требованія, на которыя уже согласилась въ Виллафранкѣ, — обѣщаніе, кажется, совершенно лишнее. Сардинія осталась къ Австріи въ прежнихъ отношеніяхъ, и упрямство это принуждаетъ Францію и Австрію передать дѣло европейскому конгрессу. Да мы забыли, что въ извѣстіяхъ о результатѣ цюрихскихъ трудовъ есть двѣ вещи, которыхъ можно было и не ожидать: во-первыхъ, кромѣ того, что Сардинія обязана принять на себя часть австрійскаго государственнаго долга, соразмѣрную населенію населенію провинціи, отошедшей отъ Австріи, — и лучше сказать не соразмѣрную, а гораздо бо́льшую, — кромѣ этого, Сардинія обязяна еще уплатить Австріи вознагражденіе за уступку Ломбардіи; говорятъ, что величина этого платежа опредѣлена въ 40 мильоновъ гульденовъ (26 мильоновъ р. сер.). Это хорошо. Во вторыхъ оказывается, что Франція должна также получить отъ Сардиніи вознагражденіе за свою помощь, — имя вознагражденія замѣняется, впрочемъ, названіемъ простой уплаты за продовольствіе и и аммуницію, которыми сардинскія войска пользовались изъ французскихъ магазиновъ; говорятъ, что эта уплата не превышаетъ 60 мильоновъ франковъ, — мы полагаемъ, что она можетъ оказаться и болѣе значительною. Прибавляютъ, что по затруднительности такого платежа для сардинскихъ финансовъ, разстраиваемыхъ уплатою вознагражденія Австріи, можетъ поступить въ замѣнъ его Савоія. Читатель помнитъ, что передъ войною ходилъ слухъ, будто Кавуръ купилъ помощь Франціи и надежду на пріобрѣтеніе Ломбардіи, Венеціи, и центральной Италіи — согласіемъ на присоединеніе Савоіи къ Франціи. Потомъ и во время войны, и особенно по ея прекращеніи постоянно происходили и продолжаются въ Савоіи попытки поднять агитацію для выраженія жителями ея желанія присоединиться къ Франціи. Но дѣло представляетъ много затрудненій, потому что расширеніе французскихъ границъ возбудило бы слишкомъ сильное неудовольствіе въ другихъ державахъ. На этомъ основаніи, мы безъ

доказательствъ болѣе несомнѣнныхъ не будемъ предполагать во французскомъ правительствѣ стремленія къ обмѣну денежнаго требованія съ Сардиніи на уступку Савоіи. Но какъ бы то ни было, мы видимъ, что сардинцы и ломбардцы должны расплатиться за свое соединеніе дороже, чѣмъ ожидали.

Итакъ, война не рѣшила итальянскаго вопроса; не рѣшили его и цюрихскія конференціи; теперь возлагается надежда на европейскій конгресъ. Какъ сильна должна быть надежда на удовлетворительное устройство итальянскихъ дѣлъ конгрессомъ, будетъ намъ время поговорить тогда, когда онъ соберется, а теперь пока идетъ рѣчь еще о томъ, соберется ли онъ. Англійское правительство говоритъ, что можетъ принять участіе въ устройствѣ судьбы Италіи только въ такомъ случаѣ, если основаніемъ ему будетъ принята свободная воля самихъ итальянцевъ; Morning Post, органъ нынѣшняго министерства, объявляетъ, что низложеніе прежнихъ династій и выраженіе желанія присоединиться къ Піэмонту англійское правительство признаетъ фактомъ не только совершившимся, но и законнымъ, и не можетъ одобрить никакого дѣйствія или рѣшенія, которое вело бы къ его нарушенію. А между тѣмъ, по Цюрихскому трактату Франція съ Австріею подтверждаютъ свое прежнее рѣшеніе о возстановленіи низложенныхъ династій. Итакъ, надобно еще подождать, какимъ способомъ успѣютъ склонить Англію къ согласію на участіе въ конгрессѣ.

Но читатель, конечно, знаетъ, что уже придуманъ способъ согласить обязательство, принятое Франціею, съ «свободнымъ желаніемъ» населенія центральной Италіи. Этого легко достичь черезъ возстановленіе низложенныхъ династій. Изъ разныхъ возможныхъ передѣлокъ, Франція и Австрія остановились пока на слѣдующей. Часть пармскаго герцогства присоединяется къ Піэмонту—итакъ, Піэмонтъ не можетъ жаловаться. Другая часть этой земли присоединяется къ герцогству Моденскому, и все это вмѣстѣ отдается бывшему герцогу пармскому. Великій герцогъ тосканскій получаетъ обратно свои прежнія владѣнія. Предварительно, герцогъ и великій герцогъ объявляютъ, что каждый изъ нихъ даетъ отдаваемой ему странѣ «либеральную конституцію». Эти конституціи составляются по общему согласію Франціею и Австріею, впрочемъ будутъ походить болѣе на французскую, чѣмъ на австрійскую, во-первыхъ, сообразно тому, что Франція теперь сильнѣе, стало быть и понятія ея имѣютъ перевѣсъ надъ австрійскими въ общихъ совѣщаніяхъ, во-вторыхъ и потому, что австрійская конституція не такъ либеральна, какъ французская, а тутъ нуженъ либерализмъ. Послѣ этого объявленія, предлагается жителямъ Модены (и части Пармской области) и Тос-

каны, хотятъ ли принять герцога и великаго герцога, дающихъ имъ такія либеральныя конституціи. Но читатель помнитъ, что мнѣніе должно быть выражено жителями свободно; для этого предварительно принимаются мѣры для освобожденія ихъ отъ происковъ и нравственнаго принужденія со стороны Сардиніи, потому что по отчетамъ графа Резе и графа Понятовскаго, бывшихъ въ той части Италіи по порученію французскаго правительства, Сардинія терроризируетъ Парму, Модену, Тоскану и рѣшеніе этихъ странъ о присоединеніи къ Піэмонту было вынужденное. Какія именно мѣры нужно будетъ принять для освобожденія ихъ отъ Піэмонтскаго угнетенія, будетъ зависѣть отъ удобства обстоятельствъ: быть можетъ, удобно будетъ ввести въ эти области французскія войска; быть можетъ найдутся средства иначе обезпечить свободу жителямъ при выраженіи согласія на покорность герцогу и великому герцогу. Но въ томъ парижскій политическій кругъ не сомнѣвается, что при надлежащемъ обезпеченіи свободы выраженія мнѣній въ Тосканѣ и Моденѣ съ прибавляемой къ ней частью Пармы, большинство голосовъ будетъ подано въ пользу герцога и великаго герцога. Такимъ образомъ, условія Виллафранкскаго мира относительно этихъ странъ исполнятся по свободному желанію самихъ жителей.

Герцогъ моденскій въ замѣнъ своего герцогства, передаваемаго герцогу пармскому, получаетъ денежное вознагражденіе.

Само собою разумѣется, что подробности этого плана могутъ измѣниться, но для насъ важна сущность его.

Излагая его, мы не говоримъ о Романьѣ,—это потому, что судьба ея рѣшена Франціею гораздо опредѣлительнѣе, нежели участь Тосканы и герцогствъ. Положительно и достовѣрно извѣстно, что Франція рѣшилась возстановить въ ней власть папы. Этого требуетъ отъ Наполеона необходимость. Онъ не хочетъ слишкомъ раздражать ультрамонтанскую партію, а она не простила бы согласія на присоединеніе Романьи къ Пьемонту. По всей католической Европѣ уже поднята агитація въ этомъ духѣ. Французскіе епископы принимаютъ въ ней дѣятельное участіе. Въ бордосской рѣчи императоръ выразилъ порицаніе волненію, которое они производятъ своими «пастырскими посланіями» (mandements),—но въ той же рѣчи онъ сказалъ, что не захочетъ отнятія провинцій у папы. Ультрамонтанскимъ газетамъ запрещено печатать «пастырскія посланія», но Univers, главная изъ нихъ, объявила своей публикѣ объ этомъ запрещеніи твердымъ и гордымъ тономъ, съ угрозами, выражающими сознаніе, что правительство не можетъ не уступить требованіямъ ультрамонтанской партіи. А, между тѣмъ, именно въ Романьѣ возстановленіе прежняго порядка потребуетъ наибольшихъ усилій, потому что раздраженіе

противъ него тамъ глубже укоренилось въ массѣ, чѣмъ гдѣ либо въ Италіи. Мы приведемъ одно изъ писемъ итальянскаго корреспондента Times'a, показывающее и силу и причины этого чувства.

«Феррара, 7 октября».

«Вчера обѣдалъ я въ общей залѣ гостинницы св. Марка, въ Луго. За разными столами сидѣли люди почти изъ всѣхъ частей Романьи. Обмѣнъ словъ отъ одного стола къ другому скоро произвелъ общій разговоръ, благодаря сообщительности итальянскаго характера. Луго торговый городъ, и его ярмарка знаменита по всѣмъ легатствамъ. Большинство обѣдавшихъ были фермеры и мелкіе купцы, но нѣкоторые изъ присутствовавшихъ принадлежали къ сословію, болѣе образованному. Послѣ нѣсколькихъ мелочныхъ замѣчаній, разговоръ обратился къ общему предмету разговоровъ по всей Италіи, — къ политикѣ. Увѣренность этихъ людей въ томъ, что они избавились отъ монашескаго управленія, равнялась твердостью своею только силѣ ненависти, съ которою всѣ они говорили о немъ. Мнѣ вздумалось, что можно теперь испытать ихъ, и я сказалъ, что «во всякомъ случаѣ» легатства навѣрное останутся подъ отдѣльнымъ свѣтскимъ управленіемъ, «если бы даже» они снова признали верховную власть папы. Въ ихъ отвѣтѣ не было досады, не было неудовольствія на мое неблагопріятное для нихъ предположеніе. Они отвѣчали спокойнымъ тономъ желѣзной, непоколебимой рѣшимости. Не будетъ моего «если бы даже» и «во всякомъ случаѣ». Они говорили, что ихъ освобожденіе отъ монаховъ дѣло конченное, безвозвратное, независимое ни отъ какихъ случайностей.

«Вы знаете, — сказалъ студентъ изъ Форли, — что жителей въ въ четырехъ легатствахъ болѣе милліона. Половина этого числа погибла бы, прежде чѣмъ какая бы то ни была человѣческая сила успѣла возстановить папское владычество надъ другою половиною. Описываютъ очень мрачными красками ужасы войны, но что значитъ всякая другая война по сравненію съ междоусобною? Страсти нашего народа сдерживаются святою надеждою, что ему будетъ оказана справедливость. Но пусть Австрія или какая нибудь другая большая держава попробуетъ усмирить насъ, и вы увидите, что ярость вспыхнетъ. Я не дамъ тогда двухъ байоковъ за жизнь монаха въ нашей землѣ. Образъ дѣйствій монаховъ подвергаетъ наше терпѣніе самому трудному испытанію. Одного изъ нихъ заставили служить Te Deum спокойнымъ, но положительнымъ объясненіемъ, что иначе его жизнь будетъ въ опасности. Въ Форли мы, міряне, отслужили Te Deum сами. Во многихъ городахъ въ это воскресенье не служили миссы. Въ однихъ духовенство не хотѣло служить ее, въ

другихъ мы не допустили его служить. Между монахами и нами смертельная вражда, и она вспыхнетъ дикою, кровавою, открытою войною, если какая нибудь могущественная держава пріймет ихъ сторону противъ насъ. Въ нашемъ видимомъ спокойствіи, въ этомъ удивительномъ порядкѣ, соблюдать который мы обѣщались другъ другу, есть разсчетливость и система. Мы всѣ единодушны. Мы не сдѣлаемъ ни шагу безъ совершеннѣйшаго согласія и взаимнаго обязательства. Мы теперь какъ стая собакъ на сворѣ. Горе тѣмъ, которые заставятъ насъ сорваться со своры! Пусть Европа судитъ о нашей непоколебимой твердости по нынѣшней нашей умѣренности, по силѣ, съ которою мы сдерживаемъ себя».

«Подлѣ меня сидѣлъ мелкій торговецъ изъ Ponte Lago Scuro, лежащаго близь Феррары. Онъ кивалъ головою въ подтвержденіе каждому слову форлійскаго студента, и когда студентъ кончилъ, онъ продолжалъ:

«Чего мы не дѣлали для примиренія, для дружелюбнаго согласшенія? Поѣзжайте по нашей области, на каждомъ шагу вы увидите арки и другіе памятники, построенные для встрѣчи Пія IX, когда онъ въ послѣдній разъ путешествовалъ по нашей провинціи, два года тому назадъ Мы готовы были позабыть послѣднія десять лѣтъ и привѣтствовать кроткаго первосвященника, который началъ свое правленіе святымъ восклицаніемъ Benedite, o Dio, all'Italia,—«Боже, благослови Италію!» Мы были готовы отказаться отъ Мацциніевыхъ демагоговъ, лишившихъ его престола; извинить многое тѣмъ страхомъ которому онъ подвергался, дурными иноземными вліяніями, подъ которыми произошло возстановленіе его трона. Мы готовы были, — Богъ тому свидѣтель! — сложить все порицаніе за его дурное управленіе съ него на его недобросовѣстныхъ совѣтниковъ. Мы были убѣждены, что ему нужно только пріѣхать къ намъ, увидѣть и услышать насъ, чтобы разсудить между нами и нашими притѣснителями. Папа пріѣхалъ, видѣлъ насъ, — что же онъ сказалъ намъ, что сдѣлалъ для насъ? Всѣ его политическія дѣйствія ограничились прощеніемъ плута, дѣлавшаго фальшивую монету. Кромѣ этого, онъ далъ намъ только свое благословеніе, а какую пользу принесло намъ это благословеніе? На слѣдующую зиму вода въ По замерзла на нѣсколько футовъ,—случай, котораго не бывало цѣлыя пятьсотъ лѣтъ,—и вся наша торговля, всѣ сношенія остановились, судоходство прекратилось, мельницы замерзли. А на слѣдующую осень наводненіе опустошило наши нивы. Да, такова польза благословеній, получаемыхъ нами отъ этихъ монаховъ. Вся ихъ цѣль въ томъ, чтобы дѣлать насъ бѣдными и невѣжественными. Когда у насъ нѣтъ никакой промышленности, никакого образованія,

они любятъ это. Чѣмъ ближе вы будете подъѣзжать къ Риму, тѣмъ яснѣе вы увидите положеніе народа, которое нравится папскому правительству, какъ идеалъ христіанской націи. Имъ нужно, чтобы у насъ въ легатствахъ третья часть людей таскались по міру, собирая милостыню, какъ въ Римѣ. Но слава Богу, мы еще не доставили имъ этого удовольствія, и не доставимъ его никогда. Мы хотимъ быть образованными и трудящимися людьми. Посмотрите на эти благодатныя долины, самыя плодоносныя въ цѣломъ божьемъ свѣтѣ, — мы создали эти нивы изъ болотъ. Наши феррарскія долины, гдѣ прежде были болота, покрыты хлѣбомъ и рисомъ. Нашимъ землямъ не нужно удобренія, ихъ нужно только осушать и уравнивать, это мы дѣлали и дѣлаемъ, въ потѣ нашего лица, а не по милости папы. Намъ нужны только улучшенія въ земледѣліи. Намъ нужны желѣзныя дороги и проселочныя дороги, свободныя сношенія съ болѣе образованными націями и сбытъ для нашихъ продуктовъ. Могутъ ли намъ дать это папа и его монахи? Можемъ ли мы это получить себѣ подъ ихъ ярмомъ? Посмотрите, первая желѣзная дорога изъ Піаченцы въ Болонью открыта только вчера, по удаленіи монаховъ. Какъ только они удалились, мы стали быстро строить желѣзныя дороги изъ Болоньи въ Равенну, Римини и Феррару, хотя находимся среди военныхъ затрудненій. Посмотрите, что десятилѣтняя свобода сдѣлала для Піэмонта. Въ 1848 году Піэмонтъ не имѣлъ и 4 миль желѣзныхъ дорогъ, а теперь онъ соперничаетъ ими съ Франціею, Бельгіею, Германіею, и линіи, устроенныя и содержимыя правительствомъ, даютъ 20 или 30 милліоновъ казнѣ. Кто не захочетъ быть Піэмонтцемъ? Друзья и синьоры! прочь монаховъ, и да здравствуетъ Италія и нашъ король, Викторъ-Эммануилъ!

«Невозможно было устоять противъ простаго, но убѣдительнаго краснорѣчія добраго купца, и я присоединилъ свой голосъ къ общему громкому ура. Мы разстались поздно вечеромъ большими друзьями, и я заснулъ съ твердой вѣрой въ пробужденіе этого народа, который такъ давно былъ угнетаемъ».

Романья, какъ видимъ, говоритъ объ отчаянномъ сопротивленіи; но извѣстно, что противъ регулярныхъ войскъ не можетъ удержаться ополченіе, не усвоившее себѣ прочной организаціи, которая бы равняла его съ дисциплинированною арміею. Потому-то мы и опасаемся, что каждый упущенный для организаціи волонтеровъ день гибельно отзовется на судьбѣ земель центральной Италіи. Безъ борьбы онѣ не сдадутся, но должно бояться того, что стройные батальоны подавятъ всякое сопротивленіе.

Теперь очевидно, что ждутъ только предлоговъ къ вооруженному вмѣшательству. Смерть Анвити уже представила одинъ такой пред-

логъ. Въ переведенномъ нами письмѣ читатель видѣлъ, что подобныхъ сценъ будетъ не мало, когда опасенія въ массѣ усилятся. Газеты стали со дня на день больше говорить о томъ, что приверженцы стараго порядка, ободряемые слухами о близости вооруженной помощи, становятся отважнѣе прежняго и составляютъ заговоры. Само собою разумѣется, это станетъ пробуждать революціонныя страсти въ массѣ и революціонныя движенія. Итакъ, предлоговъ къ вооруженному скоро будетъ гораздо больше, чѣмъ теперь.

Итальянскій вопросъ до сихъ поръ исключительно занимаетъ собою вниманіе Европы. Во Франціи пробуждали нѣкоторый интересъ только тѣ явленія, которыя были прямыми или косвенными его послѣдствіями, — напримѣръ, ультрамонтанская агитація въ пользу папскаго свѣтскаго владычества, о которой мы уже упоминали, и полемика газетъ противъ стѣсненій, которымъ онѣ подлежатъ. Она составляетъ предметъ отдѣльной статьи въ этой книжкѣ Современника, и мы здѣсь замѣтимъ только, что требованія, начавшія высказываться съ такою силою, не могутъ долго оставаться безъ вліянія на положеніе дѣлъ: надобно ожидать, что они или вынудятъ реформу, или заставятъ принять мѣры стѣсненія, болѣе прежняго сильныя. Во всякомъ случаѣ, полемика эта свидѣтельствуетъ, что общественное мнѣніе, на время отвлеченное отъ внутреннихъ вопросовъ войною, возвращается къ нимъ съ усиленнымъ интересомъ. По нашему правилу, излагать подробно только тѣ событія, которыя или особенно интересуютъ цѣлую Европу, или имѣютъ внутреннюю великую важность, мы конечно не станемъ утомлять читателя разсказами о томъ, что на Алжирской границѣ началась у французовъ война съ маррокскими племенами, которая по всей вѣроятности кончится тѣмъ, что французы нѣсколько раздвинутъ границы своихъ африканскихъ владѣній на западъ. Мы не будемъ говорить и о томъ, что французскія войска въ Кохинхинѣ изнемогли отъ болѣзней и потому отказываются отъ мыслей объ обширныхъ завоеваніяхъ въ этой странѣ, — какое дѣло не только намъ, но и самой Франціи до завоеваній въ Азіи, когда въ самой Франціи надобно было бы производить еще много завоеваній надъ бѣдностью и невѣжествомъ?

Объ Англіи ничего не приходится намъ говорить въ этотъ разъ. Національнымъ событіемъ было то, что «большой корабль», the big ship, то есть, «Восточный великанъ», Great Eastern, уже началъ свои прогулки по морю, и несмотря на неосторожность въ одной изъ техническихъ подробностей при устройствѣ трубъ, проводив-

шихъ воду въ паровики, неосторожность, которая произвела взрывъ одной изъ этихъ трубъ, онъ оказался совершенно соотвѣтствующимъ надеждѣ, какую имѣли на его достоинства. Онъ легко ходитъ по 25 верстъ въ часъ подъ неполными парами; онъ остается непоколебимъ при волненіи, производящемъ сильную качку въ самыхъ большихъ изъ прежнихъ кораблей, и развѣ только въ бурю будетъ подвергать своихъ пассажировъ морской болѣзни. Самый взрывъ засвидѣтельствовалъ чрезвычайную крѣпость его: онъ не потерпѣлъ никакого вреда отъ этого потрясенія, которое разрушило бы, говорятъ, даже линейный корабль. Но Great Eastern—не политическій фактъ, и мы здѣсь должны ограничиться этими немногими словами о немъ. Сентябрь и октябрь мѣсяцы — время совершеннаго затишья въ государственной жизни Англіи. Но въ ноябрѣ, когда по старому обычаю начинаются приготовленія общественнаго мнѣнія къ приближающейся парламентской сессіи, съ удвоенною силою должна возобновиться агитація въ пользу парламентской реформы, съ которою соединится агитація въ пользу финансовой реформы. Читатель знаетъ, что люди, бывшіе главными дѣятелями въ лигѣ противъ хлѣбныхъ законовъ, по ихъ отмѣненіи образовали лигу въ пользу финансовой реформы вообще. Они находятъ, что теперь наступила пора сильно поднять въ парламентѣ вопросъ о преобразованіи системы англійскихъ налоговъ. Кобденъ и Брайтъ согласны съ этимъ, и надобно ожидать, что митинги въ концѣ нынѣшняго года будутъ очень оживлены, а парламентская сессія слѣдующаго года пройдетъ не такъ безплодно, какъ сессія нынѣшняго года, — разумѣется, если не возникнетъ опять опасеній какой нибудь войны со стороны Франціи. Разрывъ между хозяевами и работниками по строительной промышленности (Builders' Strike), о которомъ упоминали мы въ предъидущемъ обозрѣніи, все еще продолжается, вотъ уже почти три мѣсяца, и до сихъ поръ еще неизвѣстно, когда и какъ онъ кончится.

Въ Германіи продолжаютъ толковать объ агитаціи въ пользу единства. Дѣло это приняло оборотъ, который для человѣка, незнакомаго съ характеромъ германскаго сейма, можетъ казаться подающимъ надежды, но въ сущности ведетъ только къ нескончаемой и совершенно безплодной дипломатической перепискѣ. Нѣкоторыя изъ второстепенныхъ правительствъ Германіи, чтобы избавиться отъ упрековъ за отсутствіе патріотизма, вздумали предложить сейму заняться пересмотромъ союзнаго акта. Исторія всѣхъ реформъ, которыя предполагалось совершить посредствомъ сейма, доказываетъ полнѣйшее безсиліе сейма сдѣлать что нибудь въ духѣ улучшенія; да и какія существенныя улучшенія могутъ быть предложены тѣми, кото-

рые должны потерять отъ всякаго дѣйствительнаго улучшенія? Если читатель вспомнитъ, что говорили мы въ прошлый разъ объ этомъ, онъ согласится, что сейму предложены будутъ реформы ничтожныя, да и тѣ сеймъ, послѣ долгихъ и очень скучныхъ споровъ, найдетъ невозможными, если само населеніе Германіи не потрудится разъяснить ему, что не только предложенныя реформы возможны, но необходимы еще другія, болѣе важныя.

Въ Австріи прежнія надежды на замѣненіе реакціонной системы болѣе свободною уступили мѣсто, какъ и слѣдовало ожидать, горькому разочарованію. Венгерскіе протестанты, столь осчастливленные великою реформою касавшеюся инспекторовъ школъ, имѣютъ неблагодарность объявлять, что подобныя реформы просто комедія, насмѣшка. Министры отвѣчаютъ, что они сами знаютъ это, но реформъ иного характера производить не могутъ. Они говорятъ правду. Ихъ безсиліе на добро дѣйствительно стало очевидно для всѣхъ.

Но самымъ занимательнымъ, послѣ итальянскаго вопроса, случаемъ въ европейскомъ политическимъ мірѣ было открытіе колоссальнаго заговора въ Турціи, всего только за нѣсколько дней до срока, назначеннаго къ его исполненію. Заговоръ этотъ очень интересенъ какъ фактъ, опровергающій распространенное по Европѣ предубѣжденіе, будто турецкое правительство идетъ въ главѣ реформы, постепенно распространяющей въ Турціи цивилизацію, и будто бы оно дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ вяло и плохо только потому, что нѣтъ въ турецкомъ обществѣ элементовъ, на которые могло бы оно опереться, нѣтъ многочисленной партіи, которая хотѣла бы видѣть Турцію цивилизованнымъ государствомъ. Характеръ открытаго теперь заговора доказываетъ противное. Не говоря уже о христіанскомъ населеніи Европейской Турціи, которое, разумѣется, только того и желаетъ, чтобы правительство шло путемъ реформъ, мы видимъ теперь, что даже въ турецкомъ племени есть много людей, которые были бы рады очистить Турцію отъ азіатскаго деспотизма и фанатизма и помогать осуществленію всѣхъ тѣхъ улучшеній, которыя требуются отъ него европейскими державами, и которыхъ оно не дѣлаетъ, какъ слѣдуетъ, или не дѣлаетъ вовсе.

Само собою разумѣется, что турецкое правительство употребляетъ всѣ усилія, чтобы скрыть истинныя намѣренія заговорщиковъ и выставить ихъ фанатиками, хотѣвшими истребить христіанъ и т. д., кровопійцами, хотѣвшими зарѣзать султана и т. д. Но мужество, съ которымъ заговорщики держали себя на допросахъ, одно уже могло бы свидѣтельствовать противъ такихъ обвиненій. Люди, замыслы которыхъ дурны, не были бы такъ безтрепетны предъ лицомъ смерти. Они смѣло говорили министрамъ,

своимъ судьямъ, о дурномъ управленіи, которое губитъ Турцію, о произволѣ администраціи, расточительности двора. Мы подождемъ, пока болѣе разъяснится правда, затемненная теперь офиціальными клеветами, и приведемъ нынѣ только открывокъ изъ парижской корреспонденціи Times'a (3 октября).

«Натурально было бы предполагать, что заговоръ, въ которомъ большая часть руководителей—азіатскіе турки, въ которомъ замѣшаны очень многіе мусульманскіе духовные, отчасти вызванъ мѣрами, принятыми въ послѣдніе годы въ пользу христіанъ. Но это предположеніе несправедливо. Я нигдѣ не нахожу ему подтвержденій, а очень длинное, подробное и интересное письмо, помѣщенное въ Presse, которая ручается за вѣрность его извѣстій, положительно опровергаетъ это. Оно говоритъ:

«Заговорщики думали о впечатлѣніи, какое произведетъ на Европу приготовляемый ими переворотъ. Увѣряютъ, что у нихъ былъ составленъ манифестъ для сообщенія европейскимъ державамъ. Въ этомъ актѣ излагались причины неудовольствія націи на Абдулъ-Меджида и его министровъ; представлялись свѣдѣнія о дворцовыхъ издержкахъ и суммахъ, получаемыхъ министрами. Далѣе, объявлялось, что переворотъ не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго прогрессу, цивилизаціи, а въ особенности, ничего опаснаго для христіанъ.»

«Каждый народъ имѣетъ свой методъ идти къ своимъ цѣлямъ. Турецкій заговоръ былъ по видимому нѣчто соотвѣтствующее нашей англійской лигѣ въ пользу финансовой реформы, только вмѣсто собиранія колоссальныхъ митинговъ, мирной агитаціи и краснорѣчія Кобдена и Брайта, у нашей, муфти и улемовъ были тайныя собранія въ домѣ одного изъ ихъ товарищей, близь мечети султана Баязета, и замыселъ арестовать султана и его мниистровъ. Письмо помѣщенное въ Presse продолжаетъ:

«Мѣсяца три тому назадъ составилось тайное общество съ смѣлымъ намѣреніемъ арестовать султана и измѣнить форму правленія. Главное лицо общества, Шейхъ-Ахмедъ, курдъ родомъ изъ Сулейманіе, жилъ въ медресе (училищѣ) при мечети султана Баязета. Онъ человѣкъ просвѣщенный, чуждый фанатизма, уважаемый богословъ и философъ и извѣстенъ непоколебимою честностью. Подобно почти всѣмъ туркамъ, Шейхъ-Ахмедъ печалился тѣмъ, какъ дурно ведутся государственныя дѣла, возрастающею слабостью имперіи, административными злоупотребленіями, финансовыми безпорядками, безмѣрными дворцовыми издержками. Онъ строго осуждалъ дѣйствія министровъ и слабость султана. Его слушали съ почтеніемъ и слова его получали великую силу отъ нравственнаго авторитета, которымъ онъ пользовался. Ежедневно повторяющіеся факты подтверждали эти слова и увеличивали народное

неудовольствіе. Около шейха собрались люди, раздѣлявшіе его мысли; у нихъ часто происходили совѣщанія. Это были судьи, духовные, военные, люди средняго сословія и чиновники.»

«Въ числѣ друзей шейха находился черкесъ Гуссейнъ-Паша, человѣкъ горячаго и рѣшительнаго характера, получившій извѣстность въ карскую компанію 1855 года. Онъ былъ тогда командиромъ перваго арабистанскаго полка, отличился при отраженіи русскаго штурма и за это произведенъ былъ въ генералы. Въ прошломъ году онъ былъ менѣе счастливъ въ войнѣ съ черногорцами, гдѣ корпусъ его сильно пострадалъ; подъ нимъ самимъ было убито двѣ лошади и самъ онъ едва спасся отъ смерти. Его удалили отъ командованія. Возвратившись въ Константинополь, онъ требовалъ военнаго суда, но ему отказали въ этомъ. Оставшись безъ должности и считая себя обиженнымъ, онъ питалъ неудовольствіе на правительство. Познакомившись съ Шейхомъ-Ахмедомъ, онъ охотно присоединился къ его замыслу. Мѣсяца два тому назадъ, его опредѣлили въ штабъ румелійской арміи. Онъ отказывался, но потомъ согласился и уѣхалъ. Говорятъ, что въ его отсутствіе руководителемъ движенія положили сдѣлать артиллерійскаго генерала Гассана-Пашу, командовавшаго батареями и караулами на Босфорѣ. Въ числѣ заговорщиковъ былъ также Джаферъ-Паша, албанецъ знатнаго рода, нѣкогда боровшійся противъ Порты, но во время Дунайской компаніи присоединившійся къ арміи султана съ 200 своихъ соотечественниковъ, вооруженныхъ и обмундированныхъ на его счетъ. Послѣ войны ему давали много обѣщаній, но ни одного не исполнили. Ему даже не дозволили возвратиться на родину, а принудили остаться въ Константинополѣ, давая ему около 7 фунтовъ (45 р. с.) въ мѣсяцъ. Были и другіе значительные люди въ числѣ заговорщиковъ; офицеровъ, замѣшанныхъ въ это дѣло, считаютъ не менѣе 850 человѣкъ. Общество имѣло правильную организацію и члены его раздѣлялись на два класса, руководителей и простыхъ членовъ.

«Только руководители знали другъ друга. Простые члены знали только своихъ руководителей, изъ которыхъ у каждаго было подъ руководствомъ отъ 100 до 150 человѣкъ. Надобно полагать, что число членовъ заговора было не менѣе 15 или 18 тысячъ. Планъ заговорщиковъ былъ таковъ: при возвращеніи султана изъ мечети или изъ дворца Топхане съ обыкновенною свитою, они хотѣли ждать его въ самомъ узкомъ мѣстѣ той улицы, которая параллельно Босфору ведетъ изъ Топхане съ Дольма-Бакши, гдѣ стоитъ кабуташскій караулъ. Офицеры и солдаты этого караула должны были арестовать султана; всѣ они были на сторонѣ заговорщиковъ. Послѣ арестованія султана хотѣли пустить съ кабуташскаго крыльца ракеты, чтобы дать сигналъ полку располо-

женному въ Кулали, на другой сторонѣ Босфора. Отряды этого полка должны были идти, чтобы арестовать военнаго министра Риза-Пашу, великаго визиря Аали-Пашу и министра иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-Пашу.

«Другихъ министровъ, президентовъ и членовъ совѣтовъ также хотѣли арестовать и подобно султану держать подъ стражей. Говорятъ, что Гассанъ-Паша, сдѣлавшій доносъ на заговорщиковъ, утверждаетъ, будто бы измѣнилъ имъ, узнавъ, что они хотятъ убить всѣхъ арестованныхъ и самаго Абдулъ-Меджида; но общее мнѣніе въ Константинополѣ таково, что у заговорщиковъ не было намѣренія убивать кого бы то ни было и что Гассанъ выдумалъ эту исторію для своего извиненія. Заговорщики назначали уважаемыхъ людей для замѣщенія низложенныхъ сановниковъ, не спрашивая впрочемъ согласія у избранныхъ ими кандидатовъ. Они хотѣли объявить султана низложеннымъ и возвести на престолъ его брата или старшаго сына. Все было готово; исполненіе заговора было назначено въ субботу 17 (5) сентября, но въ среду 14 (2), вечеромъ, Гассанъ явился къ Риза-Пашѣ и разсказалъ ему все. Быстро приняты были мѣры. Въ четвергъ, въ пятницу и субботу множество людей было арестовано: они содержатся въ Кулали, въ Скутари и въ другихъ мѣстахъ. Письмо продолжаетъ:

«Въ числѣ заговорщиковъ, арестованныхъ въ пятницу, былъ Джаферъ-Паша; его посадили на большой каикъ подъ стражею 10 солдатъ, чтобы отвезти въ Кулали. На дорогѣ онъ растегнулъ пуговицы широкаго пальто, которое было на немъ. Въ ту минуту, когда каикъ вошелъ въ быстрое теченіе, онъ вскочилъ и прыгнулъ въ воду; солдаты схватили его за пальто, но онъ вынулъ руки изъ рукавовъ, нырнулъ и исчезъ. Это было въ половинѣ восьмаго, вечеромъ. Приближалась ночь, и Джаферъ-Пашу не нашли; только его феска всплыла черезъ нѣсколько минутъ на поверхность, тѣла его не отыскали. Многіе говорятъ, что паша умѣлъ чрезвычайно хорошо плавать и что онъ можетъ быть спасся».

Выбирая достовѣрнѣйшія черты изъ другихъ извѣстій, мы видимъ, что цѣлью заговора было прекратить безпорядки управленія и дворцовой расточительности введеніемъ въ Турцію болѣе правильной администраціи и лучшихъ законовъ, въ томъ числѣ уравненіемъ правъ христіанскаго населенія съ мусульманскимъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

(Картина петербургскихъ улицъ въ сентябрѣ. — Корни деревьевъ, вырытыя на Невскомъ проспектѣ и ученые фельетонисты. — Нѣсколько словъ о домохозяевахъ и квартирахъ.—Разсказъ господина, отыскивающаго квартиру.—Наемные экипажи, трактиры и проч. — Пассажъ и мозольные операторы.—О лекціяхъ въ Пассажѣ. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—Драматическій кошмаръ.—Мартыновъ въ «Холостякѣ».—Открытіе итальянской оперы. — Новые пѣвицы и въ особенности о г-жѣ Лагруа. — Письмо ко мнѣ по поводу оперы. — Деревянный циркъ и графъ Соллогубъ.—Г-жа Розати.—Закрытіе дома Штиглица и банкротство А*. — Шамиль въ Петербургѣ и г. Горяйновъ. — Великолѣпное изданіе г. Соловьева: «Путешествіе на Амуръ», съ альбомомъ рисунковъ.— «Дворянское Гнѣздо» г. Тургенева.—«Обломовъ» Гончарова.—О старыхъ и новыхъ журналахъ, и прочее.)

Послѣ 8 сентября на петербургскихъ улицахъ, несмотря на ихъ широту, нельзя было почти ни ходить, ни ѣздить. Съ обѣихъ сторонъ онѣ были взрыты и завалены грудами грязи, каменьевъ, различной величины чугунныхъ трубъ водопроводнаго и газоваго обществъ и даже корнями деревьевъ на Невскомъ проспектѣ. Грязь изъ вырываемыхъ каналовъ, выбрасываемая на улицу, еще болѣе расплывалась отъ дождей... Однимъ словомъ, сѣверная Пальмира, какъ иногда называютъ Петербургъ оффиціальные поэты и газеты, представляла довольно безобразное зрѣлище. По поводу древесныхъ корней, вырытыхъ на Невскомъ проспектѣ, ученые фельетонисты пустились въ изслѣдованія и остроумныя догадки: что это за корни?

Вопросъ, дѣйствительно, очень важный... По мнѣнію одного изъ такихъ, «корни эти—остатки того лѣса, который до Петра Великаго покрывалъ Петербургъ и посреди котораго Петръ прорубилъ невскую проспективу, сдѣлавъ ее «окномъ» въ Европу, столь непріятную для нашихъ славянофиловъ».

Думали ли бѣдные славянофилы, что этими вырытыми на Невскомъ проспектѣ допетровскими корнями можно такъ кстати и ловко уколоть ихъ?

Впрочемъ, и догадка-то касательно этихъ корней еще неосновательна. Корни эти принадлежатъ просто тѣмъ тощимъ липкамъ, которыя въ двадцатыхъ годахъ украшали Невскій проспектъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ важный вопросъ еще нельзя считать окончательно рѣшеннымъ до тѣхъ поръ, покуда не займутся имъ и не разъяснятъ его спеціалисты.

Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать трудовъ ихъ по этому предмету.

На главныхъ петербургскихъ улицахъ водопроводныя трубы уже положены, и эти улицы начинаютъ моститься и очищаться.

Кстати о мостовой. На петербургскія мостовыя справедливо жалуются всѣ, пишутъ проэкты о новомъ способѣ мощенія и проч. Да хоть бы мостили порядочно, по старой методѣ. Надобно посмотрѣть, съ какою невѣроятною небрежностью слагается эта мостовая. При такомъ выполненіи, она не могла бы держаться на самомъ твердомъ грунтѣ, а на болотистомъ петербургскомъ не выдерживаетъ и мѣсяца... Къ обыкновеннымъ колеямъ, ямамъ и выбоинамъ петербургскихъ мостовыхъ теперь прибавились еще холмы по обѣимъ сторонамъ улицъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проложены водопроводныя трубы. Неужели нельзя было убить землю на протяженіи трубъ и сравнять мостовую? Но водопроводное общество отвѣчаетъ, что это сдѣлано преднамѣренно, ибо земля должна осѣсть....

На каждой петербургской улицѣ въ эту минуту торчатъ лѣса и преграждаютъ путь временные заборы, воздвигаются огромные дома въ пять-шесть этажей, и, несмотря на это, цѣны на квартиры увеличиваются неимѣрно съ каждымъ годомъ. Теперь квартира, заключающая въ себѣ пять комнатъ, конюшни и сараи, на небольшихъ улицахъ, въ третьихъ этажахъ, стоитъ отъ 1,000 до 1,200 р.; за квартиры изъ трехъ маленькихъ комнатъ и кухни на заднихъ дворахъ, въ третьихъ и четвертыхъ этажахъ, платится не менѣе 25 р. с. въ мѣсяцъ безъ дровъ и безъ воды; одна комната, съ небольшою кухнею, 15 р.! Для людей семейныхъ и имѣющихъ небольшія средства остается только Петербургская или Выборгская стороны, съ немощеными улицами, безъ освѣщенія, съ деревянными по-

косившимися и провалившимися тротуарами; для людей бѣдныхъ— грязные, сырые и зловонные углы...

Это безобразное возвышеніе цѣнъ на квартиры происходитъ отчасти оттого, что въ послѣдніе годы дома въ Петербургѣ строются, надстроиваются и покупаются по большей части различными аферистами и спекуляторами, награбившими свои капиталы откупами, незаконными процентами, взяточничествомъ и другими подобными способами.

Нѣкоторые изъ этихъ господъ, какъ извѣстно, пріобрѣли отъ 5 до 60 домовъ!... Они первые подняли цѣны на квартиры, а уже за ними постепенно послѣдовали другіе домовладѣльцы.

При умножающейся вмѣстѣ съ тѣмъ ежегодной прибавки на всѣ самые необходимые жизненные припасы, жизнь въ Петербургѣ, не заключая въ себѣ никакихъ почти удобствъ, представляемыхъ большими европейскими городами, становится невыносима для людей, имѣющихъ среднія средства... нечего и говорить уже о людяхъ бѣдныхъ. Люди семейные, имѣющіе до 5,000 руб. сер. (17,500 р. ас.), ежегоднаго дохода могутъ еще жить въ Петербургѣ кое-какъ, но и то съ большимъ разсчетомъ, отказывая себѣ во всѣхъ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ.

Лондонъ въ настоящую минуту, кажется дешевымъ городомъ сравнительно съ Петербургомъ.

Наглость и жестокость съ бѣдными жильцами нѣкоторыхъ петербугскихъ домовладѣльцевъ, ex-ростовщиковъ, ex-откупщиковъ и ex-взяточниковъ, превосходитъ всѣ мѣры. Мы имѣемъ на это нѣсколько фактовъ, которые при случаѣ сообщимъ нашимъ читателямъ.

Я не хочу утверждать, чтобъ такіе господа, о которыхъ я поведу рѣчь, непремѣнно существовали въ дѣйствительности, хотя возможность ихъ также отрицать нельзя. Это моя фантазія на тему домохозяевъ ...

Снисходительности, состраданія и чувствительности, дѣйствительно, смѣшно было бы ожидать, напримѣръ, отъ такого рода господъ.

Господинъ начинаетъ свое коммерческое поприще тѣмъ, что на смертномъ одрѣ обкрадываетъ своего благодѣтеля; съ краденными деньгами онъ пускается смѣло въ откупа, въ которыхъ сначала участвуетъ робко, и то по милости своего благодѣтеля. Посредствомъ разсыропливанья водки и разныхъ мошенничествъ, которыя обнаружены въ послѣднее время въ статьяхъ по поводу откуповъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ систематическаго грабежа, онъ скопляетъ себѣ милліоны, дѣлается какимъ-то совѣтникомъ (чего

неизвѣстно), — словомъ, становится важнымъ лицомъ, въ присутствіи котораго уже нѣкоторые захлебываются отъ благоговѣнія и страха. Разбогатѣвъ до безобразія и нѣсколько облѣнившись, онъ беретъ къ себѣ въ долю расторопнаго, ловкаго и дѣятельнаго человѣка съ довольно значительнымъ капиталомъ и поручаетъ ему нѣкоторыя дѣла свои, назначивъ большое жалованье. Управляющій этотъ, имѣющій большое семейство, нѣсколько лѣтъ завѣдуетъ всѣми порученными ему дѣлами и находится съ милліонеромъ, повидимому, въ самыхъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ. Однажды управляющему понадобилась для чего-то небольшая сумма. Онъ проситъ у своего патрона, чтобы тотъ выдалъ ему эту сумму изъ находящагося у него его капитала; но милліонеръ не выдаетъ ему ни копѣйки, однако обнимаетъ его, цалуетъ и увѣряетъ, что онъ для собственной выгоды капиталъ свой долженъ оставить у него неприкосновеннымъ, обѣщая ему громадные барыши. Простодушный управляющій убѣждается этими доводами и трогается до слезъ нѣжнымъ обращеніемъ съ нимъ патрона....

Такъ проходитъ нѣсколько времени. Въ одинъ прекрасный день управляющій умираетъ внезапно отъ удара. Вдова управляющаго проситъ у милліонера возвратить ей капиталъ мужа. Милліонеръ приходитъ въ изумленіе.

— Какой капиталъ? спрашиваетъ онъ: — вы съ ума сошли? у вашего мужа никакого капитала не было. Онъ жилъ по моей милости: я его благодѣтельствовалъ....

Со вдовой, разумѣется, обморокъ. Ее уговариваютъ жаловаться; но доказательствъ нѣтъ никакихъ, сдѣлать ничего нельзя, и вдова управляющаго идетъ почти по міру съ нѣсколькими дѣтьми....

На этотъ капиталъ, ограбленный у вдовы, милліонеръ пріобрѣтаетъ свой шестидесятый домъ и этимъ округляетъ цифру своихъ домовъ. 59 домовъ имѣть какъ-то неловко; ужь гораздо пріятнѣе шестдесятъ!...

Ожидайте же какого нибудь малѣйшаго снисхожденія отъ такого милаго домохозяина, если вы бѣдный человѣкъ и имѣете несчастіе нанимать квартиру въ его домѣ!

Неудобства и дороговизна петербургскихъ квартиръ превышаютъ всѣ мѣры.

Моему знакомому нужна была небольшая квартира въ три комнаты на дворѣ. Онъ отправился отыскивать ее.

Отыскивать квартиры въ Петербургѣ — пытка. Вотъ разсказъ его.

Я останавливаюсь у первыхъ воротъ, у которыхъ былъ прибитъ билетъ о томъ, что отдается квартира, именно такая, какая мнѣ

нужна. Я звоню дворника. Отвѣта нѣтъ. Звоню еще нѣсколько разъ— все безъ отзыва. Выведенный изъ терпѣнія, я отправляюсь на дворъ и кричу: «Дворникъ! дворникъ!»

При этихъ крикахъ, нѣсколько женщинъ высовываютъ головы въ окна и смотрятъ на меня, вытаращивъ глаза.

— Гдѣ тутъ дворникъ? спрашиваю я.

— Онъ тутъ, да ушелъ, видно. Вонъ дворницкая... посмотрите, пищитъ одна изъ нихъ.

Я стучу въ дворницкую, но потомъ убѣждаюсь, что это напрасно, потому что дверь заперта.

Я опять пробую кричать, вооружась терпѣніемъ. Минутъ черезъ 20 является дворникъ, потомъ отправляется за ключами, заставляетъ продождать еще четверть часа и наконецъ отворяетъ дверь квартиры.

Изъ квартиры только что выѣхали жильцы. Обои на стѣнахъ грязны и оборваны, потолки закопчены, подоконники, двери, полы, — все въ ужасномъ видѣ.

— Что̀ жь, это все исправится? спрашиваю я.

— Почистятъ маненько, отвѣчаетъ дворникъ, почесываясь.

— Да чего тутъ маненько почистить! возражаю я съ досадой: — обои оборваны—ихъ надо перемѣнить; все загажено—все надо перекрасить. Нельзя же переѣхать въ эдакую гадость!

— Какъ угодно. Коли хотите, переговорите съ хозяиномъ.

Я подумалъ, что если квартиру подновить, она будетъ довольно сносна, и я рѣшился отправиться къ хозяину.

Хозяинъ — нѣмецъ-булочникъ, нажившій себѣ пятиэтажный домъ... не столько, говорятъ, булками, сколько ростовщичествомъ. Онъ, впрочемъ, не лично занимался этимъ почтеннымъ ремесломъ, а черезъ своего агента — чиновника-ростовщика изъ жидовъ. Булочникъ ввѣрялъ ему сначала небольшія суммы, а потомъ побольше за 20 процентовъ, а жидъ-ростовщикъ отдавалъ ихъ, въ свою очередь отъ себя за 50, промотавшимся баричамъ и кутящимъ молодымъ купчикамъ, подъ залогъ серебра, брильянтовъ и другихъ цѣнныхъ вещей.

Такимъ образомъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ нѣмецъ-булочникъ, при величайшей аккуратности и экономіи, незамѣтно составилъ себѣ значительный капиталъ и выстроилъ пятиэтажный домъ, на 60 году отъ рожденія.

Онъ худощавъ, одѣтъ очень чисто, сильно проникнутъ чувствомъ собственнаго достоинства, говоритъ медленно, съ разстановками и имѣетъ постоянно глубокомысленное выраженіе.

Я объяснилъ, зачѣмъ я пришелъ къ нему.

— Гм!

Булочникъ глубокомысленно задумался и черезъ минуту спросилъ, бросивъ на меня испытующій взглядъ:

— А позвольте спросить, собственно для себя вы имѣете надобность въ квартирѣ, или для посторонней особы и какого пола — мужескаго или женскаго?

— Для себя.

— Га! А позвольте васъ спросить, вы холостой или женатый господинъ? одни или съ семействомъ займете эту квартиру?

— Да вамъ-то какое дѣло до этого?... Я нанимаю квартиру, буду платить вамъ деньги въ сроки; а кто со мною будетъ жить въ квартирѣ, вамъ до этого нѣтъ дѣла... безпаспортныхъ держать я не буду.

Булочникъ посмотрѣлъ на меня подозрительно.

— Какъ не мое дѣло! возразилъ онъ:—я хозяинъ, слѣдовательно это мое дѣло... Я нажилъ свой домъ честными трудами. Я не хочу, чтобы въ моемъ домѣ жили какія нибудь подозрительныя особы, какія нибудь *мамзель*. Въ моемъ домѣ все живутъ чиновныя, знатныя особы и даже первыхъ классовъ!

— Я вамъ говорю, что квартира мнѣ нужна для себя. Понимаете вы? перебилъ я, съ досадою, нравственнаго нѣмца.

— Такъ. Ну, все это хорошо; но вы холостой человѣкъ, а—извините великодушно:—извѣстно, холостые люди вѣтреный народъ, берутъ иногда къ себѣ *мамзелей*, а я нажилъ домъ честными трудами... Я не захочу, чтобы на моемъ домѣ было пятно...

— Да я не хочу пятнать вашего дома. Я человѣкъ скромный, до *мамзелей* не охотникъ, буду жить одинъ съ человѣкомъ.

— Въ такомъ случаѣ, это пріятно слышать... А цѣна вамъ извѣстна?

— Нѣтъ.

— 350 безъ дровъ и воды.

— Это дорого; ну, да Богъ съ вами. Но квартиру надо прежде вычистить, выкрасить, оклеить новыми обоями.

— Я мои квартиры передѣлываю и обновляю черезъ каждые три года. Это аккуратно, это ужь законъ; а квартира, которую вы желаете, передѣлана въ прошлый годъ, слѣдовательно я *не вправѣ* передѣлывать ее теперь. Черезъ два года она будетъ непремѣнно крашена, обои перемѣнены.

— Такъ вы рѣшительно не хотите ее передѣлать теперь?

— Я *не вправѣ*, потому что черезъ три года....

— Но если она въ одинъ годъ, перебилъ я: — такъ загажена, то вы должны сдѣлать исключеніе изъ своего правила...

— Это невозможно.

— Ну такъ прощайте: намъ, стало быть, и говорить не о чемъ.

— Я не воспрепятствую вамъ передѣлать ее самимъ! воскликнулъ булочникъ.

— Нѣтъ, ужь покорно васъ благодарю,

— A! wie sie wollen mein lieber Herr, wie sie wollen!.. У насъ жильцы найдутся, произнесъ нѣмецъ съ ироническою улыбкою:— теперь совсѣмъ и нѣтъ пустопорожнихъ квартиръ въ Петербургѣ; мою квартиру всякій схватитъ съ радостію и починитъ на свой коштъ... Цѣны недорогой. Вотъ чрезъ два дома у моего пріятеля Карла Карлыча Юргенса такой квартира 400 идетъ...

Разставшись съ булочникомъ, я пустился въ дальнѣйшее странствованіе, останавливаясь, разумѣется, передъ каждыми воротами, къ которымъ былъ прибитъ билетъ объ отдачѣ трехъ комнатъ, и дергалъ дворницкій замокъ все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ ожесточеніемъ, потому что изъ десяти домовъ въ пяти я никакъ не могъ добиться дворника, въ трехъ домахъ я безполезно взбирался въ 4 этажъ, потому что вмѣсто трехъ комнатъ оказывались только двѣ и какой-то темный чуланъ считался за третью комнату, а въ двухъ домахъ дворники надѣлали мнѣ грубостей за то, что я ихъ напрасно безпокою, потому что у нихъ никакихъ квартиръ нѣтъ.

— А билетъ на воротахъ ?

— Да ужь эта квартира давно сдана.

— Зачѣмъ же вы не снимаете билета?

— Это не ваше дѣло, отвѣчалъ одинъ изъ дворниковъ: — идите съ Богомъ. Говорятъ, нѣтъ квартиръ... Что жь тутъ толковать-то?

Я было сильно ожесточился противъ дворниковъ, но, размысливъ хорошенько, убѣдился, что это ожесточеніе надо перенести на домохозяевъ. Если бы въ эту минуту я встрѣтилъ какого нибудь домохозяина, будь онъ моимъ лучшимъ другомъ, я непремѣнно наговорилъ бы ему грубостей.

Я странствовалъ такимъ образомъ часа три и такъ усталъ, что едва передвигалъ ноги.

Вдругъ я вспомнилъ объ одномъ домѣ, удивительное устройство котораго мнѣ много хвалили. Въ этомъ домѣ я былъ одинъ разъ у моего пріятеля и пораженъ былъ роскошью его отдѣлки и различными затѣями: мраморными подоконниками, мраморными каминами, какими-то удивительными паркетами и проч.

«Домъ этотъ огромный» думалъ я, «содержится отлично, на дворѣ много небольшихъ квартиръ — попытаемъ счастья: не найдется ли тамъ квартира, какая нужна мнѣ,...

Надобно сказать, что этотъ удивительный домъ принадлежитъ господину, который десять лѣтъ тому назадъ не имѣлъ ровно ни-

чего, кромѣ незначительнаго жалованья; служилъ онъ по строительной части и былъ назначенъ какимъ-то помощникомъ при построеніи одного монументальнаго зданія, которое теперь принадлежитъ къ лучшимъ петербургскимъ украшеніямъ.

По окончаніи этого монументальнаго зданія, мой господинъ вдругъ разбогатѣлъ, тотчасъ купилъ большое мѣсто и выстроилъ домъ, о которомъ я говорю, съ мраморами и неслыханными паркетами. Такіе паркеты и мраморы могутъ украшать только дворцы. Какъ они появились въ частномъ домѣ, это вопросъ, разрѣшить который нетрудно.

Я отправляюсь въ этотъ домъ, останавливаюсь у воротъ — и, къ великой моей радости, читаю на билетѣ у воротъ объ отдачѣ на дворѣ трехъ комнатъ съ кухней.

Звоню дворника.

Заспанный дворникъ, нехотя и зѣвая, вылѣзаетъ изъ своего подвала.

— Покажи квартиру.

Дворникъ, вооружившись ключами, ведетъ меня по довольно чистой лѣстницѣ въ четвертый этажъ.

Три маленькія комнаты заново, но просто отдѣланныя, съ коридоромъ сзади и съ перегородкой въ передней, за которой кухня. Квартира ничего. Такого рода квартиры четыре года тому назадъ отдавались по 15 руб. въ мѣсяцъ. Надо сказать, что окна этой квартиры выходятъ на второй грязный дворъ.

— Цѣна? спрашиваю я.

— Четыреста рублей, безъ воды и безъ дровъ и по контракту. У насъ всѣ квартиры по контракту. отвѣчаетъ дворникъ.

— Что? Четыреста? Можетъ ли это быть? Ты съ ума сошелъ!

Дворникъ улыбается.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчаетъ онъ: — спросите у управляющаго, коли мнѣ не вѣрите.

— Да вѣдь это разбой, грабежъ! продолжаю я, глупо разгорячившись.

— Я ничего не знаю. Это не наше дѣло. Не мы назначаемъ цѣны, а хозяинъ. Дорого, такъ не нанимайте.

Дворникъ правъ.

— Ну, извини, братецъ, что я тебя напрасно безпокоилъ и не спросилъ прежде о цѣнѣ.

— Ничего, отвѣчаетъ дворникъ. — Эта квартира, продолжаетъ онъ, смягченный моимъ извиненіемъ: — два года тому ходила 250, въ прошломъ году набавили 75 р., да нынче 75 руб. Хозяйская воля: что будешь дѣлать!

— И ты думаешь, что у васъ наймутъ эту квартиру?

— Безпремѣнно наймутъ. У насъ никогда не стоятъ квартиры пустыя... Что жь! домъ чистый, лѣстницы всѣ освѣщены на хозяйскій счетъ: какъ не нанять?

Три утра сряду странствовалъ я; измучился, какъ собака, насилу отыскалъ три комнаты на дворѣ, безъ дровъ и безъ воды, и еще въ новомъ домѣ, гдѣ не жили, за 300 руб. и по контракту, съ угрозами огромныхъ неустоекъ, въ случаѣ неплатежа, и проч.

Грустно!... Всѣ наши фантазіи объ удобствахъ и улучшеніяхъ петербургской жизни, даже основанныя на формальныхъ заявленіяхъ, — уничтожаются.

Вотъ одинъ изъ примѣровъ:

Основатели (г. г. Фелейзинъ и Пренъ) Общества публичныхъ каретъ, которыхъ мы такъ и долго и тщетно ожидали, объявили нынѣ, что за незначительностію подписки на акціи, общество это упраздняется—и бѣдные петербургскіе жители, не имѣющіе своихъ экипажей, увы! должны снова страдать.... Неудобнѣе, грязнѣе и безобразнѣе извощичьихъ петербургскихъ каретъ, колясокъ и дрожекъ ничего не можетъ создать самое дикое воображеніе. Таксы на нихъ не существуетъ, или лучше сказать извощики, содержащіе кареты, не признаютъ ее. Полуразвалившаяся и полуоборванная карета, запряженная клячами, отъ 6 до 11 часовъ (отвести въ театръ и назадъ) стоитъ не менѣе 3 р. — Порядочная карета съ чистымъ кучеромъ и хорошими лошадьми, на цѣлый день, невозможно имѣть менѣе 8 руб. сер.!

Такса признается только тѣми несчастными извощиками, которые кое-какъ содержатъ лошаденку и трясутся на полуразрушенныхъ и оборванныхъ дрожкахъ, оборванные, и въ заплаткахъ, какъ нищіе, рискуя умереть съ голоду и уморить свою клячу, если она захромаетъ, или дрожки сломаются. Такой извощикъ везетъ иногда барина съ Васильевскаго острова подъ Невскій за 15 коп. и если осмѣлится замѣтить ему, что ужь больно далеко и не прибавитъ ли что нибудь *его милость*, то нерѣдко баринъ изволитъ разгнѣваться, раскричаться....

— Какъ, говоритъ, — каналья! Я заплатилъ тебѣ по таксѣ... Чего жь тебѣ еще? Вы, говоритъ, мошенники таксы не признаете: въ полицію васъ!

А иной разъ такой извощикъ возитъ цѣлый день сѣдока, измучаетъ лошаденку, а сѣдокъ-то вечеромъ и улизнетъ въ проходный дворъ и поминай, какъ звали.

Плохо жить на свѣтѣ бѣднымъ людямъ вообще!

Зато ничего нѣтъ возмутительнѣе такъ называемыхъ извощиковъ-лихачей на узенькихъ щегольскихъ дрожкахъ, на которыхъ можетъ сѣсть только полчеловѣка (такія дрожки теперь въ большомъ употребленіи у петербургскихъ франтовъ), съ вензелемъ на задкѣ и съ короной, запряженныхъ рысачкомъ.... Такіе лихачи стоятъ преимущественно на биржахъ по Невскому проспекту и въ особенности у главныхъ мостовъ: у Казанскаго, Аничкова и Полицейскаго. Они не трогаются ни въ какомъ случаѣ съ мѣста менѣе цѣлковаго, хотя бы нужно было проѣхать нѣсколько шаговъ.

Какой-то господинъ однажды при мнѣ адресовался къ такому извощику.

— До Большаго театра и назадъ на Невскій? спросилъ онъ.

— Три цѣлковыхъ, отвѣчалъ небрежно лихачъ.

Господинъ пришелъ въ негодованіе, началъ ругать его, лихачъ отвѣчалъ ему также бранью, столпился народъ и дѣло дошло до городоваго.

Наглость этихъ лихачей можетъ только сравниться съ наглостію швейцаровъ большихъ домовъ въ обращеніи съ неизвѣстными (inconnus), приходящими пѣшкомъ....

Люди, пользующіеся большими средствами, не замѣчаютъ безобразной дороговизны и неудобствъ Петербургской жизни, но для людей средняго состоянія, живущихъ собственными трудами и получающихъ отъ 1,000 до 3,000 р. с., Петербургъ рѣшительно становится невозможенъ.

Надобно кататься на лежачихъ рессорахъ, чтобы незамѣчать скверныхъ мостовыхъ, лужъ, грязи и выбоинъ; надобно имѣть собственныя дома, или капиталы, чтобы не страдать отъ неудобства и дороговизны петербургскихъ квартиръ; надобно имѣть превосходный желудокъ, переваривающій камни, чтобы переварить обыкновенный рублевый обѣдъ петербургскихъ ресторановъ (за исключеніемъ впрочемъ ресторана Вольфа у Полицейскаго моста, гдѣ за рубль дается очень сытный и порядочный обѣдъ); надобно имѣть тысячъ 8 дохода, чтобы пользоваться въ Петербургѣ итальянской оперой человѣку семейному....

Но, положимъ, опера — это роскошь, наслажденіе людей богатыхъ, а ѣда и квартира? — это ужь дѣло первой необходимости.

Кстати о петербургскихъ ресторанахъ. Въ послѣднее время ихъ развелось множество на Невскомъ проспектѣ и въ Большой Морской. Я не говорю о Дюссо, Бореляхъ и Дононахъ, а о ресторанахъ средней руки. Они появляются ежегодно и исчезаютъ ежегодно, потому что устроиваются самымъ нелѣпымъ образомъ.

Мѣсяцъ назадъ тому, въ обѣденный часъ, я проходилъ по Большой Морской. Двери подъѣзда одного изъ домовъ были открыты на улицу и за ними представлялся длинный корридоръ, устланный ковромъ и уставленный деревьями, обложенными губчатымъ камнемъ и раковинами. Во весь домъ протянута узорчатая вывѣска. — Это новый ресторанъ. Я зашелъ туда изъ любопытства.

Ресторанъ помѣщается въ бель-этажѣ и занимаетъ нѣсколько комнатъ, украшенныхъ занавѣсами, портъерами, цвѣтами на окнахъ, каминами съ зеркалами, алебастровыми статуями и прочее. Въ большой залѣ накрытъ длинный столъ, уставленный хрусталемъ, вазами съ цвѣтами и вазами для шампанскаго. Я спросилъ полутора-рублевый обѣдъ и ожидалъ его съ истинно христіанскимъ терпѣніемъ около часа....

Наконецъ обѣдъ появился.

Мнѣ подали супъ—то есть не супъ, а горячую водицу съ какими-то печально плавающими въ ней кореньями и кругами жира.

Къ нему пирожки съ горькимъ масломъ.

Жосткая говядина, подъ названіемъ росбифа, съ недовареннымъ картофелемъ.

Рыба сомнительной свѣжести, подъ бѣлымъ соусомъ съ петрушкой.

Цвѣтная также недоваренная капуста.

Какая-то дичь, разваренная до тряпокъ съ огурцами и пирожное — два слоеныхъ пирожка.

Цвѣтную капусту, по моей просьбѣ, переваривали, но неудачно.

Обѣдъ этотъ съ полубутылкой краснаго обыкновеннаго вина стоилъ мнѣ 2 р. 70 к. За любопытство мое я заплатилъ дорого. Я испортилъ желудокъ.

Любопытство — большой порокъ. Эту пословицу подтвердилъ мнѣ новый ресторанъ.

— Кто же содержитъ это заведеніе? спросилъ я у лакея.

— Да *они* пріѣзжіе-съ, отвѣчалъ лакей. *Они* въ иностранныхъ земляхъ содержали ресторацію-съ.

— Лучше бы не выставлять деревьевъ на лѣстницѣ и не разстилать ковровъ, замѣтилъ я, — вмѣсто всѣхъ этихъ суетныхъ украшеній, позаботиться бы прежде о главномъ — о пищи.

— Точно, сударь, ваша правда, возразилъ лакей, — *они* напрасно поторопились открыть, еще у насъ ничего не устроено порядочно на кухнѣ и повара хорошаго еще нѣтъ....

На какихъ же посѣтителей разсчитываютъ такіе вновь открываемые рестораны? Къ чему вся эта наружная роскошь? — Люди бо-

гатые или мотающіе ѣздятъ обыкновенно къ Борелю, Дюссо, Донону; для людей среднихъ и не бросающихъ деньги т. е. для большинства — необходима дешевизна и сытный обѣдъ, хоть сколько нибудь сносно приготовленный. Ковры на лѣстницѣ, деревья, драпри, зеркала съ каминами для нихъ излишество. Много ли найдете такихъ чудаковъ, которые за удовольствіе пройтись по красивой лѣстницѣ, посидѣть въ роскошно меблированной комнатѣ и выйти изъ нее голоднымъ, или больнымъ захотятъ заплатить до трехъ рублей? Рестораны должны существовать не для глазъ, а для желудковъ, это бы не дурно принять къ свѣдѣнію господамъ заводящимъ трактиры и рестораціи.

Петербургъ вообще походитъ на барина, усвоившаго себѣ всю европейскую внѣшность, усиливающагося щеголять и хвастать *только* этою внѣшностію, нимало не заботящагося о существенномъ и необходимомъ и руководимаго одними прихотями и тщеславіемъ.

Въ Парижѣ, напримѣръ, существуетъ множество пассажей.... Эти пассажи явились тамъ не случайно: они вызваны потребностями и условіями самой жизни; они имѣютъ цѣль: сокращать сообщеніе между улицами въ самыхъ дѣятельныхъ пунктахъ и потому въ нихъ постоянное движеніе, а вслѣдствіе этого не только самые магазины, но всѣ уголки пассажа заняты различными торговцами.

Взгляните теперь на Голицынскую галлерею въ Москвѣ и на Штейнбоковскій пассажъ въ Петербургѣ. Имѣютъ ли какую нибудь цѣль эти пассажи, вызваны ли они дѣйствительною потребностію? соединяютъ ли они какіе нибудь важные, дѣятельные пункты? сокращаютъ ли путь между ними?

Нѣтъ, это порожденія необдуманной аферы, или прихотливой фантазіи празднаго и богатаго человѣка.

«Въ Парижѣ столько пассажей, а въ Петербургѣ ни одного, а вотъ я выстрою пассажъ въ Петербургѣ.... Это будетъ новость — и всѣ торговцы непремѣнно бросятся въ мой пассажъ. А пассажъ будетъ двухъ или трехъ-этажный, на славу, такихъ и въ Парижѣ нѣтъ!»

Сказано—сдѣлано.

Возникла необдуманная фантазія, стоющая милліоны—и взгляните теперь.... какое печальное зрѣлище представляетъ она:

Половина магазиновъ пуста, съ забѣленными окнами; другая половина, въ этомъ храмѣ случайности, занята магазинами какихъ-то случайныхъ вещей, которыми случайно торгуютъ — мозольные операторы.... Здѣсь и сапожники и табашники и портные и модистки и фруктовщики — ни что иное, какъ замаскированные мозольные операторы. Здѣсь подъ бронзами и папиросами, фарфорами и сапо-

гами, дамскими шляпками и фруктами въ рукахъ, скрываются мозольные пластыри и инструменты для вынимания мозолей. Здѣсь каждая вещь, начиная отъ бархатнаго дамскаго бурнуса до арбуза и груши — имѣетъ какой-то сомнительный характеръ и непремѣнно отзывается мозольнымъ пластыремъ.

Пассажъ, предназначенный въ фантазіи его владѣльца для самыхъ роскошныхъ и великолѣпныхъ магазиновъ, для самой блестящей и широкой торговли, сдѣлался пріютомъ мельчайшей, ненадежнѣйшей и случайнѣйшей промышленности, пріютомъ какихъ-то лотерей; притономъ для албиносокъ, сиренъ, *четвероногихъ математиковъ и игроковъ* (подъ этимъ именемъ показывается теперь въ дѣтскомъ механическомъ театрѣ какая-то собаченка-Лели) великановъ, карликовъ и всѣхъ необыкновенныхъ феноменовъ природы, которыхъ показываетъ Петербургу знаменитая и вѣчноюная голландка Вафельница съ бронзовымъ обручемъ на лбу, съ торжественною позою, граціозно стрѣляющая изъ самострѣла; гульбищемъ для всѣхъ петербургскихъ праздношатающихся и волокитъ съ париками и крашенными усами, залою для дѣвицъ, ищущихъ пищи и приключеній и показывающихъ свои бѣлилы и румяны, улыбки и наряды при свѣтѣ газовыхъ рожковъ....

Но такъ какъ безъ аристократіи нигдѣ нельзя обойтись, то и пассажъ имѣетъ свою аристократію въ лицѣ г. Дарзанса-племянника и маленькой Жанеты (la petite Jeanette), привлекающихъ къ себѣ великолѣпными и изящными выставками (étalages), которыя обходятся не дешево покупателямъ, соблазняющимся блестящею внѣшностію.

Контрасты, представляемые пассажемъ истинно поразительны. На одной оконечности его въ огромной залѣ раздается неумолкаемое щолканье шаровъ на семи бильярдахъ и крики бильярдныхъ героевъ, вооруженныхъ кіями и гордо размахивающихъ ими въ волнахъ табачнаго дыма; на другой его оконечности, въ той залѣ, которая нѣкогда оглашалась удалыми, опьянявшими пѣснями цыганъ: — визгами Матрены, заливавшимися голосами Маши, Лизы и Танюши, басомъ Ивана, взмахивавшаго гитарой и рукоплесканіями восторженныхъ усачей, — въ этой нѣкогда вакхической залѣ, среди благоговѣйной тишины, раздается теперь строгій, серьезный голосъ науки, которую почтительно ввели туда неисправимые три любители просвѣщенія — гг. Пахитоновъ, Струговщиковъ и Водовъ.

Говоря серьезно, публичныя лекціи въ пассажѣ — это предпріятіе, которому нельзя не сочувствовать, — будутъ продолжаться и нынѣшнюю зиму. Если я не ошибаюсь, лекціи откроются съ 1 ноября и уже не ограничатся, какъ въ прошломъ году, одними естественными

науками. Предметомъ лекцій будетъ исторія, литература русская и всеобщая, медицина.... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вслѣдствіе этого аудиторія увеличится. Нельзя не пожелать, чтобы петербургская публика поддержала учредителей этихъ лекцій, употребляющихъ свои средства на такія полезныя предпріятія и издавшихъ уже столько замѣчательныхъ переводныхъ сочиненій по части наукъ положительныхъ.

Кстати о полезномъ.

Въ «Современникѣ» было нѣкогда говорено о литературномъ фондѣ, для вспомоществованія нуждающимся литераторамъ, по поводу статьи объ этомъ предметѣ, напечатанной г. Дружининымъ въ «Библіотекѣ для Чтенія». Общества вспомоществованія бѣднымъ литераторамъ существуютъ почти вездѣ въ Европѣ. Объ лондонскомъ обществѣ г. Тургеневъ сообщилъ нѣсколько любопытныхъ подробностей въ письмѣ къ г. Дружинину, напечатанномъ также въ «Библіотекѣ для Чтенія». Мысль основать такого рода общество у насъ принадлежитъ г. Дружинину. Онъ первый далъ движеніе этой прекрасной и благородной мысли, которая была принята всѣми литературными органами съ глубокимъ сочувствіемъ, и имя г. Дружина навсегда останется связано съ этимъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ. Кто составлялъ уставъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ—намъ неизвѣстно, но какъ бы то ни было, уставъ этотъ получилъ уже Высочайшее утвержденіе. Право на пособіе общества имѣютъ всѣ тѣ нуждающіеся литераторы и ученые, которые сдѣлались извѣстными хотя однимъ замѣчательнымъ напечатаннымъ трудомъ, а также вдовы ихъ и сироты. Когда средства общества расширятся, оно будетъ брать на себя изданіе сочиненій и помогать молодымъ людямъ, обнаруживающимъ таланты. Денежныя средства общества будутъ составляться изъ ежегодныхъ и единовременныхъ взносовъ членовъ общества, и изъ пожертвованій лицъ постороннихъ. Притомъ общество имѣетъ по уставу право устроивать спектакли, публичныя лекціи и чтенія. Дѣлами его будетъ управлять комитетъ, состоящій изъ предсѣдателя общества, его помощника и 10 членовъ, изъ которыхъ одинъ будетъ исправлять должность секретаря и одинъ должность казначея. Собранія общества будутъ: обыкновенныя (два раза въ мѣсяцъ), и чрезвычайныя и годовыя, въ которыхъ будутъ читатся отчеты. Предсѣдатель, его помощникъ и секретари избираются самимъ обществомъ. Строгая гласность и контроль будутъ руководить всѣми его дѣйствіями.

Нельзя сомнѣваться, что всѣ тѣ, которые принимаютъ къ сердцу развитіе мысли и русскаго слова, которымъ дорого просвѣщеніе,

которые знаютъ и любятъ свою литературу и понимаютъ значеніе, захотятъ принять участіе въ новомъ обществѣ.

Дай Богъ, чтобы эта прекрасная мысль осуществилась достойнымъ образомъ!

Обратимся къ текущей петербургской жизни.

8 октября выпалъ въ Петербургѣ первый снѣгъ, который расплылся на слѣдующее утро грязью; начались печальные, почти безразсвѣтные дни; съ дачь давно всѣ съѣхали, всѣ отсутствовавшіе возвратились изъ своихъ деревень и изъ-за границы и между прочими гг. Тургеневъ и Гончаровъ. Тургеневъ пробылъ, впрочемъ, только одинъ день въ Петербургѣ и отправился въ свою орловскую деревню, изъ которой онъ вернется не ранѣе ноября. Онъ обѣщалъ новую повѣсть для «Современника», которая будетъ напечатана въ первыхъ нумерахъ слѣдующаго года.

Петербургъ въ сію минуту въ полномъ комплектѣ, и на его вѣчной выставкѣ—Невскомъ проспектѣ появились всѣ извѣстные господа и госпожи, которыхъ я имѣлъ удовольствіе не видѣть втеченіе пяти мѣсяцевъ. Осенній сезонъ въ полномъ разгарѣ, всѣ театры полны—и мы очутились снова среди всѣхъ этихъ милыхъ, такъ хорошо знакомыхъ намъ лицъ:—разслабленныхъ либераловъ, съ лорнетками въ глазу и на носу, считающихъ за счастіе быть аристократическими прихвостниками; всякаго рода «добровольныхъ холопьевъ» (по выраженію Пушкина), постоянно имѣющихъ въ запасѣ, на всякій случай, бѣлый галстукъ въ пустомъ карманѣ и нѣсколько каламбуровъ и фарсовъ въ пустой головѣ; среди различныхъ ханжей, лицемѣровъ, заклятыхъ невѣждъ, считающихъ каждую мысль, непереваримую въ ихъ узкой и рутинной головѣ, чуть не уголовнымъ преступленіемъ; среди всѣхъ этихъ важныхъ особъ съ тройными складками на затылкахъ, съ величественнымъ видомъ, тупымъ взглядомъ, краснымъ лицомъ, лысиною и сапожною щеткою на усахъ; среди утонченныхъ и благонамѣренныхъ молодыхъ людей, старающихся деликатно примирять и согласать всѣ воззрѣнія и идущихъ отлично по службѣ; среди дикихъ театраловъ, неистовыхъ меломановъ, разныхъ акціонеровъ и спекуляторовъ, пускающихъ въ обороты деньги, пріобрѣтенныя ловкимъ взяточничествомъ; среди всякаго рода оптимистовъ, поклонниковъ искусства для искусства, доморощеныхъ доктринёровъ, мыслителей, съ глубокомысленной физіономіей серьезно доказывающихъ, что дважды два — не пять, а четыре; среди всѣхъ нашихъ добрыхъ, благородныхъ, простосердечныхъ друзей, безпрестанно умиляющихся и увлекающихся, — словомъ, среди всей этой

..... суеты,
Среди досадной пустоты,

Разсчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милыя друзья!

Театры оживились, нашъ великій артистъ Мартыновъ возвратился изъ-за границы; итальянская опера открылась; въ балетѣ танцуетъ Розати. Меломаны прожужжали намъ всѣ уши о г-жахъ Шартонъ-Демеръ, Нантье-Дидье, Лагруа, Брамбилѣ и проч. и проч.; французская петербургская газета отпустила имъ всѣмъ по ровну нѣсколько очень милыхъ бельгійскихъ комплиментовъ; русскіе фельетоны наполнились длинными отчетами о театральныхъ представленіяхъ и о пріѣзжихъ артисткахъ. Я наслушался и начитался всего этого до такой степени, что въ одну ночь меня чуть не задушилъ драматическій кошмаръ.

Я видѣлъ себя въ партерѣ какого-то высокаго, неуклюжаго, грязнаго и дурно-освѣщеннаго театра. Вправо отъ меня былъ входъ въ партеръ, вѣтеръ изъ дверей, отворявшихся ежеминутно, прохватывалъ меня до костей. Я чувствовалъ, что я непремѣнно простужусь и занемогу, хотѣлъ уйти, но не могъ, потому что какая-то непреодолимая сила приковывала меня къ моему креслу.

Всѣ ложи и весь партеръ были биткомъ набиты, въ райкѣ была давка: оттуда, порою, раздавались стоны и крики. Мнѣ казалось, что тамъ зрители лежали другъ на другѣ, совсѣмъ свѣсившись и угрожая партеру паденіемъ.... Въ креслахъ гремѣли саблями офицеры и посвистывая проходили мимо меня, наступая мнѣ на ноги, такъ что я всякій разъ вскрикивалъ отъ боли. Въ первомъ ряду величаво пыхтѣли какія-то толстыя особы съ стройными складками мяса на затылкѣ—всѣ въ красномъ, съ параличнымъ колоритомъ въ лицѣ и съ тупо-вытаращенными глазами. Они разговаривали между собою громко, какъ власть имѣющіе, не замѣчая повидимому кромѣ себя никого.... около нихъ всѣ проходили съ осторожностію и съ почтительно-боязливымъ выраженіемъ. Ложи перваго и втораго яруса пестрѣли цвѣтами, лентами и матеріями всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и изъ-за нихъ выглядывали сѣдые и съ просѣдью бороды, какъ у нашихъ купцовъ; въ бенуарахъ въ различныхъ живописныхъ позахъ сидѣли напудренныя и натертыя женщины въ неизмѣримыхъ кринолинахъ, съ руками закованными въ драгоцѣнныя браслеты, и пріятно улыбались какимъ-то молодымъ людямъ, которые мало походили на живыхъ людей и казались фигурами, вырѣзанными изъ модныхъ картинокъ. Вся эта толпа производила на меня тяжелое, подавляющее впечатлѣніе и иногда казалось мнѣ, что это вовсе не люди, а такъ какія-то куклы, безсмыслен-

но говорящія и двигающіеся по рутинѣ устроеннаго внутри ихъ механизма, и мнѣ становилось даже страшно.

Грянула раздирающая уши музыка съ невыносимымъ визгомъ скрыпокъ, напомнившая мнѣ почему-то знаменитаго маэстро Лазарева, и смолкла.

Всѣ усѣлись.

Занавѣсъ поднялся.

На сценѣ появилось нѣсколько мужчинъ и женщинъ и между прочимъ одинъ исполинскаго роста — весь въ гороховомъ, съ чернымъ, какъ у трубочиста, лицомъ, и съ страшными глазами, которые дико вращались, обнаруживая бѣлки необыкновенной величины. Господинъ этотъ ходилъ и говорилъ съ трагическою торжественностію. Это былъ *злодѣй* пьесы. Всякій разъ, когда онъ появлялся на сценѣ, зрителей охватывалъ ужасъ и многихъ дамъ выводили изъ залы, потому что имъ дѣлалось дурно.

Я ничего не понималъ: для чего эти люди ходятъ на сценѣ, что они говорятъ, зачѣмъ кричатъ, бьютъ себя въ грудь, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ музыка сурдинкой наигрываетъ подъ ихъ декламацію и проч.

Что это за безобразіе? думалъ я, — и куда попалъ я?

Между тѣмъ, съ каждымъ актомъ крики увеличивались сильнѣе и сильнѣе. Особенно дико кричалъ, завывалъ, растягивалъ слова, пѣлъ, дѣлалъ нестерпимыя гримасы, взъерошивалъ свой хохолъ въ критическія минуты пожилой и беззубый актеръ, представлявшій, сколько можно было догадываться, героя пьесы — молодаго и геніальнаго человѣка....

Растягиванья, завыванья и дикіе крики этого актера мучительно раздражали мои нервы. Онъ долженъ былъ возбуждать негодованіе каждымъ словомъ, каждымъ движеніемъ, а между тѣмъ весь театръ въ восторгѣ рукоплескалъ ему. Онъ былъ любимецъ этой публики. Это было ясно.

— Какъ удивительно устроены у нее нервы и уши! думалъ я.

Во мнѣ зарождалось сознаніе, что все это кошмаръ, что въ дѣйствительности не существуетъ такихъ актеровъ и ихъ не потерпѣла бы никакая образованная публика, и при каждомъ взвизгѣ этого актера, при каждомъ рукоплесканіи этой невозможной публики, — я хотѣлъ вскрикнуть и усиливался проснуться, но языкъ у меня не шевелился и члены были, какъ будто прикованы.

А актеръ бѣсновался и кричалъ все больше и больше. Онъ разъигрывалъ роль сумасшедшаго: таскалъ по сценѣ какихъ-то младенцевъ, поднималъ руки вверхъ, трепеталъ, стоналъ и взвизгивалъ

такъ, что мнѣ хотѣлось броситься на него и зажать ему ротъ, и публика, слушая его, рыдала и говорила между собой: «какой великій актеръ!»

Когда же онъ послѣдній разъ взвизгнулъ, схвативъ себя за голову, и грянулся объ полъ,—поднялся такой крикъ, раздались такіе неистовые громы, что я принужденъ былъ закрыть глаза и заткнуть уши.

Вызовы были безконечные.

Я боялся за мои ушныя перепонки. Крики и хлопанья продолжались болѣе получаса.

За тѣмъ вся эта бѣснующаяся толпа съ охрипшими горлами и съ отбитыми руками отправилась изъ партера въ буфетъ.

Я хотѣлъ выбѣжать изъ этого чудовищнаго театра, но самъ не знаю какъ, вмѣстѣ со всѣми, очутился въ буфетѣ.

Облака табачнаго дыма застилали все и всѣхъ и сквозь нихъ тускло мерцали синіе огоньки газа; безобразный гамъ тысячи голосовъ оглушалъ меня; я задыхался отъ дыма.

Вдругъ изъ этихъ облаковъ появилась румяная и круглая физіономія среднихъ лѣтъ, съ пошлымъ выраженіемъ, съ маслянистыми и льстивыми глазками и съ нестолько плутоватою, сколько подловатою улыбкою. Этой головѣ только недоставало сзади крылышекъ, чтобы походить на восковаго вербнаго херувима, нѣсколько поизношеннаго и обрюзгшаго.

Вербный херувимъ скорчилъ мнѣ пріятнѣйшую мину, при чемъ на носу его образовались складки.

— Какъ ваше здоровье? произнесъ онъ, умиляясь и склоняя головку на бокъ. — Ну что съ? каковъ нашъ несравненный Носковъ! (это была фамилія актера, игравшаго героя піесы и производившаго фуроръ). Что онъ сдѣлалъ изъ этой нелѣпой роли — вѣдь это удивительно! Глядя на такого артиста нельзя не пожалѣть (при этомъ херувимъ вздохнулъ), что нашъ драматическій репертуаръ такъ бѣденъ. Какая у Носкова глубина чувства, сколько страсти!...

Херувимъ остановился и сладко посмотрѣлъ на меня, въ ожиданіи отвѣта.

Я молчалъ.

— Неправда ли? прибавилъ онъ черезъ минуту.

— У всякаго свой вкусъ, отвѣчалъ я: — для меня этотъ господинъ противенъ, потому что у него нѣтъ ни чувства, ни страсти, ни таланта; все это онъ замѣняетъ безобразнымъ крикомъ, еропеньемъ волосъ, нелѣпыми движеніями, вскрикиваньями, взвизгиваньями и разными штуками трагическаго рутинёрства.

Херувимъ взглянулъ на меня немного иронически (иронія херувимовъ не имѣетъ большой ѣдкости) и воскликнулъ:

— Помилуйте, какъ это можно! Отъ васъ ли человѣка, надѣленнаго эстетическимъ чувствомъ, я слышу это!

— Вѣроятно, отвѣчалъ я, — моя эстетика и ваша — двѣ совершенно различныя эстетики. Вы восторгаетесь и аплодируете этому актеру, по сту разъ вызываете его,—а я согналъ бы его со сцены...

— Не вѣрю, не вѣрю, вы шутите! пронищалъ херувимъ и исчезъ въ табачномъ дымѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ я услыхалъ его тоненькій голосокъ, который раздавался какъ надтреснутый колокольчикъ.

— Вообразите, — какое варварство! *Онъ* не признаетъ таланта въ Носковѣ!...

«Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!»

— Но я это не спущу ему такъ, я его отдѣлаю. Надо сбить спѣсь съ этихъ господъ, чтобы они не смѣли оскорблять наши первые таланты, нашу гордость, нашу славу и открыто идти противъ всеобщихъ убѣжденій. Будьте увѣрены, господа, что я съумѣю защитить честь каждаго артиста, литератора и каждаго изъ васъ, господа, потому что онъ осмѣливается смѣяться надъ вашимъ благороднымъ энтузіазмомъ къ великому артисту.

Херувимъ еще долго говорилъ.... его пискливый голосокъ то возвышался, то понижался. Онъ повидимому производилъ сильное впечатлѣніе на своихъ слушателей, потому что многіе изъ нихъ вскрикивали:

— Какое краснорѣчіе!

— Вотъ настоящій ораторъ!

— Удивительный даръ слова!

— И какая ученость, какой умъ!

Когда херувимъ кончилъ свою рѣчь раздалось оглушающее «ура!», толпа пришла въ смятеніе, волны дыма заколыхались и я увидѣлъ тысячи яростно сверкавшихъ и устремленныхъ на меня глазъ.

Толпа, вооруженная сигарами и папиросами, хлынула на меня и сдавила меня такъ, что у меня захватило дыханіе.... Меня начали поджигать кончиками сигаръ и папиросокъ.... Я вскрикнулъ отъ боли, проснулся, пришелъ въ себя, зажогъ свѣчу и выпилъ стаканъ воды....

Отвратительное впечатлѣніе отъ моего драматическаго кошмара, довольно долго остававшееся во мнѣ, было совершенно изглажено тѣмъ отраднымъ художественнымъ наслажденіемъ, которое я

ощутилъ на яву, увидѣвъ Мартынова въ «Холостякѣ» Тургенева, который возобновленъ и нѣсколько сокращенъ.

Мысль этого возобновленія очень счастливая, потому что піеса, несмотря на свою длинноту, отъ которой охлаждается драматическое движеніе, имѣетъ неоспоримыя достоинства.

Роль Холостяка игралъ прежде Щепкинъ, придававшій этой роли, сколько я помню, къ невыгодѣ пьесы, характеръ уже слишкомъ сентиментальный. Мартыновъ, какъ великій артистъ, создающій типы изъ самыхъ ничтожныхъ ролей въ самыхъ ничтожныхъ пьесахъ, удивительно воспользовался прекрасными данными, которые представила ему роль Холостяка и создалъ изъ него полный и цѣльный характеръ въ высшей степени симпатическій и трогательный и между тѣмъ, совершенно вѣрный дѣйствительности, поразительно истинный. Онъ передалъ роль Мошкина съ тою изумительною тонкостію, которая можетъ быть оцѣнена только не многими, людьми истинно понимающими искусство и любящими его, и вмѣстѣ съ тою глубиною чувства, которая должна трогать и смягчать самыя черствыя и закоренѣлыя души и потрясать всѣхъ. Я укажу только на три сцены—на высоко комическую сцену пріема Мошкинымъ молодаго нѣмецкаго бюрократа и аристократа г. Фонъ-Клакса, на чтеніе Мошкинымъ письма съ отказомъ Вилицкаго и на раздирающее душу объясненіе (въ 3 актѣ) его съ Марьею Васильевною, когда послѣ этого отказа доброму старику становится ясно, какою любовью онъ любитъ Марью Васильевну и какъ сильна и глубока эта любовь.

Вслѣдствіе игры Мартынова, «Холостякъ» долженъ сдѣлаться одною изъ самыхъ замѣчательныхъ пьесъ русскаго репертуара.

Надобно сказать, что партеръ и ложи 1 яруса во второе представленіе возобновленнаго «Холостяка» были почти пусты, и что Александринскій театръ обыкновенно бываетъ биткомъ набитъ сверху до низу, въ какой нибудь уродливой мелодрамѣ, переведенной съ французскаго....

Странный вкусъ у публики Александринскаго театра!

Итальянская опера открылась 5 сентября «Маріею ди Роганъ» Дониццети, въ которой дебютировала г-жа *Нантье-Дидье*, замѣнившая г-жу де-Мерикъ-Лаблашъ. Она имѣла вполнѣ заслуженный успѣхъ.

Въ ея голосѣ, который занимаетъ средину между mezzo-soprano и contralto, много пріятности. Въ пѣніи ея незамѣтно ни малѣйшаго усилія: она поетъ съ простотою и съ большимъ вкусомъ. При всемъ этомъ игра ея очень одушевленна.

Г-жа *Шартонъ-Демеръ* дебютировала въ «Севильскомъ цирюльникѣ.»

Артисткѣ необходима была нѣкоторая смѣлость и увѣренность въ себѣ, чтобы появиться впервые въ роли Розины передъ неизвѣстною ей публикою, которая слышала въ этой роли г-жъ Віардо, Фрецціолини, Гризи и проч.

Но и послѣ такихъ знаменитыхъ Розинъ, г-жа Шартонъ произвела очень пріятное впечатлѣніе на публику.

У нея полный и свѣжій голосъ въ полномъ и здоровомъ тѣлѣ (vox sana in corpore sano), какъ справедливо замѣчено кѣмъ-то.

Идеальнаго, поэтическаго мало въ ея фигурѣ, въ ея станѣ; но все-таки она принадлежитъ къ замѣчательнымъ пѣвицамъ.

Во второй разъ она дебютировала въ «Соннамбулѣ» и съ значительнымъ успѣхомъ.... Ей много аплодировали особенно послѣ ея послѣдней аріи, которая была пропѣта ею безукоризненно.

Дебютъ г-жи *Лагруа* въ «Нормѣ» былъ блистательнымъ тріумфомъ....

Г-жа Лагруа не имѣетъ величественной фигуры той Нормы, которая нѣкогда приводила въ фуроръ петербургскую публику — Нормы *Гризи*; г-жа Лагруа средняго роста, у нея продолговатое лицо съ смуглымъ, сицилійскимъ колоритомъ, большіе, черные, необыкновенно выразительные глаза и большой, открытый лобъ. Одинъ изъ французскихъ петербургскихъ фельетонистовъ, вообще необыкновенно ловко разсыпающійся передъ пріѣзжими артистками въ комплиментахъ, находитъ въ ней сходство съ Юноной Греческой и Флорентинской Ніобеей, приписываемой Праксителю....

До какой степени вѣрны эти сравненія рѣшать безполезно,—дѣло въ томъ, что итальянская петербургская опера въ лицѣ г-жи Лагруа сдѣлала важное пріобрѣтеніе....

Г-жа Лагруа превосходная пѣвица, обладающая притомъ высокимъ драматическимъ талантомъ. Она можетъ въ этомъ отношеніи стать рядомъ съ Гризи, которая была великой трагической актрисой.

Послѣ Гризи мы въ первый разъ увидѣли настоящую «Норму», вдохновенную, величественную жрицу, съ дикими инстинктами, пламенную, страстную женщину, въ которой въ тоже время столько вѣры, нѣжности и самоотверженія. Г-жа Лагруа вполнѣ воплотила въ себѣ этотъ поэтическій и глубоко-человѣчный образъ и представила намъ его во всемъ блескѣ съ силою, энергіею, глубиною таланта, не упустивъ ни малѣйшихъ оттѣнковъ.

Нельзя, кажется, болѣе тонко изучить своей роли и болѣе вдохновенно выполнить ее.

Если Норма-Лагруа уступаетъ немного въ величіи Нормѣ-Гризи, если она не имѣетъ той античной красоты, которая поражала зрителей въ Гризи, то Лагруа нисколько не уступаетъ ей въ энергіи,

въ страсти и можетъ быть превосходитъ ее въ нѣжности.... Она, какъ будто выростаетъ передъ глазами зрителя и озаряется блескомъ красоты, движимая негодованіемъ и ревностію. Болѣе живаго, подвижнаго и выразительнаго лица трудно себѣ представить. Всѣ малѣйшія внутреннія движенія и ощущенія рѣзко выражаются на этомъ лицѣ, всѣ ея жесты и позы въ высшей степени правдоподобны, хотя они не такъ эффектны и пластичны, какъ позы Гризи. Она могущественно владѣетъ слушателемъ и зрителемъ отъ начала до конца піесы, то умиляя его въ сценѣ признанія Адальгизы, то наводя на него ужасъ въ сценахъ негодованія съ Полліономъ и въ сценѣ съ дѣтьми, то трогая его до глубины и заставляя проливать слезы въ послѣдней сценѣ съ Оровезомъ.

Послѣ знаменитой Casta Diva — публика поняла, что передъ нею талантъ, выходящій изъ ряду обыкновенныхъ талантовъ — и привѣтствовала ее съ энтузіазмомъ.

Голосъ ея (я передаю мое личное впѣчатлѣніе, судить объ этомъ дѣло знатоковъ музыки) довольно обширенъ и имѣетъ много пріятности. Она владѣетъ имъ легко, безъ усилій, со вкусомъ и тактомъ, и этотъ голосъ, прекрасно обработанный, выражаетъ также вѣрно, какъ и лицо ея, внутреннія ощущенія, волнующія ее.

Петербургская публика должна быть очень благодарна г–ну директору театровъ за такое пріобрѣтеніе.

Г–жа Лагруа пѣла еще въ Десдемонѣ и произвела большое впечатлѣніе и въ этой роли, хотя пассивная роль Десдемоны не совсѣмъ подходитъ къ ея энергическому таланту. Г–жа Лагруа должна быть превосходна въ «Гугенотахъ», въ «Лукреціи», въ «Семирамидѣ». Вѣроятно, это ея лучшія роли.

Г. Кальцолари совершенствуется съ каждымъ новымъ сезономъ. Въ Отелло онъ и г. Тамберликъ съ своимъ знаменитымъ ut–dies были превосходны.

Г–жа Брамбила (сопрано), дебютировавшая въ Адальгизѣ, выполнила эту роль удачно и пѣла очень недурно.

По поводу до крайности неприличнаго письма, полученнаго г. Редакторомъ Journal de St-Pétersbourg, въ защиту г. Монжини, — я получилъ слѣдующее письмо.

М. Г.

«Хотя въ «Замѣткахъ» вашихъ рѣдко говорится объ италіянской оперѣ, но тѣмъ не менѣе я рѣшился писать къ вамъ именно объ этомъ предметѣ, съ покорнѣйшею просьбою напечатать, если признаете возможнымъ, письмо мое въ «Современникѣ,» такъ какъ въ большомъ числѣ читателей этого журнала не мало людей, истинно любящихъ музыку и усердно посѣщающихъ италіянскіе спектакли.

«Дѣло вотъ въ чемъ: въ «Journal de St–Pétersbourg» 27 сентября, при разборѣ представленія «Соннамбулы,» было, между прочимъ, замѣчено, что теноръ Монжини, *обладающій однимъ изъ лучшихъ извѣстныхъ въ настоящее время голосовъ, долженъ еще много трудиться*, *работать*, чтобы составить себѣ репутацію истиннаго артиста.

«Безпристрастный читатель не можетъ не замѣтить крайней осторожности такого отзыва; скажемъ болѣе, нельзя не согласиться, что авторъ его отнесся къ г. Монжини «avec une extrême bienveillance».

«И что же? Не далѣе, какъ на другой день, г. редакторъ «Journal de St-Pétersbourg» получилъ письмо, преисполненное нелѣпыхъ и грубыхъ упрековъ въ томъ, что онъ (будто–бы) показалъ себя très–vilainement hostile à M. Mongini, что онъ, ровно ничего не понимая въ дѣлѣ музыки, *печатаетъ пустяки* (niaiseries) и рискуетъ прослыть пристрастнымъ человѣкомъ или pour un sot!...

Напечатавъ въ фельетонѣ № 231 «Journal de St-Pétersbourg» этотъ безобразный документъ, на площадныя ругательства его редакторъ отвѣтилъ весьма умѣренно и съ достоинствомъ, не выставивъ, впрочемъ, интереснаго имени недобросовѣстнаго Донъ-Кихота. — Напрасно.

«Не позволяя себѣ дальнѣйшими выписками изъ этого забавнаго посланія марать страницы уважаемаго нами журнала, отсылаемъ любопытныхъ къ вышеозначенному номеру французской газеты; пусть посмѣются они тому, какъ разгнѣванный защитникъ г. Монжини, называя своего противника *новичкомъ въ искусствѣ пѣнія*, полагаетъ, вѣроятно, что для строгой оцѣнки дарованій его любимца, необходимо быть серьёзнымъ музыкантомъ. Помилуйте, для этого за-глаза достаточно простаго слуха и безпристрастія.

«Неужели-же тѣ, которые воспитали свой слухъ и музыкальный вкусъ на такихъ талантахъ, какъ Рубини, Віардо, Тамбурини, Альбони, Гризи, Маріо, Лаблашъ, Бозіо, не могутъ

смѣть
Свое сужденіе имѣть....

о г. Монжини!...

«Вотъ эти-то люди, съ благовоспитаннымъ, какъ мы думаемъ, слухомъ и вкусомъ, къ сожалѣнію не могутъ вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ «Journal de St-Pétersbourg» относительно природныхъ богатствъ тенора en question, и сочувствуя замѣчанію, что ему надо

еще много учиться, позволятъ себѣ только напомнить г. Монжини, что сцена нашего театра — не ученическая студія.

«Даже самъ почитатель этого пѣвца, не рѣшаясь, при всемъ желаніи, произнести слово одобренія своему любимцу, скромно уступаетъ право судить о немъ другимъ; но тонъ письма его служитъ прекраснымъ доказательствомъ искренности этой уступки, а вмѣстѣ съ тѣмъ — врожденной вѣжливости самаго автора и похвальнаго уваженія его къ безпристрастному сужденію другихъ.

«За то какой грозой разразился скромный критикъ надъ г. Дебассини! Но тутъ его нельзя обвинять: хотя и многіе считаютъ г. Дебассини отличнымъ знатокомъ музыки и вполнѣ добросовѣстнымъ пѣвцомъ, да вѣдь, какъ справедливо замѣчено въ «Journal de St-Pétersbourg», на всѣхъ не угодишь. Помните, еще нашъ безсмертный баснописецъ остроумно разсказалъ про уши, которымъ крикъ пѣтуха нравился гораздо болѣе пѣнія соловья.

«По истинѣ, тутъ ничего нѣтъ удивительнаго, по крайней мѣрѣ для насъ, постоянныхъ свидѣтелей того, какъ на ряду съ вѣрной оцѣнкой высокаго искусства, увлекательнаго и глубоко-задушевнаго пѣнія г. Тамберлика, на ряду съ тонкимъ пониманіемъ артистической вокулизаціи г. Кальцолари, поощряются у насъ горячими новичками или убогими слухомъ судьями неистовые, часто фальшивые крики и поддѣльное чувство, безспорно чуждые всякой художественности.—

Все это было бы смѣшно,
Когда-бы не было такъ грустно.

«Когда-то мы доростемъ до того, что мнѣнія, подобныя высказанному въ неприличномъ письмѣ, и, наконецъ, самыя письма такого рода сдѣлаются у насъ невозможными; дождемся ли осуществленія этого «pia desideria» всѣхъ истинно-образованныхъ людей?..

«Вслѣдъ за тѣмъ, не безъ удовольствія прочли мы, въ № 232 «Journal de St-Pétersbourg,» опроверженіе слуха, что будто бы осуждаемое письмо написано было г. Эверарди; это мы говоримъ вообще, но едва ли кто нибудь изъ насъ допускалъ, чтобы этотъ серьёзный артистъ могъ унизиться до такой жалкой выходки.

«Много бы еще можно было сказать по поводу этого; но я не буду злоупотреблять вашею любезностью и прибавлю только, что за напечатаніе и этихъ немногихъ, но искреннихъ строкъ, весьма и весьма многіе изъ вашихъ читателей будутъ вамъ сердечно благодарны.

«Позвольте же, милостивый государь, надѣяться, что вы не откажете удѣлить моему письму мѣсто въ вашихъ «Замѣткахъ» и принять увѣреніе въ отличномъ уваженіи.

Вашего покорѣйшаго слуги
М—й Л—въ.»

4 Октября.

Теперь два слова — о балетѣ.

«Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ....»

Высидѣть длинный балетъ — это, по моему, величайшее наказаніе. Для того, чтобы восхищаться балетами надобно быть очень молоду, или смотрѣть на жизнь сквозь восточную точку зрѣнія: быть Шамилемъ, или турецкимъ Султаномъ. Говорятъ Шамиль, послѣ представленія балета, въ который его возили, замѣтилъ, что *мы уже пользуемся на земль тьмъ, что имъ обьщано только въ раю....*

Я признаюсь, не завидую Магометову раю, особенно послѣ этого замѣчанія. Этотъ рай можетъ быть и хорошъ, но только очень издали.

Я заговорилъ о балетѣ, только по поводу г-жи Розати.

Она дебютировала въ *Жовитѣ*, въ балетѣ поставленномъ на здѣшнюю сцену г. Сен-Леономъ, балетмейстеромъ парижской оперы.

Г-жа Розати очень хороша собой, очень ловка и граціозна — она конечно принадлежитъ къ первому разряду танцовщицъ — и несравненно пріятнѣе и лучше хвалёной Карлоты Гризи, — вотъ все что я могу сказать....

Не съумѣя сказать ничего болѣе, я прибѣгну къ помощи ловкаго французскаго фельетониста, о которомъ я уже упоминалъ и выпишу его *элегантныя* фразы о г-жѣ Розати изъ Journal de St. Pétersbourg:

«Тѣ петербургскіе господа», говоритъ онъ,—«которые еще сомнѣвались въ томъ, что *слово* есть безполезная роскошь, должны были убѣдиться въ этой истинѣ, послѣ представленія «Жовиты». Г-жа Розати доказала имъ, что всемірный языкъ—эта мечта великихъ и ученыхъ умовъ, почитаемая многими утопіей,—осуществилась въ пантомимѣ. Русскіе, французы, англичане, итальянцы, нѣмцы, греки, испанцы, турки, шведы, фламандцы и потагонцы равно понимаютъ ее. Но для того, чтобы употребленіе этого всемірнаго языка сдѣлалось общимъ и понятнымъ — необходимо быть Розати, называться этимъ именемъ, имѣть такое краснорѣчивое личико, такіе выразительные жесты, такіе глазки какъ у нее, выражающіе свободно вся-

кую мысль, словомъ — всю прелесть и грацію, которыми надѣлена эта женщина...

«Невозможно быть болѣе Розати—изящной, элегантной, кокетливой, увлекательной. Съ перваго же акта — она торжествовала» и прочее.

Прибавлять къ этому, кажется, нечего.

Г. Сен-Леонъ, который находится въ сію минуту въ Петербургѣ, также дебютировалъ на нашей сценѣ въ какомъ-то балетѣ. Я его не видалъ и не имѣю особеннаго желанія видѣть, потому что въ мужской граціи я ровно ничего не понимаю.

Французская петербугская труппа даетъ временно представленія въ деревянномъ циркѣ, близь александринскаго театра, недавно оконченномъ, который не имѣетъ особенной привлекательности.

Разъигрывать серьёзно серьёзныя пьесы въ манежѣ какъ-то не совсѣмъ ловко, но знаменитая пьеса графа Соллогуба — La preuve d'amitié, о которой я уже говорилъ, разъиграна была въ новомъ манежѣ чрезвычайно удачно и серьёзно.

Пьеса эта имѣетъ всѣ достоинства обыкновенныхъ французскихъ водевилей, кромѣ веселости. Она очень длинна и ей не достаетъ куплетовъ. Это жаль. Графъ Соллогубъ писалъ такъ прекрасно русскіе стишки въ альбомы и различные куплеты. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ еще удачнѣе могъ бы написать французскіе куплеты. Ужь надобно бы было вполнѣ обнаружить свои таланты передъ парижской публикой и петербургскими французами....

Отъ театровъ перейдемъ къ городскимъ новостямъ, слухамъ и толкамъ.

Петербургская биржа поражена неожиданнымъ рѣшеніемъ барона Штиглица закрыть свой банкирскій домъ и немедля прекратить всѣ дѣла. Г. Штиглицъ уѣхалъ въ Варшаву и оттуда прислалъ это рѣшеніе.

Что подвигнуло къ этому знаменитаго банкира — неизвѣстно.

Это немаловажное событіе въ финансовомъ мірѣ, вѣроятно, скоро объяснится.

Не менѣе поразило многихъ извѣстіе о несостоятельности торговаго дома гг. А*. въ Москвѣ.

Домъ этотъ пользовался огромною извѣстностію въ Россіи и слухи о богатствахъ гг. А*. имѣли что-то миѳологическое.

Но болѣе всего возбуждалъ различныхъ толковъ и разсказовъ во всѣхъ петербургскихъ сословіяхъ и былъ предметомъ всеобщаго любопытства — *Шамиль*.

Я выберу здѣсь все сколько-нибудь любопытное о кавказскомъ героѣ изъ нашихъ газетъ, для читателей «Современника», начиная съ статьи г. Зиссермана о его сдачи.

Г. Зиссерманъ начинаетъ съ описанія Гуниба: «Гунибъ, говоритъ онъ, — отдѣльная громадная гора, она имѣетъ въ основаніи болѣе пятидесяти верстъ окружности, съ крутыми осыпями, кое-гдѣ покрытыми тощею зеленью, кое-гдѣ заваленными грудами огромныхъ камней, кое-гдѣ испещренными фруктовыми деревьями и кукурузой. — Гора эта, постепенно съуживаясь, упирается въ сплошной карнизъ изъ громадныхъ отвѣсныхъ скалъ; вершина ея представляетъ покатую площадь оригинальной формы. Эта покатость съ запада на югъ прорѣзана глубокимъ скалистымъ оврагомъ; по лѣвому обрыву его расположенъ довольно-значительный аулъ Гунибъ, а по правому тянется цѣпь отдѣльныхъ холмовъ, покрытыхъ березовымъ лѣсомъ; кругомъ разбросаны пахатныя поля. Надъ самымъ обрывомъ восточнаго фаса стояла палатка Шамиля, изъ которой онъ могъ видѣть весь нашъ лагерь; близь нея стояло батарейное орудіе, обстрѣливавшее подъемъ на гору отъ Кара-Койсу; направо и налѣво отъ нея, также надъ обрывами стояли палатки двухъ сыновей Шамиля, съ орудіемъ при каждой. Вездѣ, гдѣ была малѣйшая возможность взобраться, скалы были взорваны порохомъ, а нескалистые промежутки укрѣплены толстыми стѣнами и различными крѣпкими оборонительными постройками; вездѣ надъ обрывами были заготовлены кучи большихъ камней. Весь гарнизонъ, въ числѣ котораго было нѣсколько вооруженныхъ женщинъ, былъ распредѣленъ по фасамъ, безпрестанно продолжая работы для сильнѣйшей обороны; для ободренія ихъ Шамиль заставилъ своихъ женъ и невѣстокъ тоже носить камни. Вообще отъ природы недоступный Гунибъ при всѣхъ искуственныхъ средствахъ сдѣлался, по всеобщему почти убѣжденію, совершенно-неприступнымъ. 22-го августа безплодные переговоры были прекращены, 23-го г. главнокомандующій приказалъ открыть противъ Гуниба дѣйствія, 24-го почти весь день продолжалась пушечная пальба и довольно-частая перестрѣлка, а 25-го, рано утромъ, наши батальйоны были на Гунибѣ.... Какъ они взобрались туда, какъ преодолѣли всѣ природныя и искуственныя преграды, какъ побѣдили отчаянныхъ защитниковъ — разсказать подробно весьма трудно: они доказали только уже давно извѣстную истину, что для кавказскихъ войскъ, дѣйствительно, нѣтъ ничего невозможнаго. Часу въ восьмомъ утра, мы изъ лагаря вдругъ увидѣли, какъ исчезли стоявшія надъ обрывами палатки и какъ съ разныхъ сторонъ показались на горѣ люди. Г. главнокомандующій тот-

часъ отправился туда же; на подъемѣ къ главнымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ намъ попадались на встрѣчу раненые, а ближе подъ стѣнками валялись обезображенные непріятельскіе трупы; дальше, по дорогѣ сидѣли кучки плѣнныхъ, окруженныхъ солдатами, а со всѣхъ сторонъ стягивались части войскъ къ аулу, въ который едва успѣлъ бѣжать Шамиль съ сыновьями и нѣсколькими десятками мюридовъ. Увидѣвъ главнокомандующаго, войска закричали «ура!» Шамиль думалъ, что бросились на штурмъ, что насталъ его послѣдній часъ — и сталъ молиться. Съ прибытіемъ на Гунибъ, главнокомандующій приказалъ остановить перестрѣлку и предложить Шамилю сдаться, не проливая напрасно крови. Имамъ видѣлъ невозможность держаться дольше. Что̀ могло устоять противъ четырнадцати батальйоновъ, окружившихъ на пистолетный выстрѣлъ аулъ, кипѣвшихъ желаніемъ покончить съ виновникомъ долгой борьбы и отличиться въ присутствіи своего главнокомандующаго! Всѣ стояли, смотря на аулъ какъ на вѣрную добычу, стоило только произнести роковое «впередъ» — и не осталось бы, кажется, слѣдовъ нетолько засѣвшихъ тамъ людей, но и самаго аула. Начались переговоры. Къ намъ вышелъ изъ аула Юнусъ, изъ черкеевскихъ бѣглецовъ, очень приближенный къ Шамилю человѣкъ, съ вопросомъ: «какія условія предлагаются Шамилю?» Ему сказали: «условій никакихъ, а чтобы выходилъ, или сейчасъ войска ринутся въ аулъ». Пошелъ Юнусъ къ Шамилю, а мы стоимъ, смотримъ на аулъ, на расхаживающихъ тамъ вооруженныхъ людей, на кое гдѣ выглядывающихъ изъ дверей и оконъ женщинъ и дѣтей, и думаемъ: сдастся Шамиль, или рѣшится погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ? останется ли кто нибудь живъ изъ этихъ людей, или уже суждено имъ погибнуть подъ штыками солдатъ, которые, ворвавшись въ аулъ, едва ли дадутъ кому нибудь пощаду?... Чрезъ полчаса опять идетъ Юнусъ. Шамиль послалъ его, чтобы онъ лично представился г. главнокомандующему и выслушалъ его слова. Нечего дѣлать — послали Юнуса верхомъ къ мѣсту, гдѣ князь Барятинскій находился, въ полуверстѣ отъ аула.—Выслушавъ отъ князя повтореніе уже сказаннаго, чтобы Шамиль тотчасъ выходилъ, а то начнется штурмъ, и нѣтъ тогда никому пощады, и что ему предлагается одно лишь условіе — это его собственная и всего семейства личная безопасность. Юнусъ опять пріѣхалъ къ аулу, разсказалъ намъ о своемъ свиданіи съ княземъ и ушелъ къ Шамилю. Проходитъ полчаса, нѣтъ отвѣта; тишина въ аулѣ, тишина кругомъ, все ждетъ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ — что будетъ? Наконецъ, изъ аула кричатъ, просятъ прислать Исмаила, бывшаго чохскаго наиба, зятя Шамиля. Послали Исмаила; черезъ четверть часа онъ возвращается —Шамиль сказалъ: «не послать ли ему прежде

младшаго сына къ г. главнокомандующему?» Нельзя, кричатъ ему,— выходи сейчасъ, а то подастся сигналъ. Еще черезъ четверть часа, опять идетъ Юнусъ: «Шамиль проситъ отодвинуть войска подальше отъ аула, послѣ онъ выйдетъ». «Нельзя», говорятъ ему, «пусть не выводитъ насъ изъ терпѣнія и сдается». Юнусъ ушелъ и чрезъ десять минутъ опять возвратился, весь запыхавшись, едва переводя духъ. «Шамиль проситъ отогнать по крайней мѣрѣ всѣхъ мусульманъ, чтобы не видали, какъ будетъ онъ выходить». «Хорошо». Прогнали всю милицію за батальйоны и лишили ее удовольствія видѣть имама среди русскихъ. Проходитъ еще нѣкоторое время; тишина такая, какъ будто тутъ нѣтъ живой души, а между тѣмъ 10,000 штыковъ стояли, притаивъ дыханіе; наше нетерпѣніе достигаетъ крайнихъ предѣловъ: «Будетъ штурмъ?»—«Не будетъ штурма. Онъ надуваетъ, тянетъ время до ночи, вѣрно хочетъ убѣжать» — шептались между собою многіе. Наконецъ, въ аулѣ засуетились, между саклями показалась толпа — все съ чалмами на головахъ. «Идетъ, идетъ!» раздалось со всѣхъ сторонъ... Всѣ взоры устремились къ выходу изъ аула; но тамъ вдругъ опять все замолкло, толпа куда-то скрылась. Пошли нѣкоторые отъ насъ еще ближе къ аулу, къ крайней саклѣ. Даніель-Бекъ, Исмаилъ, полковникъ Лазаревъ — начали кричать по-татарски: «выходите скорѣе, не будьте дѣтьми; вы видите, что нѣтъ другаго спасенія!» Опять зашевелилась толпа, и Шамиль показался изъ аула, тѣсно окруженный сорока самыми отчаянными мюридами; сзади вели осѣдланную сѣрую лошадь. Всѣ войска кругомъ аула, какъ будто по сигналу, огласили воздухъ громкими «ура», и вездѣ, во всѣхъ направленіяхъ подхватили солдаты этотъ радостно торжественный кликъ. Шамиль опять пришелъ въ недоумѣніе, остановился на минуту; но, видя батальйоны неподвижными, пошелъ дальше. Словъ слишкомъ мало, чтобы выразить торжественность такой минуты; всякъ, кто знаетъ, что такое кавказская война, съ такимъ упорствомъ тянувшаяся полвѣка, кто знаетъ, что̀ былъ Шамиль, самовластно повелѣвавшій такимъ огромнымъ воинственнымъ, фанатическимъ населеніемъ, считавшій себя учредителемъ самостоятельной династіи горскихъ владѣтелей, — легко себѣ представитъ, что должны были мы чувствовать въ эту памятную минуту, въ половинѣ четвертаго часа пополудни, 25 августа 1859 года. Я и теперь еще какъ будто помню продолжительный, богатый фантазіями сонъ. Шамиль росту большаго, крѣпко сложенъ, у него продолговатое, морщинистое лице, прямой, правильный носъ, сѣрые глаза съ глубокимъ выраженіемъ, большая окладистая борода, выкрашенная, по-персидски, красною хиной; одѣтъ онъ въ черкеску чернаго русскаго сукна, съ патро-

нами на груди, обшитыми черными шелковыми лентами, въ зеленомъ ахалухѣ изъ шерстяной матеріи, въ большихъ чувякахъ съ полуголенищами изъ краснаго сафьяна; на головѣ у него большая бѣлая кисейная чалма съ краснымъ верхомъ, концы которой, длиною болѣе аршина, висятъ сзади на спинѣ; вооруженъ онъ шашкой, кинжаломъ, одинъ пистолетъ за поясомъ сзади, другой, въ чахлѣ, спереди. Видно было, что послѣднія событія произвели страшное дѣйствіе на Шамиля: онъ былъ блѣденъ, смущенъ, смотрѣлъ какъ-то особенно непріятно по сторонамъ—вообще имѣлъ видъ человѣка растерявшагося, неуяснившаго себѣ своего новаго положенія; онъ все порывался что-то говорить, но не доканчивалъ фразъ... Окружавшіе его мюриды были вооружены съ ногъ до головы и такъ тѣснились около него, какъ будто собирались защитить его отъ нападенія. Приближаясь къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ г. главнокомандующій, Шамиль слѣзъ съ лошади; оружіе, съ дозволенія князя, осталось на немъ; подойдя ближе, онъ остановился, подозрительно озираясь по сторонамъ. Князь встрѣтилъ Шамиля слѣдующими словами: «Шамиль, ты не принялъ условій, которыя я тебѣ предлагалъ, и не захотѣлъ пріѣхать ко мнѣ въ лагерь; теперь я пріѣхалъ за тобой. Ты самъ захотѣлъ предоставить войнѣ рѣшить дѣло, и—она рѣшила его въ нашу пользу; теперь объ этихъ условіяхъ уже и рѣчи нѣтъ; ты долженъ ѣхать въ Петербургъ, и тамъ ожидать рѣшенія своей участи отъ милосердія Государя Императора; за одно тебѣ ручаюсь — это за личную безопасность твою и всего твоего семейства. Для твоего сопровожденія я назначилъ моего адъютанта, полковника Тромповскаго, и онъ употребитъ все, чтобы ты не терпѣлъ никакихъ лишеній и недостатковъ». Волненіе Шамиля было такъ велико, онъ такъ растерялся, что не сказалъ въ отвѣтъ ничего особенно-замѣчательнаго, а все только хотѣлъ объяснить, что онъ боялся довѣриться намъ, что былъ уже обманутъ, что поневолѣ сдѣлался осторожнымъ, наконецъ, что «какъ и медъ, если его часто ѣсть, надоѣдаетъ, такъ и все на свѣтѣ надоѣдаетъ, такъ и ему уже надоѣли тридцать лѣтъ войны, и что онъ радъ покончить все, и жить теперь мирно...» Очевидно, это была фраза, сказанная въ надеждѣ, что его оставятъ жить въ горахъ, съ условіемъ не предпринимать ничего противъ насъ. Утопающій хватается за соломенку; но Шамиль хотѣлъ удержаться еще на толстомъ канатѣ. Понятно, что намеки эти остались безъ послѣдствій, и ему еще разъ было повторено, что онъ взятъ силою оружія, что условій никакихъ онъ просить не можетъ, что жизнь его будетъ цѣла, но будущая судьба зависитъ отъ милосердія Его Величества. Затѣмъ г. главнокомандующій уѣхалъ съ Гуниба, приказавъ Шамилю ѣхать за нимъ. — Прибывъ въ лагерь уже поздно вече-

ромъ, Шамиль нашелъ разбитую для него суконную палатку, устланную коврами; ему подали чай и пловъ. Князь прислалъ ему великолѣпную мелвѣжью шубу; приставленный къ нему подполковникъ Алибекъ Пензулаевъ оказывалъ ему знаки самаго почтительнаго вниманія и не переставалъ утѣшать и увѣрять въ спокойномъ будущемъ. Шамиль сталъ успокоиваться, попросилъ бумаги и карандаша, и написалъ на Гунибъ записку, что онъ принятъ какъ не ожидалъ, чтобы семейство не безпокоилось объ немъ и на другой день всѣ пріѣзжали къ нему. 26-го числа, въ десять часовъ утра, прибыли въ лагерь оба сына имама, всѣ жены, слуги, цѣлый большой караванъ; женщины всѣ съ закрытыми лицами, такъ что мы никакого понятія не имѣемъ объ ихъ наружности; одѣты онѣ всѣ по татарски; двѣ женщины отличались особенною изысканностію костюма: Шуанетъ, любимая жена Шамиля, плѣнная моздовская армянка, и дочь Даніель-Бека — жена Кази-Магомы. Въ тотъ же день, по случаю коронованія Государя Императора, было отслужено молебствіе. При пушечной пальбѣ и восторженныхъ крикахъ «ура» г. главнокомандующій благодарилъ войска за вчерашній штурмъ, за всю службу, принесшую такой славный конецъ. — 27 числа Шамиль, провожаемый дивизіономъ драгунъ и батальйономъ пѣхоты, отправился въ Темир-Хан-Шуру; здѣсь семейство его оставлено, а онъ, съ старшимъ сыномъ, въ сопровожденіи полковника Тромповскаго и подполковника Али-Бека, 2 сентября отправленъ въ Петербургъ.

Государь принималъ Шамиля въ Чугуевѣ 15 сентября.

«Имамъ, по разсказу одного изъ очевидцевъ, напечатанному въ одной изъ нашихъ газетъ, — шелъ во временной дворецъ блѣднѣе обыкновеннаго и тревожно двигалъ руками, гладя бороду. Потомъ Шамиль былъ на смотру, верхомъ. Войско, парадные наряды и эволюціи заняли его чрезвычайно.

Государь въ половинѣ 3 часа пополудни 16 сентября въѣхалъ въ Харьковъ. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ Шамиль. Въ 8 часовъ вечера зажглась по городу иллюминація. Запылала въ огняхъ колокольня собора, зажглись вензеля, тріумфальныя арки на площадяхъ и запылало электрическое солнце надъ университетомъ. Шамиля повезли по городу.

— Что это? вѣрно слова какія нибудь? спросилъ онъ, подъѣзжая съ Екатеринославской улицы къ университету, гдѣ надъ горой изъ огней составлена была надпись, длиною саженей въ 50, вдоль оконъ, надъ тополями.

— Да, слова, отвѣтилъ переводчикъ.

— Что же такое, я хочу знать?

— «*Да распространяется повсюду стремленіе къ просвѣщенію!*»

— А!..

И Имамъ склонилъ голову, въ знакъ уловольствія.

Государь пріѣхалъ на дворянскій балъ. Шамиль, былъ уже тамъ. Войдя въ залъ, онъ отшатнулся отъ двери, такъ его поразило освѣщеніе, убранство громадной залы, украшенной гербами уѣздовъ, цвѣтами, блескъ свѣчей и нарядовъ. Заиграла музыка, пары двинулись въ польскомъ. Шамиль вошелъ въ толпу, изумленными глазами, окидывая костюмы дамъ.

— Не усталъ ли имамъ? спросили его черезъ переводчика: вчера онъ былъ на смотру съ дороги, сегодня съ дороги на балу?

— Въ присутствіи Русскаго Императора я не чувствую усталости! отвѣтилъ Шамиль.

— А кто вамъ изъ дамъ болѣе нравится?

— Всѣ нравятся! отвѣтилъ Шамиль.

— А позволяетъ ли вамъ законъ вашей вѣры быть въ обществѣ женщинъ?

— Я самъ законъ моей вѣры и могу...

Сыну его предложили одинъ вопросъ:

— Видите, какъ у насъ всѣ свободны, какъ весело?

— Да, хорошо у васъ; но надо много денегъ!

Одинъ молоденькій господинъ протиснулся къ Шамилю и спросилъ переводчика:

— Читалъ ли Шамиль книгу г. Вердеревскаго: «Плѣнъ у Шамиля княгинь Орбеліани и Чавчавадзе?»

— Шамиль не видѣлъ ни одной европейской книги и не знаетъ, что о немъ пишутъ!

— А газеты у него получались?

— Ему дѣла не было до газетъ: а покойный его сынъ получалъ Петербургскія и Московскія вѣдомости, но недолго.

Еще часа два за нимъ ходила толпа на балѣ. Онъ не ужиналъ, смотрѣлся въ зеркала новой залы, нарочно выстроенной для пріѣзда Государя, прошелся нѣсколько разъ по залѣ и уѣхалъ.

На крыльцѣ, его спросили:

— Какъ же все это, что онъ видитъ, можно сравнить съ его Кавказомъ? Шамиль отвѣтилъ:

— Кавказъ — это жизнь, дѣйствительность; а то, что теперь вижу, сказка для меня!

Въ Москвѣ Шамиль пробылъ нѣсколько дней и 25 сентября утромъ былъ въ Петербургѣ.

Онъ останавливался въ Знаменской гостинницѣ, противъ московской желѣзной дороги, гдѣ во все время пребыванія его тутъ ежедневно толпился народъ у подъѣзда, въ ожиданіи его выхода.

Шамиль катался каждый день по Петербургу въ открытой наемной коляскѣ съ своимъ сыномъ и съ подполковникомъ Богуславскимъ, находившимся при нихъ; сзади всегда слѣдовала другая коляска съ его мюридами. Его постоянно можно было встрѣчать въ этой коляскѣ около $^1/_2$ 4-го на Невскомъ Проспектѣ. Бѣлая чалма его и малиновая борода видѣлись издалека.

Шамиль представлялся Государынѣ Императрицѣ, Великимъ Князьямъ, осмотрѣлъ всѣ петербургскія достопримѣчательности, былъ въ балетѣ и въ операѣ и, говорятъ, отъ всего былъ въ восторгѣ.

Въ городѣ ходили про него тысячи различныхъ разсказовъ, и, между прочимъ, его отвѣты на предлагаемые ему вопросы.

Кто-то спросилъ у него, говорятъ, между прочимъ:

— Какъ вамъ понравилась Москва и Петербургъ?

— Я пораженъ всѣмъ, отвѣчалъ Шамиль — и увидѣвъ ваши города, я изумился еще болѣе — за чѣмъ вамъ наши горы?»

Дней десять Шамиль быть львомъ Петербурга; портреты его выставлены были во всѣхъ магазинахъ и лавочкахъ (лучшіе изъ нихъ г. Деньера и фотографическаго заведенія Похитонова. Струговщикова и Водова)... Люди праздные и живущіе пустыми городскими новостями и сплетнями безпощадно фантазировали на его счетъ и прожужжали объ немъ всѣ уши.

Изъ всѣхъ разсказовъ правдоподобно только то (это передавалъ одному моему знакомому переводчикъ, находившійся при немъ), что Шамиль упалъ духомъ и сильно скучаетъ по своимъ горамъ....

Онъ между прочимъ (3-го октября) посѣтилъ въ Петербургѣ профессора университета Казембека.

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ свиданіи одинъ изъ фельетонистовъ, бывшій въ это время у г. Казембека.

«Г. Казембекъ почти не ждалъ его, и потому не было у него почти никого постороннихъ, кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ, случайно узнавшихъ объ этомъ посѣщеніи и пожелавшихъ видѣть имама. Хозяинъ встрѣтилъ его у дверей въ залу, и тутъ въ первый разъ мы видѣли Шамиля, говорящаго безъ переводчика. Помѣнявшись нѣсколькими фразами на непонятныхъ для насъ языкахъ (арабскомъ и кумыцкомъ), хозяинъ съ гостемъ, сопровождаемые нами и свитою, вошли въ гостиную, гдѣ сидѣло семейство профессора. Шамиль, кажется, не ожидалъ тутъ видѣть женщинъ, но, догадавшись, что это, вѣроятно, родственницы хозяина, онъ обратился къ нему съ вопросомъ: «это ваше семейство»? Профессоръ представилъ ему свою дочь съ двумя гувернантками; имамъ, сдѣлавъ имъ почтительное привѣтствіе, занялъ мѣсто на диванѣ. Съ правой стороны сѣлъ 27-ми лѣт-

ній сынъ Шамиля, Казы-Мохаммедъ, съ лѣвой хозяинъ, прочіе размѣстились по кресламъ, гдѣ попало — и начался разговоръ, сначала мѣрный и степенный, потомъ все болѣе и болѣе оживлявшійся; въ этомъ разговорѣ принимали участіе только г. Казем-Бекъ и Шамиль, и изрѣдка сынъ его. Отъ времени до времени хозяинъ переводилъ намъ нѣкоторыя фразы, наиболѣе, по его мнѣнію, интересныя для всѣхъ слушающихъ, какъ-то: о совершенномъ довольствѣ имама тѣмъ гостепріимствомъ, какого удостоивался онъ во всѣхъ мѣстахъ Россіи «и землями и людьми»; о великолѣпіи Москвы и Санктпетербурга, и проч. и проч.

Послѣ довольно-продолжительнаго разговора, г. Казем-Бекъ представилъ Шамилю три свои сочиненія — одно на турецкомъ языкѣ, подъ названіемъ *Мухаммедійэ*, и два на арабскомъ — *Мухтесеръ и Фухрустъ*. Послѣднее (недавно-вышедшая изъ литографіи большая книга in folio) болѣе всѣхъ обратило на себя вниманіе имама. Онъ долго и съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ эту книгу, оставлялъ ее и снова бралъ, дѣлая при этомъ вопросы. Не менѣе любознателенъ былъ и Казы-Мохаммедъ: онъ также задавалъ вопросы профессору и съ большимъ вниманіемъ выслушивалъ отвѣты, методически покачивая головою. Имамъ назвалъ нѣсколько арабскихъ сочиненій, которыя оказались въ библіотекѣ профессора и были немедленно ему представлены. Между ними находилась одна большая рукопись, подъ названіемъ *Мизанъ* — «Вѣсы». По объясненію профессора, эта книга содержитъ въ себѣ повѣрку всѣхъ главнѣйшихъ пунктовъ разногласій въ ученіи четырехъ школъ суннитскихъ, а именно аàзамидовъ, шафіитовъ, ганбилидовъ и маликидовъ, и Шамиль высказалъ объ этомъ предметѣ нѣсколько мнѣній, весьма дѣльныхъ, по словамъ г. Казем-Бека. Хозяинъ, между прочимъ, показалъ своему гостю всю свою коллекцію манускриптовъ, числомъ до 175. Шамиль съ грустью посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ нѣсколько словъ печальнымъ тономъ. По переводу оказалось, что онъ оплакиваетъ свою славную коллекцію манускриптовъ, которую безпощадно разграбили его же мюриды. «Мнѣ ничего такъ не жаль, какъ моихъ книгъ», сказалъ Шамиль (можетъ быть, изъ дипломатической тонкости), грустно покачивая головою.

«Черты Шамиля очень выразительны, особенно когда онъ говоритъ. Онъ съ аппетитомъ пилъ чай и кофе съ печеньемъ, и ѣлъ варенье нѣсколькихъ сортовъ и конфекты — и все это въ весьма изрядномъ количествѣ, и притомъ въ 12-мъ часу утра.... Когда его спрашивали, не имѣетъ ли на него вліянія петербургскій климатъ, онъ, вовсе не понимая такого вопроса, отвѣчалъ: «Когда холодно—

я стараюсь одѣться потеплѣе, а когда въ комнатѣ жарко—одѣваюсь легче»....

«Постоянно состоять при Шамилѣ, на время его пребыванія въ Петербургѣ, назначенъ былъ полковникъ Богуславскій, отлично знающій арабскій и турецкій языки, и, повидимому, Шамиль имѣлъ большое къ нему довѣріе и расположеніе. По словамъ г. Казем-Бека, никто изъ оріенталистовъ въ Петербургѣ не могъ бы такъ свободно объясняться съ Шамилемъ на извѣстныхъ ему языкахъ, какъ г. Богуславскій: по свидѣтельству г. Казем-Бека, у него способность къ языкамъ удивительная—въ нѣсколько лѣтъ онъ усвоилъ себѣ свободный разговорный языкъ арабскій, турецкій, персидскій и татарскій, хорошо знаетъ ихъ литературу и обладаетъ даже языкомъ еврейскимъ. По поводу знанія восточныхъ языковъ, кстати припомнили мы любопытный случай. Одинъ изъ здѣшнихъ оріенталистовъ, давно считающій себя, и можетъ быть, потому считаемый другими отличнымъ знатокомъ восточныхъ языковъ, встрѣтился съ Шамилемъ въ Академіи Художествъ и обратился къ нему съ привѣтствіемъ на персидскомъ языкѣ — Шамиль ничего не понялъ; потомъ такое же привѣтствіе на турецкомъ — Шамиль также продолжалъ смотрѣть на оріенталиста, вытаращивъ глаза, въ совершенномъ неудомѣніи; наконецъ, сконфуженный оріенталистъ заговорилъ по-арабски, и Шамиль, вслушавшись, произнесъ одобрительно: «этотъ человѣкъ знаетъ нѣсколько арабскихъ словъ....» Далѣе разговоръ продолжался чрезъ переводчика....»

Съ побѣжденнымъ кавказскимъ врагомъ правительство наше поступило великодушно и человѣколюбиво, какъ поступаютъ въ такихъ случаяхъ всѣ просвѣщенныя правительства.

Плѣнный Шамиль, побѣжденный врагъ, не возбудилъ въ русскомъ народѣ ненависти, злобы, мщенія и другихъ дикихъ страстей во имя какого-то дикаго патріотизма. Онъ возбуждалъ только одно (очень натуральное) любопытство. «Лежащаго не бьютъ», говоритъ умная русская пословица. Одинъ только г. Гаряйновъ, выступающій во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ съ своимъ воинственнымъ и патріотическимъ перомъ, которымъ онъ, какъ извѣстно, уничтожилъ уже Тьерра, выступилъ нынѣ и противъ кавказскаго героя...

«Что такое Шамиль», восклицаетъ онъ въ «Сѣверной Пчелѣ», «чтобъ пользоваться такими правами (т. е. правами человѣколюбія и великодушія)?... Въ молодости онъ продавалъ виноградъ нашимъ солдатамъ...»

Человѣкъ такого низкаго происхожденія не заслуживаетъ человѣколюбиваго съ нимъ обращенія, по мнѣнію г-на Горяйнова.

Затѣмъ г. Горяйновъ разсказываетъ о жестокостяхъ Шамиля и заключаетъ:

... «его не пошлютъ у насъ страдать на какой нибудь понтонъ, а, вѣроятно, отведутъ ему покойную квартиру съ достаточнымъ содержаніемъ, гдѣ онъ, съ своимъ семействомъ, будетъ жить безъ малѣйшей нужды и довольно...» и проч.

Къ сожалѣнію г. Горяйнова, такъ и случилось.

Мѣстомъ пребыванія Шамиля назначена Калуга.

Вотъ что пишутъ объ этомъ въ «Калужскихъ Вѣдомостяхъ»:

«Итакъ, славный герой Кавказа, болѣе 30 лѣтъ враждовавшій противъ Россіи, будетъ жить у насъ въ Калугѣ. Домъ для помѣщенія его съ семействомъ уже избранъ: домъ каменный трехъэтажный, просторный и, кажется, удобный. Впрочемъ, въ хорошемъ помѣщеніи въ Калугѣ недостатка не будетъ. Домъ нанятъ, слышно, за 800 руб. сер. въ годъ. Шамилю, какъ говорятъ, назначено весьма порядочное содержаніе.

«Не первому изъ знаменитыхъ плѣнниковъ приходится жить въ Калугѣ Шамилю. Задолго прежде него два магометанскихъ султана въ разное время пребывали въ этомъ городѣ, а именно: послѣдній ханъ крымскій Шагинъ-Гирей и султанъ малой Киргизской Орды Арунгизъ Абулгазіевъ. Шагинъ-Гирей, по сложеніи съ себя въ 1783 году ханскаго достоинства, сначала удалился въ Воронежъ, а въ 1786 году присланъ на житье въ Калугу. Онъ получалъ на содержаніе отъ казны до 200,000 руб., и *жилъ*, какъ сказано въ одной запискѣ, *для губернскаго города великолѣпно*. Для хана выстроенъ былъ, близъ нынѣшняго Загороднаго сада, особый, большой деревянный домъ, который впослѣдствіи, по словамъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ старожиловъ, достался въ частныя руки и перенесенъ на другое мѣсто, на которомъ существуетъ и до сихъ поръ. Шагинъ-Гирей отпущенъ былъ изъ Калуги въ Молдавію, откуда, по повелѣнію турецкаго султана, увезенъ на о. Родосъ и тамъ удавленъ. Султанъ Арунгизъ Абулгазіевъ (Арнгази-Абдулъ-Гасизъ) прибылъ на жительство въ Калугу 31 мая 1823 года. При немъ находились: султанъ Ильджанъ, старшина Бей-Юсуфъ, переводчикъ Рахметулла-Муртазинъ и татаринъ Рахметуллинъ. На содержаніе Арунгиза со свитою отпускалось ежемѣсячно изъ казначейства по 1,500 р. асс., да Рахметулину по 100 руб. асс. Сверхъ того, единовременно, на первое обзаведеніе, выдана была султану значительная сумма. Для помѣщенія первоначально нанятъ былъ 1 части, 1 квартала, близъ Никитскаго оврага, недалеко отъ р. Оки, весь каменный двухъэтажный домъ о 16 комнатахъ Пятницкаго протоіерея Ив. Левшина за 1,200 руб. асс. въ годъ, съ отопленіемъ въ весеннее и лѣтнее время. По

прибытіи султана цѣлый домъ оказался слишкомъ великъ, и потому заняты были только верхніе покои. Арунгизъ прожилъ въ Калугѣ 10 лѣтъ. Онъ часто бывалъ въ театрѣ, который тогда существовалъ въ городѣ, ѣздилъ на охоту, катался зимой по городу. Въ 1824 году Муртазинъ, по просьбѣ жены своей, оставилъ Калугу и отправился въ Оренбургъ, а въ февралѣ 1829 года уѣхалъ на родину Юсуфъ. Съ Ильджаномъ и Рахметуллинымъ у Арунгиза произошла было размолвка; но дѣло уладилось. Въ маѣ 1829 года султанъ Арунгизъ женился на 16-тилѣтней дочери московскаго купца Хассанъ Мангушена Мединѣ, на что ему выдано было отъ казны 2,000 руб. У него были еще три жены въ ордѣ, изъ которыхъ вторая и третья имѣли дѣтей. 24 августа 1833 года Арунгизъ умеръ отъ простудной горячки. 28 августа тѣло его было предано землѣ, по магометанскому обычаю, прибывшимъ изъ Москвы муллою, за старообрядческимъ кладбищемъ. Вдова султана и дочь Фатима уѣхали въ Москву, Ильджанъ отправился въ орду, а Рахметуллинъ въ Оренбургъ.

«Кромѣ того, калужскіе старожилы очень хорошо помнятъ пребываніе въ Калугѣ грузинской царевны Ѳеклы Иракліевны съ дѣтьми. Она жила въ этомъ городѣ, во 2 градской части, въ д. калужскихъ купеческихъ племянниковъ Билибиныхъ, которымъ платила за квартиру по 100 руб. ассиг. въ мѣсяцъ, съ 11 октября 1834 года до 6 мая 1835. Въ этомъ году она возвращена въ Тифлисъ; но двое сыновей ея, изъ которыхъ одинъ былъ женатъ, оставались въ Калугѣ, въ д. купца Данила Акулова, кажется, до 1838 года.»

Но довольно этихъ выписокъ. — Перейдемъ къ литературнымъ новостямъ, появившимся въ теченіе сентября.

Прежде всего обратимъ вниманіе читателей на «Путешествіе на Амуръ», совершенное по распоряженію сибирскаго отдѣла Императорскаго географическаго общества въ 1855 г. Р. Маакомъ, съ отдѣльнымъ изданіемъ рисунковъ, картъ и плановъ и съ портретомъ графа Муравьева-Амурскаго. Изданію этому (in—4), отличающемуся рѣдкимъ у насъ изяществомъ и великолѣпіемъ, мы обязаны члену соревнователю сибирскаго отдѣла *С. Ф. Соловьеву*.

Рисунки превосходны; книга напечатана въ Петербургѣ въ типографіи г. Вульфа и неуступаетъ въ типографскомъ отношеніи лучшимъ европейскимъ изданіямъ. Цѣна ея вмѣстѣ съ рисунками 20 р. с.,—цѣна необыкновенно дешева по роскоши изданія.

«Современникъ» будетъ говорить объ ней въ особой статьѣ. Почтенный издатель предоставляетъ выгоды отъ своего изданія въ распоряженіе сибирскаго отдѣла на новыя географическія изслѣдованія.

Мы искренно желаемъ, чтобы публика обратила особенное вниманіе на это замѣчательное изданіе.

Обломовъ г. Гончарова вышелъ отдѣльно въ Петербургѣ—въ двухъ томахъ, а *Дворянское гнѣздо* г. Тургенева въ Москвѣ въ одномъ томѣ.

Эти изданія должны разойтись мгновенно. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Намъ нечего даже желать объ этомъ, — это совершится само собою, послѣ огромнаго успѣха, какимъ встрѣчены были эти произведенія въ публикѣ при своемъ первомъ появленіи въ журналахъ.

Въ числѣ другихъ литературныхъ новостей, мы можемъ сообщить, что скоро выйдетъ въ Москвѣ книжка разсказовъ г. *Славутинскаго*, котораго дарованіе знакомо уже нашимъ читателямъ. Въ составъ книжки войдутъ повѣсти его: «Исторія моего дѣда» и «Читальщица», помѣщенныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и «Своя рубашка», недавно напечатанная въ «Современникѣ».

Въ нынѣшнемъ году пало много журналовъ и журналиковъ. Юмористическія изданія почти всѣ исчезли. Изъ нихъ удержалась одна *Искра*, имѣвшая большой успѣхъ. Надо замѣтить, что успѣху этому «Искра» обязана, безъ сомнѣнія, таланту одного изъ своихъ редакторовъ — г. Степанову. Г. Степановъ доказалъ, что онъ однимъ своимъ тонкимъ и остроумнымъ карандашемъ, ловко, а иногда даже ядовито, подмѣчающимъ комическія явленія современной нашей жизни — можетъ поддерживать изданіе юмористическаго листка...

Иллюстрированныя дешевыя изданія у насъ начинаютъ сильно распространяться, — это прекрасно, но всѣ эти изданія отличаются крайнею безцвѣтностію, отсутствіемъ всякаго направленія и неудачнымъ выборомъ оригинальныхъ и переводныхъ статеекъ. Въ числѣ такихъ изданій «Семейный иллюстрированный листокъ» отличается аккуратностію выхода, очень красивою наружностію и весьма недурными политипажами.... Если бы текстъ его былъ поудачнѣе — онъ могъ бы имѣть успѣхъ, при своей дешевизнѣ.

Серьёзные журналы начинаютъ разставаться съ модными картинками, — давно бы пора, потому что для серьезныхъ журналовъ заниматься модами — не совсѣмъ прилично. Ктому же у насъ развелось множество спеціальныхъ модныхъ журналовъ. Изъ нихъ я рекомендую читательницамъ «Современника» — «Сѣверный Цвѣтокъ» — издающійся аккуратно и роскошно, съ множествомъ выкроекъ, модныхъ рисунковъ и другихъ приложеній. Я посовѣтовалъ бы только редакторамъ «Цвѣтка» исключить кухню *знаменитой спеціалистки* г-жи Авлѣевой. Ея метода стряпанья до крайности устарѣла и эта метода никакъ уже не можетъ удовлетворять современныхъ желудковъ.

Говорятъ о новыхъ журналахъ на будущій годъ и, между прочимъ, о какомъ-то *Свѣточѣ*, который будетъ издаваться въ Петербургѣ ежемѣсячно.... Хорошо-ли онъ будетъ свѣтить — и кто будетъ держать этотъ Свѣточь — намъ еще неизвѣстно.

Journal de St-Pétersbourg съ будущаго года еще расширяется. — Онъ приметъ форматъ большихъ европейскихъ журналовъ въ шесть столбцовъ.

Онъ обѣщаетъ увеличить свѣдѣнія свои касательно Россіи и слѣдить тщательно за ея нравственнымъ и промышленнымъ развитіемъ — за литературой, наукою, искусствомъ и финансовыми вопросами.

«Расширеніе формата», говоритъ Редакція, «даетъ намъ возможность постоянно представлять переводы лучшихъ русскихъ произведеній, или критическія статьи объ нихъ.

«Мы будемъ переводить, неотлагательно послѣ ихъ выхода, всѣ лучшія повѣсти и романы — русскіе, нѣмецкіе и англійскіе.

«Кромѣ того у насъ будетъ ежедневный фельетонъ и смѣсь (Faits divers)....» и прочее.

Въ нынѣшнемъ году Journal de St-Pétersbourg представилъ въ сокращеніи романъ г. Писемскаго «Тысячу душъ» и перевелъ вполнѣ «Домашнее счастье» г. Толстаго.

Кстати о переводахъ съ русскаго:

Revue des deux mondes въ одной изъ своихъ послѣднихъ книжекъ — напечаталъ «Три встрѣчи» г. Тургенева.

Вотъ еще двѣ замѣчательныя театральныя новости, о которыхъ мы только сейчасъ услыхали: на Александринскомъ театрѣ даны будутъ:

«*Венеціанскій купецъ*» Шекспира, въ переводѣ г. А. Григорьева.

Роль Шейлока будетъ играть г. *Самойловъ*.

и *Отелло* въ стихотворномъ переводѣ г. Вейнберга.

Роль Отелло будетъ играть.... г. *Леонидовъ*!...

Насъ просили извѣстить, что въ городѣ Перми открыта съ 1-го февраля 1859 г. Библіотека для чтенія.

«Цѣль учрежденія библіотеки—доставить лицамъ всѣхъ состояній возможность читать лучшія изъ вновь выходящихъ сочиненій на русскомъ языкѣ за самую умѣренную цѣну.

Такъ какъ въ настоящее время почти всѣ лучшія литературныя произведенія помѣщаются въ изданіяхъ періодическихъ, то на первый разъ открылось чтеніе только газетъ и журналовъ.

Въ 1859 году получались въ библіотекѣ почти всѣ наши періодическія изданія.

За право получать для чтенія на домъ всѣ выписываемые журналы въ продолженіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ со дня полученія ихъ въ библіотекѣ платится въ годъ 5 руб.

въ полгода 3 —

въ мѣсяцъ — — 75 коп.

За право чтенія журналовъ платится

въ годъ 4 —

въ полгода 2 — 50 коп.

въ мѣсяцъ — — 60 —

Желающіе могутъ записаться на чтеніе каждаго журнала порознь. Подписывающіеся такимъ образомъ платятъ:

За право чтенія журнала въ продолженіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ по полученіи *восьмую* часть цѣны журнала.

Въ продолженіе слѣдующихъ мѣсяцевъ *десятую* часть.

Такимъ образомъ чтеніе одного изъ самыхъ дорогихъ журналовъ, каковы: Библіотека для чтенія, Отечественныя Записки, Современникъ, Русскій Вѣстникъ, Руское Слово,—обходилось подписчику съ небольшимъ въ 2 рубля; годовое же чтеніе журналовъ дешевыхъ, каковы напримѣръ: Листокъ для Всѣхъ, Народное Чтеніе, будетъ стоить 50—25 коп., и это въ первые два мѣсяца; въ прочее же время чтеніе самыхъ дорогихъ журналовъ стоило въ годъ 1 руб. 65 коп.; а журналовъ самыхъ дешевыхъ 40—20 коп.

Въ обезпеченіе цѣлости книжекъ вносился залогъ, и проч. и проч.

Учредитель Библіотеки г. Иконниковъ.

Библіотека открыта съ 1-го до 6 часовъ вечера ежедневно.»

Это учрежденіе дѣлаетъ большую честь г. Иконникову. Недурно если бы и въ другихъ губернскихъ городахъ нашихъ завелись такіе библіотеки.

Вышла 8-я тетрадь Портретной галлереи, издаваемой г. Мюнстеромъ, заключающая въ себѣ портреты: Митрополита Филарета, князя Борятинскаго, Жуковскаго и Брюлова. — Въ слѣдующемъ нумерѣ мы поговоримъ объ этомъ изданіи.

СВИСТОКЪ

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

3

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ СВИСТКА ВО ДНИ ЕГО ВРЕМЕННАГО НЕСУЩЕСТВОВАНІЯ.

«Свистокъ» дожидался только выѣзда уполномоченныхъ изъ Цюриха, чтобы опять раздаться въ русской литературѣ. Теперь объявлено, что они въ октябрѣ выѣдутъ, и если они, по свойственной дипломатамъ правдивости, сдержатъ слово, то «Свистокъ» надѣется уже безраздѣльно завладѣть вниманіемъ публики. Въ лѣтніе мѣсяцы ему было неловко являться потому, что общее любопытство было привлечено итальянской войной, и въ началѣ іюля, поощренные примѣромъ «Русскаго Дневника», редакторы «Свистка» даже послали-было въ «Современникъ» такое объявленіе :

«Въ настоящее время, когда все вниманіе публики обращено на политическія событія, совершающіяся на Западѣ, для «Свистка», неспособнаго заниматься политикою—иначе какъ въшутку, прекратилась возможность разсчитывать на увеличеніе ограниченнаго числа своихъ поклонниковъ; вслѣдствіе чего «Свистокъ» вынужденнымъ находится прекратить свой свистъ.

*

«Хотя «Свистокъ» былъ при «Современникѣ» не что иное, какъ «съ боку припёка», по глубоко-вѣрному выраженію нашего умнаго народа, тѣмъ не менѣе редакція «Современника» должна счесть личною своею обязанностью дать своимъ подписчикамъ удовлетвореніе за австрійско-французскую войну, лишившую ихъ русскаго Свистка. Но такъ какъ извѣстно, и многократно было публиковано, что редакція «Современника» не имѣетъ достаточно остроумія для подобнаго удовлетворенія, то она и должна вознаградить публику за «Свистокъ» приложеніемъ къ своему журналу статей о новыхъ памятникахъ древне-вавилонской письменности, для которыхъ редакція уже имѣетъ достаточный запасъ матеріаловъ въ статьяхъ г. Хвольсона».

Объявленіе это было готово въ тотъ самый день, когда появилось объявленіе о прекращеніи «Русскаго Дневника». Но — «къ несчастью иль счастью», — Современникъ нынѣ всегда запаздываетъ (въ чемъ стараются по возможности подражать ему и другіе журналы). Слѣдствіемъ такого обстоятельства было то, что объявленіе наше на нѣсколько дней задержалось, а тутъ вдругъ — ни съ того, ни съ сего — пришло извѣстіе о мирѣ, и наши резоны сдѣлались совершенно неумѣстными.

Тогда мы получили надежду, что скоро придетъ и нашъ чередъ; но — увы! — горько ошиблись! Русская публика, изъ подражанія французамъ, продолжала и по окончаніи войны читать и толковать объ Италіи, такъ что мы пикнуть не смѣли, не только свиснуть о нашихъ домашнихъ вопросахъ. Это бѣсило насъ, и мы даже сочинили было филиппику противъ увлеченія иностранными вопросами. Филиппика была очень грозна. Въ ней напоминали мы русскимъ читателямъ слова г. Погодина, что стыдно намъ заниматься европейскими мелочными дрязгами, когда у насъ, — и у насъ однихъ только въ настоящее время, — поднято столько міровыхъ вопросовъ. Мы перечисляли даже нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, какъ напримѣръ: «зачѣмъ въ лѣтній зной, по свидѣтельству Н. Ф. Павлова, московскія улицы посыпаются пескомъ? Зачѣмъ докторъ Рклицкій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, расхваленъ въ Современникѣ? Зачѣмъ г. Вышеградскій пересталъ объявлять въ газетахъ о собственномъ безкорыстіи? Зачѣмъ «Наука Жизни» г. Дыммана не вводится, какъ обязательный предметъ, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, въ которыхъ не преподается греческій языкъ?» и т. д. Сдѣлавъ подробное перечисленіе нашихъ родныхъ вопросовъ, мы взглядывали и на итальянскій вопросъ съ русской точки зрѣнія и приходили къ такому заключенію: что намъ за дѣло до Италіи? Взойдетъ ли къ намъ на дворъ бѣлая корова, въ случаѣ возстановленія герцоговъ или присоединенія герцогствъ къ Пьемонту? Что

намъ мѣшаться въ чужія дѣла? Давно уже замѣчено, что «Italia fara da se»—Италія и безъ насъ проживетъ, — плюньте на Италію: Италія есть географическій терминъ,—не болѣе, по глубокомысленному замѣчанію австрійскаго государственнаго мужа. Да и въ географіи-то она совершенно ничтожна: по основательному соображенію г. Шевырева, если бы съ Альпъ спустить на Италію нашу Волгу, — всю бы затопило!! Стоитъ ли жь послѣ всего этого заниматься такой ничтожностью? Сравните-ко наше-то положеніе: у насъ Волга не только ничего не затопила, но и сама-то вся засорилась и пересохла!

Мы убѣждены, что наши соображенія, явно разсчитанныя на патріотизмъ, успѣли бы образумить русскую публику. Но въ этомъ году злой рокъ судилъ намъ вѣчно опаздывать: когда мы изготовили свою филиппику, — оказалось, что во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ Петербурга портреты Гарибальди замѣнены уже портретами Шамиля! Къ этому мы были совершенно неприготовлены! Между тѣмъ въ публикѣ проявился такой энтузіазмъ къ Шамилю, какого не бывало со времени посѣщенія Россіи г-мъ Дюма. Мы опять-было принялись за увѣщанія и хотѣли доказать, что Шамиль, какъ и Дюма, теперь уже неинтересенъ, что—

Онъ изнемогъ, онъ слишкомъ старъ:
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній дѣятельный жаръ, —

что притомъ же борода у него — рыжая, — что̀ ужь вовсе не соотвѣтствуетъ нашему идеалу прекраснаго черкеса, — что слѣдовательно онъ — просто вниманія не стоитъ. Но тутъ ужь мы сами почувствовали, что подобная попытка была немножко дерзка и не повела бы ни къ чему хорошему. Притомъ же мы были совершенно озадачены г. Гаряиновымъ, который въ «Сѣверной Пчелѣ» доказалъ, что мы ходимъ смотрѣть на Шамиля вовсе не съ тѣмъ чувствомъ, какъ на г. Дюма, что мы всѣ одушевлены теперь не простымъ любопытствомъ, а самымъ патріотическимъ желаніемъ — повѣсить и растерзать въ клочки ужаснаго иностранца, съ которымъ обходятся такъ несправедливо, т. е. прилично и гуманно. Противъ такого воззрѣнія на Шамиля съ русской точки, мы уже ничего не могли возразить и сочли за лучшее — продлить свое молчаніе еще на нѣкоторое время.

Но теперь — о, какія благопріятныя для насъ обстоятельства!... Шамиль уѣхалъ въ Калугу, уполномоченные тоже, вѣроятно, уѣхали изъ Цюриха, сама Москва — хотя и никуда еще не уѣхала (потому что по желѣзной дорогѣ ей можно покамѣстъ ѣхать только на Петербургъ, на что она ни подъ какимъ видомъ не рѣшится), — но все-

таки Москва занята теперь недавними банкротствами достойныхъ сыновъ ея, — слѣдовательно и она мѣшать намъ не можетъ... Начнемъ же снова насвистывать, со свойственными намъ безпечностью и благодушіемъ, тѣмъ болѣе, что г. Конрадъ Лиліеншвагеръ, много намъ вредившій своими выходками, теперь исправился, какъ сейчасъ убѣдятся читатели. Его стихотвореніемъ мы нарочно начинаемъ нынѣшній «Свистокъ».

I.

РАСКАЯНІЕ КОНРАДА ЛИЛІЕНШВАГЕРА.

Извѣстно, что г. Лиліеншвагеръ своимъ смѣлымъ и звучнымъ стихомъ воспѣлъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ «бѣса отрицанья и сомнѣнья», который вовсе не долженъ былъ бы и носа показывать въ публику въ настоящее время, когда (какъ очевидно изъ примѣра акціонеровъ общества «Сельскій Хозяинъ») все созидается на взаимномъ довѣріи и сочувствіи. За непростительную дерзость г. Лиліеншвагера, досталось и намъ и ему въ № 95 «Московскихъ Вѣдомостей». Мы, разумѣется, тотчасъ же сказали, что наше дѣло сторона, и тѣмъ себя немедленно успокоили. Но г. Лиліеншвагеръ, какъ пылкая, поэтическая и притомъ почти нѣмецкая натура, принялъ упреки Московскихъ Вѣдомостей очень близко къ сердцу, и—кто бы могъ это подумать?—въ убѣжденіяхъ его совершился рѣшительный переломъ. Какъ Пушкинъ отрекся отъ своего «Демона», вслѣдствіе нѣкоторыхъ совѣтовъ изъ Москвы, такъ и г. Лиліеншвагеръ отрекся отъ своего бѣса, и сдѣлался отнынѣ навсегда (до первой перемѣны, разумѣется) вѣрнымъ и нелицемѣрнымъ нашего нѣвцомъ прогресса. Вотъ стихотвореніе, которымъ ознаменовалъ онъ моментъ своего раскаянія.

МОЕ ОБРАЩЕНЕ.

Во дни пасхальныхъ балагановъ
Я буйной лирой оскорблялъ
Прогресса русскаго титановъ
И нашу гласность осмѣялъ.
Но отъ стиховъ моихъ шутовскихъ
Я отвратилъ со страхомъ взоръ,
Когда въ Вѣдомостяхъ Московскихъ
Прочелъ презрительный укоръ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ
О томъ, что презрѣнъ я въ Москвѣ...

Себѣ, въ порывахъ покаянныхъ,
Надралъ я плѣшь на головѣ!...
Но плѣшью пріобрѣлъ я право
Смотрѣть на будущность свѣтло!...
Съ тѣхъ поръ, не мудрствуя лукаво,
Я прояснилъ свое чело:
Меня живитъ родная пресса,
И, полнъ святаго забытья,
Неслышной поступи прогресса
Съ благоговѣньемъ внемлю я...

КОНРАДЪ ЛІЛІЕНШВАГЕРЪ.

II.

ЗАБРАКОВАННЫЕ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ЭПИЛОГОМЪ; СЪ НАЦІОНАЛЬНЫМИ ПѢСНЯМИ И ПЛЯСКАМИ И ВЕЛИКОЛѢПНЫМЪ БЕНГАЛЬСКИМЪ ОГНЕМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГРИГОРІЙ, дьячокъ села Пьянова, 52 лѣтъ.
МИХАЙЛО ТРІУМВИРАТОВЪ, сынъ его, 19 лѣтъ, кончившій курсъ въ губернской гимназіи.
КАЛИСТРАТЪ, второй сынъ ГРИГОРІЯ, 7 лѣтъ.
КОНСТАНТИНЪ ХАРЧИНЪ, 20 лѣтъ, сынъ уѣзднаго приказнаго.
АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ ТУЗОВЪ, сынъ помѣщика села Пьянова, 20 лѣтъ.
НИКАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ КАДЫКОВЪ, профессоръ.
ДѢВУШКИ 1-я, 2-я и 3-я.
Безъ рѣчей: охотники, поселяне, собаки и лошади.

Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ села Пьянова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ обширный лугъ, скошенное сѣно частію поставлено въ стоги, частію просушивается. Мѣстами разбросаны разныя принадлежности сѣнокоса: грабли, косы; стоитъ отпряженная телѣга. Не вдалекѣ видна рѣка.

СЦЕНА I.

ГРИГОРІЙ И КАЛИСТРАТКА.

ГРИГОРІЙ (бросая грабли).

Трапезовать прилично человѣку,
Егда почуетъ нѣкоторый гладъ,

Дай закушу. А ты бѣги на рѣку
Да зачерпни волицы, Калистратъ!
Или домой — чтобъ нацѣдили квасу.

(Калистратка, живой мальчикъ, въ халатѣ, босикомъ, убѣгаетъ съ жбаномъ.)

Великъ Господь! Подрѣзали траву —
И рожь поджали ко второму Спасу,
Тамъ молотьбой займемся къ Покрову,
А тамъ просторъ крещенскому морозу,
Тамъ Постъ Великъ, а тамъ опять весна,
Весна — пора свезенія навозу
Съ дворовъ на пашню. Чудно создана
Природа мать! Я къ «Таинствамъ Натуры»
Имѣлъ когда-то «Ключъ» да затерялъ.
Тамъ сказано... (*вздрагиваетъ.*)

СЦЕНА II.

Григорій и Дѣвушки 1-я, 2-я и 3-я.

(Черезъ сцену проходитъ нѣсколько крестьянскихъ дѣвушекъ въ чистыхъ бѣлыхъ рубашкахъ и цвѣтныхъ платкахъ, съ пѣснею.)

Экъ, какъ горланятъ дуры!

1-я ДѢВУШКА.

Богъ на помочь.

ГРИГОРІЙ.

Спасибо бы сказалъ
Да испугали.

2-я ДѢВУШКА (очень красивая.)

Мы не вѣдьмы, дядя.

ГРИГОРІЙ.

Не вѣдьмы-то — не вѣдьмы, вижу я.

3-я ДѢВУШКА.

Пойдемъ, чего остановилась, Надя?
Смерть жарко... въ воду такъ и брошусь я...

ГРИГОРІЙ.

Да видишь я задумался... Парила
Безсмертная ко Господу душа,
Главу мою внезапно озарила
Мысль нѣкая... Я думалъ не спѣша
Въ нее войти — вдругъ пѣнье...

3-я ДѢВУШКА.

Ну прощайте.

ГРИГОРІЙ.

Да вы куда?

2-я ДѢВУШКА.

Купаться.

(Дѣвушки уходятъ съ пѣсней; слышны ихъ голоса, смѣхъ и черезъ нѣсколько минутъ плесканье въ водѣ).

ГРИГОРІЙ.

Съ вами Богъ!
Играйте, смѣйтесь, пѣсни распѣвайте...
Чу! бухаются въ рѣку со всѣхъ ногъ!
Какъ тѣло-то съ размаху молодое
Объ воду ударяется... Эхъ-эхъ!

СЦЕНА III.

Тѣже и Михайло Тріумвиратовъ, въ гимназическомъ старомъ сертукѣ, очень грустный.

ГРИГОРІЙ.

Ба! Миша! Ты откуда? Что такое?
Не выдержалъ?...

ТРІУМВИРАТОВЪ.

Забраковали всѣхъ!

ГРИГОРІЙ (въ отчаяніи, послѣ минуты молчанія).

Не выдержалъ!... Послѣднія деньжонки
Я на него лѣтъ десять убивалъ,
Я покупалъ учебныя книжонки,
Халаты шилъ и сапоги точалъ!

Чтобы его въ гимназію отправить
Я продалъ жеребенка-сосуна,
Который могъ со временемъ доставить
Мнѣ денежки: рѣзвѣе скакуна
Теперь на всемъ заводѣ у Тузова
Нѣтъ, говорятъ. Недавно вотъ на немъ
Проѣхалъ баринъ: мещутъ огнь подковы!
А ты гляди да щелкай языкомъ!
Лишивъ меня сокровища такого,
Ты нѣжностью сыновней не умѣлъ
Родителя утѣшить: изъ Тамбова,
Припомни, какъ ты пѣшій прилетѣлъ —
«Я не могу въ гимназіи остаться
И тамъ посѣкли»; я еще побилъ
И приказалъ обратно отправляться,
Да самъ пѣшкомъ туда же поспѣшилъ.
Насилу все уладилъ, награжденье
Единое имѣя впереди ,
Что въ высшее ты вступишь заведенье
Въ столичномъ градѣ. Богъ тебя суди !
Копя гроши въ послѣднюю годину,
Я въ путь тебя отправилъ наконецъ.
Но паки ты повергъ меня въ кручину —
Не выдержалъ экзамену, подлецъ!

ТРІУМВИРАТОВЪ.

Не я одинъ. Вотъ тоже сынъ Тузова,
Сынъ нашего повытчика — Харчинъ
И многіе.

ГРИГОРІЙ.

Не ты одинъ? Ни слова!
Что выдумалъ еще — не онъ одинъ!
Тузову все простительно: богаты
Сосѣди наши: возвратился вспять
И радъ отецъ, и мать и сестры рады,
И наши же поля начнетъ топтать
Съ отцовской стаей вѣтренный невѣжда.
Но ты, но ты... сынъ нищаго дьячка ,
Семьи своей единая надежда,
Съ тобой теперь раздѣлка коротка!
(Замахивается).

Что пятишься? Я вымѣстить намѣренъ
Отцовскую печаль свою
Немедленно... а завтра, будь увѣренъ,
Я абіе тебя побью!

ТРІУМВИРАТОВЪ.

Отецъ! отецъ! оставь угрозы,
Напрасно сына не брани.
Я плачу, видишь эти слезы —
Уже не первыя они.
Ребенкомъ вѣтреннымъ, съ косичкой,
Когда еще и глупъ и малъ,
Я гнался за невинной птичкой
И съ грядокъ рѣпу воровалъ, —
Уже тогда твой взоръ суровой
За мной заботливо слѣдилъ:
Ты билъ дубинкою сосновой,
Лапшой березовой кормилъ!
А въ бурсѣ... Тамъ, отъ боли воя,
Къ сѣченью приводимъ былъ вновь;
По суткамъ на горохѣ стоя,
Простаивалъ колѣни въ кровь.
Охъ! памятна мнѣ эта бурса —
Во вѣкъ не позабыть о ней,
Но гимназическаго курса
Воспоминанія свѣжѣй.
Что сдѣлать розгой или палкой
Возможно — сдѣлано давно.
Въ душѣ я трусъ какой-то жалкой:
Мнѣ честь, безчестье — все равно;
Что бъ предо мною ни творили —
Смотрю съ безмысліемъ глупца:
Вотъ праваго приговорили,
Вотъ оправдали подлеца:
Молчу — полнѣйшая безгласность!
Какъ будто нѣтъ во мнѣ души!
Надъ всѣмъ господствуетъ опасность
Хватить березовой лапши.
Ну, словомъ, розочной науки
Я всю исчерпалъ благодать.
Зачѣмъ же старческія руки
Тебѣ напрасно утруждать?

ГРИГОРІЙ.

А все побью. Но изложи сначала
Причину — почему непринятъ?

ТРІУМВИРАТОВЪ.

Наступилъ
Вѣкъ строгости какой-то небывалой...
Да вотъ Харчинъ: ужь какъ прилеженъ былъ!
Онъ до того зазубривался часто,
Что отливали мы его водой.
И что жь? увы!... Ну, ужь пускай бы насъ-то:
Нѣтъ, и его... пѣшкомъ пошелъ домой...
Бѣдняжка! какъ онъ трусилъ! какъ боялся!
Отецъ сердитъ и бѣденъ. Что-то съ нимъ?
Я къ Харчину душевно привязался:
Всегда задумчивъ, боленъ, нелюдимъ,
Боюсь, что онъ не выдержитъ печали.

КАЛЛИСТРАТКА (за сценой).

Вотъ батюшка... ахъ, братецъ!... ты...

(Входятъ Калистратка и Харчинъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Григорій, Тріумвиратовъ, Харчинъ, Калистратка.

ТРІУМВИРАТОВЪ.

Харчинъ!
Откуда ты?

КАЛИСТРАТКА.

Да вотъ они искали:
Я встрѣтилъ и привелъ...

(Ласкается къ брату.)

ХАРЧИНЪ.

Одинъ теперь, одинъ
На цѣломъ свѣтѣ! Батька разсердился
И выгналъ!

ГРИГОРІЙ.

Благородный господинъ!
Кто ты такой? Откуда появился?

ХАРЧИНЪ.

Кто я? злосчастный Константинъ Харчинъ!
Въ послѣдній разъ узрѣвъ родную землю,
Готовлюсь къ смерти я...
Да вотъ вамъ вся исторія моя,
Когда вы знать ее хотите.

ГРИГОРІЙ.

Внемлю.

ХАРЧИНЪ.

«Не спорю — дѣло честное
«Карать и обличать,
«Но нужно знанье мѣстное —
«Вотъ мнѣ такъ грѣхъ не брать!
«Какъ черствымъ хлѣбомъ давится
«Голодная семья,
«Такъ безкорыстьемъ славиться
«Позоръ» — вотъ мысль моя!
Такія разсужденія
Отецъ мой развивалъ
И кожу безъ зазрѣнія
Съ живыхъ и съ мертвыхъ бралъ.
Онъ за дѣльца удалаго
Въ уѣздѣ нашемъ слылъ,
Но былъ чинишка малаго
И очень бѣдно жилъ.
«Эхъ! доля неоплатная,
Ты долюшка моя!» —
Пѣвалъ онъ: необъятная
Гнела его семья.
По счастію, отличная
Жена, дѣтей штукъ пять,
Да теща параличная,
Да взбалмошная мать,
Да братъ съ ногой оторванной
Подъ Данцигомъ, да дѣдъ
Прожорливый, оборванный
Ста-двадцати-трехъ лѣтъ!
Такая ужь живучая
Порода ихъ была.
Въ отцѣ судьба могучая

Кормильца имъ дала.
И онъ свершалъ призваніе —
Безропотно кормилъ,
И даже ихъ ворчаніе,
Ихъ злость переносилъ!
Крутенько приходилося:
Случалось — хлѣба нѣтъ,
Семья вся притаилася,
Разбунтовался дѣдъ!
«Всѣхъ накормлю, родимые!»
Промолвитъ — и уйдетъ,
И вдругъ непостижимые
Пути изобрѣтетъ:
Глядишь, деньга явилася!
Утихъ задорный дѣдъ,
Семья одушевилася...
Такъ жилъ онъ сорокъ лѣтъ;
Не измѣнялъ обычая,
Кормилъ и холилъ насъ,
Лишь въ годъ до безъязычія
Пьянъ напивался разъ.
Тутъ только маску чинную
Снималъ онъ наконецъ:
Прибьетъ жену невинную,
Облаетъ насъ отецъ!
Разсказъ враля досаднаго
О Данцигѣ прерветъ,
И мучитъ дѣда жаднаго —
Обѣдать не даетъ!

Помощникомъ родителя
Лѣтъ съ девяти я былъ:
У каждаго просителя
Особо я просилъ,
И матушкѣ грошевыя
Доходы отдавалъ...
Да, съ молоду суровыя
Картины я видалъ!
Къ чему о нихъ разсказывать?
Но долженъ я сказать,
Что темныхъ дѣлъ показывать,
Въ нихъ сына посвящать —

Ни малаго желанія
Родитель не питалъ:
«Тебѣ тутъ не компанія —
Иди!» онъ замѣчалъ,
Когда къ нему стекалися
Сутяги и дѣльцы.
Но отъ меня старалися
Напрасно скрыть концы;
Во всѣ нхъ тайны грязныя
Чутьемъ я проникалъ...
Въ продѣлки безобразныя
Какъ самъ я не попалъ,
Несдѣлался воришкою —
То знаетъ только мать.
Почти еще мальчишкою
Я началъ понимать
Все, что въ семьѣ творилося...
Желанье ей помочь
Въ душѣ моей родилося —
Я началъ день и ночь
Учиться, чтобъ отправиться
Весною далеко...
«Разбогатѣть, прославиться
«Тамъ, дитятко, легко!» —
Съ какой-то вѣрой пламенной
Мнѣ говорила мать,
Отецъ до Бѣлокаменной
Рѣшился провожать.
Пришла въ смятенье чудное
Вся бѣдная семья,
И вдругъ признанье трудное
Свершила мать моя:
«Возьмите вотъ, касатики,
«Скопила два рубля!
«Смотри изъ математики
«Не получи нуля!»
Описывать не для чего,
Какъ мы безъ денегъ шли,
Способности подъячаго
Отцу тутъ помогли:
Въ одномъ селѣ прикинулся
Лазутчикомъ: ему,

Чтобъ только дальше двинулся,
Грошей собрали тьму.
У Иверской свидѣтелемъ
Онъ руку приложилъ,
Что кто-то благодѣтелемъ
Своимъ засѣченъ былъ.
Была еще исторія,
Но вспоминать зачѣмъ? —
И со стыда и съ горя я
Сгорѣлъ тогда совсѣмъ...

Одинъ, въ погоду скверную
Въ столицу я вступилъ,
И горечь непомѣрную
Въ ней бѣдности испилъ...
Питаясь чуть не жестію,
Я часто ощущалъ
Такую индижестію,
Что умереть желалъ.
А тутъ ходьба далекая....
Я по ночамъ зубрилъ;
Коморка невысокая,
Я въ ней курилъ, курилъ!
Лежали книги кучею
Одни передо мной,
Да дымъ носился тучею
Надъ тусклою свѣчей.
Способности усталыя
Я утромъ освѣжалъ:
Безъ чаю съ Охты Малыя
На Островъ пробѣгалъ,
Какъ пѣшій-то по конному
Верстъ восемь продерешь,
Такъ обаянью сонному
Съ трудомъ не подпадешь!
Тутъ голова безпутная
Начнетъ ходить кругомъ,
Въ ней безразличность мутная
И тупость и содомъ!
Для экстренной оказіи
Ужь съѣхались туда
Учителя гимназіи,

...Запнулся — и бѣда!
Стоишь вороной жалкою,
А въ головѣ стучитъ,
Какъ будто сзади скалкою
Въ затылокъ кто тузитъ!
Въ глазахъ снуютъ видѣнія,
Въ ушахъ: лю-ли! лю-ли!
И нѣтъ тебѣ спасенія —
Нули! Нули! Нули!...

За строгость не получите
Профессорскій дипломъ,
Лишь бѣдняковъ отучите
За сотни верстъ пѣшкомъ
Идти толпой голодною
На берега Невы,
Съ надеждой благогородною
Къ развитью головы....
Придешь домой — отъ сродниковъ
Лежитъ ужь письмецо:
«Моли, сынокъ, Угодниковъ,
«Учись, забудь винцо!»
Эхъ! что вы, мои милые?
Какое тутъ питье!
Измаялъ больно силы я —
Вотъ горюшко мое!
Измаялъ — и рѣшеніе
Свершилось: мой языкъ,
Мой умъ пришли въ смятеніе —
Увы! я сталъ въ тупикъ!...
Что толковать съ невѣждою?
Учитель нуль всучилъ...
Съ угаснувшей надеждою,
Я вдругъ лишился силъ.
Сказались мнѣ безсонныя
Четырнадцать ночей
И похожденья конныя
На парѣ на своей!
Смутилъ аудиторію —
Осмѣлился упасть,
И въ новую исторію
Не преминулъ попасть.

Сочли меня за пьянаго,
Въ горячкѣ я кричалъ....
У сторожа Иванова
Очнулся: смерть я звалъ —
Конецъ бы одинаковой!...
Но живъ я до сихъ поръ,
Лишь съ шеи крестъ тумпаковой
Стащилъ какой-то воръ.

(Падаетъ въ изнеможеніи на копну сѣна и остается съ закрытыми глазами и блѣднымъ лицомъ. Слышны звуки охотничьихъ роговъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и молодой Тузовъ (быстро въѣзжаетъ верхомъ, окруженный собаками).

ТУЗОВЪ.

Что?... Нѣтъ и здѣсь? Проклятый звѣрь!
Какъ будто въ землю провалился!
Эй, Трошка! Да куда жь онъ скрылся?
Гдѣ намъ искать его теперь?

(Появляются еще охотники и собаки).

Подлецъ! надулъ моихъ проворныхъ хватовъ,
Надулъ собакъ. Ужь я жь тебя, косой!
Доѣду... А, камрадъ, Тріумвиратовъ!
Здорово, братъ! Поѣдемъ-ка со мной!
Что горевать? Великое несчастье —
Не приняли! Я даже радъ, ей-ей!
Мгновенно я почувствовалъ пристрастье
Къ охотѣ псовой... Книги поскорѣй
Забросилъ... Цѣлый день теперь ликую!
Здоровъ, какъ всякъ, и воленъ какъ орелъ.
Съ собаками до сумерекъ гарцую.
А вечеромъ вино, хорошій столъ,
Да разговоръ про травлю, про угонки
И мало ль что... я васъ утѣшу вмигъ.
Какія тамъ чудесныя дѣвчонки
Купаются!.. Ну, отпусти, старикъ!
Сергѣй! Мирошка! Кто нибудь, — слѣзайте.
Дай лошадь имъ...

ГРИГОРІЙ.

Когда угодно вамъ,
Ослушаться не смѣю. Поѣзжайте!
Что пятишься?

ТРІУМВИРАТОВЪ.

Не до охоты намъ!

ГРИГОРІЙ.

Ученьемъ не хотѣлъ ты заниматься,
Такъ вотъ изволь за зайцами гоняться!

(вполголоса).

А вечеромъ напомни-ка ему:
Онъ обѣщалъ мнѣ два куля мучицы.

ТРІУМВИРАТОРЪ (шопотомъ).

Нѣтъ, нѣтъ! избавь, родитель! не возьму
Подобной роли....

СЦЕНА II.

(Толпа крестьянскихъ дѣвушекъ, возвращаясь съ купанья, съ пѣснями переходитъ черезъ сцену)

ТУЗОВЪ.

Здравствуйте, дѣвицы!
Куда спѣшите? спойте пѣсню намъ.

1-я ДѢВУШКА.

Изволь, — споемъ, а ты намъ на орѣхи
Пожалуй, баринъ.

ТУЗОВЪ.

Что хотите — дамъ!

2-я ДѢВУШКА.

Такъ мы попляшемъ для твоей потѣхи.

(Дивертиссементъ. Дѣвушки поютъ и пляшутъ. Тузовъ слѣзаетъ съ лошади и пристроивается къ одной изъ нихъ, которая покрасивѣе. Та довольно грубо отталкиваетъ его локтемъ, такъ что онъ падаетъ и остается на копнѣ сѣна, лицомъ къ небу; дѣвушки продолжаютъ плясать).

ТУЗОВЪ (впавъ въ чувствительное настроеніе.)

Въ виду сихъ тучъ, при легкомъ вѣтеркѣ
По небесамъ бѣгущихъ такъ безпечно,
И этихъ женщинъ, только-что въ рѣкѣ
Омывшихся, довольныхъ безконечно,
Вдыхая сѣна чистый ароматъ
И слушая простые хороводы,
Я чувствую, что я остаться радъ

Подъ крылышкомъ у матери природы
Всю жинь мою. Благословляю часъ,
Когда въ виду судей моихъ суровыхъ
Произнести я принужденъ былъ: пасъ! —
По милости причинъ какихъ–то новыхъ...
Какъ я былъ глупъ, когда воображалъ,
Что я проникнулъ въ таинства науки!
Да и къ чему? Вотъ счастья идеалъ!
А впрочемъ — я готовился безъ скуки,
Съ любовію; я не былъ ни лѣнивъ,
Ни слишкомъ тупъ; отецъ платилъ исправно,
Учитель былъ уменъ, краснорѣчивъ,
Ужь множество онъ приготовилъ славно; —
Да вдругъ....

(Въ толпѣ дѣвушекъ раздаются внезапные крики. Во время пляски, достигнувъ до края рѣки, одна изъ нихъ наступила на притаившагося въ кусту зайца, который кинулся со всѣхъ ногъ въ бѣгство.)

ДѢВУШКИ.

Ай, ай, ай, ай, ай, ай!

ТУЗОВЪ.

Что тамъ такое?

ДѢВУШКИ.

Заяцъ косогласый!

ТУЗОВЪ.

Такъ вотъ онъ гдѣ укрылся! Подавай
Мнѣ лошадь поскорѣе, черномазый!

(Всеобщее смятеніе: собаки при первомъ появленіи бросились за зайцемъ (гончія съ лаемъ), охотники кинулись къ лошадямъ; одинъ изъ нихъ въ торопяхъ оставилъ недокуренную трубку у стога, гдѣ сидѣлъ; сѣно загорѣлось въ минуту. Охвативъ стогъ, пламя побѣжало въ тоже время по разбросанному сѣну и мгновенно передалось другимъ стогамъ.)

ГРИГОРІЙ.

Пожаръ! пожаръ!

(При великолѣпномъ бенгальскомъ огнѣ, охотники уѣзжаютъ, дѣвки разбѣгаются.)

ТРІУМВИРАТОВЪ.

Пожаръ! пожаръ! спасите!
Да что жь ты не встаешь, Харчинъ? Сгоришь!
Ба! умеръ онъ! Родитель мой! взгляните!
Былъ человѣкъ, и вдругъ погибъ, какъ мышь,
Я думалъ — онъ уснулъ; а онъ съ землей разстался...

ГРИГОРІЙ.

Что, умеръ онъ?!... Никакъ ты помѣшался!
Да, точно умеръ.... Господи прости!
Сгорѣло сѣно, человѣкъ скончался,
И сбился сынъ съ пути!

(Падаетъ безъ чувствъ. Послѣдній стогъ сѣна, ближайшій къ нимъ, загорается).

ТРІУМВИРАТОВЪ.

Еще бѣда! Сгорятъ... Мутится разумъ!
Авось снесу ихъ разомъ!
Двухъ разомъ....

(Уноситъ. Занавѣсъ опускается).

ЭПИЛОГЪ.

(ЧЕРЕЗЪ ГОДЪ.)

Театръ представляетъ улицу села Пьянова. — Жаркій лѣтній день. Григорій стоитъ у своихъ воротъ, мимо ѣдетъ телега парой; подлѣ телеги пѣшкомъ идетъ г. Кадыковъ.

КАДЫКОВЪ.

А, старый другъ, Григорій! Богъ привелъ
Увидѣться еще. А я плетуся
Домой въ побывку. Я тебя нашелъ
На этотъ разъ постарѣй, признаюся.
О чемъ грустишь?

ГРИГОРІЙ.

Да сынъ меня крушитъ.
Ужь цѣлый годъ съ помѣщикомъ сосѣдомъ,
За зайцами гоняется, кутитъ —
Ну, сдѣлался формальнымъ дармоѣдомъ!
Какъ прошлый годъ не приняли его —

Пошелъ, пошелъ.... и нѣтъ конца кученью!
А — видитъ Богъ — сначала у него
Была большая страсть къ ученью!
Да вишь порядки новые у васъ....
Они и хороши, не смѣю сомнѣваться,
Да только съ ними вы какъ разъ
Безъ слушателей можете остаться....

КАДЫКОВЪ.

Аудиторія далеко не полна,
То правда, братъ Григорій;
За то взглянулъ бы ты — какая тишина
И никакихъ исторій!

(Садится къ телегу и уѣзжаетъ).

ЧУРМЕНЬ.

III.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ НОВАГО СБОРНИКА «ОБРАЗЦОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ».

(По поводу статей о «Сельскомъ Хозяинѣ».)

Къ числу самыхъ отрадныхъ явленій послѣдняго времени безспорно принадлежатъ журнальныя статьи о «Сельскомъ Хозяинѣ». Всѣ наши публицисты въ справедливомъ восторгѣ отъ столь радостнаго факта. По мнѣнію ихъ, статьи о «Сельскомъ Хозяинѣ» должны истинно радовать сердце всякаго человѣка, истинно-любящаго прогрессъ родной литературы (*). Въ статьяхъ гг. *Левашова, Богданова, Кокорева, Байкова,* — поднятъ вопросъ новый, незнакомый намъ до сихъ поръ, вопросъ о дѣлѣ, только еще начинающемся въ нашемъ любезномъ отечествѣ. И при всемъ томъ—какъ пишутъ!... Какая смѣлость, какое благородство выраженій! Какое достоинство

(*) Просимъ замѣтить, что здѣсь, какъ и вездѣ, мы разсматриваемъ предметъ исключительно съ литературной, даже правильнѣе—съ беллетристической точки, такъ какъ она гораздо свѣтлѣе. Мы — спокойные литераторы, не государственные люди, не акціонеры, не дѣятели практической жизни. Намъ нѣтъ дѣла до того, что́ потеряютъ акціонеры общества «Сельскій Хозяинъ»; мы не хотимъ вмѣшиваться въ эти мелочные дрязги, которые могутъ только испортить пищевареніе. Наше дѣло — литература, живое слово, и болѣе ничего; насъ одушевляетъ любовь къ прекрасному, и во имя этой-то любви мы восхищаемся указанными статьями.

тона! Дѣйствительно, сердце каждаго русскаго, любящаго литературу своего отечества, не можетъ не ощутить радостнаго трепета при чтеніи подобныхъ статей! Мы считаемъ своимъ долгомъ занести ихъ въ «Свистокъ», чтобъ сохранить для будущихъ вѣковъ (*) образщики образцовыхъ сочиненій нашего времени...

Впрочемъ, чтобъ оцѣнить вполнѣ достоинство статей о «Сельскомъ Хозяинѣ», нужно разсказать все дѣло для читателей, подобно намъ незнакомыхъ съ акціонерной дѣятельностью нашего отечества. Мы возьмемъ свѣдѣнія изъ обстоятельной статьи объ этомъ предметѣ, напечатанной г. Серно-Соловьевичемъ. Эта статья, равно какъ и замѣтка г. Ахшарумова въ № 211 «Спб. Вѣдомостей», — суха и вообще не очень замѣчательна, хотя и она по мѣстамъ блеститъ красотами карамзинскаго слога. Но дѣлать нечего — для ознакомленія съ дѣломъ приходится обратиться и къ такой статьѣ.

Общество «Сельскій Хозяинъ» учреждено въ 1857 году гг. *Кокоревымъ*, *Бенардаки*, *Байковымъ*, *Фонъ-Дезеномъ* и *Шолле*. Программа дѣятельности его была очень обширна, но главная задача его состояла въ приготовленіи изъ мяса консервовъ и торговлѣ ими съ Франціею. Дѣло обѣщало большія выгоды, и акціи быстро разобраны, съ преміею до 10 р. с.

19 октября было первое общее собраніе, въ которомъ выбраны въ члены главнаго правленія гг. *Байковъ*, *Фонъ-Дезенъ*, *Алфераки*, *Скараманга*, *Шолле* и *Делессеръ*, и положено, по убѣжденіямъ г. *Байкова*, перевести правленіе общества въ Таганрогъ.

Постановленіе это было исполнено не ранѣе марта 1858 г., а между тѣмъ засѣданія главнаго правленія происходили въ Петербургѣ, гдѣ изъ шести членовъ находились только гг. *Байковъ* и *Фонъ-Дезенъ*.

Въ это время образованъ личный составъ управленія, при чемъ сдѣланы условія весьма стѣснительныя для общества. Такъ напримѣръ, г. *Кингъ*, управляющій главною конторою, приглашенъ на 6 лѣтъ, съ платою ему 6,000 р. с. въ годъ и 3% съ чистой прибыли; въ случаѣ его смерти, наслѣдники его получаютъ полугодовое жалованье и 1% прибыли; если онъ оставитъ службу общества, то ему 5 лѣтъ выдается 1% прибыли; если общество откажетъ ему, то обязано уплатить жалованье и проценты по срокъ контракта.

Въ это же время сдѣланъ планъ дѣйствій, признанный потомъ негоднымъ. Въ это же время куплена привиллегія Фастье на приготовленіе консервовъ — за 20,000 р. с., съ ежегодною платою сверхъ

(*) Исчислено, что «Свистокъ» будетъ долговѣчнѣе всѣхъ газетъ и журналовъ.

того въ теченіе 12 лѣтъ по 1000 р. с. Къ чему она послужила, до сихъ поръ неизвѣстно.

Вообще, до составленія новаго правленія въ Таганрогѣ, денегъ было издержано 154 т. р. сер., да г-мъ Шолле во Франціи было израсходовано 165,650 франковъ — безъ всякой предварительной смѣты.

21 января 1858 г. было новое общее собраніе акціонеровъ. Здѣсь было вытребовано — на постройку ростовскихъ фабрикъ съ принадлежностями 400,000 р. с., на покупку и кормъ скота—400,000 р. с., на издержки фабрикаціи и управленія —.100,000 р. с. Подробныхъ смѣтъ не было,и даже не сказано было, на какой срокъ испрашивались суммы для покупки и корма скота и на управленіе. Но тѣмъ не менѣе — общее собраніе акціонеровъ безпрекословно утвердило всѣ требованные расходы.

Въ этомъ же собраніи представлено было о раздѣленіи управленія между тремя директорами-распорядителями. Составили особый комитетъ изъ акціонеровъ и выбрали во Франціи г. *Шолле* съ вознагражденіемъ 1% съ товаровъ, проданныхъ за границей, а въ Россіи—гг. *Байкова* и *Фонъ-Дезена*, съ жалованьемъ 6,000 р. с. въ годъ. Впрочемъ впослѣдствіи оказалось, что гг. *Байковъ* и *Фонъ-Дезенъ* брали свое жалованье уже съ октября 1857 г.

Въ томъ же комитетѣ былъ предложенъ директорами вопросъ о разрѣшеніи употреблять свободныя суммы общества на посторонніе обороты, но комитетъ не разрѣшилъ этого. Несмотря на то, впрочемъ, г. *Байкову* выдано было 42,000 р. с. ссуды изъ кассы общества, подъ залогъ его акцій того же общества, хотя г. *Байковъ*, вмѣстѣ съ г. *Фонъ-Дезеномъ*, не оплатили своихъ акцій вторымъ взносомъ. Мало того, — 22,000 изъ выданныхъ денегъ, до недавняго обозрѣнія петербургскимъ правленіемъ кассы, не были истребованы обратно, хотя уже чувствовался недостатокъ въ деньгахъ.

По переводѣ правленія въ Таганрогъ, главными дѣятелями остались опять гг. *Байковъ* и *Фонъ-Дезенъ*: первому поручена главная контора и вся текущая часть по дѣйствіямъ и оборотамъ общества; второму—завѣдываніе постройкою ростовскихъ фабрикъ и покупкою скота. Дѣйствія ихъ были не совсѣмъ удовлетворительны, какъ показали послѣдствія: заготовляемый скотъ былъ плохъ и дорогъ; издержки управленія были такъ велики, что когда потомъ потребовали сокращенія расходовъ, то самъ т. *Байковъ* нашелъ, что можно ихъ *сократить, безъ всякаго неудобства,* на 30,000 р. с.! За границей содержали нѣсколькихъ агентовъ съ платой имъ 3,000 р. с. въ годъ,— а дѣлъ еще никакихъ не было; на югѣ Россіи арендовались степи, которыя по ненужности надо было потомъ сдавать въ третьи руки, покупалась для размола пшеница, когда еще только стали говорить

о постройкѣ мельницы; нанимались лавки и магазины для товаровъ, которыхъ еще не существовало!...

17 іюня 1858 г. было чрезвычайное общее собраніе акціонеровъ для разсужденій о постройкѣ мукомольной мельницы въ Таганрогѣ. Постройка мельницы была, впрочемъ, и безъ общаго собранія рѣшена еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и къ постройкѣ ея уже приглашенъ былъ, по рекомендаціи г. *Кинга*, г. *Штетцеръ*, хотя онъ, какъ впослѣдствіи оказалось, не имѣлъ никакого понятія о дѣлѣ. Такимъ образомъ разрѣшеніе общаго собранія акціонеровъ было не болѣе, какъ одною формальностью.

Впрочемъ въ половинѣ прошлаго года уже носились слухи, весьма неблагопріятные для правленія общества. Поэтому собраніе 17 іюня началось тѣмъ, что г. *Байковъ* прочелъ весьма краснорѣчивое опроверженіе слуховъ, распускаемыхъ недоброжелателями общества. Акціонеры повидимому убѣдились, — тѣмъ болѣе, что свое краснорѣчивое опроверженіе г. *Байковъ* заключилъ обѣщаніемъ, что факты сами будутъ говорить за себя.

И дѣйствительно,—акціонерамъ представлена записка, изъ которой оказывалось, что по смѣтамъ, составленнымъ вновь и уже *окончательно*, — ростовскія фабрики будутъ стоить не 400, а только 260 тысячъ р. с. Къ этому прибавлялось еще, что цѣны въ смѣтахъ съ намѣреніемъ выставлены самыя высокія, такъ что можно поручиться за 20% экономіи съ суммы 130,000 р. с., назначенныхъ собственно на постройку. Сверхъ того, въ этой же смѣтѣ включены еще 15,000 на непредвидѣнныя издержки. Словомъ, въ общемъ собраніи 17 іюня акціонеры внезапно, противъ всякаго чаянія, пріобрѣтали 180,000 р. с. на одной постройкѣ ростовскихъ фабрикъ!.. А между тѣмъ отъ фабрикъ этихъ обѣщали имъ еще 20% чистой прибыли!...

Затѣмъ требовалось на постройку мельницы 330,000 р. с. Представлено было, что чистая прибыль отъ нея, при 12-ти часовой работѣ, должна простираться до 21%, а при 20-ти часовой—до 28%. Возможно ли было не увлечься такой перспективою? Акціонеры и увлеклись дѣйствительно: всѣ требуемые расходы были утверждены.

Мало того: краснорѣчивые доводы г. *Байкова* были такъ убѣдительны, что съ этого времени вся власть по управленію дѣлами переходитъ въ руки г. Байкова. Сначала, подъ предлогомъ отсутствія нѣкоторыхъ членовъ, прекратили еженедѣльныя засѣданія и *поручили веденіе текущихъ дѣлъ г. Байкову* и главной конторѣ подъ его непосредственной отвѣтственностью, а въ непредвидѣнныхъ случаяхъ разрѣшили г. *Байкову дѣйствовать именемъ главнаго правленія*; затѣмъ, въ видахъ устройства кассы и отчетности на коммерческомъ основаніи, главное правленіе положило *не повѣрять кассы*,

а предоставить это директору-распорядителю. Наконецъ, главнымъ правленіемъ признано, что раздѣленіе занятій между тремя директорами-распорядителями неудобно, ибо разъединяетъ единство управленія и подчиняетъ его личнымъ, иногда несогласнымъ между собою взглядамъ каждаго директора. Вслѣдствіе того и положено: сосредоточить всѣ дѣла въ лицѣ одного директора-распорядителя, которому правленіе *передаетъ всѣ права свои* и потому предоставляетъ: подписывать бумаги и денежные документы, завѣдывать кассою, блюсти за расходами, заключать контракты и условія, надзирать за работами и постройками, завѣдывать личнымъ составомъ служащихъ, входить во внутреннее управленіе отдѣльными учрежденіями общества, распоряжаться всѣми дѣйствіями и операціями, *подписывать всѣ бумаги именемъ правленія;* послѣднее право предоставлено и г. *Кингу.*

Все это было рѣшено безъ общаго собранія, т. е. безъ вѣдома большинства акціонеровъ. Поэтому положено было — представить обо всемъ этомъ будущему общему собранію, а до тѣхъ поръ *возложить всѣ вышеуказанныя права и обязанности* на г. *Байкова.*

Самому же г. *Байкову* порученъ и докладъ отчета общему собранію, вслѣдствіе чего онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а права его всѣ переданы г. *Кингу.*

Г. *Фонъ-Дезенъ* тоже уѣхалъ въ это время въ Петербургъ, не исполнивъ данныхъ ему на югѣ порученій относительно заготовленія скота.

Новое общее собраніе акціонеровъ было 25 января 1859 г. На этотъ разъ г. *Байковъ* долженъ былъ сознаться въ нѣкоторыхъ ошибкахъ, совершенныхъ *по неопытности*; но вообще увѣрялъ, что дѣла идутъ отлично. Управленіе на югѣ, по его словамъ, было образцовое, составъ служащихъ—превосходный, надежды въ будущемъ—самыя блестящія.... Не ограничиваясь словами, онъ представлялъ факты: удостовѣрялъ, что изъ находящагося у общества въ наличности скота будетъ товару на 200,000 р. с., и для полнѣйшаго подтвержденія своихъ увѣреній, указывалъ акціонерамъ на предварительно розданный имъ толстѣйшій отчетъ, изъ котораго однако ничего нельзя было понять.

Обаяніе г. *Байкова* на всѣхъ акціонеровъ было такъ неотразимо, что они и тутъ готовы были во всемъ предаться на волю его. Но ихъ нѣсколько озадачило то, что акціи общества сильно упали, дивидендъ не былъ выданъ, и между тѣмъ требовались новыя ассигновки.

Вслѣдствіе такихъ сильныхъ фактовъ, общее собраніе рѣшилось *въ первый разъ* изъявить нѣкоторое несогласіе съ предположеніями

главнаго правленія. Положено было: перевести правленіе изъ Таганрога въ Петербургъ, избрать 10 почетныхъ членовъ для ревизіи кассы и книгъ и для окончательнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ общему собранію; поручить правленію обратить особое вниманіе на скорѣйшее окончаніе Фабрики и мельницы; позаботиться о сокращеніи издержекъ и привести въ извѣстность текущіе расходы.

Эти вѣжливыя мѣры показались однако самимъ акціонерамъ верхомъ дерзости, и они постарались сколько возможно смягчить свои дѣйствія, чтобы не показать вида недовѣрія. Такимъ образомъ правленію торжественно *принесена благодарность* за откровенное изложеніе дѣла; въ число почетныхъ членовъ избранъ г. *Кокоревъ*, одинъ изъ учредителей общества, дѣйствовавшій въ отношеніи къ правленію—какъ ниже увидимъ; г. *Байковъ*, по очереди выбывшій изъ директоровъ, *избранъ снова*, — на что онъ и указывалъ впослѣдствіи, какъ на заслугу свою...

Въ Петербургѣ составъ правленія былъ уже другой: гг. *Скараманга*, *Война* и *Алфераки* отказались отъ своихъ должностей по переводѣ правленія изъ Таганрога, и вмѣсто нихъ вступили гг. *Якобсонъ*, *Трубниковъ* и *Золотаревъ*. Гг. *Байковъ* и *Фонъ-Дезенъ* остались членами попрежнему, и такимъ образомъ, по смыслу послѣднихъ порученій правленію отъ общаго собранія, получали вновь то лестное право, которымъ г. *Байковъ* и прежде пользовался,—право *ревизовать самихъ себя*.

Однако же теперь г. *Байковъ* былъ уже не одинъ, и потому надо было привести отчетность въ такое положеніе, чтобы она не ему одному была понятна, а могла быть доступна и для другихъ. Но это оказалось чрезвычайно труднымъ, потому что ходъ дѣла былъ крайне запутанъ и единственными матеріалами для соображеній были книги — прихода, расхода и баланса, представленныя г. *Байковымъ* и неподписанныя членами правленія. По закону и уставу общества, такія книги не могли быть приняты въ соображеніе, и хотя г. *Байковъ* объяснилъ, что главное правленіе передало всѣ свои права ему, *Байкову*, но ему сказали, что такая передача, безъ разрѣшенія общаго собранія, — совершено противозаконна.

Наконецъ собраны кое-какія свѣдѣнія, изъ которыхъ открылось между прочимъ слѣдующее. Несмотря на *окончательную* смѣту, представленную общему собранію 17 іюня и увѣрявшую, что постройка фабрики ростовской будетъ стоить 260,000, — теперь явилась *еще болье окончательная* смѣта, утверждавшая, что 260,000 недостаточно, а надо 400,000. Такимъ образомъ акціонеры, недавно обнадеженные, что имъ еще и съ 260 тысячъ будетъ ты-

сячъ сорокъ сбавки, теперь рады были бы и безъ сбавки отдѣлаться означенной суммой, да и то оказалось невозможнымъ. Смѣты не были доставлены изъ Таганрога и никѣмъ не просмотрѣны. Но главное правленіе, имѣя въ виду неудовлетворительное положеніе дѣлъ, рѣшило—ограничить ассигновку на фабрики 267-ю тысячами. Въ тоже время открылось, что и постройка мельницы, вмѣсто ассигнованныхъ 330,000, будетъ стоить 400,000. Изъ сличенія подробностей выходило, что на машины прибавлено затѣмъ, чтобы достать ихъ лучшаго качества, но что на случай ломки нѣкоторыхъ предметовъ куплены запасные экземпляры; а въ числѣ этихъ запасныхъ экземпляровъ была паровая стосильная машина, цѣною, со всѣми принадлежностями и постройками для нея, въ 100 тысячъ руб. сер!. Въ смѣтѣ оказалась такая тщательность, что въ числѣ принадлежностей мельницы пропущены были — камни для жернововъ!...

Вообще изъ представленныхъ документовъ нельзя было опредѣлить даже общаго количества произведенныхъ расходовъ!... Можно было видѣть только одно: что дѣла ведены были чрезвычайно дурно и что положеніе общества — очень неблестящее.

Тогда почетные члены и директоры рѣшились преобразовать систему администраціи и ввѣрить управленіе дѣлами въ Таганрогѣ и Ростовѣ одному главноуправляющему, подъ вѣдѣніемъ главнаго правленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ признано необходимымъ: *измѣнить систему заготовленія скота, уменьшить составъ служащихъ, прекратить производство жалованья по 6,000 р. въ годъ г. Байкову и Фонъ-Дезену, упразднить заграничныя агентства, неприносящія никакой пользы обществу, закрыть мясныя лавки, сдать хуторъ Шейкина, излишнія степи, магазины для помѣщенія пшеницы, продать пріобрѣтенную обществомъ отъ г. Байкова и Фонъ-Дезена днѣпровскую мѣстность, закупленную пшеницу,—такъ какъ всѣ эти статьи, не давая доходовъ, требуютъ большихъ издержекъ и поглощаютъ непроизводительно капиталы!...*

Тутъ-то г. *Кокоревъ* предложилъ отправить для повѣрки дѣлъ на мѣстѣ *рекомендованныхъ имъ г. Левашова и Богданова.* Тутъ-то и начинается торжество нашей публицистики!.. Просимъ извиненія у нашихъ читателей, что такъ долго утруждали ихъ сухимъ изложеніемъ исторіи общества: это было необходимо для яснѣйшаго разумѣнія слѣдующихъ обстоятельствъ. До сихъ поръ мы брали наши свѣдѣнія почти слово въ слово изъ статьи г. Серно-Соловьевича; но доведя исторію до этой точки, мы оставляемъ его и съ наслажденіемъ обращаемся къ № 15 «Русскаго Вѣстника», въ которомъ

напечатаны—письмо г. *Кокорева* и отчеты о результатахъ ревизіи гг. *Левашова* и *Богданова*.

Печатая эти документы «*съ особеннымъ удовольствіемъ*», «Русскій Вѣстникъ», по обычаю, сказалъ здѣсь и свое серьёзное и дѣльное замѣчаніе о разсматриваемомъ предметѣ. Съ полнымъ знаніемъ дѣла и весьма глубокомысленно, начиная съ благородной мысли о преимуществахъ вольнаго труда предъ обязательнымъ, развиваетъ онъ положеніе, что «мысль положенная въ основаніе общества «Сельскій Хозяинъ» принадлежитъ къ самымъ счастливымъ, и нельзя не пожелать ей успѣха, но что *вопросъ* состоитъ *только* въ томъ, могутъ ли вообще акціонерныя общества браться за подобныя предпріятія.» Этими словами «Русскій Вѣстникъ», можно сказать, *поднимаетъ новый великій вопросъ* въ настоящее время, когда уже поднято столько вопросовъ. Но этому вопросу суждена счастливая участь: тутъ же, въ этомъ же нумерѣ «Русскаго Вѣстника» онъ и разрѣшается документами, присланными къ издателю «Вѣстника», отъ г. *Кокорева*, по замѣчанію редакціи этого журнала, еще въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года.

И какое блистательное разрѣшеніе! Г. *Кокоревъ* оказался здѣсь истиннымъ героемъ публицистики, а гг. *Левашовъ* и *Богдановъ* достойными г. *Кокорева*. Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ, безъ сомнѣнія хорошо знакомыхъ г. *Кокореву*, онъ не затруднился высказать въ глаза акціонерамъ всю горькую правду и посмѣяться надъ ними такъ зло и справедливо, какъ едва ли кому случалось смѣяться надъ самимъ г. *Кокоревымъ*. Мы видѣли выше, что общее собраніе акціонеровъ приносило главному правленію, т. е. г. *Байкову*,—*благодарность за откровенное изложеніе дѣла*. Предавая посмѣянію эту наивную благодарность, г. *Кокоревъ* весьма сильно даетъ чувствовать, что принесеніе ея акціонерами доказываетъ только совершенное непониманіе ими сущности акціонерныхъ предпріятій.

«*Иначе и быть не должно*, говоритъ онъ,—въ такихъ дѣлахъ, гдѣ капиталъ собранъ отъ частныхъ лицъ, гдѣ довѣрители—цѣлое общество, гдѣ дѣйствователи — люди избранные обществомъ. Долгъ и честь обязываютъ давать довѣрителямъ откровенный отчетъ; въ дѣлахъ акціонерныхъ обществъ тайна, неоглашеніе подробностей, прикрытіе ошибокъ — должны быть признаны за гражданскія преступленія.»

Что вы скажете на это, о простодушные акціонеры, благодарившіе за откровенность? Каково г. *Кокоревъ* васъ отдѣлываетъ!

Но этого мало: мы видѣли, что въ дѣлахъ общества долгое время существовала, а по нѣкоторымъ частямъ и теперь существуетъ

неразгаданная тайна, вслѣдстіе совершенаго хаоса отчетной части. Г. *Кокоревъ* зналъ это и не поколебался назвать такое веденіе дѣлъ гражданскимъ преступленіемъ,—не побоялся, слѣдовательно, сказать акціонерамъ, что они благодарили не только за отсутствіе преступленія, но и за самое преступленіе!

И этого недовольно: г. *Кокоревъ* прямо выставляетъ виною этого преступленія самихъ же акціонеровъ. Вольно же вамъ было не смотрѣть, говоритъ онъ, вольно сидѣть сложа руки и довѣряться чужому благородству: безъ надзора всякій будетъ въ мутной водѣ рыбу ловить!... Надо самимъ заботиться о дѣлѣ, да выбирать для ревизій знающихъ и усердныхъ людей, «а не такихъ, которые, не понимая дѣла или не желая удѣлить ему часть своего времени и трудовъ, пріѣзжаютъ въ правленіе компаніи только для обрядности, почти несмотря перелистываютъ книги и тотчасъ же пишутъ избитую фразу, что они находятъ отчетъ вѣрнымъ и правильнымъ.» Мы видѣли, что въ обществѣ «Сельскій Хозяинъ» серьёзныхъ повѣрокъ никогда не бывало, все ограничивалось формальными отчетами, а въ сущности все было передано на руки г. *Байкову*; мы видѣли, что̀ и произошло изъ этого. И вотъ г. *Кокоревъ* продолжаетъ свой урокъ: «эти ревизіи, дѣлаемыя только для формы, вносятъ съ собою въ общество зародышъ великаго зла: онѣ *внушаютъ управляющимъ дѣлами общества и директорамъ мысль, что можно ворочать дѣлами общества по своему произволу; а отсюда истекаютъ всѣ вредныя послѣдствія произвола.*» Стало быть, кто же виноватъ, ежели дѣла ваши идутъ плохо, акціи падаютъ, дивиденда нѣтъ, деньги тратятся Богъ-знаетъ какъ и Богъ-знаетъ куда? Разумѣется, вы сами, о добродушные акціонеры! Со стороны же людей дальновидныхъ глупо было бы не воспользоваться произволомъ, который имъ даютъ!... Основательно, истинно, глубоко разсужденіе *г. Кокорева!...*

Но акціонеры могли возразить, что они избирали въ директоры и въ ревизоры лицъ, которымъ довѣряли и за которыми думали быть совершенно спокойными. *Г. Кокоревъ* разрушаетъ и это воззраженіе, отважно говоря о томъ, какимъ образомъ производятся выборы въ общихъ собраніяхъ. Мы видѣли, какъ г. *Байковъ* выбранъ былъ вторично въ директоры послѣ того, какъ его распоряженія оказались неудовлетворительными; мы видѣли, какъ онъ съ г. *Фонъ-Дезеномъ* остался членомъ новаго правленія, которое должно было ревизовать его же прежнія дѣйствія. Поэтому, въ приложеніи къ акціонерамъ «Сельскаго Хозяина» сарказмъ г. *Кокорева* имѣетъ особенно-тяжелый смыслъ. У насъ акціонеры никогда ничего не говорятъ и ничего не знаютъ въ общихъ собраніяхъ, говоритъ г. *Кокоревъ*; — все дѣлается подъ диктовку директоровъ. «При подачѣ

голосовъ, при избраніи ревизоровъ и директоровъ, повторяются тѣже грустныя сцены сомнѣнія и нерѣшительности, продолжающіяся до тѣхъ поръ, пока какіе нибудь господа, *по секретному порученію одного изъ директоровъ*, шепнутъ акціонеромъ, что избирать слѣдуетъ такого-то...»

Въ этомъ обличеніи виденъ весь г. *Кокоревъ*! Только онъ можетъ простирать любовь къ гласности до того, чтобы, будучи откупщикомъ, обличать откупа, — будучи акціонеромъ-учредителемъ общества, такъ энергически обличать акціонеровъ въ нерадѣніи и незнаніи дѣла! Письмо его останется навсегда знаменательнымъ свидѣтельствомъ величія настоящаго времени, и въ позднѣйшіе вѣка истинный патріотъ прочтетъ его не безъ сладкаго трепета сердечнаго!...

Но еще болѣе отрадно то, что у г. *Кокорева* нашлись достойные послѣдователи. Записки *гг. Левашова* и *Богданова* написаны такъ хорошо, такъ успокоительно, что при нихъ невольно «расходятся морщины на челѣ» ,произведенныя сарказмами г. *Кокорева*. Мы видѣли выше, какъ печально было положеніе дѣлъ, вслѣдствіе котораго гг. *Левашовъ* и *Богдановъ* посланы на ревизію. Но какія утѣшительныя явленія открыли они, — это уму непостижимо! *Г. Левашовъ* прямо и начинаетъ съ того: «мѣсто, говоритъ, — очень удобное, воздухъ чистый; плодовитый садъ, кромѣ удовольствія и выгоды живущихъ, представляетъ необходимую въ здѣшнихъ мѣстахъ защиту отъ лѣтняго зноя,» и пр. (Рус. Вѣстн. № 15, стр. 243). Затѣмъ продолжаетъ все въ томъ же идиллическомъ родѣ: «строитель мельницы, г. Штецеръ, — весьма свѣдующій повидимому молодой человѣкъ; онъ очень дорожитъ своей репутаціею и усердно занимается». «Возведенныя прошлымъ лѣтомъ постройки — сдѣланы весьма хорошо.» «Въ теперешнемъ своемъ объемѣ фабрика дѣйствуетъ весьма удовлетворительно».... «Консервы всѣ очень хороши»....Вообще «до сихъ поръ дѣло велось недурно и получило уже прочное основаніе, а въ будущемъ обѣщаетъ хорошую прибыль акціонерамъ и пользу для государства отъ развитія здѣшняго края». Записка *г. Богданова* совершенно вторитъ запискѣ г. *Левашова*, и объ составляютъ какую-то колыбельную пѣсню «Сельскому Хозяину». Они его баюкаютъ, а впередъ обѣщаютъ:

«Купишь домъ многоэтажный,
Схватишь крупный чинъ!» и проч.

И при этомъ нужно замѣтить, что они съ невозмутимѣйшимъ спокойствіемъ указываютъ на тысячи и десятки тысячъ, растраченныхъ понапрасну, да еще видимо стараются прельстить акціонеровъ

тѣмъ, что вотъ уже впередъ этихъ тратъ не будетъ.... За то будутъ другія, — гораздо лучше: напр. въ обширномъ саду при фабрикѣ «очень легко будетъ разводить *резеду* и другіе цвѣты, такъ хорошо растущіе въ здѣшнемъ тепломъ климатѣ, на этой богатой почвѣ», и проч.

Какъ, однакоже, пишетъ г. *Левашовъ*! Какъ пишетъ! Я думаю, изъ современныхъ литераторовъ только князь Кугушевъ можетъ теперь такъ писать!...

Но акціи, какъ извѣстно, глупы: несмотря на все краснорѣчіе учредителей, директоровъ и ревизоровъ, онѣ себѣ падаютъ да падаютъ въ курсѣ! Въ то самое время, какъ напечатано было въ «Русскомъ Вѣстникѣ» письмо г. *Кокорева*, съ записками гг. *Богданова* и *Левашова*, акціи общества, оплаченныя уже *75 рублями*, продавались за *25 рублей*! Въ дѣлахъ общества происходили такія явленія: въ Таганрогъ былъ назначенъ главноуправляющимъ г. инженеръ-полковникъ Риппасъ, съ жалованьемъ 10,000 р. с. въ годъ. Пріѣхавши туда, чтобы принять фабрики, постройки и всѣ дѣла отъ *г. Байкова* и *Фонъ-Дезена*, онъ встрѣтилъ сильныя непріятности, въ особенности со стороны *г. Кинга*, который даже наотрѣзъ отказался сноситься черезъ него съ главнымъ правленіемъ. Вслѣдствіе такихъ отношеній, г. *Риппасъ* отказался отъ своего мѣста, и управленіе осталось попрежнему за *г. Кингомъ*, до такой степени, что главное правленіе само оказалось совершенно въ зависимости отъ его распоряженій. Наконецъ посланъ въ Таганрогъ *г. Золотаревъ*, съ *рѣшительнымъ* предписаніемъ главнаго правленія — уволить *г. Кинга*. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланъ на ревизію г. Пахомовъ, который обнаружилъ крайнюю неудовлетворительность постройки таганрогской мельницы и грубое незнаніе дѣла г. *Штетцеромъ*.

Въ это-то время одинъ изъ акціонеровъ, г. Ахшарумовъ напечаталъ въ Спб. Вѣд. (№ 211) статейку, въ которой разсказываетъ вкратцѣ все, что̀ мы видѣли выше, весьма умѣреннымъ тономъ, и между прочимъ упоминаетъ вскользь нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся лично г. *Байкова*. Такъ онъ говоритъ о ссудѣ, данной г. *Байкову* подъ залогъ его неоплаченныхъ акцій, и о томъ, что онъ скупалъ акціи на биржѣ, для возвышенія номинальной цѣны ихъ. Это было, по розысканіямъ г. Серно-Соловьевича, такимъ образомъ: г. *Байковъ* поручилъ г. *Фонъ-Дервизу* скупать на биржѣ акціи общества, продаваемыя ниже пари; такимъ образомъ, г. *Дервизомъ* скуплена 201 акція, изъ нихъ 14 продано, остальныя не оплачены вторымъ взносомъ. Между тѣмъ расходы на нихъ отнесены, по распоряженію *г. Байкова*, на счетъ общества. *Г. Дервизъ* спрашивалъ, не публиковать ли ихъ въ числѣ просроченныхъ, но г. Байковъ

велѣлъ переслать ихъ въ Таганрогъ, чтобы замѣнить ими проданныя акціи Шолле... Кромѣ этого факта, есть и другой, о которомъ г. Ахшарумовъ не говоритъ: г. *Байковъ* передъ отъѣздомъ изъ Таганрога въ Петербургъ, въ декабрѣ 1858 г., взялъ изъ кассы 15,000 р. с. для покупки серій; между тѣмъ уже въ январѣ 1859 г. оказался недостатокъ въ деньгахъ на мѣстныя потребности ; а какой былъ результатъ операціи г. *Байкова* — неизвѣстно. Обо всемъ этомъ, равно какъ и о безпорядкахъ въ книгахъ, сдѣланы были запросы членамъ таганрогскаго правленія и г. *Байкову;* но это не привело ни къ чему: г. *Байковъ* не представилъ нужныхъ объясненій.

Но съ какимъ достоинствомъ и спокойствіемъ объясняется за то г. *Байковъ въ печати* съ своими антагонистами! Какъ онъ взываетъ къ гласности, какъ усердно проситъ акціонеровъ вникнуть въ дѣло! Какъ онъ увѣренъ въ себѣ и въ томъ, что общее собраніе оправдаетъ его! Прочтите его отвѣтъ г. Ахшарумову въ 218 № «Спб. Вѣдомостей»:

«Въ *№* 211-мъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», 30 сентября, акціонеръ общества «Сельскій Хозяинъ» Иванъ Ахшарумовъ помѣстилъ нѣкоторыя замѣчанія свои, извлеченныя изъ переписки и журналовъ главнаго правленія.

«Такъ-какъ господину Ахшарумову (являющемуся въ своей статейкѣ обвинителемъ мѣстныхъ распорядителей въ Таганрогѣ и Ростовѣ и прежняго правленія) угодно было назвать меня, то это даетъ мнѣ право сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ.

«Я не стану говорить о дѣйствіяхъ мѣстныхъ распорядителей; *эти дѣйствія были оцѣнены на мѣстѣ ревизорами, посланными отъ общества, и разными акціонерами, посѣщавшими заведенія наши; отзывы ихъ единогласны, и, вѣроятно, гг. акціонеры въ собраніи 15 октября поинтересуются узнать ихъ*... Повѣрятъ многіе, другіе не повѣрятъ: это дѣло убѣжденія каждаго и довѣрія его къ лицамъ говорящимъ. Если въ чемъ мѣстные дѣятели будутъ обвиняемы, *они отвѣтятъ сами за себя, и должны отвѣтить,* потому что за неисполненіе распоряженій правленія и дѣйствія, противныя интересамъ общества, они всѣ могутъ быть уволены, безъ всякой отвѣтственности для общества. — Этого пункта въ контрактахъ ихъ г. Ахшарумовъ вѣроятно не замѣтилъ.

«Что же касается до сдѣланныхъ мнѣ правленіемъ вопросовъ, то я на нихъ *большею частію уже отвѣчалъ*, а тѣ свѣдѣнія, которыя къ 30 сентября не были при дѣлахъ правленія, мною представлены гг. почетнымъ членамъ, *ибо они, а не новое правленіе, котораго я самъ избранъ г. акціонерами, въ январѣ сего года, вновь директоромъ* (!!)—*имѣютъ право судить о правильности или неправильности своихъ дѣйствій.*

«Не стану отвѣчать на тѣ сообщенія г. Ахшарумова, которыя имѣютъ цѣлію набросить на меня какія-то подозрѣнія. — Управляя со-

вершенно-новымъ предпріятіемъ, *я могъ дѣлать ошибки, и считалъ непремѣннымъ долгомъ высказать ихъ въ отчетѣ моемъ совершенно-откровенно гг. акціонерамъ; но что дѣйствія мои были всегда чисты и безукоризненны, въ томъ увѣрится всякій, кто ближе и внимательнѣе разсмотритъ все дѣло.* — Оставивъ службу и всѣ прочія занятія, для того, чтобы посвятить себя дѣламъ «Сельскаго Хозяина», въ которомъ я и семья моя имѣемъ 1,200 акцій, *прямой разсчетъ заставлялъ меня дѣйствовать добросовѣстно;* мои интересы тѣсно связаны съ интересами общества, и отъ упадка довѣрія къ дѣлу въ Санктпетербургѣ я теряю, можетъ быть, болѣе, чѣмъ г. Ахшарумовъ.

Позволяю себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе: высказывая печатно такія обвиненія, какъ, напримѣръ, въ п. 3 статьи г. Ахшарумова, нужно быть очень-осторожнымъ, потому-что *они оставляютъ на авторѣ большую нравственную отвѣтственность.* — Понимая, отъ кого и съ какою цѣлью оглашается такое обвиненіе, я оставляю его безъ вниманія. — Можетъ-быть, и вѣроятно, самъ г. Ахшарумовъ слышалъ что-то такое объ акціяхъ, да не такъ, — Позвольте объясниться. — Въ октябрѣ 1858 года выдана мнѣ была ссуда изъ кассы общества, подъ залогъ моихъ акцій, съ вѣдома всѣхъ директоровъ, — записана по всѣмъ книгамъ и возвращена мною съ процентами, по разсчету 6% въ годъ. — Посмотрите въ книги, и вы убѣдитесь, что во время производства ссуды было въ кассѣ до 130,000 руб. совершенно-свободныхъ денегъ, и никакихъ финансовыхъ затрудненій она не причинила. — Правленіе каждаго общества обязано заботиться о томъ, чтобы капиталы его не лежали непроизводительно, а во многихъ обществахъ производятъ ссуды не только подъ залогъ собственныхъ акцій, но даже подъ акціи другихъ обществъ.

Что же касается отчета г. *Левашова*, то онъ самъ говоритъ за себя; кто его читалъ, тотъ отдаетъ ему полную справедливость. — Шутки въ серьезномъ дѣлѣ неумѣстны, и выдержка г. Ахшарумова о резедѣ не уронитъ достоинства подробнаго и добросовѣстнаго труда г. *Левашова.*

Въ-заключеніе и я, вмѣстѣ съ г. Ахшарумовымъ, *прошу гг. акціонеровъ вникнуть передъ общимъ собраніемъ въ дѣло;* не только взглянуть на переписку, лежащую въ конторѣ, но *серьезно ею заняться,* чтобы присутствовать въ собраніи не съ односторонними убѣжденіями, а съ полнымъ знаніемъ дѣла, и, не увлекаясь слухами, разными толками и оставя въ сторонѣ личности, общими силами и общимъ разумѣніемъ дать дѣлу вѣрное, твердое и надлежащее направленіе и устройство.»

На чемъ основана такая самоувѣренность г. Байкова?

Конечно — на спокойствіи совѣсти!

Это доказали послѣдствія: черезъ день послѣ напечатанія отвѣта г. Байкова, въ «Спб. Вѣд.» объявлено, что общее собраніе акціонеровъ, назначенное 15 октября, отлагается до 30, по неимѣнію полныхъ и подробныхъ отчетовъ изъ Таганрога. Къ тому времени ожидается

сюда и г. *Кингъ* (котораго г. *Золотареву* поручено было уволить). При семъ двое изъ директоровъ — *Якобсонъ* и *Трубниковъ* сложили съ себя свое званіе; оставшіеся—*Байковъ*, *Фонъ-Дезенъ* и *Золотаревъ*— возвратились недавно въ Петербургъ и приготовляютъ отчеты. Это объявленіе показалось почему-то подозрительнымъ нѣкоторымъ акціонерамъ, — между прочими г. Серно-Соловьевичу; онъ навелъ справки и публиковалъ вотъ что, въ статейкѣ, подъ названіемъ: «Настоящая причина перенесенія общаго собранія акціонеровъ «Сельскаго Хозяина» съ 15 на 30 октября (Спб. Вѣд., № 223).

«Желая узнать, въ чемъ дѣло, мы отправились въ правленіе и прочли тамъ два журнала 7 октября, вполнѣ объясняющіе настоящую причину перенесенія собранія съ 15-го на 30-е октября.

1) Въ засѣданіи 3-хъ директоровъ, гг. *Золотарева, Байкова* и *Фонъ-Дезена*, обсуждали, слѣдуетъ ли предоставить г. *Байкову* право на голоса, переданные ему разными лицами, находящимися въ губерніяхъ, но не представившими, (какъ это требуется уставомъ) своихъ акцій въ правленіе? По разногласію (г. *Фонъ-Дезенъ* полагалъ, что не слѣдуетъ) положено предоставить разрѣшеніе этого почетнымъ членамъ.

2) Въ засѣданіи почетныхъ членовъ и директоровъ обсуживали вопросъ: слѣдуетъ ли выдать квитанціи на право голоса по 1,120 акціямъ, доставленнымъ вчера и сегодня отъ г. *Кокорева*, при объявленіяхъ о переводѣ ихъ на имя 12 разныхъ лицъ? Положили: «На основаніи § 32 устава общества, акціонеры, желающіе присутствовать въ общемъ собраніи съ правомъ голоса, должны внести свои акціи не позже 10 дней до общаго собранія. Если и можно оказать въ этомъ отношеніи какое либо снисхожденіе въ пользу акціонеровъ, о которыхъ, по имѣющимся въ конторѣ свѣдѣніямъ, извѣстно, что они давно уже владѣютъ своими акціями, и предоставить имъ право голоса, хотя бы они внесли акціи и позже, чѣмъ за десять дней, то ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить подобнаго снисхожденія въ пользу тѣхъ, которые теперь только пріобрѣтаютъ акціи, тѣмъ болѣе, что директоры и почетные члены признали уже справедливымъ и необходимымъ испросить у правительства разрѣшеніе, чтобы на будущее время и въ нашемъ обществѣ, по примѣру прочихъ компаній, акціонеры пріобрѣтали право голоса въ общемъ собраніи не прежде, какъ по прошествіи 3-хъ мѣсяцевъ со дня отмѣтки въ правленіи о переводѣ акцій на ихъ имя.»

«Теперь становится ясно, для чего *необходимо* было перенести собраніе съ 15 на 30: г. *Кокоревъ* успѣетъ перевести свои акціи на имя другихъ лицъ, а г. *Байковъ* получитъ ихъ отъ довѣрителей — такимъ образомъ одинъ изъ нихъ будетъ располагать 39 голосами (*), а другой 15-ю. Присоединяя къ этому количеству разныхъ родныхъ и пріятелей,

---

(*) Разсчетъ этотъ можетъ быть далеко невѣренъ: г. Кокоревъ пока представилъ къ переводу только 1,120 акцій, а у него ихъ до 4,000.

легко можетъ быть, что гг. *Кокоревъ* и *Байковъ* будутъ имѣть за собой большинство голосовъ (особенно если многіе изъ акціонеровъ не пріѣдутъ въ собраніе) и рѣшать дѣла по своему усмотрѣнію.

Побужденія г. *Байкова* весьма понятны: имъ очевидно руководитъ чувство самосохраненія; вѣдь ему (какъ юристу) очень хорошо извѣстно, какая участь ожидаетъ его, если общее собраніе составится правильно.

Но чего домогается г. *Кокоревъ?* — Владѣя большимъ количествомъ акцій, онъ, повидимому, долженъ бы былъ заботиться о спасеніи падающаго дѣла, а между тѣмъ онъ поддерживаетъ прежнюю систему управленія, видимо ведущую насъ къ ликвидаціи! Изъ этого прямой выводъ, что, должно быть, для г. *Кокорева* ликвидація общества представляетъ большія выгоды, чѣмъ дальнѣйшее существованіе предпріятія. А между тѣмъ, по бывшимъ примѣрамъ, извѣстно, что на долю акціонеровъ при ликвидаціяхъ не приходится почти ничего!

Но что же затѣмъ дѣлать прочимъ акціонерамъ? Чѣмъ защищаться противъ такихъ дѣйствій? Какъ предотвратить предстоящее конечное разореніе?

По недостатку времени, физическн невозможно протестовать съ успѣхомъ противъ послѣдняго распоряженія правленія и настоять, чтобы общее собраніе было 15-го октября.

Затѣмъ остается одно средство: на основаніи новаго устава общества, который сегодня обнародованъ, право голоса въ общемъ собраніи предоставляется только лицамъ, владѣющимъ акціями не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ; правило это слѣдуетъ примѣнить къ предстоящему общему собранію, съ тѣмъ притомъ, чтобы подача голосовъ была *открытая*.

Во всякомъ случаѣ будемъ надѣяться, что въ этотъ разъ акціонеры будутъ энергически противодѣйствовать стремленіямъ лицъ, обязанныхъ заботиться о ихъ благосостояніи, но, вмѣсто того, съ изумительною настойчивостію идущихъ противъ ихъ прямыхъ интересовъ.

Неправда ли, что спокойствіе и достоинство статейки г. *Байкова* объясняется чистотою совѣсти? Неправда ли, что и письмо г. *Кокорева*, съ сарказмами надъ апатіей акціонеровъ, пріобрѣтаетъ еще большее достоинство послѣ объясненій г. Серно-Соловьевича? И не правы ли были мы, сказавши, что исторія литературы должна сохранить на своихъ скрижаляхъ статьи гг. *Кокорева*, *Левашова*, *Богданова* и *Байкова*, какъ блистательные опыты русской гласности!...

Да, невольно воскликнешь: вотъ эти люди умѣютъ у насъ пользоваться гласностью!...

IV.

ОПЫТЫ АВСТРІЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Соч. Якова Хама.

(Отъ редакціи Свистка. Въ настоящее время, когда всѣми признано, что литература служитъ выраженіемъ народной жизни, а итальянская война принадлежитъ исторіи, — любопытно для всякаго мыслящаго человѣка прослѣдить то настроеніе умовъ, которое господствовало въ австрійской жизни и выражалось въ ея литературѣ въ продолженіе послѣдней войны. Извѣстный нашимъ читателямъ поэтъ, г. Конрадъ Лиліеншвагеръ, по фамиліи своей интересующійся всѣмъ нѣмецкимъ, а по мѣсту жительства—пишущій по-русски, доставилъ намъ коллекцію австрійскихъ стихотвореній; онъ говоритъ, что перевелъ ихъ съ австрійской рукописи, ибо австрійская цензура нѣкоторыхъ изъ нихъ не пропустила, хотя мы и не понимаемъ, чего тутъ не пропускать. Стихотворенія эти всѣ принадлежатъ одному молодому поэту — Якову Хаму, который, какъ по всему видно, долженъ занять въ австрійской литературѣ тоже мѣсто, какое у насъ занималъ прежде Державинъ, въ недавнее время другой извѣстный поэтъ, а теперь — г. Бенедиктовъ и г. Розенгеймъ. На первый разъ мы выбираемъ изъ всей коллекціи четыре стихотворенія, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, очень ярко отразилось общественное мнѣніе Австріи въ четыре фазиса минувшей войны. Если предлагаемыя стихотворенія удостоятся лестнаго одобренія читателей,—мы можемъ представить ихъ еще нѣсколько десятковъ, ибо г. Хамъ очень плодовитъ, а г. Лиліеншвагеръ неутомимъ въ переводѣ.)

1.

НЕБЛАГОДАРНЫМЪ НАРОДАМЪ.

(Предъ началомъ войны).

Не стыдно ль вамъ, мятежные языки,
Возстать на насъ? Вѣдь ваши мы владыки!...

Мы сорокъ лѣтъ оберегали васъ
Отъ необдуманныхъ ребяческихъ проказъ;
Мы, какъ дѣтей, держали васъ въ опекѣ,
И такъ заботились о каждомъ человѣкѣ,
Что каждый шагъ старались услѣдить
И каждое словечко подхватить....
Мы, — къ вамъ любовію отцовской одержимы, —
Отъ золъ анархіи хранили васъ незримо;
Мы братски не жалѣли ничего
Для вѣрнаго народа своего:
Нашъ собственный языкъ, шпіоновъ, гарнизоны,
Чины, обычаи и самые законы, —
Все, все давали вамъ мы щедрою рукой....
И вотъ чѣмъ платите вы Австріи родной!...
Не стыдно ль вамъ? Чего еще вамъ нужно?
Зачѣмъ не жить попрежнему намъ дружно?...
Иль мало нашихъ войскъ у васъ стоитъ?
Или полиція о дѣлѣ нерадитъ?
Но донесите лишь, — и въ мигъ мы все поправимъ,
И въ каждый домъ баталіонъ поставимъ....
Или страшитесь вы, чтобъ въ будущемъ отъ васъ
Не отвратили мы заботливый свой глазъ?
Но мысль столь страшная напрасно васъ тревожитъ:
Австрійская душа коварна быть не можетъ!!...

2.

НА ВЗЯТІЕ ПАРИЖА (ЕСЛИ БЫ ОНО СЛУЧИЛОСЬ).

(Писано при объявленіи войны).

Давно ли бунтъ волною шумной
Грозилъ залить австрійскій тронъ,
И, полонъ ярости безумной,
На насъ вставалъ Наполеонъ?
Давно ли ты, страна разврата,
Отчизна бунтовъ и крамолъ,
Была надеждою объята
Разбить еще одинъ престолъ?

И что же? Честь, законъ и право
Сразились съ буйнымъ мятежемъ,

И въ мигъ — страстей народныхъ лава
Застыла, въ ужасѣ нѣмомъ!...
Предъ громоносными полками
Крамольникъ голову склонилъ,
И надъ парижскими стѣнами
Орелъ австрійскій воспарилъ!...

Теперь простись, о градъ надменный,
Съ республиканскою мечтой!
Ты не опасенъ для вселенной
Подъ нашей мудрою пятой!
Въ тебѣ покорность и порядокъ
Отнынѣ царствовать должны,
И сонъ француза будетъ сладокъ
Средь безмятежной тишины!

Мечты преступныя забудутъ,
Всѣ по закону станутъ жить:
Курить на улицахъ не будутъ,
Не будутъ громко говорить;
Людей мятежныхъ разумъ узкій
Закономъ будетъ огражденъ;
Источникъ смутъ — языкъ французскій
Всѣмъ будетъ строго запрещенъ!

Развратъ, вездѣ у васъ разлитый,
У насъ сокроется во мракъ,
И надъ заразою сокрытой
Не посмѣется злобный врагъ.
Мы будемъ горды, неприступны,
Къ вамъ не дойдетъ умовъ развратъ:
Шпіоны наши неподкупны
И полицейскіе не спятъ.

3.

ОДА НА ПОХОДЪ ВЪ ИТАЛІЮ.

(Въ началѣ войны.)

Война! и снова лавръ побѣдный
Австрійскимъ воинамъ готовъ!...

Я вижу, какъ, — смущенный, блѣдный, —
Уже трепещетъ строй враговъ;
Готовъ просить себѣ пощады,
Готовъ о мирѣ умолять...
Но Австру нѣтъ иной отрады,
Какъ непокорныхъ усмирять!

Неотразимо, безпощадно,
Мы будемъ рѣзать, бить и жечь,
Въ крови враговъ купая жадно
Австрійскій благородный мечъ!
Во грады будемъ мы врываться
По трупамъ сверженныхъ враговъ
И гордо станемъ наслаждаться
Проклятьями сиротъ и вдовъ!

Мы будемъ чужды состраданью:
Дѣтей и старцевъ перебьемъ,
Возьмемъ мы дѣвъ на поруганье,
Что не разграбимъ, то сожжемъ!
Сожжемъ мы города и села,
Мы выжжемъ нивы и луга, —
Чтобъ знала гнусная крамола,
Какъ поражаемъ мы врага!...

Поникнетъ, какъ отъ Божья грома,
Страна всегдашнихъ мятяжей!...
О, намъ давно она знакома,
И мы давно знакомы ей!
Князь Виндишгрецъ и графъ Радецкій,
Баронъ Гайнау, Гіулай, —
Съ отвагой истинно-нѣмецкой
Уже ходили въ этотъ край...

Осѣнены ихъ чудной славой
И полны памятью ихъ дѣлъ,
Мы потечемъ рѣкой кровавой
Въ тотъ ненавистный намъ предѣлъ!
Ура! Австрійскую державу
Распространитъ австрійскій мечъ,
И намъ спокойствіе и славу
Дастъ смертоносная картечь!...

4.

ДВѢ СЛАВЫ

(при вѣсти о заключеніи мира)

Пусть лавръ побѣдный украшаетъ
Героя славное чело, —
Но друга мира не прельщаетъ
Войны блистательное зло...
Предсмертный крикъ враговъ сраженныхъ,
Вопль матерей и плачъ сиротъ,
Стонъ земледѣльцевъ разоренныхъ
Онъ внемлетъ — и войну клянетъ...

Иная, лучшая есть слава!
Иная, громче есть хвала!
И вновь Австрійская держава
Ее теперь пріобрѣла:
Мечты воинственныя бросивъ,
Щадя запасъ народныхъ силъ,
Нашъ императоръ Францъ-Іосифъ
Миръ въ Виллафранкѣ заключилъ!...

На лицахъ всѣхъ сіяетъ радость;
Ликуютъ села, города;
Въ поляхъ, почуявъ мира сладость,
Пасутся весело стада!
Отъ груди матерней ребенка
Теперь никто не оторветъ,
И даже малаго цыпленка
Никто безвинно не убьетъ!

За столь благіе элементы
Охотно мы врагамъ своимъ
Трофей Палестро и Маджженты,
И Сольферино отдадимъ!
Возсядемъ мы подъ мирной кущей,
Въ восторгѣ пѣсни запоемъ
Величью Австріи цвѣтущей
И—кружкой пива ихъ запьемъ!

Съ австрійскаго КОНРАДЪ ЛИЛІЕНШВАГЕРЪ.

V.

СТИХОТВОРЕНІЯ, ПРИСЛАННЫЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ «СВИСТКА.»

Въ заключеніе редакція «Свиста» представляетъ суду своихъ читателей пять стихотвореній посторонних сотрудниковъ, почувствовавшихъ призваніе къ юмористической дѣятельности. Всѣ они, какъ легко усмотритъ читатель, принадлежатъ къ теоріи «искусства для искусства.»

1.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА.

(Посвящается Г. И. Сокольскому).

«....Что это за городъ!? Справедливый Боже!—
Ни одной заѣзжей, незнакомой рожи....
Не съ кѣмъ перемолвить «конфиденціально»:
Всѣ глядятъ такъ тупо, такъ офиціально!
И во всемъ такая «мерзость запустѣнья», —
Только что и слышишь: «долгъ» и «исполненье»....
Но при настоящемъ пониманьи долга, —
Кажется порядка не дождаться долго!

Здѣшній полъ прекрасный въ разговорахъ плоскихъ
Мнѣ напоминаетъ попадей московскихъ;
Слушая ихъ рѣчи, видя одѣянье, —
Неужели, мыслишь, это «перлъ созданья»?
Здѣсь меня сначала очень уважали:
Тридцать три семейства оженить желали;
Тридцать три дѣвицы мнѣ романсы пѣли —
И при каждомъ словѣ дѣвственно краснѣли;
Каждая альбомъ мнѣ робко подносила
И стишковъ на память написать просила;
Измаравши бойко нѣжную страницу
И себя сравнивши съ мрачною гробницей —
И прося стихами нѣжнаго вниманья,
Все таки я медлилъ бракосочетаньемъ....

Вслѣдствіе такого долгозамедленья,
Обо мнѣ «мамаши» измѣнили мнѣнье:

Вдругъ я очутился и «масонъ» и «красный»—
И меня въ семейство принимать опасно, —
Что во мнѣ гнѣздятся «вольныя идеи»....
(Такъ и жду, что скоро попаду въ злодѣи!)
Потерялъ совсѣмъ я ихъ благоволенье!
Вотъ судья ужь не былъ третье воскресенье!
Я ему за это очень благодаренъ:
Глупъ непроходимо этотъ тучный баринъ;
Съ нимъ скучаешь страшно; послѣ-жь посѣщенья
Остается долго нѣкое затмѣнье....

Помнишь, какъ съ тобою мы порой мечтали:
Римъ, Парижъ и Лондонъ быстро посѣщали —
И роскошно плыли по водамъ Лемана,
И виднѣлась влѣво пышная Лозанна,
И Шильонъ угрюмый, Байрономъ воспѣтый....
Все теперь трущобой замѣнилось этой.

Застрѣлился-бъ съ горя въ этомъ заточеньи!
Не хочу доставить только развлеченье
Жителямъ: вѣдь право, изъ такого вздора
На полгода вѣрно будетъ разговора!..

АНДРЕЙ КОМАРОВЪ.

1859. Москва.

2.

МЫСЛЬ МОСКОВСКАГО ПУБЛИЦИСТА.

Какія времена! то Виллафранкскій миръ,
То смерть Булгарина, то взятіе Шамиля!...
Нѣтъ! не пойду я слушать водевиля —
Отправлюсь къ Печкину въ трактиръ!

* * *

3.

ПАРОДІЯ НА СТИХОТВОРЕНІЕ Г. НЕКРАСОВА «ТРОЙКА».

Что повѣсилъ головку пустую,
Въ сторонѣ отъ наукъ и труда?

Знать все манитъ тебя на Морскую,
Каждый день все туда да туда?

И зачѣмъ ты бѣжишь торопливо,
Вдругъ накинувъ на плечи шинель?
На тебя, развалившись лѣниво,
Заглядѣлась въ коляскѣ мамзель.

На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя каждой не лѣнь:
Вьется усъ темнорусый игриво,
Ростомъ парень въ косую сажень!

Хватитъ ей на нарядъ и на ленты,
А тебѣ впредь на горькій урокъ, —
За большіе набитый проценты
Туго-на-туго твой кошелекъ.

Взглядъ одинъ, да французскія моды
Распалятъ въ тебѣ русскую кровь
И отцовскіе хлопнешь доходы
На поддѣльную дѣвы любовь.

Поживешь и попразнуешь вволю,
Будетъ жизнь и полна и легка...
Да не то тебѣ пало на долю:
Вѣдь имѣнье пойдетъ съ молотка.

Ты съ шампанскимъ и милой дѣвицей
Надорвавши и силы и грудь,
Спустишь все наконецъ за границей
И придется тутъ спину согнуть.

Познакомясь съ работою трудной,
Отцвѣтешь, не успѣвши разцвѣсть,
Погрузишься ты въ сонъ непробудный,
Если нечего будетъ поѣсть.

И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни — появится вдругъ
Горькихъ слезъ да стыда выраженье
И послѣдній, тяжелый недугъ.

И схоронятъ въ сырую могилу,
И забудутъ въ Морскую твой путь,
Гдѣ утратилъ и деньги и силу,
Истощилъ ты и разумъ и грудь.

Не гляди же съ тоской на Морскую,
У Дюссо горькой чаши не пей.
Отправляйся къ себѣ въ *Моховую* (*)
И подумай о жизни своей...

А. А.

4.

СЕРЕНАДА.

Городъ спитъ въ дали туманной,
Освѣщенъ лишь бельведеръ,
И играетъ иностранный
На гитарѣ офицеръ.

Звучно стройная гитара
Изливаетъ нѣжный стонъ:
«*Cara mia, mia cara!*
Выйди, выйди на балконъ!»

Полны слезъ слова живыя,
Но безмолвенъ бельведеръ,
И опять «*o cara mia!*»
Продолжаетъ офицеръ.

Голосъ плакалъ музыканта;
Вотъ услышали его....
Изъ окна, — *Maria Santa!* —
Чѣмъ-то облили всего!...

Жаль мнѣ новаго мундира, —
Maladetto бельведеръ!...
И въ волнахъ Гвадалквивира
Сталъ купаться офицеръ....

А. А.

(*) Это ко мнѣ не относится, хотя я и живу въ Моховой.
Примѣчаніе одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ «Свистка.»

5.

ПАСТУХЪ, МОЛОКО И ЧИТАТЕЛЬ.

(Басня).

Однажды несъ пастухъ куда–то молоко,
И такъ ужасно далеко,
Что ужь назадъ не возвращался.

Читатель! онъ тебѣ не попадался?

* * *

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Стр.

Годива. (Изъ Теннисона). Стихотв. *М. Л. Михайлова.* 5

Историческій очеркъ колонизаціи Сибири. *Г. Пейзена.* 9

Деревенскіе очерки. Десятъ стихотвореній. 1) Посвященіе. 2) Въ полдень. 3) Проселокъ. 4) Пѣсни. 5) Лѣтней розѣ. 6) «Вчера у окна мы сидѣли въ молчаньи». 7) Грусть дѣвушки (Идиллія). 8) Сосѣдъ. 9) Селенье. 10) Прощаніе съ деревней. *А. Н. Апухтина.* 47

Вопросъ. Разсказъ *Ер. Б—ша.* 57

Жизнь и похожденія Трифона Аѳанасьева. Повѣсть *С. Т. Словутинскаго.* 75

«Люблю я памятникъ великаго Петра» Стих. *Пл. А. Кускова.* . . . 152

Записки моего отца. (Разсказы о старомъ времени). *П. Аренбашева.* 153

Пѣсня Еремушкѣ. *Н. А. Некрасова.* 237

Прогрессъ. (Ямбъ Барбье). *И. М. Ковалевскаго.* 240

Италія. (Изъ «Путевыхъ Картинъ» Гейне.) I. Отъ Мюнхена до Генуи. Перев. *М. Л. Михайлова.* 1

Виргинцы. Романъ *В. М. Тэккерея.* (Продолженіе. — Въ приложеніи).

Стр.

Полиціймейстеръ Бубенчиковъ. Повѣсть. *М. А. Филиппова*. . . . 241
Опустѣвшій домъ. Стихотв. *А. Н. Плещеева*. 355
Лунной ночью, стихотв. *А. Н. Плещеева*. 356
«Моей молоденькой сосѣдкѣ», стихотв. *Я. П. Полонскаго*. . . . 357
«По горамъ двѣ хмурыхъ тучи», стихотв. *Я. П. Полонскаго*. . . 358
Путевыя впечатлѣнія иппохондрика. *П. М. Ковалевскаго*. . . . 359
Очерки народнаго быта. IX. Бобыль. — X. Обѣдъ у прикащика. —
XI. Дорожныя сцены. *Н. В. Успенскаго*. 377
Жена Австрійца. (Изъ Берше). *П. М. Ковалевскаго*. 395
Побѣдитель. (Изъ Барбье). *П. М. Ковалевскаго*. 399
Поземельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ.
Статья четвертая. *В. П. Безобразова*. 401
Пенсильванцы и Каролинцы. (Второй разсказъ изъ путевыхъ замѣтокъ губернскаго депутата) *А. Скавронскаго*. 473
Суевѣріе и правили логики. *Н. Г. Чернышевкаго*. 503

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ. № XI.

Матеріалы для рѣшенія крестьянскаго вопроса. *Н. Г. Чернышевскаго*. 1

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СЕНТЯБРЬ.

О распространеніи трезвости въ Россіи. *Н. Т—нова*. 1
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Что иногда открывается въ либеральныхъ фразахъ! (Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII вѣка. А. Щапова). 37
Темное царство. (По поводу сочиненій А. Островскаго.) Статья вторая. *Н. А. —бова*. 53
Новыя книги: Народный календарь на 1860 (високосный) годъ. . 129
Обязанности крестьянина. Для сельскихъ училищъ. Я. Флоренсова. 134
О трезвости въ Россіи. Сочиненіе Сергѣя Шипова. 135
Журналы, газеты и публика. Сочиненіе А. Надеждина. 139
Курсъ всеобщей исторіи, доктора Георга Вебера. Переводъ съ нѣмецкаго Е. и В. Корша. Томъ I. Выпускъ первый. — Курсъ всеобщей исторіи, составленный В. Шульгинымъ. Исторія среднихъ вѣковъ. Изданіе 2-е. 143
Лондонскія замѣтки. — IV. Общественная и домашняя жизнь. *М. Л. Михайлова*. 145
Письмо изъ Египта. *А. Д.* 157
ПОЛИТИКА. (Дѣла центральной Италіи. — Реформы въ Австріи. — Движеніе въ пользу единства Германіи) 165

Стр.

Петербургская жизнь. Замѣтки *Новаго Поэта*. (Три дня въ деревнѣ подъ Петербургомъ. (Разсказъ съ нѣкоторою претензіею на поэзію и художественность). — Царскосельская желѣзная дорога и по ея поводу нѣсколько вопросовъ. — Распорядитель одной желѣзной дороги въ *западной Европѣ*. — Скачки въ Царскомъ Селѣ и скачка въ Петергофѣ 15-го августа. — Справочная контора для рабочихъ, приходящихъ въ Петербургъ. — Банковое и торговое общество въ Санктпетербургѣ. — О наемныхъ экипажахъ. — Замѣтки для біографіи академика Ѳедотова и письмо его. — Записки Григоровича въ «Морскомъ Сборникѣ». — «Журналъ Министерства Юстиціи» — первыя двѣ книжки. — О продолженіи изданія Шиллера. — 8 и 9 сентября. . . 207

ОКТЯБРЬ.

Вопросъ о свободѣ журналистики во Франціи. 239

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА — Русская сатира въ вѣкъ Екатерины. (Русскіе сатирическіе журналы (1769—1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка. Соч. А. Аѳанасьева). 267

Новыя книги: Пермскій Сборникъ. Повременное изданіе. Книжка I. 357

Русскія пѣсни, сочиненія Александра Мыльникова. 372

Уроки Естественной Исторіи для учащихся дѣвицъ и юношества, составленные Ходецкимъ. — Естественная исторія для женскихъ учебныхъ заведеній, А. Горизонтова. 377

Изъ Флоренціи. *А. Н. Пыпина*. 385

ПОЛИТИКА. Пармская сцена 5 октября. — Бездѣйствіе Сардиніи. — Возникновеніе нѣкоторой энергіи въ правительствахъ центральной Италіи. — Приближеніе вооруженной реакціи. — Очеркъ положенія дѣлъ во Франціи, Англіи, Германіи, Австріи. — Заговоръ въ Турціи. 411

Петербургская жизнь. Замѣтки *Новаго Поэта*. (Картина петербургскихъ улицъ въ сентябрѣ. — Корни деревьевъ, вырытыя на Невскомъ проспектѣ, и ученые фельетонисты. — Нѣсколько словъ о домохозяевахъ и квартирахъ. — Разсказъ господина, отыскивающаго квартиру. — Наемные экипажи, трактиры и проч. — Пассажъ и мозольные операторы. — О лекціяхъ въ Пассажѣ. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. — Драматическій кошмаръ. — Мартыновъ въ «Холостякѣ». — Открытіе итальянской оперы. — Новыя пѣвицы и въ особенности о г-жѣ Лагруа. — Письмо ко мнѣ по поводу оперы. — Деревянный циркъ и графъ Соллогубъ. — Г-жа Розати. — Закрытіе дома Штиглица и банкротство А*. — Шамиль въ Петербургѣ и г. Гаряиновъ. — Великолѣпное изданіе г. Соловьева: «Путешествіе на Амуръ», съ альбомомъ рисунковъ. — «Дворянское Гнѣздо» г. Тургенева. — «Обломовъ» Гончарова. — О старыхъ и новыхъ журналахъ, и прочее). 457

Стр.

СВИСТОКЪ.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

3.

Краткая исторія Свистка во дни его временнаго несуществованія. 497
Раскаяніе Конрада Лиліеншвагера. 500
Забракованные. (Трагедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ). *Чурменя*. 501
Матеріалы для новаго сборника «образцовыхъ сочиненій» (по поводу статей объ обществѣ «Сельскій Хозяинъ»). 516
Опыты австрійскихъ стихотвореній. Четыре стихотворенія *Якова Хама*. 1) Неблагодарнымъ народамъ. — 2) На взятіе Парижа (если бы оно случилось). — 3) Ода на походъ въ Италію. — 4) Двѣ славы. — Переводъ съ австрійскаго языка — *Конрада Лиліеншвагера*. 531
Стихотворенія присланныя въ редакцію Свистка. 1) Отрывокъ изъ письма *Андрея Комарова*. 2) Мысль Московскаго публициста ***. 3) Пародія на стихотвореніе г. Некрасова «Тройка». 4) Серенада, *А. А.* 5) Пастухъ, молоко и читатель, басня ***. . . 535

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Октября 20 дня 1859 года.

Цензоръ *Д. Мацкевичъ*.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.